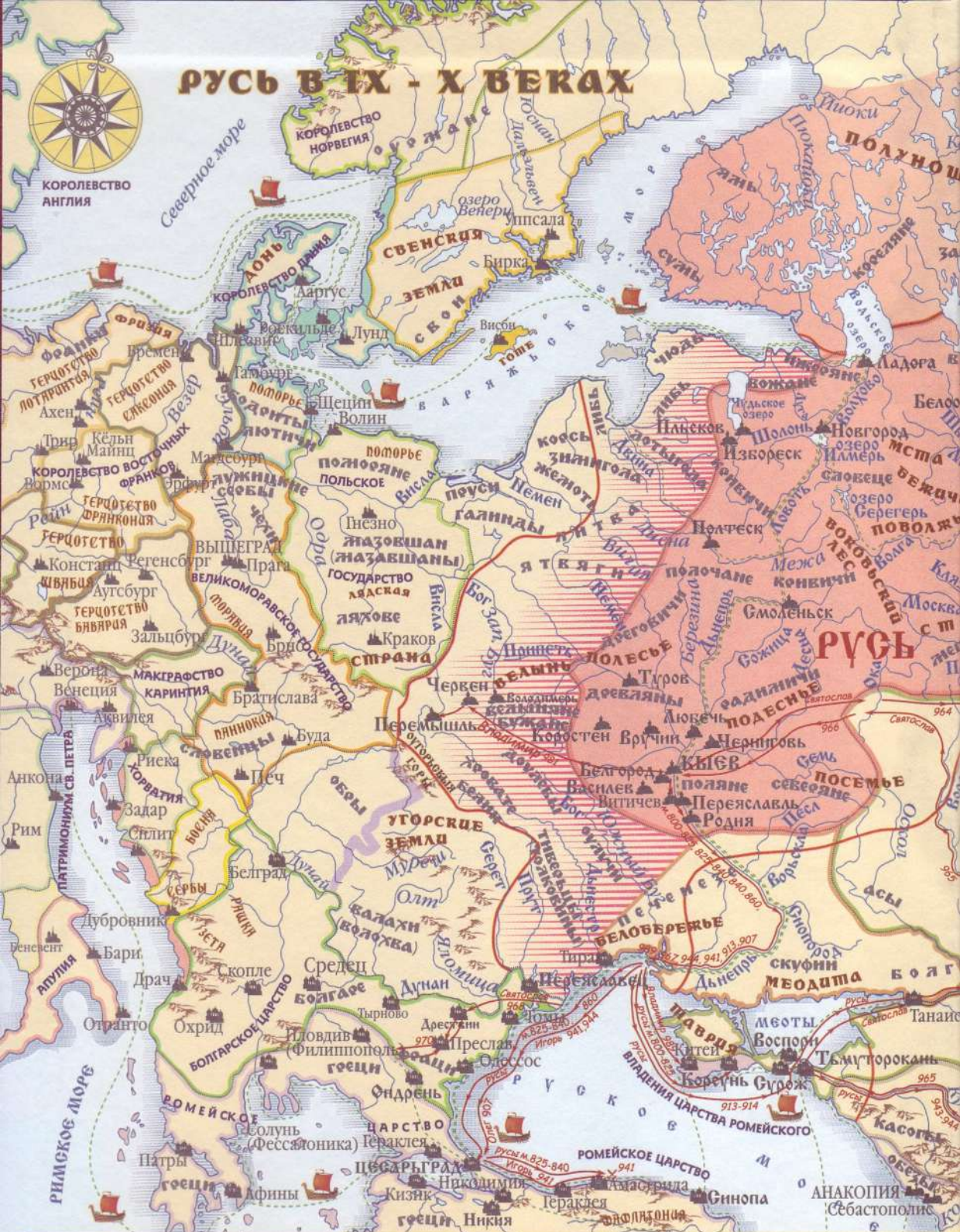

РУСЬ В IX - X ВЕКАХ

Географические обозначения:

Бог	р. Буг	Горина	Дышчае море	Белое море	Ловоть	р. Ловать
Варяжское море	Балтийское море	р. Западная Двина	Днепр (Непрь)	р. Днепр	Меоты	Азовское море
Вольское озеро	Ладожское оз.	р. Северная Двина	Ильмень	р. Днестр	Немен	р. Неман
Волхово	р. Волхов	р. Дон, р. Северный Донец	Камень	оз. Ильмень	Онего	Онежское оз.
Ворыскла (Ворскола)	р. Ворскла	р. Цна	Клязма	Уральские горы	Оугорская горы	Карпатские горы
		р. Дунай		р. Клязьма	Пенегра	р. Пинегра
						Печ...
						Пле...
						Пон...
						Руск...
						При...
						Псе...

Названия народов и племен в IX-X вв.

Берендичи, черни клобуци Берладники, выгонци Галичкия	кочевники южнорусских степей русское население низовьев рр. Днестр и Серет
Болгаре серебряные и черные Бродници Венедеци Вожяне Волохва Всь Греци (елины) Жемоть, литва Зимигола Ижеряне Касоги Козары Кореляне Корсь Летьгола Либь Лопь Ляхы (ляхове) Мурмане (оурмане) Немци Обезы Оугре (югра) Печенеже Печера Половцы (половче) Пруси (немци Теплички) Саксини Самоядь Сарацины Свее (свое) Сумь Тороки Тотари Хвалисы Черемисане Чудь Ямь Ясы Ятвягы (ятвягы)	болгары волжские и дунайские русское население степей венецианцы водь (финны) валахи весь (финны) греки (эллины) литва-жемайты и аукшайты земгалы (балты) ижора (финны) адиги хазары карелы (финны) курши (балты) латгалы (балты) ливы (балты) саамы поляки норвежцы европейцы - католики абазини и абхазы угры (венгры), югра печенеги печора (финны) половцы (кипчаки) прусы (балты) жители нижней Волги ненцы и энцы мусульмане шведы суоми, совр. финны торки (огузы) татары, кочевники степей хорезмийцы марийцы эсты (финны) емь (финны) аланы ятвяги (балты)

Условные знаки

- Границы государств, 950 г.
- Границы Руси к 990 г.
- Территория Руси в 950 году
- Сфера влияния Руси в IX-X веках на западе и северо-западе
- Вероятная сфера влияния Руси в IX-X веках на северо-востоке

ВЫШЕГРАД Столицы государств

Города

Исторические области, топонимы:

а) **ВЕЖИЧО** а) русские;

б) **БАВАРИЯ** б) европейские

Народы и племена

Ростов Русские топонимы

Путь «из Варяг в Греки» Торговые пути

965 Внешние походы русских войск

941 Крупнейшие сражения

р. Печора
Псковское (Чудское) оз.
Чёрное море
р. Припять
р. Псел

Семь
Серегерь
Снопород
Сожица
Северный ледовитый океан
Тетеревь

р. Сейм
оз. Селигер
р. Самара
р. Сож
Северный ледовитый океан
р. Тетерев

Хвалское море
Хопор (Похор)
Шекшна
Шолонь
Юга
Яик (Гиик)

Каспийское море
р. Хопёр
р. Шексна
р. Шелонь
р. Юг
р. Урал

И.Я. Фроянов

ДРЕВНЯЯ РУСЬ

IX–XIII веков

**Народные движения
Княжеская и вечевая власть**

Русский издательский центр
Москва · 2012/7520

УДК 947
ББК 63.3(2)41
Ф 92

Фроянов И.Я.

Ф 92 Древняя Русь IX–XIII веков. Народные движения. Княжеская и вечевая власть: учебное пособие /И. Я. Фроянов. — М.: Русский издательский центр, 2012. — 1088 [74] с., ил.

ISBN 978-5-4249-0005-1

Книга известного русского ученого, историка Игоря Яковлевича Фроянова посвящена наиболее древним и малоизученным страницам русской истории. Автор детально рассматривает основные события и проблемы главных исторических областей Руси в эпоху, предшествовавшую монгольскому нашествию. На богатом историческом материале он раскрывает причины, влиявшие на возникновение социальной и политической борьбы внутри русского общества.

Придавая большое значение общинному (вечевому) устройству политической жизни Древней Руси, автор предлагает совершенно новый взгляд на проблему княжеских усобиц, которые были обусловлены конфликтами между общинными группами разных волостей. Особое внимание уделено проблемам формирования подлинной русской духовности при переходе общества от язычества к Православной вере.

Книга снабжена аннотированными указателями, редкими иллюстрациями и картографическим материалом. Она адресуется студентам и преподавателям гуманитарных вузов, а также всем, кто любит и познает отечественную историю.

УДК 947
ББК 63.3(2)41

ISBN 978-5-4249-0005-1

© И.Я. Фроянов, 2012
© Русский издательский центр, 2012
© М. Варакин, сост. указателей, генсалоги, 2012
© М. Жих, сост. предм., географ. указ., 2012
© П. Грюнберг, сост. хронологии, 2012

ОГЛАВЛЕНИЕ

Вступительное слово	7
Глава первая. Русь в IX — начале XI веков. Племенные конфликты	11
§ 1 Отражение жизни восточных славян в былинном эпосе.....	11
§ 2 Летописные рассказы о формировании и объединении племен восточных славян.....	18
§ 3 Былина о Чуриле Пленковиче как отражение покорения Киевскими Князьями отдельных восточнославянских племен.....	27
§ 4 Убийство Князя Игоря древлянами. Наказание древлян Княгиней Ольгой.....	34
§ 5 Неудача языческой реформы Князя Владимира. Христианизация Руси.....	52
Глава вторая. Новгородские события 1014–1016 годов	70
§ 1 Отказ Новгорода от уплаты дани Киеву в 1014 году. Конфликт новгородцев с варяжскими дружинниками Князя Ярослава.....	70
§ 2 События в Новгороде после смерти Великого Князя Владимира в 1015 году.....	73
Глава третья. Народные волнения и волхвы на Руси XI века	87
§ 1 Восстание волхвов в Суздале в 1024 году.....	87
§ 2 Принесение человеческих жертвоприношений волхвам в Суздальской земле и Белгороде в голодные 1070-е годы.....	101
§ 3 Мятеж в Новгороде в голодные 1070-е годы при Новгородском князе Глебе. Попытка принесения в жертву епископа и князя.....	116
Глава четвертая. Политический переворот 1068 года в Киеве	135
Глава пятая. Южная Русь на рубеже XI–XII веков. «Мятеж и голка» 1113 года в Киеве	158
§ 1 Вече (соборное) избрание Великим Князем Киевским Владимира Мономаха в 1113 году.....	158
§ 2 Совещание в Берестове в 1113 году, посвященное изменению русского законодательства.....	181
§ 3 Устав Великого Князя Владимира Мономаха и основные положения изменения законодательства о ростовщичестве.....	188
§ 4 Исторические параллели законотворческой деятельности Великого Князя Владимира Мономаха: Грузия, Ромейская империя.....	201
Глава шестая. Киевская земля в середине XII века	216
§ 1 Русская земля после смерти Великого Князя Владимира Мономаха. Формирование обособленных древнерусских княжеств. Борьба Черниговской и Вышгородской общин за политическую независимость от Киева.....	216

§ 2 Внутриполитические настроения в Киеве в 1-й половине XII века. Приглашение на Великокняжеский стол Черниговского князя Игоря Ольговича и попытка принесения его в жертву язычниками. Гибель Князя-мученика и его прославление..	224
§ 3 Смута в Киеве по смерти Великого Князя Юрия Владимировича Долгорукого. Вытеснение пришельцев Северо-Восточной Руси киевлянами.....	247
Глава седьмая. Борьба в Новгороде первой трети XII века и события 1136 года.....	265
§ 1 Устроение духовной и социально-экономической жизни новгородцев по юридическим актам Новгородского князя Всеволода Мстиславича.....	265
§ 2 Предпосылки формирования посадничества нового типа в Новгороде. Отношения новгородской общины с Киевом при Великих Князях Владимире Мономахе и Мстиславе Великом	270
§ 3 Новгородские волнения после смерти Великого Князя Мстислава Владимировича. Социально-политические причины изгнания князя Новгородского Всеволода Мстиславича. Борьба Пскова и Ладоги за независимость от Новгорода	275
Глава восьмая. Социально-политическая борьба в Новгороде после событий 1136 года.....	294
§ 1 Политические и социально-экономические причины новгородских волнений 1136 года в трудах русских историков.....	294
§ 2 Отношения новгородского вече с Киевскими Князьями после событий 1136 года. Отношения Новгородских посадников и князей	300
§ 3 Политический статус Новгородского князя и Новгородского посадника в условиях внутриполитической борьбы второй трети XII века до смерти Великого Князя Андрея Юрьевича Боголюбского ...	309
Глава девятая. Народные волнения 1209 года и отношения Новгорода с Князем Всеволодом Большое Гнездо	323
§ 1 Великий Князь Всеволод Юрьевич и Новгородское вече до 1209 года. ...	323
§ 2 Посадничество Дмитра Мирошкинича и его конфликт с новгородской общиной.....	336
Глава десятая. Борьба в Новгороде после событий 1209 года.....	348
§ 1 Призвание князя Мстислава Мстиславича Удатного и внутриполитический конфликт в Новгороде после событий 1209 года..	348
§ 2 Борьба Новгорода за политическое влияние в Северо-Западной Руси. Отношения новгородцев с общинами Пскова, Ладоги и Торжка. .	355
§ 3 Новгородская смута 1218 года. Отношения новгородцев с Великими Князьями Владимирскими.....	361
§ 4 Посадничество Твердислава Михалковича и волнения 1220 года.....	368

§ 5 Отношения новгородцев с Великим Князем Владимирским Юрием Всеволодовичем.....	378
Глава одиннадцатая. Народные волнения 1227–1230 годов в Новгороде.....	392
§ 1 Попытка реставрации язычества в Новгороде в первой половине XIII века. Начало «народной голки» в Новгородской земле. Отношения новгородцев с духовной властью	392
§ 2 Фискальные меры князя Михаила Черниговского в восстановлении хозяйственной жизни Новгорода	406
§ 3 Социальные причины новгородской смуты 1230 года	410
Глава двенадцатая. Народные движения в Смоленской и Полоцкой землях XII – начала XIII веков.....	419
§ 1 Племя кривичей и политическое формирование Смоленской и Полоцкой земель. Становление Смоленского княжества при Великом Князе Владимире Всеволодовиче Мономахе.....	419
§ 2 Деятельность Смоленского князя Ростислава Мстиславича и его преемников. Проблемы социально-политической организации Смоленска.....	425
§ 3 Житие Авраамия Смоленского как источник по социальной и духовной жизни смолян на рубеже XII–XIII веков	437
§ 4 Становление Полоцкого княжества и его политическое положение в Северо-Западной Руси.....	446
§ 5 Внутренние конфликты общественно-политических сил Полоцкой земли в XII веке. Взаимоотношения князя и веча до событий 1159 года.....	451
§ 6 Повесть о Святыхне как отражение политической борьбы в Полоцке во 2-й пол. XII века.	461
Глава тринадцатая. «Мятежи» и «крамолы» в Галицко-Волынской земле конца XI–XII веков	474
§ 1 Политическое становление земель Юго-Западной Руси. Владимири-Волынская община и ее отношения с Великими Князьями Киевскими	474
§ 2 Взаимоотношения галичан со своими князьями до 1-й половины XII века	485
§ 3 Княжение Ярослава Осмомысла в Галиче. События 1159 и 1173 годов.....	489
Глава четырнадцатая. Ростово-Суздальская земля во второй половине XII – начале XIII веков.....	516
§ 1 Становление и борьба за политическую самостоятельность городов Северо-Восточной Руси	516
§ 2 Великий Князь Юрий Владимирович Долгорукий и политическая роль Суздальской земли в Древней Руси. Княжение Великого Князя Андрея Боголюбского.....	519
§ 3 Социально-политическая борьба городов Северо-Восточной Руси	525

§ 4 Усиление политической роли Владимира при Великом Князе Андрее Боголюбском. Значение строительства Владимирского Успенского собора.....	532
§ 5 Проблемы церковного устройства Суздальской земли. Попытка основания Владимирской митрополии Великим Князем Андреем Боголюбским	542
§ 6 Характер княжеской и духовной властей в Северо-Восточной Руси при Великом Князе Андрее	547
§ 7 Отношения с владимирской общиной Князя Андрея Боголюбского после походов на Новгород и Киевщину. Убиение Великого Князя и смута во Владимирской земле по его смерти	563
§ 8 Вечевое собрание Суздальской волости в 1175 году. Борьба владимирской общины за независимость от Ростова и Суздаля.....	576
§ 9 Княжение во Владимире Великого Князя Михаила Юрьевича. Изменение политической жизни Ростово-Суздальской земли.	583
§ 10 Вокняжение Великого Князя Всеволода Юрьевича Большое Гнездо и мятеж во Владимире в 1177 году. Отношения Князя и городской общины	586
§ 11 Влияние политической борьбы в Ростовской земле на устройство епархиальной жизни.	596
§ 12 Социально-политические проблемы Владимирской земли и война городов Северо-Восточной Руси по смерти Великого Князя Всеволода Юрьевича.	602
Заключение.....	633
Список принятых сокращений	636
Приложения	
Хронология.....	638
Предметный указатель.....	663
Географический указатель.....	712
Именной указатель.....	769
Указатель имен святых, благоверных князей и благочестивых правителей Руси, наиболее послуживших Отечеству и Русской Церкви	974

ВСТУПИТЕЛЬНОЕ СЛОВО

Сегодня мы призваны сформировать в обществе осознание важности правдивой оценки Российской истории. Если в середине XX века на первое место выдвинулись такие науки, как физика, химия, необходимые для создания ядерного щита страны, то сейчас таким щитом для защиты России от направленной против нее агрессивной пропаганды способна выступить настоящая правдивая история. Именно непредвзятое, неокрашенное ложной идеологией изучение событий, во время которых русский народ достигал вершин своего духовного и материального расцвета или впадал в периоды ошибок и заблуждений, позволит сегодняшнему обществу сделать выводы и определить, куда двигаться дальше, как развиваться стране. И нам не помогут ни нефтедоллары, ни новые технологии, если не произойдет модернизация нашего сознания и обращение его к исторической справедливости и Правде Божьей. Русский народ всегда, тысячелетия своей истории искал этого.

К сожалению, сегодня наше население сокращается со скоростью 2-2,5 млн в год, тогда как в начале XX века оно увеличивалось с такой же скоростью. И если так пойдет дальше, то через 10-20 лет мы можем оказаться малой европейской нацией, а не большим мировым народом.

Для того, чтобы этого не произошло, мы должны ясно понимать, что было с нашим народом, почему мы в другие времена развивались и освоили шестую часть суши, а в последнее столетие идет сокращение и умаление нашего народа.

Мы должны знать, что здоровый и правильный интерес к историческим учениям порой подменяется ложью, в основании которой — гордыня или преследование конъюнктурных интересов. Нам не нужно ложного восхваления России: у нас и без приукрашивания есть, чем гордиться. С другой стороны, мы должны отменить все богоборческие умолчания и искажения, которые привнесены в историю нашего народа.

Предлагаемая читателю книга «Древняя Русь» написана человеком, который и своей жизнью, и своей профессиональной деятельностью доказал верность Отечеству и вере Православной Руси.

Автор книги — Игорь Яковлевич Фроянов как ученый состоялся в советскую эпоху, когда ученым-историкам навязывали порою антинациональную и безбожную идеологию. Однако он сумел сохранить гражданское мужество и честность профессионала-историка, чтобы не солгать ни одним словом в своих публицистических и научных исследованиях. Изучая социально-экономическую историю Древней Руси, И.Я. Фроянов следует долгу и чести исследователя, тщательно отбирающего и анализирующего исторические данные. К истории он подходит как любящий сын Родины, а не как позитивист, отвергающий ради науки факты, не подходящие под «стройную» структуру теории.

Надо сказать, что материал, который вошел в эту книгу в обработанном и дополненном виде, все же формировался в советские годы, поэтому мы призываем читателя понимать, что некоторые стилистические обороты и термины, встречающиеся в книге, использованы автором под влиянием определенной среды и в соответствии с требованиями того времени. По договоренности с автором мы не используем в тексте такие термины как «Киевская Русь» и «Византия», которые по признанию многих современных исследователей не только устарели, но и стали во многом антинаучными, не соответствующими исторической действительности. Мы говорим Русь и Ромейская империя (Греческое Царство), так, как говорили наши благочестивые предки. В то же время мы постарались за счет вспомогательного научного аппарата (приложений, изображений и карт) выдвинуть на передний план важный фактор, не принимавшийся во внимание советскими историками: созидательное значение Православия в сложных и подчас неоднозначных событиях, описываемых в книге. Вера наших отцов помогала выходить из социальных и политических конфликтов представителям разных сословий, разных городов и волостей обширной Древней Руси в период усобиц и внутренних нестроений, помогла преодолеть разобщенность, сбросить монгольское иго и сплотила русский народ в единую духовно крепкую христианскую нацию.

*Василий Вадимович Бойко-Великий,
президент Русского культурно-просветительного фонда
имени Святого Василия Великого*

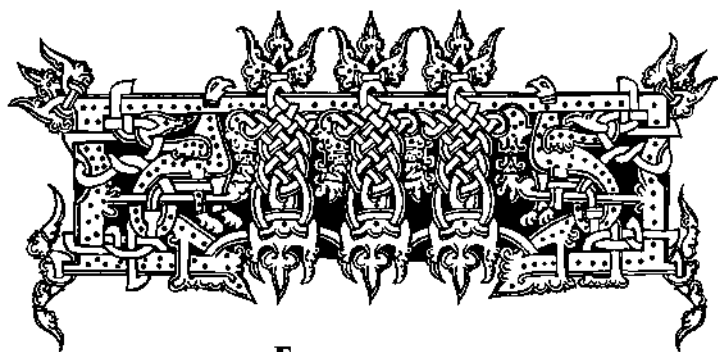

ДРЕВНЯЯ РУСЬ

IX–XIII веков

Народные движения
Княжеская и вечевая власть

Глава первая

РУСЬ В IX – НАЧАЛЕ XI ВЕКОВ. ПЛЕМЕННЫЕ КОНФЛИКТЫ

§ 1 Отражение жизни восточных славян в былинном эпосе

Первобытная эпоха восточных славян, подобно архаическим временам других народов, отмечена острыми противоречиями, выливающимися в межплеменные и внутриплеменные конфликты. К сожалению, по состоянию исторических источников выявить их с должной отчетливостью и полнотой не представляется возможным, ибо слишком бедны и маловыразительны содержащиеся в них сведения. И все же при вдумчивом анализе соответствующего материала исследователь способен воссоздать отдельные фрагменты борьбы в родоплеменном обществе, проникавшей в самые различные области общественной жизни: социально-экономическую, военно-политическую, религиозно-идеологическую. К наиболее ранним ее проявлениям относятся коллизии, возникавшие в моменты перехода от одной хозяйственной организации к другой, поскольку такой переход сопровождался перестройкой социальной структуры, а также переменами религиозного свойства, что и порождало столкновения в обществе. Подобные процессы нашли художественное отражение в народном эпосе. Былина о Вольге и Микуле является здесь ярким примером. По наблюдениям В.Я. Проппа, что касается Микулы, то он олицетворяет свободного пахаря, крестьянина, т.е. представляет собой идеализированный образ, отвечающий чаяниям народа. Основной смысл былины Пропп видел в «противопоставлении крестьянина князю, в посрамлении князя и возвеличении крестьянина»¹. Песня о Вольге и Микуле «была популярна и актуальна в течение ряда веков, так как она выражала ту оценку, которую крестьянин давал сам себе»².

Здесь мы хотели бы указать на ряд песенных компонентов, восходящих к древности, предшествующей Древней Руси. Как показало

проведенное нами исследование³, первоначально в былине чудесному охотнику-оборотню, организатору ловли зверей, птиц и рыбы Вольге противопоставлен земледelec Микула. Перед нами наиболее древний былинный пласт. Подтверждением этому служит композиционное построение песни.

Исследование поэтики героических былин обнаруживает два композиционных типа былевых песен. Один из них может быть назван типом случайных дорожных встреч и приключений, а другой — поездки с поручением князя или похода⁴. Былины композиционного типа случайных дорожных встреч и приключений исторически самые ранние⁵. При обращении к былине о Вольге и Микуле обнаруживаем, что в некоторых ее записях поездка героя ничем не мотивируется. Он просто выезжает в «чисто поле» и там случайно встречает богатыря-пахаря:

Как собрал Ольга дружинушку хоробрую,
А поехал Ольга с дружиной во чисто поле.
Версту едут — нет никого,
Десять верст едут — нет никого.
Слышат в чистом поле покрикивает,
Паше полянку оротай оротаюшко...⁶

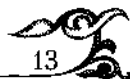
Очарованный работой и видом ратая, Вольга приглашает Микулу присоединиться к нему:

А пойдем-ка ты с моей дружинушкой во чисто поле.
Меня тридцать молодцев как один⁷.

Важно отметить, что тут приглашение не обусловлено какой-нибудь конкретной целью: Вольга зовет Микулу ехать с ним «во чисто поле» и только. Затем разыгрывается сценка с сошкой, и на этом былина кончается. Смысл ее, таким образом, состоит в случайной встрече богатырей и утверждении превосходства одного над другим в результате состязания.

Существенный интерес представляет и запись былины, произведенная П.Н. Рыбниковым. В ней, правда, певцом перепутаны имена героев, но тем не менее она достаточно характерна. В этой былине поется, как «Микулушка Селянинович», выловив всю рыбу, зверей и птиц, отправляется «во чисто поле», где встречает ратая Вольгу Святославича:

Тут-то Микулушка Селянинович
Поехал раздольцем — чистым полем.

Едет Микула по чисту полю:
Орет ратай во чистом поле...⁸

Герой приглашает пахаря ехать с ним «во товарищах». А тот говорит: «Поехал бы, Микулушка Селянинович, да сошка у меня не обрана». Тогда Микулушка посылает «свою силу великую» управиться с сошкой. Но эта «сила великая» не смогла сошку «повыдернуть». Пришлось ратаю самому ту сошку «попихивать». Потом герои поехали вместе к «мужикам гуршевским и ореховским». И на сей раз сказитель не вкладывает в их помыслы какой-либо определенной цели. Вольга и Микула едут к «мужикам» не за данью-«получкой», как в иных записях былины, а лишь для того, чтобы позабавиться своей богатырской удалью:

Нахлыстали мужиков они до любви,
Начествовали добрых молодцев,
Поехали назад в свою сторону⁹.

По дороге «в свою сторону» происходит конное соревнование героев, после чего они разъезжаются:

Тут они, добры молодцы, поразъехались,
Поразъехались они, пораспростились¹⁰.

Исходя из приведенных былинных ситуаций, можно предположить, что сперва, в глубокой древности, рассматриваемая нами былина рассказывала о случайной «подорожной» встрече Вольги и Микулы, их состязании и победе сильного соперника над слабым. Победен был Вольга — волшебник-оборотень, чудесный охотник и устроитель охоты, воплощавший охотничий уклад, господствовавший некогда в хозяйстве славян. Победителем вышел Микула. В чем суть его победы? Чтобы ответить на поставленный вопрос, надо знать, что скрывалось за образом Микулы.

Знакомство с песней показывает: плавать щукой в море, летать соколом в небесах, рыскать волком в лесах, а, в конечном счете, охотиться есть мудрость, какой владеет Вольга. Этой мудрости Вольги противостоит мудрость Микулы, причем высшего порядка, по сравнению с которой мудрость Вольги — не мудрость. Вот почему Микула после безуспешных попыток дружины Вольги поднять сошку и бросить ее за ракитов куст произносит знаменательные слова:

Ай же Вольга Святославович!
То не мудрая дружинушка хоробрая твоя,

А не могут они сошки с земельки повыдернуть,
Из омешиков земельки повытряхнуть,
Бросити сошки за ракитов куст¹¹.

Еще более красноречива речь Вольги, не сумевшего справиться с сошкой:

Ай же ты, оротай да оротаюшко,
Да много я по свету ездывал,
А такого чуда я не видывал.
Рыбой щукою ходил я во синих морях,
Серым волком рыскал я во темных лесах,
Не научился этой премудрости,
Орать-пахать да я крестьянствовать¹².

Итак, орать и крестьянствовать, или заниматься земледелием, составляет мудрость, непостижимую для Вольги, тогда как Микула наделен ею с избытком. Так в былине сталкиваются две культуры, охотничья и земледельческая, персонифицированные в образах Вольги и Микулы. Утверждение приоритета хлебопашества над охотничьим делом — вот в чем, по нашему мнению, изначальный пафос песни о Вольге и Микуле. В сущности, мы наблюдаем здесь коллизии двух мировоззрений древнего человека, обусловленную развитием хозяйства, борьбой старых и новых начал в производственной деятельности первобытного общества.

Переход к земледелию как главной отрасли хозяйственных занятий был связан со сменой языческих богов, празднеств и ритуалов, с ценностной переориентацией, словом, с такими переменами, которые нарушали спокойное течение общественной жизни, вызывая социальное противоборство. Былина о Вольге и Микуле донесла до нас отголоски такого противоборства, впрочем, весьма приглушенные, едва уловимые.

Широкое распространение у первобытных народов получила практика захвата и использования чужих земельных угодий, краж, потрав посевов и пр.¹³ На этой почве довольно часто возникали межплеменные войны. В русском героическом эпосе, в частности в былине «Чурила и князь», слышны отзвуки такого рода. Былина открывается сценой престижного пира в палатах у князя Владимира. День клонился к вечеру, и «почестной» пир был «на веселе». Разгоряченный хмельным вином князь вышел на «крылечко переное» охладиться, бросил взор «во чисто поле». И видит он:

Да из далеча далеча поля чиставо,
Толпа мужиков да появиласе.
Да идут мужики да все киевляне,
Да бьют они князю жалобу кладут:
— Да солнышко Владимир князь!
Дай государь свой праведные суд,
Да дай-ко на Чурила сына Плёнковича.
Да сегодня у нас на Сароге на реки
Да неведомые люди появились,
Да наехала дружина-та Чурилова.
Шелковы неводы заметывали,
А рыбу сарогу повыловили,
Нам, государь свет, улову нет,
Тебе, государь, свежи куса нет,
Да нам от тебя нету жалованья¹⁴.

Вслед за первыми «мужиками-киевлянами» появились и другие. Жалобщики «били челом» на чуриловых людей, которые лебедей, гусей и уток «повыстреляли», соболей, куниц и лис «повыловили», травяные луга «повытоптали», копны сена разметали¹⁵.

Действия чуриловой дружины следует расценивать как покушение на угожья полян. Она вторглась не только в земли и воды, расположенные в отдалении от Киева, но и в те, что находились поблизости от него:

Доехали приехали во Киев град
Да стали по Киеву уродствовать,
Да лук, чеснок весь повывали,
Белую капусту повыломали¹⁶.

Набег чуриловых молодцев навредил всем в Киеве: князьям, боярам и «мужикам»:

Да бьют челом князю всем Киевом,
Да князь-ты просят со княгинями,
Да бояра-ты просят со боярынями,
Да все мужики огородники:
— Да дай, государь, свой праведные суд,
Да дай-ко на Чурила сына Плёнковича¹⁷.

И тут возникает странное, казалось бы, обстоятельство: Владимир не может помочь обиженным, так как не знает, где живет Чурила, где его «вотчина» и «двор»:

Не слышал я, не видал Чурилы Плёнкова,
И не знаю я, да гди Чурилова есть вотчина,
А не знаю, где Чурила и двором стоит,
А не знаю, где Чурила и житьем живет¹⁸.

Эта неосведомленность князя порождала у поздних сказителей иронию и насмешку. «Вот была география-то, князь в своем княжестве не знал», — бросает реплику А.М. Пашкова, исполняя былин¹⁹. Однако все прояснится, если предположить, что в песне поется о нападении на киевлян представителей чужого племени. Поэтому для Владимира и жителей полянской земли они — «неведомые люди», чье место обитания князю приходится разыскивать.

Таким образом, былина, посвященная Чуриле, изображает вторжение воинов враждебного племени в угодьи полянской общины, сопровождаемое нападением на Киев. Она также повествует об ответном карательном походе полян.

Образование крупных восточнославянских межплеменных объединений, наблюдаемых с VI в. эпизодически, а потом и постоянно²⁰, внесло существенные перемены в характер княжеской власти, освобождая ее от пут родового наследия. Князья у восточных славян, бывшие до недавнего времени родовладыками или в лучшем случае вождями отдельных племен²¹, превращались во властителей огромных межплеменных союзов, порывавших с прежними родовыми обычаями, что, разумеется, не могло осуществляться без общественных столкновений и борьбы. Довольно своеобразное, фантастическое преломление это нашло в былинах о Добрыне и Змее, где Змей тесными узами соединен с княжеской властью. В былинных вариантах по-разному рассказывается о том, как и почему отправляется Добрыня в змеиные горы вызволять унесенную чудовищем племянницу, дочку или какую-то иную родственницу князя Владимира. Остановимся лишь на тех вариантах, где Добрыня освобождает от Змея пленницу по поручению князя, которое сводится к тому, чтобы отыскать в Сорочинских горах, в змеиных норах любимую княжескую племянницу, привезти ее в Киев и передать с рук на руки²² или отправиться в Туги за царскою дочкой²³. В первом случае Добрыня, не сражаясь со Змеем, увозит племянницу Владимира. Во втором он вступает в бой со Змеем и убивает его. Но князю это явно не понравилось:

Ай за тую-то за выслугу великую
Князь его нечим не жаловал²⁴.

Причину княжеской досады следует искать не в том, что богатырь привез Владимиру «дочку любимую», а в том, что он, выполняя поручение, сделал не совсем то, что было ему велено, т.е. убил Змея.

И в том, и в другом вариантах поручение князя порождает недовольство и даже гнев Добрыни. Гнев этот и недовольство вызваны тем, что князь вмешивает богатыря в матримониальные дела своего княжеского рода, связанные со Змеем. Что речь идет об эротических вожделениях Змея, некоторые варианты свидетельствуют достаточно красноречиво, рисуя похищенную в змеином логове:

Лежит княгиня на перине на перовыя,
На подушечках на пуховых;
На правой руке у ней лежит змеинчишко,
И на левой руке змеинчишко²⁵.

В процитированном нами варианте Добрыня едет освобождать княгиню по собственной инициативе, а когда привозит в Киев, князь Владимир предлагает ее ему в жены. Однако богатырь такую женитьбу отклоняет, так как ранее они с княгиней (речь, по-видимому, идет о княжне, неверно названной) стали крестовыми братом и сестрой. Добрыня вступает в крестовое братство, чтобы не приобщаться к княжескому роду.

Вообще из разнообразных былинных разработок сюжета явствует, что врагом Змея выступает богатырь, а не Владимир, что между племянницей (дочерью) Владимира и Змеем устанавливается связь, хотя и насильственная, что расправа богатыря со Змеем может вызвать неодобрение со стороны князя и что Добрыня, убивая Змея и освобождая женщину, отказывается вступить в связь с княжеским родом по женской линии.

Согласно многочисленным этнографическим данным, Змей может выступать с эротической функцией в двух ролях: как отец и как предок. В былине Змей представлен в качестве родоначальника княжеского рода, его продолжателя и в качестве, так сказать, хранителя чистоты, беспримесности этого рода (отец в новом потомстве возрождает княжеского предка). Все обозначенное вполне согласуется с тотемическими воззрениями. При этом важно, что Змей становится не предком вообще, но предком княжеского рода, рода вождя. Связь с ним по женской линии в таком случае особенно желанна. Приведем только одно этнографическое подтверждение. Коренной житель Мадагаскара рассказывает о земле и недавних обычаях мадагаскарских антануси: «Это сухой, полуголодный край, однако его реки в те вре-

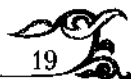
мена еще кишели крокодилами. Не проходило дня, чтобы прожорливая тварь не затащила под воду девушку, спустившуюся к берегу. Но вместо траурных плачей каждый вечер в прибрежных деревнях звучала веселая музыка. Это родители несчастной, которые, как и все антануси, верили в то, что в крокодилов переселяется душа вождей, праздновали “свадьбу” своей дочери с почетным предком»²⁶.

В былине о Добрыне и Змее богатырь являет собою новые социальные силы, выходящие на историческую сцену в то время, когда власть князя как владыки рода или вождя племени перестает удовлетворять запросам времени, восходя на более высокую ступень своего развития, соответствующую образующимся межплеменным объединениям. Власть князя-вождя, основанная на родовых традициях, связана в мифе и былине со змеиным наследием, а в действительности с разобщенностью племен и узкой социальной опорой. Богатырь разрушает старую «змеиную» опору княжеской власти, преодолевая тем самым родоплеменную разобщенность. В конечном счете конфликт в былинах разрешается сближением богатырских и княжеских интересов, но после победы богатырского начала²⁷.

§ 2 Летописные рассказы о формировании и объединении племен восточных славян

Союзы племен у восточных славян были двоякого рода: первичные и вторичные. Первичные союзы — это объединения родственных племен. К ним относились упоминаемые летописью поляне, древляне, радимичи, северяне, вятичи, словене и т.п. Вторичные союзы состояли из племен, достигших уже союзного уровня. Их можно назвать союзами союзов или суперсоюзами²⁸. Формирование союзов, как первичных, так и вторичных, проходило отнюдь не гладко, а в упорной межплеменной борьбе. То была борьба за господствующее и правящее положение в союзе племен. Вождь победившего племени или племенного союза становился главным властителем, в подчинении у которого находились более мелкие правители. Эта иерархия князей упомянута Повестью временных лет в известии о греческих укладах «на русскыя грады», где «сediaху велиции князи, под Олгом суще»²⁹.

Установление власти вождя единичного племени над родственными племенами, образовавшими союз, запечатлела легенда о Кие: «И быша 3 братья: единому имя Кий, а другому Щек, а третьему Хорив, и сестра их Лыбедь. Сediaше Кий на горе, где ныне увоз Боричев, а Щек сediaше на горе, где же ныне зовется Щековица, а Хорив на третьей

горе, от него же произвася Хоревица. И створиша град во имя брата своего старейшаго, и нарекоша имя ему Киев»³⁰. То, что легенда повествует именно о союзе племен, ясно из дальнейшего летописного текста: «И по сих братьи держати почаша род их княжение в полях, а в деревлях свое, а дреговичи свое, а словене свое в Новгороде, а другое на Полоте, иже полочане»³¹. Поляне, древляне, дреговичи, словене — это, конечно же, родственные племенные союзы³². По мнению Б.А. Рыбакова, основание города Киева символизировало «какой-то важный перелом внутри Полянского племенного союза»³³. Мы полагаем, что оно знаменовало сложение Полянского союза, т.е. начало его существования. Легенда молчит о соперничестве племен за лидерство, изображая образование союза полян как мирное. Но в действительности это было скорее всего не так, в чем убеждаемся на примере словен.

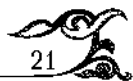
Складывание племенного союза словен являлось делом вовсе не простым, поскольку сопровождалось взаимной борьбой за ведущую роль в союзной организации. Следы межплеменных столкновений видны в источниках устных и письменных, они заметны и в археологических материалах. «И вѣсташа сами на ся воевать, и бысть межи ими рать велика и усобица, и вѣсташа град на град, и не беша в них правды», — читаем в Новгородской Первой летописи³⁴. Хотя приведенное сообщение касается распрей между словенами, кривичами и угро-финнами, оно дает яркую зарисовку межплеменных раздоров словен из-за первенства в собственном союзе.

Где-то в середине IX века выгорела Ладога, охваченная жестоким пожаром. Исследователи не без основания связывают ладожскую катастрофу с междоусобными племенными войнами³⁵. Смутное воспоминание о них донесло до нас и Сказание о холопье войне, сохранившееся в нескольких редакциях и пересказах Герберштейна, Стрыйковского, Флетчера и других информаторов, в том числе отечественных. В Сказании повествуется о восстании новгородских холопов, завладевших женами своих господ во время длительного отсутствия последних в Новгороде.

Ученые по-разному толкуют Сказание о холопье войне: одни усматривают в нем отражение действительного восстания рабов в Новгороде на исходе X в., другие — сопротивление новгородцев вводимому из Киева христианству. Но есть и общее, что объединяет историков. Это — согласие в том, что Сказание сложилось на реальной исторической основе, чрезвычайно искаженной и затемненной позднейшими переложениями, обработками, исключаящими одно-

значное ее определение³⁶. Вот почему многовариантность тут неизбежна. Попытаемся и мы разобраться в этой основе, взяв для анализа Сказание о холопьем войне в записи дьякона Моложского Афанасьевского монастыря Каменевича-Рвовского. Данная запись конца XVII в. содержит рассказ о «холопьем войне» в наиболее подробном и целом виде, а не в обрывках, как иные редакции³⁷. Она независима от всех литературных версий Сказания, в ней нет и явных признаков литературного заимствования³⁸. Запись Каменевича-Рвовского передает устные предания, переходившие от поколения к поколению среди жителей Помоложья, заселенного некогда выходцами из Новгорода. В них потомки колонистов хранили память о своей «прародине» — земле ильменских словен. О чем же говорит моложское Сказание? Не станем излагать его содержание полностью, обратим внимание лишь на самые важные, с нашей точки зрения, места рассказа, приближающие нас к пониманию исторической сути описываемых в нем событий.

Рассказ этот начинается со времени мифических Славена и Руса, современников Александра Македонского, имевших войско, которое носило наименование «старых новгородских холопов». Переходя затем ко временам значительно более поздним, Сказание сообщает о том, что новгородские старые холопы, лишившись содержания, выдаваемого им прежде господами, «начаша оскудевати, и нужды премногие от недостатков хлебных и денежных себе восприимати». От того в Новгороде пошли «свары и мятежи», «междоусобные и частые брани», «смертные убийства». Старые холопы стали «в Новегороде и инде где их всюду тайно и явно многих людей своих грабити и смертно убивати». Вскоре холопы, взяв собственных жен и детей, ушли из города «во пределы новоградские и во иная места пустая, и в дебри непроходимые всея земли своея словенские». Вот так холопы «начаша особо поселитися и грады ставити, и валы высокие, и осыпи земляные по лесам и по рекам, к житию своему, сыпати и устроить крепкие. И тогда начаша собою в премногих лесах по всей земли разно жителствовати, якоже и доныне знаки есть градков их и селитв премногих таковых по реке Волхову и по реке Мологе и по славной и превелицей реце Танаису, то есть Волге... и по иным премногим великим и малым рекам, и по высоко раменистым местам, и по езерам, и по многим же лесным и приугодным дубровам и всепрекрасным рощам онии холопи разыдоша и поселишася на тех местах премногих своих, также и по Каме реке...»³⁹.

В этой части Сказания явственно слышатся отзвуки более поздних эпох, чем рубеж X–XI вв. «Старии холопи» — почти наверняка сколок «старинных холопов», т.е. разряда холопов XV–XVI вв.⁴⁰ Наименование войска Славена и Руса «старыми холопами» есть несомненный отпечаток военной организации Московского государства, предусматривавшей участие в боевых действиях не только феодалов, но и принадлежавших им холопов⁴¹. Хлебное и денежное жалованье тоже из области служилой практики московских времен. Расселение же холопов по Каме, упоминаемое в Сказании, отражает колонизационное движение новгородцев в бассейн Камы, походы ушкуйников, объединенных порой в отряды «холопов-сбоев»⁴².

Наряду с поздними элементами Сказание содержит некоторые детали, показавшиеся, очевидно, исследователям второстепенными и потому оставленные без внимания. Но в них-то и заключены сведения, открывающие слой исторической памяти, ведущей нас, по крайней мере, к IX столетию. Прежде всего, возникает сомнение насчет холопства враждующих с Новгородом «повстанцев», для которых, оказывается, новгородцы — «свои люди», а не хозяева и владельцы. Такой же своей по отношению к мнимым холопам является и земля словенская — обстоятельство, никак не вяжущееся с холопским статусом населения. Противоречит тому и массовость «холопов», осевших по берегам Волхова, Мологи и других рек, построивших не только грады, но и села⁴³. Расселение «старых холопов» по «премногим великим и малым рекам», «возвышенным местам», по озерам, дубравам и рощам живо напоминает картину расселения славян в Восточной Европе, нарисованную летописцем в Повести временных лет.

В Сказании есть выразительный штрих, характеризующий «холопов» как племенную общность. Имеем в виду религиозный аспект их жизни, засвидетельствованный сооружением «идолопоклонных» курганов и холмов, где совершались жертвоприношения. Вместе с тем по части веры они составляют с новгородцами некое племенное единство: «И вси убо сии жители новгородстии и старохолопстии из всея словенския земли над мертвыми своими трызну творяху, то есть памяти своя по них содеваху, и могилы превысокия над мертвыми и над именитыми своими, высокия жь холмы и бугры в память их созидаху, и сыны своя на них от великия жалости и плача своего по ним жряху, и лице своя до кровей своих драху, и смертно на гробех их сами между собою убивахуся...»⁴⁴.

Нападение «холопов» на Новгород сходно с межплеменными войнами: «Таже потом паки вси древнии холопи, собравшеся во едино, и въздумавше совет свой таков положша, во еже бы им всем ити на Великий Новгород. И тако утвердившеся и охрабрившеся, идоша и поплениша весь Великий Новград, и новгородцкая имения вся побраша себе, и жены их обругаша, и премного зла по всей земле словенстей содеваху, грабяще и убивающе»⁴⁵. Цель похода, задуманного, по всей видимости, на вече («собравшеся во едино, и въздумавше совет свой таков»), очерчена четко: грабеж, захват имущества и женщин противника, разорение его земли, в конечном счете — подчинение.

Межплеменной характер столкновения еще ярче высвечивается в ответных реакциях новгородцев, которые «с холопами своими старыми крепкую брань составиша, и грады их и села начаша разоряти, и самех их из всей области новгородцкия и из иных разных всех мест их, из городсков и из сел, начаша вон изгоняти от всея земли своея, не дающе им у себя места нигде же, а иных холопей по разным местам начаша всех побивати, и осыпи и валы и вся крепости их начаша повсюду разрушати всею землею своею»⁴⁶. С точки зрения рабовладения тактика новгородцев совершенно алогична, ибо бежавшие рабы при поимке возвращались к своим господам. Здесь же новгородцы поступают по-другому: частью «холопей» изгоняют, а частью — просто истребляют. Важно подчеркнуть, что новгородцы сгоняют «холопов» «от всея земли своея», т.е. с собственных земель, занятых врагами, причем делают это «всею землею своею», или — силами всего племени, а не одних только жителей Новгорода, откуда, по Сказанию, «изидоша» холопы. Все выделенные нами нюансы вписываются в предположение о межплеменной сути раздоров, переименованных поздними сказителями в войну новгородцев с бунтующими холопами.

Новгородцы выступили против враждебного племени, чтобы восстановить право собственности на принадлежащую им территорию, обозначенную в Сказании терминами «область новгородская», «пределы новгородские»⁴⁷. Необходимо заметить, что «пределы новгородские» вычлениются из «земли словенские», куда входили «места пустая» и «дебри непроходимые»⁴⁸. Нельзя в этом не видеть указание на племенную, освоенную новгородцами территорию, находящуюся в их непосредственной собственности, и на пустующие земли, составлявшие собственность всего союза словенских племен.

Таким образом, первоначальная основа Сказания о холопьем войне заключала, по всей видимости, повествование о межплеменной

борьбе среди северо-западных словен за главенствующую роль в образующемся племенном словенском союзе. Это был процесс консолидации ильменских словен в рамках объединения родственных племен, предшествующий образованию новой союзной организации, включившей, помимо словен, и другие племена, в том числе иноязычные. Возникновение последней относится к середине IX в. Значит, межплеменные стычки, отраженные Сказанием, и формирование союза ильменских словен надо приурочить к несколько более раннему времени. Впоследствии предание о внутренних войнах у словен подверглось переработке с введением в него холопского мотива, а затем и этот был окрашен в тона, идущие из эпохи колонизации новгородскими словенами Поволжья и Прикамья, из времен удалого ушкуйничества, активными деятелями которого выступали не только свободные новгородцы, но и холопы. Отсюда, быть может, пошло «охолопливание» начального сюжета Сказания. Впрочем, есть возможность объяснить появление холопов в рассматриваемом памятнике с помощью стародавних обычаев и нравов. Ведь положение покоренного племени или общины было ущербным с точки зрения представления древних о свободе. Поэтому киевляне, привыкшие повелевать Новгородом, презрительно называли новгородцев плотниками, удел которых «хоромы рубить» своим господам⁴⁹. Но особенно выразительны слова ростовцев, третировавших владимирцев как жителей подчиненного им пригорода: «Пожжем и попалим град Владимирь весь, и посадим в нем посадника своего; те бо суть холопи наши, каменосечци, и древодели и орачи, град бо Владимирь пригород нашъ есть Ростовския области»⁵⁰. Не исключено, что холопы попали в Сказание под воздействием подобного рода исторических переживаний. Главный же наш вывод в том, что Сказание о холопской войне может служить источником, освещающим отдельные моменты межплеменной борьбы в союзе ильменских словен с целью завоевания в нем господства.

Борьба эта разворачивалась с переменным успехом. Сперва племя ладожан вышло в лидеры, чему были свои причины, и главным образом то, что словене, поселившиеся в Нижнем Поволховье, будучи оторванными от основной словенской массы и уязвимыми со стороны внешних врагов, нуждались в сплочении, чтобы выжить. Соединение родов в племя и создание здесь племенного центра, по-видимому, произошло раньше, чем у южных сородичей, облюбовавших для поселения Поозерье и верховья Волхова, что и дало ладожским словенам перевес, выдвинув Ладогу на первый план⁵¹. Но по мере того, как инте-

трационные процессы набирали у приильменских словен силу, поражение Ладоги и утрата ею передовых позиций как центра властвующего племени в формирующемся словенском племенном союзе было лишь делом времени, поскольку в верховьях Волхова и в Приильменье образовалась наиболее густая сеть поселений, т.е. концентрация населения. Как показывают археологические данные, «северо-западное Приильменье и исток Волхова стали центром пришедшей сюда северной группы славян. Этот район, характеризующийся легкими почвами, благоприятными для первоначального земледельческого освоения, и обширными заливными лугами, превратился в одну из наиболее населенных и освоенных в сельскохозяйственном отношении областей Новгородской земли»⁵². По своим материальным и людским ресурсам племени Верхнего Поволховья и Приильменья имели преимущество перед другими племенами, в том числе словенского племени с центром в Ладоге. Этим и объясняется господствующее положение новгородцев, которое они, в конечном счете, заняли в словенском союзе. Правда, соперничество Ладоги не было окончательно сломлено. Оно заметно еще и на исходе IX в. Однако Новгород, утвердившись в господстве у словен, не упускал его уже из своих рук. Так сложился союз словенских племен во главе с Новгородом. Вполне понятно, что складывание союза было достаточно длительным. Ясно также и то, что ему предшествовала известная разрозненность словенских племен, преодолевавшаяся в ходе развития союзнических отношений, установление которых сопрягалось с межплеменной борьбой за влияние и власть.

Сходным образом создавались вторичные союзы, или союзы союзов, суперсоюзы. Разница заключалась, пожалуй, только в том, что во главе племенного союза выступало отдельное племя, а во главе суперсоюза — несколько племен, образовавших союз. Главенство достигалось посредством борьбы и учреждения власти над вовлеченными в союзную организацию племенами.

Арабский географ Масуди сообщает, что некогда одно из славянских племен «имело прежде в древности власть (над ними), его царя называли Маджак, а само племя называлось Валинана. Этому племени в древности подчинялись все прочие славянские племена, ибо (верховная) власть была у него и прочие цари ему повиновались»⁵³. Масуди продолжает: «Мы уже выше рассказывали про царя, коему повиновались в прежнее время остальные цари их, то есть Маджак, царь Валинаны, которое племя есть одно из коренных племен сла-

вянских, оно почитается между их племенами и имело превосходство между ними. Впоследствии же пошли раздоры между их племенами, порядок их был нарушен, они разделялись на отдельные колена, и каждое племя избрало себе царя...»⁵⁴. Сопоставляя рассказ Масуди с известиями Повести временных лет о дулебах, «примученных» обрами⁵⁵, В.О. Ключевский заключил, что и арабский писатель, и древнерусский летописец упоминают военный союз под предводительством дулебского князя, сложившийся в VI в. на карпатских склонах⁵⁶. Причину, побудившую восточное славянство сомкнуться в нечто целое, знаменитый историк усматривал в продолжительной борьбе славян с Ромеей⁵⁷. Этот союз он воспринимал не как племенное объединение, а как «ополчения боевых людей, выделявшихся из разных родов и племен на время похода, по окончании которого уцелевшие товарищи расходились, возвращаясь в среду своих сородичей, под действие привычных отношений»⁵⁸. Союз, руководимый дулебами, и по целям, и по составу «представлял ассоциацию, столь непохожую на родовые и племенные союзы, что мог действовать рядом с ними, не трогая прямо их основ»⁵⁹. С этими утверждениями Ключевского трудно согласиться, поскольку Масуди говорит именно о племенном составе союза. Но то был необычный союз, вобравший в себя несколько племен, построенных уже по союзному типу. Межплеменные раздоры, послужившие, согласно Масуди, причиной распада Валинана, есть не что иное, как борьба племен за власть в названном союзе. Но она оказалась безрезультатной, так как ни одно из соперничающих племен не могло одержать верх.

Что побудило прикарпатских славян образовать союз Валинана? Внешняя опасность. Война с аварами сплотила славянские племена⁶⁰. Когда же угроза со стороны кочевников миновала, единство нарушилось и союз пал, подорванный межплеменными распрями.

С аналогичными явлениями встречаемся на северо-западе восточно-славянского мира. Под 859 г. в Повести временных лет читаем: «Имаху дань варязи из заморья на чюди и на словенах, и на мери и на всех кривичех»⁶¹. Владычество варягов вызвало совместное противодействие племен: «Изгнаша варяги за море, и не даша им дани и почаша сами в собе володети...»⁶². Варяжская агрессия, стало быть, соединила северо-западные племена для сопротивления завоевателям. Образовался племенной союз (суперсоюз), примечательный тем, что в него, кроме славянских племен (словене, кривичи), входили и финно-угорские племена мери и веси. Возглавляли этот союз словене

не, которые, в свою очередь, управлялись словенским племенем с центром в Новгороде или его предшественнике, не открытом пока учеными. Факт приезда варягов именно в Новгород убедительно, на наш взгляд, свидетельствует о ведущей роли племени, которому тот принадлежал, т.е. племени новгородских словен в узком смысле слова, иначе – новгородцев⁶³.

Северо-западный союз, как и Валинана, подвергся разлагающему действию междоусобиц, но в отличие от прикарпатского объединения он устоял, чему в значительной мере способствовали словене, обладавшие сравнительно мощными людскими и материальными ресурсами. Археологические «исследования последних лет свидетельствуют о крайне низкой плотности населения в местах концентрации памятников культуры длинных курганов», относимых к кривичам. Иную картину являют памятники культуры сопок новгородских словен, приуроченные к землям, наиболее удобным для пашенного земледелия. Вот почему «в эпоху сопок наметилась основная структура размещения сельского населения центра Новгородской земли, которая сохранялась в древнерусское время и в позднем средневековье»⁶⁴. Ильменские словене располагали потенциалом, тягаться с которым ни псковские кривичи, ни финно-угорские племена не могли. Это позволило словенам возглавить союз и удержать его от падения.

Если на севере славянам угрожали варяги, то на юге – хазары. Распространение хазар в Приазовье и Подонье в VIII столетии послужило толчком к объединению восточнославянских племен Среднего Поднепровья в рамках «Русской земли», другими словами – к созданию крупного межплеменного объединения типа суперсоюза или союза союзов. Консолидирующей силой его стали поляне, которые не только сбросили хазарское иго, но и объединили вокруг себя несколько племенных союзов, заняв среди них господствующее положение, достигнутое в борьбе и соперничестве с другими племенами, претендовавшими на главенствующую роль в союзе⁶⁵. В «Русскую землю», помимо полян, вошли «северяне или часть их, часть радимичей и, может быть, часть уличей и вятичей, хотя вхождение последних в состав «Русской земли» остается под сомнением»⁶⁶. Как бы там ни было, созданный полянами союз, значительно усилив Полянскую общину, позволил ей приступить к завоеванию ближних и дальних восточнославянских племен. Завоевательные войны полян отразили устные

и письменные источники. Былина о Чуриле Плёнковиче рассказывает об одной из таких войн.

§ 3 Былина о Чуриле Пленковиче как отражение покорения Киевскими Князьями отдельных восточнославянских племен

Князь Владимир снаряжается в поход против Чурилы:

Тут-то солнышко ладился (латился),
Поскорей Владимир кольчужился,
И брал он любимого подручника,
Старого казака Илью Муромца,
Брал и княгиню Опраксию,
И поехал к Чурилушке во Киевец⁶⁷.

Былинное «кольчужился» убеждает в том, что речь идет о военном предприятии, организованном в Киеве.

Иногда в качестве «подручников» вместо Ильи Муромца выступают другие русские богатыри:

Втапоры Владимир-князь и со княгинею
Скоро он снаряжается,
Скоря тово поездку чинят;
Взял с собою князей и бояр
И магучих богатырей:
Добрыню Никитича и старова Бермята Васильевича,
— Тут их собралось пять сот человек
И поехали к Чурилу Плёнковичу⁶⁸.

Важную информацию заключают варианты, в которых воины князя выступают безымянно:

Тута солнышко Владимир стольне-киевский
Выберает лучших товарищей,
Князей и бояр, захватил он русских богатырей,
Набрал партию да людей семдесят;
С молодой княгинею он прощается,
В путь-дороженьку да отправляется⁶⁹.

Приведенные тексты позволяют сказать, что с точки зрения социальной войско Владимира не было однородным. Оно включало как знатных, так и простых воинов — представителей общественной верхушки и рядового людства. Это предположение выглядит еще более очевидным на фоне последующих песенных ситуаций. Вот старый

Пленка Сороженин, отец напроказившего Чурилы, встречает неожиданных гостей:

Для князя и княгини отворяет ворота вольящетыя,
А князем и боярам — хрустальные.
Простым людям — ворота оловянные.
И наехала их полон двор⁷⁰.

Как видим, простые люди — активные участники описываемых бытиной событий.

Приезд киевлян не сулит ничего хорошего Чуриле. Ему предстоит «ответ держать перед солнышком князем Владимиром»⁷¹. Понятно, почему Владимир со своим воинством для него — «немилые гости»⁷². Чурило воспользовался распространенным тогда средством примирения — откупом или данью «мира деля»⁷³. В отдельных записях Чурила одаривает лишь одного князя и получает прощение:

Да брал он (Чурила) сорок сороков черных Соболев
Да и многие пары лисиц да куниц,
Подарил-де он князю Владимиру.
Да говорит-де Владимир таково слово:
«Да хоша много было на Чурила жалобщиков
Да побольше того-де челом-битчиков,
Да я теперь на Чурила да суда-де не дам»⁷⁴.

Но не только мехами добивается Чурила расположения Владимира. В ход идут золото и серебро:

Он подносит шубку соболиную,
Подносит ларцы да с золотом да с серебром⁷⁵.
От таких подарков князь совсем размяк:
Говорит Владимир таковы слова:
— А спасибо тебе, удалый добрый молодец,
На чесных твоих да на подарочках,
Я тебе в долгу не остануся.
Было много на Чурилушку просителей,
А теперь больше у Чурилы благодетелей,
А дам тебе да я правдивый суд,
Что ты сделал, тебе Бог простит⁷⁶.

Поступок Владимира явно не соответствовал народным понятиям о добре и справедливости. Отсюда и резко отрицательная оценка

княжеского прощения. «Рассудил... Вот подлецы-то были, за шубу-то и суд!» — с возмущением восклицает сказительница А.М. Пашкова⁷⁷.

Одаривание Чурилой исключительно лишь князя Владимира в условиях похода с участием рядового воинства является исторически неверным. При покорении и обложении данью восточнославянских племен киевские правители опирались прежде всего на воев — народных ополченцев. И это естественно: для подчинения и установления даннической зависимости соседних племенных союзов полянские князья нуждались в более мощных войсках, чем дружина⁷⁸. Но, отправляясь в поход, рядовые воины получали право на часть добычи и дани. То была архаическая традиция. Она засвидетельствована в «Законе судном людем» — древнем памятнике славянского права: «Плена же шестую часть достойть взимати княземь, и прочее число все всим людем в равну часть делитися от мала и до велика, достойть бо князем часть княжа, а прибыток людем»⁷⁹. Существовало также правило, по которому воин, совершивший подвиг, проявивший храбрость и мужество, получал дополнительное вознаграждение из княжеского «урока»⁸⁰. Поэтому «дары» Чурилы, предназначенные только Владимиру, — скорее подновление позднейших певцов, нежели начальный былинный мотив. Исторически достовернее по отношению к IX–X вв. представляются варианты, где сообщается об одаривании Чурилой всех пришедших к нему киевлян:

Заслышал-то Чурило немилых гостей,
Брал туто Чурило золоты ключи,
Заходил-то Чурило во глубок погреб,
Брал-то Чурило золотой казны,
Да брал-то Чурилушка куниц и лисиц,
Белых заморских-то зайцов.
Князей-то дарил да он куницами,
Куницами дарил да лисицами,
А мужиков-то дарил он золотой казной⁸¹.
Брал сорок сороков черных соболев,
Многие пары лисиц да куниц:
Подарил он князю Владимиру,
Бояр-то дарил да все лисками,
Купцов да дарил все куницами,
Мужиков-то дарил золотой казной⁸².

Богатые дары Чурилы, вполне сопоставимые с данью, погасили конфликт.

Показательна дальнейшая судьба Чурилы, которого Владимир увозит в Киев, чтобы поручить ему службу по дому. Внешне это выглядит как приглашение, а по существу есть принуждение. Во всяком случае, нотки приказа здесь звучат: «Втопоры Чурила князя Владимира не ослушался»⁸³. Служба Чурилы уподобляется беде:

Кто от беды откупается,
А Чурила на беду накупается⁸⁴.
Да иной от беды откупается,
А Чурило на беду и называется⁸⁵.

Несмотря на то, что в некоторых былинных записях повествуется о службе Чурилы всему Киеву, надо все-таки сказать: он служит именно Владимиру как частному лицу и домохозяину, чем заметно отличается от других богатырей, обычно несущих службу Руси, народу русскому, обороняющих родную землю от врага. Дела, которыми занят Чурила, отнюдь не героического, а сугубо прозаического свойства, недостойные настоящего богатыря. Владимир предлагает ему стать «курятником», и он покорно соглашается: «И живет-то Чурила во Киеве у князя у Владимира в курятниках»⁸⁶. Обязанности курятника нельзя отнести к числу престижных. Мало чести в том, что Чурило, будучи княжеским стольником, «ходит-де ставит дубовые столы», т.е. выполняет обязанности простого слуги. Все, что делает Чурила, в былине называется «работушкой»:

Говорит Владимир стольне-киевский:
— Тебе дам работушку да стольником,
Стольником да чашником,
Расставляй-ко, молодец, столы дубовыи,
Полагай-ко чаши золоченыи,
Наливай-ко яствушки сахарнии,
А напитокки да все медвяные,
Станови-тко вина заморский⁸⁷.

Несоответствие поручаемой Владимиром «работушки» труду богатырскому сознает и сам Чурила:

Тут Чурилушка да усмехается,
А своей работы удивляется.
И начинает Чурилушка работать,

Расставляет он столы дубовыи,
Расставляет чаши золоченыи,
Садятся тут да гости званные;
Молодой Чурилушка сын Пленкович
Вкруг дубовых похаживает⁸⁸.

Наш герой даже за стол не садится, а лишь вокруг столов «похаживает», иначе — прислуживает. Гостей Чурила обслуживает с необыкновенной легкостью, красотой и изяществом. «Княженецкие» жены им любят, а у «молодой княгинюшки Опраксии», супруги Владимира, голова кругом пошла, хлеб в горле застрял и вино «во рту застоялось». Апраксия обращается к мужу с весьма рискованной и столь же нескромной просьбой:

Смини Чурилушки работушку,
А не стольником-то быть ему, не чашником,
А быть ему да постельником,
Чтобы в нашей-то да светлой спаленки
Убирал бы кроваточки тисовые,
Постилал бы перинушки пуховые,
Покрывал бы одеяла соболиные⁸⁹.

Князь разгневан, чувствуя себя опозоренным перед гостями. Но Апраксия пристает к нему снова:

Если не возьмешь Чурилы во постельники
Оберегать кроваточки тисовые,
Расстилать перинушки пуховые,
То возьми Чурилу в рукомойники;
Встану по утру да ранешенько,
Чтобы Чурилушко да сын Пленкович
Наливал мне воду в рукомойничек
Подавал бы полотенышко камчатое⁹⁰.

Чтобы сберечь свою супружескую честь, князь Владимир решил держать Чурилу подальше от Апраксии и сделал его «зазывальщиком»:

Ты ездитко по городу по Киеву
Зазывать гостей да на почестной пир
Ты князей, бояр да и с жонами,
А богатырей да одиноких,
Всех купцов, людей торговых⁹¹.

Служба «зазывальщика» — последняя «работушка», которую выполнял Чурила при княжеском дворе. Убедившись в том, что от него больше беспокойства и хлопот, чем пользы, Владимир заявил Чуриле:

Да премлады Чурило ты сын Пленкович!
Да больше в дом ты мне не надобно.
Да хоша в Києви живи, да хоть домой поди.
Да поклон отдал Чурила да и вон пошол.
Да вышел Чурило-то на Киев град,
Да нанял Чурило там извощика,
Да уехал Чурило на Почай реку⁹².

Важно отметить, что инициатива прекращения службы, как и поступление на нее, принадлежит всецело Владимиру. В том и другом случае Чурила играет пассивную, а точнее, пассивно-страдательную роль. В былине просматривается даже некоторая приниженность «богатыря», отставленного от службы: «Да поклон отдал Чурила и вон пошол».

Высказанные нами замечания, касающиеся отношений Чурилы с Владимиром, дают пищу для размышлений исторического порядка. Военные походы киевских князей против «окольных» восточнославянских племен (а именно так и следует, по нашему убеждению, толковать поездку Владимира во владения Чурилы) сопровождались всевозможными насилиями над побежденными: уничтожением людей, обращением их в рабство, выводом в Киев или истреблением местных вождей, обложением оставшегося в живых населения данью. Прекрасный пример тому — поход княгини Ольги на древлян, описанный в Повести временных лет⁹³. В былине о молодости Чурилы подобные реалии затемнены наслоениями последующих исторических времен. Но их очертания все же проступают под напластованиями веков. Проглядывают даннические отношения, в которых Чурила, олицетворяющий, по-видимому, какое-то восточнославянское племя, выступает в качестве побежденной стороны. Его поступление на службу к «солнышку князю» Владимиру не столько добровольное, сколько вынужденное. «Работушка» по дому, поручаемая ему Киевским Князем, по характеру своему больше подходит для обычного слуги, даже раба, но отнюдь не свободного человека, а тем более — богатыря. Следует напомнить, что у восточных славян рабство не было безсрочным. По свидетельству Маврикия, славяне пленников «не держат в рабстве, как прочие племена, в течение неограниченного времени, но огра-

ничивая (срок рабства) определенным временем, предлагают им на выбор: желают ли они за известный выкуп возвратиться восвояси или остаться там (где они находятся) на положении свободных и друзей». Невольно напрашивается былинная параллель: «Да больше в дом ты мне не надобно. Да хоша в Киеви живи, да хоть домой поди». Конечно, это сопоставление является достаточно условным. Однако мы все-таки допускаем, что сюжет о службе Чурилы первоначально был связан с пребыванием в Киеве вождя одного из покоренных, но доставлявших ранее беспокойство полянской общине своими набегами восточнославянских племен, вождя, введенного в княжеский дом на положении слуги. Победа киевлян, одержанная над враждебным племенем, пленение вождя этого племени и переселение его в Киев, служба знатного пленника в доме князя-победителя, — все это могло стать предметом песнопений, вдохновить на создание былины. За долгие годы существования песни, исчисляемые столетиями, первичная ее основа под воздействием новаций утратила былую ясность, превратившись в один из компонентов многослойной былинной структуры.

Сведения о завоевательных походах полян в земли соседних племен отложились и в Повести временных лет, согласно которой Олег, едва обосновавшись в Киеве, «поча воевати деревляны, и примучив а, имаше на них дань по черне куне»⁹⁴. Затем он пошел «на северяне, и победи северяны...»⁹⁵. Воевал Олег также с уличами и тиверцами⁹⁶. После смерти «вещего» князя древляне отказались повиноваться новому киевскому правителю Игорю. И ему пришлось восстанавливать пошатнувшееся было господство полян в «Деревской земле»: «Иде Игорь на деревляны, и победи а, и возложи на ня дань болши Ольгов»⁹⁷. Игорь также «примучи Угличе, възложи на ня дань, и вдасть Свеньлду. И не вдашеса един град, именем Пересечен; и седе около его три лета, и едва взя»⁹⁸. В 966 г., по летописной хронологии, «вятичи победи Святослав, и дань на них възложи»⁹⁹. После гибели Святослава вятичи восстали. Владимир Святославич вынужден был снова смирять их. Однако вскоре опять «заратишася вятичи, и иде на ня Володимир, и победи я второе». С вятичей он брал дань «от плуга, яко же и отець его имаша». Покорил Владимир и радимичей, заставив их «платить дань» и «повоз везти». Так постепенно, но неуклонно Киев подчинял восточнославянские племена. В итоге ко второй половине X в. в Восточной Европе образовался огромный, обнимавший практически всех восточных славян племенной союз под гегемонией «Русской земли», возглавляемой полянами. В сферу его притяжения

попали и некоторые иноязычные племена. Этот союз был выгоден полянской общине, обогащавшейся за счет даней, взимаемых с побежденных племен. Важно подчеркнуть, что не только киевская знать проявляла заинтересованность в данничестве, опутавшем покоренные Киевом племена, но и рядовое население полянской земли, поскольку часть дани поступала непосредственно в фонд городских общин, т.е. на народные нужды. Определенную долю дани получали простые воины, участвовавшие в завоевательных экспедициях. Рассмотрим события 945–946 гг. в Древлянской земле, когда древляне убили Киевского Князя Игоря, а его вдова, княгиня Ольга, учинила над ними жестокою расправу.

§ 4 Убийство Князя Игоря древлянами. Наказание древлян Княгиней Ольгой

Послушаем сначала летописца: «Игорь же нача княжити в Кыеве, мир имея ко всем странам. И приспе осень и нача мыслити на древляны, хотя примыслити большую дань... рекоша дружина Игореву: “Отроци Свеньльжи изоделися суть оружием и порты, а мы нази. Поиди, княже, с нами в дань, да и ты добудеши и мы”. И послуша их Игорь, иде в Деревя в дань, и примышляше к первой дани, и насиляше им и мужи его. Возьмав дань, поиде в град свой. Идущу же ему въспять, размыслив рече дружине своей: “Идете с данью домови, а я возвращаюся, похожую и еще”. Пустит дружину свою домови, съ малом же дружины возвращатися, желая болша имения. Слышавше же деревляне, яко опять идеть, сдумавше со князем своим Малом: “Аще ся вьвадит волк в овце, то выносить все стадо, аще не убьютъ его; тако и се, аще не убьем его, то вся ны погубить”. И послаша к нему, глаголюще: “Почто идеши опять? Поимал еси всю дань”. И не послуша их Игорь, и вышедше из града Изькорьстения деревляне убиша Игоря и дружину его; бе бо их мало»¹⁰⁰.

Что же было в действительности?

В 945 г. киевские властители столкнулись с древлянами не впервые. Некогда поляне «быша обидимы древлянами и инеми околними»¹⁰¹. Не исключено, что поляне платили дань «обидчикам». Но удача изменила древлянам, и они оказались под властью полян. При Олеге, как уже отмечалось, древляне давали дань Киеву «по черне куне». Однако «по Олгове смерти» они «затворишася от Игоря». Киевский Князь заставил снова их повиноваться себе и полянской общине. И вот в 945 г. они опять «заратились». Драматические события, развернувшиеся в

945–946 гг., ничем в принципе не отличаются от предшествующей ожесточенной борьбы полян во главе со своими князьями и древлян, предводительствуемых местными вождями. Это борьба межплеменная, в которой одна сторона стремилась к завоеванию и установлению данничества, а другая отстаивала свою свободу и независимость. Убийство данниками Киевского Князя — случай редкий. Возможно, поэтому записи 945–946 гг. так подробны в сравнении с более ранними заметками о вражде полян с древлянами.

Непосредственной причиной выступления древлян против Игоря были его неумеренные поборы. Это подчеркнуто словами летописца о том, что князь, отправляясь в Древлянскую землю, хотел «примыслити большую дань». И он «примышляше к первой дани», разумеется, с помощью насилия. Следует заметить, что здесь летописный текст составлен несколько неопределенно, открывая простор для догадок. В Новгородской Первой летописи говорится о передаче Свенельду князем Игорем дани с древлян и уличей. При этом нет оснований также считать киевских князей феодальными монархами или верховными земельными собственниками: они наделяли приближенных мужей не территориальными владениями, а правом сбора дани, никак не связанным с поземельной собственностью; власть же, которой пользовались киевские правители, еще не стала монархической¹⁰².

Когда летописец сообщает, как Игорь вернулся с пути домой вместе «с малом дружины» за дополнительной данью, то тем подчеркивает малое количество дружинников, находившихся при Киевском Князе, но не их особый дружинный статус как лиц из ближайшего княжеского окружения. Это со всей очевидностью вытекает из летописных слов: «И вышедше из града Иськорьстена древляне убиша Игоря и дружину его, бе бо их мало»¹⁰³.

Итак, древляне восстали против произвольного взимания дани. «Почто идеши опять? Поимал еси всю дань», — говорили они нена сытному Игорю. Отсюда ясно, что дань, взимаемая с древлян, была нормированной¹⁰⁴. Отступление от нормы вызвало протест древлянского населения, перешедший в вооруженное сопротивление.

Ромейский писатель Лев Диакон сообщает некоторые подробности убийства Игоря. Оказывается, он был взят сначала в плен, а потом умерщвлен, будучи «привязан к стволам деревьев и разорван надвое»¹⁰⁵. Похоже, перед нами не простая казнь, а ритуальное убийство или жертвоприношение, осуществленное с использованием священных деревьев¹⁰⁶. Косвенным аргументом здесь может служить по-

следовательность действий древлян, восстанавливаемая, разумеется, гипотетически. Древляне, пленив Игоря, решали участь его, как явствует из летописи, на вече — народном собрании. До сих пор в народе бытует предание о пленении Игоря древлянами. Хуторянин Игоревки, расположенной в 7–8 километрах от Коростеня, рассказывал, что Игоря с дружиной «гнали ночью. Те в Киев ускакать хотели, да их в болото загнали. Кони в трясине увязли. Тут их в плен и взяли. Вон оно, то самое место — его из рода в род все знают»¹⁰⁷. У древних народов местом народных сходов и собраний нередко являлись священные леса и рощи¹⁰⁸. Нет ничего невероятного в том, что расправа с Игорем состоялась в священном лесу и означала жертвоприношение древлянским божествам, возможно, деревьям, в одухотворенность и божественную суть которых славяне свято верили¹⁰⁹.

С позиций язычества само убийство князя, выполнявшего сакральные функции посредника между богами и людьми, исполнено особого значения. Полянская община, потерявшая своего властителя, становилась, сообразно понятиям язычников, незащитной и безпомощной перед внешним миром. Отсюда самонадеянность древлян. «Се князя убихом рускаго, — говорили они, — поймем жену его Вольгу за князь свой Мал и Святослава, и створим ему, яко же хоцем»¹¹⁰. Незавидность своего положения сознают и поляне: «Нам неволя; князь наш убьен, и княгини наша хочет за ваш князь»¹¹¹.

В поведении древлян прослеживается еще одна архаическая традиция, завуалированная сватовством. Речь идет об особенностях перехода в древних обществах власти от одного правителя к другому, часто приобретаемой посредством убийства властителя соперником, претендующим на его должность¹¹². Этот способ практиковался и на Руси IX–X вв.¹¹³ Убив правителя, соперник получал не только власть, но также имущество, жену и детей побежденного. Приведем лишь два соответствующих примера из жизни Руси X — начала XI в. Князь Владимир, умертвив Ярополка, «залеже» его жену, «от нея же родися Святополк». Точно сказать, от кого дитя «родися» (Владимира или Ярополка), летописец не мог, а быть может, не хотел, почему и ограничился двусмысленностью: «бе бо от двою отцю, от Ярополка и от Владимира»¹¹⁴. Правоммерно предположить, что вместе с княжеским столом Владимир взял жену и сына убитого Ярополка. Ярko и колоритно изображен порядок перехода власти в летописном рассказе о поединке Мстислава с Редедей: «В си же времена (1022) Мьстиславу сущю Тмуторокани поиде на касогы. Слышав же се, князь касожьскый

Редедя изиде противу тому. И ставшема обема полкома против собе, и рече Редедя Мьстиславу: “Чего ради губиве дружину межи собою? Но снидеве ся сама бороть. Да аще одолеши ты, то возмеш именье мое, и жену мою, и дети мое, и землю мою. Аще ли аз одолею то възму твое все”. И рече Мьстислав: “Тако буди”. И рече Редедя ко Мьстиславу: “Не оружием ся бьеве, но борьбою”. И яста ся бороти крепко, и надолзе борющемася има, нача изнемогати Мьстислав: “О пречистая богородице помози ми. Аще бо одолею сему, съзижду церковь во имя твое”. И се рек удари им о землю. И вынзе ножь, и зареза Редедю. И шед в землю его, взя все именье его, и жену и дети его...”¹¹⁵.

Таким образом, намерение древлян взять в жены Малу овдовевшую Ольгу и распорядиться по своему усмотрению Святославом есть проявление языческих нравов, процветавших у восточных славян X в.¹¹⁶

Тема сватовства, введенная в летописное предание, затемнила первоначальный смысл действий Мала и древлян, обусловленных языческими представлениями о порядке насильственного перехода власти. Подмена языческого обычая, неприглядного с христианских позиций, картиной сватовства произошла, конечно, значительно позднее упоминаемых в предании событий. «И есть могила его у Искорьстения града в Деревех и до сего дне», — роняет реплику летописец, завершая свой рассказ о гибели Игоря.

Наконец, есть еще одно соображение, которое может оказаться не бесполезным в поисках времени включения в летопись записи о событиях 945 года. Игорь идет за данью к древлянам, понуждаемый собственным корыстолюбием и жадностью, «несытовством» дружинников¹¹⁷. «Отроки Свенльжи изоделися суть оружием и порты, а мы нази», — роптали они. Их жгла зависть к Свенельду: “Се дал еси единому мужеве много”¹¹⁸. Эта тема алчности, жажды дружины к богатству перекликается с идейным настроем введения к Начальному летописному своду 1093–1095 гг.: «Вас молю, стадо Христово, с любовью приклоните уши ваши разумно: како была древнии князи и мужие их, и како отбараху Руския земле, и ины страны придаху под ся; теи бо князи не збираху многа имения, ни вторимых вир, ни продаж вьскладаху люди; но еже будяше правая вира, а ту возмя, дааше дружине на оружие. А дружина его кормяхуся, воююще ины страны и быющеся и ркуще: “братие, потягнем по своем князе и по Руской земле”; глаголюще: “мало есть нам, княже, двусот гривен...”»¹¹⁹. Нетрудно заметить, что рассказ о походе Игоря за данью и введение к Начальному своду

созвучны по идейной направленности, что позволяет говорить о близости во времени их появления в летописи.

Из сказанного следует, что летописная запись о событиях 945 г. в Древлянской земле и Киеве была произведена не ранее конца XI или начала XII в., т.е. сто пятьдесят лет спустя. Тогда же, наверное, языческий обычай приобретения власти посредством убийства правителя превращен в сватовство.

Напомним еще раз, что приезд древлян в Киев обусловлен обычаем передачи власти победителю. В летописи этот обычай подается как сватовство, что является поздним переосмыслением предания. Те же выводы возникают и насчет Ольгиной «мести». Но сперва обратимся к ее описанию в Повести временных лет.

Древлянские «сваты», став перед Ольгой, начали речь свою так: «Посла ны Деревьска земля, рекущи сице: мужа твоего убихом, бяше бо мужь твой аки волк восхищая и грабя, а наши князи добри суть, иже распасли Деревьску землю, да поиди за князь наш Мал». Ольга притворно отвечала: «Люба ми есть речь ваша, уже мне мужа своего не кресити; но хочу вы почтити наутрия пред людьми своими, а ныне идете в лодью свою, и лязиги в лодьи величающесе, и аз утро послю по вы, вы же рыцете: не едем на конех, не пеши идем, но понесете ны в лодье и възнесутъ вы в лодьи». Древляне простодушно поверили. А княгиня меж тем «повеле ископати яму велику и глубоку на дворе теремстемь вне града». Когда киевляне несли древлян в лодье, они, не подозревая близкой казни, «сedeху в перегъбех в великих сустугах гордящесе». И вот «приносиша я на двор к Ользе, и, несъше, вринуша е в яму и с лодьею». Ольга «повеле засыпати я живы, и посыпаша я»¹²⁰. Первая «месть» Ольги состоялась. Затем княгиня отправила к древлянам послов со словами: «Да аще мя просите право, то пришлiti мужа нарочиты, да в велице чти приду за вашъ князь, еда не пустять мене людье киевьстии». Древляне, поверив и на этот раз, «избраша лучшии мужи, иже дерьжаху Деревьску землю, и послаша по ню». Прежде чем явиться перед Ольгой, «лучшим мужам» велено было «мовь створити». Древляне «влезоша» в баню и «начаша ся мыти; и запроша о них истобъку, и повеле (Ольга) зажечи я от дверей, ту изгореша вси»¹²¹. Свершилась вторая «месть» Ольги. После сожжения «лучших мужей» княгиня «посла к деревлянам, рькуще сице: «Се уже иду к вам, да пристроите меды многи в граде, иде же убисте мужа моего, да поплачюся над гробом его, и створю трызну мужю своему». Они же, то слышавше, съвезоша меды многи зело, и възвариша. Ольга же, по-

имаша мало дружины, легко идущи приде к гробу его, и плакася по мужи своем. И повеле людем своим съсуги могилу великую, и яко соспоша, и повеле тризну творити. Посемь сегоша деревляне пити, и повеле Ольга отроком своим служить пред ними... И яко упишася деревляне, повеле отроком своим пити за ня, а сама отъиде кроме, и повеле дружине своей сечи деревляны, и исекоша их 5000»¹²². Такова третья «мсть» Ольги.

Закономерен вопрос, какие исторические реалии скрываются в сказании о «мщениях» Ольги. В основе трех рассказов о «мести» Ольги лежит загадка. «Ольга задает сватам загадки, имитируя обычную свадебную обрядность, но сама свадьба оказывается метафорой мести. Метафоричность свадебной обрядности оказалась надстроенной еще одной метафоричностью — похорон»¹²³. Похоронный обряд, обнаруживаемый автором в действиях княгини, совершается последовательно, стадияльно: «Несение в лодьях — первая загадка Ольги, она же и первый обрядовый момент похорон, баня для покойника — вторая загадка Ольги — второй момент похорон, тризна по покойнику — последний момент похорон»¹²⁴.

Внимательный анализ рассказа летописи о троекратной «мести» Ольги порождает большие сомнения относительно безупречности подхода к нему с точки зрения свадебной и погребальной обрядности. Истолкование этого рассказа в свадебно-похоронном ключе базируется на сугубо формальных соображениях и сравнениях, являя собой схему, под которую подгоняется летописный материал. В самом деле, если первые два акта «мести» можно еще как-то связать воедино, то последняя сцена, разыгравшаяся у могилы Игоря, выпадает из стадияльного ряда похоронной обрядности, связанного с древлянами, ибо сооружение могильного кургана, тризна и пир имеют отношение к Киевскому Князю, а отнюдь не к людям из «Дерев». Похоронный обряд, совершенный над Игорем и древлянами, — это разные по конечному смыслу и цели религиозные действия, объединение которых под одним обрядовым знаком весьма условно и достижимо лишь на уровне абстракций, а не реальных исторических событий. Оставаясь на почве последних, невозможно представить отправление Полянского погребального обряда над древлянами — врагами племени полян. Точно так же невозможно вообразить захоронение по древлянскому обряду Игоря — недруга древлян. Поэтому настоящее погребение князя состоялось с приездом Ольги, насыпавшей курган над могилой убитого мужа, «сотворившей» тризну и пир в его честь. До этого по суще-

ству он был непогребенным. Оно и понятно: похоронный обряд тесно связан с религиозными верованиями, с поклонением языческим богам, будучи своеобразной формой молений, приобщение к которым представителей чужого, а тем более враждебного племени исключалось.

Не должна быть однозначной трактовка ладьи как только принадлежности похоронного обряда. В сознании язычников ладья ассоциировалась и с другими понятиями. Например, у индейцев Северной Америки приглашение на потлач (ритуал взаимного одаривания) обставлялось сложными церемониями. «Передача и принятие приглашения сопровождалась плясками и песнями обеих сторон. Приехавших приглашать иногда в лодке вносили в дом вождя, их угощали и одаривали»¹²⁵. Гостям тем оказывалась честь. Несение в ладье древнерусский летописец также отождествляет с честью, почему древляне и сидели в ней «гордящися»¹²⁶.

Следовательно, мысль о похоронном обряде, якобы воспроизводимом в трех «мщениях» Ольги, выглядит искусственной, по крайней мере, спорной. Не лучше обстоит дело со свадебной обрядностью, совершенно зря притянутой к сказанию о «мести» киевской княгини. Лихачев, усматривающий в Ольгиной «мести» проявление свадебной обрядности, больше декларирует свою концепцию, нежели обосновывает ее. Его «доказательства» строятся по формальному принципу. Он отмечает, что «в обряде русской народной свадьбы сватам часто предлагается «пойти ни конем, ни пешком», сваты говорят: «Ночевали мы ни на земле, ни на телеге, по утру вставали, умывались ни водой, ни божьей росой, а утирались ни тканым, ни пряденым»... С целью обмана духов в свадьбах сказок жениху или невесте предлагается явиться «ни нагой, ни одетой» — и испытуемый выполняет эту задачу, являясь завернутым в рыболовную сеть; «ни пешком, ни на лошади» — и испытуемый является верхом на козе или козле, «ни по дороге, ни без дороги» — и испытуемый едет на колее вдоль дороги или по канаве, «ни днем, ни ночью» — испытуемый является в сумерки или в полночь, в полнолуние или в новолуние и т.д.»¹²⁷. Мотив сватовства в сказании об Ольге, как мы старались выше показать, не изначальный, возникший при обработке предания в момент включения его в летопись. Древний обычай передачи власти был превращен в сватовство. Поэтому сравнения, к которым прибегает Лихачев, носят поверхностный характер. А главный его вывод насчет того, что «несение сватов в ладьях — это свадебный обряд», вообще не подкреплен автором какими-либо сравнительными данными. Вторую и третью «мечь» Ольги Лихачев

связывает лишь с похоронными обрядами. В результате теория свадебной обрядности повисает в воздухе¹²⁸. В чем же тогда заключался подлинный смысл деяний Ольги?

«Не едем на конях, ни на возех, ни пеши идем, понесете ны в лоды», — говорили древляне «киянам», сидя в своей ладье, приставшей «под Боричивым». Надо заметить, что их речь не вполне соответствует наставлениям Ольги, согласно которым древляне должны были сказать: «Не едем на конех, ни пеши идем, но понесете ны в лодье»¹²⁹. Упоминание о «возех» есть, вероятно, добавление, произведенное каким-то книжником. Во всяком случае, в ряде летописных сводов, правда, позднего происхождения «возы» не фигурируют¹³⁰. Однако при любом варианте суть требований древлян не менялась. Попытаемся добраться до нее. И здесь нам на помощь приходит историческая этнография.

Как показывают наблюдения этнографов, древние люди, вступая в незнакомую страну, испытывали чувство, что идут по заколдованной земле, и потому принимали меры, «чтобы охранить себя как от демонов, которые на ней обитают, так и от магических способностей ее жителей»¹³¹. В свою очередь пришельцы внушали серьезное опасение местному населению. Вот почему, прежде чем допустить иноплеменников в страну, тамошние жители выполняли определенные обряды, цель которых — лишить иноплеменников «магических способностей, нейтрализовать пагубное влияние, которое якобы от них исходит, так сказать, дезинфицировать зараженную атмосферу, которая их окружает»¹³². Меры предосторожности были различные. Приезжающих послов, к примеру, подвергали очищению, проводя их сквозь пламя костров¹³³. В Полинезии иноземцев первыми принимали колдуны-аборигены, опрыскивая их водой, смазывая маслом и олеясывая сушеными листьями пандануса. При этом во все стороны рассыпали песок и разливали воду. Сами же новоприбывшие и лодка, на которой они приплыли, протирались зелеными листьями. После этой церемонии колдуны представляли иностранцев вождю¹³⁴. «На афганской границе миссию часто встречали огнем и курениями. Иногда со словами “Добро пожаловать!” под копыта лошади путешественника бросают поднос с тлеющими головнями»¹³⁵. Подобные факты можно перечислять долго¹³⁶, но и приведенных вполне достаточно, чтобы понять поведение древлян, прибывших в Киев.

Древлянские послы появились в столице полян не просто как иноплеменники, а как представители враждебного племени, совершившие

го ужасное злодеяние — убийство полянского князя. С прибытием сюда они вступали в мир, полный опасностей. Нежелание древлян идти по земле пешком или ехать на чужих конях¹³⁷ — мера предосторожности, оберегающая их от злых духов. Находясь в своей ладье¹³⁸, древлянские послы чувствовали себя защищенными¹³⁹, откуда, по видимому, самоуверенная гордость пришельцев и та брань, которой они наградили киевлян¹⁴⁰. С другой стороны, своеобразная изоляция древлян в ладье ограждала полян от их вредного воздействия. Озабоченность о собственной безопасности сквозит в вопросе Ольги: «Добри гости придоша?» Она проглядывает и в том, что «кияне» бросают в яму ладью с древлянами прямо с рук, не ставя ее на землю.

Стремление Ольги и ее людей уберечься от пагубного воздействия приехавших в Киев древлян побудило сказителей сочинить сцену с наставлениями Ольги древлянскому посольству. Уже Татищеву эта сцена казалась в некотором роде странной, почему он и толковал советы княгини как тайные: «И повеле им (*древлянам*. — И.Ф.) тайно сказать, когда их звать будут, чтобы они сказали, еже пеши не пойдут, ни на конях чужих ехать не хотят, но чтоб на гору в их лодье киевляне взнесли»¹⁴¹. Но как бы там ни было, взаимная осторожность полян и древлян по отношению друг к другу не вызывает сомнений. И все же древлян она не уберегла от гибели.

Расправу Ольги над древлянами нельзя, по нашему мнению, расценивать как обычную месть. Предание смерти на княжеском дворе весьма знаменательно. Княжеский двор в ту пору служил сакральным местом, поскольку сам князь, являясь носителем божественного начала, был наделен жреческими функциями¹⁴². Подробности казни древлян также любопытны. В Устюжском летописном своде, содержащем более древнюю и полную редакцию Начального свода¹⁴³ и потому восполняющем сведения, отсутствующие в Повести временных лет, читаем: «Тоя же нощи Ольга повелела ископати яму велику и глубоку на дворе теремном вне града и нажгоша угля дубовых... И принесоша их (*древлян*. — И.Ф.) ко Ольге на двор и, несше, кинуша их в яму горящую с лодьею. И выник Ольга ис терема, и рече им: “Добра ли честь?”. Они же, воскричавше, реша: “Пуще ны есть Игоревы смерти”. И повеле их засыпать живых»¹⁴⁴. В яму, стало быть, Ольга велела насыпать горящих углей, причем дубовых¹⁴⁵. И это не случайно. Дуб — дерево Перуна¹⁴⁶, т.е. верховного бога полян¹⁴⁷. В использовании дубовых углей заключен особый смысл, связанный с очищением, обезвреживанием душ злых покойников, каковыми для Ольги и «киян» были погребенные

заживо древляне. По всей видимости, убийство древлян носило ритуальный, жертвенный характер. Первое древлянское посольство, таким образом, Ольга принесла в жертву Полянским богам и отправила его в подземный мир — нижнюю зону Вселенной. Схожей участи подверглось и второе посольство, составленное из «нарочитых мужей», что «держажу Деревьску землю». На сей раз древлян сожгли в бане.

Как и княжеский двор, баня — сакральное место, представляющее собой замкнутое пространство, изолированное от внешнего мира. Вхождению древлян в баню предшествовали, вероятно, какие-то ритуальные действия. Согласно летописцу Переяславля Суздальского, Ольга «повеле их поити»¹⁴⁸. Возможно, здесь подразумевается ритуальное испитие хмельного напитка. С большей уверенностью можно догадываться о цели помещения «нарочитых мужей» в баню. Желание изолировать, прервать их связь и общение с духами, в конечном счете, обезвредить — вот в чем она заключалась. И надо сказать, что у киевских язычников к тому были важные побуждения. Ведь нарочитые мужи, держащие Древлянскую землю, — это правители. Вспомним, что «нарочитые мужи» держат Древлянскую землю. Термин «держать» означал иметь в своей власти, владеть, обладать¹⁴⁹. В древних же обществах такие люди пользовались репутацией магов и волшебников, обладающих колдовскими способностями¹⁵⁰. Поэтому древлянские «нарочитые мужи» внушали в Киеве чувство повышенной опасности, требующей в обращении с ними мер чрезвычайной осторожности, что и стало причиной их изоляции в бане. Подтверждение данному предположению находим в одной интересной подробности, обычно не замечаемой исследователями: «истобьку» Ольга повелела «зажечи от дверей»¹⁵¹. Факт весьма примечательный, обращающий нас к архаическим представлениям восточных славян о доме.

«В традиционном обществе жилище — один из ключевых символов культуры. С понятием “дом” в той или иной мере были соотнесены все важнейшие категории картины мира у человека. Стратегия поведения строилась принципиально различно, в зависимости от того, находился ли человек дома или вне его пределов. Жилище имело особое, структурообразующее значение для выработки традиционных схем пространства. Наконец, жилище — квинтэссенция освоенного человеком мира»¹⁵². Этот освоенный мир был своим, противостоящим внешнему миру, т.е. чужому миру, всегда потенциально опасному. Не подлежит никакому сомнению сакральность жилища¹⁵³. Границы дома (стены, пол, крыша) изолировали обитавших в нем людей от па-

губного вторжения враждебных сил, служили им надежной защитой. Особая роль принадлежала входу и окнам, чье семиотическое значение было очень велико. Они обеспечивали проницаемость границ дома, что придавало им «статус особо опасных точек связи с внешним миром» и соответственно «особую семантическую напряженность»¹⁵⁴. Двери и окна выполняли функции «своеобразного фильтра, задерживающего нежелательные интенции внешнего мира и, таким образом, регламентирующего связь дома с остальным пространством»¹⁵⁵. Вот почему всем действиям у входа/выхода или у дверей приписывалась «высокая степень семиотичности»¹⁵⁶. На фоне этих представлений становится понятным поджог бани с находящимися в ней нарочитыми мужами «от дверей». Посредством такой операции блокировалась магическая активность древлян, полностью прерывалась их связь с внешними силами, враждебными полянской общине.

Сожжение древлянских правителей в бане (домовине) следует рассматривать как очередное жертвоприношение. В отличие от «лучших мужей», спущенных Ольгой в подземный мир, «нарочитые мужи», сгоревшие в пламени костра, направлены в верхнюю зону Вселенной — на небо¹⁵⁷.

Третья казнь древлян, совершенная Ольгой, насыщена ритуальным содержанием. Осуществляется она у могилы Игоря во время тризны и пира — важнейших ритуалов, относящихся к похоронному обряду. Ритуальным также было испытание отроками в «честь» древлян, исполненное по приказу Ольги: «Повеле отроком своим пити на ня»¹⁵⁸. Достоин внимания и то, что убивать хмельных древлян Ольга повелевает не отрокам, а дружине. По-видимому, здесь тоже не обошлось без ритуала. Все это склоняет к выводу, что и в данном случае перед нами жертвоприношение, но уже не богам Земли и Неба, как то было в Киеве, а князю Игорю. Свершение над могилой Игоря полноценного погребального обряда (плач, сооружение кургана, тризна, пир, человеческие жертвы в лице врагов) возвращало божественную силу киевскому правителю, отнятую древлянами, чем восстанавливалось подорванное ими могущество полян, получивших теперь мощную поддержку своего властителя, присоединившего к сообществу усопших великих предков-сородичей.

Итак, троекратное умерщвление древлян Ольгой нельзя отождествлять с обычной мстью. Погребение заживо в яме, сожжение в домовине (бане), избивание у могилы — это человеческие жертвы, принесенные Ольгой Полянским богам и князю Игорю. Разумеется,

жертвоприношения являлись не личным ее предприятием, а делом всей киево-полянской общины. Прав Рыбаков в том, что действия Ольги носили «государственно-ритуальный характер»¹⁵⁹. Но конкретное содержание этих действий заключалось не столько в мести, как полагает ученый¹⁶⁰, сколько в организации жертвоприношений накануне военного похода против древлян. Заметим, кстати, что в некоторых поздних летописях упоминания о мести в связи с Ольгой вообще отсутствуют. Рассказ о ее расправах там краток и скорее подводит к выводу о ритуальных убийствах, чем об актах кровной мести, предписываемой обычаем. В летописных сводах 1497 и 1518 гг. читаем: «И прислаша к неи (Ольге. — И.Ф.) Древляне лучших людей 20 человек, хотящи поняти ю за князь свои Мал. Она же живых в лодьи веде, в ров кинув, засыпати, и посла в Древляны, глаголя: “Да аще хотите мя право за князь ваш, то пришлите по мя нарочитых людей”. Они же избраша 50 человек и послаша. Она же тех в бани заже и потом посла к Древлянном, глаголя: “Се уже иду к вам, да пристроите у града меды многи, да сотворю тризну мужу своему”. И прииде не во мнозе, и сотвори плачь над мужем своим, и ту упои Древляны, и уби их 5000»¹⁶¹. Показательна и запись Никоновской летописи: «Убиша Игоря Древляне у Коростеня града, и остася у него сын Цветослав, мал зело, а воевода у него Свентелд. Олга же вмета в яму живых Древлян 20, иже пришли к ней, хотяще ю пояти князю своему в жену; потом послаша по неа пятьдесят мужей, Олга же повеле всажати их в баню, и ту сожже их; и тако сама поиде к ним, хотяще творити тризну над мужем своим, и ту уби их пять тысящ»¹⁶². Ритуальная суть убийств вырисовывается в приведенных текстах достаточно зримо.

Человеческие жертвы, трижды принесенные Ольгой, в Повести временных лет были перетолкованы в месть. Слова о мести автор Повести вложил в уста самой Ольги, которая якобы говорила напуганным древлянам: «Аз мстила уже обиду мужа своего, когда придоша Киеву, второе, и третье, когда творих тризну мужеви своему. А уже не хоцю мьщати, но хоцю дань имати помалу, и смирившихся с вами поиду опять»¹⁶³. Это признание княгини наилучшим образом доказывает производный характер мотива о мести, поскольку оно помещено в той части сказания об Ольге, где особенно видны следы редакторской работы составителя Повести временных лет¹⁶⁴. В Начальной летописи его, судя по всему, не было. Поэтому, надо полагать, близкая к Начальному своду Новгородская Первая летопись хранит на сей счет полное молчание¹⁶⁵. Однако, по верному замечанию А.Г. Кузьмина, обе

летописи (Повесть временных лет и Новгородская Первая летопись) донесли до нас «только обрывки каких-то предшествующих повестей, причем противоречия возникли в результате соединения и переосмысления уже записанных их вариантов»¹⁶⁶.

По словам С.М. Соловьева, предание об Ольгиной мести «драгоценно для историка, потому что отражает в себе господствующие понятия времени, поставлявшие месть за убийство близкого человека священной обязанностью; видно, что и во времена составления летописи эти понятия не потеряли своей силы. При тогдашней неразвитости общественных отношений месть за родича была подвигом по преимуществу; вот почему рассказ о таком подвиге возбуждал всеобщее живое внимание и потому так свежо и украшенно сохранился в памяти народной»¹⁶⁷.

Три расправы Ольги представляют собой некий цикл ритуальных действий, о чем свидетельствует возвращение Ольги в Киев по иссечении древлян на могиле Игоря, чтобы «пристроить» воинов «на прок их»¹⁶⁸. Это возвращение как бы отделяет последующий поход от предшествующих ему акций киевской княгини. Однако немедленные военные сборы свидетельствуют, что сам поход есть логическое завершение поляно-древлянского конфликта. Намечаемая нами событийная связь подтверждается единством и целостностью летописного повествования, о чем еще в прошлом столетии говорил И.П. Хрущов: «Эпопея о покорении Древлянской земли состоит из трех частей, непосредственно связанных между собой последовательным содержанием и составляющих поэтому одно стройное целое»¹⁶⁹. Отсюда ясно, что трехкратная расправа Ольги с древлянами должна рассматриваться как подготовительная часть военного похода, с целью организации которого княгиня и возвращается в Киев. Приготовления к походу, следовательно, вылились в серию человеческих жертвоприношений, призванных обеспечить полянской общине благорасположение богов и дать ей победу над врагом. Жертвоприношения перед началом войны – привычный языческий способ вымаливания у богов удачи. Поражает размах заклятий Ольги. Впрочем, он находит объяснение в специфике момента, переживаемого полянами. Убийство их князя, по общепринятым понятиям языческой эпохи, – знак очень скверный, указывающий на прекращение поддержки и помощи со стороны богов. Для восстановления этого попечения и потребовались обильные человеческие жертвы. Успешное осуществление жертвоприношений и особенно принесение в жертву врагов, недавно, казалось бы, праздновавших победу, – все это убеж-

дало полян в возобновлении к себе благоволения богов. Теперь можно было, не страшась судьбы, начинать поход, и «Ольга с сыном своим Святославом собра вои много и храбры, и иде на Деревьску землю»¹⁷⁰.

Этот поход следует рассматривать как карательный и проводимый под флагом мщения. Если говорить о мести, то надо признать: она являлась не «четвертой» по счету, как полагают исследователи¹⁷¹, а первой и, можно сказать, последней. В литературе существует мнение, что рассказ о ней, читаемый в Повести временных лет и якобы отсутствующий в Новгородской Первой летописи, есть вставка автора Повести. Это не совсем точно, поскольку в Новгородской Первой летописи упоминание о походе имеется: «Олга с сыном своим Святославом събра вои многы и храбры, иде на Деревьскую землю. Изидоша Древляне противу; и снемшимся обеима полкома на совокуп... И победиша Древляны»¹⁷². Сам же поход, сопровождавшийся, несомненно, избиением древлян, разорением их городов и сел, необходимо расценивать как месть за убийство Игоря. Поэтому точнее было бы сказать, что в Повести временных лет, в отличие от Новгородской Первой летописи, содержатся подробности мщения, связанные со взятием Искоростеня — политического центра Древлянской земли.

Бой с древлянским войском начинает малолетний Святослав: «Суну копьем Святослав на деревляны, и копье лете сквозе уши коневы, и удары в ноги коневы, бе бо детеск. И рече Свенелд и Асмолд: «Князь уже почал; потягнете, дружина, по князе». И победиша деревляны. Деревляны же побегоша в градах своих»¹⁷³. Причастность к битве ребенка, каковым был Святослав, толкуется в науке по-разному. Д.С. Лихачев фразу «суну копьем Святослав на деревляны» сопровождает следующим комментарием: «Хорошо известен древний обычай, по которому князь или полководец первый начинает бой, кидая копье или стреляя из лука. Вместе с тем выстрел или бросок копья в сторону противника был знаком объявления войны»¹⁷⁴. Важной смысловой нагрузкой, заключенной в рассказе о воинских делах княжича, обладает указание на предводительство древнерусских князей в сражениях¹⁷⁵. Гвоздь данного эпизода — начало битвы, положенное Святославом. Недаром Свенелд и Асмуд говорят: «Князь уже почал; потягнете, дружина, по князе». Впрочем, одной регистрации факта здесь недостаточно. Нужно объяснить, почему первым бросает копье Святослав, совершая чисто символический жест, ничем не угрожающий сам по себе древлянам. Отгадку находим в религиозных верованиях древних людей, видевших в особе правителя существо, наделенное сверхъестественными способностями и божественной силой¹⁷⁶. Нас не должно

смущать малолетство Святослава, ибо «ни в ком божественность не находит лучшего воплощения, чем в его сыне, унаследовавшем от отца его священное наитие»¹⁷⁷. Что касается Игоря, то его «священное наитие» было утверждено рядом массовых жертвоприношений, совершенных успешно и, следовательно, принятых богами. И оно перешло к Святославу. Бросание им копья означало не только начало сражения, но и магическое действие, нацеленное на победу. Древляне проиграли битву.

После длительной осады пал Искоростень, жители которого, возглавляемые Малом, убили Игоря. Ольга сурово отомстила виновникам смерти мужа: «И побегоша людье из града, и повеле Ольга воем своим имати я, яко взя град и пожьже и; старейшины же града изьнима, и прочая люди овых изби, а другия работе предасть мужем своим, а прок их остави платити дань. И възложиша на ня дань тяжьку...»¹⁷⁸. Искоростенцы заплатили кровью, пленом и рабством за убийство Киевского Князя.

Взятие Искоростеня — столицы Древлянской земли¹⁷⁹ — парализовало сопротивление древлян. Власть Киева над ними утвердилась снова. «И взем все грады их и, прия землю ту, иде к Киеву», — сообщает поздний летописец¹⁸⁰. Эта власть выражалась прежде всего в уплате дани. Ольга, как только что мы видели, наложила на древлян «дань тяжьку». О тяжести ее можно судить по соседней записи относительно данничества северян: «Иде Олег на северяне, и победи северяны, и възложи на ня дань легьку»¹⁸¹. Известие о «легкой дани» выглядит контрастно при сопоставлении его с указанием летописца на «примучивание» Олегом древлян. Игорева дань, определяемая описательно («болши Олговы»), возможно, проецируется в Летописце Переяславля Суздальского, где читаем: «И платить повеле (*Ольга*. — *И.Ф.*) по две куне чръных, по две веверицы и скоры и мед и давати...»¹⁸².

Привлекает внимание распределение древлянской дани, установленной после разорения Искоростеня: «2 части дани идета Киеву, а третья Вышегороду к Ользе; бе бо Вышегород град Вользин»¹⁸³. Иными словами, дань получали общины Киева и Вышгорода, принимавшие деятельное участие в походе «на Деревьску землю». И это закономерно, так как киевские князья, покоряя восточнославянские племена, опирались не столько на дружину, сколько на воев — народное ополчение¹⁸⁴. Поход против древлян не составил тут исключения. «Ольга с сыном своим Святославом собра вои много и храбры», — сообщает Повесть временных лет¹⁸⁵. «Воиньством многым» называет

участников похода летописец Переяславля Суздальского. Не княжеской дружине принадлежала, по летописцу, победа, а войску киевлян: «И победиша Деревлян Кияне»¹⁸⁶. Понятно, что дань взял тот, кто победил.

Приведя в покорность древлян, Ольга, согласно Повести временных лет, «иде по Деревьстей земле с сыном своим и с дружиною, уставляюще уставы и уроки; и суть становища ея и ловища». Через год она пошла к «Новугороду, и устави по Мьсте повосты и дани и по Лузе оброки и дани; и ловища ея суть по всей земли, знаменья и места и повосты»¹⁸⁷. В Летописце Переяславля Суздальского текст читается несколько иначе: «И иде Олга по Деревьстей земли с сыном, уроки уставляющи и суть становища ея и ловища и до сего дня. И прииде в Киев и пребысть лето едино и устави погосты, поиде к Новугороду и по Мьсте устави погосты и дань и оброки и ловища ея и сии час и по Лузе и по земли и пересыти и знаменья и места и погосты»¹⁸⁸.

Еще Карамзин поездку Ольги по Древлянской и Новгородской землям оценивал как важный шаг на пути утверждения «внутреннего порядка Государства», как «дело великой законодательной мудрости»¹⁸⁹. С точки зрения «хозяйственной распорядительности» смотрел на предприятия княгини С.М. Соловьев¹⁹⁰. При этом он замечал: «Хотя летописец упоминает о распоряжении Ольги только в земле Древлянской и в отдаленных пределах Новгородской области, однако, как видно, путешествие ее с хозяйственной, распорядительной целью обнимало все тогдашние русские владения; по всей Земле оставила она следы свои, повсюду виднелись учрежденные ею погосты»¹⁹¹.

Следует отметить, что Ольга начинала не новое дело, а возвращалась к прежней системе фиксированной дани, нарушенной «несытовством» Игоря. Древляне, восставшие против неумеренных поборов, в «уставах» и «уроках» получали гарантию того, что дань будет браться снова по норме, а не произвольно. Что касается административной поездки Ольги в Новгородскую землю, сам факт ее вызывает сомнение у отдельных исследователей. Но даже признав его, трудно согласиться с мыслью о реформаторской деятельности княгини. Если учесть, что по Луге тогда жила вода, а по Мете сидела весь, то станет ясной цель, преследуемая Ольгой. Она состояла в получении дани с названных иноязычных племен. И вряд ли тут дань вводилась впервые¹⁹².

Таким образом, это восстание побудило киевских правителей подтвердить незыблемость привычных даннических отношений¹⁹³. Это не значит, что мы отрицаем какие бы то ни было новшества в поли-

тике Киева. К их числу необходимо отнести учреждение «становищ» и погостов — княжеских станов, пунктов приезда за данью, свозимой сюда из ближайших поселений. Создание этих пунктов было связано с нормированием дани. Киевские данщики теперь приезжали за данью в строго установленные места, а не ходили, как прежде, по Древлянской земле, чем устранялась возможность насилий и произвольных поборов. В «становища» и погосты поступало столько дани, сколько определено было «уставами» и «уроками», но не больше. Следовательно, новая система «становищ» и погостов укрепляла старую практику взимания фиксированной дани.

Как видно, в области данничества Ольга не произвела каких-либо радикальных перемен. Другое дело — политические отношения Киева с Древлянской землей. Тут заметны существенные изменения, попавшие, кстати, в поле зрения исследователей. В первую очередь лишились власти местные князья. Неслучайно летописец сообщает, что Святослав посадил сына своего Олега «в деревех»¹⁹⁴. Значит, к моменту посажения Олега в Древлянской земле князя своего не было. Способы устранения древлянской знати незамысловаты — плен, равнозначный рабству, и физическое истребление. Именно так поступила Ольга со старейшинами града Искоростеня, выступавшими в качестве правителей, занимавшихся гражданскими делами, в отличие от князей, профилирующихся в отрасли военной¹⁹⁵. Согласно Лаврентьевскому списку Повести временных лет, Ольга старейшин «изънима», т.е. забрала в плен¹⁹⁶. В Ипатьевском же списке Повести княгиня обходится с древлянскими старейшинами более сурово: «Стареишины же города ижъже»¹⁹⁷. Это сожжение древлянских старейшин нужно, по-видимому, рассматривать в ритуальной плоскости.

Вооруженное торжество Ольги над древлянами создало ей ореол божественности, внушающий язычникам чувство трепета и поклонения. Весьма любопытны в данном отношении указания летописцев на становища, ловища, знамения и места, связанные с личностью княгини. Заметим здесь, что летопись отразила не только «владельческий характер» ее установлений. Быть может, в большей мере она запечатлела памятные места, связанные с Ольгой. Именно этот смысловой оттенок улавливается в летописных словах: «И суть становища ея и ловища и до сего дне»¹⁹⁸. Или: «И сани ее стоять в Плескове и до сего дне»¹⁹⁹. В одном источнике встречаем и такую подробность, относящуюся к памяти об Ольге: «По Днепру же перевоз ея и до ныне словеть»²⁰⁰. На берегу Волги, в версте от устья Мологи, еще в XVII в.

лежал большой камень, который слыл Ольгиным²⁰¹. А двумя столетиями раньше именем Ольги называлась гора близ Пскова²⁰². Эти и другие данные привели Н.М. Карамзина к интересным наблюдениям и выводам. «Историки наши, — писал знаменитый историограф, — несправедливо думали, что Ольга распорядила в государстве звериную, птичью и рыбную ловлю: здесь говорится о местах, где княгиня сама забавлялась ловлею, местах известных и в Несторово время под именем Ольгиных». И к тому же: «Ольга, кажется, утешила древлян благодеяниями мудрого правления; по крайней мере, все ее памятники — ночлеги в местах, где она, следуя обыкновению тогдашних героев, забавлялась ловлею зверей — долгое время были для сего народа предметом какого-то особенного уважения и любопытства»²⁰³.

Причину подобных переживаний нельзя понять, абстрагируясь от языческих представлений. Киевская княгиня, повергшая древлян, а стало быть, и древлянских богов, принималась язычниками за сверхъестественное существо, осененное божественной благодатью. Отсюда хранимые народной памятью «знаменья», «становища», «ловища», т.е. места, отмеченные и как бы освященные присутствием Ольги, или, по выражению Карамзина, памятники, а по нынешнему — достопримечательности. Наглядным подтверждением правомерности данного толкования летописных известий являются собираемые еще во время летописца во Пскове сани, принадлежавшие некогда Ольге. Напомним, что сани в языческой обрядности — весьма значительный атрибут ритуала²⁰⁴.

Итак, рассмотренный нами материал, относящийся к событиям 945–946 гг. в Древлянской земле и Киеве, рисует межплеменную борьбу²⁰⁵. То была борьба не внутри так называемой Киевской державы и не между княжеско-дружинной верхушкой днепровской столицы и зависимым населением, а внутри племенного союза, сколачиваемого Киевом, и между племенами, соперничавшими друг с другом в ходе формирования данного союза. Межплеменные столкновения носили острый характер и сопровождались кровопролитными войнами. Полянская община, чтобы удержать свое господство над «примученными» восточнославянскими племенами, прибегала не только к военной силе, но и к религиозно-идеологическим средствам. Предпринимается, в частности, попытка превратить Киев в религиозное средоточие восточного славянства, для чего языческое капище с изваянием Перуна, располагавшееся первоначально в черте древнейших городских укреплений, выносится на новое место, доступное всем

пребывающим в центр Русской земли²⁰⁶. По отрывочным летописным сведениям можно думать, что культ Перуна вводился в подчиненных Киеву землях принудительно. «И пришед Добрыня к Новугороду, — сообщает новгородский летописец, — поставил Перуна кумир над рекою Волховом, и жряху ему людие новгородстєи акы Богу»²⁰⁷. С целью сохранения господствующего положения Киева в общевосточнославянском племенном союзе предпринимается «реформа» Владимира²⁰⁸.

§ 5 Неудача языческой реформы Князя Владимира. Христианизация Руси

Согласно Повести временных лет, Владимир «постави кумиры на холму вне двора теремного: Перуна древяна, а главу его сребряну, а ус злат, и Хорса, Дажьбога, и Стрибога и Симарыгла, и Мокошь. И жряху им, наричюще я богы, и привожаху сыны свои и дъщери, и жряху бесом, и оскверняху землю требами своими. И осквернися кровьюми земля Руска и холмъ ть»²⁰⁹. Владимиром, следовательно, был собран в Киеве целый пантеон богов, убажваемых человеческими жертвами. «Поставление кумиров» — идеологическая акция, с помощью которой Киевский Князь надеялся укрепить свою власть над союзными племенами. Перун предстал в окружении богов других племен, символизируя их единство. Столица полян тем самым объявлялась религиозным центром восточного славянства и, возможно, других этнических групп — балтских, угро-финнских, иранских²¹⁰. Связь между перемещением периферийных божеств в Киев и притязанием киевской знати (да и в целом полянской общины) на господствующую роль в общеславянском племенном союзе, на наш взгляд, очевидна. И в этом нет никакой исключительности. Так, некоторые боги, вошедшие в общегерманский пантеон, выступали поначалу в роли местных племенных богов. «Формирование общенародного сонма богов у германцев, — пишет С.А. Токарев, — было, как и у других народов, отчасти отражением, а отчасти и *средством (подчеркнуто нами. — И.Ф.)* межплеменного объединения»²¹¹. В истории многих народов мира можно наблюдать, как растущая политическая мощь одной общины стягивала «более слабых соседей в единую нацию», причем «вместе со своими диалектами народы внесли в пантеон и своих богов»²¹².

Языческая «реформа» Владимира оказалась неудачной, как и предшествующие ей попытки провозгласить Перуна верховным божеством всех восточных славян. Главной причиной тому являлась историческая необратимость разложения родоплеменного строя, что

делало неизбежным падение союза союзов племен под гегемонией Киева²¹³. Признаки распада союзной организации проявились во второй половине X в. достаточно определенно. Кроме того, в самой «реформе» заключались изъяны, препятствовавшие достижению поставленной цели. Основной из них — верховенство Перуна над остальными богами. Перунов культ пришлось навязывать союзным племенам, в результате чего языческая «реформа», проводимая из Киева, вылилась в религиозное насилие «Русской земли» над словенами, кривичами, радимичами, вятичами и пр., что вызвало волну антикиевских выступлений. «Заратишася вятичи, — читаем в летописи под 982 г., — и поиде на ня Володимир и победи я второе»²¹⁴. В 984 г. Владимир воюет с радимичами²¹⁵. Следовательно, вместо единения «реформа» привела к раздорам и обострению отношений Киева с подвластными ему племенами. Тогда Владимир обращается к христианству.

Переход к христианству древних народов отнюдь не всегда был чем-то мучительным, требующим полного отказа от старых религиозных представлений. Например, «христианство в Ирландии представлялось не принципиальным соперником друидизма, а преподносилось как новый, гораздо более могущественный его вариант. Коренная ломка мировоззрения была, таким образом, предельно смягчена и затушевана. Престиж старинной традиции был встроен в систему новой, преобразен, а не отвергнут. И дух, и организационные принципы существования церкви в Ирландии оказались зависимыми от культуры более раннего времени и естественно впитали многие его черты»²¹⁶.

Сравнительно мирное и спокойное распространение христианства в «Русской земле»²¹⁷ резко отличалось от того, что происходило в подвластных Киеву восточнославянских землях, где новую веру принимали враждебно. Яркой иллюстрацией тут служит Новгород.

Крестить новгородцев Владимир поручил Иоакиму Корсунянину. «И приде к Новуграду архиепископ Аким Корсунянин, и требища разруши, и Перуна посече, и повеле влещи в Волхово; поверзьше ужи, влечаху его по калу, биюще жезлеем; и заповеда никому же нигде же не прияти»²¹⁸. Новгородская Первая летопись младшего извода, откуда взято это известие, ничего не говорит о крещении в Новгороде, ограничиваясь рассказом об уничтожении «требища» и «посечении» Перуна. Согласно Иоакимовской летописи, в Новгород вместе с Иоакимом Корсунянином был направлен Добрыня, совсем недавно понуждавший новгородцев поклоняться Перуну. Когда жители города

узнали о приближении непрошенных гостей, то созвали вече и поклялись все не пускать их в город «и не дати идолы опровергнути». Затем они, «разметавше мост великий», соединяющий Софийскую и Торговую стороны, укрепились на Софийской стороне, превратив ее в оплот сопротивления. Пришельцы между тем появились на Торговой стороне и начали свое дело, обходя «торжища» и «улицы» и призывая людей креститься. Два дня трудились «крестители», но обратить в новую веру им удалось лишь «неколько сот». А на Софийской стороне кипели страсти. Народ в крайнем возбуждении «дом Добрыни разориша, имение разграбиша, жену и неких от сродник его избиша». И вот тогда княжеский тысяцкий Путята переправился ночью в ладьях с отрядом в 500 воинов на противоположный берег и высадился в Людином конце Софийской стороны. К нему устремилось 5 тысяч новгородцев. Они «оступиша Путятну, и бысть междо ими сеча зла». В то время, когда одни новгородцы сражались с Путятой, другие — «церковь Преображения Господня разметаша и дома христиан грабляху». На рассвете Путяте на помощь подоспел Добрыня. Чтобы отвлечь новгородцев от битвы, он повелел «у берега некие дома зажесчи». Люди кинулись тушить пожар, прекратив сражение. Устрашенные новгородцы «просиша мира», и Добрыня «дал мир»: «идолы сокруши, древянии сожгоша, а каменнии, изломав, в речку вергоша; и бысть нечестивым печаль велика». Потом он «посла всюду, объявляя, чтоб шли ко крещению».

Как явствует из Иоакимовской летописи, в Новгороде до трагических событий 989 г. имелись Преображенская церковь и христианская община. Значит, новгородцы терпимо относились к христианству до памятного 989. Отчего же так ожесточенно они воспротивились крещению? Конечно же, оттого, что оно осуществлялось по велению Киева и, следовательно, являлось инструментом укрепления киевского господства, тягостного для новгородской общины. Нельзя, разумеется, не учитывать приверженности масс Новгорода язычеству. Но в данном случае эта приверженность приобрела особый накал потому, что оказалась в горниле политики. Борьба в Новгороде 989 г. — это борьба не только религиозная, но и политическая, а точнее — не столько религиозная, сколько политическая, в конечном счете — межплеменная. Акт крещения не представлял для широких слоев новгородцев ни политической, ни идеологической загадки. В нем они увидели посягательство Киева на свою самостоятельность. В сущности, их борьба была антикиев-

ской, а не антихристианской, и сводить ее только к движению против насильственного обращения в христианскую веру неправомерно²¹⁹. Борьба эта началась не стихийно, но организованно, с вечевого решения («учиниша вече»). То было сопротивление всей новгородской общины, сплотившейся перед лицом угрозы усиления господства Киева над собой. Ведь недаром очаг противодействия крещению, как заметил А.Г. Кузьмин, «скрывался на Софийской стороне, то есть там, где находились главные административные, управленческие центры города. Сопротивление возглавил сам тысяцкий — высшее должностное лицо, представляющее институт самоуправления»²²⁰.

Введение христианства в Туровской области, соседствующей с Киевщиной, отразилось в местной легенде, повествующей о том, как к Турову по реке приплыли каменные кресты. Когда они остановились напротив городских ворот, речная вода покрылась кровью.

Повесть временных лет сообщает о крещении двенадцати сыновей Владимира, после чего княжичей направили в качестве князей-наместников в различные города Руси. Владимир «посади Вышеслава в Новгороде, а Изяслава Полотыске, а Святополка Турове, а Ярослава Ростове. Умершую же старейшему Вышеславу Новгороде, посадиша Ярослава Новгороде, а Бориса Ростове, а Глеба Муроме, Святослава Деревех, Всеволода Володимери, Мстислава Тмуторокани»²²¹. Известие о наделении княжескими столами сыновей Владимира помещено вслед за рассказом летописца о крещении Киевской земли и как бы вытекает из него. Исследователи мало придают значения этому. Но тут просматривается бесспорная связь между распределением княжений, мерой по сути своей политической, и крещением поляно-киевской общины. Делегируя свою власть в лице сыновей в отдаленные от Киева городские центры, Владимир, по-видимому, физически устранял местных правителей там, где они еще сохранились. На новых властителей, прибывших из Киева, возлагалась обязанность утверждения христианства среди управляемого ими населения.

О том, что сыновья Владимира действовали как рьяные проводники христовой веры, свидетельствуют народные предания. По одному из них, первым просветителем Ростовской земли являлся князь Борис Владимирович, который, «благочестиво властвуя, обращал неверных к святой вере». Вместе с ним не покладая рук трудились и епископы. Правда, даже во второй половине XI в. христианизация Ростова встречала открытое противодействие. Епископ Леонтий, миссионерская деятельность которого падает на 70-е гг. XI столе-

тия, обнаружил в Ростове массу людей, которые были «объдержимы многом неверьством». Когда Леонтий приступил к проповеди христовой веры, его «изгнаша вон из града», и проповедник «изыде из града с плачем». Расположившись за городом, «близ потока нарицаемого Брутовъщица», Леонтий «постави себе церковь малу», продолжая «учить» язычников. Но к нему шли лишь старики и младенцы. Но едва «великий Леонтий» снова появился в Ростове, на него «устремиша невернии»: одни с оружием, «друзии с дреколием»²²². В конце концов «невегласи» убили Леонтия²²³.

Способы воздействия на язычников при обращении в христианство, идущее из Киева, наглядно демонстрирует «Сказание о построении города Ярославля». До возникновения города на его месте располагалось селище, именуемое Медвежий угол, в котором жили люди «поганья веры — языцы, зли суще». Они поклонялись Волосу, пока сюда не прибыл князь Ярослав Владимирович «с сильною и великою ратью». Ярослав взялся за дело, повелев дружине своей «устрашити и разгнати шатание сих беззаконных... И дружина князя храбро приступи на врагов, яко сии окаяннии нача от страха трепетати и в велии ужасо скоро помчеса в ладиях по Волге реце. Дружина же князя и сам Ярослав погнася за неверными, да оружием бранным погубит сих».

Ярослав покорил население Медвежьего угла и обложил данью. Люди согласились «оброцы ему даяти, но точию не хотяху креститися». Вскоре Ярослав «умысли паки прибыти в Медвежий угол». На сей раз он явился сюда «со епископом, со пресвитеры, диаконы и церковники», а также «и с воины». Язычники натравили на князя и «сущих с ним» псов и «лютого зверя». Ярослав «секирою своею победи зверя», а псы, как агнцы, никого не тронули. В поединке Ярослава с «лютым зверем» слышны отзвуки кровавых стычек киевских пришельцев с аборигенами, отчаянно боровшимися за свою свободу²²⁴.

Из «Повести о водворении христианства в Муроме» черпаем сведения о распространении христианства в Муромской земле Глебом Владимировичем. На требование принять его князем и креститься муромцы ответили решительным отказом. Глеб вынужден был разместиться в 12 «поприщах» от города на речке Ишне. Ему все-таки удалось приобщить к новой вере какую-то часть муромцев, что породило жестокие кровопролития «поганых» с «верными» — христианами. Дальнейшие происшествия в Муромской области Повесть связывает с неким князем Константином. Они датируются, вероятно, концом XI столетия. Муромцы, как сообщает Повесть, вновь отказались принять святую веру, несмотря на обещание Константина облегчить их

повинности, уменьшив дань. И только уstraшенные войском, горожане впустили князя в Муром, «точию не хотяще крестися». Тот упорно склонял язычников к христианству, угрожая им «муками и ранами». Наконец он сломил сопротивление. С помощью оружия князь «идолы попраша и сокрушиша и без вести сотвориша»²²⁵.

Иоакимовская летопись, дошедшая до нас в изложении В.Н. Татищева, повествуя о крещении восточнославянских племен просветителями из Киева, указывает: священнослужители, разошедшиеся по градам и весям восточных славян «с вельможи и вои Владимировыми, учаху и кресчаху всюду стами и тысячами, колико где прилучится, асче людие невернии вельми о том скорбяху и роптаху, но отрицатися воев ради не смеяху»²²⁶.

Таким образом, можно полагать, что введение христианства Владимиром заметно обострило отношения Киева с подчиненными полянской общине восточнославянскими племенами. Однако не обошлось без коллизий и внутри самого киевского общества. Хотя в целом обращение в новую веру протекало на Киевщине относительно спокойно, некоторые эксцессы все же имели место. Когда Перуна, по словам летописца, волокли «по Ручаю к Днепру, плакахуся его невернии людье, еще бо не бяху прияли святаго крещенья»²²⁷. Любопытные подробности сообщает Татищев: «По опровержении идолов и крещении множества знатных людей, митрополит и попы, ходящие по граду (*Киеву*. — И.Ф.), учаху люди вере Христове. И хотя многие принимали, но множайшии, размышляя, отлагали день за день; инии же закоснелые сердцем ни слышати учения хотели... окаменелые же сердцем, яко аспиды, глуха затыкающе уши своя, уходили в пустыни и леса, да погибнут в зловерии их»²²⁸. Не соглашаясь с мыслью о массовом сопротивлении населения полянской столицы крещению, мы не только допускаем, но даже предполагаем отдельные проявления недовольства и протеста со стороны ее жителей. Трудности ожидали Владимира, как мы видели, в периферийных землях, а не в Киеве, где к учреждению христианства была причастна местная община, что и обеспечило сравнительно спокойное крещение народа²²⁹. Трудно согласиться и с Голубинским, который пишет: «В самом Киеве, т.е. именно в самом городе Киеве, полицейский надзор, как нужно предполагать, был настолько силен и действителен, что эти не желавшие (*принять крещение*. — И.Ф.) не могли укрыться и должны были или креститься неволей, или спасаться бегством, или подвергнуться казням. Но в области Киевской, т.е. по ее пригородам и селам, и по всей остальной Руси как по городам, так и по селам значительная

часть не желавших креститься имели полную возможность скрываться, а следовательно, и скрывались. Таким образом, это дело о крещении должно понимать так, что было крещено большее или меньшее большинство жителей, что язычество было объявлено верою запрещенною и преследуемою... и что оно, хотя далеко еще не перестало существовать, стало верою тайною, подобно расколу старообрядства во времена его сильнейших преследований»²³⁰. Теория крещения киевлян «под страхом» не соответствует действительности.

Внутренние конфликты в Киевской земле возникали не только на религиозной, но и социальной почве. Структура киево-полянского общества соответствовала варварским, так сказать, стандартам: свободные (знатные и простые) и рабы — вот его составляющие. В источниках первые называются мужами, людьми²³¹, а вторые именуются челядью. Источником рабства у восточных славян, как и у многих других народов, был плен. Обычное право запрещало обращение в рабство соплеменников²³². Челядин — это чужеземец, попавший в рабство через плен²³³. Поэтому он противостоял своим господам не только как раб, но и как представитель враждебного племени или народа, что в свою очередь ставило его во враждебные отношения к обществу в целом, где он находился в рабстве. Социальные противоречия, следовательно, переплетались с межплеменными²³⁴.

Поскольку Древняя Русь развитого рабства не знала и рабовладельческой формации не достигла, количество рабов в ней было сравнительно невелико и условий для массовых выступлений рабов против рабовладельцев, против враждебного им общества не имелось. Оставалась наиболее доступная форма «борьбы» — бегство. Челядь в бегах — явление нередкое. В договоре Руси с Ромеей 911 г. читаем: «Аще украден будеть челядин Рускыи, или *ускочить* (*курсив наш — И.Ф.*), или по нужи продан будеть, и жаловати начнуть Русь, да покажется таковое от челядина, да поймутъ и в Русь»²³⁵. В договоре 944 г. находим то же соглашение²³⁶. Надо сказать, что бегство челядина, упоминаемое в договорах Олега и Игоря с греками, осуществлялось в особой обстановке: челядин находился за пределами Руси, что во многом облегчало ему побег. Но Краткая редакция Русской Правды в ст. 11, относящейся к самой древней ее части — Правде Ярослава, — говорит: «Аще ли челядин съкрыется любо у варяга, любо у колбяга, а его за три дня не выведутъ, а познають и в третий день, то изымати ему свои челядин, а 3 гривне за обиду»²³⁷. Наконец, по свидетельству Титмара Мерзебургского, в Киев со всех сторон стекались беглые ра-

бы²³⁸. Бегство, стало быть, являлось основной формой социального сопротивления рабов на Руси X — начала XI вв.

Вторая половина X в. — время интенсивного распада родоплеменных отношений. Имущественное расслоение приобретает полярный характер: появляются богатые и бедные, лишенные нередко средств к существованию. Возникает рабство, формируемое за счет местных обездоленных людей. Эта категория рабов получает название холопов²³⁹. Структурные изменения в киевском обществе запечатлел наказ Владимира киевлянам: «Аще не обрящется кто заутра на рече, богат ли, убог ли, или нищ, ли работник: противен мне да будеть»²⁴⁰. Значит, уже во времена Владимира в Киеве жили богатые и «убогие», нищие и рабы. Это яркий показатель кризиса родового строя, свидетельство наличия в киевском обществе горючего материала, способного при случае разгореться в социальный конфликт. Можно говорить об определенном социальном напряжении в Киеве на исходе X и начале XI столетий. Оно явилось следствием разложения родовых связей. Крушение рода сопровождалось всякого рода потрясениями и неурядицами, нарушавшими внутренний мир. И тут большой интерес представляет рассказ Повести временных лет под 996 г.: «Живяше Владимир в страхе божи. И умножися зело разбоеве, и реша епископи Володимеру: “Се умножися разбойници; почто не казниши их?” Он же рече им: “Боюся греха”. Они же реша ему: “Ты поставлен еси от бога на казнь злым, а добрым на милованье. Достоить ти казнити разбойники, но со испытаном”. Володимер же отверг виры, нача казнити разбойники, и реша епископы и старци: “Рать многа; оже вира, то на оружьи и на коних буди”. И рече Володимер: “Тако буди”. И живяше Володимер по устроенью отъню и дедню»²⁴¹.

Упомянутые разбои — результат нестроений конца X — начала XI вв., вызванных падением родоплеменного строя. То была эпоха нестабильности, эпоха, насыщенная общественными коллизиями. Старая система социальной защиты пришла в расстройство. В Киеве, как мы знаем, замелькали обездоленные люди, убогие и нищие. Наметилась и внутренняя социальная дифференциация, о чем свидетельствует (и об этом уже говорилось) возникновение холопства — разновидности древнерусского рабства, состоявшего из невольников местного, туземного происхождения, в отличие от челядинства, формировавшегося за счет рабов-пленников. Кризис традиционных общественных связей сопровождался ростом преступности, что и отражено в летописной записи 996 г. об умножении разбоев. В этой обстановке повышается общественно-устроительное значение князя и дружины.

Размах мер, предпринятых князем по восстановлению внутреннего мира, широк: от благотворительных до репрессивных. Убогим и нищим Владимир раздавал «именье много», кормил их²⁴². Князь также «Повеле всякому нищему и убогому приходить на двор княжь и взимати всяку потребу, питье и яденье, и от скотъницъ кунами. Устрои же и се рек яко “Немощнии и болнии не могутъ долести двора моего”, повеле пристроити кола, и въскладше хлебы, мяса, рыбы, овоць разноличный, мед въ бочках, а в других квас, возити по городу, въпрошающим: “Кде болнии и нищъ, не могы ходити?” Тем раздаваху на потребу»²⁴³. Подобное попечительство, обычное для древних обществ, повышало престиж княжеской власти. Тому же содействовало и стремление князя пресечь посредством суровых наказаний умножившиеся разбои, нарушавшие внутренний мир. Неустройства, переживаемые древнерусским обществом в конце X – начале XI вв. способствовали аккумуляции князем и дружиной публичной власти. Недаром летописец изображает Владимира с дружиной, думающими «о строемъ земленем, и о ратех, и о уставе земленем...»²⁴⁴.

Распад родоплеменных отношений, изнурительные войны с печенегами подорвали могущество киевской общины, ослабив господство Киева в восточнославянском мире. В покоренных землях началось движение за независимость. Пример тому – события 1014–1016 гг. в Новгороде.

Примечания к главе I

¹ *Пропл В.Я.* Русский героический эпос. М., 1958. С. 381, 387.

² Там же. С. 387.

³ См.: *Фроянов И.Я., Юдин Ю.И.* 1) По поводу одной концепции историзма былины в новейшей советской историографии // Генезис и развитие феодализма в России. Проблемы историографии. Л., 1983; 2) Об исторических основах русского былевого эпоса // Русская литература. 1983. № 2; 3) Старинная история. М., 1991.

⁴ *Юдин Ю.И.* Героические былины (поэтическое искусство). М., 1975. С. 18–19.

⁵ Там же. С. 22.

⁶ Сказитель Ф.А. Конашков. Петрозаводск, 1948. № II.

⁷ Там же.

⁸ Песни, собранные П.Н. Рыбниковым. М., 1910. Т. II. № 115.

⁹ Там же.

¹⁰ Там же.

¹¹ Онежские былины, записанные А.Ф. Гильфердингом летом 1871 г. М.; Л., 1950. Т. II. № 73; См. также: Песни, собранные П.Н. Рыбниковым. М., 1909. Т. I. № 3.

¹² Былины Пудожского края. Петрозаводск, 1941. № 8.

¹³ См.: История первобытного общества. Эпоха первобытной родовой общины. М., 1986. С. 405; *Аверкиева Ю.П.* Индейцы Северной Америки. От родовой общины к классовому. М., 1974. С. 221–222.

¹⁴ Онежские былины, записанные А.Ф. Гильфердингом летом 1871 г. М.; Л., 1951. Т. III. № 223.

¹⁵ Там же. См. также: Былины Пудожского края. № 1.

¹⁶ Онежские былины... Т. III. № 223.

¹⁷ Там же.

¹⁸ Былины Пудожского края. № 1.

¹⁹ Там же.

²⁰ См.: *Фроянов И.Я.* К истории зарождения русского государства // Из истории Византии и византиноведения. Л., 1991.

²¹ См.: *Фроянов И.Я.* Киевская Русь: Очерки социально-политической истории. Л., 1980. С. 10–11.

²² Онежские былины... Т. II. № 79.

²³ Онежские былины, записанные А.Ф. Гильфердингом летом 1871 г. М.; Л., 1949. Т. I. № 59.

²⁴ Там же.

²⁵ Былины и песни Южной Сибири. Новосибирск, 1952. № 3.

²⁶ *Кулик С.Ф.* Когда духи умирают. М., 1981. С. 17.

²⁷ Подробнее см.: *Фроянов И.Я., Юдин Ю.И.* Исторические реальности и былинная фантазия // Духовная культура славянских народов. Литература. Фольклор. История. Сб. ст. к IX Международному съезду славистов. Л., 1963.

²⁸ См.: *Фроянов И.Я.* 1) Киевская Русь: Очерки социально-политической истории. С. 11–13; 2) К истории зарождения русского государства. С. 64–65.

²⁹ ПВЛ. Ч. I. С. 24.

³⁰ Там же. С. 12–13.

³¹ Там же. См. также: *Толочко П.П.* Древний Киев. Киев, 1983. С. 29–30; *Котляф Н.Ф.* Древняя Русь и Киев в летописных преданиях и легендах. Киев, 1986. С. 27.

³² См.: *Фроянов И.Я.* Киевская Русь: Очерки социально-политической истории. С. 11–12; *Толочко П.П.* Древний Киев. С. 30.

³³ *Рыбаков Б.А.* Киевская Русь и русские княжества XII–XIII вв. М., 1982. С. 94.

³⁴ НПЛ. М.; Л., 1950. С. 106.

³⁵ См.: *Кириичников А.Н.* Раннесредневековая Ладога // *Средневековая Ладога. Новые археологические открытия и исследования.* Л., 1985. С. 23; *Лебедев Г.С.* Эпоха викингов в Северной Европе: Историко-археологические очерки. Л., 1985. С. 212.

³⁶ Подробнее см.: *Фроянов И.Я.* Мятёжный Новгород: Очерки истории государственности, социальной и политической борьбы конца IX – начала XIII столетия. СПб., 1992. С. 47–55.

³⁷ *Смирнов П.П.* Сказание о холопьем войне // Учен. зап. МГПИ им. В. П. Потемкина. М., 1947. Т. II. Кафедра истории СССР. Вып. 2. С. 21.

³⁸ Там же. С. 24–25.

³⁹ *Бережков М.Н.* Старый Холопий городок на Мологе и его ярмарки // Труды VII археологического съезда в Ярославле. 1887. М., 1890. Т. 1. С. 48–50.

⁴⁰ См.: *Колычева Е.И.* Холопство и крепостничество (конец XV–XVI вв.). М., 1971. С. 11–23; *Панеях В.М.* Холопство в XVI – начале XVII в. Л., 1976. С. 7–11.

⁴¹ См.: *Зимин А.А.* Холопы на Руси. М., 1973. С. 296–300; *Яковлев А.* Холопство и холопы в Московском государстве XVII в. М.; Л., 1943. С. 313.

⁴² *Костомаров Н.Н.* Северорусские народоправства. СПб., 1863. Т. 1. С. 241–255; *Бережков М.Н.* Старый Холопий городок... С. 42; *Бернадский В.Н.* Новгород и Новгородская земля в XV в. М.; Л., 1961. С. 36–51.

⁴³ *Бережков М.Н.* Старый Холопий городок... С. 49–50.

⁴⁴ Там же. С. 50, 51.

⁴⁵ Там же. С. 50.

⁴⁶ Там же.

⁴⁷ Там же. Следовательно, со стороны «холопов» был не набег, а завоевание.

⁴⁸ Там же. С. 49.

⁴⁹ ПВЛ. Ч. 1. С. 96.

⁵⁰ ПСРЛ. М., 1962. Т. 1. Стб. 374; СПб., 1862. Т. IX. Стб. 253. См. также: *Бережков М.Н.* Старый Холопий городок... С. 42.

⁵¹ См.: *Фроянов И.Я.* Мятёжный Новгород... С. 42.

⁵² *Носов Е.Н.* 1) Поселения IX–X вв. в окрестностях Новгорода // Новгородский край. Л., 1964. С. 124–125; 2) Новгородское (Рюриково) городище. Л., 1990. С. 171–172; *Носов Е.Н., Плохов А.В.* Поселение Холопий городок под Новгородом // КСИА. 1985. М., 1989. С. 39.

⁵³ *Гаркави А.Я.* Сказания мусульманских писателей о славянах и русских. СПб., 1870. С. 135–136.

⁵⁴ Там же. С. 137–138.

⁵⁵ ПВЛ. Ч. 1. С. 14.

⁵⁶ *Ключевский В.О.* Соч. в 9 т. М., 1987. Т. 1. С. 122–124.

⁵⁷ Там же. С. 124.

⁵⁸ Там же. С. 129.

⁵⁹ Там же.

⁶⁰ *Мавродин В.В.* Образование Древнерусского государства. С. 177.

⁶¹ *Мавродин В.В.* Образование Древнерусского государства. С. 177; ПВЛ. Ч. 1. С. 18.

⁶² Там же.

⁶³ Прибытие Рюрика в Ладогу является, по нашему мнению, версией позднего происхождения. См.: *Фроянов И.Я.* 1) Исторические реалии в летописном сказании о призвании варягов // Вопросы истории. 1991. № 6. С. 7; 2) Мятёжный Новгород... С. 87–89.

⁶⁴ *Носов Е.Н.* Некоторые общие проблемы славянского расселения в лесной зоне Восточной Европы в свете истории хозяйства // Историко-археологическое изучение Древней Руси: Итоги и основные проблемы. Л., 1988. С. 30–31.

⁶⁵ *Рыбаков Б.А.* Новая концепция предыстории Киевской Руси // История СССР. 1981. № 2. С. 47.

⁶⁶ *Насонов А.Н.* «Русская земля» и образование территории Древнерусского государства. М., 1951. С. 41. См. также: *Рыбаков Б.А.* Новая концепция... С. 43, 47; *Толочко П.П.* Древний Киев. С. 33.

⁶⁷ Песни, собранные П.Н. Рыбниковым. № 168.

⁶⁸ Древние российские стихотворения, собранные Киршею Даниловым. М., 1977. № 18.

⁶⁹ Былины Пудожского края. № 1.

⁷⁰ Древние российские стихотворения... № 18.

⁷¹ Былины Пудожского края. № 1.

⁷² Онежские былины... Т. III. № 229.

⁷³ См.: *Фроянов И.Я.* Данники на Руси X–XIII вв. // Ежегодник по аграрной истории Восточной Европы 1965. М., 1970. С. 34–36.

⁷⁴ Онежские былины... Т. III. № 223.

⁷⁵ Былины Пудожского края. № 1.

⁷⁶ Там же.

⁷⁷ Там же.

⁷⁸ См.: *Фроянов И.Я.* Киевская Русь: Очерки социально-политической истории. С. 190.

⁷⁹ Закон судный людем краткой редакции. М., 1961. С. 36; Закон судный людем пространной и сводной редакции. М., 1961. С. 34.

⁸⁰ Там же.

⁸¹ Онежские былины... Т. III. № 229.

⁸² Песни, собранные П.Н. Рыбниковым. № 179.

⁸³ Древние российские стихотворения... № 18.

⁸⁴ Песни, собранные П.Н. Рыбниковым. № 168.

⁸⁵ Онежские былины... Т. III. № 223.

⁸⁶ Песни, собранные П.Н. Рыбниковым. № 168.

⁸⁷ Былины Пудожского края. № 1.

⁸⁸ Там же.

⁸⁹ Там же.

⁹⁰ Там же.

⁹¹ Там же.

⁹² Онежские былины... Т. III. № 223.

⁹³ См. с. 39–43 настоящей книги.

⁹⁴ ПВЛ. Ч. 1. С. 20.

⁹⁵ Там же.

⁹⁶ Там же. С. 21.

⁹⁷ Там же. С. 31.

⁹⁸ НПЛ. М.; Л., 1950. С. 109.

⁹⁹ ПВЛ. Ч. 1. С. 47.

¹⁰⁰ ПВЛ. Ч. 1. С. 39–40.

¹⁰¹ ПВЛ. Ч. 1. С. 16.

¹⁰² См.: *Фроянов И.Я.* 1) Киевская Русь: Очерки социально-экономической истории. Л., 1974. С. 9–12; 2) Киевская Русь: Очерки социально-политической истории. С. 31–32; 50–52, 87.

¹⁰³ ПВЛ. Ч. 1. С. 40. Полная ясность на сей счет была еще у Татищева (*Татищев В.Н.* История Российская в 7 т. М.; Л., 1963. Т. II. С. 44); См. также: *Рыбаков Б.А.* Смерды // История СССР. 1979. № 2. С. 47.

¹⁰⁴ См.: *Фроянов И.Я.* Киевская Русь: Очерки социально-экономической истории. С. 115–116; *Рыбаков Б.А.* Киевская Русь... С. 324, 327.

¹⁰⁵ *Лев Диакон.* История. М., 1988. С. 57.

¹⁰⁶ Не только посредством священных деревьев свершались у древних народов ритуальные убийства. Иордан рассказывает об умерщвлении Германарихом некой Сунильды из племени росоманов. Сунильду король «приказал разорвать на части, привязав ее к диким (необезженным?) коням и пустить их вскачь» (Иордан. О происхождении и деяниях гетов. М., 1960. С. 91). Такое обращение с обреченной на смерть имеет, по всей видимости, ритуальный характер, особенно если учесть, что конь у германцев — священное животное (см.: Корнелий Тацит. Соч.: в 2 т. 1969. Т. 1. С. 357–358). Заслуживает внимания и тот факт, что жертвенное животное, согласно религиозным обычаям народов Средней Азии, раздиралось на части. Любопытно также отметить киргизские предания, согласно которым ритуальное убийство врагов, захваченных в плен, производилось именно таким способом. См.: *Симаков Г.Н.* Общественные функции киргизских народных развлечений в конце XIX — начале XX в. Л., 1984. С. 147–148.

¹⁰⁷ *Членов А.* По следам Добрыни. М., 1986. С. 75.

¹⁰⁸ *Токарев С.А.* Религия в истории народов мира. М., 1965. С. 242. О жертвоприношениях людей священным деревьям в священных рощах см.: *Фрэзер Дж. Дж.* Золотая ветвь. М., 1980. С. 394.

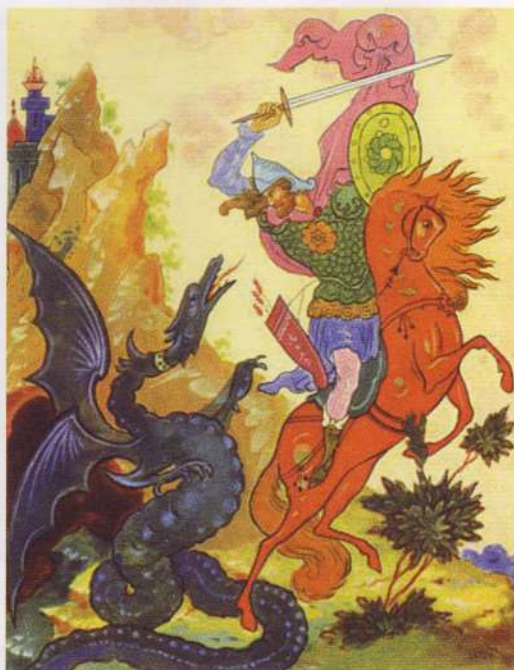
¹⁰⁹ Догадкой о принесении Игоря в жертву священным деревьям поделился с нами в устной беседе А.В. Гадло.

¹¹⁰ ПВЛ. Ч. 1. С. 40.

¹¹¹ Там же. С. 41.

¹¹² *Фрэзер Дж. Дж.* Золотая ветвь. С. 184, 313, 329.

¹¹³ См.: *Фроянов И.Я.* Мятельный Новгород... С. 100–105.

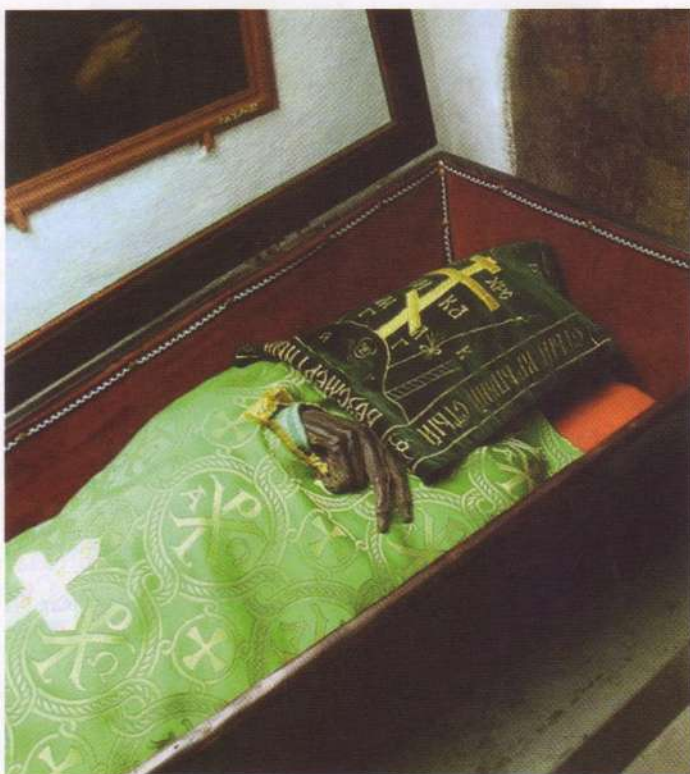
Добрыня Никитич и Змей. Палех

Вольга Богатырь и Микула Селянинович. Миниатюра Ивана Билибина

Киево-Печерская Лавра. Современная фотография

Мощи преподобного Ильи Муромца в Ближних пещерах
Киево-Печерской Лавры

Городище под Новгородом Великим. Руины Благовещенской церкви (1103) в резиденции первых Князей Руси

Князь Игорь берет дань от древлян. Миниатюра из Радзивилловской летописи, XIII век

Воины Княгини Ольги избивают древлян.

Киевляне погрбают ладью с древлянскими послами
по повелению Княгини Ольги. По гравюре Ф. А. Бруни, 1839

Саркофаг из Десятинной церкви (X в.). Предполагается, что
в нем находились мощи Великой Княгини Ольги

Князь Святослав Игоревич. Миниатюра из Царского титулярника, 1672

Древнерусский меч X в. Предположительно принадлежал Князю Святославу

Князь Владимир осаждает Корсунскую крепость. Миниатюра из Радзивилловской летописи, XIII век

Диспут о вере (апостолы возвещают Благою весть иудеям). Фреска Спасо-Преображенского собора Мирожского монастыря во Пскове, ок. 1140

Святой равноапостольный Владимир. Фреска собора Рождества Богородицы
Ферапонтова монастыря. Дионисий, XV век

Крещение Руси. Фрагмент фрески В.М. Васнецова
во Владимирском соборе в Киеве

Слышавъ зъ Володимира рѣ. аще и стина бѣуде.
 то по а҃стѣи крѣпости зъ хрѣ҃та а҃г҃г҃скъ. и повѣлѣ крѣ-
 стити. епѣ же корѣоуныскыи. стопы цр҃квы. ѿ-
 гласивъ крѣпости Володимира. и мѣковъ зложивъ коу-
 нать. и лѣнѣ прозрѣвъ. а҃г҃г҃скъ же Володимира. на
 прѣсноѣ и҃сцѣлениѣ и про сла вѣнѣ рѣти прѣводѣ рѣ

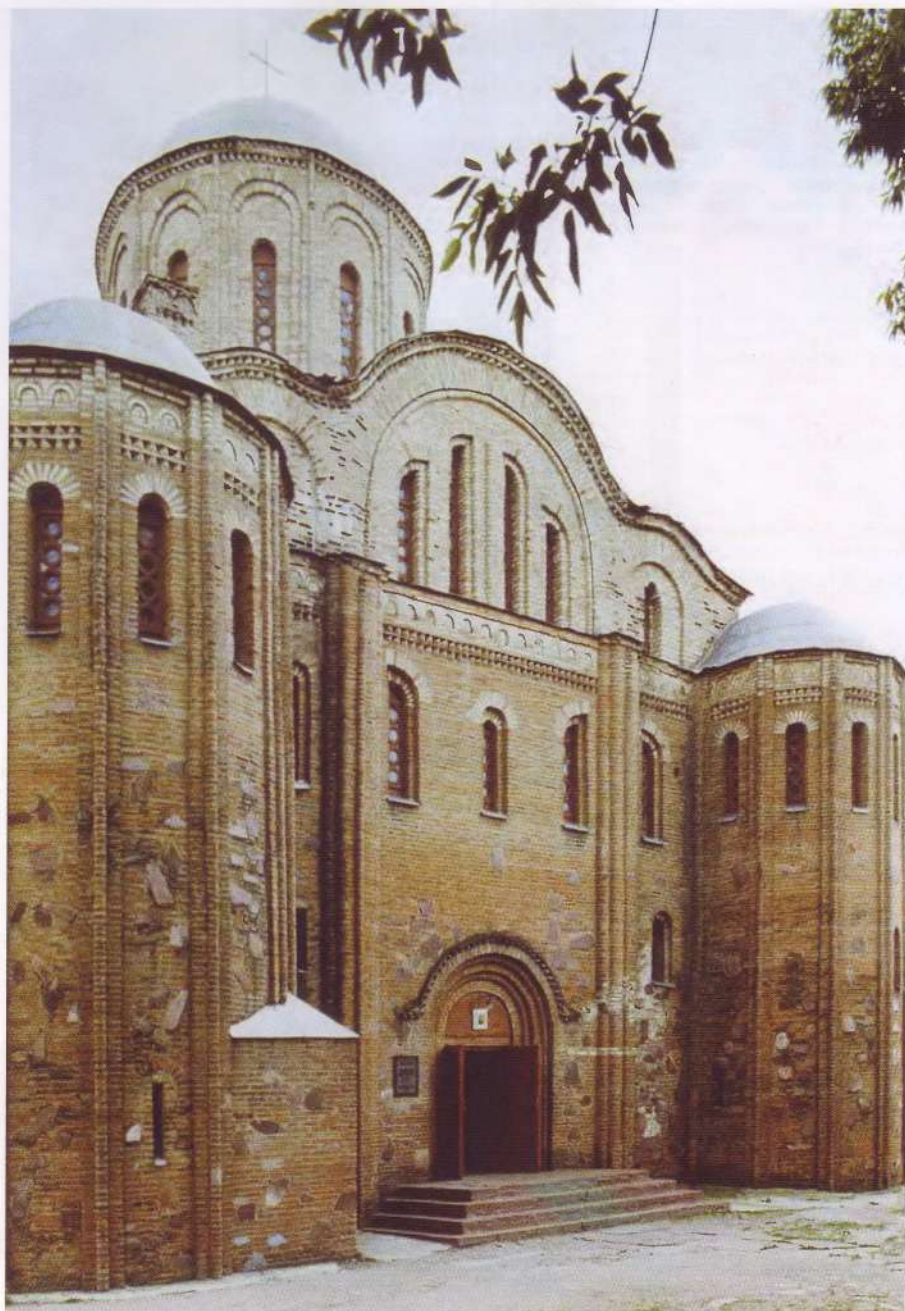
Неже видѣвши дѣла. мнози крѣпости. крѣпости бѣ-
 стоѣ бѣи. и е҃рѣи стоѣи. и корѣи рѣи мѣсто по-
 сѣгѣи. и дѣи по рѣи. полѣи Володимира въ крѣпости
 стоѣи. и дойдѣи цр҃квы полѣи зложѣи рѣ. покрѣ-
 щѣи и҃сцѣлениѣ и҃сцѣлениѣ и҃сцѣлениѣ

Крещение святого Князя Владимира и его дружины в «граде Корсуни».
 Миниатюра из Радзивилловской летописи, XIII век

Просветители Руси святые равноапостольные Великая Княгиня Ольга и Великий Князь Владимир. Фрески Архангельского собора Кремля, 2-я пол. XVI века

Васильевский златоверхий собор в Овруче. Возведен в 1190 Князем Рюриком Ростиславичем на месте деревянного храма, основанного в память о гибели князя Овручского Олега Святославича его братом святым равноапостольным Князем Владимиром в 997. Разрушен татарами и поляками, возобновлен по Высочайшему повелению святого Царя Николая II в 1904—1910 по проекту арх. А.В. Щусева

Собор Рождества Богородицы, основанный при святом равноапостольном Князе Владимире святителем Иоакимом Корсунским в 995 на месте языческого капища Перуна близ Новгорода, XIII в.

Апостолы Петр и Павел. Икона Новгородского Софийского собора, по преданию привезенная из Корсуни святым Великим Князем Владимиром, XI в.

Святого Князя Владимира в саване поместили в обрядовые сани для погребения (Святополк окаянный утаил смерть отца от братьев). Миниатюра из ПВЛ (Сказание о Борисе и Глебе), XIV век

Златник и серебреник Великого Князя Владимира Святославича. X—XI вв.

Святые братья князя Борис и Глеб. Икона 2-й пол. XIV в.

Святой великомученик Георгий – покровитель Великого Князя Ярослава Владимировича Мудрого. Обратная сторона двусторонней иконы из Успенского собора Кремля, XI в.

Благоверный Великий Князь Ярослав Мудрый. Реконструкция фрагмента фрески Киевского Софийского собора, XI в.

Киевские Золотые ворота с храмом Благовещения, построенные при Великом Князе Ярославе Мудром, X век. Реконструкция

¹¹⁴ ПВЛ. Ч. 1. С. 56.

¹¹⁵ Там же. С. 99. См. также: *Гадло А.В.* Поединок Мстислава с Редедей, его политический фон и исторические последствия // Проблемы археологии и этнографии Северного Кавказа. Краснодар, 1988.

¹¹⁶ По мнению Рыбакова, женитьба Мала на вдове Игоря понадобилась «древлянской знати», чтобы «избежать кровной мести» (*Рыбаков Б.А.* Язычество Древней Руси. М., 1987. С. 374). Это рациональное и потому упрощенное объяснение, не учитывающее языческую подоплеку событий.

¹¹⁷ См.: *Соловьев С.М.* Сочинения в 18 кн. М., 1988. Кн. 1. С. 143.

¹¹⁸ НПЛ. С. 109.

¹¹⁹ Там же. С. 103–104.

¹²⁰ ПВЛ. Ч. 1. С. 40–41.

¹²¹ Там же. С. 41.

¹²² Там же. С. 41–42.

¹²³ *Лихачев Д.С.* Русские летописи... С. 137.

¹²⁴ Там же. См. также: ПВЛ. Ч. 2. С. 297–301.

¹²⁵ *Аверкиева Ю.П.* Разложение родовой общины и формирование раннеклассовых отношений в обществе индейцев северо-западного побережья Северной Америки. М., 1961. С. 180.

¹²⁶ В словах летописца «они же сядяху в перегибсх в великих сустугах гордящися» Лихачев видит что-то вроде художественного приема, используемого, «чтобы увеличить комический эффект действия и подчеркнуть ошибку древлян» (*Лихачев Д.С.* Народное поэтическое творчество... С. 164). На проверку, как видим, оказывается, что это не так, хотя след позднего редактора здесь, конечно же, оставлен.

¹²⁷ ПВЛ. Ч. 2. С. 297–298; *Лихачев Д.С.* Народное поэтическое творчество... С. 164–165. Все это позволяет ученому сделать сравнение с летописью, где «сватам предлагается явиться ни пешком, ни на конях, ни на возах, и они являются несомые в ладьях, что по существу является разновидностью вышеописанного диссимуляционного обряда — отправление свадебного поезда в объезд» (ПВЛ. Ч. 2. С. 289).

¹²⁸ См.: *Лихачев Д.С.* Народное поэтическое творчество... С. 166.

¹²⁹ ПВЛ. Ч. 1. С. 41.

¹³⁰ См.: ПСРЛ. Т. IV. С. 38; Т. VII. С. 284; Т. XV. Стб. 58; Т. XXV. С. 351; Т. XXVII. С. 185; Т. XXX. С. 20; Т. XXXIII. С. 19; Т. XXXVII. С. 58.

¹³¹ *Фрэзер Дж. Дж.* Золотая ветвь. С. 225.

¹³² Там же. С. 222.

¹³³ Там же. С. 223.

¹³⁴ Там же. С. 224.

¹³⁵ Там же.

¹³⁶ Там же. С. 222–226.

¹³⁷ См.: *Татищев В.Н.* История Российская. Т. II. С. 45. Сестя на круп чужого коня у древних народов считалось делом позорным (см.: *Липец Р.С.* Образы батыра и его коня в тюрко-монгольском эпосе. М., 1984. С. 246). Это было также опасно, поскольку коня восточные славяне считали священным животным,

что еще более усугубляло опасность езды на чужом коне. Отказ древлян (если таковой был) ехать «на возех» надо объяснять древними обычаями, согласно которым передвижение мужчины, в особенности воина, в повозке невозможно. См.: *Липец Р.С.* Образы батыра... С. 246.

¹³⁸ В летописи это обстоятельство также подчеркивается. См.: ПВЛ. Ч. 1. С. 41.

¹³⁹ Аналогичным образом, по всей видимости, следует понимать и Свято-слава, который вел разговор с ромейским Императором Иоанном Цимисхи-ем, не выходя на берег Дуная, из своей ладьи. См.: *Лев Диакон.* История. С. 82.

¹⁴⁰ *Татищев В.Н.* История Российская. Т. II. С. 45.

¹⁴¹ Там же.

¹⁴² *Фроянов И.Я.* Киевская Русь: Очерки социально-политической истории. С. 17, 27.

¹⁴³ См.: *Сербина К.Н.* Устюжский летописный свод // Исторические записки. 1946. Т. 20. С. 260–263; Устюжский летописный свод (Архангелогородский летописец). М.; Л., 1951. С. 5.

¹⁴⁴ ПСРЛ. Т. XXXVII. С. 19–20, 58.

¹⁴⁵ См. также: *Рыбаков Б.А.* Язычество Древней Руси. С. 374, 375.

¹⁴⁶ Там же. С. 210.

¹⁴⁷ См.: *Фроянов И.Я.* Начало христианства на Руси // *Курбатов Г.Л., Фролов Э.Д., Фроянов И.Я.* Христианство: Античность. Византия. Древняя Русь. Л., 1988. С. 227–228.

¹⁴⁸ ЛПС. М., 1851. С. 11.

¹⁴⁹ См.: *Словарь русского языка XI–XVII вв.* Вып. 4. С. 224; *Словарь древнерусского языка (XI–XIV вв.).* М., 1990. Т. III. С. 140.

¹⁵⁰ *Фрэзер Дж.Дж.* Золотая ветвь. С. 99–108.

¹⁵¹ ПВЛ. Ч. 1. С. 41.

¹⁵² *Байбурин А.К.* Жилище в обрядах и представлениях восточных славян. Л., 1983. С. 3.

¹⁵³ Там же. С. 63.

¹⁵⁴ Там же. С. 135.

¹⁵⁵ Там же. С. 81.

¹⁵⁶ Там же. С. 136.

¹⁵⁷ См.: *Рыбаков Б.А.* 1) Язычество древних славян. С. 462–463; 2) Язычество Древней Руси. С. 240–241.

¹⁵⁸ ПВЛ. Ч. 1. С. 42.

¹⁵⁹ *Рыбаков Б.А.* Киевская Русь... С. 360.

¹⁶⁰ О мести Ольги рассуждали и дореволюционные историки. См.: *Татищев В.Н.* История Российская. Т. II. С. 44–45; *Кафамзин Н.М.* История Государства Российского: в 12 т. М., 1989. Т. 1. С. 120–121; *Соловьев С.М.* Сочинения: в 18 кн. М., 1988. Кн. I. С. 147–148.

¹⁶¹ ПСРЛ. Т. XXVIII. М.; Л., 1963. С. 15, 169.

¹⁶² ПСРЛ. Т. IX. С. 28.

¹⁶³ ПВЛ. Ч. 1. С. 42.

¹⁶⁴ См.: *Шахматов А.А.* Разыскания о древнейших русских летописных сводах. СПб., 1908. С. 3–4, 97–133; *Лихачев Д.С.* Русские летописи... С. 35–37; *Кузьмин А.Г.* Начальные этапы древнерусского летописания. С. 334–335.

¹⁶⁵ См.: НПЛ. С. 112–113.

¹⁶⁶ *Кузьмин А.Г.* Начальные этапы древнерусского летописания. С. 336.

¹⁶⁷ *Соловьев С.М.* Сочинения. Кн. 1. С. 147.

¹⁶⁸ ПВЛ. Ч. 1. С. 42.

¹⁶⁹ *Хрущов И.П.* О древнерусских исторических повестях... С. 111. Это «стройное целое» сохранялось, несмотря на то что «третья часть повествования об Ольге и Древлянах» отделена в летописи «от истории троекратного мщения новым годовым числом». Там же. С. 112.

¹⁷⁰ ПВЛ. Ч. 1. С. 42.

¹⁷¹ См.: *Лихачев Д.С.* Русские летописи... С. 37; *Кузьмин А.Г.* Начальные этапы древнерусского летописания. С. 335.

¹⁷² НПЛ. С. 112–113.

¹⁷³ ПВЛ. Ч. 1. С. 42.

¹⁷⁴ ПВЛ. Ч. 2. С. 301.

¹⁷⁵ См.: *Фроянов И.Я.* Киевская Русь: Очерки социально-политической истории. С. 26–27.

¹⁷⁶ См.: *Фрэзер Дж. Дж.* Золотая ветвь. С. 19, 106, 188, 193; *Шкунаев С.В.* Община и общество западных кельтов. М., 1989. С. 15–21.

¹⁷⁷ *Фрэзер Дж. Дж.* Золотая ветвь. С. 325.

¹⁷⁸ ПВЛ. Ч. 1. С. 43.

¹⁷⁹ *Рыбаков Б.А.* Киевская Русь... С. 322.

¹⁸⁰ Данное известие взято из летописных сводов 1497 и 1518 гг. Оно, по нашему мнению, более правильно излагает последовательность событий, чем другие летописи, даже ранние. Повесть временных лет, например, вносит путаницу в ход этих событий. Сначала в ней говорится, что побежденные в бою древляне «побегоша и затворишася в градах своих», а затем она устами Ольги заявляет: «А вси гради ваши предашася мне, и ялися по дань, и делают нивы своя и земле своя» (ПВЛ. Ч. 1. С. 42). В поздних летописных сводах, таких, как Никоновская летопись, сперва сообщается о «приятии» древлянских градов, а потом — о взятии Искоростеня (ПСРЛ. Т. IX. С. 28).

¹⁸¹ Там же.

¹⁸² ЛПС. С. 12.

¹⁸³ ПВЛ. Ч. 1. С. 43. В Летописце Переяславля Суздальского сказано о выплате дани «Киеву и Вышеграду». См.: ЛПС. С. 12.

¹⁸⁴ См.: *Фроянов И.Я.* Киевская Русь: Очерки социально-политической истории. С. 190–191.

¹⁸⁵ ПВЛ. Ч. 1. С. 42.

¹⁸⁶ ЛПС. С. 12.

¹⁸⁷ ПВЛ. Ч. 1. С. 43.

¹⁸⁸ ЛПС. С. 12.

¹⁸⁹ *Карамзин Н.М.* История Государства Российского. Т. 1. С. 123, 270.

- ¹⁹⁰ Соловьев С.М. Сочинения. Кн. 1. С. 149.
- ¹⁹¹ Там же.
- ¹⁹² См.: Фроянов И.Я. Мятежный Новгород... С. 128.
- ¹⁹³ Фроянов И.Я. 1) Киевская Русь: Очерки социально-экономической истории. С. 113–118; 2) Киевская Русь: Очерки отечественной историографии. С. 173–176.
- ¹⁹⁴ ПВЛ. Ч. 1. С. 49.
- ¹⁹⁵ См.: Мавродий В.В., Фроянов И.Я. «Старцы градские» на Руси X в. // Культура средневековой Руси. Л., 1974. С. 29–33.
- ¹⁹⁶ ПВЛ. Ч. 1. С. 43.
- ¹⁹⁷ ПСРЛ. М. 1962. Т. II. Стб. 48.
- ¹⁹⁸ ЛПС. С. 12.
- ¹⁹⁹ ПВЛ. Ч. 1. С. 43.
- ²⁰⁰ Гиляров Ф. Предания русской начальной летописи. М., 1978. С. 242.
- ²⁰¹ Карамзин Н.М. История Государства Российского. Т. 1. С. 270. Прим. 377.
- ²⁰² Там же.
- ²⁰³ Там же. С. 123.
- ²⁰⁴ См.: Анушин Д.Н. Сани, лады и кони как принадлежность похоронного обряда. М., 1890.
- ²⁰⁵ Это было ясно еще Костомарову, который писал: «За смертью Игоря следует всем известная месть Ольги. В ее изображении слышится та племенная вражда, которая (как очевидно из тона повествования в разных ее местах) существовала между полянами – Русью и древлянами». См.: Костомаров Н.И. Исторические монографии... Т. XIII. С. 105.
- ²⁰⁶ Толочко П.П. Древний Киев. С. 39–41.
- ²⁰⁷ НПЛ. С. 128; ПВЛ. Ч. 1. С. 56.
- ²⁰⁸ Подробнее о «реформе» см.: Фроянов И.Я. Об историческом значении «крещения» Руси // Генезис и развитие феодализма в России. Проблемы идеологии и культуры. Л., 1987. С. 50–53.
- ²⁰⁹ ПВЛ. Ч. 1. С. 56.
- ²¹⁰ См.: Кузьмин А.Г. Принятие христианства на Руси // Вопросы научного атеизма. М., 1980. С. 14–15.
- ²¹¹ Токарев С.А. Религия в истории народов мира. С. 244.
- ²¹² Фрэзер Дж. Дж. Золотая ветвь. С. 191.
- ²¹³ См.: Кузьмин А.Г. Падение Перуна. Становление христианства на Руси. М., 1988. С. 187.
- ²¹⁴ ПВЛ. Ч. 1. С. 58.
- ²¹⁵ Там же. С. 60.
- ²¹⁶ Шкунаев С.В. Община и общество... С. 9–10.
- ²¹⁷ Фроянов И.Я. Начало христианства на Руси. С. 241–244.
- ²¹⁸ НПЛ. С. 159–160.
- ²¹⁹ Буганов В.И. Очерки... С. 14.
- ²²⁰ Кузьмин А.Г. Падение Перуна... С. 195.
- ²²¹ ПВЛ. Ч. 1. С. 83.
- ²²² Житие св. Леонтия, епископа Ростовского. М., 1893. С. 5–7.

²²³ См.: *Соловьев С.М.* Сочинения М., 1988. Кн. II. С. 49; *Насонов А.Н.* «Русская земля»... С. 175; *Дубов И.В.* Города, величеством сияющие. Л., 1985. С. 57; *Рапов О.М.* Русская церковь... С. 326–327. Ср.: *Голубинский Е.Е.* История русской Церкви. М., 1880. Т. 1. Перв. пол. тома. С. 175.

²²⁴ *Лебедев А.* Храмы Власьевского прихода г. Ярославля. Ярославль, 1877. С. 6–9.

²²⁵ Повесть о водворении христианства в Муроме // Памятники старинной русской литературы. СПб., 1860. Вып. 1. С. 229–235.

²²⁶ *Татищев В.Н.* История Российская. Т. I. С. 112.

²²⁷ ПВЛ. Ч. 1. С. 80.

²²⁸ *Татищев В.Н.* История Российская. Т. II. С. 63.

²²⁹ См.: *Фроянов И.Я.* Начало христианства на Руси. С. 241–244, 246.

²³⁰ *Голубинский Е.Е.* История русской церкви. Т. 1. Перв. пол. тома. С. 151–152.

²³¹ *Фроянов И.Я.* Киевская Русь: Очерки социально-политической истории. С. 121.

²³² См.: *Зимин А.А.* Холопы на Руси. М., 1973. С. 11, 12; *Фроянов И.Я.* Киевская Русь: Очерки социально-экономической истории. С. 100.

²³³ *Фроянов И.Я.* Киевская Русь: Очерки социально-экономической истории. С. 107–108.

²³⁴ Ср.: *Толстов С.П.* Военная демократия и проблема «генетической революции» // Проблемы истории докапиталистических обществ. 1935. № 7–8. С. 184.

²³⁵ Памятники права Киевского государства X–XII вв. М., 1952. С. 9.

²³⁶ Там же. С. 32.

²³⁷ Правда Русская. М.; Л., 1940. Т. 1. Тексты. С. 70.

²³⁸ *Зимин А.А.* Холопы на Руси. С. 46.

²³⁹ *Фроянов И.Я.* Киевская Русь: Очерки социально-экономической истории. С. 109–113.

²⁴⁰ ПВЛ. Ч. 1. С. 80.

²⁴¹ Там же. С. 86–87.

²⁴² ПВЛ. Ч. 1. С. 85–86.

²⁴³ Там же. С. 86.

²⁴⁴ Там же.

Глава вторая

НОВГОРОДСКИЕ СОБЫТИЯ 1014–1016 ГОДОВ

§ 1 Отказ Новгорода от уплаты дани Киеву в 1014 году. Конфликт новгородцев с варяжскими дружинниками Князя Ярослава

В 1014 г. на берегах Волхова произошло событие, громко отозвавшееся в Киеве. Летописец извещает: «Ярославу же сущю Новегороде, и уроком дающе Киеву две тысяче гривен от года до года, а тысячу Новегороде гридем раздаваху. И тако даяху вся посадници новгородстии, а Ярослав сего не даяше к Киеву отцю своему. И рече Володимир: «Требите путь и мостите мост», — хотяшеть бо на Ярослава, на сына своего, но разболеся»¹. Под словом «урок» подразумевалась, надо полагать, дань, имеющая определенные размеры, обусловленные уговором, соглашением². Стало быть, Ярослав, являясь новгородским князем, отказал в уплате дани своему отцу, Киевскому Князю Владимиру. Если вспомнить, что данничество тогда означало главную форму зависимости подчиненных Киеву восточнославянских земель, то поступок Ярослава не может быть истолкован иначе, как стремление освободиться от этой зависимости³. Князь Ярослав, нарушая привычные отношения с днепровской столицей, вряд ли преследовал лишь собственные цели⁴. Его политика соответствовала чаяниям новгородцев. Вот почему логично предположить, что к разрыву с отцом Ярослава побуждали новгородцы, тяготившиеся обязанностью «давать дань» Киеву. Во всяком случае, без их поддержки Ярослав едва ли пошел бы на конфликт с Владимиром.

По А.Н. Насонову, местная знать хотела «иметь своего новгородского князя или посадника и в его лице — проводника и защитника своих интересов». Ярослав «в некоторой степени» отвечал ее запросам⁵. «Пока он сидел в Новгороде при жизни отца, он втянулся, видимо, в новгородские интересы, стал как бы проводником их инте-

ресов»⁶. Здесь у Насонова, на наш взгляд, все верно, за исключением того, что Ярослав проникался интересами одной только знати. По нашему мнению, деятельность князя направлялась в немалой мере новгородской общиной в целом. Да и знатные новгородцы не противостояли рядовым, образуя с ними единую социальную организацию.

Вскоре, однако, отношения новгородцев с Ярославом омрачились. Новгородский Князь, «бояся отца своего», привел в город «из-за моря» варягов, а те от праздной и сытой жизни «насилье творяху новгородцем и женам их». И вот тогда, «вставше новгородци, избища варягы во дворе Поромони. И разгнеवासя Ярослав, и шед на Роком, седе во дворе. Послав к новгородцем, рече: “Уже мне сих не кресити”. И позва к собе нарочитые мужи, иже бяху иссекли варягы, и обльстив я исече»⁷.

В исторической литературе избиение новгородцами варягов нередко именуют «восстанием»⁸, а порой — «большим восстанием»⁹. Следует отметить, что слова «вставше новгородцы», могут означать также «выступили новгородцы», «поднялись новгородцы»¹⁰.

Начнем с того, что в древних источниках нет сведений, говорящих об «увеличении повинностей с населения» или о «гнете», которому оно подвергалось¹¹. Непонятно, почему наемники-варяги являются «частью дружины местного князя», а не войска. Столь аморфные представления о дружине, составлявшей, заметим попутно, ближайшее окружение князя¹², способны только затемнить картину, но не прояснить ее. Участники событий в Новгороде — свободные люди: с одной стороны, новгородцы, простые и знатные, а с другой, — варяги и Ярослав с дружиной. И последнее замечание: термин «восстание» едва ли равнозначен избиению варягов на «Поромоне дворе». Применение его заранее предполагает наличие острых социальных противоречий в новгородском обществе, чреватых взрывами и потрясениями. Надо помнить об условности этого термина, а еще лучше — отказаться от него.

Столкновение новгородцев с варягами произошло на бытовой почве из-за разнузданного поведения сластолюбивых варягов, покушавшихся на целомудрие замужних женщин Новгорода¹³. Но затем оно переросло в политический конфликт между князем и новгородской общиной.

Убийство варягов на «Поромоне дворе» обернулось для части новгородцев трагическими последствиями. Ярослав, разгневанный таким «самоуправством», заманил новгородских «мужей» к себе в ракомскую резиденцию и там их всех перерезал. Повесть временных

лет называет пострадавших мужей «нарочитыми»¹⁴, а Новгородская Первая летопись младшего извода говорит о них описательно: «вой славны тысяща»¹⁵. Поздние сводчики, соединив сообщения киевской и новгородской летописей, изображали дело так, будто Ярослав истребил в Ракоме 1000 «нарочитых мужей»¹⁶. Им следовал Татищев: «Пришли к нему (*Ярославу*. — *И.Ф.*) знатных новгородцев до 1000, междо оными и те, которые наиболее в побитии варяг повинны были. Он же... велел варягом всех побить»¹⁷. Осторожнее поступил Н.М. Карамзин, который, опустив свидетельство летописи о количестве убитых в Ракоме новгородцев, писал: «Ярослав утаил гнев свой, выехал в загородный дворец, на Ракому, и велел, с притворною ласкою, звать к себе именитых новгородцев, виновников сего убийства. Они явились без оружия, думая оправдаться перед своим Князем; но Князь не устыдился быть вероломным, и предал их смерти»¹⁸. С.М. Соловьев говорит о «главных из убийц», добавляя при этом: «По некоторым известиям, было убито 1000 человек, а другие убежали»¹⁹. По Костомарову, Ярослав пригласил «к себе зачинщиков, вероятно, на мировую. Обольщенные его словами, они явились и были изрублены»²⁰.

Свою лепту в расшифровку этого темного места летописи внесли и советские историки. «Нет никакого сомнения в том, — замечал Мавродин, — что “вой славны тысящу” — это совсем не тысяча славных воинов, а “нарочитые мужи”, входившие в состав особой военной организации — тысячи...»²¹. Лихачев высказал догадку, по которой «нарочитые мужи» Повести временных лет есть своеобразный перевод выражения «вой славны тысяща» Новгородской Первой летописи²². Того же мнения держится Черепнин²³. К «нарочитым мужам» относит «посеченных» в Ракоме новгородцев и Тихомиров²⁴. Способом механического соединения известий Повести временных лет и Новгородской Первой летописи выходит из положения М.Б. Свердлов: «Разгневанный Ярослав обманом зазвал на княжеский двор “нарочитых” новгородских мужей и “исече” “вой славны, тысящу...”»²⁵. Если упомянутые исследователи остерегаются оперировать числом убитых, то Рыбаков, поверив полностью поздним летописцам, говорит, что Ярослав заманил «1000 славных воинов (возможно, бояр и воевод новгородской тысячи) и изрубил их в отместку за варягов»²⁶. Наконец, согласно В.Ф. Андрееву, Ярослав «собрал самых знатных новгородцев на пир, во время которого приказал своим слугам их убить»²⁷.

Следует прежде всего отбросить летописную «тысящу» как количественное обозначение умерщвленных в Ракоме новгородцев. Слиш-

ком неправдоподобно такое число убитых. Эта цифровая «тысяща» появилась, наверное, тогда, когда отошла в прошлое и была основательно забыта военная организация восточных славян, называвшаяся тысячей. Летописцы поздних времен, либо ничего не знавшие, либо имевшие весьма смутное представление о ней, перевели невразумительную «тысящу» на доступный себе и своим современникам язык. Прав Мавродин, усматривающий в «тысяче» Новгородской Первой летописи местную военную организацию²⁸. Но автор, на наш взгляд, поспешил, когда «вой славны тысящу» истолковал как синонимическое наименование «нарочитых мужей». Думается, что «вой славны тысяща» — это наиболее видные, прославленные воины из «тысячи», т.е. новгородского ополчения²⁹. И совсем не обязательно всех их причислять к знатым людям, ибо воинская доблесть в ту пору определялась не родовитостью, а храбростью, мужеством, ловкостью и силой. Вспомним предание о простом кожемяке, которого Владимир за победу в поединке с «печенежином» «створи великим мужем»³⁰. И это не плод фантазии сказителей, а живая историческая действительность³¹.

§ 2 События в Новгороде после смерти Великого Князя Владимира в 1015 году

Еще не остыла пролитая в Ракоме кровь, как из Киева от сестры Ярослава Предславы пришла весть о смерти отца, Великого Князя Владимира, и о каиновых делах брата Святополка, вокняжившегося на киевском столе. Ярослав созвал «новгородцов избыток» на вече. «Любимая моя и честная дружина, юже вы исекох вчера в безумии моем, не топерво ми их златом окупите», — жалобно взывал князь. «И тако рче им: “братье, отец мой Володимир умерл есть, а Святополк княжить в Киеве; хоцю на него поити; потягнете по мне”. И реша ему новгородци: “а мы, княже, по тебе идем”. И собра вои 4000: Варяг бешеть тысяща, а новгородцев 3000; и поиде на нь»³². Так повествует о вечевой сходке местный летописец. «Но, вероятно, — пишет Черепнин, — в действительности все было сложнее. Видимо, велись переговоры, в которых Ярослав обещал новгородцам и денежное вознаграждение, и грамоту с какими-то политическими гарантиями»³³. Возможно, так оно и было. Но присмотримся к новгородцам, пришедшим на вече. В.Т. Пашуто видит в них «собрание части “нарочитых мужей”, санкционирующее войну и сбор ополчения для князя»³⁴. Чтобы убедить читателя в своей правоте, он отправляет его к Повести вре-

менных лет и Новгородской Первой летописи, но сам воспроизводит события только по Повести временных лет и, конечно, не случайно, так как в новгородском источнике нет ни единого упоминания о «нарочитых мужах», а речь идет о «новгородцах» и «гражданах», причем во взаимозаменяемом значении терминов. Называет он и «вой славну тысящу», с которыми мы уже разбирались. Следовательно, «нарочитых мужей» Пашуто извлекает из Повести временных лет. Однако и материал Повести позволяет прийти к иному, чем у Пашуто, заключению. Варягов, как явствует из этой летописи, перебили новгородцы, в том числе и «нарочитые мужи». Последнее вытекает из слов: «И позва (*Ярослав. — И.Ф.*) к собе нарочитые мужи, иже бяху иссекли варягы...»³⁵. Выделяя знатных людей из общей массы новгородцев, летописец предостерегает тем от отождествления понятий «новгородцы» и «нарочитые мужи». Новгородцы — это широкий круг людей, куда входят и «нарочитые». Именно так, по нашему мнению, следует толковать сообщения Повести временных лет. Нужно, впрочем, заметить, что Новгородская Первая летопись младшего извода дает изложение, которое ближе к действительности, чем версия Повести. К этому заключению нас побуждает ряд обстоятельств. Во-первых, Новгородская Первая летопись сохранила текст предшествующего Повести временных лет Начального свода (ПВЛ. Ч. 2. С. 361). Во-вторых, в рассказе Повести видна стилизация. «Уже мне сих не кресити», — говорит, по свидетельству автора Повести, князь Ярослав. Перед нами тривиальный литературный штамп, нередко фигурирующий в летописи (там же). В-третьих, язык Повести становится иногда громоздким и неуклюжим, затемняющим смысл происходящего: «Заутре же собрав избыток новгородец, Ярослав рече: “О, любя моя, дружина, юже вчера избих, а ныне быша надобе”. Утер слез, и рече им на вечи: “Отец мой умерл...”». Эта фраза сильно проигрывает перед четким слогом новгородского источника: «...Ярослав заутра собра новгородцов избыток, и сътвори вече на поле, и рече к ним...». В-четвертых, автор Повести явно завышает число образовавших ополчение новгородцев, исчисляя их в 40000. Новгородская Первая летопись сообщает более реальные данные: «...и собра вои 4000: варяг бяшесть тысяща, а новгородцев 3000». Заметим, кстати, что А.Г. Кузьмин увидел черты большей древности как раз в новгородском рассказе о событиях 1015 г.³⁶ Вот почему сводить вече, созванное Ярославом, к совещанию князя с «нарочитыми мужами» нельзя³⁷. Вече здесь — народное

собрание (с участием, разумеется, знати), вотирующее чрезвычайно существенный вопрос о военном походе.

Почему новгородцы так быстро помирились с Ярославом и решили воевать со Святополком? «Причину такого решения новгородцев, — говорил С.М. Соловьев, — объяснить легко. Предприятие Ярослава против Владимира было к выгоде новгородцев, освобождавших от платежа дани в Киев: отказаться помочь Ярославу, принудить его к бегству — значит возобновить прежние отношения к Киеву, принять опять посадника Киевского Князя, простого мужа, чего очень не любили города...»³⁸. Сходным образом размышлял А.Н. Насонов, предполагавший, что новгородцы «боялись наместников Святополка в Новгороде и рассчитывали, что Ярослав пойдет навстречу их интересам»³⁹. Следовательно, поддержав Ярослава, новгородцы думали больше о себе, чем о князе. С победой Ярослава они связывали надежду на дальнейшее укрепление своей независимости от Киева.

Борьба оказалась трудной, поскольку в нее вмешался польский король Болеслав, призванный Святополком на помощь. Между тем на волховских берегах разыгралась сцена, представляющая для изучения нашей темы существенное значение. Разбитый в бою Ярослав «прибегшу Новугороду, и хотяше бежати за море, и посадник Коснятин, сын Добрынь, с новгородыци расekoша лодье Ярославле, рекуще: “Хочем ся и еще бити с Болеславом и с Святополкомь”. Начаша скот събирати от мужа по 4 куны, а от старост по 10 гривен, а от бояр по 18 гривен. И приведоша варягы, и вдаша им скот, и совокупи Ярослав воя многы»⁴⁰.

В деле изучения народных волнений в Новгороде начала XI в. эта летописная заметка заслуживает не меньшего (если не большего) внимания со стороны исследователей, чем известия о возмущении новгородцев насилиями варягов. За лапидарной записью скрывается крупное столкновение новгородской общины с князем, намеренным бросить Новгород на произвол судьбы перед лицом угрозы завоевания из Киева. Выступление новгородцев было направлено не столько против самого Ярослава, сколько против княжеского решения оставить Новгород, неприемлемого для жителей Новгородской земли. Полагаем, что Рыбаков искажает суть конфликта между Ярославом и новгородцами, сводя его к борьбе «Новгорода против князя (*Ярослава. — И.Ф.*) за независимость»⁴¹. Новгородцы боролись не с Ярославом, а со Святополком, стремясь утвердить свою независимость не от первого, а от второго.

Волнения в Новгороде, встревоженном приготовляемым бегством князя «за море», продемонстрировали самостоятельность новгородцев, идущую наперекор желанию Ярослава; они не уговаривают князя, а энергично пресекают его трусливый замысел покинуть Новгород. Решительность новгородцев вполне объясняет сложившаяся ситуация: поражение Ярослава и бегство князя создавали Святополку благоприятные условия для овладения Новгородом с вытекающим отсюда ужесточением зависимости от Киева. К тому же отсутствие князя само по себе представляло, согласно понятиям времени, серьезную опасность, делая людей беззащитными перед внешним миром.

Новгородцы помогали Ярославу до победного конца, и он «седе на столе отца своего Володимира; и абие нача вои свои делите, старостам по 10 гривен, а смердом по гривне, а новгородцом по 10 гривен всем, и отпусти их всех домов, и дав им правду, и устав списав тако рекши им: “по се грамоте ходите, якоже списах вам, такоже держите”»⁴². Князь вознаграждал за ратный труд новгородцев. Надо думать, они были довольны. Награжденными среди прочих оказались и смерды. Отсюда Тихомиров заключил, что в составе войска Ярослава были горожане и крестьяне⁴³. Мы не отрицаем, больше того, предполагаем участие в походе сельских жителей Новгородской земли. Но считаем, что за смердами летописной статьи скрывались не крестьяне, а подчиненные Новгороду иноязычные племена. Таково вообще раннее значение термина «смерды»⁴⁴. Покоренные племена обязаны были платить своим победителям дань и поставлять воинов, когда в последних возникала потребность. Стало быть, во многом случайное упоминание о смердах в составе новгородского войска обнаруживает племена, находившиеся под властью новгородской общины. Их ущербное положение подчеркнуто самым низким денежным вознаграждением: смерды получили в десять раз меньше, чем новгородцы.

Ярослав, по словам Насонова, сев на киевском столе, «пошел на встречу интересам новгородской знати. Во-первых, еще в XIII в. в Новгороде хранились “Ярославли грамоты”, на которых целовали крест сядившиеся в Новгороде князья; следовательно, это были грамоты, обеспечивавшие какие-то интересы Новгорода. Во-вторых, заняв Киев, Ярослав дал новгородцам какую-то “правду” и, “устав списав”, сказал им: “по сеи грамоте ходите, якоже писах вам, такоже дерьжите”. В-третьих, по исследованию летописных текстов Шахматова, при Ярославе дань из Новгорода была снижена с 3000 гривен до 300»⁴⁵. Перечисленные льготы, представленные Ярославом Новгороду, от-

вечали ожиданиям не только знатных людей, но и рядовых новгородцев.

§ 3 Древняя (Краткая) Правда — Русская Правда Великого Князя Ярослава.

В летописи после рассказа о «правде» и «уставе», данных князем Ярославом Новгороду, следует текст Краткой Правды. В советской историографии широкое распространение получило мнение, что так называемая Древнейшая Правда и есть та грамота, которую пожаловал Ярослав новгородцам под влиянием событий 1015–1016 гг.⁴⁶ Однако назначение ее видится учеными по-разному. «В Древнейшей Правде, — пишет Тихомиров, — мы имеем жалованную грамоту, освобождающую новгородцев от княжеского суда и проторей в пользу князя»⁴⁷. Иначе думает Черепнин: «Анализируя Древнейшую Правду, надо учитывать ее назначение. Явившись продуктом острой политической борьбы в Новгороде, она должна была гарантировать новгородскому населению, прежде всего горожанам, охрану от притеснений со стороны княжеских дружинников и, особенно, со стороны наемных варягов. Она должна была в то же время создать княжеской дружине, варягам в том числе, условия, которые обеспечили бы им защиту от выступлений против них новгородцев»⁴⁸. Согласно наблюдениям Зимина, Правда Ярослава «представляла собой уступку княжеской власти новгородцам, гарантию от повторения убийств, оскорблений и хищений, вызванную требованиями самих новгородцев». Автор устанавливает «чрезвычайный характер» закона, принятого Ярославом⁴⁹. Рыбаков на всех статьях Устава Ярослава, или Древнейшей Правды, нашел «явный отпечаток» новгородских событий 1015 года. Этот судебник защищал «жизнь, честь и имущество новгородских мужей и простых словен от безцеремонных посягательств варягов, нанятых для участия в усобицах»⁵⁰. Янин, обобщая историографию вопроса, писал: «В советской исторической литературе выработана и политическая характеристика Древнейшей Правды, рассматриваемой как акт, в котором гарантируется юридическая защита “новгородских мужей” от произвола княжеской дружины»⁵¹. Ученый полагает, что «льготы, данные новгородцам, адекватны Древнейшей Правде, которая уже в XI в. приобрела общерусский характер и потеряла свою новгородскую исключительность»⁵². На наш взгляд, «новгородская исключительность» Древнейшей Правды вряд ли когда-нибудь имела место. Ведь до сих пор не доказано ее соответствие социальным ус-

ловиям, составляющим специфику Новгорода и вследствие этого невозможность применения данного судебника в других древнерусских землях. Напротив, «новгородская исключительность» памятника является эфемерной, и, по признанию самого Янина, исчезает еще в XI в. Другой сторонник «новгородской исключительности» Древнейшей Правды Рыбаков вынужден заявить: «Созданный в конкретных исторических условиях в 1015 г. (в Новгородской летописи ошибочно назван 1016 г.), Устав Ярослава оказался вполне применимым ко всем вообще случаям уличных побоищ, столь обычных в средневековых городах, и просуществовал несколько веков, входя в сборники других княжеских законов XI–XII вв.»⁵³. Этот универсализм норм Правды Ярослава рождает подозрение относительно ее создания в связи с конкретными событиями 1015 г. Не поэтому ли вопрос о времени и причинах возникновения Древнейшей Правды был и остается, по выражению Тихомирова, «в достаточной мере темным»? Историки предлагают различные варианты его решения. Одни считают, что Древнейшая Правда была составлена еще до Ярослава, другие датируют появление ее временем княжения Ярослава, указывая на 1015–1016 или 1036 г., третьи полагают, что она возникла во второй половине XI столетия⁵⁴. Более ясным представляется нашим исследователям вопрос о новгородском происхождении Древнейшей Правды. Едва ли не основным доказательством здесь служит «новгородская» лексика, выявляемая при анализе законодательного сборника. В частности, обращается внимание на новгородскую терминологию, запечатленную в таких словах, как русин, варяг, колбяг, гридин, купец, изгой, ябедник, видок, поручник, мзда, скот⁵⁵. Этот способ аргументации, будучи сам по себе не столь уж безупречным, поскольку исключить использование в первой половине XI в. на юге (скажем, в Киеве) многих из названных слов невозможно, не доказывает главное: выдачу Правды Ярославом именно в Новгороде. «Новгородская» терминология Древнейшей Правды может свидетельствовать о том, что над составлением ее работал новгородец, входивший в ближайшее окружение Ярослава. Не обязательно также полагать, что Правда дана в Новгороде. Вспоминается в этой связи весьма важное наблюдение Тихомирова: «По точному смыслу летописи, “Правда” и письменный устав были даны в Киеве. На это, может быть, указывает и то обстоятельство, что “русин” (киевлянин) и “словенин” (новгородец) одинаково упомянуты в первой же статье “Правды”»⁵⁶.

Мысль о Древнейшей Правде как отклике на события 1015 г. покоится на шатких основаниях, что, впрочем, не мешает некоторым историкам предаваться фантазии. «Юридический документ, определяющий штрафы за различные преступления против личности, — пишет в академическом издании Рыбаков, — не менее красочно, чем летопись, рисует нам город в условиях заполнения его праздными наемниками, буянящими на улицах и в домах. Город населен рыцарями и холопами; рыцари ездят верхом на конях, вооружены мечами, копьями, щитами; холопы и челядинцы иногда вступают в городскую драку, помогая своему господину, бьют жердями и батогами свободных людей, а когда приходится туго, то ищут защиты в господских хоромах. А иногда иной челядин, воспользовавшись случаем, скроется от господина во дворе чужеземца. В числе рыцарей, ради которых написан охраняющий их закон, есть и прибывшие из Киевской земли “русины”, и княжеские гриди, на которых шла тысяча гривен новгородских даней, и купчины, по обычаю того времени, очевидно, тоже перепоясанные мечами, и важные княжеские чиновники — “ябедники” и мечники, следившие за сбором доходов и вершившие княжеский суд. Закон заодно защищал и более широкие круги новгородского населения — тут упомянуты и изгои, выходцы из общин, порвавшие связи с прошлым и не нашедшие своего места в жизни, и просто “словене”, жители обширной Новгородской земли»³⁷. Слог, конечно, художественный, но не компенсирующий отсутствие научной убедительности.

Сравнение летописного рассказа о событиях 1015 г. с текстом Древнейшей Правды (точнее, статей, которые принято относить к законодательству Ярослава) показывает их явное несоответствие друг другу: в летописи говорится о насилиях варягов над «мужатыми женами», вызвавших возмущение и гнев новгородцев, а Правда об этом умалчивает, сосредоточившись на казусах, возникающих среди мужской половины населения. Игнорировать это различие может только предвзятость.

В историографии не раз отмечалась избирательность статей Древнейшей Правды. Зимин пояснял эту особенность документа его «чрезвычайным характером». Поспешность, с которой Ярослав издавал закон, позволила «выбрать и кодифицировать лишь часть из комплекса правовых норм Руси X — начала XI вв., внеся в них ряд изменений, в которых отразились требования момента»⁵⁸. По Свердлову, «избирательность норм Древнейшей Правды объясняется целью ее издания —

урегулировать социальные конфликты, избежать в дальнейшем столкновений новгородцев с наемниками-варягами и купцами-колбягами, стабилизировать положение в Новгороде после завоевания Ярославом с помощью новгородцев и варягов киевского великокняжеского стола в 1015–1016 гг.»⁵⁹. Многие исследователи, в том числе и названные, рассуждают так, как будто в руках держат отдельный законченный памятник, т.е. Древнейшую Правду. Но мы располагаем Краткой Правдой, являющейся редакцией двух основных сборников законодательства, связанных с именами Ярослава и его сыновей. Краткая Правда, хотя и скомбинирована в основном из двух Правд⁶⁰, но не механически, а синтетически⁶¹. Поэтому она — относительно цельный памятник, соединивший в себе несколько источников «после соответствующей переработки и редакционных изменений»⁶². В процессе «переработки и редакционных изменений» кое-что в Древнейшей Правде могло быть опущено. Но допустим все же, что статьи 1–18 достаточно полно представляют Древнейшую Правду. Характер их подтверждает, по нашему мнению, правоту тех ученых, которые считали, что Правда Ярослава была обращена непосредственно к народной массе и регулировала отношения внутри этой массы⁶³. Муж Древнейшей Правды отнюдь не знатный рыцарь или княжеский дружинник, а свободный общинник, свободный человек, полноправный член общины⁶⁴. При таком подходе избирательность норм Правды Ярослава приобретает иной смысл и направленность, чем доказывают современные авторы.

Большая часть статей Древнейшей Правды (1–10) трактует казусы, относящиеся к преступлениям против личности. По существу тому же посвящены и некоторые статьи из комплекса узаконений, связанных с нарушением прав собственности (ст. ст. 11–18). В самом деле, воровство или порча коня, оружия и одежды могут рассматриваться как преобразованные преступления против личности, поскольку имущество (особенно личные вещи) и его владелец, по традиционным представлениям и верованиям того времени, воспринимались в тесном, почти неразрывном единстве. Почему же законодатель сконцентрировал свое внимание на подобного рода преступлениях? Ответ на поставленный вопрос надо, по нашему убеждению, искать в социальной обстановке Руси конца X — начала XI вв.

Ломка родовых отношений расстроила прежнюю систему защиты индивида. Внутренний мир был нарушен. Умножились «разбои», т.е. преступления против личности⁶⁵. В этих условиях возрастает значение публичной власти князя как стабилизирующего фактора обще-

ственной жизни. Известную роль в достижении внутреннего мира играла и большая семья, пришедшая на смену роду. Она взяла на себя осуществление кровной мести, получала денежное возмещение за убитого члена, если стороны приходили к полюбовному соглашению⁶⁶. Однако не все люди находились под защитным покровом большой семьи. На Руси конца X — начала XI вв. появились группы и категории лиц (от изгоев до «княжих мужей»), не связанные с крупными семейными объединениями. В аналогичное состояние попадали прибывающие в русские города иноземцы. Заботу по обеспечению безопасности всех этих не защищенных кровными союзами людей брал на себя князь или его представители. Из слияния двух названных правовых тенденций и вышла Древнейшая Правда, представлявшая собой запись норм обычного права, приспособленных к изменившимся социальным условиям (распад рода на большие семьи), и новых узаконений, возникших в процессе княжеского правотворчества. Едва ли оправдана категоричность С.В. Юшкова, заявлявшего: «Только в предположении, что нормы, которые излагались в Древнейшей Правде, являются новыми, до сих пор широкой массе населения и судебно-административному аппарату неизвестными, можно понять смысл издания особого Устава и его обнародования»⁶⁷. Древнейшая Правда, думается, откроет свою тайну, если видеть в ней сочетание обычного и писаного права. Была ли она специально составлена Ярославом для Новгорода, как считают многие новейшие исследователи?⁶⁸ Еще сорок с лишним лет назад Юшков писал: «Взгляд о новгородском происхождении, который с такой настойчивостью защищался целым рядом исследователей, начиная от Татищева и кончая Тихомировым и Черепниным, не подтверждается убедительными аргументами. Нельзя принять ни взгляд о том, что Правда Ярослава дана в награду новгородцам за их помощь в борьбе со Святославом (?), ни взгляд о том, что Правда Ярослава дана новгородцам в целях защиты выделившегося из княжеского двора новгородского общества, ни взгляд о том, что Правда Ярослава дана в целях защиты новгородцев от притеснения пришлой варяжской военной дружины»⁶⁹. Однако сторонники новгородского происхождения Древнейшей Правды не сдавались. И все-таки несмотря на их завидное упорство, предположение о новгородском происхождении Правды Ярослава, как справедливо заметил Андреев, «еще рано переводить в разряд исторических аксиом. Оно нуждается в веских доказательствах»⁷⁰. Юшков, противник гипотезы новгородского назначения Древнейшей Правды, распро-

странял ее действие «по всему пространству Древней Руси», а возникновение связывал с Киевом⁷¹. Последняя догадка не вызывает возражений. Но что касается изначального применения Древнейшей Правды на территории всей Руси, то тут имеются определенные сомнения. Нам кажется, что Древнейшую Правду надо рассматривать как результат отношений Киевской и Новгородской земель. Именно так нас ориентируют русин и словенин, встречаемые в памятнике. Если бы Правда была предназначена только для Новгорода, то упоминание в ней словенина становилось бы излишним, как излишним оказалось бы упоминание русина, будь она предназначена только для Киева. Значит, Древнейшая Правда создавалась в качестве судебника с применением в Киеве и Новгороде, Киевской и Новгородской землях. Да и само ограничение русином (житель Киевской земли) и словенином (житель Новгородской земли) показательно. Оно также свидетельствует о составлении Древнейшей Правды для Киева и Новгорода. Неслучайно и то, что русин и словенин названы среди лиц, защищаемых не союзом родственников, а княжеским правом: русин в Новгороде, как и словенин в Киеве, были одинокими перед внешним миром и потому нуждались в княжеской защите.

Трудно определить точное время издания Древнейшей Правды. Вероятно, это произошло вскоре после вокняжения в 1016 г. Ярослава в Киеве, где и был подготовлен данный кодекс. Юшков справедливо замечал, что появление Древнейшей Правды было обусловлено «всею ходом общественно-экономического и политического развития» Древней Руси⁷². Вместе с тем Правда Ярослава, предназначенная для Киевской и Новгородской земель, должна рассматриваться под углом отношений Киева с Новгородом. С этой точки зрения создание Древнейшей Правды явилось очередной попыткой Киева привязать к себе Новгород и тем самым удержать свое господство над ним. Такие попытки предпринимались из днепровской столицы и ранее, причем с использованием различных средств: военных, политических и даже идеологических (крещение Новгорода). Теперь была осуществлена акция по выработке единого для двух земель сборника законов. Но вопреки гегемонистской политике Киева новгородцы упорно, хотя и не столь быстро, как им хотелось, шли к поставленной цели: установлению полной независимости от Киева.

Оценивая в целом события 1014–1016 гг. в Новгороде, необходимо сказать, что эти события неоднозначны. Они являют собой сложное

переплетение внешнеполитических, военных, внутривполитических и бытовых коллизий.

Примечания к главе 2

¹ ПВЛ. М.; Л., 1950. Ч. 1. С. 88–89.

² Слово «урок» этимологически связано со словами «реку», «рок». Поэтому урок можно понимать как уговор, договор, как нечто установленное. См.: *Фасмер М.* Этимологический словарь русского языка. М., 1973. Т. II. С. 168; *Преображенский А.Г.* Этимологический словарь русского языка. М., 1959. Т. II. С. 200.

³ *Андреев В.Ф.* Северный страж Руси. Л., 1989. С. 28.

⁴ Ср.: *Соловьев С.М.* Об отношениях Новгорода к великим князьям. М., 1846. С. 26; *Костомаров Н.И.* Севернорусские народоправства. СПб., 1863. Т. 1. С. 42.

⁵ *Насонов А.Н.* «Русская земля» и образование территории Древнерусского государства. М., 1951. С. 77–78.

⁶ Там же. С. 78.

⁷ ПВЛ. Ч. 1. С. 95.

⁸ См.: *Мавродин В.В.* Образование Древнерусского государства. Л., 1945. С. 347; *Тихомиров М.Н.* Крестьянские и городские восстания на Руси XI–XIII вв. М., 1955. С. 66–67; *Черепнин Л.В.* Общественно-политические отношения в Древней Руси и Русская Правда // *Новосельцев А.П.* (и др.) Древнерусское государство и его международное значение. М., 1965. С. 131–132; *Буганов В.И.* Очерки истории классовой борьбы в России XI–XVIII вв. М., 1986. С. 14–15.

⁹ *Зимин А.А.* Феодальная государственность и Русская Правда // Исторические записки. М., 1965. Т. 76. С. 245.

¹⁰ Словарь русского языка XI–XVII вв. М., 1976. Вып. 3. С. 152.

¹¹ Для подобных выводов недостаточно и свидетельства новгородского летописца о том, что «тогда Ярослав кормяше Варяг много» (НПЛ. С. 174). Кстати, сам летописец причину возмущения новгородцев видел не в тяготах, связанных с «кормлением» варягов, а в их насилиях над новгородками: «И начаша Варязи насилне деяти на мужатых женах. Ркоша новгородци: “сего насилья не можем смотрети”; и собрашася в нощи, исекоша Варягы в Помороне дворе».

¹² *Фроянов И.Я.* Киевская Русь: Очерки социально-политической истории. Л., 1980. С. 74.

¹³ НПЛ. С. 174. Архангелогородский летописец рассказывает о «насильстве» варягов над «женами и детьми» (ПСРЛ. Т. XXXVII. С. 65).

¹⁴ ПВЛ. Ч. 1. С. 95.

¹⁵ НПЛ. С. 174.

¹⁶ См.: ПСРЛ. Т. IV. С. 106; Т. VII. С. 324; Т. IX. С. 74; Т. XXV. С. 372; Т. XXVI. С. 32; Т. XXXIII. С. 33; Т. XXXVII. С. 65.

¹⁷ *Татищев В.Н.* История Российская. М.; Л., 1963. Т. II. С. 72.

¹⁸ *Карамзин Н.М.* История Государства Российского. М., 1991. Т. II–III. С. 9.

¹⁹ *Соловьев С.М.* Сочинения. М., 1988. Кн. 1. С. 199.

²⁰ *Костомаров Н.И.* Севернорусские народоправства. Т. 1. С. 42–43.

²¹ *Мавродин В.В.* Образование древнерусского государства. С. 347.

²² ПВЛ. Ч. 2. С. 361.

²³ *Черепнин Л.В.* Общественно-политические отношения... С. 132.

²⁴ *Тихомиров М.Н.* Крестьянские и городские восстания... С. 67.

²⁵ *Свердлов М.Б.* От Закона Русского к Русской Правде. М., 1988. С. 13.

²⁶ Рыбаков Б.А. Первые века русской истории. М., 1964. С. 72.

²⁷ Андреев В.Ф. Северный страж Руси. С. 29.

²⁸ К тому же склонялся и Черепнин: «Слова Новгородской I летописи “иссече” “вой славны тысящу” надо, очевидно, понимать не в том смысле, что погибла тысяча славных воинов, а в том, что подверглись избиению знатные военачальники, возглавлявшие подразделения войсковой “тысячи”». См.: Черепнин Л.В. Общественно-политические отношения... С. 132.

²⁹ О том, что это именно ополчение, свидетельствует термин «вой», употребляемый летописцем. См.: Фроянов И.Я. Киевская Русь... С. 185–215.

³⁰ ПВЛ. Ч. 1. С. 85.

³¹ См.: Рыбаков Б.А. Древняя Русь... С. 57.

³² НПЛ. С. 174–175.

³³ Черепнин Л.В. Общественно-политические отношения... С. 132.

³⁴ Пашуто В.Т. Черты политического строя древней Руси // Новосельцев А.П. (и др.) Древнерусское государство и его международное значение. С. 25.

³⁵ ПВЛ. Ч. 1. С. 95.

³⁶ См.: Кузьмин А.Г. Начальные этапы древнерусского летописания. М., 1977. С. 371.

³⁷ Ср.: Насонов А.Н. «Русская земля»... С. 78.

³⁸ Соловьев С.М. Сочинения. Кн. 1. С. 199.

³⁹ Насонов А.Н. «Русская земля»... С. 78.

⁴⁰ ПВЛ. Ч. 1. С. 87.

⁴¹ Рыбаков Б.А. 1) Древняя Русь... С. 202; 2) Из истории культуры Древней Руси. М., 1984. С. 77.

⁴² НПЛ. С. 175–176.

⁴³ Тихомиров М.Н. Крестьянские и городские восстания... С. 68.

⁴⁴ См.: Фроянов И.Я. 1) Смерды в Киевской Руси // Вестник Ленингр. ун-та. 1966. № 2; 2) Киевская Русь: Очерки социально-экономической истории. Л., 1974. С. 119–126; 3) Киевская Русь: Очерки отечественной историографии. Л., 1990. С. 210.

⁴⁵ Насонов А.Н. «Русская земля»... С. 78.

⁴⁶ См.: Тихомиров М.Н. Крестьянские и городские восстания... С. 67–68; Черепнин Л.В. Общественно-политические отношения... С. 133; Зимин А.А. Феодальная государственность... С. 245; Рыбаков Б.А. Первые века... С. 74; Свердлов М.Б. От Закона Русского... С. 34–35.

⁴⁷ Тихомиров М.Н. Крестьянские и городские восстания... С. 67. В специальной монографии, написанной ранее и посвященной Русской Правде, Тихомиров возникновение Древнейшей Правды датировал 1036 г. Вместе с тем он допускал, что основы Древнейшей Правды, возможно, восходили к 1016 г. См.: Тихомиров М.Н. Исследование о Русской Правде. С. 56, 61.

⁴⁸ Черепнин Л.В. Общественно-политические отношения... С. 133.

⁴⁹ Зимин А.А. Феодальная государственность... С. 245.

⁵⁰ Рыбаков Б.А. Первые века... С. 74, 78.

⁵¹ Янин В.Л. Новгородские посадники. С. 57.

⁵² Там же. С. 58.

⁵³ Рыбаков Б.А. Первые века... С. 78–79.

⁵⁴ См.: *Тихомиров М.Н.* Исследование о Русской Правде. С. 51.

⁵⁵ См.: *Максименко Н.А.* Опыт критического исследования Русской Правды. Харьков, 1914. Вып. 1. Краткая редакция. С. 13–16, 20–23; *Тихомиров М.Н.* Исследование о Русской Правде. С. 49–51.

⁵⁶ *Тихомиров М.Н.* Крестьянские и городские восстания... С. 68. О выдаче Ярославом Правды в Киеве писал и Черепнин (*Черепнин Л.В.* Общественно-политические отношения... С. 139).

⁵⁷ История СССР с древнейших времен до наших дней. в 12 т. М., 1966. Т. 1. С. 514. См. также: *Рыбаков Б.А.* Первые века... С. 74.

⁵⁸ *Зимин А.А.* Феодальная государственность... С. 245.

⁵⁹ *Свердлов М.Б.* От Закона Русского... С. 34.

⁶⁰ Мы не касаемся «Устава мостником» и «Покона вирного», поскольку нас интересует прежде всего соотношение двух Правд в составе Краткой Правды.

⁶¹ Ср.: *Гринев Н.Н.* Краткая редакция Русской Правды как источник по истории Новгорода XI в. // Новгородский исторический сборник. Л., 1989. С. 3.

⁶² *Тихомиров М.Н.* Исследование о Русской Правде. С. 44–45; *Юшков С.В.* Русская Правда. Происхождение, источники, ее значение. М., 1950. С. 291, 343.

⁶³ *Рубинштейн Н.Л.* Древнейшая Правда и вопросы дофеодального строя Киевской Руси // Археографический ежегодник за 1964 г. М., 1965. С. 5.

⁶⁴ См.: *Романова Е.Д.* Свободный общинник в Русской Правде // История СССР. 1961. № 4. С. 77; *Рубинштейн Н.Л.* Древнейшая Правда... С. 9, 10.

⁶⁵ ПВЛ. Ч. 1. С. 86–87; Ч. 2. С. 350.

⁶⁶ См.: *Фроянов И.Я.* Киевская Русь: Очерки социально-экономической истории. С. 26–44.

⁶⁷ *Юшков С.В.* Русская Правда... С. 290–291.

⁶⁸ См.: *Свердлов М.Б.* От Закона Русского... С. 31–32; *Андреев В.Ф.* Проблемы социально-политической истории Новгорода XII–XV вв. в советской историографии // Новгородский исторический сборник. Л., 1982. С. 142–143.

⁶⁹ *Юшков С.В.* Русская Правда... С. 292.

⁷⁰ *Андреев В.Ф.* Проблемы... С. 143.

⁷¹ *Юшков С.В.* Русская Правда... С. 287–293.

⁷² Там же. С. 292.

Глава третья

НАРОДНЫЕ ВОЛНЕНИЯ И ВОЛХВЫ НА РУСИ XI ВЕКА

§ 1 Восстание волхвов в Суздале в 1024 году

В различных землях Древней Руси проходили выступления, которые возглавляли волхвы — служители старого языческого культа, теснимого христианством. Об одном таком выступлении рассказывает Повесть временных лет под 1024 г.: «В се же лето вѣсташа волѣсви в Суждали, избиваху старую чадь по дѣяволу наущенью и бесованью, глаголюще, яко си держать гобино. Бе мятежь велик и голод по всеи тои стране; идоша по Волзе вси людье в Болгары, и привезоша жито, и тако ожиша. Слышав же Ярослав волхвы, приде Суздалю; изымав волхвы, расточи, а другыя показни, рек сице: “Бог наводитъ по грехом на куюждо землю гладом, или мором, ли ведромъ, ли иною казнью, а человек не вестъ ничтоже”. И възвративъся Ярослав, приде Новугороду, и посла за море по варягы»¹.

По поводу приведенного летописного текста в науке высказывались разные соображения. Шахматов считал его новгородским по происхождению и связывал с Начальным сводом конца XI в.²

Иначе думал Аничков, которому казалось, что все сюжеты о волхвах, попавшие в Повесть временных лет, принадлежат перу Никона-летописца³. Едва ли можно отдать безусловное предпочтение какому-нибудь из упомянутых мнений, поскольку мы не располагаем необходимым материалом, который позволил бы полностью определиться в данном вопросе. Ясно только, что летописная запись о волнениях 1024 г. в Суздальской земле появилась значительно позже фиксируемых в ней происшествий. Следовательно, перед нами не протокольный текст или нечто подобное газетной хронике, а воспоминание с неизбежными вольностями и погрешностями в изложении «всего бывшего»⁴. Последнее становится особенно очевидным при сопоставлении известий Повести временных лет с соответствующими сообще-

ниями Новгородской IV летописи, содержащей некоторые подробности, отсутствующие в киевском памятнике. «Въсташа вълъсви лживи в Суздале, — говорит новгородский летописец, — и избиша старую чадь бабы, по дьяволю научению и бесованию, глаголюще си дръжат гобино и жито, и голод пуцають. И бе мятежь велик и глад по всей стране тои, яко мужю своя жена даяти, да ю кормят себе, челядином. И идоша по Волзе вси людие в Болгары, и привезоша пшеницю и жито, и тако от того ожиша. Слышав же Ярослав вълхвы, прииде к Суздалю, и изимав убиица ты, и расточи, иже беху бабы избили, и домы их разграби, а другими показни. И устави ту землю, рек сице: “Бог наводит по грехом на коюждо землю голодом, или мором, или ведром, или иною казнью, а человек не весть ничтоже; Христос Бог един есть на небесе”. И възвратися Ярослав, прииде к Новугороду. И посла за море по Якуна, по варяжского князя, и по варягы»⁵.

Как видим, в Новгородской IV летописи сохранились детали, которых нет в Повести временных лет, а именно: указание на лживость волхвов, упоминание баб, «пускающих» голод, свидетельство об отдаче мужьями своих жен в рабство ради прокормления, известие об «установлении» Суздальской земли Ярославом. Спрашивается, насколько реальны эти детали? Иными словами, в какой мере можно пользоваться Новгородской IV летописью при рассмотрении суздальского «мятежа» 1024 г.? К сожалению, в историографии до сих пор не разработан общий подход в оценке достоверности новгородских записей.

Мы полагаем, что при изучении суздальских волнений 1024 г. Новгородской IV летописи необходимо предоставить право голоса. Эта летопись, как известно, была составлена во второй половине XV в.⁶ Но столь позднее ее появление не может служить решающим аргументом против использования содержащихся в ней сведений. Любопытны наблюдения Я.С. Лурье над протографом Новгородской IV летописи. Говоря об авторе протографа, Лурье замечает: «Соединив Повесть временных лет в редакции Лаврентьевской —Троицкой летописи с новгородским летописанием, основанным на Начальном своде, сводчик использовал еще несколько сводов, претендовавших на общерусский характер (свод, близкий к Ипатьевскому, Суздальско-ростовскому и Тверскому сводам), в результате чего в первую часть летописи попали такие известия, которых не было ни в Повести временных лет, ни в Новгородской I летописи». Если это так, то естественно предположить, что изложение событий 1024 г., дошедшее до нас в Новгородской IV летописи, основано на каких-то скрытых от

нашего взора древних источниках. Показательно и другое: наличие аналогичных записей в Тверской летописи⁷, Московском летописном своде конца XV в.⁸, летописях Воскресенской⁹, Никоновской¹⁰, Пискаревском летописце¹¹. Новгородский летописец сообщает некоторые новые детали. Он рассказывает об убийстве волхвами престарелых женщин, независимо от их социального положения, тогда как в 1071 г. волхвы убивали «лучших жен», причем всех возрастов. Далее, в погостах, стоявших по Волге и Шексне, умерщвлялись отдельные «жены», которых волхвы «называли», или указывали на них, а в Суздальской земле в 1024 г. «старых баб» побивали скопом. В убийстве «лучших жен» на волжских и шекснинских берегах принимали участие, хотя и пассивное, родичи обреченных на смерть «лучших» женщин, в Суздале же мы этого не видим. Разумеется, новгородский текст не лишен позднейших наслоений. К ним, вероятно, надо отнести свидетельство о том, что измученные голодом мужчины отдавали своих жен в рабство: «яко мужи своя жена даяти, да и кормить собе, челядином»¹². Термин «челядин» тут явно неуместен, поскольку под челядью на Руси XI в. разумели рабов-пленников¹³. Смысл, вкладываемый новгородским книжником в слово «челядин», более соответствует историческим явлениям XIV–XV вв., нежели начала XI столетия¹⁴. Не исключено, что тут перед нами вставка, произведенная в духе позднейших реляций, хорошо знакомых летописцу¹⁵. На это намекает неуклюжая конструкция фразы, ее некоторая смысловая аморфность. К той же догадке о вставочном характере текста «яко мужю своя жена даяти, да ю кормять собе, челядином» склоняют летописи, где он не встречается. Таков, к примеру, летописный свод 1497 г., в котором читаем: «Ярославу сущу в Новегороде, тогда же ходи оттуду и к Суздалю, слыша бо тамо волхвы лживы, избивающе старую чадь бабы, глаголюще, яко сии гобинов голод пушают. Он же убица тыи помав, расточи...»¹⁶. Тщательный анализ свода 1497 г. позволил Сербиной прийти к выводу, что его составитель «бережно относился к тексту своих источников»¹⁷. Идентичную запись обнаруживаем и в своде 1518 г.¹⁸ Таким образом, несмотря на поздние наслоения, приросшие к рассказу Новгородской IV летописи под 1024 г., мы не рискуем, подобно Тихомирову, отказывать целиком ему в достоверности.

Арсенал летописных источников, толкующих о событиях 1024 г. в Суздальской земле, не исчерпывается двумя версиями, представленными Повестью временных лет и Новгородской IV летописью. Владимирский летописец, сходный во многом с Троицкой летописью¹⁹, со-

держит тоже оригинальное чтение: «В се же лето явишася волсви Суздальской земли, избиваху старых муж и жен, глаголя: “си держат гобину”. И мятежь велик и голод по всей земли той. И Ярослав въсве те казне, а иныя рости и рече: “се за грехи наши бог наводит на ны”. И вьвратися Ярослав в Новгород...»²⁰.

Владимирский летописец был впервые полностью издан в 1965 г. С тех пор он стал доступен широкому кругу исследователей²¹. Многие сведения Владимирский летописец черпал из древних источников. Так, новгородские известия Владимирского летописца (а к ним, очевидно, и надо относить сообщение под 1024 г.) являются, по мнению Тихомирова, краткими извлечениями из какого-то новгородского свода²². Продолжая наблюдения над новгородскими материалами в составе Владимирского летописца, начатые Тихомировым, Л.Л. Муравьева убедилась в их тождестве с соответствующими местами Новгородской IV летописи²³. Затем оказалось, что Владимирский летописец и Новгородская IV летопись восходят частично к общему новгородскому протографу²⁴. Значит, правомерно предполагать сравнительно древний характер записей Владимирского летописца о событиях 1024 г.²⁵

Итак, в нашем распоряжении три редакции изложения обстоятельств «великого мятежа» 1024 г. в Суздальской земле. Какому из них отдать предпочтение? Ответить на поставленный вопрос можно только после критической проверки всех редакций. И тут на первый план выступает внутренняя критика, т.е. анализ источника по содержанию. Свою ближайшую задачу мы видим в том, чтобы определить, насколько согласуются с историческими условиями Руси XI в. сведения, заключенные в трех версиях, и являются ли они взаимоисключающими.

Начнем с рассказа Повести временных лет. Первый вопрос: имело ли место само восстание? Суздальская земля по отношению к «матери градом русским» — Киеву — была далекой периферией. Здесь обитали не только славянские, но и финно-угорские племена²⁶. Среди какого населения, славянского или финского, происходили волнения, описанные Повестью временных лет? Ю.В. Готье полагал, что на Суздальщине волновались финны²⁷. Иначе думал Тихомиров. Он писал: «Отсутствие упоминаний о том, что восставшие суздальцы были из числа мери или какого-либо другого народа, говорит в пользу того, что во главе восставших стояли славянские волхвы»²⁸. Доступные нам сведения не дают прочного основания для выводов ни в одном, ни в другом

смысле. Больше того, здесь не исключено и третье: предположение о смешанном славяно-финском составе населения, обьятого голодом и волнениями, как это, скажем, наблюдалось в 1071 г. на Белоозере²⁹. Итак, этническая принадлежность участников событий 1024 г. не поддается точному определению.

Не лучше обстоят дела и в сфере социальной, хотя нас и уверяют, будто суздальский «мятеж» — восстание угнетенных смердов против землевладельческой знати³⁰. Но летописец о смердах хранит полное молчание, упоминая лишь волхвов, старую чадь и людей. Именуя «восставших» смердами, историки тем самым привносят в летописный рассказ собственный домysel, опирающийся на основания отнюдь не бесспорные. Доводом здесь служит гипотетическое соображение, что движение 1024 г. «охватило широкие круги земледельческого населения — крестьян»³¹. А дальше логика уже простая: поскольку крестьяне в Древней Руси назывались смердами, то восставшие в Суздальской земле и есть смерды³². Однако вопрос о смердах в Древней Руси весьма сложный и спорный. Во многих исследованиях смерды выступают не в качестве крестьян вообще, а как группа зависимого крестьянства³³. На наш же взгляд, под словом «смерды» скрывались в начале XI в. данники, объединенные в племена, подвластные русским князьям³⁴.

При таком истолковании термина теряет всякий смысл противопоставление смердов старой чади, поскольку старая чадь тоже относилась к числу смердов — данников. Следовательно, мы вправе были бы говорить не о движении смердов против старой чади, а о движении среди смердов, в ходе которого произошло столкновение различных групп смердьего населения.

Нуждается в уточнении и тезис о «восстании» 1024 г. как крестьянском движении, принятый в исторической литературе³⁵. Обычно забывают, что оно возникло в Суздале. Расправу над волхвами Ярослав учинил также в Суздале³⁶. Значит, движение было не только сельским, но и городским. Так повисает в воздухе идея о крестьянской природе суздальской «встани» 1024 г.. После этих общих замечаний перейдем к более конкретному и подробному анализу летописных известий.

«Въсташа вольсви в Суждали» — читаем в летописи. Что означает слово «въсташа»? Лихачев и Романов переводят его как поднялись³⁷, а Тихомиров — восстали³⁸. Уже это как бы настраивает на определенный лад, навевая мысль о восстании. Однако семантика данного слова богаче: подняться, встать, выступить, подняться против кого-либо (на кого-либо), восстать, объявиться, появиться, настать, начаться,

наступить, остановиться, стать на месте и пр.³⁹ Из приведенного перечня наше внимание останавливает значение слова «въстати» как объявиться-появиться, ибо именно оно кажется наиболее подходящим для перевода летописного отрывка. Иначе не понять, почему летописец, говоря о Ярославе, указывает, что князь услышал о волхвах, а не об избиении «старой чади» или о «мятеже великом», всколыхнувшем Суздальскую землю⁴⁰. Далее в поисках адекватного данной записи перевода нельзя, очевидно, не прислушаться к другим рассказам Повести временных лет о волхвах, появление которых в различных городах Руси изображается как нечто неожиданное. Известно, что в Киеве однажды «приде» волхв, но вскоре таинственно исчез⁴¹. При князе Глебе в Новгороде «встал» волхв⁴². Лихачев и Романов толкуют слово «встал» как явился⁴³. Вспомним, наконец, и о двух волхвах, которые «встаа от Ярославля». Составители Словаря русского языка XI-XVII вв. в качестве эквивалента слову «встаа» называют слова «объявились», «появились». По аналогии со всеми этими примерами мы можем утверждать, что летописатель, сообщая о волнениях 1024 г. в Суздале, засвидетельствовал появление, а не восстание волхвов.

Как явствует из летописи, выход волхвов на сцену был обусловлен голодом, поразившем Суздальщину. Голод возник в результате неурожая, длившихся несколько лет подряд⁴⁴. В этой экстремальной обстановке и действовали волхвы, убивая «старую чадь». Кто стоял за наименованием «старая чадь»? По мнению историков Готье и Велецкой, то были старые люди⁴⁵. Другие видят в «старой чади» богатеев, земельных собственников-феодалов, наживавшихся на бедах народа⁴⁶. Решительно разошелся с историографической традицией Кривошеев. По мнению исследователя, «старая чадь» — это свободные общинники, отличающиеся «от прочих суздальских "людей" степенью накопленного или запасенного имущества, в том числе запасов хлеба и земных плодов ("держать гобино")»⁴⁷.

О землевладении «старой чади» вряд ли стоит распространяться. В летописи нет ни малейшего намека на ее земельные богатства⁴⁸. Вернемся к известиям летописца. На первый взгляд они кажутся простыми и незамысловатыми. Но это лишь видимая простота. На самом же деле их заполняет некий внутренний, скрытый от поверхностного взгляда смысл. Вот почему они требуют весьма вдумчивого и внимательного прочтения.

Согласно летописателю, «старую чадь» убивали волхвы и только волхвы. Уже в этом заключен определенный секрет, раскрыть который

с помощью привычных представлений о событиях 1024 г. невозможно. Действительно, если полагать, что Суздальщину охватило мощное восстание крестьянства, то становится совершенно непонятным, почему убийства совершали одни волхвы, а не другие восставшие. Но ничего похожего не происходит. Отсюда ясно, что умерщвление «старой чади» имело какой-то особый смысл. Разобраться в нем помогает реплика летописца о действиях волхвов «по дьяволу наущению и бесованью»⁴⁹. Как справедливо считает Велецкая, «бесование», о котором говорится в летописи, «указывает на ритуальные действия. Суверенностью можно полагать произнесение нараспев ритуальных текстов, сопровождающихся ритуальными движениями в виде кружений, приплясываний...»⁵⁰.

Итак, избиение волхвами «старой чади» носило ритуальный характер. Какую же цель преследовал данный, несомненно языческий, ритуал? Ключ к разгадке лежит в обвинении, предъявленном волхвами «старой чади». Они утверждали, что «старая чадь» «держит гобино». В этом и состоит ее главная вина.

В древнерусском языке «гобино» — богатство, изобилие земных плодов, урожай (хлеб на корню, овощи и пр.)⁵¹. Тихомиров, перебрав различные значения слова «гобино», остановился на одном из них: «гобино» — по преимуществу «хлебный урожай»⁵². Думается, оговорка «по преимуществу» здесь неуместна⁵³. Летописное «гобино» есть урожай. Полностью в этом мы убедимся несколько ниже. А пока, чуть забегаая вперед, примем следующее толкование текста: «старая чадь» держит урожай. Однако дальнейшее наше продвижение осложняется загадочностью слова «держит». Большинство современных исследователей, как уже отмечалось, понимают его так, что «старая чадь» держит в своих руках, прячет, скрывает урожай и всякие припасы. Такое толкование вряд ли приемлемо, ибо признав в «старой чади» зажиточную прослойку общества, «скрывающую» от голодающих зерно, мы должны признать и то, что это не являлось тайной для окружающих⁵⁴. Но, по летописи, осведомленными на сей счет являются одни лишь волхвы, претендующие на роль провидцев, взору которых доступны сокровенные тайны бытия. Только они знали причину постигшего народ несчастья, находя ее в кознях (быть может, невольных) «старой чади», держащей «гобино». И здесь разумелись уже не материальные дела, а сверхчувственные, вплетавшиеся в систему языческого миропонимания. Справедливость наших предположений подкрепляет назидательная речь Ярослава, помещенная в конце летописного расска-

за о бедствиях в Суздальской земле. Князь якобы изрек: «Бог наводит по грехом на куюждо землю голодом, или мором, ли ведромъ, ли иною казнью, а человек не вестъ ничтоже»⁵⁵. Перед нами явный полемический пассаж, адресованный волхвам, дерзнувшим утверждать о скрытых причинах происходящего на земном круге. Бог все знает, а человек ничего не ведаёт — вот убеждение князя. Волхвы, согласно Ярославу, посягали на то, что абсолютно недоступно человеку. А это значит, что «глаголания» волхвов касались прежде всего предметов не реальных, а мистических. Стало быть, фразу «си держать гобино» нельзя толковать как держат в своих руках натуральные запасы хлеба, действительный урожай. Об этом говорит ещё одна летописная деталь. Убийство «старой чади» нисколько не облегчило страданий народа, и голод свирепствовал с прежней силой. Казалось бы, изъятие у обречённой на смерть «старой чади» запасов зерна должно было улучшить положение. Но этого не произошло. И люди вынуждены были идти «в болгары», чтобы привезти жито. Значит, у «старой чади» никаких реальных запасов хлеба не имелось. Из многих исследователей обратил внимание на указанную деталь только Рыбаков, который замечал, что «люди ожили не после расправ волхвов со старой чадью, а лишь после закупки жита в Болгарии, что позволяет понимать вину «старой чади» не в фактическом владении запасами зерна, а в каком-то языческом влиянии на ход земледельческого хозяйства»⁵⁶. Надо искать другой перевод.

На языке Древней Руси слово «держать» обозначало, помимо всего прочего, задерживать⁵⁷. Именно это значение заключено в летописной фразе «держат гобино», которую, следовательно, надо понимать в смысле задерживают рост зерна, препятствуют урожаю⁵⁸.

По языческим понятиям, жизнь людей, дурно влияющих на урожай, крайне не желательна для коллектива. Поэтому, чтобы восстановить благополучие общины, их убивали. Следовательно, волхвы избивали «старую чадь» не за то, что в закромах у нее хранились хлебные запасы, столь нужные голодающим, а потому, что она в силу своих личных свойств задерживала рост зерна, сея вокруг смертельный голод⁵⁹. Надо отдать должное прозорливости Е. Петухова, который более ста лет назад писал: «Под 1024 г. рассказывается, что из Суздаля вышли волхвы и стали избивать “старую чадь”, говоря, что эта последняя — причина неурожая»⁶⁰. Какие же личные свойства «старой чади» оказались столь губительны для людей? Ответ получим, раскрыв термин «старая чадь». К сожалению, из-за недостатка сведений

точно сказать, кого покрывал этот термин, невозможно. Допустим, однако, что им называли родоплеменную знать, т.е. вождей всяких рангов, управлявших обществом.

У первобытных народов общественные лидеры формировались за счет старших возрастом⁶¹. Старшинство и старейшинство, стало быть, у них совпадали⁶². Правители довольно часто пользовались репутацией магов, укреплявшей их авторитет и власть, способствующей даже возникновению культа правителей⁶³. Магия, разумеется, приносила общине либо добро, либо зло. Вожди, наделяемые сверхъестественными способностями, обязаны были посредством магии обеспечить благосостояние общества. А поскольку оно зависело от урожая, то правители нередко выступали в качестве «вызывателей, делателей дождя»⁶⁴. Это ремесло таило смертельную опасность, готовую в любой момент обрушиться на голову незадачливых магов. «Положение занимающегося общественной магией, — писал Фрэзер, — действительно очень непрочное; народ твердо уверен, что в его власти вызвать дождь, заставить засиять солнце, созреть плоды. Поэтому естественно, что засуху и недостаток съестных припасов также приписывают его преступной небрежности или злонамеренному упрямству. Он несет за это должное наказание»⁶⁵. В жизни подчас бывало, что во время засухи люди, доведенные до отчаяния, убивали своих начальников, убежденные в том, будто они задерживают дождь⁶⁶. Подобные обычаи имели широкое распространение среди древних народов. Их можно наблюдать, по словам Фрэзера, у всех арийцев от Индии до Ирландии⁶⁷.

В плоскости проведенных этнографических параллелей и следует, на наш взгляд, рассматривать события 1024 г. в Суздальской земле. Там во время засухи, породившей голод, представители языческого культа волхвы, одобряемые народом, убивали местных вождей-старейшин, утверждая, что те не дают пролиться дождю, задерживая в конечном счете урожай — «гобино». Перед нами нравы язычества, типичные для доклассового общества.

Токарев, говоря о культе вождей у африканцев, намечает две стадии развития этого культа, «соответствующие этапам перехода от доклассового к классовому общественному строю: если на первом этапе вождь выступает как бы в роли должностного лица общины, ответственного за ее благополучие, и этой цели и служат его «сверхъестественные» качества, то на втором этапе вождь не ответственное лицо, а деспот-правитель, и его «божественность» есть лишь средство уси-

ления его власти и прославления его личности»⁶⁸. То, что произошло в Суздале, более подходит к первой фазе эволюции культа вождей, о которой пишет Токарев.

Летописец связывал княжеский приезд с бесовскими действиями волхвов. «Слышав же Ярослав волхвы, приде к Суздалью», — читаем в летописи⁶⁹. Прибытие Ярослава в Суздаль следует, как нам кажется, рассматривать в связи с политической обстановкой, сложившейся в это время в южной приднепровской Руси. Летописец сообщает: «Ярославу сущю Новгороде, приде Мьстислав ис Тьмутороканя Киеву, и не прияша его кыяне. Он же шед седе на столе Чернигове...»⁷⁰. Предстояла межкняжеская борьба. Ярослав Мудрый надеялся на варяжскую помощь. Но за нее надо было платить. В поисках средств князь и отправился, судя по всему, на северо-восток, где жили его данники — покоренные и обложенные данью туземные племена. Эту нашу догадку подтверждает следующий ход событий: «И възвратися (из Суздаля. — И.Ф.) Ярослав, приде Новугороду, и посла за море по варягы. И приде Якун с варягы»⁷¹. Ярослав, как видим, послал за варягами, вернувшись из Суздаля⁷². Это позволяет предположить, что в Суздальскую землю он ходил за сбором дани, необходимой для оплаты наемникам-варягам. На данническую заинтересованность Ярослава намекает Новгородская IV летопись, где говорится, что князь «устави ту землю»⁷³. Слово «устави» живо напоминает «уставную» деятельность княгини Ольги по упорядочению взимания дани⁷⁴. О законодательстве Ярослава в Суздальской земле у нас нет сведений⁷⁵. Их, впрочем, и не должно быть, поскольку отношения Рюриковичей с данниками были чисто внешними. Князья, довольствуясь данью, не вмешивались во внутреннюю жизнь племен, плативших ее⁷⁶.

Догадка об упорядочении Ярославом дани на северо-востоке Руси высказывается и Кучкиным, согласно которому Ярослав Мудрый, «по-видимому, вынужден был пойти на строгую фиксацию размеров дани. Фиксация дани должна была сопровождаться точным указанием пунктов, где эта дань взималась»⁷⁷. В условиях скудости, поразившей Суздальскую землю, данническая «переверстка» была мерой необходимой. И не обязательно изображать дело так, будто князь дал местному населению письменный указ, определяющий сбор дани, как считает Кучкин⁷⁸. То могло быть и устное соглашение, скрепленное клятвой. Все это еще раз убеждает нас в том, что Ярослав ходил в Суздальскую область ради дани⁷⁹. Позднейший же летописец по-своему осмыслил пребывание его в Суздале, сведя цель княжеского при-

езда к наказанию волхвов-язычников. Похоже, христианство тогда еще не достигло дальних северо-восточных областей Руси. Даже в церковном Уставе Ярослава, составленном при участии митрополита Иллариона (т.е. позже Суздальских событий), сказано, что Устав этот предназначен для городов и областей, «где крестьянство есть»⁸⁰. Значит, в Древней Руси времен Ярослава были города и области, где христиане не были преобладающим населением. Что касается северо-восточных ее пределов, то там христианство стало широко распространяться лишь со второй половины XI в.. Правда, как известно, еще святой благоверный князь Борис, сидевший в Ростове, «благочестиво властвуя, обращал неверных к святой вере». Но сопротивление язычников было настолько сильным, что даже первые ростовские епископы, Федор и Илларион, вынуждены были покинуть город. Во второй половине XI в. развернулась деятельность по обращению язычников в христианство ростовского епископа святителя Леонтия, который погиб мученической смертью. В «Сказании о построении града Ярославля», содержащем отголоски древних преданий, восходящих к реальной жизни, описан весьма характерный в данном отношении эпизод. Князь Ярослав Мудрый, победив язычников, обитавших в селище Медвежий угол, расположенном в устье Которосли, «поучи людей, како жити и обиды не творити никому же, а наипаче, дозна богомерзку веру их, моля их креститься. И людии сии клятвою у Волоса обеща Князю жити в согласии и оброцы ему даяти, но точию не хотяху креститься»⁸¹. Несомненный интерес представляет для нас и рассказ, сохранившийся в «Повести о водворении христианства в Муроме», где читаем: «Во граде Муроме живяху человеци прежде поганыя различныя языци зли суще. И град сей Муром славен бяше, и кровопролития безчисленна с верными содевающе и обиду творяше велику»⁸². И вот князь Константин с сыновьями Михаилом и Федором подступил к Мурому. «Невернии же граждане видевши храбрость и мужество его (*Константина. — И.Ф.*)... и въскоре послаша с повиновением, и клятвами себе утвердиша оброщи и дань даяти ему обещавахуся, точию не хотяще креститься»⁸³.

Наши комментарии и размышления по поводу известий Повести временных лет о событиях 1024 г. в Суздале исчерпаны. Проведенное исследование позволяет высказать предположение о том, что в Суздальской земле, охваченной голодом, имели место языческие ритуальные убийства старейшин-вождей, обвиненных в пагубном влиянии на урожай. Подобная практика являлась отражением и воплоще-

нием языческого миропонимания, пронизанного верой в действие магических сил, властно вторгающихся в жизнь людей, принося им в одном случае благо, а в другом — зло. Голод и убийства знати, призванные прекратить бедствия, сопровождались, по всей видимости, волнениями, которые нельзя считать восстанием против «старой чади» — богатой якобы верхушки местного общества. Все, чему подвергалась «старая чадь», не выходило за рамки традиций, уходящих в седую древность.

Существенное сходство обнаруживаем в рассказе новгородского летописца, заключенном в Новгородской IV летописи. Он более прозрачен, чем рассказ, содержащийся в Повести временных лет. По новгородскому летописателю, волхвы перебили «старую чадь бабы», т.е. старых женщин, старух. Уже этим своим указанием летопись предостерегает от попыток усматривать в изображаемых ею происшествиях социальный конфликт, переводя их в бытовую плоскость⁸⁴. «Бабы», подобно «старой чади» Повести временных лет, «держат гобино и жито»⁸⁵. Как мы убедились ранее, анализируя слово «держит», тут речь идет о том, что «старые бабы» задерживают созревание хлебов, или губят урожай⁸⁶. Они, кроме того, еще и «голод пускають»⁸⁷, выступая, следовательно, на поприще колдовства. В какой мере соответствовали исторической действительности свидетельства новгородского книжника? Может быть, он фантазировал? Записки арабского путешественника Абу Хамида ал-Гарнати, посетившего Восточную Европу в середине XII столетия, проливают свет на летописные сообщения. В соседстве со славянами, повествуется в Записках, обитала «народность, живущая среди деревьев, бреющая бороды. Живут они на (берегах) огромной реки и охотятся на бобров в этой реке». Арабскому пришельцу об этих людях рассказывали, что «у них каждые десять лет становится много колдовства, а вредят им их женщины из старых колдуний. Тогда они хватают всех старух в своей стране, связывают им руки и ноги и бросают в реку: ту старуху, которая тонет, оставляют и знают, что она не колдунья, а которая остается поверх воды — сжигают на огне»⁸⁸. По мнению Монгайта, «упоминаемый после славян народ, живущий в лесах и бреющий бороды, — это, очевидно, мордва»⁸⁹. Но мордва, полагает Монгайт, не знала обычая испытания колдуний водой, засвидетельствованного Абу Хамидом⁹⁰. А вот у славян этот обычай нашел отражение в источниках. Долго на Руси держалась вера в существование ведьм, коих народ периодически истреблял. Еще в XIII в., согласно епископу Серапиону Владимирскому, русские

люди, отдавая дань языческим суевериям, бросали в воду женщин, подозреваемых в колдовстве⁹¹. В 1411 г. «псковичи сожгоша 12 жонке вещей»⁹². Жестокий пожар в Москве 1547 г. народная молва связала с «волхованием» бабки царя Ивана княгини Анны Глинской, которая «вымала сердца человеческие да клала в воду да тою водою ездячи по Москве да кропила»⁹³.

Монгайт резонно считает, что испытание «ведьм» посредством воды на Руси XIII в., о чем говорит в одном из своих поучений Серапион Владимирский, полностью аналогично практике, описанной Абу Хамидом⁹⁴. Эту аналогию можно распространить и на факты, приводимые новгородским летописцем в рассказе под 1024 г.. В литературе была уже попытка сопоставить сообщения арабского автора с событиями XI в., в частности с событиями 1024 г.. Она принадлежит Т. Левицкому, который писал: «Особенно интересна информация нашего путешественника (Абу Хамида. — И.Ф.) о колдуньях у славян и волнениях, какие они возбуждают среди народа»⁹⁵. Пашуто обратил внимание на сопоставление известий Абу Хамида с летописной записью 1024 г., осуществленное Левицким⁹⁶. Однако, скованный традиционными идеями, он не смог сделать соответствующих выводов, вытекающих из данного сопоставления, оставшись в русле привычных представлений. Между тем рассказ араба Абу Хамида ал-Гарнати дает ключ к пониманию известий Новгородской IV летописи о «старой чади бабах», задерживающих урожай и «пускающих» голод.⁹⁷ В устах летописца эти «бабы» — колдуньи, напустившие бедствие на людей Суздальской земли. Волхвы убивали «баб», чтобы пресечь зло, исходившее от них⁹⁸. Все это и породило волнения среди изнуренного голодом населения Суздальщины⁹⁹. Перед нами, таким образом, один из эпизодов язычества, бытовавшего на Руси в XI в.. Таково наше понимание записей Новгородской IV летописи под 1024 г.. Обратимся теперь к Владимирскому летописцу.

По сообщениям этого летописца, в Суздальщине во время голода волхвы избивали старых «муж и жен», утверждая, что «си держат гобину»¹⁰⁰. Иными словами, волхвы истребляли престарелых людей, независимо от пола, полагая, что их пребывание на земле оказывает отрицательное воздействие на урожай — «гобину». Рассказ Владимирского летописца приобретает ясность на фоне языческих славянских ритуалов, исследованных в специальной монографии Велецкой.

Издrevле славяне имели обыкновение отправлять на «тот свет» стареющих людей. Они верили, что ушедшие на «тот свет» благотвор-

но влияют на дела тех, кто остался жить. То было отправление к праотцам. Оно заключало в себе тот же смысл, что и описанный Геродотом обычай гетов отправлять «вестника с поручением передать богу все, в чем они нуждаются в данное время»¹⁰¹.

Благоденствие общества, в экономике которого превалировало земледелие, «зависело от нормального хода жизнедеятельности в природе. Стихийные природные бедствия неизбежно влекли за собой бедствия общества. Духи предков-покровителей представлялись связанными с природой, способными властвовать или управлять стихиями. Вера в могущество предков-покровителей заставляла отправлять на «тот свет» своих посланцев. С помощью их общество надеялось избежать бедствий, приводящих его к катастрофе. Одной из самых страшных катастроф был голод — следствие длительных неурожаев»¹⁰². В плоскости этих и других наблюдений Велецкая рассматривает рассказ Повести временных лет об избиении «старой чади» волхвами в 1024 г.¹⁰³ Однако, согласно ее мнению, из летописи следует, что ритуал умерщвления стариков у восточных славян в XI в. «отправлялся нерегулярно, а эпизодически, в силу особых обстоятельств, т.е. он уже деградировал, перейдя в пережиточное явление»¹⁰⁴. Велецкая далее отмечает, что «при деградации ритуала оставшиеся в живых «посланники», находясь на земле, воспринимаются при экстраординарных обстоятельствах задерживающими нормальный рост и созревание хлебов, ставящими под угрозу урожай, служащими как бы косвенным источником голода. Предпринимается частичное, выборочное отправление ритуала над наиболее достойными представителями старшего поколения, чтобы был обеспечен обычный урожай, ликвидирована угроза еще более сильного голода»¹⁰⁵. Относительно летописных известий 1024 г. Велецкая пишет: «Преждевременное умерщвление почтенных стариков в XI в. еще носило ритуальный характер, имеющий аграрно-магическую функцию, но было уже действием эпизодическим... Вероятнее всего, в свидетельстве (*летописи*. — И.Ф.) говорится о том, что волхвы отправляли на «тот свет» достойнейших представителей старшего поколения для предотвращения надвигающегося неурожая, деградация ритуала проявляется в описании угрозы, связанной в известной мере и с тем, что на земле пребывали те, кому пора было отправляться к праотцам»¹⁰⁶.

Все это позволяет в рассказе Владимирского летописца о волхвах, избивавших старых «муж и жен», видеть пример отправления на «тот

свет» престарелых людей с целью избавления от несчастий, постигших страну.

§ 2 Принесение человеческих жертвоприношений волхвам в Суздальской земле и Белгороде в голодные 1070-е годы

Мы проанализировали три варианта изложения событий, содержащиеся в Повести временных лет, Новгородской IV летописи и Владимирском летописце под 1024 г. В первом памятнике речь, судя по всему, идет об умерщвлении вождей-старейшин, во втором — колдунный, в третьем — старых мужчин и женщин. То были ритуальные убийства, призванные обеспечить благоденствие общества. Вполне естественно, что инициаторами этих действий стали волхвы-жрецы языческого культа. Трудно отдать предпочтение тому или иному летописному варианту, ибо они все согласуются с историческими условиями Руси XI в., где языческие нравы были еще довольно стойкими. Летописцы рисуют картину языческого быта с его аграрно-магическими ритуалами. Возможно, упомянутые ритуалы выступали в качестве пережитков. Так думает Велецкая, и она, вероятно, права¹⁰⁷. Но если это так, то становятся понятными сопровождавшие избиение волхвами своих жертв волнения среди населения Суздальской земли («мятеж велик», по терминологии летописца), вызванные, по всей вероятности, противодействием каких-то социальных групп осуществлению ритуальных убийств, т.е. возврату к отживающей старине, уходящим в прошлое обычаям¹⁰⁸.

Итак, при более углубленном изучении источников с привлечением этнографических данных рушится весьма распространенное в историографии представление о событиях 1024 г. как мощном крестьянском антифеодальном восстании, потрясшем Суздальщину. Нечто похожее на произошедшее в Суздальской земле во времена Ярослава встречаем в описаниях Повести временных лет под 1071 г.: «Бывши бо единою скудости в Ростовьстей области, встаста два волхва от Ярославля, глаголюще, яко “Ве свеве, кто обилье держить”. И поидоста по Волзе, кде приидуча в погост, ту же нарекаста лучьшие жены, глаголюща, яко си жито держить, а си мед, а си рыбы, а си скору. И привожаху к нима сестры своя, матери и жены своя. Она же в мечте прорезавша за плечемь, вынимаста любо жито, любо рыбу, и убивашета многы жены, и именье их отымашета себе. И придоста на Белоозеро, и бе у нею людей инех 300». В тот момент на Белоозере оказался киевский боярин Ян Вышатич, прибывший сюда «от Святослава» за сбором да-

ни. Расспросив о волхвах, Ян узнал, что они — смерды, подвластные князю Святославу. «Выдайте волхва та семо, яко смерда еста моя и моего князя», — заявил Ян тем, кто сопровождал волхвов. Но они «сего не послушаша». Тогда боярин со своими дружинниками-отроками решил сам схватить «кудесников». Однако это ему не удалось. Раздосадованный неудачей Ян пригрозил белозерцам: «Аще не имете волхву сею, не иду от вас и за лето». И белозерцы привели волхвов к Яну. «Чего ради погубиста толико человек? — приступил к ним с допросом Ян Вышатич. «Кудесники» объяснили, почему они убивали «лучших жен». Летописец красочно и колоритно воспроизвел диспут, состоявшийся между Яном и смердами. Затем боярин, наказав волхвов, приказал родственникам убитых женщин: «Мьстите своих». Волхвов убили и «повесиша я на дубе: отмьстье приимша от бога по правде. Яневи же идущую домови, а другую ношь ведведь възлез, угрыз ею и снесть. И тако погыбнуста наущеньем бесовским, инем ведуша, а своеа пагубы не ведуче»¹⁰⁹. Так излагает происшествия 1071 г. Повесть временных лет.

Любопытные детали, отсутствующие в Повести, имеются в Летописце Переяславля Суздальского, где встречаем «ярославцев двух мужей прелестных», которые «мечтанием яко скомраси» прорезали у «добрых жен» за плечами и вынимали «пред людьми жито у них с под кожи, а у иных мед и скору и рыбу, веверицу». Тех, кто сопровождал «мужей прелестных», автор Летописца аттестует глупыми: «И бе с ними людии инех 300 глупых». Белозерцы, согласно Летописцу, донесли Яну о том, что эти «два кудесника много жен и муж погубиша», тогда как в Повести сказано только о «женах». Они также говорили Яну, будто «дани не на ком взяти». Спутники волхвов в Летописце названы смердами¹¹⁰.

Эти нюансы, содержащиеся в Летописце Переяславля Суздальского, позволили Тихомирову сделать заключение об их большей древности сравнительно с Повестью временных лет. Правда, историк считал, что известия Летописца о голоде в Ростовской земле не сохранились в первоначальном виде, а подверглись некоторым сокращениям и правке. Тем не менее, дополнительные сведения, заключенные в них, «не могут быть объяснены позднейшими вставками, так как они органически связаны с текстом... Поэтому следует предполагать существование особой версии рассказа о суздальских и новгородских событиях, более древней, чем версия Повести временных лет. Рассказ Летописца Переяславля Суздальского отличается большей конкрет-

ностью деталей и был составлен вскоре после событий в Суздальской земле... со слов того Яна Вышатича, может быть, даже им самим»¹¹¹.

При наличии данных, которыми мы ныне располагаем, едва ли можно отдать полное предпочтение Летописцу Переяславля Суздальского перед Повестью временных лет. На Летописце лежит зримая печать позднейшей обработки и стилизации. Об этом свидетельствует ряд довольно выразительных черт: «прелестные мужи» и «добрые, честные жены» взамен «волхвов» и «лучших жен» Повести, уподобление двух мужей ярославцев скоморохам¹¹². Совершенно несогласованным с предшествующим изложением выглядит в Летописце заявление белозерцев, что два «кудесника» много «жен и муж погубиша», поскольку до этого речь шла об убийстве одних лишь женщин. Выдает себя редактор и там, где людей, сопровождавших «кудесников», он обозвал глупцами. Наконец, особенно наглядно выступает творчество позднего «списателя» в заключительной сцене расправы с волхвами: «И рече Ян подвозником: есть ли кого у вас племени убили сии смерды. И с радостью и с плачем рече кликом: у мене мать, а ины рече: у мене сестру и имение взяша, а другие род свои показаша»¹¹³. Все эти клики, радость и плач — цветы красноречия позднейшего правщика. Нельзя пройти и мимо «подвозников» Летописца Переяславля Суздальского, поставленных на место «повозников» Повести временных лет, ибо «подвозники» — более поздняя лексическая форма¹¹⁴. Невразумительно звучит фраза Летописца: «род свои показаша». Здесь мы снова нападаем на редакторский след.

Таким образом, Летописец Переяславля Суздальского вряд ли может заменить Повесть временных лет при изучении событий 1071 г. в Ростовской земле. Видимо, здесь надо пользоваться обоими источниками как дополняющими друг друга.

Информация, сохранившаяся в летописи, должна быть дополнена этнографическими материалами, проливающими свет на существо событий. Прежде чем приступить к их рассмотрению, несколько замечаний о датировке упомянутых летописью происшествий.

Условность летописной хронологии здесь очевидна. Уже К.Н. Бестужев-Рюмин справедливо подчеркивал, что летописный рассказ 1071 г. есть свод нескольких известий о волхвах, появившихся в различных местах в разное время, и потому свидетельству об их деятельности под 1071 г. не следует придавать значения «точного хронологического указания»¹¹⁵. В датировке событий, происходивших в «Ростовской области» под летописным 1071 г., среди исследователей нет полного

единства. Их мнения колеблются в пределах десятилетия: от середины 60-х до середины 70-х гг. XI столетия. Нам представляется наиболее убедительной датировка, предложенная Раповым. Он полагает, что «восстание в Ростовской земле могло иметь место только в тот период времени, когда Святослав являлся великим русским князем», т.е. с 22 марта 1073 г. по 27 декабря 1076 г.¹¹⁶ С помощью дендрохронологии Рапов предпринял попытку найти в этом временном промежутке наиболее вероятный год появления волхвов. Как показывают дендрохронологические данные, в Белозерье на протяжении 8 лет (с 1069 по 1076 г.) наблюдалось 5 неурожайных (или малоурожайных) лет, причем два последних года — 1075 и 1076 — подряд¹¹⁷. Рапов предполагает, что «восстание смердов» произошло «ранней осенью 1078 г., когда два неурожайных года (1075 и 1076) пагубно сказались на положении трудового люда, чем воспользовались волхвы, толкнувшие народ на выступления»¹¹⁸.

Анализ фактов, связанных с выступлением волхва в Новгороде, описанным летописцем под тем же 1071 г., склоняет к мысли, что «волхвы от Ярославля» действовали, скорее всего, в 1076 г.¹¹⁹ В чем же заключался смысл их действий?

Первое, что необходимо выяснить, на какой этнической почве случилось то, о чем повествует летописец. В литературе нет общего мнения на сей счет. Одни историки говорят о финской этнической среде¹²⁰, другие — о славянской¹²¹, а третьи — о смешанной, славяно-финской¹²². Не подлежит сомнению тот факт, что финский элемент весьма рельефно вырисовывается в летописном рассказе. Он довольно ярко проявляется в способе изъятия волхвами у «лучших жен» жита, меда и мехов. На сходство этих приемов с обрядом сбора припасов для жертвоприношений и общинных празднеств, засвидетельствованным П.И. Мельниковым-Печерским у мордвы, исследователи давно обратили внимание. Но в летописи есть еще один сюжет, хорошо сопоставимый с мордовскими поверьями и не оцененный в достаточной мере современными специалистами. Когда Ян Вышатич, погрузившись в диспут с волхвами, спросил, как, по их убеждению, был сотворен человек, они ответили ему: «Бог мывся в мовници и вспотивься, отерся вехтем, и верже с небесе на землю. И распресе сотона с Богом, кому в немь сотворити человека. И створи дьявол человека, а Бог душу во нь вложи. Тем же, аще умереть человек, в землю идеть тело, а душа к Богу»¹²³. Из мордовской же мифологии узнаем о том, как вздумал Шайтан (злой дух) сотворить человека. Создав тело

человека из глины, песка и земли, он не сумел привести свое творение в благообразный вид, а ему очень хотелось сотворить человека по образу и подобию божью. Шайтан послал на небо птичку-мышь за полотенцем, которым Чам-Пас (верховный бог) обтирался после мытья в бане. Птичка-мышь взлетела на небеса, свила гнездо в конце полотенца Чам-Паса, развела мышат, и от их тяжести полотенце упало на землю. Шайтан подхватил полотенце, обтер им свое творение, и оно тотчас приняло образ и подобие божье. Затем Шайтан стал оживать человека, но никак не мог вложить в него живую душу. И только Чам-Пас сумел дать душу человеку. Потом Чам-Пас и Шайтан долго спорили, как им поделить человека. Наконец, условились: нетленная душа человека есть достояние Чам-Паса, а брренное тело — Шайтана. «Оттого, — заключает мордовское поверье, — когда человек умирает, душа с образом и подобием божьим идет в небеса к Чам-Пасу, а тело, лишаясь души, теряет и подобие божье, гниет, разваливается и идет в землю на добычу Шайтану»¹²⁴. Легко заметить, сколь много общего в летописном и мордовском мифах: в летописи Бес, а в поверье мордвы Шайтан творят тело человека с помощью божьего полотенца («вехте» летописца), Бог вкладывает в человеческое тело душу, по смерти человека его душа, отрываясь от плоти, возносится на небеса к Богу, а тело, распадаясь, превращается в прах. Вряд ли это сходство случайно. Оно свидетельствует, что религиозные верования смердов-волхвов уходят корнями в финно-угорскую языческую старину¹²⁵. А отсюда следует вывод о том, что события, описанные Повестью временных лет под 1071 г., нельзя рассматривать, абстрагируясь от туземной среды с ее финно-угорскими компонентами. Иными словами, эти события были связаны если не исключительно с финно-угорским населением, то, во всяком случае, со смешанным, славяно-финским.

При чтении Повести временных лет бросаются в глаза явные следы стилизации и литературной обработки рассказа о волхвах, с которыми столкнулся на Белоозере Ян Вышатич¹²⁶. Данное обстоятельство порождало у отдельных исследователей сомнение в его достоверности¹²⁷. Однако в литературе нередко указывалось, что этот рассказ был записан со слов Яна — очевидца произошедшего волнения смердов¹²⁸. Свидетельство очевидца как бы укрепило доверие к источнику. Действительно, летописец, по собственному признанию, от Яна «многа словеса слышах и вписах» в свою летопись¹²⁹. И все же надо иметь в виду, что Ян мог лично наблюдать за происшествиями только на Белоозере. Об остальном он знал по слухам, точность которых весьма про-

блематична. Эти слухи, помноженные на воображение Яна и летописца, составили основу летописной статьи 1071 г. Даже при беглом знакомстве с ней можно заметить, насколько она фантастична, запутана и (что особенно важно) тенденциозна¹³⁰. Правда, сам летописец был далек от подобных мыслей. Все, о чем он говорил, казалось ему правдой, а не вымыслом.

Изучение летописного текста убеждает, что древний летописатель свел воедино два различных порядка верований и ритуалов. Первый из них отразился в приемах извлечения из «лучших жен» припасов. Волхвы, разрезая у женщин заплечье, «вынимаюста либо жито, либо рыбу»¹³¹. Нечто сходное наблюдал у мордвы в 60-е г. XIX в. П.И. Мельников-Печерский. Когда наступало время общественных жертвоприношений мордовским языческим богам, специальные сборщики ходили по дворам и собирали всякую снедь, но непременно брали ее у женщин, которые заранее приготавливали особые мешочки с мукой, медом, яйцами и прочими продуктами. Обнаженные до пояса женщины, перебросив эти мешочки через плечи, стояли спиной к двери в ожидании сборщиков. Последние, войдя в помещение и помолившись богам, отрезали мешочки, укалывая при этом женщину пятикратно в плечо и спину священным ножом, а затем удалялись, направляясь в другой двор¹³². На фоне этих обычаев становится понятным фантастический рассказ летописца о волхвах и «лучших женах», начиненных якобы житом, рыбой, медом и мехами. Фантастичность его — результат совмещения в летописном повествовании двух разных ритуалов, бытовавших в Ростовской земле и знакомых автору Повести временных лет понаслышке. Один из них нам теперь известен. Это — ритуал сбора припасов для общественных жертвоприношений и празднеств. Другой указывает на практику ритуальных убийств женщин, подозреваемых в пагубном влиянии на урожай¹³³. Присмотримся пристальнее к соответствующим фактам, скрытым в летописи.

Два волхва «от Ярославля» объявились («встаюста») во время недорода («бывши бо единою скудости в Ростовьстей области»). Они явились как провидцы, знающие то, что недоступно знать другим. «Ве свеве, кто обилье держить», — говорили волхвы. Под «обильем» здесь следует понимать хлеб, урожай. Впрочем, такому пониманию препятствует, казалось бы, последующий текст летописи, где, как можно думать, раскрывается смысл слова «обилье» через упоминание жита, рыбы, меда и мехов. Но если учесть, что летописатель смешал два различных ритуала, подобное препятствие отпадает¹³⁴.

Дар ясновидения волхвов выразился в их способности найти между «лучшими женами» тех, кто «обилье держит». Именно этих «избранниц» они обрекли на смерть¹³⁵. Необходимо, однако, сказать, что в современной историографии укоренился иной взгляд на цели волхвов и тех, кто шел за ними. В значительной мере этот взгляд обусловлен соответствующим толкованием термина «лучшие жены» и фразы «держат обилье».

Некоторые историки в «лучших женах» усматривают домоправительниц, больших «гобиньных домов», по терминологии «Изборника Святослава»¹³⁶. Вряд ли это правомерно. Среди убитых волхвами женщин летописец называет матерей, жен и дочерей¹³⁷. Если матерей и жен можно еще представить в роли большух, то дочерей едва ли, поскольку по возрасту своему и положению в семейном коллективе они такой роли не соответствовали.

Наконец, существует предположение, согласно которому «лучшие жены» — это «выдающиеся женщины окружающей области» или «старейшие замужние женщины», т.е. «наиболее уважаемые члены общества»¹³⁸. Как и в случае с большухами, дочерей, приводимых к волхвам, нельзя отнести к «старейшим замужним женщинам».

Нам кажется, что в устах летописца, «лучшие» есть обозначение физических и нравственных качеств, какими были наделены обитавшие в ростовских погостах «жены»¹³⁹. Не случайно Велецкая определяет «лучших жен» как почтеннейших¹⁴⁰. В летописной статье, приуроченной к 1071 г., она видит пример ритуального отправления «на тот свет» (ради общественного блага) стареющих женщин¹⁴¹. Но летописец в числе убитых женщин называет, как мы уже отмечали, дочерей, которых трудно отнести к разряду стареющих. По нашему убеждению, ударение у него поставлено не на возрастном аспекте. В противном случае избению подверглись бы, как того требовал обычай, все стареющие женщины. Велецкая, впрочем, так и понимает летописный рассказ. Сопоставляя обряд, описанный в Повести временных лет под 1024 г., с тем, что произошло в 1071 г., она усматривает в событиях последнего отражение более поздней ступени в трансформации обычая отправления «на тот свет». Характерным здесь «является то обстоятельство, что на насильственную смерть были обречены лишь женщины. Более стойкая сохранность архаических ритуалов в женской среде, большая устойчивость женской обрядности, а также переход на женскую среду обрядности, составляющей прежде мужскую компетенцию, — характерные процессы при

деградации ритуального действа»¹⁴². Имея в виду летописные записи под 1071 г., Велецкая отмечает, что Повесть временных лет содержит сведения о ритуальном умерщвлении состарившихся женщин, которое практиковалось «еще и после прекращения отправления “на тот свет” стареющих мужчин»¹⁴³. Мы полагаем, что пятьдесят лет, отделяющие события 1024 г. от событий 1071 г. — слишком малый срок для столь глубокой трансформации обычая. Но главное заключается в том, что волхвы «от Ярославля» предавали смерти и пожилых и молодых женщин, причем не всех. Частичное истребление «лучших жен» засвидетельствовано белозерцами, говорившими Яну Вышатичу, что «кудесники» убили «многы жены»¹⁴⁴. Да и в предшествующем тексте сказано, что волхвы «убивашета многы жены»¹⁴⁵. Стало быть, в летописи речь идет об убийстве женщин, хотя и многочисленном, но выборочном, а не поголовном.

Итак, побудительная причина отправления «лучших жен» к протцам крылась не в их преклонном возрасте, а в чем-то ином. И тут мы должны заметить, что «жены», согласно рассказу летописца, обладают колдовской силой, несущей зло людям. Они, по утверждению волхвов, держат «обилие, гобино», т.е. задерживают урожай, обрекая своих соплеменников на голод¹⁴⁶. Но колдовство «жен» — тайна для окружающих. Лишь волхвы, осененные божьей благодатью и наделенные сверхъестественной интуицией, способны различить колдуний. «Ве сведе, кто обиле держить», — заявляли они¹⁴⁷. И народ верил волхвам, когда те указывали («называли») на виновниц бедствия. Доверяли им и «мужи» — родичи «лучших жен», заподозренных в пагубном влиянии на созревание хлебов. Мужчины сами приводили своих матерей, жен и дочерей к волхвам. Не исключено, что здесь перед нами ритуальное участие мужчин в убийстве родственниц, обвиненных в ворожбе¹⁴⁸. Колдовская суть деяний «лучших жен» подчеркивается тем, что пресечение зла, идущего от них, возможно только в результате их истребления («аще истребиве сих, будеть гобино»).

Таким образом, Повесть временных лет запечатлела картину расправы волхвов с «лучшими женами», которые будто бы вредоносными чарами своими задерживали урожай, вызвав «скудость» в Ростовской области. «Именье» убитых «жен» волхвы, по свидетельству летописца, «отымашата собе». Передача волхвам имущества «лучших жен» исполнена определенного смысла. Древний человек, как известно, одухотворял окружающий мир, населяя духами, добрыми и злыми, все предметы, с которыми так или иначе соприкасался. К этому надо

добавить, что, по убеждению язычников, в вещах, принадлежащих человеку, была заключена частица самого владельца этих вещей, в чем отражалось общее языческое сознание нерасчлененности мира людей и мира предметов, в конечном счете — природы¹⁴⁹. Упомянутые особенности языческого мышления позволяют объяснить, почему волхвы брали имущество («именье») «лучших жен» себе. Они поступали так потому, что на имуществе этом лежала печать действия злых сил, ведовства. «Именье» убитых «жен» могло стать безопасным только в результате очищения, пройдя через руки волхвов. Отсюда ясно, что изъятие имущества «лучших жен» носило более религиозно-бытовой, чем социальный характер¹⁵⁰.

Ставя в центр нашего исследования вопрос о колдовстве, мы продолжаем традицию, наметившуюся в историографии. Летописная статья под 1071 г. давно уже изучается с точки зрения славянских представлений о колдуньях. Еще сто лет назад А.Н. Афанасьев говорил, что к нам от XI в. донесли интересные свидетельства об обвинениях, возводимых на тех женщин, в которых подозревали ведьм. Волхвы действовали открыто и смело, ибо «опирались на общее убеждение своего века»¹⁵¹. Афанасьева поддержал Мартынов¹⁵². «Лучшие женщины, как замужние, так и незамужние, матери, жены и дочери знати, — писал Мартынов, — по представлению людей того времени, были носительницами злого духа — ведьмами. Они «держали гобино» и «пускали голод»¹⁵³. Однако историк не проявил последовательности, сведя события 1071 г. к антифеодальному выступлению. Наконец, в связи с рассказом Абу Хамида ал-Гарнати об избиении колдуний у народов Восточной Европы рассматривали «лучших жен», умерщвленных волхвами в ростовских погостах, Левицкий и Монгайт¹⁵⁴. Следовательно, когда мы говорим о народном гневе, обращенном против колдуний из летописных известий 1071 г., то стоим на твердой историографической почве.

Есть все основания полагать, что летописец сам или вместе с Яном, который поведал ему о происшествиях на Белоозере в 1071 г., несколько завысил число «инех людей», находившихся при волхвах. Это видно из того, что «восставшие» не внушали серьезного опасения Яну, и он пошел к ним один, не захватив даже оружия. И лишь осторожные отроки посоветовали ему взять оружие, но не столько из-за боязни смутьянов, сколько из опасения какого-нибудь посрамления от них: «Не ходи без оружия, осоромить тя»¹⁵⁵. С двенадцатью отроками Ян обращает в бегство несколько сотен вооруженных топорами

людей — не странно ли? Будь с волхвами действительно 300 человек, они одной массой своей смяли бы горстку «усмирителей восстания». Показательно и то, что белозерцы без особых усилий излавливают волхвов и передают Яну. Следовательно, цифра 300 никак не вяжется с конкретным изложением происшествий на Белоозере. Ее надо, вероятно, считать преувеличенной, внесенной в летопись, как нам думается, с целью прославления физического и нравственного подвига Яна, бывшего с летописцем если не в дружеских, то в приятельских отношениях.

Нет причин расширять территорию, охваченную «движением смердов», как это делает Тихомиров. Полоцкая земля здесь не может фигурировать, поскольку о восстании крестьян-смердов в ее пределах совершенно ничего неизвестно. Что же касается Ростовской области, то тут, очевидно, нельзя смешивать маршрут движения волхвов и сопровождавших их смердов с вопросом о территориальном распространении «восстания»¹⁵⁶. Мы лишены основания утверждать, что «восстание» расширялось от Ярославля до Белоозера, разлившись на огромном пространстве, как считает Тихомиров. Если бы и впрямь оно охватило столь обширную территорию, то для его подавления Яну пришлось бы пройти примерно по тем же погостам, где побывали главари «восставших» — кудесники. Но в том-то и суть, что Яну удалось ликвидировать это «крупнейшее поволжское восстание», не покидая Белоозеро, причем с помощью ничтожных средств и затратой минимальных усилий. Отсюда следуют два, по крайней мере, вывода: либо «восстание» протекало локально, либо его вовсе не было. Последний вывод лучше, чем первый, согласуется с летописным рассказом о событиях 1071 г. Так, между волхвами и родственниками убиваемых женщин не видно никаких столкновений. Напротив, сыновья, братья и мужья, как мы видели, приводили сами на смерть своих матерей, сестер и жен. Нет фактов, которые можно было бы истолковать в том смысле, что это делалось по принуждению. Напомним, кстати, сходную в данном отношении ситуацию, когда в Киеве во времена Владимира Святославича язычники «привожаху сыны свои и дъщери, и жряху бесом и оскверняху землю требами своими»¹⁵⁷. Известие летописца о добровольном приводе «лучших жен» на расправу перекликается, стало быть, с другими летописными сообщениями, что укрепляет доверие к нему.

Об отсутствии острых социальных коллизий в туземной среде свидетельствует и поведение белозерцев, благожелательно настроенных

к волхвам. Только угроза Яна остаться в Белоозере на длительное время вынудила жителей города схватить кудесников и выдать их ему. Все дальнейшие обстоятельства, связанные с судьбой волхвов, подтверждают наши наблюдения.

Натешившись вволю над беззащитными кудесниками, Ян, обращаясь к «повозникам», везшим собранную боярином дань, спросил: «Ци кому вас кто родин убыен от сею?» И те отвечали: «Мне мати, другому сестра, иному роженье». Тогда Ян сказал: «Мстите своих». Волхвов убили «и повесиши я на дубе». А затем ночью влез на дерево медведь, «угрыз ею и снесть». Убийство волхвов родственниками умерщвленных «лучших жен» обычно рассматривается исследователями как кровная месть¹⁵⁸. Больше того, расправе «повозников» с волхвами придается социальная окраска¹⁵⁹. В итоге мстители наделяются чрезмерной активностью. Однако Черепнин верно заметил, что инициатором мести являлся Ян Вышатиц, а не родственник убитых женщин¹⁶⁰. Так оно, по всему вероятно, и было. Кстати, во Владимирском летописце, вобравшем древние сведения, находим любопытный текст: «И Ян повеле их (волхвов. — И.Ф.) убить»¹⁶¹. Видимо, автор Повести временных лет, желая реабилитировать Яна в глазах современников, которые могли осудить самоуправство чересчур ретивого боярина¹⁶², переложил вину за убийство кудесников на «повозников», подведя расправу с ними под обычай кровной мести, широко бытовавший в Древней Руси¹⁶³. Вполне возможно, что убийство волхвов — дело рук Яна и его дружинников-отроков. На это намекает ряд существенных деталей, завершающих летописное повествование. Убитых «повозниками» кудесников, по свидетельству летописца, повесили на дубе. Почему? Ученые, отвечая на данный вопрос, как правило, говорят, что речь тут идет о повешенье трупов, т.е. о своеобразном продолжении казни, но уже над бездыханными волхвами¹⁶⁴. Но Воронин пришел к мысли, что перед нами не простое повешенье — казнь, ибо волхвов сначала убили и уже их трупы повесили на дубе¹⁶⁵. Воронин допускает несколько интерпретаций данного «обстоятельства, которые при этом могут не исключать друг друга, а наличествовать одновременно»¹⁶⁶. Во-первых, повешение мертвых кудесников могло представлять собой погребальный обряд, «когда труп не зарывался в землю, а подвешивался на дереве»¹⁶⁷. Во-вторых, позволительно думать, что «Ян Вышатиц не случайно вез волхвов до устья Шексны и здесь на высоком дереве приказал повесить их трупы посредине дороги, пройденной повстанцами, на перепутье Волги и Шексны. Так вешали и позже восставших против

феодалного строя разинских и пугачевских “мятежников”, пуская даже плоты с виселицами по течению реки в целях устрашения населения. Однако вряд ли в XI в. “техника” феодальной расправы была столь утонченна»¹⁶⁸. В-третьих, продолжает Воронин, «повешенье уже мертвых тел указывает на определенное отношение к волхвам их земляков — поволжской “старой чади”, повозников Яна. В их глазах волхвы явно представлялись посредниками с языческими божествами, их личность была овеяна определенными сверхъестественными качествами. С этой точки зрения мертвые волхвы, возможно, представлялись “заложными покойниками”, что в особенности не допускало их погребения. Погребение “заложных” покойников в земле, по народному поверью, ведет к недородам хлебов... В условиях голода 1071 г. этот мотив более чем реален. Он также, может быть, объясняет сохранение особого обряда погребения волхвов, а также, почему волхвов “повесили” не в Белоозере и не в Ярославле, а в устье Шексны, на “перепутье” двух водных дорог, — погребение “заложных покойников” на перекрестках или на границах полей диктовалось желанием запутать “души” погребенных, чтобы они в своих загробных странствиях не нашли убийц и их селений»¹⁶⁹. В-четвертых, наконец, учитывая родовой характер расправы с волхвами, можно полагать, что в данном случае мы сталкиваемся с распространенным в древних обществах обычаем выставлять трупы людей, подвергшихся кровной мести, в знак ее свершения и с целью содействия прекращения вражды¹⁷⁰.

Из всех перечисленных вариантов наиболее проблематичным является второй, ибо проводить прямые аналогии между событиями XI в. и XVII–XVIII вв. едва ли правомерно. Неслучайно сам Воронин с известной долей сомнения высказывался на сей счет.

Спорной представляется нам и версия о волхвах — «заложных покойниках». Нельзя, видимо, категорично говорить о том, что заложных (нечистых) покойников лишали погребения. Их погребали, хотя и после предварительной процедуры обезвреживания: труп пробивали осиновым колом, вбивали зуб от бороны позади ушей и т.д.¹⁷¹ Погребение «удавленников» и «утопленников», т.е. «заложных покойников», засвидетельствовал в Северо-Восточной Руси XIII в. владимирский епископ Серапион, обличавший языческие суеверия своего времени. Он, в частности, писал: «Ныне же гнев божи видящи, и заповедаете: хто буде удавленника или утопленика выгребл, не погубите люди сих, выгребите. О, безумство злое!.. Сим ли Бога

умолите, что утопла или удавленника выгresti? сим ли божию казнь хотите утишити?»¹⁷². На основании этих свидетельств Серапиона, а также некоторых других указаний источников Зеленин пришел к выводу, по которому в древности, «несмотря на народное убеждение во вредоносности погребения “заложных покойников” через обычное закапывание в землю, случаи такого погребения их встречались»¹⁷³. Следует сказать, что и Н.Н. Воронин оперирует, по существу, фактами захоронения «нечистых (заложных) мертвецов», ссылаясь на практику «выгребания» их в голодные годы¹⁷⁴. Неприемлемым нам кажется предположение автора о выставлении трупов волхвов, убитых по закону кровной мести, призванном прекратить вражду и водворить мир. Оно упрощает вопрос и оставляет не разгаданными манипуляции медведя с поднятыми на дерево трупами кудесников.

Остается признать, что мертвых волхвов не повесили на дубе, а похоронили среди его ветвей. К этой мысли склонялся и крупный знаток ранней истории финно-угров Третьяков¹⁷⁵, для чего у исследователя были серьезные причины, поскольку погребение на деревьях широко бытовало у многих народов Сибири и Поволжья¹⁷⁶.

Волхвов «повозники» похоронили, как мы знаем, на дубе — священном дереве, которому поклонялось множество народов, в том числе славяне и поволжская мордва¹⁷⁷. Захоронение на священном дереве — факт примечательный, говорящий о почести, оказанной волхвам. И, конечно же, эта почесть была обусловлена тем, что волхвы, истреблявшие «лучших жен» в погостах Ростовской земли, воспринимались соплеменниками как посредники между массой людей и языческими божествами¹⁷⁸, как существа высшего порядка, по сравнению с простыми смертными.

Столь почтительное отношение «повозников» к мертвым волхвам делает очень сомнительным сообщение летописца об их расправе с кудесниками. Очевидно, летописатель, выгораживая Яна, ответственность за убийство волхвов возложил на родичей «лучших жен», внося в свой рассказ несогласованность и противоречивость¹⁷⁹.

Погребение «повозниками» волхвов на священном дубе есть акт прославления, а не поругания покойных, как стремился изобразить автор Повести временных лет.

Кульминационная сцена восхваления волхвов вводит в действие медведя, который взобрался на дуб, где они покоились, «угрыз ею и снестъ»¹⁸⁰. Исследователи обычно понимают это так, будто медведь растерзал и съел трупы волхвов¹⁸¹. Воронин, придерживаясь анало-

гичного мнения, увидел в съедении кудесников еще и явный знак развенчания последних. Надо отдать должное Воронину, проделавшему большую работу по обобщению данных о культе медведя в Поволжье и рассматривавшему летописные известия 1071 г. под углом зрения этого культа. С помощью многочисленных фактов ему удалось показать, что «медвежий культ не являлся принадлежностью исключительно финских племен, но характерен для религиозных представлений ряда народов лесной полосы Евразии, в том числе и славян на севере»¹⁸². Исследователь обратил внимание на то, что язычники, поклонявшиеся медведю в качестве священного животного, воспринимали съедение им человека как свидетельство безспорной греховности пострадавшего. Если кого-нибудь задирали медведь, было ясно, что погибший чем-то прогневил божество¹⁸³. Поэтому, по Воронину, и съедение медведем волхвов понималось в значении кары за содеянные ими преступления. Воронин полагает, будто осуждение кудесников тут налицо¹⁸⁴. Мы не можем в данном случае присоединиться к ученому и к тем историкам, что рассматривают действия летописного медведя с точки зрения гастрономической. Ведь зверь «угрыз» не живых людей, а мертвых и затем «снесть» их. Заметим, что съесть и унести трупы медведь одновременно не мог. Вот почему под словом «угрыз» надо разумеать нечто иное, чем съел, а именно: отгрыз, перегрыз¹⁸⁵. Тогда становится понятным поведение медведя, который, будучи священным животным, перегрызает веревки и уносит мертвых волхвов в иной мир, где их ожидает перевоплощение и жизнь, но уже в новом свойстве. Это — своего рода «воскресение» и «вознесение» на языческой почве.

Однако если даже признать, что медведь съел волхвов, то и в этом случае нет причин рассуждать, подобно Воронину, о греховности кудесников. Медведь, по летописи, не задрал волхвов. Они погибли от рук людей, а не от когтей и зубов священного зверя. Отсюда съедение мертвых волхвов медведем правомерно рассматривать как поглощение их тотемным животным, приводящее к новому рождению поглощенных и приобретению ими иного облика. Эту метаморфозу блестяще раскрыл Пропп, изучавший генезис волшебной сказки, в частности обряд инициации, запечатленный в ней. Посредством филигранного и чрезвычайно убедительного анализа сказок, легенд, мифов, этнографических данных Пропп показал, что еда в представлении людей архаических времен «дает единосущие со съедаемым. Чтобы приобщиться к тотемному животному, стать им и тем самым вступить в тотемный род, нужно быть съеденным этим животным»¹⁸⁶.

Священное животное, пожирая человека, приобщает его к своей священности, придает ему магические способности¹⁸⁷. Значит, какой бы из двух вариантов сцены с медведем мы не приняли, суть произошедшего не меняется: возвышение волхвов вместо развенчания, идущего от летописца.

Итак, в летописной статье 1071 г. отразились две идейные оценки излагаемых событий. Первая из них принадлежит летописателю, осмыслившему услышанное от Яна Вышатича в христианском ключе, а вторая — ростовским идеологам язычества. Образно говоря, летописный текст является своеобразным палимпсестом, хранящим под слоем вторичных записей изначальную запись.

Произведенное нами изучение летописного рассказа о событиях 1071 г. в Ростовской области позволяет усомниться в справедливости распространенного мнения об антифеодальном восстании смердов, охватившем огромную территорию от Ярославля до Белоозера. В действительности мы наблюдаем иное: осуществление языческих аграрно-магических по характеру действий, вызванное неурожаем и сопровождавшееся умерщвлением «лучших жен», якобы повинных в переживаемых обществом несчастьях¹⁸⁸. Во всем этом люди той поры видели средство для восстановления общественного благополучия. Не исключено, конечно, что в условиях «скудости» возникали социальные конфликты народа со знатью, которая правила местным обществом и, следовательно, несла ответственность за благоденствие общины. Возможно, отголоски их дошли до нас в известиях о предании смерти «лучших жен», если за ними скрывались женщины, принадлежащие к знатым родам.

Отдельные историки, говоря об идеологии «восставших» в 1071 г. смердов, сближают ее с ересями, в частности с богомилством. Тихомиров по поводу религиозных идей волхвов замечал, что мы встречаем тут «довольно распространенные у многих народов представления о сотворении мира и человека, в которых «доброе» и «злое» противоплагаются друг другу, как и в учении болгарских богомилов»¹⁸⁹.

Воззрения кудесников полностью соответствовали языческой мифологии туземных племен, о которой сообщал в свое время Мельников-Печерский¹⁹⁰. Трудно сказать, подвергалось ли нападкам со стороны волхвов и их последователей христианство. Однако некоторые ученые думают, что во время событий 1071 г. в Ростовской области имели место выступления против Церкви и христианизации¹⁹¹. К сожалению, нет достаточных данных, подтверждающих это предполо-

жение. Правда, нам известно, что в схватке Яна со смердами из окружения волхвов, был убит священник, с которым боярин прибыл на Белоозеро¹⁹². В литературе высказывается также догадка о гибели епископа Леонтия, проповедовавшего Христову веру в Ростове, примерно в ту пору, когда кудесники побивали «лучших жен»¹⁹³. Эти факты позволяют допустить первые акты сопротивления начавшейся христианизации края, пребывающего еще во власти языческих верований.

§ 3 Мятеж в Новгороде в голодные 1070-е годы при Новгородском князе Глебе. Попытка принесения в жертву епископа и князя

Более отчетливо антихристианская направленность прослеживается в новгородских событиях, описанных летописцем под тем же 1071 г.: «Сиць бе волхв встал при Глебе Новегороде; глаголетъ бо людем, творся акы бог, и многы прельсти, мало не всего града, глаголашеть бо, яко проведе вся и хуля веру хрестьянскую, глаголашеть бо, яко “Перейду по Волхову пред всеми”. И бысть мятежь в граде, и вси яша ему веру, и хотяху погубити епископа. Епископ же, взем крест и облекъся в ризы, ста, рек: “Иже хоцеть веру яти волхву, то идеть за нь; аще ли верует кто, то ко кресту да идеть”. И разделишася надвое: князь бо Глеб и дружина его идоша и стаха у епископа, а людье вси идоша за волхва. И бысть мятежь велик межи ими. Глеб же возматор под skutом, приде к волхву и рече ему: “То веси ли, что утро хоцеть быти, и что ли до вечера?” Он же рече: “Проведетъ вся”. И рече Глеб: “То ти веси ли, что ти хоцеть быти днесъ?” “Чюдеса велики створю”, рече. Глеб же, вынем топор, ростя и, и паде мортв, и людье разидошася. Он же погыбе теломъ, и душею предавъся дьяволу»¹⁹⁴. Таков рассказ Повести временных лет о смуте, которую посеял волхв в Новгороде. Летописец Переяславля Суздальского содержит более краткую запись, принадлежащую новгородскому книжнику¹⁹⁵. В ней нет упоминания о том, что волхв возводил хулу на христианскую веру. Ничего не говорится о мятеже между епископом, князем Глебом и дружиной, с одной стороны, и новгородцами – с другой. Чудеса волхва сведены лишь к похвальбе перейти на виду у всех Волхов¹⁹⁶. Любопытные разночтения с Повестью временных лет находим в Новгородской IV летописи, где сказано, что в Новгороде была «молва не мала», возбужденная волхвом¹⁹⁷. Следовательно, мы располагаем сведениями, хотя и скудными, но достаточными, чтобы высказать

некоторые предположения о характере происшествий в Новгороде, имевших место во время княжения там Глеба Святославича.

Летописец отнес выступление волхва к 1071 г. Однако эта дата, конечно, условна¹⁹⁸. О том, что деятельность новгородского кудесника нельзя безоговорочно связывать с 1071 г., свидетельствует неопределенность записи самого летописца, согласно которой волхв «встал при Глебе в Новгороде», т.е. появился в городе, когда здесь правил Глеб¹⁹⁹. Историки неоднократно пытались установить год новгородского «мятежа». По Воронину, он произошел в 1066 г. с приездом в Новгород Князя Глеба, окунувшегося «в борьбу с восстанием», охватившим город²⁰⁰. Мавродин, опираясь на шахматовские «Разыскания», приурочил его к периоду между 1066 и 1069 гг.²⁰¹ Более определенную трактовку предложил Тихомиров, указавший на 1068 г.²⁰² Рапову наиболее вероятным представляется год 1069²⁰³.

Летописец говорит о волхве, что «все яша ему веру», а затем рассказывает, как Глеб и дружина поддержали епископа, тогда как все люди «идоша за волхва». Князь Глеб со своей дружиной — пришлые элементы в городе. Чужим человеком для новгородцев был и епископ Федор. Уже это объединяло Глеба, дружину и Федора. Само собой разумеется, что князь с дружиной в лице епископа защищал Церковь. При этом обстановка в городе была сложнее, чем кажется с первого взгляда. И тут весьма существенно то, что епископу Федору, Князю Глебу и дружине противостояли не одни только рядовые новгородцы, а «все людье», т.е. весь Новгород, или городская община, куда входили местные бояре, богатые купцы, ремесленники и прочий люд. Такому пониманию может, казалось бы, препятствовать указание летописца, что волхв «многы прельсти, мало не всего града». Однако, во-первых, это указание поддается толкованию в том смысле, что летописец из числа союзников волхва исключил князя, епископа и их окружение. Во-вторых, чуть ниже он говорит, что веру волхва «все яша», т.е. свидетельствует о переходе в конечном счете на сторону волхва всех новгородцев. Для полноты историографической картины необходимо сказать: разделение новгородцев в истории с волхвом на знать и чернь имеет давнюю традицию. Еще Соловьев по поводу выступления волхва в Новгороде писал: «Жители разделились надвое: князь с дружиной пошли и стали около епископа, а простые люди все пошли к волхву, и был мятеж великий между ними»²⁰⁴. В том же духе размышлял Костомаров, привлекавший поздние летописи, где вместо Глебовой дружины фигурируют княжеские бояре²⁰⁵. Татищев

проявил несравненно больше чутья, когда замечал, что к волхву «множество людей пристав, собралися, а Глеб Святославич с епископом Федором, собрав своих людей домовиых, вышли против оных»²⁰⁶.

Перед нами столкновение городской общины с высшими властями — епископом и князем. Иными словами, мы присутствуем при раздоре среди свободной части населения Новгорода.

«Мятеж» вылился в форму противоборства язычества с христианством. В чем причина конфликта? Разумеется, не в том, что новгородцы вдруг возревновали о язычестве, замороженные проповедью волхва, ибо само выступление волхва и всплески языческих настроений в Новгороде нуждаются в объяснении. Рапов предложил такое объяснение: «Солнечное затмение 1064 г., появление кометы в 1066 г., поражение новгородского войска на Черехе, разорение и сожжение Новгорода Всеславом, увоз им новгородской святыни — креста Владимира, убийство епископа Стефана собственными холопами, отсутствие на протяжении ряда месяцев твердой власти в городе, как княжеской, так и епископской, — все эти события должны были привести к оживлению языческих представлений у жителей Новгородской земли. Поэтому появление волхва-самозванца в 1069 г. (до 23 сентября) выглядит вполне закономерным»²⁰⁷. В пестроте разнородных факторов, перечисленных Раповым, растворяется, как нам думается, специфика волнений в Новгороде. Надо, вероятно, говорить не о возрождении языческих представлений вообще (они еще цепко держались в сознании людей²⁰⁸), а о возврате к некоторым, казалось бы, отжившим, верованиям и ритуалам язычества. При этом деятельность волхва в Новгороде надлежит, на наш взгляд, рассматривать в тесной связи с другими известиями, помещенными в летописях под 1024 и 1071 гг. Даже простое сравнение обнаруживает сходство в отдельных существенных моментах. В Новгороде волхв появляется как бы неожиданно: он «встал», т.е. объявился, явился²⁰⁹. То же самое замечаем в Суздале и Ростове. Подобно своим суздальским и ростовским собратьям, новгородский волхв наделен сверхъестественными способностями и даром провидения; его речи производят сильное впечатление, увлекая массы людей.

Мы знаем, что провидение суздальских и ростовских волхвов — одно из средств, с помощью которых возобновлялось благополучие общества. Не играло ли провидение новгородского волхва аналогичную роль? По нашему мнению, ответ на поставленный вопрос должен быть утвердительный. Но, признав практическую направленность

прозорливости новгородского волхва, упираемся в другую проблему: возобновлению каких благ служило его дарование? Можно думать, что возобновлению «обилья», «гобина», или урожайных лет. Последнее предположение ведет нас к мысли о том, что волхв в Новгороде объявился во время недорода. Похоже, что неурожай в Новгородской земле случился одновременно с наступлением «скудости» в Ростовской области. Об этом говорят дендрохронологические данные²¹⁰. Значит, климат Ростовской и Новгородской земель тогда был примерно одинаков.

Располагая сведениями о «скудости» в Ростовской области, сохранными летописью, мы вправе распространить эти сведения и на Новгородские земли. Отсюда логично предположить, что появление волхва в Новгороде произошло примерно в ту пору, когда «встаста два волхва от Ярославля». Рапов, опираясь на дендрохронологические данные, связал деятельность волхвов «от Ярославля» с 1076 г.²¹¹ Эта датировка представляется нам достаточно обоснованной. Стало быть, волнения в Новгороде с участием волхва имели место приблизительно в то же время, скорее всего, в 1076 или в 1077 гг., а возможно, и на протяжении двух названных лет. Такой вывод не покажется сугубо умозрительным, если учесть, что дендрохронология указывает на недород, потрясший Новгородскую землю в 1075 г.²¹²

Анализ соответствующих фактов, казалось бы, склонял и Рапова к предполагаемой нами датировке. Но исследователь предпочел иную дату. Он писал: «Как будто в 1077 г. в Новгороде сложились все условия для выступления волхва. И все же это представляется маловероятным, учитывая развитие последующих событий. Разоблачение волхва-обманщика, убийство его князем, вне всякого сомнения, должно было содействовать новому подъему престижа Глеба, укреплению его власти в Новгородской земле. Но этого не произошло: в конце 1077 или начале 1078 г. он был изгнан новгородцами из города. Наиболее вероятным временем новгородского восстания является весна — лето или ранняя осень 1069 г., когда Глеб и Федор только начинали свою деятельность в Новгороде»²¹³. По нашему мнению, именно «развитие последующих событий» является существенным аргументом в пользу догадки о 1076–1077 гг. как времени новгородских волнений под управлением волхва. Разоблачение Глебом «кудесника» не могло содействовать подъему престижа князя, поскольку главная причина конфликта, состоящая в недостатке жизненных припасов, с убийством волхва не устранялась. А это означает, что Глеб, убив волхва, на

которого народ, как обнаружилось, зря уповал, тем самым еще более усилил меру своей (в качестве общественного лидера) ответственности за несчастья, переживаемые новгородцами. Но за неспособность обеспечить благоденствие новгородской общины надо было платить. И Князь Глеб поплатился, о чем скажем ниже.

Итак, суть летописных известий о столкновениях в Новгороде мы понимаем следующим образом: в лихую годину в городе объявился волхв, проповеди которого увлекли массу людей, ждавших избавления от напасти. Ораторствуя на вечевых собраниях²¹⁴, он хулил христианскую веру, призывая новгородцев вернуться в лоно язычества и восстановить общественное благополучие. Языческий обычай в подобной ситуации требовал человеческой жертвы. Выбор, естественно, пал на епископа как на правителя, олицетворявшего к тому же христианскую веру, от которой откачнулись новгородцы, намеревавшиеся «погубите» (принести в жертву) владыку. И они, бесспорно, «погубили» бы его, не прояви Князь Глеб хитроумие и решительность. Глеб, как мы знаем, на глазах у всех новгородцев убил волхва, только что хваставшего сотворить великие чудеса и заявлявшего, будто знает все наперед. Это произвело сильное психологическое воздействие на публику, убедив ее в несостоятельности волхва, оказавшегося не провидцем и доверенным языческих богов, а обманщиком, плутом и шарлатаном. Немудрено, что народ тут же разошелся по домам. Однако находчивость Глеба лишь отсрочила замысел осуществления кровавого языческого обряда. Показательна здесь дальнейшая судьба епископа Федора и Князя Глеба. Любопытно, что они закончили свою карьеру и жизненное поприще почти в одно и то же время.

О смерти Федора новгородский летописец сообщает под 1077 г.: «Преставися Федор архиепископ новгородский»²¹⁵. Цитированная запись, безусловно, поздняя. Будь иначе, Федор в ней не был бы назван архиепископом, сан которого впервые получил Нифонт, возглавивший новгородскую кафедру много лет спустя после смерти Федора²¹⁶. Сообщение о кончине владыки, как видим, предельно лаконично. Но из него можно заключить, что перед нами обычная смерть человека, о которой больше ничего не скажешь, как «преставися» и только. Другой же источник содержит иную информацию: «Федора свои пес уяде и с того умре»²¹⁷. Эти две версии обстоятельств смерти епископа Федора свидетельствуют о том, что поздние новгородские книжники не знали в точности, от чего он умер. Возникает вопрос: не была ли смерть епископа делом рук новгородцев? Этот вопрос вполне уместен, ибо кончи-

на Федора на фоне смуты в Новгороде довольно симптоматична. Если наша догадка верна, то надо признать, что убийство епископа означало принесение в жертву общественного лидера ради блага общины.

Несколько зримее существо новгородских волнений выступает в судьбе князя Глеба. Местный летописатель гибель Глеба отнес к 1079 г.: «Убиша за Волоком князя Глеба, месяца мая в 30 день»²¹⁸. Автор же Повести временных лет пометил ее годом раньше²¹⁹. Уже сама временная близость смерти обоих властителей (епископа и князя) заставляет задуматься над тем, нет ли тут какой-нибудь внутренней связи. Во всяком случае, падение Глеба вслед за смертью Федора весьма красноречиво. Как известно, новгородцы изгнали Глеба²²⁰. Изгнание сопрягалось, вероятно, с великой опасностью для князя. Не случайно, он «бежа за Волок», где и кончил свои дни²²¹. Бегство Глеба из Новгорода — знак, говорящий о чрезвычайности обстановки, вынудившей правителя оставить город. Видимо, жизнь князя находилась под угрозой, идущей от новгородцев, обвинявших его в несчастьях (недороде плодов земных), которые постигли Новгородскую землю. Об ответственности древнерусских князей за урожай можем судить по сравнительно-историческим материалам. Так, в «Саге об Инглингах» фигурирует конунг Ньерд из Ноатуна, в правление которого «царил мир и был урожай во всем, и шведы стали верить, что Ньерд дарует людям урожайные годы и богатство»²²².

Если в урожайные годы конунги пользовались любовью и почитанием соплеменников, то в неурожайные — наоборот. «Сага об Инглингах» рассказывает о конунге Домальди, который «наследовал отцу своему Висбуру и правил страной. В его дни в Швеции были неурожай и голод. Шведы совершали большие жертвоприношения в Уппсале. В первую осень они приносили в жертву быков. Но голод не уменьшился. На вторую осень они стали приносить человеческие жертвы. Но голод был все такой же, если не хуже. На третью осень много шведов собралось в Уппсалу, где должно было происходить жертвоприношение. Вожди их стали совещаться и решили, что в неурожай виноват Домальди и что надо принести его в жертву — напасть на него, и убить и обагрить алтарь его кровью. Это и было сделано»²²³. Та же участь постигла и Олава Лесоруба, в правление которого «случился неурожай, и начался голод. Люди сочли, что виноват в этом конунг, ибо *шведы обычно считают, что конунг — причина как урожая, так и неурожая (курсив наш. — И.Ф.)*. Олав конунг пренебрегал жертвоприношениями. Это не нравилось шведам, и они считали, что отсюда и неурожай. Они со-

брали войско, отправились в поход против Олава конунга, окружили его дом и сожгли его в доме, отдавая его Одину и принося его в жертву за урожай»²²⁴.

Жертвенное умерщвление правителей, обвиняемых в неурожаях, голоде или недостатке съестных припасов, практиковалось у многих (если не у всех) народов мира²²⁵. Бывало, что властителей не убивали, а, лишив трона, изгоняли с великим безчестием и срамом²²⁶.

Вера в сверхъестественные способности правителей долго держалась у народов Западной Европы. Когда, например, «король Дании Вальдемар I совершал путешествие по Германии, матери приносили ему своих детей, а землепашцы семена, чтобы он к ним прикоснулся; считалось, что от королевского прикосновения дети будут лучше расти. По тем же причинам земледельцы просили короля бросать семена в землю. У древних ирландцев бытовало верование, что, если король соблюдает обычаи предков, погода будет мягкой, урожай — обильным, скот плодовитым, воды — изобилуют рыбой, а фруктовые деревья сгибаться под тяжестью плодов. Среди благотворных последствий правления справедливого короля канон, приписываемый Святому Патрику, перечисляет «хорошую погоду, спокойное море, обильные урожаи и отягощенные плодами деревья». Напротив, голод, бесплодие, порча плодов и неурожай рассматривались как неопровержимое доказательство того, что правящий монарх плох»²²⁷.

В свете приведенных нами сравнительно-исторических данных становится вполне понятным изгнание новгородцами Князя Глеба — правителя, не справляющегося со своими обязанностями гаранта благополучия общины и навлекшего «скудость» на землю Новгородскую.

Подводя итоги, необходимо сказать, что новгородские волнения, приуроченные летописцем к 1071 г., но имевшие место позже, где-то в 1076–1077 гг., по своему характеру напоминают суздальский «мятеж» 1024 г. Главной их причиной стал недород («скудость»), поразивший Новгородчину. Голодные времена способствовали активизации волхвов, пытавшихся преодолеть кризис старыми языческими средствами. Появился волхв и в Новгороде. Постигшие новгородцев беды он, судя по всему, связывал с отступлением от веры предков, с принятием христианства. В этом специфика новгородских волнений в отличие от им подобных в Суздале, где влияние христианства в первой четверти XI в. только что стало прививаться местному обществу. В Новгороде ситуация была иной: там христианство уже

пустило корни. Поэтому и выступление волхва имело антихристианскую направленность.

Волхв призывал «погубить» епископа, т.е. принести владыку в жертву «за урожай». Не развенчай Князь Глеб кудесника, продемонстрировав перед народом его ординарность и нелепость притязаний на роль провидца, епископу пришлось бы отправиться на тот свет. Однако вскоре страсти вновь накалились, и епископ, вероятно, был все-таки убит, хотя сведениями об этом мы не располагаем. С большей уверенностью можно говорить о Глебе, которого новгородцы прогнали с княжеского стола и едва не убили, возмущенные неумением правителя дать общине благоденствие. Все это, конечно, — гипотетические мысли и догадки. Перед нами религиозный и бытовой конфликт общины со своими высшими властями. Но в нем заключена также очередная попытка сопротивления Новгорода Киеву в лице его представителей — князя и епископа, оказавшихся в волховской столице по воле киевских светской и духовной властей. В этом сопротивлении новгородцы выступают единой массой.

Мы рассмотрели народные волнения 1024 и 1071 гг. в Ростово-Суздальской земле и Новгороде, постаравшись выявить в них роль и значение служителей языческого культа — волхвов. Эти волнения невозможно характеризовать однозначно. Они представляли собой сложное переплетение языческой обрядности и ритуалов, внутриобщинных коллизий и противоборства, восходящего к межплеменной борьбе X в., а в условиях XI столетия превращавшегося в межволостную вражду.

Примечания к главе 3

¹ ПВЛ. М.; Л., 1950. Ч. 1. С. 99–100. Греков относил описываемые события к 1026 г., а Тихомиров полагал, что они имели место до 1026 г., скорее всего в 1025 г. (*Греков Б.Д.* Киевская Русь. М., 1953. С. 263; *Тихомиров М.Н.* Крестьянские и городские восстания на Руси XI–XIII вв. М., 1955. С. 77). Рапов, опираясь на дендрохронологические данные, датировал «восстание» волхвов 1032 г. (*Рапов О.М.* О датировке народных восстаний на Руси XI в. в Повести временных лет // История СССР. 1979. № 2. С. 139–140). Возражения см.: *Щапов Я.Н.* Характер крестьянских движений на Руси XI в. // Исследования по истории и историографии феодализма. К 100-летию со дня рождения Б.Д. Грекова. М., 1982. С. 141–142. Наконец, М.Ю. Брайчевский датировал «первое выступление волхвов в Северо-Восточной Руси» временем, охватывающим 1024–1026 гг. (*Брайчевский М.Ю.* Движение волхвов в Северо-Восточной Руси в XI в. // Генезис и развитие феодализма в России: Проблемы социальной и классовой борьбы / под ред. И.Я. Фроянова. Л., 1985. С. 49.)

² *Шахматов А.А.* Разыскания о древнейших русских летописных сводах. СПб., 1908. С. 179, 217. См. также: *Кузьмин А.Г.* Начальные этапы древнерусского летописания. М., 1977. С. 376.

³ *Аничков Е.В.* Язычество и Древняя Русь. СПб., 1914. С. 141.

⁴ Аничков допускал, что Никон писал о суждальских волхвах со слов Яна Вышатича. См.: *Аничков Е.В.* Язычество и Древняя Русь. С. 141.

⁵ ПСРЛ. Пг., 1915. Т. IV. Ч. 1. С. 111–112.

⁶ *Шахматов А.А.* Обзорение русских летописных сводов XIV–XV вв. М.; Л., 1938. С. 184.

⁷ ПСРЛ. М., 1965. Т. XV. С. 144.

⁸ ПСРЛ. М.; Л., 1949. Т. XXV. С. 375.

⁹ ПСРЛ. СПб., 1856. Т. VII. С. 328–329.

¹⁰ ПСРЛ. СПб., 1862. Т. IX. С. 78.

¹¹ ПСРЛ. М., 1978. Т. XXXIV. С. 62. См. также: ПСРЛ. СПб., 1851. Т. V. С. 135.

¹² ПСРЛ. Т. IV. Ч. 1. С. 112; Воронин предлагает довольно курьезный вариант перевода этого отрывка: «мужья выдавали своих жен челяди, чтобы челядь насытилась» (*Воронин Н.Н.* Восстание смердов в XI в. С. 55).

¹³ См.: *Фроянов И.Я.* Киевская Русь: Очерки социально-экономической истории. Л., 1974. С. 100–108.

¹⁴ См.: *Фроянов И.Я.* Зависимое население на Руси IX–XII вв. (челядь, холопы, данники, смерды): диссертация на соискание ученой степени кандидата исторических наук. Л., 1966. С. 69–71.

¹⁵ Голодные годы в Новгороде случались нередко. В эти тяжкие годы можно было наблюдать, как родители отдавали за хлеб собственных детей «одерень» — в рабство. См.: *Пашуто В.Т.* Голодные годы в древней Руси // Ежегодник по аграрной истории Восточной Европы. 1962 г. Минск, 1964. С. 75–76. Черепнин допускал, что летописный текст о продаже мужьями своих жен в рабство мог быть «позднейшим литературным украшением» (*Черепнин Л.В.* Общественно-политические отношения в древней Руси... С. 155).

¹⁶ ПСРЛ. М.; Л., 1963. Т. XXVIII. С. 20.

¹⁷ *Сербина К.Н.* Из истории русского летописания конца XV в. // Проблемы источниковедения. М., 1963. Т. XI. С. 399. Сербина, впрочем, говорит и о том, что составитель свода 1497 г. не ограничивал свою работу простой перепиской лежащих у него под руками источников. Он дополнял, сокращал и редактировал их (там же). Как бы там ни было, но само по себе отсутствие в своде 1497 г. упоминаний об отдаче мужьями жен в челядинство — факт примечательный. И если оно есть результат сокращений сводчика, то и тогда нет причин полностью игнорировать интересующий нас текст свода 1497 г., поскольку в нем отразилась позиция составителя, пренебрегать которой нельзя. Однако мы все-таки полагаем, что здесь никакого сокращения не было.

¹⁸ ПСРЛ. Т. XXVIII. С. 175. Летописный свод 1518 г. и летописный свод 1497 г. восходят к общему протографу — ростовскому владычному своду, история которого прослеживается с конца XIV в. (*Шахматов А.А.* Обзорение русских летописных сводов XIV–XVI вв. С. 146–150; *Сербина К.Н.* 1) Летописный свод 1518 г. // Вопросы историографии и источниковедения истории СССР. М.; Л., 1963. С. 593–594; 2) Из истории русского летописания... С. 399). Поэтому наличие идентичных записей о событиях 1024 г. в обоих сводах указывает на то, что эти записи попали туда из ростовского свода (*Сербина К.Н.* Из истории русского летописания... С. 401). Тем самым отпадает подозрение по отношению к составителям сводов 1497 и 1518 гг. в том, что они, переписывая статью под 1024 г., сокращали ее.

¹⁹ *Лурье Я.С.* Общерусские летописи XIV–XV вв. С. 27–28.

²⁰ ПСРЛ. М., 1965. Т. XXX. С. 44.

²¹ Владимирский летописец выявлен благодаря разысканиям Тихомирова, который уведомил о своей находке в 1942 г. См.: *Тихомиров М.Н.* Летописные памятники б. Синодального собрания // Исторические записки. 1942. Т. 13.

²² Там же. С. 261.

²³ *Муравьева Л.Л.* Новгородские известия Владимирского летописца // Археографический ежегодник за 1966 г. М., 1968. С. 37.

²⁴ Правда, текст Владимирского летописца не без дефектов. Слово «волхвы» читается в нем невразумительно, как «въсьве». Предельно сжата речь Ярослава, отчего она потеряла ясность.

²⁵ *Муравьева Л.Л.* Новгородские известия Владимирского летописца. С. 40.

²⁶ См.: *Третьяков П.Н.* Финно-угры, балты и славяне на Днепре и Волге. М.; Л., 1966.

²⁷ *Готье Ю.В.* Железный век в Восточной Европе. М.; Л., 1930. С. 152.

²⁸ *Тихомиров М.Н.* Крестьянские и городские восстания... С. 73.

²⁹ См.: *Третьяков П.Н.* У истоков древнерусской народности. Л., 1970. С. 120, 140–141.

³⁰ *Греков Б.Д.* 1) Киевская Русь. С. 262–263; 2) Крестьяне на Руси... С. 228–230; *Тихомиров М.Н.* Крестьянские и городские восстания... С. 72–75; *Мавродин В.В.* Народные восстания... С. 35; *Воронин Н.Н.* Восстание смердов в XI в.; *Буганов В.И.* Очерки... С. 16.

³¹ *Тихомиров М.Н.* Крестьянские и городские восстания... С. 75.

³² Там же.

³³ См.: *Черепнин Л.В.* Русь. Спорные вопросы истории феодальной земельной собственности в IX–XV вв. // *Новосельцев А.П.* (и др.) Пути развития феодализма. М., 1972. С. 176–182; *Зимин А.А.* Холопы на Руси. М., 1973. С. 211–233. См. также: *Рыбаков Б.А.* Смерды // *История СССР.* 1979. № 1. 1979. № 2.

³⁴ *Фроянов И.Я.* 1) Киевская Русь. Очерки социально-экономической истории. С. 119–126; 2) Смерды в Киевской Руси // *Вестник Ленинградского ун-та.* 1968. № 2; 3) Данники на Руси X–XII вв. // *Ежегодник по аграрной истории Восточной Европы.* 1965 г. М., 1970. С. 33–41.

³⁵ См.: *Греков Б.Д.* Крестьяне на Руси... С. 229–230; *Тихомиров М.Н.* Крестьянские и городские восстания... С. 75, 80; *Поршнев Б.Ф.* Феодализм и народные массы. М., 1964. С. 281.

³⁶ Там же.

³⁷ Там же. С. 299.

³⁸ *Тихомиров М.Н.* Крестьянские и городские восстания... С. 73.

³⁹ *Словарь русского языка XI–XVII вв.* М., 1976. Вып. 3. С. 151–152.

⁴⁰ ПВЛ. Ч. 1. С. 100.

⁴¹ Там же. С. 116–117.

⁴² Там же. С. 120.

⁴³ Там же. С. 321.

⁴⁴ *Рапов О.М.* О датировке народных восстаний... С. 139.

⁴⁵ *Готье Ю.В.* Железный век в Восточной Европе. С. 151; *Велецкая Н.Н.* Языческая символика славянских архаических ритуалов. М., 1978. С. 37, 120.

⁴⁶ *Греков Б.Д.* Крестьяне на Руси... С. 230; *Тихомиров М.Н.* Крестьянские и городские восстания... С. 75–76; *Черепнин Л.В.* Общественно-политические отношения... С. 155; *Мавродин В.В.* Народные восстания... С. 34–35; *Рапов О.М.* О датировке народных восстаний... С. 139; *Щапов Я.Н.* Характер... С. 140; *Буганов В.И.* Очерки... С. 16; *Брайчевский М.Ю.* Движение волхвов... С. 50.

⁴⁷ *Кривошеев Ю.В.* О социальных коллизиях... С. 45.

⁴⁸ Не находят опоры в источниках и предположения о том, будто «старая чадь», прибравшая к рукам хлеб, пользовалась в корыстных целях народным бедствием, спекулируя хлебом, ссужая его голодающим и закабалая их, чем принуждала обездоленных работать на себя в своем феодальном хозяйстве. См.: *Пашуто В.Т.* Голодные годы... С. 79; *Мавродин В.В.* Народные восстания... С. 34.

⁴⁹ ПВЛ. Ч. 1. С. 99.

⁵⁰ *Велецкая Н.Н.* Языческая символика... С. 66.

⁵¹ *Словарь русского языка XI–XVI вв.* Вып. 4. С. 50.

⁵² *Тихомиров М.Н.* Крестьянские и городские восстания... С. 75.

⁵³ На следующей странице своей книги Тихомиров говорит только об урожае. См. Там же. С. 76.

⁵⁴ См.: *Пашуто В.Т.* Голодные годы... С. 79; *Мавродин В.В.* Народные восстания... С. 34.

⁵⁵ ПВЛ. Ч. 1. С. 100.

⁵⁶ *Рыбаков Б.А.* Языческое мировоззрение русского средневековья // *Вопросы истории.* 1974. № 1. С. 19.

⁵⁷ Словарь русского языка XI–XVI вв. Вып. 4. С. 224.

⁵⁸ См.: Рыбаков Б.А. Языческое мировоззрение... С. 19; Велецкая Н.Н. Языческая символика... С. 67.

⁵⁹ Пагубное воздействие на урожай, задержка роста зерна были сопряжены, вероятно, с засухой, поразившей Суздальщину. Поэтому точнее было бы говорить, что «старая чадь», задерживающая дождь, мешала росту зерна или урожая. Не исключено, что голод терзал не только массы народа, но и «старую чадь». К этой мысли склоняет летопись, где подчеркивается, что к волжским болгарам за житом отправились все люди, чем утверждается повальный характер бедствия.

⁶⁰ Петухов Е.В. Серапион Владимирский, русский проповедник XIII в. СПб., 1888. С. 57.

⁶¹ См.: Фрэзер Дж. Дж. Золотая ветвь. М., 1980. С. 99.

⁶² Показателен сам термин «старая чадь», сочетающий в себе идеи старейшинства и старости.

⁶³ Фрэзер Дж. Дж. Золотая ветвь. С. 75, 108–125.

⁶⁴ Там же. С. 76, 78, 101, 102; Токарев С.А. Религия в истории народов мира. М., 1965. С. 174.

⁶⁵ Фрэзер Дж. Дж. Золотая ветвь. С. 103.

⁶⁶ Там же. С. 101–102, 103; Токарев С.А. Религия в истории народов мира. С. 175.

⁶⁷ Фрэзер Дж. Дж. Золотая ветвь. С. 106.

⁶⁸ Токарев С.А. Религия в истории народов мира. С. 173.

⁶⁹ ПВЛ. Ч. 1. С. 100.

⁷⁰ ПВЛ. Ч. 1. С. 99.

⁷¹ ПВЛ. Ч. 1. С. 110.

⁷² По мнению Шахматова, «странно было бы допустить, что Ярослав позаботился о приглашении варягов только по возвращении из Суздаля» (Шахматов А.А. Разыскания... С. 179). На наш взгляд, ничего странного здесь нет. Напротив, было бы странно, если бы Ярослав отправил приглашение варягам принять участие в войне против Мстислава, не пополнив своей казны.

⁷³ ПСРЛ. Т. IV. Ч. 1. С. 112.

⁷⁴ См.: Фроянов И.Я. Киевская Русь. Очерки социально-экономической истории. С. 114–116.

⁷⁵ Ср.: Воронин Н.Н. Восстание смердов в XI в. С. 55; Мартынов Н.М. Восстание смердов на Волге и Шексне во второй половине XI в. // Учен. зап. Вологодского пединститута. Вологда, 1948. Т. IV. С. 30–31.

⁷⁶ См.: Фроянов И.Я. Данники на Руси X–XII вв. // Ежегодник по аграрной истории Восточной Европы 1965 г. М., 1970; Першицу А.И. Данничество // Доклады советской делегации на IX международном конгрессе антропологических и этнографических наук. М., 1973.

⁷⁷ Кучкин В.А. Формирование государственной территории Северо-Восточной Руси в X–XIV вв. М., 1984. С. 60.

⁷⁸ Там же. С. 59.

⁷⁹ Ср.: *Щапов Я.Н.* Характер... С. 141. Говоря о причинах появления Ярослава в Суздале, необходимо напомнить и точку зрения Н.Н. Воронина, который связывал приезд князя не только с внутренней борьбой, охватившей местное общество, но и с отпадением Поволжья от Киева. См.: *Воронин Н.Н.* Медвежий культ в Верхнем Поволжье в XI в. // Краеведческие записки. Ярославль, 1960. Вып. 4. С. 73–74, 75, 77.

⁸⁰ ПРП. М., 1952. Вып. 1. С. 250.

⁸¹ *Лебедев А.* Храмы Власьевского прихода г. Ярославля. Ярославль, 1877. С. 7.

⁸² Памятники старинной русской литературы. Вып. 1. С. 229.

⁸³ Там же. С. 231.

⁸⁴ По-другому оценивает это указание В.В. Мавродин. Он полагает, что «расправа с “бабами”, обвиняемыми в том, будто они ведовством “голод пушают”, носит характер социального протеста, классовой борьбы». См.: *Мавродин В.В.* Очерки по истории феодальной Руси. С. 159.

⁸⁵ ПСРЛ. Т. IV. Ч. 1. С. 111.

⁸⁶ См. с. 91 настоящей книги.

⁸⁷ ПСРЛ. Т. IV. Ч. 1. С. 111–112.

⁸⁸ Путешествие Абу Хамида ал-Гарнати в Восточную и Центральную Европу (1131–1153 гг.). М., 1971. С. 37.

⁸⁹ *Монгайт А.Л.* 1) Абу Хамид ал-Гарнати и его путешествие в русские земли 1150–1153 гг. // История СССР. 1959. № 1. С. 180; 2) Исторический комментарий // Путешествие Абу Хамида ал-Гарнати... С. 119.

⁹⁰ *Монгайт А.Л.* 1) Абу Хамид ал-Гарнати и его путешествие... С. 180; 2) Исторический комментарий. С. 120.

⁹¹ «Вы же, — говорит епископ, — воду послухомя постависте и глаголите: аще утопати начнеть, неповинна естъ; аще ли поплыветь, волховь естъ» (*Петухов Е.В.* Серапион Владимирский... С. 13).

⁹² Псковские летописи. М., 1955. Вып. II. С. 36.

⁹³ ПСРЛ. М., 1965. Т. XIII. С. 456.

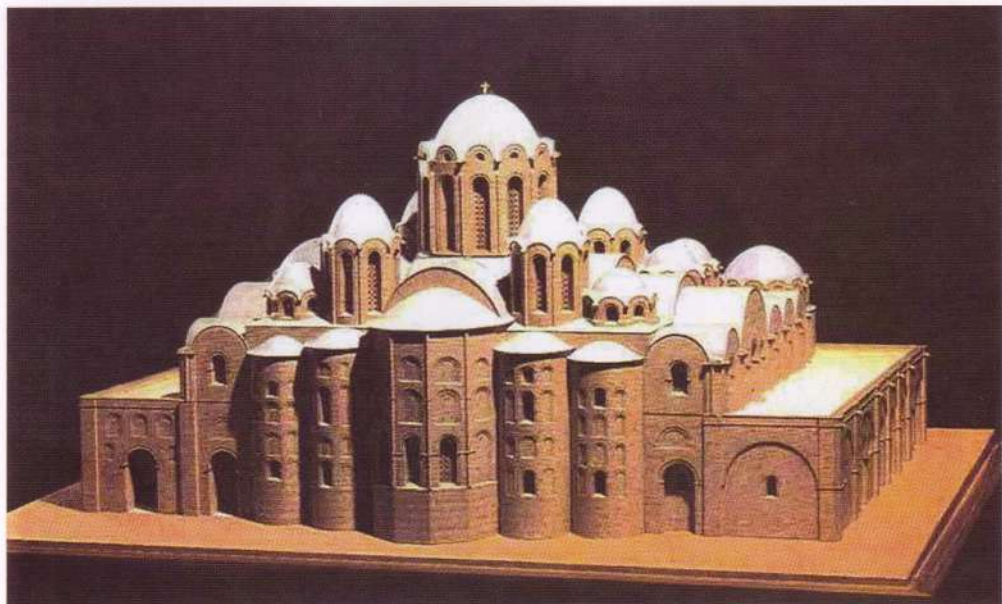
⁹⁴ *Монгайт А.Л.* 1) Абу Хамид ал-Гарнати и его путешествие... С. 180; 2) Исторический комментарий. С. 120.

⁹⁵ *Lewicki T.* Ze sludziow nad zrodlami arabskimi // *Slawia antiqua*. 1952. Т. III. S. 147.

⁹⁶ *Пашуто В.Т.* Голодные годы... С. 80.

⁹⁷ Сто лет спустя епископ Серапион, обличая своих современников в «маловеры», скажет: «Где се естъ в писаньи, еже человеком владеть обильем или скудостью? подавати или дождь или теплоту?»; «от которых книг или от ких писании се слышасте, яко волхованием глади бывают на земли и паки волхованием жита умножаются?» — *Петухов Е.В.* Серапион Владимирский... С. 11, 13.

⁹⁸ Е. Петухов, анализируя поучения Серапиона, счел возможным обратиться к событиям 1024 г. Он говорил: «Из поучения Серапиона видно, что народ ставил ведьмам в вину голод, т.е. порчу посева и делание дурной погоды. Из летописи мы видели, что волхвы обвиняли в этом “старую чадь”. См.: *Петухов Е.В.* Серапион Владимирский... С. 94.

Реконструкция (макет) Киевского Софийского собора 1022 года

Киевский Софийский собор. Современная фотография

Архангел Гавриил. Фрагмент мозаичной композиции «Благовещение» на северном предалтарном столпе Святой Софии Киевской, XI в.

Оранта – Богоматерь молящаяся. Мозаика свода главного алтаря Киевского Софийского собора, XI в.

Дочери Князя Ярослава в образе евангельских «мудрых дев». Сохранившийся фрагмент фрески шествия великокняжеской семьи ко Христу на стене западной ветви подкупольного креста Киевского Софийского собора, XI в.

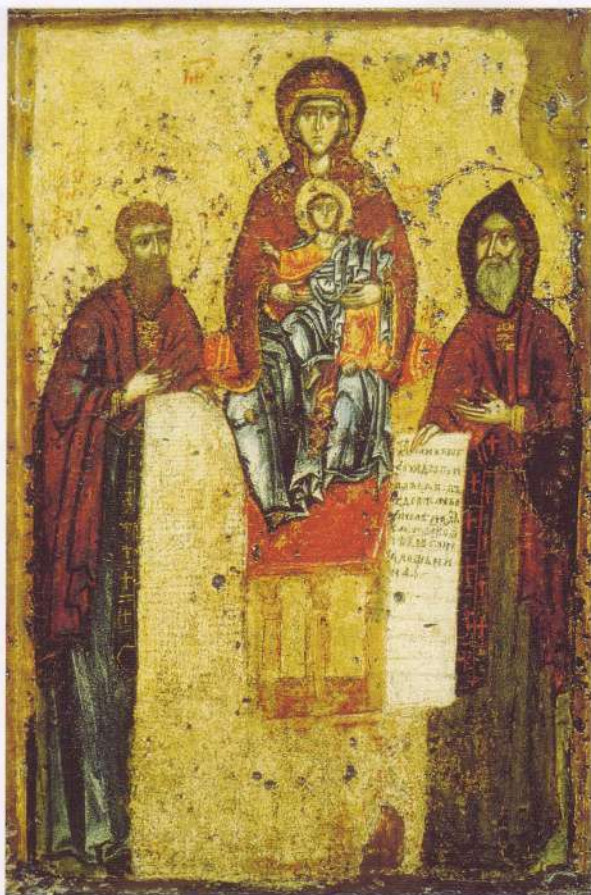
Архангел. Фрагмент фрески малого купола Святой Софии Киевской, XI в.

Ангельский чин. Фреска юго-западного купола Святой Софии Киевской, XI в.

Святитель Василий Великий, в честь которого был крещен равноапостольный Князь Владимир. Фрагмент мозаики «Святительского чина» нижнего яруса центральной апсиды Святой Софии Киевской, XI в.

Богоматерь Свенская с преподобными Антонием и Феодосием Печерскими.
Икона, ок. 1288

Келия преподобного Феодосия в Дальних пещерах Киево-Печерской Лавры, XI в.

Успенский (Георгиевский) собор в Каневе, основанный Князем Ярославом Мудрым и перестроенный в 1144 Великим Князем Всеволодом Ольговичем

Гробница Великого Князя Ярослава Мудрого из великокняжеской усыпальницы в северной галерее Святой Софии Киевской, XI в

Праведные Иоаким и Анна. Обратная сторона двусторонней иконы – одной из главных святынь (другая сторона – Богородичная икона «Знамение») Новгородского Софийского собора, 1130—1140

Новгородский Софийский собор, построенный князем Владимиром Ярославичем. На его закладке в 1046 присутствовали Князь Ярослав и Княгиня Ирина (Ингигерда). Мощи Княгини (в иночестве Анны) и ее сына князя Новгородского Владимира ныне покоятся в этом соборе

Равноапостольные Царь Константин и Царица Елена.
Фреска Мартириевой паперти

«Ярославово дворще» на Торговой стороне Новгорода — место княжеской резиденции и Вечевой площади. На переднем плане — храм Параскевы Пятницы, возведенный новгородцами в нач. XIII в.

Мартириева паперть Новгородского Софийского собора — место погребения святителей Новгородских

Христос. Фрагмент фрески Деисуса Мартириевой паперти Новгородского Софийского собора, XI в.

Спас Златая риза, «Мануилов Спас». Икона Московского Успенского собора, принадлежала Новгородскому Софийскому собору, основа иконы – XI в.

Зарукавья благоверного князя Новгородского Владимира Ярославича. Реконструкция по найденному в погребении Новгородского Софийского собора опястью, 1020—1052

Титул Изборника Святослава – сборника изречений святых Отцов Церкви, изготовленного для Великого Князя Святослава Ярославича, 1073

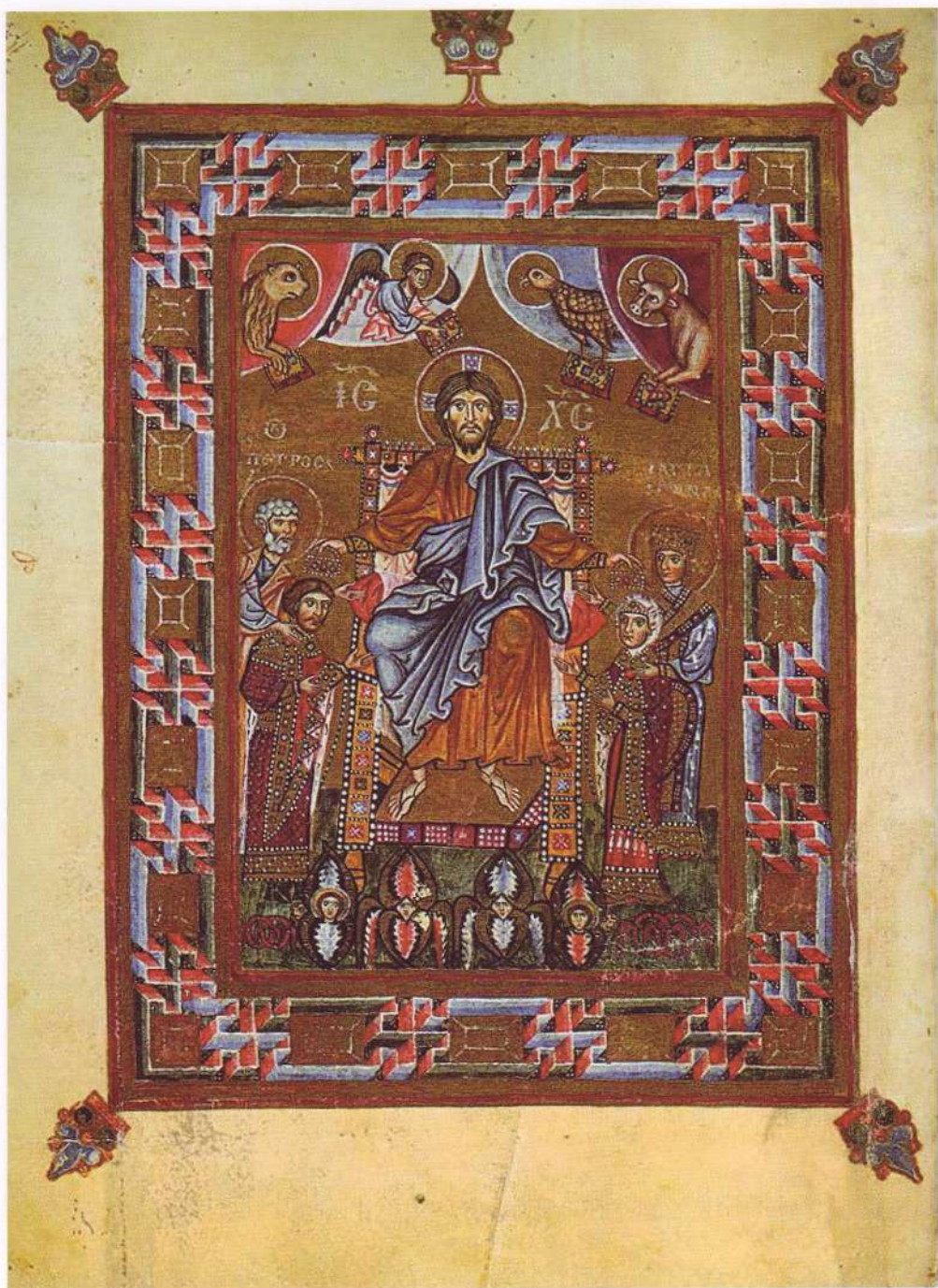
Отцы Церкви. Деталь миниатюры Изборника Святослава, 1073

Апостол и Евангелист Лука. Миниатюра Остромирова Евангелия, написанного диаконом Григорием для Новгородского посадника Остромира, родственника Великого Князя Изяслава Ярославича, 1056

Апостол и Евангелист Марк. Миниатюра Остромирова Евангелия, написанного диаконом Григорием для Новгородского посадника Остромира, родственника Великого Князя Изяслава Ярославича, 1056

Благоверный князь Волынский Ярополк Изяславич и его супруга княгиня Ирина у ног Спасителя, коронующего их. Миниатюра из Молитвенника Гертруды (матери князя Ярополка), 1078—1086

⁹⁹ Автор Повести временных лет и новгородский летописец именуют эти волнения «мятежом великим». Но мы должны помнить, что летопись – литературный памятник, не лишенный всякого рода гипербола. Поэтому необходимо осторожно относиться к летописным выражениям, как «мятеж велик» и подобным ему.

¹⁰⁰ ПСРЛ. Т. XXX. С. 44.

¹⁰¹ Велецкая Н.Н. Языческая символика... С. 135.

¹⁰² Там же. С. 59.

¹⁰³ Это не вызвало возражений со стороны рецензентов книги Велецкой. См.: *Басилов В.Н., Аникин В.П.* Новое в исследовании древнейших ритуалов // Советская этнография. 1980. № 4.

¹⁰⁴ Велецкая Н.Н. Языческая символика... С. 66.

¹⁰⁵ Там же. С. 71.

¹⁰⁶ Там же. С. 67.

¹⁰⁷ Велецкая Н.Н. Языческая символика... С. 66.

¹⁰⁸ По мнению Велецкой, в летописи говорится о насильственном умерщвлении «старой чади», поскольку слово «избивати» указывает «на применение какого-то приема физического воздействия» (Велецкая Н.Н. Языческая символика... С. 75). Насильственные убийства (раньше они были добровольными) и породили, видимо, волнения в местном обществе. Однако мы хотели бы подчеркнуть, что в данном случае речь идет не о возврате к язычеству вообще, как считает Воронин (Медвежий культ... С. 54), а о возобновлении некоторых архаических ритуалов, которые в лоне самого язычества были пережиточными. Что касается язычества как такового, то оно в первой половине XI в. прочно еще держалось на далеком от Киева северо-востоке, как, впрочем, и по всей Руси. См.: *Фроянов И.Я.* Начало христианства на Руси // *Курбатов Г.Л., Фролов Э.Д., Фроянов И.Я.* Христианство: Античность. Византия. Древняя Русь. Л., 1988. С. 288–329.

¹⁰⁹ ПВЛ. Ч. 1. С. 117–119.

¹¹⁰ ЛПС. М., 1850. С. 47.

¹¹¹ *Тихомиров М.Н.* Крестьянские и городские восстания... С. 119–120.

¹¹² Заметим, что слово «скоморох» начинает широко бытовать на Руси не раньше конца XIII в., хотя оно было известно и прежде. См.: *Белкин А.А.* Русские скоморохи. М., 1975. С. 41–43, 46. Сравнение «кудесников» со скоморохами Воронин также считает новацией летописца XIV–XV вв. (Воронин Н.Н. Медвежий культ... С. 79). Однако он идет дальше, отождествляя кудесников-волхвов со скоморохами, и приходит к выводу, что «скоморох – весьма сложное социальное явление, коренящееся в дофеодальной среде и переживающее при переходе к феодализму решительный кризис. Формулировка позднего Летописца Переяславля Суздальского: «глаголиции 2 муж прелестнии» и сопоставление их со скоморохами не оставляет сомнений в том, что вожди крупнейшего поволжского восстания смердов были, в частности, певцы-бояны, носители неписаной истории и мифов местного населения» (Там же. С. 82). Нельзя, на наш взгляд, смешивать волхвов со скоморохами, как это делает Н.Н. Воронин. Ведь летописец только уподобляет кудесников скоморохам, а отнюдь не отождествляет

их. Нет оснований говорить и о «решительном кризисе» скоморошества в XI в. Но самое главное в том, что волхвы и скоморохи выполняли разные функции в языческом обществе и потому отличались друг от друга. (См.: Белкин А.А. Русские скоморохи. С. 30–58.)

¹¹³ ЛПС. С. 48.

¹¹⁴ См.: Кочин Г.Е. Материалы для терминологического словаря древней России. М. -Л., 1937. С. 244.

¹¹⁵ Бестужев-Рюмин К.Н. О составе русских летописей до конца XIV в. // Летописец занятий Археографической комиссии. Вып. IV. С. 47–48.

¹¹⁶ Рапов О.М. О датировке народных восстаний... С. 144.

¹¹⁷ Там же. С. 145.

¹¹⁸ Там же. Пользовался дендрохронологическими материалами при датировке летописного рассказа о «скудости» в Ростовской земле и Кучкин, который в качестве возможной даты называл осень 1075 – весну 1076 гг. (Кучкин В.А. Ростово-Суздальская земля в X – первой половине XIII вв. // История СССР. 1965. № 2. С. 67–68). В другой своей работе он предлагает уже иную дату: осень 1073 – весна 1074 гг. См.: Кучкин В.А. Формирование государственной территории Северо-Восточной Руси в X–XV вв. М., 1984. С. 64.

¹¹⁹ Рапов О.М. О датировке народных восстаний...

¹²⁰ Готье Ю.В. Железный век в Восточной Европе. М.; Л., 1930. С. 152–153.

¹²¹ Воронин Н.Н. Медвежий культ... С. 75; Тихомиров М.Н. Крестьянские и городские восстания... С. 123.

¹²² Маевродин В.В. Очерки по истории феодальной Руси. С. 154–158; Третьяков П.Н. У истоков древнерусской народности. Л., 1970. С. 120–121; 141–142; Дубов И.В. Северо-Восточная Русь XI в... С. 34.

¹²³ ПВЛ. Ч. 1. С. 118.

¹²⁴ Мельников-Печерский П.И. Полн. собр. соч. СПб., 1909. Т. 7. С. 439–440.

¹²⁵ Об этом сходстве писал в свое время Д. Корсаков (Меря и Ростовское княжество. Казань, 1872. С. 91). Но последующие историки обычно проходили мимо него, сосредоточившись на ритуальных действиях волхвов.

¹²⁶ Романов Б.А. Люди и нравы древней Руси. М.; Л., 1968. С. 96; Черепнин Л.В. Русская Правда (в краткой редакции) и летопись... С. 97.

¹²⁷ См.: Рязановский Ф.А. Демонология в древнерусской литературе. 1916. С. 43.

¹²⁸ Тихомиров М.Н. Крестьянские и городские восстания... С. 120; Романов Б.А. Люди и нравы... С. 96; Маевродин В.В. Народные восстания... С. 39.

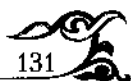
¹²⁹ ПВЛ. Ч. 1. С. 186.

¹³⁰ См.: Душечкина Е. Прение Яна Вышатича с волхвами // Quinaua genario; сборник статей молодых филологов к 50-летию проф. Ю.М. Лотмана. Тарту, 1972. С. 90.

¹³¹ ПВЛ. Ч. 1. С. 117.

¹³² Мельников-Печерский П.И. Полн. собр. соч. Т. 7. С. 439–440.

¹³³ Неспособность различить эти два ритуала, соединенные летописцем, приводит исследователей к одностороннему истолкованию летописной записи, а следовательно, – к ошибочному ее пониманию. См.: Zguta R. The pagan priests in Early Russia. Some new insights // Slavic Review. 1974. Vol. 33. № 2.

¹³⁴ Добавим к этому, что в летописном рассказе 1071 г. слову «обилье» в качестве синонимического соответствует слово «гобино». Так волхвы говорят Яну: «Ти («лучшие жены») держать обилье, да аще истребиве сих, будеть гобино». См.: ПВЛ. Ч. 1. С. 118. «Гобино» есть урожай, хлеб. См.: Словарь русского языка XI–XVII вв. Вып. 4. С. 50.

¹³⁵ Согласно Воронину (Восстание смердов в XI в. С. 56), волхвы стремились к поголовному истреблению «лучших жен». Это не так. Волхвы «называли» среди «лучших женщин» то матерей, то дочерей, то жен, указывая, стало быть, на отдельных представительниц «прекрасного пола».

¹³⁶ Воронин Н.Н. Восстание смердов в XI в. С. 56; Мавродин В.В. Очерки по истории феодальной Руси. С. 151.

¹³⁷ ПВЛ. Ч. 1. С. 117, 119.

¹³⁸ Zguta R. The pagan priests... P. 264–265. См. также: Афанасьев А.Н. Древо жизни. М., 1983. С. 394.

¹³⁹ Напомним, кстати, что в народном воображении колдуньи – либо безобразные старухи, либо молодые красавицы. См. также: Афанасьев А.Н. Древо жизни. С. 387.

¹⁴⁰ Велецкая Н.Н. Языческая символика... С. 104.

¹⁴¹ Там же. С. 70–71.

¹⁴² Там же. С. 68.

¹⁴³ Там же. С. 70.

¹⁴⁴ ПВЛ. Ч. 1. С. 117.

¹⁴⁵ Там же.

¹⁴⁶ Так понимал данное известие летописи и Монгайт. «Во время восстания 1071 г. на Волге, — писал он, — народ убивал «лучших женщин», обвиняя их в том, что держат урожай». См.: Монгайт А.Л. 1) Абу Хамид ал-Гарнати и его путешествие... С. 180; 2) Исторический комментарий. С. 120. Однако подавляющее большинство новейших исследователей выражение «держат обилье» толкуют как владеют запасами, держат «обилье» в своих руках, задерживают хлеб, закабалая неимущих и усугубляя положение, вызванное неурожаем. См.: Воронин Н.Н. Восстание смердов в XI в. С. 56; Мартынов М.Н. Восстание смердов на Волге и Шексне... С. 15, 16, 32; Тихомиров М.Н. Крестьянские и городские восстания... С. 121; Черепнин Л.В. Общественно-политические отношения в древней Руси... С. 181–182; Мавродин В.В. Народные восстания... С. 38, 41, 43–44; Пашуто В.Т. Голодные годы... С. 79–80; Шапов Я.Н. Характер... С. 144; Кривошеев Ю.В. Языческая обрядность... С. 127–128.

¹⁴⁷ ПВЛ. Ч. 1. С. 117. Показательно, что летописец считал для себя «самым важным скомпрометировать наиболее присущие волхвам черты — дар пророчества и высшего знания». См.: Душечкина Е. Прение Яна Вышатича с волхвами. С. 94.

¹⁴⁸ Волхвы убивали «лучших жен», находясь в особом экстатическом состоянии, или «в мечте», по выражению летописца (ПВЛ. Ч. 1. С. 177). Это указывает на то, что убийство осуществлялось по специальному ритуалу. Воронин, приняв чтение Летописца Переяславля Суздальского, где вместо «мечты» значится «мечтание», толкует последнее слово как «мечтание» о сохранении патриархальной языческой старины (Воронин Н.Н. Медвежий культ... С. 84). Это надуманное

объяснение. Ближе к истине те исследователи, которые видят за данным словом шаманский экстаз, наваждение, ритуальное действо. См.: Рыбаков Б.А. Первые века Русской истории. М., 1964. С. 98; Мавродин В.В. Народные восстания... С. 40; Черепнин Л.В. Общественно-политические отношения... С. 182.

¹⁴⁹ См. Гуревич А.Я. Проблемы генезиса феодализма в Западной Европе. М., 1970. С. 64.

¹⁵⁰ Едва ли поэтому можно согласиться с теми учеными, которые подозревали волхвов в своекорыстных целях, в стремлении поживиться, присвоить имущество «лучших жен». См., например: Петухов П. Серапион Владимирский... С. 58; Афанасьев А.Н. Древо жизни. С. 395.

¹⁵¹ Афанасьев А.Н. Поэтические воззрения славян на природу. СПб., 1866. Т. II. С. 507–510; 2) Древо жизни. С. 395.

¹⁵² Мартынов М.Н. Восстание смердов на Волге и Шексне... С. 33–34.

¹⁵³ Там же. С. 35–36.

¹⁵⁴ Levricki T. Ze studiow nad zlodlami arabskimi // Slavia antiqua. Poznan. 1952. Т. III. S. 147; Монгайт А.Л. 1) Абу Хамид ал-Гарнати и его путешествие... С. 180; 2) Исторический комментарий. С. 120.

¹⁵⁵ ПВЛ. Ч. 1. С. 117.

¹⁵⁶ См.: Дубов И.В. Северо-Восточная Русь XI в. С. 37–38.

¹⁵⁷ Там же. С. 56.

¹⁵⁸ См.: Мартынов М.Н. Восстание смердов на Волге и Шексне... С. 31; Мавродин В.В. Народные восстания... С. 43; Романов Б.А. Люди и нравы... С. 99; Рыбаков Б.А. 1) Первые века русской истории. С. 98; 2) Киевская Русь... С. 438; Черепнин Л.В. Общественно-политические отношения... С. 184; Воронин Н.Н. Медвежий культ... С. 48.

¹⁵⁹ См., например: Греков Б.Д. Киевская Русь. С. 265–266.

¹⁶⁰ Черепнин Л.В. Русская Правда (в Краткой редакции) и летопись как источники по истории классовой борьбы. С. 98.

¹⁶¹ ПСРЛ. Т. XXX. С. 48. Душечкина не без основания считает, что Ян приказал «людям расправиться с волхвами». См.: Душечкина Е. Прения Яна... С. 97.

¹⁶² В правящей древнерусской верхушке, не говоря уже о народе, имелись люди, которые осудили бы поступок Яна. См.: Романов Б.А. Люди и нравы... С. 96–107.

¹⁶³ См.: Фроянов И.Я. Киевская Русь: Очерки социально-экономической истории. Л., 1974. С. 40–41.

¹⁶⁴ Мартынов М.Н. Восстание смердов на Волге и Шексне... С. 4; Мавродин В.В. Народные восстания... С. 43; Греков Б.Д. Киевская Русь. С. 266; Лихачев Д.С. Русские летописи и их культурно-историческое значение. М.; Л., 1947. С. 141.

¹⁶⁵ Воронин Н.Н. Медвежий культ... С. 41.

¹⁶⁶ Там же.

¹⁶⁷ Там же.

¹⁶⁸ Там же. С. 42.

¹⁶⁹ Там же. С. 42–43.

¹⁷⁰ Там же. С. 43.

¹⁷¹ См.: *Зеленин Д.К.* Очерки русской мифологии. Вып. 1. Умершие неестественною смертью и русалки. Пг., 1916. С. 18; *Токарев С.А.* Религия в истории народов мира. М., 1965. С. 227.

¹⁷² *Петухов Е.В.* Серапион Владимирский... С. 14 (прибавление).

¹⁷³ *Зеленин Д.К.* 1) Очерки русской мифологии. Вып. 1. С. 58; 2) Древнерусский языческий культ «заложных» покойников // Изв. АН. VI серия. 1917. № 7. С. 405.

¹⁷⁴ *Воронин Н.Н.* Медвежий культ... С. 42–43.

¹⁷⁵ *Третьяков П.Н.* У истоков древнерусской народности. С. 128.

¹⁷⁶ См.: *Овчинников М.* Исчезнувшая форма погребения у якутов // Этнографическое обозрение. 1905. № 1. С. 172–173; *Зеленин Д.К.* Очерки русской мифологии. Вып. 1. С. 91–92; *Левин М.Г.* Эвенки северного Прибайкалья // Советская этнография. 1936. № 2. С. 76; *Голыштен В.В.* Надземные погребения в Среднем Поволжье // КСИИМК. V. М.; Л., 1940. С. 56–58; Семейная обрядность у народов Сибири. М., 1980. С. 95, 109, 123–124, 130, 149, 154, 159, 165, 196.

¹⁷⁷ См.: *Воронин Н.Н.* Медвежий культ... С. 43; *Велецкая Н.Н.* Языческая символика... С. 39; *Дубов И.В.* Северо-Восточная Русь XI в. С. 29, 37; *Фрэзер Дж. Дж.* Золотая ветвь. М., 1980. С. 184–187.

¹⁷⁸ *Воронин Н.Н.* Медвежий культ... С. 42.

¹⁷⁹ Он даже забыл о том, что вложил в уста волхвов слова, обращенные к Яну: «Нама бози молвять не быти нама живым *от тебе*» (*курсив наш* – И.Ф.). Характерна в данной связи реплика Яна: «То ти вама право поведали» (ПВЛ. Ч. 1. С. 118–119).

¹⁸⁰ ПВЛ. Ч. 1. С. 119.

¹⁸¹ См., например: *Соловьев С.М.* Сочинения: в 18 кн. М., 1988. Кн. II. С. 50; *Макарий (Булгаков).* История Русской Церкви. СПб., 1868. Т. II. С. 41; *Мартынов М.Н.* Восстание смердов на Волге и Шексне... С. 4; *Лихачев Д.С.* Русские летописи... С. 141.

¹⁸² *Воронин Н.Н.* Медвежий культ... С. 60. По словам Мавродина, медведь был тотемическим божеством у славян северо-восточной группы. Следы культа медведя и сохранила ПВЛ под 1071 г. (*Мавродин В.В.* Образование Древнерусского государства. Л., 1945. С. 310). Поклонялись медведю и другие народы (см.: *Соколова З.П.* Культ животных в религиях. М., 1972).

¹⁸³ *Воронин Н.Н.* Медвежий культ... С. 76.

¹⁸⁴ Там же. С. 77–78.

¹⁸⁵ В Летописце Переяславля Суздальского вместо «угрыз» Повести временных лет читаем «отгрызоста». См.: ЛПС. С. 48.

¹⁸⁶ *Пропп В.Я.* Исторические корни волшебной сказки. Л., 1946. С. 208.

¹⁸⁷ Там же. С. 207–208; 210, 212.

¹⁸⁸ О расправах с женщинами, обвиняемыми в колдовстве во вред обществу, сообщают источники XII–XIII вв. См. с. 96 настоящей книги.

¹⁸⁹ *Тихомиров М.Н.* Крестьянские и городские восстания... С. 123.

¹⁹⁰ См. с. 95–96 настоящей книги.

¹⁹¹ См.: *Мавродин В.В.* Народные восстания... С. 50; *Черепнин Л.В.* Общественно-политические отношения... С. 182.

¹⁹² ПВЛ. Ч. 1. С. 117.

- ¹⁹³ См.: *Корсаков Д.* Меря и Ростовское княжество. С. 88; *Мартынов М.Н.* Восстание смердов на Волге и Шексне... С. 34.
- ¹⁹⁴ ПВЛ. Ч. 1. С. 120–121.
- ¹⁹⁵ Это очевидно из слов, предваряющих рассказ о волнениях в городе: «...и в нашем Новеграде при Глебе». См.: ЛПС. С. 48.
- ¹⁹⁶ ЛПС. С. 48.
- ¹⁹⁷ ПСРЛ. Т. IV. Ч. 1. С. 131; Т. IX. С. 99.
- ¹⁹⁸ См.: *Шахматов А.А.* Разыскания... С. 456–457.
- ¹⁹⁹ См.: *Ворожик Н.Н.* Восстание смердов в XI в. С. 57.
- ²⁰⁰ Там же. С. 58.
- ²⁰¹ *Маеродин В.В.* Очерки по истории феодальной Руси. С. 149–150.
- ²⁰² *Тихомиров М.Н.* Древнерусские города. М., 1956. С. 204.
- ²⁰³ *Рапов О.М.* О датировке народных восстаний... С. 149.
- ²⁰⁴ *Соловьев С.М.* Сочинения. Кн. II. С. 51.
- ²⁰⁵ *Костомаров Н.И.* Севернорусские народопреступства. СПб., 1863. Т. II. С. 105–106.
- ²⁰⁶ *Татищев В.Н.* История Российская. М.; Л., 1963. Т. II. С. 84.
- ²⁰⁷ *Рапов О.М.* О датировке народных восстаний... С. 149.
- ²⁰⁸ См.: *Фроянов И.Я.* Начало христианства на Руси. С. 288–329.
- ²⁰⁹ В Никоновской летописи так и сказано: явился. См.: ПСРЛ. Т. IX. С. 99.
- ²¹⁰ *Колчин Б.А., Черных Н.Б.* Дендрохронология Восточной Европы. М., 1977. С. 80–81, 89.
- ²¹¹ *Рапов О.М.* О датировке народных восстаний... С. 145.
- ²¹² *Колчин Б.А., Черных Н.Б.* Дендрохронология... С. 80.
- ²¹³ *Рапов О.М.* О датировке народных восстаний... С. 149.
- ²¹⁴ На это намекает Новгородская IV летопись, где говорится, что в городе «была молва не мала». См.: ПСРЛ. Т. IV. Ч. 1. С. 131. См. также: ПСРЛ. Т. IX. С. 93.
- ²¹⁵ НПЛ. С. 18, 201.
- ²¹⁶ См.: *Хорошев А.С.* Церковь в социально-политической системе Новгородской феодальной республики. С. 30.
- ²¹⁷ НПЛ. С. 470.
- ²¹⁸ НПЛ. С. 18, 201.
- ²¹⁹ ПВЛ. Ч. 1. С. 132.
- ²²⁰ НПЛ. С. 470.
- ²²¹ Там же.
- ²²² *Сноффи Стурлусон.* Круг земной. М., 1980. С. 15.
- ²²³ Там же. С. 18.
- ²²⁴ Там же. С. 34.
- ²²⁵ *Фрэзер Дж. Дж.* Золотая ветвь. С. 99–108.
- ²²⁶ Там же. С. 103.
- ²²⁷ Там же. С. 106–107.

Глава четвертая

ПОЛИТИЧЕСКИЙ ПЕРЕВОРОТ 1068 ГОДА В КИЕВЕ

В 1068 г. в днепровской столице произошли события, память о которых долго сохранялась у киевлян, еще в середине XII в. обращавшихся к ним для назидания и урока. Случилось же вот что. Ранней осенью того года соединенные полки Изяслава, Святослава и Всеволода Ярославичей понесли тяжелое поражение от половцев в битве на реке Альте. Побежденные князья бежали с поля брани: «Изяславу же со Всеволодом Киеву побегшю, а Святославу Чернигову»¹. Вслед за Изяславом и Всеволодом «людые киевстии прибегоша Киеву, и створиша вече на торговищи, и реша, пославшеся ко князи: «Се половци росулися по земли; дай, княже, оружие и кони, и еще бьемся с ними». Изяслав же сего не послуша»². Разгневанные княжеским непослушанием «людые» прогнали Изяслава, посадив на княжеский стол Всеслава Полоцкого, освобожденного из «поруба» (темницы). «Двор жь княжь разграбиша, бещисленное множество злата и серебра, кунами и белью. Изяслав же бежа в Ляхы»³.

М.Н. Тихомиров датировал появление приведенного летописного рассказа временем княжения в Киеве Святослава, т.е. 1073–1076 гг. Отсюда он логично заключил, что «перед нами рассказ, очень близкий по времени к описываемым событиям, что придает ему большую историческую ценность»⁴. Впрочем, обратимся к летописным фактам.

Надо сказать, что исследователь, вникающий в смысл киевских происшествий 1068 г., неоднократно встречает затруднения. Они появляются уже при знакомстве с начальной частью летописного повествования, где фигурируют «людые киевстии», прибежавшие в Киев и «створившие» там вече. Кто такие «людые киевстии» — вот в чем вопрос. Историки по-разному отвечают на него. Некоторые полагают, что то были остатки киевского ополчения, разгромленного степняками⁵. Иной точки зрения придерживался В.В. Мавродин. Он писал:

«Кто были эти киевляне — “людые кыевстии”? Это не могли быть ни киевская боярская знать, ни воины киевского “полка” (городского ополчения), ни тем более княжеские дружинники, так как и те, и другие, и третьи не нуждались ни в оружии, ни в конях. Нельзя также предположить, что под киевлянами Повести временных лет следует подразумевать участников битвы на берегах Альты, потерявших в бою с половцами и все свое снаряжение и коней. Пешком и безоружными они не могли бы уйти от быстроногих половецких коней, от половецкой сабли и стрелы. Таких безоружных и безлошадных воинов половцы либо изрубили бы своими саблями, либо связанными угнали в плен в свои кочевья. Прибежали в Киев жители окрестных сел, спасавшиеся от половцев. Они-то и принесли в Киев весть о том, что половцы рассыпались по всей Киевской земле, жгут, убивают, грабят, уводят в плен. Их-то и имеет в виду Повесть временных лет, говорящая о киевлянах, бежавших от половцев в Киев». Согласно Толочко, киевляне, вернувшиеся «после неудачного боя с половцами», являлись «киевскими дружинниками», которые остались без лошадей и оружия, испрашиваемых у князя, чтобы «вновь сразиться с неприятелем»⁶.

Вряд ли стоит, на наш взгляд, определять понятие «людые кыевстие» альтернативно, т.е. усматривать в нем обозначение либо одних только горожан, или, наоборот, селян. За «людьем» угадываются, скорее, и остатки киевского ополчения, побитого половцами, и обитатели сел Киевской земли, искавшие укрытие за крепостными стенами стольного города. Нет никаких оснований видеть в них дружинников. Лексическая форма «людые» достаточно примечательна. Она свидетельствует о принадлежности киевлян, спасавшихся от половцев, к массе простых свободных людей Киевщины⁷, причем как горожан, так и сельских жителей, поскольку слово «кыяне» обозначало тогда не только городских людей, но и волощан, т.е. население Киевской земли⁸. Раскрыв таким образом содержание термина «людые кыевстии», получаем возможность констатировать весьма существенное обстоятельство: причастность к событиям 1068 г. в Киеве, помимо самих горожан, жителей Киевской волости. В центре этих событий находится киевская вечевая община, действующая энергично и независимо от князя, сознающая свое право принимать важные решения. Следовательно, мы наблюдаем не стихийное восстание, а организованное выступление, призванное остановить разорение Киевской земли кочевниками.

Тихомиров придавал особое значение месту начала движения: «Совершенно ясен и тот квартал, где началось восстание. Это Подол, ремесленный и торговый квартал Киева. Восставшие собираются “вечем” на “торговище” и отсюда идут “на Гору”. Итак, перед нами движение, возникшее на Подоле и поддержанное городскими ремесленниками и торговцами»⁹. На Подоле, как явствует из новейших исследований, проживал не только торгово-ремесленный люд, но и представители киевской верхушки¹⁰. Поэтому ограничивать участников движения ремесленниками и торговцами на том основании, что оно возникло в этом районе города, едва ли правомерно. Нельзя, вероятно, и в тех, кто собирался на вече, предполагать людей, сплошь безоружных и безлошадных. Припоминается интересное соображение Покровского, по словам которого, из сжатого летописного изложения «с первого взгляда как будто следует, что говорившие требовали оружия и коней себе. Но как могли убежать от половцев те, кто потерял лошадей в битве, и зачем нужно было обращаться в княжеский арсенал купцам, которые сами всегда ходили вооруженными? Речь, однако, шла о создании новой армии из тех элементов, которые раньше в походах не участвовали и вооружены не были»¹¹. Не со всеми догадками Покровского можно согласиться. Вечники, требуя оружия и коней, имели отчасти в виду и себя. «Дай, княже, оружие и кони, и еще бьемся с ними», — молвили князю Изяславу посланные с вече «кыяне». Не следует также исключать из числа безоружных и какую-то часть ополченцев, непосредственно сражавшихся с половцами на Альте. Бегущие с поля брани воины нередко бросали оружие, чтобы освободиться от излишнего груза. После Липицкой битвы, например, во Владимир «прибегоша людие, ин ранен ин наг». На призыв Юрия затвориться в городе и обороняться от врага владимирцы отвечали: «Княже Юрье, с ким ся затворим? Братья наша избита, а инии изимани, а прок нашъ прибегли без оружия, то с кым станем»¹². Нет ничего невероятного в том, что в Киев после поражения, нанесенного половцами русским полкам, тоже «прибегли» безоружные люди, бросившие свое оружие на берегах Альты¹³. Но это не значит, что вече, созванное «на торговищи», состояло из одних только этих беглецов. По Рыбакову же, так и получается: «Беглецы с поля боя, лишенные коней и оружия, достигнув Киева, устроили вече...»¹⁴. Думается, вече было более представительным. Вряд ли киевская знать устранилась от участия в вечевом сходе. Пашуто как-то отмечал, что вечевое собрание 1068 г. в Киеве действовало «вопреки воле князя, но в согласии

с частью городских мужей», под которыми исследователь разумел представителей городской правящей верхушки¹⁵. По-видимому, надо говорить и о согласии, и об участии «городских мужей» в вечевом сходе. Однако отсюда не следует, будто «в действиях веча чувствуется чья-то организующая и руководящая рука», как считает Толочко¹⁶. Нельзя лишать самостоятельности рядовых киевлян, отказывать им в способности понять и оценить сложившуюся обстановку, которая, кстати, не являлась запутанной и побуждала к очевидным действиям по организации сопротивления половцам. Вот почему требование веча ошибочно сводить лишь к выдаче коней и оружия. По существу в нем подразумевалось формирование нового ополчения, о чем проныцательно рассуждал Покровский. Вновь созданное ополчение под командованием князя должно было выступить против разоряющих Киевскую землю половцев. Но Изяслав «сего не послуша», иначе – отказался выполнить одну из главнейших своих обязанностей, возложенную на него киевской общиной как на правителя и военачальника¹⁷. Тогда «людие» стали «говорите на воеводу на Коснячка; идоша на гору, с веча, и приидоша на двор Коснячков, и не обрете его стаща удвора Брачиславля...»¹⁸. Что привело «вечников» на коснячков двор?

Еще летописцы времен Московского государства изображали дело так, будто Коснячко чем-то не угодил «киянам». Составитель Владимирского летописца оставил, например, такую запись: «И начаша люди корити въеводу Коснячка. И пришед на двор Коснячков и не обрете его». Татищев «вину» воеводы усугубил: «Начали народ роптать на воеводу Коснячко, якобы его беспорядочным предводительством побеждены от половец и что он отговаривает ружье и коней войску дать. И согласяся его убить, а дом разорить, пошли на гору во многолюдстве»¹⁹. Версию Татищева ввел в свою «Историю» С.М. Соловьев, будучи убежден, что она наиболее верна обстоятельствам: «на тысяцкого всего прежде народ должен был обратить свой ропот как представителя городских полков»²⁰. Знаменитый историк рисует такую картину. Когда Изяслав не послушался киевлян, «народ стал против тысяцкого Коснячка: воевода городских и сельских полков, он не умел дать им победы; теперь не принимает их стороны, не хочет идти с ними на битву, отговаривает князя дать оружие и коней»²¹. Покровский, не рискуя изобретать детали, согласные обстоятельствам, говорил в общей форме о том, что толпа искала Коснячка «не с добрыми намерениями». Мнение о приходе киевлян «на двор Коснячков» не с добрыми намерениями утвердилось прочно в

современной исторической литературе. К сожалению, не обошлось и без фантазий. Так, по словам Тихомирова, восставшие разграбили двор Коснячка, считая его «виновником поражения»²². Черепнин на основании какого-то «прямого летописного контекста» пришел к выводу о том, что «людие» обвиняли воеводу в «неумелой организации борьбы с половцами». Ему также показалось, будто «еще до нападения половцев у киевлян накопилось недовольство Коснячком как крупным представителем княжеской администрации». Коснячко, по Черепнину, «еще до битвы на Альте заключил ряд киевлян в «погреб» — земляную тюрьму, яму, перекрытую накатом, засыпанным землей». Далее узнаем новую, неведомую откуда взятую подробность: «Во время восстания 1068 г. товарищи заключенных решили заставить воеводу выпустить их, но тот скрылся...». Черепнин не знает, «за что конкретно пострадал в свое время ряд горожан от Коснячка». Зато он уверен, что политика воеводы «встречала протест со стороны торгово-промышленного населения»²³. Наконец, Тихомиров, а вслед за ним и Буганов утверждают, что вину за поражение на Альте летописец возложил на Коснячка²⁴.

Многочисленные обвинения, возводимые дореволюционными и советскими историками на Коснячка, имеют под собой явно недостаточную основу. В летописном рассказе заключены три эпизода, относящиеся к киевскому воеводе: разговор о нем на вече («начаша людие говорити на воеводу на Коснячка»), приход «вечников» на его двор («придоша на двор Коснячков»), отсутствие хозяина дома («и не обрешше его»). Вот, собственно, и все, на чем зиждятся выводы о провинности Коснячко, муссируемые в исторических исследованиях. Ясно, что они возводятся на весьма зыбкой почве. Отсюда подмена конкретного факта общими соображениями о вероятном, т.е. замена исторической правды правдоподобием. Это — застарелая болезнь исторической науки²⁵, проявившаяся и в данном случае. Соловьев, воспроизводя подробности о Коснячке, содержащиеся в «Истории Российской» Татищева и отсутствующие в древних источниках, мотивирует свой прием следующим образом: «Я решился внести в текст это место, которое находится только у Татищева, потому что оно совершенно верно обстоятельством...»²⁶. Что касается советских историков, то их обвинения, обращенные к Коснячке, исходят из презумпции, так сказать, феодализма в Древней Руси, предопределявшего поведение социальной верхушки и рядовой массы населения, состоящих в постоянном

антагонизме друг с другом. Постараемся все же восстановить подлинный ход событий.

Собравшиеся на вече «людые киевстии» решили, как мы знаем, продолжить борьбу с половцами и послали сообщить об этом князю Изяславу, требуя у него оружия и коней для создания нового ополчения. Князь не захотел сделать то, на чем настаивало вече. Когда «людые» услышали об этом, они заговорили о Коснячко. «Начаша людие говорить на воеводу на Коснячка», — сообщает Повесть временных лет и другие летописи. В Никоновском своде имеется любопытное разночтение, проливающее свет, как нам кажется, на суть происшествий: «И реша людие Киевстии ко князю: “се Половци рассыпалися по земли в загонех; дай нам, княже, оружие и кони, еще биемся с ними”. Изяслав же сего не послуша. И начаша люди его вадити на воеводу на Коснячка»²⁷. Не старались ли Изяславовы люди внушить посланцам веча или самому вечу, что выполнение вечевого замысла невозможно без воеводы Коснячко? Если это так, то отпадает необходимость предполагать, подобно Рыбакову, будто вече стало «обсуждать действия» Коснячка, что народ задумал «наказать этого вельможу»²⁸. Участники веча отправились к воеводе не с целью наказать его, расправиться с ним, а с надеждой разрешить вопрос, связанный с организацией отпора кочевникам. И это понятно, ибо князь не внял их просьбе, и киевлянам ничего не оставалось, как обратиться к другому высшему военачальнику. О мирных намерениях людей, пришедших на Коснячков двор, свидетельствует уже то, что они, «не обретше» Коснячка, покинули двор воеводы, не совершив ни погрома, ни грабежа. В раздумьи «вечники» остановились «у двора Брючиславля». Расчеты на Изяслава и Коснячка рушились. «Людые киевстии» перешли к действиям, угрожающим Киевскому Князю. «Пойдем, высадим дружину свою ис погребя», — сказали они. Некоторые исследователи усматривают в «дружине» товарищей, единомышленников «киян», стоявших «у двора Брючиславля». Тихомиров, принадлежащий к числу этих исследователей, полагает, что «дружина», т.е. горожане, еще раньше выступили против князя²⁹. Значит, «поражение на Альте только ускорило события, назревавшие задолго до него»³⁰. Сходный взгляд у Мавродина: «Перед самым восстанием имело место какое-то столкновение между киевлянами и Изяславом, и какие-то киевляне по княжескому приказу были заключены в темницу (“поруб”). И когда восставшие, не найдя нигде воеводу Коснячко, отправились дальше и остановились у двора Брючислава, отца полоц-

кого князя Всеслава, решая вопрос о том, что им делать, кто-то предложил освободить заключенных в темницу киевлян»³¹. Иной взгляд у Алексеева. Киевляне, считает ученый, «направились к Брячиславлю двору не случайно. Здесь сосредоточились лица некиевского происхождения, вынесшие на своих плечах годовое хозяйничанье Изяславовых ставленников в Полоцкой земле в период пленения Всеслава Брячиславича. Очевидно, этим людям и принадлежал первый клич: "...высадим дружину свою ис погребя!" Под словом "дружина", таким образом, следует понимать если не самого Всеслава, то, вероятно, его дружину, схваченную на Рши после его пленения, а может быть, и просто полочан — сторонников Всеслава, арестованных в Киеве при заключении полоцкого князя в поруб. Какой из предложенных вариантов правильнее, доказать нельзя, да это и не так существенно. Важно одно: роль полоцких купцов в киевском восстании была велика»³². Рыбаков не отрицает заключения в тюрьму ни киевлян, ни полочан. «Полный недомолвок рассказ летописца, — говорит он, — можно понять приблизительно так: еще до восстания 15 сентября какая-то часть киевлян или близких к киевлянам полочан (из окружения старого Брячислава или молодого Всеслава) была арестована князем Изяславом и заперта в погребе близ киевской резиденции полоцких князей. Восставший народ решил: "Пойдемте, освободим дружину свою из погребя", — и погреб был открыт»³³.

Похоже, что клич «высадим дружину» прозвучал не зря «у двора Брячиславля». Двор, действительно, скорее всего принадлежал «лицам некиевского происхождения», связанным с полоцким князем. Но этот призыв соответствовал и настроению киевлян, почему и был ими сразу подхвачен. По-видимому, в погребе, кроме полочан, томилась и какая-то группа «киян», сочувственно настроенных к Всеславу, вероломно схваченному и заключенному в погреб»³⁴. О том, что на этой почве между Изяславом и некоторой частью горожан возникли трения и даже столкновения, свидетельствует летописец, рассказывая об игумене Киево-Печерского монастыря Антонии, которого старший Ярославич преследовал из-за Всеслава: «В си же времена приключися прити Изяславу из Ляхов, и нача гневатися Изяслав на Антонья из Всеслава. И прислав Святослав в ночь поя Антонья Чернигову»³⁵. Киевляне, открыто осуждавшие своего князя за клятвопреступление, угодили в темницу. Но у них было немало скрытых единомышленников, что и обнаружилось в поведении «вечников».

Освобождение «дружины» стало прологом падения Изяслава. «Се зло есть», — так оценили приближенные Изяслава выход узников на волю³⁶. Дальнейшее повествование летописца убеждает нас в том, что в погреб киевляне попали по «делу» Всеслава, а отнюдь не вследствие мнимых волнений социального или классового свойства. Едва люди Изяслава узнали, что народ «отворил погреб» и выпустил из него «дружину», то сразу же сообразили о неотвратимости «высечения» оттуда и Всеслава. «Посли ко Всеславу, ать призвавше лестью ко оконцю, пронзуть и мечем» — советовали они Изяславу. Но «не послуша сего князь». Впрочем, было уже поздно: «Людьє кликнуша, и идоша к порубу Всеславу. Изяслав же се видев, со Всеволодом побегоста з двора, людьє же высекоша Всеслава ис поруба...»³⁷.

По мнению Пашуто, освобождение Всеслава отвечало интересам «правлящей группировки городской знати в том числе духовной и купеческой, враждебной Изяславу и союзной Чернигову»³⁸. В изображении Пашуто так называемая «черниговская группировка» — политическая сила, направляющая развитие событий. В результате народная инициатива становится более видимостью, нежели реальностью. Но это далеко не так. Во всяком случае, аргументы, выдвигаемые Пашуто, не убеждают. Вызывает недоумение стремление автора представить освобождение киевлянами Всеслава как всецело соответствующее замыслам «черниговской группировки». Так можно писать, позабыв предшествующие сентябрьским событиям 1068 г. обстоятельства, при которых Всеслав попал в поруб. Известно, что в 1067 г. князь Всеслав захватил Новгород. «Ярославичи же три, — Изяслав, Святослав, Всеволод, — совокупивше вои, идоша на Всеслава, зиме суще велице»³⁹. 3 марта «бысть сеча зла, и мнози падоша, и одолеа Изяслав, Святослав, Всеволод, Всеслав же бежа». В июле Ярославичи пригласили к себе на переговоры полоцкого князя, обещав ему безопасность и подкрепив взятое обещание крестным целованием. Всеслав, «надеявсья целованью креста, перееха в лодыи черес Днепр. Изяславу же в шатер предъидущю, и тако яша Всеслава на Рши у Смолиньска, преступивше крест. Изяслав же привед Всеслава Киеву, всади и в поруб с двема сынома»⁴⁰. Древнерусское общество в лице летописца осудило это постыдное вероломство. И среди киевлян, как мы видели также, нашлись протестующие. У самого же Всеслава клятвopепреступники не могли возбуждать иных чувств, кроме глубокой неприязни и ненависти. Не ясно ли, что вокняжение в Киеве Всеслава, врага Черниговского князя Святослава, выдавать за воплощение пла-

нов городской знати, союзной Чернигову, по меньшей мере курьезно. Показательно также, что Всеволод Ярославич, которого Пашуто называет черниговским (?) князем, спешно покинул Киев, когда узнал о намерении киевлян «высечь Всеслава из поруба».

Освобожденного Всеслава киевляне «прославиша среде двора кѣняжа. Двор жь князь разграбиша, бещисленное множество злата и сребра, кунами и белью. Изяслав же бежа в Ляхы»⁴¹. По существу князь Изяслав был изгнан, а на его место посажен Всеслав. Позднее «людьє» скажут: «Мы уже зло створили есмы, князя своего прогнавше...»⁴². Киевская община имела все основания, чтобы распроститься с Изяславом, поскольку он не только проиграл битву, но и отказался продолжить борьбу с врагом, оставив беззащитной доверенную ему в управление волость. А это означало, что князь не сумел обеспечить безопасность общества, т.е. не справился с основной обязанностью правителя. Такой правитель, согласно представлениям древних, плох, и его следовало заменить⁴³. Следует также заметить, что неудачи властителя, пагубно отражающиеся на людях, воспринимались в старину как показатель его греховности, несовместимой с занимаемой им должностью. Греховность же властителя в архаическом сознании — главный источник напастей и бед, постигающих общину. Именно данный взгляд представлен в летописи: «Всеслав же седе в Кыеве. Се же бог яви силу крестную, понеже Изяслав целовав крест, и я и; тем же наведе бог поганяя, сего же яве избави крест честный. В день бо Въздвиженья Всеслав, вздохнув, рече: “О кресте честный! Понеже к тебе веровах, избави мя от рва сего”. Бог же показа силу крестную на показанье земле Русьстей, да не преступають честнаго креста, целовавше его; аще ли преступить кто, то и zde прииметь казнь и на придушем веще казнь вечную»⁴⁴. Из приведенного летописного пассажа со всей очевидностью вытекает, что нашествие степняков и поражение русских полков на Альте — прямой результат нарушения крестоцеловальной клятвы, или совершения греха Изяславом. Восстановление благополучия общины требовало устранения греховного правителя, и он был смещен. «Людьє киевстии» избрали своим князем Всеслава не только (а быть может, и не столько) потому, что он по прихоти случая оказался тогда в Киеве. Всеслав пользовался у людей Древней Руси репутацией искусного полководца, мага и волшебника⁴⁵. По словам современника-летописца, Всеслава «роди мати от вълхованья. Матери бо родивши его, бысть ему язвено на главе его, рекоша бо волсви матери его: “Се язвено навяжи на нь, да носить е до живота своего”,

еже носить Всеслав и до сего дне на собе; сего ради немилостив есть на кровьпролить»⁴⁶. Слава полоцкого князя не померкла и в памяти потомков. Восторженно отзывался о нем автор «Слова о полку Игореве» — произведения, наполненного языческими мотивами: «На седьмом веце Трояни врьже Всеслав жребии о девицу себе любу. Ты клюками подпръ ся о кони и скочи къ граду Киеву, и дотчеса стружиемъ злата стола Киевскаго. Скочи отъ нихъ лютымъ зверемъ въ плъночи из Белаграда, обесися сине мыгле, утръже ваззни, с три кусы отвори врата Новуграду, разшибе славу Ярославу, скочи влъкомъ до Немиги съ Дудутокъ... Всеслав князь людем судяше, княземъ грады рядяше, а самъ въ ночь влъкомъ рыскаше изъ Кыева дорискаше до куръ Тматороканя; великому Хръсови влъкомъ путь прерыскаше»⁴⁷. Образ Всеслава, обладающего сверхъестественными способностями, соперничающего с самим «великим Хорсом», — это не чисто литературный прием, вымышленный образ. В его основе лежит народная молва о князе — чародее и оборотне, одержимом божественным духом, владеющем божественным знанием и могуществом⁴⁸. Именно в подобном князе нуждалась киевская община, оказавшаяся в критической ситуации и стремившаяся ее преодолеть. Выход был найден в посадении Всеслава на киевский престол.

Рыбаков выражает некоторое сомнение относительно правомерности усматривать полноценное вокняжение в акте «прославления» Всеслава «среди двора княжа». Историк пишет: «Вокняжение Великого Князя оформлялось всегда в кафедральном храме Киева и всей Руси — в Софийском соборе. Об этом в сохранившейся части летописи ничего не сказано. Разгром княжеского двора, дележ денег, золотой утвари и дорогих мехов — все это не соответствовало торжественной процедуре интронизации нового цесаря Руси (уже Ярослав Мудрый получил этот почетный титул). Но летопись и не говорит, что Всеслав “сел на столе прадеда своего”. Его только “прославили”, провозгласили и, очевидно, с условием, что он будет оборонять киевлян от половцев»⁴⁹. Данный ход рассуждений отнюдь не безупречен. Автор умозаключает, оставаясь на поверхности событий, не вникая в их суть. А она состоит в том, что во время бедствий в общественном сознании Руси оживали, а точнее сказать, срабатывали языческие традиции, определявшие поведение людей, стремящихся вернуть благополучие общине⁵⁰. Эти традиции побуждали к замене правителя, обусловив и форму избрания нового князя. По-видимому, «прославление среди двора княжеского» являлось древним ритуалом вокняже-

ния, стертого впоследствии практикой посажения на стол, помпезно именуемой Рыбаковым «торжественной процедурой интронизации». Ученый прав, когда говорит о том, что «разгром княжеского двора» не соответствовал названной процедуре. Однако упоминаемый летописцем грабеж «имения» Изяслава соответствовал древнему обычаю изгнания властителей, зачастую сопровождавшемуся расхищением их имущества. То был узаконенный и организованный грабеж, принципиально отличающийся от криминальных покушений на личную собственность⁵¹. Генетически он восходит к архаическим временам, когда коллективные начала господствовали в общественной жизни. Этнографическая наука располагает на этот счет ценнейшими сведениями. Например, по представлениям южноафриканских банту, «вождь не имеет ничего своего, все, чем он владеет, принадлежит племени». Поэтому «совокупный прибавочный продукт, отчуждающийся в самых различных формах в пользу вождей и предводителей, рассматривается не только как компенсация за отправление общественно полезной функции управления, но и как своего рода общественный фонд, расходование которого должно производиться в интересах всего коллектива»⁵². Мы не хотим приравнять «киян» второй половины XI в. к южноафриканским банту, а Изяслава — к вождю этих скотоводов. Наша задача заключается в том, чтобы обратить внимание на традиции коллективизма в древних обществах и строящиеся на них отношения между правителем и рядовой массой населения. Безспорно, что такого рода традиции существовали и в восточнославянском обществе. Несомненно и то, что они в преобразованном виде встречались в Древней Руси. Не ими ли объясняется обязанность древнерусских князей снабжать народное ополчение конями и оружием, что засвидетельствовали «людье киевстии», собравшиеся на вече после неудачного сражения на Альте⁵³. Нельзя забывать, что князья на Руси XI–XII вв. жили в значительной мере благодаря кормлениям — своеобразной платы свободного людства за отправление общественных служб, происхождение которой теряется в глубине веков.

Архаическая по существу система оплаты княжого труда содействовала выработке взгляда на княжеское добро как на общественное отчасти достояние. Вот почему грабеж имущества князя, производимый коллективно и по решению вечевой общины, необходимо рассматривать как возвращение временно индивидуализированного богатства в общинное лоно. Не является здесь исключением и грабеж Изяславова двора. А это значит, что расценивать его как выражение

антифеодальной классовой борьбы, как заурядный погром восставшего народа, нет должного резона⁵⁴. И уже совсем безосновательно отрицать сам факт грабежа, подобно Толочко, который заявляет: «Напуганный размахом движения, князь Изяслав Ярославич вынужден был бежать из Киева, после чего на киевский стол сел освобожденный из “поруба” Всеслав. “Дворь княжь”, согласно свидетельству летописи, подвергся сильному разграблению. Так ли было на самом деле, сказать трудно, но думается, что едва ли киевская верхушка допустила, чтобы “бещисленное множество злата и сребра, и кунами и скорою” попало в руки черни. Вероятно, это всего лишь литературный оборот летописца, стремившегося увеличить вину восставших»⁵⁵. Насколько субъективны эти суждения, показывают последующие свидетельства летописи о грабеже двора Изяслава. Одно из них летописец вложил в уста потерпевшего князя. «Именье мое разграбиша», — сетовал Ярославич⁵⁶. Другое принадлежит летописателю, который в записи, посвященной погибшему Изяславу, сообщает о том, как «кияне дом его разграбиша»⁵⁷. Быть может, для Толочко и эти указания Повести временных лет — «литературные обороты». Мы же в них видим подтверждение правдивости рассказа о разграблении «киянами» в 1068 г. княжеского «именья».

Итак, киевская вечевая община выступает в сентябрьских событиях 1068 г. в качестве самостоятельной, вполне независимой от князя организации. Она принимает решение о новой битве с половцами, изгоняет неудачливого князя и сажает на стол нового правителя, конфискует имущество изгнанного властителя посредством санкционированного вече грабления, представляющего собой своеобразную форму дележа⁵⁸. Допуская причастность к перечисленным мерам какой-то группы знати, надо все же сказать, что главное действующее лицо здесь — это «людьє кыевстии», т.е. массы свободного населения, городского и сельского. Ведущая роль рядового людства проглядывает и в дальнейшем.

В 1069 г. Изяслав, заручившись польской помощью, «пойде на Всеслава». Напуганный Всеслав бросил киевлян на произвол судьбы и тайно под покровом ночи бежал от них. Остаться без князя было опасно. И «людьє» опять сходятся на вече, которое направляет послов к Святославу и Всеволоду Ярославичам со словами: «Мы зло створили есмы, князя своего прогнавше, а се ведеть на ны Лядьскую землю, а пойдоста в град отца своего; аще ли не хочета, то нам неволя: зажегше град свой, ступим в Гречьску землю»⁵⁹. Эту акцию нельзя назвать

иначе, чем вечевым призыванием князей⁶⁰. Святослав и Всеволод не поехали «в град отца своего», как хотели «вечники». Но они предупредили Изяслава, что не останутся безучастными зрителями разорения Киева: «Аще ли хоцещи гнев имети и погубити град, то веси, яко нама жаль отня стола». Послушав братьев, Изяслав, «поим мало ляхов», выехал в Киев, отправив впереди себя сына Мстислава, который, войдя в город, «иссече кияны, иже беша высекли Всеслава, числом 70 чади, а другыя слепиша, другыя же без вины погуби, не испытав»⁶¹. После проведенных Мстиславом репрессий Изяслав «седе на столе своем».

По социальному составу участники веча 1069 г. ничем не отличаются от тех, кто собирался на вечевой сход в 1068 г. Там совещались «людьє», «кыяны», или широкие круги свободного населения Киева и Киевской волости⁶². Иначе думает Пашуто. «Когда Всеслав покинул киевлян под Белгородом, — говорит он, — то “людьє князя” (т.е. киевские советники, враждебные Изяславу), прибежав в Киев, вновь “створиша вече” и провели решение позвать княжить черниговских князей Святослава и Всеволода Ярославичей, грозя в противном случае уйти в Греческую землю, а город сжечь»⁶³. Стало быть, вече 1069 г., по Пашуто, устроили «людьє князя», являвшиеся «киевскими советниками», враждебными Изяславу. Перед нами яркий пример, когда предвзятая идея приводит к непростительному для серьезного исследователя искажению фактов. В самом деле, откуда у Пашуто взялись «людьє князя»? Они — продукт воображения автора. Чтобы не быть голословным, обращаемся к Повести временных лет, где читаем: «Поиде Изяслав с Болеславом на Всеслава; Всеслав же поиде противу. И приде Белугороду Всеслав, и бывши нощи, утаивься киян бежа из Белагорода Полотьску. Заутра же видевшє людьє князя бежавша, възвратишася Кыеву, и створиша вече...»⁶⁴. Легко заметить, как Пашуто произвольно манипулирует словосочетанием «людьє князя», искажая смысл летописного рассказа, повествующего не о «людях князя», а о людях, узнавших, что князь бежал⁶⁵. Такой «источниковедческий» прием понадобился Пашуто, чтобы доказать идею о руководящей роли «черниговской группировки» в событиях 1068–1069 гг.⁶⁶ Ради того же он превращает Всеволода, бывшего тогда князем Переяславским, в князя Черниговского.

Заявление посланцев веча о решимости киевлян сжечь свой город и переселиться в Греческую землю (если Святослав и Всеволод откажутся от Киева) Пашуто вслед за Приселковым приписывает крупным купцам⁶⁷, включая их также в состав пресловутой «черниговской груп-

пировки». Догадка о том, что намерение сжечь Киев и переселиться в Грецию исходило от крупного купечества, имеет чисто логическое основание, не подкрепленное какими-нибудь конкретными данными. Но коль так, то возможны и другие толкования посольской речи. По мнению Шахматова, в угрозе послов слышен отзвук проповеди волхва, мутившего «кыян» в 1064 г.: «испуганные киевляне вспомнили в 1069 г. о пророчестве волхва, предсказывавшего, что на пятое лето Русская земля станет на Греческой, и начали подумывать о том, что им придется последовать этому пророчеству»⁶⁸. Нет далее ничего, что помешало бы нам поставить рядом с купцами умелых ремесленников, производивших продукцию, сбывавшуюся на рынке и тем гарантировавшую им безбедное существование в любом уголке тогдашнего цивилизованного мира. Наконец, высказанная Святославу и Всеволоду угроза могла принадлежать лучшим воинам киевской «тысячи», особенно если учесть, что на протяжении XI в. в Ромее охотно брали русь на военную службу⁶⁹. Таким образом, вряд ли правильно связывать предостережение, переданное вечевыми послами, лишь с одной какой-то социальной категорией. Оно приложимо к представителям всех основных разрядов населения Киева.

Сын Изяслава князь Мстислав по прибытии в Киев виновников волнений 1068 г. и «высечения» Всеслава искал, как уже отмечалось, среди «кыян», называемых в летописи «чадью». Под «чадью», бесспорно, скрывались простые люди⁷⁰. Это еще раз доказывает, что движущей силой сентябрьских событий 1068 г. являлись народные массы. Впечатленный этим князь Изяслав, прибыв в Киев, «взъгна торг на гору»⁷¹. В исторической литературе сообщение летописца о переносе «торга» породило разноречивые толки. Покровский полагал, что перевод торгового собрания в аристократическую часть города должен был предупредить образование на торгу демократической сходимки: вдали от своих домов, окруженное благонадежным элементом, простонародье было менее опасно, и с ним легче было справиться⁷². Нечто похожее писал Греков: «По трупам он (Изяслав. — И.Ф.) вошел в Киев и продолжал расправу. Между прочим, он велел перенести торг, где народ обычно собирался на вече и откуда грозил самому князю Изяславу, в другое место, на гору, где жили бояре и дружинники, всегда готовые выступить в случае нового народного возмущения»⁷³. Тихомиров связал перенос торгового собрания с отменой Изяславом тех новшеств, которые ввел Всеслав, когда правил в Киеве: «...с большим вероятием можно предполагать, что киевляне получили (*при Всеславе*. — И.Ф.) торговые льготы и освобождение от стеснительной княжеской опеки. Намеком

на это служат слова летописи о том, что Изяслав по возвращении в Киев перевел торг на Гору, следовательно, под непосредственное наблюдение князя и его тиунов»⁷⁴. По предположению Мавродина, Изяслав, снова обосновавшись в Киеве, «принимает меры для предотвращения опасных вечевых сходов. Он прежде всего “взгна торг на гору”. Отныне вечевые сходы должны были протекать под неусыпным надзором князя и его мужей»⁷⁵. Эта точка зрения близка тому, о чем в свое время писал Грушевский: «Весьма вероятно, что это распоряжение имело политический характер и было сделано с целью доставить князю возможность иметь под ближайшим надзором народные собрания и парализовать впредь движения, подобные описанному»⁷⁶. По Воронину: «поддержавшее смердов киевское “Подоліе” было немедленно обезврежено: торг — центр мятежного веча — Изяслав “взogna на гору”, т.е. был переведен с Подола в другую часть города, поближе к киевскому княжескому замку, под его надзор»⁷⁷.

Боязнь «народных возмущений, начинавшихся обычно на торгу», заставила Изяслава, по догадке Лихачева, перевести последний «на гору — в город, где можно было легче контролировать его»⁷⁸. Пашуто усматривал в этом мере, направленную против авангарда «черниговской партии» — крупных купцов. Цель, преследуемая князем, состояла якобы в том, чтобы «затруднить влияние купечества на черных людей»⁷⁹. Тут Пашуто нашел сторонника в лице Толочко: «Изяслав распорядился также перенести торг (“Торговище”) на гору, то есть в пределы княжеской части города. Этой акцией Великий Князь преследовал цель поставить под контроль одно из важнейших средоточий общественной жизни Киева и, как справедливо считает Пашуто, затруднить влияние купечества на простых людей»⁸⁰. Таков спектр мнений о причине перевода Изяславом киевского торгового центра на Гору, имеющийся в современной исторической литературе.

Зимин справедливо отметил, что «источники прямо не говорят о переводе веча. Стало быть, дело заключалось в самом торге». Однако из этой верной, на наш взгляд, посылки историк вывел сомнительное заключение: восстание «1068 г. было связано как-то с торгом, т.е., вероятно, с порабощением свободных за долги... На торгу происходили ожесточенные классовые столкновения закабаленных холопов, свободных, разоренных, но еще не закабаленных общинников со всякими “должебителями”. На защиту последних выступил Киевский Князь, переведя торг поближе к себе на гору»⁸¹. Секрет предприятия Изяслава, на наш взгляд, в другом: в общественном значении торго-

Древнерусский торг стягивал не только экономические, но и социальные нити. Он был средоточием общественной жизни, местом общения людей. Там узнавали «последние известия», обменивались информацией, обсуждали вопросы «текущей политики», совершали всевозможные сделки и пр. Эта функция торга отчетливо прослеживается в письменных источниках. Так, по Русской Правде, о бегстве раба объявлялось во всеуслышание на торгу: «А челядин скрыется, а закличють и на торгу, и за 3 дни не выведуть его, а познаеть и третий день, то свои челядин поняти, а оному платити 3 гривны продажи»⁸². Значит, заявить на торгу — все равно, что сделать достоянием гласности. Судя по глагольной форме «закличють», господин оповещал о бегстве своего раба не сам, а с помощью властей⁸³. При утрате имущества, не связанной с «татьбой», хозяин объявлял насчет пропажи лично⁸⁴. О важном общественном значении торга говорит и обычай, требующий, чтобы злостного должника вели именно на торг и только там на глазах у всех продавали в рабство⁸⁵. Наказание, следовательно, приобретало публичный характер, назидательный для тех, кто брал «куны» займы, не задумываясь об отдаче долга.

Помимо продающих и покупающих торг притягивал множество праздного народа, т.е. был самым людным местом города. Поэтому туда нередко шли для наведения всевозможных справок вплоть до опознания мертвецов. В одном русском памятнике XII в. читаем, как митрополит «посла проповедника в сбор торгу: чье дѣтя лежитъ на палатех Святые Софѣя. И порекоша вси граждани чюдѣшесѣ»⁸⁶.

Торг, шумный и многолюдный, мгновенно превращался в вечерую сходку, если в ней возникала потребность. Не исключено, что вече собиралось по торговым дням⁸⁷. Как бы, впрочем, не было, бесспорно, то, что древнерусский торг являлся не только экономическим, но и социально-политическим центром, чем, собственно, и мотивирован поступок Изяслава. Здесь возможны две гипотезы, не отрицающие, а дополняющие друг друга.

Суть первой состоит в том, что князь Изяслав, неуверенный в мятежных «кыянах», с подозрением относился к месту их сближения — торгу. Проявляя понятную после недавних волнений осторожность, он переносит торг на Гору, поближе к своей резиденции, чтобы зорче следить за настроением народа и оперативнее реагировать в критические моменты. Ни о каком контроле над торгом, а тем более над вечем, как считают некоторые историки, Изяслав не мог помышлять, ибо не располагал для того необходимыми средствами. Он хотел лишь

лучше знать обо всем, что творилось на торгу, желая оградить себя от повторения неприятностей злосчастного 1068 г.

Вторая гипотеза соприкасается с первой и основывается на признании возросшего политического статуса киевской вечевой общины, обозначившегося весьма явственно в ходе событий 1068 г., ставших определенной вехой в истории становления народовластия в Киеве. На рубеже X и XI столетий, когда рушились родоплеменные устои, повысилась роль князя, и власть его усилилась⁸⁸. Однако по мере утверждения территориально-общинного строя все громче начинает звучать голос народного веча. Настает момент, когда оно заявляет о своих правах на высшую власть, что мы и наблюдаем в 1068–1069 гг. Разумеется, притязания киевской городской общины опирались на силу, которую «княне» продемонстрировали не только в сентябрьские дни 1068 г., но и позже, избивая ляхов, с чьей помощью Изяслав вернулся в Киев. Устрашенные избиением поляки покинули Русскую землю: «И възвратися в ляхы Болеслав»⁸⁹. Вот тогда-то князь и перевел торг на Гору — престижную часть города, где находились дворы князя, воеводы, митрополита, крупных киевских бояр и чиновников меньшего ранга, где стояли такие, почитаемые всей волостью, святыни, как Десятинная церковь и собор св. Софии⁹⁰. Тем самым торг, бывший средоточием общественно-политической жизни киевлян, пиком выражения которой являлось народное собрание (вече), приобретал новое значение, свидетельствующее об упрочении власти киевской общины, заметно потеснившей княжескую власть. Иными словами, перенос торга означал по существу уступку со стороны Изяслава, вынужденного принять как реальность политическую мощь местной общины. Соединение в одной точке торга, народного собрания, государственных учреждений, религиозных строений было свойственно городским общинно-государственным образованиям. Примером тут может послужить афинская Агора — социально-политический центр Афин, где размещался рынок и заседало народное собрание, находились правительственные здания, храмы и алтари⁹¹.

Главное в переносе киевского торга заключалось, на наш взгляд, не в перемещении собственно торжища, а в переводе веча поближе к собору св. Софии и княжеской резиденции — сакрально значимым местам города. Вече как бы вводилось в круг высших институтов, направлявших течение общественной жизни. Отсюда замечаемое впоследствии устройство вечевых собраний у стен Софийского храма.

Итак, события 1068 г. являют собой не антифеодальное, как полагали советские ученые, восстание или движение⁹², а конфликт мест-

ной общины с князем, вылившийся в политический переворот, смысл которого состоял отнюдь не в простой смене правителей, а в существе и способе замены одного правителя другим. Впервые летопись зафиксировала изгнание и призвание князей вечевой общиной Киева*.

Произошедшие перемены были столь глубоки, что их можно уподобить революции. Такого рода аналогии уже проводились в исторической литературе. Киевские события 1068 г. Покровский назвал первой в русской истории революцией⁹³. Он считал ее народной⁹⁴. Это — явная модернизация. Перед нами общинная революция, утвердившая верховенство общины над князем. Разумеется, «кияне» шли к этому постепенно, по мере формирования и упрочения общинно-территориальных связей взамен родоплеменных. 1068 г. выступает в этом процессе в качестве переломного, после которого киевская городская община стремительно превращается в доминанту политического бытия, а вече (народное собрание) — в верховный орган власти, подчинивший себе в конечном счете княжескую власть. Новый порядок утвердился в общественном сознании, естественно, не сразу. Киевляне, совершившие «политическую революцию», еще колеблются в оценке содеянного. «Мы уже зло створили есмы, князя своего прогнавше», — говорили они⁹⁵. Но пройдет несколько десятилетий, и «людье киевстии» обретут полную уверенность в своем праве распоряжения киевским столом, заявив, что не хотят быть у князей «акы в задничи». Важным этапом на пути политического самоутверждения киевской вечевой общины стали потрясения 1113 г.

*«Киевские люди» принимали соборное решение на вече исходя из Веры Православной и Защиты Отечества и осудили своего князя Изяслава за преступление крестоцелования и отказ (как им представлялось) от решительной борьбы с половцами. Но изгнание князя Изяслава, поставленного на законное княжение митрополитом Киевским во Святой Софии, было делом незаконным, что вскоре кияне и осознали. (Прим. В.В. Бойко-Великого).

Примечания к главе 4

¹ ПВЛ. М.; Л., 1950. Ч. 1. С. 114.

² Там же.

³ Там же. С. 114–115.

⁴ Тихомиров М.Н. Крестьянские и городские восстания на Руси XI–XIII вв. М., 1955. С. 94. Ср.: Покровский М.Н. Избранные произведения. М., 1966. Кн. 1. С. 158.

⁵ См.: Грушевский М.С. Очерк... С. 68–69; Покровский М.Н. Избр. произв. Кн. 1. С. 158; Черепнин Л.В. Русская Правда (в краткой редакции) и летопись как источник по истории классовой борьбы // Академику Борису Дмитриевичу Грекову ко дню семидесятилетия. М., 1952. С. 95; Тихомиров М.Н. Древнерусские города. М., 1956. С. 187; Рыбаков Б.А. 1) Первые века. С. 99–100; 2) Киевская Русь... С. 440; Буганов В.Л. Очерки... С. 17.

⁶ Толочко П.П. Древний Киев. С. 210.

⁷ См.: Фроянов И.Я. Киевская Русь: Очерки социально-политической истории. Л., 1980. С. 121–122.

⁸ Пресняков А.Е. Лекции по русской истории. М., 1938. Т. 1. Киевская Русь. С. 170; Фроянов И.Я. Киевская Русь... С. 233–234; Фроянов И.Я., Дворниченко А.Ю. Города-государства Древней Руси. Л., 1988. С. 46. Ср.: Янин В.Л., Алешковский М.Х. Происхождение Новгорода // История СССР. 1971. № 2. С. 52.

⁹ Тихомиров М.Н. Крестьянские и городские восстания... С. 96.

¹⁰ Толочко П.П. Древний Киев. С. 200.

¹¹ Покровский М.Н. Избр. произв. Кн. 1. С. 158–159.

¹² ПСРЛ. М., 1962. Т. 1. С. 499.

¹³ См.: Грушевский М.С. Очерки... С. 69.

¹⁴ Рыбаков Б.А. Петр Бориславич: Поиск автора «Слова о полку Игореве». М., 1991. С. 39.

¹⁵ Пашуто В.Т. Черты политического строя... С. 25.

¹⁶ Толочко П.П. 1) Вече... С. 132; 2) Древний Киев. С. 220. Толочко полагает даже, что с подачи закулисных руководителей вече князю Изяславу выдвигались «заведомо невыполнимые требования, чтобы вызвать взрыв народного возмущения».

¹⁷ Отказ Изяслава выдать оружие и коней по-разному объяснялся историками. Согласно Карамзину, Изяслав был оскорблен своевољством киевлян. Среди советских историков получила распространение мысль о том, что Киевский Князь боялся вооружить народ, враждебно настроенный по отношению к нему (Мавродин В.В. 1) Очерки... С. 164; 2) Народные восстания... С. 61; Тихомиров М.Н. Крестьянские и городские восстания... С. 86; Рыбаков Б.А. 1) Первые века... С. 100; 2) Киевская Русь... С. 440; Буганов В.И. Очерки... С. 17). Черепнин, допуская боязнь князя выдать народу оружие, в то же время не исключал и того, что «коней и вооружения просто неоткуда было взять» (Черепнин Л.В. Общественно-политические отношения... С. 175). Последнюю идею Черепнина, высказанную еще Линниченко (Вече в Киевской области. Киев, 1881. С. 16), поддержал Толочко (Толочко П.П. 1) Вече... С. 131–132; 2) Древний Киев. С. 210).

Мы не знаем, имелись ли у Изяслава кони и оружие. Однако из летописи не видно, что он не располагал ими. Ведь князь «не послуша», т.е. не отказал за неимением того, о чем просили «кияне», а не согласился выдать требуемое, не пожелав тем самым продолжить войну с половцами. Почему он так поступил, остается только догадываться.

¹⁸ ПВЛ. Ч. 1. С. 114.

¹⁹ Татищев В.Н. История Российская. Т. II. С. 84.

²⁰ Соловьев С.М. Сочинения. М., 1988. Кн. 1. С. 672 (прим. 44).

²¹ Там же. С. 343–344. О неудовольствии и злобе на Коснячка писали и другие дореволюционные историки. См., напр.: Костомаров Н.И. Исторические монографии... Т. 1. С. 136; Грушевский М.С. Очерк... С. 69.

²² Тихомиров М.Н. Древнерусские города. С. 187.

²³ Черепнин Л.В. Общественно-политические отношения... С. 176.

²⁴ Тихомиров М.Н. Крестьянские и городские восстания... С. 94; Буганов В.И. Очерки... С. 18.

²⁵ См.: Лурье Я.С. Критика источника и вероятность известия // Культура древней Руси. М., 1966. С. 121–126.

²⁶ Соловьев С.М. Сочинения. Кн. 1. С. 672 (прим. 44). См. также: Лурье Я.С. Критика источника... С. 121–122.

²⁷ ПСРЛ. СПб., 1862. Т. IX. С. 95.

²⁸ Рыбаков Б.А. 1) Первые века... С. 101; 2) Киевская Русь... С. 441.

²⁹ Тихомиров М.Н. Крестьянские и городские восстания... С. 94–95. См. также: Костомаров Н.И. Исторические монографии... Т. I. С. 136.

³⁰ Там же. С. 86.

³¹ Мавродин В.В. 1) Очерки... С. 164–165; 2) Народные восстания... С. 61.

³² Алексеев Л.В. Полоцкая земля в IX–XIII вв. М., 1966. С. 247.

³³ Рыбаков Б.А. 1) Первые века...; 2) Киевская Русь... С. 441.

³⁴ См.: Грушевский М.С. Очерк... С. 69; Рыбаков Б.А. Древняя Русь. Сказания. Былины. Летописи. М., 1963. С. 91.

³⁵ ПВЛ. Ч. 1. С. 128.

³⁶ Там же. С. 114.

³⁷ Там же. С. 114–115.

³⁸ Пашуто В.Т. Черты политического строя... С. 26.

³⁹ ПВЛ. Ч. 1. С. 111–112.

⁴⁰ Там же. С. 112.

⁴¹ Там же. С. 115.

⁴² Там же. С. 116. Это подтвердит и сам Изяслав. «Видиши ли, колико ся мне сключи: первое, не выгнаша ли мене и именье мое разграбиша?» — говорил он брату своему Всеволоду (Там же. С. 132). Аналогичное признание читаем в летописном некрологе, написанном по случаю гибели Изяслава: «Колико бо ему створиша кияне: самого выгнаша, а дом его разграбиша...». См.: Там же. С. 134.

⁴³ См.: Фрэзер Дж. Дж. Золотая ветвь. М., 1980. С. 99–108.

⁴⁴ ПВЛ. Ч. 1. С. 115.

⁴⁵ См.: Рыбаков Б.А. Петр Бориславич... С. 37–45.

⁴⁶ ПВЛ. Ч. 1. С. 104.

⁴⁷ Словарь-справочник «Слова о полку Игореве». М.; Л., 1976. Вып. 1. С. 22–23.

⁴⁸ См.: *Фрезер Дж. Дж.* Золотая ветвь. С. 108–125.

⁴⁹ *Рыбаков Б.А.* Петр Бориславич... С. 44.

⁵⁰ См. главу 3 настоящей книги.

⁵¹ Еще Н. И. Костомаров отмечал, что разграбление имущества Изяслава произведено было в соответствии с понятиями того времени: имение винного и осужденного бралось «на поток». См.: *Костомаров Н. И.* Исторические монографии... Т. 1. С. 137.

⁵² *Хазанов А.М.* Социальная история скифов. М., 1975. С. 184.

⁵³ См.: *Фроянов И.Я.* Киевская Русь: Очерки социально-экономической истории. Л., 1974. С. 57–58.

⁵⁴ Ср.: *Мавродин В.В.* Народные восстания... С. 42; Черепнин Л.В. Общественно-политические отношения... С. 177.

⁵⁵ *Толочко П.П.* Древний Киев. С. 210.

⁵⁶ ПВЛ. Ч. 1. С. 132.

⁵⁷ Там же. С. 134.

⁵⁸ О дележе княжеского богатства говорит и Рыбаков. См.: *Рыбаков Б.А.* Петр Бориславич... С. 44.

⁵⁹ ПВЛ. Ч. 1. С. 116.

⁶⁰ См.: *Грушевский С.М.* Очерк... С. 72–73.

⁶¹ ПВЛ. Ч. 1. С. 116.

⁶² О причастности жителей Киевской волости к событиям 1069 г. свидетельствует и то, что Всеслав вышел против Изяслава с местным ополчением, которое комплектовалось и за счет «волощан». См.: *Фроянов И.Я.* Киевская Русь: Очерки социально-политической истории. С. 203–207.

⁶³ *Пашуто В.Т.* Черты политического строя... С. 26.

⁶⁴ ПВЛ. Ч. 1. С. 115.

⁶⁵ Переводчики Повести временных лет предлагают следующее чтение: «На утро же киевляне, увидев, что князь бежал, возвратились в Киев и устроили вече...». См.: Там же. С. 316.

⁶⁶ Толочко столь же беспочвенно рассуждает о «полоцко-черниговской партии», собравшейся якобы на вече 1069 г. См.: *Толочко П.П.* Древний Киев. С. 212.

⁶⁷ *Пашуто В.Т.* Черты политического строя... С. 26. В.В. Мавродин полагал, что угрожать уходом в Греческую землю могли «гости», а поджогом Киева — доведенная до крайности «простая чадь». См.: *Мавродин В.В.* Очерки... С. 166–167; 2) Народные восстания... С. 64–65.

⁶⁸ *Шахматов А.А.* Разыскания о древнейших русских летописных сводах. СПб., 1908. С. 457. По поводу угрозы киевлян переселиться в Греческую землю Воронин писал: «В этой угрозе явное отражение “пророчества” киевского волхва, предвещавшего “преступление земель” — массовый уход сельского населения, а в угрозе поджечь город чувствуется поддержка требований смердов киевским плебсом, низами городского люда». См.: *Воронин Н.Н.* Восстание смердов в XI в. С. 60.

⁶⁹ *Успенский Ф.И.* История Византийской империи. М.; Л., 1948. Т. III. С. 173–176.

⁷⁰ См.: *Тихомиров М.Н.* Крестьянские и городские восстания... С. 95; Черепнин Л.В. Общественно-политические отношения... С. 178. Другую версию раз-

вивает Толочко, уверенный в том, будто под термином «чадь» или «нарочитая чадь» летописцы всегда обозначают дружину или вооруженную личную охрану князя, боярина. У Толочко выходит, что в чади, казненной Мстиславом, надо видеть дружину Изяслава, по крайней мере, какую-то часть, принявшую сторону восставших и участвовавшую в извлечении Всеслава из поруба (*Толочко П.П. Вече... С. 134*). Построения автора нам представляются ошибочными. Во-первых, неправомерно ставить знак равенства между «чадью» и «нарочитой чадью». Во-вторых, если бы за «чадью», перебитой Мстиславом, действительно скрывались дружинники Изяслава, то, по аналогии с приводимыми П.П. Толочко примерами, они непременно бы фигурировали под наименованием «Изяславова чадь». Наконец, в-третьих (и это самое главное), Толочко заблуждается, когда утверждает, что термин «чадь» всегда у летописца обозначает дружину или вооруженную охрану. Не станем перебирать все примеры со словом «чадь» (см., напр.: ПСРЛ. Т. 1. Стб. 118, 147, 174, 227, 228, 249, 363, 370, 383, 415), а приведем один, наиболее характерный в данном случае. В 1171 г. на Русь напали половцы. Домой они возвращались «со множеством полона». Русские князья настигли их, часть «поганных избиша, а другия изымаша. а полон свои отъяша 400 чади и пустиша ю во свояси» (Там же. Стб. 363). Из летописного рассказа явствует, что «чадь» — жители древнерусских сел, захваченные в плен кочевниками (Там же. Стб. 362–363).

⁷¹ ПВЛ. Ч. 1. С. 116.

⁷² *Покровский М.Н.* Избр. произв. Кн. 1. С. 158.

⁷³ *Греков Б.Д.* Киевская Русь. С. 493.

⁷⁴ *Тихомиров М.Н.* Крестьянские и городские восстания... С. 100.

⁷⁵ *Мавродин В.В.* Народные восстания... С. 66.

⁷⁶ *Грушевский М.С.* Очерк... С. 74.

⁷⁷ См.: *Воронин Н.Н.* Восстание смердов в XI в. С. 61.

⁷⁸ ПВЛ. Ч. 2. С. 401.

⁷⁹ *Пашуто В.Т.* Черты политического строя... С. 26.

⁸⁰ *Толочко П.П.* Древний Киев. С. 212.

⁸¹ *Зимин А.А.* Холопы на Руси. М., 1973. С. 145.

⁸² Правда Русская. М.; Л., 1940. Т. I. С. 107.

⁸³ Тихомиров называет в данном случае биричей. См.: *Тихомиров М.Н.* Пособие для изучения Русской Правды. М., 1953. С. 92.

⁸⁴ Правда Русская. Т. I. С. 107.

⁸⁵ Там же. С. 110.

⁸⁶ *Тихомиров М.Н.* Пособие для изучения Русской Правды. С. 93.

⁸⁷ Именно такой обычай замечен у балтийских славян. См.: *Макушев В.* Сказания иностранцев о быте и нравах славян. СПб., 1861. С. 177.

⁸⁸ *Фроянов И.Я.* Киевская Русь: Очерки социально-политической истории. С. 30.

⁸⁹ ПВЛ. Ч. 1. С. 116.

⁹⁰ См.: *Каргер М.К.* Древний Киев. М.; Л., 1958. Т. I. С. 263–284; М.; Л., 1961. Т. II. С. 9; *Толочко П.П.* Древний Киев. С. 194–200.

⁹¹ *Колобова К.М.* Древний город Афины и его памятники. Л., 1961. С. 209–261.

⁹² Вряд ли можно поддержать дореволюционных историков, которые относили события 1068 г. к разряду народных восстаний и движений (см., напр.: *Андрияшев А.М.* Очерк истории Волынской земли до конца XIV столетия. Киев, 1887. С. 107–108; *Грушевский М.С.* Очерк... С. 70). В этих событиях, помимо простых людей, принимали участие, как мы уже отмечали, и знатные. Поэтому мы предпочитаем говорить о движении киевской общины в целом, а не ее низов.

⁹³ *Покровский М.Н.* Избр. произв. Кн. 1. С. 159.

⁹⁴ Там же. Кн. 3. С. 31.

⁹⁵ ПВЛ. Ч. 1. С. 116.

Глава пятая

ЮЖНАЯ РУСЬ НА РУБЕЖЕ XI–XII ВЕКОВ. «МЯТЕЖ И ГОЛКА» 1113 ГОДА В КИЕВЕ

§ 1 Вечевое (соборное) избрание Великим Князем Киевским Владимира Мономаха в 1113 году

На исходе XI столетия киевская община оказалась перед лицом социального кризиса, вызванного причинами как внешнего, так и внутреннего свойства. Перечень возникших бед, можно сказать, почти исчерпывающий, представил один безымянный древнерусский агиограф. Характеризуя двадцатилетнее правление князя Святополка (1093–1113 гг.), он писал: «Въ дъни княжения своего Кieve Святополк Изяславич много насилие створи и дома сильных искорени без вины, имения многим отым. Сего ради Бог попусти поганым силу имети на нь. И быша рати много от Половецъ, к сим же и усобице, и бы в та времена глад крепок и скудота велия в Русьской земли во всем»¹.

Многочисленные рати «от Половецъ» нанесли огромный урон Русской земле. «Города вси опустеша, села опустеша; преидем поля, иде же пасома беша стада конь, овця и волове, все тьще ноне видим, нивы поростыше зверем жилища быша», — с горестью восклицал летописец². Здесь, вероятно, есть элемент художественной гиперболизации. Однако несомненно то, что половецкие нашествия сопровождались жестоким разорением и опустошением русских городов и весей, отчего появилась масса обездоленных людей, неспособных выжить без посторонней помощи и создавших социальную напряженность в местном обществе.

Аналогичные следствия порождали умножившиеся в рассматриваемое время княжеские междоусобия, пагубные для простого люда. Методы обращения враждующих князей с рядовым населением обнажает Поучение Владимира Мономаха, где говорится, как Владимир, преследуя Всеслава, «пожег землю и повоевав до Лукамля и до Ло-

гожьска»³. Взяв Минск, он «не оставихом у него ни челядина, ни скотины»⁴. По сообщению Повести временных лет, Володарь и Василько Ростиславичи, выступив против Давыда, «придоста ко Всеволожу, а Давыд затворися Володимери. Онема же ставшима около Всеволожа, и взяста копьем град и зажгоста огнем, и бегоша людье огня. И повеле Василко исечи вся, и створи мщенье на людех неповинных, и пролья кровь неповинну»⁵. В свои драки князья нередко вовлекали половцев, в результате чего последствия межкняжеских войн становились еще более тяжкими. Кстати сказать, только что отмеченный нами погром Минска Мономахом был осуществлен с участием половцев⁶. Но особенно часто приводил «поганных на Русьскую землю» Олег Святославич, снискавший тем дурную славу у современников и потомков. Автор «Слова о полку Игореве», делая экскурс в прошлое, с исключительной выразительностью и глубиной отразил суть происходившего в ту пору: «Тогда при Олзе Гориславличи сеяшется и растяшеть усобицами; погыбашеть жизнь даждьбожа внука; в княжих крамолах вещи человекомь скратишась. Тогда по Руской земли ретко ратаеве кикахуть, нъ часто врани граяхуть, трупия себе дяляче...»⁷.

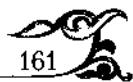
Вражда князей нарушала жизненно важные экономические связи между древнерусскими волостями. «Егда же Святополк с Давидом Игоревичем рать зачаста про Василькову слепоту, еже ослепи Святополк, послуша Давида Игоревича, с Володарем и с самим Васильком, — и не пустиша гости из Галича и лодей с Перемышля, и соли не бысть во всей Русьской земли... И бе видети в велице беде тогда сущая люди, изнемогыша откати и от глада, без жита и без соли»⁸.

Положение «простой чади», помимо войн, крайне осложняли стихийные бедствия. Под 1092 г. летописец извещает: «В се же лето ведро бяше, яко изгараше земля, и мнози борове възгарахуса сами и болота...». Засуха влекла за собой голод, а последний — смертные болезни. Не случайно здесь же сообщается о том, что «мнози человеци умираху различными недузи». Только за несколько месяцев («от Филипова дня до мясопуста») в Киеве было продано гробов 7 тысяч⁹. 1094, 1095, 1103 гг. отмечены налетами саранчи, поедавшей «всяку траву», «многа жита и проса»¹⁰. Люди остались без хлеба. Голодные годы ускоряли процессы имущественного и социального расслоения, накапливая в киевском обществе горючий материал.

С распадом родоплеменного строя и формированием территориально-общинных союзов изменилась политика социальной верхушки Киева. Вместо даней, собиравшихся с покоренных племен, основным

источником обогащения знати становились кормления, судебные штрафы, торговые пошлины и пр.¹¹ Перемену обстановки остро почувствовал составитель Начального свода, который писал, «како быша древнии князи и мужие их, и како отбараху Руския земле и ины страны придаху под ся; теи бо князи не збираху многа имения, ни творимых вир, ни продаж въскладаху люди; но оже будяше правая вира, а ту возмья, дааше дружине на оружие. А дружина его кормяхуся, воююще ины страны и бьющеся и ркуще: «братие, потягнем по своем князе и по Руской земле»; глаголюще: «мало есть нам, княже, двусот гривен». Они бо не складаху на своя жены златых обручей, но хожяху жены их в сребряных; и расплодили были землю Рускую». Автор взывал: «Братия моя возлюбленная, останемся от несытства своего, нь доволни будете уроки вашими»¹². Но то был глас вопиющего в пустыне. Действительность неумолимо разошлась с идеалами, воспитанными на примерах прошлого. Страсть к богатству стала повседневной приметой быта княжеско-дружинного сословия. Отсюда произвол и насилия, чинимые над простыми киевлянами. Вот лишь некоторые факты.

Князь Всеволод, просидевший на киевском столе 15 лет, в последние годы перед смертью (1093 г.) «нача любити смыслуных, свет творя с ними; си же начаша заводити и, негодовати дружины своя первая и людем не доходити княже правды, начаша ти унии грабити, людии продовати, сему не ведущу в болезнях своих»¹³. Свидетельство летописца о приязни к «уным» нельзя, как верно говорил Покровский, толковать так, будто Ярослав окружил себя легкомысленной молодежью. «Уные» — это новые выдвиженцы, оттеснившие «первую дружину», состоящую из «старых», родовитых мужей. По мнению Покровского, народу пришлось тяжело «не от того, что городовая аристократия потеряла власть; суть дела была в экономических условиях, в том засилье, какое стал избирать торговый, а вместе с ним, конечно, и ростовщический капитал»¹⁴. Историк прав в том, что причина ухудшения жизни народных масс заключалась не в утрате власти «городовой аристократией». Но приведенный летописный текст не дает оснований рассуждать о засильи торгового и ростовщического капитала. Суть конфликта, запечатленного летописцем, в борьбе за власть и влияние на князя внутри правящей элиты, т.е. между родовитыми ее представителями и худородными, или между старой и новой знатью¹⁵. Всеволод, как явствует из летописной записи, из-за болезней отошел от дел, чем и воспользовались «уные», которые, отстранив от власти «переднюю дружину», начали безудержно грабить и продавать

людей, а иначе — корыстно судить и править¹⁶. Вместо «княже правды» воцарились произвол и насилие. По логике вещей «уные», творившие беззакония и озабоченные лишь собственной выгодой, должны были стать на путь пособничества ростовщикам, что еще более накаляло страсти в обществе. Итог княжения Всеволода был удручающим. Когда сменивший его на киевском столе Святополк решил самостоятельно выступить против половцев, то сил для этого в волости не нашлось и «смыслении» говорили ему: «Наша земля оскудела есть от рати и от продаж»¹⁷. Киевская община, следовательно, оказалась по существу беззащитной перед внешним миром. Спаси ее мог только военный союз Святополка с другими князьями, прежде всего с Владимиром Мономахом, чей авторитет от этого возрос.

Святополк, как и его предшественники, княжил в Киеве не назидательно. Это был человек, по выражению Татищева, «вельми сребролюбив и скуп»¹⁸. Патерик Киево-Печерского монастыря сохранил конкретные эпизоды, связанные со Святополком и подтверждающие правоту прославленного историографа. После известного нам прекращения подвоза соли из Галича и Перемышля печерский инок Прохор наловчился изготавливать из пепла соль. Ее он и раздавал нуждающимся людям¹⁹, что очень не понравилось торговцам соли, которые на этом дефиците хотели «богатство много приобрести». Но за солью народ шел не на рынок, а к Прохору. Тогда торговцев объяла «печаль велиа», и они пожаловались на чернеца князю Святополку. Однако тот сам задумал поживиться, приказав взять «соль всю у мниха», чтобы продать по монопольной цене²⁰. Но едва ее привезли на княжий двор, как она превратилась в пепел. А в это время «приходящие же по обычаю множество народк, хотяще же взимати соль у блаженно-го. И уведевше пограбленье старче, възвращающесе тщама руками, проклиная сѣтворшаго сие. Блаженный же тем рече: «егда иссыпана будеть, и тогда, шедше, разграбите ю». Князь же, дрѣжав ю до трех дньех, повеле нощию изсыпати ю. Изсыпану же бывшу попелу, и ту абие преложиша в соль. И се уведевше, граждане, разграбиша соль»²¹. Черепнин предложил следующий комментарий к рассказу Патерика о милосердии Прохора: «Рассказ этот насыщен легендарными мотивами. Но его основа взята из жизни. Очевидно, Святополк был связан с купцами-ростовщиками и втянут в спекулятивные операции, совершавшимися с солью. Киево-Печерский монастырь также осуществлял сделки с солью и тем самым подрывал монополию купцов-оптовиков, поддерживаемых Киевским Князем. На этой почве и произошло стол-

кновение Святополка с монахом Прохором. Весь рассказ проникнут стремлением осудить первого и возвеличить последнего, как чудотворца и благодетеля народа. В действительности же, по-видимому, “мирская чадь” одинаково страдала и от непомерных цен на соль, установленных купцами, с ведома Святополка, на рынке, и от “благоденний” Прохора, вовлекавших голодных людей в кабалу. И то “разграбление” соли, о котором рассказывает Патерик, явилось по существу настоящим “соляным бунтом”. В Патерике есть любопытная деталь: Прохор толкнул “множество народа” на “грабеж”... Очевидно, умный и хитрый монах хотел отвести от монастырской братии выступление голодной бедноты, направив ее против своих конкурентов — князя и близких к нему представителей купечества. Рассмотренное народное восстание случилось... в период между 1097 и 1100 гг.»²².

Комментарий Черепнина от начала до конца тенденциозен, хотя автор и сопровождает его оговорками «очевидно», «по-видимому». Если оставаться на почве источника и сообщаемого им факта, а не исходить из теоретических постулатов и упрощенных классовых критериев, то картина окажется совсем иной: князь Святополк не был втянут, но сам влез в «спекулятивные операции» с солью; Киево-Печерский монастырь не торговал солью, а получал ее от изобретательного инок, удовлетворяя тем свои потребности; Прохор не кабрил голодных людей, раздавая им бесплатно соль и питая их хлебом, приготовленным из лебеды²³; никакого «соляного бунта» не было, поскольку «граждане», как повествует Памятник, просто расхитили соль²⁴, возникшую из пепла, выброшенного за ненужностью князем. Итак, продажа соли монастырем — досужий домысел историков, обусловленный их общими представлениями о социально-экономическом развитии Древней Руси. Патерик об этой продаже умалчивает.

Черепнин переусердствовал, стремясь обосновать мысль о народных движениях, произошедших якобы в княжение Святополка. Отсюда образ «соляного бунта», свидетельствующий больше о силе авторского воображения, чем о реальных исторических происшествиях. Разумеется, мы не хотим сглаживать остроту момента, переживаемого киевской общиной. Положение «киян», страдавших от пагубных войн, голода и произвола власть имущих, было очень тяжелым. Но до открытого восстания не дошло, быть может, по причине нескончаемых половецких вторжений, отодвигавших на второй план внутренние трудности и неурядицы²⁵. Это, конечно, не значит, что неправые дела Святополка не вызывали протеста в местном обществе. Известно, напри-

мер, что игумен Киево-Печерского монастыря Иоанн «обличаше его насытства ради, богатства и насилия ради». Разгневанный Святополк заточил старца в Турове, но вскоре, «убояся» Владимира Мономаха, «възврати с честию» в обитель²⁶. И все же до тех пор, пока над Русской землей нависала внешняя угроза, киевляне сохраняли определенную сплоченность. Лидеры киевской общины («смыслении», по терминологии летописателя) требовали от князей прекращения раздоров, бывших на руку половцам: «Почто вы распря имата меж собою? А погании губять землю Русскую. Последи ся уладита, а ноне поидита противу поганим любо с миром, либо ратью»²⁷. В 1097 г. князь «сняшася Любяти на устроенье мира, и глаголиша к себе, рекуще: «Почто губим Русскую землю, сами на ся котору деюще? А половцы землю нашу несут розно, и ради суть, оже межю нами рати. Да ноне отселе имемся в едином сердце, и блюдем Русские земли»...»²⁸.

Рыбаков считает, что «княжеские съезды не были средством выхода из кризиса. Благородные принципы, провозглашенные в живописном днепровском городке, не имели гарантий и оказались нарушенными через несколько дней после торжественного целования креста в деревянной церкви любечского замка»²⁹. С Рыбаковым можно согласиться лишь отчасти. Княжеские встречи сами по себе не являлись средством выхода из кризиса. Однако этим средством было прекращение межкняжеских усобиц, достигавшееся в той или иной мере с помощью подобных встреч. И несмотря на вражду, с новой силой разгоревшуюся буквально сразу после любечского съезда, князья, соединившись, разбили половцев. Случилось это в 1103 г. «Взяша бо тогда скоты, и овце, и коне, и вельблуды, и веже с добытком и с челядью, и заяша печенегы и торкы с вежами. И придоша в Русь с полоном великим, и с славою и с победою великою»³⁰. Наконец-то наступил перелом в борьбе со Степью. Военная удача сопутствовала «нашим» в 1106, 1107 и 1109 гг.³¹ А в 1111 г. состоялся поход русских воев в Половецкую землю. «Избьени была иноплеменнице многое множество, на реце Салнице... и взяша полон много и скоты, и кони, и овце, и колодников много изоимаша руками»³². То была грандиозная победа, слава о которой разнеслась не только по Руси, но и по дальним странам: Ромейской Империи, Венгрии, Польше, Чехии. Дошла она даже до Рима³³. Степняки надолго перестали тревожить русские земли. Они в страхе великом откочевывали порой за Дон и за Волгу, в степи Северного Кавказа и Южного Урала³⁴. С ликвидацией внешней угрозы внутренние противоречия в киевском обществе, сдерживаемые досе-

ле, вырвались наружу. В апреле 1113 г. в Киеве произошел социальный взрыв.

Имеются два описания событий 1113 г. Одно из них заключено в Ипатьевском своде: «Приспе праздник пасхы, и пражьноваша; и по празднице разболися князь; а преставися благоверный князь Михаил, зовемый Святополк, месяца априля в 16 день за Вышегородом, и привезоша и в лодыи Киеву, и спрятавше тело его, и възложиша на сани. И плакашеся по немь бояре и дружина его вся, певше над нимь обычныя песни, и положиша в церкви Святаго Михаила, иже бе сам создал. Княгини же (жена) его, много раздели богатство монастырем и попом, и убогим, яко дивитися всем человеком, яко такое милости никтоже можетъ створити. Наутрия же, в семы на 10 день, свет створиша Кияне, послаша к Володимеру глаголюще: “Поиде, княже, на стол отень и деден”. Се слышав Володимер, плакася велми, и не поиде жаля си по брате. Кияни же разьграбиша двор Путятин, тысячького, идоша на Жида и разграбиша я. И послаша паки Кияне к Володимеру, глаголюще: “Поиде, княже, Киеву; аще ли не поидеши, то веси, яко много зло уздвигнетъся, то ти не Путятин двор, ни соцьких, но и Жида грабити, и паки ти поидуть на ятровь твою и на бояры, и на манастире, и будеше ответ имел, княже, оже ти манастире разьграбятъ”. Се же слышав Володимер, поиде в Киев... Володимер Мономах седе Киеве в неделю. Устретоша же и митрополит Никифор с епископы и со всеми Кияне с честию великою. Седе на столе отца своего и дед своих; и вси людье ради быша, и мятежь влеже»³⁵.

Другая запись о киевских нестроениях 1113 г. содержится в Сказании о Борисе и Глебе, где вокняжение Мономаха в Киеве изображается несколько иначе, чем в Ипатьевской летописи: «Святополку преставишюся... и многу мятежу и крамоле бывъши в людях и мълве не мале. И тогда съвъкупивъшеся вси людие, паче же большии и нарочитии мужи, шедъше причтъм всех людии и моляху Володимера, да въшьд уставить крамолу сущюю в людях. И въшьд утоли мятежь и гълку в людях»³⁶.

Прежде всего привлекает внимание летописный рассказ о том, что Святополка оплакивали лишь бояре и дружина. Население Киева, по-видимому, не сожалело о нем³⁷. Да и сам летописец не стал распространяться о его достоинствах, хотя любил поведать что-нибудь доброе о каждом из умерших властителей³⁸. Сказывалась тут, вероятно, нелюбовь к Святополку и его правлению³⁹. Безудержное обогашение князя и дружинников, именуемое составителем Начального

свода «несытовством», было типичной чертой Святополкова княжения. Мы еще раз напоминаем об этом для того, чтобы лучше понять поведение вдовы усопшего, раздавшей несметные богатства, «яко двитися всем человеком, яко такое милости никтоже можетъ створити». Перед нами отнюдь не обычная милостыня, как полагают нередко историки⁴⁰, а институт, восходящий к доклассовой эпохе⁴¹. Мы знаем, что в древних обществах имущество вождя не являлось безусловной и неотчуждаемой личной собственностью. Община имела определенное право на него. Печать этого права, хотя и едва различимая, лежит и на княжеском добре⁴². Поэтому, когда тот или иной князь умирал, богатство, накопленное им, либо раздавалось публично, либо подвергалось грабежу, или общественному расхищению. Вдова Святополка предпочла первый вариант. Щедрости ее не было границ, что не случайно, ибо алчность Святополка, изнурявшая киевскую общину, требовала столь же впечатляющих общество действий, но теперь обратного свойства, т.е. проявление такой, по выражению летописца, «милости», которая, если б и не затмила у народа память о княжеском «несытовстве», то уж, во всяком случае, смягчила бы ее. Поступок княгини произвел должный эффект на «киян». Иначе они, несомненно, пошли бы грабежом на княжеский двор. Но этого не произошло. Добровольная раздача Святополкова богатства предотвратила, следовательно, осквернение обычаем разграбление.

Перед киевлянами возник вопрос, кому княжить в городе. Выбор пал на Владимира Мономаха. Кто пригласил Мономаха? Чьим ставленником он являлся? Ответ на заданные вопросы имеет очень важное значение для разумения существа апрельских событий 1113 г.

Оценка этих событий учеными во многом зависела от того, какому источнику отдавалось предпочтение: Ипатьевской летописи или Сказанию о Борисе и Глебе. Соловьев, Грушевский, Линниченко, опиравшиеся на Ипатьевскую летопись, писали о вечевом избрании Мономаха на княжеский стол всеми киевлянами⁴³. Приселков, доверявший более Сказанию о Борисе и Глебе, риторически вопрошал: «Не было ли дело так, что смерть Святополка вызвала попытку низов («людей») расправиться с правящими, так сказать княжескими, верхами, и не исходило ли приглашение Владимира на стол именно из круга «больших и нарочитых мужей» и монастырей, а не ото всех Киян, как изображает летопись⁴⁴.

Этот взгляд оказался привлекательным для советских историков. Еще Покровский считал, что инициатива приглашения Владимира

Мономаху шла сверху⁴⁵. Большинство новейших исследователей Древней Руси признают Мономаху ставленником знатных и богатых. К числу их относятся Греков, Мавродин, Будовниц, Смирнов, Рыбаков, Толочко и др.⁴⁶ Промежуточную позицию занял Черепнин: «Очевидно, решение о призвании Мономаху в Киев было принято представителями господствующего класса (местного боярства и верхов городского населения), но оформлено в виде вечевого постановления»⁴⁷. Не обошлось и без противоречий. Так, Тихомиров на одной странице своей книги о древнерусских городах заявляет, будто Мономаху пригласили на княжение «представители киевских верхов»⁴⁸, а буквально на следующей говорит о получении им княжеского стола из рук народа⁴⁹.

Мысль о появлении Мономаху в днепровской столице по воле боярства настолько увлекла некоторых историков, что для подкрепления ее они начали выдумывать подробности, отсутствующие в источниках. По словам Грекова, «Киев не был вотчиной Мономаху. Владимира выбрало вече, собравшееся на этот раз не на площади, где господствовал восставший народ, а в храме св. Софии, вместившем в себя боявшуюся народного гнева «степенную» публику»⁵⁰. В другой работе Греков о вече вообще не упоминает, сводя все к собранию верхов в Софийском соборе: «Напуганная (восстанием. — И.Ф.) феодальная знать и торгово-ремесленная верхушка Киева собралась в храме Софии и здесь решила вопрос о приглашении на княжение Владимира»⁵¹. В первом случае автор, рассуждая о собрании «степенной публики» в Софийском храме, ссылается на «Историю Российскую» Татищева, а во втором уже без всяких ссылок преподносит как бесспорный факт. Но у Татищева нет сведений о собрании бояр и верхушки посада в киевской Софии. В обеих редакциях его «Истории» говорится о том, что киевляне пришли «к церкви Святой Софии», сошлись «у Святыя Софии». Вот текст первой редакции: «По смерти Святополка кияне, сошедшеся на вече у Святыя Софии, избраша вси на великое княжение Владимира Всеволодовича»⁵². Во второй редакции сказано: «По смерти его (Святополка. — И.Ф.) киевляне, сошедшись к церкви Святой Софии, учинили совет о избрании на великое княжение, на котором без всякого спора все согласно избрали Владимира Всеволодовича»⁵³. Татищев пишет именно о «всеобщем избрании» Владимира на княжение киевское. Читаем: «Сие избрание государя погрешно внесено: ибо по многим обстоятельствам видим, что силы киевлян в том не было и брали сущие наследники по закону, или по заветам, или силою»⁵⁴. С.М. Соловьев находил в приведенных словах

«лучшее доказательство добросовестности Татищева: ему не нравился факт избрания, и, однако, он оставил его в тексте»⁵⁵. Из Татищевского примечания И.И. Смирнов также заключил, что текст об избрании Мономаха на киевское княжение «никак не являлся продуктом творчества Татищева, а извлечен им из источника»⁵⁶. Едва ли прав Пештич в том, что «Татищев в силу своих монархических убеждений хотел представить избрание Владимира Мономаха на Киевский стол как дело знати, а не всего населения города, поэтому он место избрания не без умысла перенес к Святой Софии»⁵⁷. Татищев недвусмысленно говорит о вечевом, «всеобщем» избрании киевлянами Мономаха, а не одной лишь знатью.

Греков не только прошел мимо этого красноречивого известия историка, но и приписал ему мысль о собрании знати в Софийском соборе, тогда как у него речь идет о сходке киевлян возле церкви. Пештич указывал на то, что свидетельство Татищева о месте избрания Владимира Мономаха Киевским Князем было усилено Грековым, который, не довольствуясь Татищевским сообщением о собрании киевлян у церкви Софии, перенес это собрание внутрь храма⁵⁸. Рыбаков же объявил Владимира Мономаха боярским князем⁵⁹.

Описание случившегося весной 1113 г. в Киеве сохранилось, как уже отмечалось, в Ипатьевской летописи и в Сказании о князьях Борисе и Глебе. В качестве дополнения к ним служат Татищевские сведения, извлеченные, вероятно, автором «Истории Российской» из недошедших до нас письменных памятников и могущие, следовательно, быть использованы «как источник для изучения политических событий в Киеве в момент вокняжения Владимира Мономаха»⁶⁰. Возникает вопрос, ко всем ли названным источникам можно относиться с одинаковым доверием?

Смирнов, вслед за Приселковым, выделял Сказание о Борисе и Глебе, полагая, что оно является более достоверным, чем соответствующий рассказ Ипатьевской летописи. Ценными для воссоздания киевских событий 1113 г. он считал и Татищевские известия⁶¹. Что касается Ипатьевской летописи, то ее повествование показалось Смирнову апологитическим в отношении Мономаха, поскольку текст этой летописи в интересующей нас записи «восходит к третьей редакции Повести временных лет, наиболее промонаховой по своей тенденции». Отсюда Смирнов сделал вывод: «картина всенародного избрания и призвания Владимира Мономаха», нарисованная Ипатьевской летописью, «далека от объективного изображения событий»⁶².

Аналогично рассуждает Черепнин: «Гораздо дальше (по сравнению со Сказанием о Борисе и Глебе. — И.Ф.) от реальной действительности отстоит сообщение Ипатьевской летописи. В нем ощущается тенденция представить Владимира Мономаха выразителем народных интересов»⁶³. Однако полностью отрешиться от Ипатьевской летописи ученый все же не рискнул, признав, что, «несмотря на идеализацию Мономаха и неверную оценку его роли в событиях классовой борьбы, происходившей в Киеве в 1113 г., само описание народного восстания дано в Ипатьевской летописи более ярко и колоритно, чем в Сказании о Борисе и Глебе»⁶⁴.

Внимательный текстовый анализ показывает, что Ипатьевская летопись, Сказание о Борисе и Глебе, а также Татищевские известия в принципе едины, дополняя друг друга лишь в некоторых подробностях⁶⁵. Единство обнаруживается в самом главном: вечевом избрании Мономаха на киевское княжение. Согласно Ипатьевской летописи, «кияне», собравшись для совета, т.е. сойдясь на вече, «послаша к Володимеру, глаголюще поиди, княже, на стол отен и деден»⁶⁶. Вечевую деятельность подразумевает и Сказание о Борисе и Глебе, сообщая о «молве не мале», бывшей среди людей⁶⁷. В «Истории» Татищева о вече сказано со всей определенностью⁶⁸.

Социальная принадлежность участников вече не требует особых изысканий, ибо тут для нас нет какой-нибудь загадки. Если Ипатьевская летопись дает вечникам общее название «кияне», не разделяя их на общественные группы, то Сказание выделяет из массы людей, думавших на вече, «больших» и «нарочитых» мужей, свидетельствуя о сложном составе вечевого собрания. У Татищева среди «киян», участвовавших в вечевом сходе, выступают «мужи знаменита», или «знатнейшие люди». Все это побуждает говорить о киевском вече 1113 г. как народном собрании, где знатные играли важную, но не решающую роль. Следовательно, Мономаха на княжение избрало население города, а не кучка местной знати.

Рассматривая политическую обстановку в Киеве, сложившуюся в апреле 1113 г., Смирнов характеризовал ее как необычную и исключительную, что проявилось «уже в факте избрания Мономаха “на великое княжение” вечем, — случай безпрецедентный для Киева, если не считать провозглашения восставшими киевлянами в 1068 г. Киевским Князем Всеслава Полоцкого»⁶⁹. Впечатление исключительности и необычности ситуации 1113 г. в Киеве происходит у Смирнова, как нам кажется, от поверхностной оценки обстоятельств «провозгла-

шения» Всеслава киевлянами своим князем. События 1068–1069 гг. в днепровской столице — существенная веха в истории становления народовластия в Киевской земле, выражением которой являлась деятельность веча, притязавшего на высшую власть, включая и распоряжение княжеским столом⁷⁰. Поэтому избрание Мономаха «на великое княжение» есть продолжение и укрепление политического верховенства киевского веча, явственно обозначившегося во время политического переворота 1068 г. в Киеве.

Вместе с тем апрельское вече 1113 г. уже не то, что было раньше, в памятном 1068 г. Оно действует с полным сознанием своих возможностей, ставя вечевою волю выше права князей, претендовавших на киевский стол согласно принципам родового старейшинства или принятого недавно на Любечском съезде порядка «отчинного» наследия княжений. Примечательно и само место, где собирается вече. Благодаря Татищеву мы знаем, что место это находилось «у Святыя Софии»⁷¹. Проведение вечевых собраний подле главного храма Киевской волости освящало их деятельность, сообщая принимаемым на них решениям особый авторитет и силу. Столь престижное расположение веча свидетельствует о нем как о высшем органе власти городской общины.

Остановив свой выбор на Владимире Мономахе, вече направило к нему депутацию с приглашением занять киевский стол. Ипатьевская летопись о посланцах говорит общо и глухо («свет створиша Кияне, послаша к Володимеру»). Кого «послаша», понять из данного текста невозможно. И здесь ясность вносит Сказание о Борисе и Глебе, где читаем, как все люди, «паче же большии и нарочитии мужи», пошли к Владимиру «причѣтъм всех людий». Слово «причѣтъ» тут употребляется в смысле собрания, собора⁷². Значит, с собрания всех людей, т.е. с веча, «большие и нарочитии мужи» отправились к Мономаху, уполномоченные на то «причѣтъм всех людий», или вечевой сходкой. Точно так же изображает события и Татищев. В первой редакции его «Истории» повествуется о «киянах», которые после вечевого решения о призвании Мономаха на великое княжение, избрав «мужей знаменитых», послали за князем⁷³. Во второй редакции это сообщение оставлено без изменений: «Киевляне по всеобщем избрании на великое княжение Владимира немедля послали к нему знатнейших людей просить, чтоб, пришед, приял престол отца и деда своего»⁷⁴.

На основании Сказания и Татищевских известий заключаем: «кияне», сошедшиеся на вече, направили к Владимиру специальное посоль-

ство, составленное из знатных мужей⁷⁵. Князь, однако, не принял якобы приглашение и отказался ехать в Киев. В чем причина его отказа?

Летописец мотивирует нежелание Мономаха сесть в Киеве какой-то душевной скорбью, вызванной сообщением о смерти Святополка («се слышав Володимер, плакася велми, и не поиде жая си по брате»). По Татищеву, князь не поддался уговорам, трезво рассудив: «Да не како Святославичи, яко большаго брата сынове зарезав, востанут на мя и изженут от Киева». Он даже задумал «послати ко Давидови уладитися о сем без пря»⁷⁶. Во второй редакции Татищевской «Истории» слог более прозаичный: Владимир «в Киев идти не хотел, рассуждая, что Святославичи Давид и Олег, яко старейшего брата дети, могут войну противо его начать, и для того к ним послал, желая о том договор безсорной учинить»⁷⁷. Карамзин, соединив Ипатьевский и Татищевский варианты, писал: «По смерти Святополка-Михаила граждане Киевские, определив в торжественном совете, что достойнейший из Князей Российских должен быть Великим Князем, отправили Послов к Мономаху и звали его властвовать в столице. Добродушный Владимир давно уже забыл несправедливость и вражду Святополкову: искренно оплакивал его кончину, и в сердечной горести отказался от предложенной ему чести. Вероятно, он боялся оскорбить Святославичей, которые, будучи детьми старшего Ярослава сына, по тогдашнему обыкновению должныствовали наследовать престол Великокняжеский»⁷⁸. По мнению Соловьева, Владимир не пошел в Киев, «уважая старшинство Святославичей»⁷⁹. Согласно Костомарову, Мономах лишь медлил⁸⁰. Он хитрил, стремясь «уклониться от суда над теми, которые были обречены уже на кару народом; как князь, он должен был судить их; он расчел, что или наживет тогда себе врагов, или не угодит народу, если станет охранять тех, которых народ невзлюбил, и лучше предоставил народу расправиться с нелюбыми себе по своему желанию прежде чем он, Владимир, прибудет»⁸¹. Грушевский полагал, что законным преемником умершего Святополка был его старший сын Ярослав. А Мономах не имел права на киевский стол. Известному своей «легальностью» Владимиру «недостаточно было народного избрания», почему князь и не пожелал ехать в Киев⁸². С точки зрения соглашений 1097 г. в Любече оценил поступок Владимира Мономаха известный историк русского права Сергеевич. «Владимир, — говорил он, — отказался принять киевскую волость по первому приглашению, конечно, не потому, что “жалел” умершего брата, а потому, что на основании Любецкого договора он не должен

был занимать Киева»⁸³. По предположению Сергеевича, «отказ» князя от Киева был решительный⁸⁴.

Вопрос о том, почему Мономах ответил «отказом» на первый призыв киевлян, занимал и советских ученых. Греков считал, что причиной тут явилась неохота князя вмешиваться в киевские дела⁸⁵. Нежеланием занять киевский стол, получив его из рук простых киевлян, объясняет суть дела Тихомиров⁸⁶. Мавродин, подобно Сергеевичу, ссылается на постановление Любечского съезда. «Отказ Мономаха, — пишет он, — не трудно понять, если вспомнить, что именно по его инициативе с целью прекращения княжеских усобиц в 1097 г. в Любече был созван съезд князей, согласно решению которого каждый из князей должен был владеть тем княжеством, в котором княжил отец, и не претендовать на чужие владения. Киев не был «отчиной» Владимира Мономаха, и хотя киевский престол одно время занимал его отец, Всеволод Ярославич, но по завещанию Ярослава Мудрого стольный город Руси принадлежал другому его сыну, Изяславу, сын которого Святополк своими действиями и вызвал восстание. Явиться в Киев княжить для Мономаха означало поправить решение Любечского съезда, гласившее: «каждый владеет отчиной своей». Этим и объясняется его отказ от предложения занять киевский престол»⁸⁷. Иначе видится «отказ» Владимира Всеволодовича идти в Киев Смирнову. По убеждению исследователя, он основывался на восприятии князем политической ситуации в столице Русской земли как неблагоприятной для себя. «Можно полагать, — рассуждает И.И. Смирнов, — что показателем такой ситуации для Мономаха явился именно вечевого характер избрания его кандидатуры на киевский стол. То, что «именитым мужам» для решения вопроса о кандидатуре Мономаха на киевский стол понадобилось прибегнуть к созыву веча, свидетельствовало о том, что занятие киевского стола Мономахом в легитимном, законном порядке, как преемника Святополка, было исключено. Иными

* Владимир Мономах как потомок Ромейских Императоров (по своей бабушке — греческой царевне) имел явные преимущества перед старшими родственниками князьями. Ввиду того же его прадед равноапостольный Князь Владимир и дед благоверный Князь Ярослав Мудрый были василевсами (соправителями) Ромейского Императора, а Русь в некотором смысле рассматривалась окраинной частью Ромейской Империи — Православной Империи. (Прим. В.В. Бойко-Великого).

словами, это означало, что кандидатура Мономаха была выдвинута на вече в противовес другой, законной кандидатуре преемника Святополка на киевский стол. Не может быть никакого сомнения в том, что такими законными преемниками Святополка и кандидатами на киевский стол являлись Святославичи, Давид и Олег, представители средней из трех княжеских линий потомков Ярослава (Изяславичи, Святославичи, Всеволодовичи)⁸⁸.

Воспроизводя обстоятельства вокняжения Владимира Мономаха в Киеве, поделимся в первую очередь своими сомнениями по поводу «отказа» любимца «киян» занять предлагаемый ему стол. Еще Погодину данный отказ представлялся не очень обоснованным. Он замечал: «Из летописи не видим, чтобы Владимир отказывался: он только не шел немедленно; следовательно, кажется, нет нужды и объяснять его отказ»⁸⁹. Действительно, из слов летописца о том, что Владимир «не поиде жая си по брате», никак не вытекает, будто он напрочь отказался ехать в Киев. Показательно и то, что в Сказании о Борисе и Глебе вообще ничего не говорится об отрицательном отношении Мономаха к предложению киевского веча. Его позвали «установить крамолу сущую в людях», и он, тотчас войдя в Киев, «утоли мятежь и гълку в людях».

У нас есть дополнительные соображения, усиливающие подозрение относительно догадки об отказе Владимира Мономаха сесть на киевское княжение. Исследователи обычно не обращают внимания на довольно короткий срок, прошедший от смерти Святополка до прихода Мономаха в Киев: 16–20 апреля⁹⁰. На другой день по кончине Святополка (17 апреля) состоялось вече, где «кияне» согласились призвать Владимира. Следовательно, за 4 дня (17–20) им удалось отправить первое посольство в Переяславль к Мономаху, дождаться его возвращения, пережить грабежи, причем, не стихийные, но, как мы покажем ниже, организованные, послать вторую делегацию и снова ждать ее, устроить встречу князю. Едва ли все это могло произойти в столь сжатое время. Одни поездки вечевых посланцев в Переяславль и обратно требовали, по-видимому, не меньше 3–4-х дней. Вспомним о самом Мономахе, который сотни раз скакал из Чернигова в Киев, покрывая расстояние между городами за день, до вечерни⁹¹. Князь похвалялся этим как своим удалым достижением. По словам Рыбакова, «такую бешеную скачку на 140 км можно было осуществить только при системе постоянных подстав, расставленных на пути»⁹². Если учесть, что от Киева до Переяславля лежит дорога длиной в 75 км,

будет ясно: при особо быстрой езде попасть из одного города в другой менее чем за полдня было тогда невозможно. При нормальном же передвижении на это уходил, вероятно, целый день. Вряд ли вечернее посольство несло вскачь из Киева в Переяславль и из Переяславля в Киев. Значит, послам для поездки в один конец нужен был, по крайней мере, день.

Произведенные прикидки делают проблематичным приезд Мономаха в днепровскую столицу непосредственно из Переяславля. В чередѣ произошедших в Киеве событий и в пределах указанного летописцами времени такой переезд выглядит неправдоподобно. Скорее всего, князь перед своим въездом в город находился где-то неподалеку от него⁹³. Но коль это так, мы имеем основание еще раз усомниться в отказе Мономаха идти «на стол отень и деден». По всей видимости, он выжидал, следя за положением дел в Киеве. А там шел ожесточенный спор между сторонниками Владимира и его противниками, ратовавшими за Давыда и Олега Святославичей⁹⁴. Сшибка соперничающих группировок происходила на вечевых собраниях, что засвидетельствовало Сказание о Борисе и Глебе, говоря о «молве не мале» среди людей.

Политическая ситуация в Киеве осложнялась вмешательством в события иудейской общины, которая, по выражению Татищева, «сму-ту людем творяху»⁹⁵. Ее представителям было далеко не безразлично, кто станет Киевским Князем. Разумеется, их озабоченность обуславливалась сугубо земными интересами. Если верить Татищеву, иудеи в правление Святополка получили «многие пред христианы вольности», отчего «многие христиане торгу и ремесл лишились». Приобретенные выгоды они надеялись удержать с помощью Святославичей, что вполне понятно, ибо Олег Святославич, тесно связанный с Тмутараканью, всячески оберегал «козарскую» торговую корпорацию, чем, по словам современного исследователя, и «привлек к себе иудейскую общину Киева, которая после смерти Святополка выступила на стороне киевского тысяцкого, добивавшегося возведения на великое княжение Олега или его брата Давыда». Это и есть, вероятно, та «сму-та», которую иудеи, согласно Татищеву, «людем творяху». Похоже, в числе ее сеятелей оказался тысяцкий Путята — человек, близкий князю Святополку, покровительствовавшему ростовщикам-иудеям. Путяту, по-видимому, поддерживали сотские и, надо думать, не без корысти. Тысяцкий и сотские потянули за собой какую-то часть ки-

евлян. Так образовалась группа сторонников Святославичей, вступившая в борьбу с приверженцами Мономаха.

Страсти в городе накалились. Исход противоборства предугадать было трудно. Именно эта неопределенность (а не доводы насчет «легитимности», «законности») прежде всего побуждала приглашенного князя не спешить с приездом в Киев. Однако все решили рядовые «кияне», предпочитавшие Владимира Мономаха. Они расстроили политические планы Путяты и его вдохновителей самым энергичным образом: «Кияни же разъграбиша двор Путятин, тысяцкого, идоша на жида и разграбиша я». Соответствующее сообщение Татищевской «Истории» раскрывает смысл акции «киян», подтверждая только что высказанное нами предположение. В ней читаем: «Кияне же, не хотяще имети Святославичи, и мнози возмутившися, и разграбиша двор Путяты тысяцкого, идоша же на жида, многии избиша, и дома их разграбиша, зане сии многу тщету и смуту людем творяху». И.И. Смирнов был прав, утверждая, что «ценность этого сообщения совершенно исключительна. Оно дает возможность проникнуть в то, что составляло, так сказать, самый нерв политической ситуации в Киеве в 1113 г. ... Татищевский рассказ о Святославичах и Путяте раскрывает реальные обстоятельства начала восстания 1113 г. и объясняет факт разграбления двора Путяты, что явилось формой борьбы возмущившихся киевлян против Путяты и поддержки им Святославичей». К этому, верному по сути наблюдению, следовало бы добавить следующее: Татищевский рассказ, помимо разграбления двора Путяты, объясняет факт грабежа иудейских домов, подавая его как форму «борьбы возмущившихся киевлян» против радеющих Святославичам иудеев. К сожалению, Смирнов не до конца последователен, когда утверждает, будто «кандидатура Мономаха» не выдвигалась восставшими киевлянами». Если это так, то в чем источник возмущения киевлян против поддержки киевским тысяцким Святославичей? Логично предположить, что они противопоставляли Давыду и Олегу другую кандидатуру, т.е. Мономаха. Непоследовательность Смирнова связана с желанием автора вывести массы киевлян из области политики в сферу классовой борьбы. Свое стремление исследователь наглядно демонстрирует такими, например, словами: «Вспыхнувшее как возмущение против Путяты и его политики, восстание киевских низов ни в коей мере не было восстанием “за Мономаха”, а с самого начала приобрело ярко выраженный социальный, антифеодальный характер. И если первыми под ударами восставших оказались боярский двор киевского тысяцкого

и дворы еврейских (хазарских?) гостей и купцов, то затем угроза нависла не только над “боярами”, но и над “монастырями” и даже над вдовой Святополка, на которых собирались идти восставшие».

Смирнов не одинок в попытках затушевать политический момент в движении «киян». Вопреки показаниям летописи, Толочко говорит: «Когда в 1113 г. киевляне узнали о смерти Святополка, это послужило сигналом к восстанию. Народ начал громить дворы бояр и воевод, кварталы, населенные ростовщиками, и даже угрожал княжескому двору и монастырям». Легко заметить, как Толочко сгущает краски, рисуя картину погрома дворов бояр и воевод, тогда как летописец повествует о разграблении дворов Путяты и ростовщиков-иудеев, живших компактно в одном из кварталов Киева⁹⁶. Ни бояр, ни воевод, по летописи, народ не грабил, хотя, быть может, к тому все и клонилось. В результате же авторских новаций исчезает политический порыв рядовых киевлян, а социально-классовые мотивы их действий приобретают всеобъемлющее значение.

К затемнению политической направленности выступления «киян» ведет также идея о разрастании и углублении восстания 1113 г., предполагающая в качестве доминирующих только классовые интересы противоборствующих сторон⁹⁷.

Обсуждаемая тенденция преломилась и в попытках историков рассматривать грабеж иудеев с экономической всецело точки зрения как следствие злоупотреблений на почве ростовщичества. Для примера назовем Тихомирова, который писал: «Известно, что евреи были банкирами средневековья, через руки которых проходили большие денежные суммы. В таком большом и торговом городе, каким был Киев начала XII в., участие евреев в экономической жизни было несомненно деятельным. Евреи должны были принимать участие в ростовщических операциях Святополка и его тысяцкого Путяты. Этим объясняется нападение киевлян на еврейский квартал. Подобные же нападения на евреев делались в Западной Европе в том же XII в. под явным влиянием некоторых кругов католического духовенства»⁹⁸.

В исторической литературе существует и такое мнение, согласно которому разграбление иудейских дворов было инспирировано киевской знатью ради собственного спасения. «Поднявшиеся низы, — утверждал Покровский, — и на этот раз обнаружили так же мало сознательности и организованности. Их удалось натравить сначала на иноземных представителей капитала: “идоша на жида и разграбиса я”. Но провокация даже с первого раза удалась не вполне: рядом

с “жидами” пострадал и двор Путяты тысяцкого...”⁹⁹. Покровский, следовательно, отделяет Путятю от ростовщиков, превращая последних в невинные жертвы слепой ярости народной. Искусственность произведенной историком операции нам представляется очевидной.

Необходимо отметить, что ученым кривотолкам о киевских грабежах способствовал во многом сам летописец, поставивший в единый ряд действия «киян», как состоявшиеся, так и возможные: «то ти не Путятин двор, ни соцьких, но и Жидаы грабити, и паки ти пойдуть на ятровь твою и на бояры, и на монастыре»¹⁰⁰. Этим летописатель как бы смазывает принципиальное различие между грабежами дворов тысяцкого, сотских и ростовщиков, с одной стороны, а также вероятными грабежами монастырей, дворов мономаховой «ятрови» и бояр, — с другой. Проще простого сослаться здесь на небрежность летописной записи или утверждать, что летописец не уловил данное различие, поскольку оно вообще не существовало. Думается, все обстояло гораздо сложнее. Перед нами позиция древнего книжника, сочувствующего Мономаху и озабоченного политическим престижем князя. Поэтому его рассказ проникнут духом солидарности «киян» по отношению к Владимиру как желанному всеми правителю. В действительности же выдвижение кандидатуры Мономаха на киевский стол сопровождалось довольно острой политической борьбой, в которой на стороне Мономаха выступала основная масса киевлян, т.е. рядовые жители города, а на стороне Давыда и Олега Святославичей — местная знать во главе с тысяцким Путятой, представители администрации (сотские), еврейская община¹⁰¹. Эта борьба вышла за рамки вечевых прений и обрела форму грабежа домов противников призвания в Киев Владимира Мономаха.

Несмотря на указанную тенденциозность летописца, его рассказ все-таки позволяет уяснить важнейшие моменты киевской эпопеи 1113 г. Существенное значение для понимания их сути имеет заключенная в нем последовательность событий, оставляемая без внимания исследователями. И тут надо заметить, что «кияне» подвергли грабежу двор тысяцкого и еврейский квартал не сразу после смерти Святополка, а по истечении некоторого времени, когда вернувшиеся из Переяславля посланцы киевского веча сообщили об отказе Мономаха занять великокняжеский стол¹⁰². Можно полагать, что этот грабеж явился своеобразной реакцией «людьа» на известие о мономаховском отказе. Почему так случилось легко догадаться: Путята возглавлял тех, кто противился приезду приглашенного князя, пренебрегая мнe-

нием вечевого большинства. По-видимому, «кияне» пошли грабежом на Путятин двор прямо с вече. Данное предположение не покажется беспочвенным, если согласиться с тем, что отправленные вечем к Мономаху послы должны были на вече же сообщить о результате своей поездки. Но это еще не все: в летописном повествовании находим интересную деталь, убеждающую в правомерности нашей догадки. В летописи читаем, как Владимир «не поиде» в Киев, печалась «по брате». И тогда киевляне «разъграбиша двор Путятин, тысячького, идоша на Жидаы и разграбиша я». Обратим внимание на то, что «кияном» не потребовалось идти к дому Путяты, а вот ко дворам ростовщиков они «поидоша». Историки обычно не задерживаются на указанных подробностях, хотя в них заложена ценная для историка информация. Смысл ее состоит в том, что участники столичного вече собрались, как и в прошлый раз, у св. Софии, где выслушав послов, известивших насчет ответа Мономаха, приняли решение о немедленном разграблении дворов тысяцкого Путяты и ростовщиков-иудеев, творивших, по выражению В.Н. Татищева, смуту среди людей в городе. Отсюда ясно, что вину за отказ Владимира княжить в Киеве вечники возложили прежде всего на Путяту и еврейскую общину. Первым был разграблен двор Путяты, поскольку он, вероятно, располагался поблизости от Софийского собора, т.е. в престижном центре Киева, что соответствовало высокому общественному рангу его владельца — киевского тысяцкого. Вот почему летописец не пользуется словом «идоша», рассказывая о грабеже двора Путяты. И это понятно: Путятин двор был где-то рядом с местом вечевой сходимки. Иное дело дворы иудеев, которые находились в северо-западной части «города Ярослав» у так называемых Жидовских ворот, обязанных своим названием прилегавшему к ним еврейскому кварталу¹⁰³. Туда вечникам нужно было идти, преодолев значительно большее расстояние, чем до двора Путяты. Поэтому в летописи и сказано: «идоша на Жидаы». Однако при всем том грабеж как двора Путяты, так и домов киевских процентщиков отсутствовал по общему замыслу и в качестве меры, парализующей политическую активность противников призвания в Киев на княжение Владимира Мономаха. Следовательно, мы наблюдаем организованную вечевою акцию, а не стихийное расхищение имущества богатых бедным людом, как это изображается современными отечественными специалистами, изучающими историю Древней Руси. Примечательны в данной связи суждения дореволюционных историков.

Костомаров, например, писал: «По русскому обычаю те, которые были виновны против народа, отдавались на поток, то есть на разграбление: таким образом ограбили жидов, ограбили двор Путяты тысяцкого и сотских»¹⁰⁴. Мнение Костомарова скептически воспринял Грушевский. «Но едва ли, — говорил он, — этот погром имел такой юридический характер (поток и разграбление)»¹⁰⁵.

Грабежи киевского тысяцкого и сотских имели прежде всего политический характер, обусловленный борьбой вокруг великокняжеского стола. Эти грабежи живо напоминают сцены из жизни Новгорода, где участники вечевых собраний карали подобным образом новгородских бояр, поддерживавших князей, неугодных массе новгородцев¹⁰⁶. Но помимо политического содержания, разграбления несли на себе печать социального протеста и вдохновляемого обычным правом перераспределения частных богатств на коллективной основе, практиковавшегося эпизодически, от случая к случаю, в обществах переходного типа с незавершенным процессом классовообразования. Толчком к этому нередко служили изгнание или смерть князя, вызвавшего массовое недовольство своим правлением. Именно таким и было, как мы знаем, княжение Святополка, который разными «неправдами» привел в негодование «киян». Грабеж княжеского двора предупредила вдова усопшего, раздав безчисленные Святополковы богатства. Поэтому киевляне начали грабеж не с княжеского «имения», а с имущества близко стоявшего к Святополку тысяцкого Путяты и связанных с ним сотских. Конечно, было бы ошибкой отрицать наличие в действиях «киян» социального сопротивления, вызванного безудержным «несытовством» княжих мужей, попирающих ради обогащения закон и старину, столь чтимую в древних обществах.

С большей силой социальное возмущение проявилось в разграблении квартала, где жили ростовщики, озлобившие «киян» непомерными «резами»¹⁰⁷. Кабала в Киевской земле в рассматриваемое время приобрела характер настоящего общественного бедствия, с чем «людьє» не хотели мириться. Однако непосредственной причиной грабежа иудеев было их вмешательство в политическую жизнь местной общины, преследующее цель посадить на княжеском столе своего ставленника. С точки зрения юридической грабеж ростовщиков, осуществленный по вечевому приговору, следует квалифицировать как «поток и разграбление» — наказание, имевшее общественное значение. Оно, по словам Костомарова, состояло в том, что «народная толпа бросалась на двор осужденного и расхватывала его имущество,

самый двор и хоромы разносили, иногда выжигали; его имение конфисковали». Нечто подобное и произошло с ростовщиками, переполнившими чашу терпения «киян». Однако в исторической литературе предпринимались неоднократные попытки изобразить разграбление еврейского квартала как заурядный погром. В качестве примера укажем на Грушевского, который в поведении «киян» видел погромы и буйства, причем «людей худых и бедных». По словам Л.Н. Гумилева, в 1113 г. «произошел первый в Киеве еврейский погром. Киевляне расправились с еврейскими купцами и их сторонниками, действуя с истинно народным размахом. Не все в Киеве одобряли стихийно возникшие действия киевлян. Богатые бояре понимали, что аппетит приходит во время еды, а значит, это безобразие может коснуться и их. Поэтому они послали депутацию во главе с митрополитом к Владимиру Мономаху, правителю сильному и достаточно популярному». К столь же прозаическому истолкованию грабежа евреев «киянами» склоняются и новейшие еврейские историки. Так, Феликс Кандель пишет: «Великий Князь Святополк II хорошо относился к евреям, но после его смерти толпа возмутилась против его жены и приверженцев, громили не только бояр, но разгромили и еврейский квартал...»¹⁰⁸. Все эти утверждения не соответствуют показаниям летописи, которая не различает грабежи имущества Путяты и евреев, намекая тем самым на единую для них причину, — факт, обличающий полную несостоятельность догадки о еврейском погроме в духе поздних времен. В противном случае к евреям надо причислить и Путятю, на что едва ли решится всякий здравый исследователь. Предостерегает насчет идеи стихийного погрома и деятельность веча, с ведома которого осуществлялись грабежи. Вот почему разграбление двора тысяцкого и еврейского квартала означало не разбойное нападение толпы, а наказание по закону, освященному обычаем.

Грабеж дворов тысяцкого и сотских, а также иудейской общины свидетельствовал о поражении политических противников Владимира Мономаха, о крушении их планов. Путь Мономаху к престолу был расчищен, и он мог безпрепятственно въехать в Киев¹⁰⁹. Въезд его был триумфальным: «усретоша же и митрополит Никифор съ епископы и со всеми Кияне с честью великою, седе на столе отца своего и дед своих и вси людье ради быша, и мятежь влеже». Более пространное описание встречи князя содержится в «Истории» Татищева: «И егда приближися (*Владимир. — И.Ф.*) к Киеву в неделю, устретоша его первое народ весь, потом бояре, и за градом митрополит Никифор со еписко-

пы, и клирики, и со всеми киянами с честию велию, и проводиша его в дом княж. Владимир же седе на столе отчи апреля 20 дня, и быша вси рады ему; мятеж же улеже и бысть тишина»¹¹⁰. Фразу «проводиша его в дом княж» надо, очевидно, понимать так, что «кияне» ввели Владимира в княжеский дом или в резиденцию правителя. Впрочем, во второй редакции Татищевской «Истории» об этом говорится несколько иначе: «и проводили до дому княжеского»¹¹¹. Однако в любом случае есть основание предположить, что за «проводами» Владимира скрывался ритуал посвящения в правители, и, разумеется, не в обязательной форме «торжественной интронизации» на манер средневековья, о чем пишет Рыбаков, а в формах, предписываемых обычаем, уходящим корнями в языческую древность. Всенародное введение Владимира в должность правителя свидетельствует, что он был «посаженником» киевской общины в целом, избранником массы «киян», но отнюдь не группы лиц из социальных верхов.

С приходом к власти Владимира Мономаха «кияне» решили политическую задачу, возникшую по смерти Святополка Изяславича. Оставались социально-экономические проблемы, требующие скорейшего разрешения. О том, какие это проблемы, можно судить, исходя из Татищевских известий, согласно которым «по малех днех (*после вокняжения* — И.Ф.) пришедше кияне ко Владимиру, начата жалитися на жида, яко испродаша люд, отъяша Христианом торг и многи наворочают в свою веру; и хотяху вся избивати». Во второй редакции данный текст несколько видоизменен: «Тако приат Владимир престол со удовольствием всего народа, мятеж же преста. Однако ж просили его всенародно о управе на жидов, что отняли все промыслы христианом и при Святополке имели великую свободу и власть, чрез что многие купцы и ремесленники разорились; они же многих прельстили в их закон и поселились домами междо христианы, чего прежде не бывало, за что хотели всех побить и дома их разграбить»¹¹².

Из приведенных Татищевских известий видно, в каком тяжелом положении находились киевские купцы и ремесленники, теснимые иноземными ростовщиками, установившими, подобно мафии, свое господство на местном рынке, «испродавшими» простой люд, опрокидывая его посредством кабалы в долговое рабство или родственные этому рабству категории несвободных. Характер законодательства Владимира Мономаха хорошо согласуется с нашим наблюдением.

§ 2 Совещание в Берестове в 1113 году, посвященное изменению русского законодательства

Как явствует из Русской Правды, на совещании, созванном в Берестове Мономахом, был принят ряд законов, регламентирующих ростовщичество, холопство и закупничество. В исторической литературе высказываются различные суждения о времени берестовского совещания. По С.М. Соловьеву, князь Владимир «тотчас по вступлении на старший стол собрал мужей своих»¹¹³. Сходным образом думает Рыбаков: «Восстание, несомненно, имело успех, так как Владимир немедленно издал новый закон — “Устав Володимерь Всеволодича”, облегчающий положение городских низов, задолжавших богатым ростовщикам, и закрепощенных крестьян-закупов, попавших в долговую кабалу к боярам»¹¹⁴. Согласно Грушевскому, совещание в Берестове состоялось «вскоре по вокняжении Мономаха»¹¹⁵. Иначе рассуждает Тихомиров, полагая, будто «Владимир созвал совещание в Берестове тогда, когда он находился еще под Киевом, не решаясь в него вступить. Местом для созыва совещания было выбрано село Берестово как пункт, который расположен в непосредственном соседстве с Киевом и являлся загородной княжеской резиденцией. Приняв это положение, мы можем совершенно точно определить время появления устава Владимира Мономаха. Устав был составлен в Берестове в промежуток времени между смертью Святополка и въездом Владимира Мономаха в Киев, т.е. между 16 и 20 апреля 1113 г.»¹¹⁶. Черепнин принял догадку Тихомирова, но с оговорками и уточнениями: «Возможно, что новый закон был принят еще до того, как Владимир Мономах въехал в Киев. Поэтому-то он и созвал дружину в Берестове, что в Киеве этого сделать было нельзя: еще не утихло восстание... Принятие закона о “резе” было первой реакцией Владимира на народное движение в Киеве. Вероятно, на Берестовском совещании этим дело и ограничилось. Дальнейшие положения Устава Мономаха были им разработаны, наверное, уже после того, как он стал Великим Князем киевским. Во время киевского восстания обстановка для законодательной деятельности была явно неблагоприятной». К мысли о проведении Мономахом совещания в Берестове до своего приезда в Киев склонялся и Мавродин¹¹⁷. Другая точка зрения у Юшкова, который, подобно Грушевскому, полагал, что Устав Владимира Мономаха был составлен на совещании в Берестове, созванном «вскоре после смерти князя Святополка и после подавления восстания в Киеве 1113 г.»¹¹⁸, т.е. по вокняжении Мономаха на киевском столе. Зимин, хотя и отмечает, что «законода-

тельная деятельность Владимира Мономаха протекала вскоре после восстания 1113 г.», но при этом датирует ее временем «около 1116 г.», или тремя годами спустя по происшествии «мятежа» в Киеве¹¹⁹.

Итак, в исторической литературе находим различные суждения исследователей о том, когда состоялось совещание «дружины» в Берестове. Разность мнений широка: до прибытия Владимира в Киев, тотчас по въезде в город, вскоре после вокняжения и, наконец, через несколько лет после принятия киевского престола. Думается, крайние позиции тут должны быть отвергнуты, и вот почему. Владимир Мономах едва ли мог законодательствовать в Берестове, не став Киевским Князем и не пройдя обряд посвящения в правители. Иными словами, приступить к исполнению обязанностей местного князя (в том числе и законотворческих) он получал возможность, вступив лишь в княжескую должность, для чего необходимы были его приезд в Киев, встреча с «киянами» и посажение на столе по всем правилам принятого в таких случаях ритуала¹²⁰. Этот церемониальный акт являлся привычным и понятным людям Древней Руси. Поэтому, наверное, летописец не счел нужным особо говорить о нем, ограничившись как бы вскользь брошенным замечанием, что Владимир с «честью великою» сел на столе «отца своего и дед своих».

Указывая на невозможность законодательства Владимира Мономаха до приобретения им статуса Великого Князя Киевского, мы выражаем сомнение и относительно того, что оно состоялось по истечении двух-трех лет с момента его вокняжения в Киеве. Общественный кризис в Киевской земле был столь глубоким и социальные противоречия настолько обострились, что требовались безотлагательные меры по их смягчению и восстановлению гражданского мира. Введение законов, призванных прекратить «мятеж и голку в людех», нельзя было откладывать на годы. По всей видимости, совещание в Берестове и составление Устава имели место вскоре после вокняжения Мономаха в Киеве. Определить более конкретную дату на основании располагаемых исторической наукой сведений мы затрудняемся. Впрочем, следует, пожалуй, согласиться с Тихомировым, когда он пишет: «Упоминание о том, что Иванко Чудинович был Ольговым мужем, содержит определенное датирующее указание, так как Черниговский князь Олег Святославич умер в 1115 г. Следовательно, устав Владимира Мономаха при всех условиях возник до 1115 г.»¹²¹. Этот довод показался Зимину недостаточно убедительным. Историк размышлял: «Но если законодательные памятники и другие решения

предшественников Мономаха принимались на общекняжеских съездах, то теперь, судя по ст. 53, в Берестове никого из князей, кроме самого Владимира Всеволодовича, не было. Поэтому вряд ли совещание могло состояться до 1115 г.: Мономах до этого года все свои действия координировал со Святославичами. Но на съезде в Вышгороде в мае 1115 г. князья перессорились, а в августе того же года князь Олег Святославич умер. Совещание в Берестове и издание Пространной Правды, очевидно, могли произойти только после этих событий, т.е. около 1116 г.¹²². Автор придает, по нашему мнению, чрезмерное значение князьям, не учитывая роль городских общин на Руси конца XI – начала XII столетия, в частности киевской общины, которая к этому времени настолько усилилась, что, потеснив князей, стала доминантой политической и общественной жизни. Мономах действовал по поручению киевской вечевой общины, чем и объясняется отсутствие на совещании в Берестове других князей. Неучастие Ольговичей в берестовском собрании имело еще одну причину, о чем скажем ниже.

Законы, принятые по инициативе Владимира Мономаха, Русская Правда называет так: «Устав Володимеръ Всеволодича». В нем читаем: «Володимер Всеволодичъ по Святополце созва дружину свою на Берестовемъ: Ратибора Киевского тысячьского, Прокопью Белгородьского тысячьского, Станислава Переяславьского тысячьского, Нажира, Мирослава, Иванка Чюдиновича Олгова мужа, и уставили до третьего реза, оже емлетъ в треть куны; аже кто возметъ два реза, то ему взяти исто; паки ли возметъ три резы, то иста ему не взяти. Аже кто емлетъ до 10 кун от лета на гривну, то того не отметати»¹²³. Прежде чем судить насчет сути закона о «резах», коснемся некоторых деталей, представляющих, на наш взгляд, важное значение для понимания атмосферы, в которой начиналось княжение Владимира Мономаха, его законотворчество. И здесь взор сразу же упирается в Берестово, где проходило совещание. Случайно ли то, что именно Берестово оказалось избранным для проведения законодательного собрания? Случайно ли и то, что законодатели сочли необходимым упомянуть место своего совещания? Последний вопрос тем более уместен, что в Правде Ярославичей нет аналогичного упоминания, хотя и говорится о встрече ее составителей: «Правда уставлена Руськои земли, егда ся совокупил Изяслав, Всеволод, Святослав, Коснячко, Перенег, Микифор Кыянин, Чюдин Микула»¹²⁴.

Необходимо заметить, что исследователи пытались проникнуть в смысл проведения совещания «дружины» именно в Берестове. «За-

чем и какая необходимость заставила Мономаха собрать совещание в окрестностях Киева, а не в самом городе?» — спрашивал Тихомиров. Ответ он находил в том, что и совещание и принятие Устава состоялись до въезда Владимира в Киев, т.е. по пути князя в столичный город¹²⁵. Более предметно рассуждал М.К. Каргер: «Это совещание, в котором участвовали тысяцкие трех городов — Киева, Переяславля и Белгорода, не случайно происходило в Берестовском дворце. В этом загородном княжеском селе князь и собранные им представители княжеской администрации, очевидно, чувствовали себя спокойнее, чем на княжеском дворе в городе, где еще бушевало народное восстание»¹²⁶. Схожие мысли развивал Черепнин: Владимир потому-то и «созвал дружину в Берестове, что в Киеве этого сделать было нельзя: там еще не утихло восстание»¹²⁷.

Разгадку созыва «дружины» в Берестове следует искать, по нашему мнению, не в страхе законодателей перед восставшими «киянами»¹²⁸ или в желании Мономаха въехать в Киев со сборником законов в руках, а в особом значении самого Берестова и расположенного там княжеского двора.

Берестово — это не простое «сельцо», как его однажды назвал летописец. Здесь находилась княжеская резиденция, являвшаяся политическим средоточием еще с языческих времен. На ней лежит отсвет экстерриториальности князя, обнаруженной в различных землях Древней Руси новейшими учеными¹²⁹. Ряд фактов говорит о крупной политической роли Берестова. Показательно, что уже Владимиром Святославичем тут, по-видимому, была построена церковь Апостолов¹³⁰. Владимир в период вражды со своим сыном Ярославом готовил поход на Новгород, будучи в Берестове, что послужило основанием Каргеру резонно заключить: «Пребывание князя в это напряженное время в Берестове свидетельствует о том, что Берестовский двор в эту пору отнюдь не был местом для “загородного отдыха” князя, как изображали этот двор некоторые исследователи, вспоминая летописное известие о двухстах наложницах, которых князь имел в Берестове»¹³¹. Недаром и князь Ярослав любил Берестово, о чем поведал летописец¹³². Но особенно ярко политический статус Берестова нашел отражение в описаниях ссоры Ярославичей, закончившейся изгнанием Изяслава из Киева: «Изиде Изяслав ис Киева, Святослав же и Всеволод внидоша в Киев, месяца марта 22, и седоста на столе на Берестовомъ, преступивша заповедь отню»¹³³. Значит, вокняжиться в

Киеве или Берестове — одно и то же. Можно думать, что в Берестове, помимо Киева, проводилось ритуальное посвящение в правители.

Намек на крупную политическую роль Берестова проглядывает в отдельных эпизодах церковной и монастырской жизни. Летописатель рассказывает, как Ярослав заботливо опекал церковь «Святых Апостол, и попы многы набдящю»¹³⁴. Среди последних был «презвутер, именем Ларион, мужь благ, книжен и постник», которого князь «постави митрополитом в Святей Софьи»¹³⁵. Храм Святых Апостолов, где служили «попы многы», вряд ли являлся домовою церковью Ярослава, хотя и мог действовать при княжеском дворце¹³⁶. Большой по штату клир («попы многы») указывает на публичный характер служб этого храма. Исключает «домовность» церкви и головокружительная карьера ее «презвутера» Илариона, ибо поставление в митрополиты предполагает (особенно в данном случае, когда в сан митрополита возводился «русин») известность поставляемого пастве, какую едва ли мог приобрести скромный служитель домовою «божницы». Возвышение Илариона исследователи нередко объясняют мотивами субъективного свойства: пресвитер очень нравился Ярославу, нашедшему в его лице верного друга и помощника в государственных делах. Возможно, это так. Но нельзя упускать из вида, что восхождение Илариона на митрополичью кафедру облегчалось его положением пресвитера церкви Апостолов, т.е. служителя храма, политическое значение которого по отношению к св. Софии являлось точно таким, каким оно было у Берестова по отношению к Киеву. Отсюда вывод: возведение берестовского клирика в сан митрополита есть признак огромной сакрально-политической значимости Берестова.

Где-то во второй половине XI в. церковь апостолов уступила место храму Спаса¹³⁷, с которым у Владимира Мономаха установились прочные связи. Достаточно сказать, что Спас на Берестове стал усыпальницей мономахова рода¹³⁸.

В той же второй половине XI столетия к югу от Киева, на Печерской возвышенности, сложился политико-религиозный центр, сплотивший Берестово, Кловский (Стефанич) и Печерский монастыри¹³⁹, в чем снова проявился высокий политический ранг Берестова.

Все это убеждает нас в том, что законодательное совещание «дружины» Мономах проводил в Берестове не по прихоти случая, а соображаясь с идейными и политическими установками, разгадать которые еще предстоит историкам.

Участие в совещании киевского, белгородского и переяславского тысяцких весьма примечательно. Чем оно вызвано? Согласно Мавродину, — положением этих чиновников, близко стоявших к народу, судивших простых людей и собиравших с них разные поборы¹⁴⁰. Свою версию предложил и Тихомиров: «В совещании участвовали три тысяцких, которые имели по своей должности прямое отношение к городскому населению. Нет ничего невероятного в том, что призвание Мономаха на киевский стол было оговорено некоторыми гарантиями для городского населения, обусловлено «рядом» — договором князя с горожанами»¹⁴¹. Полагаем, что посредством тысяцких, принадлежащих к высшим должностным лицам киевской, белгородской и переяславской общин, земщина направляла законодательство в нужное для себя русло, как это было и раньше, при составлении Правды Ярославичей¹⁴². Представителем черниговской вечевой общины являлся, наверное, Иванко Чудинович, хотя он и рекомендован как «Олгов муж». По аналогии с Ратибором, Прокопием и Станиславом можно предположить, что Иванко на собрании в Берестовом фигурировал в качестве черниговского тысяцкого. Такое предположение вполне допустимо, поскольку городские тысячи нередко возглавляли «княжие мужи». И это понятно: народное вече, сажая у себя на княжение какого-либо князя, открывало княжеским людям доступ к замещению престижных и доходных должностей в военном и гражданском управлении, в результате чего они вместе со своим «сюзереном» превращались в инструмент общинной власти и, следовательно, становились в некотором роде ее воплощением¹⁴³.

Присутствие тысяцких на совещании в Берестове в качестве представителей городских общин характеризует обстановку появления в Киеве Владимира Мономаха, вокняжившегося там по воле народного веча.

Но этим не исчерпывается информация, извлекаемая из упоминания о тысяцких, участвовавших в берестовской встрече. Взять, к примеру, Ратибора. Киевским тысяцким вместо Путяты он вряд ли стал до прихода Мономаха в Киев и его восшествия на княжеский стол¹⁴⁴, что в свою очередь подтверждает высказанную нами ранее мысль о проведении совещания в Берестове после въезда Владимира в стольный город. Укрепляет нас в этой мысли и «Олгов муж» Иванко, чье прибытие в Берестово до вокняжения Владимира Мономаха в Киеве было не только преждевременным, но и вовсе нереальным, поскольку на киевское княжение, как мы знаем, притязали Святосла-

вичи, в частности Олег. Трудно вообразить, будто Олег Святославич отрядил в Берестов своего «мужа» в тот момент, когда Киев оставался без князя. Да и приезд Иванки, а не самого Олега дает основание заключить, что проигравший борьбу за киевский стол Святославич, переживая горечь неудачи не хотел ехать в Берестово и потому делегировал туда Иванку. Приняв данное заключение, надо признать и другое: совещание «на Берестовемь» состоялось вскоре после избрания Мономаха на киевское княжение, когда у Олега еще не прошла досада от поражения, нанесенного ему Мономахом в соперничестве за власть в Киеве.

Удерживала Олега от поездки еще одна причина. В системе родового старейшинства он стоял выше Мономаха, так как отец Олегов Святослав был старше Всеволода — отца Владимира Мономаха. Вот почему при сложившихся тогда обстоятельствах поездка Олега к Владимиру сопрягалась с умалением родового достоинства Святославича и являлась даже выражением его подчиненности новоиспеченному киевскому правителю, что явно расходилось с интересами и самого Олега и черниговской городской общины, затратившей много сил по ослаблению своей зависимости от «матери градов русских» — Киева¹⁴⁵. В свете последних наблюдений Устав Мономаха, разработанный в Берестове, открывается гранью, выпадавшей, как правило, из поля зрения исследователей. Речь идет о географии, так сказать, представительства на берестовском законодательном собрании, где видим посланцев Киева, Переяславля и Чернигова — племенных, а потом и волостных центров, входивших в состав Русской земли, возглавляемой Киевом¹⁴⁶. Созыв совещания под эгидой Великого Князя киевского по замыслу его устроителей выдвигал древнюю столицу Южной Руси на роль лидера, обладающего правом господства в Русской земле.

Желание Киева верховодить в регионе нашло своеобразное отражение в Сказании о Борисе и Глебе, где вокняжение Мономаха в Киеве подается как событие, далеко выходящее за пределы непосредственно Киевской волости: «И преля княжение всея Русьскы земля»¹⁴⁷. Княжеский съезд 1097 г. в Любече констатировал свершившееся обособление от Киева прежде подвластных ему Чернигова и Переяславля¹⁴⁸. И все же киевские правители, ободряемые местной общиной, обращались к прошлому, надеясь восстановить былое величие родного города. В определенной мере этой цели служило совещание в Берестове, на котором Киевский Князь выступал главным действующим лицом. Вместе с тем оно диктовалось необходимостью решения

острейших социальных проблем, весьма актуальных и для Киева, и для Чернигова, и для Переяславля, т.е. для всей Русской земли.

§ 3 Устав Великого Князя Владимира Мономаха и основные положения изменения законодательства о ростовщичестве

К числу таких проблем относилось ростовщичество, охватившее жадными щупальцами киевскую, черниговскую и переяславскую общины. Население изнывало под бременем долгов и непомерных процентов, взимаемых займодавцами. «Неправедное лихоимание» современники уподобляли «злему ножу», убивающему людей. Митрополит Никифор, обращаясь, по мнению одних историков, к Святополку, согласно догадке других, — к Владимиру Мономаху¹⁴⁹, а по убеждению третьих, — к духовным и мирским лицам вообще¹⁵⁰, призывал: «Отдаждь должником долги. Аще ли то немощно, поне да великий рез остави, еже яко же змия изъедают окаяннии убогия»¹⁵¹. Тщетно было увещевать профессиональных лихоимцев. По словам Зимина, остался глух к этим призывам и Святополк¹⁵². Впрочем, он кое-что предпринял, если считать вместе со Смирновым, что ст. 51 Пространной Правды есть плод его законотворчества. Статья гласит: «О месячном резе. А месячный рез, оже за мало, то имати ему; заидуть ли ся куны до того же года, то дадять ему куны в третье, а месячный рез погренути»¹⁵³.

Вникая в текст закона, Тихомиров вслед за Аристовым и другими дореволюционными учеными отмечал, что тут обозначены «три вида процентов: месячные, третные и годовые. Кратковременный месячный рез был в то же время самым тяжелым. Поэтому если месячные проценты взымались в течение года, то их надо было делать третными». Автор правильно указывает на характер месячного реза как наиболее тяжелого. Но с ним нельзя согласиться, когда он устанавливает проценты месячные, третные и годовые. У Тихомирова нет единого принципа в подходе к вопросу о видах взимания процентов. В результате — смешение временного и количественного критериев. На наш взгляд, ст. 51 подразумевает два вида процентов: месячные и годовые¹⁵⁴. Последние же суть третные. Что касается содержания статьи в целом, оно лучше, нежели иными учеными, выявлено И. Платоновым и В. Ключевским. По Платонову, «месячные росты позволяет единственно брать за малое время. Если же заем растянется на целый год, то займодавец берет уже третные росты, а месячные уничтожаются»¹⁵⁵. Ключевский предложил более подробное толкование: «Месячный рост по уговору брать, если заем сделан на мало дней, на непродолжительное время; если же капитал залежится до

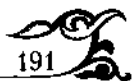
того же года, до той же години или того же числа следующего года, то заимодавцу взять со своего капитала рост в третий, т.е. на два третий, или 50 процентов»¹⁵⁶.

Прежде чем дать свое толкование ст. 51 Пространной Правды, приведем одно ценное, по нашему мнению, разночтение, заключенное в Мясниковском списке Памятника, где читаем: «А месячныи резы, оже за мало, то имати ему, зайдут ли ся куны того же года, то дадять ся ему куны в треть, а месячныи рез погренути»¹⁵⁷. Вместо «зайдут ли ся куны до того же года» Троицкого 1 списка и других в Мясниковском списке читается «зайдут ли ся куны того же года», что точнее передает смысл постановления. Обращает также внимание противопоставление законодателем двух сроков получения процентов: малого и годового. Малый срок отождествляется с понятием «месячный» и должен быть исчислен временем, не превышающим год. Учитывая эти нюансы и опираясь на выводы И. Платонова и В. Ключевского, формулируем следующее понимание ст. 51 Пространной Правды: месячный процент брать кредитору на протяжении года¹⁵⁸; если же долг сохраняется более года, то заимодавцу взимать третний рост, или 50%, а месячный процент отвергается¹⁵⁹. При этом, по-видимому, третний рост не ограничивался ни во времени, ни предельной нормой процентного платежа и поступал ростовщику вплоть до возвращения должником основной заемной суммы, по тогдашнему выражению, — «иста». Стало быть, Святополк (если с ним связывать ст. 51 Пространной Правды) ограничил месячный рез годовым сроком и ввел безсрочный, ничем не стесненный третний рез, прекращаемый лишь с уплатой долга¹⁶⁰.

Князь не ликвидировал долги, к чему призывал митрополит Никифор. В сущности он не порушил и «великий рез»¹⁶¹, поскольку пятидесятипроцентная ставка на долговую ссуду являлась очень высокой, не говоря уже о месячном резе, который, судя по смыслу ст. 51, был еще выше. Иначе поступил Владимир Мономах. Это сознавали уже переписчики Правды. Отделив предшествующие узаконения, посвященные ростовщичеству, от законодательства Мономаха по тому же предмету под заголовком «Устав Володимерь Всеволодович», они подчеркивали не только принадлежность данного законодательства названному князю, но и новизну его сравнительно с прежними нормами. В чем же она состояла?

Владимир Мономах, как явствует из Устава, принятого на совещании в Берестове, запретил месячный рез, а третнему поставил четкий предел. Заимодавец, взявший «два реза», т.е. дважды по 50%, имел

право на основной долг («исто»). Но тот, кто получил «три резы», или трижды по 50%, терял такое право. В условиях социального движения 1113 г. это было чрезвычайно важное законоположение, которое, укрощая произвол ростовщиков, отменяло также застаревшие долги. Мономах, по справедливому замечанию Покровского, кассировал сделки, являвшиеся «еще вчера вполне легальными». Тем самым он оправдал чаяния «киян», призвавших его на княжение. Ликвидация долгов, запрещение месячного реза и строгое упорядочение взимания третного реза — вот что составляло существенное различие между законодательством Владимира и Святополка, угождавшего ростовщическому капиталу. Многие советские историки не видят, к сожалению, указанного различия. Так, Зимин, комментируя соответствующую статью мономахова Устава, утверждает, будто она «очень незначительно смягчала жесткие условия взимания процентов, установленные при князе Святополке Изяславиче, — основной порядок (месячный рез) остался без изменений. Статья 53 была чисто декларативной уступкой киевских властей после восстания 1113 г., направленного против усиления феодального гнета, закабаления разорявшихся крестьян и горожан, опутывавшихся сетью ростовщических махинаций»¹⁶². Тихомиров говорит о попытках Мономаха «некоторого ограничения ростовщических процентов», добавляя при этом: «Впрочем, ограничение было очень условным»¹⁶³. Сходным образом думает Черепнин. «В Берестове, — пишет он, — было внесено решение о некотором (правда весьма слабом) ограничении ростовщичества»¹⁶⁴. Смирнову даже эти робкие замечания о стеснительной по отношению к ростовщикам политике Мономаха, в отличие от деятельности Святополка, поощрявшей лихоимство, показались излишними. Его взору открывается совершенно иная историческая ретроспектива. «Вместо традиционной альтернативы: князь-ростовщик (Святополк) и борец с ростовщичеством (Мономах) оказывается, что и Мономах и Святополк проводят в финансовом законодательстве единую линию, причем Мономах лишь продолжает и развивает начатое Святополком»¹⁶⁵. Однако автор все же вынужден признать: «И Святополков закон о “месячном” и “третном резе”, и Мономахово дополнение к этому закону, конечно, в какой-то степени ограничивали ростовщичество». Ученый, впрочем, и тут отступает, уверяя, что реальное значение этих мероприятий, «было весьма невелико»¹⁶⁶. И.И. Смирнов находит все основания, чтобы усматривать «в законах о “месячном” и “третном” резе чисто вынужденные мероприятия, носящие декла-

ративный характер и преследующие демагогические цели создания видимости борьбы с “резоймством” в условиях острых классовых противоречий и политической борьбы, в которых вопрос о резоймстве играл и во времена Святополка, и особенно при Мономахе, после киевского восстания 1113 г., столь крупную роль»¹⁶⁷. К счастью, не все советские историки так непреклонны в классово-негативной оценке законодательства Владимира Мономаха.

По Мавродину, результатом берестовского совещания «явился “Устав” Владимира Мономаха. “Устав” ограничивал ростовщичество. Грабительские проценты были отменены»¹⁶⁸. У Грекова князь Владимир, не решившись целиком ликвидировать долги, устранил «великий рез»¹⁶⁹. Согласно Толочко, следствием «неупорядоченной безконтрольной деятельности ростовщиков, купцов-менял, богатых ремесленников, вызывавшей недовольство киевлян», явился «знаменитый устав Мономаха об ограничении прав ростовщиков, утвержденный на совещании в Берестове»¹⁷⁰.

Всех ближе подошел к истине, на наш взгляд, Рыбаков. Вот суждение исследователя: «По Уставу Владимира было сильно ограничено взимание процентов за взятые в долг деньги. Поясним эту статью примером. Предположим, что какой-то крестьянин занял у боярина в тяжелую годину 6 гривен серебра. По существовавшим тогда высоким нормам годового процента (50%) он ежегодно должен был вносить боярину 3 гривны процентов (а это равнялось стоимости трех волов). И если должник не в силах был, кроме процентов, выплатить и самый долг, то он должен был нескончаемое количество лет выплачивать эти ростовщические проценты, попадая в кабалу к своему займодавцу. По новому уставу срок взимания процентов ограничивался тремя годами — за три года должник выплачивал 9 гривен, что в полтора раза превышало сумму первоначального долга. Мономах разрешил на этом и прекращать выплаты, так как в эти 9 гривен входил и долг (“исто”) — 6 гривен — и 3 гривны “роста”. Долг погашался. Фактически это приводило к снижению годового процента до 17% и избавляло бедноту от угрозы длительной или вечной кабалы. Это была большая победа восставшего народа»¹⁷¹. Наблюдение Рыбакова относительно резкого снижения годового процента при выплате третьего реза позволяет многое переосмыслить. Из него со всей очевидностью вытекает, что третний рост, выгодный займодавцу, приобретал противоположный характер в случае, когда должник платил кредитору «три резы». В конечном счете выигрывал задолжавший, что легко доказуемо. В самом

деле, если ростовщик брал трижды пятидесятипроцентный рез, то он, теряя «исто», вместо 50% годовых получал около 17%; если же заимодавец отказывался взимать третий рез, чтобы сохранить право на основной долг, то это, с одной стороны, прекращало выплату процентов, а с другой — могло повлечь за собой задержку на некоторое время возвращения кредита, что опять-таки было на руку должнику. Значит, наиболее оптимальным для ростовщиков, дающих «куны в треть», было взимание «двух резов», при котором прирост отданных займы денег составлял 100%, что увеличивало вдвое первоначальную кредитную сумму. Тем самым закон не забывал и об интересах заимодавцев. Кроме того, он санкционировал безсрочное «имание» двадцати процентного годового роста: «Аже кто емлеть до 10 кун от лета на гривну, то того не отметати»¹⁷². Мономах, таким образом, прекратив произвол ростовщиков, создавал приемлемые для общества условия, обеспечивающие развитие ростовщичества, в чем, разумеется, имелась серьезная потребность, поскольку кредитная система, реализуемая в присущей Руси XI–XII вв. форме «резоимства», являлась необходимым элементом социально-экономической жизни той поры¹⁷³. Однако в конкретных исторических условиях, сложившихся в Киеве конца XI — начала XII столетий, и в обстановке социального движения 1113 г. нововведения Владимира Мономаха в большей мере отвечали интересам должников, нежели кредиторов, удовлетворяя требования рядовой массы киевлян, закабаленных и закабаляемых резоимцами. Несомненно, что под давлением именно этой массы населения города и волости князь проводил законодательные меры, направленные на обуздание произвола ростовщиков и облегчение положения тех, кто влез в долговое ярмо или силою жизненных обстоятельств понуждался к тому. В целом закон Мономаха о резах следует характеризовать как компромиссный, но с явной, причем существенной, уступкой должникам¹⁷⁴. Издание его означало победу не одних лишь охваченных волнениями «киян», грабивших дворы тысяцкого, сотских и ростовщиков, но всей киевской общины, ее здоровых сил, сумевших остановить разрушительные процессы в киевском обществе, восстановить в нем стабильность и внутренний мир, «утолить мятеж и голку в людех».

Исследователи относят к законодательству Владимира Мономаха и статьи 54–55 Пространной Правды, устанавливающие порядок взимания долга с купца-банкрота и злостного должника, а также меру их наказания. Статья 54 берет под защиту купца, оказавшегося несо-

ne possit in nocere inimici tui sed nec addicere nec assequi. Et
ita me uenire ad te saluator mundi. Qui uiuis.

Богородица на троне. Миниатюра из Молитвенника
Гертруды (матери князя Ярополка Изяславича), 1078—86

Троицкая надвратная церковь Киево-Печерской Лавры. Выстроена князем Черниговским Святославом Давыдовичем (преподобным Николой Святошей) в 1106—08. Современный вид

Рака с мощами преп. Николы Святоши в Ближних пещерах Киево-Печерской Лавры

Долобский съезд князей (1103). Свидание князя Владимира Мономаха с Великим Князем Святополком Изяславичем. С картины А.Д. Кившенко

Золотой змеевик, принадлежавший предположительно Князю Владимиру Мономаху, XI в.

Вмч. Димитрій – святой покровитель Великого Князя Изяслава Ярославича, одного из вкладчиков Михайловского монастыря. Фрагмент мозаики Михайловского Златоверхого монастыря, ок. 1108–1112

Собор Михаила Архангела Михайловского Златоверхого монастыря, основанного первым митрополитом Киевским Михаилом. Собор построен Великим Князем Святополком (Михаилом) Изяславичем в начале XII в. Современный вид

Христос и ангел в диаконском облачении. Фрагмент алтарной мозаичной композиции «Евхаристия» главной апсиды Архангельского собора Михайловского Златоверхого монастыря, ок. 1108—1112

Великий Князь Владимир Всеволодович Мономах прибывает в Киев на престол отца и деда в 1113. Миниатюра Лицевого летописного свода, XVI в.

Храм Преображения Господня (Спас на Берестове), построенного Великим Князем Владимиром Мономахом в княжеской резиденции близ Киева, XII в.

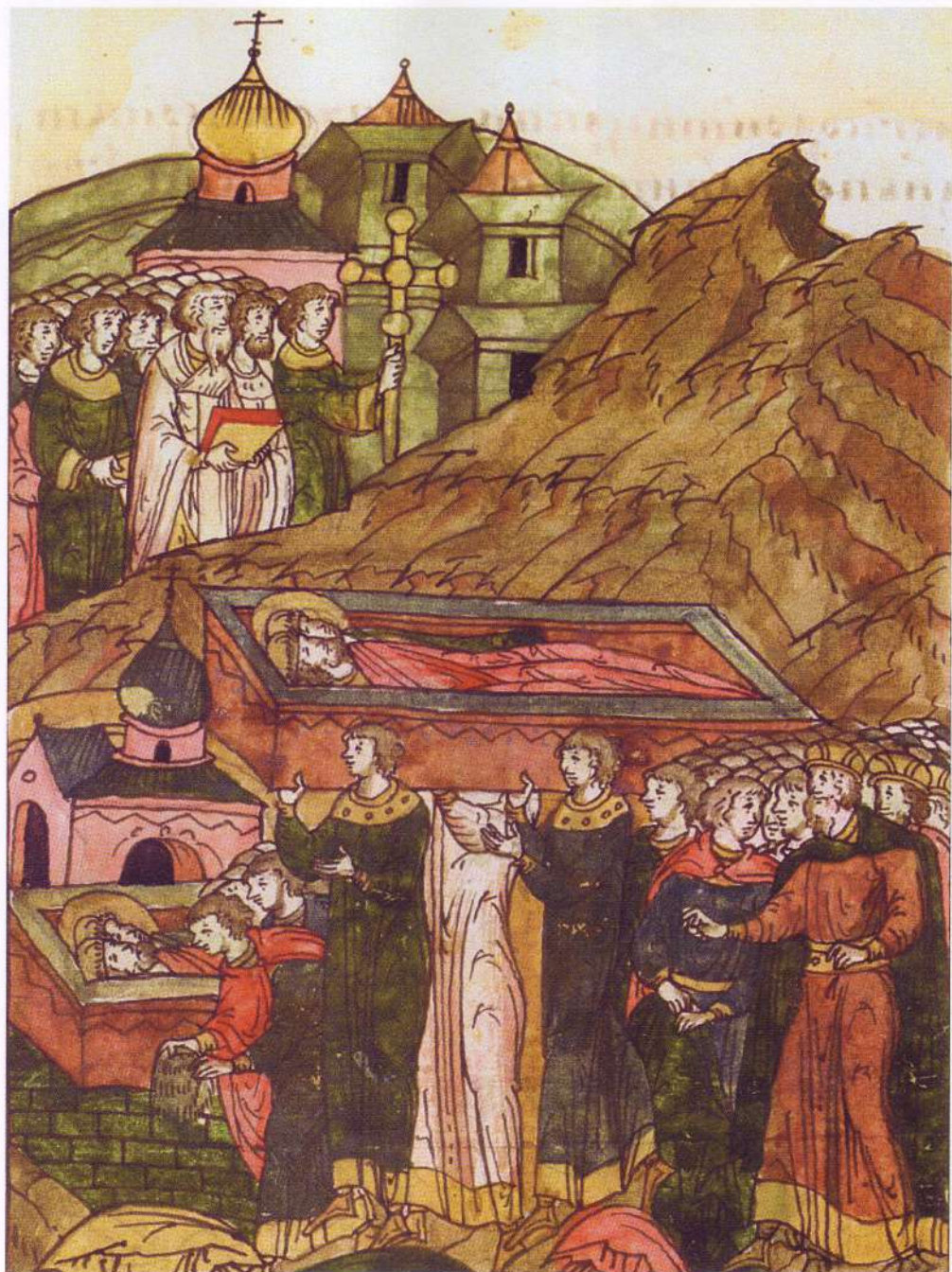
Разворот рукописи одного из ранних списков Русской Правды, XV в.

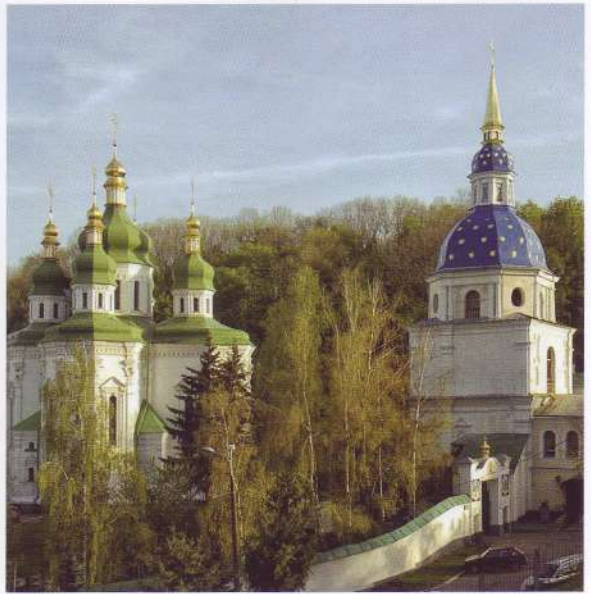
Святые равноап. Князь Владимир, князья-мученики Борис и Глеб
Икона, Новгород, кон. XV в.

Несут святого Бориса на погребение. Миниатюра из Жития
Бориса и Глеба, XIV в.

Торжество перенесения русскими князьями мощей братьев страстотерпцев князей Бориса и Глеба в 1115. Великий Князь Владимир Мономах повелел бросать народу, сильно налегавшему, дорогие ткани и шкуры. Миниатюра Лицевого летописного свода, XVI в.

Выдубицкий монастырь в Киеве, ктиторами которого являлись Великие Князья, потомки Владимира Мономаха, основан его отцом Великим Князем Всеволодом Ярославичем в 1070-х. Собор Архистратига Михаила и общий вид монастыря

Шествие праведников в рай. Фрагмент фрески «Страшный суд» Михайловского собора Выдубицкого монастыря в Киеве, ок. 1089

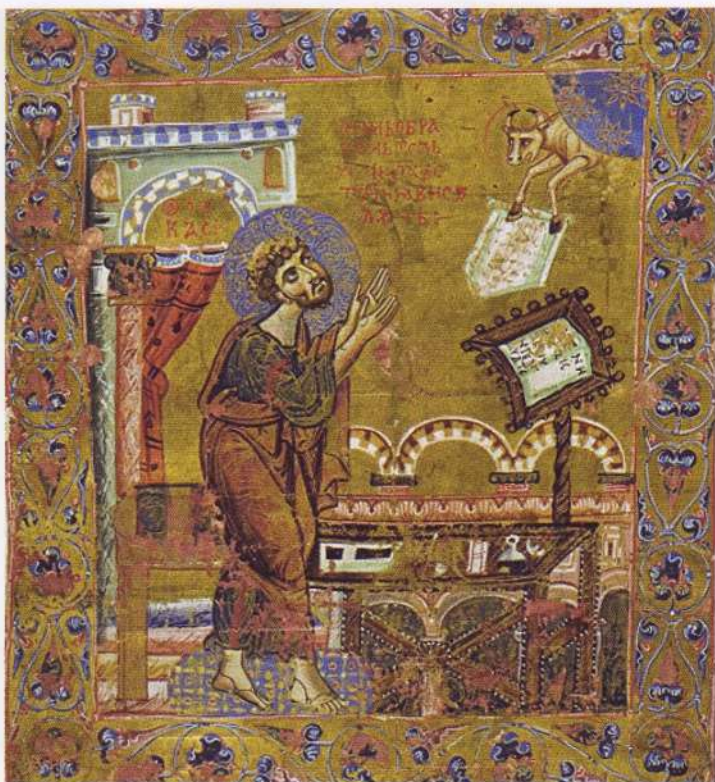
Великий Князь Владимир Мономах выводит своего сына князя Мстислава из Новгорода, в котором сел князь Всеволод Мстиславич.
Миниатюра Лицевого летописного свода, XVI в.

Георгиевский собор Юрьева монастыря, основанного Великим Князем Ярославом Мудрым близ Новгорода в честь своего святого в 1030. Собор заложен князем Новгородским Мстиславом Великим в 1119

Чин преподобных. Деталь фрески барабанного пояса главного купола Георгиевского собора Юрьева монастыря, ок. 1130

Апостол и Евангелист Лука. Миниатюра Мстиславова Евангелия, заказанного ок. 1117 князем Новгородским Мстиславом Великим предположительно для Юрьева монастыря

Титульный разворот Апракоса, Юрьевского Евангелия, принадлежащего новгородскому Юрьеву монастырю, 1120-е

Место вечевого собрания в Новгороде и собор святителя Николая (Николо-Дворищенский), построенный князем Мстиславом Великим, ок. 1120

Одна из новгородских берестяных грамот времен князя Новгородского Мстислава Великого

Святой Лазарь Четверодневный.
Фрагмент фрески алтаря Николо-Дворищенского собора в Новгороде, ок. 1120

Святые Флор и Лавр. Фреска южного предалтарного столба собора Рождества Богородицы Антониева монастыря в Новгороде, 1125

Собор Рождества Богородицы Антониева монастыря в Новгороде, 1125

стоятельным по уважительным, не зависящим от него причинам: «истопиться, любо рать возметь, ли огонь». Такого несчастливца нельзя ни «насилити», ни «продати», ибо то «пагуба от бога есть, а не виноват есть». Другое дело — безпутный растратчик, который «пропиеться или пробиеться, а в безумьи чюжь товар испортить». Он не заслуживал снисхождения, и с ним владельцы «товара» поступали так, как хотели: «ждуть ли ему, а своя им воля, продадять ли, а своя им воля»¹⁷⁵. Статья 55 гласит: «Аже кто многим должен будеть, а пришед гость из иного города или чюжеземець, а не ведая запустить за нь товар, а опять начнет не дати гости кун, а первии должебити начнуть ему запинати, не дадуче ему кун, то вести и на торг, продати же и отдати первое гостины куны, а домашним, что ся останеть кун, тем же ся поделять; паки ли будуть княжи куны, то княжи куны первое взяти, а прок в дел; аже кто много реза имал, не имати тому»¹⁷⁶.

Отвлекаясь от деталей, касающихся порядка компенсации понесших убытки кредиторов, обратим внимание на карательные санкции, направленные против неоплатного должника. И здесь мы упираемся в термин «продати». Некоторые ученые считали, что этот термин означал продажу только имущества несостоятельного купца¹⁷⁷. Другие же исследователи полагали, что закон предусматривал продажу самого должника в рабство¹⁷⁸. Последняя точка зрения нам кажется более обоснованной¹⁷⁹. Приняв ее, мы получаем возможность понять главную цель Мономаха-законодателя. Она заключалась в регулировании и ограничении долгового рабства. Статьей 54 князь запретил продавать в рабство купца, разорившегося по независимым от него причинам. Важно отметить, что даже к злостному должнику закон проявлял как бы подспудную терпимость. Во всяком случае, он не был категоричен, допуская как продажу в холопство, так и отсрочку платежа, ежели на то будет воля заимодавца. В таком же скрыто лояльном, можно сказать, тоне по отношению к должнику сформулирована и статья 55, оставляющая без видимых последствий неисправную уплату долга своим кредиторам и предписывающая наказание лишь тогда, когда в число потерпевших попадали посторонние для местного общества люди — гость из другого города или иностранец. Но и тут фигурирует условие: если прежние кредиторы, сограждане должника, начнут препятствовать пришлому заимодавцу взыскивать долг. Как и в примере с ростовщицеством, закон о долговом рабстве (ст. 54–55), будучи компромиссным по существу, являлся более, так сказать, сочувственным к должнику, чем к заимодавцу, что опять-таки объясня-

ется историческими реалиями конца XI – начала XII вв.: углублением имущественной дифференциации и произошедшим на этой почве социальным взрывом 1113 г. Общество нуждалось в замирении, которое могло быть достигнуто только в результате действенного контроля за ростовщичеством и рабством в различных его модификациях, прежде всего за долговым рабством как наиболее опасным социальным злом, связанным с потерей самого драгоценного для древнего человека – личной свободы. Стремление оградить бедноту от порабощения сквозит и в Уставе о закупах (ст. 56–66 Пространной Правды), который научная традиция связывает с именем Владимира Мономаха. Находясь на хрупкой грани между свободой и рабством, закуп часто воспринимался господином в рабском качестве. Недаром по меткому выражению Б.А. Романова, «над всем перед составителем “Устава” висел вопрос, который на житейском языке господ можно формулировать так: “неужели закуп так-таки совсем и не холоп?”¹⁸⁰. Против «пороботительной политики господ», как с полным основанием полагает Б.А. Романов, и был направлен Устав о закупах¹⁸¹. Характерно, что уже первая его статья нацелена на это: «Аже закуп бежить от господы, то обель; идеть ли искат кун, а явлено ходить, или ко князю или к судиям бежить обиды деля своего господина, то про то не роботать его, но дати ему правду»¹⁸². Закон, следовательно, позволял «роботить» закупа, который, совершив побег, скрывался и от своего хозяина и от властей, в чем усматривалось правонарушение, наказуемое обращением в холопство. Бегство же «ко князю или судиям» с жалобой на господина считалось законным и не влекло за собой такого рода драматических последствий для беглеца. Напротив, он мог рассчитывать на праведный суд, т.е. защиту от «обиды», нанесенной господином. И совершенно правомерным являлся открытый уход закупа на поиски «кун», чтобы расплатиться с господином по долгу и обрести полную свободу¹⁸³. Значит, отношения в закупничестве не были роковыми для «наймита», как именует Пространная Правда нашего героя. Устав предоставлял ему возможность выйти из закупничества и вернуться к прежней жизни, пополняя тем самым свободное рядовое людство, являвшееся основной категорией населения Древней Руси вообще и Киевской земли в частности. С этой точки зрения становится очевидным желание законодателя задержать разрушение традиционной социальной структуры древнерусского общества, включая, разумеется, и киевскую общину.

Устав всецело принимает сторону закупа, если господин осмелится продать его в холопы: «Продасть ли господин закупа обель, то наемиту свобода во всех кунах, а господину за обиду платити 12 гривен продаже»¹⁸⁴. Данный поступок господина, будучи серьезным правонарушением, карался довольно высоким денежным штрафом. Если добавить к этому потерю господином кун, ссуженных закупу, то материальный убыток, навлеченный на себя торговцем живого товара, приобретал еще более внушительные размеры. Замечательно, что Устав говорит о свободе наймита «во всех кунах», а не о свободе самого закупа, проданного в рабство, чем, по нашему мнению, подчеркивается свободный в принципиальном плане статус личности потерпевшего, временно стесненный, однако, обязательствами по закупничеству. Свобода закупа, хотя и несколько ущербная, засвидетельствована и в других статьях Устава. Так, по статье 62 Пространной Правды, господин, избивший закупа «без вины» да еще и в пьяном виде, платил ему возмещение, как свободному человеку («яко же в свободнемъ платежъ, тако же и в закупе»)¹⁸⁵. Согласно статье 66, закуп «в мале тяже» выступал послухом на суде, т.е. пользовался прерогативой свободных людей¹⁸⁶.

Мы далеки от того, чтобы идеализировать положение закупа. Но не стоит бросаться и в противоположную крайность по примеру Смирнова, писавшего: «Устав о закупах определяет социальное положение закупа, определяет, прежде всего, в плане установления норм, регулирующих взаимоотношения между закупом и его господином. С чьих же позиций формулированы эти нормы? Достаточно поставить этот вопрос, чтобы признать, что, конечно, не закуп, а его господин. Закуп лишен права свободного ухода от господина: побег превращает его в обельного холопа (ст. 56); закуп несет ответственность за сохранность орудий, полученных им от господина (ст.ст. 57,58); господин обладает правом телесных наказаний закупа (ст. 62); кража, совершенная закупом, превращает его в обельного холопа (ст. 64) — таков основной комплекс норм в Уставе о закупах, определяющий положение закупа. Ясно, что именно эти нормы и определяют направленность Устава о закупах, а не оговорки и ограничения, содержащиеся в Уставе о закупах, которые частью вытекают из объективно иного характера зависимости закупа, чем холопа, частью же, может быть, объясняются и той обстановкой — после киевского восстания 1113 г., — когда происходила кодификация законодательства о закупах в Устав о закупах»¹⁸⁷. Доводы И.И. Смирнова не убеждают. При ближайшем их

рассмотрении выявляется ряд неточностей, вкравшихся в суждения историка. Нельзя говорить, будто закуп «лишен права свободного ухода от господина». Закон ему запрещал бежать скрытно от господина. Уход же его за «кунами» или с целью жалобы на господские «обиды» Устав позволял беспрепятственно, объявляя, следовательно, такой уход свободным. Правда то, что закуп отвечал «за сохранность орудий, полученных им от господина», но только при определенных обстоятельствах, вне которых эта ответственность с него снималась. Право господина подвергать телесному наказанию закупа было также поставлено в определенные рамки, а нарушение их вменялось как преступление, наказуемое по закону.

Перечень норм, составленный И.И. Смирновым для доказательства преимуществ господина в отношениях с закупом, можно без труда парировать узаконениями обратного свойства: закуп имеет право уходить на заработки и «бежать» в суд с жалобой на господина (ст. 56); закуп не платит за «войского» («своейского») коня и не ответственен за пропажу орудий, «погибших» в его отсутствие (ст. 57); закуп не отвечал за скотину, выкраденную из хлева (ст. 58); господину под угрозой наказания (платеж за «обиду») возбранялось причинять вред «купе» или «отарице» закупа (ст. 59); господин не мог, полагаясь на безнаказанность, брать с закупа деньги свыше суммы, определенной договором о закупничестве (ст. 60); господину категорически запрещалось (опять-таки под страхом кары) продавать закупа в рабство и бить «без вины» (ст. 61, 62). Для Смирнова все это — лишь оговорки и мало значимые ограничения. У нас иное восприятие: в перечисленных нормах мы видим существенные юридические гарантии от господского произвола, данные «наймиту» Уставом о закупках. Если посмотреть на Устав под углом зрения правовой защиты, то окажется, что в большинстве случаев, упоминаемых законодателем, она применяется в интересах закупа, а не господина. Поэтому нельзя одобрить М.Н. Тихомирова, искусственно разделявшего городских и сельских жителей Киевской земли, а также заявлявшего, что законодательство Владимира Мономаха, удовлетворив запросы торговых людей, терпевших беды от ростовщичества, ничего фактически не дало закупам, больше того — ухудшило их положение¹⁸⁸. В Уставе исследователь увидел не только фиксацию старого, но и утверждение нового — стремление еще сильнее ограничить право закупа¹⁸⁹. Сказывались тут перегибы в оценке древнерусского законодательства как сугубо классового, охраняющего интересы «господствующего феодального класса». Тихомиров

был настолько увлечен классовым подходом, что, не робея, выразил свое громкое несогласие с мнением такого авторитета, как Греков, по которому законодатель в Уставе о закупах «пошел на компромисс и частично удовлетворил требования деревенского простого люда, страдавшего от произвола богатых землевладельцев»¹⁹⁰. Согласно Тихомирову, «законодательство Владимира Мономаха ставило... совсем иные цели. Давая некоторые внешние, чисто декларативные льготы зависимым крестьянам-смердам, это законодательство защищало интересы господствующего класса феодалов»¹⁹¹. Устав о закупах, на наш взгляд, примечателен и важен в двух моментах: он законодательно обеспечил «наймиту» выход из закупничества и запретил самовольный (со стороны господина) перевод закупа в холопство. И в одном и в другом случае мы видим меры по контролю за развитием рабства, его ограничению и регулированию. Те же меры проводил и относимый учеными к законотворческой деятельности Владимира Мономаха Устав о холопах (ст. 110–121 Пространной Правды)¹⁹². Привлекают внимание прежде всего начальные 110 и 111 статьи Устава, тесно связанные между собой¹⁹³. Уже одно их расположение говорит о многом: открывая узаконения о холопах, они, естественно, формулировали основные принципы образования холопства как социального института. Смирнов подчеркивал совершенно иную по сравнению со статьями 112–121 структуру статьи 110, «носящей нормативный характер и состоящей из ряда определений ситуаций, создающих основание для возникновения состояния обельного холопства... Что же касается ст. 111, то, столь же резко, как и ст. 110, отличаясь от ст. ст. 112–121, она по своей структуре близка к ст. 110, представляя собой, по меткому замечанию Б.А. Романова, своего рода «комментарий» к ст. 110 и также являясь по типу нормативной, хотя и в негативном плане»¹⁹⁴. Однако в другом месте своей книги Смирнов, противореча сам себе, утверждает, что статья 110 «не может быть рассматриваема ни как акт нормативного характера, имеющий целью дать систематизированный перечень источников обельного холопства, ни как акт политический, преследующий цель сузить источники обельного холопства, или ограничить способы его возникновения»¹⁹⁵. Автор принимал статьи 110–111 за глоссу, внесенную в текст Устава о холопах позднее его составления¹⁹⁶.

Статья 110 постановляет: «Холопство обельное трое: оже кто хотя купить до полу гривны, а послухи поставить, а ногату дать перед самым холопом; а второе холопство поиметь робу без ряду, поиметь

ли с рядомъ, то како ся будетъ рядил, но том же стоять; а се третьеє холопство: тивунство без ряду или привяжетъ ключъ к собе без ряду, с рядомъ ли, то како ся будетъ рядил, на том же стоять»¹⁹⁷. Данная статья породила большие толки в научной литературе. Еще В. Лешков отмечал, что Русская Правда «допускает и указывает только три источника обельного холопства» и «при этом именно говорит, что обельное холопство только трое»¹⁹⁸. Далеко не все исследователи были согласны в том. Многим показалось, будто кодификатор по недосмотру не упомянул иные способы пополнения обельного холопства, известные в Древней Руси. «Наш первый юрист-систематик, — писал Сергеевич, — просмотрел, что есть и другие виды обельного холопства: плен и еще три, на которые можно найти указания даже в тексте Правды: 1) бегство закупа; 2) рождение от несвободных родителей и 3) несостоятельность»¹⁹⁹. Укор этот довольно часто повторялся в трудах историков, о чем Б.А. Романов с иронией как-то заметил: «Стало признаком хорошего тона у многих исследователей мимоходом упрекнуть составителя “Устава” в том, что он (в ст. 110) “просмотрел, что есть и другие виды обельного холопства”, кроме перечисленных в ст. 110 трех (“холопство обельное трое”)»²⁰⁰. Романов подчеркнул, что Устав о холопах — «не учебник права, регистрирующий систематически все разновидности того или иного предмета, о котором зашла речь. Это — документ прежде всего политический, преследующий определенную политическую цель — признать на будущее законным лишь такой переход свободных и обельное холопство, в котором не было бы принуждения со стороны господ, и тогда уже считать, что бывший свободный ни под каким видом не может поднять спора о своем холопстве»²⁰¹. И тут Устав «ставил свою задачу слишком четко, чтобы затемнять суть дела нагромождением лишних деталей — ради нашего ученого педантизма»²⁰². Мысль Романова о добровольном переходе свободных в обельное холопство, засвидетельствованном статьей 110, не являлась совершенной новостью в историографии древнерусского рабства. В тех или иных вариациях она звучала и раньше. Так, Дьяконов специфику статьи 110 находил в том, что в ней отразилось установление холопства по почину самих поступающих в холопы²⁰³. О поступлении в обельные холопы по доброй воле, закрепленном законодательно в упомянутой статье, говорил и Довнар-Запольский²⁰⁴. Юшков, вчитываясь в текст все той же статьи, обнаружил превращение свободного человека в обельного холопа «без формального принуждения»²⁰⁵.

Эти объяснения были оспорены Смирновым. Он полагал, что путь к выяснению вопроса об источниках обельного холопства, перечисленных в статье 110, открыл Ключевский, назвавший их «гражданскими источниками» холопства²⁰⁶. «Формула Ключевского о “гражданских источниках” обельного холопства ст. 110, конечно, гораздо глубже раскрывает существо этих источников, чем слова Дьяконова о “доброй воле поступающего” или тезис Юшкова и Романова об отсутствии “принуждения”, указывая на то, что корни этих источников обельного холопства следует искать в “гражданских отношениях”, т.е. в отношениях экономических. Иными словами, здесь свободный человек превращается в обельного холопа силой самих экономических отношений без применения политического насилия»²⁰⁷. Следует согласиться с уточнением Смирнова, основанным на идее Ключевского о гражданских источниках обельного холопства статьи 110. Но это не исключает полностью возможность добровольного (без прямого насилия) поступления свободного человека в обельное холопство, о чем говорили исследователи, которым оппонирует Смирнов. Верно то, что в обельные холопы свободный люд нередко загоняла крайняя нужда, в результате чего добрая воля при переходе в несвободное состояние выглядела весьма условной, по существу — фиктивной²⁰⁸. Однако подобного рода ситуация не исчерпывает многообразия эмпирических случаев, побуждавших людей Древней Руси поступаться своей свободой. Было упрощением, если не примитивизмом, рассуждать так, будто переход свободных в обельное холопство — следствие одной лишь поработительной политики господ. Для некоторых лиц жизнь в холопах являлась заманчивой, поскольку давала им покровительство и защиту перед внешним миром, столь необходимые в условиях социальной неустойчивости, присущей переходным эпохам²⁰⁹, не говоря уже о реальной перспективе приобретения не только материального достатка, но и богатства. Вероятно, о таких, обогатившихся в холопстве, злословил Даниил Заточник: «Не лепо у свинии в нозрех рясы златы, тако на холопе порты дороги. Аще бо были котлу во ушню златы кольца, но дну его не избыти черности и жжения; тако же и холопу: аще бо паче меры горделив был и буяв, но укору ему своего не избыти, холопья имени»²¹⁰. Трудно мотивировать экономической безысходностью женитьбу свободного человека на рабе, а тем более — вступление в должность тиуна. Скорее всего, тут имела место личная инициатива, идущая не от господина, а от тех, кто хотел жениться на рабыне или пойти в тиуны. Корни этого холопства произрастали в толще бытовых (брак с рабой) и социальных (поступление в тиун-

ство) отношений, не связанных ни с экономическим принуждением, ни с политическим насилием. И совсем не обязательно думать, будто человек в этих случаях становился обельным холопом благодаря лишь своей небрежности или оплошности²¹¹, позабыв заключить ряд с господином. Могло статься, что до́говор (ряд) не входил в планы совершающих сделку сторон.

Если статья 110 допускает при определенных условиях переход свободного в обельное холопство, то статья 111 полностью отрицает возможность подобных превращений: «А в даче не холоп, ни по хлебе роботять, ни по придатце; но оже не доходяць года, то ворочати ему милость; отходить ли, то не виноват естъ»²¹². Важным для выводов нашего исследования является запрет обращения в рабство за дачу, хлеб и придаток. Закон, как видим, ограждал от порабощения бедняков, пользующихся материальной помощью богатых людей. Можно согласиться с Романовым, что «законодатель здесь вел борьбу именно с распространением обельного холопства»²¹³.

Зимин, оценивая в целом статьи 110 и 111, говорил о сокращении и ограничении в них источников обельного холопства²¹⁴. Вернее, на наш взгляд, было бы сказать, что названные статьи, упорядочив процесс формирования холопства, происходящий в недрах местного общества, брали под контроль развитие внутреннего рабства, разрушительно действующего на традиционную социальную структуру Древней Руси. С этой точки зрения вполне приемлем тезис М.Б. Свердловва о том, что статьи 110 и 111 «представляют собой юридическую новацию, предназначенную для регламентации социальных процессов»²¹⁵. Однако историк не прав, когда собственно регламентацией установления холопства объясняет отсутствие в статье 110 (кроме фигурирующей там холопией триады) других его видов, образуемых «по преемственности холопьяго состояния (дети холопов), вследствие плена», в результате гибели по халатности имущества, доверенного купцу²¹⁶. Причина этого отсутствия не столько в регламентации как таковой, сколько в характере источников холопства. Статья 110 трактует о внутриобщественном рабстве, возникающем прямо, но отнюдь не опосредованно через холопье состояние родителей, криминальные казусы и, конечно же, не через плен, поскольку пленение вело в челядинство — рабство внешнего происхождения, в отличие от холопства, зародившегося внутри общины. Пленник-раб назывался на Руси XI–XII вв. челядином, а не холопом. Потому статья 110 и не упоминает плен в качестве источника холопства. Эту мысль, высказанную нами много лет назад, оспорил Зимин, который писал: «Еще Б.Д. Греков обратил вни-

мание на то, что ст. 110 “в своем перечне источников рабства пропускает плен”. И.Я. Фроянов объясняет это тем, что “плен был источником челядинства, а не холопства”. Но так как автору не удалось доказать существования в Пространной Правде каких-либо черт различия в источниках и правовом положении холопства и челядинства, его предположение не может быть признано²¹⁷. Напрасный труд разыскивать в Пространной Правде источники челядинства. Ведь Правда занята явлениями внутренней жизни древнерусского общества, тогда как челядь формировалась за счет людей, плененных в войнах, т.е. поступала извне. Зато сопоставление правового и экономического положения холопов и челяди в Пространной Правде выявляет заметные различия в их юридической и экономической дееспособности²¹⁸. Главное в статьях 110 и 111 состоит в том, что они, регулируя в одних случаях обращение в обельное холопство, а в других запрещая его, ограждали от порабощения рядовую массу свободного людства, являвшуюся основной опорой общественного здания Древней Руси.

Итак, законодательство Владимира Мономаха, предпринятое в условиях обострения социальных противоречий в Русской земле конца XI – начала XII вв. и проводимое под воздействием народных волнений 1113 г. в Киеве, имело целью снять напряжение в обществе, избавить его от раздоров и столкновений, грозящих самому существованию киевской общины. Мономах осуществил ряд решительных мер, призванных нормализовать социальную обстановку в Русской земле. Он отменил давние долги, обуздал произвол ростовщиков, оградил от похолопливания свободных и полусвободных людей, регламентировал переход свободных людей в рабство, в конечном счете установил порядок, ограничивающий институт обельного холопства. Князь, разумеется, не покушался на ростовщичество и рабство вообще, будучи не в силах отменить эти социальные явления. Поэтому его законы имели компромиссный характер, отвечая, однако же, в большей степени интересам должников и порабощаемых, нежели заимодавцев и холоповладельцев.

§ 4 Исторические параллели законотворческой деятельности Великого Князя Владимира Мономаха: Грузия, Ромейская империя

Деятельность Владимира Мономаха находит любопытные историко-сравнительные параллели. Царица Тамара (1184–1212 гг.), например, после восшествия на Грузинский престол «освободила должников от долга, подкрепила сирот и дала вдовицам право выходить за-

муж, сделала сильными неимущих и обогатила сильных»²¹⁹. Заметное сходство законодательство Мономаха обнаруживает и с правотворчеством античных правителей. Недаром Покровский сравнивал Устав Мономаха с сисахтией Солона, «страхнувшей» долговую кабалу с плеч афинских граждан²²⁰. В архаической Греции мы встречаемся с целой плеядой законодателей, номофетов. Это — Ликург в Спарте, Зелевк в Локрах Эпизефирских (Южная Италия), Харонд в Катане (Сицилия), Драконт и Солон в Афинах, Питтак в Метелене на Лесбосе и др.²²¹ Уже сама многочисленность такого рода деятелей наводит на мысль, что их выход на историческую сцену далеко не случаен. И действительно, он был связан со временем превращения «аморфного, но социально нездорового позднеродового общества в гражданское», т.е. с эпохой, отличавшейся обострением социальных противоречий, неурядицами, коллизионными ситуациями, перераставшими иногда в вооруженные конфликты²²². Однако социальную борьбу, охватившую архаических греков, не следует отождествлять с классовой борьбой²²³. Общественная нестабильность и востребовала социальное посредничество, служившее «важнейшим орудием преодоления политических и социальных противоречий в Греции VII–VI вв.».

По словам Э.Д. Фролова, «первоочередными требованиями демоса в век архаики были сложение долгов и запрещение долговой кабалы, передел земли, установление равноправия и фиксация его гарантий в писаных законах»²²⁴. Разрешением проблем, связанных с этими требованиями, занимались номофеты, выполнявшие «функции социальных посредников, примирителей в смуте»²²⁵. Фролов особо подчеркивает «сознательное избрание народом социальных посредников для форсированного упорядочения гражданских дел»²²⁶. Наиболее яркой и значительной фигурой среди них был Солон, пользовавшийся славой одного из самых замечательных номофетов древности²²⁷. Избранный по общему согласию в 594 г. до н.э. первым архонтом Афин, Солон выступил «в момент острого социального кризиса, когда распри между народом и знатью достигли того предела, за которым должна была начаться открытая гражданская война»²²⁸. В чем состояли реформы Солона? В интересах широких слоев афинского народа, прежде всего демоса, он осуществил разовое сложение долгов. О важности этой меры говорят многочисленные аналогии в жизни других полисов: «четверть века спустя после 570 г. кассацию долгов провели мегаряне, а в конце века — кротонцы и итальянские кимейцы»²²⁹. Ростовщичество, опутавшее долгами рядовое граждан-

ство, было, следовательно, общей социальной болезнью архаической Греции. Отменив долги, Солон позаботился и о должниках, проданных в рабство: они были выкуплены на общественные деньги. Вместе с тем Солон запретил долговую кабалу, что по сути означало запрещение внутреннего, «эндогенного рабства»²³⁰. Афинский законодатель и здесь решал одну из самых острых проблем античного общества в период архаики, что видно на примере других полисов, где также принимались законы, налагавшие запрет на самозаклад и исключавшие обращение в рабство за долг гражданина местной общины²³¹. Солон осуществил политические преобразования, способствующие возрастанию роли народного собрания и суда, усилению военно-политической активности демоса²³². «Реформы Солон, — пишет Фролов, — были фундаментальны, но они не были радикальны в такой степени, в какой этого хотелось демократии: ни всеобщего передела земли, ни полного искоренения устоев аристократического порядка (в частности, системы родовых подразделений), ни тем более уничтожения самой знати Солон не произвел. В результате этот, может быть, самый замечательный из законодателей древности стал объектом нападков со всех сторон: радикально настроенная демократия порицала его за видимую непоследовательность, между тем как родовая знать не могла ему простить сделанных за ее счет уступок народу»²³³. Антиковеды подчеркивают компромиссный характер политики Солон, строящейся на принципе золотой середины²³⁴. И все ж таки реформы афинского мудреца, как и реформы остальных раннегреческих номофетов, были направлены на укрепление гражданского коллектива, смягчение в нем социальных противоречий, в конечном счете — на оздоровление общественной жизни.

Сопоставление Солон с Владимиром Мономахом выявляет созвучие в законотворчестве этих выдающихся правителей древности. Правда, Мономах не столь радикален, как Солон²³⁵. Если афинский архонт решительно кассировал все долги своих сограждан, то Киевский Князь отменил лишь давние долги и ограничил процентные ставки по новым²³⁶. Если первый запретил долговое рабство и самозаклад, то второй только стеснил внутреннее порабощение, поставив его под контроль закона и введя ряд регламентирующих условий, при, соблюдении которых могла быть реализована эта форма невольничества²³⁷. Тем не менее и Солон и Мономах шли в одинаковом направлении²³⁸, взяв на себя роль социальных посредников и примирителей в смуте, избранных афинянами и киянами для «форсированного упорядоче-

ния гражданских дел». Законодательная политика как Солона, так и Мономаха являлась компромиссной. Не беремся судить о приобретениях афинского демоса, но что касается широких кругов киевлян и жителей Русской земли, то компромисс, заложенный Мономахом в законы о резах, закупах и холопах, дал им больше выгод, чем богатой верхушке, которая «работала» людей и держала их в долговой зависимости. Вряд ли то была добровольная уступка или маневр киевских верхов, встревоженных народными волнениями 1113 г., хотя такое мнение существует в исторической литературе. Еще в начале нынешнего века Пресняков, оценивая деятельность Владимира Мономаха в качестве законодателя, писал: «Его законодательство: Устав о процентах, выработанный при участии дружины, тысяцких и бояр; ему же принадлежащий, по всей вероятности, Устав о закупах, как, может быть, и Устав о холопах, сохранившиеся в компиляции, известной под названием III редакции Русской Правды, имело целью ввести в определенные рамки обострявшуюся социальную борьбу, и, поскольку ограничивает эксплуатацию меньшей братии, должно быть названо актом самозащиты социальных верхов перед напором раздражения черного люда»²³⁹. В своих «Лекциях по русской истории» Пресняков вновь возвращается к характеристике законодательства Мономаха, которое «при ближайшем рассмотрении» выступает как «не текущее, не общегосударственное в полном смысле слова, а вызванное особыми обстоятельствами — моментом поднявшегося народного движения, и коснувшееся интересов тех слоев, которые близко связаны были, а в значительной степени и слиты с княжеско-дружинной средой социальных верхов киевского общества. И если мы видим, что тенденция этих Уставов (*о резах и о закупах*. — И.Ф.) направлена к ограничению их эксплуататорских инстинктов, то это дела не меняет. Уставы Мономаха были актом самозащиты социальных верхов от народного раздражения»²⁴⁰. Историк утверждает, что дальше этого развитие княжеского законодательства не пошло²⁴¹.

Нет никакой необходимости сомневаться в «текущем» и «общегосударственном» характере законодательства Мономаха на том лишь основании, что оно вызвано «особыми обстоятельствами» — «моментом поднявшегося народного движения». Тезис о появлении княжеских Уставов вследствие обстоятельств, связанных с народным движением, нуждается в уточнении. Народное движение определило только конкретное время законодательства Мономаха, тогда как само законодательство было вызвано общественным развитием Русской

земли в конце XI — начале XII вв., оказавшейся в состоянии социального кризиса, пребывание в котором было губительным для общества, не говоря уже о том, что нарушало внутренний мир — одно из важнейших условий нормальной жизнедеятельности любого социума. Законодательство Мономаха преследовало цель выхода из этого кризиса. Потому оно являлось и «текущим» и «общегосударственным», поскольку соответствовало потребностям времени и решало проблемы, стоящие перед обществом в целом. Упрощенно-классовым подходом страдает оценка «социального законодательства» Мономаха как сознательной попытки верхов «путем самоограничения» обеспечить «дальнейшую феодальную эксплуатацию народных масс». Совершенно очевидно, что князь не покушался на институты ростовщичества, закупничества и холопства, сохраняя тем самым возможность «дальнейшей эксплуатации» обездоленного люда в системе данных институтов. Ожидать от него запрещения названных учреждений было бы нелепо. О законодательной деятельности Мономаха следует судить не по тому, что он не сделал, а по тому, что он сделал сравнительно со своим предшественником на киевском княжении Святополком. И тут надо сказать, что Владимир Всеволодович существенным образом ограничил внутреннее рабство, а также покончил с произволом ростовщиков²⁴², отменив при этом давние долги и самочинные проценты. Социальной верхушке то было явно не по вкусу. Утверждать обратное, видя в этом осознанную уступку верхов низам, — значит наделять господствующее сословие непомерно высокой для того времени степенью классовой консолидации и самосознания. Полагаем, что меры, принятые Мономахом, шли наперекор вождениям ростовщиков, закупо- и холоповладельцев. Косвенный намек на это содержит послание митрополита Никифора Владимиру Мономаху. В митрополичьих увещеваниях проглядывает сложная и напряженная обстановка княжения Владимира: «О сем испытай, княже мой, о том помысли: о изгнанных от тебе, о осуженных от тебе наказания ради, о презренных; вспомни о всех, кто на кого изрекд, и кто на кого оклеветал»²⁴³. Изгнанные, оклеветанные и осужденные — это скорее всего представители не «простой чади», а верхнего слоя киевского общества. Отсюда можно предположить, что Мономаху пришлось проводить свои реформы, преодолевая сопротивление тех, кого они ущемляли, т.е. резюмцев и разного рода «душевладеельцев». Стало быть, мысль о намеренном самоограничении киевской верхушки в

законодательстве Мономаха необходимо отклонить за ее несостоятельностью.

Натянутой представляется и другая распространенная среди современных историков идея о том, будто законы, облегчающие положение должников, закупов и холопов, были вырваны у власти имущих охваченным волнениями закабаленным людом. Для пущей убедительности сторонники этой идеи говорят о непосредственном участии в событиях 1113 г. закупов и холопов²⁴⁴. Догадка о выступлении закупов и холопов зиждется собственно на появлении законодательства о закупах и холопах после «восстания» 1113 г. Но это — зыбкий аргумент. Нам известны случаи, когда в ходе народных волнений или в итоге их обсуждались и решались вопросы, касающиеся зависимых людей, не принимавших прямое участие в самих волнениях²⁴⁵. Но даже согласившись с возможностью подобного участия²⁴⁶, мы не стали бы рассматривать составление уставов о резах, закупах и холопах как победу «восставших» должников и несвободных. То был успех прежде всего простых свободных киевлян — потенциальных просителей займа, кандидатов в холопство и закупничество. Благодаря движению рядовой массы населения Киева и состоялись реформы Владимира Мономаха, оздоровившие общественную жизнь Русской земли. Ясно, что эти реформы отвечали интересам киевской вечевого общины в целом, поскольку упорядочивали социальные отношения, без чего дальнейшее поступательное развитие ее оказывалось невозможным. Они являлись важным этапом формирования городской общины Киева как средоточия города-государства в Киевской земле-волости. Свое становление киевская община завершает в середине XII века на фоне напряженной социальной и политической борьбы.

Примечания к главе 5

- ¹ Патерик Киевского Печерского монастыря. СПб., 1911. С. 106, 206–207.
- ² ПВЛ. М.; Л., 1950. Ч. 1. С. 146.
- ³ Там же. С. 199.
- ⁴ Там же. С. 160.
- ⁵ Там же. С. 177.
- ⁶ Там же. С. 160.
- ⁷ Словарь-справочник «Слова о полку Игореве». М.; Л., 1965. Вып. 1. С. 18.
- ⁸ Патерик... С. 107–108, 207–208.
- ⁹ ПВЛ. Ч. 1. С. 141.
- ¹⁰ Там же. С. 148, 150, 185.
- ¹¹ См.: *Фроянов И.Я.* Киевская Русь: Очерки социально-политической истории. Л., 1980. С. 54–63, 87–88.
- ¹² Там же.
- ¹³ ПВЛ. Ч. 1. С. 142.
- ¹⁴ *Покровский М.Н.* Избр. произв. М., 1966. Кн. 1. С. 160.
- ¹⁵ Интересное наблюдение сделал Пашуто: «Источники неясно, но все же говорят о том, что уже в начале 90-х годов происходило обогащение новой служилой знати за счет старой знати, т.е. перераспределение собственности, что простой народ не мог добиться княжой "Правды"». См.: *Пашуто В.Т.* Голодные годы... С. 76.
- ¹⁶ См.: *Рыбаков Б.А.* Киевская Русь и русские княжества XII–XIII вв. М., 1982. С. 446.
- ¹⁷ ПВЛ. Ч. 1. С. 143.
- ¹⁸ *Татищев В.Н.* История Российская в 7 т. М.; Л., 1963. Т. II. С. 128.
- ¹⁹ «Вряд ли, — пишет Черепнин, — раздача этого предмета первой необходимости была актом простой благотворительности. Вероятно, монастырь получал выгоду» (*Черепнин Л.В.* Общественно-политические отношения... С. 228). Из рассказа Патерика выгода, угадываемая ученым, никак не проглядывает. Ближе к истине Пашуто, говорящий о раздаче «соли» бедноте. См.: *Пашуто В.Т.* Голодные годы... С. 75.
- ²⁰ *Покровский М.Н.* Избр. произв. Кн. 1. С. 161.
- ²¹ Патерик... С. 108, 208.
- ²² *Черепнин Л.В.* Общественно-политические отношения... С. 228–229.
- ²³ Патерик... С. 106–107, 109, 207–208.
- ²⁴ См.: *Срезневский И.И.* Материалы для словаря древнерусского языка. СПб., 1903. Т. III. Стб. 31.
- ²⁵ См.: *Рыбаков Б.А.* Киевская Русь... С. 447.
- ²⁶ Патерик... С. 109, 206.
- ²⁷ ПВЛ. Ч. 1. С. 143.
- ²⁸ Там же. С. 170.
- ²⁹ *Рыбаков Б.А.* Киевская Русь... С. 449.
- ³⁰ ПВЛ. Ч. 1. С. 184–185.
- ³¹ Там же. С. 186, 187.
- ³² Там же. С. 192.
- ³³ Там же. С. 195.

- ³⁴ Рыбаков Б.А. Киевская Русь... С. 459.
- ³⁵ ПСРЛ. М., 1962. Т. II. Стб. 275–276.
- ³⁶ Успенский сборник XII–XIII вв. М., 1971. С. 69.
- ³⁷ Грушевский М.С. Очерк истории... С. 121.
- ³⁸ Соловьев С.М. Сочинения. М., 1988. Кн. 1. С. 388. См. также: Тихомиров М.Н. Древнерусские города. М., 1956. С. 191–192.
- ³⁹ Ср.: Смирнов И.И. Очерки социально-экономических отношений Руси XII–XIII веков. М.; Л., 1963. С. 240.
- ⁴⁰ См., напр.: Татищев В.Н. История Российская. Т. IV. С. 179; Соловьев С.М. Сочинения. Кн. 1. С. 388; Грушевский М.С. Очерк истории... С. 121; Мавродин В.В. Народные восстания... С. 72; Тихомиров М.Н. Крестьянские и городские восстания... С. 136.
- ⁴¹ См.: Фроянов И.Я. Престижные пиры и дарения // Советская этнография. 1976. № 6. С. 43–45.
- ⁴² См. с. 135 настоящей книги.
- ⁴³ Соловьев С.М. Сочинения. Кн. 1. С. 389; Грушевский М.С. Очерк истории... С. 121; Линниченко И.А. Вече в Киевской области. Киев, 1881. С. 29.
- ⁴⁴ Приселков М.Д. Очерки по церковно-политической истории Киевской Руси X–XII вв. СПб., 1913. С. 323.
- ⁴⁵ Покровский М.Н. Избр. произв. Кн. I. С. 163.
- ⁴⁶ См.: Греков Б.Д. Киевская Русь. С. 502–503; Мавродин В.В. Народные восстания... С. 72; Будовниц И.У. Общественно-политическая мысль... С. 141; Смирнов И.И. Очерки... С. 241; Рыбаков Б.А. Киевская Русь... С. 450; Толочко П.П. 1) Киев и Киевская земля в эпоху феодальной раздробленности XII–XIII вв. Киев. 1980. С. 105–106; 2) Древний Киев. С. 212–214.
- ⁴⁷ Черепнин Л.В. Общественно-политические отношения... С. 295.
- ⁴⁸ Тихомиров М.Н. Древнерусские города. С. 191.
- ⁴⁹ Там же. С. 192.
- ⁵⁰ Греков Б.Д. Киевская Русь. С. 502.
- ⁵¹ Очерки истории СССР: Период феодализма IX–XV вв. М., 1953. Ч. I. С. 190.
- ⁵² Татищев В.Н. История Российская. Т. IV. С. 179.
- ⁵³ Татищев В.Н. История Российская. М.; Л., 1963. Т. II. С. 128.
- ⁵⁴ Там же. С. 260.
- ⁵⁵ Соловьев С.М. Сочинения. Кн. 1. С. 681.
- ⁵⁶ Смирнов И.И. Очерки... С. 256.
- ⁵⁷ Пештич С.Л. Русская историография XVIII в. Л., 1961. Ч. 1. С. 250.
- ⁵⁸ Пештич С.Л. Русская историография XVIII в. Ч. 1. С. 250. Смирнов, смягчая упрек Пештича в адрес Грекова, писал: «Отмечу, кстати, что в цитате Татищева у Соловьева опечатка: "...сошедшись в церкви св. Софии". По-видимому, этим объясняется неточность в передаче Татищевского известия, допущенная Б.Д. Грековым, взявшим его у Соловьева, а вовсе не тем, что оно было "усилено" Б.Д. Грековым, как считает С.Л. Пештич» (Смирнов И.И. Очерки... С. 256). Однако Греков ссылается именно на «Историю» Татищева, а не Соловьева (см.: Греков Б.Д. Киевская Русь. С. 502).

⁵⁹ Рыбаков Б.А. Киевская Русь... С. 451. Рыбаков уводит в сторону от понимания подлинной сути произошедшего в днепровской столице. Необходимо еще раз вернуться к источникам и внимательно разобраться в них.

⁶⁰ Смирнов И.И. Очерки... С. 256, 260. См. также: Рыбаков Б.А. В.Н. Татищев и летописи XII в. // История СССР. 1971. № 1. С. 100–101.

⁶¹ Смирнов И.И. Очерки... С. 254–264.

⁶² Там же. С. 240.

⁶³ Черепнин Л.В. Общественно-политические отношения... С. 235.

⁶⁴ Там же.

⁶⁵ См.: Фроянов И.Я., Дворниченко А.Ю. Города-государства Древней Руси. Л., 1988. С. 57–59.

⁶⁶ ПСРЛ. Т. II. Стб. 275.

⁶⁷ Успенский сборник XII–XIII вв. С. 69.

⁶⁸ Татищев В.Н. История Российская. Т. II. С. 128–129; Т. IV. С. 179.

⁶⁹ Смирнов И.И. Очерки... С. 261.

⁷⁰ См. главу 4 настоящей книги.

⁷¹ Татищев В.Н. История Российская. Т. II. С. 128; Т. IV. С. 179. Это известие Татищева заслуживает доверия, поскольку перекликается с другими летописными сообщениями о киевском вече. См.: Фроянов И.Я. Киевская Русь: Очерки социально-политической истории. С. 173–174.

⁷² Срезневский И.И. Материалы для словаря древнерусского языка. СПб., 1895. Т. II. Стб. 1496.

⁷³ Татищев В.Н. История Российская. Т. IV. С. 179.

⁷⁴ Там же. Т. II. С. 129.

⁷⁵ Нет причин видеть в этом политическую ущербность или безправие рядовой массы населения Киева. Такой посольский обычай существовал еще в родоплеменном обществе. Практиковался он и после изучаемых нами событий, в частности в самом Киеве. См.: Фроянов И.Я., Дворниченко А.Ю. Города-государства Древней Руси. С. 59, 62.

⁷⁶ Татищев В.Н. История Российская. Т. IV. С. 179.

⁷⁷ Там же. Т. II. С. 129.

⁷⁸ Карамзин Н.М. История Государства Российского. М., 1991. Т. II–III. С. 91.

⁷⁹ Соловьев С.М. Сочинения. Кн. 1. С. 389.

⁸⁰ Костомаров Н.И. Русская история в жизнеописаниях ее главнейших деятелей. М., 1990. Кн. 1. С. 62.

⁸¹ Костомаров Н.И. Исторические монографии и исследования. СПб., 1872. Т. I. С. 200.

⁸² Грушевский М.С. Очерк истории... С. 123.

⁸³ Сергеевич В.И. Русские юридические древности. Т. II. Вече и князь. Советники князя. СПб., 1900. С. 7.

⁸⁴ Там же. С. 8.

⁸⁵ Греков Б.Д. Киевская Русь. С. 502.

⁸⁶ Тихомиров М.Н. Древнерусские города. С. 192.

⁸⁷ Мавродин В.В. Народные восстания... С. 73.

⁸⁸ Смирнов И.И. Очерки... С. 262.

⁸⁹ *Погодин М.П.* Исследования, замечания и лекции о русской истории. М., 1850. Т. IV. С. 371–372. Прим. 105.

⁹⁰ ПСРЛ. М., 1962. Т. I. Стб. 290; Т. II. Стб. 275–276; *Татищев В.Н.* История Российская. Т. IV. С. 179–180.

⁹¹ ПВЛ. Ч. 1. С. 162.

⁹² *Рыбаков Б.А.* Киевская Русь... С. 456. В другой своей книге Рыбаков пишет: «Такая форсированная, фельдъегерская езда требовала, во-первых, целой конюшни для 10–15 подстав на пути и, во-вторых, необычайной выносливости всадника, о чем, собственно, идет речь в «Поучении» Мономаха. Вот этот-то богатырский поскок и предлагал князь повторить своим боярам». См.: *Рыбаков Б.А.* Древняя Русь. Сказания. Былины. Летописи. М., 1963. С. 131.

⁹³ О том, что Мономах находился под Киевом, не решаясь вступить в город, писал М.Н. Тихомиров. См.: *Тихомиров М.Н.* Крестьянские и городские восстания... С. 141–142.

⁹⁴ См.: *Смирнов И.И.* Очерки... С. 262–263.

⁹⁵ *Татищев В.Н.* История Российская. Т. IV. С. 179.

⁹⁶ Те же сведения приводятся и в «Истории» В.Н. Татищева. См.: *Татищев В.Н.* История Российская. Т. II. С. 129; Т. IV. С. 179.

⁹⁷ См., напр.: *Покровский М.Н.* Избр. произв. Кн. 1. С. 161; *Греков Б.Д.* Киевская Русь. С. 502; *Маевский В.В.* Народные восстания... С. 73–74.

⁹⁸ *Тихомиров М.Н.* Крестьянские и городские восстания... С. 137.

⁹⁹ *Покровский М.Н.* Избр. произв. Кн. 1. С. 161.

¹⁰⁰ ПСРЛ. Т. II. Стб. 276.

¹⁰¹ Ср.: *Смирнов И.И.* Очерки... С. 264.

¹⁰² Ср.: *Греков Б.Д.* Киевская Русь. С. 502; *Толочко П.П.* Древний Киев. С. 53.

¹⁰³ *Толочко П.П.* Древний Киев. Киев, 1982. С. 68–69.

¹⁰⁴ *Костомаров Н.И.* Исторические монографии и исследования. Т. 1. С. 200.

¹⁰⁵ *Грушевский М.С.* Очерк истории... С. 123.

¹⁰⁶ См.: *Фроянов И.Я.* Мятельный Новгород: Очерки истории государственности, социальной и политической борьбы конца IX – начала XIII столетия. СПб., 1992. С. 204–205.

¹⁰⁷ См.: *Соловьев С.М.* Сочинения. Кн. 1. С. 390.

¹⁰⁸ *Кандель Ф.* Очерки времен и событий: Из истории российских евреев (до второй половины XVIII в.). Иерусалим, 1988. С. 36.

¹⁰⁹ Именно резкий перелом политической ситуации в Киеве побудил Мономаха приехать в Киев, а не чувство моральной ответственности за умножение грабежей и страх перед Богом за попустительство, как старается убедить своих читателей летописец. Нравственные мотивы нельзя, конечно, исключать полностью. Но главным все же являлся политический расчет.

¹¹⁰ *Татищев В.Н.* История Российская. Т. IV. С. 179–180.

¹¹¹ Там же. Т. II. С. 129.

¹¹² *Татищев В.Н.* История Российская. Т. II. С. 129.

¹¹³ *Соловьев С.М.* Сочинения. Кн. 1. С. 390.

¹¹⁴ *Рыбаков Б.А.* Киевская Русь... С. 450.

¹¹⁵ *Грушевский М.С.* Очерк... С. 131.

¹¹⁶ *Тихомиров М.Н.* Крестьянские и городские восстания... С. 141–142.

¹¹⁷ *Мавродин В.В.* 1) Народные восстания... С. 75; 2) Образование Древнерусского государства и формирование древнерусской народности. М., 1971. С. 93. В ранней своей работе историк придерживался иного взгляда: «Тотчас по вступлении на Киевский престол Мономах "созва дружину свою на Берестовем"... Результатом этого совещания и был "Устав" Мономаха». См.: *Мавродин В.В.* Очерки по истории феодальной Руси. Л., 1949. С. 174.

¹¹⁸ *Юшков С.В.* Русская Правда. Происхождение, источники, ее значение. М., 1950. С. 335.

¹¹⁹ *Зимин А.А.* Холопы на Руси (с древнейших времен до конца XV в.). М., 1973. С. 162.

¹²⁰ Черепнин, опираясь на Сказание о Борисе и Глебе, доказывает, что Владимир «сначала "утоли мятеж и гьлку в людх", а затем уже "прея княжение всея Русьскы земли". А для "утоления" гнева поднявшихся народных масс князю нужно было приехать с реальным ответом на их требования» (*Черепнин Л.В.* Общественно-политические отношения... С. 236). Если строго придерживаться Сказания, то надо заметить, что Владимир Мономах сперва «вышьдь» в Киев, а потом «утоли мятеж и гьлку в людх». Далее агнограф, как бы завершая повествование о «мятеже» и «крамоле» в городе, говорит: «И прея княжение всея Русьскы земля въ лето 6621» (Успенский сборник XII–XIII вв. С. 69). Отсюда ясно, что перед нами концовка древнего книжника, подводящая итог изложения сюжета, а не событийная последовательность, как считает Черепнин. Напомним также, что вхождение призванного князя в город было сопряжено с его вокняжением. Таков был заведенный порядок и обычай.

¹²¹ *Тихомиров М.Н.* Крестьянские и городские восстания... С. 143.

¹²² *Зимин А.А.* Холопы на Руси... С. 162.

¹²³ Правда Русская. М.; Л., 1940. Т. I. Тексты. С. 110.

¹²⁴ Там же. С. 71.

¹²⁵ *Тихомиров М.Н.* Крестьянские и городские восстания... С. 140–142.

¹²⁶ *Каргер М.К.* Древний Киев: Очерки по истории материальной культуры древнерусского города. М.; Л., 1958. Т. I. С. 274.

¹²⁷ *Черепнин Л.В.* Общественно-политические отношения... С. 236.

¹²⁸ Тихомиров верно отмечал, что «совещание на Берестовом произошло после восстания в Киеве». См. *Тихомиров М.Н.* Пособие для изучения Русской Правды. М., 1953. С. 98.

¹²⁹ См.: *Фроянов И.Я.* Мятежный Новгород... С. 61–62.

¹³⁰ *Каргер М.К.* Древний Киев: Очерки по материальной культуре древнерусского города. М.; Л., 1961. Т. II. С. 377.

¹³¹ *Каргер М.К.* Древний Киев... Т. I. С. 273.

¹³² ПВЛ. Ч. I. С. 104.

¹³³ Там же. С. 121.

¹³⁴ Там же. С. 104.

¹³⁵ Там же. С. 105.

¹³⁶ Ср.: *Каргер М.К.* Древний Киев... Т. II. С. 377.

¹³⁷ См.: *Каргер М.К.* Древний Киев... Т. II. С. 377.

¹³⁸ Там же. С. 377–378.

¹³⁹ См.: *Толочко П.П.* Древний Киев. С. 91.

¹⁴⁰ Мавродин В.В. 1) Очерки... С. 174; 2) Народные восстания... С. 75.

¹⁴¹ Тихомиров М.Н. Древнерусские города. М., 1956. С. 192–193.

¹⁴² См.: Фроянов И.Я. Киевская Русь: Очерки социально-политической истории. С. 40–41.

¹⁴³ Там же. С. 43, 210–211.

¹⁴⁴ Скажем еще определеннее: нелепо думать, будто избрание тысяцкого состоялось до избрания князя. В данном случае против этого говорит и кандидатура Ратибора — человека из окружения Всеволода Ярославича и потому близкого Мономаху, кем, надо полагать, он и был выдвинут на должность тысяцкого. См.: Тихомиров М.Н. Крестьянские и городские восстания... С. 142.

¹⁴⁵ См.: Фроянов И.Я., Дворниченко А.Ю. Города-государства Древней Руси. С. 83–92.

¹⁴⁶ См.: Насонов А.Н. «Русская земля» и образование территории древнерусского государства. М., 1951.

¹⁴⁷ Успенский сборник XII–XIII вв. С. 69.

¹⁴⁸ См.: Фроянов И.Я., Дворниченко А.Ю. Города-государства Древней Руси. С. 90–92.

¹⁴⁹ Тихомиров М.Н. 1) Исследование о Русской Правде. Происхождение текстов. М.; Л., 1941. С. 210; 2) Крестьянские и городские восстания... С. 131–132.

¹⁵⁰ Смирнов И.И. Очерки... С. 265, 271.

¹⁵¹ Макарий. История Русской церкви. СПб., 1857. Т. II. С. 327.

¹⁵² Зимин А.А. Холопы на Руси... С. 159.

¹⁵³ Правда Русская. Т. I. С. 109–110.

¹⁵⁴ См.: Гусаков А.Д. О ростовщичестве в Киевской Руси // Вопросы экономики, планирования и статистики. М., 1957. С. 286.

¹⁵⁵ Правда Русская. Т. II. Комментарии. М.; Л., 1947. С. 419.

¹⁵⁶ Ключевский В.О. Сочинения: в 9 т. М., 1989. Т. VII. С. 456.

¹⁵⁷ Правда Русская. Т. I. С. 192.

¹⁵⁸ «Зайдут ли ся куны того же года» можно понимать и так: перейдет ли долг на следующий год. В этом случае закон предписывал взимание месячного реза в рамках года заключения долговой сделки. При таком повороте мы сталкиваемся, вероятно, с какими-то языческими представлениями о Старом и Новом годах.

¹⁵⁹ Т.е. месячный рез уступает место третьему резу. См.: Правда Русская: учебн. пос. М.; Л., 1940. С. 64; Смирнов И.И. Очерки... С. 272.

¹⁶⁰ См.: Рыбаков Б.А. Киевская Русь... С. 450–451.

¹⁶¹ Ср.: Смирнов И.И. Очерки... С. 271–272.

¹⁶² Памятники русского права. Вып. I. С. 163.

¹⁶³ Тихомиров М.Н. Крестьянские и городские восстания... С. 144.

¹⁶⁴ Черепнин Л.В. Общественно-политические отношения... С. 236.

¹⁶⁵ Смирнов И.И. Очерки... С. 273.

¹⁶⁶ Там же. С. 274.

¹⁶⁷ Там же.

¹⁶⁸ Мавродин В.В. 1) Очерки... С. 174; 2) Народные восстания... С. 75.

¹⁶⁹ Греков Б.Д. Киевская Русь. С. 503.

¹⁷⁰ Толочко П.П. Древний Киев. С. 215.

¹⁷¹ Рыбаков Б.А. Киевская Русь. С. 450–451.

¹⁷² Правда Русская. Т. I. С. 110. Зимин видит в этом старую практику (Памятники русского права. Вып. I. С. 160). Связывает ее в равной мере со Святополковым и Мономаховым законодательством Смирнов (Смирнов И.И. Очерки... С. 273). Мы отдаем предпочтение точке зрения Мавродина: «Устанавливался (Момахом. — И.Ф.) новый порядок, по которому законным считался процент в размере не выше 10 кун на гривну». См.: Мавродин В.В. Народные восстания... С. 76.

¹⁷³ См.: Гусаков А.Д. О ростовщичестве в Киевской Руси...

¹⁷⁴ Имеем в виду должников вообще, а не отдельные категории населения Киевской земли. Ср.: Тихомиров М.Н. Крестьянские и городские восстания... С. 145; Зимин А.А. Холопы... С. 164.

¹⁷⁵ Правда Русская. Т. I. С. 110.

¹⁷⁶ Там же.

¹⁷⁷ См.: Удинцов В. История займа. Киев, 1908. С. 140; Струмилин С.Г. Договор займа в древнерусском праве. М., 1929. С. 59–60; Греков Б.Д. Киевская Русь. С. 185–187.

¹⁷⁸ См.: Сергеевич В.И. Русские юридические древности. Т. 1. С. 148; Владимирский-Буданов М.Ф. Обзор истории русского права. СПб.; Киев, 1907. С. 407; Самоквасов Д.Я. Курс истории русского права. М., 1908. С. 281; Дьяконов М.А. Очерки общественного и государственного строя Древней Руси. СПб., 1912. С. 106; Тихомиров М.Н. Пособие... С. 99; Гусаков А.Д. О ростовщичестве в Киевской Руси. С. 289; Черепнин Л.В. Общественно-политические отношения... С. 238–239; Зимин А.А. Холопы... С. 165–167.

¹⁷⁹ Фроянов И.Я. Киевская Русь: Очерки социально-экономической истории. Л., 1974. С. 109.

¹⁸⁰ Романов Б.А. Люди и нравы Древней Руси. М.; Л., 1966. С. 69.

¹⁸¹ Там же. С. 219, 225.

¹⁸² Правда Русская. Т. I. С. 110–111.

¹⁸³ См.: Юшков С.В. Очерки по истории феодализма в Киевской Руси. М.; Л., 1939. С. 72; Романов Б.А. Люди и нравы... С. 70; Зимин А.А. Холопы... С. 202.

¹⁸⁴ Правда Русская. Т. I. С. 111.

¹⁸⁵ Там же.

¹⁸⁶ Там же. С. 112.

¹⁸⁷ Смирнов И.И. Очерки... С. 281.

¹⁸⁸ Тихомиров М.Н. Крестьянские и городские восстания... С. 145–146.

¹⁸⁹ Там же. С. 146.

¹⁹⁰ Греков Б.Д. Киевская Русь. С. 270.

¹⁹¹ Тихомиров М.Н. Крестьянские и городские восстания... С. 147.

¹⁹² См.: Пресняков А.Е. Лекции по русской истории. М., 1938. Т. I. Киевская Русь. С. 227; Юшков С.В. Очерки... С. 64; Греков Б.Д. Киевская Русь. С. 503; Зимин А.А. Холопы... С. 181–197; Свердлов М.Б. От Закона Русского... С. 162.

¹⁹³ См.: Романов Б.А. Люди и нравы... С. 226; Зимин А.А. Холопы... С. 185, 189.

¹⁹⁴ Смирнов И.И. Очерки... С. 166.

¹⁹⁵ Там же. С. 218.

- ¹⁹⁶ Там же. С. 209, 210, 220. Возражения см.: *Зимин А.А.* Холопы... С. 189–195.
- ¹⁹⁷ Правда Русская. Т. 1. С. 116.
- ¹⁹⁸ *Лешков В.* Русский народ и государство. М., 1858. С. 151–152.
- ¹⁹⁹ *Сергеевич В.И.* Русские юридические древности. Т. 1. С. 146–147.
- ²⁰⁰ *Романов Б.А.* Люди и нравы... С. 225–226.
- ²⁰¹ Там же. С. 226.
- ²⁰² Там же.
- ²⁰³ *Дьяконов М.* Очерки общественного и государственного строя Древней Руси. СПб., 1912. С. 105–106.
- ²⁰⁴ *Довнар-Запольский М.В.* Холопы // Русская история в очерках и статьях. Б/г. С. 322.
- ²⁰⁵ *Юшков С.В.* Очерки... С. 65.
- ²⁰⁶ См.: *Ключевский В.О.* Сочинения. в 9 т. М., 1990. Т. VIII. С. 129–130.
- ²⁰⁷ *Смирнов И.И.* Очерки... С. 222–223.
- ²⁰⁸ Там же. С. 223–224.
- ²⁰⁹ Древнерусское общество как раз и являлось переходным от доклассового строя к классовому. См.: *Фроянов И.Я.* 1) Киевская Русь: Очерки социально-экономической истории. Л., 1974; 2) Киевская Русь: Очерки социально-политической истории. Л., 1980; 3) Мятный Новгород: Очерки истории государственности, социальной и политической борьбы конца IX – начала XIII столетия. СПб., 1992.
- ²¹⁰ Слово Даниила Заточника по редакциям XII и XIII вв. и их переделкам. Л., 1932. С. 60–61.
- ²¹¹ Ср.: *Довнар-Запольский М.В.* Холопы. С. 322.
- ²¹² Правда Русская. Т. 1. С. 116.
- ²¹³ Правда Русская: учебн. пособие. С. 88.
- ²¹⁴ *Зимин А.А.* Холопы... С. 184–185.
- ²¹⁵ *Свердлов М.Б.* От Закона Русского... С. 163.
- ²¹⁶ Там же.
- ²¹⁷ *Зимин А.А.* Холопы... С. 191.
- ²¹⁸ См.: *Фроянов И.Я.* Киевская Русь: Очерки социально-экономической истории. Л., 1974. С. 110–113.
- ²¹⁹ История и восхваление венценосцев. Тбилиси, 1954. С. 35.
- ²²⁰ *Покровский М.Н.* Избр. произв. Кн. 1. С. 165.
- ²²¹ *Фролов Э.Д.* Рождение греческого полиса. Л., 1988. С. 120; *Шишова И.А.* Раннее законодательство и становление рабства в Античной Греции. Л., 1991. С. 51–88.
- ²²² Античная Греция. Т. I. Становление и развитие полиса. М., 1963. С. 173.
- ²²³ Там же. С. 193.
- ²²⁴ *Фролов Э.Д.* Рождение греческого полиса. С. 121.
- ²²⁵ Там же. С. 122.
- ²²⁶ Там же. С. 127.
- ²²⁷ *Шишова И.А.* Раннее законодательство... С. 60.
- ²²⁸ *Фролов Э.Д.* Рождение греческого полиса. С. 133.
- ²²⁹ Античная Греция. Т. I. С. 192.
- ²³⁰ *Фролов Э.Д.* Рождение греческого полиса. С. 133.

²³¹ Шишова И.А. Раннее законодательство... С. 60, 87, 93.

²³² Фролов Э.Д. Рождение греческого полиса. С. 134.

²³³ Там же.

²³⁴ См.: Колобова К.М., Глушкина Л.М. Очерки истории древней Греции. Л., 1958. С. 121; Каллистов Д.П. Греция в VIII–VI вв. до н.э. Формирование рабовладельческих государств // Всемирная история. М., 1956. Т. 1. С. 672, 673; Фролов Э.Д. 1) Рождение греческого полиса. С. 135; 2) Факел Прометея. Очерки античной общественной мысли. Л., 1991. С. 60, 146.

²³⁵ См.: Покровский М.Н. Избр. произв. Кн. I. С. 165.

²³⁶ Ликвидация долгосрочных долгов, произведенная Мономахом, больше схожа с установлениями древнеримских трибунов Лициния и Секстия, издавших закон (376 г. до н.э.), согласно которому уплаченные по долгам проценты засчитывались в погашение основного долга, что фактически означало отмену «долгосрочных обязательств, так как уплаченные по ним проценты в большинстве случаев, конечно, равнялись основному капиталу или даже превосходили его». См.: Ковалев С.И. История Рима. Курс лекций. Л., 1986. С. 92–93.

²³⁷ См.: Зимин А.А. Холопы... С. 184.

²³⁸ Покровский М.Н. Избр. произв. Кн. I. С. 165.

²³⁹ Пресняков А.Е. Княжое право в древней Руси: Очерки по истории X–XII столетий. СПб., 1909. С. 248.

²⁴⁰ Пресняков А.Е. Лекции по русской истории. Т. I. Киевская Русь. М., 1938. С. 227.

²⁴¹ Там же.

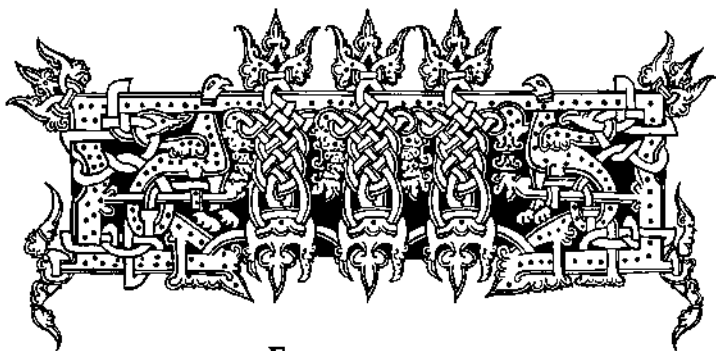
²⁴² По мнению Тихомирова, Устав о резах лишь «несколько ограничивает произвол заимодавцев» (Тихомиров М.Н. Крестьянские и городские восстания... С. 145). Автор откровенно занижает социальное значение законодательства Мономаха, относящегося к ростовщичеству.

²⁴³ Русские достопамятности. М., 1815. Ч. 1. С. 71–72.

²⁴⁴ См.: Греков Б.Д. Киевская Русь. С. 270; Тихомиров М.Н. Крестьянские и городские восстания... С. 145–147; Зимин А.А. Холопы... С. 160; Черепнин Л.В. Общественно-политические отношения... С. 243, 245.

²⁴⁵ См.: Фроянов И.Я. Мятежный Новгород: Очерки истории государственности, социальной и политической борьбы конца IX — начала XIII столетия. С. 200–202, 276.

²⁴⁶ Однако в этом случае следует исключить холопов из числа участников событий 1113 г., поскольку они по своему рабскому состоянию не имели права ходить на вечевые собрания, управлявшие этими событиями.

Глава шестая

КИЕВСКАЯ ЗЕМЛЯ В СЕРЕДИНЕ XII ВЕКА

§ 1 Русская земля после смерти Великого Князя Владимира Мономаха. Формирование обособленных древнерусских княжеств. Борьба Черниговской и Вышгородской общин за политическую независимость от Киева

Реформы Владимира Мономаха, укрепив изнутри киевскую общину, способствовали ее дальнейшему оформлению в город-государство. Этот процесс не являлся чем-то специфичным или характерным для одного лишь Киева. Образование городов-государств шло на Руси повсеместно, завершившись в основном примерно к середине XII в.¹ Что касается Южной Руси, то здесь к обозначенному времени единая в прошлом Русская земля распалась на три волости (города-государства) — Киевскую, Переяславскую и Черниговскую. Киев неохотно расставался с прежним господством в регионе. Ему удалось вовлечь в фарватер своей политики Переяславль и в известной мере привязать его к себе. Но с Черниговым у киевской общины складывались недружественные отношения, переходящие во вражду и войны. Ярким свидетельством тому служит запись новгородского летописца под 1135 г.: «Ходи Мирослав посадник из Новагорода мирить кыян съ черниговьци, и приде, не успев ницто же: сильно бо възмялася вся земля Русская; Ярополк к собе зваше новъгородьце, а черниговъскыи князь к собе; и бишася, и поможе бог Олговицю съ черниговчи, и многы кыяне исеце, а другыя изма руками. И не то бяше зло, нъ боле почяста копити вои и Половче и все»². Годом раньше значителен не менее красноречивая запись: «И раздърся вся земля Русьская»³. Приведенные свидетельства не оставляют сомнений в том, что борьба киевских князей с черниговскими была в значительной мере внешним проявлением борьбы двух городов-государств — Киева и Чернигова. В этой мысли убеждают и другие летописные известия, раскрывающие характер военных действий враждующих сторон. Так, в 1135 г.

Киевский Князь Ярополк Владимирович «съ братьею своею» ходил походом на черниговского князя Всеволода Ольговича. «И поимаша около города Чернигова села», — сообщает летописец⁴. Далее из его рассказа явствует, что в походе участвовали не только князья с дружинами, но и «вои» — народное ополчение Киева. В ответ Ольгович вместе с половцами «пойдоша воююче села и городы Переяславской власти и люди секуще, доже и до Киева придоша и Городец зажоша... ездяху по оной стороне Днепра, люди емлюще, а другие секуще... и плениша же и скота бесчисленное множество».

В Киеве и Чернигове хорошо понимали, что раздоры князей тесно связаны с межволостной борьбой. Когда Ярополк с огромным войском в очередной раз подступил к Чернигову, «Всеволод же почюти вой много у Ярополка убояся, и людие Черниговци въспиша къ Всеволоду, ты надеешися бежати в Половце, а волость свою погубиши, то к чему ся опять воротишь, луче того останися високоумья своего и проси си мира». Следовательно, бегство Всеволода к половцам не спасало черниговскую волость от разорения. И это может означать только то, что в основе военного конфликта лежали, помимо княжеских распрей, киево-черниговские противоречия. Для черниговцев тут была полная ясность. Поэтому они потревожились за судьбу своей волости. Киевляне, подобно черниговцам, также видели, что скрывается за междоусобиями князей. «Ти бо суть не мене одного хотели убити, но и вас искорените», — говорил Изяслав Мстиславич через послов «киянам», имея ввиду черниговских князей. Киевляне воспринимали слова Изяслава как исполненные реального смысла, ибо, действительно, черниговские правители, активно поддерживаемые общиной Чернигова, намеревались взять днепровскую столицу и наказать киян «за обиду» Игоря Ольговича.

Борьба черниговских князей с киевскими выходила за рамки межкняжеских отношений, являясь по существу соперничеством двух городов-государств, претендующих на господствующую роль в Среднем Поднепровье. Мощь Чернигова заметно возросла, и он переходит в наступление, стимулируя притязания Ольговичей на Киев, чтобы посредством своих князей возвыситься над киевской общиной. Именно поэтому стремление черниговских правителей сесть на киевский стол встречает всяческое содействие черниговцев, что было замечено еще историками прошлого века. Костомаров, излагая обстоятельства, связанные с вокняжением в Киеве Всеволода Ольговича, писал: «Сила его, очевидно, заключалась в черниговцах, которым льстило то, что они со своим князем делались решителями судьбы русского

мира»⁵. Игорь Ольгович также «держался за чужую киевлянам силу»⁶. Следовательно, Ольговичи, как, впрочем, и Мономаховичи, выступали не сами по себе, а в единении с земством, на которое они опирались. Вот почему борьбу между ними нельзя рассматривать лишь как межкняжескую. То была борьба и межволостная.

Мы обращаем внимание на эту сферу политической жизни Южной Руси середины XII в. не случайно, поскольку она оказывала существенное влияние на развитие конфликтов как в Киевской земле вообще, так и непосредственно в Киеве.

Выявляются две линии этого развития. Первая из них ведет нас к противоборству старейшего города Киева с пригородами, а вторая — к волнениям в киевской общине.

Формирование города-государства в Киевской земле, как и в других землях Древней Руси, происходило в русле противоречивых тенденций: вместе с ростом политического могущества Киева в волости поднимались города, превращавшиеся в средоточия целых районов. Усилившиеся таким образом пригороды тяготились зависимостью от метрополии, пытались либо выделиться в самостоятельный город-государство, либо ослабить над собой власть киевской общины, а то и разделить с нею державные права. Из всех киевских пригородов только Турову удалось отпочковаться в суверенную волость. Остальные не смогли преодолеть притяжения главного города. Однако некоторые пригороды сумели повысить свой политический статус. К их числу относится Вышгород, борьба которого с Киевом достигла к середине XII в. большого накала. Интересно, что в этой борьбе вышгородская община объединяется с черниговскими князьями, т.е. прибегает к помощи внешней силы.

18 февраля 1139 г. скончался Киевский Князь Ярополк Владимирович. Его брат Вячеслав, сидевший в Турове, поспешил в Киев. «И вниде Вячеслав... в Киев, и людем с митрополитом сретшим его и посадиша и на столе прадеда своего Ярослава»⁷. Но Всеволод Ольгович черниговский, прослышав о смерти Ярополка и о том, что Вячеслав вокняжился в Киеве, собрал «мало дружины» и «съ братом своим Святославом и с Володимером Давыдовичем придоша Вышегороду и сташе ту вышедше в город». Затем «пойде Всеволод Олгович из Вышегорода къ Киеву, изрядив полкы, и пришед ста у города в Копыреве конци, и нача зажигати двory, иже суть перед городом в Копыреве конци месяца марта в 4 день, а Вячслав противу не изииде, не хотя крове проляти, но отворися мнии, и высла к нему митрополита, река ему тако: «иди опять Вышегороду, а яз днесь иду в свою волость, а то тебе Киев»,

и створи тако. Всеволод иде Вышегороду опять. В ть день Вячеслав иде во свою волость в Туров. Всеволод же вниде в Киев марта в 5 день с честию и славою великою»⁸. Так повествует южный летописец о событиях, последовавших после кончины Ярополка. Другие летописатели, более поздние, приводят несколько иные подробности. В частности, по версии Московского свода 1479 г., Всеволод Ольгович узнает о смерти Ярополка и приезде в Киев Вячеслава, будучи в Вышгороде: «Се слышав Всеволод Ольгович, бе в то время в Вышегороде, и поиде из Вышегорода к Киеву с полкы своими»⁹. Летописные разночтения проникли в историческую литературу. Согласно Татищеву, князь Всеволод, «собрав вои невелики, иде вскоре к Вышегороду, а оттуда к Киеву»¹⁰. В изложении же Карамзина Всеволод Ольгович, «узнав в Вышгороде о кончине Ярополковой, немедленно собрал войско»¹¹.

Нам думается, что предпочтение надо отдать Ипатьевской летописи, по которой Всеволод прибывает в Вышгород, судя по всему, из Чернигова¹². Но это не означает, будто Черниговский князь «занял Вышгород», как считал С.М. Соловьев¹³ и как полагает новейший исследователь Толочко, не различающий в данном отношении Вышгород от Киева¹⁴. Однако «занять» хорошо укрепленный Вышгород¹⁵, располагая «малой дружиной», было попросту невозможно.

Вышгородцы, очевидно, сами отворили ворота Всеволоду, о чем говорит, на наш взгляд, летописная фраза «вышедше в город»¹⁶. Войдя в Вышгород с «малой дружиной», Всеволод Ольгович выступил из него, «изрядив полкы», т.е. со значительным войском, основную часть которого составило вышгородское ополчение. Недаром в Лаврентьевской летописи сказано, что Ольгович «приде» к Киеву «с Вышгородци»¹⁷. Стало быть, в борьбе за киевское княжение Черниговский князь нашел в лице вышгородцев своих союзников. Грушевский предполагал наличие в Вышгороде «значительной партии» сторонников Всеволода¹⁸. Речь, вероятно, нужно вести не об отдельной партии, а о вышгородской общине в целом, поддержавшей притязания Ольговича на Киев. Но мы ошибемся, если решим, что вышгородцы радели исключительно об интересах черниговского властителя. Они преследовали собственную цель, обусловленную стремлением отвоювать себе у Киева суверенные права, и достигли ее посажением своего ставленника на киевском столе.

Рать, приведенная Всеволодом к стенам Киева, была столь внушительной, что Вячеслав «противу не изыде». Летопись объясняет бездействие Вячеслава его нежеланием пролития крови¹⁹. Татищев к этому добавляет еще и то, что кияне не хотели «за нь битися»²⁰. Похоже,

страх перед полками вышгородской тысячи, пришедшими со Всеволодом, сковал волю Вячеслава и киевлян²¹. Всеволод Ольгович въехал в Киев «съ честью и славою великою» как победитель, благодаря во многом военному содействию вышгородцев, у которых теперь на киевском столе появился свой человек. Чтобы сгладить неблагоприятное впечатление, произведенное на киевскую общину вышгородской помощью и вмешательством вышгородцев в вопрос о замещении княжеского стола в Киеве, Всеволод, по свидетельству Никоновской летописи, устроил «съ отцем своим с Михаилом митрополитом, и з братиею своею, и со князи, и з бояры своими и съ всеми людьми пирование светло, и постави по улицам вина, и мед, и перевару, и всякое ядение, и овощи, и раздаде по церквам и по монастырем милостыню многу»²². Князь обратился к старым традициям, требующим проявления щедрости при получении власти, что в Киеве случалось и раньше²³. Пир, угощения, раздача богатств — средства задобрить киевлян, поднять среди них престиж новой власти. Но Всеволод напрасно старался: в Киеве его приняли поневоле, потом терпели на княжении и проводили в мир иной, больше радуясь, чем печалась²⁴. Зато с вышгородцами он сохранял приязненные отношения, о чем судим по описанию последних дней жизни князя.

В 1146 г. Всеволод Ольгович по возвращении в Киев из похода против Владимира Галицкого «разболися» и, почуяв близкую кончину, послал за братьями Игорем и Святославом, которые «приидоша и стаха у Вышегорода»²⁵. Туда же велел везти себя и смертельно больной Всеволод. Одни летописи рассказывают, что князя доставили в Вышгород²⁶, а другие сообщают, что он остановился «под Вышегородом въ Острове»²⁷. Зачем понадобилось князю мучительное путешествие? Некоторые историки усматривали здесь надежду Всеволода на облегчение и исцеление у мощей Святых угодников Бориса и Глеба, покоящихся в вышгородском храме. Отчасти, быть может, это так. Но главный смысл предсмертной поездки нам видится в желании Всеволода обеспечить наиболее благоприятные условия для переговоров с киянами о своем преемнике. Вышгород, поддерживающий Ольговичей²⁸, был для этого самым подходящим местом. И Всеволод, едва оказавшись там, приглашает к себе киевлян, чтобы условиться с ними о передаче брату Игорю киевского стола. В Ипатьевской летописи читаем: «И ста под Вышегородом въ Острове, и Всеволод же призва к собе Кияне и нача молвити: “Аз есмь болен, а се вы брат мои Игорь, имитес по нь”. Они же рекоша: “Княже, ради ся имемь”. И поьяша Игоря в Киеве»²⁹. Сходную запись имеет Московский свод 1479 г.:

«И повезоша и Вышегороду, и ста под Вышегородом въ Острове и призва к собе Кыяне, рек им: “аз есм болен велми, вы же иметесь по брата моего Игоря”. Они же рекоша: “тако буди”. И яшася по нь и поидоша с Игорем в Киев»³⁰.

Ольговичи съехались в Вышгороде и провели именно здесь совещание с киянами, конечно, не случайно. Куда проще и удобнее было бы проделать это в Киеве (не пришлось бы тогда перевозить умирающего князя, а потом вызывать к нему представителей киевской общины). Но Всеволод избрал-таки Вышгород. Почему? Вывод ясен: Вышгород, как уже отмечалось, поддерживал Ольговичей, тогда как население Киева относилось к ним недоброжелательно. На взаимное расположение Ольговичей и вышгородцев намекает захоронение Всеволода в вышгородской церкви св. великомучеников Бориса и Глеба. Показательно также отсутствие вышгородцев среди тех, кто не хотел мириться с княжением Игоря Ольговича в Киеве и призывал Изяслава Мстиславича на киевский стол. Мономашича звали кияне, белгородцы, василевцы, поршане, черные клобуки, но не вышгородцы³¹, из чего логично заключить, что Вышгород стоял за Ольговича. Но на сей раз Киеву удалось мобилизовать силы всей волости, с которыми одна вышгородская община тягаться не могла, что и предопределило падение Игоря.

С прекращением правления в Киеве Ольговичей политические позиции Вышгорода несколько ослабили. Тем не менее он считался вторым после Киева городом земли. В 1150 г. Юрий Долгорукий решил передать Вячеславу Киев, но бояре «размолвиша Дюргя, рекуче: “Брату твоему не удержати Киева, да не будетъ его ни тебе, ни оному”. Дюргевеи же послушавшю бояр и вывед из Вышгорода сына своего Андрея и да Вышегород Вячеславу»³². Юрий как бы приравнял Вышгород к Киеву. Поздние летописцы ставили Вышгород столь же высоко. В Никоновской летописи, например, встречаем такую запись: «Князь же Юрьи Долгорукий Владимиричъ Маномашъ, послушав бояр своих, сам седе на великомъ княжении в Киеве, а сына своего князя Андрея Боголюбского съ Вышегородцкогo княжения сведе, и посади брата своего князя Вячеслава Владимирича Маномаша на великомъ княжении въ Вышегороде»³³. Называя вышгородское княжение, подобно киевскому, великим, летописец тем самым уравнивает в некотором роде Киев с Вышгородом. Никоновская летопись перекликается с «Историей» Татищева, где бояре говорят Юрию: «Хочешь ли Вячеславу честь учинити и нареканія избыть, то посади его с собою, почитая, яко старейшего, а управляй сам». Юрий «тотчас призвал Вячеслава

и дал ему Вышград»³⁴. Взяв себе в соправители Вячеслава и посадив его в Вышгороде, Юрий Долгорукий поставил бывший пригород вровень со старейшим городом, пойдя еще дальше Ольговичей, которые, несмотря на свое расположение к Вышгороду не нарушали (хотя бы внешне) первенство Киева³⁵. Но в принципе политика Юрия, возвысившего Вышгород, была продолжением политики черниговских князей, норотивших вышгородцам. В этом, на наш взгляд, кроется одна из причин нелюбви киян и к Ольговичам, и к Юрию. Вспомним Игоря Ольговича, заключившего соглашение о княжении в Киеве сперва с киевлянами, а потом — с вышгородцами.

Киевская община не могла, разумеется, мириться с ущемлением своего суверенитета. Примечательны в этой связи происшествия, последовавшие вскоре после учреждения резиденции Вячеслава-сопровителем в Вышгороде. В том же 1150 г. Юрий Долгорукий перед лицом наступавшего Изяслава Мстиславича, «не утерпя быти в Киеве», спешно покинул город³⁶. Но Изяслава опередил Вячеслав, который из Вышгорода «вшел в Киев» и обосновался «на Ярославли дворе». Тем временем приехал Изяслав, и киевляне «изидоша» навстречу князю «многое множество и рекоша Изяславу: “Гюрги вышел из Киева, и Вячеслав седить ти в Киеве, а мы его не хотим”. Изяслав через своих посланцев потребовал от Вячеслава уйти в Вышгород (“поеди Вышегород свои”). Но тот заупрямился: “Аче ти мя убити, сыну, на сем месте, а убию, а я не еду”. Изяслав Мстиславич, “поклонивъся Святой Софьи”, въехал на Ярославль двор “всим своим полком и Киян с ним приде множество”. Непокладистый же Вячеслав “сидеша на сенници”. И тут «мнози начаша молвити князю Изяславу: “Княже, ими и, (а) дружину его изъеми”. Друзии же молвахуть, ать посечем под ним сени». Встревоженный растущим возбуждением киян, не предвещавшем ничего хорошего, Изяслав «полез» на сени к «строеви» своему, чтобы образумить старика. Он говорил Вячеславу: «Не лзе ми ся с тобою рядити, видиши ли народа силу людии полк стояща, а много ти лиха замысливають, а поеди же в свои Вышгород, оттоле же ся хочю с тобою рядити». Вячеслав притих и покорно молвил: «Аже ныне тако есть, сыну, а то тебе Киев, а я поеду в свои Вышгород». И он «поеха в свои Вышегород, а Изяслав седе в Киеве»³⁷. Так Вячеслав «с великим соромом», как он сам чуть позже скажет, уехал из столичного града³⁸. В чем причина неприятия киевлянами Вячеслава? Она состояла отнюдь не в том, что к Вячеславу вообще в Киеве относились отрицательно. Напротив, он нравился киевлянам: «любяще его простоты его ради». Горожане не противились совместному княжению

Изяслава и Вячеслава, удовлетворившись тем, что оба Мономашича сидели в Киеве³⁹. Больше того, они настоятельно внушали Ростиславу Мстиславичу следовать примеру Изяслава: «якоже и брат твои Изяслав честил Вячеслава, тако же и ты чести, а до живота Киев твой»⁴⁰. Значит, неприязнь к Вячеславу, прорвавшаяся у киян после бегства из города Юрия Долгорукого и с приходом туда Изяслава Мстиславича, была эпизодической и объяснялась настроением минуты. Полагаем, что негативное отношение киевлян к Вячеславу в тот конкретный момент явилось результатом их недовольства политикой усиления Вышгорода, участником и проводником которой Вячеслав стал на короткое время. Не зря Изяслав, вошедший в Киев, настойчиво твердил ему: «поеди в свои Вышгород». Этим Вышгород оттеснялся с завоеванных позиций, а Киев возвращал себе право самому решать вопрос о замещении великокняжеского стола без вышгородской общины. Однако представители коалиции, враждебной Изяславу, разыгрывая вышгородскую карту, продолжали рассматривать Киев и Вышгород как некое политическое целое. Этот взгляд обнаружил Владимир Галицкий, не отделявший вышгородских святынь от киевских: «И еха Володимир Вышегороду къ святыма мученикома поклонитися, и тако поклонився святою мученику, приеха къ Святои Софьи и оттода еха ко Святеи Богородици Десятиньней, и оттуда еха къ Святой Богородици Печерьской манастирь»⁴¹. Похоже, что Владимир собирался вокняжиться в Киеве и потому совершил церемониал поклонения местным святыням, сопутствующий посажению на столе, начав с Вышгорода, который таким образом был включен наравне с Киевом в обряд настолования. Но киевляне, «убоявъшеся Володимера Галичскаго, увядоша князя Дюргя въ Киев»⁴². Положение Юрия в Киеве было шатким. Очень скоро Изяслав опять его принудил к бегству. В последний раз и уже до самой смерти Долгорукий княжил в Киеве с 1155 г. Сев «на столе отец и дед своих», он дал старшему сыну Андрею, которого готовил себе на смену в качестве Киевского Князя, Вышгород, тогда как более молодому Глебу определил Переяславль, служивший ранее непосредственной ступенью к правлению в Киеве. Волостное значение вышгородской общины снова возросло.

Политические взлеты и падения Вышгорода зависели не только от удач или неудач князей, расположенных к вышгородцам. В борьбе за киевское княжение сами князья пользовались помощью Вышгорода, соперничавшего с «матерью градов русских». Вспомним Всеволода Ольговича, получившего Киев при содействии вышгородских полков. В походе на Киев, организованном Андреем Боголюбским, участво-

вал «Давыд Вышегородский», возглавлявший, несомненно, вышегородских воинов⁴³. Киевская община болезненно реагировала на попытки вышегородцев присвоить принадлежащие ей верховные права. Дело доходило даже до военных карательных санкций. Так, в 1168 г. князь Мстислав из Киева «пойде к Вышегороду». Осадив город, ратники Мстислава «начаша битися, ездяча к городу, и из города выходяще бяхуться крепко»⁴⁴.

Костомаров, анализируя факты из истории Киевской земли середины XII в., пришел к заключению, что Вышгород в это время «достиг большой самобытности» и «получил значение свободного города»⁴⁵. Ему возражал Грушевский, который, отрицая свободу и полную самостоятельность Вышгорода, рассматривал его как составную часть «киевской земской общины»⁴⁶. Но при всем том «Вышгород действительно играл более самостоятельную роль и действительно как будто несколько соперничал с Киевом»⁴⁷. Иную мысль доказывает исследователь Толочко: «Будучи важным военно-стратегическим, экономическим и церковно-религиозным центром Руси, Вышгород, однако, выступал как послушный «пригород» Киева даже тогда, когда в нем появлялись свои князья»⁴⁸. Согласно мнению Толочко, «и во второй половине XII в. Вышгород продолжал играть роль загородной великокняжеской резиденции и находился под непосредственным покровительством Киева»⁴⁹. Позиция Толочко нам представляется весьма далекой от исторической действительности. Вышгород не был таким «послушным» пригородом Киева, каким он кажется ученому. Конечно, задачу полного отделения от Киева и выхода из Киевской волости Вышгород не ставил. Но вряд ли он выступал составной частью непосредственно киевской земской общины⁵⁰, а тем более — простым ее придатком. Добившись самостоятельности и даже определенной автономии от Киева, вышегородская община порою (середина XII в.) соправительствовала с киевской⁵¹. И все же Вышгород в конце концов остался киевским пригородом, хотя достаточно независимым и влиятельным.

§ 2 Внутриполитические настроения в Киеве в 1-й половине XII века. Приглашение на Великокняжеский стол Черниговского князя Игоря Ольговича и попытка принесения его в жертву язычниками. Гибель Князя-мученика и его прославление

На взаимоотношениях Вышгорода с Киевом лежит зримая печать межкняжеского соперничества и межволостных столкновений. То же можно сказать и о народных движениях внутри киевской городской

общины, вызывавшихся нередко борьбой Мономашичей с Ольговичами, старших Мономашичей (Владимировичей) с младшими (Мстиславичами), киян с черниговцами и суздальцами.

Еще в досоветской историографии сложилось мнение, будто в притязаниях на Киев Ольговичи пользовались расположением знати, а Мстиславичи — рядового людства. По словам Грушевского, Ольговичи, заботясь о приобретении приверженцев среди киевского населения, «устраивали партию среди высшего сословия по преимуществу, но этой партии суждено было быть в меньшинстве и не иметь особенного влияния на общество»⁵². Низы Киева выступали на стороне Мономашичей, проводивших политику «народолюбства». Особые симпатии питали киевляне к Изяславу Мстиславичу — «князю-народнику», по терминологии Грушевского⁵³.

Идеи Грушевского получили неожиданное развитие в советской исторической литературе, правда, без принятых в науке ссылок на предшественника. Тихомиров, автор специальной монографии, посвященной крестьянским и городским восстаниям на Руси XI–XIII вв., писал, что верхушка феодального общества поддерживала Ольговичей, а «более слабые Мстиславичи старались найти опору в широких кругах киевских горожан, среди торговцев и ремесленников»⁵⁴. Существует и более прямолинейный взгляд на бояр как главную силу, передвигающую князей на киевском столе⁵⁵. Трудно согласиться с каким-нибудь из упомянутых авторов. Киевская община рассматриваемого времени была еще относительно единой. Местная верхушка, подобно знати других городов-государств Руси, не являлась замкнутым сословием, отгороженным от народной массы, а тем более — противостоящим ей. Знатные и простые свободные люди Киева составляли одну общинную корпорацию, не лишенную, разумеется, внутренних противоречий, выливавшихся зачастую в борьбу социальную и политическую. Но то была борьба не сословий, разделенных по классовому признаку⁵⁶, а различных и социально неоднородных групп, возникающих и распадающихся в зависимости от эмпирических обстоятельств. Поэтому князья, находящие приверженцев либо среди верхов, либо среди низов киевского общества, принадлежат скорее к разряду вымышленных персонажей, нежели исторически реальных. К области фантазий относится и представление о всемогуществе бояр в Киеве. Чтобы не быть голословным, обратимся к летописным свидетельствам.

В 1146 г., как мы знаем, Всеволод Ольгович, умирая, «призва к собе Кияне» для переговоров о передаче киевского стола Игорю Ольговичу. Кто они, эти «кияне», пришедшие к Всеволоду? Ответить на данный вопрос пытался еще Татищев. В первой редакции Татищевской «Истории» князь созывает «вся кияны»⁵⁷, а во второй к нему приходят уже «вельможи киевские»⁵⁸. По Соловьеву, Всеволод «велел позвать к себе лучших киевлян»⁵⁹. Сходным образом рассуждал Сергеевич: «Под Вышгородом, конечно, не могли быть собраны все кияне; туда приехали, по всей вероятности, только лучшие люди. Но это были предварительные переговоры»⁶⁰. Советский историк Пашуто видел в приглашенных Всеволодом киевлянах «городских советников»⁶¹. Другой новейший исследователь Черепнин, принимая ошибочное чтение («призва к собе кияне вси» вместо летописного «призва к собе Кияне»), полагал, что тут, вероятно, речь идет «о правящей феодальной знати и верхушке горожан»⁶².

Летописный термин «кияне» довольно аморфный, чтобы на его основании делать какие-то определенные выводы. Надо думать, что приглашение киян Всеволодом не носило частный характер и не было тайным для жителей Киева. Напротив, можно полагать, что поездка их в Вышгород состоялась с ведома киевской вечевой общины. По нашему предположению, кияне, призванные Всеволодом Ольговичем, — это доверенные посланцы киевского веча, т.е. официальные представители городской общины, а не приватные лица, заключившие с князем узкословное соглашение. Среди них могли быть и знатные и простые люди. Но если даже то были мужи только из знати, то и в этом случае они выступали не сами собой, а по поручению киевской общины⁶³. Именно поэтому кияне вместе с новым претендентом на киевское княжение возвращаются в стольный город, где под Угорским сзывают всех киевлян, которые «целоваша к нему (*Игорю. — И.Ф.*) крест, ркуче: «Ты нам князь»⁶⁴.

Собрание под Угорским летопись не называет вечем. Однако Сергеевич, Костомаров, Грушевский, Толочко отнесли его к разряду вечевых⁶⁵. Иной точки зрения придерживался Юшков, который «собрание под Угорьском» квалифицировал как «обряд присяги»⁶⁶. Пашуто именует это собрание совещанием⁶⁷. Более убедительным нам кажется мнение ученых, говорящих о вече под Угорским. Если бы сходка под Угорским была лишь «обрядом присяги» или «совещанием», она едва ли возымела бы действие в Вышгороде, где совершилось аналогичное крестоцелование. На вече указывает летописная фраза «и съзва Ки-

яне вси», позволяющая заключить, что под Угорским сошлись массы горожан «от мала до велика», или от простых до знатных мужей⁶⁸. Так устанавливается причастность к событиям киевской общины в целом.

Сообщив о целовании креста Игорю, летописец замечает: «И яшася по нь лъстью»⁶⁹. За этими словами Толочко узрел «планы на измену» притворно присягнувшей князю боярско-дружинной верхушки⁷⁰. Судьба Игоря, считает историк, была решена заранее.

Уместен вопрос, отражает ли рассказ летописца о «лести» киян действительное их поведение под Угорским, и не является ли оно летописным осмыслением последующих происшествий, связанных с отступлением от клятвы киевлян, изменивших Игорю Ольговичу⁷¹. Показательно, что даже Толочко, доверчиво воспринявший этот рассказ⁷², счел необходимым для вящей убедительности прокомментировать фразу «и яшася по нь лъстью». Эта фраза, по словам ученого, «полностью выдает, кто скрывался под термином «вся кияне». Конечно, это не киевские низы. Им незачем было притворяться, у них не могло быть планов на измену. Другое дело боярско-дружинная верхушка»⁷³. Автор не объясняет, почему низам делает такое исключение, что, впрочем, понятно, ибо вся его конструкция построена на собственных домыслах и ощущениях, а отнюдь не на анализе летописных сведений. Но они-то и позволяют усомниться в заведомой хитрости киян, о которой задним числом говорит летописец.

Целование «креста» киевлянами и вышгородцами не означало избрание Игоря Киевским Князем⁷⁴. Ведь был еще жив Всеволод. Вот почему крестоцелование в Киеве и Вышгороде следует воспринимать как клятвенное обещание собравшихся на вече «киян» и «вышегородцев» признать Игоря своим князем по смерти Всеволода⁷⁵. В сущности при живом Всеволоде данное обещание мало к чему обязывало киевлян, и потому хитрить им не было особой надобности⁷⁶. Но вот Всеволод почил. Теперь Игорь мог сесть на киевском столе. Из Вышгорода, где похоронили Всеволода, князь приехал в Киев и «созва Кияне вси на гору на Ярославль двор, и целоваша к нему хрест». Волею всех киян Игорь стал Великим Князем киевским. Затем летописец сообщает, что «вся кияне» опять «скупипшася» у Туровой божницы, «рекуче: «княже, поеди к нам». Игорь вместо себя послал брата своего Святослава «к ним у вече», а сам поодаль «ста с дружиною своею». Киевляне же «почаша складывати вину на тиуна на Всеволожа на Ратью и на другого тивуна Вышегородского на Тудора, рекуче: «Ратша ны погуби Киев, а Тудор

Вышегород. А ныне, княже Святославе, целуй нам крест и за братом своим, аще кому нас будеть обида, да ты прави". Святослав же рече им: "Аз целую крест за братом своим, яко не будеть ны насилья ни-когого же. А се вы и тивун а по вашей воли". Святослав же, съсед с коня, и на том целова крест к ним у вечи. Кияне же вси, съседше с конь, и начаша молвити: "Брат твои — князь и ты". И на том целоваше вся Кияне крест и с детми, оже под Игорем не льстити, под Святославом». Взяв с собой «лутшеи муже Кияне», Святослав направился к Игорю, который в свою очередь «целова к ним крест на вси воли и на братьнии». Уладив дело, князь «еха на обед, они же устремишася на Ратьшин двор грабить, и на мечьники, и посла к ним Игорь брата своего Святослава с дружиною, и одва утиши»⁷⁷.

Быстрая смена вечевых собраний, состоявшихся сперва на Ярославле дворе, а потом у Туровой божницы, повергла некоторых историков в замешательство. Они искали объяснение этому странному для них обстоятельству. По мнению Тихомирова, случилось так потому, что со смертью Всеволода Ольговича «город тотчас же разделился на две враждующие стороны. Боярская Гора готова была поддержать Ольговичей, тогда как ремесленный и торговый Подол резко выступил против нового князя. Это разделение города выразилось даже в том, что вече собиралось в разных местах»⁷⁸. Столь четкое социальное размежевание, проявившееся в Киеве после Всеволодовой смерти, проследить по летописи невозможно. Напротив, она содержит подробности, указывающие на отсутствие каких бы то ни было группировок по социальному признаку. У Туровой божницы, где, согласно Тихомирову, собрался торговый и ремесленный люд, встречаем «лучших мужей киян»⁷⁹. Летописец осуждает тех, кто сотворил «совет зол» против князя Игоря: тысяцкого Улеба, Ивана Войтишича, Василия Полочанина, Мирослава внука Хилича⁸⁰. Улеб тысяцкий и прочие, именуемые с почтительным «вичем», — знатные люди, а не «мизинные». Но эти-то бояре как раз и «скупипша около себе Кияны и свещашася, како бы им узьймоши перельстити князя своего»⁸¹.

Полагаем, что оба веча нужно рассматривать как две картины одного и того же акта, причем с преимущественно неизменным составом действующих лиц. На Ярославле дворе киевляне «целовали крест», обещав блюсти Игоря в качестве своего князя, тогда как последний им не присягал. Однако обычай требовал обоюдной клятвы. Вот отчего второе вече, на котором Игорь должен был пройти через крестоцелование киянам, являлось неизбежным. Остается только догадывать-

ся, почему на первом вече князя не привели к присяге. Не исключено, что киевляне не успели до конца выработать и согласовать условия, на коих Игорь обязан был править. Поэтому они сошлись вторично, чтобы завершить и по форме и по существу процедуру избрания князя.

Итак, на Ярославле дворе и у Туровой божницы толпились в основном одни и те же люди. Летописец, кстати, говорит об этом внятно и определенно: «Созва (Игорь. — И.Ф.) Кияне вси на гору на Ярославль двор... и пакы скупися вси Кияне у Туровы божнице». Нет никаких причин не верить ему. В первой редакции «Истории» Татищева находим аналогичную запись: «На утрия еха Игорь к Киеву и созвав кияны на Ярославль двор, и тин, целовавше ему крест, идоша вси на вече. И собравшися у Туровы божницы...»⁸².

Что можно сказать о социальной принадлежности участников вечевых сходов? Многое здесь разъясняет летописное выражение «вси кияне». Кто скрывался за ним, явствует из сцены у Туровой божницы. Святослав, «урядившись» со всеми киевлянами, «пойма лутшеи мужи» и отправился с ними к Игорю, ожидавшему поблизости. Стало быть, «лучшие мужи» — лишь часть людей, устроивших вече возле Туровой божницы. А это означает, что в устах летописца «вси кияне» есть нерасчленимая масса горожан, разнородная по социальному составу. Одинаковый смысл в слова «вси кияне» летописатель вкладывал и тогда, когда рассказывал о вече под Угорским и на дворе Ярославле.

Таким образом, вечевые собрания под Угорским, на Ярославле дворе и у Туровой божницы — это народные собрания, обсуждающие и решающие коренной вопрос социально-политической жизни киевской волости, связанный с избранием князя. Хозяином положения на них было рядовое свободное людство. Заметную роль играли, конечно, и бояре, действовавшие в качестве лидеров, занятых в сфере управления обществом⁸³. Но изображать их вершителями политики в Киеве нет оснований. Между тем Черепнин расценивает присягу Игоря перед «лучшими мужами» как сепаратный сговор князей со знатью⁸⁴. Это — натяжка, ибо, по летописи, «лутшеи муже Кияне» двинулись с веча к Игорю в качестве представителей всех киян. Не согласуется с показанием летописи и другое утверждение Черепнина, будто содержание присяги Игоря «было значительно уже того, с чем выступал на вече Святослав. Речь шла лишь о том, чтобы “я (т.е. киевлян) имети в правде и любити”. К этому свел сущность принятых на себя обязательств Святослав, рассказывая Игорю о происходящем на вече, и эти, в общем весьма неопределенные обязательства под-

твердил своей присягой Игорь»⁸⁵. На самом деле все было не так. Игорь «целова к ним крест на вси воли и на братьнии», иначе — безоговорочно обязался выполнить требования веча. Подкрепление нашей мысли находим в Московском своде 1479 г., основанном «на древних и частично утерянных свидетельствах XII в.»⁸⁶ Там читаем: «И Святослав поим лучшие люди Кыяны и иде с ними к брату своему Игореву и рече: “Аз, брате, целовал крест на том Кыяном, яко быти тебе князем в правду, а людем, кому до кого будеть обида, ино ти их судити в правду самому или мне, а тиуном их не судити, ни продавати. А что были тивуни брата нашего, Ратьша и Тудор, а тем не быти, а коим будеть быти, ино им имати к суду уроком, а в свою волю им людей не продавати”. Игорь же тако обещася»⁸⁷. Разве можно все это толковать как «весьма неопределенные обязательства»?! Тем не менее «дурные примеры заразительны», и вот уже Толочко, рассуждая по поводу веча у Туровой божницы, говорит: «У нас нет оснований утверждать, что руководили этим вечем демократические низы. Брат Игоря, прибывший на вече, вел переговоры с “лучшими мужами”, им же присягал и Великий Князь»⁸⁸. Автор не хочет понять, что руководить и господствовать — не одно и то же. Мы не только не исключаем, но и предполагаем руководство вечем со стороны «лучших мужей». На то они и «лучшие». Но в конечном счете вечевое решение зависело от «людьа» — рядовых свободных жителей Киева и его округи. Толочко искажает смысл летописного повествования, заявляя, что на вече у Туровой божницы брат Игоря вел переговоры с «лучшими мужами». Князь вел переговоры со «всеми Кыяны», а с «лучшими мужами» поехал к Игорю. Однако отсюда не следует, будто Игорь Ольгович присягал «лучшим мужам». Он целовал крест «на всей воле» киевлян в присутствии «лучших мужей», направленных к Игорю «вечниками» в качестве своих полномочных представителей, чтобы совершить обряд присяги⁸⁹. Вокняжение Игоря в Киеве состоялось, следовательно, с согласия всей городской общины, а не группы бояр и высшего духовенства.

Игорь пришел к власти на фоне недовольства киян предшествующим правлением Всеволода. Княжил Всеволод не «в правду», хотя «мудр был в советах и судах». Но «мудрость» его была пристрастной: «для того, кого хотел, того мог оправдать или обвинить». Да еще «много наложниц имел и более в веселиях, нежели расправах упражнялся. Чрез сие киевляном тягость от него была великая»⁹⁰. Княжеская администрация творила беззаконие. Всеобщую ненависть вызвали

киевский и вышгородский тиуны Ратьша и Тудор, несправедливыми судами грабившие и разорявшие людей. Кияне потребовали от Игоря и Святослава прекратить насилия, лишить Ратьшу и Тудора тиунства, судить людей лично, назначить новых тиунов по согласованию с вечаем, выделив им определенную часть («урок») из судебных пошлин, запретить тиунам «продавать» людей. Выдвинутые киевлянами требования указывают на обострение социальных противоречий в Киеве середины XII в., усугубляемых произволом княжеских чиновников. Как и на рубеже XI–XII вв., в Киевской земле умножилось число неимущих, участились продажи в рабство неоплатных должников. Причиной тому было углубление процесса имущественной и социальной дифференциации, междоусобицы и междоусобицы, притупленные Владимиром Мономахом и разгоревшиеся вновь с начала 30-х годов XII в. Эти войны, вовлекавшие в свой круговорот степняков, оставляли за собой разоренные селения и множество обездоленных людей, превращавшихся в легкую добычу богатых. Если к этому добавить произвол властей, станет понятной степень социальной напряженности, переживаемой киевской общиной в момент вокняжения Игоря Ольговича. Раньше кияне нашли выход из аналогичной ситуации, обратившись к социальному посреднику — Мономаху, «утолившему мятеж и голку в людях». Теперь киевская община взяла решение проблемы на себя, поставив в жесткие условия князя, вынужденного присягать «на всей воле» киевлян. Различие способов преодоления трудностей, возникших перед киянами, было обусловлено обстоятельствами как субъективного, так и объективного порядка. В начале XII в. киевская община еще недостаточно окрепла и потому нуждалась в посреднической помощи. Кроме того, сам посредник Владимир Мономах являлся выдающейся личностью, пользующейся огромным авторитетом в Киеве. В середине XII в. местная община, завершив путь своего становления, усилилась настолько, что могла уже обойтись без посредничества. Что касается Игоря, то он не имел даже сотой доли тех достоинств и дарований, какими обладал Владимир Мономах. Вече предписало ему, так сказать, правила игры, и он принял их безоговорочно.

Приведя к присяге князя, кияне «устремишася на Ратьшин двор грабить и на мечьники, и посла к ним Игорь брата своего Святослава съ дружиною, и одва утиши». Поводы горожан к «грабежу» новейшие исследователи определяют по-разному. Черепнин пишет: «Поведение Игоря, в результате блока с частью боярства отступившего от усло-

вий, продиктованных вечем и принятых от его имени Святославом, вызвало народное возмущение. И как только Игорь отправился “на обед”, участники вечевого собрания бросились (“устремишася”) на двор Ратши “и на мечники”, стали “грабить” неудобную им администрацию»⁹¹. Ученый не поясняет, почему «народное возмущение» не затронуло самого князя, а обрушилось на чиновников покойного Всеволода. Толочко поведение князя несколько озадачило: «Казалось бы, недоразумения, имевшие место между киевлянами и новым князем, устранены и должно наступить спокойствие в Киеве. Но этого не случилось. Летопись сообщает о последовавшем после этого разгроме дворов Ратши и мечников, а затем и о переговорах киевлян с переяславским князем Изяславом Мстиславичем... На первый взгляд действия киевлян не представляются логичными. Ведь Игорь принял все условия киевлян, и у последних не было времени убедиться, что он будет их нарушать. Следовательно, решение о неудобности Игоря появилось еще до того, как ему были выставлены условия на вече у Туровой божницы»⁹². В работе, опубликованной позже, Толочко, отвлекаясь от конкретных происшествий 1146 г., предваряющих «грабежи», говорит: «Борьба различных боярских группировок и их ставленников на великокняжеский стол за власть всколыхнула к активным действиям киевские низы. В 1146 г. восставшие киевляне разгромили дворы представителей администрации князя Игоря Ольговича, которая во главе с тиуном Ратшей буквально razорила простое население»⁹³.

Прислушаемся к показаниям источников. Они не содержат никаких данных, позволяющих заключить о блоке Игоря Ольговича с частью киевского боярства, как заявляет Черепнин. Гораздо ближе к истине Тихомиров, который, рассмотрев известия летописи о переговорах Игоря и Святослава с киевлянами, писал: «При всей краткости летописных сообщений бросается в глаза одна замечательная черта. В переговорах князей принимает участие весь город, в том числе “лучшие мужи”».

Таким образом, аристократические круги Киева совместно с городскими низами борются за автономию города»⁹⁴. Ошибается и Толочко, утверждая, будто «восставшие киевляне» выступили против «представителей администрации князя Игоря Ольговича». Они обвиняли тиунов и мечников Всеволода⁹⁵. Разграбление дворов Ратши и мечников явилось, собственно, исполнением, а точнее — логическим завершением вечевого решения (признанного, кстати, Игорем) о сня-

тии с тиунских должностей Ратыши и Тудора. Существо «грабежей» помогает выявлению социальной принадлежности «грабителей».

Дворянские историки не допускали и мысли о возможности участия в «грабежах» представителей высшего сословия. Уже Татищев грабление имущества провинившихся княжеских чиновников приписал народу⁹⁶. Весьма характерно высказывание Карамзина: «Мятежная чернь устремилась грабить дом ненавистного, богатого Ратыши». Идея о причастности к «грабежам» одних лишь низов киевского общества проникла и в буржуазную историографию.

При безпристрастном взгляде на летописную запись нельзя не согласиться с тем, что местоимение «они», обозначающее устремившихся грабить дворы тиуна Ратыши и мечников, относится ко «всем киянам», за которыми скрывались «лучшие мужи» и «простая чадь». Чтобы убедиться в этом, воспроизведем логику повествования летописца. Брат Игоря князь Святослав целовал крест всем киевлянам «у вечи», после чего, взяв с собой «лутшеи муже кияне», поехал «с ними к брату своему Игореву». Далее следует речь Святослава, обращенная к Игорю: «Брате, на том аз целовал к ним хрест, оже ти я имети в правду и любити». Игорь тут же слез с коня и «целова к ним крест на вси воли и на братьнии». Игорь Ольгович, как видим, целует крест тем, кому целовал брат его Святослав. Присягал же Святослав не «лучшим мужам», а «всем киянам», среди которых, разумеется, были и «лучшие». Значит, и Игорь целовал крест «всем киянам», причем «на всей их воле», т.е. на условиях, принятых Святославом и потому названных летописцем «братней волей». И вот они то, или «все кияне», и пошли «грабежом» на Ратышу с мечниками. Полагаем, что «грабежи» могли начаться лишь после того, как «лучшие мужи» вернулись к вечникам у Туровой божницы и сообщили им о принятии Игорем всех требований веча. Такой ход событий делает вполне вероятным участие «лучших мужей» в разграблении имущества людей из доверенного окружения умершего князя. Степень вероятности нашего предположения станет еще более высокой, если отказаться от распространенных в исторической литературе поверхностных заключений и усматривать в «грабежах» не простые погромы возбужденной народное негодование княжеской администрации, а общественное наказание в соответствии с обычаями и нравами эпохи. К этому подходил Костомаров, когда говорил, что «киевляне подняли на поток и Ратшу, и Тудора, и ограбили Всеволодовых мечников». Однако историк сбился с правильного пути, истолковав действия киевлян как восстание, тогда как перед нами, несомненно, «разграбление»,

предпринятое по приговору веча, почему и приобретшее характер коллективной акции. Иначе, мы имеем дело с публичным наказанием в виде конфискации имущества на коллективной основе. Напомним, что подобного рода «грабежи» имели место в Киеве после смерти Святополка и накануне приезда туда Владимира Мономаха в 1113 г.⁹⁷ Грабеж «именно» Ратьши и мечников — дело рук свободных людей. Конечно, это вовсе не означает, что в действиях киян отсутствовали мотивы социального протеста. Разорение, творимое тиунами и мечниками, большее всего задевало малоимущих, ускоряя процесс социального расслоения, что вело к обострению противоречий в киевской общине, усилению социального давления в ней. И тут обнаруживается типичная для переходного состояния Руси роль «грабежей» как средства смягчения и, возможно, преодоления на какое-то время внутриобщественных противоречий, тем более, что эти «грабежи» являлись в сущности инструментом легального перераспределения индивидуальных богатств в пользу коллектива и в интересах прежде всего неимущих свободных граждан. То был спонтанно изобретенный обществом механизм саморегулирования, настроенный на сохранение традиционных отношений.

Политическая и социальная разрядка в Киеве, наступившая в результате присяги Игоря «на всей воле» киевлян и «грабежей» дворов княжеских управителей, оказалась кратковременной. Очень скоро князь восстановил против себя киян, и те согласились призвать на свой стол Изяслава Мстиславича, сидевшего в Переяславле. «Не угоден бысть Кияном Игорь», — читаем в Ипатьевской летописи⁹⁸. Другая летопись, Лаврентьевская, поясняет, кого в первую очередь нужно разуть под «киянами»: «И вниде Игорь *(по смерти Всеволода. — И.Ф.)* в Киев и не годно бысть людем»⁹⁹. Вряд ли мы ошибемся, если «людей» примем за массу жителей Киева.

Что же побудило народ предпочесть Игорю князя Изяслава? Одна из причин — непопулярность Ольговичей у киевлян, тогда как «мономахово племя» пользовалось у них «приязнством». Но не только симпатии и антипатии повлияли на киевлян. Поведение Игоря тоже во многом предопределило его смещение. Он нарушил «ряд» с киевской общиной, о чем узнаем из Московского свода 1479 г.: «И вниде в Киев, и не поча по тому чинити, яко же люди хотяху, и не угодно бысть им. И послашася в Переяславль в Изяславу Мьстиславичу»¹⁰⁰. Люди «хотяху», как известно, личного суда князя без вмешательства тиунов. Они требовали замены старых тиунов Ратьши и Тудора, дискредитировавших себя произволом и беззакониями, тиунами новыми, но не

по усмотрению князя, а по рекомендации веча. Игорь не выполнил вечевого наказ. Некоторые подробности на этот счет приводит Татищев: «Игорь же не поча по том чинити, яко крест целова и людие хотяху, и даде волю любимцам люд испродавати и грабить. Кияном же неугоден бе Игорь вельми и прислаша ко Изяславу отай, зовуще его ис Переяславля в Киев»¹⁰¹. Возбудив всеобщее негодование, Игорь должен был пасть и пал, схваченный и посаженный в «поруб» при переяславском монастыре св. Иоанна.

Вокняжение Изяслава в Киеве ознаменовалось новыми «грабежами»: «И розъграбиша Кияне съ Изяславом дружины Игоревы и Всеволоже: и села и скоты, взяша именья много в домех и в монастырех». Тихомиров говорит о разорении княжеских и боярских сел, в то время как летописец сообщает о разграблении сел, принадлежащих дружинникам (среди последних могли быть и бояре), но не князьям¹⁰². Едва ли уместно проводимое автором сопоставление грабежа дружин Игоря и Всеволода с грабежами 1113 г. в Киеве, где граблению подвергались дворы тысяцкого, сотских и ростовщиков, а боярскому и монастырскому «имению» лишь угрожала такая перспектива, если, конечно, верить заявлению делегации, посланной киянами к Мономаху¹⁰³. Картина «больших народных волнений», городских и крестьянских, нарисованная Тихомировым, кажется нам весьма далекой от исторической действительности. Какова же подлинная суть отраженных летописью происшествий?

В разграблении «дружины Игоревы и Всеволоже» соединились широко распространенные на Руси XII в. два вида грабежей, один из которых был связан с изгнанием князей, а другой — с их смертью. Это соединение есть следствие стремительного развития событий: 1 августа умер Всеволод Ольгович, а 13 августа Изяслав Мстиславич уже вошел в Киев и сел «на столе деда своего и отца своего».

Оценивая грабеж дружин Ольговичей с точки зрения социальной, нельзя забывать о прямом участии в нем не только киевлян (простых и знатных¹⁰⁴), но и князя Изяслава вместе с близкими ему людьми. Но разделить враждебные группы на два класса-антагониста невозможно. Необходимо признать также, что объектом грабежей стало «имение» дружинников, а не сторонников Игоря и Всеволода в широком смысле слова. Эти дружинники, составляя ближайшее окружение Ольговичей, были большей частью чужими в Киеве, приведенными сюда князьями скорее всего из Чернигова¹⁰⁵. О том, что грабежи затронули лишь дружинное сословие, косвенно свидетельствует летописный рассказ об особом наказании киевских бояр, верных Игорю

Ольговичу: «И бояры многы изоимаша, Данила Великаго и Гюргя Прокопъча, Ивора Гюргевича, Мирославля внука и инех изоимаша много в городе Киеве, и тако тех на искупе пустиша»¹⁰⁶. Говоря о боярах отдельно, летописец суживает круг лиц, входящих в дружинную организацию, придавая термину «дружина» значение социального института, а не аморфного объединения, покрываемого словом «сторонники». Штраф, наложенный в виде окупа на Даниила Великого и других бояр, — совместная санкция князя Изяслава и киян, о чем заключаем, исходя из глагольной формы «изоимаша» и «пустиша», указывающей на коллективное действие. Вероятно, средства, полученные от окупа, пошли на общественные нужды, подобно тому, как это бывало, скажем, в Новгороде.

Грабеж сел и монастырей приобрел у некоторых историков осмысление, не вполне адекватное показаниям летописи. По Тихомирову, например, разграбление сел, выводя нас за пределы собственно Киева, «говорит о тесной связи городских волнений с волнениями крестьян»¹⁰⁷. Однако, если следовать летописным известиям, села Игоревых и Всеволодовых дружинников грабили не рожденные фантазией историка крестьяне, а Изяслав и кияне, в число которых могли входить, помимо жителей Киева, и свободные общинники-земледельцы, населявшие окрестности столицы, прочными нитями связанные с горожанами и потому носившие наряду с ними имя киян. Эти грабежи едва следует относить к разряду волнений, ибо мы имеем дело не со стихийным возмущением, а с обычаем, выработанным общиной в качества средства противодействия индивидуальному обогащению и злоупотреблениям носителей публичной власти.

Может показаться, что нашему наблюдению противоречит сообщение летописца о разграблении монастырей. Мавродин так истолковал данное сообщение: «Пострадали и монастыри, поддержавшие Ольговичей». Однако монастыри фигурируют в летописном рассказе наравне с домами ограбленных дружинников: «Взяша именья много и в домех и в манастирех». Отсюда правомерно заключить, что монастыри, как и дома, являлись собственностью потерпевших. То были обители особого рода. На Руси XII в. возникло немало мелких монастырей, основанных князьями, боярами, купцами и прочими состоятельными людьми. Это — так называемые ктиторские монастыри, состоявшие на полном довольствии своего хозяина — ктитора¹⁰⁸. Подобно домовым церквям, широко распространенным в Древней Руси¹⁰⁹, они являлись семейными и родовыми святынями и потому ассоциировались с личностью владельца. Похоже, что некоторые, наи-

более богатые и знатные, дружинники Ольговичей обзавелись за годы правления в Киеве Всеволода домами, селами и монастырями, разграбленными в итоге местной общиной во главе с князем Изяславом¹¹⁰.

Итак, грабежи дружин Игоря и Всеволода нельзя отождествлять со стихийными волнениями, а тем более с восстанием. Будучи средством самозащиты киевской общины, грабежи являли собой легитимный (в рамках обычного права) способ изъятия индивидуального богатства и перераспределения его на коллективных началах. Вместе с тем — это и осуществленное по приговору вече наказание представителей публичной власти за нанесенные киевлянам «обиды». В грабежах преломился также социальный протест беднейшей части населения Киева и прилегающих к нему селений.

В 1147 г. князь Изяслав «созва бояры и дружину и Кыяне» с целью увлечь киевскую тысячу в поход к Суздалью на Юрия Долгорукого, укрывшего враждебного ему Святослава Ольговича. Но «кияны» не поддались уговорам и сказали: «Княже, ты ся на нас не гневаи. Не можем на Володимире племя руки въздаяти; оня же Олговичи, хотя и с детми»¹¹¹. Тогда Изяслав кликнул охотников. Добровольцев сбежалось множество. С ними князь и «поиде» против Юрия, «а брата своего Владимира остави Киеве»¹¹².

В.И. Сергеевич полагал, что Изяслав на вече склонял киян идти в поход за собой¹¹³. Вероятно, это так: с избранными лицами и за закрытыми дверями нельзя было обеспечить участие киевского ополчения в намечаемом предприятии, ибо тем ведало вече¹¹⁴. К нему и воззвал князь. Однако кияне отказали. Летописный слог, внятный и четкий, избавляет нас от гаданий насчет содержания понятия «кияне». Бояре и дружинники в данном случае отпадают, так как летописец говорит о них особо. Остается масса горожан, придающая вече характер народного собрания. Так устанавливается участие городской общины в обсуждении и решении важнейших проблем политической и военной жизни Киева.

Очень скоро Изяслав вновь обратился к киевскому вече. О том, как это было, рассказывают Ипатьевская и Лаврентьевская летописи, сведения которых не во всем совпадают, а иногда и расходятся друг с другом.

Согласно Лаврентьевской летописи, Изяслав Мстиславич, находясь вне Киева, послал туда двух «киян» Добрынку и Радилу, а по Ипатьевской летописи, — какого-то безымянного мужа¹¹⁵. Версию Лаврентьевской летописи повторяет Московский свод 1479 г.¹¹⁶, что значительно повышает доверие к источнику: Московский свод, во-

бравший древние и частью утраченные свидетельства XII в.¹¹⁷, восполняет некоторые пробелы Ипатьевской летописи, представляя ценность при изучении Руси XI–XII вв.¹¹⁸ Примечательно также и то, что текст Летописца Переяславля Суздальского совпадает с Лаврентьевским вариантом¹¹⁹. В пользу правдивости этого варианта можно привести еще два соображения. Во-первых, вряд ли летописец выдумал имена посланцев. Во-вторых, весьма вероятной выглядит тактика Изяслава, возложившего посольскую миссию на Добрыню и Радилу, которые, являясь киевлянами, имели больше шансов, чем кто-нибудь иной, найти общий язык с киевским вечем. По рассказу Лаврентьевской летописи, на вече «придоша Кыян много множество народа и седоша у Святое Софьи слышати. И рече Володимер к митрополиту: “Се прислал брат мои 2 мужа Кыянина, ато молвят братье свои”. И выступи Добрыню и Радило и рекоша: “Целовал тя брат, а митрополиту ся покланял и Лазаря целовал и Кыяны все”. И рекоша Кыяне: “Молвита, с чим вас князь прислал”. Они же рекоша: “Тако молвит князь. Целовала ко мне крест Давыдовичи и Святослав Всеволодичь, ему же аз много добра створих, а ноне хотела мя убить лестью. Но Бог заступил мя и крест честныи, его же суть ко мне целовали. А ныне, братья, поидета по мне к Чернигову, кто имеет конь ли не имеет, кто ино в лодье. То суть не мене одного хотели убить, но и вас искоренити”»¹²⁰.

В Ипатьевской летописи вместо фразы «придоша Кыян много множество народа и седоша у Святое Софьи слышати» читаем: «Кыяном же всим съшедшимся от мала и до велика к Святеи Софьи на двор, вставшем же им в вечи»¹²¹. Возникает вопрос: можно ли количественные описания обоих памятников считать идентичными? Мы даем положительный ответ; к этому нас побуждает лексика южного летописца, именуемого собравшихся на вече «народом»¹²².

Таким образом, обе летописи, и Лаврентьевская и Ипатьевская, изображают массовую сходку киян (простых и знатных), созванную по просьбе Изяслава. Несмотря на социальную разнородность ее участников, надо все же отметить, что пришедшие на вече были свободными людьми — полноправными членами киевской общины. Данная констатация важна для оценки последовавших затем драматических событий.

Выслушав посольские речи, кияне заявили, что готовы «биться за своего князя и с детми». И тут они вспомнили об Игоре Ольговиче, который к тому времени был освобожден из поруба и пострижен в монахи монастыря св. Федора. «Кыяне же рекоша: “Князь нас вабит к Чернигову, а zde ворог (*Игорь*. — И.Ф.) князя нашего и наш, а хотим

и убить»¹²³. Вечники, наверное, заговорили об Игоре не все сразу. Правдоподобной посему видится версия Ипатьевской летописи, где расправиться с князем-иноком призывал «един человек». Передавая его выступление на вече, летописец сообщает: «И рече един человек: “По князи своем ради идем, но первое о сем промыслим, аже и прежде створиша при Изяславе Ярославиче, высекше Всеслава из поруба злии они, и постави князя себе, и много зла бысть про то граду нашему, а се Игорь, ворог нашего князя и наш, не в порубе, но в Святомъ Федоре, а убивше того, к Чернигову поидем по своем князи, кончаймы же ся с ними”. То же слышавше, народ оттоле поидоша на Игоря»¹²⁴. Призыв «единого человека» убить Игоря сам по себе не вызывает сомнений. Но отдельные частности выглядят подозрительно. Не внушает доверия попытка «единого человека» очернить тех, кто в 1068 г. поставил Киевским Князем Всеслава Полоцкого. На наш взгляд, к летописному тексту, якобы воспроизводящему зажигательную речь неизвестного киянина, надлежит относиться с большей осторожностью. Не стоит забывать, что «оратор» обращается к аудитории, составленной преимущественно из простого люда, сродни хозяйничавшему в Киеве в 1068 г. Поэтому бранные эпитеты в адрес киевлян, распорядившихся в ту пору княжеским столом, едва ли могли понравиться собравшемуся у Софии народу, а тем более воодушевить его на действия, желанные тем, кто с досадой вспоминал о волнениях в Киеве почти восьмидесятилетней давности. К тому же, и сопоставление происходившего в 1147 г. с событиями далекого 1068 г. — натяжка, рассчитанная на плохое знание прошлого или забывчивость киян. Вот почему речь «единого человека» в той части, где говорится о зле, содеянном киевлянами в 1068 г., нам кажется изобретением самого летописца, отражающим его собственный взгляд на происшествие 1068 г.¹²⁵ Но сам призыв к убийству Ольговича, брошенный кем-то на вече, сомнений не вызывает. И князь был убит киянами. Причины убийства Игоря в исторической литературе называются разные. Точка зрения южного летописца нам уже известна¹²⁶. Вслед за ним шли Татищев, Карамзин, Соловьев, Грушевский и другие историки¹²⁷. Тихомиров рисует «отвратительный образ» жадного и жестокого князя, озлобившего людей «златолюбием» и поплатившегося за то жизнью¹²⁸. По мнению Черепнина, инициаторами убийства Игоря были знатные сторонники Изяслава, подстрекавшие народ расправиться с князем. Но «движение народа приняло, по-видимому, столь бурный характер, что испугало представителей правящей знати, от которых и исходила инициатива убийства Игоря. Брат Изяслава Владимир,

митрополит, тысяцкие теперь уже пытались удержать киевлян от их намерения, но те «кликнуша и поидоша убивать Игоря». Необходимость расправы с последним мотивировалась следующим образом: «Мы ведаем, оже не кончати добромь с тем племенем ни вам, ни нам». Таким образом, речь шла не только об убийстве Игоря, но и об уничтожении той социально-политической системы, которую хотели установить князья Ольговичи (распространение на Киев принципов вотчинного права)¹²⁹. По Рыбакову, «Изяслав Киевский организовал убийство киевлянами старшего из Ольговичей, Игоря. Убийство Игоря 19 сентября 1147 г. по приговору веча хотя и было инспирировано великокняжеской грамотой к киянам, но носило характер народного восстания — так велика была народная ненависть к Ольговичам, имя которых не без основания связывалось с половцами. Игорю не помогли ни монашеская мантия, ни заступничество княжича Владимира (сводного брата Изяслава). Труп его возили по Киеву как бы в назидание всем зачинщикам усобиц»¹³⁰. Согласно Толочко, «вспыхнувшее после веча на дворе у Святой Софии народное волнение, в результате которого пролилась княжеская кровь, не было ответом трудовых низов Киева на угнетение своих господ. Его организовали, и затем и спровоцировали, проведя через решение веча, представители правящей Изяславовой партии. Летопись возлагает вину за убийство Игоря на «людей»... Но, как нам кажется, этим не подчеркивается классовый характер восстания, а лишь делается попытка (правда, безуспешная) убедить современников в непричастности к этому убийству Изяслава»¹³¹. Толочко не всегда последователен и в другой работе, написанной позже, говорит о социальном недовольстве киевских низов. Кульминацией волнений 1147 г. «явилось убийство Игоря. Боярская группировка, поддерживавшая Изяслава Мстиславича, сумела придать недовольству масс некоторую «античерниговскую» направленность, но в том, что они преследовали и свои собственные интересы, не может быть сомнений»¹³².

Ни одно из приведенных объяснений кровавой драмы в Киеве нас не убеждает. Совершенно безпочвенно подозрение в причастности Изяслава и Владимира Мстиславичей к убийству Игоря Ольговича. Несправедливы и обвинения в организации ими этого убийства. Владимир сразу же воспротивился намерению киян убить Игоря. Он говорил на вече: «Того вы брат мои не велел. Игоря блюдуть сторожи, а мы поидем къ брату ны велел»¹³³. Ольгович, следовательно, не внушал опасения Мстиславичам, поскольку находился под стражей в монастыре св. Феодора¹³⁴. Если вспомнить, что Федоровский мона-

стырь, основанный Мстиславом Владимировичем, был во владении его сыновей Изяслава и Владимира, то можно не сомневаться в надежности изоляции Игоря.

Кроме Владимира, убивать Ольговича «взбраняше» митрополит Климент, тысяцкие Лазарь и Рагуило. Желание помешать убийству не свелось у Владимира к словесному протесту. Когда кияне «кликнута и поидоша убивать Игоря», Мстиславич вскочил на коня и погнал к Федоровскому монастырю, но не смог проехать по мосту за теснотой и «увороти коня на право мимо Глебов двор», потеряв время: «И въско-реша Кияне перед Володимером». Владимир встретил киевлян, ведущих Игоря на смерть, уже в монастырских воротах. Соскочив с коня, он «огорну» несчастного «корьзном», умоляя киян: «Братье моя! Не мозите сего створити зла, ни убивайте Игоря!» Дойдя до дома матери Владимира, народ «начата Игоря убиати, и удариша Володимира, бьуче Игоря». Досталось и некоему Михаилу, помогавшему Владимиру: «Бьуче же Михаила, отторгоша хрест на нем и с чепьми, а в нем гривна золота». Владимир прикрыл своим телом поваленного на землю жестокими ударами Игоря. Он пытался укрыть его «во дворе матери своея». Разъяренные люди «яша Володимира и хотеша убити его про Игоря». Возможно, они убили бы Мстиславича. Но, увидев бегущего Игоря, ринулись за ним, а Володимира бросили¹³⁵. Не удалась попытка Мстиславича «конем умчати Игоря», так как «Игорь не успе всести»¹³⁶. На фоне этой драмы довольно странно звучат слова Толочко: «Летописец отмечает протесты Владимира, митрополита и тысяцкого против убийства Игоря, но они были (если вообще были) столь неэнергичны, что не воспринимались всерьез»¹³⁷. Мало-мальски внимательное прочтение летописи со всей ясностью показывает, что протесты не только имели место, но были весьма энергичны, с риском для жизни.

Получив весть о гибели Игоря, Изяслав Мстиславич опечалился: «Изяслав же слышав то и прослезився. И рече: “Аще бых ведал, оже сяко сему быти, то аче бы ми и далече того блюсти отслати, а могл бых Игоря съблюсти”»¹³⁸. Мстиславич досадовал на киян: «И жалова на Кияны»¹³⁹. Он чувствовал, что худой людской молвы ему не избыть, и сокрушенно говорил дружине своей: «То мне есть порока всякого от людии не уити»¹⁴⁰. Князь словно в воду глядел: Ольговичи прямо называли его убийцей Игоря¹⁴¹. Тень подозрения наводят на Изяслава и современные историки, хотя имеющиеся в распоряжении исследователей летописные сведения совершенно недостаточны, чтобы обвинять Мстиславичей в организации и поощрении убийства Игоря,

а тем более, — пособничестве киевлянам, учинившим расправу над ним. Справедливость требует признать, что инициатива здесь исходила от собравшихся на вечевой сход киян, но отнюдь не от Мстиславичей¹⁴². Почему вечники решились на столь крайнюю меру? Едва ли потому, что стремились, как считал Черепнин, уничтожить «социально-политическую систему», которую хотели установить черниговские князья: «распространение на Киев вотчинного права». Эта «система» (если она замышлялась Ольговичами, в чем мы, однако, сомневаемся) рухнула с потерей Игорем киевского княжения. Допустим, впрочем, что кияне опасались возвращения Игоря Ольговича на княжение. Но, случись такое возвращение, оно не означало бы восстановления упоминаемой Черепниным «системы», осуществляясь не на «вотчинном праве», а благодаря усердию княжеских доброжелателей, т.е. политических сторонников. Не отражает сути киевской трагедии и догадка Рыбакова, по которой убийство Игоря явилось выражением «народной ненависти» к Ольговичам за их связь с половцами и назиданием «всем зачинщикам усобиц». Более обоснованным представляется мнение о социальном недовольстве киян как побудительном мотиве расправы с князем. Оно обозначилось еще в «Истории» Татищева, из которой узнаем, как Игорь «видя, что его хотят убить, просил, чтобы ему дали священника исповедоваться. Но народ кричал на Игоря: “Когда вы с братом Всеволодом жен и дочерей наших брали на постели и дома грабили, тогда попа не спрашивали, и ныне поп не надобен”»¹⁴³. Правление Всеволода, разорившее множество людей, было укором Игорю — Всеволодову преемнику на киевском столе. Можно сказать и больше: ответственность за беды, причиненные старшим Ольговичем населению Киевской волости, ложилась и на Игоря как его ближайшего родича и наследника на великом княжении. И все-таки убийство Игоря произошло не на социальной почве, хотя привкус социальности в нем есть несомненный. Нельзя, на наш взгляд, относиться к нему и как к политическому убийству¹⁴⁴. Вдумчивое осмысление деталей летописного рассказа позволяет раскрыть по-новому события 1147 г. в Киеве.

Началом всему послужило вече, где посланцами Изяслава Мстиславича было объявлено о заговоре Ольговичей. Естественно, что вечники вспомнили об одном из них — Игоре, находящемся неподалеку от вечевого места у Софии. К сожалению, летописец скуп на подробности. Он передает, по верному замечанию В.И. Сергеевича, «только общие результаты народной думы, а не сами прения. Прежде чем сложилось общее убеждение помочь князю и убить его противника, говорили

же отдельные лица и были, конечно, споры. Все это сглажено в нашем рассказе»¹⁴⁵. Можно с уверенностью сказать, что именно вече приговорило Игоря к смерти¹⁴⁶. Вот почему последующие действия вечников не имеют ничего общего со стихийным возмущением, и рассматривать их как восстание нет должных оснований.

Дойти до настоящей сути вечевого приговора не просто, ибо летописец не только сглаживает детали обсуждения на вече вопроса об Игоре, но и затемняет подлинные причины убийства князя, заставив «единого человека» погрузиться в воспоминания восьмидесятилетней давности, чтобы придать этому убийству сугубо политический смысл¹⁴⁷. О чем же умолчал наш информатор? Что старался скрыть от своих читателей?

Изяслав Мстиславич, как мы знаем, звал киян в поход против Ольговичей. И тут обнаруживается, что люди, сошедшиеся на вече, воспринимали убийство Игоря как предварительное и необходимое условие военного похода. В Лаврентьевской летописи, где «единый человек» не фигурирует, звучат достаточно выразительные слова киян: «А хотим и (Игоря. — И.Ф.) убить, пойти же хотим биться за своего князя»¹⁴⁸. Многозначителен и фрагмент речи «единого человека», встречаемого в Ипатьевской летописи. Призывая убить Игоря, он говорил: «Кончаимы же с ними» (т.е. Ольговичами)¹⁴⁹. Складывается впечатление, что, согласно «единому человеку», убить Игоря и покончить с Ольговичами — одно и то же. Если это так, то убийство князя приобретает магический характер, соответствующий языческому сознанию. Отсюда напрашивается вывод о ритуальном существе убийства Игоря, предположение о том, что перед нами, собственно, не убийство, а жертвоприношение. Обратимся за подтверждениями к летописи.

Кияне, пришедшие с вече за Игорем в Федоровский монастырь, не убивают его там, но ведут в сторону от обители. Причем раздевают князя почти донага: «манотью на нем оторгоша... ис свитки изволокотша и»¹⁵⁰. Уже эти два обстоятельства не укладываются в схему убийства Ольговича по социальным или политическим мотивам. Иначе он был бы убит, где найден, и без раздеваний. Но Игоря уводят из монастыря, что замышлялось, по всей видимости, изначально. Стало быть, место умерщвления предусматривалось особое, и это свидетельствует о необычности задуманного на вече убийства. Даже Игорь был сперва в некотором замешательстве. Чувствуя свою обреченность, он не мог понять, куда ведут его кияне. «Ох брате! Камо мя ведут», — спрашивал Ольгович встретившегося ему у монастырских ворот Владимира

Мстиславича¹⁵¹. Снятие монашеской одежды с Игоря — вещь также не случайная. То было языческое средство «обезвреживания» представителя враждебного киянам мира, лишение его покровы Божьего. Раздетого Игоря довели до двора владимировой матери (Мстиславля двора). Здесь Владимир, как мы видели, предпринял отчаянную, но безуспешную попытку спасти Игоря. Кияне разъярились и «побита» князя до полусмерти¹⁵². Далее киевский летописец повествует: «Безаконнии же, немилостивии побивше и отинудь тело его наго оставиша и поверзъше ужем за ноги, уворозиша, и еще живу сущу ему, ругающеся царьскомо и священому телу, и волокоша и съ Мъстиславля двора через Бабин торжек на княжь двор и ту и прикончаша, и тако скончаша и Игоря князя, сына Олгова... и оттуда възложиша и на кола и везоша и на Подолье на торговище и повергоша поруганью...»¹⁵³. По рассказу владимирского «списателя», Игоря уже мертвого волокли «сквозе Бабин торжек до Святое Богородици, и ту обретоша мужа стояща с колы и возложише и на кола везоша и на Подолье»¹⁵⁴. Не берем на себя смелость категорически утверждать, куда кияне приволокли Игоря: на «княж двор» или к храму Пресвятой Богородицы¹⁵⁵. Но относительно того, где был убит он, мы больше доверяем киевскому летописцу, согласно которому Ольговича «прикончиша» на княжом дворе, т.е. на Ярославле дворе¹⁵⁶. Запись Лаврентьевской летописи, изображающая сцену у Мстиславля двора, составлена небрежно: ворота двора матери Владимира в ней названы воротами монастыря¹⁵⁷, что порождает сомнение насчет осведомленности ее автора или, во всяком случае — исправности текста в данной части летописной статьи. Переходя к анализу приведенных известий Ипатьевской летописи, надо заметить, что они не получили еще должной оценки в исторической литературе. Обращает внимание волочение едва живого князя. За волочением просматривается ритуальное действие, символизирующее, вероятно, путешествие в иной мир. Припоминается Перун, которого Владимир «повеле привязати къ коневи хвосту и влещи с горы по Боричеву на Ручаи, и 12 мужа пристави бити жезлием»¹⁵⁸. Битье «жезлием» сопоставимо с поруганием «царского и священного тела» Игоря Ольговича, о чем свидетельствует киевский летописец, отделяющий само волочение от каких-то телесных манипуляций над обнаженным Игорем. В действиях киян, как убеждаемся, проглядывает языческий ритуал. Проступает он и в предании Игоря смерти на княжом дворе. Этот двор, ставший с середины XII в. именоваться Ярославлим¹⁵⁹, — самый, по-видимому, древний из княжеских дворов того времени, имеющий если не прямое, то опосредованное отноше-

ние к «теремному двору» киевских князей X в., расположенному «вне града». С принятием христианства рядом с ним была построена церковь Пресвятой Богородицы, так называемая Десятинная церковь. Близкое соседство «княжа двора» с Богородичным храмом явилось, возможно, основанием владимирскому летописцу обозначить храм Пресвятой Богородицы в качестве, так сказать, перевалочного пункта отправки мертвого Игоря на Подол. Полагаем, что киевский хронист более точен, чем его собрат по перу, живший далеко от Киева и потому хуже ориентировавшийся в социальной топографии днепровской столицы. Суть происходящего должна была скорее всего привести киян с обреченным на смерть Игорем на «княж двор», а не к церкви Пресвятой Богородицы.

В языческие времена «княж двор» выступал как административный, политический и религиозный центр, где совершались жертвоприношения, устраивалось ритуализированное посажение князей, шумели многолюдные престижные пиры, на которых властители общались с народом и т.д. Многие из своих прежних функций «княж двор» сохранял и на протяжении XI–XII вв. На нем лежала еще печать старины. Поэтому кияне, затеяв языческую акцию, не могли миновать «княж двор» — былой палладиум «поганской» веры. Приход их туда был неизбежен, ибо того требовал ритуал. Наряду с тем у киевлян имелаась и другая необходимость появления на «княжом дворе», поскольку здесь они целовали «хрест» Игорю Ольговичу, отсюда началось его кратковременное княжение¹⁶⁰. В результате убийство Игоря на Ярославле дворе приобретало магический знак пресечения каких бы то ни было попыток Ольговичей сесть на киевском столе, с одной стороны, и победу над врагом в предстоящем походе, — с другой. Но и в первом и во втором случаях жертвенный характер кровавого акта для нас очевиден¹⁶¹.

Убитого князя кияне положили «на кола и везоша и на Подолье на торговище и повергоша поруганью»¹⁶². Выставив мертвеца на торговой площади для всеобщего обозрения, они продемонстрировали общественную значимость расправы над Игорем. «Повержение» трупа в людном месте, каковым являлся торг, означало также легализацию убийства, его законность¹⁶³. Что касается собственно перемещения убитого князя из расположенного в черте «сторого города» Ярославля двора на Подол, то и в нем проглядывает языческий образ действий: отторжение низвергнутого князя от киевских святынь и удаление за пределы общинного сакрального пространства, заключенного в «старом городе» — древнем религиозном средоточии полян.

Данное предположение согласуется с последующими летописными эпизодами, к числу которых относится, в частности, перенос тела Игоря с «торговища» в церковь св. Михаила. Эта церковь являлась «новгородской божницей», куда ходили молиться приезжавшие в Киев на свое «орудье» новгородцы¹⁶⁴. Положив князя в новгородскую церковь, киевляне еще раз засвидетельствовали стремление извергнуть мертвого Ольговича¹⁶⁵. О том же говорит и новое перемещение Игоря «на конец града в монастырь Святому Симеону», принадлежавший его отцу и деду, т.е. в родовой монастырь черниговских князей, чуждый киянам. Но и Семеоновский монастырь не стал конечным приютом Игоря. В 1150 г. «Святослав Ольгович перенесе мощи брата своего Игоря от Святого Семена ис Копырева конца в Чернигов, и положиша у Святого Спаса в тереме»¹⁶⁶. Как явствует из этой записи, князя «положиша» не в самой церкви Спаса, а в прилегающем к ней тереме¹⁶⁷. Деталь существенная, если вспомнить, что отец и дед Игоря (Олег и Святослав) были похоронены именно в Спасском соборе¹⁶⁸. По рассказу Ипатьевской летописи, к выставленному на «поруганье» мертвому Игорю приходили люди и «взимаху от крове его и от прикрова сущаго на нем, на теле его, на спасение себе и на исцеление»¹⁶⁹. Летописец именует этих людей «благочестивыми», расценивая их поведение с христианской точки зрения. По летописному рассказу также произошло «знамение» в божнице, где над Игорем «зажгошас свече вси»¹⁷⁰. В Никоновской летописи к чудесному самовозгоранию свечей добавлены «гром велий и молния» и «столп светозарен над церковью» и «потрясение земли»¹⁷¹. В летописи князь Игорь прямо сравнивается со святыми пророками и апостолами, священномучениками и преподобными отцами, претерпевшими «горькия муки» и пролившими кровь «по Господе»¹⁷². Совершенно очевидно, что такое сравнение могло возникнуть только вследствие гибели Игоря от язычествующих киян. Примечательно, что митрополит Климент, когда ему поведали о знамении, запретил говорить об этом, но «повеле потаити такую благодать Богу являющую над ним»¹⁷³.

Достоин внимания тот факт, что день памяти святого Церковь отнесла не к 19 сентября, когда произошло убийство, а к 5 июня, связав поминовение с перенесением в 1150 г. мощей убиенного из Киева в Чернигов. Канонизацию Игоря активно поддержали Ольговичи и черниговская городская община¹⁷⁴. Но это не значит, что сам канонизационный акт содержал лишь политический контекст, как считает Хорошев¹⁷⁵. Главная подоплека лежала в сфере религиозной, а не политической. Она открывается нам в противостоянии христианства

язычеству. Разумеется, нельзя игнорировать дополнительные побуждения, в частности, заинтересованность черниговских князей, для которых установление культа Игоря было заманчиво не столько тем, что принимало характер церковного, по словам Хорошева, благословения их политики¹⁷⁶, сколько престижность иметь в сонме святых представителя своего семейного клана, что возвышало Ольговичей среди остального княжья и укрепляло авторитет властителей Чернигова если не повсюду на Руси, то у себя дома, на Черниговщине. Нет сомнения в том, что соображения государственного суверенитета делали канонизацию Игоря Ольговича для черниговской общины, организованной в город-государство, весьма желательной. В силу враждебного отношения к Игорю киевской общины его общецерковная канонизация была невозможна. Поэтому князя канонизировали на епархиальном уровне¹⁷⁷.

Таким образом, рассмотренный нами материал позволяет заключить о языческой подкладке убийства Игоря киянами. Традиционные нравы, уходящие корнями в архаику, вырвались на поверхность десятилетием спустя, когда в Киеве умер Юрий Владимирович Долгорукий.

§ 3 Смута в Киеве по смерти Великого Князя Юрия Владимировича Долгорукого. Вытеснение пришельцев Северо-Восточной Руси киевлянами

После похорон Юрия «много зла створися въ тѣ день, разграбиша двор его красныи и другыи двор его за Днепром разграбиша, его же звашеть сам Раем, и Василков двор, сына его, разграбиша в городе, избивахуть Суждалци по городом и по селом, а товар их грабяче»¹⁷⁸. Определяя «грабежи» как «зло», летописец не конкретизирует их участников. Естественно, что в исторической литературе начались осмысления летописного текста.

В первой редакции своей «Истории» Татищев повторил летописную фразеологию, добавив при этом к известию летописца речь киевлян, расправлявшихся с суздальцами: «Иж нас грабяху и разоряху, жены и дщери наша насиловаху»¹⁷⁹. Во второй редакции историк отходит от летописи, вводя в действие народ: «В Киеве по смерти Юриевой учинилось в народе великое смятение и того же дня разграбили его красный (загородный) двор и другой его дом за Днепром, называемый раем, потом дом сына его Василька. Суздальцов же в Киеве и по

градом и селам многих побили и ограбили...»¹⁸⁰. Летописное «зло» Татищев понял как народное смятение.

Тему народа усилил Карамзин. «Народ Киевский, — писал он, — столь ненавидел Долгорукого, что узнав о кончине его, разграбил дворец и сельский дом Княжеский за Днепром, называемый Раем, также имение Суздальских бояр, и многих из них умертвил в исступлении злобы. Граждане, не хотев, кажется, чтобы и тело Георгиево лежало вместе с Мономаховым, погребли оное вне города, в Берестовской Обители Спаса»¹⁸¹.

С.М. Соловьев в действиях киевлян распознал ясный знак «нерасположения их к Юрию и его суздальской дружине, которую он привел с севера»¹⁸².

Несколько иначе думал Костомаров: «По смерти Юрия... происходили такие же сцены, как и по смерти Святополка и Всеволода Ольговича. Юрий, подобно прежним князьям, привел с собою суздальцев и раздал им города и села; по смерти его всех побили киевляне, имения их пограбили; ограбили и двор Юрия, названный им раем. Уважая долго Юрия как сына любимого ими Мстислава (?), киевляне не в силах были сдержать своего нерасположения к суздальцам»¹⁸³. О любви и преданности «посадских людей города Киева» Юрию Долгорукому и другим Мономаховичам рассуждал М.Д. Затыркевич¹⁸⁴. Грабежи княжеского имущества, избиение суздальцев, сопровождавшие смерть Юрия, исследователь называл «восстаниями или насилиями со стороны посадских людей»¹⁸⁵.

Грушевский, оперируя понятием «безпорядки», относил Юрия к числу «нелюбимых» киевлянами князей: «Как обыкновенно бывало при кончине нелюбимых князей, в Киеве начались безпорядки: были разграблены дворцы Юрия, двор Василька Юрьевича; в городах и по селам избивали приведенных Юрием суздальцев и грабили их имущество»¹⁸⁶.

Итак, в дореволюционной историографии события, связанные со смертью Юрия Долгорукого, характеризовались как «смятение народа», «восстание» и «безпорядки».

О восстании горожан и селян, охватившем Киевскую землю с кончиной Юрия Долгорукого, писали В.Т. Пашуто, П.П. Толочко, В.И. Буганов¹⁸⁷.

Более осторожно говорил Греков: «Возможно, что некоторый намек на активный протест сельского населения заключается и в опи-

сании событий в Киеве, последовавших за смертью Юрия Долгорукого»¹⁸⁸. Попытаемся вновь разобраться в летописных известиях.

Первый вопрос, который необходимо прояснить, кто грабил и убивал. Летописец, как мы уже отмечали, говорит об этом в общей форме, не обозначая конкретно вершивших «зло». В научной литературе данная проблема решалась под сильным воздействием социально-психологических стереотипов. В ученых головах не укладывалось, что грабежами, помимо рядового людства, могли заниматься и представители дружинно-боярской знати. Но такое, как мы знаем, все же случилось¹⁸⁹. И на этот раз у нас нет оснований ограничивать круг участников «грабежей» социальными низами. Если исходить из летописного повествования, а не из умозрительных построений, то надо признать, что в событиях 1157 г. выступает вся киевская община, состоявшая из простых и знатных людей. Это с полной очевидностью вытекает из описания похорон Юрия и начавшихся после того «грабежей», где нет никакого различия между людьми, которые «положиша» князя «у Святога Спаса», и теми, кто «розграбиша» княжеские дворы. Добром Юрия поживился и князь Изяслав, приехавший в Киев на смену Долгорукому, как об этом свидетельствует Никоновская летопись: «Князь велики же Изяслав Давыдович Чръниговский пришед в Киев, все имениа его взят, и дружину его пойма, свех оковы железными связа, а других в темницы всади, и седе на столе на великом княжении в Киеве»¹⁹⁰. Юрия похоронили 16 мая, а через два дня, 18 мая, Изяслав въехал в Киев, т.е. по горячим, как говорится, следам. Не исключено, что он, застав грабежи и убийства суздальцев, внес и свою лепту в это «зло». Во всяком случае, захват Изяславом Юрьева «имения» и его репрессивные меры по отношению к дружине умершего князя делают весьма правдоподобными аналогичные действия со стороны знатных киевлян. Невольно к этому заключению клонят и некоторые советские историки. Так, по мнению Толочко, в разгроме суздальской команды «была, несомненно, заинтересована и местная земельная знать, поскольку видела в ней основного конкурента в борьбе за власть»¹⁹¹. Но коль в избиении суздальцев знать проявляла явную заинтересованность, то логично предположить ее участие в расправе над ними.

Установив причастность к майским происшествиям 1157 г. в Киеве местной городской общины в целом, попытаемся выяснить, кого разумел летописец под суздальцами, потерпевшими от киян.

В досоветской исторической литературе встречаем различные суждения о суздальцах. Карамзин считал их боярами¹⁹², С.М. Соло-

вьев видел в них суздальскую дружину, которую Юрий привел в Киев с севера. Согласно Аристову, то были купцы, приехавшие торговать в южную столицу из суздальской области¹⁹³. Аристова оспорил Грушевский, который не сомневался в том, что летописные суздальцы — это дружинники Юрия¹⁹⁴.

Все эти суждения дореволюционных историков представлены в трудах советских авторов. Мавродин, подобно Карамзину, относил суздальцев к боярам⁴⁰. Мавродину возражал Греков, полагавший, что в летописи «говорится о суздальских купцах, а не боярах. Избивали суздальцев по городам и селам, а товар их отбирали. Суздальские купцы, как это видно из различных источников, между прочим, и из договоров Новгорода с суздальскими князьями, отличались большой предприимчивостью, разъезжали со своими товарами по всей Руси великой, конечно, ездили и в Поднепровье. Им-то, этим купцам, находившимся под покровительством князя Юрия, и досталось после его смерти»¹⁹⁵. В ответ на это Мавродин замечал: «Не могу считать это утверждение убедительным. Термин “товар” в русском языке той поры, как известно, означал не только предмет купли и продажи, не только достояние купца, но и имущество вообще. Указание на это мы найдем хотя бы в той же Ипатьевской летописи под 1146–1147 гг., в период бурных киевских вечевых сходов и княжеских усобиц, когда князья захватывали друг у друга в селах много всякого «товара». Вряд ли суздальские купцы так часто заезжали в села и торговали по селам. Натуральный характер хозяйства сельского люда исключал возможность регулярного и постоянного торга по селам заезжих купцов. И, наконец, чем же могли так уж восстановить против себя купцы суздальские, чтобы смерть Юрия послужила сигналом к их избиению?»¹⁹⁶. И все же критика Грекова подействовала на Мавродина, и он отказался от своего прежнего взгляда на суздальцев как суздальских бояр, усматривая теперь в них «дружинников Юрия, получивших земли в Поднепровье из рук князя, пользовавшихся частью получаемых им от населения доходов. Естественно, что такие “суздальцы”, пришедшие с князем и не очень уверенные в завтрашнем дне, стремившиеся, как участники и дольщики в княжеских походах, как можно больше обобрать обитателей своей вотчины, как можно скорее придумать всяких “неправых вир” и “продаж”, вызывали недовольство...».

Помимо бояр, купцов и дружинников, некоторые современные историки угадывают в суздальцах, пострадавших после смерти Юрия,

его приближенных¹⁹⁷ или сторонников¹⁹⁸. Полагаем, что это — самые поверхностные интерпретации летописного текста, которые следует, разумеется, отвергнуть. Ведь понятия «приближенные», «сторонники» настолько расплывчаты, что могут вмещать и несудальцев¹⁹⁹, тогда как в летописи говорится именно о судальцах. Сомнительным, на наш взгляд, является и отождествление судальцев с купцами, прибывшими торговать из Суздальщины в Поднепровье. Для такой идентификации одного термина «товар», применяемого летописцем, явно недостаточно. Мавродин правильно указывал на полисемичность в древнерусском языке слова «товар», означавшего, помимо прочего, имущество, добро²⁰⁰. Кстати, поздние летописцы так и поняли своего собрата-предшественника, поменяв «товар» на «имение»²⁰¹.

Едва ли за летописными судальцами скрывались только бояре и даже — все дружинники. Скорее за ними стоял широкий круг пришельцев с севера. В борьбе за Киев Юрий опирался на военную мощь Суздальской земли в лице многочисленных воев, образующих народное ополчение. Войско суздальского князя включало, конечно, и дружину, состоявшую из мужей «хоробрствующих» — младших воинов и мужей «думающих» — бояр²⁰². Вместе со всем этим воинством Юрий выступил из Суздаля «в Русь», прослышав о смерти Изяслава Мстиславича, который ранее заставил его со срамом и безчестием покинуть Киев. О том, что Долгорукий вел с собой большое войско, значительно превышающее по численности дружину, свидетельствует летописец, хотя и косвенно, но убедительно. По пути «в Русь» Суздальский князь пришел под Смоленск. Тамашний князь Ростислав, «скупя воя своя многое множество, исполца полкы своя и поиде противу ему к Зарю, ту же и ста Ростислав». Несмотря на «многое множество» воев, Ростислав униженно просил Юрия о мире, что указывает на большую суздальскую рать, превосходящую по боевой силе обычную дружину и напугавшую Мстиславича. Эту рать Юрий и привел в Киев, откуда судальцы разбрелись по городам и селам Киевской земли, одни на постой²⁰³, другие в качестве правителей разного ранга, получивших доходные административные должности благодаря вокняжению своего властителя в днепровской столице. То была разношерстная публика, включавшая бояр, княжих мужей помельче и простых воинов Суздальщины, помогавших Юрию Долгорукому добывать киевский стол. Она и фигурирует у летописца под общим наименованием «судальцы». Выяснив, кого летописец разумел под судальцами, перепитыми и ограбленными по смерти Долгорукого, вернемся к «гра-

бежам», чтобы разобраться в их социальной и политической роли. В древних обществах с незавершенным процессом классового образования, к которым, заметим попутно, относится и Древняя Русь, ученые наблюдают противоборство двух тенденций: индивидуального обогащения и коллективистских устремлений в сфере собственности, основанных на общинно-родовых традициях. Это противоборство разрешалось сперва регулярным, а потом эпизодическим перераспределением частных богатств внутри общины. У североамериканских индейцев инструментом такого перераспределения являлся потлач, который был своеобразным «способом выравнивания имущественного неравенства, формой сопротивления общинных начал частному накоплению сокровищ»²⁰⁴. Поводы к устройству потлача, или раздачи индивидуальных богатств, были самые разные, включая смерть вождя. В Древней Руси посмертные раздачи имущества властителей, преподносимые летописцами как милостыни «боголюбивых» и «богобоязненных» князей, блюдуших заповеди христианства, — не редкость²⁰⁵. Имели место они и в Киеве. Мы уже видели, как в апреле 1113 г. после смерти Святополка вдова усопшего раздала огромное богатство монастырям, попам и бедным людям, чем предотвратила грабеж княжеского имения, которому подверглись дворы тысяцкого Путяты и сотских²⁰⁶. В 1154 г. князь Ростислав, похоронив дядю Вячеслава, «еха на Ярославль двор и съзва мужа отца Вячиславли и тивуны и ключники, каза нести именье отца своего перед ся и порты и золото и серебро, и снес все и поча роздавати по монастырем и по церквам, и по затвором, и нищим, и тако раздая все, а собе не прия ничто, толико крест честный взя на благословление себе»²⁰⁷. Перед нами публичная демонстрация и раздача княжеских сокровищ, похожая на индейский потлач²⁰⁸. Замечательно, что в данном случае сходство обнаруживается даже в действующих лицах: «У хаисла племянник-наследник после похорон своего предшественника созывал жителей селения в свой дом на так называемый обряд «сжигания», на котором раздавал сокровища умершего»²⁰⁹.

Добровольная раздача богатства умершего правителя была, вероятно, типичной для ранней стадии развития потлача. По мере же укрепления индивидуальной собственности, имущественной и социальной дифференциации раздачи по доброй воле уступали место принудительным, принявшим форму грабежей, или расхищения имущества. У индейцев-кочевников «бывали случаи, когда общинники, узнав о смерти богатого индейца, бросались к его табуну и захватывали лучших коней. Они могли пренебречь завещанием умершего и ничего не

оставить его вдове и детям». Характерно, что «ближайшие родственники умершего не имели права препятствовать этому расхищению наследства. С особенным рвением оно осуществлялось в отношении табунов скупых богачей. В этом поведении сородичей и общинников, как и в обычаях дележа наследства умершего, можно видеть пережиточное бытование прежнего коллективизма собственности на скот»²¹⁰. Это — стихийное расхищение, хотя и освещаемое обычным правом. Мы же хотим обратить внимание на организованные грабежи умерших правителей, которые можно рассматривать как заключительную сцену древнего ритуала «прощания» с ними. Именно к данному разряду организованных грабежей относятся грабления дворов скончавшегося Юрия Долгорукого.

По словам Карамзина, народ, узнав о кончине Долгорукого, «разграбил дворец и сельский дом Княжеский за Днепром»²¹¹. Получалось, таким образом, что действия народа были неожиданными и стихийными. По сути ту же линию проводят советские историки. Особенно наглядно это видно из рассуждений Толочко и Лимонова, которые утверждают, будто «восстание» киевлян, выразившееся в грабежах, вспыхнуло сразу же после смерти Юрия²¹². Но в летописи запечатлен иной ход событий. После смерти князя состоялись похороны. Покойника «положиша» в берестовской церкви Спаса. И лишь затем произошло то, что летописец назвал «злом». Причем по смыслу летописного повествования оно было содеяно и теми, кто участвовал в погребении. Вырисовывается, как видим, определенная последовательность действий киевской городской общины, исключающая мысль о народном восстании. Горожане вели себя в соответствии с обычаем и совершили то, что этот обычай позволял: коллективное расхищение богатства умершего правителя. Тут мы имеем языческую норму поведения, несовместимую с христианской моралью, и потому определенную летописцем-христианином как «зло».

По сообщению летописи, грабеж перекинулся на имущество Василька, сына Юрия Долгорукого, что естественно, поскольку в условиях патриархальных отношений, господствовавших на Руси, родители и дети были неразделимы, а, значит, их «имение» — тоже. Нерасторжимостью князя и дружины, сохранявшейся в Древней Руси²¹³, надо объяснять грабеж тех суздальцев, которые являлись дружинниками Юрия. Но грабежи, направленные против суздальцев, означали и нечто иное. Часть суздальцев, разведенная на «покорм» по городам и весям Киевской земли, подверглась избиению и ограблению по той причине, что олицетворяла чужой, враждебный киянам мир. «По-

корм» воинов сторонней общины воспринимался тогда как завоевание, позорящее честь свободного народа. Отсюда стремление киян поскорее избавиться от такого рода пришельцев самым радикальным способом, отправив нежеланных «гостей» на «тот свет» вслед за их вождем. Полагаем, что это была языческая мера пресечения действия враждебных сил, наносящих вред местной общине. Другая часть суздальцев, получившая административные должности в Киевской волости, поплатилась, вероятно, в первую очередь за «тяготу», доставленную людям несправедливыми поборами и насилием. Но и они ассоциировались в сознании жителей волости с внешним миром, недружественным и опасным. В целях самосохранения, понимаемом в языческом ключе, требовалась радикальная мера: умерщвление носителей зла, что кияне и сделали.

В Киеве Юрия не любили и не считали устроителем благополучия общины. В княжение его, по словам Татищева, «междо всеми князи веле смятение и кровопролитие христианом бысть»²¹⁴. Поэтому киевляне старались быстрее спровадить покойника к праотцам: ночью Юрий умер, а утром следующего дня похоронен. Вдогонку ему отправили и мужей, пришедших с ним в Киев из Суздальской земли.

В майских событиях 1157 г., произошедших по смерти Юрия Долгорукого, нельзя, конечно, отрицать присутствия элементов социального протеста и политической борьбы. Но, если воспользоваться сравнением, то были узоры на языческой событийной канве.

Итак, мы рассмотрели материал, касающийся народных движений, социальной и политической борьбы в Киеве середины XII в. Обнаружилась довольно пестрая картина, где все в смешанном, так сказать, синкретическом состоянии. Нет чистых проявлений социальной, политической или какой-нибудь иной борьбы. Межволостные коллизии переплетаются с внутриволостными, те и другие — с внутриобщинными, социальными и политическими. Двигателем выступлений народа нередко были языческие верования и обычаи. Во все это вплеталась межкняжеская борьба за киевский стол. Однако в центре событий находилась местная вечевая община, еще единая и сплоченная. Противоборство в Киеве аристократической и народной партий, поддерживающих соответственно Ольговичей и Мономаховичей, — вымысел историков, а не реальность. Можно говорить лишь о складывании на непродолжительное время групп по интересам, объединявших простых и знатных киевлян. Эти группы с той же быстротой распадались, как и возникали. Неколебимой оставалась община,

которая за несколько десятилетий с начала XII в. настолько окрепла, что пересилила княжескую власть, подчинив ее полностью вечу. Князья садились в Киеве на «всей воле» киевлян. Тихомиров писал: «Киевляне добивались права свободного приглашения князей, как это уже установилось в Новгороде»²¹⁵. Вернее было бы сказать, что кияне добились названного права. Киевская вечевая община стала доминантой социально-политической жизни²¹⁶.

Примечания к главе 6

- ¹ См.: *Фроянов И.Я., Дворниченко А.Ю.* Города-государства Древней Руси. Л., 1988.
- ² НПЛ. М.; Л., 1950. С. 23, 208.
- ³ Там же.
- ⁴ ПСРЛ. М., 1962. Т. II. Стб. 295.
- ⁵ *Костомаров Н.И.* Исторические монографии и исследования. СПб., 1878. Т. I. С. 209.
- ⁶ Там же. С. 210.
- ⁷ Там же. С. 70-71.
- ⁸ ПСРЛ. Т. II. Стб. 302-303.
- ⁹ ПСРЛ. М.; Л., 1949. Т. XXV. С. 34.
- ¹⁰ *Татищев В.Н.* История Российская. М.; Л., 1964. Т. IV. С. 195. См. также: *Татищев В.Н.* История Российская. М.; Л., 1963. Т. II. С. 151.
- ¹¹ *Карамзин Н.М.* История Государства Российского. М., 1991. Т. II. С. 117.
- ¹² Это явствует из летописного сообщения о том, что Ярополк и Всеволод, заключив мир в Моравийске, «разидошася кождо въ свояси». Значит, Всеволод ушел в свой Чернигов. См.: ПСРЛ. Т. II. Стб. 302. См. также: ПСРЛ. Т. I. Стб. 306; ПСРЛ. СПб., 1862. Т. IX. С. 163.
- ¹³ *Соловьев С.М.* Сочинения. М., 1988. Кн. 1. С. 414.
- ¹⁴ *Толочко П.П.* Древняя Русь: очерки социально-политической истории. Киев, 1987. С. 119
- ¹⁵ См.: *Толочко П.П.* Киевская земля // Древнерусские княжества X-XII вв. М., 1975. С. 23-24.
- ¹⁶ ПСРЛ. Т. II. Стб. 302.
- ¹⁷ ПСРЛ. Т. I. Стб. 306. См. также: ЛПС. М., 1851. С. 54.
- ¹⁸ *Грушевский М.С.* Очерк... С. 154.
- ¹⁹ ПСРЛ. Т. I. Стб. 306; Т. II. Стб. 302; Т. IX. С. 163; Т. XXV. С. 34; ЛПС. С. 54.
- ²⁰ *Татищев В.Н.* История Российская. Т. IV. С. 195.
- ²¹ См.: *Карамзин Н.М.* История Государства Российского. Т. II-III. С. 117. Ср.: *Соловьев С.М.* Сочинения. Кн. 1. С. 415.
- ²² ПСРЛ. Т. IX. С. 163; См. также: *Татищев В.Н.* История Российская. Т. II. С. 151; Т. IV. С. 195.
- ²³ См.: *Фроянов И.Я.* Киевская Русь: Очерки социально-политической истории. Л., 1980. С. 143.
- ²⁴ См.: *Татищев В.Н.* История Российская. Т. II. С. 162; Т. IV. С. 201; *Грушевский М.С.* Очерк... С. 163, 164; *Греков Б.Д.* Киевская Русь. М., 1953. С. 509-510.
- ²⁵ *Татищев В.Н.* История Российская. Т. II. С. 161; Т. IV. С. 201.
- ²⁶ ПСРЛ. Т. I. Стб. 313; Т. IX. С. 166; ЛПС. С. 36.
- ²⁷ ПСРЛ. Т. II. Стб. 320; Т. XXV. С. 37.
- ²⁸ См.: *Линниченко И.А.* Вече в Киевской области. Киев. 1885. С. 58.
- ²⁹ ПСРЛ. Т. II. Стб. 320.
- ³⁰ ПСРЛ. Т. XXV. С. 37.
- ³¹ ПСРЛ. Т. II. Стб. 323.

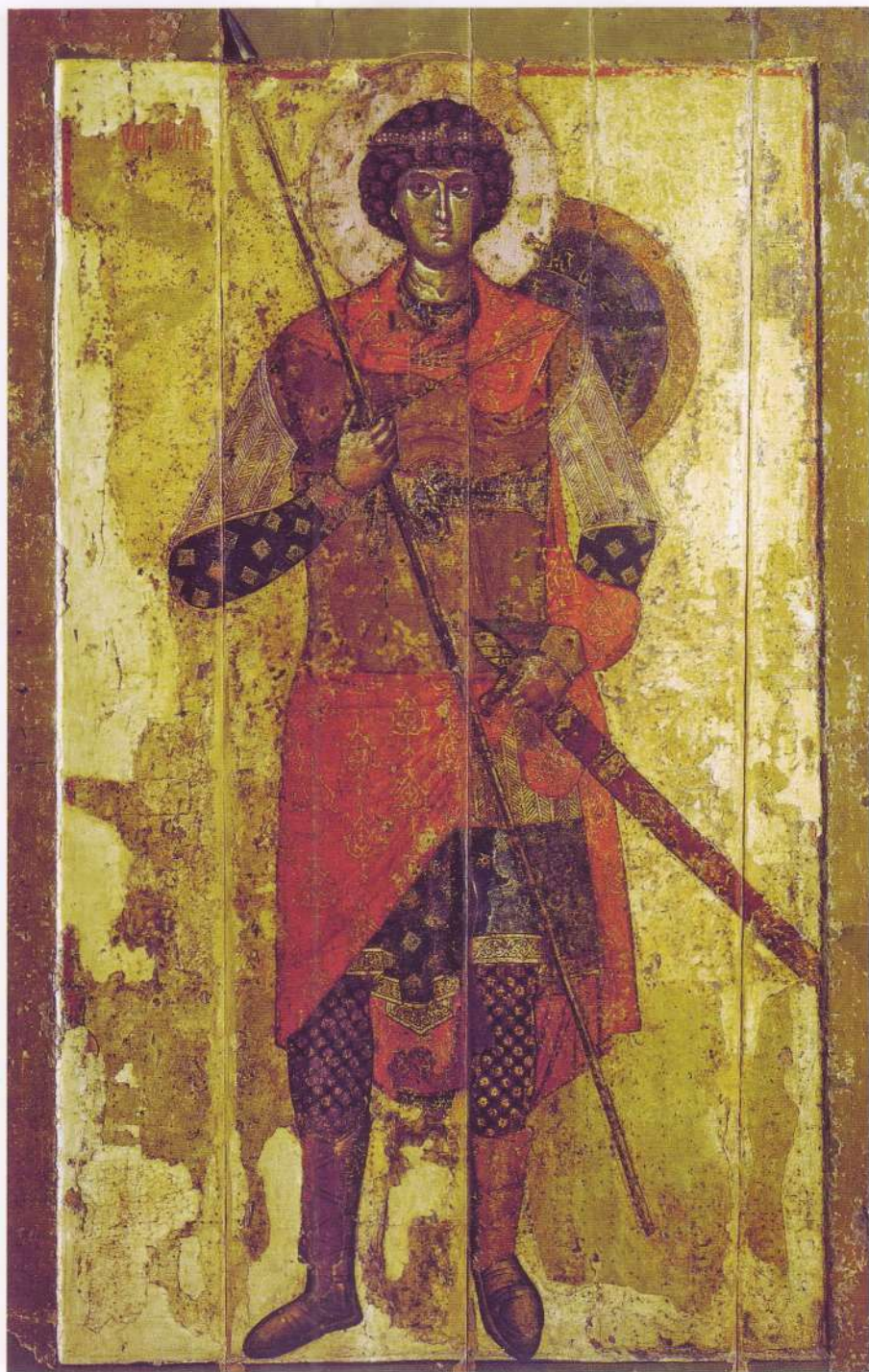
Кратир (Причастная чаша) – вклад новгородского посадника Петрилы Микульчича в ризницу Святой Софии Новгородской, ок. 1135

Стерженский крест, был поставлен новгородским боярином Иванком Павловичем (посадник в 1134–35) у впадения Волги в озеро Стерж

Благовещение. Икона принадлежала новгородскому Юрьеву монастырю, ок. 1130

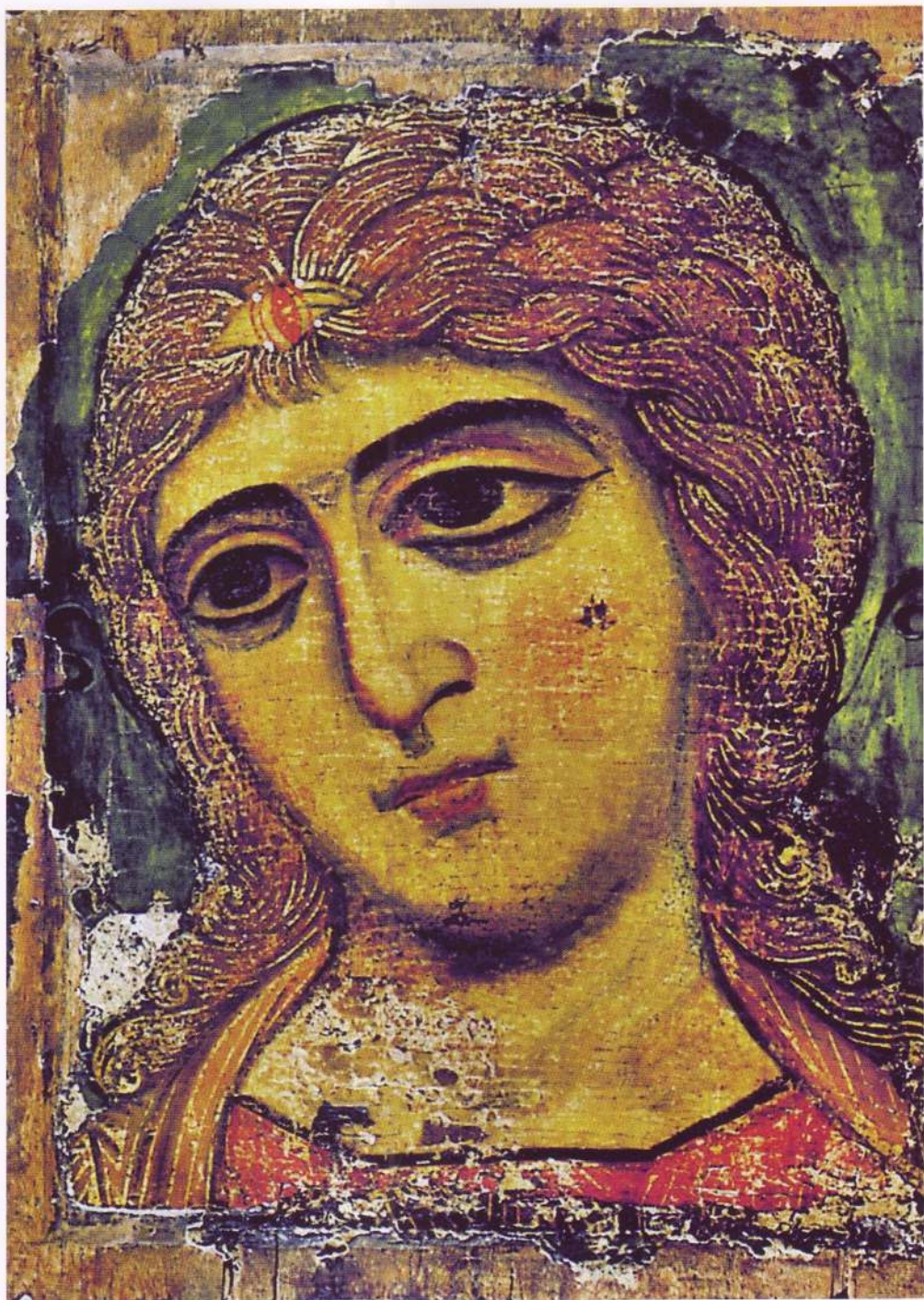
Вмч. Георгий. Икона из Георгиевского собора новгородского Юрьева монастыря, ок. 1130

Святой благоверный Князь Мстислав Великий. Икона XIX в.

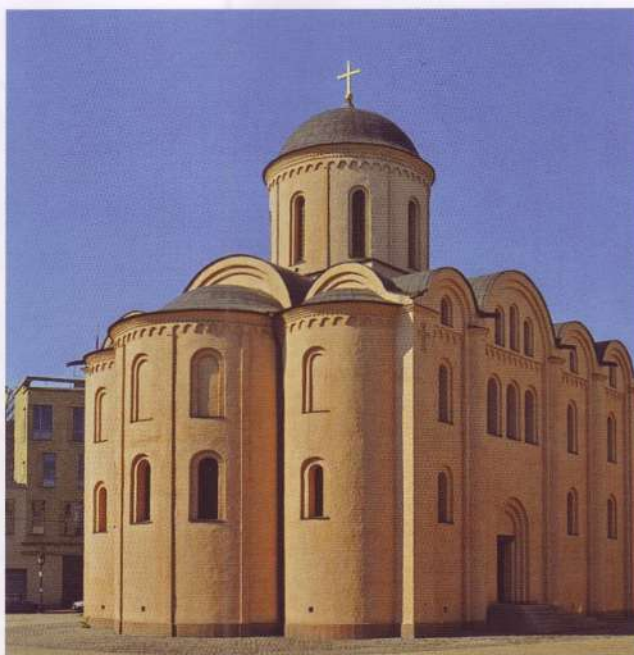
Новгородцы в 1141 наказывают своего посадника Якуна Мирославича и его брата
Миниатюра Лицевого летописного свода, XVI в.

Архангел Гавриил (Ангел Златые власы). Икона из деисусного чина иконостаса, предположительно из Новгорода, 2-я пол. XII в.

Посажение в 1125 на киевском престоле Князя Мстислава после смерти Великого Князя Владимира Мономаха. Миниатюра Лицевого летописного свода, XVI в.

Храм Успения Богородицы (Успение Пирогощи) в Киеве, заложенный Великим Князем Мстиславом Владимировичем и достроенный Великим Князем Ярополком Владимировичем в 1130-х

Вмч. Феодор Тирон – святой покровитель Великого Князя Мстислава Владимировича, который заложил в 1129 в Киеве Федоровский монастырь

В 1136 сыновья князя Черниговского, внуки Великого Князя Святослава, правнуки Великого Князя Ярослава, праправнуки Великого Владимира князя Черниговские Всеволод, Святослав и Игорь начали воинство объединять.
Миниатюра Лицевого летописного свода, XVI в.

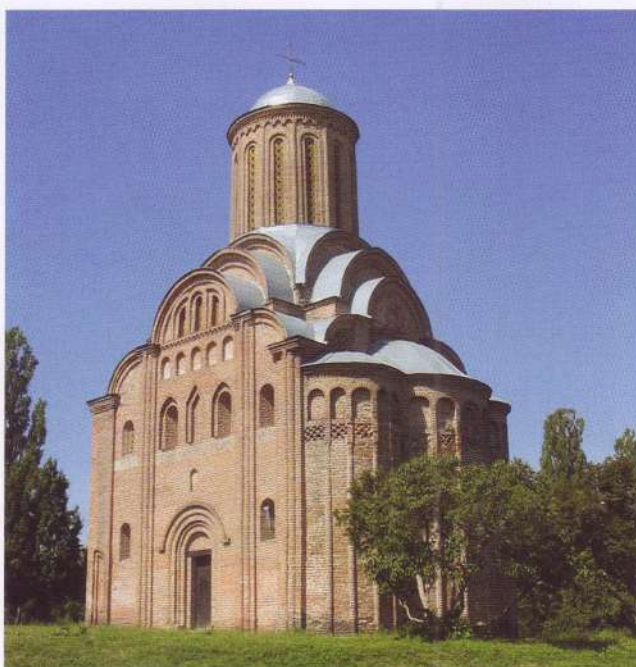
Собор Преображения Господня в Чернигове. Основан равноап. Великим Князем Владимиром на месте языческого капища, заново выстроен 1030 князем Черниговским Мстиславом рядом с «Красным теремом» — княжеской резиденцией. Современный вид

Собор святых мчч. блгвв. князей Бориса и Глеба в Чернигове — домовый храм князей Черниговских. Заложен в 1120 князем Давыдом Святославичем

Великий Князь Святослав Ярославич с семьей. Один из сыновей – князь Черниговский Давид. Миниатюра из Изборника Святослава, 1073

Церковь святой Параскевы Пятницы в Чернигове. Выстроена посадскими людьми на Пятницком поле (на торжище) в начале XIII в. Реконструкция П.Д. Барановского, 2-я пол. XX века

В 1146 по завещанию Великого Князя Всеволода Ольговича на княжеский престол в Киеве вступил его брат князь Игорь Ольгович – будущий страстотерпец. Некоторые киевляне отступили от крестного целования (данного еще при жизни Князя Всеволода) и призвали тайно князя Изяслава Мстиславича

Ангел свивает небо. Фрагмент фрески Страшного Суда западной стены Кирилловской церкви в Киеве, 1140-е

Церковь свт. Кирилла и Афанасия Александрийских (Кирилловская). Основана в 1140-е вместе с монастырем на северной окраине Киева Великим Князем Всеволодом Ольговичем в честь своего святого. Здесь погребен в иноческом образе в 1194 Князь Киевский Святослав Всеволодович. Современный вид

Апостол Петр. Фрагмент фрески северного предалтарного столба Кирилловской церкви в Киеве, посл. четв. XII в.

Святой мученик благоверный Великий Князь Игорь Ольгович
Современная икона

Киевляне пришли в 1147 в монастырь св. Феодора, чтобы убить Князя-инока
Игоря Ольговича. Миниатюра Лицевого летописного свода, XVI в.

В 1148 князья Ольговичи и князья Давидовичи примирились с Великим Князем Изяславом Мстиславичем, прекратили вражду за убиенного брата Князя Игоря: «воздаст ему Бог вместо земного царства небесным».
Миниатюра Лицевого летописного свода, XVI в.

Благоверные князья Всеволод Новгородский и Псковский, страстотерпцы Борис и Глеб. Икона из церкви свт. Василия на Горке, 10-е XVII в.

³² Там же. Стб. 384.

³³ ПСРЛ. Т. IX. С. 183.

³⁴ *Татищев В.Н.* История Российская. М.; Л., 1964. Т. III. С. 16.

³⁵ Вспомним Игоря Ольговича, заключившего соглашение о княжении в Киеве сперва с киевлянами, а потом — с вышгородцами. См.: ПСРЛ. Т. II. Стб. 320–321.

³⁶ ПСРЛ. Т. II. Стб. 396.

³⁷ Там же. Стб. 396–398. Там же. Стб. 396–398.

³⁸ Там же. Стб. 389.

³⁹ Жили они порознь: «Вячеслав на Велицем дворе, а Изяслав под Угорьским». Там же. Стб. 445.

⁴⁰ ПСРЛ. Т. II. Стб. 471.

⁴¹ Там же. Стб. 403.

⁴² Там же.

⁴³ ПСРЛ. Т. I. Стб. 354.

⁴⁴ ПСРЛ. Т. II. Стб. 534.

⁴⁵ *Костомаров Н.И.* Исторические монографии... Т. 1. С. 209.

⁴⁶ *Грушевский М.С.* Очерк... С. 313.

⁴⁷ Там же. С. 314.

⁴⁸ *Толочко П.П.* Киевская земля. С. 26.

⁴⁹ Там же.

⁵⁰ Вышгород являлся частью Киевской земли, составленной из главного города, пригородов и сел.

⁵¹ Нечто похожее наблюдаем в Новгородской земле и особенно на северо-востоке Руси, где возник державный тройственный союз главнейших городов Земли. См.: *Фроянов И.Я., Дворниченко А.Ю.* Города-государства Древней Руси. С. 240.

⁵² *Грушевский М.С.* Очерк... С. 152. См. также: *Затыркевич М.Д.* О влиянии борьбы между народами и сословиями на образование строя русского государства в домонгольский период. М., 1874. С. 211.

⁵³ Там же. С. 153, 298.

⁵⁴ *Тихомиров М.Н.* Крестьянские и городские восстания на Руси XI–XIII вв. М., 1955. С. 150. См. также: *Мавродин В.В.* Народные восстания в древней Руси XI–XIII вв. М., 1961. С. 80; *Буганов В.И.* Очерки истории классовой борьбы в России XI–XVIII вв. М., 1986. С. 31.

⁵⁵ *Рыбаков Б.А.* Киевская Русь и русские княжества XII–XIII вв. М., 1982. С. 491; *Толочко П.П.* Древний Киев. Киев, 1983. С. 215–216.

⁵⁶ В некоторых случаях элементы такого рода борьбы нельзя отрицать.

⁵⁷ *Татищев В.Н.* История Российская. Т. IV. С. 201.

⁵⁸ *Татищев В.Н.* История Российская. Т. II. С. 161.

⁵⁹ *Соловьев С.М.* Сочинения. Кн. 1. С. 426.

⁶⁰ *Сергеевич В.И.* Русские юридические древности. СПб., 1900. Т. II. С. 15.

⁶¹ *Пашуто В.П.* Черты политического строя древней Руси // *Новосельцев А.П.* (и др.) Древнерусское государство... С. 40.

⁶² *Черепнин Л.В.* Общественно-политические отношения... С. 254.

⁶³ Можно согласиться с Грушевским в том, что Всеволод призвал под Вышгород «представителей киевского населения». См.: *Грушевский М.С. Очерк...* С. 166.

⁶⁴ ПСРЛ. Т. II. Стб. 320–321.

⁶⁵ *Сергеевич В.И.* Русские юридические древности. Т. II. С. 15; *Костомаров Н.И.* Исторические монографии... Т. 1. С. 209; *Грушевский М.С. Очерк...* С. 166; *Толочко П.П.* Вече и народные движения в Киеве // Исследования по истории славянских и балканских народов. Эпоха средневековья: Киевская Русь и ее славянские соседи. М., 1972. С. 137.

⁶⁶ *Юшков С.В.* Очерки по истории феодализма в Киевской Руси. М.; Л., 1939. С. 202.

⁶⁷ *Пашуто В.Т.* Черты политического строя... С. 40.

⁶⁸ Пашуто отмечает условность летописных выражений «вси», «от мала до велика», «безчисла», но никак не показывает ее (*Пашуто В.Т.* Черты политического строя... С. 40). Столь же беспомощны рассуждения на этот счет Толочко (*Толочко П.П.* Древний Киев. С. 215–216).

⁶⁹ ПСРЛ. Т. II. Стб. 321.

⁷⁰ *Толочко П.П.* Древний Киев. С. 216.

⁷¹ Грушевский полагал, что замечание летописца о «лести» киевлян было заимствовано «составителем Киевской летописи, вероятно, из черниговского источника» и поэтому — «ретроспективно и тенденциозно». В противном случае непонятно, «какой смысл имел ряд с Игорем?» См.: *Грушевский М.С. Очерк...* С. 169–170.

⁷² Доверяли ему и другие историки. См., напр.: *Соловьев С.М.* Сочинения. Кн. 1. С. 414; *Костомаров Н.И.* Исторические монографии... Т. 1. С. 209.

⁷³ *Толочко П.П.* Древний Киев. С. 216. В ранней своей работе Толочко, переделав понятное «и яшася по нь лъстью» на невразумительное «и яшася но нь лъстью», искренне недоумевает по поводу «загадочности» изобретенного им самим же выражением. (*Толочко П.П.* Вече и народные движения в Киеве. С. 138).

⁷⁴ Ср.: *Грушевский М.С. Очерк...* С. 166.

⁷⁵ См.: *Сергеевич В.И.* Русские юридические древности. Т. II. С. 15.

⁷⁶ Возможно, мотив о «лести» в рассказе насчет вече под Угорским является своеобразной реминисценцией обещания киевлян «под Игорем не лъстити», данным позднее на вече у Туровой божницы. См.: ПСРЛ. Т. II. Стб. 322.

⁷⁷ Там же. Стб. 321–322.

⁷⁸ *Тихомиров М.Н.* Крестьянские и городские восстания... С. 151. См. также: *Мавродин В.В.* Народные восстания... С. 81; *Черепнин Л.В.* Общественно-политические отношения... С. 254; *Толочко П.П.* Древний Киев. С. 216.

⁷⁹ ПСРЛ. Т. II. Стб. 322.

⁸⁰ Там же. Стб. 325.

⁸¹ Там же.

⁸² *Татищев В.Н.* История Российская. Т. IV. С. 201. Во второй редакции картина меняется: «Назавтрее по смерти и погребении Всеволожи приехал Игорь в Киев и встречен по обычаю. Пришед же в дом Ярославль, созвал киевских вельмож и всех знатных люден для целования ему креста. Оные же, хотя весьма не хотели, но за страх учинили. И шед со двора Ярославля, собрались на вече

всенародно у Туровой божницы...» (*Татищев В.Н. История Российская. Т. II. С. 162*). Чтобы придать правдоподобие второй версии, историк собирает «вельмож» и «знатных людей» в доме, а не во дворе Ярославле, как это делает летописец. Следует, видимо, осторожно относиться к данному известию Татищева.

⁸³ См.: *Фроянов И.Я. Киевская Русь: Очерки истории социально-политической истории. С. 80–81.*

⁸⁴ *Черепнин Л.В. Общественно-политические отношения... С. 255.*

⁸⁵ Там же.

⁸⁶ *Тихомиров М.Н. Крестьянские и городские восстания... С. 152.*

⁸⁷ ПСРЛ. Т. XXV. С. 37.

⁸⁸ *Толочко П.П. Древний Киев. С. 216.*

⁸⁹ Ср.: *Тихомиров М.Н. Крестьянские и городские восстания... С. 153.*

⁹⁰ *Татищев В.Н. История Российская. Т. II. С. 162; Т. IV. С. 201.*

⁹¹ *Черепнин Л.В. Общественно-политические отношения... С. 255.*

⁹² *Толочко П.П. Вечей народные движения... С. 138.*

⁹³ *Толочко П.П. Древняя Русь: Очерки социально-политической истории. Киев, 1987. С. 233.*

⁹⁴ *Тихомиров М.Н. Древнерусские города. М., 1956. С. 195.*

⁹⁵ Там же. С. 194.

⁹⁶ *Татищев В.Н. История Российская. Т. II. С. 162.* В первой редакции Татищевской «Истории» «грабители» называются, как и в летописи, киевлянами. См.: *Татищев В.Н. История Российская. Т. IV. С. 202.*

⁹⁷ См. с. 161 настоящей книги.

⁹⁸ ПСРЛ. Т. II. Стб. 322.

⁹⁹ ПСРЛ. Т. I. Стб. 313.

¹⁰⁰ ПСРЛ. Т. XXV. С. 37.

¹⁰¹ *Татищев В.Н. История Российская. Т. II. С. 163; Т. IV. С. 202.* Во второй редакции своей «Истории» Татищев приводит, помимо названных, еще и другие мотивы заговора киян против Игоря: «Киевляне, уведав, что Игорь грозит головами киевлян ту обиду Ратшину (*грабеж его двора. — И.Ф.*) заплатить, или кто злодей смутил, бог весть, и хотя от смятения удержались, но того же дня послали ко Изяславу звать его ко Киеву с войском, обещывая ему помогать». См.: *Татищев В.Н. История Российская. Т. II. С. 162.*

¹⁰² Полностью исключать возможность разграбления княжеских сел, по-видимому, нельзя. Мы подчеркиваем лишь отсутствие в летописи на этот счет указаний.

¹⁰³ См.: ПСРЛ. Т. II. Стб. 275–276.

¹⁰⁴ Так позволяет думать термин «кияне», означающий нерасчлененную массу киевлян, состоящую из свободных людей различной социальной принадлежности.

¹⁰⁵ См.: *Костомаров Н.Н. Исторические монографии... Т. I. С. 210.*

¹⁰⁶ ПСРЛ. Т. II. Стб. 327.

¹⁰⁷ *Тихомиров М.Н. Крестьянские и городские восстания... С. 154.*

¹⁰⁸ См.: *Будовниц И.У. Монастыри на Руси и борьба с ними крестьян в XIV–XVI веках. М., 1966. С. 27, 47.*

¹⁰⁹ См.: *Фроянов И.Я.* Начало христианства на Руси // *Курбатов Г.Л., Фролов Э.Д., Фроянов И.Я.* Христианство: Античность. Византия. Древняя Русь. Л., 1988. С. 290–292.

¹¹⁰ Л.В. Черепнин искусственно разделяет Изяслава и киян. «Было бы, — пишет он, — неправильно на основании летописного текста делать вывод, что киевские горожане выступали в союзе с Изяславом против дружинников Всеволода и Игоря. Летописец в одной фразе дает описание явлений разного порядка: военного погрома, учиненного Изяславом, расправившимся со своими соперниками, и народного антифеодального выступления в городе и в деревне, направленного против духовных и светских феодалов». (*Черепнин Л.В.* Общественно-политические отношения... С. 256). Из песни, как говорится, слов не выкинешь: хочет Л.В. Черепнин того или не хочет, но в летописи ясно сказано, что дружины Игоря и Всеволода грабили «Кияне съ Изяславом», т.е. горожане и князь грабили. Конечно, интересы Изяслава и киевлян здесь полностью не совпадали, как не совпадали они и среди самих киевлян, неоднородных в социальном и имущественном отношениях. Но было и нечто общее, что позволяло летописцу связать воедино Изяслава и киян. Это — обычай, которому подвластны были все, независимо от общественного положения. Что касается тезиса об «антифеодальном выступлении в городе и в деревне», то он у Л.В. Черепнина постулирован, а не доказан.

¹¹¹ ПСРЛ. Т. II. Стб. 344.

¹¹² Там же.

¹¹³ *Сергеевич В.И.* Русские юридические древности. Т. II. С. 18–19. См. также: *Юшков С.В.* Очерки по истории феодализма в Киевской Руси. М.; Л., 1939. С. 203.

¹¹⁴ См.: *Фроянов И.Я.* Киевская Русь: Очерки социально-политической истории. С. 176, 184.

¹¹⁵ ПСРЛ. Т. I. Стб. 316; Т. II. Стб. 347–348.

¹¹⁶ ПСРЛ. Т. XXV. С. 41.

¹¹⁷ См.: *Тихомиров М.Н.* Крестьянские и городские восстания... С. 152.

¹¹⁸ ПСРЛ. Т. XXV. С. 4.

¹¹⁹ ЛПС. С. 58.

¹²⁰ ПСРЛ. Т. I. Стб. 316.

¹²¹ ПСРЛ. Т. II. Стб. 348.

¹²² «Народ отголе поидоша на Игоря»; «и народи идяху по мосту». См.: ПСРЛ. Т. II. Стб. 349.

¹²³ ПСРЛ. Т. I. Стб. 316–317.

¹²⁴ ПСРЛ. Т. II. Стб. 349.

¹²⁵ Ср.: *Сергеевич В.И.* Русские юридические древности. Т. II. С. 21; *Тихомиров М.Н.* Крестьянские и городские восстания... С. 157–158.

¹²⁶ В Лаврентьевской летописи в отличие от Ипатьевской воспоминания о событиях 1068 г. отсутствуют и решение убить Игоря мотивируется неприимой взаимной враждой киян с «племенем» Ольговичей. См.: ПСРЛ. Т. I. Стб. 316–317.

¹²⁷ *Татищев В.Н.* История Российская. Т. II. С. 175–176; Т. IV. С. 210; *Карамзин Н.М.* История Государства Российского. Т. II–III. С. 136–137; *Соловьев С.М.* Сочинения. Кн. 1. С. 436–437; *Грушевский М.С.* Очерк... С. 175.

- ¹²⁸ Тихомиров М.Н. Крестьянские и городские восстания... С. 158.
- ¹²⁹ Черепнин Л.В. Общественно-политические отношения... С. 257. Ср.: Толочко П.П. Вече и народные движения в Киеве. С. 141.
- ¹³⁰ Рыбаков Б.А. «Слово о полку Игореве»... С. 109.
- ¹³¹ Толочко П.П. 1) Вече и народные движения в Киеве. С. 141–142; 2) Древний Киев. С. 216.
- ¹³² Толочко П.П. Древняя Русь... С. 233.
- ¹³³ ПСРЛ. Т. I. Стб. 317; Т. II. Стб. 349.
- ¹³⁴ См.: Татищев В.Н. История Российская. Т. II. С. 176.
- ¹³⁵ ПСРЛ. Т. II. Стб. 352; Татищев В.Н. История Российская. Т. II. С. 176; Т. IV. С. 210.
- ¹³⁶ Татищев В.Н. История Российская. Т. II. С. 176; Т. IV. С. 210.
- ¹³⁷ Толочко П.П. Вече и народные движения в Киеве. С. 140.
- ¹³⁸ ПСРЛ. Т. II. Стб. 354.
- ¹³⁹ Там же. Стб. 355.
- ¹⁴⁰ Там же. Стб. 354.
- ¹⁴¹ ПСРЛ. Т. I. Стб. 321; Т. II. Стб. 376.
- ¹⁴² Ср.: Черепнин Л.В. Общественно-политические отношения... С. 257.
- ¹⁴³ Татищев В.Н. История Российская. Т. II. С. 176.
- ¹⁴⁴ См.: Сергеевич В.И. Русские юридические древности. Т. II. С. 21.
- ¹⁴⁵ Там же. С. 20.
- ¹⁴⁶ См.: Рыбаков Б.А. Киевская Русь и русские княжества XII–XIII вв. М., 1982. С. 492; Толочко П.П. Вече и народные движения в Киеве. С. 141.
- ¹⁴⁷ «Несмотря на историческую справку, приводимую неизвестным нам вечевым оратором XII в. и восходящую ровно на восемьдесят лет до его времени, мы не видим оснований заподозрить летописца в сочинительстве», — писал Сергеевич (Сергеевич В.И. Русские юридические древности. Т. II. С. 21). В отличие от почтенного историка нам кажется, что есть основания заподозрить летописца в сочинительстве, о чем речь ниже.
- ¹⁴⁸ ПСРЛ. Т. I. Стб. 317. См. также: ПСРЛ. Т. XXXVIII. Л., 1989. С. 114.
- ¹⁴⁹ ПСРЛ. Т. II. Стб. 349.
- ¹⁵⁰ Там же. Стб. 351.
- ¹⁵¹ Там же.
- ¹⁵² Там же. Стб. 352. Лаврентьевская летопись и некоторые другие, в том числе и поздние, сообщают об убийстве Игоря на Мстиславле дворе (см.: ПСРЛ. Т. I. Стб. 318; Т. IX. С. 175; Т. XXV. С. 42; Т. XXXVIII. С. 115; ЛПС. С. 58). Версия Татищева в данном случае близка к Ипатьевскому варианту (Татищев В.Н. История Российская. Т. II. С. 176; Т. IV. С. 210), хотя и самостоятельна, восходя, по всей видимости, к Раскольниковой летописи. См.: Рыбаков Б.А. Русские летописцы и автор «Слова о полку Игореве». М., 1972. С. 197–227.
- ¹⁵³ ПСРЛ. Т. II. Стб. 352–353.
- ¹⁵⁴ ПСРЛ. Т. I. Стб. 318.
- ¹⁵⁵ О княжеском дворе сообщает лишь Ипатьевская летопись, тогда как иные своды, а также «История» Татищева упоминает церковь Пресв. Богородицы.
- ¹⁵⁶ См.: Каргер М.К. Древний Киев: Очерки по истории материальной культуры древнерусского города. М.; Л., 1958. Т. 1. С. 268.

¹⁵⁷ ПСРЛ. Т. II. Стб. 317.

¹⁵⁸ ПСРЛ. Т. I. Стб. 102.

¹⁵⁹ См.: *Каргер М.К.* Древний Киев... Т. I. С. 268.

¹⁶⁰ Там же.

¹⁶¹ Недаром кияне освещают убийство Ольговича именем Бога и Святой Софии: «Бог за нашим князем и Святая София». См.: ПСРЛ. Т. I. Стб. 318; Т. II. Стб. 353.

¹⁶² ПСРЛ. Т. II. Стб. 353.

¹⁶³ Любопытно, что летописец, осуждая киян, говорит об их беззаконии (ПСРЛ. Т. II. Стб. 353). Сами же кияне придерживались противоположного взгляда.

¹⁶⁴ ПСРЛ. Т. I. Стб. 318; Т. II. Стб. 354.

¹⁶⁵ К этой мысли склоняет уже то обстоятельство, что «Новгородская божница» замыкала пространство, чужеродное по отношению к киевской общине. Поэтому перемещение мертвого Игоря с торгового двора в божницу означало в сущности его вывод за черту территории местной общины. Впрочем, поначалу может показаться, будто Игоря положили в «Новгородской божнице» с целью похорон. «Се уже Игоря убили, ато похороним тело его», — говорили киянам тысяцкие Лазарь и Рагуил (ПСРЛ. Т. I. Стб. 318; Т. II. Стб. 353). Но произошло совсем иное. С Игоря сняли покрывала («одежи»), брошенные на него «благочестивыми чловеци» (ПСРЛ. Т. II. Стб. 353), и нагого внесли в церковь, положив «в гроб» (ПСРЛ. Т. I. Стб. 318). С точки зрения христианской то было великое святотатство. Одну лишь ночь Игорь пролежал в божнице. На рассвете его отпели и перевезли к «Святому Семеону». Складывается впечатление, что Игоря из предосторожности заключили в «Новгородской божнице» на ночь как «злого» покойника («навию»), а затем спешно отправили в родовой монастырь черниговских князей, за пределами киевской общины.

¹⁶⁶ Там же. Стб. 408.

¹⁶⁷ Голубинский усматривает в «тереме» башню, пристроенную к церкви Спаса с западной стороны. См.: *Голубинский Е.* История канонизации святых в русской церкви. М., 1903. С. 59.

¹⁶⁸ См.: ПВЛ. М.; Л., 1950. Ч. I. С. 131–132, 200.

¹⁶⁹ ПСРЛ. Т. II. Стб. 353.

¹⁷⁰ ПСРЛ. Т. II. Стб. 354.

¹⁷¹ ПСРЛ. Т. IX. С. 176. Напомним, что гром и молния — атрибуты языческого бога Перуна.

¹⁷² ПСРЛ. Т. II. Стб. 350.

¹⁷³ ПСРЛ. Т. II. Стб. 354.

¹⁷⁴ О расположении черниговцев к Игорю говорит Никоновская летопись, сообщая, как «восплакашася велием плачем вси люди» в Чернигове, получив весть «об убиении» князя. См.: ПСРЛ. Т. IX. С. 176.

¹⁷⁵ *Хорошев А.С.* Политическая история... С. 59.

¹⁷⁶ Там же.

¹⁷⁷ См.: *Голубинский Е.* История канонизации... С. 58–59; *Хорошев А.С.* Политическая история... С. 59.

¹⁷⁸ ПСРЛ. Т. II. Стб. 489.

¹⁷⁹ *Татищев В.Н.* История Российская. Т. IV. С. 250. Тихомиров с полным доверием принял это добавление. «Нет оснований, — говорил он, — приписывать эти слова самому Татищеву. Они, вероятно, находились в том источнике, которым он пользовался» (*Тихомиров М.Н.* Крестьянские и городские восстания... С. 161). Возможно, Тихомиров прав. Но почти аналогичную речь произносят кияне, выдвигая обвинения против Всеволода и Игоря Ольговичей, что не может не насторожить исследователя. См.: *Татищев В.Н.* История Российская. Т. II. С. 176; Т. IV. С. 202.

¹⁸⁰ *Татищев В.Н.* История Российская. Т. III. С. 58.

¹⁸¹ *Карамзин Н.М.* История Государства Российского. Т. II–III. С. 168.

¹⁸² *Соловьев С.М.* Сочинения. Кн. I. С. 478.

¹⁸³ *Костомаров Н.И.* Исторические монографии... Т. I. С. 211–212.

¹⁸⁴ *Затыркин М.Д.* О влиянии борьбы между народами и сословиями... С. 209–210.

¹⁸⁵ Там же. С. 210.

¹⁸⁶ *Грушевский М.С.* Очерк... С. 201.

¹⁸⁷ *Пашуто В.Т.* Очерки истории СССР XII–XIII вв. М., 1960. С. 29; Толочко П.П. 1) Вече и народные движения в Киеве. С. 142; 2) Древний Киев. С. 217; *Буганов В.И.* Очерки... С. 33.

¹⁸⁸ *Греков Б.Д.* Киевская Русь. М., 1953. С. 271.

¹⁸⁹ См. с. 230 настоящей книги.

¹⁹⁰ ПСРЛ. Т. IX. С. 208.

¹⁹¹ *Толочко П.П.* Вече и народные движения в Киеве. С. 142.

¹⁹² *Карамзин Н.М.* История Государства Российского. Т. II–III. С. 168.

¹⁹³ *Аристов Н.* Промышленность Древней Руси. СПб., 1866. С. 175.

¹⁹⁴ *Грушевский М.С.* Очерк... С. 201.

¹⁹⁵ *Греков Б.Д.* Киевская Русь. С. 271.

¹⁹⁶ *Мавродин В.В.* Очерки по истории феодальной Руси. С. 176.

¹⁹⁷ *Тихомиров М.Н.* Крестьянские и городские восстания... С. 162.

¹⁹⁸ *Толочко П.П.* Древний Киев. С. 217.

¹⁹⁹ Это показал Толочко, говоря о сторонниках Юрия, «преимущественно выходцах из Ростово-Суздальской земли» (*Толочко П.П.* Вече и народные движения в Киеве. С. 142). Позднее автор писал насчет сторонников умершего князя без оговорок и уточнений. См.: *Толочко П.П.* Древний Киев. С. 217.

²⁰⁰ *Срезневский И.И.* Материалы для словаря древнерусского языка. СПб., 1903. Т. III. Стб. 969.

²⁰¹ См.: ПСРЛ. Т. IX. С. 208; Т. XXXV. С. 63.

²⁰² См.: *Фроянов И.Я.* Киевская Русь: Очерки социально-политической истории. С. 73.

²⁰³ Разведение воинов на постой, или «покорм», по летописной терминологии, практиковалось на Руси с давних пор. Например, в 1018 г. польский король Болеслав, будучи в Киеве, потребовал развести дружину свою «по городам на покоръм и бысть тако» (ПВЛ. М.; Л., 1950. Ч. I. С. 97). Эту дружину вскоре «по городом избита» (Там же). В 1069 г. князь Изяслав Ярославич «распуща ляхы на покорм, и избиваху ляхы стай». См.: Там же. С. 116.

²⁰⁴ *Аверкиева Ю.П.* Разложение родовой общины и формирование ранне-классовых отношений в обществе индейцев северо-западного побережья Северной Америки. М., 1961. С. 115.

²⁰⁵ См.: *Фроянов И.Я.* Киевская Русь: Очерки социально-политической истории. С. 144.

²⁰⁶ См. с. 162 настоящей книги.

²⁰⁷ ПСРЛ. Т. II. Стб. 473.

²⁰⁸ См.: *Аверкиева Ю.П.* Разложение родовой общины... С. 115. См. также: *Аверкиева Ю.П.* Род и потлач у тлинкигов, хайда и цимшиян // Американский этнографический сборник. 1960. № 1.

²⁰⁹ *Аверкиева Ю.П.* Разложение родовой общины... С. 128.

²¹⁰ *Аверкиева Ю.П.* Индейцы Северной Америки: от родового общества к классовому. М., 1974. С. 277.

²¹¹ *Карамзин Н.М.* История Государства Российского. Т. II-III. С. 168.

²¹² *Толочко П.П.* 1) Вече и народные движения в Киеве. С. 143; 2) Древний Киев. С. 117; *Лимонов Ю.А.* Владимиро-Суздальская Русь... С. 34.

²¹³ См.: *Фроянов И.Я.* Киевская Русь: Очерки социально-политической истории. С. 71-76.

²¹⁴ *Татищев В.Н.* История Российская. Т. IV. С. 259.

²¹⁵ *Тихомиров М.Н.* Древнерусские города. С. 195.

²¹⁶ См.: *Тихомиров М.Н.* 1) Крестьянские и городские восстания... С. 154; 2) Древнерусские города. С. 196-197.

Глава седьмая

БОРЬБА В НОВГОРОДЕ ПЕРВОЙ ТРЕТИ XII ВЕКА И СОБЫТИЯ 1136 ГОДА

§ 1 Устройство духовной и социально-экономической жизни новгородцев по юридическим актам Новгородского князя Всеволода Мстиславича

Приступая к освещению борьбы в Новгороде начала XII в., М.Н. Тихомиров писал: «Летопись рассказывает о народных движениях в Новгороде XII столетия крайне кратко, обычно без мотивировки, разъяснения причин, вызвавших то или иное событие»¹. И тут историку показалось, будто он располагает другими документами, «которые позволяют несколько подробнее осветить темные страницы истории Новгорода первой трети XII в., — это два устава Всеволода Мстиславича», т.е. Устав о церковных судах и так называемое «Рукописание». Обе грамоты, считает Тихомиров, возникли «приблизительно между 1130 и 1137 гг.», или «между временем построения церкви Ивана Предтечи на Опоках и изгнанием Всеволода Мстиславича из Новгорода»². Далеко не все исследователи согласны с этой датировкой³. Высказывается даже мнение о поддельном, фальсифицированном характере Устава о судах⁴. Вслед за С.В. Юшковым, М.Н. Тихомировым, Ю.Г. Алексеевым мы признаем наличие в грамотах древней основы времени княжения в Новгороде Всеволода Мстиславича, неоднократно впоследствии редактируемой и потому обросшей поздними наслоениями, изменившими первоначальный облик памятников. Что же в них так обнадежило Тихомирова?

Внимание ученого привлекли два текста из Устава князя Всеволода. Первый текст гласит: «И аз вьсмотрех в Фотея патриарха цареградскааго грамоты, что принесл на Русь князь великий Владимир, нареченный в святемь крещении Василие, сын Святославль, а внук Игорев и преблаженный княгини прабабы Олгы, аже стоять в грамоте: торговая вся весы, мерила и скалвы воцанья, и пуд медовый,

и гривенка рублеваа и всякая известь, иже на торгу промежи людьми, от бога тако исконе уставлено есть епископу блюсти без пакости, ни умаливати, ни умноживати, а на всякий год извещивати; а скривит-ся, а кому приказано, а того казнити близко смерти, а живот его на трое: треть живота Святеи Софии, а другаа треть Святому Ивану, а третьяа треть сочьским и Новугороду; а епископу, не управив того, за все то дати ему слово в день великааго суда; а печаловатися ему о том управлении якоже и о душах человеческих»⁵.

Свое обращение к приведенному тексту Тихомиров сопровождает следующим комментарием: «Ссылка на грамоты Фотия была проведена только для подтверждения нововведений, сделанных уставом о церковных судах, по которому наряду с епископом заведование ве-сами и мерами переходило к церкви Предтечи на Опоках и всему Новгороду с его сотскими»⁶.

Существо произведенных Всеволодом «нововведений» Тихомиров определяет с помощью другого документального извлечения, в котором говорится: «И съзвал есмь 10 сочких и старосту Болеслава, и бириця Мирошку, и старосту Иваньскаго Васяту, и погадал есмь с владыкою и с своею княгынею, и с своими боляры, и с десятию сочьскими и с старостами: дал есмь суд и мерила, иже на торгу, Святеи Богородици в Киеве и митрополиту; а в Новегороде Святеи Софии и епископу и старосте Иваньскому и всему Новугороду мерила торговая, скалвы вощаныи, пуд медовый, и гривенку рублевую, и локоть Еваньский, и свои оброк: кубець черницам, а попу Иваньскому рускаа пись с Борисоглебьским напол, а сторожю Иваньскому руской порочици пятно, да десять конюхов соли. А не въступатися в тыйи оброки моим детем, ни моим наместником, ни моим боляром на дом Святеи Софии и Святого Ивана; а дом Святеи Софии владыкам строити с сочьскими, а старостам и торговцам, докладываа владыкы или кто будеть нашего рода князеи Новогорода строить дом Святого Ивана. А се приказываю своим наместником и тиуном суда церковного не обидети, не судити без владычня наместника»⁷.

Исходя отсюда, Тихомиров пришел к мысли, что «устав о церковных судах вводил в Новгороде новый порядок относительно заведования торговыми мерами. Вместо одного епископа ими должны были ведать совместно епископ, иванский староста и 10 сотских. Следовательно, новшество устава о церковных судах заключалось в уменьшении значения епископа в пользу сотских и иванских старост как представителей Новгорода». Поэтому и «роль епископа в общественной жизни Новгорода должна была уменьшиться, так как он

терял не только значительную часть своих доходов, но и возможность оказывать влияние на торговую жизнь Новгорода»⁸. Автор резюмирует: «Таким образом, устав о церковных судах отражает собой очень важный и интересный момент в истории Новгорода — победу торгового и отчасти ремесленного населения Новгорода над епископом». Идея о понижении роли епископа в общественной жизни волховской столицы настолько увлекла Тихомирова, что он вовсе устранил новгородского владыку из числа тех лиц, кто получил право управлять торговыми мерилami: «Движение горожан в пользу установления городских привилегий привело к созданию устава о церковных судах, по которому управление торговыми мерилami перешло в руки купечества и отчасти князя, со всеми торговыми пошлинами, шедшими от этой монополии»⁹. Построения Тихомирова нам представляются шаткими.

Историк уверен в том, что до составления Устава новгородский епископ обладал более широкими правами в сфере «заведования торговыми мерилami», чем после его издания. На этом постулате он строит свои рассуждения, из него выводит логику исторического развития Новгорода. Уверенность исследователя в изначально широких правах местного епископа не может быть обоснована показаниями источников, поскольку таковых нет. История становления в Новгороде XI — первой трети XII в. общинной организации и республиканской государственности, особенности христианизации новгородского общества, наконец, характер Всеволодова Устава о церковных судах свидетельствуют не об уменьшении роли епископа в общественной жизни стольного города, не об ущемлении или ограничении его прав, а, напротив, о повышении общественного статуса владыки и о расширении осуществляемых им прав, делегированных ему новгородской вечевой общиной.

В начальный период распространения христианства на Руси общественное положение епископа в Новгороде заметно отличалось от аналогичного положения митрополита в Киеве и не столько вследствие различия санов, сколько своеобразия условий введения новой веры в Киевской и Новгородской землях. В Среднем Поднепровье, или Русской земле, христианство учреждалось преимущественно мирно, с согласия киевской, полянской общины, одобрявшей на вече замысел князя Владимира обращения в христианскую веру¹⁰. Это позволило митрополиту сразу же взять на себя исполнение важных общественных функций, что нашло отражение в Уставе Владимира¹¹. Новгородским же словенам, как и другим восточнославянским племе-

нам, киевские правители навязывали христианство силой, подвергая язычников принудительному крещению¹². Многие десятилетия оно ассоциировалось в Новгороде с политическим господством Киева, а епископ воспринимался как проводник этого господства, олицетворявший стороннюю для новгородцев власть. Отсутствие внутренней связи между епископом и новгородской общиной с особой наглядностью проявилось в событиях 1071 г.¹³ Но по мере приобретения Новгородом независимости от «матери градов русских» и формирования собственных органов власти в новгородском обществе положение епископа менялось, и он становился носителем высшей власти, порожденной спонтанно, в процессе складывания местной республиканской государственности. Итоговый момент превращения новгородского епископа из внешней силы во внутригосударственную власть и зафиксировал, на наш взгляд, Устав о церковных судах Всеволода Мстиславича. Полагаем, что Устав является учредительным по своей сути. Приобщив епископа к важнейшим общественным делам и наделив его судебной властью, законодатель юридически оформил перемены в отношениях владыки с новгородской общиной, явственно обозначившиеся в первой трети XII в. Характерно, что в это время (20–30-е гг.) замечается стремление к автокефалии софийской кафедры от киевской митрополии¹⁴. Близился час, когда новгородцы введут принцип вечевого избрания епископа. И в 1156 г. «събрася всь град людии, изволиша собе епископъ поставите мужа богомъ избрана Аркадия; и шьдъше всь народ, пояша и из монастыря от Святыя Богородицы, и князь Мстислав Гюргевиць, и всь клирос Святыя Софие, и вси попове городьстии, игумени и черньци, и въведоша и, поручивъше епископью въ дворе Святыя Софие»¹⁵.

Итак, церковный Устав князя Всеволода запечатлел не умаление общественной роли новгородского епископа, как доказывал Тихомиров, а существенное ее возрастание, связанное с предоставлением владыке серьезных полномочий в организации торговли и суда в Новгороде. Устав, по нашему мнению, не дает никаких оснований говорить о «победе» торгового и ремесленного населения Новгорода над епископом.

Нет ничего необычного в том, что в Уставе рядом с епископом на паритетных правах фигурируют представители Новгорода, а также Иванского торгового объединения — сотские и старосты. Становление новгородской территориальной общины на обломках племенного союза словен, начавшееся на рубеже X и XI столетий, сопровождалось нарастающей активностью как общины в целом, так и формирующих

ее подразделений и структур. То был естественный процесс создания механизма общинного самоуправления, обеспечивающего жизнедеятельность новгородского общества. Именно под этим углом зрения необходимо рассматривать другую грамоту — «Рукописание» Всеволода.

Однако Тихомиров видит в «Рукописании» отражение дальнейшего (после принятия Устава) хода «борьбы за установление торговой автономии новгородцев от епископа и княжеской власти»¹⁶. Согласно Тихомирову, «Рукописание» является «первым известным нам русским уставом купеческих организаций. Значение его заключалось в том, что оно окончательно установило права крупнейшего объединения новгородских купцов “управливати им всякие дела Иванская, и торговая, и гостиная”. Следовательно, Иванскому сту передавалось ведение дел с иноземными гостями и приезжими купцами из других городов. «Рукописание» Всеволода проливает свет на большие политические и общественные сдвиги в новгородской жизни, только отдаленные отголоски которой обнаруживаются в наших летописях»¹⁷. К сожалению, представления историка о политических и общественных сдвигах в Новгороде, засвидетельствованных «Рукописанием», весьма противоречивы. «Отстраняя бояр и епископа от участия в делах Ивановского ста, — пишет он, — “Рукописание” в то же время выдвигает на первый план купеческую верхушку»¹⁸. Но буквально на следующей странице его книги читаем: «Законодательство Всеволода Мстиславича имело ярко выраженную классовую сущность. Оно проводилось в интересах боярства и купеческой верхушки, которую князь старался привлечь на свою сторону»¹⁹. Непонятно, как можно в интересах боярства, отстранить бояр от «участия в делах Ивановского ста». Аналогичная неувязка у Тихомирова и с «черными людьми». Сперва исследователь говорит, что «Рукописание» Всеволода «передавало торговые дела и в руки тысяцкого и пошлых купцов, отстраняя от участия в них “черных людей”». Вместе с тем ему «становится все более ясным усиливающееся значение “черных людей”, именуемых в летописи и в уставах Всеволода чаще просто людьми. Они добиваются участия в распоряжении торговыми судами и торговыми мерилami, с которыми связаны возможности совершения различного рода злоупотреблений»²⁰.

Отмеченные противоречия обнаруживают поспешность и непродуманность суждений Тихомирова о «Рукописании» князя Всеволода. Но дело, собственно, не в этих противоречиях, а в ошибочности взгляда автора на исторический смысл и значение всеволодова «Рукописания». Грамота указывает на осуществление Всеволодом

Мстиславичем двух крупных мероприятий. Первое из них состояло в строительстве церкви Ивана Предтечи «на Петрятине дворище» и материальном ее обеспечении, второе – в придании храму статуса организационного центра торговой корпорации, получившей впоследствии наименование Иванского ста. Эти мероприятия нельзя истолковывать как направленные против новгородского епископа или как подрывающие его общественное положение и знаменующие «победу торговых элементов города»²¹. Они не стесняли компетенцию владыки, который «без пакости» должен был блюсти «торговья вся весы, мерила и скалва вощанья, и пуд медовый, и гривенка рублеваа и всякая извесь иже на торгу промежи людьми». В «Рукописании» речь идет о практическом ведении торговли и взвешивании продаваемых товаров, но не о надзоре за торговыми «мерилами»²². Поэтому упоминание там епископа было излишним. Но и названные «дела Иванская» князь не отдал полностью «управлявати» купеческому объединению. Помимо старост от купцов, они находились под призором и тысяцкого, представлявшего, по-видимому, весь Новгород, т.е. новгородскую вечевую общину. «Рукописание» отмечает усиление самостоятельности местной общины, расширение ее управленческих функций как в своих верхних эшелонах, так и в низовых звеньях.

Таким образом, Устав о церковных судах и «Рукописание» Всеволода Мстиславича если и отразили борьбу общественных сил, то не внутри Новгорода, между епископом и торгово-ремесленным населением, а вовне, между киевской общиной и ее агентом в лице князя и крепнущей новгородской общиной. Это была борьба за государственный суверенитет, сферы управления обществом, за автономию новгородской епископии от Киевской митрополии. В ходе ее новгородская община конституировалась в самостоятельное город-государство, вечевую республику, в результате чего епископ становился общинной властью.

§ 2 Предпосылки формирования посадничества нового типа в Новгороде. Отношения новгородской общины с Киевом при Великих Князьях Владимире Мономахе и Мстиславе Великом

Появление Устава и «Рукописания» нельзя считать случайным. Первые десятилетия XII в. – заключительный этап строительства республики в Новгородской земле, завершающийся событиями 1136 г. Этот период надо считать в определенном смысле итоговым. В ту пору окончательно утвердилось посадничество нового типа, формировавшееся из представителей новгородской знати²³. Правда, Киев

от случая к случаю раздает еще посадничьи должности своим людям. Например, в 1120 г., по известию новгородского летописца, «приде Борис посадничить в Новгород»²⁴. Борис пришел посадничать к новгородцам из Киева²⁵. Если по поводу Бориса Новгородская I летопись выражается неопределенно²⁶, то относительно другого посадника, Даниила в ней полная ясность: «Вниде ис Киева Данил посадничить Новугороду»²⁷. И все же это — последние случаи назначения новгородских посадников по воле Киева. Правилom делается избрание собственных посадников на вече.

Привилегия быть избранным в посадники являлась достоянием одних только бояр. Отыскивая исторические корни исключительности боярского права на замещение должности посадника, Янин писал: «Единственным лишенным противоречий способом решать проблему боярства представляется нам признание аристократической сущности бояр, принадлежности их к потомству родо-племенной старейшины...»²⁸. Мы полагаем, что древнерусское боярство пришло на смену родовой аристократии в итоге разложения родо-племенного строя и образования новой территориальной структуры. Можно согласиться с Троцким в том, что рост новгородского боярства — явление, относящееся к XI в.²⁹ Вполне вероятным представляется и другое мнение ученого, согласно которому под наименованием «бояре» скрывались должностные лица, т.е. лидеры новгородской общины. На образовавшуюся в XI в. должностную прослойку были перенесены традиции родового общества. Это облегчалось тем, что бояре в качестве общественных руководителей, стали преемниками племенной старшины. Не являясь прямыми потомками родо-племенной знати, новгородские бояре, однако, унаследовали от нее функции общественных лидеров, что и поставило их в особое положение относительно остальных жителей Новгородской земли.

Назначение из Киева посадниками Бориса и Даниила носило совсем иной характер, чем в XI в., когда посадничество лиц не княжеского происхождения совпадало с наместничеством, будучи своеобразной заменой княжения. С возникновением посадничества нового типа, функционирующего наряду с княжеской властью, должность наместника разъединилась с должностью посадника, оставаясь привязанной лишь к титулу князя. Киев, оказавшись безсильным остановить процесс внутренней консолидации новгородского общества, выразившийся, помимо прочего, в создании местных институтов власти, пытался приноровиться к новым порядкам, дабы не упустить

нити управления Новгородом со всеми вытекающими отсюда финансовыми и политическими выгодами. Но это были безперспективные попытки. Посадничество окончательно приобрело сугубо местную постановку. Власть киевских князей над новгородцами резко, таким образом, сократилась. Назначение посадников навсегда сменилось их избранием на вече. Летопись запестрела сообщениями о том, что новгородцы «вдаша» посадничество тому или иному боярину. Значение новгородского веча как верховного органа волости неизмеримо возросло.

Замещение посадничьих должностей за счет представителей лишь новгородского боярства привело к существенным социальным последствиям, прежде всего к соперничеству различных групп бояр из-за посадничества, вовлекавшему в общественную борьбу массы новгородцев. Множилось число внутренних социальных конфликтов в новгородском обществе.

Киевские князья и здесь старались приспособиться, поддерживая одну группировку бояр против другой. Известно, что Владимир Мономах однажды привел «бояры Новгородьския Киеву, и заводи я к чеестьному кресту, и пусти я домови; а иные у себе остави; и разгневался на ты, оже грабили Даньслава и Ноздрьчу и на сочьскаго на Ставра, и затоци я вся»³⁰. С.М. Соловьев и М.Н. Тихомиров, рисуя картину смятения и жестоких столкновений в Новгороде, высказывают предположение, что Даньслав и Ноздреча были «ограблены» вскоре после того, как Мстислав покинул новгородское княжение и уехал на юг, чтобы унаследовать от отца своего Владимира Мономаха киевский стол. Действительно, в Новгородской I летописи известия об отъезде Мстислава из Новгорода и вызове в Киев новгородских бояр с последующим заточением Ставра и других по обвинению в грабежах идут рядом как взаимосвязанные. По всей видимости, передача Мстиславом новгородского княжения сыну Всеволоду не устраивала многих горожан. На этой почве начались волнения в Новгороде, сопровождавшиеся грабежами «приятелей» Всеволода. Положение Мстиславича было непрочным. Чтобы укрепить его, Владимир Мономах вызвал к себе новгородских бояр и заставил их целовать крест на верность своему внуку. Важно отметить, что крестоцелование происходит в Киеве. Этим как бы утверждалось первенство Киева над Новгородом, подчиненность волховской столицы поднепровской³¹.

Едва ли можно сомневаться относительно участия простого люда в упоминаемых летописцем «грабежах». Сами же «грабежи» нельзя

понимать в прямом смысле, как стихийное насилие. Еще Соловьев писал: «Некоторые бояре и сотский Ставр ограбили каких-то двух граждан; неизвестно, впрочем, какого рода был этот грабеж, потому что иногда грабеж происходил вследствие судебного приговора»³². В более определенной форме говорил о сути «ограбления» Даньслава и Ноздречи Тихомиров: «Само слово “грабеж”, возможно, указывает на судебную расправу с Даньславом, совершенную по вечевому постановлению»³³. Похоже, что «грабление», о котором рассказывает летопись, есть своеобразная конфискация имущества в пользу членов новгородской общины, произведенная организованно по общественному приговору³⁴.

Утратив позиции в новгородском посадничестве, Киев сохранял остатки своей власти над Новгородом посредством княжения. Несмотря на ухищрения новгородцев, изобретаемые с целью подчинения князей своим интересам, те все-таки в принципе по-прежнему являлись наместниками Киева. Новгородское княжение стало последним оплотом хозяйничанья киевских правителей в Новгороде. Но и здесь время этого хозяйничанья было сочтено.

В марте 1117 г. князь Мстислав был переведен в Киевскую землю. Местный летописец сообщает об уходе Мстислава несколько глухо, без излишних подробностей: «Иде Мьстислав Киеву на стол из Новагорода марта в 17»³⁵. Зато Ипатьевская летопись содержит более детальную запись: «Приведе Володимер Мьстислава из Новагорода, и дасть ему отец Бельгород»³⁶. Известие Ипатьевской летописи дает понять, что Мстислав покинул Новгород по настоянию Мономаха, а не по воле новгородцев. «Вскормив» себе князя и продержав на столе почти три десятилетия, новгородцы должны были отпустить его, скорее всего вопреки собственному желанию. Нельзя это рассматривать иначе, как ущемление самостоятельности новгородской общины. Киев, привыкший повелевать Новгородом, и на сей раз показал свою власть.

Оставляя Новгород, Мстислав, по свидетельству летописца, сына своего Всеволода «посади Новегороде на столе»³⁷. Фразеология книжника указывает на то, что активной стороной при «посаждении» Всеволода был Мстислав, а не новгородцы, которые, как явствует из летописного текста, играли вынужденно пассивную роль. Затем читаем об упомянутом уже нами вызове в Киев новгородских бояр и о наказании их Владимиром Мономахом, а также о направлении киевского деятеля Бориса посадничать в Новгород. Все это, безуслов-

но, — проявления господства Киева над Новгородом. Однако в 1125 г. произошло событие, которое возвестило приближающееся окончательное падение прежних порядков. В тот год умер Владимир Мономах. Киевским Князем стал Мстислав. А в Новгороде «в то же лето посадиша на столе Всеволода новгородци»³⁸. Как видим, новгородцы сами, без постороннего участия посадили Всеволода на княжеский стол. Факт в высшей степени примечательный, особенно если учтем, каким образом Всеволод оказался на княжении в 1117 г., когда Мстислав ушел из Новгорода. Мы отмечали, что на столе тогда Всеволода посадил Мстислав. Теперь же это делают новгородцы. Данное обстоятельство вряд ли может служить указанием на то, что в какой-то момент между 1117 и 1125 гг. Всеволода лишили княжеского стола³⁹. Оно свидетельствует, по нашему мнению, вот о чем: с 1125 г. княжение Всеволода было поставлено на новые основы. В 1117 г. Всеволод занял новгородский стол по назначению, в котором, разумеется, далеко не последнюю роль играл Мономах, повелевавший Рюриковичами. Назначение укрепляло, несомненно, наместничьи функции князя, ставя его над новгородской общиной. В 1125 г. новгородцы, воспользовавшись смертью Владимира Мономаха, перестроили в принципе свои отношения с князем Всеволодом, заменив назначение избранием⁴⁰. Поведение горожан вызвало у Мартышина недоумение: «новгородцы сажали князя, который и так уже у них сидел с 1117 г. Остается лишь гадать, случайна ли эта фраза (*летописца*. — И.Ф.) или после смерти Мономаха новгородцы сочли нужным как бы переутвердить своего князя, заодно подчеркнув решающую роль города в занятии княжеского стола»⁴¹. Без всяких гаданий можно говорить, что «люди новгородьстии» избрали Всеволода на княжение, и это не было «переутверждением своего князя», а возведением его на стол по волеизъявлению веча, обозначаемому в летописи термином «посадиша».

Избрание предполагает определенную процедуру (ритуал), существенным элементом которой является «ряд», или договор, скрепляемый присягой — крестоцелованием. Мы можем только догадываться о содержании договора, заключенного Всеволодом с новгородцами. Среди обязательств, взятых на себя князем, значилось, вероятно, обещание княжить в Новгороде пожизненно⁴². Как и в примере с Мстиславом, которого новгородцы «вскормили» для себя и продержали на княжении без малого тридцать лет, здесь проявилось стремление новгородской общины связать князя более прочными узами с местными интересами, превратить его в свою общинную власть. Избрание

в 1125 г. новгородцами Всеволода князем было важной вехой на пути такого превращения. Господство Киева над Новгородом слабело час от часу. Однако полностью оно еще не пало. Поэтому в 1129 г. новгородцы вынуждены принять посадника, пришедшего из Киева⁴³. Князь Мстислав, «державший русскую землю», повелевает Всеволодом⁴⁴. И все ж таки Всеволод был одним из последних (если не последним) между новгородских князей, посредством которых Киев осуществлял свою традиционную власть над Новгородом.

§ 3 Новгородские волнения после смерти Великого Князя Мстислава Владимировича. Социально-политические причины изгнания князя Новгородского Всеволода Мстиславича. Борьба Пскова и Ладоги за независимость от Новгорода

Положение Всеволода резко пошатнулось после смерти в 1132 г. его отца князя Мстислава. На киевском столе Мстислава сменил Ярополк Владимирович, приходившийся дядей Всеволоду. Новоиспеченный Киевский Князь решил перевести своего племянника в Переяславль, чтобы приблизить к киевскому княжению. Новгородский летописец сообщает об отъезде Всеволода из Новгорода с явным неодобрением, замечая, что тот целовал «крест к новгородцем, яко хоцю у вас умерети»⁴⁵.

Пребывание Всеволода в Переяславле было мимолетным: князь «с заутрыя седе в нем, а до обеда выгна и Гюрги, приехав с полком на нь»⁴⁶. Ему пришлось вернуться в Новгород. Появление Всеволода в городе вызвало возмущение: «И бысть встань велика в людех; и придоша пльсковичи и ладожане Новугороду, и выгониша князя Всеволода из города; и паки съдумавъше, въспятиша и Устьях; а Мирославу даша посадьницати в Пльскове, а Рагуилови в городе»⁴⁷. Из приведенного летописного отрывка следует, что против Всеволода выступили если не все новгородцы, то, во всяком случае, подавляющая их часть. Решение об изгнании князя принимается на вече, о чем недвусмысленно свидетельствует фраза «и паки съдумавъше». Возвращение Всеволода также осуществляется по инициативе веча⁴⁸. Тихомиров, исходя из формулы «бысть встань велика в людях», полагает, что «летопись определяет движение 1132 г. как восстание». Ученый пишет: «В этой короткой фразе точно указаны как самый характер движения — восстание (“встань”), так и среда, в которой оно началось — “люди”. Восстание не ограничилось только Новгородом, в нем приняли участие псковичи и ладожане. Таким образом, имело место широкое движение, направленное против князя и охватившее не только Новгород,

но и его пригороды. Результатом восстания было изгнание Всеволода из Новгорода и смена посадников. Посадник Мирослав был отослан посадничать в Псков, возможно, по соглашению с псковичами. Всеволод почти тотчас же после своего изгнания возвратился снова на новгородский стол, но волнения в Новгороде не утихли»⁴⁹. В рассуждения Тихомирова вкралась неточность, которая на первый взгляд может показаться несущественной, тогда как в действительности она придает событиям несколько иной смысл, отличающийся от летописного. Исправляя ее, скажем, что Всеволод после изгнания не сам воротился, а был возвращен новгородцами. Подновление Тихомировым летописного текста понять не трудно: определив выступление против Всеволода как восстание, исследователь, дабы соблюсти логику, должен был не заметить причастность «восставших» к возвращению князя в город; в противном случае мысль о восстании казалась бы сомнительной. По нашему мнению, движение против Всеволода нет оснований именовать восстанием. Слово «встань» понималось и как волнение⁵⁰. Поэтому, на наш взгляд, предпочтительнее говорить не о восстании, а о волнениях в новгородском обществе, вызванных нарушением со стороны Всеволода ряда с новгородцами⁵¹. Эти волнения охватили псковичей и ладожан. Надо по достоинству оценить данное обстоятельство, ибо оно свидетельствует, как нам думается, о далеко зашедшей интеграции территориальных общин в процессе образования в Новгородской земле города-государства, основными структурными единицами которого являлись главный город и подчиненные ему пригороды. Впрочем, в событиях 1132 г. проглядывает не столько подчиненность Пскова и Ладоги Новгороду, сколько взаимосвязь трех городов Северо-Западной Руси, клонящаяся к паритету. Характерно в этом отношении летописное свидетельство: «и придоша пльсковичи и ладожане Новугороду, и выгониша князя Всеволода из города». Псковичи и ладожане здесь выступают наравне с новгородцами. Им, как и свободному населению Новгорода, придается решающая роль в судьбе Всеволода. Такую же роль играют псковичи и ладожане в 1136 г., вместе с новгородцами изгоняя князя из города. Вот почему существовавшую в 30-е гг. XII столетия государственно-политическую систему в Новгородской волости следует рассматривать как федерацию трех городских общин во главе с новгородской общиной, подобную той, какую обнаруживаем в Северо-Восточной Руси второй половины этого столетия⁵². Правда, новгородская федерация оказалась весьма кратковременной и хрупкой. Союз вскоре сменился враждой, в которой столкнулись Новгород и Псков, о чем речь пойдет

ниже. Однако в начале 30-х гг. согласие между новгородцами, псковичами и ладожанами было очевидным. Установилось оно отнюдь не просто, а в результате борьбы пригородов с главным городом, обострившейся в конце XI – начале XII в., когда Новгород, заметно продвинувшись вперед в приобретении независимости от Киева и строительстве собственной республиканской государственности, усилил политическое давление на Ладогу и Псков. Отголоски ее слышны в «Сказании о призвании варягов», в частности ладожском варианте легенды о прибытии Рюрика в Ладогу и лишь потом – в Новгород⁵³. Противоборство не дало, вероятно, решительного перевеса ни одной из конфликтующих сторон, и от стычек три крупнейшие городские общины Новгородской земли перешли к совместному управлению важнейшими общеволостными делами. На это указывают прежде всего межгородские вечевые собрания, куда сходится масса новгородцев, псковичей и ладожан, включающая различные категории свободного люда трех городов. Мы не ошибемся, если назовем эти вечевые сходы народными собраниями волостного масштаба. Возможно, они проходили не мирно.

Янин замечает, что «решение об изгнании князя послужило предлогом ожесточенной борьбы на вече, закончившейся возвращением Всеволода на стол». Борьбу, о которой пишет Янин, исключать нельзя, хотя летописец умалчивает об этом.

Выступая против Всеволода, новгородцы тем самым выражали свое отношение к привычке киевских князей манипулировать новгородскими правителями, пренебрегая интересами Новгорода. Напомним, кстати, что переезд Всеволода в Переяславль произошел согласно договору между Мстиславом и Ярополком, заключенному «по отню повеленью», т.е. по распоряжению Владимира Мономаха⁵⁴. Князья, следовательно, строили свои комбинации, не заботясь о том, как это будет принято новгородской общиной, с чем новгородцы мириться, конечно, не хотели.

Возвращение Всеволода на новгородский стол в Киеве постарались использовать в своих целях, потребовав у новгородцев выдачи «печерской дани». За данью из Киева Ярополк отправил «братанича» своего Изяслава Мстиславича. По Татищеву, новгородцы противились требованию Киевского Князя⁵⁵. Косвенно это подтверждает Лаврентьевская летопись, сообщающая о том, что после выдачи дани состоялось крестоцелование. Если бы новгородцы не сопротивлялись притязаниям Киева, то вряд ли надо было бы приводить их к присяге. Более определенно на сей счет говорится в Никоновской летописи:

«И тако умиришася и крест целоваша»⁵⁶. Значит, имело место «размирье», коль «умиришася».

Недовольство новгородцев Всеволодом росло. Особенно оно усилилось после того, как Всеволод, движимый родственными чувствами, вздумал посадить в Суздале брата своего Изяслава и втянул новгородцев в эту явную авантюру. Состоялись два похода на Суздаль, и оба закончились неудачей. Единодушия относительно войны с Суздалем у новгородцев не было. Накануне первого похода они перессорились и передрались. «Почаша мълъвити о Суждальстеи воине новъгородци, — повествует летописец, — и убиша мужь свои и съвъргоша и с моста в субботу Пянтикостъную»⁵⁷. «Из этих слов, — резонно заключает С.М. Соловьев, — видно, что после предложения, сделанного Всеволодом о суздальском походе, вече было самое бурное: одни хотели защищать Мстиславичей, достать им волость, другие нет; большинство оказалось на стороне первых, положено идти в поход, а несогласное меньшинство отвело Волхова»⁵⁸. Однако, начав поход, новгородцы «воротишася на Дубне; и на томъ же пути отяша посадницъство у Петрила и даша Иванку Павловицю»⁵⁹. Разногласия, стало быть, продолжались и в походе. Противники «суздальской войны» взяли верх и заставили князя повернуть назад⁶⁰. Вскоре, «в то же лето, на зиму (в декабре 1134 г.), иде Всеволод на Суждаль ратью, и вся Новгородская область... и сташа денье зли: мраз, въялиця, страшно зело. И бишася на Ждани горе, и много ся зла створи: и убиша посадника новгородского Иванка, мужа храбра зело, месяца генъваря в 26, и Петрила Микульциця и много добрых муж, а суждальць боле; и створше мир, придоша опять»⁶¹. Провал военной затеи Всеволода в битве при Ждане горе переполнили чашу терпения новгородцев. Весной 1136 г. они выступили против своего князя. Началась новгородская эпопея 1136–1137 гг. Историки придавали ей весьма важное значение в политическом развитии Новгорода. Н.А. Рожков, например, называя XII столетие временем возникновения соперничающих политических партий в волховской столице, именно с волнениями 1136 г. связывал завоевание новгородцами права избирать и изгонять князей⁶². Еще более значительными по социально-политическим результатам представлялись эти волнения Грекову, который полагал, что в 1136 г. Новгород пережил настоящую революцию, утвердившую новые формы политического строя — республику⁶³. Совершившийся переворот, по Грекову, означал полную и решительную ликвидацию княжеского землевладения на территории новгородской волости, установление выборности князя и переход к вечу верховных государственных прав.

Новгород из княжества превратился в республику. Греков стремился наметить этапы назревавших революционных событий, обращаясь ко временам правления Владимира Мономаха и его сына Мстислава, отца горемычного князя Всеволода, в чьей судьбе преломились новгородские перемены. И, тем не менее, 1136 г., вторая половина 30-х гг. XII в. — четкий рубеж в построениях Грекова, отделяющий княжество от новгородской, республики⁶⁴. Об антикняжеском перевороте 1136 г., окончательно ослабившем княжескую власть и положившем начало новому социальному и политическому строю в Новгородской области, писал Д.С. Лихачев⁶⁵.

Идеи Грекова принял и Тихомиров. Следует, впрочем, сказать, что Тихомиров считал невозможным рассматривать восстание 1136 г. «в отрыве от более ранних народных волнений в Новгороде начала XII в.»⁶⁶. Но при всем том «восстание 1136 г. стало своего рода гранью в истории Великого Новгорода. До этого времени в Новгороде обычно княжил старший сын киевского Великого Князя. После 1136 г. на новгородском столе происходит быстрая смена князей, вследствие чего усиливается значение боярского совета, посадника и тысяцкого. Многие ученые датируют начало республиканского строя в Новгороде 1136 г.»⁶⁷. В книге, посвященной изучению древнерусских городов, Тихомиров писал: «Новгородское восстание 1136 г. достаточно известно в исторической литературе, чтобы на нем необходимо было долго задерживать наше внимание, в особенности после работ Грекова. В истории Новгорода 1136 г. должен считаться переломным, после которого в нем окончательно утверждается вечевой строй»⁶⁸.

Сходные соображения замечаем у Мавродина: «Советские историки Б.Д. Греков, М.Н. Тихомиров и другие связывают установление вечевого строя в Новгороде с событиями, происходившими там в 1118–1136 гг. В ходе этих событий, на бурных вечевых сходах устанавливался порядок избрания посадников и епископов самими новгородцами; в ходе этих же событий купеческие и ремесленные объединения, возглавляемые сотскими и старостами, освободились из-под контроля епископа, а князь был ограничен в своих правах». Вместе с другими исследователями Мавродин говорит об утверждении с 1136 г. вечевого строя в Новгороде⁶⁹.

В том же ключе высказывались Пашуто и Рыбаков. По словам Пашуто, восстание 1136 г. заставило великих киевских князей признать республиканский строй в Новгороде⁷⁰, а согласно Рыбакову, с момента данного восстания «вольнолюбивый Новгород окончательно становится боярской феодальной республикой»⁷¹.

Это истолкование новгородских волнений 1136 г. стало настолько привычным, что вошло в популярную литературу. Так, в «Краткой истории СССР», предназначенной для массового читателя, в соответствующем разделе, написанном И.И. Смирновым, сказано следующее: «Борьба Новгорода за самостоятельность приобрела особую остроту в 30-х годах XII в. и завершилась победоносным восстанием новгородцев в 1136–1137 гг. против князя Всеволода. Итогом борьбы явилась ликвидация зависимости Новгорода от Киева и образование Новгородской республики. Князь потерял свое значение главы Новгородского государства. Верховная власть перешла в руки веча, которое теперь стало избирать и органы правительства — посадника и тысяцкого, и призывать князей, заключать с ними договоры. Права и обязанности князя теперь свелись главным образом к выполнению функций военного порядка».

Таким образом, представление о 1136 г. как переломном моменте политической системы древнего Новгорода широко бытует в историографии⁷².

Наряду с подобного рода трактовкой существует более осторожная и сдержанная оценка результатов движения 1136 г. И.М. Троцкий, размышляя о возникновении новгородской республики, замечал, что «процесс этот идет медленно: зародыши его даны еще в XI в., на время он приостанавливается, благодаря политике Мономаха и его сына, и наконец, завершается при Всеволоде и в ближайшие десятилетия после него»⁷³. Отсюда и значение восстания 1136 г. было не таким глобальным, как думалось Грекову: «революция» 1136 г. в Новгороде — всего лишь «эпизод, но эпизод яркий и обративший на себя внимание, не столь длительное у современников, сколько у потомков»⁷⁴. Троцкий еще и еще раз подчеркивал, что «события 1136 г. являются одним из наиболее ярких эпизодов в истории возникновения новгородской республики, но не решающим»⁷⁵.

Весьма аргументированной критике подверг общепринятую точку зрения на события 1136 г. в Новгороде В.Л. Янин, которому принадлежит капитальное исследование о новгородских посадниках. Тщательно рассмотрев имеющиеся у современных ученых факты, он сделал обоснованный вывод о том, что восстание 1136 г. отнюдь не порождает тех норм республиканской жизни, о которых часто пишут наши историки. Сложение республиканских институтов, по мнению Янина, прослеживается в более раннее время: «Посадничество нового типа, этот главный орган республиканской власти, впервые возникает еще в конце XI в. и, по-видимому, с самого начала является выбор-

ным. Что касается выборности князей, вопрос о принадлежности новгородского стола решается на вече еще в 1125 и 1132 гг. Наконец, невозможно говорить и о том, что выборность прочих новгородских властей была непосредственным порождением восстания 1136 г. Первые выборы епископа относятся к 1156 г., когда владыкой избрали Аркадия. Первым тысяцким был Миронег — деятель конца XII в.»⁷⁶. При этом события 1136 г. хотя и не были революционным переворотом, открывшим новую эпоху в истории Новгорода, они все-таки стали итоговым и главным результатом напряженной политической борьбы, наблюдавшейся на протяжении княжений Мстислава и сына его Всеволода. Следовательно, по Янину, «начало формирования органов республиканского управления Новгорода датируется временем княжения Мстислава Владимировича, а окончательное их сложение происходит долгое время спустя после восстания 1136 г.».

Взгляд Янина на события 1136 г. в Новгороде нам представляется более правильным, чем точка зрения Грекова и его последователей. Но нельзя забывать, что, несмотря на расхождение в данном вопросе Янина с Грековым, между ними существует единодушие в определении специфики новгородской государственности как своеобразной и нетипичной для остальной Руси социально-политической организации. Выделяя Новгород второй половины XII в. среди других древнерусских княжеств, Греков видел особенность его в республиканском устройстве⁷⁷. Неповторимое своеобразие замечает в новгородской средневековой государственности и Янин⁷⁸. Это своеобразие заключалось прежде всего в наличии республиканского вечевого строя⁷⁹.

Восприняв Новгород как нечто феноменальное в древнерусской истории, Янин вполне логично пришел к выводу о том, что политическая борьба в новгородском обществе в период, предшествующий республике, имела прежде всего устойчивую антикняжескую направленность⁸⁰.

Отмечая научную ценность концепции Янина, мы все-таки полагаем, что она является одним из возможных вариантов прочтения новгородской истории. В исторической литературе Новгород предстает иногда и несколько в ином освещении. Еще в дореволюционной историографии было выработано мнение, согласно которому вече в Новгороде мало чем отличалось от вечевых собраний других волостных центров России XII в.⁸¹ Совершенно недвусмысленно высказывался по этому поводу Покровский. «Давно уже прошли те времена, — говорил он, — когда вечевой строй считался специфической особенностью некоторых городских общин, которые так и были прозваны

“вечевыми” — Новгорода, Пскова и Вятки. Вечевые общины стали представлять собой исключение из общего правила лишь тогда, когда само это правило уже вымирало: это были последние представительницы того уклада, который до XIII в. был общерусским⁸². Изучение вечевых порядков на Руси XI–XII вв. убеждает в правомерности высказываний Покровского⁸³. Но коль это так, то надо признать, что политическая эволюция Новгорода укладывалась в общие рамки исторического процесса Древней Руси. Однако возвратимся, как говаривал некогда древний летописец, «на прежнее». Что же произошло поздней весной 1136 г. в Новгороде?

Новгородцы «призваша пльсковиче и ладожаны и сдумаша, яко изгонити князя своего Всеволода, и всадиша в епископлъ двор, с женою и детми и с тыщею, месяца майя в 28; и сгрежаху день и ночь с оружиемъ, 30 мужъ на день. И седе 2 месяца, и пустиша из города июля в 15, а Володимира, сына его, прияша. А се вины его творяху: 1, не блюдетъ смерд; 2, “чему хотел еси сести Переяславля”; 3-е, “ехал еси с пълку переди всех, а на то много; на початый велев ны, рече, к Всеволоду приступите, а паки отступите велить”; не пустиша его, донележе им князь приде». Князь «ин» явился. То был Святослав Ольгович черниговский⁸⁴.

Итак, Всеволоду были предъявлены следующие обвинения: 1) «неблюдение смердов»; 2) уход из Новгорода ради Переяславля вопреки «ряду» о пожизненном княжении в Новгороде; 3) бегство первым с поля битвы на Ждане горе; 4) непоследовательность по отношению к южным князьям. Если верить Никоновской летописи, новгородцы заявили Всеволоду еще некоторые претензии: «почто възхоте ити на Суждалци и Ростовци; и почто възлюби играти и утешатися, а людей не управляти; и почто ястребов и собак собра, а людей не судяше и не управляше... и другие многи вины събраша на ня»⁸⁵. Взятые в совокупности, эти обвинения обличали неспособность Всеволода исполнять обязанности князя в Новгороде.

Историки не сомневаются в том, что «вины» Всеволода были высказаны на вече. Мнения исследователей множатся, когда речь заходит о социальном составе веча и о том, во имя чьих интересов оно собиралось. Существует точка зрения, согласно которой на вече, изгнавшее Всеволода, сошлись представители боярской верхушки новгородского общества. Д.А. Введенский, определяя это вече как расширенное и особоуполномоченное, полагал, что оно «по своему составу представляло интересы высших социальных групп населения Великого Новгорода и его крупных пригородов — внутрисударственных подвас-

сальных центров»⁸⁶. Более распространенным является взгляд на вече 1136 г. как на собрание рядового людства. Он выработан с помощью соответствующего толкования обвинительного пункта о «неблюдении смердов». С.М. Соловьев писал: «Можно заметить, что к стороне Всеволодовой преимущественно принадлежали бояре, между которыми искали и находили его приятелей; а к противникам его преимущественно принадлежали простые люди, что видно также из главного обвинения: не блюдет смердов»⁸⁷. Мысль Соловьева полностью разделял Рожков⁸⁸. Она присутствует и в трудах Грекова, который усматривал в событиях 1136 г. движение городских и сельских низов, выдвинувших программу, где «интересы смердов находили себе защиту»⁸⁹. Греков замечал: «Трудно представить себе, чтобы пункт в защиту смердов был внесен без всякого участия смердов»⁹⁰. В аналогичном плане высказывались Тихомиров, Мавродин, Данилова, Пашуто.

Но участников вече нельзя рассматривать как единую в социальном отношении массу, будь то феодальная верхушка или низы новгородского общества. На вече собрались свободные люди — жители Новгорода, Пскова и Ладоги, знатные и простые. Довольно красноречиво присутствие на вечевом сходе псковичей и ладожан, вместе с новгородцами размышлявших, «яко изгонит» своего князя». Это показатель достаточно далеко зашедшего, как отмечалось выше, процесса складывания новгородского города-государства, представлявшего в данный момент общинную федерацию, или тройственный союз Новгорода, Пскова и Ладоги, в котором Новгород выступал первым среди равных.

Социальный тонус новгородского вече 1136 г. выявляется вполне определенно при рассмотрении существа претензий, предъявленных вечниками Всеволоду. Перед нами конфликтная ситуация, возникшая в сфере социально-политической и затронувшая свободное людство, не разделенное по классовому признаку. Но поскольку новгородское общество было уже неоднородным, состоящим из богатых и бедных, свободных и зависимых, есть основания говорить об элементах общественной борьбы, сопутствовавших социально-политическим коллизиям. Более сложным для понимания является обвинение князя в «неблюдении смердов».

Для многих исследователей, как мы знаем, наличие в обвинительном вечевом приговоре пункта «не блюдет смерд» служило указанием на личное участие смердов в изгнании Всеволода. На наш взгляд, участие смердов в новгородском вече 1136 г. весьма проблематично. Пункт о смердах, попавший в «обвинительный акт», предъявленный

князю Всеволоду, не может быть достаточным основанием для выводов о присутствии смердов на вече. Больше того, если смерды являлись зависимыми людьми, как полагал Черепнин и другие историки, то надо признать невозможным их причастность к вечевому приговору, поскольку на вече собирались лишь свободные, полноправные члены новгородской общины-волости. Чем же в таком случае обусловлен упрек в «неблюдении смердов»?

Составляя разряд зависимого от Новгорода сельского люда, смерды обязаны были платить дань и отправлять другие повинности в пользу новгородской общины. Доходы, приносимые смердами, вливались в общественный фонд. Вот почему небрежение князя к смердам наносило материальный ущерб Новгороду, ударяя по его финансам. Новгородцы, разумеется, не могли оставаться равнодушными в подобной ситуации. И князю пришлось отвечать за нерадивость. Следовательно, вечники, формулируя обвинение в «неблюдении смердов», заботились в первую очередь о благополучии новгородского государственного хозяйства, в чем было заинтересовано все свободное население Новгорода. Отсутствие должного попечения о смердах со стороны князя Всеволода сказывалось, несомненно, отрицательно на положении этой категории зависимых в новгородском обществе. Поэтому, обвиняя Всеволода в «неблюдении смердов», вече в конечном счете брало под защиту самих смердов, что, безусловно, отвечало интересам последних. Но главной причиной внимания к смердам на вече была забота о новгородской казне, о бесперебойном ее пополнении, а не о смердах как таковых. И вряд ли следует изображать дело так, будто о смердах вече заговорило под влиянием смердых волнений, охвативших якобы Новгородскую землю. У нас нет источников, которые позволили бы рассуждать об участии смердов в вечевом собрании 1136 г., а тем более — об их массовых выступлениях. Смерды в бурных событиях той поры играли скорее пассивную роль, будучи объектом вечевых обсуждений и решений. Но это, конечно, не значит, что мы исключаем полностью возможность социального протеста смердов, эксплуатируемых новгородской общиной, хотя в источниках, повторяем, нет никаких его следов. При таком восприятии летописных известий о вече 1136 г. в Новгороде обвинение Всеволода в «неблюдении смердов» должно быть понято как обвинение в плохом управлении новгородской волостью.

Итак, говоря о социальной сути вечевых обвинений, обращенных к Всеволоду Мстиславичу, надо подчеркнуть, что все они вращаются вокруг качества князя как правителя и общественного лидера, при-

званного обеспечить благоденствие местной общины, но в данном случае оказавшегося в этом отношении несостоятельным. Здесь мы наблюдаем политический конфликт между князем и управляемой им общиной. Это конфликт происходил среди различных групп свободного населения, неоднородных к тому же по социальному составу: бояре и простые люди. Необходимо учитывать и внешнеполитический аспект раздора новгородцев с Всеволодом, который тяготел к Киевскому Князю, поддерживая основательно подорванную, но еще не упраздненную окончательно власть Киева над Новгородом.

Как видим, общественные коллизии 1136 г. — довольно сложное историческое явление, сочетающее внутривнутриполитическую и внешнеполитическую борьбу с элементами борьбы социальной.

Вече Новгородское, лишившее власти князя Всеволода, именовалось в свое время Грековым революцией. Позднее за ним закрепился термин «восстание». По нашему разумению, события 1136 г. в Новгороде следует называть восстанием с большими оговорками. Они развивались не столь внезапно и стремительно, как это бывает при восстании. Новгородцы, по сообщению летописца, «призваша» псковичей и ладожан к себе на вече. Для поездки послов и прибытия приглашенных в Новгород нужен был не один день. Псковичи и ладожане приехали на вече, надо думать, одновременно. Само вече не являлось тайным и проводилось легально. Приготовление вече не могло укрыться от Всеволода, который, судя по всему, ждал исхода событий, надеясь на благоприятный их поворот. У князя были основания надеяться на лучшее, поскольку часть бояр поддерживала его, да и на вече, похоже, единства не было, о чем говорит последующее бегство к изгнанному князю группы «мужей новгородских», а также благожелательный прием, оказанный вскоре Всеволоду псковичами, приютившими изгнанника в своем городе. Отсюда ясно, что, применяя термин «восстание» к событиям 1136 г., мы несколько преувеличиваем степень остроты произошедшего. Не лучше ли в данном случае употреблять понятия «выступление», «движение»?

Выпроводив князя Всеволода, новгородцы «прияша» малолетнего сына его, Владимира. Греков полагал, что Владимира «приняли едва ли не в качестве заложника, пока „ин князь“ не придет»⁹¹. Если Греков говорил о заложничестве младенца-князя с оттенком предположительности, то Черепнин высказался об этом с уверенностью. Он писал: «Через два месяца (*после ареста*. — И.Ф.) Всеволод Мстиславич был выпущен из города, а его сын Владимир оставлен в качестве заложника, „донеле же ин князь будет“»⁹². С мнением Грекова и Черепнина

согласиться трудно, ибо оно получено в результате слишком вольного обращения с летописью. Дело в том, что летописная фраза «донележе ин князь приде» относится не к Владимиру, а к Всеволоду: «Не пустиша его (Всеволода), донележе ин князь приде». Иначе, чем Греков и Черепнин, объяснял кратковременное княжение Владимира в Новгороде Янин. Оно, по словам ученого, свидетельствовало об «отсутствии единодушия в среде новгородского боярства, часть которого продолжает поддерживать изгнанного князя уже в лице его наследника»⁹³. Это объяснение можно было бы принять, если бы не одно важное обстоятельство: на вече возобладали противники, а не сторонники князя Всеволода. Поэтому вокняжение Владимира, осуществленное по приговору тех же людей, которые выставили Всеволода из Новгорода, вряд ли означало поддержку изгнанного князя в лице его наследника. Видимо, причина эфемерного княжения Владимира кроется в другом. И тут вспоминаются языческие представления, по которым вождь-правитель обладал магическими и сверхъестественными способностями, выступая посредником между богами и управляемыми им людьми⁹⁴. Остаться без князя, по верованиям древних, значило подвергнуть риску благополучие общины. Понятно, почему новгородские летописцы старательно фиксировали случаи, когда в Новгороде наступало безкняжье⁹⁵. Новгородцы, приняв Владимира вместо изгнанного Всеволода, отдали дань языческим воззрениям на князя как покровителя, оберегающего людей от возможных бедствий. В обстановке неурожаев, войн и потрясений, пережитых новгородцами на протяжении предшествующего десятилетия, языческие настроения, несомненно, усилились, что и определило вечевое решение принять на княжеский стол Владимира, чтобы не оставить волость без князя и сохранить ее от бед. Если смысл вокняжения Владимира понят нами правильно, получаем веское свидетельство того, что новгородцы, сведя Всеволода с княжеского стола, действовали не против князя вообще, а против конкретного князя, нежеланного местному обществу. Следовательно, борьба со Всеволодом была борьбой с отдельным лицом, а не институтом, и называть ее антикняжеской неправомерно.

15 июля 1136 г. Всеволода выпроводили из Новгорода, и он ушел на юг, где Киевский Князь Ярополк дал ему в держание Вышгород. В марте следующего года к нему «бежа» посадник новгородский Константин «и инех добрых мужь неколико»⁹⁶. В том же 1137 г. «приде князь Мстиславиць Всеволод Пльскову, хотя сести опять на столе своем Новгороде, позван отаи новгородьскими и пльсковьскими мужи, приятели его»⁹⁷. Известие о появлении Всеволода во Пскове вызвало волнения

в Новгороде. Новгородцы, очевидно, снова сошлись на вече. Приверженцы Всеволода и на сей раз оказались в меньшинстве: «Не възсхотеша людье Всеволода». Часть «приятелей» князя «побегоша» к нему во Псков. Тогда новгородцы «възяша на разграбление дома их, Къснятин, Нежатин и инех много, и еще же ищюще то, кто Всеволоду приятель бояр, тѣ имаша на них не с полуторы тасыце гривен, и даша купцам крутиться на воину»⁹⁸. Разграбление домов новгородских бояр, о котором сообщает летописец, было своеобразной конфискацией боярского имущества, осуществленного организованно в пользу новгородцев. Что касается полутора тысяч гривен, взятых в виде штрафа с бояр, приверженных к Всеволоду, то эти огромные средства пошли на общественные нужды — военную экипировку купцов. Следует заметить, что новгородцы, как сообщает летописец, штрафовали и невиновных: «нѣ сягоша и невиноватых»⁹⁹. Поступиться богатством пришлось, следовательно, широкому кругу новгородского боярства. Грабеж имущества у одних бояр, изъятие денег у других — пример перераспределения богатств на коллективных началах, что вполне укладывалось в рамки общих закономерностей переходной эпохи, когда развивающаяся частная собственность еще сосуществует и переплетается с отношениями коллективизма в распределении¹⁰⁰. С аналогичной практикой мы неоднократно встречаемся как в Новгороде, так и в других городах Древней Руси¹⁰¹.

Огромная рать, собранная в Новгороде князем Святославом Ольговичем, «идоша на Пльсков прогонить Всеволода». Псковичи же «не покоришася» новгородцам и не «выгнаша князя от себе, нѣ бяхуться устерегли, засеки осеки все». Новгородское воинство отступило. И тут «преставися князь Всеволод Мьстиславич Пльскове». Но псковичи и после смерти Всеволода не покорились Новгороду, посадив у себя на княжение брата покойного князя Святополка. Действия псковской общины позволяют сформулировать несколько предположений. Они дают основание заключить, что едва завязавшаяся в Новгородской волости тройственная федерация Новгорода, Пскова и Ладоги распалась. Тяга к самостоятельности оказалась сильнее стремления к объединению. По-видимому, федеративный союз трех северозападных городов сложился в короткий период относительного равновесия сил новгородской, псковской и ладожской общин. Но этот баланс был весьма не устойчив. Как только он нарушился, — союз прекратил свое существование. Первым заявил желание стать независимым Псков. Момент, казалось, этому благоприятствовал: Новгород раздирали внутренние противоречия, обострились его отношения с Киевом в

результате изгнания Всеволода. Притязания на самостоятельность псковская община выразила учреждением в своем городе княжеского стола и приглашением на этот стол новгородского изгнанника. Помимо распада федерации, здесь обнаруживаются симптомы дробления, разложения города-государства, каким являлся Новгород, на новые, более мелкие государственные образования, что наблюдалось во всех древнерусских землях-волостях¹⁰². Вместе с тем тенденция к выделению Пскова из Новгородской волости говорит о завершении становления самого Новгорода как города-государства.

Изгнание в 1136 г. новгородцами Всеволода ликвидировало в основном остатки власти Киева над Новгородом, вызвав некоторые важные изменения в отношениях князя с новгородской общиной. Перестав быть креатурой киевских правителей, Новгородский князь становится местной властью, зависимой от веча. Отпадает необходимость «вскармливания» и пожизненного правления князей в Новгороде, что привело к более частой их смене в новгородской волости. Но это не означает падения роли княжеской власти в новгородском обществе. Наоборот, статус князя¹⁰³ как одного из представителей высшей власти приобретает еще большую устойчивость, о чем судим, исходя из сфрагистических данных. Речь идет о вислых печатях, бывших на Руси атрибутом власти и выражением государственной юрисдикции. Изучение актов печатей новгородского происхождения демонстрирует массовое распространение печатей княжеской принадлежности с 30-х гг. XII столетия: «В период с 1136 г. до конца первой четверти XIII в. в Новгороде примерно 400 печатям княжеского круга противостоит 14 епископских булл и около десятка проблематичных посадничьих печатей»¹⁰⁴. Создается в некотором роде парадоксальная, по мнению Янина, ситуация: «Казалось бы, успешное восстание 1136 г., приведшее к торжеству антикняжеской коалиции, должно было отменить княжескую печать и привести к максимальному развитию буллы республиканской власти. Но в действительности наблюдается как раз противоположное явление. Посадничья булла после 1136 г. становится почти неупотребительной... Напротив, княжеская булла с этого момента получает широчайшее развитие, оттесняя на задний план другие категории печатей». Янин объясняет это несколько странное явление тем, что «печать в Новгороде, бывшая прежде одной из регалий высшей власти, превратилась в средство контроля, в средство ограничения княжеского самовластия республиканскими боярскими органами».

По нашему убеждению, князь в Новгороде до памятных происшествий 1136–1137 гг. противостоял республиканским органам лишь в той мере, в какой сохранял зависимость от Киева, и настолько, насколько являлся ставленником Киевского Князя. Во всем остальном он был составным звеном республиканского административного аппарата. Утратив полностью качества наместника, Новгородский князь стал всецело республиканским органом власти, что и вызвало его известное возвышение, засвидетельствованное данными сфрагистики.

Таким образом, мы приходим к выводу, прямо противоположному тому, который принят в современной исторической литературе: после 1136–1137 гг. положение княжеской власти в Новгороде упрочилось, а роль князя возросла.

Помимо названных перемен в отношениях князя с новгородцами, события 1136–1137 гг. привели к новой расстановке социальных сил в Новгороде, обусловившей изменения в характере социальной борьбы. Если прежде сопротивление Киеву сплачивало новгородское общество, сглаживая внутренние противоречия, порождаемые имущественной и социальной дифференциацией, то теперь со времени ликвидации подчинения Новгорода киевским правителям, эти противоречия получили выход и центр тяжести начал смещаться с внешнеполитической борьбы на внутрисоциальную. Однако данный процесс не был ровным или неизменно возрастающим, ибо вскоре на волюнтерство новгородцев в князьях стали покушаться властители Ростово-Суздальской земли — грозной соперницы Новгорода. Опасность, исходившая от них, заставляла новгородцев нередко забывать о своих раздорах и выступать единой массой, чтобы успешно противостоять воинственным соседям.

Примечания к главе 7

¹ Тихомиров М.Н. Крестьянские и городские восстания на Руси XI–XII вв. М., 1955. С. 163.

² Там же. С. 171.

³ Сводку мнений см.: Алексеев Ю.Г. Псковская судная грамота и ее время: Развитие феодальных отношений на Руси XIV–XV вв. Л., 1980. С. 36; Российское законодательство X–XX веков. М., 1984. Т. 1. С. 349.

⁴ См.: Зимин А.А. Уставная грамота князя Всеволода Мстиславича // Академику Б.Д. Грекову ко дню семидесятилетия: сб. статей. М., 1952. С. 123–131; Шапов Я.Н. Княжеские уставы и церковь в Древней Руси XI–XIV вв. М., 1972. С. 165–177.

⁵ НПЛ. М.; Л., 1950. С. 487; ПРП. М., 1953. Вып. 11. С. 164; Российское законодательство X–XX веков. Т. 1. С. 251–252.

⁶ Тихомиров М.Н. Крестьянские и городские восстания... С. 176.

⁷ НПЛ. С. 485–486; ПРП. Вып. II. С. 162–163; Российское законодательство X–XX веков. Т. 1. С. 250–251.

⁸ Там же.

⁹ Там же. С. 181.

¹⁰ См.: Фроянов И.Я. Начало христианства на Руси // Курбатов Г.Л., Фролов Э.Д., Фроянов И.Я. Христианство: Античность. Византия. Древняя Русь. Л., 1988.

¹¹ См.: ПРП. М., 1952. Вып. 1. С. 237–238, 241–242; Российское законодательство X–XX веков. Т. 1. С. 139–140; 148–150.

¹² Фроянов И.Я. Начало христианства на Руси. С. 246–253.

¹³ См. с. 114 настоящей книги.

¹⁴ См.: Янин В.Л. Печать новгородского епископа Иоанна Попьяна // Вспомогательные исторические дисциплины. Л., 1978. Т. IX; Хорошев А.С. Церковь в социально-политической системе новгородской феодальной республики. М., 1980. С. 26; Мартышин О.В. Вольный Новгород: Общественно-политический строй и право феодальной республики. М., 1992. С. 211.

¹⁵ НПЛ. С. 29–30, 216.

¹⁶ Тихомиров М.Н. Крестьянские и городские восстания... С. 181.

¹⁷ Там же. С. 187.

¹⁸ Там же. Мысль об отстранении бояр от заведования делами Иванского ста разделяет и Мартышин. «Купцы, — говорит он, — добились крупного успеха в деле изоляции боярства от торгового управления, зафиксированного грамотой Всеволода Мстиславича церкви св. Ивана на Опоках. Вмешательство боярства в торговлю ограничивалось, по этой грамоте, участием тысяцкого, который в данном случае объявлялся представителем житых и черных людей» (Мартышин О.В. Вольный Новгород... С. 170). Не совсем ясно, как могли бояре «вмешиваться в торговлю» через представителя житых и черных людей. К сожалению, у автора на этот счет нет пояснений.

¹⁹ Там же. С. 188.

²⁰ Там же.

²¹ Ср.: Там же. С. 185.

²² Этим, разумеется, содержание «Рукописания» не исчерпывается. Мы оставляем в стороне роспись доходов церкви св. Ивана. Не касаемся также торгового суда, поскольку о нем говорится уже в Уставе Всеволода и, стало быть, он в «Рукописании» — не новость.

²³ См.: Янин В.Л. Новгородские посадники. М., 1962. С. 59; Фроянов И.Я., Дворниченко А.Ю. Города-государства Древней Руси. С. 162.

²⁴ НПЛ. С. 21, 205.

²⁵ См.: Соловьев С.М. Сочинения. М., 1988. Кн. 1. С. 409; Рожков Н.А. Исторические и социологические очерки. М., 1906. Ч. 2. С. 30; Тихомиров М.Н. Крестьянские и городские восстания... С. 172; Янин В.Л. Новгородские посадники. С. 65–67; Мартышин О.В. Вольный Новгород... С. 81.

²⁶ В Новгородской IV летописи имеется на сей счет уточнение: «Прииде Борис посадничать ис Киева в Новгород» (ПСРЛ. Пг., 1915. Т. IV. Ч. 1. С. 143). То же читаем в Никоновском своде. См.: ПСРЛ. СПб., 1862. Т. IX. С. 151.

²⁷ НПЛ. С. 22, 206.

²⁸ Янин В.Л. Социально-политическая структура Новгорода в свете археологических исследований // Новгородский исторический сборник. Л., 1980. С. 90.

²⁹ Троцкий И.М. Возникновение Новгородской республики // Изв. АН СССР. VII серия. Отд. обществ. наук. 1932. № 5. С. 353.

³⁰ НПЛ. С. 21, 206.

³¹ Ср.: Мартышин О.В. Вольный Новгород... С. 80.

³² Соловьев С.М. Сочинения. Кн. 1. С. 409.

³³ Тихомиров М.Н. Крестьянские и городские восстания... С. 180.

³⁴ См.: Троцкий И.М. Возникновение Новгородской республики. С. 370–371. «Грабежи» подобного рода наблюдаются и в других землях Руси.

³⁵ НПЛ. С. 20, 204.

³⁶ ПСРЛ. Т. II. Стб. 284.

³⁷ НПЛ. С. 20, 204.

³⁸ Там же. С. 21, 205.

³⁹ Ср.: Янин В.Л. Новгородские посадники. С. 67.

⁴⁰ Вспомним, кстати, что в X в. племена, «примученные» Киевом, часто восставали именно со смертью киевских князей. Эта традиция не могла исчезнуть бесследно в XII в.

⁴¹ Мартышин О.В. Вольный Новгород... С. 81.

⁴² См.: НПЛ. С. 22, 207.

⁴³ Там же. С. 22, 206.

⁴⁴ «Се аз Мьстислав Володимирь сын, — читаем в одной грамоте, — държа Русьску землю, в свое княжение повелел есмь сыну своему Всеволоду отдати Буице Святому Георгиеву с данию, и с вирами, и с продажами...». См.: ГВНП. М.; Л., 1949. № 81. С. 140.

⁴⁵ НПЛ. С. 22, 207.

⁴⁶ ПСРЛ. Т. I. Стб. 301; Т. II. Стб. 295.

⁴⁷ НПЛ. С. 22–23, 207.

⁴⁸ Янин В.Л. Новгородские посадники. С. 69.

⁴⁹ Тихомиров М.Н. Крестьянские и городские восстания... С. 189–190.

⁵⁰ Словарь русского языка XI–XVII вв. М., 1976. С. 151.

⁵¹ См.: Янин В.Л. Новгородские посадники. С. 69. Янин говорит, что Всеволод предпринял попытку нарушить ряд с новгородцами (там же). Вернее было бы сказать, что он нарушил его, покинув Новгород ради Переяславля.

⁵² См. Главу 14 настоящей книги.

⁵³ См.: Фроянов И.Я. 1) Исторические реалии в летописном сказании о призвании варягов // Вопросы истории. 1991. № 6; 2) Мятёжный Новгород... С. 86–87.

⁵⁴ ПСРЛ. Т. 1. Стб. 301.

⁵⁵ Татищев В.Н. История Российская. М.; Л., 1973. Т. II. С. 144.

⁵⁶ ПСРЛ. Т. IX. С. 158.

⁵⁷ НПЛ. С. 23, 207–208.

⁵⁸ Соловьев С.М. Сочинения. Кн. I. С. 410.

⁵⁹ НПЛ. С. 23, 208.

⁶⁰ См.: Соловьев С.М. Указ. соч. С. 411; Янин В.Л. Новгородские посадники. С. 69.

⁶¹ НПЛ. С. 23, 208.

⁶² Рожков Н.А. Исторические и социологические очерки. М., 1906. Ч. II. С. 43–44.

⁶³ Греков Б.Д. Революция в Новгороде Великом в XII в. // Учен. зап. ин-та истории РАНИОН. 1929. Т. 4. С. 21.

⁶⁴ Там же. С. 14, 19–21.

⁶⁵ Лихачев Д.С. «Софийский временник» и новгородский политический переворот 1136 г. // Исторические записки. 1948. № 25. С. 241, 242.

⁶⁶ Тихомиров М.Н. Крестьянские и городские восстания... С. 168.

⁶⁷ Там же. С. 197.

⁶⁸ Тихомиров М.Н. Древнерусские города. М., 1956. С. 206.

⁶⁹ Мавродин В.В. Народные восстания в Древней Руси XI–XIII вв. М., 1961. С. 92, 93.

⁷⁰ Пашуто В.Т. Очерки истории СССР XII–XIII вв. М., 1960. С. 29.

⁷¹ Рыбаков Б.А. Киевская Русь и русские княжества XII–XIII вв. М., 1982. С. 544.

⁷² На этом историографическом фоне странно звучат слова Мартышина: «Современные исследователи единодушны в том, что 1136 г. не следует рассматривать как дату возникновения новгородской республики». См.: Мартышин О.В. Вольный Новгород: Общественно-политический строй и право феодальной республики. М., 1992. С. 82–83.

⁷³ Троцкий И.М. Возникновение новгородской республики. С. 372.

⁷⁴ Там же. С. 374.

⁷⁵ Там же.

⁷⁶ Янин В.Л. Новгородские посадники. С. 12.

⁷⁷ Греков Б.Д. Революция в Новгороде Великом в XII в. С. 14.

⁷⁸ Янин В.Л. Новгородские посадники. С. 3.

⁷⁹ См.: Янин В.Л. Не только 28 мая 1136 г. // Знание-сила. 1983. № 5. С. 31.

⁸⁰ В одной из своих работ Янин пишет: «Вся история возникновения Новгородской республики представляется результатом длительного столкновения княжеской власти с боярством, а вечевые органы противостоят в этой борьбе княжеской администрации». См.: Янин В.Л. Социально-политическая структура Новгорода в свете археологических исследований // Новгородский исторический сборник. С. 88.

⁸¹ См.: *Костомаров Н.И.* Начало единой державы в древней Руси // *Вестник Европы*. 1870. Ноябрь; *Сергеевич В.И.* Русские юридические древности. СПб., 1900. Т. 2. С. 1, 2; *Дьяконов М.А.* Очерки общественного и государственного строя древней Руси. СПб., 1912. С. 118, 119. См. также: *Цамутали А.Н.* История Великого Новгорода в освещении русской историографии XIX – начала XX в. // *Новгородский исторический сборник*. Л., 1982. № 1 (11).

⁸² *Покровский М.Н.* Избр. произв. 1966. Кн. 1. С. 146–147.

⁸³ См.: *Фроянов И.Я.* Киевская Русь: Очерки социально-политической истории. С. 162–184.

⁸⁴ НПЛ. С. 24, 209.

⁸⁵ ПСРЛ. Т. IX. С. 159. См. также: *Татищев В.Н.* История Российская. Т. II. С. 147; *Карамзин М.Н.* История Государства Российского. М., 1991. Т. II. С. 112.

⁸⁶ *Введенский Д.А.* К истории образования новгородской республики. С. 20.

⁸⁷ *Соловьев С.М.* Сочинения. Кн. 1. С. 142.

⁸⁸ *Рожков Н.А.* Исторические и социологические очерки. Ч. II. С. 38.

⁸⁹ *Греков Б.Д.* 1) Революция в Новгороде Великом в XII в. С. 16.; 2) Киевская Русь. М., 1953. С. 270–271.

⁹⁰ *Греков Б.Д.* Киевская Русь. С. 271.

⁹¹ *Греков Б.Д.* Революция в Новгороде Великом в XII в. С. 16.

⁹² *Черепнин Л.В.* Общественно-политические отношения... С. 249.

⁹³ *Янин В.Л.* Новгородские посадники. С. 70.

⁹⁴ *Фрззер Дж. Дж.* Золотая ветвь. М., 1980. С. 99–125.

⁹⁵ НПЛ. С. 26, 212; 32, 220; 43, 236.

⁹⁶ НПЛ. С. 24, 209.

⁹⁷ Там же.

⁹⁸ Там же. С. 24–25, 210.

⁹⁹ Там же. С. 25, 210.

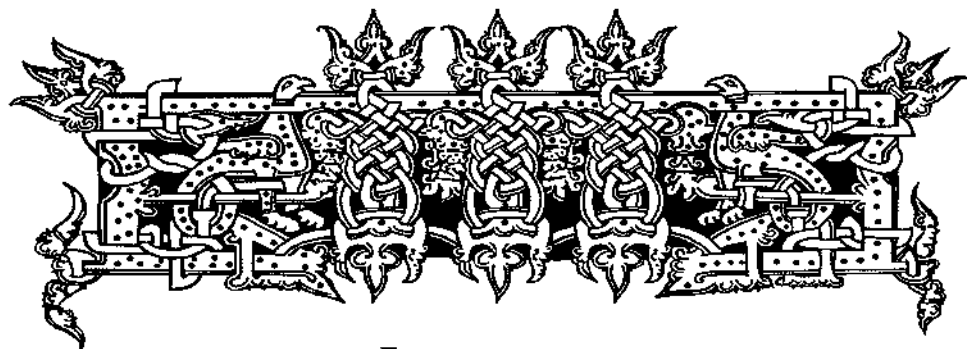
¹⁰⁰ *Аверкиева Ю.П.* Индейцы Северной Америки: От родового общества к классовому. М., 1974. С. 266.

¹⁰¹ Речь идет о Киеве, Владимире и др.

¹⁰² См.: *Фроянов И.Я.* Киевская Русь: Очерки социально-политической истории. С. 235; *Фроянов И.Я., Дворниченко А.Ю.* Города-государства Древней Руси; *Дворниченко А.Ю.* Городская община и князь в древнем Смоленске // *Город и государство в древних обществах*. Л., 1962. С. 144.

¹⁰³ Во избежание недоразумений еще раз подчеркнем, что имеем в виду княжеский институт, а не отдельных лиц из княжеского рода.

¹⁰⁴ Там же. С. 33. См. также: *Янин В.Л.* Актовые печати древней Руси IX–XV вв. М., 1970. Т. 1. Печати X – начала XIII вв. С. 159.

Глава восьмая

СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКАЯ БОРЬБА В НОВГОРОДЕ ПОСЛЕ СОБЫТИЙ 1136 ГОДА

§ 1 Политические и социально-экономические причины новгородских волнений 1136 года в трудах русских историков

Будучи важной вехой в социально-политической истории Новгорода, события 1136 г. открывают новый этап развития общественных коллизий в волховской столице. Известная сплоченность новгородского общества, обусловленная борьбой за независимость от Киева, ослабевает по мере того, как новгородцы приобретают вожаемую «свободу в князьях». Новгородская община теперь все чаще подвержена внутреннему разладу, а нередко и вражде, особенно среди боярства. Столкновения бояр из-за престижных и доходных мест в управлении Новгородом совершались при деятельном участии народных масс, решавших в конечном счете исход этих столкновений. Внешне боярские свары часто вращались вокруг вопросов, кому из князей сидеть на столе. Данное обстоятельство давно обратило внимание историков. Замечено было также и влияние межкняжеских отношений на политическую жизнь новгородского общества. Правда, исследователи по-разному определили степень воздействия этих отношений на глубину и существо социально-политических конфликтов в Новгороде.

Согласно С.М. Соловьеву, «граждане» Новгорода распадалась на «приверженцев» того или иного князя¹, на враждующие «стороны», поддерживающие тех или иных князей². Пользуется историк при этом и термином «партия»³. Перемены на княжеском столе сопровождались волнениями «внутренними», «народными»⁴. Эти волнения были своеобразным преломлением межкняжеских отношений на Руси и поэтому в большей мере зависели от княжеских распрей, чем от местных

противоречий. Усобицы князей отзывались непосредственным образом мятежами в Новгороде⁵.

Вынужденную причастность новгородцев к междоусобиям князей отмечал И.Д. Беляев. Подобно Соловьеву, он придавал существенное значение правлению Всеволода. Именно «бурное княжение Всеволода Мстиславича, продолжавшееся чуть не двадцать лет и разделившее новгородцев на партии — княжескую и народную, имело большое влияние на последующую судьбу Новгорода. С того времени Новгород много потерял своей прежней крепости и общественного единодушия»⁶. Но в отличие от Соловьева автор «Рассказов из русской истории» старался найти внутренние причины, побуждавшие новгородцев соединяться в партии. Вполне земные и прозаические интересы способствовали образованию партий «богачей и сильных землевладельцев, которые находили для себя выгоднее подчиниться князю, чем зависеть от народного веча, и стали продавать независимость Новгорода князьям»⁷. Это и была «княжеская» партия, готовая всегда «продавать права народа любому князю» в обмен на всякого рода выгоды. Ей противостояла «народная» партия, стоявшая на защите прав новгородских, ограждающих «самостоятельность и независимость отечества»⁸. Княжескую партию Беляев именует «суздальской»⁹.

Разделение новгородской общины XII в. на сторону «докняжеских бояр и сторону небоярскую» наблюдал В. Пассек. По словам исследователя, «обе стояли во враждебном положении, и княжеская власть не только не могла водворить мира между двумя сторонами, но, потеряв всякую возможность на посредничество, она, сама при этом общем волнении, требовала физической опоры себе в стороне небоярской против стороны боярской, которая открыто действовала против князя...»¹⁰. «Докняжеские бояре» стремились сохранить «свои старинные права», поддержать «свое историческое значение» в ущерб княжеской власти¹¹. На чем же держалась власть князя в Новгороде? «Князь-правитель, — пишет Пассек, — должен был принести с собою для Новгорода право торговли в других частях Руси: это было одно из первых условий прочности его власти в Новгороде»¹². Жажда обогащения владела новгородцами: «Бог Новгорода — золотой идол, который руководит всеми их отношениями к порядку, к власти»¹³. Эти отношения складывались с учетом торговых интересов, связанных с южным и восточным рынками. «Раздвоение выгод Новгорода на две главнейшие ветви, на ветвь торговли с Югом и на ветвь торговли Восточной, и соперничество между князьями Южной России и Владимиро-Ростовским за первенство в распоряжении судьбами Руси и

самого Новгорода, выражалось в Новгороде тем же раздвоением между новгородцами: одни в этом соперничестве ясно держались Юга, другие Северо-Востока, сохраняя главную цель новгородской политики — пользоваться покровительством власти, правившей жизнью Руси, и удержать за собой разрушительную старину. Раздвоение это выражалось сменой посадников, бегством и изгнанием, наконец, казнями и убийствами¹⁴. Пассек еще раз подчеркивает, что «стороны Юга держались Юга потому, что имели свои главнейшие торговые выводы на Юге, а стороны Владимиро-Ростовские в землях Владимиро-Ростовских»¹⁵. Он также улавливал «дух соперничества между боярскими родами» и «личные враждебные отношения» в сословии новгородского боярства¹⁶. Пассек, таким образом, рисует несколько более сложную картину борьбы в новгородском обществе, чем его предшественники, делая акцент на торговых интересах Новгорода — «нашей Англии», по выражению автора¹⁷.

Существенное влияние торговли на политическую жизнь Новгорода XII в. отмечал также А.И. Никитский, по словам которого, «развитие торговой деятельности... содействовало распадению новгородского общества на две партии, на западно- и восточно-русскую». Западно-русская партия ориентировалась на южно-русских князей, а восточно-русская — на северо-восточных¹⁸.

Иной подход у Костомарова. Как и другие историки, он наблюдал в середине XII в. образование партий в Новгороде (причем точно так, как и в Южной Руси), представители которых «думали выигрывать через перемену князей у себя»¹⁹. Это — «партия Ольговичей» и «суздальская партия». Но, говоря о причинах столкновения партий, Костомаров переключает внимание с внешних явлений (княжеские междоусобицы, внешнеторговые связи, поиски даней) на внутренние неурядицы, волновавшие Новгород. «Во множестве смут, происходивших по поводу князей, не видно пружин, двигавших партии, стоявшие за того или иного князя, потому что летописцы скупы на изложение побуждений. Но в некоторых подобных описаниях закрались черты, показывающие, что тут не обходилось без той же постоянной борьбы классов»²⁰. Под классами Костомаров разумел, с одной стороны, «молодших» или «черных» людей, а с другой — «старейших» и «богатых». Между ними «безпрестанно происходили раздоры». Костомаров, следовательно, замечает в Новгороде «не только борьбу равных партий, но и борьбу старейших с меньшими». Сословная борьба переплеталась с партийной: ею нередко пользовались «сами бояре в своих ра-

спрях друг против друга; составлялись между ними противные друг другу партии и старались привлечь на свою сторону черный народ»²¹.

Следующий крупный шаг в изучении политической борьбы в новгородском обществе сделал Рожков, опубликовавший статью с характерным названием «Политические партии в великом Новгороде XII–XV вв.». Замысел Рожкова состоял в том, чтобы историю «учреждений Великого Новгорода» и эволюцию его «политического строя» увязать с «партийной борьбой». Он писал: «Для понимания того исторического процесса, который совершался в вольных городах древней Руси, совершенно необходимо одушевить схему развития их политических особенностей изображением тех настроений и побуждений, под влиянием которых действовали отдельные социальные группы и их представители; необходимо облечь в плоть и кровь безличный процесс политических перемен, введя в круг изучения борьбу партий»²². Исходным хронологическим моментом для своего исследования историк берет княжение Всеволода Мстиславича (1117–1136 гг.). Внешними признаками борьбы партий и перевеса той или другой из них ему послужили «перемены на княжеском столе и в должности посадника»²³. Смена враждующих князей является для Рожкова указанием известного поворота в партийной борьбе²⁴.

По мнению Рожкова, XII в. «был временем, когда слагались первоначальные новгородские партии»²⁵. В рассматриваемое время возникли две партии, объединявшие сторонников и противников суздальских князей. Основное ядро «суздальской партии» составляли бояре, занимавшиеся сперва торговлей, а потом — банкирской деятельностью²⁶. Рожков именует ее аристократической²⁷. В составе партии, противной суздальским князьям, находился «простой народ», купечество и некоторая часть бояр-землевладельцев. Это — «демократическая», или «народная» партия²⁸. Может показаться странным, что в демократическую партию вошел аристократический элемент в лице землевладельческого боярства. Однако Рожков не видит здесь ничего необычного, поскольку интересы «бояр-капиталистов» и «бояр-землевладельцев» расходились, и последние были «близки к черному народу: земледелец и землевладелец всегда ближе друг к другу, чем земледелец к лицу, обладающему движимым капиталом».

Борьба народной и аристократической партий существенным образом сказывалась на положении князя в Новгороде. Благодаря усилиям «демократов» князь лишился права торгового суда, отданного в руки купечества, а вече стало избирать и изгонять князей. Все это резко ограничило власть князя. Вместе с тем князья сумели удержать

за собой ряд существенных прав, судебных, финансовых и административных. «Сохранением этих важных прав князь XII в. был почти всецело обязан содействию боярской партии, больше всего опасавшейся в это время полного торжества черных людей»²⁹.

Рожков вслед за Пассеком, работу которого по новгородской истории он оценивал весьма положительно, делит партии не только по социальному признаку, но и территориальному. Согласно историку, «аристократическая партия группировалась, главным образом, на правом берегу Волхова», тогда как «левый берег его, или Софийская сторона, был, очевидно, средоточием демократической партии».

Несмотря на известную прямолинейность и односторонность положений Рожкова, они частично вошли в научный арсенал советской историографии. Принята, например, была мысль о том, что смена должностных лиц в Новгороде являлась лишь внешним выражением борьбы внутри местной социальной верхушки. «Частая смена, — пишет Мавродин, — новгородских посадников и тысяцких, о которой сообщают новгородские летописи, выдавая эту смену за результат “мятежей” и восстаний, на самом деле отражала лишь борьбу внутри боярско-купеческой олигархии»³⁰.

Особую склонность к объяснению смены князей и посадников в Новгороде борьбой боярских партий питает Янин. Исследователь полагает, что «условия, которые возникли после изгнания Всеволода в 1136 г., в сильнейшей степени способствовали углублению политических противоречий внутри новгородского боярства»³¹. Обследованный Яниным период с 1136 г. до середины 1170-х гг. наполнен «постоянной и незатихающей борьбой различных групп новгородского боярства за власть. Рассматривая ход и обстоятельства этой борьбы, можно говорить о существовании нескольких группировок, каждая из которых не обладает решительными преимуществами в борьбе. Эти группировки блокируются друг с другом и с разными князьями...»³². Примечательно то, что новгородские бояре, борющиеся за власть, опираются не на социальные силы в самом Новгороде, а на людей, сторонних новгородскому обществу, — княжеские группировки, находящиеся в постоянной взаимной вражде. Их тогда было три: «старшие Мономаховичи (Мстиславичи), связанные главным образом со Смоленском, младшие Мономаховичи (Юрьевичи) суздальской линии и черниговские князья из потомства Олега Святославича»³³. Вот эти княжеские семейства и стали теми картами, которыми козыряли бояре в своей политической игре. Но здесь заключен парадокс, ибо князья и бояре преследовали совершенно разные цели. Первые стремились

к «восстановлению монархии», а бояре — к «расширению своей власти». Значит, политика бояр имела в конечном счете антикняжескую направленность³⁴. Однако заполучить власть та или иная боярская партия могла лишь с помощью князя. Отсюда двойственность позиции бояр, приводившая порой к предательству интересов республики³⁵.

Антикняжеская борьба боярства могла быть успешной только при условии собственной консолидации и союза с народными массами, последовательно настроенными антикняжески³⁶. Историческая обстановка являлась таковой, что осуществить это было невозможно, особенно в последнем варианте, поскольку антагонистический характер интересов бояр и народа обозначился достаточно явственно. Поэтому вместо ограничения княжеской власти в Новгороде наблюдалось подчас временное ее усиление³⁷. Расстановка политических сил в XII столетии здесь была такова, что препятствовала перевесу какого-либо одного начала — республиканского или монархического. Вот почему Новгород в XII–XIII вв. «не был аристократической республикой в полном смысле слова, однако он не был и монархией»³⁸.

Наиболее существенным изъяном концепции Янина является, на наш взгляд, мотивировка смены князей и посадников в Новгороде причинами, связанными только с внутрибоярской и междукняжеской борьбой. Лишь эпизодически исследователь выводит на историческую сцену народные массы, чтобы потом снова забыть о них. В результате новгородские бояре оказались прочнее соединены с внешними силами в лице различных князей, нежели со своим обществом³⁹. Такой подход опасен поверхностным прочтением новгородской истории.

Это никоим образом не смущает Подвигину, популяризирующую идеи Янина. Она также говорит о борьбе за власть боярских группировок, прибегавших к помощи различных князей, что оборачивалось усилением княжеской власти⁴⁰.

В.Ф. Андреев тоже признает существование в Новгороде второй половины XII в. боярских политических группировок, связанных с определенными княжескими династиями: «Если во внутриполитической борьбе побеждала прочерниговская группировка, то вече приглашало на княжеский престол представителя черниговской ветви княжеского рода, а посадником становился лидер победившей группировки. Положение менялось, если в городе брали верх сторонники суждальских князей»⁴¹.

Недавно свою версию развития социально-политической борьбы в Новгороде XII–XIII вв. предложил А.В. Петров. В основе его представлений лежит верная, по нашему мнению, мысль о доклассовой

природе новгородского общества, что в значительной мере предопределяло характер социально-политических коллизий в волховской столице. В частности, важное значение имели традиционные отношения вражды и соперничества, генетически восходящие к дуальной организации архаических обществ. Борьба боярских «партий» вокруг высших государственных должностей (княжение и посадничество) разворачивалось на фоне этих отношений, принимая до 80-х гг. XII в. форму борьбы городских сторон, а после указанного рубежа — борьбы концов⁴². Характерной чертой борьбы за государственные должности «было участие в ней на стороне одной из борющихся сил новгородских князей». Поэтому вечевые группировки, притязавшие на власть, объединяли сторонников и противников той или иной княжеской линии: одни из них были привержены черниговским Ольговичам и Давыдовичам, а другие — потомкам Мономаха, Юрьевичам и Мстиславичам⁴³. Вместе с тем Петров отмечает «моменты консолидированного» местного веча, когда ради общегородских интересов новгородцы выступали сплоченно⁴⁴.

Таковы представления историков о социально-политической борьбе в Новгороде середины и второй половины XII в. Думается, что в них есть элемент переоценки сил боярских партий и группировок при смене правителей (да и вообще в политической жизни) и нет должного внимания к соответствующей деятельности новгородской общины в целом, а также рядового свободного люда в отдельности. Перемены в княжении и посадничестве освещаются преимущественно односторонне, как результат борьбы различных групп новгородского боярства за власть и государственные должности. При этом новгородские бояре нередко отрываются от других социальных слоев Новгорода. Наконец, в новейших работах не раскрыта в достаточной мере роль межкняжеской борьбы в перемещениях на новгородском княжеском столе. С мыслью о необходимости исправления отмеченных недостатков мы и обращаемся к изучению вопроса.

§ 2 Отношения новгородского веча с Киевскими Князьями после событий 1136 года. Отношения Новгородских посадников и князей

Изгнав в 1136 г. князя Всеволода Мстиславича, новгородцы пригласили к себе Святослава Ольговича из Чернигова. Эту акцию нельзя правильно понять без учета того, что происходило накануне в Русской земле, где разыгрались княжеские убоицы. Как раз они, по заключению С.М. Соловьева, и «отозвались на севере, в Новгороде Великом»⁴⁵.

Столкнулись два главных противника, втянувшие в «котору» других князей. Это — киевский Ярополк и черниговский Всеволод. Последний разбил Ярополка при Супое и вынудил его заключить выгодный для себя мир⁴⁶. Конечно, то была не простая потасовка князей, поскольку за ними стояли земские силы Киева и Чернигова. Новгородцы внимательно следили за тем, как разворачивались события в Русской земле и даже пытались посредничать с враждующими. Незадолго до рокового для князя Всеволода Мстиславича 1136 г. «ходи Мирослав посадник из Новагорода мирить кыян с черниговьци, и приде, не успев ницто же: сильно бо възмялася вся земля Русская; Яропѣлк к собе зваше новѣгородьце, а черниговьскыи князь к собе; и бишася, и поможе бог Ольговицю с черниговчи, и многы кыяны исече, а другыя изма руками. И не то бяше зло, нѣ более почяста копити вои и Половче и все»⁴⁷. Победителем, стало быть, оказался Всеволод Ольгович, которому, по словам новгородского летописца, сам Бог помогал. И это — не пустая фраза или риторический оборот. Люди Древней Руси верили в то, что побеждал в межкняжеских войнах тот, кому сопутствовало Божье благоволение, а значит на его стороне была и правда⁴⁸. Одержавший крупную победу князь пользовался высокой репутацией, распространявшейся и на его ближайших родичей. Надо было ожидать, что новгородцы отдадут предпочтение Всеволоду Ольговичу и примут от него князя. Так оно и случилось. Соловьев тонко чувствовал данную ситуацию. Он писал: «Князья не помирились при посредничестве новгородцев, но каждый стал переманивать их на свою сторону, давать им, следовательно, право выбора. Новгородцы не замедлят воспользоваться этим правом, но кого же выберут они? Кому Бог поможет, на чьей стороне будет победа? Бог помог Ольговичам при Супое, и противники Мономаховича Всеволода воспользовались этим, чтоб восстать против него»⁴⁹. Тут необходимо добавить, что противником Мстиславича явилась, собственно, вся новгородская община, по крайней мере внешне, ибо «приятели» неугодного новгородцам князя, понимая свою слабость, помалкивали. Поэтому приезд в Новгород Святослава Ольговича нужно рассматривать как волеизъявление если не всего, то подавляющего числа новгородцев, а не какой-то отдельной «партии» или группировки бояр. Этим, вероятно, и объясняется тот факт, что приход Святослава в Новгород не сопровождался немедленной сменой посадника. Им оставался некоторое время (не менее полугода) Костянтин Микульчич, избранный на посадничество в 1135 г. И только после бегства в марте 1137 г. Ко-

стянтина и «инех добрых мужь неколико» к Всеволоду новгородцы «вьдаша посадничити Якуну Мирославицу»⁵⁰.

Характеризуя обстановку в Новгороде после «отставки» Всеволода, Соловьев говорил: «Изгнание Сына Мстиславова и принятие Ольговича не могло пройти спокойно в Новгороде, потому что оставалась сильная сторона, приверженная к Мстиславичам: Новгород разодрался, как разодралась вся Русская земля, по выражению летописца. В год прибытия Святослава Ольговича (1136) уже встречаем известие о смуте: какого-то Юрия Жирославича, вероятно, приверженца Всеволодова, сбросили с моста»⁵¹. Накал политических страстей замечает и Янин: «Весь период посадничества Якуна Мирославича, — пишет он, — протекает в обстановке ожесточенной политической борьбы между сторонниками изгнанного Всеволода и нового князя Святослава. Уже в сентябре 1136 г. новгородцы расправляются с каким-то Георгием Жирославичем, а в самом начале 1137 г. «милостници Всеволожи» совершают покушение на Святослава Ольговича»⁵². Однако расправа с Юрием Жирославичем и покушение на жизнь князя Святослава имели место во время посадничества не Якуна Мирославича, а Костянтина Микульчича. Что касается убийства Юрия Жирославича, то у нас нет оснований ставить ее в связь с борьбой против княжения Святослава Ольговича. Слишком скупа для этого летописная запись, которая констатирует лишь факт казни Юрия, не давая никаких объяснений на сей счет. По нашим наблюдениям, первые месяцы правления в Новгороде Святослава Ольговича проходили при относительно спокойствии жителей волховской столицы. Но в конце 1136 — начале 1137 гг. раздоры по поводу княжения Святослава Ольговича стали проявляться все более явственно. Однако противники Святослава оказались на грани поражения, чреватого для них огромными неприятностями. Поэтому они во главе с посадником Костянтином и побежали из Новгорода. К посадничьей власти пришел Якун Мирославич, входивший в круг доброхотов черниговского князя, что укрепило положение последнего. И все же через год с небольшим Святослава, «сына Ольгова», новгородцы «выгнаша» из своего города. Причина его изгнания заключалась не столько в том, что того хотела «анти-черниговская партия» сколько в том, что княжение Святослава не дало новгородцам внешнего и внутреннего мира. У них, по свидетельству летописца, «не бе мира с пльсковичи, ни с сужьдальци, ни с смольняны, ни с полояны, ни с кыяны». Размирье с соседними волостями отрицательно сказывалось на подвозе хлеба в Новгород, от-

чего хлебные цены повысились: «И стоя все лето осмынька великая по 7 резан». К тому же начались знамения, которым наши предки придавали особое значение: в марте 1138 г. «бысть гром велии, яко слышахом чисто, въ истьбе седяще». Все это и предопределило падение Святослава⁵³. Согласно новгородской летописи «яша на пути смоляне и стрежахуть его на Смядине в монастыри»⁵⁴. В Ипатьевской же летописи содержится иная версия, по которой смоляне «прияша» Ольговича⁵⁵. Трудно сказать, какое из летописных известий справедливо. Но ясно одно: новгородцы и смоляне действовали с некоторой осторожностью, с оглядкой на южные дела, «жидуше оправы Яропльку с Всеволодом»⁵⁶. Неизвестность исхода борьбы Ярополка Владимировича со Всеволодом Ольговичем побудила, видимо, новгородцев обратиться с приглашением на княжение к Юрию Долгорукому. Тот откликнулся на их зов и послал в Новгород своего сына Ростислава. Подоплеку перемен на новгородском княжеском столе верно угадал Соловьев. Он отмечал, что «Новгород, соображаясь с переменною, следовавшею на юге в пользу Ольговичей, сменяет Мономаховича; будучи приведен этою сменою в затруднительное положение, он находит средство выйти из него без вреда себе и унижения: он может помириться с Мономаховичами, не имея нужды принимать опять Мстиславича; он может отдаться в покровительство Юрия Ростовского, взять себе в князья его сына; Юрий защитит его от Ольговичей, как ближайший сосед, и примирит с Мономаховичами, избавив от унижения принять Святополка, т.е. признать торжество псковичей; наконец призывание Юрьевича примиряло в Новгороде все стороны; для приверженцев племени Мономаха он был внук его, для врагов Всеволода он не был Мстиславичем; расчет был верен, и Ростислав Юрьевич призван на стол новгородский, а Святославу Ольговичу указан путь из Новгорода»⁵⁷.

В Киеве меж тем сменились князья. После смерти Ярополка в 1139 г. киевский стол захватил Всеволод Ольгович. Юрий Долгорукий не хотел «попустить» Киев Всеволоду и, приехав в Смоленск, стал звать оттуда новгородцев в поход на Ольговича. Но те «не послуша его. И тьгда бежа Ростислав Смоленську к отцю из Новагорода», а Юрий, разгневавшись, отправился обратно в Суздаль, «възя Новый тьрг»⁵⁸. Бегство Ростислава из Новгорода скорее было обусловлено отказом новгородцев в помощи его отцу против занявшего киевский стол Всеволода, чем кознями так называемой «прочерниговской партии»⁵⁹. Новгородский стол опустел, что развязало политические страсти в городе: «Бмятежь в Новегороде». Решено было снова принять князем Святосла-

ва Ольговича: «И послашася новгородци Киеву по Святослава по Ольговица, заходивъше роте»⁶⁰. Видно, решение это далось не просто, ибо пришлось его скрепить присягой («ротой»), принятой, наверное, на вечевом сходе. Всеволод, конечно, знал о «политической нестабильности» в Новгороде и поэтому требовал гарантий со стороны новгородцев. Довольно любопытным в этой связи является известие Лаврентьевской летописи: «Пустиша Новгородци Гюргевича от себе, а ко Всеволоду пустиша дети свое в тали, рекуще пусти к нам Святослава»⁶¹. Новгородцы, следовательно, в качестве заложников отправили в Киев собственных детей. И Святослав «вниде» в город. Здесь в качестве посадника он встретил старого своего «приятеля» Якуна Мирославича, который оставался на этой должности и при Ростиславе Юрьевиче⁶². Янин следующим образом объясняет этот факт: «С политической точки зрения союз с Суздалем означает компромисс между сторонниками Чернигова и сторонниками Мстиславичей. Отражением этого компромисса, между прочим, являются сохранение посадничества за Якуном Мирославичем в период изгнания Святослава Ольговича, а также... политическая непоследовательность в этот период»⁶³. Это, конечно, догадка. С большей уверенностью мы можем говорить о том, что между сменяемостью посадников и переменами на новгородском княжеском столе не было столь жесткой зависимости, о которой рассуждают Янин, Подвигина и другие исследователи. Отсюда заключаем, что в судьбах посадничества и княжения главную роль играла новгородская община в целом, а не отдельные группы («партии») бояр, как кажется упомянутым ученым.

Повторное княжение Святослава Ольговича в Новгороде началось с гонений на недругов князя. Новгородцы, если судить по некоторым летописным нюансам, воспринимали их как злое, противное небесным силам деяние. Недаром непосредственно перед рассказом о пострадавших от Святослава новгородских мужах помещено известие о мрачном знамении: 20 марта 1140 г. «бысть знамение в солнчи, и толико оста его, якоже бываетъ месяц 4 днии, и паки до захода напълнися»⁶⁴. А далее говорится о том, что «поточиша Киеву к Всеволоду Коснятина Микульциця, и паки по нем инех муж б, оковавъше, Полюда Къснятиниця, Дъмьяна, инех колико»⁶⁵. Кое-кому удалось спастись бегством и укрыться в Суздале. Положение Святослава в городе было шатким. И вот тут, по словам новгородского летописателя, «придоша ис Киева от Всеволода по брата Святослава вести Киеву; “а сына моего, рече, примите собе князя”. И яко послаша епископа по сына его и много лепших людий...». Приведенное летописное известие по-

будило Янина к далеко идущим выводам: «Спустя каких-нибудь три года после восстания 1136 г. практически возрождается старая схема взаимоотношений с великокняжеской властью: Новгородский князь Святослав — родной брат Киевского Князя и его ближайший союзник. Эта ситуация создает условия для активного вмешательства Великого Князя в новгородские дела, но она также ведет и к обострению антикняжеской борьбы. Оба указанные следствия хорошо видны в событиях 1141 г., когда Всеволод Ольгович отзывает Святослава из Новгорода и пытается вместо него навязать своего сына»⁶⁶. Янин почему-то не учитывает свидетельства других летописей, по-иному освещающих события 1141 г. Лаврентьевская летопись, например, сообщает: «Новгородци выгнаша Святослава и ко Всеволоде прислаша епископа с мужи своими, рекуще даи нам сын свои, а Святослава не хотим»⁶⁷. С большей подробностью повествует о происшествии в Новгороде Ипатьевская летопись: «Выгнаша Новгородци Гюргевича Ростислава и испросиша у Всеволода брата Святослава в Новгород и посадиша и Новгороде. По мале же времени почаша въставити Новгородци у вечи на Святослава про его злобу. Он же узрев, еже въставають на нь Новгородьци, посла к брату Всеволоду, река ему тягота, брате, в людех сих, а не хочю в них быти, а кого тебе любо, того послѣ». Пока Всеволод собирался отправить в Новгород на княжение своего сына вместе с новгородскими «лепшими мужами», находящимися в Киеве, новгородцы «в вечи» стали избивать «приятеле Святославле про его насилье». Тогда перепуганный князь «бежа и с женою и с дружиною своею на Полтеск Смоленску, и се слышав Всеволод не пусти сына своего Святослава, ни мужии Новгородьских, иже то бы привел к собе». Новгородцы направили в Киев новую депутацию: «Прислаша Новгородци епископа с мужи своими к Всеволоду, рекуче даи нам сын свои, а Святослава, брата твоего, не хотим, и посла к ним сын свои...». Но новгородцы передумали и сказали Всеволоду: «Не хотим сына твоего, ни брата, /но хотим/ племени Володимеря»⁶⁸. Они просили дать им всеволодова шурина, князя Святополка Мстиславича, брата изгнанного из Новгорода в 1136 г. Всеволода Мстиславича. Ольгович же не хотел «перепустити Новагорода Володимерь племени»⁶⁹.

Сравнивая свидетельства Ипатьевской и Лаврентьевской летописей с Новгородской Первой летописью, убеждаемся, что новгородский летописец сгладил острые углы и перенес вину с новгородцев на Всеволода, изобразив его инициатором смены князей на местном столе, но тут же проговорился, рассказав о том, как Святослав, «убоявсья новгородьць», бежал «отай в ночь»⁷⁰.

Можно предположить, что новгородцы, не стерпев «злобы» и «насилья» Святослава, выпроводили его с безчестьем от себя. И Всеволод Ольгович не имел сил, чтобы воспрепятствовать изгнанию брата и посадить вместо него на княжение своего сына. О каком тогда «вмешательстве в новгородские дела» Великого Князя киевского и «возрождении старой схемы взаимоотношений с великокняжеской властью» может идти речь? Надуманность подобных рассуждений очевидна. Столь же искусственным представляется тезис об «антикняжеской борьбе» новгородцев. Именно отсутствие князя в городе («и седеша без князя 9 месяц»⁷¹) не устраивало население Новгорода, о чем узнаем из Ипатьевской летописи, где говорится о том, что новгородцы, «не стерпяче без князя седети, и ни жито к ним не идяше ни отколе же, и послаша Гюргеви мужи своя и пояша Ростислава Гюргевича и посадиша Новгородъци с великою честью Новегороде...»⁷². Новгородцы, следовательно, боролись не против князей и княжеской власти вообще, а против конкретных правителей, которые по тем или иным обстоятельствам их не устраивали. Вот почему эту борьбу, вопреки В.Л. Янину, нельзя называть антикняжеской.

Ростислава Юрьевича новгородцы приняли вынужденно. Но едва они услышали, «яко Святопѣлк идеть к ним съ всеми людьми их, и яша Ростислава, и въсадиша в епископлѣ двор, седевьша 4 месяци. В то же лето (1142) въниде Святопѣлк Новугороду, 19 апреля; и пустиша Ростислава к отцю»⁷³. Всеволод Ольгович, согласившись, наконец, дать новгородцам в князья Святополка, выбрал из двух зол меньшее: княжение в Новгороде своего шурина для него было предпочтительнее, чем княжение Ростислава — сына враждебного ему Юрия Долгорукого. А чем управлялись новгородцы, настаивая на приезде к ним Святополка? Янин верно, на наш взгляд, уловил мотивы их поведения: «Наиболее желательным претендентом на новгородский стол, иными словами претендентом, пользовавшимся наиболее сильной поддержкой в Новгороде, был родной брат изгнанного в 1136 г. Всеволода Святополк Мстиславич, преимуществом которого было изгойство. В случае его избрания на новгородский стол он мог бы стать князем, независимым от Киева и сильного Суздаля»⁷⁴. Приняв это наблюдение Янина, подчеркнем, что оно как раз и опровергает мысль о «партийных» пружинах механизма смены князей в Новгороде, указывая на общие интересы новгородской общины как главный рычаг княжеских переворотов в волховской столице. В том же направлении ведут нас перемены в посадничестве, имевшие место на протяжении княжения Святополка Мстиславича.

После бегства Святослава Ольговича в 1141 г. из Новгорода и экзекуции, учиненной над Якуном Мирославичем, посадничество перешло к Судиле. Он был избран посадником в отсутствие князя. Отсюда Янин заключил: «До приглашения князя ему принадлежали обе власти — посадничья и княжеская»⁷⁵. Думаем, это невозможно, поскольку для того, чтобы располагать княжеской властью надо было принадлежать к княжескому роду. Точно также, чтобы стать посадником, необходимо было относиться к боярству. Нельзя забывать об особенностях представлений о власти на Руси той поры, пронизанных архаическими воззрениями, свойственными древним обществам. Варварскому сознанию, которое еще цепко держалось в головах древнерусских людей, чужд был взгляд на человека как абстрактное существо. «Человек — это всегда конкретный представитель определенной социальной группы, общественного статуса, присущего данной группе, и от этого статуса зависит общественная оценка человека»⁷⁶. Принадлежность к группе являлось также мерилom человеческих возможностей. Вот почему осуществлять княжескую власть мог только князь, но не боярин, даже если он находился в должности посадника. В противном случае не понять, отчего новгородцы так настойчиво искали себе князей.

Посадничество Судилы не прервалось с приходом Ростислава Юрьевича; оно продолжалось и с вокняжением в Новгороде Святополка Мстиславича. Но в 1144 г. новгородцы «даша посадничество Нежате Твърдятицю»⁷⁷. В 1146 г. посадничество у Нежаты было отнято и передано Костянтину Микульчичу, после смерти которого посадником опять стал Судила Иванкович⁷⁸. Янину «причины перемен в посадничестве не ясны, так как посадничество всякий раз переходит к кандидатам одной и той же античерниговской группировки. Вполне вероятно, что перечисленные посадники в действительности и не составляли единой группировки, а лишь внешне были объединены совместной борьбой против сторонников черниговской ориентации»⁷⁹. Последнее соображение делает безпочвенным утверждение о тесной связи смены посадников с переменами на княжеском столе, происходящими якобы, как правило, в результате борьбы боярских группировок, рвущихся к власти. Чтобы выйти из затруднительного положения, Янин вынужден предположить «существование временной античерниговской коалиции разнородных боярских групп»⁸⁰. Однако есть возможность взглянуть на вопрос проще и в соответствии с летописными известиями. Уходу с посадничества Судилы

предшествовали стихийные бедствия. Летописная статья, помеченная 1143 г., начинается таким сообщением: «Стояше вся осенина дъждева, от Госпожина дни до Корочюна, тепло, дъжг; и бы вода велика вельми в Волхове и всюде, сено и дръва разнесе; озеро морози в ночь, и растьрза ветр, и вънесе в Волхово, и поломи мост, 5 городне отинудь бе-знатбе занесе»⁸¹. В следующем году «погоре Хълм весь и церкы Святого Илье». На фоне этих бедствий Судила и был отстранен от посадничества. И все же несчастья продолжались. В 1145 г. «стояста 2 недели пълне, яко искря гуце, тепле велми, переже жатвы; потомъ наиде дъжгъ, яко не видехом ясна дни ни до зимы; и много бы уйме житъ и сена не уделаша; а вода бы больши третьяго лета на ту осень; а на зиму не бысть снега велика, ни ясна дни, и до марта»⁸². Вскоре новгородцы избрали нового посадника. Упомянутые перемены в посадничестве, по нашему мнению, были обусловлены бедами, о которых говорит новгородский летописец. Для подобного предположения есть определенные основания.

В древности люди наделяли правителей способностью управлять природой, вызывать дождь или засуху. Поэтому, когда выпадало слишком мало или много дождей, виновными считались вожди, которых либо низлагали, либо умерщвляли. Неурожаи, порождавшие голод, неудачные войны, пожары воспринимались как неоспоримое свидетельство дурных качеств правителя, не справляющегося со своими обязанностями по обеспечению безопасности и благосостояния общества. Такого рода представления существовали у множества народов мира⁸³. Их элементы находим и в общественном сознании новгородцев. Конечно, в них нет прямого тождества с верованиями древних, но сходство, хотя и весьма отдаленное, здесь присутствует.

Таким образом, смещение с посадничества Судилы и Нежаты надо рассматривать как средство, с помощью которого новгородцы, следуя языческим традициям, пытались покончить со стихийными бедствиями и восстановить благоденствие своей общины⁸⁴. Аналогичную практику обращения новгородцев с правителями мы уже видели; будем наблюдать ее и позже⁸⁵.

Святополк Мстиславич княжил в Новгороде до 1148 г., когда «пришла Изяслав ис Кыева сына своего Ярослава, и прияша новгородьци, а Святопълка выведе злобы его ради»⁸⁶. Неизвестно, в чем заключалась «злоба» князя. Ясно только, что новгородцы расстались с ним без сожаления. Весной 1154 г. они изгнали князя Ярослава и «въведеша» Ростислава Мстиславича, брата выведенного из Новгорода в 1148 г.

Святополка. Однако в ноябре 1154 г. умер в Киеве Великий Князь Изяслав, и Ростислав поспешил туда, оставив вместо себя в Новгороде сына своего Давыда. И тогда «възнегодоваша новгородци, зане не створи им ряду, нъ боле раздъра, и показаша путь на немъ сынови его». А затем «послаша владыку Нифонта съ передьними мужи к Гюргеви по сын, и въведоша Мьстислава, сына Гюргева»⁸⁷.

Обращение к Юрию было, по всей видимости, следствием изменения внешнеполитической обстановки, произошедшей со смертью Изяслава Мстиславича, много раз защищавшего Новгород от Юрия Долгорукого, который нападал на новгородские земли, блокировал торговлю новгородских купцов с соседними волостями, ближними и дальними, загораживал пути, ведущие к данникам, отнимал у новгородцев дани. «Се стрьи мои Гюргии из Ростова, — говорил Изяслав, — обидить мои Новгород и дани от них отоимал и на путех им пакости дееть, а хочю поити на нь»⁸⁸. Ипатьевская летопись запечатлела яркие сцены пребывания Изяслава в Новгороде в 1148 г. Отстояв обедню в церкви Святой Софии, князь послал «подвоискеи и бириче по улицам кликати, зовучи ко князю на обед от мала и до велика, и тако обедавшие веселишася радостью великою, честию разидошася в своя дома, на утрии же день послав Изяслав на Ярославль двор и повеле звонити, и тако Новгородци и Плесковичи снидошас на вече и рече им: “Се, братье, сын мои вы прислалися есте ко мне, оже вы обидить стрьи мои Гюрги, на есьм пришел семо оставя Рускую землю вас дея и ваших дея обид, а гадаите на нь, братье, како на нь поити, а любо с ним мир возмем, паки ли с ним ратью кончаимы”. Они же рекоша: “Ты наш князь, ты наш Мьстислав, ради с тобою идем своих дея обид”. И тако разидошася»⁸⁹. Состоялся поход, во время которого много зла «сотвориша» юрьевой волости⁹⁰. После смерти Изяслава князь Юрий стал для Новгорода еще более опасен. К тому же перед Юрием открывалась реальная возможность занять киевский стол. Сообразив все это, новгородцы и «послаша к Гюргеви» за князем.

§ 3 Политический статус Новгородского князя и Новгородского посадника в условиях внутриполитической борьбы второй трети XII века до смерти Великого Князя Андрея Юрьевича Боголюбского

Между 1148 и 1155 гг. на новгородском столе, как мы знаем, помещалось несколько князей: Святополк Мстиславич, Ярослав Изяславич, Ростислав Мстиславич и Мстислав Юрьевич. При всех назван-

ных князьях посадником оставался Судила Иванкович, избранный на должность за год (1147) до ухода Святополка и лишенный ее через год (1156) после прихода Мстислава⁹¹. Факт примечательный, свидетельствующий об отсутствии непосредственной связи перемен в княжении и посадничестве, а следовательно, и обусловленности занятия княжеского стола борьбой боярских «партий».

Согнав в 1156 г. Судилу с посадничества, новгородцы избрали на его место Якуна Мирославича. Янин посвящает этому событию следующий комментарий: «На первый взгляд, это весьма неожиданное сочетание: сын Юрия Долгорукого оказывается в союзе с врагом Юрия — Якуном, подвергшимся за 15 лет до того публичному позору, избитым, закованным в цепи и жившим из милости на дворе суздальских князей. Однако мы уже видели, что за прошедшее с тех пор время политические привязанности враждующих боярских группировок заметно изменились. Судила, в 1141 г. выступивший на стороне суздальского князя, уже в 1142 г. поддерживает Мстиславичей, когда их союз с Суздалем прекратил существование. Такую же эволюцию пережил и Нежата, вместе с Судилой стоявший на стороне Юрия Долгорукого, когда тот выступал против черниговских князей, и порвавший с ним, когда Юрий стал поддерживать черниговцев. Коль скоро обстоятельства привели к падению в Новгороде Мстиславичей, вместе с ними должны были утратить власть и все группы боярства, выступавшие в их поддержку, а к власти должен был прийти тот круг, с которым связан Якун Мирославич. В то же время приход Якуна к власти может быть результатом и более глубоких причин. Его выдвижением посадничеству придавался тот закономерный характер, который лежит в основе этого института, характер боярской власти, противостоящей власти князя»⁹². Янин, как видим, неоднозначно толкует причины «прихода Якуна к власти». Эта неоднозначность идет, на наш взгляд, не столько от противоречивости исторической действительности, сколько от противоречия ее концепции историка. В частности, не согласуется с ней идея противостояния боярской посадничьей власти княжеской, ибо посадничество дополняло княжение, а отнюдь не противостояло ему. Князь в Древней Руси не являлся еще монархом и представлял собой высшее лицо в системе общинной власти⁹³. В Новгороде XII в. княжение и посадничество — органы республиканской власти, действующие слаженно, а не в противовес друг другу. Разумеется, это не исключало конфликты между отдельными князьями и посадниками. Но нельзя вражду лиц превращать в противоборство институтов.

Быстро меняющиеся «политические привязанности» претендентов в посадники, фиксируемые Яниным, подрывают идею о существовании в Новгороде изучаемого времени устойчивых боярских групп, придерживающихся определенной политической ориентации, выступающих на стороне какой-нибудь отдельной княжеской линии. На фоне столь головокружительной политической эволюции, которую, скажем, пережил Судила, эти группы теряют рельефность, ускользая от взора исследователя.

Но что на практике означает заключение союза группой Якуна или Судилы-Нежаты-Костянтина то с Суздалем, то с Мстиславичами? Это, как правило, означает, что в Новгороде на княжеский стол садится ставленник Юрия Долгорукого или кто-то из Мстиславичей. Но тогда возникает вопрос, почему вокняжение в Новгороде представителя нечерниговской княжеской линии следует рассматривать как поддержку черниговских князей или же как проявление негативного отношения к ним. Не правильнее было считать, что новгородцы в одном случае склонились на сторону Мстиславичей, а в другом — на сторону суздальских князей. К тому же черниговские князья не являлись постоянно сплоченной корпорацией, разделяясь на Ольговичей и Давыдовичей, находившихся порой во взаимной вражде. С ними попеременно, от случая к случаю, вступали в союз Мстиславичи и Юрий Долгорукий⁹⁴. Уже это обстоятельство, не говоря об иных, должно предостеречь от «четких» разграничений новгородского боярства на прочерниговскую и античерниговскую группировки.

Правление Мстислава Юрьевича в Новгороде закончилось в 1157 г. Летописец сообщает некоторые подробности смещения князя: «Бысть котора зла в людех, и въсташа на князя Мьстислава на Гюргевиця, и начаша изгонити из Новагорода, тьрговьи же пол сташа в оружии по немь; и съвадишася братья, и мост переимаша на Вьлхове, и сташа сторожи у городьних ворот, а друзии на ономъ полу, малы же и крѣви не прольаша меж собою. И тьгда вънидоста Ростиславиця, Святослав и Давыд; и на ту нощь бежа Мьстислав из города. По трьх днехъ въниде Ростислав сам, и сънидошася братья, и не бысть зла ничтоже»⁹⁵. Что побудило часть новгородцев выступить против Мстислава? Соловьев дал такой ответ на этот вопрос: «Утверждение самого Юрия на столе киевском утвердило и сына его на столе новгородском. Но... Юрий недолго был спокоен в Киеве, недолго спокойствие могло сохраняться и в Новгороде: союз всех трех Мстиславичей и Давыдовича против Юрия, как видно, послужил знаком к восстанию стороны Мстислави-

чей и в Новгороде»⁹⁶. У нас нет уверенности в том, что летописец излагает последовательность событий в полном соответствии с их действительным ходом. Поэтому не исключено, что, помимо беспокойного положения Юрия в Киеве, о чем говорил Соловьев, к изгнанию Мстислава новгородцев подтолкнуло известие о смерти Долгорукого. Нашу догадку подкрепляет Никоновская летопись, где читаем: «Новгородци же слышавше преставление Великого Князя Киевского Юрья Долгорукаго Владимирича Маномаша, и яко по немь сяде на великом княжении в Киеве князь велики Чръниговский Изяслав Давыдовичь, и начата высылати из Новаграда князя своего Мстислава Юрьева сына Долгорукаго, таже послаша множество воинства вооруженых на него, да въскоре изыдетъ из града; "послахом бо, глаголюще, по князя Святослава Ростиславича и по брата его по князя Давыда Ростиславичя, и тогда ти будеть всячески неуютно". ...приидоша бо в той день князь Святослав Ростиславичь и брат его князь Давыд Ростиславичь. И слышав князь Мстислав Юрьев сын Долгорукаго, и побеже той ноши из Новагорода в Ростов, к болшему брату своему князю Андрею Боголюбивому»⁹⁷.

Несмотря на изменения в отношениях Новгорода с князьями после 1136 г., новгородцы по давней традиции еще считались с саном Великого Князя киевского. В «Истории Российской» Татищева приведен интересный в этой связи эпизод переговоров суздальского князя с Новгородом. Дело было в 1148 г.: «Новгородцы, видя великие распри и несогласия междо князи, а Юрий Ростовский, непрестанно на области их нападаая, разорял, купцов грабил и своих не пусчал, послали епископа Нифонта и с ним бояр знатных ко Юрию в Суздаль просить о мире. Юрий же, приав епископа с честию, и по просьбе его торжан всех с ним отпустил. А о мире договориться не могли, понеже Юрий требовал, чтобы новгородцы ему ротою обсченародною утвердили, дабы им, взяв сына его на княжение, и впредь, кроме его наследников, не принимать. А новгородцы в том стояли, что они Владимиру, отцу его, и потом старейшему брату его Мстиславу о наследниках его роту дали и пременить без тяжкого греха не могут; наипаче же, что Новгород издревле принадлежит Великому Князю, и если Юрий будет на великом княжении в Киеве, тогда будет и Новгород в его воли, кого хочет, того им даст»⁹⁸. Действительно, с великими киевскими князьями, которым правление в поднепровской столице давало старейшинство над другими Рюриковичами, новгородцы считались, что видно на примере Всеволода Ольговича, Изяслава Мстиславича, Юрия Долгорукого и

других. Но это не было подчинение Киеву, которое мы наблюдали до 1136 г. Поэтому трудно согласиться с Яниным, когда он рассуждает о «реставрации старых порядков, конец которым был положен восстанием 1136 г.», в период правления Мстиславичей в Киеве. Довод у автора тот, что «князья уходят из Новгорода по своему желанию или по желанию Великого Князя. Договор с Новгородом как будто не имеет для них значения»⁹⁹. Но существо «старых порядков» состояло не в нарушении ряда с Новгородом тем или иным правителем, а в наместническом характере власти присылаемых из Киева князей. Именно с наместничеством на новгородском княжеском столе было покончено в первую очередь событиями 1136 г., после чего оно на протяжении всего домонгольского периода не возобновлялось, возродившись лишь в эпоху формирования Московского государства.

Рассказ летописца о «каторе» 1157 г. в Новгороде ценен тем, что показывает причастность к переменам на княжеском столе широких масс новгородцев. Конечно, мы вправе предположить и активные действия бояр, возглавлявших в качестве местных лидеров эти массы. Но решающую роль в событиях следует отвести все-таки народу. Политическую борьбу боярства можно сравнить с обертоном, придающим основному тону народных движений дополнительный оттенок и окраску. Драматизм столкновения 1157 г. в Новгороде заключался в расколе народа на две противоборствующие части, причем разделение легло по сторонам — Софийской и Торговой. Перед нами первое и единственное летописное свидетельство о социально-политической борьбе и соперничестве двух сторон Новгорода в XII в. Янин и Подвигина усматривают в нем «первое указание на территориальную принадлежность боярских группировок»¹⁰⁰. А.В. Петрова оно привело к мысли о том, что «прослеживаемая в Новгороде с 30-х годов XII в. борьба двух вечевых “партий” — “античерниговской” и “прочерниговской” — за посадничество (и за княжеский стол) являлась борьбой двух сторон волховской столицы»¹⁰¹. Истоки противостояния новгородских сторон Петров относит «к первобытной традиции деления поселений на дуальные половины, находящиеся в ритуальной вражде и соперничестве друг с другом. Во взаимоотношениях новгородских сторон отчетливо проступают следы архаического противостояния дуальных фратрий». Историк обнаружил очень существенную деталь, обогащающую наши представления о социально-политической борьбе в Новгороде XII столетия. И в этом его заслуга. Но не стоит, как нам думается, борьбу и соперничество сторон превращать в принцип,

затмевающий другие не менее важные элементы, представленные в политических коллизиях того времени. Что касается «территориальной принадлежности боярских группировок», в плане симпатий к князьям, то она весьма условна, поскольку, согласно собственному признанию Янина, «политические привязанности отдельных боярских групп могли резко меняться»¹⁰².

Межволостные и межкняжеские отношения все сильнее втягивали в свой водоворот Новгород, вынуждая его принимать участие в делах различных земель, расположенных иногда далеко от Новгородской волости. В 1145 г., например, новгородцы во главе с воеводой Неревиним ходили походом на Галич, помогая «кыяном»¹⁰³. Под 1159 г. Ипатьевская летопись повествует о том, как Ростислав Мстиславич послал к Рогволоду полоцкому «два сына в помочь, Романа и Рюрика, и Вnezда и Смолняны и Новгородци и Плесковичи и сам бяше пошел, но вороти и Аркад, епископ Новгородский, ида ис Киева»¹⁰⁴. Новгородцы, бывало, играли важную роль в княжеских переговорах, предметом которых являлись крупнейшие вопросы, в том числе относящиеся к замещению княжеского стола в Киеве. Выразительное известие на сей счет, помеченное тем же 1159 г., читаем в Ипатьевской летописи. Князья-союзники, Владимир и Ярослав «послаша Ростислава Смоленську, вабячи и Киеву на стол, целовали бо бяху к нему хрест преже, яко тебе его ищем. Ростислав же посла к ним Ивана Ручечника и Якуна, от Смолнян мужа и от Новгородецъ»¹⁰⁵. Участие представителя новгородцев Якуна в столь важном посольстве говорит об отношениях приязни и сотрудничества в данный момент между Ростиславом и жителями Новгорода. Именно этим согласием, а не попыткой «возрождения антиреспубликанской схемы взаимоотношения Новгорода и князя», как полагает Янин, надо объяснять вокняжение у новгородцев Ростиславова сына Святослава. Однако оно скоро нарушилось, что, конечно же, не могло не сказаться на судьбе Ростиславича. И вот в 1160 г. «прияша новгородьци Ростиславица Святослава, и поправиша и в Ладогу, а княгыню въпустиша в манастирь Святых Варвары, а дружину его в погреб вьсажаша; и введоша Мьстислава Ростиславица, вьнука Гюргева... и ведоша Святослава в Ладогу, и оттоле бежа в Смолньск»¹⁰⁶. Изгнание Святослава Ростиславича, как это запечатлено в летописном рассказе, — дело рук всех новгородцев, а не боярских группировок или «партий».

Более опасными для Новгорода были политические притязания Андрея Боголюбского, нежели Ростислава Мстиславича. Довольно от-

кровенно Андрей однажды заявил новгородцам: «Хочю искати Новгорода и добром и лихом, а хрест есте были целовали ко мне на том, яко имети мене князем себе, а мне вам хотети»¹⁰⁷. Жителей Новгорода сильно встревожили эти слова, «и оттоле начашас Новгородци мясти и вече начаша часто творити»¹⁰⁸. Но нельзя сказать, чтобы угроза князя слишком уж напугала Новгород, парализовав его волю. Новгородцы не раз показывали свой норов Андрею, и тот вынужден был отступать. Когда по изгнании Святослава они обратились к нему с просьбой прислать князя, «Андрей же поча даяти им Мстислава, брата своего, они же его не всхотеша и посла к ним сыновця своего Мстислава Ростиславича»¹⁰⁹. Властолюбивый правитель затаил обиду на новгородцев и, видимо, в пику им сговорился о новгородском княжении с киевским Великим Князем Ростиславом, в результате чего Мстислав Ростиславич покинул Новгород, а изгнанный годом раньше Святослав был принят опять «на всей воли его»¹¹⁰, т.е. на условиях, продиктованных прибывшим князем. То был чувствительный удар по новгородской «воле в князьях»¹¹¹. Похоже, что одним из условий Святослава являлась смена посадника. Нежата, враждебно настроенный по отношению к возвратившемуся князю и доставивший ему немало неприятностей прежде, потерял посадничество. На его место сел Захарий¹¹². «Горько и непривычно, — писал по этому поводу И.Д. Беляев, — было новгородцам видеть у себя князя не на их воле и не по народному избранию, чего у них прежде не бывало. Да и Святослав, в прежнее время уступчивый, теперь стал действовать иначе; он, вероятно по согласию с Андреем Боголюбским, начал править Новгородом именно по своей воле, а не по воле вольных Новгородцев»¹¹³. Отношения Святослава с новгородцами достигли такой степени напряженности, что потребовалось вмешательство его отца Ростислава¹¹⁴, который в 1166 г. «на зиму приде ис Киева на Луки, и позва новгородьце на поряд: огнищане, гридь, купце вячшее»¹¹⁵. Но умиротворить новгородцев он не успел, ибо «ту ся разболе сам, и воротися опять, и преставися на пути». Правда, Ипатьевская летопись рассказывает о некоторых позитивных результатах «порядка»: «Посла (Ростислав. — И.Ф.) сыну Святославу Новугороду, веля ему възъехати противу собе на Луки, бе бо уже Ростислав нездравуя велми, и ту снимася на Луках с сыном и с Новгородци, и целоваша Новгородци хрест к Ростиславу Мстиславичу на том, якоже имети сына его собе князем, а иного князя не искати, оли ся с ним смертью розлучити, и много даров взя у сына и у Новгородець и оттуде възвратися Смоленську»¹¹⁶. Достоинно внимания то, что Ростислав получил от нов-

городцев обещание, скрепленное крестоцелованием, держать у себя на княжении Святослава до гроба. Если в предшествующие событиям 1136 г. времена новгородцы сами были заинтересованы в том, чтобы у них князья сидели как можно дольше, то теперь это чаще соответствовало стремлениям князей.

Кончина Ростислава означала для сына крушение планов, связанных с новгородским княжением. Святослав, понимая, что дни правления его сочтены, не дожидаясь неприятностей, «выиде из Новгорода на Луки, и присла в Новъгород, яко “не хоцю у вас княжити”. Новгородьци же целовавъше Святую Богородицю, яко “не хощем его” идоша прогнать его с Лук»¹¹⁷. Здесь в действии вся новгородская община. Она не лишена разногласий, о чем догадываемся по «целованию Св. Богородицы» — мере, призванной сплотить новгородцев в предстоящей борьбе с отвергнутым князем. Несомненно, что все это происходило на вече. Там же было решено отправить посольство в Киев к Мстиславу Изяславичу «по сын». Святослав меж тем, поддержанный Андреем Боголюбским, сжег Новый торг и села окрестные разорил. Конфликт приобрел межволостной характер, когда Андрей «сложился» на Новгород «с смоляны и с полоцканы, и пути заяша, и сълы изымаша новгородьскыя вьсьде». Коалиционные силы хотели Новгороду навязать Святослава: «Нету вам князя иного, разве Святослава». Активизировались «приятели» Святослава в самом Новгороде. Их новгородцы жестоко покарали: «И убиша Захарию посадника и Неревина и Несду бириця, яко творяхуть е перевет дръжаше к Святославу». Вместо казненного Захарии посадником стал Якун. Но князя все не было. «И седеша новъгородци без князя от Сменя дни до велика дни о Якуне, жьдуче от Мьстислава сына»¹¹⁸. Безкняжие в Новгороде продолжалось не меньше семи месяцев. Наконец, 14 апреля 1168 г. князь Роман Мстиславич вошел в город, «и ради быша новгородьци своему хотению»¹¹⁹. Новгород на этот раз устоял в борьбе с Андреем Боголюбским. Однако в 1169 г. «самовластец» Суздальской земли собрал большую рать и двинул ее на Новгород: «Придоша под Новъгород суждальци с Андреевицемь, Роман и Мьстислав с смольняны и с торопыцканы, муромцы и рязаньци с двема князьма, полоцкыи князь с полоцканы, и вся земля просто Руская. Новгородьци же стаха твърдо с князи Романе с Мьстиславлици, о Изяславли вьнуце, и о посаднице о Якуне, и устроиша острог около города»¹²⁰. Единство и сплоченность новгородцев помогли одержать победу над врагом. Внешняя гроза побудила их прекратить внутренние раздоры и выступить монолитно.

Не дрогнув перед несметным вражеским войском, новгородцы оказались безпомощны перед экономической блокадой, устроенной князем Андреем, перерезавшим торговые пути, по которым в Новгород поступал хлеб. Настало тяжкое время. «Бысть дорогъвъ Новегороде: и купляху кадь ръжи по 4 гривне, а хлеб по 2 ногате, а мед по 10 кун пуд. И съдумавъше новъгородьци показаша путь князю Роману, а сами послаша к Ондрееви по мир на всей воли своеи»¹²¹. Отказав Роману в княжении, новгородское вече из политических соображений, очевидно, избрало также и нового посадника Жирослава¹²².

Описанные события указывают на один из мощных рычагов княжеских переворотов в Новгороде середины и второй половины XII в., приводимый в движение силами, находящимися вне новгородского общества, в сфере межкняжеских и межволостных отношений, мощно вторгавшихся во внутреннюю жизнь новгородцев.

Андрей Боголюбский дал новгородцам в князя Рюрика Ростиславича, брата досаждавшего им Святослава Ростиславича. Требование относительно заключения мира на «всей воле» новгородской оказалось пустой декларацией. Рюрик, едва появившись в Новгороде, «отя посадничество у Жирослава и выгна и из города». Это было, по всему вероятию, не санкционированное Андреем самоуправство. Жирослав «иде Суждалю Ондрееви». Положение Рюрика в Новгороде ухудшилось, и он вскоре ушел из него. Новгородцы же послали «к Ондрею по князь; и присла Жирослава посадничить с муже своими». Вслед за Жирославом «приде Новугороду князь Гюрги Андреевиць, Гюргев внук»¹²³.

Вокняжение в Новгороде малолетнего Юрия, хозяйничанье в нем суздальских мужей Беляев истолковал как учреждение здесь власти наместника¹²⁴. Похоже, что историк был недалек от истины. Перед новгородцами в самом деле замаячила перспектива стеснения их права «свободы в князьях» и возрождения на новгородском столе наместничества. Смерть Андрея избавила их от этой участи.

Какие выводы можно сделать на основе произведенного нами анализа борьбы за власть в Новгороде за период с 1136 г. до начала 70-х гг.? Несомненным является соперничество новгородских бояр из-за власти, престижных и доходных государственных должностей. Ради своих целей они объединяются в группы, блокируются с тем или иным князем. И все же боярские группировки были весьма неустойчивыми, поскольку политические привязанности бояр то и дело менялись в зависимости от конкретных обстоятельств. Поэтому говорить о каких-нибудь четко оформленных группах или партиях новгородского боярства с постоянной ориентацией на определенные княжеские ли-

нии нет достаточных оснований. В лучшем случае можно допустить элементы такого порядка, не сложившиеся, однако, в отлаженную систему. Внутрибоярская борьба, хотя и оказывала влияние на замещение высших государственных постов Новгородской республики, но, чтобы та или иная смена правителя состоялась, необходимо было волеизъявление масс новгородцев, которые в конечном итоге решали, кому стать местным князем или посадником. Именно новгородская община распоряжалась княжеским столом и посадничеством. И только суетливость бояр вокруг должностей князя и посадника породила у ряда историков иллюзию, будто одни бояре управляли всем этим процессом. Существенную роль в персональных переменах на княжеском столе и посадничестве играли также внешние факторы: межкняжеские и межволостные отношения, войны.

Примечания к главе 8

- ¹ *Соловьев С.М.* Об отношениях Новгорода с великими князьями. М., 1846. С. 36, 38, 47, 50.
- ² Там же. С. 36, 40, 46.
- ³ Там же. С. 37.
- ⁴ Там же. С. 44, 46, 49.
- ⁵ Там же. С. 46–47.
- ⁶ *Беляев И.Д.* История Новгорода Великого от древнейших времен до падения. М., 1864. С. 245.
- ⁷ Там же.
- ⁸ Там же. С. 246.
- ⁹ Там же. С. 249, 250, 254, 256, 258 и др.
- ¹⁰ *Пассек В.* Новгород сам в себе // ЧОИДР. 1869. Кн. 4. С. 38.
- ¹¹ Там же. С. 25.
- ¹² Там же. С. 36.
- ¹³ Там же. С. 38.
- ¹⁴ Там же. С. 43–44.
- ¹⁵ Там же. С. 44.
- ¹⁶ Там же.
- ¹⁷ Там же. С. 35.
- ¹⁸ *Никитский А.И.* История экономического быта Великого Новгорода. М., 1893. С. 293–297.
- ¹⁹ *Костомаров Н.И.* Севернорусские народоправства во времена удельно-вечевого уклада. в 2 т. СПб., 1863. Т. I. С. 63.
- ²⁰ Там же. Т. 2. С. 107.
- ²¹ Там же. С. 114.
- ²² *Рожков Н.* Исторические и социологические очерки. Сб. статей в 2-х частях. М., 1906. Ч. 2. С. 27–28.
- ²³ Там же. С. 28.
- ²⁴ Там же. С. 28–29.
- ²⁵ Там же. С. 43.
- ²⁶ Там же. С. 41–42.
- ²⁷ Там же. С. 38.
- ²⁸ Там же. С. 38, 42.
- ²⁹ Там же. С. 44–45.
- ³⁰ *Мавродин В.В.* Народные восстания в древней Руси XI–XIII вв. М., 1961. С. 91.
- ³¹ *Янин В.Л.* Новгородские посадники. М., 1962. С. 94.
- ³² Там же. С. 104.
- ³³ Там же. С. 94.
- ³⁴ Там же. С. 95, 97, 98.
- ³⁵ Там же. С. 105.
- ³⁶ Там же. С. 101, 105.
- ³⁷ Там же. С. 105.
- ³⁸ Там же. С. 99.

³⁹ Характерным в данном отношении является следующее высказывание Янина: «В борьбе за власть в Новгороде группы бояр находят себе опору не в разных социальных слоях самого Новгорода, а в одной и той же феодальной среде вне Новгорода». См.: Там же. С. 94.

⁴⁰ Подвигина Н.Л. Очерки социально-экономической и политической истории Новгорода Великого в XII-XIII вв. М., 1967. С. 123-125.

⁴¹ Андреев В.Ф. Северный страж Руси. Л., 1989. С. 42.

⁴² Петров А.В. Социально-политическая борьба в Новгороде XII-XIII вв. автореф. дис. канд. ист. наук. Л., 1990.

⁴³ Петров А.В. Социально-политическая борьба в Новгороде в середине и второй половине XII в. // Генезис и развитие феодализма в России. Проблемы истории города / отв. ред. И.Я. Фроянов. Л., 1988. С. 26.

⁴⁴ Там же. С. 26-27. См. также: Петров А.В. Социально-политическая борьба в Новгороде XII-XIII вв.

⁴⁵ Соловьев С.М. Сочинения. в 18 кн. М., 1988. Кн. 1. С. 400.

⁴⁶ Там же. С. 407-408.

⁴⁷ НПЛ. С. 23, 208.

⁴⁸ Фроянов И.Я. Начало христианства на Руси // Курбатов Г.Л., Фролов Э.Д., Фроянов И.Я. Христианство: Античность. Византия. Древняя Русь. Л., 1988. С. 311-312.

⁴⁹ Соловьев С.М. Сочинения. Кн. 1. С. 411.

⁵⁰ НПЛ. С. 24, 209.

⁵¹ Соловьев С.М. Сочинения. Кн. 1. С. 411-412.

⁵² Янин В.Л. Новгородские посадники. С. 96.

⁵³ НПЛ. С. 24-25, 209-210.

⁵⁴ Там же. С. 25, 210-211.

⁵⁵ ПСРЛ. Т. II. Стб. 301.

⁵⁶ НПЛ. С. 25.

⁵⁷ Соловьев С.М. Сочинения. Кн. 1. С. 413.

⁵⁸ НПЛ. С. 25, 211.

⁵⁹ Не исключено, однако, что Ростислава новгородцы изгнали, о чем сообщает Ипатьевская летопись. См.: ПСРЛ. Т. II. Стб. 307.

⁶⁰ НПЛ. С. 25, 211.

⁶¹ ПСРЛ. Т. I. Стб. 308.

⁶² Подвигина проявляет невнимание к сведениям летописи, заявляя: «Посадничество Якуна продолжалось до 17 апреля 1138 г., когда был изгнан Святослав Ольгович, брат черниговского князя. В конце 1139 г., вскоре после того, как его брат Всеволод стал великим Киевским Князем, Святослав вторично получил новгородское княжение. Якун, хотя и бежал с князем, посадничества лишен не был и с возвращением Святослава утвердился на своем посту» (Подвигина Н.Л. Очерки... С. 123). Тут все перепутано: посадничество Якуна продолжалось до 1141 г., и он бежал из Новгорода с князем Святославом Ольговичем не в 1138, а в 1141 г.

⁶³ Янин В.Л. Новгородские посадники. С. 97.

⁶⁴ НПЛ. С. 25, 211.

⁶⁵ Там же. С. 26, 211.

⁶⁶ Янин В.Л. Новгородские посадники. С. 97.

⁶⁷ ПСРЛ. Т. I. Стб. 308.

Церковь святого Пророка и Предтечи Иоанна на Опоках в Новгороде. Заложена в 1127 князем Всеволодом Мстиславичем, а в 1130 передана Уставной грамотой Ивановской общине купцов-вощаников

Моление новгородцев. Фрагмент иконы Деисис, принадлежавшей одному из новгородских приходов (возможно общине церкви Спаса на Ильине улице), 1467

Святые благоверные Всеволод (Гавриил) Мстиславич и Мстислав Ростиславич Новгородские. Фрагмент иконы «Собор святых Великих Князей, княгинь и княжон», XIX в. (находится в соборе во имя равноапостольного Князя Владимира, Санкт-Петербург)

Архангел Гавриил с Богородицей и святой Феодор – покровители князя Новгородского Всеволода (Гавриила) и его отца Великого Князя Мстислава.
Вислая печать князя Всеволода, 1117–1136

Псковский детинец (кром), в центре – Троицкий собор.
Современный вид с реки Великой

Вечевое поле в ограде Псковского детинца. Современный вид

Псковское вече. С картины В.М. Васнецова

Вознесение. Фрагмент фрески купола Спасо-Преображенского собора
Мирожского монастыря в Пскове, 1140-е

Собор Иоанна Предтечи в Пскове, основан в XII в. Позже принадлежал женскому монастырю, основанному в 1240 княгиней Евфросинией Рогволодовой, теткой благоверного князя Псковского Довмонта

Положение во гроб. Фрагмент фрески северной стены трансепта Спасо-Преображенского собора Мирожского монастыря в Пскове, 1140-е

В 1135 Князь Юрий Владимирович испрашивает у брата Князя Ярополка Владимировича Переславль в обмен на Суздаль и Ростов. Миниатюра Лицевого летописного свода, XVI в.

В 1147 Князь Суздальский Юрий Владимирович (Долгорукий) взял Новый Торг и по реке Мсте многие волости повоевал. Миниатюра Лицевого летописного свода, XVI в.

В 1151 князь Андрей Боголюбский повел полки отца своего против Великого Князя Изяслава Мстиславича и в сечи горячей потерял коня, но Божиим заступлением и Пречистой Богородицы и молитвой родителей своих сохранен был без раны. Миниатюра Лицевого летописного свода, XVI в.

Святой благоверный князь Туровский Борис Юрьевич на современной иконе и место упокоения его мощей — церковь Бориса и Глеба в Кидекше, построенная его отцом Князем Юрием в 1152

Место погребения князя Бориса Юрьевича в церкви Бориса и Глеба в Кидекше

Апостол на судном престоле. Фрагмент фрески Страшный Суд западной стены Спасо-Преображенского собора в Переславле-Залесском. Собор заложен в 1152 Князем Юрием Владимировичем Долгоруким, достроен в 1157 Князем Андреем Юрьевичем Боголюбским

Причастная чаша (Потир Юрия Долгорукого) – вклад в сокровищницу Спасо-Преображенского собора в Переславле-Залесском Князя Юрия или одного из его потомков, кон. XII–нач. XIII вв.

В 1155 Князь Юрий Владимирович Долгорукий сел на отеческий престол в Киеве.
Миниатюра Лицевого летописного свода, XVI в.

В 1155 родился у Великого Князя Юрия Владимировича Мономашича сын Дмитрий, прозванный Всеволодом, и заложен был город Дмитров на месте рождения. Миниатюра Лицевого летописного свода, XVI в.

Великомученик Димитрий Солунский – небесный покровитель Великого Князя Владимирского Всеволода Юрьевича. Икона из Успенского собора в Дмитрове, 1212

Святой Димитрий Солунский на коне. Резная икона ромейских мастеров, XII в. До начала XIX в. обреталась в Царской Образной палате в Москве

Основание Москвы. Постройка новых стен Кремля Князем Юрием Долгоруким в 1156. С картины А.М. Васнецова

Суздаль. Фотография XIX века, автор С.М. Прокудин-Горский

В 1157 настало княжение Суздальского князя Андрея Юрьевича Боголюбского на престоле Великого Княжения Владимирского. Миниатюра Лицевого летописного свода, XVI в.

Покров Пресвятой Богородицы и Сшествие во ад. Клейма западных дверей
(Золотых врат) собора Рождества Богородицы в Суздале, 1230-е.
Техника огневого золочения

- ⁶⁸ ПСРЛ. Т. II. Стб. 307–308.
- ⁶⁹ Там же. Стб. 308. См. также: Т. I. Стб. 308.
- ⁷⁰ НПЛ. С. 26, 211.
- ⁷¹ Там же. С. 26, 212.
- ⁷² ПСРЛ. Т. II. Стб. 308.
- ⁷³ НПЛ. С. 26, 212.
- ⁷⁴ Янин В.Л. Новгородские посадники. С. 97.
- ⁷⁵ Там же. С. 98.
- ⁷⁶ Гуревич А.Я. Проблемы генезиса феодализма в Западной Европе. М., 1970. С. 136.
- ⁷⁷ НПЛ. С. 27, 213.
- ⁷⁸ Там же.
- ⁷⁹ Янин В.Л. Новгородские посадники. С. 98.
- ⁸⁰ Там же.
- ⁸¹ НПЛ. С. 26–27, 212–213.
- ⁸² Там же. С. 27, 213.
- ⁸³ Фрезер Дж. Дж. Золотая ветвь. М., 1980. С. 99–108.
- ⁸⁴ Ср.: Петров А.В. Социально-политическая борьба в Новгороде в середине и второй половине XII в. С. 29.
- ⁸⁵ См. о событиях 1227–1230 гг.
- ⁸⁶ НПЛ. С. 28, 214.
- ⁸⁷ Там же. С. 29, 216.
- ⁸⁸ ПСРЛ. Т. II. Стб. 367–368.
- ⁸⁹ Там же. Стб. 369–370.
- ⁹⁰ Там же. Стб. 370–371.
- ⁹¹ НПЛ. С. 27, 29, 214, 216.
- ⁹² Янин В.Л. Новгородские посадники. С. 100.
- ⁹³ См.: Фроянов И.Я. Киевская Русь: Очерки социально-политической истории. Л., 1980. С. 8–63.
- ⁹⁴ См.: Соловьев С.М. Сочинения. Кн. 1. С. 398–483.
- ⁹⁵ НПЛ. С. 30, 217.
- ⁹⁶ Соловьев С.М. Сочинения. Кн. 1. С. 480.
- ⁹⁷ ПСРЛ. СПб., 1862. Т. IX. С. 208–209.
- ⁹⁸ Татищев В.Н. История Российская. М.; Л., 1963. Т. II. С. 180–181.
- ⁹⁹ Янин В.Л. Новгородские посадники. С. 99.
- ¹⁰⁰ Там же. С. 101.; Подвигина Н.Л. Очерки... С. 124.
- ¹⁰¹ Петров А.В. Социально-политическая борьба в Новгороде в середине и второй половине XII в. С. 31.
- ¹⁰² Янин В.Л. Новгородские посадники. С. 103.
- ¹⁰³ НПЛ. С. 27, 213.
- ¹⁰⁴ ПСРЛ. Т. I. Стб. 496.
- ¹⁰⁵ Там же. Стб. 502–503.
- ¹⁰⁶ НПЛ. С. 30–31, 218.
- ¹⁰⁷ ПСРЛ. Т. II. Стб. 509–510.
- ¹⁰⁸ Там же. Стб. 510.
- ¹⁰⁹ ПСРЛ. Т. I. Стб. 351; Т. II. Стб. 511.
- ¹¹⁰ НПЛ. С. 31, 218.

¹¹¹ Данное обстоятельство заставляет настороженно отнестись к известиям Ипатьевской летописи, по которому новгородцы сами «попаша» Святослава Ростиславича «к собе княжить опять, а Гюргевича внука выгнаша от себе Мьстислава». См.: ПСРЛ. Т. II. Стб. 518.

¹¹² НПЛ. С. 31, 218.

¹¹³ *Беляев И.Д.* История Новгорода... С. 261.

¹¹⁴ В Ипатьевской летописи читаем: «поиде Ростислав Новгороду, занеже не добре живяху Новгородци с Святославом, сыном его» (ПСРЛ. Т. II. Стб. 528).

¹¹⁵ НПЛ. С. 32, 219.

¹¹⁶ ПСРЛ. Т. II. Стб. 528–529.

¹¹⁷ НПЛ. С. 32, 219.

¹¹⁸ Там же.

¹¹⁹ НПЛ. С. 33, 220.

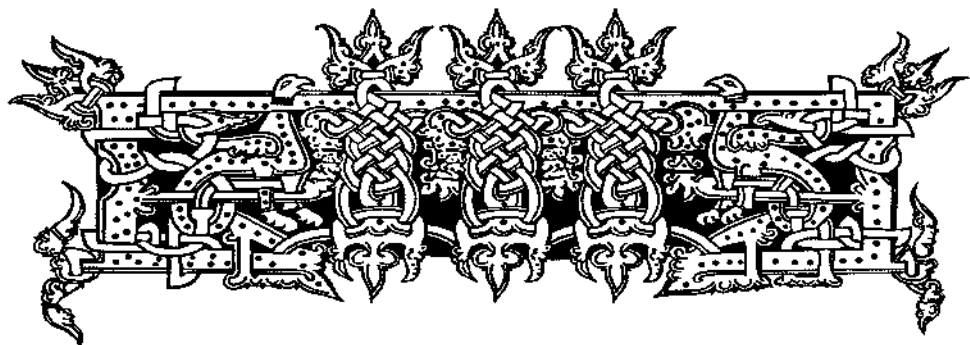
¹²⁰ Там же. С. 33, 221.

¹²¹ Там же. С. 33, 222.

¹²² Ср.: *Янин В.Л.* Новгородские посадники. С. 103–104.

¹²³ НПЛ. С. 34, 222.

¹²⁴ *Беляев И.Д.* История Новгорода... С. 266.

Глава девятая

НАРОДНЫЕ ВОЛНЕНИЯ 1209 ГОДА И ОТНОШЕНИЯ НОВГОРОДА С КНЯЗЕМ ВСЕВОЛОДОМ БОЛЬШОЕ ГНЕЗДО

§ 1 Великий Князь Всеволод Юрьевич и Новгородское вече до 1209 года

События в Новгороде 1209 г.¹ — один из ярких фрагментов новгородской истории, в котором современный исследователь находит отражение как внутренних социально-политических конфликтов, происходивших в местном обществе, так и внешних отношений новгородцев с князем «Суждальстеи земли» Всеволодом Юрьевичем. В этом году, как повествует летописец, «идоша новгородьци на Чьрниговъ съ княземъ Константиномъ, позвани Всеволодомъ». Но с берегов Оки, где назначен был сборный пункт «всих воев», новгородская рать, понуждаемая владими́ро-суздальским правителем, заподозрившим рязанских князей в измене, повернула на «Рязаньскую волость», после чего он «новгородьци пусти ис Коломна, одарив бещисла, и вда имъ волю всю и уставы старых князь, егоже хоте́ху новгородьци, и рече имъ: “кто вы добръ, того любите, а злых казните”; а собою поя сына своего Костянтина и посадника Дьмитра, стреляна Проньскомъ, а вятших 7. Новгородьци же пришьдьше Новугороду, створиша вече на посадника Дмитра и на братью его, яко ти повелеша на новгородьцих сребро имати, а по волости куры брати, по купцемъ виру дикую, и повозы возити, и все зло; идоша на дворы ихъ грабежьмъ, а Мирошкинъ дворъ и Дмитровъ зажгоша, а житие ихъ поимаша, а села ихъ распродаша и челядь, а скровища ихъ изискаша и поимаша бещисла, а избытокъ розделиша по зубу, по 3 гривне по всему городу, и на щить; аще кто потаи похватал, а того един богъ ведаеть, и от того мнози разбогатеша; а что на дьщькахъ, а то князю оставиша. Того же лета привезоша Дмитра Мирошкиниця мьрътвого из Володимира и

погребоша и у Святого Георгия въ монастыри, подъле отця; а новгородци хотяху съ моста съврещи, нъ възбрани имъ архиепископъ Митрофанъ. Присла Всеволодъ сына своего въ Новъгородъ, въ неделю мясопустную. Тъгда даша посадьницъство Твърдиславу Михаилковицю, и даша дъщкы Дмитровы Святославу, а баше на нихъ бещисла; и целоваша новгородци честьныи хрест, око “не хотимъ у себе държати дѣтии Дмитровыхъ, ни Володислава, ни Бориса, ни Твърдислава Станиловиця и Овъстрата Домаровиця”; и поточи я князь къ отцю, а на инехъ серебро поимаша бещисла»².

Проследим, как складывались отношения Всеволода с Новгородом до волнений 1209 г. В 1175 г. Всеволод занял владимирский стол. Новгородским князем тогда был Мстислав Ростиславич — политический соперник Всеволода. Мстислав с помощью ростовцев и суздальцев пытался в 1176 г. овладеть владимирским «княжением» и лишить Юрьевича власти, но безуспешно: «И постави Всеволодъ съ володимирьци и съ переяславьци противу его пълкъ, и бишася, и паде обохъ множество много, и одоле Всеволодъ»³. Мстислав вынужден был вернуться в Новгород, «и не прияша его новгородьци, нъ пути ему показаша». Вместо Мстислава новгородцы взяли у Всеволода к себе в князя Ярослава Мстиславича, внука князя Юрия Долгорукого⁴. Примечательно то, что тут действуют новгородцы, а не отдельные группы бояр, расколотые на партии. Среди новгородцев мы не видим каких-либо разногласий, они принимают решение в полном единодушии.

Изгнание Мстислава обуславливалось, вероятно, не столько симпатиями новгородцев к Всеволоду, сколько ясным пониманием изменения соотношения княжеских сил, произошедшего в результате победы Всеволода над Мстиславом. Отразив притязания последнего, Всеволод стал правителем Владимиро-Суздальской земли, с военной мощью которой Новгород не мог не считаться. Отсюда покладистость новгородцев, впрочем, как показали последующие события, покладистость временная. Распространение власти Всеволода на Суздаль засвидетельствовано, хотя и косвенно, походом Мстислава и Ярополка Ростиславичей в союзе с рязанским князем Глебом против Суздаля, тогда как совсем недавно суздальцы помогали Мстиславу в борьбе с Всеволодом. Этот поход, конечно же, говорит о том, что Суздаль переориентировался на Всеволода.

Княжение в Новгороде ставленников Всеволода было чревато для новгородцев установлением внешнего господства над собой, подобно тому, какое осуществлял ранее Киев. Вот почему в 1177 г., когда в

Новгороде появились Ростиславичи, новгородцы «посадиша Мстислава на столе, а Яропѣлка на Новемь тѣргу, а Ярослава на Ламьском волоце, и тако ся управиша по воли»⁵. Здесь, как и прежде, выступает масса жителей Новгорода, объединенных в вечевую общину, а не боярские партии.

Перемены, произведенные новгородцами в княжеском правлении, явно задевали Всеволода. Вскоре Новгород нанес ему новую обиду. В 1178 г. князь Мстислав «преставися», и новгородцы опять отдали предпочтение врагу Всеволода — князю Ярополку, брату покойного Мстислава. Тогда Всеволод решил наказать их.

Согласно Лаврентьевской летописи, более подробно повествующей о его карательных мерах, чем Новгородская Первая летопись, «новгородци целовавше ко Всеволоду Юргевичю крест и не управиша». В ответ на это он «иде к Торжку в волость их». Новый торг был захвачен, «мужи» повязаны, «а жены и дети на щит, и товар взяша, а город пожгоша весь за Новгородскую неправду»⁶. Награбленное добро и пленников Всеволод отправил во Владимир, а сам, «перебравъ дружины неколико, еха к Ламьскому Волоку и пусти на вороп и пригнавше дружина яша князя Мстиславича Ярослава, сыновця ему, а городъ пожже, а людьє бяху выбегли, а жита пожгоша и до всего, князь же Всеволод възвратися в Володимерь»⁷. Вполне допустимо предположение Рапова о том, что «Ярослав вступил в союз с врагами Всеволода Юрьевича — Мстиславом и Ярополком Ростиславичами»⁸. Оно объясняет, почему дружина Всеволода «яша» князя Ярослава.

В Новгородской Первой летописи говорится еще и о торговой блокаде Новгорода, устроенной владими́ро-суздальским князем: «И зая Всеволодь гость новѣгородьскыи». Пришлось новгородцам «показать путь» Ярополку. Но князя себе они все-таки нашли в Смоленске: «Новгородци послашася по Романа Смольньску, и въниде на сборъ по чистей недели»⁹. Следовательно, на этот раз новгородцы все же отстояли свой суверенитет.

Летописный рассказ об отношениях Новгорода с князем Всеволодом в 1176–1178 гг. весьма примечателен для историка. В нем новгородцы выступают не разрозненно, а едино как сплоченная социальная организация. Из этого рассказа явствует, что Всеволод имел дело не с враждующими группами политических конкурентов, а с новгородской общиной, связанной общими интересами перед лицом внешних сил. Не видно в известиях летописца борьбы боярских партий, сторонников и противников владими́ро-суздальского князя. Не

произошло даже перемен в посадничестве. Несмотря на княжеские пертурбации 1176–1179 гг., посадником в Новгороде оставался один боярин — Завид Неревинич. И лишь в 1180 г., когда на княжеском столе сел Владимир, прибывший из Южной Руси, у Завида «отяша посадничество и вѣдаща Михалеви Степаницю»¹⁰. Столь короткий промежуток времени не может, разумеется, служить основанием для каких-либо определенных выводов. Поэтому продолжим наши наблюдения.

В 1181 г. новгородцы «показаша путь Володимиру Святославицю, и иде къ отцю въ Русь». Изгнанию Владимира предшествовал поход Всеволода на новгородский пригород Новый торг, который был взят после 5 недель осады. Закованных в железо новоторжцев с их женами и детьми Всеволод повел с собою, а город сжег. То была назидательная демонстрация силы, и новгородцы «послашася къ Всеволоду по князь, и вѣда имъ своякъ свои»¹¹. Всеволодов свояк Ярослав вокняжился в Новгороде в 1182 г. Но уже в 1184 г. он вызвал в Новгороде недовольство: «Негодовахуть бо ему новгородьци, зане много творяху пакости волости Новгородъскеи. И съдумавъше новгородьци, послашася Смольнску къ Давыдови, просяще сына у него; и вѣда имъ Мьстислава, и приведоша и Новугороду и посадиша и на столе, месяца сентября»¹². Мы не знаем, какие «пакости творил» Ярослав Новгородской волости. Ясно только, что он возбудил всеобщее негодование, вылившееся в вечевой приговор («съдумавъше новгородьци») положить конец его произволу и выдворить из города. Перед нами снова во весь рост возникает новгородская городская община, действующая единодушно и энергично. Именно она вынудила Всеволода вывести Ярослава из Новгорода.

С приглашением Мстислава Давыдовича на новгородское княжение Янин связывает новое возвышение Завида Неревинича¹³. Однако, насколько минимальным было влияние Мстислава в вопросе о посадничестве, показывает тот факт, что Завид в его княжение ушел в Смоленск к Давыду, уступив должность посадника Михалке Степановичу. Его уход был, судя по всему, вынужденный, вызванный грозящей опасностью со стороны новгородцев. Завид вовремя укрылся в Смоленске, что подтвердили дальнейшие события. «Тои же зиме Новегороде, — сообщает летописец, — убиша Гаврила Неревиниця, Ивачя Свениця, и съ моста съвъргоша». Надо полагать, что Гаврила являлся братом Завида, а Ивач Свеневиц — одним из его сподвижников или «приятелей». Казнь, которой подверглись Ивач и Гаврила, была, скорее всего,

публичной, осуществленной по решению веча, поскольку убийство и сбрасывание с моста — способ расправы с теми, кто совершил тяжкие преступления против Новгорода. Недаром запись о казни соседствует с известием о происшествиях в Смоленске: «Въ то же время встань бысть Смоленське промежи князьмъ Давыдомъ и Смолняны, и много головъ паде лучьших муж». Это соседство как бы намекает на сходство событий в Новгороде и Смоленске, заключавшееся в обострении противоречий внутри городских общин, вызванном обстоятельствами местной жизни. Данное сходство привлекло внимание Л.В. Алексеева, старавшегося выявить общие причины новгородских и смоленских волнений. Их одновременность, полагает исследователь, не может быть отнесена к разряду простых случайностей. Алексеев пишет: «Дендрохронология Новгорода, Смоленска, смоленских городов Торопца и Мстиславля показывает, что 1186 г. был неурожайным. Дело происходило в конце (мартовского) года, т.е. в феврале, когда запасы истощились. Голодная беднота Смоленска и Новгорода громила запасы бояр. Так выясняются неясные ранее причины народных волнений в этих двух городах»¹⁴. По поводу этих суждений ученого Дворниченко верно заметил, что «о бедноте, громящей запасы бояр, летопись ничего не сообщает»¹⁵, хотя «неурожай 1186 г., о котором говорит дендрохронология Новгорода, Смоленска, Торопца и Мстиславля, вполне мог быть причиной волнений в Новгороде и Смоленске»¹⁶, вызвав оживление языческих представлений, согласно которым ответственность за благополучие общины несли ее лидеры, применительно к Древней Руси — князья, бояре и высшее духовенство. Поэтому неурожайные годы влекли за собой смену правителей, нередко «под наказанием». Для Новгорода такой порядок вещей не вызывает сомнений¹⁷. Языческая подоплека замены властителей должна учитываться при изучении политической истории Новгорода.

Бегство Завида в Смоленск и казнь его доброхотов явились прологом к изгнанию Мстислава. В 1187 г., как и следовало ожидать, «выгнаша новгородьци князя Мьстислава Давыдовиця, и послаша къ Всеволоду Володимирю по Ярослава по Володимириця; и вьниде в Новгород, и седе на столе месяца ноября в 20»¹⁸. Кто скрывался за обозначением «новгородцы» уразуметь нетрудно. Это — широкие круги жителей волховской столицы, включавшие знать и рядовое людство. Летописец не дает повода думать, что в вопросе об изгнании Мстислава у новгородцев не было единомыслия. Напротив, всем тоном своего повествования он указывает на их полное согласие.

Пребывание Мстислава Давыдовича в Новгороде нельзя истолковывать как пример неразрывной связи тех или иных княжеских линий с определенными группировками (партиями) новгородского боярства. Мы знаем, что, кроме Завида Неревинича, поддерживавшего смоленских Ростиславичей, при нем должность посадника занимал Михалка Степанович, принадлежавший к числу доброжелателей князя Всеволода и его ставленников. Подобные передвижения в посадничестве, лишенные, казалось бы, логической последовательности, убеждают в относительном характере боярских симпатий и антипатий, которые нельзя воспринимать в качестве сложившихся политических принципов, направлявших деятельность партий среди новгородского боярства. С этой точки зрения не покажется убедительной характеристика Янина Михалки Степановича как «политического противника» князя Мстислава¹⁹. Такого рода характеристики модернизируют прошлое, расходясь с реальным положением вещей в древнем Новгороде.

Возвращение в Новгород князя Ярослава Владимировича должно было, если следовать теории взаимозависимости князя и посадника, привести к усилению позиций Михалки Степановича. Но случилось другое. В 1189 г. «отяша посадничество у Михалы и вдаша Мирошки Нездиницу». Соловьев объяснял передачу посаднической власти тем, что одна из борющихся сторон «начала брать верх: у Михаила Степановича отняли посадничество и дали его Мирошке Нездиничу, которого отец Незда был убит за приверженность к Ростиславичам смоленским, следовательно, имеем право думать, что Мирошка наследовал от отца эту приверженность и стоял за Мстислава Давыдовича против Ярослава»²⁰. Приверженность Мирошки к группировке, враждебной Ярославу, устанавливает и Янин. У этой группировки еще не было сил заменить Ярослава своим ставленником. Новому посаднику пришлось сосуществовать с нежеланным князем. По Янину, «сосуществование Мирошки и Ярослава Владимировича является ярким примером политического двоевластия в Новгороде». Год прихода к власти Мирошки для исследователя служит гранью в политической жизни Новгорода: «Если до 1189 г. основной политической чертой новгородского посадничества был активный союз с князем, взаимная поддержка князя и посадника, в силу чего княжение получало преимущество перед боярской властью, теперь посадничество противостоит князю, возвращает себе характер антикняжеской организации. Формирование республиканской государственности Новгорода вступает в новую фазу»²¹.

Представляется бездоказательной мысль о получении Мирошкой посадничества в результате борьбы враждующих боярских группиро-

вок. Эта борьба является в определенной степени ученым домыслом, поскольку в летописи, по которой мы можем воспроизвести обстоятельства возвышения Мирошки, она не прослеживается. Под пером летописца выступает нерасчлененная масса новгородцев, изгоняющих Мстислава Давыдовича и просящих Ярослава у Всеволода, лишаящих Михаила посадничества и дающих его Мирошке.

Создавая умозрительным путем версию прихода к власти Мирошки Нездинича, Янин не учитывает летописное известие, которое, по нашему мнению, вскрывает главную причину смены посадников. По сообщению летописца, в 1188 г. «на зиму бысть дорогъвъ, оже купляху по две ногате хлебъ, а кадь ръжи по 6 грвнь»²². Упомянутая в летописи «дороговъ» — следствие, надо полагать, неурожая. Таким образом, 1186 г., выявляемый с помощью дендрохронологии как неурожайный, имел свое продолжение. Стихийные бедствия вели за собой привычные в древних обществах карательные акции, направленные против местных правителей. Вспомним бегство посадника Завида в Смоленск и замену его Михалкой Степановичем, казнь Ивача и Гаврилы, изгнание Мстислава Давыдовича. Аналогичная судьба теперь постигла Михаила, у которого новгородцы «отяша» посадничество, передав бразды правления Мирошке. Нельзя, разумеется, полностью исключать политическую борьбу различных групп новгородского боярства за власть при объяснении персональных перемен в княжении и посадничестве. Однако нет оснований считать ее единственной пружиной этих перемен. Языческие представления о существовании власти правителей, их назначении еще были сильны в новгородской общине, и они во многом предопределяли перестановку лиц, выступающих в качестве князей и посадников.

Не является убедительным и мнение о Мирошке как недруге князя Ярослава и главе антисуздалской партии. По Соловьеву, подтверждением того, что Мирошка «стоял за Мстислава Давыдовича против Ярослава» является поездка в 1195 г. Мирошки вместе с Борисом Жирославичем, сотским Никифором, Иванкой и Фомою к Всеволоду «с просьбой сменить Ярослава и дать на его место сына своего. Что же сделал Всеволод? Чтобы оставить Ярослава спокойным в Новгороде, он задержал Мирошку с товарищами как глав противной Ярославу стороны, потом отпустил Бориса и Никифора, но продолжал держать Мирошку, Иванка и Фому, несмотря на просьбы из Новгорода о их возвращении; наконец, отпустил Фому, но все держал Мирошку и Иванка...»²³.

По нашему мнению, в Новгороде тогда зрело недовольство Ярославом, которое к 1195 г. достигло кульминации. Надо сказать, и ра-

нее отношения новгородской общины с этим князем были отнюдь не идиллические. Ярослав, как мы знаем, много «пакостей творил» Новгородской волости, в то время как хороший правитель (князь), по убеждению древних людей, выступал в качестве гаранта и хранителя мира внешнего и внутреннего, обеспечивая благоденствие общине, которой управлял. И тут следует заметить, что перед 1195 г. благоденствие новгородской общины подверглось серьезному испытанию. По сообщению летописца, в 1194 г. «зажъжеса пожар в Новегороде въ неделю на Всехъ святыхъ, в говение, идуче въ заутрънюю: загореса Савькине дворе на Ярышеве улици, и бяше пожар зълъ, съгореша церкъви 10: Святого Василия, Святыхъ Троицы, Святого Въздвигения, и много домовъ добрыхъ; и уяша к Лукини улици. И не ту ся зло устави за грехы наша, нъ на другой день загореса на Чыглове улки, и погоре дворовъ съ 10. И потомъ боле въздвижеса: той же недели въ пятници, въ тѣтъгъ, загореса от Хревъкове улици оли до ручья Неревъскеи коньць, и съгоре церкъви 7 и домове величии. Оттоле вѣста зло: по вся дни загарашеса невидимо и 6 мѣсть и боле; и не съмаху людье тировати въ домъхъ, нъ по полю живяхуть; и потом погоре Городище. Томъ же лете и Ладога погоре переди Новагорода, а потомъ и Руса погоре; а въ Людини коньци погоре дворовъ 10; и тако ся чюжеше от Всехъ святыхъ до Госпожина дни»²⁴. Как видим, пожары в Новгороде были столь многочисленными и страшными, что жители города боялись жить в своих домах, но «по полю живяхуть». Выгорело даже Городище — резиденция новгородских князей. Горел не только Новгород, но и пригороды — Ладога и Руса. Бедствие, следовательно, приобрело общеволостные масштабы. В этой ситуации падение престижа Ярослава как правителя становилось неизбежным. А отсюда до изгнания князя оставался один шаг. По существу он и был сделан, когда негодующие на Ярослава новгородцы через своих послов просили Всеволода поменять его на сына. Не исключено, что в этой просьбе скрыт особый смысл, не разгаданный до сих пор исследователями. По верованиям древних народов, божественность правителя находит лучшее воплощение в его сыне²⁵. Именно такой правитель, как казалось тогда людям, мог дать благополучие новгородской общине. Вполне вероятно, что в данном случае отразились и христианские мотивы безгрешности детей. Не отягченный грехами правитель был для новгородцев более желанным, чем Ярослав, являвший ему прямую противоположность. Наконец (и это всего вероятнее), тут могло быть переплетение языческих и христианских представлений, особенно если учесть, что на Руси XII в. язычество часто переплета-

лось с христианством²⁶. Но как бы там ни было, ясно одно: нельзя в решении новгородцев возвести на княжеский стол малолетнего сына Всеволода усматривать лишь рациональный расчет, преследующий цель ослабить княжескую власть, сделав ее послушной игрушкой в руках новгородского боярства. Не надо забывать, что князь (будь он взрослый или младенец) прибывал в Новгород, окруженный свитой и дружиной. Князь осуществлял власть вместе со своими мужами. И если он был во младенческом возрасте, то роль приезжавших с ним (прежде всего дядек-воспитателей) еще больше возрастала²⁷. И неизвестно, было ли это лучше для новгородцев.

Нет причин рассматривать посольство Мирошки как недружественный акт Новгорода по отношению к Всеволоду. Новгородцы не порывают с владими́ро-суздальским властителем. Напротив, они просят Всеволода дать им на княжение своего сына. Он понимает этот настрой новгородцев и потому принимает посланцев: «И прия Всеволодъ Мирошку и Бориса и Иванка и Фому...»²⁸. Летописное речение «прия» — знак, свидетельствующий о том, что все поначалу шло без особого напряжения. Но, приняв новгородское посольство, Всеволод задержал его «и не пусти» в Новгород. Поступок Всеволода может быть истолкован по-разному. Логично предположить здесь об очередной попытке Всеволода распорядиться по-своему новгородским княжеским столом, т.е. продолжить политическую линию, начатую еще Андреем Боголюбским. Однако допустимо и другое: Всеволод, возможно, имел договоренность с Ярославом относительно княжения в Новгороде и не хотел ее нарушить. Отдавая предпочтение первой версии, поскольку она ложится в русло внешней политики князей Северо-Восточной Руси второй половины XII в. обратим внимание и на такой существенный, как нам представляется, факт: отсутствие полного согласия новгородцев насчет Ярослава, после изгнания которого, как сообщает летописец, «желяху по немъ въ Новегороде добрии, а злии радовахуся»²⁹. Едва ли для Всеволода несогласия новгородцев по поводу Ярослава были секретом. Зная о них, он и занял выжидательную позицию, задержав Мирошку «со товарищи» у себя. Новгородцы не могли, разумеется, расценить это иначе, как покушение на их свободу выбора князей: «кде имъ любо, ту же собе князя поймають»³⁰. Из Новгорода последовал демарш «посадника деля Мирошке и Иванка и Фоме». Всеволод в конце концов отпустил Бориса и Фому, но Мирошку и Иванка «не пусти», чем «розгневи новгородьце», которые по вечевому решению («сѣдумавъше») «показаша путь из Новагорода и выгнаша и на Гюргевъ день, осень, Ярослава князя»³¹. Изгнанного кня-

зя приютил новгородский пригород Новый торг, где Ярослава жители «прияша с поклоном». Значит, не только в главном городе, но и в волости не было единства относительно Ярослава. Его шансы вернуться в Новгород, следовательно, не были столь уж безнадежны. А чем ответил Всеволод на акцию новгородцев? Он «новгородыце измав... за Волокомъ и по всеи земли своеи, държаше у себе, не пусти ихъ Новугороду; нъ хожаху по городу по воли Володимири». Свидетельство летописца о вольном содержании во Владимире «изыманных» новгородцев указывает на сдержанность Всеволода, не доводившего дело до крайности и терпеливо ожидавшего благоприятной развязки событий. Расчет его оказался верен: новгородцы преодолели свои разногласия и снова пригласили на стол Ярослава: «Идоша из Новогорода переднии мужи сътський и пояша Ярослава съ всею правдою и чьстью; и приде на зиму Ярославъ по Крещении за неделю и седе на столе своемъ, и обуса съ людьми, и добро все бысть»³². Как явствует из этой записи, люди (т.е. массы новгородцев) выступали в качестве самостоятельной активной силы при изгнании и приглашении Ярослава. Вопрос о княжении всколыхнул, собственно, весь Новгород, а не отдельные группы соперничающих бояр. Понятной в этой связи становится ремарка летописца, который, рассказав о возвращении посадника Мирошки, заметил, что он «сидел два лета за Новгород». Тут Новгород мыслится как вся новгородская община в целом без какого бы то ни было изъятия³³. Показательно и то, что приезду Мирошки «ради быша Новегороде вси от мала и до велика»³⁴.

Необходимо подчеркнуть, что враждебность Мирошки к Всеволоду фактами не подтверждается. Она есть плод воображения некоторых историков, а не историческая реальность. Именно отсутствие в источниках явных сведений позволило другим исследователям отнести Мирошку к друзьям Всеволода и называть его главой «суздальской партии».

И в дальнейшем Мирошка посадничал без видимых конфликтов со Всеволодом, с его представителями на новгородском княжеском столе. Напротив, известны случаи сотрудничества (совместной «думы») князя и посадника по важнейшим вопросам новгородской жизни³⁵.

В 1203 г. Мирошка умер. Посадничество получил Михалка Степанович. Но вскоре, впрочем, мужи новгородские «отяша посадничество у Михалка и даша Дмитру Мирошкиницу». Новгородцы лишили Михалку власти, когда Всеволод заменил на княжении младенца Святослава девятнадцатилетним Константином. Эта замена, по мнению Янина, была обусловлена желанием Всеволода «видеть на новгородском

столе более независимого от новгородцев ставленника. Смена посадников — явный защитительный акт новгородцев, так как на место старого союзника Всеволода — Михалки Степановича — избирается сын популярного своей антивсеволодовской политикой Мирошки — Дмитр Мирошкинич. Снова в Новгороде устанавливается политическое двоевластие князя и посадника, приведшее к событиям 1207 г., которые занимают в истории Новгорода значительное место»³⁶.

В советской историографии существует и совершенно иной взгляд на политические связи Дмитра Мирошкинич. Так, Покровский видел в нем союзника Всеволода Юрьевича³⁷. По мнению Тихомирова, «Мирошкинич действуют как представители боярских кругов, опиравшихся на поддержку крепнувшего Владимиро-Суздальского княжества»³⁸. Мавродин прослеживает тесную связь Дмитра с суздальским князем Всеволодом Большое Гнездо³⁹. Наконец, Черепнин относил Дмитра Мирошкинич к сторонникам князя Константина, сына Всеволода⁴⁰. Полагаем, что названные исследователи вернее понимали политическую ситуацию в Новгороде, нежели Янин.

Довольно красноречиво сообщение летописи под 1208 г.: «Приде Лазарь, Всеволожь муж, из Володимиря, и Борисе Мирошкиничь повеле убити Олексу Събыславиця на Ярославли дворе, и убиша и без вины, в суботу марта въ 17, на Святого Аלקсия; а заутра плака Святая Богородиця у Святого Якова въ Неревьскемь конци»⁴¹.

Янин следующим образом толкует приведенный летописный текст: «В 1207 г. брат Дмитра Борис приказал убить на вече Олексу Сбыславича...»⁴². Историк тут умалчивает о причастности к убийству Олексы «Всеволожа мужа» Лазаря. В другом же месте своей работы Янин вспоминает Лазаря, но забывает о Борисе: «...убийство Олексы перед восстанием произошло в какой-то связи с прибытием в Новгород из Владимира "Всеволожа мужа" Лазаря»⁴³. Эти «упущения» В.Л. Янина то насчет Лазаря, то насчет Бориса выдают испытываемое исследователем затруднение сформулировать удовлетворительное объяснение летописной записи, не противоречащее его представлениям о политике Дмитра Мирошкинич, враждебной якобы Всеволоду.

Надо сказать, что летопись позволяет заключить не о «какой-то» а о прямой связи убийства Олексы с приездом Лазаря. Она также свидетельствует о совместных действиях в этом кровавом деле Лазаря и Бориса, брата посадника Дмитра. Соловьев не без оснований писал: «Новый посадник Мирошкинич с братьею и приятелями, опираясь на силу суздальского князя, захотели обогатиться за счет жителей и позволили себе такие поступки, которые восстановили против них

весь город; в числе недовольных, как видно, стоял какой-то Алексей Сбыславич; брат посадника, Борис Мирошкинич, отправился во Владимир к Всеволоду и возвратился оттуда с боярином последнего Лазарем, который привез повеление убить Алексея Сбыславича и повеление было исполнено...»⁴⁴. А вот суждение другого крупного знатока новгородской истории Беляева: «Выбором Мирошкинича Всеволод так усилился в Новгороде и так распространил свое самовластье, что в 1208 г. прислал в Новгород своего мужа Лазаря вместе с посадничьим братом Борисом Мирошкиничем и приказал при всех на Ярославовом дворе убить знаменитого Новгородского боярина Олексу Сбыславича...»⁴⁵.

Обстоятельства убийства Олексы Сбыславича недвусмысленно намекают на близость Мирошкиничей к суздальскому князю⁴⁶. Чтобы утверждать обратное, надо игнорировать показания летописи.

Невинная, по словам летописца, смерть Олексы легла на убийц и их вдохновителей тяжким грехом. «Слезы Богородицы» — явный тому знак. Это знамение, запечатленное летописцем в языческом ключе (икона плачет), как бы предвещало падение Мирошкиничей, зашедших слишком далеко в своих несправедливых делах, делало его неизбежным, поскольку означало, согласно верованиям древних, потерю Мирошкиничами благорасположения божества.

Дружелюбие Всеволода к посаднику Дмитру проглядывает и в известиях летописи, относящихся непосредственно к событиям 1209 г., ставшим для семьи Мирошкиничей роковыми. Эти действия, как известно, завершились низложением Дмитра, а также «грабежом» имущества Мирошкиничей и тех, кто стоял близко к ним. Накануне выступления против Дмитра Мирошкинича новгородцы вынудили Всеволода публично признать новгородскую свободу в князьях. «Даруя» ее, князь, если верить летописцу, призвал новгородцев любить добрых правителей, а злых казнить⁴⁷.

Призыв Всеволода историки понимали по-разному. Покровский, например, полагал, что Всеволод, произнося свою речь, выдавал Дмитра «головою новгородцам», т.е. предал своего бывшего союзника⁴⁸. По Янину, Всеволод, говоря таким образом, подстрекал новгородцев на расправу с посадником. «Фраза Всеволода, — пишет он, — имеет самое непосредственное отношение к последующим событиям и прямо касается Дмитра Мирошкинича, обнажая заинтересованность Всеволода в устранении этого посадника. Всеволод не только санкционирует расправу над ним, но и провоцирует, и покупает ее, одаривая новгородцев и подстрекая их к казни “злых”»⁴⁹.

Янин, к сожалению, не поставил вопрос, произносил ли Всеволод эту фразу на самом деле. Не является ли она продуктом творчества самого летописца? А если не является, то в какой мере соответствует характеру обстановки, в которой прозвучала?

Слова Всеволода о любви к «добрым» и наказании «злых» скорее всего принадлежат летописцу, чем князю, который, как нам кажется, не был заинтересован в расправе над Дмитрием. К данной мысли склоняет прежде всего то, что эти слова хорошо согласуются с дальнейшими акциями новгородцев и плохо вяжутся с поведением Всеволода. Впрочем, отсюда следует два возможных и альтернативных вывода: либо летописец вложил в уста владими́ро-суздальского князя речь, угодную новгородцам и как бы оправдывающую низложение посадника, либо сказанное Всеволодом (если таковое имело место) было пустой декларацией, фальшью и политической игрой, скрывающей его подлинные замыслы.

Всеволод, как мы знаем, «одарив бесчисла» новгородцев, отпустил их в Новгород, а с собою «поя сына своего Косянтина и посадника Дмитра, стреляна подь Проньском», да «вятьших» семь человек⁵⁰. Это, конечно, вынужденная мера, обусловленная тревогой за судьбу посадника Дмитра с приятелями и собственного сына, возбудивших недовольство новгородской общины. Князь показал истинное отношение к посаднику Дмитру. И то было отношение покровительства, а не вражды. Иначе Всеволод попросту бы выдал Дмитра новгородцам.

Характерно и другое: Всеволод «поя» с собою, помимо Дмитра и «вятьших» мужей, еще и своего сына Константина, являвшегося в тот момент новгородским князем. Константину, как и Дмитру, опасно было возвращаться в Новгород, и он схоронился под отцовским крылом. Ответственность за насилия, творимые Дмитрием, ложилась, стало быть, и на Константина. Такое могло быть лишь при условии, когда князь и посадник действовали заодно⁵¹. Вот почему Всеволод послал в Новгород Святослава, а не Константина⁵².

Расположение Всеволода к посаднику Дмитру и его окружению проявилось и по окончании волнений 1209 г.: изгнанных из Новгорода посадничьих детей и остальных родственников князь приютил у себя. В.Л. Янину же видится совсем иное. Святославу Всеволодовичу, сменившему Константина Всеволодовича, «были переданы для заточения у Всеволода все родственники Дмитра. Примечательна следующая деталь. Новгородцы целуют Всеволоду крест в том, что они не хотят держать у себя детей Дмитра и прочих его родственников. Крестоцелование указывает еще раз на Всеволода как на одного из главных ини-

циаторов свержения Дмитра Мирошкинича. Всеволод отводит от себя обвинения в этой инициативе, которые могут возникнуть в будущем»⁵³. Толкуя летописный текст, Янин допускает неточность. В летописи говорится: «И целоваша новгородци честный хрест, око “не хощем у себе държати дитии Дмитровыхъ, ни Володислава, ни Бориса, ни Твърдислава Станиловиця и Овъстрата Домажировиця”; и поточи я князь къ отцю...»⁵⁴. Трудно понять, из чего Янин заключил о целовании новгородцами креста князю Всеволоду. Летописец сообщает о крестоцеловании на вече безотносительно к Всеволоду. Этот акт надо понимать как взаимную присягу, клятву новгородцев друг перед другом, а отнюдь не как обязательство перед Всеволодом⁵⁵. Новгородцы поклялись на вече быть едиными в своем решении относительно родичей Дмитра, подвергнув их изгнанию. Здесь мы наблюдаем нечто похожее на античный остракизм.

Вряд ли изгнанные были отправлены во Владимиро-Суздальскую землю для заточения. Правда, на это, казалось бы, намекает летописное «поточи». Однако слово «поточити» в древнерусском языке значило не только сослать в заточение, но и просто изгнать, а также отослать или отправить⁵⁶. Итак, имеющийся в распоряжении исследователя летописный материал не дает оснований считать Мирошкиничей лидерами враждебной Всеволоду группировки новгородских бояр. Поэтому во время правления Мирошки и Дмитра никакого «двоевластия» князя и посадника не существовало. Нет причин говорить и о наступлении на княжескую власть в Новгороде при этих посадниках, о превращении посадничества в антикняжескую организацию.

§ 2 Посадничество Дмитра Мирошкинича и его конфликт с новгородской общиной

Нельзя преувеличивать роль Всеволода в движении новгородцев 1209 г. Эта роль определяется лишь тем, что посадник Дмитр Мирошкинич в своих беззакониях пользовался поддержкой и помощью князя Константина, присланного Всеволодом в Новгород. В остальном же корни уходили в местную почву, на которой складывались отношения новгородской общины с представителями общинной власти, в частности с посадниками.

Дмитр Мирошкинич, как явствует из летописных известий, преступил дозволенное. Однако едва ли исторично называть его «самовластным распорядителем в Новгороде», подозревать в стремлении «к неограниченной автократии», установлении «семейной олигархии»,

именовать правление Дмитра «деспотическим»⁵⁷. Эти характеристики, страдая модернизацией, противоречат существу новгородской политической системы с ее непосредственной демократией и высшей властью, воплощенной в народном собрании — вече⁵⁸. Кроме того, посадничество Дмитра оказалось кратковременным⁵⁹. Уже поэтому посадник был не в состоянии достичь вершин «самовластья», на которые возводят его современные историки. Чем провинился Дмитр Мирошкинич перед новгородцами?

Дмитр вместе со своею «братъею» повелел у новгородцев «серебро имати», по волости кур брать⁶⁰, с купцов «дикую виру» взимать. Принуждал он также «повозы возить». Социальный смысл этих насилий не вызывает сомнений. Но для того, чтобы разобраться в нем, надо вспомнить, где и кем были предъявлены обвинения, обращенные к Дмитру Мирошкинчу. Мы знаем, что это случилось на вече, которое состоялось по возвращении новгородского ополчения из рязанского похода в волховскую столицу. Состав ополчения определил и состав веча: в нем участвовали широкие круги населения самого Новгорода, пригородов, всей новгородской волости, т.е. городские и сельские жители. На вече собрались свободные люди. Иначе и быть не могло, поскольку вече — это народное собрание. Данное обстоятельство имеет принципиальное значение. Оно означает, что в лице Дмитра с приятелями у участников веча выступали пришедшие в столкновение группы охваченной социальным брожением новгородской общины. Следовательно, перед нами внутриобщинный конфликт.

Обвинения, высказанные в адрес посадника Дмитра, могли исходить из различных слоев новгородского общества⁶¹. Но сформулированы они от всей вечевой общины. В них нет какой-либо особой предпочтительности или большей силы одного обвинения по сравнению с другим. И едва ли стоит утверждать (как это делает Тихомиров), что в упомянутых «обвинениях чувствуется раздражение в первую очередь новгородских купеческих кругов»⁶². Правда, затем и Тихомиров, рассуждая о собирании «серебра» среди новгородцев, усматривает в нем «самое первое и, видимо, главное обвинение против Дмитра»⁶³. К сожалению, с помощью имеющихся у нас сведений трудно разгадать существо названного побора. Вероятно, речь надо вести о каком-то дополнительном, возможно, чрезвычайном сборе «серебра» с жителей Новгорода⁶⁴. Не исключено также и то, что собранное «серебро» Дмитр употребил не столько на общественные нужды, сколько для собственного обогащения. «Серебро», взятое у новгородцев, являлось, по всей видимости, неким подобием единовременного налога⁶⁵.

Довольно примитивным выглядит побор курами, затеянный Дмитрием «по волости». Размышляя по этому поводу, Тихомиров писал: «Но что значит “брать кур”? Некоторое количество кур обычно входило в состав того, что получали князья и их представители в деревнях в качестве подати или приношения. По данным краткой редакции “Русской Правды”, вирник получал “по двое кур” в день. В 1289 г. Мстислав Данилович наложил на жителей Берестья “ловчее” — по 20 кур со всякой сотни, заменив для горожан натуральную подать деньгами. Следовательно, в требовании брать по волостям кур не было ничего неожиданного, так как поставлять определенное количество кур входило в обязанности сельского населения. По-видимому, новость была в том, что, во-первых, количество кур, собираемых по волостям, было несоразмерно повышено и, во-вторых, эта повинность населения давала место для различных злоупотреблений в сельских местностях...».

Полагаем, что приведенные Тихомировым примеры взяты неудачно. Краткая Правда, определяя недельный рацион вирника, упоминает, помимо прочего, и двух кур, выдаваемых ему ежедневно общиной, где собиралась вира. Такой порядок был установлен еще Ярославом: «То ти урок Ярославль». Вирник — княжой муж, занятый сбором судебных пошлин и штрафов, во время которого он кормился, находясь на довольствии населения градов и весей, обязанного князю этими платежами. Кроме кур, между занятиями вирников и делами Дмитра нет ничего общего. Что касается князя Мстислава, то он повелел брать с каждой сотни, тянувшей к Берестью, по два десятка кур в наказание «за коромолу» берестьян, засвидетельствовав тем самым чрезвычайность случая⁶⁶.

Произведенные Тихомировым сопоставления никак не наводят на мысль, будто кур по новгородским волостям собирали в качестве повинности и до нововведения посадника Дмитра, повысившего лишь несоразмерно количество поставляемой птицы и открывшего возможность всякого рода «злоупотреблений в сельских волостях». Для понимания произошедшего вполне достаточен летописный материал, относящийся к 1209 г. Язык летописи ясен и не подлежит криво толкам; Дмитр повелел по волости кур брать, причем указаний насчет увеличения побора сравнительно с прежней практикой обложения податями волостного населения источник не содержит. Это можно истолковать только в том смысле, что до Дмитра подобную повинность жители новгородской волости не несли, и мера, осуществленная посадником, явилась нарушением существующего порядка. Данное нарушение и было поставлено в вину Дмитру Мирошкиничу. «Куриная»

подать, введенная им, не может рассматриваться как продуктовая рента, поскольку эта подать взималась со свободных общинников-волощан, на которых у Дмитра Мирошкинича отсутствовали какие-либо владельческие права.

Гнев новгородцев вызвало и распоряжение Дмитра о взыскании «дикой виры» с купцов. Очевидно, «дикую виру» должен был платить купец, торговавший в общине, на территории которой случилось убийство и обнаружен труп, а «головник» остался неизвестным. Затея Дмитра противоречила закону, в частности нормам Русской Правды. Зимин, комментируя ст. 8 Пространной Правды, определяющую порядок уплаты «дикой виры», писал: «Статья закрепляет положение о том, что вервь освобождается от платежа дикой виры за убийство, совершенное человеком, не участвующим во взносах вместе с ее членами, например, изгоем, купцом, дружинником. Поэтому так возмущались новгородцы, когда власти Великого Новгорода в 1209 г. попытались взимать дикую виру с купцов»⁶⁷. Нарушение обычая и закона в действиях Дмитра Мирошкинича находили также Тихомиров и Черепнин. «Дикая вира» лежит, несомненно, за пределами феодальных поборов.

Еще одно зло, содеянное, как уже отмечалось, Дмитрием, состояло в принуждении «повозы возить». Повозы, по-видимому, ложились бременем на новгородцев, и горожан и селян. По Тихомирову, эта повозная повинность свидетельствовала «о зависимом положении людей, возивших повоз»⁶⁸. Но так ли? Повозы в древности действительно ассоциировались с зависимостью, унижающей свободного человека. Вспомним «примученных» Владимиром радимичей, которые платили дань Киеву и повозы везли⁶⁹, или повозников из «Ростовьстей области», обслуживавших Яна Вышатича с дружиной в период сбора ими дани на Белоозере⁷⁰. Однако мы поспешим, если сочтем новгородцев, вынужденных отправлять повозную повинность по распоряжению посадника Дмитра, зависимыми людьми. Наоборот, они были свободными и потому с возмущением и негодованием пресекли его насилия. Столь же поспешным окажется в данном случае и вывод о феодальной природе повозов⁷¹. Учрежденные Дмитрием повозы — примитивная форма государственной эксплуатации, источником которой являлась не поземельная собственность, а публичная власть, эгоистически использованная группой новгородских бояр, оказавшихся по прихоти судьбы на высших правительственных должностях.

Беззакония Дмитра Мирошкинича с приятелями, конечно, накаляли обстановку в Новгороде, гул возмущения новгородцев своими

властителями наполнил ее; волна народного гнева смыла их и унесла в политическое небытие.

Новгородцы пришли в крайнее раздражение не только из-за перечисленных злоупотреблений посадника. Большое ожесточение народа вызывали богатства Дмитра⁷². Оно еще более усиливалось сознанием того, что эти богатства создавались посредством все тех же злоупотреблений. К слову сказать, вообще богатства древнерусской знати росли за счет публичных платежей, т.е. своего рода компенсации за отправление знатными людьми общественно полезных функций⁷³. По этой причине собственность князей и бояр в Древней Руси являлась в некоторой мере вариацией общинной собственности, находящейся временно в руках того или иного правителя. При таких социальных установках конфискация имущества Дмитра и его друзей была весьма вероятной. И новгородцы с веча пошли «на дворы ихъ грабжьмь»⁷⁴. Они сожгли двор Дмитра. Боярское имущество конфисковали. Села и челядь, принадлежавшие ему, продали. Показательная продажа челяди — несвободного люда посадничьих сел. Добро и сокровища виновного новгородцы поделили между собою поровну: «по 3 гривне по всему городу, и на щитъ». Несколько загадочно звучит фраза «и на щитъ». Согласно Тихомирову, ее следует толковать так, что новгородцы поступили с усадьбой Дмитра, как с вражеским городом, разграбили ее, взяли «на щитъ»⁷⁵. Однако в летописи сказано, что новгородцы не взяли «на щит», а разделили «на щит» богатства посадника. Думается, летопись говорит о следующем: новгородцы поделили деньги между горожанами («по всему городу») и ополченцами, жителями новгородской волости, только что вернувшимися из рязанского похода, принимавшими участие в вече и вместе с другими исполнявшими вечевого приговор. Стало быть, «разделить на щит» — это разделить на каждого волостного воина.

Наряду с коллективным дележом имущества Дмитра имели место и тайные хищения, обогатившие, по сообщению летописца, многих.

Найденные долговые документы («доски»), оформленные Мирошкеничами на огромные суммы («бъше на нихъ бещисла»), новгородцы передали князю Святославу. «Вряд ли это было сделано для того, чтобы князь взимал по “доскам” деньги с кабальных должников, — пишет Черепнин. — Вероятно, речь шла о том, чтобы Святослав аннулировал ряд долговых обязательств как незаконные. Основание для подобного акта давал устав Владимира Мономаха о “резе”, по которому тот, кто брал “три реза”, не мог рассчитывать на получение “иста”. Таким образом, Пространная редакция Русской Правды выступает как действующий законодательный кодекс»⁷⁶. Ликвидировать «доски», если

они являлись незаконными, могли и сами новгородцы, уничтожив их. Ростовщические «доски» разделить было нельзя. Потому князь и получил эти документы для последующего, видимо, востребования. Рассуждения же Черепнина о «резе» и об «исте» в связи с «досками» Мирошкиничей есть не более, чем домыслы. То же самое надо сказать и относительно вывода автора о Пространной Правде как действующем в данном случае законодательном кодексе. Покровский зорче, нежели Черепнин, разглядел смысл передачи новгородцами долговых записей Святославу: «кроме движимого и недвижимого имущества и денежной наличности у Дмитра нашлись еще “доски” — векселя новгородских купцов; это дали князю, сделав, таким образом, частное имущество Мирошкиничей государственной собственностью»⁷⁷.

В действиях новгородцев отчетливо видна организованность. Они сходятся на вече, где выдвигают обвинения посаднику и принимают решение о наказании своего правителя, злоупотребившего доверенной ему общиной властью. Принятое решение осуществляется также в организованном порядке: имущество Дмитра «распродается, деньги собраны в казну и распределены между жителями (“по зубу”), заемные документы, “доски”, сохранены в целости и переданы князю»⁷⁸. Организованное начало есть результат творчества не государственной власти, как считают некоторые ученые⁷⁹, а народных масс, объединенных в вечевую общину. События 1209 г. — яркий пример политической инициативы и активности народа, типичных не только для Новгорода, но и для Древней Руси в целом.

Эти события не поддаются однозначной трактовке. Они сложны по своему характеру, что объясняется сложностью переходной эпохи, переживаемой древнерусским, в частности, новгородским обществом. В них замечается прежде всего конфликт местной общины с избранными ею властями — посадником и князем. Будучи внутриобщинным, этот конфликт лежал в плоскости социально-политических отношений. Вместе с тем чувствуется в событиях 1209 г. и социальный протест рядового населения против эксплуатации и насилия, идущих со стороны растущей публичной власти. Необходимо отметить его эффективность: посадник низложен и подвергнут наказанию со всем своим окружением. Перевес сил был тогда явно на стороне народа, обладавшего мощной военной организацией, более сильной, чем княжеская дружина⁸⁰.

Коллективный дележ имущества Дмитра Мирошкинича, осуществленный по принципу равенства, несет на себе печать борьбы старой коллективной собственности с утверждающейся индивидуальной собственностью, противодействия общины личному обогащению, сопро-

тивления традиционных начал коллективизма прорывающемуся на поверхность общественного бытия индивидуализму. В событиях 1209 г. улавливается, следовательно, еще один мотив, сливающийся вместе с остальными в своеобразную социально-политическую гамму.

Оценивая конфликт в Новгороде 1209 г., принимаемый многими учеными за восстание, важно подчеркнуть, что он проходил в среде свободных новгородцев. Нельзя даже говорить о том, что этот конфликт произошел между рядовой массой и знатью, поскольку новгородское боярство не было тогда консолидированным, распадаясь на соперничающие группировки, стремящиеся перетянуть на свою сторону массу горожан и волощан. Таким образом, события 1209 г. — многозначное явление, сочетающее элементы политической и социальной борьбы внутри свободной новгородской общины, осложненные вмешательством внешней силы в лице владими́ро-суздальского князя Всеволода.

В исторической науке дебатруется вопрос об историческом значении событий 1209 г. в жизни Великого Новгорода. Ученые обнаружили двоякий эффект, произведенный ими: непосредственный и отдаленный, т.е. перспективный. В первом случае речь идет о ближайших результатах народных выступлений 1209 г. Отмечается, в частности, воздействие этих выступлений на древнерусское законодательство и составление Пространной Правды. Так, Тихомиров поставил появление Пространной Правды в прямую связь «с крупнейшими политическими событиями в Новгороде в 1209 г.»⁸¹. Предположение Тихомирова принял Мавродин⁸². «Длительный процесс сложения текста Русской Правды, — пишет Черепнин, — завершился к началу XIII в. созданием в Новгороде Пространной редакции памятника. Это произошло, как можно думать, после восстания 1209 г.»⁸³. Следуя за Тихомировым, новейший исследователь Буганов нашел в Пространной Правде ряд статей, ставших «своего рода ответом на те обвинения, которые выдвинули восставшие против Мирошкиничей»⁸⁴. Какие доводы приводятся в обоснование таких соображений? Эти доводы историки добывают с помощью формального сопоставления летописных сведений с Русской Правдой.

Тихомиров, касаясь обвинения Мирошкиничей в том, что они брали на новгородцах серебро, счел возможным связать его «с денежным счетом Правды, который ведется на куны, а не на серебро или новые куны, хотя о новых кунах указывается уже в договоре 1195 г., где наряду с ними упоминаются “ветхие куны”⁸⁵. Предлагаемая Тихомировым конструкция настолько субъективна, что с автором ее невозможно даже спорить. Несколько иначе устанавливает связь изучаемых лето-

писных данных с нормами Русской Правды Черепнин. Сбор серебра среди новгородцев являлся, по Черепнину, нарушением ст. 50–53 Пространной Правды, которые «ограничивали взимание серебра, т.е. резоимство». Тут у историка явная натяжка, ибо ст. 50–53 Пространной Правды определяют порядок взимания процентов с отданных в долг денег («кун»), тогда как сбор Мирошкинцами «серебра» никакого отношения к ростовщичеству не имел, будучи незаконной и скорее всего единовременной податью, возложенной на массу новгородцев, включавшую различные слои новгородского общества.

Отпечаток событий 1209 г. Тихомиров видел в ст. 9 Пространной Правды, где «указывается право вирника брать по двое кур на день... Введение этой статьи было прямым ответом на незаконное увеличение поборов (в данном случае — кур) с населения, что ставилось в вину посаднику Дмитру». Мы уже отмечали отсутствие в летописи данных, свидетельствующих об увеличении побора курами, предпринятого Дмитрием Мирошкинцем. Следует далее сказать, что Пространная Правда содержит в ст. 9 перечень выдаваемых общиной продуктов вирнику при исполнении им служебных обязанностей (сбора виры), называя свое установление «поконом вирным». Совершенно очевидно, что куры, упоминаемые в «поконе вирном», составляли лишь часть продуктового сбора, идущего на потребу вирнику, а куры, собираемые Мирошкинцами по Новгородской волости, являлись отдельной податью, вновь учрежденной посадником, причем самочинной и вопреки обычаю. Поэтому ее нельзя квалифицировать, подобно Черепнину, как нарушение ст. 9 Пространной Правды, а тем более как побудительный мотив введения этой статьи в законодательство.

По мнению Тихомирова, «обвинение против Дмитра Мирошкинича, состоящее в том, что он приказал брать “дикую вирю” с купцов, совпадает с одной статьей Пространной Правды. В “Правде” читаем постановление о “дикой вире”, согласно которому убивающий в ссоре (“в сваде”) или на пиру платит вместе с вервью: “то тако ему платити по верви ныне, иже ся прикладывають вирую”. Слово “ныне” указывает на определенное время, когда стали платить “по верви” только те, кто к ней “прикладывають вирую”. Ранее же, по-видимому, платили все люди, жившие на территории общины». По смыслу рассуждений Тихомирова, купцы, которые «прикладывають вирую», платили «дикую вирю», а те, что не «прикладывають», от уплаты ее освобождались. Но обвинение, предъявленное посаднику Дмитру, исключает вообще взимание «дикой виры» с купцов, независимо от этого «прикладывания». К тому же Пространная Правда, толкуя о «дикой вире», насчет купцов не роняет ни слова. Вот почему совпа-

дение, о котором говорит Тихомиров, нам представляется мнимым, а не действительным.

Таким образом, связь Русской Правды с событиями 1209 г. есть плодученого воображения. Влияние этих событий на появление Пространной Правды остается в высшей степени сомнительным. Высказывания о том, будто в результате волнений 1209 г. «произошли какие-то изменения в новгородском законодательстве», построены на чем угодно, но не на фактах.

События 1209 г. принадлежат к значительным явлениям в новгородской истории. Но рискованно утверждать, будто лишь тогда «народ впервые выдвинул свои социальные требования и добился их удовлетворения». Несмотря на скудость источников, повествующих о борьбе разных сил в Новгороде XII в. все-таки можно найти аналогии движению 1209 г. Наиболее выразительный из них — волнения новгородцев 1136–1137 гг., завершившиеся победой народа и удовлетворением его требований⁸⁶. Вспомним также князя Ярослава, изгнанного новгородцами за то, что он «много творяху пакостей волости Новгородьскеи». Подчеркивая значимость событий 1209 г., нет оснований отделять их в принципиальном плане от предшествующих выступлений новгородцев. Еще меньше причин считать эти события «исходной точкой знаменательной эпохи» в истории Новгорода⁸⁷.

События 1209 г. в Новгороде — отнюдь не вежа, а звено, хотя и крупное, в цепи противоречий и конфликтов, возникавших в новгородском обществе на протяжении XII — начала XIII вв.

Примечания к главе 9

¹ Бережков, Данилова, Янин и Подвигина датируют эти события 1207 годом. См.: *Бережков Н.Г.* Хронология русского летописания. М., 1963. С. 255; *Данилова Л.В.* Очерки по истории землевладения и хозяйства в Новгородской земле XIV–XV вв. М., 1955. С. 85; *Янин В.Л.* Новгородские посадники. М., 1962. С. 116; *Подвигина Н.Л.* Очерки социально-экономической и политической истории Новгорода Великого XII–XIII вв. М., 1976. С. 141.

² НПЛ. М.; Л., 1950. С. 50–51, 248–249.

³ НПЛ. С. 35, 224.

⁴ Там же.

⁵ НПЛ. С. 35, 225.

⁶ ПСРЛ. М., 1962. Т. 1 Стб. 386

⁷ Там же. Стб. 387.

⁸ *Рапов О.М.* Княжеские владения на Руси в X – первой половине XIII в. М., 1977. С. 168.

⁹ НПЛ. С. 36, 225.

¹⁰ Там же.

¹¹ НПЛ. С. 37, 227.

¹² Там же.

¹³ *Янин В.Л.* Новгородские посадники. С. 108.

¹⁴ *Алексеев Л.В.* Смоленская земля в IX–XIII вв. М., 1980. С. 224, 225. О связи этих событий в Новгороде и Смоленске высказал догадку еще Соловьев. См.: *Соловьев С.М.* Сочинения. Кн. 1. С. 580.

¹⁵ *Дворниченко А.Ю.* О характере социальной борьбы в городских общинах Верхнего Поднепровья и Подвинья в XI–XV вв. // Генезис и развитие феодализма в России. Проблемы социальной и классовой борьбы. Л., 1985. С. 83.

¹⁶ Там же. С. 84.

¹⁷ См. главу 11 настоящей книги.

¹⁸ НПЛ. С. 38–39, 229.

¹⁹ *Янин В.Л.* Новгородские посадники. С. 109.

²⁰ *Соловьев С.М.* Сочинения. Кн. 1. С. 580–581.

²¹ *Янин В.Л.* Новгородские посадники. С. 109. См. также: *Подвигина Н.Л.* Очерки... С. 127.

²² НПЛ. С. 39, 229.

²³ *Соловьев С.М.* Сочинения. Кн. 1. С. 581.

²⁴ НПЛ. С. 41, 233–234.

²⁵ См.: *Фрззер Дж. Дж.* Золотая ветвь. М., 1980. С. 325.

²⁶ См.: *Фроянов И.Я.* Начало христианства на Руси // *Курбатов Г.Л., Фролов Э.Д., Фроянов И.Я.* Христианство: Античность. Византия. Древняя Русь. Л., 1988. С. 288–329.

²⁷ См.: *Соловьев С.М.* Сочинения. Кн. 1. С. 582; *Беляев И.Д.* История Новгорода... С. 281.

²⁸ НПЛ. С. 42, 235.

²⁹ Там же. С. 43, 236.

³⁰ Там же.

³¹ Там же.

³² Там же.

³³ Ср.: Янин В.Л. Новгородские посадники. С. 115.

³⁴ НПЛ. С. 43, 237.

³⁵ НПЛ. С. 44, 238.

³⁶ Янин В.Л. Новгородские посадники. С. 116.

³⁷ Покровский М.Н. Избр. произв. М., 1966. Кн. 1. С. 187.

³⁸ Тихомиров М.Н. Крестьянские и городские восстания... С. 239.

³⁹ Мавродин В.В. Народные восстания в Древней Руси XI–XIII вв. М., 1961. С. 94.

⁴⁰ Черепнин Л.В. Общественно-политические отношения в древней Руси и Русская Правда. С. 276. О доме Мирошкиничей, тесно связанном с суздальскими князьями, писал Кузьмин. См.: Кузьмин А.Г. К вопросу о происхождении варяжской легенды // Новое о прошлом нашей страны. М., 1967. С. 51.

⁴¹ НПЛ. С. 50, 247.

⁴² Янин В.Л. Новгородские посадники. С. 117.

⁴³ Там же. С. 118.

⁴⁴ Соловьев С.М. Сочинения. Кн. 1. С. 582–583.

⁴⁵ Беляев И.Д. История Новгорода... С. 283.

⁴⁶ Заметим, кстати, что эти обстоятельства послужили для Рожкова подтверждением симпатии Мирошкиничей к Всеволоду. См.: Рожков Н.А. Политические партии... С. 45.

⁴⁷ НПЛ. С. 50, 248.

⁴⁸ Покровский М.Н. Избр. произв. Кн. 1. С. 187.

⁴⁹ Янин В.Л. Новгородские посадники. С. 117, 118. См. также: Подвизина Н.Л. Очерки... С. 142.

⁵⁰ НПЛ. С. 50–51, 248.

⁵¹ По Соловьеву, активной стороной тут выступал Дмитр вместе с приятелями, а Константин «позволял им насильственные поступки» (Соловьев С.М. Сочинения. Кн. 1. С. 583). Едва ли здесь Константин уступал Дмитру. Недаром князь Мстислав, появившийся тогда в Новгородской земле, говорил, обращаясь к новгородцам: «Пришьль, есмь к вамъ, слышавъ насилье от князь» (НПЛ. С. 51, 249).

⁵² НПЛ. С. 51, 248.

⁵³ Янин В.Л. Новгородские посадники. С. 119.

⁵⁴ НПЛ. С. 51, 248–249.

⁵⁵ См.: Черепнин Л.В. Общественно-политические отношения в древней Руси и Русская Правда. С. 278.

⁵⁶ Срезневский Н.И. Материалы для словаря древнерусского языка. СПб., 1896. Т. II. С. 129; Беляев был недалек от истины, когда замечал, что Святослав «вместо того, чтобы сослать в заточение, согласно с приговором веча, детей Мирошкинича и его приверженцев, отправил их к своему отцу...». См.: Беляев И.Д. История Новгорода... С. 286.

⁵⁷ См.: Тихомиров М.Н. Крестьянские и городские восстания... С. 238; Янин В.Л. Новгородские посадники. С. 117; Буганов В.И. Очерки... С. 40.

⁵⁸ См.: Фроянов И.Я. Киевская Русь. Очерки социально-политической истории. Л., 1980. С. 180–183.

⁵⁹ По Янину, он посадничал два года. См.: *Янин В.Л.* Новгородские посадники. С. 120.

⁶⁰ Янин и Подвигина вместо «куры» читают «куны» (*Янин В.Л.* Новгородские посадники. С. 118; *Подвигина Н.Л.* Очерки... С. 142). Мы придерживаемся варианта, содержащегося в древнейших списках Новгородской летописи. См.: *Тихомиров М.Н.* Крестьянские и городские восстания... С. 242, 243; *Мавродин В.В.* Народные восстания... С. 94–95; *Буганов В.И.* Очерки... С. 41.

⁶¹ См.: *Мавродин В.В.* Народные восстания... С. 96.

⁶² *Тихомиров М.Н.* Крестьянские и городские восстания... С. 242.

⁶³ Там же. С. 243.

⁶⁴ См.: *Мавродин В.В.* Народные восстания... С. 95.

⁶⁵ См.: *Тихомиров М.Н.* Крестьянские и городские восстания... С. 243.

⁶⁶ ПСРЛ. М., 1962. Т. II. Стб. 932.

⁶⁷ Памятники русского права. М., 1952. Вып. 1. С. 142.

⁶⁸ *Тихомиров М.Н.* Крестьянские и городские восстания... С. 242.

⁶⁹ ПВЛ. М.; Л., 1950. Ч. I. С. 59.

⁷⁰ Там же. С. 119.

⁷¹ Ср.: *Тихомиров М.Н.* Крестьянские и городские восстания... С. 242.

⁷² Там же. С. 243.

⁷³ *Фроянов И.Я.* Киевская Русь. Очерки социально-политической истории. С. 62–65.

⁷⁴ «Слово “грабеж” имеет в данном случае значение наказания», — резонно писал Тихомиров (*Крестьянские и городские восстания... С. 244*).

⁷⁵ *Тихомиров М.Н.* Крестьянские и городские восстания... С. 243.

⁷⁶ *Черепнин Л.В.* Общественно-политические отношения... С. 277.

⁷⁷ *Покровский М.Н.* Избр. произв. Кн. I. С. 187.

⁷⁸ *Тихомиров М.Н.* Крестьянские и городские восстания... С. 244.

⁷⁹ Там же. С. 243–244.

⁸⁰ См.: *Фроянов И.Я.* Киевская Русь. Очерки социально-политической истории. С. 185–215.

⁸¹ *Тихомиров М.Н.* 1) Исследование о Русской Правде. С. 226, 227; 2) Крестьянские и городские восстания... С. 244.

⁸² *Мавродин В.В.* Народные восстания... С. 95.

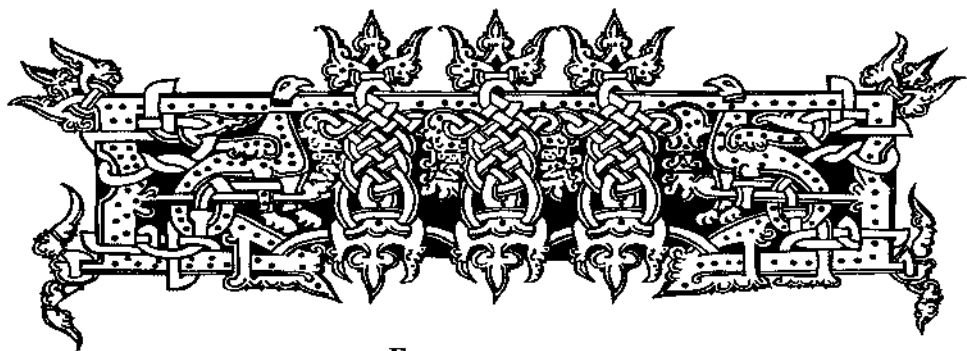
⁸³ *Черепнин Л.В.* Общественно-политические отношения... С. 276. См. также: *Черепнин Л.В.* Русские феодальные архивы XIV–XV вв. М.; Л., 1948. Ч. I. С. 251.

⁸⁴ *Буганов В.И.* Очерки... С. 42.

⁸⁵ *Тихомиров М.Н.* Исследование о Русской Правде. С. 228.

⁸⁶ См.: *Фроянов И.Я.* 1) Становление Новгородской республики и события 1136–1137 гг. // Вестник ЛГУ. 1987. Сер. 2. Вып. I. № 2; 2) Мятежный Новгород: Очерки истории государственности, социальной и политической борьбы конца IX — начала XIII столетия. СПб., 1992. С. 186–207. См. также 7 главу.

⁸⁷ *Покровский М.Н.* Избр. произв. Кн. I. С. 187.

Глава десятая

БОРЬБА В НОВГОРОДЕ ПОСЛЕ СОБЫТИЙ 1209 ГОДА

§ 1 Призвание князя Мстислава Мстиславича Удатного и внутриполитический конфликт в Новгороде после событий 1209 года

Дмитр Мирошкинич был ненавистен новгородцам не только живой, но и мертвый. Когда скончавшегося от ран посадника привезли из Владимира в Новгород, чтобы предать земле, новгородцы хотели мертвеца «совреши» с моста или на костре «сожещи», чему решительно воспротивился владыка Митрофан, заботами которого Дмитра погребли «у Святого Георгия въ монастыри, подъле отчя»¹. Митрофану с большим трудом удалось остановить новгородцев. «Они же едва уставишася от такового неистовства», — сообщает Никоновская летопись². Упоминание здесь архиепископа, конечно, не случайно, поскольку именно он, высшее духовное лицо, должен был воспрепятствовать осуществлению языческих по своей сути замыслов жителей Новгорода. Погружение в воды Волхова и сожжение надо, по всей видимости, понимать как способы обезвреживания «злого покойника».

В 1211 г., по свидетельству Новгородской Первой летописи, «без князя и без новъгородьць Новегороде бысть пожар велик: загореся на Радятине улици и съгоре дворов 4000 и 300, а церкви 15». В Новгород пришла большая беда. Вслед за известием о ней летописец говорит: «...и злодеи испърва не хотя добра, зависть въложи людъм на архиепископа Митрофана с князьмь Мьстиславомь, и не даша ему правитися, и ведоша и в Торопыць...»³. В Никоновском своде рассказ о «великом пожаре» отсутствует. Зато низложение архиепископа представлено подробнее: «На Митрофана, епископа Новгородцкаго, со князем Мстиславом Мстиславичем и с посадники возста сатана, и многы клеветы и злы советы сотвориша на нь, и не даша ему оправдатися, и тако све-доша его с престола его, и ведоша его в заточение в Торопец... и

много бзчестия и поругания, и скорби, и разграбление имения, и единомысленных разлучения, и многа злая наведе ему сатана»⁴. Однако некоторые летописцы стали упрощать картину. В Тверской летописи, например, читаем: «Злодей диавол, испрва не хотя добра роду человеческому, зависть вложи в Новгородских людех с князем Мстиславом на архиепископа Митрофана, и не даша ему правити, и ведоша в Торопец»⁵. Подобное упрощение заметно и в исторических трудах. Так, по мнению Татищева, новгородцы просто «изгнаша владыку Митрофана»⁶. Согласно Карамзину, новгородцы, «недовольные Святителем Митрофаном, без всякого сношения с Главою Духовенства, Митрополитом Киевским, изгнали своего Архиепископа...»⁷. Чем навлек на себя недовольство святитель, историк не разъясняет.

Со временем в историографии появилась мысль о политических причинах изгнания Митрофана, обусловленных его связью с князем Всеволодом. Ее развивал С.М. Соловьев, который объяснял свержение Митрофана приязнью владыки к Всеволоду⁸. И.Д. Беляев, касаясь удаления Митрофана, счел необходимым заметить, что тот был посаженником Всеволода⁹. По словам Костомарова, с приходом в Новгород Мстислава Мстиславовича «не упала партия, расположенная ко Всеволоду и к союзу с Суздальскою Землею; в связи с нею было дело духовное: Мстислав и его партия низложили и послали в Торопец архиепископа Митрофана — креатуру Всеволода».

В советской исторической науке догадка о политических мотивах изгнания Митрофана приобрела, можно сказать, законченный вид. «Расстановка политических сил, — пишет А.С. Хорошев, — резко меняется в 1210 г., когда антисуздальская боярская группировка приглашает на княжение черниговского (? — И.Ф.) князя Мстислава Мстиславовича Удатного. Этот поворот не мог не сказаться на судьбе владыки Митрофана — ставленника Всеволода, который был вскоре удален с кафедры и отправлен в заточение в Торопец»¹⁰. Считаем, что Митрофан потерял кафедру не только вследствие политических перемен, произошедших после вокняжения Мстислава Удатного в Новгороде. Чтобы убедиться в этом, вернемся к летописному тексту.

Надо сказать, что он не так однозначен, как может показаться поначалу. Обычно его толкуют так, будто новгородцы вместе с Мстиславом выступили против Митрофана и, лишив его архиепископской должности, отвели в Торопец. Но конструкция соответствующей фразы позволяет понять летописца и по-другому. «Зависть вложи (злодей-диавол. — И.Ф.) людъм на архиепископа Митрофана с князьмь Мсти-

славом», — говорится в летописи. И это можно интерпретировать таким образом, что «зависть» была внушена людям на архиепископа Митрофана с князем Мстиславом. Еще более нагляден в данном отношении слог Никоновской летописи: «На Митрофана, епископа Новгородскаго, со князем Мстиславом Мстиславичем и с посадники возсатана...». И.Д. Беляев когда-то заметил, что новгородцы «возымели какое-то подозрение на владыку Митрофана»¹¹. Летописный рассказ позволяет, на наш взгляд, распространить это подозрение, помимо Святителя Митрофана, на князя Мстислава и, если верить Никоновской летописи, на «посадники», из чего следует, что события, приведшие к смещению Митрофана, могут рассматриваться как волнения в новгородском обществе, в ходе которых народ предъявил обвинения («многы клеветы», по терминологии Никоновской летописи) своим высшим властям — архиепископу, князю и остальным правителям. По-видимому, представителям светской власти удалось избежать наказания, и гнев новгородцев обрушился на архиепископа. Ему не дали даже «оправдаться»¹², свели «с престола», подвергнув безчеству, поруганию и разграблению. Едва ли подобное наказание он понес за свои политические симпатии. Альянс с князем Всеволодом в момент антисуздалских настроений новгородцев был чреват для владыки потерей кафедры или разграблением, наконец, но не безчеством и поруганием. Последние в древних обществах применялись к властителям, не справляющимся с возложенными на них обязанностями и навлекающим на общество разного рода бедствия¹³. Что касается самого опального Митрофана, то его нахождение в Новгороде было столь нежелательно новгородцам, что они удаляют его вообще из Новгородской волости, — сперва в Торопец, а потом во Владимир, надеясь тем обезопасить себя. Так за скупыми и затемненными строчками летописей вырисовывается общественная драма, пережитая Новгородом в 1211 г. Источником ее стал «великий пожар», уничтоживший чуть ли не весь Новгород. Ответственность за него люди возложили на местных властителей, в первую очередь — на архиепископа Митрофана, что соответствовало языческим представлениям, согласно которым общественные беды являлись результатом нерадивости или греховности правителей. Таких правителей либо убивали, либо с безчеством и позором изгоняли. Аналогичная участь постигла архиепископа Митрофана, обвиненного, вероятно, в жестоком пожаре, спалившем добрую часть Новгорода. Владыку не только свергли с кафедры, но и изолировали, выслав за пределы новгородской территории.

Мы вовсе не хотим утверждать, будто падение владыки Митрофана произошло лишь на языческой почве. Для Новгорода начала XIII в. такие утверждения звучали бы явным анахронизмом. Но не учитывать языческих традиций, достаточно сильных в новгородской общине указанного времени, хотя и видоизмененных в процессе исторического развития, значит пренебречь важными элементами общественной жизни древнего Новгорода, особенностями социальной психологии людей той поры, т.е. утратить чувство историчности. Свержение Митрофана состоялось по языческому сценарию, но не без влияния политических обстоятельств. Приверженность архиепископа властителю Суздальской земли, покушавшемуся на вольности новгородцев, отнюдь не способствовали укреплению авторитета святителя.

Всеволод Юрьевич больше на словах, чем на деле, соблюдал новгородскую старину. Движение 1209 г., направленное против всеволодова доброхота Дмитра Мирошкинича, усилило новгородскую общину. Поэтому Всеволод не рискнул направить в Новгород Константина, причастного к беззакониям Мирошкинича, и дал новгородцам другого своего сына Святослава. Новый князь принял условия новгородской стороны. «И бысть князь у них по их воли во всем по старине и по уставу прѣвых их князей, и бе межи их мир и любовь велиа», — сообщает Никоновская летопись¹⁴. Но «мир и любовь» длились недолго. В Новгороде зрело недовольство Святославом и его родителем. Под 1210 г. в Новгородской первой летописи читаем: «Приде князь Мъстислав Мъстиславиць на Тържък и изма дворяне Святослави, и посадника оковаша, а товары их у кого рука доидеть; а в Новѣгород присла: “кланаяся светеи Софии и гробу отца моего и всем новгородьцем; пришьл есмь к вам, слышав насилье от князь, и жаль ми своя отцины”. То слышавъше, новгородьци послаша по нь с великою честию: “поиде, княже, на стол”; а Святослава посадиша въ владыцни дворе и съ муже его, донеле будеть управа с отцемъ. Приде Мъстислав в Новѣгород, и посадиша и на столе отци, и ради быша новѣгородьци»¹⁵. В Никоновской летописи содержатся подробности, отсутствующие в новгородском памятнике и характеризующие поведение новгородцев после обращения к ним князя Мстислава: «И сиа словеса зело угодна бысть Новгородцем, и послаша по него с великою честию, глаголюще: “поиде, княже добрый, на стол к нам в Новѣгород, а мы князя Святослава Всеволодовича от себе изгоним, или поймаем”. И сотворише вече по своему их обычаю, и посадиша за сторожи князя своего Святослава Всеволодовича на владычне дворе и с мужи его. И прииде князь Мстис-

лав Мстиславич в Новѣгород, и посадиша его с честию и славою и со мною радостію на отца его столе, и бысть радость во всех Новгородцех велиа, яко по желанию их и по воли их бысть им князь на Новегороде, а князь Святослав Всеволодовичъ сѣдѣще за сторожи на владычнем дворе»¹⁶.

Из приведенных летописных известий явствует, что новгородцы были настроены по отношению к Святославу негативно, терпение их истощилось: нужен был лишь толчок, чтобы они открыто восстали против Всеволодича. Однако инициатива приезда Мстислава Удатного в Новгород принадлежала не им, а самому торопецкому князю. Поэтому теряет силу предположение некоторых исследователей, будто Мстислава на княжение пригласила антисуздальская боярская группировка, или партия. Повествования летописцев не дают никаких оснований для выводов о борьбе боярских партий вокруг княжеского стола. Напротив, новгородская община выступает единой, решая на вече принять Мстислава на княжение, а Святослава взять под стражу. На вече незаметно серьезных разногласий, почему летописцы и говорят о всеобщей радости и ликовании в Новгороде по поводу появления Мстислава. Ревнитель старины Мстислав Мстиславич был посажен на стол по древнему обычаю и ритуалу: «и посадиша его с честию и славою».

Первое мероприятие Мстислава по вокняжении — поход на Всеволода: «И поиде Мъстислав съ всемъ пълкомъ на Всеволода; и быша на Плоскеи, и присла к нему Всеволод: “ты ми еси сын, а яз тѣбе отецъ; пусти Святослава с мужи, и все, еже заседел, исправи; яз гость пускаю и товар”. И пусти Мъстислав Святослава и мужи его, а Всеволод, пусти гость съ товары; хрест человаста и мир възяста; и приде Мъстислав в Новѣгород»¹⁷. Как видим, отношения Всеволода с Новгородом складывались не лучшим образом, на что указывают препоны, чинимые владимирским князем, торговым людям, идущим в Новгород.

Вскоре после возвращения из похода Мстислава с новгородцами в волховской столице имел место необычный случай. В Новгород «приде Дмитр Якуницъ из Руси, и съступися Твердислав посадничества по своей волю старейшую себе: тѣгда же даша посадничество Дѣмитру Якуничю»¹⁸. Этот случай обратил внимание многих историков и побудил их к довольно рискованным утверждениям. Еще И.Д. Беляев писал: «Новгородцы и Мстислав, управившись счастливо с Всеволодом, воротились домой, и повели дела свои так, чтобы все было у них в порядке, чтобы старшие не были изобижены, и чтобы не было происков

и неправды; и первый образец такого порядка показал избранный народом посадник Твердислав Михалкович, он добровольно уступил посадничество старшему, приехавшему из Руси, Дмитру Якуничу...»¹⁹. Н.А. Рожков, относивший Твердислава Михалковича и Дмитра Якуничу к демократической партии, противостоявшей партии аристократической, узрел в поступке Твердислава проявление очереди старшинства, соблюдаемой между членами одной партии²⁰. Целую концепцию на данном эпизоде разработал Янин. Осмысливая летописный текст, ученый говорит: «Что значит “старейшу себе”? По-видимому, это выражение прежде всего свидетельствует о возникновении нового порядка перехода посадничества от одного лица к другому, основанного на каком-то старшинстве. Такой порядок, по существу, мог быть только компромиссом между группировками, договорившимися о правилах очередности в замещении посадничества. Нужно думать, что только в силу этого порядка Твердислав смог удержать власть в 1209 г., когда князем стал Мстислав Мстиславич. В силу того же порядка и Дмитр Якунич поспешил прийти из Руси (*или Руси? — И.Ф.*) в Новгород, где его ожидало посадничество, принадлежавшее теперь ему по праву. Возникновение нового порядка является несомненным свидетельством нового сплочения боярства. Вопрос о посаднике этим порядком поставлен вне зависимости от княжеского произвола и поворотов внутренней борьбы. Очередность перехода посадничества становится в зависимость от уже сложившихся закономерностей “старшинства”... Новый принцип свидетельствует о сложении в Новгороде посадничьих династий и о принадлежности этих династий к различным, соперничавшим боярским группировкам»²¹. Свое открытие «закономерностей старшинства» Янин сумел «подтвердить» еще лишь одним, откровенно сказать, сомнительным фактом, связанным с избранием в посадники вместо Твердислава другого боярина — Юрия Ивановича. Тут, полагает ученый, также «сыграло роль старшинство»²², хотя в летописи нет не малейшего намека на сей счет. Несмотря на умозрительность теории Янина, она оказалась привлекательной некоторым историкам. С полным доверием воспроизводит ее Подвигина, которая с момента отказа Твердислава от посадничества наблюдает «новый порядок избрания посадников», являвшийся по существу «компромиссом между боярскими группировками»²³. А.В. Петров, соглашаясь с мыслью о «новом порядке», начало которому положил Твердислав Михалкович, находит в нем отражение процессов «консолидации городской общины Новгорода,

приобретавшей свою законченную территориально-политическую структуру... Внедрение в политическую жизнь Новгорода нового порядка занятия посадничества, вероятно, связано со стремлением общины (*конца*. — И.Ф.), представители которой долгое время не были посадниками, утвердить справедливость в данном вопросе»²⁴.

Избрание в посадники по принципу старшинства вызывало у Покровского глубокие сомнения. «Если бы это было так, — писал он, — то по части аристократических предрассудков Новгород перещеголял бы самое Москву, где местничество сложилось не раньше XV в., тогда как сейчас затронутый случай происходил в 1211 г. Но этот же случай и даст нам еще один очень наглядный пример того, как легко переносятся в домосковскую Русь московские точки зрения, ибо новгородский летописец ничего не говорит ни о каком местническом споре под этим годом. Он просто констатирует смену одного посадника другим и приводит, по всей видимости, официальную мотивировку этой перемены: то, что новый посадник был «старше» (вероятно, годами старше: между их отцами была разница лет в 30) прежнего». Истинная причина «отставки» Твердислава состояла, по убеждению Покровского в том, что «князю Мстиславу желательно было иметь своего посадника»²⁵.

Идею «нового порядка», введенного якобы Твердиславом Михалковичем, оспорил Мартышин. Допустив установление в 1211 г. «принципа старейшинства», мы, справедливо полагает исследователь, не поймем, почему «тот же Твердислав в 1214 г. вновь стал посадником, в 1215 г. уступил посадничество Юрию Ивановичу, в 1216 г. сменил Юрия Ивановича, но ненадолго. В том же году был избран новый посадник Семен Борисович, за которым, как признает Янин, право старшинства признать нельзя, ибо среди посадников предшествующей поры нет ни одного под именем Борис. Это не единственная неувязка концепции. Если преимущество старшинства было на стороне Юрия Ивановича, то почему же он не стал посадником в 1214 г. и как при живом Юрии Ивановиче Твердислав сумел вернуть себе пост в 1216 г. К тому же принцип старшинства противоречит вольности в посадниках, провозглашенной Твердиславом в 1219 г. Скорее всего, добровольная (а вернее, без конфликта) уступка посадничества в 1211 г. означала признание Твердиславом авторитета Дмитра Якунича, расстановка сил сложилась в его пользу»²⁶.

К этим резонным замечаниям Мартышина добавим то, что Янин оставляет открытым вопрос, почему после Дмитра Мирошкинича новгородцы «даша посадничество» Твердиславу Михалковичу, а не Юрию

Иванковичу или Дмитру Якуничу. Последний, положим, был вне Новгорода и вернулся туда лишь в 1211 г., хотя столь долгая отлучка его мало вероятна. Чтобы связать концы с концами, надо также Юрия Иванковича отправить в многолетнюю поездку. И так можно нагромождать произвольные догадки до бесконечности. Но вряд ли это приблизит нас к познанию подлинной истории.

Изобретенный Яниным «новый порядок» разбивается о реальную историческую действительность, что невольно признает сам автор, когда отмечает: «Противоречия внутри боярства, противоположность группировок остаются и при новом порядке. Более того... новый порядок поддерживается в значительной степени авторитетом его инициатора Твердислава»²⁷. Получается так, что не будь Твердислава, — не было бы и «нового порядка». Выведенный, в сущности, из единственного факта передачи посадничества Дмитру Якуничу «новый порядок» оказывается эфемерным, как сон.

Случай с Дмитрием Якуничем вернее отнести к разряду особых, индивидуальных, т.е. обусловленных обстоятельствами личной биографии Дмитра, тесно связанного, по всей видимости, со смоленскими Ростиславичами²⁸. Пришедший из Киева или Смоленска²⁹ Дмитр был ближе Мстиславу, чем посадник Твердислав, хотя к последнему князь, похоже, вражды не испытывал. Мстислав Мстиславич, только что с радостью принятый новгородцами на княжение и возвратившийся из удачного похода на Всеволода, мог надеяться на полную поддержку новгородской общиной своих пожеланий относительно посадничества. Это хорошо понимал Твердислав, благоразумно уступив место Дмитру Якуничу, причем дипломатически обставил вынужденно-добровольный уход изъявлением почтительности к «старейшинству» Дмитра, которое означало старшинство не генеалогическое, а возрастное. Иначе Дмитр, как справедливо считал М.Н. Покровский, был старше годами Твердислава³⁰.

Итак, рассмотренный нами эпизод со сменой посадников в 1211 г. больше относится к области земных человеческих отношений, чем к заоблачной сфере политики.

§ 2 Борьба Новгорода за политическое влияние в Северо-Западной Руси. Отношения новгородцев с общинами Пскова, Ладоги и Торжка

В 1215 г. «поиде князь Мьстислав по своей воли Киеву, и створи вєце на Ярославли дворе, и рече новгородьцем: “суть ми орудия въ Руси, а вы волни въ князехъ”»³¹. Так повествует новгородский летописец.

Ряд историков, дореволюционных и советских, доверчиво следовали за ним³². Но не исключено, что местный хронист кое-что утаил с целью придать благообразие уходу Мстислава. Быть может, недаром в Никоновской летописи говорится: «Новгородцы, по старому своему обычаю, начаша вече творити тайно, хотяше господина князя своего от себе изгнати из Новагорода Мстислава Мстиславича, и о сем много вече творяще». Узнав о кознях новгородцев, Мстислав покинул город, а те «возрадовавшеся избывше князя своего»³³. Ту же картину отъезда Мстислава из Новгорода рисует Татищев, добавляя, впрочем, что князя «смердь вся любляху»³⁴. Известия Никоновской летописи и Татищевской «Истории» принимали С.М. Соловьев и Н.И. Костомаров³⁵. Сообщение Татищева о любви простого народа (смердов) к Мстиславу послужило Костомарову основанием для предположения о том, будто «знатные фамилии начали составлять тайные скопища и намеревались изгнать князя»³⁶. Возможно, что интригу сперва стали плести «знатные фамилии». Однако, чтобы князь почувал настоящую опасность, надо было вовлечь в нее массы новгородцев, и это, по видимому, удалось. В конечном счете, новгородская община выступила единым строем. Она сошлась на вече, где Мстислав заявил, что покидает Новгород.

Остановить выбор на новом князе удалось не сразу, и новгородцы «много гадавъше», прежде чем «послаша по Ярослава по Всеволодицця». Как показали дальнейшие события, то был не лучший выбор. Войдя в Новгород, Ярослав подверг репрессиям сторонников Мстислава. Он велел схватить «Якуна Зуболомиця, а по Фому посла по Доброщиниця, по новоторжьский посадник, и оковав потоци и на Тъхверь»³⁷. В ход пошли доносы и наговоры. Какие-то Федор Лазутинич и Ивор Новоторжец «обади» тысяцкого Якуна Намнежича. Ярослав ловко воспользовался клеветой и «створи вече» на Якуна. Прямо с вече простодушные новгородцы «идоша на двор Якун, и розграбиша, и жену его яша». Самому Якуну удалось скрыться от разгоряченных горожан. На другой день он вместе с посадником пришел к Ярославу, чтобы оправдаться, но тот не хотел ничего слышать и «повеле яти сына его Христофора»³⁸. Страсти в городе накалились.

И.Д. Беляев, анализируя данные события, писал: «Ярослав был истый Суздальский князь, такой же самовластный, как и покойный отец его Всеволод, и такой же защитник и покровитель Суздальщинской партии верховодов и притеснителей. Он в тот же (1215) г., как пришел в Новгород, велел схватить многоуважаемого Якуна Зуболомича и Новоторжского посадника Фому Добрынича, и оковав, сослал их в

Тверь; а вслед за этой несправедливой, без воли народа сделанной, ссылкой, по наговору Суздальщинцов Федора Лазутинича и Ивора Новоторжича, собрал вече на Ярославовом дворе против тысяцкого Якуна Намнежича. Вече сие, составленное по всему вероятию из Суздальщинцов, решило, как хотелось князю, и бросилось тут же грабить дом Якуна тысяцкого... Народ, теснимый Суздальщинцами, целые десять дней молчал против такой неправды и выжидал удобного случая отомстить за насилие насилием»³⁹.

Автор «Истории Новгорода Великого» справедливо говорит о самоуправстве князя Ярослава, который без всякого согласия новгородцев расправился с именитыми новгородскими мужами. Но вряд ли он прав, утверждая однопартийный состав вече на Ярославле дворе, куда сошлись, по его мнению, одни лишь «суздальщинцы». Летописец не уполномочивает нас на такие выводы, сообщая не об узкопартийном вече, а о полноценном общегородском вечевом сходе⁴⁰. Именно вечевое собрание всего Новгорода могло распоряжаться судьбой тысяцкого — одного из высших чиновников новгородской общины. Ярослав это знал, почему и созвал вече, чтобы воспользоваться им, настроив против Якуна Намнежича. Вечники поверили наветам на тысяцкого и наказали его по обычному по тому времени способу — разграблением имения. Значит, народ, вопреки мнению Беляева, не «выжидал удобного случая», но быстро стал действующим лицом заваренных Ярославом событий⁴¹. Вот почему надо отвергнуть и попытки Костомарова свести все происходившее в 1215 г. к столкновению двух партий — сторонников и противников Ярослава⁴². Сомнительной нам кажется также характеристика, данная Яниным политике Ярослава: «Утвердившись в Новгороде, князь Ярослав следует старой суздальской политике и стремится вбить клин между боярскими группировками, активизируя внутреннюю борьбу боярства»⁴³. Ярослав повел более крупную политическую игру, делая ставку не на боярские группировки и партии, а на широкие круги новгородцев. Поэтому он и обратился к вечу, в чем отчетливо выразилось стремление князя использовать новгородские массы как силу, способную устранить и загнать в угол политической сцены неугодных ему бояр. Но эта сила тут же вышла из-под княжеского контроля и ударила, подобно бумерангу, уже по Ярославу. Началось с того, что жители Прусской улицы убили некоего Овстрата с сыном Луготою и бросили их тела в ров. Ярославу это не понравилось: «князь же о томъ пожали на новгородце»⁴⁴. Недовольство Ярослава, вероятно, вызвано было тем, что Овстрат

и Лугота принадлежали к приверженцам князя⁴⁵. Нависла угроза непосредственно над самим Ярославом, и он предусмотрительно ушел из Новгорода, обосновавшись в Торжке⁴⁶.

Это был уход с далеко идущими планами. Летописец извещает, что Ярослав «седе на Търожъку», т.е. вокняжился в новгородском пригороде, нанеся тем сильный удар по суверенитету Новгорода. К несчастью, «тое же осени побѣ мраз обилѣе по волости». Ярослав блокировал волховскую столицу: «И зая князь вършь на Търожку, не пусти в город ни воза». В Новгороде разразился страшный голод, косивший людей. Летописец с болью в сердце восклицал: «О, горе бѣше: по търгу трупѣ, по улицам трупѣ, по полю трупѣ, не можаху пси изедати человек; а Вожане помроша, а останъке разидеся; и тако по грехом нашим разидеся власть наша и град наш»⁴⁷. Напуганные голодом и еще в большей мере перспективой утраты Новгородом статуса главного города, новгородцы слали одно посольство за другим «по князя». Ярослав, хотя и принимал посланцев, но в Новгород не шел. О том, чего прежде всего добивались новгородцы, можно судить по их «последней речи», произнесенной перед князем Мануилом Ягольевичем: «Поиди въ свою отчину къ Святеи Софии; не идеши ли, а повежъ ны»⁴⁸. Новгородцы готовы признать свой город отчиной Ярослава, лишь бы он воротился «к Святеи Софии» и восстановил прежний политический порядок в Новгородской волости. Что этот порядок был грубо нарушен переяславским князем, весьма недвусмысленно говорят другие факты. Мстислав Удатной, «учюв зло», творимое Ярославом над новгородцами, приехал в Новгород и «я Хота Григоревича, наместника Ярославля». Князь Ярослав, следовательно, завел в Новгороде наместника, решившись на такое попрание новгородской свободы, на какое не решались ни Андрей Боголюбский, ни Всеволод Большое Гнездо. При этом он, унижая Новгород, возвышал Торжок. Отсюда становится понятной речь Мстислава во время веча на Ярославле дворе: «Поидем поищем муж своих, вашей братья, и волости своеи; да не будетъ Новыи търгъ Новгородом, ни Новгород Тържком; но къде Святая София, ту Новгородъ»⁴⁹.

Намерение Ярослава верно понял Костомаров: «Князь Ярослав утвердился в Торжке, и задумал сделать этот пригород главным городом, средоточием власти над всею Новгородскою Землею, из Торжка сделать Новгород»⁵⁰. Разумеется, для Ярослава усиление Торжка было не самоцелью, а средством сокращения мощи Великого Новгорода, с которым у суздальских князей имелись давние счеты. Совершен-

но очевидно, что князь не мог осуществлять свой замысел, опираясь только на собственные силы. Активную помощь ему оказывало население Торжка и прилегающей к нему области. Перед нами новый виток борьбы пригородов с Новгородом. Мы видели, как в результате соперничества Пскова и Ладоги с Новгородом в 30-е гг. XII в. сложился тройственный союз городов, руководивший жизнью волости⁵¹. Но союз этот оказался кратковременным и вскоре прекратил свое существование. Новгород опять стал единственным правящим городом Новгородской Земли. Политическая судьба Пскова и Ладоги сложилась по-разному. Значение Ладоги падало. И в изучаемый нами момент она являлась послушным Новгороду пригородом и управлялась посадником⁵². Более высокий политический статус приобрел Псков, где сидели собственные князья⁵³. Псковичи самостоятельно распоряжались княжеским столом, не оглядываясь на Новгород⁵⁴. Обладавший значительной независимостью, Псков приближался к полному отделению от Новгорода.

В конце XII в. возросло значение Торжка, который, по словам Костомарова, «возвышаясь, стал уже соперничать с Великим Новгородом»⁵⁵. Внешним признаком возвышения Торжка было появление там княжения. Впервые о новоторжском князе летопись говорит под 1158 г.: «Иде Ростислав Смольску и съ княгынею, а сын свои Святослав посади Новгороде на столе, а Давыда на Новемь тьргу»⁵⁶. В 1177 г. новгородцы посадили «на Новемь тьргу» князя Ярополка⁵⁷. Затем он был переведен в Новгород⁵⁸, потом снова направлен в Торжок⁵⁹. Несмотря на обзаведение новоторжцами княжеским столом, они еще послушны Новгороду. Но вот в 1196 г. Новый торг проявил свой норов. Случилось так, что новгородцы, «сѣдумавше» на вече, «показаша путь из Новгорода и выгнаша и на Гюргев день, осень, Ярослава князя. Иде князь Ярослав на Новыи тьрг, и прияша и новоторжьци съ поклономъ... Ярослав княжеше на Тьрьжку въ свои волости, и дани поима по всему Върху и Мете, и за Волокомъ възьма дань»⁶⁰. Новгородцы же на всю зиму остались без князя. А Торжок, правда, на короткий срок, получил статус правящего центра. С тех пор Новый торг, словно козырная карта, использовался князьями в играх с Новгородом. Там гнездилась оппозиция старейшему городу⁶¹. Отнюдь не случайно отстраненный от должности архиепископ Антоний «выехал в Торжек, осердясь на новгородцев»⁶². Не зря и князь Всеволод, вынужденный покинуть Новгород, «седе на Тьрьжку»⁶³.

Таким образом, противоречия между Новгородом и Торжком достигли в начале XIII в. предельной остроты. Помимо приведенных

фактов, яркое свидетельство тому — участие всех новоторжцев на стороне Ярослава Всеволодовича в войне с новгородцами⁶⁴. Конечно, и Ярослав, и новоторжцы преследовали собственные цели. Новый торг стремился подчинить Новгород, стать главным городом Земли или выделиться, на худой конец, в независимую волость, город-государство. Князь Ярослав, пользуясь сепаратистскими устремлениями новоторжцев, старался подорвать мощь новгородской общины и отторгнуть от нее Торжок⁶⁵. Новгород переживал самый, пожалуй, критический период своей истории. Перед ним возникла опасность лишения добытых в упорной борьбе вольностей и превращения княжения в наместничество суздальских правителей, опасность потери главенствующего положения в волости и утраты территориальной целостности. По существу вопрос стоял о жизни и смерти Новгорода как суверенного города-государства. Разрешить его могла лишь война.

К счастью для новгородцев, к ним вернулся Мстислав Мстиславич Удатной. Началась спешная подготовка к походу на Ярослава. Как нередко бывает в моменты неизвестности исхода событий «одиначество» новгородского общества дрогнуло: «Побегоша к Ярославу преступици кресту: человали бо бяху хрест честьными к Мьстиславу съ всеми новгородци, яко всем одинаким быти, Володислав Завидиць, Гаврила Игоревиць, Гюрги Ольксиниць, Гаврильць Милятиниць, и с женами и с детьми»⁶⁶. У Ярослава было немало мужей новгородских, «старейших» и «молодых»⁶⁷. Вместе с ним на брань пошли, как было сказано, и «вси новотържъци». И, разумеется, «боронила» его «вся сила Суздальской земли», ведомая Великим Князем владимирским Юрием Всеволодовичем. Мстиславу и новгородцам помогали псковичи и смоляне со своими князьями, а также ростовцы с князем Константином Всеволодовичем. Война, стало быть, приобрела чрезвычайно сложный характер, будучи межволостной и внутриволостной⁶⁸, т.е. внешней и внутренней, или гражданской. Последнее отчетливо сознавал летописец: «Оле страшно чюдо и дивно, братъе; поидоша сынове на отця, брат на брата, раб на господина, господин на рабъ»⁶⁹.

21 апреля 1216 г. в битве на Липице победа досталась Мстиславу с новгородцами. Костомаров, оценивая ее, писал: «Эта победоносная война утвердила за Новгородом то великое нравственное значение, которое уже прежде доставлено было ему Мстиславом. Прежде новгородцы установили ряд в Южной Руси, решали споры южных князей и судьбу правления их областей; теперь они распоряжались судьбою

Суздальского края и принуждали признать приговор, нареченный их выборным князем над вопросом о праве на княжение, претендовавшее быть главою русской удельной федерации; вместе с тем эта война показала, что новгородцы умеют заставить уважать неприкосновенность и цельность своей областной самостоятельности»⁷⁰. Оценка верная, но, на наш взгляд, не исчерпывающая.

Победа в Липицкой битве — важнейшая веха новгородской истории. Она явилась переломным моментом в отношениях Новгорода с князьями Владимиро-Суздальской земли. Более чем полувековой их натиск был остановлен. Новгородцы в длительной и упорной борьбе отстаивали право «свободы в князьях», приобретенное ими еще в результате событий 1136 г., покончивших с господством Киева над Новгородом, отбили попытки превращения новгородского княжения в наместничество. Успех был закреплен посажением Константина на владимирский великокняжеский стол: «И посадиша новгородци Константина в Володимири на столе отни». В благодарность он «одари чеством князи и новгородци бещисла»⁷¹. Все это сказалось на эволюции княжеской власти в самом Новгороде: сложились более благоприятные условия для соединения местной государственной организации с княжеской властью, оформившейся в один из институтов верховной власти Новгородской республики⁷². Благодаря липицкой победе Новгород не только удержал, но и укрепил свое положение главного города в волости, отстояв при этом ее территориальную целостность.

§ 3 Новгородская смута 1218 года. Отношения новгородцев с Великими Князьями Владимирскими

Мстислав недолго княжил в Новгороде. В 1218 г. он снова, и на сей раз навсегда, расстался с новгородцами. Перед отъездом князь созвал вече на Ярославле дворе, на котором молвил: «Кланяюся Святеи Софии и гробу отца моего и вам; хоцю поискати Галиця, а вас не забуду; даи Бог леци у отца у Святеи Софии». Новгородцы умоляли Мстислава остаться, но «не можахуть его уяти, и поклонивъся поиде». Пришлось послать в Смоленск за князем Святославом Мстиславичем, двоюродным племянником Мстислава Удатного. При этом Святославе в Новгороде произошла смута и даже вооруженное побоище.

Зимой 1218 г. из Новгорода «побеже Матеи Душильцевиць, съвязав Моисеиця бириць ябетницъ; новгородци же, угонивъше и, яша и ведоша и на Городище, и вьиде лжа в город: выдал Твьрдислав князю Матея, и възвониша у Святого Николы ониполовци церес ночь, а Не-

ревьскими коньчъ у Святых 40, такоже копяче люди на Твърдислава. И бысть заутра, пусти князь Матея, учюв гълку и мятежь в городе. И поидоша ониполовци и до детии въ брънях, акы на рать, а неревляне такоже; а загородьци не въсташа ни по сих, ни по сих, нъ зряху перезора. Твърдислав же, позря на Святую Софию, и рече: “даже буду виноват, да буду ту мертв; буду ли прав, а ты мя оправь, господи”; и поиде с Людинымъ концем и с пруси. И бысть сеця у городьных ворот, и побегоша на онъ пол, а друзии в конецъ, и мост переметаша, и перешаша ониполовци в лодьях, и поидоша силою... и убиша муж прус, а концын другии, а оныхъполовиць Ивана Душильцевича, брат Матеев, а в Неревскомъ конци Къснятина Прокопинича, иных 6 муж, а раненых много обоих... и тако быша веча по всю неделю... и съидошася братья въкупе однодушно, и крест целоваша. Князь же Святослав присла свои тысяцкый на вече, рече: “не могу быти с Твърдиславом и отъимаю от него посадьничьство”. Рекоша же новгородьци: “е ли вина его”. Он же рече: “без вины”. Рече Твърдислав: “тому есмь рад, оже вины моеи нету; а вы, братье, въ посадничьстве и въ князех”. Новгородци же отвещаше: “княже, оже нету вины его, ты к нам крест целовал без вины мужа не лишити; а тобе ся кланяем, а се нашъ посадник, а в то ся не вдадим”; и бысть мир»⁷³.

Мы намеренно воспроизвели рассказ летописца с такой полнотой, чтобы нагляднее показать степень достоверности наших предположений насчет изображенных им происшествий. Обращает внимание исследователей тенденциозность данного рассказа, проистекающая из того, что его составил летописатель, принадлежащий к числу сторонников Твърдислава⁷⁴. Но это — не единственная трудность, возникающая перед историком. Само повествование, местами затемненное, страдающее порой недоговоренностью, затрудняет работу комментатора. Вот почему чтение летописного текста требует повышенной сосредоточенности, внимательного отношения к деталям. Ниже увидим, что забвение означенного подхода чревато ошибочными представлениями и выводами.

Матвей Душильцевич, связав княжеского мужа Моисейца, преступил закон и потому бежал из Новгорода, спасаясь от наказания. Злодеяние Матвея затронуло не только князя Святослава, но и новгородскую общину, чем и объясняется преследование беглеца новгородцами, которые, изловив его, привели «на Городище», где вершился княжой суд⁷⁵. Подчеркнем, что именно новгородцы передали Матвея в руки правосудия. И вот затем по городу поползла «лжа», будто посадник Твърдислав «выдал» князю Матвея Душильцевича, всполо-

шившая Новгород. «Выдать» значит оставить без помощи, защиты⁷⁶. В разбираемом нами казусе это надо понимать так: Твердислав уклонился от суда над Матвеем, передав его полностью Святославу, что являлось отступлением от заповеди новгородской «суд судить» князю с посадником⁷⁷. Новгородцы, конечно же, не могли равнодушно взирать на подобное отступление. Если учесть, что нарушителем здесь, в первую очередь, оказался посадник, т.е. чиновное лицо, обязанное блюсти новгородские порядки, то легко догадаться, сколь сильным было негодование горожан. «Мятежом и голкой» ответили они на выходку Твердислава. Князь испугался волнений и отпустил Матвея. И это, между прочим, косвенно указывает на вину Твердислава. В самом деле, чего опасался Святослав? По-видимому, возмущения новгородцев несправедливым (без посадника) судом над Матвеем. В конечном счете, виновными в нарушении новгородской судебной традиции стали и посадник и князь. Отсюда ясно, что движение «ониполовцев» и «неревлян» изначально было направлено против посадника Твердислава и князя Святослава. По мнению же Янина, «восстание 1219 г. имело ярко выраженный антикняжеский характер»⁷⁸. Взгляд однобокий. Автору можно возразить в том смысле, что волнения новгородцев приобрели в большей мере антипосадничью направленность, нежели антикняжескую. Но, в целом, повторяем, то было выступление и против посадника, и против князя.

Освобождением Матвея князь надеялся прекратить раздор. Но «мятеж» продолжался, угрожая теперь самому Твердиславу. Ожесточение новгородцев в отношении посадника понятно, ибо он первым «порушил» новгородский обычай. Однако у него появились защитники — жители Людина конца и Прусской улицы. Важно отметить: Людин конец и «пруссы» выступили на стороне Твердислава уже после того, как Святослав отпустил Матвея Душильцевича, очевидно, в ответ на непримиримость «ониполовцев» и «неревлян». Это позволяет осмыслить мотивы поведения сторонников Твердислава. Они действовали, не столько сознавая невиновность посадника, сколько полагая, что с отпуском Матвея теряли почву обвинения в адрес Твердислава. Но на «оном полу» и в Неревском конце думали иначе. Схватка стала неизбежной.

Накануне сечи «у городьных ворот» Твердислав произнес знаменательные слова. Взирая на собор Св. Софии, он сказал: «Даже буду виноват, да буду ты мертв; буду ли прав, а ты мя оправи, Господи». Эти слова приведены летописцем не ради риторики. Они наполняют летописный рассказ глубинным содержанием и проливают свет на неко-

торые события, непонятные при первом к ним приближении. Прежде всего отметим, что Твердислав не знает, прав он или нет. То Бог ему укажет во время сражения, исход которого определит дальнейшее течение событий.

В исторической литературе распространено мнение о победе сторонников Твердислава⁷⁹. Летопись, однако, говорит о другом. Вчитаемся в нее. Сеча у городских ворот закончилась тем, что «побегоша на онъ полъ, а друзии въ коньць, и мост переметаша». Данное свидетельство нельзя истолковать однозначно как поражение противников Твердислава. «Он пол» не вызывает гаданий: это — Торговая сторона⁸⁰, откуда пришли недруги посадника. Что касается «конца», у нас нет полной уверенности, какой из упомянутых летописцем концов имеется здесь в виду: Неревский или Людин. Н.С. Арцыбашев не сомневался, что летописец подразумевал Людин конец⁸¹. И он, пожалуй, прав. Во всяком случае, соседствующая запись позволяет так думать: «И убиша муж прус, а коньян другии, а онахъ половиць Ивана Душильцевиця, брат Матеев, а в Неревьском конци Къснятина Прокопиниця...». Летописец, как видим, называет жителей Людина конца «кончанами», что побуждает в слове «конец» предшествующего повествования предположить Людин конец⁸². Если наше предположение справедливо, надо признать безрезультатность схватки у городских ворот, не принесшей ощутимой победы ни друзьям, ни врагам Твердислава. Однако далее летописец приводит такую подробность, которая дает возможность с большей конкретностью представить, чем кончилось кровопролитие «у городьных ворот». Он говорит: «И мост переметаша». Из его слов не понять, кто разрушил мост. И только из последующих известий явствует, что то сделали не противники Твердислава⁸³. А это выдает неуверенность сторонников посадника, избравших оборонительную тактику. Они половцы же, напротив, горели желанием победить. Переплыв в ладьях, они «поидоша силою»⁸⁴. В Новгородской Первой летописи младшего извода тональность еще выше: «и поидоша силою великою»⁸⁵. Арцыбашев имел основание сказать, что они половцы «бросились осиливать противников»⁸⁶. Наступлением обитателей Торговой стороны, сопровождаемым новым побоищем⁸⁷, завершается летописный рассказ о кровавых столкновениях противников и сторонников посадника Твердислава. Перевернутую картину, искажающую летопись, рисует Янин: «Схватка у городских ворот закончилась поражением восставших, которое было довершено уже на Торговой стороне, куда победители переплыли в ладьях»⁸⁸. Сеча у городских ворот, мы убедились, была безрезультатной. После

того, как они половцы переправились с Торговой стороны на Софийскую, а не наоборот, как полагает Янин, враждующие «паки начаша битися межю собою»⁸⁹. Состоялась, следовательно, вторая битва, но не довершение первой, доказываемое наперекор летописи историком.

Из летописного рассказа едва ли можно заключить, будто Людин конец и Прусская улица взяли верх над Торговой стороной и Неревским концом. Скорее, итог был другой: если не победа, то некоторое преимущество оказалось у ониполовцев и неревлян. И все же судьбу посадника решали не отдельные территориальные объединения Новгорода, а новгородская община в целом. Благодаря ее усилиям вражда улеглась, и «сидошася братья въкупе однодушно, и крест целоваша».

Итак, даже благожелательно настроенный к Твердиславу летописец не сумел изобразить триумф своего героя. Несмотря на то, что Твердислав удержался на должности, престиж его пошатнулся, почему, вероятно, князь Святослав не захотел дальше «быти с ним». Через своего тысяцкого он заявил вече: «Отъимаю от него посадничество». Новгородцы полюбопытствовались, в чем вина Михалковича. «Без вины», — отвечивал князь. Твердислав ловко ухватился за княжеский ответ. «Тому есм рад, — говорил он, — оже вины моей нету; а вы, братье, в посадничестве и в князех»⁹⁰. Новгородцы сочли отставку посадника «без вины» за посягательство на установленные местной общиной правила смены в посадничестве и потому воспротивились ей. Князь отступил.

Рассуждая о событиях 1218 г., мы не рискнули бы отождествлять их с восстанием. Более подходящим к данному случаю нам кажется понятие «волнение», которым в свое время пользовался С.М. Соловьев⁹¹. Причина волнений, потрясших Новгород, состояла в неисполнении посадником Твердиславом возложенных на него вечевой общиной обязанностей, что привело к нарушению новгородской «старины и пошрины» в сфере суда. Эти волнения переросли в вооруженные столкновения жителей отдельных концов и улиц Новгорода, созвучные языческим побоищам, посредством которых древние добывали правду, освященную «божественным» изволением. Как и следовало ожидать, «мятеж» перекинулся на весь город. Общегородскими стараниями удалось погасить конфликт.

Ради точности заметим, что летописная запись под 1218 г. запечатлела борьбу концов не в чистом виде, поскольку в противоборство, помимо Неревского и Людина концов, вступила Торговая сторона. Стало быть, перед нами смешанный, стороно-кончанский, так сказать, вариант борьбы в Новгороде.

Выход концов на арену внутригородского (внутриобщинного) соперничества является внешним показателем кристаллизации кончанских объединений в качестве структурных единиц общины Новгорода, занимающих промежуточное положение между улицами и сторонами, свидетельством достаточно далеко продвинувшегося процесса формирования новгородской городской общины по линии складывания соподчиненных общинных образований — улиц, концов, сторон, составляющих вкупе городской общинный союз.

В происшествиях 1218 г. не видно столкновения «общегородской корпоративной сплоченности и кончанской корпоративной сплоченности». Их описание хронистом позволяет говорить лишь о столкновении уличанских и кончанских «корпоративных сплоченностей», миротворчески разрешенном «общегородской корпоративной сплоченностью».

Если посмотреть на события 1218 г. с точки зрения права, то явно обозначится смесь правовых норм, разных по времени происхождения и уровню правового сознания. В действиях противоборствующих групп заметен древний принцип коллективной защиты индивида, генетически связанный с первобытным правом:⁹² «ониполовцы» встали за своего Матвея Душильцевича⁹³, а «пруссы» — за своего Твердислава Михалковича⁹⁴. Однако он сработал вследствие нарушения нового (менее чем столетней давности) закона новгородской общины о совместном суде князя и посадника, что служит иллюстрацией нерасчлененности традиционного права, закрепленного обычаем, и права писаного, зафиксированного в соответствующих договорных грамотах.

Приглядываясь к волнениям 1218 г. в плане социальном, убеждаемся в неосновательности суждений о разделении враждующих по партийному или классовому признаку. Не партии и классы затеяли «мятеж и голку», а территориальные общины Новгорода, бывшие структурными звеньями общегородской общины⁹⁵. Внутригородская смута, вызванная самовольством посадника и князя, — вот как нужно характеризовать то, о чем поведал потомкам новгородский летописец под 1218 г.

Народные волнения Новгород пережил и в следующем 1219 г., когда новгородский воевода Семен Емин «пойде в 4-х стех на Тоимокары, и не пусти их Гюрги, ни Ярослав сквозе свою землю; и придоша Новгороду в лодьях, и ста по полю шатры на зло; и замыслиша Твьрдислав и Якун тысячьскыи, засли къ Гюргю, не пусти их туда; и възвадиша город. Тьгода отъяша посадничество у Твьрдислава и даша Смену Бори-

совицу, а тысяцское у Якуна и даша Семьюну Емину⁹⁶. Трудно сказать, ложным или справедливым было обвинение Твердислава и Якуна в тайном сговоре с суздальскими князьями, но для посадника и тысяцкого дело кончилось плохо: оба они лишились должностей. Соразмерна ли кара вине Твердислава и Якуна? Ответ на вопрос получим, уразумев характер предприятия, которое постигла неудача. Но сперва несколько замечаний о названии «Таймокары».

Еще Карамзин относил Таймокары к Двинской земле⁹⁷. Согласно Арцыбашеву, «тоймокары» — люди, жившие на реке Тойме, впадающей в Северную Двину⁹⁸. Сходное мнение существует и в современной историографии. По мнению Насонова, например, «Тоймокары» есть «область Тоймы» в Подвинье⁹⁹. В Двинской области размещал Таймокары и А.В. Куза; Тихомиров в этой связи писал о Заволочье.

Новгородцы нередко ходили туда через белозерские земли, подвластные суздальским правителям. То были не развлекательные прогулки, а походы за данью, исполненные огромных трудностей и смертельной опасности. Дань составляла важную статью дохода новгородской общины, питая ее жизненные силы. Вот почему организация и проведение даннических походов находились под пристальным оком Новгорода. Сложился определенный порядок формирования отрядов, посылаемых за данью: каждый новгородский конец выделял «по 100 мужь». Можно, таким образом, смело утверждать, что добывание даней затрагивало массу новгородцев, знатных и простых. Новгород радовался благополучному возвращению даныщиков и погружался в траур, когда они гибли в далеких краях и приходили домой поредевшие, измученные и с пустыми руками.

Тяжкими были пути к данникам, проходившие через владения суздальских князей, которые на этих путях новгородцам часто всякие «пакости деяли», из-за чего между Новгородом и Суздальской землей возникали конфликты и даже войны. Неудавшиеся даннические экспедиции нередко порождали смуты в Новгороде. В русле сказанного и надо рассматривать поход Семена Емина.

Что Семен Емин ходил на Таймокары за сбором дани, ясно было многим исследователям. Поход состоялся не в порядке частной инициативы, а согласно решению новгородской общины, о чем свидетельствует число в 400 воинов, за которыми угадываются городские концы, поставлявшие по 100 «кметей» каждый и представлявшие собою в совокупности весь Новгород¹⁰⁰.

Неожиданное возвращение Семена вызвало у новгородцев, по всей видимости, неудовольствие. Выгораживая себя, воевода вину за срыв

похода возложил на посадника Твердислава и тысяцкого Якуна, оповестивших якобы о готовящемся предприятии Юрия Всеволодовича, который и заступил дорогу в Таймокары. Обоснованным было это обвинение или нет, сказать трудно. Но выглядело оно довольно правдоподобно, и новгородцы поверили. В наказание они «отъяша» посадничество у Твердислава, а тысяцкое — у Якуна. Янин, привыкший видеть за переменами на новгородском политическом Олимпе борьбу боярских партий, и на сей раз не изменил своей привычке. Падение Твердислава и возвышение сменившего его Семена Борисовича, по его уверению, — «прямой результат столкновения внутри боярства и победы той группировки, которая была связана с Торговой стороной». В летописи, однако, речь идет о низложении Твердислава всеми новгородцами («възвадиша город»). Все остальное — домыслы, расходящиеся с летописным повествованием, где смещение Твердислава и Якуна поставлено в прямую зависимость от неудачного даннического похода и подозрений в неблаговидном поведении этих высших чинов. Как и много раз прежде, новгородская община, осуществляя замену правителей, действовала сплоченной корпорацией, без каких бы то ни было намеков на внутренние раздоры.

§ 4 Посадничество Твердислава Михалковича и волнения 1220 года

Через несколько месяцев новгородцы поменяли гнев на милость и «вдаша посадничество Твърдиславу, а Якуну тысяцское опять». В Новгороде в это время княжил уже не Святослав Мстиславич, а младший брат его Всеволод. Однажды Всеволод отправился в Смоленск «своим орудием». Справив дела в Смоленске, он приехал в Торжок. И там какие-то «злии человетчи» вложили князю «грех в сердца, гнев до Твърдислава, и без вины». Возможно, это была политическая интрига новоторжцев против Новгорода. Всеволод воротился в столицу и «възвади всь город, хотя убити Твърдислава; а Твърдислав бяше больн. И поиде князь Всеволод с Городища съ всем двором своим, и скрутися въ бръне, акы на рать, и приеха на Ярославль двор; новгородци к нему въ оружии и сташа пълком на княжи дворе. Твърдислав же бяше немоцн, и вывезоша и на санках къ Борису Глебу, и скопишася о немъ пруси и Людинь коньць и загородци, и сташа около его пълком и урядивъше на 5 полков. Князь же узрев ряд их, оже хотять крепько живот свои отдати, и не поеха, нъ присла владыку Митрофана съ всеми добрыми повестями; и съведе и владыка въ любовь, и крест целова и князь и Твърдислав... и братья вся въкупе быша. Твърдислав же

сѣшьдѣся съ князьмь въ любѣвь, и лишися посадничества: немочнь бо бе»¹⁰¹.

И.Д. Беляев, рассуждая о причинах неприязни Всеволода к посаднику, говорил, что князь искал головы Твердислава, «считая его опасным для себя врагом», поскольку видел в нем «постоянного защитника вольностей новгородских и упорного противника Суздальщинцам»¹⁰². По Янину, источник враждебности Всеволода к Твердиславу кроется в независимой политике последнего, что и привело их к открытому столкновению¹⁰³. Сходное предположение у Подвижной: «Повидимому, „вина“ Твердислава состояла в том, что он стремился укрепить независимость посадничьей власти от князя и весьма преуспел в этом»¹⁰⁴. Были попытки объяснить желание Всеволода расправиться с Твердиславом более прозаическими мотивами. Так, Соловьев писал, что Всеволод Мстиславич «наследовал вражду брата своего Святослава к посаднику Твердиславу»¹⁰⁵, а Карамзин с присущим ему психологизмом в освещении исторических событий замечал, будто Всеволод «без всякой основательной причины возненавидел и хотел убить сего знаменитого человека»¹⁰⁶.

Все эти суждения базируются больше на авторской интуиции, нежели на показаниях летописи, где говорится, как «злии челоуечи» из новоторжцев возбудили во Всеволоде гнев на Твердислава. Данное свидетельство надо понимать так, что во время отсутствия Всеволода Мстиславича в Новгороде посадник Твердислав совершил или задумал совершить нечто весьма враждебное в отношении князя, о чем тот узнал, будучи в Торжке. Летописец и на сей раз обеляет Твердислава, заявляя о его невинности. Князь же Всеволод думал по-другому и хотел, как известно, убить Твердислава. Уже этот факт говорит, сколь великой в глазах Всеволода являлась вина Твердислава.

Можно было заранее предвидеть, что попытка князя умертвить посадника взбудоражит Новгород. Так и случилось: «възвади всь город». Всеволод отлично понимал сложность поставленной цели и, вооружив свой двор, вышел с ним, «аки на рать». Князь постарался придать выступлению против посадника легитимный, так сказать, характер и потому из Городища проследовал на Ярославль двор — место вечевых собраний новгородцев, надеясь, вероятно, заручиться поддержкой веча, чтобы затем расправиться с Твердиславом¹⁰⁷. Сюда же пришли и новгородцы «въ оружии». Однако город раскололся. За Твердислава Михалковича опять встали «пруси и Людин конець», а также «загородци». Говоря о расстановке сил в данный момент, Янин пишет: «Всеволод пришел с Городища со всем своим двором «в броне,

аки на бои» на Ярославово дворище, где вокруг него собрались новгородцы в том же составе, что и при столкновении 1219 г., т.е. Торговая сторона и Неревский конец. Больного Твердислава привезли в саних к церкви Бориса и Глеба, где его окружили сторонники с Прусской улицы, с Людина конца и загородцы»¹⁰⁸. Мы не рискнули бы ограничивать союзников князя Всеволода жителями только Торговой стороны и Неревского конца, ибо летописец, сообщая о тех, кто собрался на Ярославле дворе, пользуется словом «новгородцы», которое может быть истолковано шире, чем обозначение населения названных районов Новгорода. Такое словоупотребление, пожалуй, — не случайность. Ведь тот же летописец, обозначая сторонников Твердислава, прямо указывает на обитателей Прусской улицы и Людина конца. Показательна его запись и о новгородском «мятеже» из-за Матвея Душильцевича, где четко сгруппированы участники конфликта: Торговая сторона с Неревским концом и Прусская улица с Людиным концом. Таким образом, новгородцы, пришедшие на Ярославль двор, чтобы выступить на стороне князя Всеволода, состояли, по-видимому, не только из живущих на Торговой стороне и в Неревском конце, но и в других местах, возможно, в близлежащих от Новгорода поселениях, жители которых также назывались новгородцами.

Заслуживает особого внимания летописное известие о том, что больного Твердислава «на санках» привезли к церкви Бориса и Глеба, куда сошлись «пруси и Людин конец». Возникает вопрос, почему посадника доставили именно к Борисоглебскому храму. Не потому ли, что он чем-то выделялся среди остальных храмов новгородской общины? Янин предлагает свой ответ на данный вопрос. Выступая в летописном рассказе «как место сбора консолидированных Прусской улицей сил, церковь Бориса и Глеба демонстрирует несомненные признаки вечевого кончанского храма»¹⁰⁹. Вечевым кончанским храмом Борисоглебская церковь являлась в первый период своего существования, датируемый Яниным примерно серединой — второй половиной XIII в. Но самым любопытным, по Янину, «оказывается второй период существования Борисоглебской церкви, охватывающий время с конца XIII до середины XV в.», когда она приобрела характер «общегородского (общегосударственного) института»¹¹⁰. Думается, что обсуждение данной темы необходимо продолжить.

Прежде всего, вызывает недоумение датировка первого периода существования Борисоглебского храма, ограничиваемая серединой — концом XIII в. Деревянная церковь Бориса и Глеба, как известно, была построена в 1146 г.¹¹¹ Затем на смену ей в 1167 г. Сотко Сытинич

закладывает каменную, оконченную и освященную архиепископом Ильей в 1173 г.¹¹² Спрашивается, что заставило Янина отнести начало первого периода существования храма примерно к середине XIII в.? Конечно же, не исторические факты, а нечто иное. Не будем гадать, что стоит за этой хронологической натяжкой, хотя не исключаем сознаваемую автором бесплодность попыток отыскать в 30–40-е гг. XII столетия признаки кончанской корпоративной сплоченности, ибо концы тогда находились лишь на стадии зарождения¹¹³ и не созрели еще до такой степени, чтобы учреждать собственные «вечевые храмы». Что касается Борисоглебской церкви, то она, по нашему убеждению, изначально создавалась как общегородская (общегосударственная) святыня, но отнюдь не кончанская. Приведем доводы.

Церковь Бориса и Глеба была построена на территории новгородского детинца, игравшего, помимо прочего, роль общегородского сакрального центра. Уже это обстоятельство предостерегает от вывода насчет ее кончанской принадлежности. Характерна и причина (предполагаемая, разумеется) сооружения храма. По Янину, «он возникает сразу после закладки в 1145 г. каменной церкви Бориса и Глеба на Смядыни в Смоленске как первый отклик на столь значительное в новом утверждении борисоглебского культа событие». Допуская вероятность такого «отклика», все-таки заметим, что это — чисто внешняя причинная связь. Для строительства в Новгороде храма с княжеским культом, да еще в детинце, нужны были внутренние стимулы. По нашему мнению, таковые появились вследствие перемен на княжеском столе в Новгороде после известных событий 1136 г., когда новгородцы, покончив с зависимостью от Киева, завоевали право «свободы в князьях». Новгородский князь из киевского наместника превращается в местного правителя, подотчетного только Новгороду в лице веча — народного собрания волховской столицы. В результате положение княжеской власти в Новгороде упрочилось, а значение князя возросло. Усилением роли князя в жизни новгородской общины и должно, как нам кажется, объяснять возведение храма Бориса и Глеба в детинце — политическом и религиозном средоточии Новгорода. Продуманным, по всему вероятно, было строительство церкви в честь именно Бориса и Глеба, убитых по приказу Киевского Князя Святополка. Продуманность эта заключалась в скрытой оппозиции Киеву и выражении независимости от киевской общины, не имевшей, кстати, тогда у себя в городе собственного храма Бориса и Глеба. Все это указывает на более высокий, чем кончанский, статус Борисоглебской церкви в Новгороде середины XII в. Аналогичным образом ори-

ентирует ремарка летописца, сопровождающая известие о закладке храма Сотко Сытиничем: «при князи Святослави Ростиславици, при архиепископе Илии». Так можно было говорить, будучи свидетелем крупного по значению общегородского события.

Сотко Сытинич, согласно показанию Комиссионного списка Новгородской Первой летописи, «постави церковь камену Святого Бориса и Глеба над Волховом», где стояла ранее древнейшая дубовая церковь Святой Софии «о тринадцати верстах», а затем погибшая от пожара¹¹⁴. Церковь Бориса и Глеба выступала, следовательно, как своеобразная восприемница храма Святой Софии, что опять-таки выдает ее общегосударственное назначение. Впрочем, Янин уличает составителя Комиссионного списка в тенденциозных переделках находившегося в его распоряжении летописного материала, в намерении «подчеркнуть особое значение Борисоглебской церкви в ту эпоху, к которой относится сама эта редакторская операция»¹¹⁵. К сожалению, исследователь не обратил внимание на временную привязку, имеющуюся в Комиссионном списке: «А ту стояла Святая Софея конец Пискупле улице, идеже ныне поставил Сотъке церковь камену...»¹¹⁶. Слово «ныне» означает время, близкое к моменту строительства храма, т.е. не выходящее за рамки последней четверти XII в. Совершенно очевидно, что этот временной указатель принадлежал современнику Сотко, а не автору Комиссионного списка. Отсюда заключаем: во второй половине XII в. церковь Бориса и Глеба воспринималась новгородцами как общегородская святыня. Дополнительным аргументом в пользу нашего предположения служит легенда о хранении перуновых палиц в Борисоглебском храме, отраженная в приписке к Степенной книге. Там же сказано, что «последния палицы у Святого Бориса и Глеба взем Никон митрополит новгородкий пред собою огнем сожже и тако преста бесовское то тризнище отоле с оловеными наконечники тяжкими»¹¹⁷. Янин верно уловил связь между сообщением, занесенным в Степенную книгу, и рассказом летописца о построении Сотко Сытиничем церкви Бориса и Глеба на месте сгоревшей церкви Святой Софии: «Это сообщение, связующее языческие и христианские реалии и представляющее Борисоглебскую церковь хранительницей традиций, очевидно, смыкается с тенденциозной легендой о совпадении мест первоначальной Софии и храма Бориса и Глеба»¹¹⁸. Не отвергая мысль о «смыкании» двух показаний (летописи и Степенной книги), мы не можем согласиться с трактовкой летописного свидетельства о совпадении мест первоначальной Софии и Борисоглебского храма как «тенденциозной легенды». Это свидетельство датируется не временем со-

ставления Комиссионного списка, а последней четвертью XII столетия и потому не заслуживает скепсиса, проявляемого Яниным. Впрочем, данное свидетельство не утратит ценности даже в том случае, если отказать ему в достоверности относительно возведения церкви Бориса и Глеба на месте первой церкви Святой Софии¹¹⁹, ибо в нем останется другая, не менее важная, достоверность: представление о Борисоглебском храме жителей древнего Новгорода конца XII в. как общегородском (общегосударственном) религиозном заведении. В отличие от Янина, мы не находим оснований «видеть в Борисоглебской церкви первого ее периода вечевой храм прушан и организуемых ими территорий»¹²⁰. Строительство храма в 1146 г. и каменная закладка в 1167 г. осуществляются в «граде», или Детинце, что исключает его принадлежность одним прушанам, делая достоянием всей новгородской общины. Отсюда впечатляющий внешний вид церкви. По словам Каргера, «выстроенный Сотко Сытиничем, которого нередко отождествляют с былинным гостем Садко, храм представлял исключительно монументальное сооружение, не уступавшее по своим размерам одной из самых величественных построек Новгорода — собору Георгия в княжеском Юрьеве Монастыре»¹²¹.

Установив общегородское значение церкви Бориса и Глеба, вернемся к Твердиславу. Больного и немощного посадника, как известно, привезли «на санках к Борису и Глебу». Все это, на наш взгляд, исполнено глубокого религиозного смысла. Перевозка изможденного тяжелой болезнью Твердислава «на санках» символизировала его отрешенность от земных дел, начало путешествия в мир иной. В том, что перед нами ритуальное действо, языческое по своей сути, убеждаемся из дальнейшего рассказа летописца, когда он сообщает, что Твердислав, еще более хворый («и прия и больши немочь»), «иде к Святеи Богородици в Аркаж манастирь и пострижесе февраля въ 8 день». На сей раз ему не понадобились ни «санки», ни другие услуги, чтобы добраться до монастыря. Значит, следование посадника «к Борису и Глебу» нельзя принимать за обычное передвижение. В нем явственно видны ритуальные черты. Однако надо заметить, что со стороны Твердислава это был спектакль, чересчур драматизирующий состояние больного¹²². По-видимому, слишком велика была опасность, нависшая над посадником, коль ему пришлось симулировать приближение смертного часа. Хитрость удалась.

Доставленный к общегородской святыне — храму Бориса и Глеба, посадник Твердислав оказался под защитным покровом святых, глубоко чтимых Новгородом. Он, судя по всему, с умыслом избрал церковь

Бориса и Глеба для своего прибежища, ибо кого, как ни этих невинно убиенных князей, следовало молить о заступничестве человеку, обрекаемому властителем на смерть «без вины»¹²³. К тому же обращение за помощью к святым сродникам Всеволода должно было произвести на последнего сильное впечатление, что и произошло: Всеволод Мстиславич резко переменялся в настроении и послал к Твердиславу «владыку Митрофана съ всеми добрыми повестьми». Правда, летописец причину этой перемены усматривает в страхе Всеволода перед решимостью сторонников посадника «крепко живот свои отдати», затушевывая тем языческий колорит в поведении героев своего рассказа. Конечно, жители Людина конца, прущане и загородцы, «урядившиеся на 5 полков», внушали князю серьезное опасение. Но согласно понятиям той поры, люди побеждали не силой, а правдой. А правда у того, с кем Бог. И тут Твердислав превзошел Всеволода, соприкоснувшись с потусторонним миром и отдавшись покровительству Святых Бориса и Глеба. Вот почему Всеволод «сложил» свой гнев¹²⁴. Красноречиво, на наш взгляд, участие в разрешении конфликта архиепископа Митрофана — ревностного борца против «поганской» веры, ставшего однажды жертвой языческих нравов новгородцев. Это участие нельзя рассматривать лишь как обычное посредничество. В нем отражается нечто большее, скрытое за лапидарностью летописного рассказа: религиозное отчасти наполнение событий с явным привкусом язычества. Отсюда активность владыки, обязанного по должности своей находиться в гуще подобных событий.

Владыка Митрофан примирил противников: «И съведе и владыка въ любовь, и крест целова и князь и Твърдислав». Казалось, Михалкович восторжествовал. Но это была одна лишь видимость. Ему пришлось «отказаться» от посадничества, согласно летописной версии по болезни: «Немочьн бо бе». Подвигина смотрит глубже. Она пишет: «Несмотря на добровольный отказ от посадничества, уход Твердислава с политической арены следует рассматривать как результат поражения прусского боярства. Отказ Твердислава летописец объясняет его болезнью, но, кроме этой причины, были и другие. Скорее всего, неревское боярство и бояре Торговой стороны поддерживали князя в его стремлении избавиться от Твердислава, и он, по-видимому, понимал, что удержать власть в такой обстановке будет очень трудно. Поэтому после официального примирения с князем Твердислав предпочел уйти сам, чтобы не быть свергнутым»¹²⁵. С летописцем можно согласиться, но только отчасти, поскольку в его рассказе чувствуется какая-то недоговоренность, обусловленная, вероятно, нежеланием при-

влекать внимание к некоторым обстоятельствам, предосудительным с точки зрения христианства. И все же по отдельным деталям описания раздора между князем и посадником, а также известиям о последующей судьбе Твердислава есть возможность воссоздать более полную картину произошедшего. Что касается предположения Подвижной, то оно расходится с показаниями летописи. В самом деле, на чем основано утверждение исследовательницы о «поражении прусского боярства»? На чем угодно, но не на летописных фактах, из которых явствует, что военная сила прущан и Людина конца оказалась достаточно мощной, чтобы, наряду с другими факторами, сдержать боевой пыл князя Всеволода. Сторонники Твердислава не были разбиты. Инициатива примирения исходила от Всеволода и, надо думать, стоявшего за ним боярства Неревского конца и бояр Торговой стороны. Рассуждать после этого о «поражении прусского боярства» — значит подгонять летописные свидетельства под свою умозрительную схему. Парадокс в том и заключается, что союзники Твердислава, убедительно продемонстрировав свою силу, вынуждены были все-таки пойти на смену защищенного ими посадника. И дело тут не только в посадничьей болезни, степень которой, как мы отмечали, преувеличена летописцем. Мистифицировав предсмертное состояние поездкой на «санках», Твердислав предопределил и собственную политическую судьбу. Михалковича, по свидетельству летописи, «вывезоша на санках кь Борису и Глебу», т.е. вывезли из дома, уложив в сани. Едва ли мы ошибемся, если скажем, что это — ритуальный выезд, символизирующий начало путешествия «на тот свет». Причем весьма характерна последовательность событий. Твердислава везут к церкви Бориса и Глеба вовсе не потому, что там скопились его сторонники, появившиеся у храма несколько позже. Другими словами, Твердислава сперва привезли к Борисоглебской церкви, а затем лишь сюда пришли «пруси и Людинь коньць», узнав, где находится их посадник. В этом усматриваем еще одно подтверждение нашему предположению об особом, ритуальном значении санной езды «немощего» Твердислава.

Посадник отправился в такую поездку, возвращение из которой в прежнем качестве было уже невозможно. Он попал в положение существа, витающего между небом и землей, здешним и потусторонним миром, являя собою новгородцам человека, пребывающего на грани жизни и смерти. Оставаться далее на посадничестве Твердислав не мог и под благовидным предлогом отказался от него¹²⁶. Новгородцы же при полном единодушии «даша посадничество Иваньку Дмитровицю».

Езда на «санках» не только перечеркнула политическую карьеру Твердислава, но и очень осложнила его жизнь вообще. Летописец, отмечая, что Михалкович «въ тои же немочи пребы 7 недель», не указывает, где он болел. Не исключено нахождение больного при церкви Бориса и Глеба. Обратим внимание на слово «вывезоша». По наблюдениям лингвистов, приставка «вы-» нецерковная, характерная для народного языка. Она является эквивалентом церковно-книжной приставки «из-». Этимологически приставка «вы-» передавала движение изнутри вовне, движение предельно законченное и неотвратимое. Ее исконное этимологическое значение — извергнуть. Важно и то, что ей свойственна перфектность, или результативность и актуальность действия для более позднего временного плана, в нашем случае для времени составления летописной записи. Употребление летописцем приставки «вы-» с глаголом «везоша» придавало действию сакральный характер, означающий переход в другое качество, разрыв со старой жизнью и, следовательно, с местом старой жизни. Таковым у Твердислава был дом, откуда его «вывезоша». Можно полагать, что посадника вывели из дома безвозвратно¹²⁷. Кстати сказать, летописец ничего не говорит о возвращении больного в свой дом. И это — показательно.

Проболев семь недель и «прия» еще большую «немочь», Твердислав ушел в монастырь, «утаивъся жене и дети и всей братии». Историки полагают, что Твердислав Михалкович тайно от жены и семейства ушел в обитель¹²⁸. Напомним, однако, что в древнерусской лексике слово «утаитися», помимо тайного деяния, означало скрыться, укрыться, спрятаться¹²⁹. По нашему мнению, летописец рассказывает не о тайном уходе Твердислава в монастырь, а о том, что он скрылся, укрылся, закрылся там от жены, детей и «всей братии», приняв пострижение. К этому толкованию летописного текста склоняет нас упоминание в нем, кроме жены и детей, «всей братии», под которой надо понимать всех новгородцев, всю новгородскую общину. Чуть выше летописец пользуется названным термином и как раз в данном смысле: «Богом и Святою Софиею крест възвеличян бысть, а дьявол попран; братья же въкупе быша»¹³⁰. Таким образом, удаление Твердислава Михалковича «въ Аркажъ» монастырь приобретает общественный характер. А это значит, что оно не может рассматриваться как обычный уход в монастырь человека, почуявшего приближение смерти. За ним скрывалось нечто иное, не укладывающееся в рамки христианской этики и благочестия. Замечательно, что средневековые летописцы, яснее, чем позднейшие ученые-историки, представляя суть произошедшего, по-

старались придать ему сугубо личное значение. Так, в Комиссионном списке Новгородской Первой летописи фигурируют лишь Твердиславовы жена и дети, а «вся братья» отсутствует¹³¹. В Никоновском же своде мы уже имеем четко сформулированную версию об уходе Твердислава в монастырь тайком: «Твердислав остави посадничество, зане болен бе, и нощию, утаився жены и детей, иде къ пречистой Богородице во Аркажъ манастырь, и пострижеся»¹³². Позднее она прижилась и в исторической науке. Наша задача — восстановить подлинный смысл событий. Уходом в монастырь Твердислав как бы завершил свое перемещение в мир иной, начатое ездой на «санках». Укрытие за монастырскими стенами от жены, детей, «всей братьи» и пострижение символизировали личную гражданскую смерть Твердислава. Поэтому и жена его «пострижеся у Святеи Варвары»¹³³. Произошло это, по свидетельству летописца, «тъгда», «тогда же»¹³⁴, т.е. в то же время¹³⁵. Впрочем, совсем не обязательно усматривать в пострижении Твердиславовой жены прямое следствие удаления ее мужа в монастырь, поскольку и то, и другое могло быть единой и одновременной («тогда же») акцией, продиктованной всем комплексом обстоятельств, возникших в результате вывоза «немощего» посадника на «санках». В этом случае поведение посадничьей жены теряет ореол супружеской преданности и христианского благонравия, отражая нечто такое, что связано с архаическими нормами социальной жизни. Показательно отношение к известию о пострижении жены Твердислава поздних летописцев. Составителем IV Новгородской летописи оно опущено¹³⁶. Автор Никоновской летописи, пользовавшийся при написании своего труда новгородскими хрониками¹³⁷, также не воспроизводит данное известие¹³⁸. Некоторые книжники, упоминая о пострижении жены бывшего посадника, дают ему свое, рационалистическое объяснение. В Академическом и Толстовском списках Новгородской Первой летописи читаем: «Тогда же пакы уведавши супружница его иде въ другыи манастырь тако же въсприят чернечское житие»¹³⁹. Во всех упомянутых разночтениях скрывается, на наш взгляд, стремление летописцев увести читателя от мысли о дохристианских обычаях и нравах, определивших судьбу Твердислава и его жены.

По словам Подвижиной, Твердислав Михалкович 8 февраля 1220 г. «постригся в монастырь и вскоре умер»¹⁴⁰. Это «вскоре» растянулось на несколько лет. В 1224 г. он был еще жив, о чем узнаем из летописи: «В то же лето съвершиша церковь камяну Святого Михаила Твьрдислав и Феодор»¹⁴¹. Неизвестно, когда умер экс-посадник. Быть может, он прожил еще не один год. Перед нами лишнее свидетельство о пре-

увеличении летописцем тяжести болезни Твердислава, заслонившей другие причины падения его героя, вынужденно отказавшегося от посадничества и столь же вынужденно оставившего мирскую жизнь.

Итак, волнения 1220 г. в Новгороде произошли вследствие политического конфликта князя Всеволода Мстиславича и посадника Твердислава Михалковича, конфликта, расколовшего город на два противоборствующих лагеря, образованных на сторонно-кончанской основе, но отнюдь не партийной. Развитие событий оказалось под сильным воздействием традиций, привычек и представлений новгородского общества, приглушенных в летописном рассказе христианскими мотивами и заслоненных «немочью» Твердислава¹⁴².

§ 5 Отношения новгородцев с Великим Князем Владимирским Юрием Всеволодовичем

В следующем, 1221 г., «показаща путь новгородцы князю Всеволоду: “не хотим тебе; поиде, камо хочеши”; иде къ отцеви в Русь»¹⁴³. Новгородцы, стало быть, изгнали Всеволода, о чем прямо сказано в Лаврентьевской летописи: «Выгнаша Новгородци князя Всеволода Мстиславича из Новагорода»¹⁴⁴. Изгнание Всеволода происходит при полном единодушии новгородской общины, выступающей сплоченно. О борьбе партий или группировок здесь говорить не приходится. Так же единодушно действуют новгородцы, отправляя посольство за новым князем: «Послаша владыку Митрофана и посадника Иванка и стареишии мужи Володимирию къ Гюргю къ Всеволодицю по сын, и вда им Всеволода на всеи воли новгородьстеи»¹⁴⁵. Новгород еще пользовался плодами победы в Липицкой битве, почему и получил правителя из рук великого владимирского князя «на всеи воли» своей¹⁴⁶. Никоновская летопись называет эту волю «изстаринной». Она была, конечно, не по нутру владимирскому князю, отчего местный летописец умолчал об условиях вокняжения княжича в Новгороде¹⁴⁷. Ее ношу не вынес младой Юрьевич и «побежа в ночь, утався из Новагорода, с всем двором своим; новгородьци же печални быша о томь»¹⁴⁸. Последняя фраза летописца, выгораживая новгородцев, всю ответственность за бегство возлагает на самого Всеволода. Уловка удалась, ибо книжнику ученые поверили. Карамзин повествовал: «В то время малолетний сын Георгиев, по желанию своих бояр, не находивших для себя ни выгод, ни удовольствия в Новгороде, тайно собрался ночью и со всем Двором уехал к отцу»¹⁴⁹. Согласно Соловьеву, «Юрьеву сыну не понравилось в Новгороде, в том же году (1221-м. — И.Ф.) он тайком выехал оттуда со всем двором своим; новгородцы опечалились»¹⁵⁰.

О неожиданном и тайном отъезде Всеволода из Новгорода читаем в «Повествовании» Арцыбашева¹⁵¹. У И.Д. Беляева главным виновником тут был князь Юрий Всеволодович, который «имел желание сколько возможно теснить Новгород, чтобы совершенно подчинить его Суздальской земле; а посему Всеволод, по его тайному приказу, не прожив и года, ночью ушел из Новгорода со всем своим двором»¹⁵². С оттенком снисходительной иронии к летописцу Покровский писал: «В 1222 г. князь Всеволод Юрьевич Суздальский бежал из Новгорода ночью, тайком со всем двором своим. «Новгородцы же печалились об этом», — наивно прибавляет летописец, видимо, недоумевая, чего же этому князю было нужно?»¹⁵³. Увы, простодушным здесь оказался маститый историк, не раскусивший хитрости летописца. Однако велика инерционная сила традиции, и вот уже Янин изображает бегство Всеволода как безпричинное: «После нескольких месяцев княжения семилетний князь бежал из Новгорода тайно, ночью, со всеми своим двором»¹⁵⁴. Янину вторит Подвигина: «Через несколько месяцев после своего вокняжения юный князь ночью тайно бежал из Новгорода со своим двором»¹⁵⁵.

Из приведенных суждений наиболее сомнительным представляется то, которое связывает уход Всеволода с распоряжением владимирского князя Юрия, хотя для этого, казалось бы, есть определенное основание, заключенное в речи новгородских послов, обращенной «къ Гюргю». Они говорили: «Оже ти не угодно дърежати Новагорода сыномъ, а въда ны брат»¹⁵⁶. Но, судя по всему, — это не полная посольская речь, а лишь выдержка из нее, а еще точнее, реплика по ходу обсуждения вопроса о новгородском княжении, прозвучавшая в качестве просьбы, высказанной после заявленного Юрием нежелания дать новгородцам в князья своего сына. Почему же так быстро пропала охота у Юрия «держатъ Новгород сыномъ»? Ведь еще совсем недавно он с радостью отклинулся на зов новгородцев, одаривая их «бещисла», выражая признательность за приглашение. И вот теперь вдруг все переменялось. По-видимому, причиной тому послужили обстоятельства, побудившие княжича-отрока покинуть Новгород. Многозначительно уже само бегство Всеволода, свидетельствующее о каких-то неприятностях, сулящих ему. И оно, конечно, ложилось безчестием на беглеца и его родителя. Поэтому, вероятно, владимирский летописец, замалчивая факт бегства, говорит лишь о том, что Всеволод «выиде из Новагорода»¹⁵⁷. Что касается новгородского летописателя, то он, не скрывая данный факт, постарался все же обелить своих сограждан, изобразив их совершенно непричастными к поспешному отъезду князя,

больше того — опечаленными этим княжеским поступком. Надо, следовательно, осторожно относиться к известиям обоих книжников.

Некоторый свет на события проливает Никоновская летопись, где читаем: «Новгородци возхотеша изгнати от себе князя своего Всеволода Юрьевича; сия же князь Всеволод слышев, и утаився от Новгородцев, побеже от них из Новгорода нощию со всем двором своим»¹⁵⁸. О том, почему новгородцы «возхотеша» изгнать Всеволода, можно только догадываться. По-видимому, тут сказалась неспособность малолетнего князя осуществлять военное руководство. Новгородцы, казалось, обзавелись новым правителем и военным вождем, но «того же лета Гюрги князь присла брата своего Святослава новгородъчем в помощь; идоша новгородъци съ Святославом къ Кеси, и придоша Литва в помочь же; и много воеваша, нъ города не възяша»¹⁵⁹. Святослав не только прибывает «в помощь» новгородцам, но и возглавляет поход на Венден¹⁶⁰, тогда как, по принятому обычаю, это должен был сделать Всеволод. Хотя поход не провалился, но все-таки не был полностью удачным, что отмечено летописцем: «нъ города не възяша». Имели место потери и даже отступления¹⁶¹. Все это могло вызвать в Новгороде недовольство Всеволодом. Зная из опыта других князей, во что оно может вылиться, Юрьевич отъехал, но не явно, а тайно, опасаясь, вероятно, быть задержанным новгородцами до тех пор, пока, как выразился некогда летописец, «ин князь приде». В летописи нет никаких указаний на борьбу боярских партий во время княжения Всеволода и в момент его бегства. Единым строем выступают новгородцы и перед Юрием Всеволодовичем, испрашивая себе нового князя. Юрий «дасть им брата своего Ярослава».

По прибытии в Новгород (1224) Ярослав, в отличие от Всеволода, сам включается в ратные дела. Он «гонялся» за Литвою, воевавшей «около Торонця». Ходил также «съ всею областью къ Кольваню, и повоева всю землю Чюдскую, и полона приведе бещисла, нъ город не възяша, злата много възяша, и придоша вси съдрави»¹⁶². Несмотря на то, что «город не възяша», новгородцы вернулись из похода в Чудскую землю, ополонившись и озолотившись, чему во многом были обязаны Ярославу. И когда князь решил уехать в свой Переяславль, новгородцы «кланялись» ему: «Не ходи, княже». Но он таки «пойде по своей воли»¹⁶³, а на его место пришел Всеволод.

Второму княжению Всеволода Юрьевича сопутствовали военные неудачи. Летописец сообщает: «По грехом нашим, не ту ся зло створи: выеха Федор посадник съ рушаны, и бися с Литвою, и съгониша рушан съ конь и много конев отъяша, и убиша Домажира Търлиница и сын

его, а рушан Богъшю, а иных много, а других по лесу разгониша»¹⁶⁴. Новгородцы также «воеваша Чюдь, и в мале дружине возвратишася вспять, избиени бо беша от Чюди»¹⁶⁵. В Новгороде приключилось дурное знамение: «Бысть гром страшн... съгоре церкы Святыя Троиця, а 2 человека мертва бысть»¹⁶⁶. Княжеский стол под Всеволодом зашатался, и он, как в прошлый раз, ушел из Новгорода «въ ночь, утаився, съ всем двором своимъ»¹⁶⁷. О том, что это был вынужденный отъезд, судим по дальнейшим летописным известиям.

Всеволод не покинул пределы новгородской волости и сел (т.е. вокняжился) «на Тържьку». Новоторжцы, следовательно, поддержали князя, преследуя, разумеется, собственную цель, направленную на ослабление политической и административной зависимости от митрополии. Сюда же, в Торжок, «приеха к нему отецъ Гюрги с полкы и брат его Ярослав и Василко Костянтиновицъ с ростовци, Михаил с черниговьци»¹⁶⁸. Против Новгорода, как видим, выступила «вся сила Суздальской земли» во главе с Великим Князем владимирским, князьями переяславским и ростовским. К ним присоединились черниговцы со своим князем. Столкновение приобрело межволостной характер. После победы в Липицкой битве, отбросившей притязания правителей Суздальщины на суверенитет новгородской общины, перед новгородцами снова возникла серьезная угроза их государственной независимости и территориальной целостности. Новгород отреагировал мгновенно, направив к Юрию двух послов с речью: «Княже, пусти к нам деля, а сам поиде съ Тържьку». Из посольской речи явствует, что новгородцев беспокоило прежде всего пребывание Всеволода в Торжке, поскольку оно содействовало сепаратизму новоторжской общины. Князь должен сидеть в Новгороде — вот в чем главный смысл слов «пусти к нам деля». Предложение владимирскому князю покинуть Торжок звучит как требование, за которым чувствуется мощь Великого Новгорода. Но Юрий Всеволодович, переоценив свои возможности, выдвинул условие: «Выдайте ми Якима Иванковиця, Микифора Тудоровиця, Иванка Тимошкиниця, Сдилу Савиниц, Вячка, Иваца, Радка; не выдадите ли, а я поил есмь коне Тъхверью, а еще Волховом напою». Новгородцы дали такой ответ: «Княже, многи и высоки мысли имаши»¹⁶⁹.

В затребованных Юрием новгородских мужах Беляев увидел «предводителей народной партии», враждебной суздальским князьям¹⁷⁰. Историк к тому же средактировал летописный текст, вложив в уста Юрия то, чего он не говорил, а именно: «Выдайте мне моих противников»¹⁷¹. Это, собственно, и позволило ему отнести упомянутых мужей к анти-

суздальской «народной партии». Но их партийная принадлежность весьма проблематична. Достаточно сказать, что Янин — поборник идеи борьбы боярских партий в Новгороде — ограничивается здесь выражением «целая группа бояр». А если учесть мысль исследователя о сплочении новгородского боярства в изучаемый момент, то надо допустить наличие в этой группе представителей действовавших ранее различных боярских партий. Сложность, однако, состоит в значительной степени условности отождествления всех перечисленных выше мужей с боярами. В самом деле, какие есть основания для подобного отождествления? Можно смело утверждать, что таких оснований нет, кроме личного изволения ученого. Конечно, мужей с почтительным «вичем» логично отнести к боярам, но остальных — едва ли. Заметим попутно, что издатели Новгородской Первой летописи числят боярами Якима Иванковича, Иванка Тимошкинича, а других — просто новгородцами. Вполне правомерно предположить среди тех, кого потребовал выдать Юрий, не только бояр, но и незнатных граждан, отличавшихся политической активностью и открыто призывавших к смещению Всеволода. Полагаем, что состав мужей, прогневивших владимирского князя, отражал городскую общину Новгорода в целом, а не отдельные ее социальные категории. Отсюда вывод: новгородцы, если не поголовно, то в основной массе, были единомышленны в своем отношении к Всеволоду Юрьевичу¹⁷². И оно с помощью помянутых мужей ухудшалось час от часу. Почувяв недоброе, Всеволод покинул Новгород, что засвидетельствовано, кстати, Никоновской летописью: «Слышав князь Всеволод Юрьевич, яко изгнати его хотять Новгородци, и утаився от них со всем двором своим, и пришед сяде въ Торжъку»¹⁷³. О том же извещает и Татищев: «Князь Всеволод, недолго быв, уведав, яко новгородцы хотят его изгнати, утаився от них, изыде со всем двором и сяде в Торжку, посла вестъ ко отцу своему»¹⁷⁴. Даже усомнившись в достоверности известий Никоновской летописи и Татищевской «Истории», мы должны признать, что оставить Новгород Всеволода вынудили местные обстоятельства, о чем ясно говорит ультимативное требование Юрия выдать Якима Иванковича и прочих мужей новгородских, которые в его глазах являлись главными виновниками безславного отъезда сына с берегов Волхова. Новгородцы сочли этот диктат позорным для себя и, как один, встали за Святую Софию, посадника и «братью свою»¹⁷⁵. Они «скопиша всю волость», укрепили город, по путям «сторожей» поставили, соорудили «тверди». Увидя такую решимость, Юрий стал покладистее и направил в Новгород послов с предложением принять

на княжение Михаила Всеволодовича — князя черниговского и своего шурина. О сыне Всеволода уже не было речи. Если верить Татищеву, новгородцы «долго не хотяше» принять Михаила, но, в конце концов, «боящися, прияша его с честью»¹⁷⁶. Новгородский летописец, не обмолвившись ни словом о нежелании сограждан передать стол Михаилу, сообщает только о приезде черниговского князя в город¹⁷⁷. По Никоновской же летописи, новгородцы в ответ на предложение Юрия без малейших колебаний «послаша по шурина его князя Михаила Всеволодовича»¹⁷⁸. Как бы там ни было, об успехе владимирского правителя рассуждать не приходится, ибо в лучшем случае он достиг компромисса с новгородской общиной¹⁷⁹, чем вряд ли был доволен вполне. С досады Юрий сорвал зло на новоторжцах, впустивших к себе его сына и открывших ему самому ворота родного города: «Много им пакостив, взя у них 7000 новую»¹⁸⁰. Что надо понимать под последней фразой?

Еще Татищев подозревал тут окуп, который новгородцы уплатили князьям: Михаил «взя с Торшку 3000», а Юрий с Новгорода «7000 гривен новую, а старых полчетверти тысячи»¹⁸¹. Согласно Арцыбашеву, Владимирский Князь наделал новгородцам «много зла и взял с них 7000 (гривен) новых»¹⁸². По словам Соловьева, «Юрий вышел из Торжка, но не даром: новгородцы заплатили ему семь тысяч; здесь в первый раз они принуждены были откупиться деньгами от северного князя; преемники Юрия не преминут воспользоваться его примером»¹⁸³. Об окупе «с самого Новгорода» писал также Беляев¹⁸⁴. Подобные суждения встречаются и в новейшей историографии¹⁸⁵. Однако они базируются на неверном прочтении летописи. Нам говорят, что Юрий опустошил новгородские земли и взял с Новгорода выкуп¹⁸⁶, тогда как в летописи сказано: «Много им пакостив, взя у них 7000 новую»¹⁸⁷. В этом предложении мы имеем деепричастие («взя»), поясняющее действие, выраженное основной формой глагола («пакостив»). Иначе «пакость», содеянная владимирским князем, состояла именно в том, что он взял семь тысяч «новую», и наоборот — семь тысяч «новую» как раз и есть «пакость», совершенная Юрием. Но плата по договоренности (окуп, откуп) не могла быть охарактеризована летописцем как «пакость». Следовательно, «7000 новую» нельзя отождествлять с откупным платежом. По нашему мнению, это был самый заурядный грабеж, произведенный озлобленным поведением новгородцев князем «на Торжку» и в его окрестностях, отчего пострадали главным образом купцы. Награбленный «товар» летописец оценил в «7000 новую». Нашу догадку подтверждает летописный рассказ о том, как Михаил

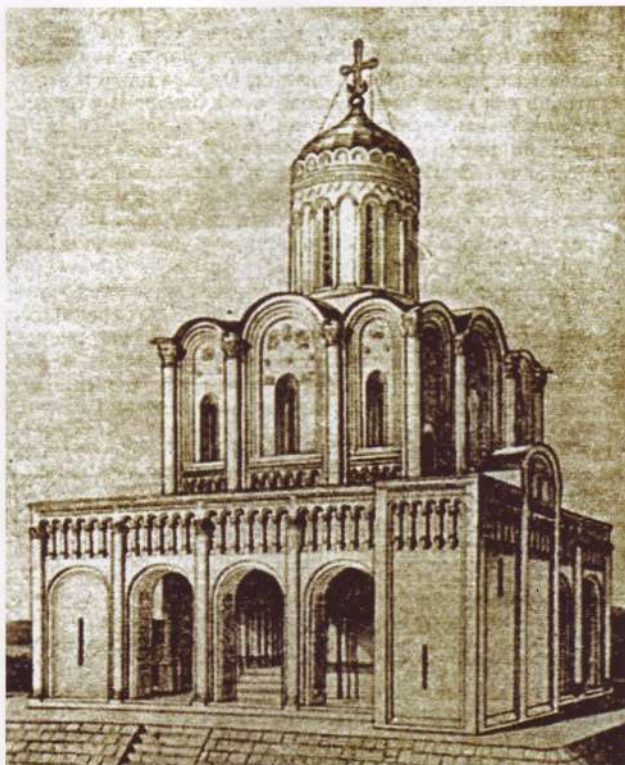
Черниговский, будучи уже новгородским князем, специально ходил вместе с новгородскими «мужи» во Владимир к Юрию Всеволодовичу «править товаров, что поймал на Тържку и по своей волости». Михаил воротился в Новгород, «исправив товары у Гюргя»¹⁸⁷. В Никоновском своде сохранилась более пространный и обстоятельный запись о поездке Михаила к Юрию за новгородским «товаром»: «Иде князь Михайло, сын Всеволода Чермнаго, в Володимер к зятю своему Великому Князю Юрю Всеволоичю, взем с собою грабленых гостей Новгородцких, что грабил их зять его князь велики Юрьи Всеволодичъ в Торжъку, и взят у него той грабеж, и иде в Новъгород со всем тем богатством, и пришед ста на Ярославле дворе, и даде им все, еже възя у зятя своего у Великого Князя Юрья Всеволодича»¹⁸⁸. Новгородцы, разумеется, были рады. Им нравилось и правление Михаила, ибо с его вокняжением в 1225 г. «бысть льгъко по волости Новугороду». Из Никоновской летописи узнаем, что с приходом в Новгород Михаила Черниговского «бысть легко в городех, и в волостех и в селах Новгородцких, и ради быша вси Новгородци о сем, и возлюбиша князя Михаила Всеволодича»¹⁸⁹. Из этих известий можно заключить о больших податных тяготах, которые чинили жителям Новгородской земли сыновья и внуки Всеволода Большое Гнездо, прибывавшие к ним на стол.

Михаил княжил в Новгороде недолго. В том же 1225 г. он покинул волховскую столицу, несмотря на уговоры новгородцев. Пришлось идти на поклон к Ярославу Всеволодовичу, в чье княжение произошло событие, ставшее прологом бурных происшествий 1227–1230 гг., потрясших местное общество.

Богоматерь Боголюбская. Икона из собора Рождества Богородицы
Боголюбского дворца под Владимиром. Написана в 1157
по повелению благоверного Князя Андрея Боголюбского после
явления ему Богородицы во время моления у реки Нерль в 1155

Храм Покрова Богородицы на Нерли, выстроенный во 2-й половине XII в. Князем Андреем Боголюбским. Графическая реконструкция первоначального облика, сделанная Н.Н. Ворониным

Современный вид церкви Покрова Богородицы на Нерли.

В 1158 полочане составили злой совет на своего князя Ростислава Глебовича и нарушили крестное целование. Миниатюра Лицевого летописного свода, XVI в.

Спасо-Евфросиньевский женский монастырь под Полоцком.
Справа – Преображенский собор, воздвигнутый преподобной княгиней
Евфросинией Полоцкой при князе Полоцком Рогволоде Борисовиче,
освящен в 1161. Фотография С.М. Прокудина-Горского (1912)

Ангел. Фрагмент фрески Вознесение Господне барабана купола
Спасо-Преображенского собора Спасо-Евфросиньевского
женского монастыря под Полоцком, XII в.

Кафедральный Успенский собор Смоленска. Основан благоверным Великим Князем Владимиром Мономахом в 1101. Разрушен и заново выстроен после героической обороны смолян от польских интервентов в 1609—1611

Чудотворная Смоленская икона Божией Матери Одигитрия в Успенском соборе Смоленска. По преданию была написана апостолом и евангелистом Лукой, ею Император Константин IX Мономах благословил дочь Анну на брак с Великим Князем Всеволодом Ярославичем. Сын Великой Княгини Князь Владимир Мономах поместил икону в соборе
Утрачена во время немецкой оккупации в 1942

Церковь Михаила Архангела в Смоленске. Возведена князем Давидом Ростиславичем в 1191—1194, здесь же он был погребен

Церковь Петра и Павла на Городянке в Смоленске. Построена в 1146 князем Смоленским Ростиславом Мстиславичем. Реконструкция П.Д. Барановского

В 1159 святой блгв. Великий Князь Киевский и Смоленский Ростислав Мстиславич схватил новгородских послов за то, что заточили в Ладого сына его князя Святослава. Миниатюра Лицевого летописного свода, XVI в.

Церковь вмч. Георгия в Старой Ладогe. Построена в 1165—1166 после победы русских войск над шведами на р. Воронеге в 1164

Вмч. Георгий на коне. Фрагмент фрески «Чудо святого Георгия о змие» в диаконнике Георгиевского собора в Старой Ладогe, посл. четв. XII в.

Царь Давид. Фрагмент фрески алтаря Георгиевской церкви
в Старой Ладогe, посл. четв. XII в.

Служба святых отцов. Фреска алтаря Георгиевской церкви
в Старой Ладогe, посл. четв. XII в.

Успенский собор Владимира-Волынского. Основан равноап. Великим Князем Владимиром почти сразу после принятия им крещения в 980. Построен в 1160 князем Волынским Мстиславом Изяславичем. Здесь была усыпальница волынских князей и епископов. Современный вид

Церковь вмч. Пантелеимона в Галиче. Возведена в начале XIII в. князем Галицким и Волынским Романом Мстиславичем в память о своем деде Великом Князе Изяславе (Пантелеимоне) Мстиславиче

В 1155 родился Великому Князю Юрию Владимировичу Мономашичу сын Дмитрий, прозванный Всеволодом, и заложен был город Дмитров на месте рождения. Миниатюра Лицевого летописного свода, XVI в.

Святитель Леонтий, епископ Ростовский. Икона, принадлежавшая сельской церкви вмч. Димитрия Солунского под Ростовом, XVI в.

Успенский собор Ростова. Основан в 991 равноап. Князем Владимиром, построен в 1160 Князем Андреем Боголюбским

Святитель Феодор, епископ Ростовский и Суздальский.
Шитый покров на раку, XVI в.

Заглавная страница Евангелия-апракос. Ростов, 20-е XIII в.

После смерти Великого Князя Киевского Ростислава Мстиславича в 1167
Великий Князь Ростовский и Суздальский Андрей Боголюбский
не только хотел Владимир сделать великокняжеским, но и
учредить тут митрополию и по древним законам и уставам
всех удовлетворить и почествовать о Христе
Миниатюра Лицевого летописного свода, XVI в.

Богородица Владимирская. Образ, написанный апостолом и евангелистом Лукой, был подарен патриархом Лукой Хрисовергом Князю Юрию Долгорукому. Икона была перевезена Князем Андреем Боголюбским из Вышгородского женского монастыря в Успенский собор Владимира, XII в.

Примечания к главе 10

- ¹ НПЛ. М.; Л., 1950. С. 51, 248; ПСРЛ. Т. X. СПб., 1885. С. 58.
- ² ПСРЛ. Т. X. С. 58.
- ³ НПЛ. С. 52, 250.
- ⁴ ПСРЛ. Т. X. С. 64.
- ⁵ ПСРЛ. СПб., 1863. Т. XV. Стб. 311.
- ⁶ *Татищев В.Н.* История Российская. М.; Л., 1964. Т. III. С. 185. М.; Л., 1964. Т. IV. С. 341. Похоже, впрочем, что историк связывал изгнание владыки с переменами на новгородском княжеском столе. См.: там же.
- ⁷ *Кафамзин Н.М.* История Государства Российского. М., 1991. Т. II–III. С. 434.
- ⁸ *Соловьев С.М.* Сочинения в 18 кн. М., 1988. Кн. 1. С. 584.
- ⁹ *Беляев И.Д.* История Новгорода Великого от древнейших времен до падения. М., 1864. С. 289.
- ¹⁰ *Хорошев А.С.* Церковь в социально-политической системе... С. 42.
- ¹¹ *Беляев И. Д.* История Новгорода Великого... С. 289.
- ¹² Новгородский летописец пользуется в данном случае словом «правитися», что в древнерусском языке также означало оправдываться. См.: *Срезневский И.И.* Материалы для словаря древнерусского языка. СПб., 1895. Т. II. Стб. 1347.
- ¹³ См.: *Фрэзер Дж. Дж.* Золотая ветвь. М., 1960. С. 99–108. См. также с. 118 настоящей книги.
- ¹⁴ ПСРЛ. Т. X. С. 59.
- ¹⁵ НПЛ. С. 51, 249.
- ¹⁶ ПСРЛ. Т. X. С. 61.
- ¹⁷ НПЛ. С. 51–52, 249.
- ¹⁸ НПЛ. С. 52, 249.
- ¹⁹ *Беляев И.Д.* История Новгорода Великого... С. 288.
- ²⁰ *Рожков Н.А.* Исторические и социологические очерки. М., 1906. Ч. II. С. 46.
- ²¹ *Янин В.Л.* Новгородские посадники. С. 125.
- ²² Там же. С. 126.
- ²³ *Подвигина Н.Л.* 1) Новгородский посадник Твердислав Михалкович // Вестник МГУ. Серия IX. История. 1966. № 5. С. 53; 2) Очерки... С. 129–130.
- ²⁴ *Петров А.В.* Социально-политическая борьба в Новгороде XII–XIII вв.: дис. канд. ист. наук. Л., 1990. С. 128–129.
- ²⁵ *Покровский М.Н.* Избр. произв.: в 4 кн. М., 1966. Кн. 1. С. 190–191.
- ²⁶ *Мартышин О.В.* Вольный Новгород. М., 1992. С. 192.
- ²⁷ *Янин В.Л.* Новгородские посадники. С. 127.
- ²⁸ См.: *Соловьев С.М.* Сочинения. Кн. 1. С. 584.
- ²⁹ См.: *Беляев И.Д.* История Новгорода Великого... С. 289.
- ³⁰ *Покровский М.Н.* Избр. произв. Кн. 1. С. 191.
- ³¹ НПЛ. С. 53, 242.
- ³² См., напр.: *Кафамзин Н.М.* История Государства Российского. Т. II–III. С. 438; *Беляев И.Д.* История Новгорода Великого... С. 305; *Янин В.Л.* Новгородские посадники. С. 126.
- ³³ ПСРЛ. Т. X. С. 67–68.
- ³⁴ *Татищев В.Н.* История Российская. Т. III. С. 191; Т. IV. С. 345.

³⁵ Соловьев С.М. Сочинения. Кн. 1. С. 588–589; Костомаров Н.И. Севернорусские народоправства... Т. 1. С. 83.

³⁶ Костомаров Н.И. Севернорусские народоправства... Т. 1. С. 83.

³⁷ НПЛ. С. 53, 252.

³⁸ Там же. С. 53–54, 252.

³⁹ Беляев И.Д. История Новгорода Великого... С. 306–307.

⁴⁰ Костомаров писал о городском вече, на котором взяла верх Ярославова партия. См.: Костомаров Н.И. Севернорусские народоправства... Т. 1. С. 84.

⁴¹ См.: Соловьев С.М. Сочинения. Кн. 1. С. 589.

⁴² Костомаров Н.И. Севернорусские народоправства... Т. 1. С. 84–85.

⁴³ Янин В.Л. Новгородские посадники. С. 126.

⁴⁴ НПЛ. С. 54, 253.

⁴⁵ См.: Беляев И.Д. История Новгорода Великого... С. 307; Костомаров Н.И. Севернорусские народоправства... Т. 1. С. 85.

⁴⁶ Беляев верно угадал причину отъезда Ярослава, которому стало ясно, что в Новгороде «сидеть не безопасно; а посему он поспешил убраться в Торжок, чтобы оттуда с большей безопасностью действовать на новгородцев». См.: Беляев И.Д. История Новгорода Великого... С. 307.

⁴⁷ НПЛ. С. 54, 253.

⁴⁸ Там же.

⁴⁹ Там же. С. 55, 254.

⁵⁰ Костомаров Н.И. Севернорусские народоправства... С. 85.

⁵¹ См. с. 280 настоящей книги.

⁵² См.: НПЛ. С. 65, 220; ПСРЛ. М., 1962. Т. I. Стб. 510.

⁵³ См.: НПЛ. С. 53, 55, 251, 255; ПСРЛ. Т. 1. Стб. 492, 502.

⁵⁴ См.: НПЛ. С. 52, 250.

⁵⁵ Костомаров Н.И. Севернорусские народоправства... Т. I. С. 85. См.: Картер М.К. Новгород Великий. Л., 1966. С. 92–96; Раппопорт П.А. Русская архитектура X–XIII вв. Каталог памятников. Л., 1982. С. 66–67. Возведение Борисоглебской церкви в Детинце дважды подчеркивает сам летописец, говоря, что она находилась в «граде». См.: НПЛ. С. 27, 34, 214.

⁵⁶ НПЛ. С. 30, 217.

⁵⁷ Там же. С. 35, 225.

⁵⁸ Там же.

⁵⁹ Там же. С. 37, 227.

⁶⁰ Там же. С. 43, 236.

⁶¹ Беляев И.Д. История Новгорода Великого... С. 316.

⁶² Татищев В.Н. История Российская. Т. III. С. 207.

⁶³ НПЛ. С. 64, 267–268.

⁶⁴ См.: НПЛ. С. 35, 255; ПСРЛ. Т. 1. Стб. 492–493; ПСРЛ. Т. X. С. 70.

⁶⁵ О желании Ярослава завладеть Новым торгом см.: Татищев В.Н. История Российская. Т. III. С. 193, 195; Т. IV. С. 347, 348.

⁶⁶ НПЛ. С. 55, 254–255.

⁶⁷ Там же.

⁶⁸ Необходимо отметить сложность внутриволостной борьбы, развивавшейся по двум линиям: внутриобщинной в самом Новгороде и межобщинной — в данном случае между Новгородом и Торжком.

⁶⁹ НПЛ. С. 56, 256; ПСРЛ. Т. 1. Стб. 494.

⁷⁰ Костомаров Н.И. Севернорусские народоправства... Т. 1. С. 101.

⁷¹ Там же.

⁷² Ср.: Янин В.Л. Новгородские посадники. С. 128.

⁷³ Там же. С. 58–59, 259–260.

⁷⁴ См.: Подвигина Н.Л. 1) К вопросу о месте составления Синодального списка Новгородской первой летописи // Вестник МГУ. Серия IX. История. 1966. № 1; 2) Новгородский посадник Твердислав Михалкович. С. 55.

⁷⁵ Известно, что Городище являлось главной резиденцией князя и его аппарата. См.: Янин В.Л. Очерки комплексного источниковедения. Средневековый Новгород. М., 1977. С. 23.

⁷⁶ Словарь русского языка XI–XVII вв. М., 1976. Вып. 3. С. 196; Словарь древнерусского языка (XI–XIV вв.) в 10 т. М., 1989. Т. II. С. 241. Вспомним, что писал по этому вопросу Соловьев: «Как понимать здесь слово “выдал”? В смысле ли физическом — отдал, сдал, или в том смысле, что он выдал его на суд, т.е. не вступился за него перед князем? По следующему известию, что князь выпустил Матвея, можно принимать первое, но можно также принять и то и другое» (Соловьев С.М. Сочинения. Кн. 1. С. 710. Прим. 417). Физически Матвей был отдан, сдан князю новгородцами, когда они привели его на Городище. Поэтому остается второе толкование: Твердислав оставил Матвея без помощи и защиты.

⁷⁷ Учреждение смесного суда князя и посадника Янин связывает с событиями 1136 г. См.: Янин В.Л. Очерки... С. 34–35. См. также: Мартышин С.В. Вольный Новгород... С. 334–336.

⁷⁸ Янин В.Л. Новгородские посадники. С. 128.

⁷⁹ См.: Соловьев С.М. Сочинения. Кн. 1. С. 599; Белая И.Д. История Новгорода Великого... С. 317; Тихомиров М.Н. Крестьянские и городские восстания... С. 250; Янин В.Л. Новгородские посадники. С. 128; Подвигина Н.Л. 1) Новгородский посадник Твердислав Михалкович. С. 55; 2) Очерки... С. 131.

⁸⁰ См.: Рожков Н.А. Исторические и социологические очерки. С. 46, 48.

⁸¹ Арцыбашев Н.С. Повествование о России. М., 1838. Т. 1. Кн. 2. С. 304. Прим. 1900. Ср.: Тихомиров М.Н. Крестьянские и городские восстания... С. 250.

⁸² Там же. С. 304. Прим. 1902.

⁸³ Нелепо, на наш взгляд, предполагать, будто ониполовцы разбросали мост, чтобы затем переплывать Волхов в ладьях. Это могли сделать ради собственной безопасности представители враждебного им лагеря, т.е. жители Людина конца и Прусской улицы. К данной мысли склоняют и поздние новгородские летописцы, свидетельствуя: «И побегоша на онъ полъ, а друзии в ту ношь мост переметаша» (НПЛ. С. 259; ПСРЛ. Т. IV. С. 198). Ониполовцам тут противопоставляются «друзии», т.е. сторонники Твердислава. Но они-то и разметали мост.

⁸⁴ НПЛ. С. 59.

⁸⁵ Там же. С. 259. См. также: ПСРЛ. Т. IV. С. 198.

⁸⁶ Арцыбашев Н.С. Повествование о России. С. 304.

⁸⁷ См.: НПЛ. С. 258.

⁸⁸ Янин В.Л. Новгородские посадники. С. 128.

⁸⁹ НПЛ. С. 259.

⁹⁰ «А вы, братье, в посадничестве и во князех вольне есте» — звучит заключительная фраза из речи Твердислава перед вечевым собранием в Новгородской Первой летописи младшего извода (НПЛ. С. 260).

⁹¹ Соловьев С.М. Сочинения. Кн. 1. С. 596.

⁹² См.: Гальперин С.Ф. Очерки первобытного права. СПб., 1893. С. 133–135.

⁹³ См.: Рожков Н.А. Исторические и социологические очерки. Ч. II. С. 48.

⁹⁴ См.: Янин В.Л. Новгородские посадники. С. 129.

⁹⁵ Нет никакого резона отождествлять их с «феодальными группировками», а тем более сопоставлять с гвельфами и гибеллинами во Флоренции по примеру Тихомирова. См.: Тихомиров М.Н. Крестьянские и городские восстания... С. 252.

⁹⁶ НПЛ. С. 59, 260.

⁹⁷ Карамзин Н.М. История Государства Российского. Т. II–III. С. 450.

⁹⁸ Аруцбаев Н.С. Повествование о России. С. 306. Прим. 1913. С.М. Соловьев считал тоймокары финским племенем. См.: Соловьев С.М. Сочинения. Кн. 1. С. 599.

⁹⁹ Насонов А.Н. «Русская земля» и образование территории Древнерусского государства. М., 1951. С. 109.

¹⁰⁰ Насонов А.Н. «Русская земля»... С. 109.

¹⁰¹ Там же. С. 60, 261–262.

¹⁰² Беляев И.Д. История Новгорода Великого... С. 320.

¹⁰³ Янин В.Л. Новгородские посадники. С. 129.

¹⁰⁴ Подвигина Н.Л. Новгородский посадник Твердислав Михалкович. С. 56.

¹⁰⁵ Соловьев С.М. Сочинения. Кн. 1. С. 600.

¹⁰⁶ Карамзин Н.М. История Государства Российского. Т. II–III. С. 450.

¹⁰⁷ Беляев, отмечая, что Всеволод с двором вступил на Ярославль двор, «это законное место Новгородского веча», говорит: «Но вместо веча он там нашел только своих вооруженных сторонников Суздальщинцев, которые тут же соединились с ним и стали полком на княжеском дворе» (Беляев И.Д. История Новгорода Великого... С. 320–321). Но эти «вооруженные сторонники» и могли составить вече. Исключать такую возможность нельзя, хотя летопись о вече и умалчивает.

¹⁰⁸ Янин В.Л. Новгородские посадники. С. 129.

¹⁰⁹ Янин В.Л. Очерки... С. 128.

¹¹⁰ Там же. С. 128, 129.

¹¹¹ НПЛ. С. 27, 213–214.

¹¹² Там же. С. 32, 34, 219, 223.

¹¹³ См.: Фроянов И.Я., Дворниченко А.Ю. Города-государства Древней Руси. С. 185–186.

¹¹⁴ Там же. С. 181.

¹¹⁵ Янин В.Л. Очерки... С. 125.

¹¹⁶ НПЛ. С. 181.

¹¹⁷ *Мацулевич Л.А.* О времени разрушения Борисоглебской церкви в новгородском Детинце // Новгородская церковная старина. Труды Новгородского церковно-археологического общества. Новгород, 1914. Вып. 1. С. 187; *Янин В.Л.* Очерки... С. 129.

¹¹⁸ *Янин В.Л.* Очерки... С. 129–130.

¹¹⁹ Следует заметить, что не все современные исследователи отвергают упомянутое свидетельство. См., напр.: *Каргер М.К.* Новгород Великий. С. 94–95; *Кушниц И.И.* Архитектура Новгорода. Л., 1991. С. 64.

¹²⁰ *Янин В.Л.* Очерки... С. 128.

¹²¹ *Каргер М.К.* Новгород Великий. С. 93–94.

¹²² Твердислав болел еще 7 недель, после чего ему стало совсем худо, и он «пострижеся» в Аркадиевском монастыре.

¹²³ Так, во всяком случае, он уверял окружающих, чему поверил и летописец.

¹²⁴ «Видя, что вооруженное столкновение неизбежно, князь отправил к Твердиславу архиепископа Митрофана, добившегося примирения», — говорит Янин (*Янин В.Л.* Новгородские посадники. С. 129). Ему вторит Подвигина: «Опасаясь вооруженного столкновения, князь послал к Твердиславу архиепископа Митрофана, который помирил противников» (*Подвигина Н.Л.* Новгородский посадник Твердислав Михалкович. С. 56). Всеволод Мстиславич с самого начала предвидел «вооруженное столкновение», выступив со своим двором, «скрутясь в броне». Более правдоподобен летописец, сообщая о том, что у Всеволода пропало желание драться после того, как убедился в решимости сторонников Твердислава биться до смерти. Но и это объяснение недостаточно.

¹²⁵ *Подвигина Н.Л.* Очерки... С. 132.

¹²⁶ Сам по себе отказ от посадничества по болезни весьма серьезен, поскольку древние люди были убеждены, что больные или дряхлые правители навлекают всякого рода несчастья на общество. См.: *Фрэзер Дж. Дж.* Золотая ветвь. С. 300–309.

¹²⁷ Этими наблюдениями и соображениями поделился с нами проф. В.В. Колесов, за что выражаем ему свою искреннюю признательность.

¹²⁸ См.: *Карамзин Н.М.* История Государства Российского. Т. II–III. С. 450; *Аркубашев Н.С.* Повествование о России. Т. 1. Кн. 2. С. 312; *Соловьев С.М.* Сочинения. Кн. I. С. 600; *Беляев И.Д.* История Новгорода Великого... С. 322.

¹²⁹ *Срезневский И.И.* Материалы для словаря древнерусского языка. СПб., 1903. Т. III. Стб. 1302.

¹³⁰ НПЛ. С. 60.

¹³¹ То же в IV и V Новгородских летописях. См.: ПСРЛ. Т. IV. Ч. 1. С. 200; ПСРЛ. Т. IV. Ч. 2. Пг., 1917. С. 196.

¹³² ПСРЛ. Т. X. С. 87. Во всем этом просматривается тенденция затушевывать языческие элементы в поведении Твердислава и новгородцев.

¹³³ НПЛ. С. 60, 262.

¹³⁴ Там же.

¹³⁵ См.: *Срезневский И.И.* Материалы для словаря древнерусского языка. Т. III. Стб. 1042.

¹³⁶ ПСРЛ. Т. IV. Ч. 1. С. 200. Аналогично поступил и составитель V Новгородской летописи. См.: ПСРЛ. Т. IV. Ч. 2. С. 196.

¹³⁷ *Клосс Б.М.* Никоновский свод и русские летописи XVI–XVII вв. М., 1980. С. 148.

¹³⁸ ПСРЛ. Т. X. С. 87.

¹³⁹ НПЛ. С. 262.

¹⁴⁰ Подвыгина Н.Л. 1) Новгородский посадник Твердислав Михалкович. С. 56; 2) Очерки... С. 132.

¹⁴¹ НПЛ. С. 63, 267.

¹⁴² Необходимо отметить, что в других Новгородских летописях, в частности во II и III, а также в Софийской I, запись о событиях 1220 года, связанных с посадником Твердиславом, вовсе не значит. Вряд ли можно это счесть за случайность. Видно, поздних летописцев рассказ о Твердиславе отпугивал своими дохристианскими чертами. См.: ПСРЛ. СПб., 1841. Т. III.; ПСРЛ. СПб., 1853. Т. VI.

¹⁴³ Там же. С. 60, 262.

¹⁴⁴ ПСРЛ. Т. I. Стб. 502.

¹⁴⁵ НПЛ. С. 60, 262.

¹⁴⁶ Соловьев, замечая, что Юрий Всеволодович дал новгородцам своего сына на всей их воле, говорил: «После Липецкой битвы суздальским князьям нельзя было вдруг опять начать прежнее поведение с новгородцами». См.: Соловьев С.М. Сочинения. Кн. I. С. 600.

¹⁴⁷ ПСРЛ. Т. I. Стб. 503.

¹⁴⁸ НПЛ. С. 61, 263.

¹⁴⁹ Карамзин Н.М. История Государства Российского. Т. II-III. С. 458.

¹⁵⁰ Соловьев С.М. Сочинения. Кн. I. С. 600.

¹⁵¹ Арубабашев Н.С. Повествование о России. Т. 1. Кн. 2. С. 314.

¹⁵² Беляев И.Д. История Новгорода Великого... С. 323. Эту точку зрения разделяет в нынешней науке А.В. Петров. Он пишет: «Инициатива побега (Всеволода Юрьевича — И.Ф.), по-видимому, принадлежала Великому Князю...». См.: Петров А.В. Социально-политическая борьба... С. 144.

¹⁵³ Покровский М.Н. Избр. произв. Кн. I. С. 195.

¹⁵⁴ Янин В.Л. Новгородские посадники. С. 134.

¹⁵⁵ Подвыгина Н.Л. Очерки... С. 132.

¹⁵⁶ НПЛ. С. 61, 263.

¹⁵⁷ ПСРЛ. Т. I. Стб. 503.

¹⁵⁸ ПСРЛ. Т. X. С. 87. Аналогичную картину рисует В.Н. Татищев: «Новгородцы, не возлюбивши князя Всеволода Юрьевича, хотяху его изгнати. Он же, уведав, иде тайно ко отцю своему со всем двором своим» (Татищев В.Н. История Российская. М.; Л., 1964. Т. IV. С. 360).

¹⁵⁹ НПЛ. С. 60-61, 262-263.

¹⁶⁰ См.: Пашуто В.Т. 1) Героическая борьба русского народа за независимость (XIII в.). М., 1956. С. 117; 2) Внешняя политика Древней Руси. М., 1968. С. 232.

¹⁶¹ См.: Генрих Латвийский. Хроника Ливонии. М., 1936. XXV.3.

¹⁶² НПЛ. С. 61, 263.

¹⁶³ Впрочем, Никоновская летопись говорит об изгнании Ярослава из Новгорода. См.: ПСРЛ. Т. X. С. 88. См. также: Татищев В.Н. История Российская. Т. IV. С. 361.

¹⁶⁴ НПЛ. С. 61, 264.

¹⁶⁵ ПСРЛ. Т. X. С. 88. Согласно Татищеву, новгородцы пострадали не только от чуди, но и от немцев. См.: Татищев В.Н. История Российская. Т. IV. С. 361.

¹⁶⁶ НПЛ. С. 63, 267.

¹⁶⁷ Там же. С. 64, 267.

¹⁶⁸ Там же. С. 64, 268. Беляев в приходе суздальских и черниговских полков видел указание на то, что «тайное удаление Всеволода в Торжок было сделано по наперед заготовленному плану и по приказу Юрия» (Беляев И.Д. История Новгорода Великого... С. 324). На наш взгляд, Всеволод «поиде» из Новгорода не по плану и приказу Юрия, а вследствие растущего в городе недовольства им.

¹⁶⁹ Там же. С. 64; ПСРЛ. Т. X. С. 88.

¹⁷⁰ Беляев И.Д. История Новгорода Великого... С. 335.

¹⁷¹ Там же. С. 334–335.

¹⁷² Ср.: Беляев И.Д. История Новгорода Великого... С. 325.

¹⁷³ ПСРЛ. Т. X. С. 88.

¹⁷⁴ Татищев В.Н. История Российская. Т. IV. С. 361.

¹⁷⁵ НПЛ. С. 64, 288; ПСРЛ. Т. X. С. 88.

¹⁷⁶ Татищев В.Н. История Российская. Т. IV. С. 362.

¹⁷⁷ НПЛ. С. 64, 268.

¹⁷⁸ ПСРЛ. Т. X. С. 89.

¹⁷⁹ См.: Янин В.Л. Новгородские посадники. С. 135; Подвигина Н.Л. Очерки... С. 133.

¹⁸⁰ НПЛ. С. 64, 268.

¹⁸¹ Татищев В.Н. История Российская. Т. IV. С. 362.

¹⁸² Аруцбашев Н.С. Повествование о России. Т. 1. Кн. 2. С. 320.

¹⁸³ Соловьев С.М. Сочинения. Кн. 1. С. 601. Ранее Соловьев считал семитысячный платеж выкупом за обвиненных князем Юрием граждан Новгорода. См.: Соловьев С.М. Об отношениях Новгорода к великим князьям. М., 1846. С. 60.

¹⁸⁴ Беляев И.Д. История Новгорода Великого... С. 326.

¹⁸⁵ См.: Янин В.Л. Новгородские посадники. С. 135; Подвигина Н.Л. Очерки... С. 133.

¹⁸⁶ См.: Аруцбашев Н.С. Повествование о России. Т. 1. Кн. 2. С. 320; Беляев И.Д. История Новгорода Великого... С. 326.

¹⁸⁷ НПЛ. С. 64, 268.

¹⁸⁸ Там же.

¹⁸⁹ ПСРЛ. Т. X. С. 92.

¹⁹⁰ ПСРЛ. Т. X. С. 92.

Глава одиннадцатая

НАРОДНЫЕ ВОЛНЕНИЯ 1227–1230 ГОДОВ В НОВГОРОДЕ

§ 1 Попытка реставрации язычества в Новгороде в первой половине XIII века. Начало «народной голки» в Новгородской земле. Отношения новгородцев с духовной властью

В истории древнего Новгорода 1227–1230 гг. прошли под знаком народных волнений, всколыхнувших городскую общину снизу доверху. То было время, когда, по выражению Карамзина, Новгород стал «жертвою естественных и гражданских бедствий».¹ С точки зрения историка В.Н. Вернадского, события тех лет «являются, пожалуй, самым глубоким и длительным из всех кризисов, которые потрясли в XIII в. новгородское общество»².

Начало народной «голки» отмечено появлением волхвов, сожженных на костре, о чем Новгородская Первая летопись известила потомков под 1227 г.: «Изгоша вълхвы 4, творяхуть е потворы деюще, а Бог весть; и сожгоша их на Ярославли дворе»³. Карамзин, комментируя данную запись, говорил, что «ослепленные Новгородцы сожгли четырех мнимых волшебников на Дворе Ярослава. К чести духовенства и тогдашнего Новгородского архиепископа Антония заметим, что в сем жалостном безумии действовал один народ, без всякого внушения со стороны Церковных Пастырей»⁴. Сомнения в волшебстве сожженных заживо волхвов высказывали и другие историки. «На дворе Ярославом сожгли четырех колдунов, на которых донесено было, справедливо или нет, будто они делали разные очарования», — писал Арцыбашев⁵. Эти сомнения заронил в исследователей летописец своей фразой «творяхуть е потворы деюще, а Бог весть», о чем некоторые из них заявляли откровенно. Так, Костомаров замечал, что «летописец, сообщив известие о сожжении четырех волхвов, прибавил сомнение в их виновности и неодобрение этого поступка»⁶. Сходным образом рассуждает Рыбаков, по которому, летописец «как будто в своем

окончательном суждении склонялся к тому, чтобы взять языческих жрецов под защиту». Рыбаков предлагает такой перевод летописной записи: «В то же лето (1227) были на Ярославовом дворище сожжены четыре волхва (языческих жреца), говорят, что занимались волшбою, но то ведомо лишь единому Богу!». Ученый, впрочем, не отрицает возможность колдовства, рисуя картину возрождения «языческих реликтов» в рассматриваемые годы новгородской истории. Иной взгляд у Петрова, подчеркивающего, что «летописец, сообщив о колдовстве волхвов и расправе над ними, не настаивает на их грехах. Адекватный смыслу интересующей нас фразы перевод должен быть такой: «Сожгли 4 волхвов, ибо указывали на них (говорили про них) как на (о) занимающихся колдовством (чародейством), а Бог знает (такли это)». Иными словами, это так говорят, что они колдуны, а, может, и неправда это — Бог один ведает. Христианский летописец написал бы определеннее, если бы деятельность сожженных характеризовалась антихристианскими и антицерковными выпадами. А он не только умолчал о последних, но, выходит, немного сомневался и в справедливости обвинений в чародействе»⁷. При этом Петров делает оговорку: «Хотя, с другой стороны, подобные сомнения вполне могли носить условный характер и быть данью литературному стилю эпохи и средневековому мироощущению». Однако данная оговорка имеет декоративный характер и не влияет на основные выводы автора. Полагаем, что летописный текст нуждается в дополнительном и более вдумчивом проникновении.

В изучаемую эпоху умерщвления такого рода в Новгороде являлись редкостью⁸. Казалось, летописец должен был подробнее сообщить о таком необычном происшествии. Но он настолько скуп на слова, что заставляет исследователей теряться в догадках относительно рассказанного. И все же в летописной записи есть деталь, незамеченная почему-то учеными, которая позволяет понять внутренний смысл этой записи. В ней сожженные именуются волхвами, т.е. волшебниками, колдунами, чародеями⁹. Значит, летописец наделял их сверхъестественными способностями и потому вряд ли мог сомневаться в содеянных ими «потворах». Будь по-другому, он, наверное, сообщил бы о том, что новгородцы «изгоша» четырех мужей, принятых за волхвов и обвиненных на основании слухов в волшебстве. Однако у него речь идет именно о волхвах, а не о тех, кого по недоразумению отнесли к ним. При данном взгляде летописная фраза «а Бог весть» теряет гадательность, приобретая утвердительный характер. Летописец не отрицает «потворных» деяний, «вринутых» в костер

волхвов, но подлинное знание о сути этих деяний отдает Богу, что вполне понятно, ибо чародейство и магия относятся к сфере сверхчувственного, недоступного постижению со стороны простых смертных. Вспомним, кстати, о «старой чади» и «лучших женах», которые чарами своими «держали гобино, обилье», т.е. задерживали урожай, о чем совершенно не догадывались обычные люди, и только волхвы, наделенные даром «божественного ясновидения», указали на виновников «скудости»¹⁰.

Итак, известие Новгородской Первой летописи об «аутодафе» 1227 г. на Ярославле дворе должно быть истолковано следующим образом: новгородцы сожгли четверых волхвов, о которых говорили как о занимающихся колдовством, что известно лишь Богу. Следовательно, летописец сомневался не в самих «потворах», а в доступности для себя и окружающих истинного знания о волшебстве.

О том, что чародейство волхвов не порождало у летописцев сомнений, свидетельствует текст, сохранный Никоновским сводом: «Явишася в Новеграде волхвы, ведуны, потворницы, и многая волхования, и потворы и ложныя знамения творяху, и много зла содеваху, многих прелщающе. И собравшеся Новгородцы изымаша их, и ведоша их на архиепископ двор, и се мужи княже Ярославли вступишася за них; Новгородцы же ведоша волхвов на Ярославль двор, и съкладше огонь велий на дворе Ярославли, и связавше волхвов всех, и вринуша во огонь, и ту згореша вси»¹¹. В этом тексте, бесспорно, новгородского происхождения¹², нет ни малейшей неуверенности в способности «ведунов» творить «потворы», «знамения» и «волхования». Показательно и соответствующее известие, содержащееся в «Истории Российской» Татищева: «Явишася в Новеграде вохвы ведуны 4, многи потворы и ложыи знамения деюще. Новгородцы же, собравшеся, яша я и ведше на Ярославль двор, и вринувше во огонь, сожгоша»¹³. И Никоновская летопись, и Татищевская «История» сообщают о появлении волхвов, сопровождаемом «потворными» деяниями, как о факте непреложном.

Свою задачу мы видим в том, чтобы соединить ее звенья исторической цепи событий. И первое, что предстоит нам сделать, — это определить главную причину появления волхвов. Она, по нашему убеждению, заключалась не в политической борьбе и колебаниях в политической ориентации церкви, как полагает Хорошев, а в угрозе голода, обусловленной недородом. Новгородские волхвы объявились в условиях «скудости», поразившей Новгородчину¹⁴. Симптоматичны в этом отношении летописные известия. Под 1223 г. владимирский летописец сообщает: «Бе ведро велми, и мнози борове и болота загарахуся и дымове

сил ни бяху, яко далече не видети человеком, бе бо яко мгла к земли прилегла, яко птицам по аеру не бе лзе летати, на падаху на землю и умираху»¹⁵. Засуха во Владимиро-Суздальской земле была и по Новгороду, поскольку он зависел от привозного, низовского хлеба. Кроме того, логично предполагать, что пагубные атмосферные явления распространились и на соседнюю Новгородскую землю¹⁶. Не случайно Псковская летопись под 1224 г. рассказывает о «великом гладе», имея в виду, надо думать, прежде всего Новгородскую волость¹⁷. В 1228 г. князь Ярослав Всеволодович «приведе пълки ис Переяславля, а рекя: «хочю ити на Ригу»; и стаща около Городища шатры, а инии в Славне по двором. И въздорожиша все по тьргу: и хлеб, и мяса, и рыбы; и оттоле ста дороговъ: купляху хлеб по 2 куне, а кадь ржи по 3 гривне, а пшеницю по 5 гривен, а пшена по 7 гривен; и тако ста по 3 лета»¹⁸. При поверхностном знакомстве с этим рассказом может создаться впечатление, что дороговизна на съестное в Новгороде произошла в результате одного лишь размещения там низовского войска, приведенного Ярославом. Однако недостаток в продуктах питания ощущался, несомненно, уже до прихода ярославовых воинов; чье прибытие в Новгород лишь обострило положение с продовольствием. Тихомиров был прав, когда писал: «Рассказывая о наступившей “на торгу” дороговизне, летописец связывает ее с приходом к Ярославу Всеволодовичу полков из Переяславля. Но эта связь чисто внешняя, так как сам же летописец замечает, что дороговизна продолжалась в течение трех лет (“и тако ста по 3 лета”). Следовательно, недостаток съестных припасов в Новгороде был вызван не случайными причинами, а длительными неурожаями». Вот в этой обстановке «скудости», живо напоминающей катаклизмы голодных лет XI в., и состоялось выступление волхвов в Новгороде. Рыбаков с полным основанием говорил о том, что появление волхвов в 1227 г. было вызвано «рядом неурожаев и голодом». Им же верно определена и «общая закономерность», согласно которой годы неурожая и голода неизбежно вызывали активность «языческих жрецов»¹⁹.

Объявившись в Новгороде, волхвы занялись «потворами» и «знамениями», произведя на новгородцев сильный эффект: «ведуны» многих «прельстили». Не исключено, что они, подобно своему собрату, взбудоражившему город в 1071 г., хулили христианскую веру и призывали покарать архиепископа как виновника постигшей Новгород «скудости». Но даже при отсутствии прямой языческой пропаганды и призывов расправиться с владыкой, действия «кудесников» имели ярко выраженную антихристианскую и антицерковную направленность,

влекущую к низвержению святителя. Деятельность волхвов продолжалась, по всей видимости, ни день, ни два, а сравнительно длительное время, поскольку им удалось сперва привлечь на свою сторону немало горожан, а потом потерять их расположение к себе. В конце концов, новгородцы «потворников» схватили и «винули во огонь». В чем смысл волхования «ведунов» и что означала свершенная над ними казнь?

Новгородские волхвы, наподобие своих предшественников, живших в XI в., пытались с помощью стародавних языческих средств вернуть благополучие местной общине, страдавшей от «скудости», вызванной недородами. Именно с этой целью ими в ход были пущены «волхования, протворы и знамения». Волхвы, как уже говорилось, многих «прельстили», т.е. увлекли за собой²⁰, приобщив, возможно, к ритуальным действиям, в результате чего содеялось, по выражению летописца, «много зла». Но положение в Новгороде не улучшалось. Тогда новгородцы, убедившись в несостоятельности «ведунов», возложили на них вину за свои беды. И это понятно, ибо у древних народов ремесло знахарей и магов таило смертельную опасность, если их колдовство не приносило того, что люди ждали²¹. Так и новгородские волхвы не оправдали надежд тех, кто им поверил. Оказалось, что они творили «ложные знамения»²². Отсюда гнев новгородцев, схвативших волхвов как преступников, представляющих большую опасность для общества²³. Поскольку действия «ведунов» вторгались в религиозную сферу, они были приведены «на архиепископ двор», где состоялось разбирательство и решилась судьба «потворников». К сожалению, мы не располагаем подробностями на сей счет. Известно только, что «мужи княже Ярославли вступишася за них»²⁴. Значит, были какие-то обсуждения и споры. Рыбаков следующим образом объясняет заступничество «мужей» Ярослава: «Княжеские мужи вступились за язычников, вероятно, потому, что самого Ярослава в городе не было (он совершал морской поход) и ответственность за порядок лежала на них»²⁵. По-видимому, тут сказалась не столько забота княжих мужей о порядке, сколько желание дожидаться возвращения Ярослава, чтобы передать волхвов в руки княжеского правосудия или, во всяком уж случае, не чинить расправу над ними до приезда князя. Не ясна роль архиепископа в этой истории. Похоже, он подыгрывал новгородцам, отводя угрозу от себя. Решение о сожжении волхвов было принято, по всему вероятию, на владычном дворе, но «огнь велий» новгородцы развели «на дворе Ярославли». Почему же «кудесников» сожгли на Ярославовом дворище? Некоторые исследователи полагают, что

волхвов привели сюда, чтобы узаконить суд над ними постановлением веча²⁶. Но вече можно было устроить и на дворе архиепископа, как это, к примеру, имело место в 1228 г., когда князь Ярослав «створи вече на владычьи дворе»²⁷. Ярославль двор, вероятно, являлся наиболее подходящим местом сожжения волхвов в силу особых причин и обстоятельств.

Впервые Ярославль двор упоминается в 1113 г. под именем Княжеского двора по случаю закладки храма Николы: «Победи Мьстислав на Бору Чюдь и заложи церковь Святого Николы на княжи дворе»²⁸. То был, по нашему мнению, не княжеский храм, как полагал Каргер²⁹, а общегородской, что явствует из записи Новгородской Первой летописи, где вместо Княжого двора фигурирует сам Новгород: «Заложена бысть церкы Навегороде Святого Николы»³⁰. Такое назначение Никольского храма свидетельствует о публичном статусе Княжого двора, бывшего отнюдь не частным строением или княжеской резиденцией, но городским центром, лишь отчасти связанным с князем. Название «Ярославль двор» сравнительно позднее. Оно появляется в новгородских летописях под 1208 г.: «Приде Лазорь, Всеволодь муж, из Володимиря, и Борисе Мирошкиницъ повеле убити Ольксу Събыславица на Ярославли дворе»³¹. Здесь Ярославль двор, помимо всего прочего, выступает как признанное место казни. Позднее происхождение наименования «Ярославль двор» позволяет усомниться в том, что возникновение княжеского двора связано с Ярославом и датируется началом или серединой XI в.³² Впрочем, не только это. По наблюдениям Янина, еще в начальный период существования Новгорода князь размещался на Ярославле дворе — исконной княжеской резиденции³³. Любопытные материалы были получены в результате археологических раскопок Ярославова дворища. Установлено, что нижний (третий) культурный слой Дворища «имел несколько стратиграфических горизонтов с абсолютными датами и лежал на материке, датированном X века»³⁴. В предматериковых слоях археологи обнаружили небольшой настил, сделанный из тонких плит, который, по всей видимости, имел культовое назначение³⁵. Неподалеку от настила ученые вскрыли «пять зольных пятен вытянутой формы со следами погребального кострища. Среди угля и камней было много обожженных человеческих костей. В большом количестве собраны фрагменты керамики, сделанной на гончарном круге». Находки датируются X в.³⁶ Было высказано предположение, что следы костров и обгорелые человеческие кости — остатки могильника, связанного с близлежащим настилом³⁷. Отсюда Янин, вопреки своей мысли об изначальности Яро-

славова Дворища как княжеской резиденции, заключил, что Ярослав основал собственный двор «на неукрепленном месте, вне старой территории городской застройки, на участке, прежде занятом кладбищем»³⁸. Сомнительно, чтобы князь поставил двор на месте кладбища, ибо это было бы святотатством перед памятью предков, которым новгородцы истово поклонялись. Продолжим, однако, знакомство с привлеченными наше внимание археологическими находками на территории Ярославля двора. В одном из его раскопов собрано 16 тысяч бараньих рогов. Колчин и Янин не сумели тут распознать ничего, кроме остатков «какого-то складского помещения». На площади другого раскопа исследователи подобрали 5 тонн коровьих челюстей. «Происхождение этого слоя костей, — пишут Колчин и Янин, — до сих пор окончательно не выяснено. Вероятно, здесь была предпринята попытка замостить и обезводить верхние пласты почвы Ярославова дворища». К предположению о костяной мостовой склонялся и Засурцев, который, отметив необычность для Новгорода такого материала мощения, высказал несколько неопределенную догадку: «Вероятнее всего — это была какая-то очень устойчивая местная традиция, исчезнувшая и забытая с ликвидацией вечевого строя»³⁹. Вопрос о местной традиции поставлен Засурцевым, на наш взгляд, правильно. Необходимо только отказаться от наивно-рационалистических толкований археологических данных типа складское помещение, мостовая и пр. Перед нами, судя по всему, остатки языческого святилища с отчетливыми следами жертвоприношений, в том числе человеческих. Настил из тонких плит — жертвенник, рядом с которым происходило сожжение принесенных в жертву людей. Княжеское пребывание здесь вполне естественно, поскольку князь у восточных славян исполнял жреческие функции и нередко руководил жертвоприношениями⁴⁰. Местом жертвоприношений мог быть княжий двор, как это наблюдалось в Киеве во времена Ольги⁴¹. Христианский храм св. Николы на Ярославлем дворе появляется лишь в начале XI в. Скорее всего, на месте, получившем позднее наименование Ярославля двора, новгородские словене в дохристианскую пору поклонялись Волосу, чем и объясняется огромное скопление костей домашних животных, открытое археологами. Таким образом, Ярославль двор воспринимался новгородцами как освященный верованиями отцов и дедов сакральный центр, предназначенный для жертвоприношений, для отправления языческого культа. Вот почему волхвов они привели именно сюда.

В свете наших соображений расправа с волхвами на Ярославле дворе приобретает особый смысл. Она — не обычная казнь опасных

нарушителей общественного порядка или еретиков, а принесение в жертву волшебников и магов, не сумевших своими «потворами» покончить со «скудостью» в Новгородской земле и восстановить благоденствие местной общины. По существу то была жертва «за урожай», практиковавшаяся у многих древних народов. Следовательно, мы имеем дело с публичной акцией, чисто языческой и по цели, и по средствам. Разумеется, ее нельзя было осуществить на владычном дворе. Новгородцы отправились на Ярославль двор, где и совершили задуманное. Происходящее доставило архиепископа в сложное и щекотливое положение. По сану своему он должен был выступить против намечавшегося «поганского» действия. Но протеста и запрета с его стороны, как видно, не последовало. Только «мужи Ярославли» попытались помешать новгородцам привести в исполнение их мрачный замысел, но тщетно. Попустительство владыки понять не трудно: возбуждение народа, измученного «скудостью», достигло такой силы, что любой неосторожный поступок мог стать для него роковым. И все-таки сожжение волхвов лишь отдалило падение архиепископа, ибо эта жертва положительного эффекта не дала. Над святителем сгустились тучи. Им недовольны были и новгородцы и князь со своим окружением. Тогда архиепископ Антоний покинул кафедру, причем, как свидетельствовал летописец, «по своей воли». Однако чуть ниже летописатель устами новгородцев высказывает версию вынужденного ухода Антония в Хутынский монастырь. Люди новгородские, озлобясь на владыку Арсения, сменившего Антония, говорили: «Выпроводил Антония владыку на Хутино, а сам сел, дав мзду князю»⁴². Но и это еще не все. В другой записи книжник дает понять, что оставить кафедру Антония заставила тяжкая болезнь: «Сии же блаженнии архиепископ Антоний преже изгнания седе въ епископии лет 8 по Митрофане, а в изгнании лет 6; а по сем приде ис Перемышля в Новъгород, и седе лета 2, и онеме на Святого Ольксия; бысть лет 6 в болезни той и 7 месяць, и 9 днии, и тако умре»⁴³. Три летописных варианта дополняет Татищевский, где ничего не говорится о том, по собственной воле или по болезни ушел в монастырь Антоний, а только сказано, что он, «соиде со стола, иде в Хуtinyю»⁴⁴. Эта разноголосица отражает, как нам кажется, стремление летописцев утаить основную причину ухода святителя. В исторической литературе данное обстоятельство не привлекло должного внимания. Историки объясняли поведение Антония, опираясь либо на летописные известия, либо на свои наблюдения и выводы, полученные при исследовании борьбы политических партий в Новгороде.

По словам Карамзина, «Антоний, слабый здоровьем, лишился языка и добровольно заключился в монастыре»⁴⁵. Точно так же рассуждал Арцыбашев. «Онемевший Архиепископ Новгорода Антоний удалился добровольно в Хутынский монастырь», — писал он⁴⁶. Легко заметить, что Карамзин и Арцыбашев прекращение архиепископской деятельности владыки Антония мотивируют способом соединения двух летописных версий.

Беляев старался вскрыть политические причины, толкнувшие Антония на столь решительный шаг. Усиление «суздальщинской партии», противником которой был Антоний, сделало весьма сомнительным его пребывание на епископском столе, и он, «не дожидаясь изгнания, сам оставил владычен двор и удалился в Хутынь монастырь, а Суздальщину опять возвели на владычен двор Ярославова избранника инока Арсения»⁴⁷. С борьбой партий и сменой князей в Новгороде связывал Костомаров удаление Антония. «По смерти Митрофана, — читаем у него, — суздальская партия, не желая признавать Антония, избранного своими соперниками, выбрала Арсения, монаха хутынского; но когда в 1225 г. выбрали князем черниговского князя Михаила Всеволодовича из Ольговичей, Антоний за ним вслед явился в Новгород... Но как только Мстислав (?) удалился, а вместо него явился Ярослав, подручник суздальского Великого Князя в Новгороде, Антоний должен был оставить владычество; он удалился в Хутынь. Арсений снова вступил в управление»⁴⁸.

Каждая из приведенных точек зрения нашла своих приверженцев в советской историографии. По стопам Карамзина и Арцыбашева шел Тихомиров, который замечал, что Антоний «добровольно ушел в Хутынский монастырь, так как он был тяжело болен, “онемел”, и в таком параличном состоянии прожил еще 6 лет»⁴⁹. Ученого нимало не смущала способность архипастыря ходить, будучи в «параличном состоянии». Не занимал его и вопрос, почему летописец, рассказывая об уходе владыки в монастырь, ничего не говорит о его тяжелой болезни, почему новгородцы связывали этот уход с интригой Арсения, подкупившего князя Ярослава, а отнюдь не с «параличным состоянием» его предшественника. Несмотря на наличие указанных пробелов в исследовании Тихомирова, к нему примкнули Подвигина и Петров⁵⁰. Точку зрения Беляева — Костомарова развивал Хорошев. Он писал: «Возвращение Ярослава Всеволодовича в Новгород первоначально не повлияло на положение Антония. Политическая расстановка сил в Новгороде в эти годы была настолько сложной и чреватой опасностями, что, учитывая это, Ярослав даже “не положи во гнев” отказ новго-

родцев от поддержки его в борьбе с Литвой. Причины этому следует искать в том, что в 20-е г. XIII в. в Новгороде возникла форма ограничения княжеской власти, базировавшаяся на резком падении авторитета новгородского князя и сыгравшая свою роль в развитии позднейшего республиканского строя. Ярослав пытается восстановить княжеский престиж удачными походами на Литву и Емь. Некоторых успехов он, несомненно, добился, и Антоний, не ожидая нового изгнания, “поиде... на Хутино к Святому Спасу по своей воли”. Его место вновь занял Арсений — несомненный сторонник суздальской партии»⁵¹.

Трудно согласиться с теми, кто причину оставления Антонием новгородской кафедры видит в болезни архиепископа. Ведь согласился же он вернуться «на владычен двор» после свержения Арсения. Значит, не болезнь, а нечто другое вынудило его оставить стол. Не считаем достаточной и политическую подоплеку смены архипастырей, конструируемую некоторыми историками, хотя здесь отношения Антония с князем Ярославом и княжими мужами имели определенное значение. Но эти отношения мы связываем не столько с борьбой суздальской и антисуздальской партий, сколько с недовольством князя и его приближенных поведением владыки в истории с волхвами. И все же главное заключалось не в этом, а в обостряющейся «скудости». Положение было критическим: стоило в Новгороде появиться лишним ртам в лице воинов, пришедших из Переяславля, и началась катастрофа. В обстановке «скудости», вызвавшей возбуждение и ропот народа, а также всплеск языческих переживаний, подогретых волхвами, Антоний решил покинуть кафедру «по своей воли». Вместо Антония архиепископом стал Арсений, на которого и обрушилось народное возмущение.

В злосчастную для Арсения осень 1228 г. «наиде дъжгъ велик и день и ночь, на Госпожькин день, оли и до Никулины дни не виде-хом светла дни, ни сена людьм бяше лзе добыта, ни нив делати»⁵². Перспектива вырисовывалась очень мрачная, голодная. Владыка надеялся остановить беду «нощным стоянием, пением и молитвами». Однако дожди не прекращались. Тогда зашумела «простая чадь», собравшись на вече «на Ярославли дворе, и поидоша на владычьн двор, рекуче: “того деля стоит тепло дълго, выпровадил Антония владыку на Хутино, а сам сел, дав мьзду князю”; и акы злодея пыхающе за ворот, выгнаша; мале убледе Бог от смерти: затворися в церкви Святеи Софии, иде на Хутино. А заутра въведоша опять Антония архиепископа и посадиша с ним 2 мужа: Якуна Моисеевица, Микифора щитник»⁵³.

«Простая чадь», как видим, вину за нескончаемые дожди, препятствующие севу озимых и уборке сена, возложила на архиепископа⁵⁴. Жизнь святителя повисла на волоске. Но ему повезло: он сумел укрыться в новгородской церкви Святой Софии и тем самым отвратить от себя, казалось, уже неизбежную смерть. Во всем этом проглядывают языческие нравы. У древних народов на руководителях общества лежала обязанность не только вызывать дождь, живительный для посевов, но и прекращать его, когда избыток влаги губил урожай⁵⁵. Мы не хотим сказать, что архиепископ, в частности Арсений, пользовался среди новгородцев репутацией мага, управляющего погодой. Говорить так — значит чересчур архаизировать идеологию и быт новгородской общины. В эпизоде изгнания Арсения языческие обычаи хотя и отразились, но в модифицированной, смягченной форме. В глазах народа владыка Арсений, конечно, не колдун, разверзший хляби небесные, а плохой человек, неправдой получивший высшую духовную и правительственную должность, отчего в Новгородской земле установилась скверная погода, чреватая голодом. В этом и состояла главная вина архиепископа Арсения, как ее понимала «простая чадь», в сознании которой язычество продолжало жить, несмотря на длительное воздействие христианства. Подъему языческих настроений способствовали народные бедствия (голод прежде всего) и деятельность волхвов — возбудителей старых верований.

В современной исторической литературе языческая подкладка событий, связанных с изгнанием архиепископа Арсения, до недавнего времени оставалась незамеченной. В 1984 г. вышла в свет наша работа, где выявлена языческая суть этих событий⁵⁶. Затем появилась статья Рыбакова, в которой автор говорит об изгнании «епископа по совершенно языческим мотивам: по вине его произошел неурожай»⁵⁷. К аналогичным выводам о языческих побуждениях новгородцев, лишивших Арсения епископства, приходит Петров⁵⁸. Однако отдельные историки сдвигают акценты летописного рассказа. Так, Янин полагает, что Арсений был смещен с кафедры по обвинению в незаконном избрании и сговоре с князем⁵⁹. По мнению Подвигиной, новгородцы, свергая Арсения, обвинили владыку в том, будто он «выпроводил Антония, а сам сел на его место, подкупив князя»⁶⁰. Согласно Хорошеву, «изгнанию Арсения способствовала не только (а вероятно, не столько) дождливая погода, сколько то, что он сел на владычный стол, дав взятку Ярославу»⁶¹. Вряд ли кто станет возражать против того, что занятие архиепископского стола Арсением посредством «мзды» князю Ярославу, осуждалось новгородцами. Но решающим обстоятельством для

«простой чади», согнавшей Арсения с кафедры, явились не стговор с князем и мздоимство, а дурная погода, предвещающая неурожай и голод. Люди искали объяснение напасти и не без содействия волхвов извлекли его из арсенала языческих представлений, еще далеко не изжитых в сознании народа. Стало быть, не «мзда» подвела Арсения (при занятии духовных должностей она применялась на Руси сплошь и рядом), а дождливая погода, разбившая надежды «простой чади» на урожай. Мотив о «мзде», таким образом, являлся сопутствующим, но никак не основным.

Вместо изгнанного Арсения архиепископом, как мы знаем, снова стал Антоний, к которому были приставлены два человека — Якун Моисеевич и Микифор Щитник. По этому поводу Данилова замечает: «После возвращения Антония на кафедру произошел беспрецедентный в новгородской истории случай — власть архиепископа была ограничена представителями посада. Поставленные при архиепископе Якун Моисеевич и Микифор Щитник, без сомнения, принадлежали к верхушке посада». Полагаем, что сомнений все-таки не избежать. Правда, о Микифоре можно судить более или менее определенно: прозвище «Щитник» как будто указывает на принадлежность к ремесленным кругам новгородского общества. О социальном же положении Якуна Моисеевича приходится только догадываться. Данилова относит Якуна к верхушке посада. Несколько иначе думает Тихомиров. «Имя Якуна Моисеевича, — размышляет он, — не дает никаких указаний на его социальное происхождение, разве только указание на его отчество в какой-то мере может свидетельствовать о его относительно выдающемся общественном положении, хотя и этот признак является мало существенным». Подвигина усматривает в Якуне боярина. Как бы там ни было, ясно одно: Якун и Микифор — ставленники «простой чади».

Возвращая на архиепископский стол Антония, новгородцы уповали на перемены к лучшему. Взгляд на Антония как способного принести благо новгородской общине нашел своеобразное отражение в «Пророчестве Варлаама Хутынского». Однажды игумен Варлаам отправился «в великий Новѣгород ко архиепископу Антонию», чтобы получить благословение у владыки. «Архиепископ же заповеда преподобному Варлааму паки с неделю помедлив приехать к себе не о каких духовных делех побеседовати». Тот отвечал Антонию: «Буду у твоей святыни благословитися на первой неделе петрова посту в пяток на санех». Антоний не поверил («в сумлении бысть») тому, что сказал ему Варлаам. Но вот настал день свиданья, и накануне в ночь

«паде снег велик в пояс человека или болши и мраз велик». Варлаам, как и обещал, приехал к архиепископу «на санех». Антоний впал в уныние: «нача тужити о хлебе». Святой старец утешил владыку и предсказал благодатное тепло. По его пророчеству «теплота велика бысть, и растая снег, и упои землю, и увлажи яко же дождевную тучу...». В ту пору рожь цвела, но «цвету не прибило мразом», тогда как «в корени ржаном множество червей» померзло. В результате созрел обильный урожай плодов земных⁶². Благодарные новгородцы установили праздник в честь Варлаама, приурочив его к пятнице первой недели Петрова поста. И если природа вновь грозила неурожаем, новгородцы взывали о помощи к Варлааму⁶³. Пашуто так (и по нашему мнению, правильно) формулирует одну из главных идей памятника: «Следовательно, если просуздальский Арсений “нес” новгородцам неурожай, то “благодаря” другу Антония Варлааму “угобzenie велико бысть всем плодом земным”»⁶⁴. А это, в конечном счете, означает, что и сам Антоний являлся источником всяческой благодати: ведь именно при нем земля плодоносила щедро.

Посаждение вместе с Антонием двух «мужей» новгородских — факт красноречивый. Он свидетельствует о том, что люди тех времен видели в должности архиепископа не только должность чисто духовную, но и мирскую, общественную. На Якуна Моисеевича и Микифора Щитника возлагалась, судя по всему, обязанность изыскания средств для снабжения нуждающихся продовольствием. Само назначение этих «мужей» в качестве «приставников» к архиепископу указывает на то, что они должны были обратить свои взоры в первую очередь на житницы дома Святой Софии⁶⁵, богатства которого представляли собой отчасти общественное достояние, страховой фонд новгородской общины, подобно храмовым богатствам древних обществ. Возможно, меры, предпринимаемые Якуном и Микифором, натолкнулись на саботаж некоторых хозяйственных агентов владычного дома. Массы опять всколыхнулись, и теперь уже весь Новгород пришел в движение. Новгородцы «пойдша с веча в оружии на тысяцкого Вячеслава, и розграбиша двор его и брата его Богуслава и Андреичев, владычня стольника, и Давыдков Софийскаго, и Судимиров; а на Душильця, на Липньскаго старосту, тамо послаша грабить, а самого хотеша повесить, но ускоци к Ярославу; а жену его яша, рекуче, яко “ти на зло князя водять”; и бысть мятеж в городе велик». Вскоре Вячеслав был смещен с должности тысяцкого. Произошла замена князя и посадника⁶⁶. Итак, все высшие должностные лица Новгорода (архиепископ, князь, посадник, тысяцкий) получили, выражаясь современным

языком, отставку. Это и понятно, ибо народ, отягощенный грузом языческих верований и представлений, причину бед людских искал в правителях. Разумеется, мы не хотим свести все к языческим обычаям и нравам. Определенную роль в рассмотренных нами событиях играла политическая борьба правящих группировок за власть и материальные выгоды, сопряженные с этой властью. Однако политические страсти, раздиравшие Новгород, не должны заглушать нашего восприятия языческих побуждений в поведении новгородцев. И, конечно же, наивно изображать дело так, будто народные массы коснели в языческих «предрассудках», а враждующие партии князей и бояр эксплуатировали «темноту» масс, ловко используя ее в своих эгоистических целях⁶⁷. Язычество не было чуждо знатым новгородцам. Дух язычества еще не выветрился из их сознания⁶⁸.

В Новгородских событиях 1227–1229 гг. участвовали, очевидно, и воложане, жившие в селах. Город в Древней Руси был органически связан с деревней⁶⁹. Поэтому сельские проблемы живо интересовали горожан, а городские — селян. Это и предполагает причастность новгородцев-селян к происшествиям указанных лет. Но, говоря так, мы не хотим сказать, что «мятеж» распространился на сельские местности, охватив, как считают Тихомиров, Данилова и Подвигина, феодално зависимых крестьян — смердов⁷⁰. Какие данные привлекают названные авторы для подтверждения своих предположений? Они ссылаются на требования новгородцев, предъявленные князю Ярославу Всеволодовичу во время волнений, а также на административные меры в отношении смердов прибывшего в Новгород Михаила Черниговского. Начнем с требований, выдвинутых новгородцами. Князю Ярославу было ультимативно заявлено: «забожницею отложи, судье по волости не слати; на всеи воли нашей и на всех грамотах Ярославих ты нашъ князь; или ты себе, а мы себе»⁷¹. Тихомиров, приступая к анализу этого текста, отмечает трудности в толковании слова «забожничье»: «Не вполне ясно, что значит “забожничье”, отмены которого добивались новгородцы»⁷². Вспомнив, что, по В.И. Далю, «забожить — присвоить неправую божбою, где нет улик», а «забожиться — начать божиться, стать клясться»⁷³, историк задается вопросом: «Не идет ли речь о землях и людях, захваченных князем и его людьми путем односторонней “клятвы” перед судом, что допускалось в ряде случаев судебными обычаями того времени»⁷⁴. Однако в летописном тексте «забожничье» выступает в качестве существительного, а не сказуемого. Уже поэтому его сближение со словами «забожить», «забожиться» — прием весьма условный. Еще более проблематичным явля-

ется истолкование «забожничьего» в смысле людей и земель, присвоенных путем односторонней клятвы перед судом. Можно присвоить «божбою» (когда нет улик) какую-нибудь вещь. Но захватить таким способом землю и тем более людей — дело заведомо не реальное.

Интересные соображения о «забожничьем» высказал Рыбаков. По мнению исследователя, «забожничье», связанное со словом «бог» — какой-то небывалый налог, установленный Ярославом для тех смердов, «которые открыто выполняли языческие обряды»⁷⁵. В другой работе Рыбаков рассматривает «забожничье» как «репрессии за безчинства против церкви»⁷⁶. Наконец, в книге о язычестве в Древней Руси он говорит о людях в Новгородской земле, что вернулись к языческой обрядности и откупились от князя специальным налогом, носившем название «забожничье»⁷⁷. Последняя догадка представляется наиболее вероятной. Принимая ее, внесем лишь одно уточнение: по всей видимости, «забожничье» касалось не только людей, вернувшихся к языческим обрядам, но и тех жителей Новгородской волости, которые не порывали с язычеством. В таком случае «забожничье» можно отождествить с пошлиной, выплачиваемой за отправление языческого культа. Наше предположение не покажется вольным, если учесть широкое распространение языческих верований на Руси XII–XIII вв., а также наличие в древнерусском обществе язычников, не принявших крещения⁷⁸. В самом же Новгороде конца XII — начала XIII столетий происходит оживление языческих верований и обрядов. Наблюдается усиление языческого жреческого сословия и русалий⁷⁹. Не исключена даже возможность проведения празднеств в честь языческого бога Велеса.

Независимо от того, какие платежи скрывались за термином «забожничье», нужно признать, что они в условиях «скудости» усугубляли и без того тяжелое положение местной общины, страдавшей от недостатка продовольствия. Отмена этих платежей отвечала интересам народа, как и прекращение посылки княжеских судей по волости, поскольку их пребывание там оборачивалось для населения расходами, особенно обременительными при недороде.

§ 2 Фискальные меры князя Михаила Черниговского в восстановлении хозяйственной жизни Новгорода

Князь Ярослав не поладил с новгородцами и ушел в свой Переяславль, а в Новгороде появился Михаил Черниговский, который «целова крест на всеи воли новгородстей и на всех грамотах Ярославлих; и вда свободу смърдом на 5 лет дании не платити, кто сбежал на

чужю землю, а сим повеле, кѣто сде живеть, како уставили переднии князи, тако платити дань». Наши историки порядком поработали над тем, чтобы исказить и затемнить этот, в общем-то, ясный текст. Правда, сперва тут постарались поздние летописцы. В Никоновской летописи, например, читаем: «Михайло Всеволодич Черниговский приде в Новѣград и возрадовашася вси Новгородци, и утвердишася с ним на всех волях Новгородцких и на всех грамотах прежних Ярославлих, и даде всем людем бедным и должным лготы на пять лет дани не платити, а которые и з земли збежали в долзех, тем платити дань како уставили прежнии князи, или без лихвъ полетняя». Легко сообразить, что в Никоновской летописи содержится осмысление древней записи, приведшее к ее переделке, в итоге которой появлялись люди «бедные и должные» взамен смердов, бывших рабами фиска, а не какими-то бедняками и должниками. Свидетельство новгородского летописца о бегстве смердов «на чюжую землю» перетолковано в смысле бегства «бедных и должных» с земли «в долзех». Трудно понять, какое отношение к даням (государственным налогам) имеют «лихвы» — проценты, рост.

Вслед за поздними летописцами свою лепту в произвольную трактовку мер, осуществленных Михаилом, внесли ученые-историки. Так, Татищев писал: «Князь Михаил Всеволодич прибыл в Новгород в субботу Фомины седмицы апреля 21-го дня. Новгородцы же вельми обрадовались, что их желание исполнилось, и, приняв его с честью, учинили ему роту, а он им на всем том, что новгородцы желали и чего прежде не один князь не делал. Он дал свободу (смердам) подлости пять лет подати не платить; кто сбежал на чужую землю, велел жить, кто где ныне живет; которые чем должны, а не платили лихвы, как прежние князи уставили, (лихву полетную) рост погодной за прошлые годы не требовать»⁸⁰. Согласно Карамзину, Черниговский князь, желая еще больше утвердить общую к себе любовь новгородцев, «клялся ни в чем не нарушать прав вольности и грамот Великого Ярослава; бедных поселян, сбежавших на чужую землю, освободил на пять лет от дани, а другим велел платить легкий оброк, уставленный древними Князьями»⁸¹.

По Соловьеву, явившийся в Новгород Михаил «освободил смердов от платежа дани за пять лет, платеж сбежавшим на чужую землю установил на основании распоряжений прежних князей»⁸². Наконец, Беляев, перенося порядки времен формирования Московского государства на древний Новгород, заявлял: «Милосердствуя к крестьянам, Михаил возобновил старый закон, чтобы крестьяне, перешедшие на

новую землю, пять лет были свободны от платежа даней, а платили бы только те, которые живут на старой земле, как установили прежние князи»⁸³.

Обращались к известиям новгородского летописца о фискальных установлениях Михаила Черниговского и советские историки. Юшков утверждал: «Сущность предпринятой кн. Михаилом меры, по нашему мнению, заключается в том, что он освободил всех вообще смердов, находящихся под его блюденем как новгородского князя от платежа дани на пять лет; на тех же смердов, которые сбежали со своих мест, но остались в Новгородской волости, он не нашел возможным распространить эту льготу: он приказал платить дань так, как они платили при прежних князьях»⁸⁴. Юшков подчеркивал, что предложенное им толкование сообщения новгородского летописца «опирается прежде всего на текст Никоновской летописи»⁸⁵. Версию Юшкова приняла Подвигина, сочтя ее правильной⁸⁶. Тихомиров, не прибегая к Никоновской летописи, предложил следующий перевод новгородской записи: «и дал свободу смердам: на 5 лет даней не платить; кто сбежал на чужую землю, тем повелел, кто здесь живет, как устави́ли прежние князья, так платить дань»⁸⁷.

Мы полагаем, что все эти опыты по толкованию и переводу известий Новгородской Первой летописи надо отвергнуть как несостоятельные. Заметим, кстати, что некоторые средневековые книжники, в отличие от автора Никоновского свода, качественно воспроизвели запись новгородского летописателя. Чтобы убедиться в том, откроем Тверскую летопись, где сказано: «Прииде князь Михайло Всеволодичь Черниговский в Новгород, в неделю Фомину, и ради быша Новгородци своему хотению, целова крест на всей воли Новгородской и на всих грамотах Ярославлих; вда свободу смердом на 5 лет дани не платити, кто сбежал на чужую землю, а кто zde живет, тем повеле тако: платите дань, како устави́ли пережние князи»⁸⁸. Были среди исследователей и те, кто верно, на наш взгляд, понимал новгородского летописца. Так, Никитский полагал, что князь Михаил освободил от уплаты дани на 5 лет смердов, которые бежали из Новгородской области в соседние земли и захотели вернуться на старые места. Оставшиеся же в Новгородской волости смерды обязаны были давать дань по уставам прежних князей и в несколько сокращенных размерах⁸⁹. По словам Покровского, льгота, которую объявил Михаил Всеволодович, «распространялась на тех, кто бежал на чужую землю, обнаружив тем наиболее острое недовольство новыми порядками, родоначальником которых был посадник Дмитр. По отношению же к оставшимся бы-

ли лишь восстановлены порядки “прежних князей” — надобно думать тех, которые были до Всеволода Юрьевича и его новгородского союзника»⁹⁰. Для Грекова «текст Новгородской летописи ясен и понятен. Здесь, несомненно, разумеется поощрительная мера для беглых крестьян, которых князь желал вернуть на старые места жительства»⁹¹. Таким образом, интерпретация записи под 1229 г. о правительственной деятельности Михаила Черниговского, предложенная А.И. Никитским, М.Н. Покровским и Б.Д. Грековым, нам представляется вполне приемлемой. Юшков, полемизируя с Никитским и Грековым в данном вопросе, высказывает следующие соображения по поводу конструкции толкуемой фразы: «Читая сообщение летописи и стараясь понять его так, как понимали А.И. Никитский и Б.Д. Греков, мы встречаемся с непреодолимым затруднением “а сим повеле”. Кто такие “сии”? Это указательное местоимение может быть отнесено только к предыдущей фразе: “кто сбежал на чужу землю, а сим повеле...”»⁹². Греков резонно возражал своему оппоненту: «Если согласиться с С.В. Юшковым, то получится фраза, совсем неудобная по форме и странная по содержанию. Окажется, что этим “сим” относятся два придаточных предложения, одно спереди, другое сзади, но это полбеды; самое главное, что эти придаточные предложения по смыслу противоположны и никак не могут относиться к одному определяемому. По Юшкову получается так: “Кто сбежал на чужую землю, а сим повеле, кто zde живет... платити дань”. Чтение Юшкова приводит и к другому затруднению: “сии” оказываются в одно и то же время и беглыми и теми, кто никуда не бежал, а сидел “сде”»⁹³. К замечаниям Грекова добавим несколько своих соображений. Как явствует из интересующего нас текста, противительный союз «а», безусловно, подчеркивает противопоставление смердов, сбежавших в чужие края («кто сбежал на чуюю землю»), тем смердам, которые остались дома («кто сде живеть»). Кроме того, указательное местоимение «сии», следующее после союза «а», относится по законам языка того времени к ближайшему в тексте лицу или предмету. В данном случае этим лицом является «кто сде живеть». Достаточно выразительны также речения «чюжа земля» и «сде», разграничиваемые летописцем. Если стать на точку зрения Юшкова, доказывавшего, что беглые смерды находились в пределах Новгородской области⁹⁴, то это разграничение окажется нелепым, да и само наречие «сде» (здесь) потеряет всякий смысл, ибо, говоря «кто сде живеть», летописатель подразумевает, конечно, Новгородскую землю, отличая ее от «чужих земель», т.е. соседних государственных территорий.

Итак, рассказ новгородского летописца о фискальных мерах Михаила Черниговского мы понимаем следующим образом: князь освободил от уплаты дани сроком на пять лет бежавших за пределы Новгородской земли смердов, если они вернутся на старое местожительство; смерды же, которые не покинули своих сел, обязывались платить дань, «како устави́ли пре́жние князи».

Князь Михаил занялся смердами не потому, что они принимали участие в новгородских волнениях 1227–1229 гг.; у нас нет никаких фактов, свидетельствующих о том, что смерды вместе с остальными новгородцами были охвачены «мятежом». Меры, принятые князем, должны были способствовать восстановлению государственного хозяйства, подорванного, помимо всего прочего, и побегами смердов, даннические платежи которых являлись важной доходной статьёй Новгорода. Под смердами скрывалась зависимая от новгородской общины группа сельского населения. Поэтому смерды находились в сфере постоянного внимания со стороны государственной власти.

§ 3 Социальные причины новгородской смуты 1230 года

Характеризуя волнения в Новгороде 1227–1229 гг., необходимо отметить, что они дают пример сложного переплетения бытовых потрясений, идеологической и социально-политической борьбы. Перед нами столкновение различных групп и фракций свободного населения (городского и сельского), а не феодалов и феодальнозависимых.

С новгородскими волнениями 1227–1229 гг., тесно связаны происшествия 1230 г. В городе тогда пуще прежнего свирепствовал голод: «Изби мраз на Въздвижение чества́наго хреста обилье по волости на́шей, и оттоле горе уставися велико: почахом купити хлеб по 8 кун, а ржи кадь по 20 гривен, а в дворех по пол-30, а пшенице по 40 гривен, а пшена по 50, а овсе по 13 гривен. И разидеся град на́ш и волость на́ша, и полни бы́ша чю́жии гради и страны бра́тье на́шей и сестр, а останѣк почаша мерети»⁹⁵. Мор был жестокий. В «скудельницу», устроенную по распоряжению архиепископа Спиридона, свезли 3030 трупов. Новгородцы, как и следовало ожидать, виновниками бедствия сочли своих правителей. Сперва они убили Семена Борисовича – приятеля посадника Внесда Водовика. Дом и села, принадлежавшие Семену, подверглись разграблению. Затем новгородцы стали грабить двор и села самого посадника Водовика, а также «брата его Миха́ля, и Даньслава и Борисов тысячьскаго, и Творимириць, иных много дворов»⁹⁶. Эти акции горожан означали падение власти посадника и тысяцкого, т.е. снятие с должностей, которые занимали Внесд Водовик и Борис Негочевич.

Поэтому Внесд и Борис бежали в Чернигов. Новгородцы избрали посадником Степана Твердиславича, а тысяцким — Микиту Петровича. При этом «добыток Сменов и Водовиков по стом розделиша»⁹⁷. Последняя деталь очень существенна. Во-первых, она указывает на то, что движение против посадника и тысяцкого носило организованный характер. Во-вторых, в ней заключено свидетельство об участии в низвержении Водовика и Бориса волостного сельского люда, входившего в состав новгородских сотен⁹⁸. Раздел имущества Водовика по сотням соответствовал архаическим порядкам. Известно, что в древних обществах во время гибели урожая и голода, правителей если не убивали, то изгоняли, а их имущество грабили⁹⁹. Новгородцы, грабившие дворы и села посадника Водовика и тысяцкого Бориса, опирались на старые традиции, восходящие к первобытности. Они действовали, руководствуясь собственными побуждениями. Нет ничего неожиданного в том, что карающая длань народа ударила по боярам правящим, а не по всем «феодалам», ибо рядовые новгородцы и знатные пока не составляли вполне оформившиеся два класса, противостоящие друг другу. Незавершенность процесса классовобразования в Новгороде, как, впрочем, и во всей Руси¹⁰⁰, препятствовала резкому разграничению интересов социальной верхушки и низов, а следовательно, и распадения их на замкнутые социальные категории. Именно поэтому народные массы Новгорода не могли противопоставлять себя боярству в целом. То же надо сказать и о боярстве, которое будучи разобщенным, страдало от изнурительной взаимной борьбы. «Разобщенность боярства, непрекращавшаяся борьба боярских группировок, — по справедливому мнению Янина, — замедляла не только процесс консолидации самого боярства, но и процесс консолидации противостоящих ему классовых сил»¹⁰¹. Консолидированным боярство стало не ранее XV века¹⁰². В начале же XIII столетия оно являлось образованием, внутренне неустойчивым и дробным. В этих условиях выступления народных масс могли быть обращены только против отдельной группы бояр, но никак не против всего боярства. Голод 1230 г. предопределил направление удара, обрушив народный гнев на бояр-правителей. И тут энергия и ум Степана Твердиславича, о которых восторженно отзывался Подвигина, играли отнюдь не первую роль, если вообще какую-нибудь играли. Языческие идеи, овладевшие массами под воздействием голода, — главная сила, которая смела одних правителей и призвала к власти других. Степана Твердиславича и его приверженцев вынесло на гребне волны народного возмущения, которое не надо было направлять, поскольку оно в

момент зарождения своего имело уже определенную направленность. Помимо посадника и тысяцкого, был смещен и князь. Таким образом, новгородцы заменили всех высших правителей, кроме архиепископа Спиридона. Эта замена, как и предшествующая, находит объяснение в языческих воззрениях народа, видящего причину посетивших его бедствий в плохих правителях, навлекающих на людей несчастья, вместо того, чтобы оберегать общину от них.

Разумеется, мы далеки от мысли, что Степан Твердиславич со своими сторонниками плелся, если позволено так выразиться, в обозе движения масс 1230 г. Спор новгородских бояр, соперничавших из-за власти, сулящей престиж и богатства, не умолкал на всем протяжении древнерусской истории. И на сей раз они предприняли борьбу. Еще до народного «мятежа», окончившегося столь неутешительно для Внезда Водовика и Бориса Негочевича, завязалась боярская драка. Степан Твердиславич и Иванко Тимошинич «распрелись» с Водовиком, «паробки» которого поколотили Иванко. Тогда Степан «заутра створи веце на посадника на Ярославли дворе, и поиде на двор его, и розграбиша и. Посадник же опять възъвари город вьсь, и Смен Борисовиць на Иванка и на Якима Влунковиця и на Прокшию Лашнева; поидоша с веча и много дворов розграбиша, а Волоса Блуткиница на вечи убиша; рече посадник: “ты еси мои двор хотел зажечи”; а Прокшин двор зажгоша; а Яким бежа к Ярославу, а инии схоронишася; но и тех, уротивше, пустиша; а Иванка после имъш, уби Водовик, вьвъргошъ в Волхово»¹⁰³. Перед нами банальная боярская потасовка, в которую, судя по всему, были втянуты рядовые новгородцы.

Итак, не отрицая политической активности новгородских бояр в событиях 1230 г., мы, тем не менее, не придаем ей решающего значения в смене посадника, тысяцкого и князя. Массы новгородцев, горожан и сельчан, — вот кто являлся наиболее мощным рычагом политического переворота 1230 г. Боярская же возня придавала лишь определенный колорит народным выступлениям. Здесь, как и ранее, наблюдаем сочетание бытовых потрясений с политической борьбой.

Социальная сущность движения 1230 г. проецируется в конечных его результатах и целях, которые преследовали охваченные волнениями массы новгородцев. Нам говорят, что отчаявшиеся городские и сельские низы добивались улучшения своего положения¹⁰⁴. Формула верная, но слишком универсальная, поскольку применима ко всем народным восстаниям: всегда и везде поднимающийся на борьбу народ желал улучшить свое положение. Задача историка заключается в том, чтобы наполнить конкретным содержанием данную формулу. Как

уже отмечалось, новгородцы, измученные голодом, пытались пере-силить беду с помощью языческого в своей основе средства — смены правителей. Борьба демократической части свободного населения за смену одних властителей другими — это борьба социально-политическая, в которой столкнулись различные группировки свободных людей Новгородской земли. Лишение власти неугодных правителей есть главный результат движения 1230 г. Ему сопутствовали акции, свидетельствующие о важном достижении рядовых новгородцев. Речь идет о так называемых «грабежах» имущества знати, вызвавшей не-удовольствие народа. Начались «грабежи» еще в памятные дни из-гнания архиепископа Арсения. Их жертвой стали «дворы» тысяцко-го Вячеслава и его брата Богуслава, владычного стольника Андрея, Давыдка «Софийского», липенского старосты Душильца¹⁰⁵. В 1230 г. новгородцы, подстрекаемые Степаном Твердиславичем, пошли с веча «грабить» двор посадника Водовика. Тогда он «опять възъвари город вьсь... и поидоша с веча и много дворов розграбиша»¹⁰⁶. Вскоре «гра-бежи» приобрели еще больший размах. Были разграблены дворы и села посадника, тысяцкого и других высокопоставленных «мужей». Рассказав об этом, а также о смене посадника и тысяцкого, летопи-сец сообщает, что новгородцы «добытък Сменов и Водовиков по стом розделиша. Они трудишася, събирающе, а си в труд их внидоша». Это сообщение летописца представляет весьма значительную ценность. Оно предостерегает нас от упрощенного толкования грабежей, упо-минаемых летописью. Раздел награвленного имущества по сотням свидетельствует о том, что мы имеем дело с необычными грабежами, которые нельзя понимать в буквальном смысле слова. Здесь мы на-блюдаем специфическое явление, типичное для переходных обществ, а именно: борьбу старой коллективной собственности с развивающей-ся новой частной собственностью. Грабежи, о которых говорит ле-тописец, есть своеобразное перераспределение богатств по принци-пу коллективизма, противодействие общины личному обогащению. Подобной практике во многом способствовала то обстоятельство, что богатства древнерусской знати, в том числе и новгородской, соз-давались преимущественно за счет публичных поступлений — все-возможных платежей за отправление общественно полезных функ-ций. Поэтому неудивительно, что люди Древней Руси смотрели на собственность князей и бояр как на отчасти преобразованную или временно оккупированную общинную собственность, подлежащую возврату в лоно общины. Отсюда устранение от власти того или иного правителя сопровождалось отнятием у него богатств, добытых по-

средством этой власти. Инструментом такой «экспроприации» как раз и являлись «грабежи», описанные новгородским книжником. Нередко они возникали стихийно, а порой — в организованном порядке, когда награбленное делили внутри общины поровну, как это случилось с имуществом Водовика и Семена. Но независимо от стихийности или организованности «грабежей», их суть оставалась неизменной: она состояла в перераспределении богатства на коллективных началах.

Перед нами внутриобщинная борьба между элитой и массой свободных общинников, стимулом которой являлось столкновение привычной, освященной веками общинной собственности с утверждающейся частной собственностью.

Мы рассмотрели события 1227–1230 гг. в Новгороде, связанные с народными волнениями. Эти волнения имели место в экстремальных условиях, в обстановке голода, вызванного неурожаем, которые оживили в массе новгородцев языческие представления, возлагающие вину за такого рода беды на правителей. Активную роль в пробуждении древних верований в сознании народа сыграли волхвы — последние могикане уходящего в прошлое язычества. Чтобы вернуть благополучие общины, новгородцы воспользовались старым средством — сменой правителей. На гребне народного движения развернулась борьба бояр, рвущихся к власти, сулящей престиж в обществе и материальные выгоды.

Таким образом, мы имеем здесь сложное совмещение бытовых, социальных, идеологических и политических коллизий. Это борьба, происходившая среди различных групп свободного населения.

Примечания к главе 11

- ¹ Карамзин Н.М. История Государства Российского. М., 1991. Т. II–III. С. 492.
- ² Бернадский В.Н. Новгородский посадник Степан Твердиславич, Опыт характеристики политической деятельности // Учен. зап. ЛГУ. Л., 1948. № 95. Сер. истор. наук. Вып. 15. С. 28.
- ³ НПЛ. С. 65, 270.
- ⁴ Карамзин Н.М. История Государства Российского. Т. II–III. С. 490–491.
- ⁵ Арицыбашиев Н.С. Повествование о России. М., 1838. Т. 1. Кн. 2. С. 324.
- ⁶ Костомаров Н.И. Севернорусские народоправства во времена удельно-вещевого уклада. СПб., 1863. Т. II. С. 99.
- ⁷ Петров А.В. О некоторых спорных вопросах изучения социально-политической истории Новгорода начала XIII в. // Актуальные проблемы историографии дореволюционной России. Ижевск, 1992. С. 66.
- ⁸ Костомаров Н.И. Севернорусские народоправства... Т. II. С. 99.
- ⁹ См.: Срезневский И.И. Материалы для словаря древнерусского языка. СПб., 1893. Т. 1. Стб. 381, 383; Словарь русского языка XI–XVII вв. М., 1976. Вып. 1. С. 13.
- ¹⁰ См. с. 84–99 настоящей книги.
- ¹¹ ПСРЛ. СПб., 1885. Т. X. С. 94.
- ¹² Об использовании составителем Никоновского свода новгородских летописей см.: Клосс Б.М. Никоновский свод и русские летописи XVI–XVII веков. М., 1980. С. 148.
- ¹³ Татищев В.Н. История Российская: в 7 т. М.; Л., 1984. Т. IV. С. 366.
- ¹⁴ См.: Пашуто В.Т. Голодные годы в Древней Руси // Ежегодник по аграрной истории Восточной Европы, 1962 г. Минск, 1964. С. 81; Рыбаков Б.А. Язычество Древней Руси. М., 1987. С. 886.
- ¹⁵ ПСРЛ. М., 1962. Т. 1. Стб. 447.
- ¹⁶ О связи стихийных бедствий в Новгородской и Владимиро-Суздальской землях см.: Пашуто В.Т. Голодные годы... С. 64.
- ¹⁷ НПЛ. М., 1941. Вып. I. С. 11.
- ¹⁸ НПЛ. С. 66, 271.
- ¹⁹ Рыбаков Б.А. Языческое мировоззрение... С. 24.
- ²⁰ См.: Срезневский И.И. Материалы для словаря древнерусского языка. СПб., 1895. Т. 2. Стб. 1662.
- ²¹ См.: Фрэзер Дж. Дж. Золотая ветвь. М., 1980. С. 99–108.
- ²² ПСРЛ. Т. X. С. 94; Татищев В.Н. История Российская. Т. IV. С. 366.
- ²³ Рыбаков не знает, «какая часть населения Новгорода организовалась для ареста волхвов и потворников» (Рыбаков Б.А. Язычество Древней Руси. С. 686). Полагаем, что летописец, говоря о новгородцах, разумел широкие круги населения города.
- ²⁴ ПСРЛ. Т. X. С. 94.
- ²⁵ Рыбаков Б.А. Язычество Древней Руси. С. 686.
- ²⁶ См.: Костомаров Н.И. Севернорусские народоправства... Т. 2. С. 99; Петров А.В. О некоторых спорных вопросах... С. 66.
- ²⁷ НПЛ. С. 66, 271.
- ²⁸ ПСРЛ. Пг., 1915. Т. IV. Ч. 1. С. 142.

- ²⁹ Каргер М.К. Новгород Великий. Л., 1966. С. 172.
- ³⁰ НПЛ. С. 20, 204.
- ³¹ Там же. С. 50, 247.
- ³² Ср.: Каргер М.К. Новгород Великий. С. 172; Янин В.Л. Проблемы социальной организации Новгородской республики // История СССР. 1970. № 1. С. 47.
- ³³ Янин В.Л. Очерки комплексного источниковедения. М., 1977. С. 221, 222.
- ³⁴ Колчин Б.А., Янин В.Л. Археологии Новгорода 50 лет // Новгородский сборник: 50 лет раскопок Новгорода. М., 1982. С. 14.
- ³⁵ Там же. С. 15.
- ³⁶ Там же. С. 19.
- ³⁷ Там же. С. 15, 19.
- ³⁸ Янин В.Л. Проблемы социальной организации... С. 47.
- ³⁹ Засурицев Н.И. Новгород, открытый археологами. М., 1967. С. 28.
- ⁴⁰ См.: Фроянов И.Я. Киевская Русь: Очерки социально-политической истории. Л., 1980. С. 17, 27.
- ⁴¹ См. с. 39–40 настоящей книги.
- ⁴² Там же. С. 67, 272.
- ⁴³ Там же. С. 72, 281–282.
- ⁴⁴ Татищев В.Н. История Российская. Т. IV. С. 366.
- ⁴⁵ Карамзин Н.М. История Государства Российского. Т. II–III. С. 493.
- ⁴⁶ Аруибашев Н.С. Повествование о России. Т. 1. Кн. 2. С. 325.
- ⁴⁷ Беляев И.Д. История Новгорода Великого... С. 327.
- ⁴⁸ Костомаров Н.И. Севернорусские народоправства... Т. 2. С. 282.
- ⁴⁹ Тихомиров М.Н. Крестьянские и городские восстания... С. 257.
- ⁵⁰ Подвигина Н.Л. Очерки... С. 145; Петров А.В. О некоторых спорных вопросах... С. 68.
- ⁵¹ НПЛ. С. 66–67, 272.
- ⁵² Там же.
- ⁵³ В Новгородской IV летописи это обвинение высказано в четкой формулировке: «Тебе ради бысть зло се». См.: ПСРЛ. Т. IV. Ч. 1. С. 206.
- ⁵⁴ См.: Фрэзер Дж. Дж. Золотая ветвь. С. 99–108.
- ⁵⁵ См.: Фроянов И.Я. О событиях 1227–1230 гг. в Новгороде // Новгородский исторический сборник. Л., 1984. Вып. 2. С. 97–113.
- ⁵⁶ Рыбаков Б.А. Культура средневекового Новгорода. С. 305.
- ⁵⁷ Петров А.В. О некоторых спорных вопросах... С. 67, 73.
- ⁵⁸ Янин В.Л. Новгородские посадники. С. 137.
- ⁵⁹ Подвигина Н.Л. Очерки... С. 145.
- ⁶⁰ Хорошев А.С. Церковь в социально-политической системе... С. 46. Несколько ниже Хорошев, правда, замечает: «Языческая пропаганда, вероятно, сыграла свою роль и при изгнании Арсения из Софии» (Там же. С. 48). Автор не приводит конкретные факты относительно содержания «языческой пропаганды», способствовавшей устранению Арсения с архиепископской кафедры.
- ⁶¹ Там же. С. 277–278.
- ⁶² Там же. С. 278–279.
- ⁶³ Пашуто В.Т. Голодные годы... С. 81.
- ⁶⁴ См.: Тихомиров М.Н. Крестьянские и городские восстания... С. 257.

⁶⁵ Там же. С. 67–68, 273–274. См., напр.: *Пашуто В.Т.* Голодные годы... С. 81, 82.

⁶⁶ См., напр.: *Пашуто В.Т.* Голодные годы... С. 81, 82.

⁶⁷ О язычестве в сознании древнерусской знати см.: *Фроянов И.Я.* Начало христианства на Руси. С. 288–329.

⁶⁸ См.: *Фроянов И.Я.* Киевская Русь: Очерки социально-политической истории. С. 227–229, 233, 243.

⁶⁹ *Тихомиров М.Н.* Крестьянские и городские восстания... С. 259–260, 262–263; *Данилова Л.В.* Очерки... С. 88; *Подвигина Н.Л.* 1) Классовая борьба в Новгороде... С. 60; 2) Очерки... С. 146.

⁷⁰ НПЛ. С. 67, 273.

⁷¹ *Тихомиров М.Н.* Крестьянские и городские восстания... С. 260.

⁷² *Даль В.И.* Толковый словарь живого великорусского языка. М., 1956. Т. I. С. 553.

⁷³ *Тихомиров М.Н.* Крестьянские и городские восстания... С. 260.

⁷⁴ *Рыбаков Б.А.* Языческое мировоззрение... С. 24.

⁷⁵ *Рыбаков Б.А.* Культура средневекового Новгорода. С. 305.

⁷⁶ *Рыбаков Б.А.* Язычество Древней Руси. М., 1987. С. 686.

⁷⁷ *Фроянов И.Я.* Начало христианства на Руси. С. 245–246, 288–329.

⁷⁸ *Рыбаков Б.А.* Язычество Древней Руси. М., 1987. С. 686.

⁷⁹ «Новгород по Велице дни на Фомине седмицы в субботу (апреля 21-го).

И ради быша новгородцы хотению своему и целоваша ему новгородцы крест, а он има на всех прежних грамотах Ярославлих и даде свободу смердом на пять лет не платити дани, кто сбежал на чужу землю, и жити повеле, где кто живет, како уставилю прежний князи, безлихвы полетния». См.: *Татищев В.Н.* История Российская. Т. IV. С. 368.

⁸⁰ *Карамзин Н.М.* История Государства Российского. Т. II–III. С. 496.

⁸¹ *Соловьев С.М.* Сочинения. Кн. 1. С. 602.

⁸² *Беляев И.Д.* История Великого Новгорода... С. 332.

⁸³ *Юшков С.В.* 1) Феодалные отношения в Киевской Руси // Учен. зап. Саратов. ун-та. 1925. Т. 3. Вып. 4. С. 49; 2) Очерки по истории феодализма в Киевской Руси. М.; Л., 1939. С. 102–103.

⁸⁴ *Юшков С.В.* 1) Феодалные отношения... С. 50; 2) Очерки. С. 105.

⁸⁵ *Подвигина Н.Л.* Классовая борьба в Новгороде... С. 60.

⁸⁶ *Тихомиров М.Н.* Крестьянские и городские восстания... С. 263.

⁸⁷ ПСРЛ. Т. XV. С. 351–352.

⁸⁸ *Никитский А.И.* Очерк внутренней истории Пскова. СПб., 1873. С. 280.

⁸⁹ *Покровский М.Н.* Избр. произв.: в 4 кн. М., 1968. Кн. 1. С. 188.

⁹⁰ *Греков Б.Д.* 1) Феодалные отношения... С. 127; 2) Киевская Русь. С. 219.

⁹¹ *Юшков С.В.* Очерки... С. 103.

⁹² *Греков Б.Д.* Киевская Русь. С. 220.

⁹³ *Юшков С.В.* 1) Феодалные отношения... С. 49; 2) Очерки. С. 103. Чернов полагал, что смерды бежали с государственных земель на частные. См.: *Чернов С.Н.* О смердах на Руси XI–XII вв. // Академия наук СССР академику Н.Я. Марру. М.; Л., 1935. С. 771.

⁹⁴ НПЛ. С. 69, 277.

⁹⁵ Там же. С. 70, 277.

⁹⁶ Там же. С. 70, 278.

⁹⁷ Эти сотни покрывали не только городские, но и сельские районы новгородской республики. См.: *Фроянов И.Я.* Киевская Русь: Очерки социально-политической истории. С. 206–207.

⁹⁸ См.: *Фрэзер Дж. Дж.* Золотая ветвь. С. 103.

⁹⁹ *Фроянов И.Я.* 1) Киевская Русь: Очерки социально-экономической истории; 2) Киевская Русь: Очерки социально-политической истории.

¹⁰⁰ *Янин В.Л.* Новгородские посадники. С. 367.

¹⁰¹ Там же. С. 257–258, 272, 324, 327, 339, 340–341.

¹⁰² НПЛ. С. 69, 276.

¹⁰³ *Подвигина Н.Л.* 1) Классовая борьба в Новгороде... С. 62; 2) Очерки... С. 147.

¹⁰⁴ НПЛ. С. 67, 273.

¹⁰⁵ Там же. С. 70, 277–278.

Глава двенадцатая

НАРОДНЫЕ ДВИЖЕНИЯ В СМОЛЕНСКОЙ И ПОЛОЦКОЙ ЗЕМЛЯХ XII – НАЧАЛА XIII ВЕКОВ

§ 1 Племя кривичей и политическое формирование Смоленской и Полоцкой земель. Становление Смоленского княжества при Великом Князе Владимире Всеволодовиче Мономахе

Смоленск и Полоцк — правящие города кривичей, власть которых распространялась на обширные пространства в Подвинье, верховьев Днепра и Волги. Еще сто лет назад Голубовский высказал никем, кажется, специально не оспоренное мнение о том, будто Смоленск первоначально выступал в качестве «пригорода старого Полоцка»¹. Важным аргументом ему послужил тот факт, что Смоленск, как явствует из Повести временных лет, вслед за Полоцком «мирно принимает посадников Киевского Князя Олега». И только со второй половины X в. историк наблюдал первые признаки «политической обособленности Смоленска от Полоцка»².

На основании имеющихся в нашем распоряжении исторических сведений вряд ли можно говорить о пригородном статусе Смоленска по отношению к Полоцку во времена «вещего» Олега. Но не подлежит сомнению тесная связь двух кривичских центров в ранний период их истории. О единстве полоцких и смоленских кривичей сообщает древнерусский летописец, рассказывая о восточнославянских княжениях: «А другое на Полоте, иже полочане. От них же кривичи, иже сядять наверх Волги, и наверх Двины и наверх Днепра, их же град есть Смоленск; туде бо сядять кривичи»³. А.Н. Насонов, комментируя приведенный летописный текст, замечал: «Иными словами — одно “княжение” у кривичей было на Полоте, а другое — в Смоленске; полочане — тоже кривичи. Составитель Повести временных лет именно так понимал дело: вспомним, что “первых насельников” в Полоцке он считал “кривичами”, так же понимал дело и его киевский продолжатель: со-

хранились записи первой половины XII в., из которых видно, что полоцких князей считали в Киеве «кривическими» и «кривичами» называли тех, против кого посылали войско на южный полоцкий город Изяславль»⁴. Следует несколько иначе расставить акценты, указав прежде всего на то, что, по летописи, «смолянне» — тоже кривичи, поскольку они происходят от полочан-кривичей, а не наоборот, как можно подумать, читая Насонова. Кроме того, летописец если и говорит о «княжении», то лишь у полочан («а другое на Полоте, иже полочане»). О кривичах, живущих «на верх» Волги, Двины и Днепра», мы узнаем от него только, что их «град есть Смоленск». Насчет «княжения» тут он умалчивает. Заявляя же о происхождении «смолянн» от «полочан», летописатель тем самым подчеркивает близость, а стало быть, и связь двух племенных объединений.

Летописное свидетельство находит подтверждение в археологическом материале, иллюстрирующем разделение кривичей на две этнографические группы. «Главным образом в бассейнах Великой реки и Псковского озера формируются псковские кривичи. В более южных регионах — там, где кривичское население смешалось с местным балтским, складывается отдельная этнографическая группировка. Поскольку она составила ядро населения будущих Смоленской и Полоцкой земель, она называется смоленско-полоцкой... Еще А.А. Спицын отметил, что в кривичском летописном ареале наиболее распространены браслетообразные височные кольца с завязанными концами. Эти украшения сконцентрированы главным образом в смоленской части Днепровского бассейна, в бассейнах верхних течений Западной Двины и Волги. Картография браслетообразных завязанных височных колец позволяет утверждать, что эти украшения были этноопределяющими для смоленско-полоцких кривичей. Вне их летописного ареала браслетообразные завязанные кольца известны только в тех древнерусских областях, которые были освоены переселенцами из Смоленской или Полоцкой земель... Очевидно, что псковская часть кривичей не знала этих украшений. Псковские кривичи в XI–XIII вв. отличались от смоленско-полоцких и по другим деталям женского убранства»⁵.

Помимо археологических источников о былом единстве смоленских и полоцких кривичей свидетельствуют лингвистические данные, позволяющие заключить о существовании в древности смоленско-полоцкого говора, являвшегося, по наблюдениям Соболевского, «промежуточным звеном между говорами северных кривичей, с одной стороны, и дреговичей, — с другой»⁶.

Изначальная связь Полоцка и Смоленска⁷ была нарушена обстоятельствами внешнеполитического свойства, связанными с экспансией Новгорода в северо-западном регионе Восточной Европы и Киева в восточнославянском мире. Военный поход Олега на юг и его появление в Смоленске означали распространение власти новгородских словен на смоленских кривичей⁸, что, разумеется, вело к обострению отношений Новгорода с Полоцком. Исследователь, к сожалению, лишен возможности проследить за ходом борьбы двух городов. Но по отдельным ее вспышкам, запечатленным летописью, можно составить представление о том, насколько она была драматичной. Известно, например, нападение Владимира с новгородской ратью на Полоцк, завершившееся разорением и сожжением столицы полоцких кривичей⁹. Полочане платили новгородцам тою же монетою: «Прииде Брячислав, сын Изяславль, внук Володимиров, с вои ис Полотска на Новъгород, и взя Новъгород; и поим Новгородцев, и жены, и дети, и имениа их, и скоты и весь полон, и поиде к Полотску опять»¹⁰. Давней враждой к Новгороду веет от действий полоцкого князя Всеслава, сына упомянутого Брячислава, который в 1066 году «зая Новъгород до Неревского конца, и пожже, и пограби вся у Святеи Софии, и паникадила и колоколы, и отъиде».

Наряду с Новгородом на смоленских кривичей наступал и Киев. В середине X в. киевские князья со своими дружинами уже приходят к ним за данью, о чем заключаем из рассказа Константина Багрянородного¹¹. По всей видимости, в указанное время и позже Смоленск признавал над собой власть Киева. Но как произошло установление этой власти, сказать трудно, поскольку нет необходимых для того сведений. Смоленские кривичи, как и другие восточнославянские племена, сопротивлялись завоевателям из Киева. Сопротивление было тем успешнее, чем сплоченнее выступала местная община. Консолидация ее осуществлялась в процессе становления «городовой волости» (города-государства), возникшей на обломках племенного союза¹². Ко второй половине XI в. обозначились определенные результаты названного процесса. Их отражение находим в завещании Ярослава Мудрого. Умирающий князь, наделяя сыновей своих княжениями, дал Смоленск Вячеславу¹³, в чем Голубовский увидел «первое ясное указание на обособление Смоленской земли как отдельной политической единицы»¹⁴. Нет сомнений в том, что подобное обособление есть прямое следствие консолидации смоленской общины, внешним признаком чего и стало появление в Смоленске собственного княже-

ния¹⁵. Однако городская община тут пока не вполне окрепла. И потому княжеский стол во граде кривичей был вскоре закрыт. Случилось это в 1060 г. с кончиной Игоря Ярославича, правившего в Смоленске после смерти брата Вячеслава, последовавшей в 1057 г. По словам Голубовского, «после этой кратковременной обособленности, Смоленская земля вновь теряет ее и даже делится на три части между Изяславом, Святославом и Всеволодом»¹⁶. К мысли о разделе Смоленской земли склонялся и Янин¹⁷. Более осторожен Алексеев. «Что означало разделение Смоленска на три части? — спрашивает исследователь. — Влился ли он в великокняжеский удел, и в чем было это разделение? Отторгнули действительно части Смоленска (Смоленской земли) к Чернигову и Ростову (?), как полагает Янин. Здесь следует быть осторожным...»¹⁸. Скорее всего, Ярославичи поделили между собой не территорию Смоленской земли, а только доходы с нее.

Ликвидация княжеского стола в Смоленске, хозяйничанье в городе южных князей порождали недовольство «смолян», и они, вероятно, сопротивлялись¹⁹. Отсюда, надо думать, военные походы против Смоленска, призванные подавить это сопротивление²⁰. Однако «смоляне» восстановили все же у себя княжеский стол. На нем какое-то время сидел Владимир Мономах²¹. Если верить Татищеву, в Смоленске Мономах оказался по воле Киевского Князя Изяслава Ярославича²². Похоже, так оно и было²³. Смоленская община, таким образом, хотя и добилась возобновления в родном городе княжения, но ценой сохранения политической зависимости от Киева, сопрягавшейся с уплатой дани²⁴. И все же силы «матери градов русских» слабели. Уже на исходе XI в. «смоляне» самостоятельно распоряжаются княжением, используя противоречия и распри среди потомков Ярослава Мудрого, в частности Святополка Изяславича и Владимира Мономаха с Давыдом и Олегом Святославичами, на что в свое время обратил внимание Голубовский, который писал: «Когда происходила борьба Святополка Изяславича и Владимира Мономаха с Олегом Святославичем, Смоленск неожиданно выступает на политической арене. В 1095 г. Давыд Святославич, сидевший в Новгороде, был оттуда изгнан, и его приняли к себе смоляне. Опираясь на них, Давыд становится открыто во враждебные отношения к Святополку и Владимиру Мономаху»²⁵. Необходимо заметить, что перед приездом Давыда в Смоленск там княжил Изяслав, сын Владимира Мономаха²⁶. Значит, Давыд изгнал Изяслава из Смоленска²⁷. Без поддержки «смолян» ему вряд ли бы удалось вытеснить соперника и вокняжиться

в городе. Правил Изяслав в Смоленске не лучшим образом, почему и возбудил к себе вражду со стороны горожан, о чем догадываемся по рассказу летописца об участии смоленских «воев» в походе Олега Святославича против Изяслава, ушедшего из Смоленска в Муром²⁸. Кстати, с самим Олегом в Смоленске произошел казус, весьма показательный и характерный. Когда он прибыл сюда к брату своему Давыду, то «не прияша его смолняне»²⁹. Как понять случившееся? Татищев толкует летописное известие так, будто Олега «смолняне» не пустили «во град»³⁰. Другие историки говорили о том, что жители Смоленска «не согласились», «не захотели» принять его, оставляя без определения летописное речение «не прияша». Согласно Алексееву, «смолняне Олега не принимают, и он вынужден искать иного убежища»³¹. Летописец, по нашему мнению, намекает на нечто большее, чем простое неприятие князя. Ведь Олег «поим» в Смоленске «воев» на войну с Изяславом. Вот свидетельство летописателя: «Олгови обещахуся (*Святополку и Мономаху*. — И.Ф.) ити к брату своему Давыдови Смолиньску, и прити з братом своим Киеву и обряд положити, и не всхоте сего Олег створити, но пришед Смолинску и поим вои, поиде к Мурому, в Муроме тогда сущю Изяславу Володимеричю»³². На фоне этого рассказа становится ясной недостаточность приведенных выше толкований летописного текста.

Ближе к истине О.М. Рапов, предлагающий версию, по которой Олег старался закрепить в Смоленске, пытаясь «отнять владение у брата»³³. Если верно известие Татищева, что Давыд в момент приезда Олега в Смоленск находился в Торопце³⁴, то можно предположить: Олег, воспользовавшись отсутствием брата, решил сесть на смоленский стол, но «смолняне» ему отказали, т.е. «не прияша его», хотя «воев» для похода на Изяслава они князю дали. Во всем этом проглядывает городская община, действующая по собственному усмотрению и сознающая свою силу³⁵. Оценивая факты конца XI в., касающиеся Смоленска, Голубовский писал: «Принятием к себе Давыда Святославича и самостоятельными действиями в политических событиях Смоленск заявлял ясно свое стремление к выделению, к образованию отдельного княжества»³⁶. Соглашаясь с основной мыслью автора, внесем два уточнения. Смоленск, во-первых, заявил о своем стремлении к образованию самостоятельной волости (города-государства), а отнюдь не княжества³⁷. Во-вторых, это заявление подкреплялось реальной мощью местной общины, к исходу XI в. сложившейся в жизнеспособную и самоуправляемую корпорацию, естественное развитие

которой было неизбежно связано с приобретением ею суверенных прав. Понятно, почему Владимир Мономах, так живо откликавшийся на запросы земщины и тем оставивший по себе благодарную память на Руси, «заложил церковь у Смоленське Святое Богородице камяну епискупью»³⁸. Факт закладки храма Успения Пресвятой Богородицы указывает, по мнению Голубовского, «на мысль Мономаха выделить Смоленскую землю не только в политическом, но и в духовно-административном отношении созданием в ней отдельной епископии»³⁹. Версию Голубовского оспорил Шапов: «Нет основания считать, что Владимир Мономах, основывая в 1101 г. церковь в Смоленске, хотел этим положить начало отделения Смоленской земли от церковного центра в Переяславле. Оба княжества — и Переяславское и Смоленское — в конце XI — начале XII в. принадлежали Мономаху. В Переяславле до 1113 г. сидел он сам, в Смоленске — послушные ему сыновья, а затем посадники. В условиях, когда политической борьбы между этими центрами не существовало, а во главе их стоял один и тот же князь, необходимости разделить церковное управление этих земель не было»⁴⁰. В качестве еще одного аргумента Шапов ссылается на Устав князя Ростислава об учреждении Смоленской епископии, в котором говорится о желании Мстислава открыть епископскую кафедру в Смоленске, тогда как упоминание Владимира Мономаха в этой связи отсутствует⁴¹. Аналогичные доказательства, призванные опровергнуть догадку о строительстве Мономахом кафедрального храма, приводят Воронин и Раппопорт: «В ту пору, когда был заложен смоленский собор, Смоленское княжество вместе с Переяславским принадлежало Мономаху и не было причин для выделения Смоленска в особую епархию. В 1101 г. Мономах начал строить в Смоленске не кафедральный храм, а большой городской собор; это был единственный каменный храм, обслуживающий культовые нужды стольного города»⁴².

В поисках решения вопроса Шапов прибегает к построениям Шахматова, по которому известие об основании Мономахом церкви Богородицы в Смоленске появилось лишь в третьей редакции Повести временных лет 1118 г. В Лаврентьевском же и сходных с ним списках Повести такого известия нет. Работа над Повестью продолжалась и после 1118 г., вплоть до XIV в. Отсюда вывод: «Слово «епискупья» является позднейшей вставкой, отсутствовавшей в известии третьей редакции Повести 1118 г. и появившейся уже после учреждения в смоленской церкви Богородицы кафедры, следовательно, после 1137 г. Это добавление, первоначально, вероятно, в виде глоссы на поле, принадлежа-

ло руке церковника. Оно обращало внимание на то, что Мономахом в 1101 г. была заложена не какая-либо иная смоленская церковь, а именно кафедральная»⁴³. О позднем вставочном характере определения смоленского храма как епископского писали М.Н. Тихомиров, Н.Н. Воронин и П.А. Раппопорт⁴⁴. Доводы скептиков нас не убеждают, поскольку они частью чересчур гипотетичны, а частью просто поверхностны.

Полным забвением процессов, происходивших в смоленском обществе в конце XI — начале XII вв., страдают утверждения об отсутствии причин для устройства отдельной епархии в Смоленске на том лишь основании, что оба «княжества» (и Переяславское и Смоленское) находились в руках единственного князя — Владимира Мономаха. При объяснении столь крупных событий, каким являлось учреждение Смоленской епископии, нельзя ограничиваться интересами князя, даже такого выдающегося, как Мономах. Сам ход развития городской общины Смоленска, обретавшей в борьбе независимость и суверенитет, ставил перед необходимостью организации епископской кафедры. Усиление смоленской общины, завоевание ею самостоятельности по отношению к южным правителям — вот что было политической основой возникновения здесь сначала княжения, а потом епископства. Мономах, закладывая кафедральный собор, шел навстречу чаяниям жителей Смоленска. Будучи незаурядным политиком, прекрасно понимающим веления времени, князь Владимир Всеволодович закладкой храма показывал, что готов способствовать учреждению в Смоленской волости отдельной епархии. Именно это, на наш взгляд, хотел подчеркнуть летописец, помещая в свою хронику известие о том, что Мономах «заложил» в Смоленске церковь Богородицы «камяну епискупью». Достоверность данного известия не опровергает его несколько поздний, вставочный характер. Составитель третьей редакции Повести 1118 г., включивший в летопись, по предположению Шахматова, сообщение о закладке Успенской церкви⁴⁵, мог знать о замыслах Мономаха, о чем и уведомил своих читателей⁴⁶.

§ 2 Деятельность Смоленского князя Ростислава Мстиславича и его преемников. Проблемы социально-политической организации Смоленска

По каким-то неизвестным нам причинам открытие владычного стола в Смоленске при Владимире Всеволодовиче не состоялось. Трудно сказать, что этому помешало: то ли противодействие митрополита или переяславского епископа, в ведении которого находилась смоленская церковь⁴⁷, то ли одно и другое вместе. Но объективная потреб-

ность в епископии этим не устранялась. Вот почему замысел Мономаха хотел осуществить сын его Мстислав. О желании Мстислава дать епископа Смоленску говорится в преамбуле Уставной грамоты Ростислава Мстиславича: «Приведох епископа Смоленску, здумав с людьми своими, по повелению отца своего святого, еже хотел при животе своем сотворити, и ино zde первое сего не бывало епископы, да яз недостойный, грешный се уставляю епискупью, о немъ же епископу быти живу и с клиросом своим в свои дни и въ свое княженъе, еже ми Бог дал и отча молитва»⁴⁸. Мстиславу, следовательно, как и Владимиру Мономаху, не удалось «привести епископа Смоленску». Намерение отца и деда осуществил Ростислав Мстиславович в исходе третьего десятилетия XII в. Но это не значит, что только при Ростиславе, как полагают Воронин и Раппопорт, «стал на очередь вопрос об учреждении особой Смоленской епископии»⁴⁹. Данный вопрос стоял на очереди с начала XII в., но разрешение получил лишь по истечении нескольких десятков лет.

Устроение епископской кафедры в Смоленске Воронин и Раппопорт связывают с появлением здесь «своей княжеской династии», перенося, таким образом, проблему в сферу исключительно княжого творчества⁵⁰. Сходный взгляд у Щапова, который учреждение Смоленской епископии относит к числу предпринимавшихся князьями политических актов, фиксируя «самостоятельность княжества, подчинение местной церковной организации своему князю, а не тому чужому политическому центру, где находилась до этого кафедра»⁵¹. По Рыбакову, «во всех выкристаллизовавшихся княжествах учреждались самостоятельные епархии и оформлялись имущественные права епископов. Происходило это по инициативе князей, закрепившихся в определенных землях и хотевших усилить свои позиции поддержкой церкви»⁵².

Нам кажется, что закрепление в определенных землях князей (возникновение местных княжеских династий) и открытие самостоятельных епархий, есть следствие возвышения городских общин, конституировавшихся в суверенные города-государства с республиканским строем, где князь занимал подотчетное (если не подчиненное) по отношению к народному собранию (вечу) положение. Становление городов-государств на Руси заканчивается в основном к середине XII в.⁵³, внешним выражением чего и было появление самостоятельных княжеских и владычных столов. Создаются свои святыни, оберегаемые и почитаемые местным населением. В Смоленске — это прежде всего храм Пресвятой Богородицы. Стараниями Давыда Ростиславича пе-

реносятся из Вышгорода на Смядынь «ветхие гробницы» святых великомучеников Бориса и Глеба, где устанавливаются в Борисоглебской церкви тамошнего монастыря. «Честные гробы» святых братьев стали местом паломничества христиан, «притекающих» отовсюду. Они подавали чудесное исцеление и здоровье болящим⁵⁴. «Повесть о перенесении ветхих гробниц Бориса и Глеба», откуда взяты приведенные только что сведения, подчеркивает государственный характер акции Давыда, отмечая, что она состоялась при князе, который «предержаи всю область смоленскую»⁵⁵. Воронин правильно замечает, что «идея Давыда создать из Смядыни «второй Вышгород» говорит не о превращении монастыря в княжеский замок, как это принято думать, а о повышении его культовой значимости»⁵⁶. Но едва ли можно согласиться с исследователем, когда он стремление «всячески повысить культовый потенциал Смоленска» непосредственно связывает с «упрочением великодержавных, королевских тенденций Давыда»⁵⁷. Рассуждать о «великодержавных, королевских тенденциях» относительно князя Давыда — значит находиться в плену собственного воображения. Нигде на Руси, включая Смоленскую землю, не находим такого рода тенденций, что и понятно, ибо княжеская власть тогда еще не стала монархической, будучи во многом властью общинной, хотя, бесспорно, возносимой и почитаемой. По нашему мнению, забота Давыда о повышении «культового потенциала Смоленска» вытекала из нужд смоленской общины, крепившей свою государственность различными средствами, в том числе и религиозно-идеологическими, как это мы имеем в рассматриваемом случае перенесения на Смоленщину священных гробов Бориса и Глеба, что, конечно же, поднимало престиж Смоленска среди других стольных городов Древней Руси. Недаром в Повести сказано о сотворении Давыдом «второго Вышгорода»⁵⁸. Этим подчеркивалось огромное значение предпринятого смоленским князем дела, выходящего за рамки частной инициативы, рассчитанного на общерусский, так сказать, резонанс. Перед нами пример идеологического состязания древнерусских городских волостей (городов-государств), являвшегося своеобразной формой борьбы за укрепление общинных государственных образований, существовавших на Руси XII — начала XIII вв. Что касается Смоленска, то надо заметить, что особенно большой вклад в развитие его государственности внес Ростислав Мстиславич — первый подлинно Смоленский князь, родоначальник местной княжеской династии. Голубовский считал Ростислава основателем «политической отдельности» Смоленской земли. За

годы княжения Мстиславича в Смоленской волости последняя «приобретает выдающееся положение среди всех других областей земли Русской»⁵⁹. Ростислав Мстиславич «поставил Смоленскую землю на высшую ступень политического могущества, какой она уже никогда не достигала после его смерти»⁶⁰. К той же оценке правления Ростислава склоняется новейший исследователь Алексеев. «Ростислав Мстиславич, — пишет он, — был самым крупным деятелем Смоленской земли домонгольского времени. При нем княжество необычно окрепло экономически и стало одним из важнейших в древней Руси»⁶¹. Не потому ли «смоляне» наделяли Ростислава святостью. «Треблаженнии и святыи» — так именует его автор «Похвалы князю Ростиславу Мстиславичу», написанной по случаю княжеской смерти (1167)⁶². Этим он, по словам Щалова, «выделен среди других членов княжеского рода, как достойный особой благодати и особого отношения со стороны современников», что, в свою очередь, свидетельствует, о «церковно-политических претензиях автора Похвалы к установлению церковного почитания этого смоленского и Великого Князя киевского»⁶³. Щалов считает возможным говорить о канонизации Ростислава в Смоленске, усматривая в ней «стремление получить в политической (и церковно-политической) борьбе древнерусских княжеств такой важный дополнительный шанс, как культ смоленского князя»⁶⁴. Важно подчеркнуть, что это была борьба смоленской общины за свою государственную независимость. Само же становление государственности в Смоленске сопровождалось (причем с необходимостью) появлением собственных княжения, епископства и местных святых.

Пример подобной канонизации отнюдь не единственный. Вспомним Всеволода Мстиславича, канонизированного во Пскове в конце XII в.⁶⁵ Как явствует из анализа летописных сведений, псковичи придавали особое значение событиям, относящимся ко времени княжения у них Всеволода, старались подчеркнуть их неординарность и важность для дальнейшей истории государственности Пскова⁶⁶. Ему они приписывали основание собора Святой Троицы — патронального храма, главной святыни Пскова, символизировавшей суверенитет псковской общины. Княжение Всеволода на берегах реки Великой воспринималось псковичами как начальный шаг на пути к независимости от Новгорода⁶⁷. Всеволод был князем, который положил первый камень в основание свободы Пскова. Все это открыло ему доступ к сонму святых, почитаемых псковичами. Припоминается и князь Довмонт, литовец родом, приехавший во Псков «со всем родом своим», где сел

на княжеский стол. «Посаждение на псковский стол князя Довмонта — выходца из Литвы, не Рюриковича, является несомненным доказательством достижения Псковом независимости. Псковская летопись уделяет особое внимание этому князю. С его именем связан “золотой век” Пскова. Ему посвящено “Сказание о благоверном князе Довмонте и храбрости его”, которым открываются псковские летописи. В этом памятнике, несомненно, нашли отражение представления псковичей о правильном, идеальном князе»⁶⁸. Канонизация Довмонта состоялась едва ли не сразу после формального, юридического обособления Пскова от Новгорода⁶⁹. Но почитать его как святого псковичи стали, по-видимому, рано⁷⁰. Так были причислены к лику святых два князя, обесмертившие себя в памяти жителей Псковщины прежде всего тем, что один из них олицетворял начало борьбы псковской общины за свою независимую государственность, а другой — ее завершение⁷¹. Имена обоих князей равно связаны с земным благополучием Пскова. Вернемся, однако, к Ростиславу Мстиславичу.

В княжение Ростислава Смоленск окончательно освободился от киевского господства. Заметно возросла мощь смоленской волостной общины. Она становится влиятельной силой в политической жизни Руси⁷². Произшедшие перемены не замедлили сказаться на отношениях в смоленском обществе. Если раньше противостояние Киеву спланивало земщину Смоленска, сглаживая внутренние противоречия и конфликты, то теперь они получили выход.

Но сперва послушаем самого Климента: «Да скажу ти сущих славы хотящих, иже прилагают дом к дому, и села к селам, изгой же и сябры и борти и пожни, ляда же и старины»⁷³. Итак, «славы хотящие», по Смолятичу, «прилагают» людей и разного рода недвижимость. Кто же они, «славы хотящие»? Важно заметить, что Смолятич осуждает не тех, кто жаждет богатства ради богатства, а тех, кто хочет славы. Совершенно очевидно, что богатство и слава — не одно и то же. Слава есть почет, честь⁷⁴, в конечном счете — высокий престиж. Ее добывают с помощью богатства. Поэтому богатство выступает всего лишь как средство, тогда как целью является слава. Именно этот смысл заключен в словах Климента, негодующего против «славы хотящих», которые для достижения своей цели «прилагают» дом к дому, села к селам, борти, пожни, ляда и старины, т.е. присоединяют, увеличивают, умножают богатство⁷⁵. И тут мы подходим к вопросу о роли богатств в древности. Обладание богатствами использовалось тогда для поддержания и расширения личного авторитета в обществе⁷⁶. Богатство

имело не столько «утилитарное значение, сколько являлось орудием социального престижа. Оно давало прежде всего власть и влияние»⁷⁷. Вот почему «собственность, богатство невозможно отделить от категории престижа, личного статуса и от форм социального общения»⁷⁸. Таким образом, владение богатством в архаических обществах далеко выходило за пределы материально-собственнической сферы⁷⁹. Отсюда понятно поведение «славы хотящих»: накоплением недвижимых ценностей они стремились повысить свой престиж в обществе. Ту же задачу решали «славы хотящие», собирая вокруг себя изгоев и сябров.

Следует отвергнуть мысль Тихомирова о том, будто «славы хотящие» поработали изгоев и сябров, превращая их в феодально-зависимых. О поработлении Климент Смолятич не говорит ни слова. Он сообщает, что изгоев и сябров «славы хотящие» умножают («прилагают»). Изгои Смолятича — скорее всего, свободные люди, выпавшие из своей социальной ниши, привычного состояния, оказавшиеся один на один с внешним миром и потому вынужденные искать покровительства сильного⁸⁰. Отмечая трудности в определении значения слова «сябры» у Климента Смолятича, Соболевский полагал, что под сябром надо, очевидно, «разуметь человека близкого к изгою, нуждающегося в покровительстве и защите»⁸¹. Первоначально сябр означал члена семейной общины⁸². Но уже в Древней Руси, по наблюдениям лингвистов, сябр — это сосед, член одной общины⁸³. К этому надо добавить, что в живом великорусском языке XIX в. сябр суть товарищ, знакомый, приятель⁸⁴. Если данные значения достаточно стары, то перед исследователем открывается многообразие возможных вариантов. В частности, можно допустить, что в лице сябров «славы хотящие» окружали себя товарищами. Наше предположение оправдано еще и тем, что понятие сосед соотносится с «съседети», т.е. «сидеть рядом, жить вместе»⁸⁵. Думается, есть основания заключить, что изгои и сябры, находящиеся подле «славы хотящих», — древнерусская вариация клиентелы. К тому же побуждают некоторые соображения общего порядка, касающиеся института клиентелы и соотнесенные с данными древнерусской истории.

Как показывают исследования современных историков и этнографов, клиентела была характерной для обществ сложных, переходных. Таковой как раз и являлась Древняя Русь, переживавшая переход от доклассового строя к классовому⁸⁶.

Патроно-клиентские отношения состояли в том, что на патроне лежала обязанность оказывать клиенту экономическую поддержку, а

также покровительство и защиту перед лицом сторонних сил⁸⁷. В вознаграждение за помощь и защиту клиенты вступали к патрону в подчинение, становясь его подданными. В результате между слабыми и сильными заключалось нечто вроде договора. Но клиенты повиновались своему покровителю до тех пор, пока он их оберегал, и отказывали ему в покорности, едва убеждались, что тот не умеет их защитить⁸⁸.

Клиентела получает распространение в обществах, где «официальные социально-политические институты слабы и не способны предоставить устойчивого благосостояния и необходимого покровительства людям, находящимся на нижних ступенях социальной лестницы», т.е. «социально слабым элементам общества»⁸⁹. К числу подобных обществ относилось и древнерусское, недавно вышедшее из родоплеменного строя. Разложение рода существенно расстроило систему кровной защиты. Государственная, публичная власть была еще слаба, чтобы эффективно обеспечить безопасность индивида от покушений на его личность. Сильный нередко подавлял слабого. Недаром Владимир Мономах призывал: «Не вдавайте сильным погубити человека»⁹⁰. Сам же князь не давал в обиду «и худого смерда и убогие вдовице»⁹¹. Спасаясь от насилий, обездоленные люди искали патрона, чтобы укрыться за ним от житейских невзгод. Для клиентелы, следовательно, почва на Руси XII в. была благоприятной. Надо сказать, что «клиентела как учреждение защиты и покровительства, основанного на личном и имущественном подчинении защищаемых, была широко распространена в древних обществах, где недостаток государственной защиты ставил слабых и бедных в подчинение и зависимость от сильных и богатых. Клиентелу находят у аквитанов, лигуров, иберов, германцев, фракийцев. И, наконец, она существовала у кельтов, как на континенте, так и в Ирландии».

Богатые и сильные старались употребить свое богатство так, чтобы обзавестись как можно большим количеством клиентов. Могущество и престиж патрона напрямую зависели от числа мужей, ему подопечных. Так, сила галльского вождя измерялась количеством людей, привязанных к его особе⁹². По рассказу Полибия, у италийских кельтов самым сильным и могущественным считался тот, кто имел наибольшее число слуг и подчиненных ему людей, повсюду следовавших за ним. Идентичный взгляд демонстрирует наш соотечественник Даниил Заточник. Обращаясь к князю, Даниил восклицает: «Паволока бо испестрена многими шолкы и красно лице являет; тако и ты, княже, многими людьми честен и славен по всем странам»⁹³. Что касает-

ся умножения клиентов по мере роста богатства, то оно отражено в усердии «славы хотящих», которые «прилагают» дома, села, борти, пожни, ляда, старины, а вместе с ними — изгоев и сябров.

Ученые устанавливают неоднородность западноевропейской клиентелы: одни из клиентов занимали отчасти привилегированное положение, выступая как бы в роли «товарищей», «компаньонов» патрона, другие составляли низший слой клиентства, будучи несвободными⁹⁴. Похоже, что и Климент Смолятич, упоминая изгоев и сябров, намекает на два разряда клиентов, высший и низший. Первому, по-видимому, соответствовали сябры, а второму изгой, хотя уверенности здесь, разумеется, нет и быть не может.

Более понятно отрицательное отношение Смолятича к делам «славы хотящих». Если учесть, что клиента представляла собой одну из неформальных социальных структур, что на институте клиентелы лежала зримая печать язычества⁹⁵, то приобретает ясность позиция митрополита Климента — блюстителя христианской веры и легитимной власти.

Итак, Климент Смолятич сообщает нам не о феодальном порабощении крестьян, а о стремлении сильных людей к славе, престижу посредством накопления богатства и привлечения клиентов. Напротив, патроно-клиентские связи способствовали смягчению социальных конфликтов, обволакивая, так сказать, общественно опасные элементы в лице всякого рода обездоленных, которые при иных обстоятельствах могли бы вызвать неустройства и потрясения в обществе.

До пожалования епископии изгой являлись древнерусской разновидностью известных Западной Европе либертинов фиска, владельцем которых была смоленская община. С ее ведома и разрешения князь передал их епископу⁹⁶. Бортник, тетеревник и капустник — несвободные люди⁹⁷, скорее всего, рабы. Наконец, в грамоте встречаем прощенников, жалуемых епископии. Прощенники входили в разряд полусвободных, приближающихся к рабскому состоянию⁹⁸. Как видим, грамота Ростислава фиксирует не «обояривание сел» и «закрепощение сябров», а передачу рабов и полусвободных из одних владельческих рук в другие.

К сожалению, письменные памятники, затрагивающие историю Смоленска XII — начала XIII вв., практически не содержат сведений о социальной борьбе, в основе которой лежало бы столкновение экономических и материальных интересов. Но это, конечно, не означает, что «смоляне» ее не знали. Смоленская община, как и волостные общины других земель, была неоднородна, разделяясь на знатных и

простых, богатых и бедных, свободных и зависимых. Тяжко приходилось неимущему люду, страдавшему от произвола сильных. Татищев, характеризуя деятельность князя Ростислава Мстиславича, замечал, что он о «судех не радел», отчего «тиуны его мздою богателись, и было от их убогим утеснение». Убогие, надо полагать, протестовали, но в каких конкретных акциях, неизвестно. Трагичной становилась судьба бедных людей в годы недорода и мора. В 1230 г. «бысть мор силен, в Смоленске створиша 4 скуделницы и положища во дву 16 тысящ, а в третьей 7000, а в четветой 9 тысящ; се же бысть по два лета». Такого рода бедствия сопровождались обычно народными волнениями. Кстати сказать, в это время Новгород был охвачен возмущением народа, возникшем вследствие «скудости», поразившей Новгородчину. Возможно, волновались и «смоляне», хотя летопись на сей счет молчит. Несколько поразговорчивей она, когда повествует о конфликтах или расхождениях «смолян» со своими князьями.

Однажды (1185) князь Давыд увлек смоленских воев в поход на юг, чтобы «постеречь» Киев от половцев. Военные обстоятельства складывались так, что нужно было срочно идти к Переяславлю, осажденному ханом Кончаком. И вот тут «смоляне», стоявшие у Треполя, «почаша вече деяти, рекуще: мы пошли до Киева, даже бы была рать билися быхом, нам ли иное рати искати; то не можем, уже ся есмы изнемогли». Князь ничего не мог поделать и «возвратися опять со Смоляны». Вокруг этого, казалось бы, незамысловатого текста, сотворена не одна ученая легенда. Пашуто изображает произошедшее так, будто «смоленские ополченцы» устроили «военный совет», а не «собрание всего войска». В результате он ограничивает состав участников вече, представляя в ложном свете отношения Давыда с массой смоленских воев. Согласно Воронину, под Треполем показали свой норов «бояре-дружинники», которые «вздумали вече деяти», когда нужно было, забыв усталость и свои боярские интересы, броситься на помощь переяславцам, «избиваемым половцами». Воронин, подобно Пашуто, исключает из игры рядовых воинов, отводя им пассивную роль. Зато у Алексеева смоленское войско «взбунтовалось», и князь Давыд оказался перед ним безсилен. Это, конечно, — противоположная крайность.

Верное толкование летописного известия давным давно предложил В.И. Сергеевич. «Из этого известия, — говорил ученый, — следует, что перед походом в Смоленске было собрано вече, на котором и решен вопрос о походе. Но на поход смольняне согласились не безусловно, а с ограничением: они обещали воевать половцев только на

пространстве до Киева. Достигнув Треполя (верст на 40 южнее Киева) и не найдя половцев, они нашли, что обязательство их исполнено, собрали вече во время похода и решили возвратиться домой. Князь ничего не мог сделать и отступил с своими гражданами-воинами. Он присоединился, следовательно, к вечевому решению, хотя оно было собрано не им, а самим народом».

Мы не сомневаемся, что вече, отказавшее Давыду в продолжении похода, состояло из смоленского воинства в целом, а не боярско-дружинной знати. «Смолняне» поступили по собственному усмотрению и вопреки князю Давыду, которому пришлось подчиниться воле веча. Возможно, это внесло определенное напряжение в отношения смолнян с Давыдом, способное при очередных осложнениях вылиться в открытую ссору, что и случилось в следующем 1186 г. «Въстань бысть Смоленске промежи князьм Давыдом и смолняны, и много голов паде лучших муж», — читаем в Новгородской Первой летописи⁹⁹. Голубовский, исходя из приведенной записи, отмечал в Смоленске сильное недовольство, переросшее в кровавое столкновение, в котором погибло много лучших людей¹⁰⁰. К этой констатации он не сумел больше ничего добавить. Воронин связал «встань» 1186 г. с тем, что имело место «у Треполя» годом раньше, когда смоленские бояре отказались следовать за Давыдом к Переяславлю. «Это ударило по княжескому престижу Давыда. В 1186 г., видно, был новый конфликт с боярами. Его содержание нам неизвестно. Может быть, в 1186 г. Давыд воспользовался условиями того “ряда”, который в 1177 г. в пику ему напомнил Святослав: “оже ся князь извинить, то в волость, а мужь у голову”. За свою вину муж платился головой. Давыдовы “лучшие мужи”, возможно, расплачивались и за недавний конфликт»¹⁰¹. Избиение бояр Воронин главным образом объясняет тем, что Давыд «шел по пути всемерного усиления своей “королевской” власти, которую он утверждал, опираясь, видимо, на часть дружины, на союз с горожанами и церковью»¹⁰². Двойственную характеристику «встани» 1186 г. дает Алексеев. В одном месте своей книги, посвященной истории Смоленской земли в IX–XIII вв., он пишет: «Трудно расшифровать, что это была за “встань”. Кажется только, что здесь речь идет о борьбе богатых горожан, возглавляющих вече (“лучшие мужи”), с князем, и головы этих мужей и мужей князя гибли в борьбе»¹⁰³. Однако в другой главе упомянутой книги автор указывает на то, что конец 1186 г. «ознаменовался в Новгородской и Смоленской землях какими-то крупными народными волнениями»¹⁰⁴. Это совпадение Алексеев считает не слу-

чайным, т.к. «дендрохронология Новгорода, Смоленска, смоленских городов Торопца и Мстиславля показывает, что 1186 г. был неурожайным. Дело происходило в конце (мартовского) года, т.е. в феврале когда запасы истощились. Голодная беднота Смоленска и Новгорода громила запасы бояр. Так выясняются неясные ранее причины народных волнений в этих двух городах»¹⁰⁵. Однако, по справедливому замечанию Дворниченко, летопись ничего не говорит о бедноте, громящей запасы бояр¹⁰⁶. Вместе с тем, полагает ученый, наблюдения Алексеева о связи смоленской «встани» 1186 г. с одновременными событиями в Новгороде позволяют разобраться в существе распри Давыда с жителями Смоленска. По мнению Дворниченко, неурожай, подтверждаемый дендрохронологией Новгорода, Смоленска, Торопца и Мстиславля, вполне мог быть причиной волнений в Новгороде и Смоленске¹⁰⁷. Таковы некоторые соображения исследователей о волнениях в Смоленске 1186 г. Обозначим и мы свою позицию.

Прежде всего подчеркнем, что летописец видит две стороны, участвующие в конфликте: князя и «смолян», причем не отдельную их группу (бояр, богатых или бедных горожан), а всех целиком. Сообщая о «встании», он понимает, на наш взгляд, смещение, раздор¹⁰⁸, но не восстание, как порой считают современные историки¹⁰⁹. Раздор, следовательно, произошел между Давыдом и смоленской вечевой общиной, результатом чего стала гибель многих «лучших мужей». Погибнуть они могли либо в кровавой драке, либо по решению веча, как это нередко бывало в Новгороде во время народных возмущений. В пользу второго предположения свидетельствует, пожалуй, тот факт, что летописец среди погибших называет лишь «лучших мужей». Ведь в вооруженных стычках убивали и лучших, и простых мужей. Но если во «встани» 1186 г. пали головы одних только «лучших мужей», то нужно признать правдоподобной догадку историков, которые связывали причину этой «встани» с недородом¹¹⁰. И тогда гибель «лучших мужей» можно рассматривать как характерную для традиционных обществ расплату лидеров за неспособность обеспечить благоденствие людям, ими управляемым, как своеобразную жертву за урожай¹¹¹.

Мы сознаем всю степень гипотетичности сказанного. Не исключаем и того, что летописец намеренно упомянул лишь «лучших мужей», оставив без внимания остальных людей, погибших во «встани» 1186 г. Но в любом случае остается неизменный вывод: перед нами политический конфликт вечевой общины Смоленска с князем, возникший на почве недовольства «смолян» своим правителем. И в дальнейшем отношения «смолян» с Давыдом складывались не лучшим образом.

В 1195 г. Олег Святославич «посла весть ко строеви своему к Чернигову ко Ярославу», в которой со слов плененных им «смолян» сообщал, что «братья их не добре с Давыдом»¹¹². Даже к смерти Давыда «смоляне» отнеслись равнодушно. За гробом покойного шел епископ Смоленский Семеон «и вси игумени и попове и сыновець его Мьстислав Романовичь и вси бояре»¹¹³. Среди находившихся в похоронной процессии «смолян» не видно, и это, конечно, не случайно. Своего правителя они не любили, но все же терпели. Смоленск, как и другие города, не мог обходиться без князя.

Однако терпение «смолян» не было безграничным. Летопись под 1175 г. извещает: «Смоляне выгнаша от себе Ярополка Романовича, а Мстислава Ростиславича введоша во Смольнеск княжить». Алексеев по этому случаю говорит: «Так мы впервые читаем о новой силе в Смоленске — смолянах, смоленском вече, которое, оказывается, и в Смоленске теперь может прогнать неугодного князя. Если в Полоцкой земле вече решало судьбы княжества уже в начале XII в., то здесь это произошло на 40–50 лет позднее»¹¹⁴. Устанавливать время, с какого смоленское вече стало способным «решать судьбы княжества», исходя из первого летописного сообщения об изгнании «смолянами» князя, довольно рискованно. Тут необходимо учитывать ряд показателей полновластия и суверенности смоленской общины. Соблюдая данное условие, получаем возможность отнести начало самостоятельного управления смоленским вечем рычагами власти (в том числе и княжеской), по крайней мере, к 30–40 гг. XII в. Нас не должно смущать отсутствие за эти и последующие годы известий о вечевом смещении князей. В Смоленске долго княжил Ростислав Мстиславич, любимый «смолянами». О характере отношений Ростислава с жителями города и земли рассказывает летописец под 1148 г., когда в Смоленск приехал Изяслав Мстиславич, старший брат Ростислава. Изяслав застал Ростислава «въ здоровьи», пребывающим «у велице любви и въ весельи с мужи своими Смольняны»¹¹⁵. Авторитет Ростислава Мстиславича был столь высок, а приязнь к нему «смолян» настолько сильна, что после смерти, как мы видели, он причисляется к лику святых. Зато с остальными князьями в Смоленске общались без церемоний. Помимо приведенных уже примеров, сошлемся на свидетельство вдовы князя Романа Ростиславича, которая, причитая по усопшему, восклицала: «Многия досады прия от Смольнян, и не виде тя, господине, николи же противу их злу никоторого зла въздающа»¹¹⁶.

Итак, по некоторым летописным данным восстанавливаются фрагменты борьбы князя и веча в Смоленске во второй половине

XII в., доходившей иногда до крупных столкновений. В этой борьбе соперничали различные группы и фракции свободного населения, это была борьба политическая.

§ 3 Житие Авраамия Смоленского как источник по социальной и духовной жизни смолян на рубеже XII–XIII веков

Картину народных волнений, вызванных религиозно-идеологическими и бытовыми мотивами, запечатлело «Житие Авраамия Смоленского», написанное монахом Ефремом, учеником святого старца, приблизительно около середины XIII в.¹¹⁷ Подлинник «Жития» не сохранился. Оно представлено в списках и переделках XVI–XVII вв. Позднейшие писцы заметно испортили произведение своими описками, пропусками, сокращениями и прибавками¹¹⁸. Тем не менее, и в этом виде «Житие» является ценным историческим источником, содержащим интереснейшие сведения из жизни Смоленска конца XII – начала XIII вв., когда совершал свой подвиг преподобный Авраамий. «Простой и правдивый рассказ о благочестивом и образованном иноке», – так характеризовал «Житие» Ф.И. Буслаев¹¹⁹. По словам Ключевского, «Житие Авраамия Смоленского» принадлежит к числу «самых любопытных как по заключающимся в нем данным для истории, так и по своей литературной форме»¹²⁰. Сходная оценка у Голубовского: «Это житие представляет одно из замечательных литературных произведений. Отличаясь простотою изложения, оно богато бытовыми данными, чисто историческими указаниями, чем отличается от всех других древнерусских повестей и сказаний»¹²¹. Тихомиров с чувством удовлетворения писал: «К счастью, мы обладаем таким источником, который вводит в гущу жизни в Смоленске конца XII – начала XIII вв.; это – известное и все еще мало изученное житие Авраамия Смоленского»¹²².

Таким образом, по общему признанию историков, «Житие Авраамия Смоленского» может служить достоверным источником по истории Смоленска на рубеже XII–XIII столетий. Мы полагаем, что при пользовании им необходимо обращение к различным житийным спискам, поскольку там обнаруживаются разночтения, пренебрегать которыми исследователь не имеет права. Было бы ошибочно считать, будто любое отклонение от основного Уваровского списка «Жития», которым обычно оперируют ученые, есть искажение и порча древнего текста. Эти отклонения, или разночтения, в отдельных случаях могут более соответствовать протографу памятника, чем записи основного

списка. С другой стороны, некоторые разночтения появились в качестве новаций поздних переписчиков, стремившихся осмыслить копируемое произведение. Все это дает нам дополнительный материал для размышлений об истинной сути отраженных «Житием» событий.

Ключевский подметил любопытную черту «Жития Авраамия Смоленского», а именно то, что существенную часть сочинения Ефрема, «преобладающую над всем остальным его содержанием, составляет рассказ об интриге, веденной против Авраамия местным духовенством: здесь автор особенно разговорчив, тщательно раскрывает пружины «крамолы», подробно следит за ее развитием, ясно указывает в городском населении стороны за и против оклеветанного Авраамия, не забывает поименовать его защитников, оставивших добрую память в городе, наконец, собирает и выписывает подобные случаи из церковных преданий, чтобы показать страшные следствия гонений на праведных. Все остальное в жизни Авраамия, что не имело прямой связи с этой крамолы, обращает на себя внимание автора гораздо в меньшей степени; даже деятельность его в монастыре св. Игнатия, всего более известная Ефрему, изображена им слишком кратко для очевидца»¹²³. В чем причина такой сосредоточенности составителя «Жития»? По-видимому, эпизод с гонениями на Авраамия был центральным в биографии преподобного, вследствие чего Ефрем задержался на нем. Однако сам собою напрашивается другой вопрос: почему этот эпизод имел столь большое значение в жизни святого? И вот тут перед нами встает загадка, которая усложняется тем, что автор «Жития», уделяя преимущественное внимание крамоле на Авраамия, не раскрывает, вопреки утверждению Ключевского, с достаточной отчетливостью ее пружины. Прав Тихомиров, когда пишет о «Житии», что «произведение это написано замысловатым и вычурным языком, старательно скрывающим за хитросплетением словес настоящие причины возмущения против Авраамия»¹²⁴. В них и предстоит нам разобраться. Но сперва по порядку.

У благочестивых Семиона и Марии родился мальчик, которого нарекли Афанасием¹²⁵. С рождения «благодать Божия бе с ним и Дух Божий измлада в онъ вселиси». Отрок рос «во страсе Божии, на пустотные бо игры и на позорища отнюдь не внимаше, но на церковное пение притекаше и божественному писанию поучашеся день и ночь, яко о сем родителема его радоватися»¹²⁶. Когда Афанасий «пришел в болший възраст», родители задумали женить его, но он «не въсхоте», ибо возненавидел «житейскую сию славу, прелесть мира сего» и

хотел «въсприяти мнишеский чин»¹²⁷. После смерти отца и матери Афанасий мог распорядиться сам своей судьбой: раздал вдовицам, сиротам и монахам оставленное ими богатство, «изменися светлых риз и в худыя ся облече и хожааше яко един от нищих и на уродство ся предложь». Стало быть, святой начал с юродства¹²⁸. Вскоре он ушел в монастырь Пресвятой Богородицы, находившийся в пяти «поприщъ» от Смоленска, где постригся под именем Авраамия. «И бысть оттоле по благодати Христове болии на подвиг и на вся труды подвижаяся». Игумен Богородицкого монастыря, убедившись в том, что Авраамий «во всем повинуется ему и послушаеть», принудил его «прияти священнический сан: и поставлену ему бывшу дьяконом и потом иереем, при княженьи великого и христолюбивого князя Мьстислава Смоленьскаго и всея Рускыа»¹²⁹. Приняв священный сан, Авраамий еще большее «смирение приат». Но с тех пор начались для него тяжкие испытания: «Нищету же и наготу и укорения же от диавола и тугу и искушения от игумена и от всея братьи и от раб». Преподобный сам рассказывал Ефрему: «Бых 5 лет искушения терпя, поносим, безчаствуем, яко злодеи»¹³⁰. Это повествование о бедах, претерпенных Авраамием, возникает в «Житии» неожиданно, без должной мотивации. Создается впечатление, будто автор «Жития» чего-то не договаривает. Замечательно, что среди досаждавших «блаженному» упоминаются и рабы — знак, свидетельствующий о существовании рабовладения в монастыре.

Авраамий безропотно и терпеливо сносил «тугу и искушения». К нему потекли люди ради покаяния и духовного насыщения. Авраамий стал учительствовать, выходя в город. Своим «учением» он увлек едва ли не весь Смоленск. Некоторые иереи и черноризцы безпрестанно «воздвигали крамолы нань». Не стерпел и сам игумен, «многоя к нему видя притекающаа, и не хотя того, его отлучи и глаголаше: “аз за тя отвечаю у Бога, ты же престани уча”, и много озлобления нань возложи»¹³¹. Изгнанный из Богородицкой обители¹³², подвижник «вниде въ град и пребысть въ едином монастыри у Честьнаго Креста. И ту начаша боле приходити и учение его множайшее быти». Ему дана была «благодать Божиа не токмо почитати, но и протолковати» божественные книги. К нему шли все: малые и великие, рабы, свободные и «рукодельные»¹³³, т.е. ремесленники¹³⁴. Моления Авраамия сопровождалась «коленным покланянием», плачем, «биением в перси и кричанием»¹³⁵. На окружающих преподобный воздействовал не только поучениями, молитвенным экстазом, но и средствами изобразительного искусства, написав две

иконы, на одной из которых изобразил Страшный суд, а на другой — воздушные мытарства, или загробную жизнь усопших¹³⁶. Но враги Авраамия делали свое дело. «И начаша овии клеветати епископу, инии же хулити и досаждати, овии еретика нарицати, а инии глаголаху нань — глубинные книги почитаеть, инии же к женам прикладающе, попове же знающе и глаголюще: “уже наши дети вся обратил есть”, друзии же про роком нарицающе и ина многа нань вещания глаголюще»¹³⁷. В списке «Жития», находящегося в Четьи-Минеях Дмитрия Ростовского, говорится, что недруги Авраамия «нарицаху бо его еретика и волхва, читателя бесовских книг и пророка лжива»¹³⁸. Следовательно, помимо еретичества и лжепророчества, нашего героя обвиняли еще в волхвовании — колдовстве¹³⁹. И тут случилось невероятное, по крайней мере, никак не согласующееся с предшествующим повествованием: город, «прельщенный» Авраамием, вдруг весь восстал на него в диком озлоблении. В «Житии» читаем: «Събраша же ся вси от мала до велика весь град нань, инии глаголють заточити, а инии к стене ту пригвоздити и зажещи, а друзии потопити и, проведше въсквозе град»¹⁴⁰. Сожжение и утопление — способы казни, применявшиеся в Древней Руси к еретикам и колдунам. Обращает внимание фраза «проведше въсквозе град», оставляемая обычно исследователями в стороне. Она очень важна, ибо указывает на то, что Авраамия обвиняли в преступлении против общества, т.е. смоленской общины. Что же повлияло на перемену отношения «смолян» к своему недавнему кумиру?

В одном из поздних списков «Жития» в качестве причины гонений на Авраамия названы интриги «градских попов», снedaемых завистью к славе преподобного: «И начаша попы завидети ему и глаголати: “се вся дети наши духовнии оболстил есть лестец он и обратил к себе”. Также день отъ дне злобе в попах умножающеся, начаша поучати ся, како бы озлобити и изгнати от града неповиннаго раба Христова. И первее начаша наущати нань народ, ложные клеветы аки плевелы разсевающе и зол слух о нем творяще»¹⁴¹. Этот незамысловатый мотив о зависти был подхвачен потом учеными¹⁴². Звучит он в исторических трудах и поныне¹⁴³. Но завистью можно объяснить лишь поведение духовенства, хотя и данное объяснение нельзя считать исчерпывающим. А как быть с массой горожан, охваченным раздражением и яростью? Ответ бывает слишком прост и сводится к легковерию, переменчивости, а то и к глупости народа. Буслаев, например, в жителях Смоленска, призывающих к расправе над угодником, видел «глупую толпу», всегда «охочую до всякого позору» и «подушаемую громкою

клеветую». Недалеко ушел от подобной трактовки и Голубовский: «Граждане Смоленска в высшей степени увлечены проповедями священника Богородицкого монастыря Авраамия; они толпами сходятся к нему послушать его поучения, чтения божественных книг и искусного, для всех вразумительного их толкования. Но когда проповеди Преподобного Авраамия возбуждают против него духовенство, когда оно начинает распускать о нем слухи, как об еретике, читающем "голубиныя книги", народ возбуждается... При такой отзывчивости и изменчивости в своих взглядах население Смоленска, являвшееся решителем вопросов внутренней жизни земли, могло легко изменить сделанные ранее постановления веча, изменить под влиянием каких-нибудь обстоятельств»¹⁴⁴. По Голубовскому, следовательно, граждане Смоленска «возбуждаются» под воздействием слухов о еретичестве преподобного, распускаемых клириками. Но вряд ли «смолянне» были так по-детски доверчивы и столь нетерпимы к нарушению канонов официальной церкви, приходя в «возбуждение» от одной лишь мысли о еретичестве Авраамия. Голубовский прав, говоря о том, что народ проявлял «сильный интерес к исходу суда над ним». Надо только добавить: население Смоленска выражало большую заинтересованность в деле Авраамия вообще и принимало непосредственное участие в суде над ним. Прислушаемся к житийному рассказу:

«Все́м же собравшимся на двор владычень, игуменом же и попом и черньцем, князем и бояром, диако́ни и вси церковьници, внегода послаша по блаженаго, уже́ все́м собравшимся», — сообщает «Житие»¹⁴⁵. Как видим, представители духовенства фигурируют в этом сообщении дважды: в начале и в конце текста. Причем их перечень искусственно прерывается упоминанием о князьях и боярах. Складывается впечатление, что здесь поработала рука позднейшего писца-редактора. Обращает внимание и то, что в цитированном предложении нарушен синтаксический строй, в результате чего для обозначения одних и тех же лиц используются разные падежи: дательный самостоятельный («игуменом же и попом и черньцем») и именительный («диако́ни и вси церковьници»). По всей видимости, тут мы имеем дело с искажением и поновлением первоначального текста. Органичнее с точки зрения синтаксической выглядит соответствующая запись, содержащаяся в сокращенном проложном «Житии Авраамия Смоленского»: «Вси же приидоша на двор къ епископу, игумени и попы и чрънци, князи и бояре и вси людие, и послаша привести блаженнаго»¹⁴⁶. Нет сомнений, что последний текстовой вариант более адекватно отражает синтак-

сическую структуру древнерусского языка. Ему, вероятно, и следует отдать предпочтение как наиболее близкому (если не тождественному) ефремовской редакции «Жития Авраамия». Это принципиальное решение, в корне меняющее принятые в исторической литературе представления о событиях в Смоленске, главным героем которых пришлось стать преподобному Авраамиию. Из проложного «Жития» следует, что на епископском дворе собралась вся смоленская община¹⁴⁷. Автор «Жития» называет собрание снемом, подчеркивая публичный характер схода. Цель снema — суд над Авраамием, о чем в «Житии» сказано с полной определенностью¹⁴⁸. Но то был суд не княжеский, как полагал Тихомиров¹⁴⁹, а суд общинный¹⁵⁰. Местом судебного разбирательства двор епископа избран не случайно, поскольку обвиняемый принадлежал к числу духовных лиц, а деяние его воспринималось как еретичество и колдовство, относящееся к сфере церковной юрисдикции¹⁵¹. Как казалось бы, епископу и судить Авраамия. Но в качестве судий, помимо епископа, выступили не только князь и бояре, но и « вси людие », т.е. рядовые граждане Смоленска. О чем это говорит? Прежде всего о том, что дело Авраамия затрагивало насущные интересы всех жителей Смоленска. Именно этим объясняется их поведение, когда « блаженного » вели на суд. Его « яко злодея влачяху, овии ругахуся ему, инии же насмихахуся ему и безчинная словеса кыдающе, и весь град и по торгу и по улицам — везде полна народа, и мужи же, глаголю, и жены и дети, и бе позор тяжек видети »¹⁵². Перед нами разворачивается настоящее действо, исполненное особого смысла, определяющего высокую степень общественной значимости вины, вменяемой Авраамиию. Несчастливого не ведут, а волокут по улицам и торгу, осыпая проклятиями, угрозами и бранью. Возможно, следование по « всему граду и торжищу » осуществлялось в известном порядке, предусмотренном древним обычаем, сохранившимся от языческих времен. Во всяком случае, сцена с хождением и волочением Авраамия живо напоминает то, что мы наблюдали в Киеве середины XII в., когда кияне подвергли аналогичной процедуре князя Игоря Ольговича¹⁵³. Это, собственно, начало казни. Но Авраамиию, в отличие от Игоря, повезло. Он был оправдан из-за отсутствия улик и свидетелей¹⁵⁴. Князь, « велможи » и « вси людие » заявили о невиновности Авраамия « единими усты »¹⁵⁵. Вопрос вроде был закрыт. Но епископ повелел « крепко стрещи и блюсти » преподобного. А утром следующего дня собрались « игумени и ереи, и вины, яже преже глаголааху, укоривше, озлобивше, възложиша нань »¹⁵⁶. По приговору теперь уже церковного суда Авраамия удалили в монастырь, где он

«преже остриглся». Ему запретили служить в церкви («бысть лишен божественная литургия»). Кроме того, «бе и сему их запрещение, яко и никому же не приходити к нему, мнози же мечници на всех путех стражааху, а неции разграблени быша»¹⁵⁷.

Слово «разграбление» в древнерусском языке, будучи более емким по содержанию, чем ограбление¹⁵⁸, нередко обозначало публичное действие, направленное против каждого, кто наносил тот или иной вред общине и ее членам, т.е. кару за содеянное в ущерб обществу и индивиду. С подобным разграблением мы сталкивались уже не раз, рассматривая социальную и политическую борьбу в других землях Древней Руси¹⁵⁹.

Таким образом, есть основания говорить о наказании Авраамия, состоявшем в строгом надзоре, изоляции от внешнего мира и церковных Таинств, а также о преследовании его приверженцев, подвергшихся «разграблению», т.е. конфискации имущества¹⁶⁰, весьма привычной на Руси изучаемого времени. К счастью, «Житие» повествует о полной реабилитации святого, возвращении к нему былой славы и почитания.

«Бывшу же, — узнаем из «Жития», — бездождью велику въ граде, яко иссыхати земли и садом и нивам и всему плоду земленому, яко не за колко бысть время всем тужащим и молящим Бога, и сам епископ, блаженный Игнатий, с честным крилосом и с богобоязливými игумены и ереи и дьяконы и черноризци и съ всем градом, мужи и женами и весь младый възраст, вкупе весь град, окрест ходяще с честным крестом и съ иконою дрѣжащею Господа и с честными святых мощьми и с великим умилением и съ слезами помиловати люди своя и послати милость свою на землю и отвратити гнев свои: “пусти, Господи, дождь, одожди лице земли, молимся, святыи”. И кончавшим пост, крестом и святых мощьми воду освятивше, и отъидоша каждо въ свояси. И не бысть дождя на землю. И быша в печали велице»¹⁶¹. Тогда некий иерей напомнил епископу о напрасном наказании Авраамия: «Кая вина така, яже на преподобного Авраамия, яко лишен божественныя литургия?». Игнатий послал за Авраамием и просил у него прощения за то, что послушал «лживых клеветник и оглагольник». Святитель также говорил святому: «И ты прежде о нас помолися, о своем ти благопорученем избраннем святем стаде словесных овецъ». Возвращаясь в монастырь, Авраамий возносил Богу жаркую молитву: «Услыши, Боже, и спаси, Владыко вседръжителю, молитвами твоего святителя и всех иерей твоих и всех людий твоих, и отврати гнев твои от раб твоих и помилуй град сый и вся люди твоя и приими милостиве всех въздыха-

ние и съ слезами молящих ти ся и пусти и одожди, напои лице земли, человеки и скоты възвесели. Господи, услыши и помилуй!»¹⁶². Авраамий не успел еще дойти до своей кельи, как «одожди Бог на землю дождь». Была в городе тогда большая радость. «И оттоле начаша притекати в граде и вси глаголати, яко “помилова Бог, избави ны от всех бед твоими, господи отче, молитвами”. И отселе боле просветися по благодати Христове»¹⁶³.

Этот рассказ о чудесном избавлении Смоленской земли от засухи молитвами Авраамия композиционно связан, на наш взгляд, с описанием волнений в Смоленске и суда на епископском дворе. Сцену суда можно рассматривать как кульминацию житийного повествования, а эпизод с дождем и конечным прославлением преподобного — как разрядку. В первоначальном варианте «Жития» они, вероятно, следовали один за другим, но позднее были разъединены вставками и благочестивыми рассуждениями досужих писцов, в результате чего оказалось разрушенным их смысловое единство. Признав это, можем высказать догадку о том, что чудо Авраамия, вызвавшего своей молитвой ожидаемый всеми дождь, сопоставимо в общем плане с обвинениями, которые были предъявлены Авраамию во время суда над ним. Разница лишь в знаках: положительном и отрицательном. Главная коллизия «Жития» разрешается посредством замены отрицательного знака на положительный. Не исключено, что это — художественный прием составителя «Жития», усиливающий эффект контраста между святостью Авраамия и ложностью возведенных на него обвинений.

Итак, гнев «смолян» на Авраамия был, вероятно, следствием подозрений в пагубном его влиянии на погоду, грозящем бедствиями смоленской общине. Отсюда и представление о нем как волхве-колдуне. Для наших заключений есть, хотя и косвенные, но достаточно серьезные основания. Рыбаков, исходя из упоминаний исторических лиц в «Житии», отнес суд над Авраамием к 1213–1225 гг. И тут обнаруживается любопытная вещь: «Данные дендрохронологических анализов определяют время сильной общеевропейской засухи в 1217–1222 гг. По новгородским материалам, наиболее близким к Смоленску, время наибольшей засухи можно отнести к 1218–1220 гг.»¹⁶⁴. По мнению Рыбакова, составленного по указаниям автора «Жития», в момент суда над Авраамием «начиналась, а после суда особенно усилилась необычайная засуха»¹⁶⁵. Нет ничего невероятного в том, что в этих условиях необычные проповеди и поведение Авраамия могли быть истолкованы самым неблагоприятным для него образом, посеять подозрения в колдовстве и вызвать волнения в городе. Так,

на материалах «Жития» Авраамия вырисовывается картина внутри-церковных распрей и народных волнений, охвативших Смоленск в конце XII — начале XIII вв. Выступление «смолян» перекликается с движениями (во многом языческими по своей сути), наблюдаемыми в других крупнейших городских центрах Руси.

В «Житии» Авраамия находим беглое свидетельство о столкновениях светской и духовной властей на почве распоряжения церковным имуществом. Речь идет о епископе Лазаре, занимавшем смоленскую кафедру в первой четверти XIII в. Лазарь «оставил епискупью свою и за многое обидение святых церквей, иже обидять и властели, отымающе чюжая без правды»¹⁶⁶. Щапов полагает, что святитель должен был оставить кафедру «после конфликта, возникшего из-за какого-то ущерба, который княжеская власть, вероятно, нанесла церкви»¹⁶⁷. Однако «Житие» говорит не о княжеской власти, а о «властелях» вообще, подразумевая различных носителей властных функций. Поэтому ближе к истине Голубовский, который сообщение об уходе Лазаря с кафедры рассматривал с точки зрения взаимоотношений вечевой общины и церкви. Он замечал, что «церковные имущества в земле Смоленской не раз подвергались нападкам, что случались попытки урезать их или сократить церковные привилегии, что один из епископов Смоленска, Лазарь, не в состоянии был выдержать всех этих волнений, возбуждаемых по поводу церковных привилегий или имуществ, и удалился с кафедры. Народ, чутко относившийся ко всем явлениям текущей жизни, является на вече или защитником церкви против князей и бояр, или сам мог восставать под влиянием требований минуты, по поводу того или иного частного случая, против неприкосновенности имущественных прав церкви».

Лазарь оставил «епискупью», не стерпев «многого обидения святых церквей», т.е. систематических, постоянных покушений «властелей» на церковные имения. Не проглядывает ли здесь практика распоряжения церковным имуществом как общественным достоянием? Утвердительный ответ не покажется надуманным, поскольку сам взгляд на имущество церкви как на общественную собственность, страховой фонд общины был распространен на Руси повсеместно, включая, разумеется, и Смоленск¹⁶⁸. Церковным сановникам это не нравилось. Но сила обычая была такова, что приходилось уступать, а то и вовсе, подобно Лазарю, уходить с должности.

На этом мы заканчиваем обзор сведений о социальной и политической борьбе в Смоленской земле XII — начала XIII вв. Среди этих

сведений нет тех, что касаются конфликтов главного города с пригородами. По-видимому, это не случайно, т.к. процесс выделения пригородов в самостоятельные волости выражен в смоленском городогосударстве весьма слабо¹⁶⁹. В долитовский период откололся от «митрополии», пожалуй, один только Торопец¹⁷⁰. В Смоленской земле, по словам Голубовского, «не было того недуга, которым так страдали другие русские области: князь города Смоленска, вече города Смоленска были князем и вечем всей Смоленской земли»¹⁷¹. Иное зрелище являет Полоцк.

§ 4 Становление Полоцкого княжества и его политическое положение в Северо-Западной Руси

Державный центр западновинских кривичей Полоцк вел упорную и длительную борьбу за свою свободу, стесняемую Новгородом и Киевом. В исторической литературе высказывалось мнение о ранней зависимости Полоцка от Новгорода. И.Д. Беляев, например, полагал, что Полоцк еще в «доисторические времена» выступал в качестве колонии Великого Новгорода¹⁷². По И.Д. Беляеву, «полочане или кривичи до начала исторических времен продолжали быть в зависимости от своей метрополии — Новгорода — и состоять в тесных связях с ним как с метрополией»¹⁷³. Такое положение историк объяснял происхождением полочан от новгородских колонистов, слившихся с дреговичами¹⁷⁴. Теория Беляева была оспорена Д.И. Иловайским и В.Е. Данилевичем как беспочвенная¹⁷⁵. При этом Данилевич считал, что кривичи, в том числе и полоцкие, заботясь о защите от нападений со стороны скандинавов, вошли около половины IX столетия в большой межплеменной союз, где гегемония принадлежала Новгороду. Однако «отношения союзников, вероятно, ограничивались взаимной помощью в случае нападения врагов, во внутренних же делах каждое племя сохраняло полную самостоятельность»¹⁷⁶.

Тезис о зависимости Полоцка от первых новгородских князей выдвигался и в советской историографии. Так, Н.А. Казакова писала: «Во второй половине IX в. Полоцкая земля находилась в подчинении у новгородского князя: под 862 г. Полоцк упоминается в летописи в числе русских городов, которые Рюрик раздавал своим мужам»¹⁷⁷. По нашим наблюдениям, рассказ летописца о раздаче городов «мужем своим» отражает исторические реалии не середины IX в., а второй половины XI — начала XII вв., будучи связан с претензиями Новгорода на господство в северо-западном регионе Древней Руси¹⁷⁸. Поэтому говорить о

подчинении Полоцка новгородским правителям в столь раннее время весьма проблематично.

Впервые новгородцы покорили полочан где-то в 70-е гг. X столетия, когда новгородское воинство, возглавляемое Владимиром и Добрыней, razорило и сожгло Полоцк. При этом здешние князья (Рогволод с сыновьями) были преданы смерти. Следствием поражения явилось установление власти Новгорода над Полоцком¹⁷⁹. Вскоре, однако, полоцкие кривичи освободились от новгородской зависимости и перешли в наступление, ярким примером чего служит уже упоминавшийся нами поход Брячислава Изяславича на Новгород в 1021 г. В дальнейшем отношения Новгорода с Полоцком отличались яростной враждой. Особенно много зла причинил новгородцам Всеслав Брячиславич, неоднократно опустошавший и поджигавший их город¹⁸⁰. Самый чувствительный удар Новгороду городу Всеслав нанес в 1065 г.: «Приде Всеслав и възя Новѣгород, с женами и с детми; и колоколы съима у Святыя Софіе. О, велика бяше беда в час тыи; и понекадила съима»¹⁸¹. Беда, действительно, великая стряслась с Новгородом: враг захватил местные святыни, что, по понятиям того времени, было настоящей катастрофой, ибо лишало покровительства богов, оставляя беззащитным перед внешними враждебными силами¹⁸².

Ожесточение полочан по отношению к новгородцам, помимо их вооруженных столкновений, в значительной мере обуславливалось тем, что Новгород нередко служил орудием Киева в установлении его власти над Полоцкой землей¹⁸³. В результате Полоцк оказывался под двойным гнетом, что побуждало полоцкую общину к отчаянному сопротивлению и усилению военной активности.

Проникновение киевских ратей в полоцкие владения мы наблюдаем довольно рано. В Никоновской летописи под 865 г. находим известие о том, как «воеваша Асколд и Дир Полочан и много зла сътвориша»¹⁸⁴. К этому известию, по мнению М.В. Довнар-Запольского, «нет основания относиться скептически. Оно дает повод думать, что эти киевские князья старались привлечь под свою власть город», т.е. Полоцк¹⁸⁵. Рыбаков и Штыхов видят в сообщении Никоновской летописи о войне Аскольда и Дира с полочанами отражение утраченных записей Нестора о том, как киевские правители посылали войско в Полоцк и к кривичам наперерез варяжским отрядам, нападавшим на восточнославянские земли. Тем самым названные исследователи выносили данное сообщение за рамки вопроса о повиновении Полоцка Киеву. С полным доверием к нему отнесся Алексеев. «Чем кончился

поход князей, — пишет он, — и какое зло (и кому) они причинили — неизвестно. Во всяком случае, ясно, что уже в IX в. Киев ревниво следил за событиями в Полоцкой земле, расположенной на важнейших торговых коммуникациях... и захват Полоцка варяжскими ставленниками в планы Киева никак не входил»¹⁸⁶.

По нашему разумению, рассказ Никоновской летописи о походе Аскольда и Дира на полочан надо рассматривать как указание не на отдельный конкретный факт¹⁸⁷, а на практику вторжений киевских дружин в земли полоцких кривичей. То были военные набеги, не связанные с попытками достижения власти над Полоцком¹⁸⁸. Судя по характеру известия Никоновского свода, перед нами карательные войны, вызванные какими-то обидами, причиненными полочанами представителям полянской общины, в частности, возможно, грабежами киевских купцов, ходивших торговым путем «из Варяг в Греки». Конечно, такого рода набеги, ближние и дальние, привлекали своих участников обильными «полонами», обогащавшими удачливых «воев». Все это — картина, типичная для поздней эпохи родоплеменного строя, наполненной межплеменными войнами¹⁸⁹.

Итак, сообщение Никоновской летописи о том, что Аскольд и Дир «воеваша полочан», не может являться основанием для вывода об учреждении зависимости полоцких кривичей от Киева.

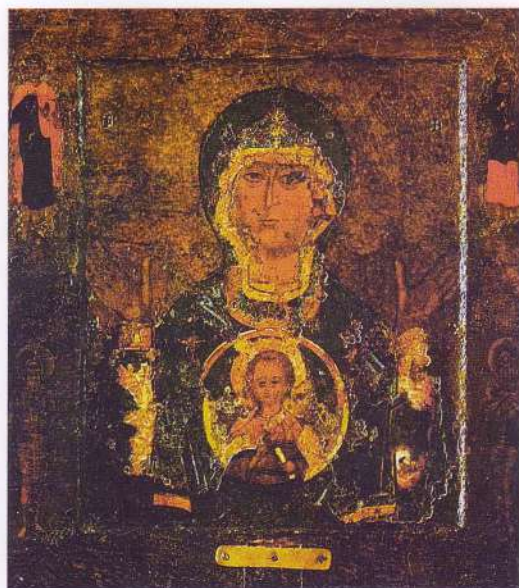
Среди некоторых историков существует мнение насчет подчинения Полоцка Киевскому Князю Олегу, о чем, как они полагают, свидетельствует обложение им данью кривичей, участие кривичских полков в походе на Царьград в 907 и 944 гг., причастность Полоцка наряду с другими городами Руси к получению греческих «укладов»¹⁹⁰. Однако перечисленные факты не убеждают. Когда летописец говорит об «установлении» Олегом дани «словеном, кривичем и мери», его следует понимать так, что дань эти племена не платили, а получали¹⁹¹. Само по себе участие кривичей в походах на Ромею нельзя расценивать как подтверждение догадки о власти Киевского Князя над ними. Ведь в походе Олега, к примеру, участвовали племена вятичей, хорватов и дулебов, которые завоеваны были Киевом позднее¹⁹². К тому же неизвестно, какие кривичи пошли на греков: тяготевшие то ли к Изборску и Пскову, то ли к Смоленску, то ли к Полоцку. Сколь ошибочным может быть отождествление полочан с кривичами, находившимися в войске Олега или Игоря, легко убедиться, обратившись к летописному рассказу о выступлении Владимира против Полоцка. Как явствует из этого рассказа, Владимир «поиде на Рогъволода» с варягами, словена-

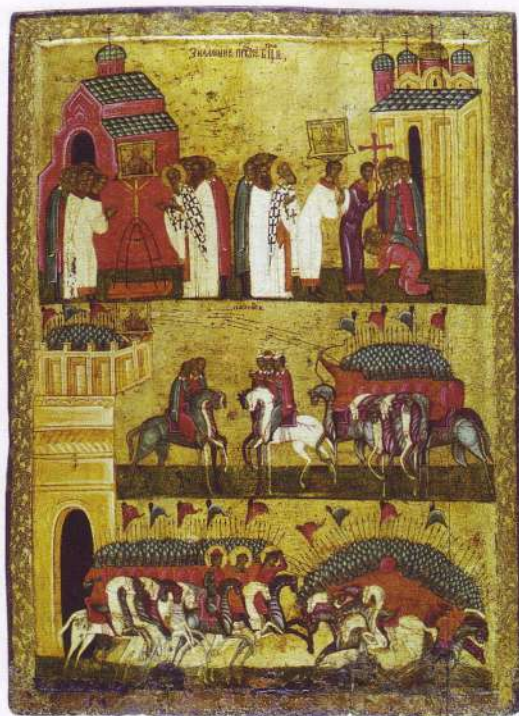
Золотые ворота Владимира с церковью Положения ризы Богородицы над аркой.
Выстроены в 1164 Великим Князем Владимирским Андреем Боголюбским

Успенский собор во Владимире, построен в 1158—1160 Великим Князем
Владимирским Андреем Боголюбским, перестроен в 1189 Великим Князем
Владимирским Всеволодом Юрьевичем

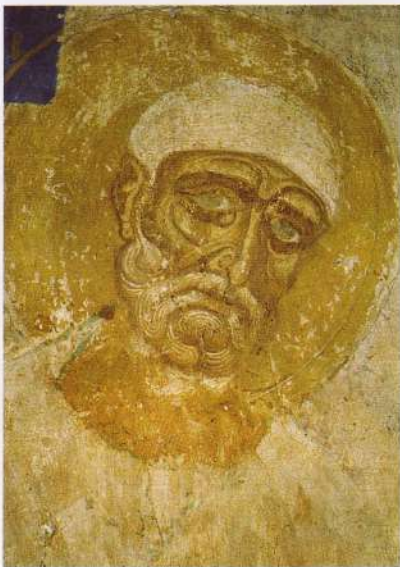
Богородица «Знамение». Лицевая сторона двусторонней иконы, одной из главных святынь Новгородского Софийского собора, 1130—1140

Битва новгородцев с суздальцами (чудо Богородичной иконы «Знамение»).
Икона из Новгорода, 1460-е

Церковь Благовещения на Мячине («в Аркажах») близ Новгорода. Построена по благословению архиеп. Новгородского Илии в 1179 за 70 дней в память о чуде Знамения Божией Матери во время осады Новгорода суздальским войском в 1169

Святой Кирилл Александрийский. Усекновение главы Иоанна Предтечи. Фрагменты фресок Благовещенской церкви на Мячине близ Новгорода, 1189

Святой благоверный Князь Андрей Боголюбский. Фреска над ракой мученика Царевича Димитрия Угличского в Архангельском соборе Московского Кремля

Часть материи с облачения Великого Князя Владимирского Андрея Юрьевича Боголюбского, найденная при открытии его мощей в 1702 в Успенском соборе Владимира, XII в.

Левая армилла (наплечник) Великого Князя Владимирского Андрея Боголюбского – дар императора Фридриха Барбароссы, XII в.

Великий Князь Владимирский Всеволод Юрьевич с сыновьями. Рельеф северного фасада Дмитровского собора во Владимире, 1190-е

Собор великомученика Димитрия Солунского во Владимире. Построен на княжеском дворе Великим Князем Владимирским Всеволодом Юрьевичем в 1191. Фотография С.М. Прокудина-Горского (1912)

Царь Давид. Деталь каменного рельефа центральной апсиды фасада Дмитриевского собора, 1190-е

Апостолы на престолах. Фрагмент фрески Страшный Суд в центральном своде под хорами Дмитриевского собора во Владимире, ок. 1195

Ангел. Фрагмент фрески Страшный Суд в центральном своде под хорами
Дмитровского собора во Владимире, ок. 1195

Спас Еммануил с Ангелами. Икона из Дмитровского собора Владимира, 1190-е

Благоверный Великий Князь Владимирский Всеволод Юрьевич.
Фреска Архангельского собора Кремля, 2-я пол. XVI века

Святой Мандилион (Спас на убрусе). Фрагмент фрески церкви Спаса на Нередице близ Новгорода (не сохранилась), 1199.
Фотография 1903 И.Ф. Чистякова

Храм Преображения Господня на горе Нередице (Спас на Нередице) рядом с Рюриковым городищем в окрестностях Новгорода. Построен около 1198 при князе Ярославле Владимировиче. Почти полностью был разрушен в 1941—1943, восстановлен во 2-й пол. XX в.

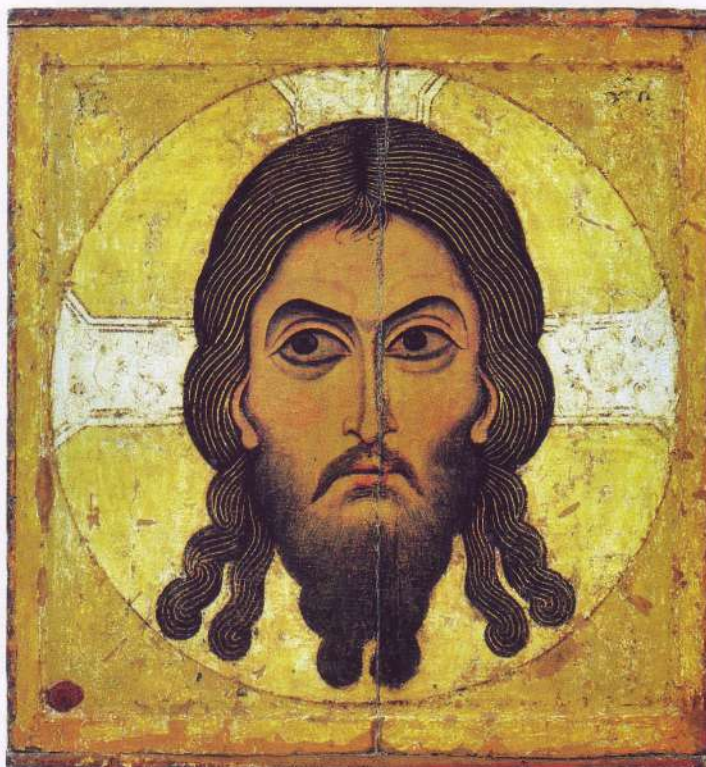
Богоматерь Оранта (молящаяся). Фрагмент фрески церкви Спаса на Нередице близ Новгорода (не сохранилась), 1199. Фотография 1903 И.Ф. Чистякова

Престол и уцелевшие росписи алтаря главного придела церкви Спаса на Нередице близ Новгорода, 1199. Современная фотография

Князь Новгородский Ярослав Всеволодович приносит в дар Спасителю Преображенский храм. Копия фрески Спаса на Нередице близ Новгорода, 1199

Спас Нерукотворный. Новгородская икона, ок. 1191

Богородица Умиление. Новгородская икона, рубеж XII—XIII вв.

Преподобный Варлаам Хутынский с житием. Новгородская икона, XVI в.

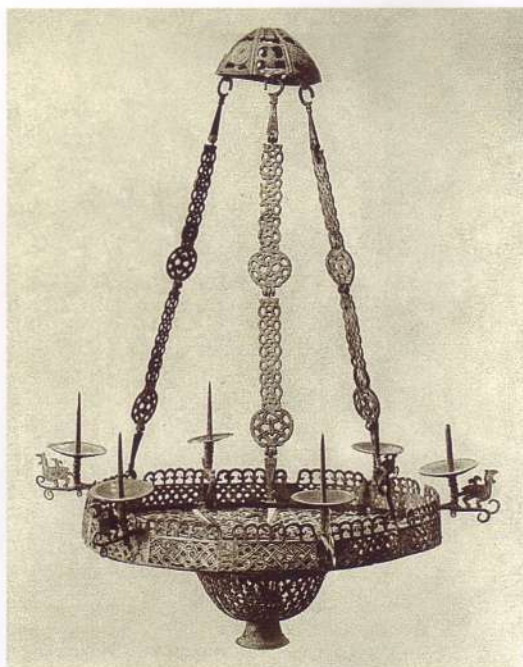
Святитель Иоанн Златоуст. Миниатюра и заглавная страница литургии Иоанна Златоустого из Хутынского Служебника, принадлежавшего преподобному Варлааму Хутынскому. Новгород, ок. 1224

Царские Врата. Новгород, начало XIII в.

Лампада. Новгород, XII—XIII вв.

Бронзовый хорос (центральное паникадило). Новгород, XII в.

Гроб Господень. Резной по камню образок в серебряной рамке. Новгород, XIII в.

ми чудью и... кривичами¹⁹³. Нелепо относить последних к полоцким кривичам. Это — кривичи либо псковские, либо смоленские. Скорее всего, в числе воинов Олега и Игоря были представители именно упомянутых кривичских ветвей¹⁹⁴. Такому предположению, казалось бы, противоречит сообщение летописца об «укладах», которые греки по требованию Олега платили древнерусским городам, включая и Полоцк¹⁹⁵. Однако тут нужна осторожность. «Вполне возможно, — писал Греков, — что летописец от себя прибавил к перечню городов Полоцк, Ростов и Любеч. Очень возможно, что эта прибавка сделана даже не автором “Повести”, а его продолжателем — компилятором. Но главное не в том, кто это сделал, а в том, имелось ли к тому основание. Определенное сомнение вызывает наличие в этой прибавке Полоцка, который был присоединен к владениям Киевского Князя, по-видимому, только при Владимире I в 980 г., конечно, если основываться на данных Лаврентьевской летописи»¹⁹⁶. Предположение Грекова о сравнительно позднем установлении зависимости Полоцка от Киева оспорил Алексеев, согласно которому Полоцкая земля находилась в зависимом положении не только во второй половине IX в., но и на протяжении X столетия.

Кроме разобранных нами летописных сведений, ученый ссылается на Константина Багрянородного, свидетельствующего о том, что «южнорусские князья ездили в “полюдье” к кривичам, куда, вероятно, относились и полоцкие кривичи». О чем же на самом деле говорит Багрянородный? Вот его слова: «Зимний же и суровый образ жизни тех самых росов таков. Когда наступит ноябрь месяц, тотчас их архонты выходят со всеми росами из Киева и отправляются в полюдия, что именуется “кружением”, а именно — в Славинии вервианов, друговитов, кривичей, севериев и прочих славян, которые являются пактиотами росов»¹⁹⁷. На основании приведенного текста никак нельзя заключить, что Константин Багрянородный, называя кривичей, подразумевал под ними и полоцких кривичей. Напротив, по некоторым деталям из других мест его сочинения можно думать, что он имел в виду смоленских кривичей. В апреле, узнаем от нашего информатора, росы возвращаются с полюдья в Киев. «Потом так же, как было рассказано, взяв свои монокилы, они оснащают их и отправляются в Романию». А рассказано Константином следующее: «Приходящие из внешней России в Константинополь монокилы являются одни из Немогарда..., а другие из крепости Милински, из Телиуцы, Чернигоги и из Вусеграда»¹⁹⁸. Стало быть, монокилы, используемые росами для пе-

ревозки в Константинополь добытого в полюдьѣ товара, прибывают из Новгорода, Смоленска, Любеча, Чернигова и Вышгорода¹⁹⁹. Похоже, что упоминаемые Константином Багрянородным кривичи были связаны со Смоленском. Важно отметить, что Рыбаков, рассматривая ареал распространения описанного Багрянородным полюдьѣ, подчеркивал: «Смоленск был самым отдаленным и поворотным пунктом княжьего объезда, серединой пути. Где-то поблизости от Смоленска полюдьѣ должно было перейти в речную систему Десны»²⁰⁰. Выполненная Рыбаковым карта полюдьѣ не включает полоцких кривичей²⁰¹. Таким образом, Константин Багрянородный не уполномочивает нас рассуждать о зависимости Полоцкой земли от киевских князей. Судя по всему, Полоцк был неподвластен Киеву вплоть до 70–80 гг. X в., когда он попал в сферу политического притяжения «матери градов русских», впрочем, ненадолго. Прав Насонов в том, что попытки Киева подчинить себе Полоцк не дали прочных результатов²⁰². Поэтому Владимир Святославич, в конце концов, вынужден был «воздвигнуть» отдельную «отчину» в Полоцке, посадив туда сына Изяслава, рожденного от полоцкой княжны Рогнеды, насильно выданной замуж за киевского «робичича». Насонов усматривал в этом уступку полочанам²⁰³, что обнаруживает бессилие Киева удержать в повиновении Полоцкую землю. Не случайно образовалась своя династия «кривских князей», именуемых «рогволожими внуками», в отличие от «ярославлих внуков», крепко связанных с Южной Русью. Полоцкие князья в борьбе с южными властителями опирались на земщину, ревностно оберегающую свою свободу. Понятно, почему противники полоцких князей, вступая на территорию Полоцкой земли, разоряли и жгли ее немилосердно. Памятен Владимир Мономах, который, войдя с неистовым Всеславом, напал однажды на Минск, бывший пригородом Полоцка, и не оставил в нем «ни челядина, ни скотины», т.е. не оставил, как говорится, камня на камне²⁰⁴. Подобное разорение свидетельствует, безусловно, о том, что жители Минска принимали самое деятельное участие в военных делах князя Всеслава. Пострадал от Мономаха и Друцк — другой полоцкий пригород²⁰⁵. Гонимый за Всеславом, воины Владимира Мономаха опустошили полоцкую волость «до Лукомля и до Логожска»²⁰⁶. Мономах тут, конечно, не исключение. Так, в 1067 г. Ярославичи «трие, — Изяслав, Святослав, Всеволод, — совокупивше вои, идоша на Всеслава, зиме сущи велице. И придоша ко Меньску, и меняне затворишася в граде. Си же братья взяша Менеск, и исекоша муже, а жены и дети вдаша на щиты...»²⁰⁷.

Всеслава тогда в Минске не было. Но Ярославичей это не остановило, и они жесточайшим образом расправились с жителями города как со злейшими врагами.

Киевские правители, чтобы обуздать полочан, сажали у них на княжение своих ставленников. Летописец извещает, что в 1069 г. Изяслав «прогна Всеслава ис Полотьска, посади сына своего Мстислава Полотьске; он же вскоре умре ту. И посади в него место брата его Святополка...»²⁰⁸. Изяслав, как видим, действует сам и против воли полочан. Будь иначе, в летописи было бы сказано, что Мстислава и Святополка «посадиша» в Полоцке. Это тяготило полочан. Они стремились покончить с зависимостью от поднепровских князей и киевской общины. Вполне резонно предположение Штыхова, что не без поддержки полочан «выгна Всеслав Святополка из Полотьска»²⁰⁹.

Небывалую акцию, призванную, помимо прочего, парализовать военно-политическую активность населения Полоцкой земли, совершил Киевский Князь Мстислав Владимирович, сослав в Грецию «полотьский князе с женами и с детми»²¹⁰. Вместо них Мстислав посадил собственную администрацию, причем из людей не княжеского достоинства («мужи свои посажа по городом их») ²¹¹. Можно согласиться с Алексеевым в том, что «ставленники Киева грабили страну, душили население поборами, да и сам Мстислав приложил руку к тому, чтобы подорвать экономическую базу полочан, совершая походы на народы, дающие дань Полоцку»²¹². Правление лиц, не принадлежащих к княжескому роду, не только унижало жителей Полоцкой земли, но и угрожало благополучию волостной общины, поскольку в представлениях людей того времени князь, сохранявший еще во многом сакральные черты, являлся гарантом внутреннего и внешнего мира. Возможно, уступая требованиям полочан, Мстислав направил в Полоцк своего сына Изяслава. Но тому не жилось в северной столице. Его манил юг. И вскорости он покинул Полоцк, оставив княжеский стол брату Святополку, которого горожане изгнали, а Васильку у себя «посадиша»²¹³. Киевскому Князю пришлось смириться с этим.

§ 5 Внутренние конфликты общественно-политических сил Полоцкой земли в XII веке. Взаимоотношения князя и веча до событий 1159 года

В исходе 30-х гг. XII в. вернулись из царьградской ссылки два полоцких княжича²¹⁴. С тех пор, полагают исследователи, Полоцкая земля управлялась местной династией — потомками Изяслава Владими-

ровича. Киев прекратил попытки хозяйничать в Полоцке. Восстановился, по словам М.В. Довнар-Запольского, «прежний порядок в Полоцкой земле; вместе с тем окончилась вековая борьба с Киевом за самостоятельность»²¹⁵.

Необходимо заметить, что эта борьба существенным образом сказывалась на внутренней жизни Полоцкой волости, о чем говорил еще Данилевич. Борьба с киевскими князьями, подчеркивал он, препятствовала свободному развитию противоречий внутри полоцкого общества, отвлекая помыслы, «силы князей и земства Полоцкой земли от их домашних дел»²¹⁶. Однако по мере ее ослабления и в результате возникновения нового общественного и политического строя, вызванного распадом родоплеменных отношений, все явственнее выступали коллизии, порождаемые местными социальными и политическими условиями. Противоречия, приводившие к столкновению различные общественно-политические силы и группы Полоцкой земли, можно разделить на две основные категории: межобщинные и внутриобщинные. В первом случае речь идет о конфликтах между городами Полоцкой волости, а во втором — о раздорах в самих городах. И те, и другие стали нарастать с начала XII в., на что было указано еще в дореволюционной историографии. «Смерть Всеслава, — писал Данилевич, — является поворотным пунктом в истории Полоцкой земли.... выдвигаются многие такие явления, которые совершенно отсутствовали в предыдущий период. При Всеславе и его предшественниках Полоцкая земля была соединена в одних руках, разделения на уделы еще не существовало, а потому многие явления удельно-вечевого периода, которые уже давали себя чувствовать в других русских землях, были еще неизвестны Полоцкой земле. Теперь она распадается на уделы, число которых все больше и больше возрастает. Одновременно с этим начинают обрисовываться характерные явления удельно-вечевого периода: раздоры удельных князей и борьба князей с земством и старых городов с пригородами»²¹⁷. К сожалению, Данилевич возникновение новых тенденций объяснял не столько внутренними процессами развития полоцкого общества, сколько политикой чадолюбивых князей, наделявших своих детей удельными владениями. Еще Всеслав, согласно Данилевичу, разделил Полоцкую землю «между своими многочисленными сыновьями; в свою очередь, сыновья делили уделы между своими детьми, и в скором времени Полоцкая земля раздробилась на массу княжений»²¹⁸. Аналогичные идеи высказал и Довнар-Запольский. «При Всеславе Брячиславиче, — говорил он, — Полоцкое княжество достигло высших пределов своего процветания: ни до него, ни по-

сле него оно не было так велико и сильно, как в его время. Крепость и сила княжества увеличились особенно тем, что оно находилось в руках одного князя. Возвышением своим Полоцк вполне обязан уму и энергии Всеслава. После него Полоцкое княжество начинает падать. Оно разделяется на множество самостоятельных уделов, которые часто спорят между собою. Первое начало удельному порядку в Полоцке положил сам Всеслав, разделив все княжество между своими сыновьями»²¹⁹. Последующую политическую и военную борьбу в Полоцкой земле Довнар-Запольский сводит преимущественно к соперничеству «трех семей: Васильковичей, Глебовичей и Борисовича Рогволода»²²⁰. Правда, в конце своей книги автор отмечает, что в Полоцкой земле, как и иных землях Руси, пригороды постепенно «захватывали все большую долю самостоятельности от главных городов». В поддержке уделами князей он видит борьбу с главным городом²²¹. И все же эти мысли не получили должного развития в его исследовании.

С подобными представлениями встречаемся и в советской исторической литературе. «После смерти Всеслава (1101), — читаем у Штыхова, — Полоцкая земля была разделена между сыновьями, которые затем стали наделять «волостями» своих детей. В результате Полоцкая земля раздробилась на ряд уделов (Полоцкий, Минский, Витебский, Друцкий, Изяславльский, Логойский, Стрелецкий, вероятно, Городецкий)»²²².

Нельзя, конечно, отрицать влияние княжеского фактора (умножение князей и княжений) на политическую ситуацию в Полоцкой земле XII в. Но данный фактор оказался действенным лишь потому, что накладывался на существующие уже исторические реалии: завершение к началу XII в. становления полоцкой городской волости, или города-государства, и тяга пригородов Полоцка к выделению в самостоятельные организмы. Стремление пригородов приобрести независимость от старшего города являлось объективной предпосылкой, а нередко и ближайшей причиной возникновения новых княжений в Полоцкой земле. Не нужно смешивать обособление пригородов с феодальным дроблением²²³. Происходила своего рода сегментация города-государства, отпочкование от метрополии более мелких государственных единиц, которые вряд ли стоит называть уделами. Пользуясь термином «удел», «уделы», мы тем самым переносим центр тяжести с глубинных общественных процессов на семейно-политические в княжеской среде. Поэтому вернее, на наш взгляд, говорить не о возникновении уделов или удельной системы в Полоцкой земле,

а о формировании на базе пригородов самостоятельных городов-государств, используемых князьями в качестве уделов. Это позволит избежать упрощенных исторических построений и оценок.

Складывание города-государства в Полоцкой земле, зарождение в его недрах дочерних государственных образований сопровождалось усилением социально-политической активности земства, подъемом борьбы Полоцка с пригородами.

Межгородская борьба обнаруживается достаточно отчетливо уже в соперничестве Давыда и Глеба Всеславичей, выливаясь в военные столкновения: в 1104 г. Давыд в союзе с южнорусскими князьями нападает на Минск. В ходе войн внутри Полоцкой земли устанавливается различная внешнеполитическая ориентация полоцких князей: друцкие князья (Борисовичи) опирались на Мономаха и Мономашичей, а Минский князь и его сыновья — на Ольговичей. Войны с пригородами истощали силы Полоцка, и он порою терял политическую инициативу, следуя в форватере удачливого пригорода. Любопытно в этой связи известие Татищева: «Глеб Минский князь с полочаны паки начал воевать области Владимировых детей, Новгородскую и Смоленскую. Владимир, хотя безпокойство сего князя смирить, послал Мстислава сына с братиею и воеводы с довольным войском и велел, как возможно, Глеба самого поймав, привести»²²⁴. Князь Глеб, опирающийся, разумеется, на минскую городскую общину, привлекает к ратным делам полочан, которые в рассматриваемом случае выступают как ведомые, а не ведущие, к чему, казалось бы, обязывал статус их родного города. На переднем плане здесь оказался Минск со своим князем. Значение пригорода таково, что с ним не может не считаться старший город. Аналогичное явление встречаем и в других землях Древней Руси²²⁵.

Борьба Полоцка с «меньшими градами» переплеталась с межкняжескими распрями, а последние — с внутригородскими «мятежами». Дадим слово летописцу, чтобы удостовериться в том. «Предивно, — сообщает он, — бысть чюдо Полотьске въ мечте: бываше в нощи тутън, станяше по улици, яко человеци рищюще беси. Аще кто вылезаше ис хоромины, хотя видети, абье уязвен будяше невидимо от бесов язвою, и с того умираху, и не смяху излазити ис хором. По семь же начаша в дне являтися на коних, и не бе их видети самех, но конь их видети копыта; и тако уязвляху люди полотьския и его область. Темь и человеци глаголаху: яко навье бють полочаны»²²⁶. «Предивное» полоцкое чудо упоминается среди целого ряда подобных происшествий и зна-

мений. Вот они: «В се же лето бысть знаменье в солнци, яко погыбнути ему, и мало ся его оста, акы месяц бысть, в час 2 дне, месяца маия 21 день»; «в се же лето... спаде превелик змий от небесе, и ужасошася вси людье»; «в се же лето волхв явился Ростове, иже вскоре погыбе»; «в си же времена бысть знаменье въ небеси, яко круг бысть посреде неба превелик»²²⁷. Описание чудес и знамений служило летописцу введением к повествованию о бедах, постигших Русь: жестокой засухе, море и войнах «от половец».

Рассказ о бесах и покойниках, губивших полочан, интересен не с точки зрения социальных движений, а в плане языческих верований жителей Полоцкой земли. По мнению Костомарова, он занесен из «литовского мира, ибо у славян ни бесы, ни мертвецы не появляются верхом на коне»²²⁸. С Костомаровым согласился Данилевич, который отмечал очень давние и интенсивные «сношения насельников Полоцкой земли» с литовскими племенами. «При таких обстоятельствах, — писал историк, — у полочан язычество должно было развиться в большей степени, чем у других русских племен, так как при наличности частых сношений с литовскими племенами население Полоцкой земли должно было позаимствовать у них кое-что из их воззрений». Следы «влияния литовских племен на религиозные воззрения» полочан Данилевич и находит в легенде о «бесах» и «навьях» в Полоцке и Друцке²²⁹. К тому же склонялся Алексеев, полагая, что это «типично литовское сказание» было «записано в Полотчине и попало в летописные своды. Возможно, что в христианизированном Полоцком княжестве всякое зло-наваждение связывалось с нечистой силой, идущей из соседней языческой Литвы. В пользу этого, например, говорят некоторые данные белорусской этнографии, по которым представление о нечистой силе до недавнего времени увязывалось у белорусов с представлением о литовце»²³⁰. Куда бы ни вела летописная легенда, к литовским или славянским религиозным истокам, ясно одно: полочане воспринимали засвидетельствованные летописцем события (ныне нам непонятные и странные) в языческом ключе²³¹. Таким образом, рассматриваемое нами известие летописи указывает на языческие переживания жителей Полоцкой земли.

Сведения, которыми располагает современный исследователь, относятся к народным волнениям в городах полоцкой земли. Эти волнения возникали из противоречий между князьями и городскими вечами общинами. Попытаемся разобраться в их существе.

В 1128 г. разгневанные полочане «выгнаша Давыда и съ сынми, поемъша Рогъволода, идоша и ко Полотьску»²³². Летописная запись не оставляет сомнений в том, что князя изгоняют все полочане, а не отдельная группа или партия. Давыд стал неугоден полоцкой общине. В летописи не говорится о причине столь решительного поведения полочан. Но она рассказывает о походе «на кривиче», организованном Киевским Князем Мстиславом Владимировичем и причинившем большой вред Полоцкой земле. Неумение Давыда обеспечить внешний мир толкнуло, вероятно, полочан на крайнюю меру. Именно так объясняет суть произошедшего Татищев: «Полочане же, видя, что Мстислав, князь великий, воюет земли их за неправду Давыдову и протчих их князей, выслали Давыда и со сынми из Полоцка, объявляя ему, что он неправо дал причины к войне неповинных людей разорять...»²³³. Можно полагать, что изгнание князя осуществлялось по вечевому приговору. Перед нами политический конфликт полоцкой общины с властителем.

Нечто похожее наблюдаем в 1151 г., когда «яша Полочане Рогъволода Борисовича, князя своего, и послаша Менъску и ту и держаща у велице нужи, а Глебовича к собе уведоша»²³⁴. Арестовав Рогволода, полочане разграбили «жизнь» князя и его дружины²³⁵. Коллективное разграбление имущества правителей, нередко совершаемое и в других городах Руси²³⁶, знак, свидетельствующий о какой-то общественной провинности (явной или мнимой) Рогволода Борисовича, возбудившей негодование сограждан²³⁷. Кто же эти полочане, сурово расправившиеся с князем и дружиной? Заслуживает внимания соображение на сей счет, принадлежащее Тихомирову: «Летопись по обыкновению не дает возможности точно сказать, кого надо понимать под полочанами, изгнавшими Рогволода Борисовича, — бояр или полоцких горожан, но дальнейшие события совершенно ясно показывают, что решающей силой в этих событиях были горожане»²³⁸. Принимая мысль Тихомирова о простых горожанах (от себя добавим: и живущих в окрестностях Полоцка селянах) как решающей силе в полоцких событиях 1151 г., мы не можем согласиться с его толкованием термина «полочане», который, по нашему мнению, обозначал всех свободных жителей города и округа, куда входили, разумеется, и бояре²³⁹. Знатные, конечно, были влиятельными людьми. Но, в конечном счете, все определяла рядовая масса, действовавшая самостоятельно, а не как игрушка в руках князей²⁴⁰ или бояр²⁴¹.

До каких пор Рогволод пробыл в заточении, сказать трудно. Известно, однако, что в 1159 г. он начинает «искать себе волости» и приезжает к Слуцку, откуда ссылается с «дрыючанами». Те же «ради быша ему и приездяче к нему вябяхуть и к себе, рекуче поеди, княже, не стряпай, ради есми тебе, аче ны ся и детьми бити за тя, а ради ся бьем за тя. И выехаша противу ему более 300 лодии, Дрыючан и Полчан, и вниде в город с честью великою, и ради быша ему людие, а Глеба Ростиславича выгнаша и двор его разграбиша горожане и дружину его»²⁴². В поведении друцкой общины, полагал Данилевич, отразилось «общее явление удельно-вечевого периода — соперничество пригорода со старшим городом». Оно «повторилось и теперь, и Рогволод, враг полочан, встретил здесь полное сочувствие»²⁴³. Похоже, что это не тот случай, когда надо говорить о соперничестве пригорода со старшим городом. В Полоцке уже зрело недовольство княжением Ростислава Глебовича. Какая-то группа недовольных Ростиславом полочан ушла в Друцк и оттуда начала движение против полоцкого князя. Дручане, стало быть, знали о настроениях в Полоцке и потому, вступая в отношения с Рогволодом, не шли против воли старшего города, а поступали в согласии с интересами его граждан. Примечательно, что главным действующим лицом в Друцке являлись «людие»²⁴⁴. Именно они «вябяхуть к себе» Рогволода, изъявляют готовность биться за него «и с детьми», вводят князя в свой город «с честью великою», изгоняют Глеба Ростиславича, грабят глебов двор и княжескую дружину, возвращая себе богатства, полученные Ростиславичем с дружинниками благодаря правлению в Друцке. Единая друцкая община сильнее князя и дружины²⁴⁵. Такой она предстает и в дальнейшем.

Когда опозоренный Глеб «приде» к отцу в Полоцк, «мятежь бысть велик в городе въ Полчанех, мнози бо хотяху Рогъволода, одва же установи людье Ростислав и одарив многими дарми и води я къ хресту...»²⁴⁶. Мы поспешим, если скажем, что в Полоцке произошло восстание. «И мятеж бысть велик в городе в Полчанех», — так охарактеризовал обстановку летописец²⁴⁷. Было бы вернее в данном случае толковать слово «мятеж» как волнения²⁴⁸. Эти волнения охватили свободное людство, не разделенное пока на классы, хотя и состоящее из простых и знатных полочан. Возник «мятеж» из разногласий в полоцкой общине по поводу Ростислава, которого значительная часть жителей Полоцка не хотела больше держать на княжеском столе. Ростиславу пришлось раскошелиться, чтобы успокоить страсти. По Данилевичу, он «одарил всех опасных людей»²⁴⁹. Согласно же Алексееву, князь умяг-

чал дарами «местную боярскую верхушку и крупное купечество, стоявших во главе веча, за которыми шел и весь торгово-ремесленный люд. Измены этой олигархической верхушки и боялся Ростислав. От них и зависело, очевидно, «утишить» мятеж «в Полчанех»²⁵⁰. Вряд ли Ростислав одаривал полочан выборочно: «опасных людей» или «местную боярскую верхушку и крупное купечество». В летописи ясно сказано, кто получил дары. Это — «людье», т.е. широкие круги населения Полоцка, без чьей поддержки Ростислав не мог оставаться на княжении. Раздача богатств — не подкуп, а традиционный способ укрепления популярности властителя, практикуемый в древних обществах. Щедрость правителя содействовала прочности его положения в управляемом обществе. Вспомним, что у древних народов «богатство выполняло специфическую социальную функцию. Заключается она в том, что отчуждение имущества способствует приобретению и повышению общественного престижа и уважения, и подчас передача собственности могла дать больше влияния, нежели ее сохранение или накопление»²⁵¹. Между «дарителем и одаренным устанавливалась тесная связь: на последнего налагались обязательства по отношению к первому»²⁵². Посредством даров князь Ростислав думал не только восстановить к себе расположение полочан, но и связать их обязательствами. Не случайно в летописи сказано, что он, одарив щедро людей, «води я къ хресту», т.е. взял с них клятву верности: «Ты нам князь еси, и даи ны Бог с тобою пожити, извета никакогоже до тебе доложити и до хрестного целования»²⁵³. И все-таки неприязнь к Ростиславу пересилила, и полочане «совет зол свещаца на князя своего». Они тайком послали в Друцк приглашение Рогволоду Борисовичу приехать в Полоцк и занять княжеский стол. Рогволод согласился. Тогда полочане решили схватить Ростислава и для того стали звать его «льстью у братьящину к Святей Богородици к Старей на Петров день, да имуть и». Князь, предупрежденный «приятелями», поехал на братчину, «изволочивъся в броне под порты, и не смеша на нь дързнути». На следующий день полочане под предлогом каких-то переговоров опять «начаша вабити» Ростислава «к собе». Тот резонно отвечал: «Вчера есмь у вас был, а чему есте не молвили ко мне». Однако ж отправился на свидание с полочанами и по пути встретил своего детского, который предостерег: «Не езди, княже, вече ти в городе, а дружину ти избиваютъ, а тебе хотять яти». Ростислав поворотил коня и с остатками дружины ушел к брату в Минск, а в Полоцке вокняжился Рогволод²⁵⁴. Чтобы правильно оценить произошедшее в городе на Петров день,

необходимо разобраться в том, где собиралась «братщина» и что она представляла собою.

Тихомиров писал: «Старая Богородица противопоставляется новой. Речь идет, вероятно, о Старом Софийском соборе в Полоцке, в противоположность новой церкви или новому собору»²⁵⁵. Едва ли это так, поскольку в Полоцке мы знаем лишь одну Софию²⁵⁶. Богородичных же храмов известно два. «Новую Богородицу» построила св. Ефросиния в созданном ею монастыре²⁵⁷. «Старая Богородица» упоминается впервые под 1007 г. в связи с «принесением» в нее останков полоцких князей Изяслава Владимировича и Всеслава Изяславича²⁵⁸. Возможно, что она была сооружена Брючиславом около того же года²⁵⁹. Это – самая древняя из полоцких церквей²⁶⁰. Несомненно, она возводилась как соборная общегородская святыня взамен языческого капища, что подтверждает перезахоронение в ней Изяслава и Всеслава. Значение общегородского храма Старая Богородица, по всей видимости, сохраняла и после строительства собора Святой Софии где-то между 1044–1066 гг.²⁶¹ Такого рода храмы на Руси, помимо религиозного, имели важное общественное значение, являясь средоточием социально-политической жизни. Возле них нередко собиралось вече, устраивались празднества. Надо помнить, что «соборный храмовый праздник был праздником всего города, ибо церковь стояла на попечении всех граждан»²⁶². И тут мы подходим к братчине «на Петров день», состоявшейся при Старой Богородице. Мнения на сей счет в исторической литературе разные. Одно из них принадлежит Беляеву, который пишет: «Участие прихожан в делах приходской церкви, более или менее признанное законом и широко развитое в самой жизни общества, при первом удобном случае, при первой общественной потребности, естественно, должно было вызвать появление церковных братств, зародыши которых таились уже в самом устройстве приходов»²⁶³. К разряду этих церковных братств Беляев и отнес братчину полоцкой церкви Пресвятой Богородицы старой²⁶⁴. О братчине, находившейся при названной церкви, говорил Довнар-Запольский²⁶⁵. Советские историки, акцентировавшие внимание на социально-экономических проблемах древнерусской истории, узрели в летописной братчине 1159 г. купеческое объединение. Пичета писал: «Полоцкие горожане, предводимые купечеством одной из “братшин”, изгнали минских князей и передали город Рогволоду»²⁶⁶. В том же ключе рассуждает Пашуто: «В Полоцке, самостоятельно менявшем своих князей, как показывают уцелевшие о нем известия XII в., одно

из вечевых выступлений против князя возглавила купеческая «братщина», которая сперва хотела захватить князя обманом, а когда это не удалось, прибегла к помощи веча...»²⁶⁷. Ближе к истине Тихомиров, по которому братчина — «это пир, устраиваемый в канун какого-либо праздника на общие средства, в складчину». Но вместе с тем он думал, что «указание на «старую Богородицу» в Полоцке ведет нас к братчине, организованной какой-либо купеческой или ремесленной организацией»²⁶⁸. Противоречивые суждения о полоцкой братчине высказывает Рыбаков. В одном случае он замечает: «В Полоцке, богатом торговом центре, существовало городское вече и, кроме того, какие-то «братчины», боровшиеся с князьями; возможно, что это были купеческие объединения, аналогичные Ивану на Опоках в Новгороде»²⁶⁹. Затем исследователь неожиданно замечает, что зачинщики заговора против Ростислава хотели заманить князя «на пир — братчину»²⁷⁰.

Отождествление интересующей нас братчины с церковным братством, купеческим или ремесленным объединением весьма сомнительно. Вслед за Срезневским и другими учеными полагаем, что «братщина» при церкви Старой Богородицы есть «праздничный пир»²⁷¹. Такого рода пиры устраивались либо в складчину, либо на общественные средства. Упоминание старой церкви Богородицы в связи с пиром, скорее всего, свидетельствует о застолье, организованном за счет общественных средств. Общегородской храм, каким являлась Старая Богородица, мог иметь достаточные для устройства праздничного пира материальные возможности. То был общинный городской пир, в котором участвовали и «меньшие» и «большие» полочане, т.е. простые и знатные люди. Недаром некоторые исследователи уподобляют его общегородскому вечу²⁷². Само намерение схватить Ростислава во время братчины говорит о том, что полочане собрались на общегородское мероприятие, поскольку перемены на княжеском столе приватным порядком исключались. На пиру, однако, никто «не смеша на нь дързнути». И все же часы княжения Ростислава в Полоцке были сочтены. На следующий день в городе собралось вече, которое свело его с княжеского стола. Началось обычное в подобной ситуации избиение дружины князя. По Л.В. Алексееву, избиению подверглись сторонники Ростислава²⁷³, а согласно Б.А. Рыбакову, — Ростиславовы бояре²⁷⁴. Думается, что полочане расправлялись с дружинниками Ростислава, оказавшимися под руками разгоряченной толпы, приводившей в исполнение вечевое решение. К этому склоняет рассказ

летописца о том, как Ростислав «съвькупися» с остатками дружины «на Белчици»²⁷⁵.

§ 6 Повесть о Святохне как отражение политической борьбы в Полоцке во 2-й половине XII века

После событий 1159 г. межкняжеская борьба в Полоцкой земле еще более обострилась. Живое участие в ней принимали жители главного города и пригородов. Поэтому трудно отделить соперничество князей друг с другом от межгородского соперничества. Нет ни малейших сомнений в том, что «людь» не оставалось в стороне от княжеских междоусобий. Безспорно и то, что эти междоусобия сеяли раздоры в городах Полоцкой земли. Это были столкновения среди свободного населения, между его отдельными группами, смешанными по составу, т.е. социально неоднородными. Полоцкое боярство XII в. еще не сложилось в замкнутое сословие, чуждое интересам «людь». Без поддержки простых полочан оно не представляло серьезной политической силы и действовать в одиночку не могло. Полоцкая знать ради достижения собственных, нередко корыстных, целей интриговала и обманывала рядовых полочан, вовлекая их в свои игры. Но приходило прозрение, и тогда каждый получал по заслугам. Яркой иллюстрацией здесь служит так называемая «Повесть о Святохне».

Эта повесть сохранилась в «Истории Российской» Татищева²⁷⁶. Ученые по-разному относились к ней. Н.П. Лыжин сомневался в ее достоверности, полагая, что имеет дело с памфлетом на события правления императрицы Анны Иоанновны²⁷⁷. Другие исследователи усматривали в Повести вполне пригодный для использования исторический источник, отразивший реальную жизнь Полоцка начала XIII в.²⁷⁸ По верному замечанию Тихомирова, «подробности, содержащиеся в повести о Святохне, свидетельствуют о ее подлинности и раннем происхождении»²⁷⁹. О чем же рассказывает она?

«В сие же время приключилось в Полоцкой земли великое зло и смятение», — в таком драматическом тоне начинается Повесть. Случилось так, что Полоцкий князь Борис Давыдович женился вторым браком на поморянской княжне Святохне, исповедовавшей «веру папешскую». И хотя Святохна наружно отреклась от нее, «приняла веру греческаго изповедания, но тайно твердо оную содержала и междо дворян ея держала по па латинского, понеже с нею пришло много знатных и подлых поморян». Борис, плененный «лепотой» Святохны, любил ее «совершенно». Она же, пользуясь безбрежной любовью мужа,

стала «своих померанцов во все чины и управления вводить, многое имение им раздавала, дабы могли чем людей к себе в любовь привращать. И люди все их стали почитать более, нежели полочан». Престижное назначение богатства здесь высвечено ярко и выпукло. Вместе с тем «имение», как видим, является средством установления более тесных, чем почитание со стороны, отношений поморянских пришельцев с частью полочан, т.е. отношений патроно-клиентских по сути. Вскоре, однако, расположение жителей Полоцкой земли к «поморянам» сменилось на недовольство. Чувствуя эфемерность своей власти, новоиспеченные управители разоряли города и грабили людей. Назревал социальный взрыв. Его приблизила своими кознями Святохна. У нее от Бориса был сын Владимир, прозванный Войцехом. «Святохна же вельми клюковата бе, и видя, иж первых сынов Василька и Вячка князь и людие любляху вси, начат подходить князя, подмолвляя на сыны ему многи потворы и послуши ставяще от приятель ею. И князь овогда ят веры, гневаяся на сыны, иногда ят веры сыном, гневаяся на княгиню. И бе нестроение велие». Хитростью и коварством Святохне удалось избавиться от княжичей, которых отец отправил из Полоцка в дальние волости. «Людие же полоцстии, познавше лесьть Святохнину, сожалившася о князех своих, начаша Бориса просити о сынех, абы привел я к Полоцку и о волости поряд положил, иж Василько можаше добре люд правити, яко годе; а княгини бы не слушал, иж тая не по делу изгони я, и любовников бы ее поморян отгнал». Борис послал за сыновьями. «И тако утишися крамола в людех, вси, радуясь, ожидаху князей». Удаление Василька и Вячка из Полоцка породило, следовательно, волнения в городе, вынудившие Бориса Давыдовича воротить княжичей. А Святохна все не унималась. Она затянула возвращение пасынков, перехватив отправленные им «листы». Организовала убийство преданных Борисовичам тысяцкого Симеона, посадника Воина и ключника Добрыни.

Ложными наговорами возбудила на убитых гнев полочан, которые, воспалившись на вече, «домы их разграбиша, а жены и чада избиша, иные изгнаша». В Полоцке, таким образом, разыгралась заурядная сцена общественного наказания виновных посредством грабежа (конфискации и коллективного перераспределения богатства), усиленного расправой над их домочадцами. Какая-то группа сторонников Симеона, Воина и Добрыни подверглась своего рода остракизму — изгнанию из города. Упоенная победой Святохна переступила грань: «В тысяцкие и посадники возведе поморян пришельцев, чего испокон не бывало. И тии начаша паче люд томити». Узнав об избие-

нии в Полоцке «предних» мужей, Василько «посла лист к полочанам с паробком своим, прося, абы за веру и землю Рускую постояли и пришельцем обладати не дали». Паробок доставил тот «лист» тиуну Жирному, который ночью созвал «неколико добрых муж»; и те, «познавши лесь Святохину и свою гибель, заклившись вси и уложивше помалу намовити люди и созвати на вече». И вот на Спасов день ударил вечерней колокол. Полочане сошлись на вече. Обман и происки Святохны были разоблачены. «Тогда вси смятошася и приступивше ко двору княжу, взявше княгиню, запроша в ыстопце. А поморян и любовников ея, испытав и облича, избиша, а дома разграбиша, а инех изгнаша».

Осмысливая эту полоцкую эпопею, нельзя не признать наличие в Полоцкой земле дворцовых и общинных (политических и социальных) противоречий, образующих сложное переплетение. Столкновения в Полоцке происходили не между классами, а внутри местной общины, состоящей из свободных полочан, знатных и простых. Особенностью этих столкновений явилось участие в них внешней силы — поморян, пришедших вместе со Святохной. Именно поморяне придали социальный оттенок последнему и роковому для себя и Святохны выступлению полочан, поскольку разоряли города и угнетали жителей Полоцкой волости.

Источники по истории Полоцкой земли обозначенного времени рисуют межкняжескую, межобщинную (межгородскую) и внутриобщинную (внутригородскую) борьбу.

Примечания к главе 12

- ¹ Голубовский П.В. История Смоленской земли до начала XV ст. Киев, 1985. С. 260.
- ² Там же.
- ³ ПВЛ. М.; Л., 1950. Ч. 1. С. 13.
- ⁴ Насонов А.Н. «Русская земля» и образование территории Древнерусского государства. М., 1951. С. 146.
- ⁵ Седов В.В. Восточные славяне в VI–XIII вв. М., 1982. С. 158.
- ⁶ Соболевский А. Смоленско-полоцкий говор в XIII–XV вв. // Русский филологический вестник. Варшава, 1886. Т. XV. № 1. С. 21.
- ⁷ См.: Данилевич В.Е. Очерк истории Полоцкой земли до конца XIV столетия. Киев, 1896. С. 54.
- ⁸ Фроянов И.Я. Мятный Новгород: Очерки истории государственности, социальной и политической борьбы конца IX – начала XIII столетия. СПб., 1992. С. 107–110.
- ⁹ Там же. С. 132–135.
- ¹⁰ ПСРЛ. СПб., 1862. Т. IX. С. 77.
- ¹¹ См.: Константин Багрянородный. Об управлении империей. М., 1988. С. 45, 51.
- ¹² См.: Фроянов И.Я., Дворниченко А.Ю. Города-государства Древней Руси. Л., 1988.
- ¹³ ПВЛ. Ч. 1. С. 108.
- ¹⁴ Голубовский П.В. История Смоленской земли... С. 261.
- ¹⁵ Аналогичную картину наблюдаем и в других формирующихся волостных центрах Руси (см.: Фроянов И.Я., Дворниченко А.Ю. Города-государства Древней Руси). Учреждение княжеского стола в Смоленске отвечало, на наш взгляд, интересам не «феодалной знати», а всей смоленской общины, поскольку являлось средством утверждения независимости Смоленской земли, фактором, обеспечивающим ей суверенитет и защиту границ. Само же появление княжения — явный знак усиления смоленской общины, претендующей на самостоятельность и власть в своей земле.
- ¹⁶ Голубовский П.В. История Смоленской земли... С. 261.
- ¹⁷ Янин В.Л. Междукняжеские отношения в эпоху Мономаха и «Хождение игумена Даниила» // ТОДРЛ. 1960. Т. XVI. С. 117.
- ¹⁸ Алексеев Л.В. Смоленская земля IX–XIII вв.: Очерки истории Смоленщины и Восточной Белоруссии. М., 1960. С. 195.
- ¹⁹ Алексеев Л.В. Смоленская земля... С. 195.
- ²⁰ ПВЛ. Ч. 1. С. 158–159. См. также: Алексеев Л.В. Смоленская земля... С. 195.
- ²¹ ПВЛ. Ч. 1. С. 132.
- ²² Татищев В.Н. История Российская: в 7 т. М.; Л., 1963. Т. II. С. 92.
- ²³ См.: Рапов О.М. Княжеские владения на Руси в X – первой половине XIII в. М., 1977. С. 138.
- ²⁴ См.: Насонов А.Н. «Русская земля»... С. 162; Алексеев Л.В. Смоленская земля... С. 195–196.
- ²⁵ Голубовский П.В. История Смоленской земли... С. 261–262.

²⁶ *Татищев В.Н.* История Российская. Т. II. С. 103; *Соловьев С.М.* Сочинения: в 18 кн. М., 1988. Кн. I. С. 367; *Рапов О.М.* Княжеские владения... С. 99.

²⁷ *Рапов О.М.* Княжеские владения... С. 99.

²⁸ ПВЛ. Ч. 1. С. 168; ПСРЛ. М., 1962. Т. II. Стб. 226.

²⁹ ПВЛ. Ч. 1. С. 151; ПСРЛ. Т. II. Стб. 221.

³⁰ *Татищев В.Н.* История Российская. Т. II. С. 106.

³¹ *Алексеев Л.В.* Смоленская земля... С. 196. Более определенно автор рассуждает в сноске: «Не проникнув в город, он (Олег) уходит в Муром, изгоняет и убивает сына Мономаха Изяслава» (Там же).

³² ПВЛ. Ч. 1. С. 168; ПСРЛ. Т. II. Стб. 226. Важно, на наш взгляд, подчеркнуть, что оба отрывка не противоречат друг другу, а дополняют друг друга.

³³ *Рапов О.М.* Княжеские владения... С. 101.

³⁴ *Татищев В.Н.* История Российская. Т. II. С. 106.

³⁵ См.: *Тихомиров М.Н.* Древнерусские города. М., 1956. С. 354.

³⁶ *Голубовский П.В.* История Смоленской земли... С. 263.

³⁷ См.: *Фроянов И.Я., Дворниченко А.Ю.* Города-государства Древней Руси.

³⁸ ПСРЛ. Т. II. Стб. 250.

³⁹ *Голубовский П.В.* История Смоленской земли... С. 263. О планах Мономаха открыть епископскую кафедру в Смоленске, закрыв Ростовскую кафедру, писал Приселков. См.: *Приселков М.Д.* Очерки по церковно-политической истории Киевской Руси X–XII вв. СПб., 1913. С. 310.

⁴⁰ *Щапов Я.Н.* Смоленский устав князя Ростислава Мстиславича // Археографический ежегодник за 1962 год. М., 1963. С. 40.

⁴¹ Там же.

⁴² *Воронин Н.Н., Раппопорт П. А.* Зодчество Смоленска XII–XIII вв. Л., 1979. С. 26.

⁴³ *Щапов Я.Н.* Смоленский устав... С. 40.

⁴⁴ *Тихомиров М.Н.* Древнерусские города. С. 355; *Воронин Н.Н., Раппопорт П.А.* Зодчество Смоленска XII–XIII вв. С. 25–26. См. также: *Поппе А.В.* Учредительная грамота Смоленской епископии // Археографический ежегодник за 1965 г. М., 1966. С. 70. По мнению Поппе, «нет оснований считать, что Владимир Мономах, строя храм в Смоленске, имел в виду учреждение новой епископии». Строительство храма историк разумел как совместную инициативу князя земли и князя церкви в укреплении управления епархией. Иными словами, в Смоленске создавалось наместничество Переяславской епископской кафедры. См. там же.

⁴⁵ *Шахматов А.А.* Повесть временных лет. Пг., 1916. Т. I. С. 321.

⁴⁶ Щапов ради своей догадки вынужден отказаться от предположения Шахматова о появлении интересующей нас сейчас записи в третьей редакции Повести временных лет и отнести ее ко времени после возникновения Смоленской епископии. т.е. после 1137 г., что, мягко говоря, весьма и весьма проблематично, если не произвольно.

⁴⁷ См.: *Алексеев Л.В.* Смоленская земля... С. 240–241.

⁴⁸ Древнерусские княжеские уставы XI–XV вв. М., 1976. С. 141.

⁴⁹ *Воронин Н.Н., Раппопорт П.А.* Зодчество Смоленска XII–XIII вв. С. 26.

⁵⁰ Там же.

⁵¹ *Щапов Я.Н.* Государство и церковь Древней Руси X–XIII вв. М., 1989. С. 48.

- ⁵² Рыбаков Б.А. Киевская Русь и русские княжества XII–XIII вв. М., 1982. С. 526.
- ⁵³ См.: Фроянов И.Я., Дворниченко А.Ю. Города-государства Древней Руси.
- ⁵⁴ Воронин Н.Н., Жуковская Л.П. К истории смоленской литературы XII в. // Культурное наследие Древней Руси: Истоки и становление. М., 1976. С. 72.
- ⁵⁵ Там же. С. 71.
- ⁵⁶ Там же. С. 78.
- ⁵⁷ Там же.
- ⁵⁸ Там же. С. 72.
- ⁵⁹ Голубовский П.В. История Смоленской земли... С. 266. См. также: Довнар-Запольский М. Очерк истории Кривичской и Дреговичской земель до конца XII столетия. Киев, 1891. С. 85, 98, 127–128, 133.
- ⁶⁰ Там же. С. 267.
- ⁶¹ Алексеев Л.В. Смоленская земля... С. 198.
- ⁶² Щапов Я.Н. Похвала князю Ростиславу Мстиславичу как памятник литературы Смоленска XII в. // ТОДРЛ. Л., 1974. Т. XXVIII. С. 59.
- ⁶³ Щапов Я.Н. Похвала... С. 51, 54. См. также: Воронин Н.Н., Жуковская Л.П. К истории смоленской литературы XII в. С. 68.
- ⁶⁴ Щапов Я.Н. Похвала... С. 54.
- ⁶⁵ Хорошев А.С. Политическая история русской канонизации (XI–XVI вв.). М., 1986. С. 154.
- ⁶⁶ Афанасьев С.А. Община и князь в Древнем Пскове в XII–XIII вв. // Вестник ЛГУ. 1990. Вып. 3. С. 91.
- ⁶⁷ Хорошев А.С. Политическая история... С. 153.
- ⁶⁸ Афанасьев С.А. Община и князь... С. 92.
- ⁶⁹ Хорошев А.С. Политическая история... С. 155.
- ⁷⁰ См.: Полный Православный богословский энциклопедический словарь. М., 1992. Т. 1. Стб. 751.
- ⁷¹ Ср.: Хорошев А.С. Политическая история... С. 155.
- ⁷² См.: Алексеев Л.В. Смоленская земля... С. 200–215.
- ⁷³ Никольский Н. О литературных трудах митрополита Климента Смолятича, писателя XII в. СПб., 1892. С. 104.
- ⁷⁴ Труды по знаковым системам. Тарту, 1967. III; 2) Еще раз о понятиях «слава» и «честь» в текстах киевского периода // Труды по знаковым системам. Тарту, 1971. IV; Зимин А.А. О статье Лотмана «Об оппозиции “честь – слава” в светских текстах киевского периода» // Труды по знаковым системам. Тарту, 1971. V.
- ⁷⁵ См.: Срезневский И.И. Материалы для словаря девнерусского языка. СПб., 1895. Т. II. Стб. 1419.
- ⁷⁶ Гуревич А.Я. Проблемы генезиса феодализма в Западной Европе. М., 1970. С. 77.
- ⁷⁷ Там же. С. 68.
- ⁷⁸ Гуревич А.Я. О кризисе современной исторической науки // Вопросы истории. 1991. № 2. С. 28.
- ⁷⁹ Там же. См. также: Попович М.В. Мировоззрение древних славян. Киев, 1985. С. 143–144.

⁸⁰ См.: *Фроянов И.Я.* Киевская Русь: Очерки социально-экономической истории. Л., 1974. С. 143–145.

⁸¹ *Соболевский А.И.* Семца, сябр, шабер // УЗ Высшей школы г. Одессы. Отд. гуманитарно-общественных наук. Одесса, 1922. Т. II. С. 61.

⁸² Там же. См. также: *Ляпунов Б.* Семья, сябр-шабер // Сб. статей в честь академика А.И. Соболевского. Л., 1928. С. 262.

⁸³ *Срезневский И.И.* Материалы для словаря древнерусского языка. Т. III. Стб. 907; *Фасмер М.* Этимологический словарь русского языка. 1971. Т. III. С. 824. См. также: *Ляпунов Б.* Семья, сябр-шабер. С. 262.

⁸⁴ *Даль В.И.* Толковый словарь живого великорусского языка. М., 1956. Т. IV. С. 383. См. также: *Ляпунов Б.* Семья, сябр – шабер. С. 261.

⁸⁵ *Шанский Н.М., Иванов В.В., Шанская Т.В.* Краткий этимологический словарь русского языка. М., 1971. С. 422. Следует отметить, что слово «сосед» общеславянское. Этимологически оно связано с понятиями «общество», «компания», «двор князя» и пр. См.: *Фасмер М.* Этимологический словарь русского языка. Т. III. С. 726.

⁸⁶ См.: *Фроянов И.Я.* 1) Киевская Русь: Очерки социально-экономической истории; 2) Киевская Русь: Очерки социально-политической истории. Л., 1980; 3) Киевская Русь: Очерки отечественной историографии. Л., 1990; 4) Мятёжный Новгород...; *Фроянов И.Я., Дворниченко А.Ю.* Города-государства Древней Руси.

⁸⁷ См.: *Широкова Н.С.* Древние кельты на рубеже старой и новой эры. Л., 1989. С. 170.

⁸⁸ *Фюстель де-Куланж.* История общественного строя древней Франции. СПб., 1907. Т. 1. Римская Галлия. С. 46–47.

⁸⁹ *Широкова Н.С.* Древние кельты... С. 170, 177.

⁹⁰ ПВЛ. Ч. 1. С. 157.

⁹¹ Там же. С. 163.

⁹² *Фюстель де-Куланж.* История общественного строя древней Франции. Т. 1. С. 49.

⁹³ Слово Даниила Заточника по редакциям XII и XIII вв. и их переделкам. Л., 1932. С. 16–17.

⁹⁴ *Широкова Н.С.* Древние кельты... С. 172, 173, 176, 177.

⁹⁵ Там же. С. 170, 179.

⁹⁶ См.: *Фроянов И.Я.* Киевская Русь: Очерки социально-экономической истории. С. 17–19, 141.

⁹⁷ См.: ПРП. М., 1953. Вып. II. С. 50.

⁹⁸ *Фроянов И.Я.* Киевская Русь: Очерки социально-экономической истории. С. 147–148.

⁹⁹ НПЛ. С. 38, 229.

¹⁰⁰ *Голубовский П.В.* История Смоленской земли... С. 289.

¹⁰¹ *Ворожников Н.Н., Жуковская Л.П.* К истории смоленской литературы XII в. С. 76–77.

¹⁰² Там же. С. 77.

¹⁰³ *Алексеев Л.В.* Смоленская земля... С. 115.

¹⁰⁴ Там же. С. 224.

¹⁰⁵ Там же. С. 225.

¹⁰⁶ *Дворниченко А.Ю.* 1) О характере социальной борьбы... С. 83; 2) Русские земли... С. 139.

¹⁰⁷ Там же. С. 84.

¹⁰⁸ См.: *Срезневский И.И.* Материалы для словаря древнерусского языка. Т. 1. Стб. 421.

¹⁰⁹ См., напр.: *Тихомиров М.Н.* Крестьянские и городские восстания... С. 220; *Алексеев Л.В.* Смоленская земля... С. 224.

¹¹⁰ *Алексеев Л.В.* Смоленская земля... С. 225; *Дворниченко А.Ю.* О характере социальной борьбы... С. 83–84.

¹¹¹ См. с. 119–121 настоящей книги.

¹¹² ПСРЛ. Т. II. Стб. 692.

¹¹³ Там же. Стб. 702.

¹¹⁴ *Алексеев Л.В.* Смоленская земля... С. 219.

¹¹⁵ ПСРЛ. Т. II. Стб. 369.

¹¹⁶ Там же. Стб. 617.

¹¹⁷ *Розанов С.П.* Жития преподобного Авраамия Смоленского и службы ему. СПб., 1912. С. 1; *Голубовский П.В.* История Смоленской земли... С. 250.

¹¹⁸ *Ключевский В.О.* Древнерусские жития святых как исторический источник. М., 1988. С. 57, 58.

¹¹⁹ *Буслаев Ф.* Древнерусская народная литература и искусство. СПб., 1861. С. 116.

¹²⁰ *Ключевский В.О.* Древнерусские жития святых... С. 52.

¹²¹ *Голубовский П.В.* История Смоленской земли... С. 248.

¹²² *Тихомиров М.Н.* Крестьянские и городские восстания... С. 222.

¹²³ *Ключевский В.О.* Древнерусские жития святых... С. 54.

¹²⁴ *Тихомиров М.Н.* Крестьянские и городские восстания... С. 223.

¹²⁵ *Розанов С.П.* Жития... С. 65, 66.

¹²⁶ Там же. С. 31. Словом «позорища» древнерусские книжники обычно обозначали языческие действа и увеселения. Если в «Житии» мы имеем то же, открывается интересный бытовой штрих из жизни Смоленска второй половины XII в.

¹²⁷ *Розанов С.П.* Жития... С. 4.

¹²⁸ См.: *Макарий, митр.* История Русской Церкви. СПб., 1888. ТЛИ. С. 65; *Голубинский Е.* История Русской Церкви. Т. 1. Период первый, киевский или домонгольский. Пер. пол. тома. М., 1880. С. 640–641.

¹²⁹ *Розанов С.П.* Жития... С. 6.

¹³⁰ Там же.

¹³¹ Там же. С. 7.

¹³² Там же. С. 55.

¹³³ Там же. С. 7.

¹³⁴ См.: *Тихомиров М.Н.* Крестьянские и городские восстания... С. 223.

¹³⁵ *Розанов С.П.* Жития... С. 7.

¹³⁶ Там же. С. 8.

¹³⁷ Там же. С. 10.

¹³⁸ Там же. С. 107.

¹³⁹ См.: *Буслаев Ф.* Древнерусская народная литература... С. 117.

¹⁴⁰ Розанов С.П. Жития... С. 10.

¹⁴¹ Там же. С. 107.

¹⁴² См.: Макарий, митр. История русской церкви. Т. III. С. 65; Буслаев Ф. Древнерусская литература... С. 117.

¹⁴³ См., напр.: Алексеев Л.В. Смоленская земля... С. 243; Буланин Д.М. Комментарий к «Житию Авраамия Смоленского» // Памятники литературы Древней Руси: XIII в. 1981. № 1. С. 534.

¹⁴⁴ Голубовский П.В. История Смоленской земли... С. 217–218.

¹⁴⁵ Розанов С.П. Жития... С. 10.

¹⁴⁶ Там же. С. 27. Показательно, что есть примеры соединения двух упомянутых редакций: «Все же собравшимся на двор владычен, игуменом и попом и чернцем и князем и боярем и диаком и вси церковници и мирстии человецы» (Там же. С. 59).

¹⁴⁷ «Събраша же ея нань на двор к епископу, от мала их и до велика», — читаем в одном из списков Жития XVI в. См.: Там же. С. 41.

¹⁴⁸ Там же.

¹⁴⁹ Тихомиров М.Н. Крестьянские и городские восстания... С. 223.

¹⁵⁰ Рыбаков говорит о «всенародном суде» над Авраамием. См.: Рыбаков Б.А. Киевская Русь... С. 526.

¹⁵¹ См.: Шапов Я.Н. 1) Церковь в системе государственной власти древней Руси // Новосельцев А.П. (и др.) Древнерусское государство и его международное значение. М., 1968. С. 340; 2) Государство и церковь Древней Руси X–XIII вв. М., 1989. С. 100.

¹⁵² Розанов С.П. Жития... С. 10.

¹⁵³ См. с. 242–243 настоящей книги.

¹⁵⁴ Розанов С.П. Жития... С. 108.

¹⁵⁵ Там же. С. 11, 61.

¹⁵⁶ Там же. С. 11.

¹⁵⁷ Там же. С. 12.

¹⁵⁸ Показательно, что в некоторых списках «Жития» мотив о разграблении вовсе отсутствует. (См.: Розанов С.П. Жития... С. 28, 32). Есть записи, где охрана путей и разграбление подаются как различные меры пресечения: «Вы убо на всех путех стражие постависте, чтобы никто не приходил к нему, он же вся сия терпяше, благодаря Бога, неции же и разграблени быша от вас его ради». См. там же. С. 43. См. также: Срезневский И.И. Материалы для словаря древнерусского языка. ТЛИ. Стб. 31–32.

¹⁵⁹ См. с. 286 настоящей книги.

¹⁶⁰ См.: Срезневский И.И. Материалы для словаря древнерусского языка. Т. III. Стб. 31.

¹⁶¹ Розанов С.П. Жития... С. 14–15.

¹⁶² Там же. С. 15–16.

¹⁶³ Там же. С. 16.

¹⁶⁴ Рыбаков Б.А. Русские датированные надписи XI–XIV вв. М., 1964. С. 36.

¹⁶⁵ Там же. См. также: Алексеев Л.В. Смоленская земля... С. 224.

¹⁶⁶ Розанов С.П. Жития... С. 11.

¹⁶⁷ Шапов Я.Н. Государство и церковь... С. 186.

¹⁶⁸ См.: *Греков Б.Д.* Новгородский дом святой Софии // Избр. труды. М., 1960. Т. IV. С. 152; *Дворниченко А.Ю.* Эволюция городской общины и генезис феодализма на Руси // Вопросы истории. 1988. № 1. С. 61. Этот порядок сохранялся долгое время. См.: *Дворниченко А.Ю.* Русские земли Великого княжества Литовского (до начала XVI в.). СПб., 1993. С. 45–46, 196–197.

¹⁶⁹ *Фроянов И.Я., Дворниченко А.Ю.* Города-государства Древней Руси. С. 219–220.

¹⁷⁰ Там же. С. 220.

¹⁷¹ *Голубовский П.В.* История Смоленской земли... С. 277–278.

¹⁷² *Беляев И.Д.* История Полоцка, или Северо-Западной Руси, от древнейших времен до Люблинской унии. М., 1872. С. 2.

¹⁷³ Там же. С. 110.

¹⁷⁴ Там же. С. 119, 120.

¹⁷⁵ См.: *Иловайский Д.И.* Великий Новгород и Белоруссия // Русский вестник. 1864, август; *Данилевич В.Е.* Очерк истории Полоцкой земли... С. 46–49.

¹⁷⁶ *Данилевич В.Е.* Очерк истории Полоцкой земли... С. 55.

¹⁷⁷ *Казакова Н.А.* Полоцкая земля и прибалтийские племена в X — начале XIII вв. // Проблемы истории феодальной России: сб. статей к 60-летию проф. В.В. Мавродина. Л., 1971. С. 82.

¹⁷⁸ См.: *Фроянов И.Я.* Мятежный Новгород... С. 88–89.

¹⁷⁹ Там же. С. 132–135.

¹⁸⁰ *Алексеев Л.В.* Полоцкая земля (очерки истории Северной Белоруссии в IX–XIII вв.). М., 1966. С. 242.

¹⁸¹ НПЛ. С. 17.

¹⁸² См.: *Фроянов И.Я.* Начало христианства на Руси // *Курбатов Г.Л., Фролов Э.Д., Фроянов И.Я.* Христианство: Античность. Византия. Древняя Русь. Л., 1988. С. 293–296.

¹⁸³ См.: *Насонов А.Н.* «Русская земля»... С. 147.

¹⁸⁴ ПСРЛ. Т. IX. С. 9.

¹⁸⁵ *Довнар-Запольский М.В.* Очерк истории Кривичской и Дреговичской земель... С. 68.

¹⁸⁶ *Алексеев Л.В.* Полоцкая земля... С. 237–238.

¹⁸⁷ См.: *Рыбаков Б.А.* Киевская Русь... С. 116.

¹⁸⁸ См.: *Данилевич В.Е.* Очерк истории Полоцкой земли... С. 57. Внешним выражением зависимости было прежде всего данничество. Но из записи Никоновского свода не видно, чтобы кривичей Аскольд и Дир обложили данью. Киевские воины лишь разоряли кривичскую землю («много зла сътвориша»), не принуждая к регулярной выплате дани.

¹⁸⁹ См. главу 1 настоящей книги.

¹⁹⁰ *Довнар-Запольский М.В.* Очерк истории Кривичской и Дреговичской земель... С. 69; *Данилевич В.Е.* Очерк истории Полоцкой земли... С. 57; *Алексеев Л.В.* Полоцкая земля... С. 238.

¹⁹¹ См.: *Фроянов И.Я.* Мятежный Новгород... С. 116–117.

¹⁹² См.: *Фроянов И.Я.* Киевская Русь: Очерки социально-политической истории. Л., 1980. С. 23; *Сахаров А.Н.* Дипломатия Древней Руси. М., 1980. С. 99–100.

¹⁹³ ПВЛ. Ч. 1. С. 54.

¹⁹⁴ В свое время нами здесь была допущена ошибка. См.: *Фроянов И.Я.* Киевская Русь: Очерки социально-политической истории. С. 225.

¹⁹⁵ ПВЛ. Ч. 1. С. 24.

¹⁹⁶ *Греков Б.Д.* Киевская Русь. М., 1953. С. 295–296. См. также: *Штыхов Г.В.* Древний Полоцк IX–XIII вв. С. 9. Ср.: *Сахаров А.Н.* «Мы от рода русского...». Л., 1986. С. 116.

¹⁹⁷ *Константин Багрянородный.* Об управлении империей. М., 1989. С. 51.

¹⁹⁸ Там же. С. 45.

¹⁹⁹ *Рыбаков Б.А.* Киевская Русь... С. 319. Не исключено, что уже из Смоленска моноksилы шли, груженные товаром. Б.А. Рыбаков писал: «Смоленск обозначен Константином как один из важных центров, откуда весной, после вскрытия рек, идут ладьи-моноksилы в Киев. Вполне возможно, что дань, собранная в первую половину полюдья, не возилась с собой, а оставалась в становищах до весны, когда ее можно было легко сплавить вниз по Днепру. Главнейшим пунктом хранения дани мог быть Смоленск...» (Там же. С. 324).

²⁰⁰ Там же. С. 323. См. также: *Рыбаков Б.А.* Смерды // История СССР. 1979. № 2. С. 41–42.

²⁰¹ *Рыбаков Б.А.* Смерды. С. 38.

²⁰² *Насонов А.Н.* «Русская земля»... С. 147.

²⁰³ Там же.

²⁰⁴ ПВЛ. Ч. 1. С. 160.

²⁰⁵ Там же. С. 159.

²⁰⁶ Там же.

²⁰⁷ Там же. С. 111–112.

²⁰⁸ Там же. С. 116.

²⁰⁹ *Штыхов Г.В.* Древний Полоцк IX–XIII вв. С. 10.

²¹⁰ ПСРЛ. М., 1962. Т. II. Стб. 293.

²¹¹ Там же. Стб. 304.

²¹² *Алексеев Л.В.* Полоцкая земля... С. 263.

²¹³ ПСРЛ. М., 1962. Т. I. Стб. 302.

²¹⁴ ПСРЛ. Т. II. Стб. 303.

²¹⁵ *Довнар-Запольский М.В.* Очерк истории Кривичской и Дреговичской земель. С. 95. См. также: *Штыхов Г.В.* Древний Полоцк IX–XIII вв. С. 12.

²¹⁶ *Данилевич В.Е.* Очерк истории Полоцкой земли... С. 72.

²¹⁷ Там же.

²¹⁸ Там же. С. 70.

²¹⁹ *Довнар-Запольский М.В.* Очерк истории Кривичской и Дреговичской земель... С. 81.

²²⁰ Там же. С. 157.

²²¹ Там же. С. 166.

²²² *Штыхов Г.В.* Древний Полоцк IX–XIII вв. С. 11.

²²³ Ср.: *Тихомиров М.Н.* Крестьянские и городские восстания... С. 208; *Алексеев Л.В.* Полоцкая земля... С. 250.

²²⁴ *Татищев В.Н.* История Российская. М.; Л., 1963. Т. II. С. 133–134.

²²⁵ См. с. 217, 263, 275 настоящей книги.

²²⁶ ПВЛ. Ч. 1. С. 141.

²²⁷ Там же.

²²⁸ Костомаров Н. Русские инородцы // Русское слово. 1860. № 5. Отд. 1. С. 43.

²²⁹ Данилевич В.Е. Очерк истории Полоцкой земли... С. 239.

²³⁰ Алексеев Л.В. Полоцкая земля... С. 250.

²³¹ Своеобразную трактовку им дал Рыбаков: «Полоцкий эпизод был, по всей вероятности, отражением какой-то общерусской эпидемии (вспомним 7000 умерших киевлян), а для нас он интересен как показатель преломления реальных явлений (действий бактерий, бацилл, вирусов) в сознании простых людей XI в.; они отнесли смерть сограждан, вылезавших из своих хоромин, за счет упырей-навий». См.: Рыбаков Б.А. Язычество Древней Руси. М., 1967. С. 464.

²³² ПСРЛ. Т. 1. Стб. 299; Т. 2. Стб. 293.

²³³ Татищев В.Н. История Российская. Т. II. С. 140.

²³⁴ ПСРЛ. Т. II. Стб. 445.

²³⁵ Там же. Стб. 494.

²³⁶ См. с. 142, 234 настоящей книги.

²³⁷ В.Е. Данилевич предположил, что Рогволод «делал попытки ограничить власть полоцкого земства» (Данилевич В.Е. Очерк истории Полоцкой земли... С. 86). По Алексееву, тут сыграли роль расхождения Рогволода с местной епископией. См.: Алексеев Л.В. Полоцкая земля... С. 274.

²³⁸ Тихомиров М.Н. Крестьянские и городские восстания... С. 210.

²³⁹ См.: Данилевич В.Е. Очерк истории Полоцкой земли... С. 179.

²⁴⁰ Там же. С. 86.

²⁴¹ Штыхов Г.В. Древний Полоцк IX–XIII вв. С. 12–13.

²⁴² ПСРЛ. Т. II. Стб. 493.

²⁴³ Данилевич В.Е. Очерк истории Полоцкой земли... С. 87.

²⁴⁴ Тихомиров правильно подчеркивает, что «горожане», народ, «людие» принимают Рогволода и прогоняют Глеба из Друцка. Но совершенно напрасно он исключает участие в этом знатных людей из местных бояр. См.: Тихомиров М.Н. Крестьянские и городские восстания... С. 210.

²⁴⁵ По словам М.В. Довнар-Запольского (Очерк истории Кривичской и Дреговичской земель... С. 152), «при приближении Рогволода партия его в Друцке взяла перевес». Летописный текст не позволяет увидеть борьбу партий в Друцке. Напротив, дручане выступают единодушно и сплоченно.

²⁴⁶ ПСРЛ. Т. II. Стб. 493–494.

²⁴⁷ Штыхов Г.В. Древний Полоцк IX–XIII вв. С. 13.

²⁴⁸ См.: Тихомиров М.Н. Крестьянские и городские восстания... С. 210; Дворниченко А.Ю. О характере социальной борьбы... С. 84.

²⁴⁹ Данилевич В.Е. Очерк истории Полоцкой земли... С. 88.

²⁵⁰ Алексеев Л.В. Полоцкая земля... С. 277.

²⁵¹ Гуревич А.Я. Проблемы генезиса феодализма в Западной Европе. М., 1970. С. 65.

²⁵² Там же. С. 67.

²⁵³ ПСРЛ. Т. II. Стб. 494.

²⁵⁴ Там же. Стб. 494–495.

²⁵⁵ Тихомиров М.Н. Крестьянские и городские восстания... С. 212.

- ²⁵⁶ См.: *Алексеев Л.В.* Полоцкая земля... С. 193–199; *Штыхов Г.В.* Древний Полоцк IX–XIII вв. С. 117–129.
- ²⁵⁷ См.: *Данилевич В.Е.* Очерк истории Полоцкой земли... С. 16, 17.
- ²⁵⁸ ПСРЛ. Т. XV. Стб. 121.
- ²⁵⁹ *Данилевич В.Е.* Очерк истории Полоцкой земли... С. 16, 63.
- ²⁶⁰ Там же. С. 15–16.
- ²⁶¹ *Алексеев Л.В.* Полоцкая земля... С. 199.
- ²⁶² *Беляев И.Д.* История Полоцка... С. 203.
- ²⁶³ Там же. С. 234.
- ²⁶⁴ Там же.
- ²⁶⁵ *Довнар-Запольский М.В.* Очерк истории Кривичской и Дреговичской земель... С. 47.
- ²⁶⁶ Очерки истории СССР. С. 386.
- ²⁶⁷ *Пашуто В.Т.* Черты политического строя Древней Руси. С. 28.
- ²⁶⁸ *Тихомиров М.Н.* Крестьянские и городские восстания... С. 212.
- ²⁶⁹ *Рыбаков Б.А.* Киевская Русь... С. 519.
- ²⁷⁰ Там же. С. 520.
- ²⁷¹ *Срезневский И.И.* Материалы для словаря древнерусского языка. СПб., 1883. Т. I. Стб. 174. См. также: Словарь русского языка XI–XV вв. М., 1975. Вып. 1. С. 326; Словарь древнерусского языка (XI–XIV вв.). М., 1988. Т. I. С. 314.
- ²⁷² См., напр.: *Довнар-Запольский М.В.* Очерк истории Кривичской и Дреговичской земель... С. 152.
- ²⁷³ *Алексеев Л.В.* Полоцкая земля... С. 277.
- ²⁷⁴ *Рыбаков Б.А.* Киевская Русь... С. 520.
- ²⁷⁵ ПСРЛ. Т. II. Стб. 495.
- ²⁷⁶ *Татищев В.Н.* История Российская. М.; Л., 1964. Т. III. С. 201–204; М.; Л., 1964. Т. IV. С. 352–354.
- ²⁷⁷ *Лыжин Н.П.* Два памфлета времен Анны Иоанновны // ИОРЯС. СПб., 1958. Т. VII. Вып. I.
- ²⁷⁸ См.: *Сапунов А.П.* Достоверность отрывка из Полоцких летописей, помещенного в «Истории России» Татищева под 1217 г. // ЧОИДР. 1898. Кн. 3. С. 6. См.: *Тихомиров М.Н.* Крестьянские и городские восстания... С. 214–216; *Алексеев Л.В.* Полоцкая земля... С. 287; *Дворниченко А.Ю.* 1) О характере... С. 85–86; 2) Русские земли... С. 191.
- ²⁷⁹ *Тихомиров М.Н.* Крестьянские и городские восстания... С. 215.

Глава тринадцатая

«МЯТЕЖИ» И «КРАМОЛЫ» В ГАЛИЦКО-ВОЛЫНСКОЙ ЗЕМЛЕ КОНЦА XI-XII ВЕКОВ

§ 1 Политическое становление земель Юго-Западной Руси. Владимири-Волынская община и ее отношения с Великими Князьями Киевскими

Юго-Западная Русь и прежде всего Галичина представлялась многим дореволюционным историкам краем, где безраздельно хозяйничали бояре. Еще М. Смирнов утверждал, что «во всех важнейших случаях действующими являются бояре; они призывают князей, они составляют заговоры, захватывают управление земли в свои руки и т.д., а граждане молчат или являются в страдательной роли приверженцев высшего сословия, исполнителей его предначертаний; то значение, которое сохраняло народонаселение в Киеве, где бояре казались пришельцами, потому что с новым князем являлись и новые бояре, это значение в Галиче всецело перешло к боярам, важным по своему богатству и тому влиянию, которое они постоянно сохраняли над народом, благодаря своим должностям. Народная масса, предоставленная самой себе, без средств, без вождя, конечно, должна была разделиться на части и склониться на сторону того или другого боярина»¹. По мнению Н. Дашкевича, галицкие бояре «пользовались в своей стране особенною силою», тогда как «община не имела права решающего голоса»². Вот почему в тех случаях, когда «должна была что-нибудь решать сама страна», на сцену выходили бояре. И только изредка «проглядывает в летописи народ, как деятельная сила; он заявлял свой голос, когда налицо не было бояр. Бояре же в политике почти всегда действовали вопреки его благосостоянию. Они были виновниками большинства смут в стране со времени смерти Ярослава Осмомысла, особенно со времени смерти Романа... Они наводили

иноземцев, которые — были мгновения — посягали даже на народную совесть. Этого мало: сами не особенно церемонились с народом... Народ предстает в жалком виде». Грушевский наблюдал рост «незвичайной» силы галицкого боярства, которое уже при Ярославе «почало показувати роги»³. Оно «сложилось в такую мощную сплоченную массу», что смогло «развернуть борьбу на два фронта: с общиной и князем»⁴. О господствующем и преобладающем положении бояр в Галицкой земле, потеснивших княжескую власть, рассуждали и другие исследователи⁵. Отсюда понятно, почему политическая история Юго-Западной Руси нередко рассматривалась с точки зрения противоборства двух сил: боярства и князя. При таком подходе народные движения оказались на обочине научной мысли.

Воынь и Галичина, подобно остальным регионам Древней Руси, долго находились под властью киевской общины. На основании имеющихся в нашем распоряжении данных можно предположить, что союзы племен Побужья и Поднестровья уже в начале X в. оказались в сфере влияния Киева⁶. Однако здесь отношения Полянского центра с подчиненными ему племенами осложнялись соседством Венгрии, Польши и Чехии. Сюда, помимо приднепровской Руси, пытались проникнуть иноземные завоеватели⁷. В дальнейшем влияние внешнего фактора на политическую и даже социальную жизнь Юго-Западной Руси было весьма ощутимо. Балансируя между Русской землей, Польшей и Чехией, местные общины стремились к утверждению своей самостоятельности. В конце X — начале XI вв. явственно обозначилось их желание разорвать узы зависимости от Киева⁸. Опорными пунктами борьбы с киевским засильем являются города, которые получают значение средоточий больших территориальных округ. В XI в. важное значение приобретают такие города, как Владимир, пришедший на смену древнему Воыню, Перемышль и Теревовль. Они превращаются в центры крупных волостных образований, выступая в качестве городов-государств. Политические коллизии становятся тут еще более запутанными и сложными. На рубеже XI и XII вв. борьба с Киевом дополняется соперничеством Владимира с Перемышлем и Теревовлем, тяготевших к устройству отдельной волости. Несмотря на сопротивление владимирской общины, опиравшейся порою на поддержку киевских правителей, Перемышль и Теревовль отпали от воынской столицы, уступив вскоре лидирующее место Галичу, вокруг которого и сложилась самостоятельная Галицкая земля. Юго-Западная Русь распалась на две земли-волости: Владимирскую и Галиц-

кую. Судя по всему, Галицкая земля первой порывает зависимость от Киева, что произошло где-то в первые десятилетия XII в. К середине же этого века освобождается от киевского владычества и Владимир. Тогда, вероятно, завершилось формирование владимирского и галицкого городов-государств. Едва сложились суверенные города-государства во Владимире и Галиче, как начались их столкновения с пригородами, стремившимися отколоться от главных городов и создать собственные волости, независимые от своих старейших собратьев. Не станем входить в подробности названных процессов, поскольку это сделано нами в специальном исследовании⁹. Но мы сочли необходимым сказать о них хотя бы вкратце, так как эти процессы существенно влияли на политическую борьбу в городских общинах Галицко-Волынской Руси.

Одним из проявлений ее были военные стычки князей из-за столов, отраженные в летописных рассказах последней четверти XI в. В 1078 г. Всеволод Ярославич, севший в Киеве после гибели в битве на Нежатиной ниве Киевского Князя Изяслава, наделил Владимиром Волынским сына его Ярополка¹⁰. Вскоре, однако, у Ярополка Изяславича появились опасные соперники: братья Ростиславичи и Давыд Игоревич — обиженные Ярославичами князья-изгои. Одно время они жили при Ярополке во Владимире, но в 1084 г. «выбегоста» от него¹¹. Затем беглецы, собрав, по-видимому, войско, вернулись и выгнали Ярополка из Владимира. Соловьев полагал, что «Ростиславичи не могли выгнать Ярополка, не приобретя себе многочисленных и сильных приверженцев во Владимире»¹². Если эта догадка верна, то можно говорить об участии в межкняжеской борьбе владимирцев, обусловленном их стремлением самостоятельно распоряжаться княжеским столом, а не по указке из Киева. Всеволоду пришлось с помощью оружия возвращать Ярополка на владимирское княжение.

Примечательно, что Давыд Игоревич и Ростиславичи живут у Ярополка, не сядя на княжения по пригородам владимирской волости. В этом, вероятно, проглядывает не столько политика Всеволода или Ярополка, сколько воля вечевого общины старейшего города, не желающей создавать в своей земле новые княжеские столы, чреватые распадом волостного единства.

Чтобы как-то утихомирить обделенных князей, Всеволод на правах киевского властителя, повелевающего Владимирской землей, отдает Перемышль и Теребовль Ростиславичам, а Дорогобуж — Давыду Игоревичу¹³. Для Андрияшева это пожалование означало, что «Яро-

полк очутился между двух огней, между энергичными Ростиславичами и не менее их умным и энергичным Давыдом; все они с полным основанием утверждали, что Волынь их отчина и стремились ею овладеть. Положение Ярополка было очень тяжело и виновником его он считал Великого Князя, самовольной раздачей которым его земель он имел полное основание оскорбиться»¹⁴. Согласно Соловьеву, «Ярополк Изяславич, князь Волынский, в отдаче Дорогобужа Давыду видел обиду себе, намерение Всеволода уменьшить его волость, и потому начал злобиться на Всеволода...»¹⁵. Об уменьшении владений Ярополка в связи с передачей Всеволодом Дорогобужа Давыду и Перемышля с Теребовлем Ростиславичам писал П.А. Иванов¹⁶. Несколько иначе объясняет недовольство Ярополка на Киевского Князя Н.Ф. Котляр. Он считает, что «энергичный Давид не удовлетворился захолустным Дорогобужем и продолжал добиваться владимирского стола... По всей вероятности, Ярополк видел причину агрессивности Давида в попустительстве Великого Князя»¹⁷. Историки, как видим, вращаются вокруг личных обид Ярополка. Не отрицая ущерба, нанесенного действиями Всеволода Ярославича интересам Ярополка, позволим себе все же предположить, что главное заключалось не в ущемлении владельческих прав последнего, а в самоуправном дроблении Владимирской земли-волости (города-государства) на более мелкие государственные единицы. Возможно, это соответствовало настроению населения упомянутых пригородов, особенно тех, которые находились в пределах будущей Галицкой волости, т.е. Перемышля и Теребовля. Но владимирская община не могла взирать равнодушно на расчленение собственной волости¹⁸ и потребовала от Ярополка принять активные меры, чтобы защитить ее целостность. Только так, на наш взгляд, следует понимать летописное известие о том, что Ярополк «хотяше ити на Всеволода, послушав злых советник»¹⁹. За этим кратким сообщением летописца кроется намерение владимирского князя идти на войну со Всеволодом и стоящей за ним киевской общиной. Осуществить такой замысел без опоры на военную мощь Владимирской земли Ярополк, разумеется, был безсилен, ибо одной дружиной управиться с могучим противником — дело безнадежное. К тому же Ярополк, будучи князем слабым, нерешительным и робким²⁰, едва ли бы сам пустился в столь рискованное предприятие. Вот тут и надо вспомнить «злых советник», побуждавших его выступить против Всеволода. По мнению А.М. Андрияшева, то были ярополковы дружинники²¹. Думается, что «злые советники» — это, скорее всего, влия-

тельные владимирцы, озабоченные судьбой своей волости. Дружина Ярополка не имела возможности организовать такое внушительное выступление и потому вряд ли играла здесь роль инициатора. О том, что в данном случае происходили сборы владимирских воев, а значит, велась и подготовительная работа лидерами владимирской общины, свидетельствуют последующие события.

Всеволод, «уведав» о предстоящем походе Ярополка на Киев²², «посла противу ему сына своего Володимера»²³. Стало быть, Ярополк не успел даже выступить, как Всеволод в упреждающем порядке послал на него рать во главе с Владимиром. Подобное могло произойти при условии длительной подготовки Ярополка к походу, требующей мобилизации военных ресурсов всей Владимирской волости²⁴. Видно, приготовления еще не закончились, когда Ярополк узнал о приближении Владимира. И поэтому он, «оставив мать свою и дружину Лучьске, бежа в Ляхы»²⁵. Бегство князя, исполнявшего функции военачальника, поставило владимирскую общину в тяжелое положение, оставив ее без военного предводителя, а если учесть сакральный характер княжеской власти, частично сохранявшийся с языческих пор, то — и покровителя. Это парализовало волю к сопротивлению. Сперва Владимиру «вдашася лучане». Потом Всеволодович «посади Давыда Володимири, в Ярополка место, а мать Ярополчю, и жену его и дружину приведе Киеву, и именье взем его»²⁶. Владимирцы вынуждены были покориться. И все же на Волыни чувствовалось глухое недовольство, которое легко могло перейти в открытое неповиновение, чем, вероятно, объясняется задержка Владимира здесь с войском и его податливость к миру с Ярополком. По рассказу летописца в следующем 1086 году «приде Ярополк из Ляхов, и створи мир с Володимером, и иде Володимер вспять Чернигову. Ярополк же седе Володимери»²⁷. Примирение с Владимиром, а значит, и со Всеволодом, уход киевских полков из Владимирщины развязывали руки Ярополку. И он, «переседев мало дний, иде Звенигороду»²⁸. Соловьев, предполагая, что Звенигород в тот момент принадлежал Ростиславичам, выражение «иде Звенигороду» истолковал как воинский поход²⁹. Догадка маститого историка нам кажется вполне правдоподобной. Какие цели преследовал Ярополк, направляясь к Звенигороду? Очевидно, не только личные, обусловленные враждой к Ростиславичам или жадой «большого имения», но и государственные, состоящие в восстановлении суверенитета владимирской общины над недавним пригородом. Поход на Звенигород, вероятно, являлся первым этапом

войны за Перемышль и Теревовль, где обосновались Ростиславичи. Ярополк Изяславич, таким образом, действовал в интересах владимирцев, стремившихся удержать свою волость в старых границах³⁰.

На пути к Звенигороду Ярополк был убит каким-то Нерадцем, который «саблюю с коня пробode» лежащего «на возе» князя. Согласно летописцу, Нерадец совершил кровавое преступление по наущению дьявола и «злых человек». Трудно сказать, кого разумел летописатель, говоря о «злых человек». Но он сообщает о бегстве «треклятого» Нерадца в Перемышль к Рюрику Ростиславичу³¹. Как будто нити заговора тянулись к Ростиславичам. Именно одного из них, Василька, обвинял в убийстве Ярополка князь Давыд³². Мнения же историков разошлись. «Летописец, — отмечал Карамзин, — не объясняет тайной причины злодейства, сказывая только, что убийца бежал в Перемышль к Рюрику, старшему из Ростиславичей, которым Всеволод уступил сей город в удел, и которые, приняв изменника, навлекли на себя гнусное подозрение»³³. Много стараний приложил, обеляя Ростиславичей, безымянный автор статьи о смерти Ярополка Изяславича, опубликованной в Современнике³⁴. Подлинным виновником он считал Давыда Игоревича, который убийством Ярополка «несомненно достигал своей цели — Владимирского княжения, и не ошибся в расчете, как оказалось на самом деле»³⁵. В этой версии усомнился Соловьев, по словам которого, «об участии Давыда нет ни малейшего намека в летописи; сам Давыд после, говоря Святополку об убиении брата его, не мог выдумать об участии Ростиславичей и объявить об этом Святополку за новость; если бы современники подозревали Давыда, то и летописец сам, и Святополк Изяславич, и киевляне на вече, и князья на съезде не преминули бы упомянуть об этом по случаю злодейства Давыдова над Васильком. Если летописец не указывает прямо на Ростиславичей, то это доказывает, что у современников не было достаточных улик против них; но не без намерения летописец выставляет бегство Нерадца к Рюрику в Перемышль»³⁶. О Рюрике же известно лишь то, что «он выгнал Ярополка из Владимира и потом принял к себе его убийцу: эти два поступка нисколько не ручаются за его нравственность»³⁷. Соловьев, таким образом, склонялся более к обвинению Ростиславичей, чем Давыда Игоревича. В дальнейшем мнения историков колебались то в одну, то в другую сторону. Так, А.М. Андрияшев думал, что Ярополк погиб «от руки подосланного Рюриком Ростиславичем убийцы»³⁸. П.А. Иванов признавал, что бегство Нерадца в Перемышль к Рюрику бросало «некоторую тень на

Ростиславичей». Но он не исключал причастности к убийству Давыда Игоревича, «который, получив в 1085 г. Владимир, должен был отдать его вернувшемуся и примирившемуся с Мономахом Ярополку. Для Давыда Игоревича Ярополк стоял поперек дороги, и, конечно, такой человек, как Давыд Игоревич, мог решиться на такой низкий поступок, как убийство. Все это, однако, одни лишь догадки! Можно только, кажется нам, считать несомненным, что Ярополк пал жертвою споров из-за уделов»³⁹.

Советские историки также по-разному судили о том, кто стоял за Нерадцем. Д.С. Лихачев, скажем, называл Ростиславичей⁴⁰, а О.М. Рапов — Ростиславичей и Всеволода Ярославича⁴¹. Н.Ф. Котляр предположил, что Ростиславичи «действовали вкупе с Давидом, которому после смерти Ярополка вновь досталась Волынь»⁴².

Для всех упомянутых исследователей, искавших вдохновителей злодеяния, характерно обращение только к князьям (Ростиславичам или Давыду), тогда как в летописи говорится о «злых человек», управлявших убийцею. Уже это обстоятельство делает убийство Ярополка фактом, выходящим за рамки межкняжеских распрей. Вряд ли «злые человеки» принадлежали к числу ярополковых дружинников или владимирцев. Скорее всего, они представляли чужой, враждебный Ярополку и владимирской общине мир, куда бежал Нерадец. То могли быть дружинники Ростиславичей, либо влиятельные лица из Перемышля. Нам кажется, что дружинники здесь отпадают, поскольку между дружиной и князем в те времена еще существовало нерасторжимое единство, и за содеянное «ближними мужами» князь отвечал, как за собственные поступки. Поэтому, будь замешаны в убийстве Ярополка дружинники Ростиславичей, вина за него легла бы на самих Ростиславичей. Но летописец воздерживается от прямых обвинений, и это показательно: значит, для подобных обвинений не было достаточных оснований⁴³. Остаются деятели перемышльского земства, из которых и составилась кружок «злых человек», подговоривших Нерадца убить Ярополка. Следовательно, смерть владимирского князя явилась результатом прежде всего межобщинных, а не княжеских раздоров, хотя значение последних отрицать не приходится. Устранение Ярополка соответствовало интересам Ростиславичей и Давыда Игоревича, ибо первые тогда сохраняли бы свою власть в Перемышле, Теревовле и Звенигороде, а второй снова вокняжился бы во Владимире. Желая погибели владимирскому правителю, они не препятствовали заговорщикам, а быть может, тайно их даже одо-

брюли. Не случайно ведь Нерадец укрылся в городе Рюрика Ростиславича — Перемышле. И все-таки заговор, по нашему убеждению, сплела перемышльская община, не желающая подчиняться городу Владимиру. В Ипатьевской летописи после рассказа об убийстве Ярополка и похоронах его в Киеве приведено известие о походе Всеволода Ярославича на Перемышль: «В се же лето ходи Всеволод к Перемышлю»⁴⁴. Летописец связывает этот поход с предшествующими событиями, намекая тем самым на важную в них роль бывшего владимирского пригорода. Итак, столкновение владимирской и перемышльской общин привело к трагической развязке — гибели Ярополка.

О том, что волостные интересы, подобно водовороту, затягивали князей, свидетельствуют отношения Давыда Игоревича с Ростиславичами. Поначалу они были добрыми⁴⁵. Но с вокняжением Давыда во Владимире все переменялось. И вот Давыд, заручившись поддержкой Святополка киевского, повелел своим слугам ослепить теребовльского князя Василька Ростиславича, желая «перейти Василкову волость»⁴⁶. Захват Давыдом Игоревичем «василковой волости», в конечном счете, означал присоединение к Владимирской земле Теревовля с пригородами и селами⁴⁷. Отсюда понятно, почему Давыд действовал не один. За ним стояли Туряк, Лазарь и Василь — влиятельные, по всей видимости, представители владимирской общины. Именно их выдачи требовали Василько и Володарь, осадившие впоследствии Владимир. Из этих владимирских мужей, надо думать, сложился кружок «злых человек», подобных тем, что «наустили» Нерадца убить Ярополка. Только теперь «злые человеци» принадлежали не к перемышльскому, а к владимирскому земству.

При чтении летописи может возникнуть впечатление, будто Туряк, Лазарь и Василь — единственные из владимирской общины люди, замешанные в пленении и ослеплении теребовльского князя. На самом же деле, как показывает внимательный разбор летописных известий, это не так. В начале летописного повествования о походе Володаря и Василька речь идет о том, что они выступили против Давыда. Но затем Давыд вдруг уходит в глубь сцены, вперед выдвигаются владимирцы, с которыми ведут переговоры Ростиславичи. Не стоит доверять словам Ростиславичей, обращенным к владимирцам: «Ве не приидохове на град вашь, ни на вас, но на врагы своя, на Туряка и на Лазаря и на Василя, то бо суть намолвили Давыда, и тех есть послушал Давыд и сотворил се зло»⁴⁸. Тут перед нами, несомненно, дипломатический маневр: Ростиславичи, не надеясь получить Давыда,

за которого владимирцы готовы были «битися», и взять Владимир, удовольствовались выдачей на казнь трех названных мужей, а владимирцы ради мира отступились от них. Пребывание в тот момент Туряка, Лазаря и Василя в Луческе, попытки Лазаря и Василя укрыться в Турийске намекают на связь этих людей с владимирской земщиной. Однако не следует замыкаться на Туряке, Лазаре и Василе. Летописные материалы позволяют расширить круг лиц, принимавших прямое участие в событиях, связанных с ослеплением теребовльского князя. Мы знаем, например, что ослепленного Василька привезли во Владимир и поместили на «дворе Вакееве», приставив к нему «30 мужъ стеречи и 2 отрока княжа, Улан и Колчка»⁴⁹. Василька, как видим, заключают не в княжеском дворе, а во дворе какого-то Вакея, за которым угадывается известный и влиятельный во Владимире человек. К этому нужно добавить, что Василька стерегли 30 мужей, скорее всего, владимирцы, поскольку стражники из числа княжеских людей названы летописцем особо. Их было только двое — Улан и Колчко. Активность владимирской общины здесь не вызывает сомнений. Но Давыда Игоревича поддерживали не только непосредственно жители Владимира, но и других городов Владимирской волости. Не случайно братья Ростиславичи, направляясь к Владимиру, «придоста ко Всеволожю... Онема же ставшима около Всеволожа, и взяста копьем град и зажгоста огнем, и бегоша людье огня. И повеле Василко иссечи вся, и створи мщенье на людех неповинных, прольях кровь неповинну»⁵⁰. По-видимому, в стремлении Давыда завладеть Теребовлем всеволожане наряду с остальными людьми Владимирской земли являлись отнюдь не посторонними зрителями. Иначе совершенно неоправданна жестокость Василька в отношении обитателей Всеволожа. Поступок теребовльского князя становится понятным, если учесть, что Давыд, покушаясь на волость Василька, действовал с одобрения главного города и зависимых от него пригородов⁵¹. За враждой князей просматривается вражда волостных общин. В данном случае политика владимирской общины являлась наступательной, а теребовльской — оборонительной: первая хотела восстановить былую власть, а вторая — отстоять приобретенную в упорной борьбе самостоятельность. Отделение Перемышля и Теребовля от Владимира зашло настолько далеко, что между ними легли уже границы — межи, по летописной лексике. «Довлееть нама на межи своей стати», — говорили Володарь и Василько⁵². Взгляд на Теребовль как независимую от Владимира волость выразил Василько. Когда ему Давыд сулил «любо Всеволожь,

любо Шеполь, любо Перемиль», он ответил: «Сему ми дивно, дает ми город свой, а мой Теребовль, моя власть и ныне и пождавшие»⁵³. Всеволож, Шеполь, Перемиль — пригороды Владимира и потому «свои» для Давыда, сидевшего на владимирском столе. Иное дело Теребовль, представляющий, по убеждению Василька, отдельную от Владимира волость.

Замысел Давыда «перейти Василкову волость» провалился. В итоге пострадал не только сам князь, но и Владимирская волость. Положение Давыда во Владимире пошатнулось. Местная община, похоже, была им не довольна, т.к. неудачи владимирского властителя повлекли за собой ослабление ее позиций перед внешним миром. Неудивительно, что Владимир вскоре оказался в руках Святополка, вынудившего Давыда уйти в Червен — владимирский пригород, откуда тот «бежа в Ляхы»⁵⁴. Андрияшев не мог точно сказать, почему он «должен был оставить Червен и удалиться в Польшу»: то ли вследствие «давления со стороны Святополка», то ли из-за «несочувствия к себе» червенцев⁵⁵. Бегство Давыда из Червена указывает на опасность, грозившую ему со стороны жителей города. Причина такого нерасположения крылась в неумении Давыда Игоревича княжить, принося благо Владимирской волости. Владимирцы, возглавляемые этим князем, не только не восстановили свою власть над Перемышлем и Теребовлем, но и попали в более тесную зависимость от Киева. Надо было напрягать силы, чтобы вернуть утраченные позиции.

Дальнейшая история Владимира шла под знаком продолжающейся консолидации местной общины и обостряющейся борьбы ее с Киевом и соседними волостями. По сообщению летописи, в 1117 г. Владимир Мономах собрал целую коалицию князей с целью похода против Ярослава Святополчича, княжившего во Владимире⁵⁶. Согласно П.А. Иванову, поход был вызван стремлением Мономаха «к сосредоточению русских земель в своем роде и к приведению князей разных земель в более тесную зависимость от Киевского Князя, чем было на самом деле»⁵⁷. Но нельзя исключать и того, что Мономах отстаивал также интересы киевской общины. Довольно красноречиво в этой связи известие Татищева, по которому Ярослав Святополчич хотел «у Владимира область по Горыню отнять», а «Ростиславичев владения лишить»⁵⁸. Осуществить задуманное Ярослав мог, опираясь преимущественно на местные силы⁵⁹. Так за межкняжеской «которой» выступает очередной конфликт волостей. В частности, мы видим, как владимирская община пытается расширить собственную терри-

торию за счет Погорынья, находившегося в составе Киевской земли⁶⁰ и являвшегося яблоком раздора между Киевом и Волынью⁶¹, а также возродить господство над Перемышлем и Теробовлем — волостями Володаря и Василька. Вот почему среди князей, «оступивших» вместе с Мономахом град Владимир, находились и Ростиславичи⁶².

Укротив Святополчича, Владимир Мономах вернулся «въ свояси». Затем, как извещает Ипатьевская летопись, он «посла сына Романа во Владимирь княжить»⁶³. Вслед за этим известием летописец сообщает: «Выбеже Ярослав Святополчичъ из Володимера Угры, и бояре его и отступиша от него»⁶⁴. Лаврентьевская летопись излагает события в ином, более точном, на наш взгляд, порядке: «Бежа Ярославцеъ Святополчичъ из Володимера в Ляхы, и посла Володимер сын свои Романа в Володимерь княжить»⁶⁵. Оба источника ничего не говорят о вторичном походе Владимира Мономаха против «Ярославца». В поздних же летописях есть упоминания об этом походе. В них к тому же, называется причина, побудившая Мономаха снова собирать рать на Ярослава. В Московском летописном своде 1479 г. читаем: «Ярославцеъ Святополчич отсла от себе жену свою, дщерь Мъстиславлю, внуку Володимерю. Володимер же слышев се и совокупи воя поиде на нь; и выбеже Ярослав Святополчич из Володимеря в Угры, и бояре его отступиша от него. Володимер же посла в Володимерь сына своего Романа...»⁶⁶. Никоновская летопись содержит аналогичную запись, но вместе с тем имеет и одно интересное разночтение: «а воя его (Ярослава) отступиша от него»⁶⁷. Татищев, сообразуя различные летописные версии, замечал: «Ярославец, Князь Владимирский, забыв данное свое Владимиру клятвенное обещание, жену свою от себя отослал. Чем Владимир вельми оскорбился, собрав войско, пошел ко Владимиру. Но Ярославцеъ, уведав, не дожидая его, ушел в Польшу к сестре своей и зятю. Владимир же, оставя во Владимире сына своего Романа, сам возвратился»⁶⁸.

Суммированные нами факты дают пищу для размышлений относительно общей ситуации во Владимире, обусловившей бегство Ярослава Святополчича из города. Что же заставило князя покинуть Владимир? По Татищеву, Ярослав ушел в Польшу, как только узнал о походе Мономаха. Соловьев объясняет поступок Святополчича поведением бояр, отступивших от него, не раскрывая мотивы боярского отступничества⁶⁹. Согласно Андрияшеву, Ярославом во Владимире «многие были недовольны и, между прочим, вся боярская партия». Поэтому, когда Мономах двинул полки, «несчастному Ярославу ниче-

го не осталось, как бежать к своим друзьям»⁷⁰. Котляр писал о том, что Ярослав, не желая «примириться со своим зависимым от киевского стола положением», предпринял «попытку освободиться от подчинения общерусскому правительству (?! – И.Ф.) с иноземной помощью». Нас не могут удовлетворить подобные объяснения. Вспомним, как вел себя Ярослав, когда большое союзное войско, возглавляемое Мономахом подступило к Владимиру. Он сидел в городе, а противники в бесплодной осаде «стояша днии шестьдесят»⁷¹. Значит, владимирская община была на стороне Ярослава, который благодаря ее расположению к себе удерживал город. Но затем владимирцы по каким-то неясным для нас причинам изменили отношение к нему, что, вероятно, заставило и бояр сделать то же⁷². Ярослав, лишенный поддержки владимирской общины, вынужден был бежать в чужую землю. Само бегство говорит об опасной для князя обстановке во Владимире. Если учесть, что древнейшие летописные памятники хранят полное молчание о новом походе Мономаха на Ярослава, то еще явственнее улавливаются местные мотивы произошедшего. Поэтому бегство Святополчища надо рассматривать как изгнание князя из города недовольными его правлением владимирцами.

§ 2 Взаимоотношения галичан со своими князьями до 1-й половины XII века

В аналогичные ситуации попадали не только владимирские, но и галицкие князья, в частности Владимир (Владимирко) Володаревич — человек заносчивый и велеречивый. В 1144 г. он поссорился с Киевским Князем Всеволодом Ольговичем и в крайней запальчивости «възверже ему грамоту хрестъную», что по сути означало объявление войны. Тогда Всеволод во главе большой коалиции князей «идоша на многоглаголивого Володимирка». Вместе с галичанами Владимирко вышел навстречу всеволодовой рати и занял боевую позицию. Когда же галичане увидели, что противник заходит со стороны Перемышля и Галича, они «съчънуше рекуче: мы сде стоимы, а онамо жены наша возмут»⁷³. Заметив беспокойство среди своих воинов, грозящее перейти в неповиновение, Владимирко стал молить о мире. Всеволод дал мир, и Володаревич «поклонися Всеволоду», заплатив ему при этом 1400 гривен серебра. Рассказывая о смирении Владимира, летописец связывал: «Переди много глаголив, а последи много заплатив».

Галицкая община, видимо, не смогла простить Владимиру фактического поражения⁷⁴ и выплаты столь значительной суммы⁷⁵, несмо-

тря на то, что Всеволод возвратил два отнятых ранее у нее пригорода: Ушицу и Микулин⁷⁶. И в этот же год, зимой, стоило Владимиру отправиться на ловы, как «послашася Галичане по Ивана по Ростиславича в Звенигород в въведоша к собе в Галичъ». Узнав о том, Владимирко «сѣвкупѣ дружину и прииде на нь к Галичю и ста около города. И выезде из города бяхуся крепко, и мнози падаху от обоих, и бишася оль 3 неделе. В неделю же мясопустную на ночь выступи на не Иван с Галичаны, и много бишася, и побиша у Ивана дружины много, и заступиша и от града, и нельзе баше възвратися ему у град, и пробеже сквозе полк к Дунаю... Галичане же всю неделю бишася по Иване с Володимиром и нужею отворишася... Володимер же вшед в Галичъ, многы люди исече, а иныя показни казнью злою»⁷⁷.

Некоторые современные историки относят события в Галиче 1144 г. к разряду восстаний, народных движений, антифеодальных по своему характеру⁷⁸. Причем выступление галичан против Владимира отдельные исследователи начинают еще до приглашения Ивана Ростиславича на галицкий стол. Так, Буганов пишет: «В 1144 г. галичане выступили против своего князя Владимирка Володаревича, воевавшего с князем Всеволодом Ольговичем, принудили его заключить мир»⁷⁹. Летописец, однако, ничего не говорит о каких-либо действиях галичан, направленных против Владимира. Он рассказывает лишь о тревоге галицких воинов за судьбу родного города и оставленных там жен. Кроме того, в их словах звучит упрек князю, неумело руководившему войском. Настроение у галичан было, следовательно, отнюдь не боевое; почему Владимирко и стал униженно просить о мире.

Чтобы правильно разобраться в том, что произошло тогда в Галиче, надо ответить на вопрос, кто стоял за летописными галичанами, пригласившими на княжеский стол Ивана Берладника. Еще Н. Дашкевич усматривал в них противостоящих князю и дружине (боярам) простых горожан, т.е. народ⁸⁰. Мавродин, отвечая на данный вопрос, говорил: «Летописец не дает нам четкого представления о том, какие социальные прослойки скрываются под термином “галичане”, но во всяком случае боярская знать в их состав не входила. Галичане (так же, как и переяславцы, владимирцы, “кыяне” и т.д.) — это прежде всего городской люд: купечество и ремесленники, “черные люди”. Восстание галичан 1144 г. — восстание горожан, стремившихся отделаться от непопулярного и деспотического князя и пригласить на “стол” другого, связанного определенным договором, “рядом”, и обязанного, по-видимому, править, прислушиваясь к голосу горожан, купечества

в первую очередь»⁸¹. С этим определением галичан Мавродиным согласился Тихомиров⁸². В исторической литературе существует и противоположная точка зрения, отождествляющая галичан летописи с боярами. Ее придерживался Савич⁸³. Галицким боярам, разделенным на противоборствующие группы, приписывает Толочко попытку «свергнуть со стола Володимирка и поставить Ивана Берладника»⁸⁴.

Трудно согласиться с какой-нибудь из приведенных версий, поскольку слово «галичане» было более емким по содержанию, чем кажется исследователям, которые связывают его либо с горожанами (купцами и ремесленниками), либо со знатными людьми (боярами или дружиной). Галичане — обозначение всего свободного населения Галича, включающего и рядовое людство и знать⁸⁵. Оценивая поведение галичан в отсутствие уехавшего на ловы Владимирка, нужно сказать, что в городе имело место ни восстание, ни дворцовый боярский переворот, как доказывал Савич⁸⁶, а политическое, по всему вероятно, вечевое, решение городской общины о замене неугодного князя на нового правителя. О согласованной вечевой акции говорят специальные обороты летописи, характеризующие способ действия галичан: «послаша по», «въведоша к себе»⁸⁷. Можно присоединиться к Н.Ф. Котляру, когда он пишет: «Из контекста летописного рассказа следует, что Ивана... пригласило в Галич именно городское вече»⁸⁸. Становится ясным, что галицкое вече реализовало свое право изгнания и призвания князей, свойственное вечевым собраниям волостных центров Древней Руси⁸⁹. Не стоит процеживать состав веча в Галиче по социальному признаку, ибо там были и общинные лидеры-бояре и «молодые» свободные люди, недовольные Владимиром. Причины недовольства возникли не столько на социальной, сколько на военно-политической почве: Владимир Володаревич восстановил галичан против себя бездарным командованием галицким ополчением в только что прошедшей кампании и огромной контрибуцией, выплаченной им победителю. Выложив столь крупную сумму, Владимирко, надо полагать, старался пополнить свою казну поборами с населения Галича, чем усугубил нерасположение к себе со стороны городской общины. Если это так, то нельзя исключать и социальных мотивов в действиях галичан, осуществивших замену на княжеском столе.

Владимирко, как известно, не захотел уступить Галич Ивану Ростиславичу. «Совокупив дружину», он осадил город. Вряд ли здесь слово «дружина» употребляется в узком значении ближайшего окру-

жения князя, как считают некоторые историки⁹⁰. Речь у летописца, на наш взгляд, идет не о княжеской дружине как таковой, а о войске, которое Владимир собрал в городах Галицкой земли, сохранивших ему верность. Какие доводы можно привести в пользу данного предположения? Начнем с того, что в языке Руси XII в. термин «дружина», помимо всего прочего, использовался в значении войска⁹¹. Сам факт сбора дружины свидетельствует о более широком круге воинов, чем ратные сподвижники князя, находившиеся обычно при нем. Весьма показательна ожесточенность сражений под Галичем, в ходе которых «мнози падаху от обоих». Любопытно употребление летописцем понятия «дружина» в связи с галичанами и Берладником, из чего явствует, что дружина — это совершившие вылазку с Иваном жители осажденного Владимирком Галича: «Выступи на не Иван с Галичаны, и много бишася, и побиша у Ивана дружины много»⁹². Наконец, довольно красноречиво сообщение летописца о том, как Иван, отрезанный ратью Владимира от Галича и, стало быть, лишенный возможности вернуться обратно в город, «пробеже сквозе полк» противника к Дунаю. Упомянув «полк», наш информатор засвидетельствовал сосредоточение у стен стольного города значительного войска. Это войско есть не что иное, как «вой», народное ополчение галицких пригородов, отказавшихся поддержать волостную столицу⁹³. По-видимому, Галич еще не успел укрепить своего стольного положения и полностью подавить своих соперников, таких, как Тербовль и Перемышль, которые совсем недавно оказались в сфере власти галицкой общины и ее князя⁹⁴. Движимые чувством реванша, тербовльская и перемышльская общины могли охотно прийти на помощь Владимиру, надеясь на послабления и льготы со стороны восстановленного ими на галицком столе князя. Так в сражениях под Галичем вырисовывается соперничество пригородов с главным городом.

После бегства Ивана Берладника к Дунаю галичане бились с Владимиром еще целую неделю. Но силы оказались неравные: один город не мог противостоять всей волости. И галичане «нужею отворишася». Владимирко, как мы знаем, сурово покарал «многы люди». Летописное известие о «людях» послужило Тихомирову указанием на участие в движении против Владимирка широких кругов горожан, а не боярской верхушки⁹⁵. Мы полагаем, что данное известие не исключает причастности бояр к призыванию Ивана Ростиславича и ко всему, что последовало за этим. Оно говорит лишь об активной и, быть может, ведущей роли рядовых галичан в событиях 1144 г.

Расправа Владимира с галичанами нередко воспринимается в историографии как подавление городской общины, сковавшее дальнейшую ее политическую жизнедеятельность. Такая оценка представляется нам поспешной. Летописные факты убеждают в противном. Разумеется, это факты не повседневной политики галицкой общины. Специфика летописных записей состоит в том, что в них находили отражения наиболее яркие и привлекательные, с точки зрения древних книжников, происшествия. Отсюда неравномерность в освещении однородных по характеру событий, их прерывность и хронологическая удаленность друг от друга. Вот и в нашем случае следующее после 1144 г. сообщение летописца о политических коллизиях в Галицкой земле относится лишь к 1159 г.

§ 3 Княжение Ярослава Осмомысла в Галиче. События 1159 и 1173 годов

К этому времени Владимирко умер, а на галицком столе сидел сын его Ярослав, прозванный современниками Осмомыслом за большой ум. «Князь мудр и речен языком», — скажет летописец, извещая о кончине Ярослава. Но несмотря на «мудрость», отношения Осмомысла с галичанами были не простыми. Он не раз возбуждал недовольство городской общины. Это мы и наблюдаем в 1159 г., когда галичане посылали к Ивану Берладнику, «веляче ему всести на конь», и тем «поущивали» его к себе, «рекуче толико явиши стягы, и мы отступим от Ярослава». Галичане, таким образом, выражали явное желание расстаться с Ярославом Владимировичем, а на княжение возвести любезного им Ивана Ростиславича. На то у них, конечно, были серьезные причины, о которых летопись, к сожалению, умалчивает. Сообщению об этой акции галичан предшествует рассказ, повествующий о походе Ивана Берладника на Галицкую землю с целью, надо полагать, добыть Галич. С большим войском, составленным из шеститысячного отряда берладников и множества половцев, Ростиславич «поиде к Кучелмину, и ради быша ему, и оттуда к Ушици поиде, и вошла бяше засада Ярославля в город и начашас бити крепко засадници из города, а смерди скачюч черес забораля к Иванови и перебеже их 300, и хотеша Половци взяти город. Иван не да им взяти, и розгневашеся Половци, ехаша от Ивана». Покинутый половцами Иван уехал в Киев.

Надо думать, Иван Берладник начал поход ради галицкого княжения. Он знал о благожелательном отношении к себе галичан. Вполне вероятно, что выступлению предшествовало приглашение с их сторо-

ны, хотя известие об этом помещено в летописи после рассказа о походе Ивана к Кучелмину и Ушице. Войско князя состояло из половцев и берладников, что в значительной мере повлияло, как нам кажется, на исход затеянного предприятия. И половцы, и берладники являлись для Галицкой земли внешней силой, враждебной и опасной. Относительно половцев тут все очевидно. Что же касается берладников, то они, будучи выходцами из Нижнего Подунавья, в число жителей Галицкой волости не входили. Крайним пограничным городом Галицкой земли на юго-западе был Кучелмин, за которым начиналось «поле». На южном порубежье Галичины стояла и Ушица⁹⁶. Отделенные «полем» от галицких владений русские подунайские города во главе с Берладом⁹⁷ пользовались полной независимостью. Н.Ф. Котляр, заново проанализировав сведения о южной границе Галицкой земли, пришел к обоснованному выводу о том, что Берлад находился «вне пределов Древнерусского государства, не входя в состав ни одного из его княжеств»⁹⁸. Исследователь убедительно опровергает распространенное среди историков мнение о «принадлежности низовьев Дуная Галицкому княжеству», полагая, что «галицкие князья не имели власти над подунайскими городами»⁹⁹. Вот почему берладники пришли в Галицкую волость как люди сторонние, чужие. Цель берладников была иной. Чтобы прояснить ее, необходимо вспомнить, кто стоял за названием «берладники». Ученые полагают, что под наименованием «берладники» скрывалось население, жившее в низовьях Дуная, Прута, Днестра¹⁰⁰. «Это было смешанное по этническому составу, но в основе своей русское население, занимавшееся земледелием, охотой, рыбной ловлей, промыслами, часто выходившее для торговли и набегов на своих челнах в море», — писал Мавродин¹⁰¹. Берладники, полуседлые земледельцы и промысловики, «были своего рода предшественниками казачества, такой же русской вольницей, как рязанские, донские, запорожские, волжские, терские казаки в XV–XVI вв.»¹⁰². Война у берладников являлась своеобразным промыслом. Подобно казакам, ходившим «за зипунами», они устраивали грабительские экспедиции, дальние и ближние. Об одной из них сообщает Ипатьевская летопись под 1160 г., когда «посла Ростислав ис Киева Гюргя Нестеровича и Якуна в насадах на Берладники, оже бяхуть Олешье взяли, и постигше е у Дциня, избиша е и полон взяша»¹⁰³. Скорее всего, желание поживиться полоном подняло берладников и в поход на Галицкую землю в 1159 г. Те же вождения, несомненно, владели половцами. Следовательно, и берладники, и половцы были случай-

ными попутчиками князя Ивана, намеревавшегося стать правителем Галичины. Ростиславич взял их с собой, чтобы подавить воинство Ярослава, который не собирался уступать без борьбы (и это было ясно заранее) свои права на галицкое княжение. Но в другом пути Ивана Ростиславича и его военных союзников должны были разойтись. И они разошлись, как только половцы и берладники занялись тем, для чего пришли в Галицкую волость, — грабежом и разорением. Таково наше осмысление летописной записи о походе Берладника на Галич в 1159 г. Присмотримся теперь внимательнее к отдельным ее деталям.

Когда Иван приблизился к Кучелмину, горожане с радостью отворили ему ворота, поскольку, очевидно, слышали о расположении к нему галичан. Но затем вдруг все переменялось: у стен Ушицы Ростиславич встретил упорное сопротивление. Ушицкие жители затворились и не впустили пришельца в город. С первого взгляда может показаться, что единственной причиной тому явилась «засада Ярослава», которая вошла в Ушицу и «крепко» оттуда «билась». Однако это — ошибочное впечатление. Примечателен здесь эпизод со смердами. К моменту прихода Ивана к Ушице их там скопилось немало. Достаточно сказать, что на сторону Берладника перебежало 300 смердов. Возникает вопрос, почему они оказались в Ушице. Насонов полагал, что смерды, будучи тяглецами галицкого князя Ярослава, проживали в городе¹⁰⁴. По догадке Мавродина, «дружинники Ярослава при приближении берладников заставили окрестных смердов покинуть села и уйти в Ушицу»¹⁰⁵. Еще более безцеремонное обращение со смердами рисуют Тихомиров и Буганов, по мнению которых смердов «загоняют» в Ушицу, «сгоняют из окрестностей»¹⁰⁶.

Чтобы объяснить нахождение смердов в Ушице, их бегство к Ивану Берладнику, необходимо учесть грабительский характер похода на Галич половцев и берладников, а также вспомнить, кем являлись в ту пору смерды. Прежде всего, заметим, что смерды — это представители сельского населения¹⁰⁷. Гонимые страхом полона и смерти, они сбежались из окрестных сел и укрылись в Ушице. Такое использование городских крепостей на Руси — обычное явление. Но как только к городу приехал сам Иван Ростиславич, смерды устремились к нему. В этом нет ничего неожиданного, поскольку смерды инородной группой входили в состав местного населения, будучи пленниками, приведенными извне и посаженными на землю¹⁰⁸. Практика увода и поселения пленников на землях победителя, бытовавшая в Древней

Руси, была известна и галицким князьям, что явствует из слов ослепленного Василька, который, отклоняя обвинения, возведенные на него Давыдом Игоревичем, поведал, в частности, о своем замысле «перести болгары дунайские и посади я у собе»¹⁰⁹. Комментируя данное признание теребовльского князя, Насонов заметил, что Василько хотел «увеличить число своих “смердов”, плательщиков, путем переселения обитателей Подунавия»¹¹⁰. Смерды действительно принадлежали к числу княжеских плательщиков. Это — люди, зависимые прежде всего от князя как представителя государства. Они обязаны были платить дань и отправлять различные трудовые повинности. Их можно уподобить рабам фиска Западной Европы¹¹¹. Важно подчеркнуть внешнее, о чем мы уже говорили, происхождение смердов.

После сказанного становится понятно, почему смерды из осажденной Ущицы перебежали к Ивану Берладнику: ими владела надежда избавиться от тяжелой зависимости и вернуться в родные места. Вполне вероятно среди них имелись и те, кого галицкие правители вывели насильно из Подунавья, возможно, из Берладской земли. В последнем случае мотивы бегства смердов к Берладнику приобретают еще большую ясность, указывая на стремление беглецов соединиться со своими земляками. Но как бы там ни было, это бегство надо считать проявлением социальных противоречий, своеобразной формой социального протеста. Действия ущицких смердов, по нашему убеждению, не подходят даже под понятие «восстание», ибо то просто было бегство, а отнюдь не массовое вооруженное выступление, обозначаемое данным понятием.

Татищев приводит любопытное известие о том, что прибежавших к Ивану Берладнику смердов половцы пытались «взять яко пленных», но князь «не даде има»¹¹². Не разрешил он степнякам брать приступом и Ущицу. Перед нами яркое свидетельство различия целей Ивана и половцев: Берладник собирался княжить в Галицкой земле и потому бережно относился к ее населению¹¹³, а половцы (да и берладники с ними), прибыв на короткое время сюда, спешили грабить и разорять галицкие города и села. Раздосадованные и обозленные княжеским запретом, они «отъехала от Ивана». Покинули Ростиславича, по всему вероятно, и берладники¹¹⁴. Своими грабежами половцы и берладники напугали жителей Галичины, и они, по-видимому, откачнулись от Ивана, который, оставшись один, вынужден был ретироваться. Ярослав Осмомысл усидел на галицком столе.

В 1173 г. Ярослав Владимирович подвергся новому серьезному испытанию. В Галиче тогда было очень беспокойно. Летописец повествует: «Выбеже княгини изъ Галича в Ляхи сыномъ с Володимиром, и Кстятин Серославичъ и мнози бояре с нею быша тамо... и начаша ся слати к ней Святополк и ина дружина, вабяче ю опять, а князя ти имем». Святополк и его друзья были чересчур самоуверенны, преувеличивая свои возможности. Долго они ходили вокруг князя, как волки, облизываясь. И лишь когда за Ярослава взялись галичане, т.е. народ, бояре дали вестъ Владимиру: «Поедь стряпать, отца ти есмы яли и приятели, Чаргову чадъ избиле, а се твои ворог Настасъка Галичани же накладъше огнь сожгоша ю, а сына ея в заточение послаша, а князя водивше ко кресту, яко ему имети княгиню в правду, и тако уладивъшеся»¹¹⁵.

В отечественной историографии существуют три взгляда на происшествие 1173 г. в Галиче. Еще Татищев основным действующим лицом галицких событий, завершившихся столь унижительно для Ярослава Осмомысла, изображал народ. Он писал: «Галичане возмятошася вси, восташа на князя Ярослава, и пришедше на двор его, поставиша стражи крепки, а наложницу его Настаску, иже смути со княгинею и сынами, взявше, возложиша костер велик, сожгоша и неких бояр, приятелей ея, побита. Тогда же бысть ту князь Ярополк*, и той со тысяцким едва люд утишиша, не да побивати и князя вредити»¹¹⁶. Главную роль рядового людства Татищев подчеркивает и во второй редакции своей «Истории», говоря, что Ярослав стал жить с вернувшейся в Галич законной женой, «как надлежит, но за страх от народа, а не от любви искренней»¹¹⁷. К сожалению, мысль историка о народном возмущении против Ярослава не получила должного развития в трудах последующих ученых, и уже Карамзин поставил на первое место галицких бояр. «Ярослав, — читаем у него, — имея слабость к одной злонравной женщине, именем Анастасия, не любил супруги, и так грубо обходился с нею, что она решилась бежать с сыном в Польшу. Мно-

* Возможно, князь Ярополк Ростиславич, внук Великого Князя Юрия Долгорукого. Трудно определить, был ли сын Ростислава Юрьевича в это время в Галиче, но В.Н. Татищев, следуя своим источникам, помещает в этом эпизоде не его, а Ярополка Мстиславича (сына Великого Князя Мстислава Изяславича, умершего в 1170 во Владимире Волынском), происхождение которого не подтверждается ныне существующими летописными текстами. — *Ред.*

гие бояре Галицкие, доброхотствуя им, дерзнули на явный бунт: вооружили народ, умертвили некоторых любимцев киевских, сожгли Анастасию, заточили ее сына и невольно помирили Ярослава с супругою. Мир, вынужденный угрозами и злодейством, не мог быть искренним: усмирив или обуздав мятежных бояр, Ярослав новыми знаками ненависти к княгине Ольге и к Владимиру заставил их вторично уйти из Галича»¹¹⁸. Представления о событиях 1173 г. в Галиче как остром конфликте местного боярства с князем, как боярском мятеже, показавшем слабость княжеской власти и всесилие бояр, получили значительное распространение в исторической литературе¹¹⁹. Существует, наконец, мнение, по которому в летописном рассказе 1173 г. прослеживаются две основные выступившие в союзе силы — бояре и простые горожане (галичане)¹²⁰. Попытаемся и мы разобраться в сути произошедшего. Начнем по порядку, с бегства княгини из Галича. Что побудило ее бежать в Польшу?

Вряд ли можно объяснить поступок княгини только личными, семейными причинами: нелюбовью мужа, его дурным обращением с женой, желанием князя постричь ее и т.п.¹²¹ Такого рода объяснения явно недостаточны. Примечателен факт бегства вместе с Ольгой видного галицкого мужа Коснятина Серославича, а также и «многих бояр», свидетельствующий о том, что тут не только семейный разлад, но и политический конфликт. Коснятин известен как воевода, т.е. деятель, тесно связанный с военной организацией галицкой общины — народным ополчением, «воями». Совместное бегство Серославича с княгиней надо понимать так, что воевода являлся сторонником Ольги, как и «многие бояре», ушедшие с ними в Польшу¹²². Причастность к беглецам земского воеводы намекает на более широкое движение в Галиче, чем боярский заговор или мятеж. В центре этого движения, по всему вероятно, стояла княгиня Ольга с княжичем Владимиром Ярославичем. Весьма характерно сообщение Татищева о Ярославе Владимировиче, который, возненавидев жену свою Юрьевну, возложил «на ню вины многи»¹²³. Едва ли эти «вины» проистекали из одних семейных неурядиц и ссор. Не порождены ли они борьбой вокруг княжеского стола? Беликова, во всяком случае, замечает в событиях 1173 г. явное присутствие стремления к смене князя в Галиче¹²⁴. Похоже, она права. Летописец рассказывает, что Владимир Ярославич просил у князя Святослава Мстиславича город Червен, мотивируя просьбу следующим образом: «Ать ми будеть ту сядячи добро слати в Галичь, аже ти сяду в Галичи»¹²⁵. Владимир, как видим, откровенно заявил о сво-

ем желании «сестъ» на галицком столе. Выразительно и летописное разночтение. По Ипатьевскому списку, «Святополк и ина дружина» обещают Ольге: «а князя ти имем»; Хлебниковский и Погодинский списки содержат иное чтение: «а княжити имем». Летопись, следовательно, высвечивает то, что завуалировано повествованием о брачной драме Ярослава и Ольги, — притязание княгини с сыном Владимиром на галицкое княжение. Разумеется, подобное притязание могло иметь место в условиях недовольства галичан Осмомыслом.

Бегство в Польшу Ольги, Владимира, Коснятина и части галицких бояр несколько разрядило обстановку в Галиче. Но в городе оставались доброхоты княгини и княжича — боярин Святополк и «ина дружина». Если они что-нибудь и предпринимали, то, по всей видимости, тайно, ибо летописец ничего не говорит об их действиях. А, скорее всего, знать отсиживалась в ожидании выступления городских масс. Прошло не менее восьми месяцев, прежде чем чаша терпения народа переполнилась. И вот гнев галичан выплеснулся наружу. На волне народного гнева всплыли и бояре, которые арестовали Ярослава и его «приятелей» (верных князю бояр)¹²⁶, а Чаргову чадь перебили. Что касается простых горожан (галичан), то они сожгли любовницу Ярослава, а самого князя заставили целовать крест, «яко ему имети княгиню въ правду». Сына же Настаски «в заточение послаша». Все это произошло по воле городской общины, а не бояр, отсиживавшихся в Польше. Между тем Пашуто утверждает: «Именно из Польши многие бояре во главе с известным воеводой Константином Серославичем добились от Ярослава Осмомысла обещания “имети княгиню в Правду”, а затем сожгли его незаконную жену Настасью, отправили в заточение ее сына Олега и перебили понизовскую дружину Ярослава»¹²⁷. Беглецы-бояре, укрывшиеся в Польше, могли лишь ожидать развязки событий в Галиче, почему и пробыли на чужбине восемь томительных месяцев. Пашуто понадобилась эта конструкция, чтобы выставить бояр вершителями политической жизни в Галиче. Ничем не доказано и мнение А.Б. Головки, который считает, будто избиение Чарговой чади и сожжение Настаски явилось результатом действий бояр и Владимира Ярославича, воротившихся из Польши с большим войском Болеслава Кудрявого¹²⁸. Как справедливо заметила Беликова, возражая Головки, «само возвращение беглецов, согласно источнику, было обусловлено расправой, о польской помощи вообще нет никаких сведений»¹²⁹.

Чтобы лучше понять расстановку политических сил в Галиче, нужно присмотреться к Чарговой чади, истребленной боярами, и уяснить,

кто скрывался за нею. Задача это, правда, не из легких. Здесь поневоле приходится погружаться в догадки, более или менее вероятные. Специалисты выдвигают различные версии по поводу Чарговой чади.

Татищев говорил об избиении «неких бояр, приятелей» Настаски, связав их, следовательно, не с князем Ярославом, а с его «наложницей»¹³⁰. Другие исследователи, в частности Соловьев и Костомаров, писали о княжеских именно «приятелях». Почтенные ученые расходились лишь в конкретном обозначении тех, кто так жестоко обошелся с этими «приятелями»: по Соловьеву, то были галицкие бояре, противные Ярославу, а по Костомарову, — галичане¹³¹. С точки зрения борьбы местного боярства за власть и преобладание идентифицировал Чаргову чадь Н. Дашкевич, согласно которому галицкие бояре «не терпят, чтобы делами заправлял по милости князя кто-нибудь посторонний, и поэтому восстают в 1173 г. против Ярослава и таких его любимцев, названных в летописи “чарговою чадью”, по всей вероятности — людей незнатных»¹³². Историк Пашуто отождествляет Чаргову чадь с обычной дружиной князя¹³³, то с какой-то «понизовской дружиной Ярослава», не поясняя, что все это означает¹³⁴.

Мысль В.Н. Татищева о близости Чарговой чади к Настаске получила в историографии неожиданное и, признаться, несколько искусственное развитие. Чаргову чадь стали соединять родственными узами с Настаской. Так, Грушевский, правда, в осторожной форме замечал, что Настаска, очевидно, была в какой-то связи с Чарговой чадью, «княжескими приятелями», может быть, ее «своиками»¹³⁵. В историографии высказывалось и мнение, относящее Чаргову чадь к берендеям, обитавшим в русском пограничье¹³⁶. Таковы историографические вариации на тему «Чаргова чадь».

Прежде всего необходимо отвергнуть отождествление ее с боярами-«приятелями» Ярослава Владимировича, ибо термин «чадь», если к нему не прилагались определения «нарочитая», «старая», обозначал более низкие социальные категории, нежели боярство¹³⁷. Да и сам летописный источник не дает оснований для подобного отождествления. Как явствует из рассказа летописца, «приятели» Ярослава, среди которых могли быть бояре, подверглись вместе с князем аресту, а Чаргова чадь — избиению. Летописное повествование, следовательно, разделяет княжеских «приятелей» и Чаргову чадь. И в этом есть прямой смысл, поскольку в противном случае «приятели» Ярослава, как мы уже отмечали, должны были бы замкнуться кругом Чарговой чади, что вряд ли соответствовало галицкой действительности.

Вызывают сомнение родственные связи Настаски с Чарговой чадью, устанавливаемые некоторыми исследователями. В летописи на сей счет нет никаких сведений. Построение же летописного рассказа скорее отделяет, чем сближает Настаску с Чарговой чадью. Будь между ними родство, летописец, сообщая об убийстве Чарговой чади, упомянул бы, несомненно, о расправе с Настаской и, наоборот, извещая о сожжении Настаски, вспомнил бы и об умерщвлении Чарговой чади. Однако он излагает события так, что избиение Чарговой чади и предание огню Настаски выступают как два самостоятельных акта, исполненные причем разными лицами: в первом случае — боярами, а во втором — галичанами. При родственных отношениях сторон такое разделение не могло, на наш взгляд, состояться ни в жизни, ни в летописном изложении.

Отнесение Чарговой чади к местным людям незнатного происхождения также сомнительно. Против этого само наименование чади — «Чаргова», ведущее, по всей видимости, к степнякам. Неважно, кто стоял за ней: половцы или берендеи. Существенно то, что она не принадлежала к славянскому этносу и, стало быть, в Галиче находилась на положении чужаков. Возможно, Чаргова чадь являлась чем-то вроде личной охраны князя Ярослава. Среди этой охраны, надо полагать, были лица, особо доверенные Осмомыслу, пользующиеся большим влиянием и властью при княжеском дворе, что не устраивало галицких бояр, порождая у них зависть, раздражение и злобу. Чтобы изменить ситуацию, следовало убрать Чаргову чадь, что и было сделано самым радикальным способом — поголовным истреблением. В избиении Чарговой чади отразилась борьба галицкого боярства не только против князя, но и за влияние на князя.

В то время как бояре устранили своих соперников, обступивших не по заведенному порядку, а по прихоти князя кормило власти, остальные горожане (галичане) кончали с Настаской. По-видимому, в ней народ видел главный источник неурядиц и волнений, посетивших галицкую общину. Об этом говорит характер казни — сожжение, в котором проглядывает языческая подоснова. По понятиям древних, беды, переживаемые обществом, насылались людьми, обладавшими колдовскими способностями. На Руси, как мы знаем, долго держалась вера в существование ведьм, коих народ периодически истреблял¹³⁸. Вполне возможно, что на Настаску, приворожившую князя Ярослава, пало подозрение в колдовстве, и галичане ее «сожгоша». Не исключен здесь и другой языческий обычай, связанный с «искуплением грехов» охваченной смутой общины. Будучи, с точки зрения галицкой общины, «блудницей», Настаска вполне годилась для осуществления этого

обычай¹³⁹. Однако в любом случае ясна языческая суть происшествия, указывающая на участие в нем широких кругов населения Галича, причем не в роли управляемых и направляемых боярской верхушкой, а в качестве самостоятельной и решающей силы. Достаточно сказать, что не горстка бояр водила князя «ко кресту», выдвинула требования к Ярославу и «уладила» с ним. Это сделали галичане, олицетворявшие местную городскую общину, обладавшую правом политического верховенства.

Таким образом, события 1173 г. в Галиче нельзя сводить к боярскому заговору. Перед нами движение всех галичан, в основе которого лежал конфликт галицкой общины с князем, вызванный сочетанием обстоятельств политического, семейно-княжеского, бытового и языческого свойства.

Княжение Ярослава Осмомысла отмечено не только политическими, но и социальными коллизиями. На примере ущицких смердов мы уже убеждались в этом. Обострению противоречий в галицком обществе, помимо военных столкновений, способствовали стихийные бедствия, особенно тяжело переносимые малоимущими. В источниках сохранились кое-какие следы такого рода трагических моментов в жизни Галицкой земли. Ипатьевская летопись под 1165 г. сообщает: «Бысть поводь велика в Галичи. Божиим попущением умножившюся дождю внезапно в один день, и в ночь поиде вода из Днестра велика в болонье и взиде оли до Быковаго болота». Вследствие разлива реки много людей утонуло, а «многы человеки снимаху с древ и кола, иже бе вода възметала, много же инии потопе, и бысть в них жагва дорога рамяно на ту зиму»¹⁴⁰. Московский летописный свод 1479 г. содержит более вразумительную концовку приведенного рассказа: «Много же и нив потопе, бысть у них на ту зиму житнаа дороговь велика»¹⁴¹. Засвидетельствованная летописцами «житнаа дороговь» больше всего была по бедным слоям галицкой общины, обрекая их на голод. В голодные годы, как показывает изучение соответствующих данных, усиливалась имущественная и социальная дифференциация, возникали условия для массового закабаления и порабощения свободных людей¹⁴². Это вызывало социальное напряжение, чреватое мятежами и волнениями. Именно такую обстановку рисует Никоновская летопись, дополняя известия Ипатьевского и Московского сводов: «И на осень ту возсташа мрази велици зело, зима же бысть вся тепла, и дожди велиции, и мльня и громы страшны зело, и множество человек избиваху, кадь же ржы бываше тогда по рублю и по сороку алтын, и бысть в людех скорбь, и печаль велиа, и плач неутолим»¹⁴³. В подобной атмосфере легко могли возникать вспышки социального протеста, не говоря

уже о разбоях и грабежах. Однако летописец скуп на слова и не входит в подробности галицкой трагедии. Да и вообще надо сказать, что сведения летописей о голодных годах в Галичине XII–XIII вв., по верному наблюдению Пашуто, довольно «шатки, неполны»¹⁴⁴. Куда больше внимания летописатели уделяли политическим крамолам и мятежам. Мы познакомились с теми из них, что происходили в княжения Владимира Ростиславича и Ярослава Владимировича.

Говоря о последствиях выступлений горожан, имевших место при названных князьях, Мавродин писал: «Подавление городских движений во времена Володимирка и Ярослава привело к тому, что князь в борьбе с боярской аристократией лишился своего союзника — горожан, а лишившись поддержки их, разбитых и подавленных, и столкнувшись лицом к лицу с боярской знатью, он оказался не в силах с ней совладать; таким образом, ослабление княжеской власти и усиление бояр сказались уже во время Осмомысла»¹⁴⁵. Эта мысль Мавродина, восходящая к дореволюционной историографии¹⁴⁶, была воспринята другими советскими учеными, занимавшимися историей Галицко-Волынской Руси¹⁴⁷. И все же она вызывает возражение. Не было, по нашему убеждению, никакого фатального для политической жизнеспособности галицкой общины подавления городских движений. События 1173 г. в Галиче с полной очевидностью демонстрируют возможности галичан¹⁴⁸, превосходящие, вне всяких сомнений, потенции князя и бояр¹⁴⁹. О том, насколько велико было значение рядового свободного людства в политической жизни Галицкой земли, показывает произошедшее в Галиче накануне смерти Ярослава Осмомысла. Но сперва несколько замечаний относительно термина «мужи».

Издавна исследователи Галицкой и Волынской земель отождествляют мужей летописи с боярами. Это стало общим местом в работах, посвященных Юго-Западной Руси¹⁵⁰. Но справедливо ли? В Древней Руси, где становление классов едва лишь начиналось, где границы между категориями свободных людей были размыты, термин «мужи» еще не обозначал какой-то один слой населения. Данный термин в «Русской Правде», например, означал свободного человека вообще¹⁵¹. Аналогичное употребление слова «мужи» находим и в других источниках¹⁵². В источниках, относящихся к Галицкой Руси изучаемого периода, обнаруживаем такое же значение термина. Ипатьевская летопись рассказывает, как однажды Даниил, обращаясь к горожанам, воскликнул: «Мужи градьстии!»¹⁵³. Не вызывает сомнения, что здесь «мужи градьстии» — широкие круги населения Галича. Иногда летописец, подыскивая эквивалент слову «мужи», находит его в слове «галичане»¹⁵⁴. Не случайно Грушевский, который под «мужами» в боль-

шинстве летописных текстов видел бояр, приводя цитату из летописи «гальчкнии же мужи, сретоша его с радостью великою, князя своего и дедича», находил здесь ситуацию, когда симпатии народа были на стороне князя¹⁵⁵. К выводу о том, что под «мужами» порою выступает вся городская община, фактически пришли и некоторые советские историки. Так, Пашуто полагал, что «мужи своя», которых призвал к себе умирающий Осмомысл, есть «мужи градские»¹⁵⁶.

Отсюда, конечно, не следует, будто термин не употреблялся для обозначения знати. «Княжой муж» нередко встречается на страницах летописей. Вывод можно сделать лишь один: данный термин требует внимательного рассмотрения в каждом отдельном случае¹⁵⁷.

После этих терминологических уточнений вернемся в Галич. Там в 1187 г. умирал князь Ярослав Владимирович Осмомысл. Почувяв приближение смертного часа, он «созва мужа своя и всю Галичкую землю, позва же и зборы вся и монастыря, и нищяя, и сильныя, и худыя». Три дня князь в покаянии великом «плакашеться» перед этим собранием, т.е. «передо всеми зборы, и передо всеми людми». А затем «повеле раздавати имение свое монастыремь и нищим, и тако даваша по всему Галичю по три дня и не могоша раздавати». При этом «своим мужам» князь говорил: «Се аз одиною худою своею головою ходя, удержал всю Галичкую землю». Все это понадобилось Ярославу для того, чтобы убедить людей в справедливости и целесообразности своего решения отдать Галич младшему сыну Олегу, а старшего Владимира посадить в Перемышле¹⁵⁸.

Пашуто именует созванное князем собрание собором, где были представлены «разные группы правящего сословия»¹⁵⁹. Термин «собор», однако, фигурирует в соответствующем летописном тексте во множественном числе («зборы»¹⁶⁰) не в смысле собрания, как кажется Пашуто, а в качестве определения участников совещания: в одном случае белого и черного духовенства («позва же и зборы вся и монастыря»), в другом священнослужителей вообще («плакашеться передо всеми зборы и передо всеми людми»)¹⁶¹. Название «собор» менее всего подходит к сходу жителей Галицкой земли 1187 г. Собрание, перед которым произносил предсмертную речь Ярослав, не уместается в рамки узкосословного совета, ибо князь, по выражению летописца, выступал перед «всеми людми». Тут мы наблюдаем довольно представительное вечевое собрание всей Галицкой волости, участниками которого являлись как знатные, так и простые люди. Присутствие на этом собрании рядового людства — свидетельство существенной роли народа в политической жизни Галича.

Важный социальный смысл заключен в раздачах княжеского богатства. Это не просто проявление нищелюбия, как старается изобразить дело летописец. Здесь мы в очередной раз видим характерное для древних обществ перераспределение частных богатств на коллективных началах. Вместе с тем раздача князем своего богатства преследовала цель повышения его престижа в галицкой общине, необходимого для укрепления действенности княжеского договора с земством о распределении столов в Галичине. Но Осмомысл полагал, а народ располагал: «По смерти Ярославе бысть мятежь велик в Галичской земли, и здумав же мужи Галичкои с Володимером, переступишеть хрестыное целование и выгнаша Олга из Галича, и бежа Олег отгуду во Вручии к Рюрикови, а Володидмерь седе в Галиче на столе деда своего и отца своего»¹⁶².

В отечественной историографии еще со времен Татищева утвердилось мнение, будто Олега выгнали из Галича бояре, дав престол Владимиру¹⁶³. Но такое ограничение круга действующих лиц противоречит известию летописи о «великом мятеже» в Галицкой земле, вследствие чего Олег лишился Галича. Будь смещение Олега делом рук одних бояр, летописец не стал бы говорить о мятеже, охватившем всю Галицкую волость. Изгнание и призвание князей находились в компетенции веча — народного собрания¹⁶⁴. В летописном рассказе имеется явный намек на вече, пересмотревшее предсмертный «ряд» Ярослава с галичанами: «И сдумав же мужи Галичкыи с Володимером, переступишеть хрестыное целование». Термин «сдумать» обычно указывает на вечевое совещание¹⁶⁵. Значит, «мужи галичкыи», т.е. свободные жители Галича, а может быть, и представители Галицкой земли, сошлись на вече, где приняли решение об изгнании из Галича Олега и посажении на галицком столе Владимира. Проходившее в обстановке народных волнений («мятежа»), вече являло собой серьезную опасность для Олега, почему и пришлось бежать ему из города. Остается только догадываться о причине отказа «галицких мужей» от обещаний, данных Осмомыслу. Возможно, сказывались языческие переживания, связанные с Настаской — матерью Олега, сожженной галичанами, по всему вероятно, за чародейство. Грех ее бросал тень на сына. Примечательно, что летописец подчеркивает материнское родство Олега с Настаской: «бяхеть бо Олег Настасьчичь»¹⁶⁶.

Итак, в результате народных волнений, произошли перемены на княжеском столе в Галиче: место Олега занял Владимир. Случилось это не по воле одних лишь бояр, а по решению галицкой общины в целом.

Однако и Владимир недолго пользовался расположением галичан. Начались раздоры, взаимное недовольство. Князь возбуждал неприязнь тем, что был «любезнив питию многому, и думы не любящеть с мужми своими, и поя у попа жену и постави собе жену»¹⁶⁷. Одной попадью Владимиру было мало, и потому он, «улюбив жену или чью дочь, поймаешь насильем»¹⁶⁸. Правитель бражный и развратный едва ли имел время и желание заботиться о земском «наряде»¹⁶⁹. Ведя хмельную жизнь, он, конечно, не мог, как тогда выражались, «судить и рядить в правду». Множились беззакония и произвол, отвращавшие галичан от князя. Роптали и бояре, обиженные тем, что Владимир «думы не любящеть» с ними. Не лишено вероятия предположение Пашина: «У Владимира были “приятели” и дружина, сохранившиеся со времен его частых скитаний по русским землям и последовавшие за ним в изгнание. Видимо, только к их советам прислушивался новый князь. Старые же “мужи галицкие”, считавшие Галичину своей “отчиной” и руководившие местными полками, оказались на вторых ролях»¹⁷⁰. В Галиче при Владимире мы наблюдаем, таким образом, примерно то же, что и при Ярославе, когда Чаргова чадь оттеснила местных бояр от управления Галицкой землей. Все это ухудшило отношения Владимира Ярославича с городской общиной. И вот тогда Волинский князь Роман, «уведав», что «мужи Галичський недобро живут с князем своим», задумал сесть в Галиче, для чего обратился к галичанам, «подътыкая их на князя своего, да быша его выгнале из отчины своея, а самого бяша прияли на княжение»¹⁷¹. Галицкие мужи, «приимше съвет Романов», начали копить силы на Владимира. В городе, правда, отсутствовало полное единство. Летописец упоминает «приятелев Володимиревых», внушавших опасение сторонникам Романа. Но если у галичан относительно Владимира не было единодушия, то насчет попадью, прельстившей князя, они все сошлись, возненавидев ее люто. Собралось вече¹⁷², посланцы которого заявили властителю: «Княже, мы не на тя востале есмы, но не хотим кланятися попадью, а хотим ю убити». Владимир смекнул, что попадья лишь предлог, и поэтому в страхе («убоявсь») покинул Галиче вместе с дружиной и любимой попадью, не забыв прихватить с собою много золота и серебра. Обращает внимание тот факт, что Владимир отъезжает с дружиной. Это, безусловно, надо понимать так, что против него началось широкое движение, участниками которого были отнюдь не только верхние слои галичан. В ином случае он без труда управился бы со своими недругами с помощью верной ему дружины. Значит, на него восстала такая сила, тягаться с которой дружине было невозможно. Эта сила — галицкая община, т.е. масса городского населения, хорошо вооружен-

ного и способного справиться с княжеской дружиной¹⁷³. Вот почему Владимир испугался и поспешил оставить Галич. Роману открывался путь на галицкий престол. Галичане призвали его к себе на княжение. Под галичанами и на этот раз следует разуместь население Галича без социальных различий. Перед историком обычная на Руси XII в. практика, когда городская община распоряжается княжеским столом.

Роман недолго княжил в Галиче. Владимир с венгерскими полками, возглавляемыми самим Белой III, «пойде к Галичю». Роман, узнав, что «король за Горою уже», бежал, «не мога стати противу ему»¹⁷⁴. Бегство князя было обусловлено, по-видимому, не только внешней угрозой, но и неустойчивостью собственного положения в Галиче, где оставались «приятели» Владимира, что лишало Романа серьезной надежды на успешную оборону¹⁷⁵. Судя по всему, внутри городской общины шла острая борьба. Надо полагать, что в ней активное участие принимали бояре, выступавшие, как и в древнерусских других землях, в качестве местных лидеров. Любопытно, что о боярах летописец молчит. Это тем более удивительно, что в иных местах летописи мы часто встречаем даже имена галицких бояр. Данную особенность можно объяснить только одним: события настолько захватили городскую общину, что она целиком участвовала во всех делах, взяв инициативу из рук боярства в свои руки. Достаточно рельефно выступает огромное значение галицкой общины как политической организации. Князья и бояре, находясь на поверхности событий, не определяли исход социально-политической борьбы. Последнее слово оставалось либо за всей городской общиной, если она действовала «за один», либо за той ее частью, которая имела количественный перевес. Тем, кто оказался в меньшинстве, грозили нередко жестокие карательные санкции, убеждаясь от которых можно было только бегством. Вот и теперь вслед за Романом побежали из города «галичаны», что «ввели» волынского князя в Галич. Бежали они с женами, о чем догадываемся по сообщению летописца, как Роман «иде в Ляхы, а жену пусти во Вручии с Галичаньками»¹⁷⁶. Вероятно, галичане с Романом поехали в Польшу, а жен своих отправили с княгиней ради безопасности во Вручий¹⁷⁷. Все эти факты говорят о политической мобильности жителей Галича. Даже иноземцы понимали, что в лице населения Галича они имеют дело с мощной самостоятельной силой, определяющей местную политику. Поэтому король, посадив на галицком столе своего сына Андрея, а Владимира заключив в башню под стражу, дает «весь наряд галичанам», иначе — устанавливает порядок и заключает с ними договор, надо думать, на вече¹⁷⁸.

Появление венгерского королевича на княжеском столе в Галиче означает новый этап в истории взаимоотношений Юго-Западной Руси с Венгрией и Польшей. Первоначально в конце X — начале XI вв. в этом регионе шла напряженная борьба Киева с Польшей, Чехией и Венгрией за господство здесь¹⁷⁹. С установлением власти Киева над Волынской землей и усилением борьбы жителей ее за независимость Польша и Венгрия нередко используются против киевских князей. События второй половины XI в. — наглядное свидетельство тому. После падения власти Киева к середине XII в. внешние силы в лице Польши и Венгрии все более вмешиваются во внутреннюю политическую жизнь Юго-Западной Руси. Дело доходит, как мы убедились, даже до захвата власти. Венгрия и Польша превращаются как бы во внутренние факторы политического развития Галицкой и Волынской земель. Это страны часто становятся источником военной силы для соперничающих групп внутри городских общин Владимира и Галича.

Прошло немного времени с того момента, как королевич Андрей сел княжить в Галиче, и в городской общине началось сильное брожение, вылившееся в недовольство иноземной властью. В 1189 г. «послашася Галичкнии мужи к Ростиславу к Берладничичю, зовуще его в Галич на княжение»¹⁸⁰. Отпрыск знаменитого Берладника с радостью ухватился за это предложение. Он приехал «ко Украине Галичкной» и, заняв два галицких пригорода, «оттоле поиде к Галичю». Но тут обнаружилось, что мужи галицкие «не бяхуть вси во единой мысли»: чьи сыновья и братья находились у короля (в заложниках?)¹⁸¹, держались «крепко по королевичи»¹⁸². К тому же Бела III прислал «полки многи» в помощь Андрею. Так что держаться «крепко по королевичи» галицким мужам пришлось поневоле. Не доверяя им, Андрей «поча их водити ко кресту, правии же целоваша, не вадающе, а виноватии, блюдучися Угор».

Присутствие венгерского войска и наличие разногласий среди галичан определили дальнейший ход событий. Когда Ростислав «в мале дружине» приблизился к Галичу, будучи уверен в успехе, то натолкнулся на венгров и галицкие полки, охранявшие подступ к городу. Для «Берладничича» это было полной неожиданностью. На галицких воев, оказавшихся вместе с иноземцами, повлияло, видимо, большое количество угров. Ростислав не дрогнул и ринулся в битву, но был окружен, сбит с коня и весь изранен. Его «велми ранена» и еле живого принесли в Галич. Галичане, увидев несчастного, «возмятошася, хотяче и изотяти у Вьгор и прияти собе княжение». Венгры спасли положение, умертвив Ростислава посредством яда, приложенного к его ранам. Но это злодейство еще более возбудило к ним ненависть

галичан. Венгры же, «ведающе леств Галичькую, аже Галичане ищють собе князя Руского, и почаша насилье деяти во всемь и у мужии Галичких почаша отимати жены и дщери на постеле к собе, и в божницах почаша кони ставляти и в ызбах, и иная многа насилья деяти»¹⁸³. Такова внешняя канва событий, связанных с попыткой Ростислава Ивановича вокняжиться в Галиче. Постараемся взглянуть на них изнутри с точки зрения социальной и политической.

Чтобы разобраться в существе произошедшего, необходимо определить значение терминов «галицкие мужи» и «галичане», употребляемых летописцем в рассказе о галицких «нестроениях» 1189 г., призвании и гибели Ростислава.

«Галичкнии мужи» фигурируют в самом начале летописной статьи, где речь идет о призвании князя Ростислава «в Галичь на княжение». Кто же эти мужи, зовущие к себе в город «Берладничича»? Татищев в первой редакции своей «Истории» писал о галичанах (вместо летописных галицких мужей), которые «послашася к Ростиславу Берлядничу». Этих галичан он именует «галицкими людьми»¹⁸⁴, из чего можно заключить, что, по Татищеву, приглашение Ростиславу шло от непривилегированных жителей Галича. Та же мысль проводится и во второй редакции Татищевской «Истории», правда, с некоторыми новыми нюансами. Галичане, остановившие свой выбор на Ростиславе, действуют скрытно, причем какой-то группой: «Галичане некоторые хотяще сами от венгров избавиться, несколько тайно согласясь, послали к Ростиславу Берлядину, сыну Иванову, звать к себе в Галич на княжение, обещивая ему в том помочь учинить». Татищев подчеркивает, что бояре (вельможи) галицкие об этом ничего не знали¹⁸⁵. Однако в исторической литературе утвердилось другое мнение, согласно которому Ростислава на княжеский стол пригласили бояре или часть бояр¹⁸⁶. Думается, истина находится посередине между названными точками зрения.

При чтении летописи убеждаемся, что «галичкнии мужи», звавшие Ростислава Ивановича княжить в Галиче, составляли лишь часть своих собратий. Некоторые из них вообще не ведали, по свидетельству летописца, о приглашении «Берладничича»¹⁸⁷. Но отсюда не следует, будто перед нами кучка заговорщиков, оторванная от массы горожан. Как явствует из летописного текста, «галичкнии мужи» входили в местные полки, формировавшиеся за счет широких слоев свободного населения Галича. Это позволяет предположить, что в числе галицких мужей, сносившихся с Ростиславом, могли быть не только бояре, но и другие представители городской общины. Неслучайно посланцы, прибывшие от «Галичких муж» в Смоленск за Ростиславом Ива-

новичем, не заронили в нем никаких сомнений относительно своих полномочий, но, напротив, внушили ему надежду, что все галичане согласны с его кандидатурой. О более емком, чем бояре, значении термина «галицкие мужи» можно судить по сообщению летописца о том, как венгры, «ведающе леств Галичскую, аже Галичане ищють собе князя Руского», стали в отместку насилия творить над «мужами галицкими»¹⁸⁸. Летописец пользуется тут терминами «галичане» и «мужи галицкие» как взаимозаменяемыми¹⁸⁹. А из этого следует, что за «галичскими мужами» летописи стояли свободные галичане, знатные (бояре) и простые (людые, люди). Итак, что же произошло в Галиче в тот роковой для Ростислава 1189 г.?

В городе возникло недовольство правлением иноземцев, отражением чего явилось призвание Ростислава на княжеский стол. Венгры, воспользовавшись отсутствием единства среди мужей галицких, перехватили инициативу, приведя их «ко кресту», т.е. к присяге на верность. Это сковало действия галичан, направленные против венгров, и удержало галицкие полки от перехода на сторону «Берладничича». Но неприязнь к чужим пересилила страх возмездия за нарушение крестоцелования, и галичане, «возмятошася», хотели посадить у себя Ростислава, вырвав его из рук венгров, но те умертвили князя. Выступление галичан надо рассматривать как движение всей галицкой общины с участием, разумеется, и бояр, что, впрочем, не исключает поддержки венгров отдельными представителями боярства, которые, по выражению Татищева «великих награждений ради от короля продавали свое отечество, думая, что таким неправом полученным богатством вовеки сами и их дети будут веселиться»¹⁹⁰. Это было национально-освободительное движение, подавленное чужеземцами, подвергшими галицкую общину надругательству и издевательствам. «Галичане почаша тужити велми и много каяшася, прогнавше князя своего»¹⁹¹. В конце концов «Галичские мужи» вышвырнули венгерского королевича из «земля своя», а Владимира Ярославича, «князя своего и дедича», посадили на галицком столе¹⁹².

Политическая жизнь в Галиче второй половины XII в. развивалась на фоне постоянной борьбы с соседними городами-государствами — Владимиром Волынским и Киевом. Правда, характер этой борьбы (прежде всего с Киевом) изменился. Если ранее Галич боролся за независимость от Киева, то теперь, завоевав самостоятельность, галицкая община втягивалась во взаимные распри городов-государств Древней Руси, столкновения которых — типичное явление исторической действительности той поры. В подобных условиях трудно было удержаться на галицком столе и в силу внешних обстоятельств. Вот

почему вокняжившийся в Галиче после венгерского плена Владимир Ярославич молил могущественного Всеволода Юрьевича: «Отче, господине, удержи Галичъ подо мною, а аз Божии и твои есмь со всем Галичем, а во твоеи воле есмь всегда»¹⁹³.

Многие князья зарились на Галич. Иногда он становился предметом «ряда». Так, в 1189 г. Святослав Всеволодович пытался организовать коалиционный поход против Галича. Поход не удался, поскольку его участники не смогли «урядиться» о Галиче¹⁹⁴.

Острые противоречия, как и прежде, существовали между галицкой и владимирской общинами. В 1196 г. Киевский Князь Рюрик идет войной на Романа, княжившего во Владимире, а галицкого князя Владимира просит напасть на Владимирскую землю с другой стороны. Владимир исполнил просьбу Рюрика: «повоева и пожъже волость Романову»¹⁹⁵.

На этом мы заканчиваем обзор летописных сведений о «мятежах» в Галицко-Волынской Руси конца XI–XII столетий. Какие выводы следуют из проделанной нами работы? Источники не содержат достаточных данных, позволяющих говорить о волнениях или восстаниях крестьян Галицко-Волынской земли XII в. Что касается выступлений в городах, то они возникали не на классовой основе, поскольку в столкновение приходили не классы, а группы свободного населения, неоднородные по социальному составу, т.е. включающие и знать, и простое людство. Это была внутриобщинная политическая борьба, осложненная в отдельных случаях проявлениями социального протеста.

На протяжении XII в. не ослабевает политическая активность общин Владимира и Галича. Последнее слово в решении всех проблем местной жизни принадлежало вечевой общине. Всесилие бояр, подмывавших якобы под себя и народ, и князя, — миф старой историографии, повторяемый современными авторами. Городские общины Ростово-Суздальской земли демонстрируют аналогичную политическую жизнеспособность. К ним теперь и обратим свой взор.

Примечания к главе 13

¹ Смирнов М. Судьбы Червонной или Галицкой Руси до соединения ее с Польшею (1387). СПб., 1860. С. 118–119.

² Дашкевич Н. Княжение Даниила Галицкого по русским и иностранным известиям. Киев, 1873. С. 18.

³ Грушевський М. Історія України-Руси. Львів, 1905. Т. II. С. 442.

⁴ Там же. С. 478.

⁵ См.: Костомаров Н.И. Начало единого государства в Древней Руси // Вестник Европы. 1870. № 11. С. 40; Пассек В. Княжеская и докняжеская Русь // ЧОИДР. 1870. Кн. 3. С. 49, 51, 58; Андрияшев А.М. Очерк истории Волынской земли до конца XIV столетия. Киев, 1887. С. 153; Линищенко И.А. Черты из истории сословий в Юго-Западной (Галицкой) Руси XIV–XV вв. М., 1894. С. 4, 210; Владимирский-Буданов М.Ф. Обзор истории русского права. СПб.; Киев, 1907. С. 62–65; Ключевский В.О. Боярская дума древней Руси. ПТБ., 1919. С. 65–67; Пресняков А.Е. Лекции по русской истории. Т. 2. Вып. 1. Западная Русь и Литовско-Русское государство. М., 1939. С. 26–27.

⁶ Фроянов И.Я., Дворниченко А.Ю. Города-государства Древней Руси. Л., 1988. С. 104–105.

⁷ Там же. С. 105–106.

⁸ Там же. С. 106–107.

⁹ См.: там же. С. 103–156.

¹⁰ ПВЛ. М.; Л., 1950. Ч. 1. С. 135.

¹¹ Там же.

¹² Соловьев С.М. Сочинения: в 18 кн. М., 1988. Кн. 1. С. 353.

¹³ ПВЛ. Ч. 1. С. 135, 171. См. также: Андрияшев А.М. Очерк истории Волынской земли... С. 111; Иванов П.А. Исторические судьбы Волынской земли с древнейших времен до конца XIV в. Одесса, 1895. С. 121; Котляр Н.Ф. Формирование территории и возникновение городов Галицко-Волынской Руси IX–XIII вв. Киев, 1985. С. 47.

¹⁴ Андрияшев А.М. Очерк истории Волынской земли... С. 111.

¹⁵ Соловьев С.М. Сочинения. Кн. I. С. 354.

¹⁶ Иванов П.А. Исторические судьбы Волынской земли... С. 121.

¹⁷ Котляр Н.Ф. Формирование территории... С. 46–47.

¹⁸ По верному наблюдению Рапова, Перемышль «в 80-е гг. XI в. входил в состав Владимиро-Волынского княжества, которым владел Ярополк Изяславич» (Рапов О.М. Княжеские владения на Руси в X – первой половине XIII в. М., 1977. С. 71). То же самое надо сказать о Теребовле и Дорогобуже (Котляр Н.Ф. Формирование территории... С. 47). К владениям Ярополка относили Перемышль, Теребовль и Дорогобуж Андрияшев и Иванов (Андрияшев А.М. Очерк истории Волынской земли... С. 111; Иванов П.А. Исторические судьбы Волынской земли... С. 121). Волынским считал Дорогобуж Соловьев. См.: Соловьев С.М. Сочинения. Кн. I. С. 354. См. также: Тихомиров М.Н. Древнерусские города. С. 321–322, 324.

¹⁹ ПВЛ. Ч. 1. С. 135.

²⁰ Летописец называет его кротким и смиренным. См.: ПВЛ. Ч. 1. С. 136. См. также: Андрияшев А.М. Очерк истории Волынской земли... С. 111; Иванов П.А.

Исторические судьбы Волынской земли... С. 121; *Котляр Н.Ф.* Формирование территории... С. 47.

²¹ *Андрияшев А.М.* Очерк истории Волынской земли... С. 111.

²² См.: *Барсов Н.П.* Очерки исторической географии. География начальной (Несторовой) летописи. Варшава, 1885. С. 108; *Андрияшев А.М.* Очерк истории Волынской земли... С. 111; *Пашуто В.Т.* Внешняя политика Древней Руси. М., 1968. С. 43.

²³ ПВЛ. Ч. 1. С. 135.

²⁴ Соловьев писал, что Ярополк начал собирать войско. См.: *Соловьев С.М.* Сочинения. Кн. 1. С. 354.

²⁵ ПВЛ. Ч. 1. С. 135–136.

²⁶ Там же. С. 136.

²⁷ Там же. По Соловьеву, мирному «обороту дел много содействовала прежняя дружба Мономаха к Ярополку, благодарность старого Всеволода к отцу его Изяславу и нежелание ссориться с сыновьями последнего, из которых старший должен был получить старшинство по смерти Всеволодовой» (*Соловьев С.М.* Сочинения. Кн. 1. С. 354). Возможно, это так. Но нельзя, однако, все сводить к княжеским взаимоотношениям, игнорируя владимирскую земщину, которая, несомненно, влияла на политику князей.

²⁸ ПВЛ. Ч. 1. С. 136.

²⁹ *Соловьев С.М.* Сочинения. Кн. 1. С. 355. См. также: *Линниченко И.А.* Взаимные отношения Руси и Польши до половины XIV столетия. Ч. 1. Русь и Польша до конца XII в. Киев, 1884. С. 131; *Андрияшев А.М.* Очерк истории Волынской земли... С. 112; *Пашуто В.Т.* Внешняя политика... С. 43. Иванов предполагал в данном случае не военный поход, а простую поездку. Но доводы, на наш взгляд, приводит не убедительные. (*Иванов П.А.* Исторические судьбы Волынской земли... С. 123).

³⁰ Арцыбашев и Соловьев со ссылкой на польских хронистов утверждают, что Перемышль, как и другие Червенские города, взятые Болеславом II, были отвоеваны Ростиславичами (*Арцыбашев Н.С.* Повествование о России. М., 1838. Т. 1. Кн. 2. С. 35. Прим. 218; *Соловьев С.М.* Сочинения. Кн. 1. С. 354, 675). Однако мы больше доверяем нашему летописцу, сообщаящему о пожаловании Всеволодом Ярославичем Перемышля и Теревовля Ростиславичам. См.: ПВЛ. Ч. 1. С. 171. См. также: *Карамзин Н.М.* История Государства Российского. М., 1991. Т. II–III. С. 62, 247–248. Прим. 149.

³¹ ПВЛ. Ч. 1. С. 136.

³² Там же. С. 171, 172.

³³ *Карамзин Н.М.* История Государства Российского. Т. II–III. С. 62.

³⁴ Смерть Ярополка Изяславича в 1086 г. // *Современник.* 1849. Т. XVI. Отд. 2. С. 6–25.

³⁵ Там же. С. 32.

³⁶ *Соловьев С.М.* Сочинения. Кн. 1. С. 355.

³⁷ Там же.

³⁸ *Андрияшев А.М.* Очерк истории Волынской земли... С. 112.

³⁹ *Иванов П.А.* Исторические судьбы Волынской земли... С. 123–124.

⁴⁰ ПВЛ. М.; Л., 1950. Ч. II. С. 414.

⁴¹ *Рапов О.М.* Княжеские владения... С. 70, 84.

⁴² Котляр Н.Ф. Формирование территории... С. 47.

⁴³ См.: Соловьев С.М. Сочинения. Кн. I. С. 355.

⁴⁴ ПСРЛ. М., 1962. Т. II. Стб. 199.

⁴⁵ Вспомним хотя бы совместное бегство Давыда Игоревича с Володаром Ростиславичем в Тмутаракань и пережитые там ими сообща злоключения. См.: ПВЛ. Ч. I. С. 135.

⁴⁶ ПВЛ. Ч. I. С. 176.

⁴⁷ Иванов П.А. Исторические судьбы Волынской земли... С. 124.

⁴⁸ ПВЛ. Ч. I. С. 177.

⁴⁹ Там же. С. 173.

⁵⁰ Там же. С. 177.

⁵¹ Ср.: Иванов П.А. Исторические судьбы Волынской земли... С. 126.

⁵² ПВЛ. Ч. I. С. 179.

⁵³ Там же. С. 175–176.

⁵⁴ Там же. С. 178.

⁵⁵ Андрияшев А.М. Очерк истории Волынской земли... С. 114.

⁵⁶ ПСРЛ. Т. II. Стб. 284.

⁵⁷ Иванов П.А. Исторические судьбы Волынской земли... С. 132.

⁵⁸ Татищев В.Н. История Российская. М.; Л., 1963. Т. II. С. 132.

⁵⁹ Татищев утверждал, что Ярослав действовал, будучи «подусчаем поляки» (Там же. С. 132). Допускал это и С.М. Соловьев (Соловьев С.М. Сочинения. Кн. I. С. 391). Совершенно ясно, однако, что без участия владимирцев Ярослав был бы не в состоянии реализовать этот план.

⁶⁰ См.: Насонов А.Н. «Русская земля» и образование территории Древнерусского государства. М., 1951. С. 129; Котляр Н.Ф. Формирование территории... С. 55.

⁶¹ Барсов Н.П. Очерки... С. 108.

⁶² ПСРЛ. Т. II. Стб. 284.

⁶³ Там же. Стб. 285.

⁶⁴ Там же.

⁶⁵ ПСРЛ. М., 1962. Т. I. Стб. 292.

⁶⁶ ПСРЛ. М.; Л., 1949. Т. XXV. С. 28.

⁶⁷ ПСРЛ. СПб., 1862. Т. IX. С. 150.

⁶⁸ Татищев В.Н. История Российская. Т. II. С. 133.

⁶⁹ Соловьев С.М. Сочинения. Кн. I. С. 392.

⁷⁰ Андрияшев А.М. Очерк истории Волынской земли... С. 117.

⁷¹ ПСРЛ. Т. II. Стб. 284.

⁷² В Никоновской летописи, как мы заметили, вместо бояр фигурируют «вой». В этом можно видеть намек на более широкий социальный состав людей, отшатнувшихся от Ярослава. Видимо, то была владимирская община в целом.

⁷³ ПСРЛ. Т. II. Стб. 315, 316. Эти слова галичан подчеркивают, по мнению В.Т. Пашуто, «непрочность, слабость власти Владимирко». (См.: Пашуто В.Т. Очерки... С. 180.

⁷⁴ См.: Мавродин В.В. 1) О народных движениях... С. 3.; 2) Очерки... С. 179–180; 3) Народные восстания... С. 98.

⁷⁵ Выплаченные Всеволоду деньги Владимирко, согласно догадке В.Т. Пашуто, «взыскал в значительной части и с Галича, где он сам обосновался сравнительно недавно (в 1141 г.)». См.: *Пашуто В.Т. Очерки...* С. 181.

⁷⁶ ПСРЛ. Т. II. Стб. 316.

⁷⁷ Там же. Стб. 316–317.

⁷⁸ *Мавродин В.В.* 1) О народных движениях... С. 3; 2) Очерки... С. 179; 3) Народные восстания... С. 98, 99; *Пашуто В.Т. Очерки...* С. 178; *Тихомиров М.Н. Крестьянские и городские восстания...* С. 202. Термин «восстание» применялся в связи с событиями 1144 г. и в дореволюционной историографии. См., напр.: *Дашкевич Н. Княжение Даниила Галицкого...* С. 19.

⁷⁹ *Буганов В.И. Очерки истории классовой борьбы в России XI–XVIII вв. М., 1986.* С. 34.

⁸⁰ *Дашкевич Н. Княжение Даниила Галицкого...* С. 19.

⁸¹ *Мавродин В.В.* 1) О народных движениях... С. 5; 2) Очерки... С. 181–182.

⁸² *Тихомиров М.Н. Крестьянские и городские восстания...* С. 202.

⁸³ *Савич А.А. Борьба феодалов...* С. 77.

⁸⁴ *Толочко П.П. Древнерусский феодальный город. Киев, 1989.* С. 178.

⁸⁵ См.: *Фроянов И.Я., Дворниченко А.Ю. Города-государства Древней Руси. С. 134; Пашин С.С.* 1) Галицкое боярство XII–XIII вв. // *Вестник ЛГУ, 1985. Вып. 4. № 23.* С. 17, 18; 2) Боярство и зависимое население Галицкой (Червоной Руси XI–XV вв.). Автореф. канд. дис. Л., 1986. С. 6.

⁸⁶ *Савич А.А. Борьба феодалов...* С. 77. Возражения см.: *Мавродин В.В. Очерки...* С. 190–191.

⁸⁷ См.: *Беликова Т.В. Княжеская власть и боярство в Юго-Западной Руси в XI – начале XIII вв.: дис. канд. ист. наук. Л., 1990.* С. 32.

⁸⁸ *Котляр Н.Ф. Формирование территории...* С. 137.

⁸⁹ *Фроянов И.Я. Киевская Русь: Очерки социально-политической истории. С. 184.*

⁹⁰ См. напр.: *Дашкевич Н. Княжение Даниила Галицкого...* С. 19; *Мавродин В.В.* 1) О народных движениях... С. 3; 2) Очерки... С. 180; 3) Народные восстания... С. 98; *Пашуто В.Т. Очерки...* С. 181. К этому взгляду склонялись ранее и мы в совместной с А.Ю. Дворниченко работе. См.: *Фроянов И.Я., Дворниченко А.Ю. Города-государства Древней Руси. С. 134–135.*

⁹¹ *Словарь древнерусского языка (XI–XIV вв.). М., 1990. Т. III.* С. 91.

⁹² Не случайно Мавродин говорил о «дружине галичан». (*Мавродин В.В.* 1) О народных движениях... С. 4; 2) Очерки... С. 180). Позднее, впрочем, автор поменял «дружину галичан» на «отряд галичан», что лучше вписывалось в его концепцию. См.: *Мавродин В.В. Народные восстания...* С. 69.

⁹³ См.: *Пашин С.С. Боярство и зависимое население Галицкой (Червоной) Руси XI–XV вв.: дис. канд. ист. наук. Л., 1986.* С. 38; *Беликова Т.В. Княжеская власть...* С. 32–33.

⁹⁴ *Фроянов И.Я., Дворниченко А.Ю. Города-государства Древней Руси. С. 133.*

⁹⁵ *Тихомиров М.Н. Крестьянские и городские восстания...* С. 202.

⁹⁶ *Котляр Н.Ф. Формирование...* С. 106–107.

⁹⁷ См.: *Дашкевич Н. Грамота князя Ивана Ростиславича Берладника 1134 г. // Сборник статей по истории права, посвященный М.Ф. Владимирскому-Буданову его учениками и почитателями. Киев, 1904.* С. 375; *Мавродин В.В.* 1) О народных движениях... С. 8; 2) Очерки... С. 182; 3) Народные восстания... С. 100.

⁹⁸ Котляр Н.Ф. Формирование... С. 102.

⁹⁹ Там же. С. 105.

¹⁰⁰ Мавродин В.В. 1) О народных движениях... С. 8; 2) Очерки... С. 182; 3) Народные восстания... С. 100; Насонов А.Н. «Русская земля»... С. 138–141; Котляр Н.Ф. Формирование... С. 102.

¹⁰¹ Мавродин В.В. Народные восстания... С. 100.

¹⁰² Там же. С. 101.

¹⁰³ ПСРЛ. Т. II. Стб. 505.

¹⁰⁴ Насонов А.Н. «Русская земля»... С. 137.

¹⁰⁵ Мавродин В.В. Народные восстания... С. 104.

¹⁰⁶ Тихомиров М.Н. Крестьянские и городские восстания... С. 205; Буганов В.И. Очерки... С. 35.

¹⁰⁷ См.: Фроянов И.Я. 1) Киевская Русь: Очерки социально-экономической истории. Л., 1974. С. 119–126; 2) Киевская Русь: Очерки отечественной историографии. Л., 1990. С. 210–212.

¹⁰⁸ Там же.

¹⁰⁹ ПВЛ. Ч. I. С. 176.

¹¹⁰ Насонов А.Н. «Русская земля»... С. 136.

¹¹¹ См.: Фроянов И.Я. 1) Смерды в Киевской Руси // Вестник ЛГУ. 1966. № 2; 2) Киевская Русь: Очерки социально-экономической истории. С. 121–125; 3) Киевская Русь: Очерки отечественной историографии. С. 210–211.

¹¹² Татищев В.Н. История Российская. М.; Л., 1964. Т. III. С. 65; М.; Л., 1964. Т. IV. С. 253.

¹¹³ Поведение Ивана Берладника некоторые историки объясняют его нерешительностью и незадачливостью (Буганов В.И. Очерки... С. 35), что не соответствует, как мы видим, действительности.

¹¹⁴ См.: Буганов В.И. Очерки... С. 35.

¹¹⁵ ПСРЛ. Т. II. Стб. 564.

¹¹⁶ Татищев В.Н. История Российская. Т. IV. С. 280.

¹¹⁷ Там же. Т. 3. С. 97.

¹¹⁸ Карамзин Н.М. История Государства Российского. Т. II–III. С. 365.

¹¹⁹ См.: Дашкевич Н. Княжение Даниила Галицкого... С. 20–21; Пашуто В.Т. Очерки истории СССР XII–XIII вв. М., 1960. С. 58; Рыбаков Б.А. Киевская Русь... С. 514; Котляр Н.Ф. Формирование... С. 85; Щавелева Н.И. Польские латиноязычные средневековые источники. М., 1990. С. 132.

¹²⁰ См.: Пашин С.С. Галицкое боярство XII–XIII вв. // Вестник ЛГУ. 1985. № 23. С. 17; Беликова Т.В. Княжеская власть и боярство... С. 49.

¹²¹ Татищев В.Н. История Российская. Т. III. С. 97; Карамзин Н.М. История Государства Российского. Т. II–III. С. 365; Соловьев С.М. Сочинения. Кн. 1. С. 546.

¹²² См.: Костомаров Н.И. Исторические монографии и исследования. СПб., 1872. Т. I. С. 239.

¹²³ Татищев В.Н. История Российская. Т. III. С. 97; Т. IV. С. 279.

¹²⁴ Беликова Т.В. Княжеская власть и боярство... С. 50.

¹²⁵ ПСРЛ. Т. II. Стб. 564.

¹²⁶ Наш перевод летописной фразы «отца ти есмы яли и приятели его, Чаргову чадь избиле» отличается от общепринятого. Если полагать что «приятели»

Святитель Николай Чудотворец. Новгородская икона, конец XII в.

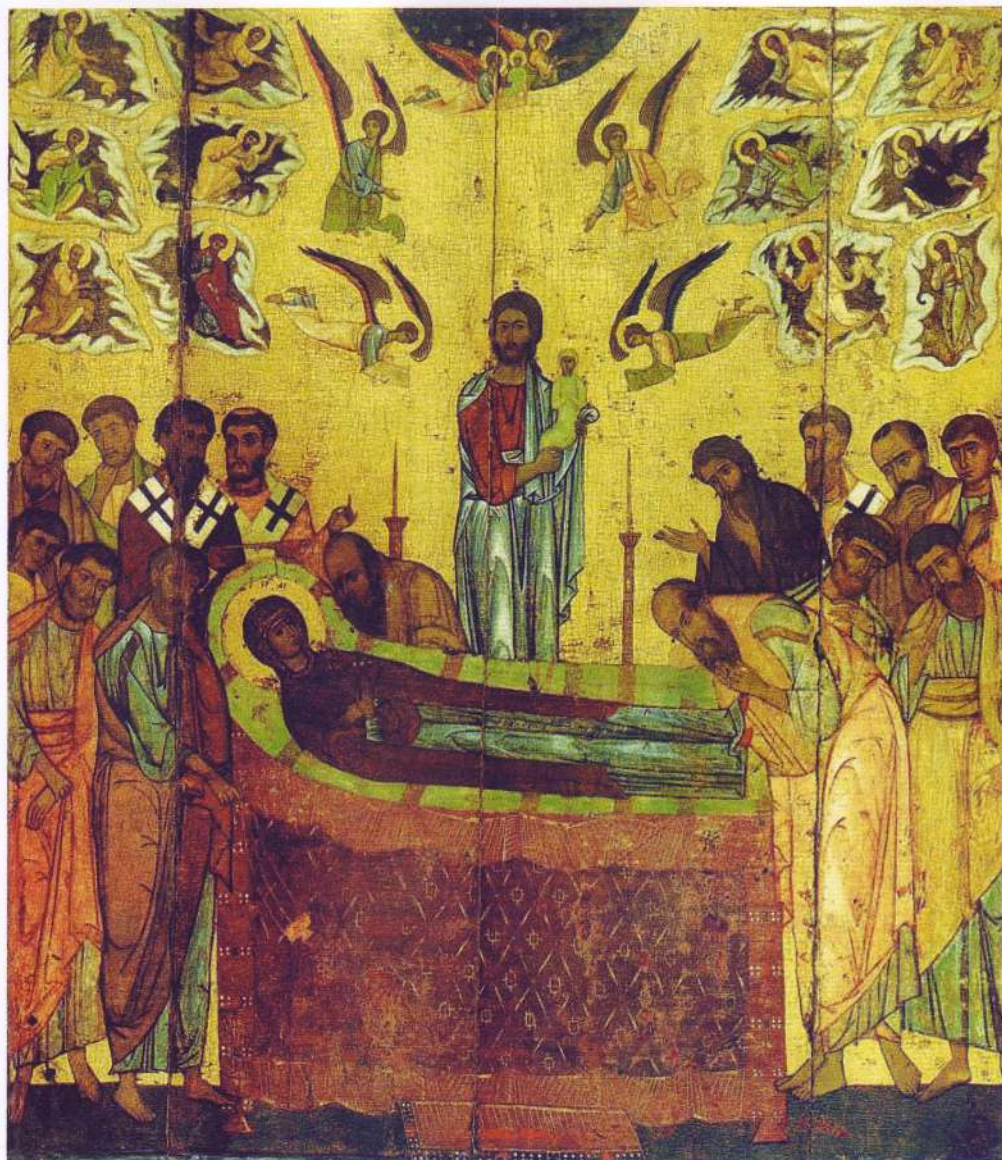
Святые Пантелеимон и Екатерина. Миниатюра Пантелеимонова Евангелия из ризницы Новгородского Софийского собора, рубеж XII—XIII вв.

Деревянная и костяная столовые ложки. Новгород, XII и X вв.

Христос Спаситель и великомученик Димитрий. Чеканка на сосуде для хранения святой воды. Новгород, XII в.

Успение Богоматери. Новгород, начало XIII в. Икона принадлежала женскому Десятинному монастырю, основанному сразу после Крещения Руси на «десятине», выделенном для Церкви участке княжеской земли

Благоверный Великий Князь Владимирский Константин Всеволодович.
Фреска Архангельского собора Кремля, 2-я пол. XVI века

Апостол и евангелист Иоанн Богослов. Миниатюра Евангелия-апракос.
Ростов, 1220-е

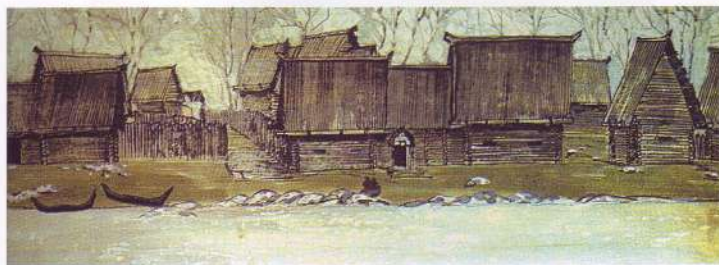
Апостолы Петр и Павел. Миниатюра из Апостола Толкового. Ростов, 1220-е

Апостолы Петр и Павел. Икона из Белозерска, начало XIII в.

Богородица Белозерская (Умиление). Икона принадлежала белозерской церкви Святого Василия Великого, XIII в.

Белоозеро в середине XIII в. Реконструкция застройки по раскопкам Л.А. Голубевой. Рисунок М.М. Гаврилова

Собор Рождества Богородицы в Суздале. Основан Великим Князем Владимиром Мономахом и епископом Ростовским Ефремом в 1102, заново перестроен Великим Князем Владимирским Юрием Всеволодовичем в 1222–1225. Позже несколько раз перестраивался. На современной фотографии видна лишь нижняя часть храма Князя Юрия – до аркатурного пояса

Преподобный. Фрагмент фрески диаконника собора Рождества Богородицы в Суздале, 1230-е

Благоверный Великий Князь Владимирский Юрий Всеволодович. Фреска Архангельского собора Кремля, 2-я пол. XVI века. Князь изображен в доспехах, так как погиб в битве с ханом Батыем в 1238

Святые благоверные князья Андрей Боголюбский, Юрий Всеволодович и Глеб Андреевич Владимирские. Икона XIX в.

Святой благоверный Князь Юрий Всеволодович. Икона на крышке раки
Князя из Владимирского Успенского собора, ок. 1645

Шлем князя Переяславского Ярослава Всеволодовича с чеканным образом
Архистратига Михаила на лицевой серебряной пластине, XII в.
Шлем был утерян во время битвы князей у Липицы в 1216

В 1152 Князь Юрий Долгорукий многие церкви создал и в свое имя город Юрьев заложил, называемый Польской, и церковь в нем каменную святого Георгия создал. Миниатюра Лицевого летописного свода, XVI в.

Собор великомученика Георгия в Юрьеве-Польском.
Основан Князем Юрием Долгоруким, построен в 1230—1234
князем Юрьевским Святославом Всеволодовичем

Каменная резьба стен Георгиевского собора в Юрьеве-Польском, 1230-е

Святые благоверные князья Святослав Всеволодович и Дмитрий Святославич Юрьевские. Современная икона

Архангел Гавриил – небесный покровитель Князя Святослава Всеволодовича.
Вислая печать князя Новгородского, начало XIII в.

Собор Успения Божией Матери в Княгинином монастыре под Владимиром, основанном в 1200 благоверной Великой Княгиней Марией Шварновной (супругой Великого Князя Всеволода Юрьевича). На современной фотографии – собор XV–XVI вв., построенный на основании старого

Подвиг удельного князя Ростовского Василька Константиновича в Шеренском лесу. Миниатюра на эмали Н.А. Куландина, 1975

Богоматерь Оранта Великая Панагия. Икона была написана мастерами
удельного княжества Ярославского ок. 1218 и принадлежала
одному из ярославских монастырей

Ярослава ограничивались только Чарговой чадью, то среди галицких бояр не окажется сторонников князя, а в это поверить трудно.

¹²⁷ Пашуто В.Т. Внешняя политика Древней Руси. С. 160.

¹²⁸ Головкин А.Б. Древняя Русь и Польша в политических взаимоотношениях X – первой половины XIII вв. Киев, 1988. С. 81–82.

¹²⁹ Беликова Т.В. Княжеская власть и боярство... С. 50.

¹³⁰ Татищев В.Н. История Российская. Т. III. С. 97; Т. IV. С. 280.

¹³¹ Соловьев С.М. Сочинения. Кн. 1. С. 546; Костомаров Н.И. Исторические монографии... Т. I. С. 239.

¹³² Дашкевич Н. Княжение Даниила Галицкого... С. 20–21.

¹³³ Пашуто В.Т. 1) Галицко-Волынское княжество // Очерки истории СССР. Период феодализма IX–XV вв. М., 1953. Ч. 1. С. 371; 2) Очерки истории СССР XII–XIII вв. М. 1960. С. 58.

¹³⁴ Пашуто В.Т. Внешняя политика... С. 160.

¹³⁵ Грушевский М. Галицкие боярство... С. 12. В своей «Истории» Грушевский рассуждает увереннее, полагая, что Анастасия принадлежала к боярской «роду Чаргив». См.: Грушевский М. История... Т. II. С. 442.

¹³⁶ См.: Беликова Т.В. Княжеская власть и боярство... С. 52–53.

¹³⁷ Из истории феодальной России. Статьи и очерки к 70-летию со дня рождения проф. В.В. Мавродина / отв. ред. И.Я. Фроянов. Л., 1974. С. 40.

¹³⁸ См. с. 107 настоящей книги.

¹³⁹ См.: Фрэзер Дж. Дж. Золотая ветвь. М., 1980. С. 633.

¹⁴⁰ ПСРЛ. Т. II. Стб. 524.

¹⁴¹ ПСРЛ. М.; Л., 1949. Т. XXV. С. 73. См. также: ПСРЛ. СПб., 1862. Т. IX. С. 231.

¹⁴² См.: Пашуто В.Т. Голодные годы в Древней Руси // Ежегодник по аграрной истории Восточной Европы 1962 г. Минск, 1964. С. 61–94.

¹⁴³ ПСРЛ. Т. IX. С. 231.

¹⁴⁴ Пашуто В.Т. Голодные годы... С. 66.

¹⁴⁵ Мавродин В.В. 1) О народных движениях... С. 12–13; 2) Очерки... С. 188.

¹⁴⁶ См. напр.: Дашкевич Н. Княжение Даниила Галицкого... С. 24.

¹⁴⁷ См. напр.: Пашуто В.Т. Очерки по истории Галицко-Волынской Руси. С. 15, 142.

¹⁴⁸ Под галичанами В.В. Мавродин верно понимал прежде всего городской люд: купцов, ремесленников, «черных людей» (Мавродин В.В. 1) О народных движениях... С. 5; 2) Очерки... С. 181). Тем досаднее, что он прошел мимо событий 1173 г., свидетельствующих о большой политической активности галичан.

¹⁴⁹ Князем Ярославом бояре были очень недовольны. Но заставить его вести себя так, как им хотелось, они не могли. Поэтому часть бояр бежала в Польшу, а те, что остались в Галиче, вынуждены были терпеть и ждать момента, чтобы вернуть свои права, нарушенные Осмомыслом. И этот момент наступил, но только тогда, когда началось народное движение против княжеского своеволия. А до того галицкие бояре много месяцев сидели смирно, во всяком случае, если и действовали, то скрытно.

¹⁵⁰ Одно из последних по времени обоснований такого подхода принадлежит Пащину. См.: Пащин С.С. Галицкое боярство XII–XIII вв. С. 16.

¹⁵¹ См.: Романова Е.Д. Свободный общинник в Русской Правде // История СССР. 1961. № 4.

¹⁵² См.: *Дворниченко А.Ю.* О характере социальной борьбы в городских общинах Верхнего Поднепровья и Подвинья в XI-XV вв. // *Генезис и развитие феодализма в России* / под ред. И.Я. Фроянова. Л., 1985. С. 90.

¹⁵³ ПСРЛ. Т. II. Стб. 777.

¹⁵⁴ ПСРЛ. Т. II. Стб. 665.

¹⁵⁵ *Грушевский М.* Галицкие боярство... С. 118.

¹⁵⁶ *Пашуто В.Т.* Черты политического строя древней Руси // *Новосельцев А.П., Пашуто В.Т., Черепнин Л.В., Шушарин В.П., Шапов Я.Н.* Древнерусское государство и его международное значение. М., 1965. С. 13.

¹⁵⁷ См.: *Пашуто В.Т.* Черты политического строя... С. 12.

¹⁵⁸ ПСРЛ. Т. II. Стб. 656-657.

¹⁵⁹ *Пашуто В.Т.* Черты политического строя... С. 13.

¹⁶⁰ В Хлебниковском списке вместо «зборы» читается «съборы». См.: ПСРЛ. Т. II. Стб. 656, 657.

¹⁶¹ См.: *Татищев В.Н.* История Российская. Т. III. С. 143; *Соловьев С.М.* Сочинения. Кн. 1. С. 546; *Рыбаков Б.А.* Русские летописцы и автор «Слова о полку Игореве». М., 1972. С. 149.

¹⁶² ПСРЛ. Т. II. Стб. 657.

¹⁶³ *Татищев В.Н.* История Российская. Т. III. С. 144; *Карамзин Н.М.* История Государства Российского. Т. II-III. С. 394; *Соловьев С.М.* Сочинения. Кн. 1. С. 546; *Пашуто В.Т.* Очерки истории СССР XII-XIII вв. С. 59; *Рыбаков Б.А.* Киевская Русь... С. 514; *Пашин С.С.* Галицкое боярство XII-XIII вв. С. 17.

¹⁶⁴ См.: *Фроянов И.Я.* Киевская Русь: Очерки социально-политической истории. С. 166, 171, 176, 177, 180, 184.

¹⁶⁵ Там же.

¹⁶⁶ ПСРЛ. Т. II. Стб. 657.

¹⁶⁷ Там же. Стб. 659.

¹⁶⁸ Там же. Стб. 660.

¹⁶⁹ «Князь Владимир галицкий охотник был великой к питью и затем не мог о разпорядке земском советовать и учреждать», — писал Татищев. См.: *Татищев В.Н.* История Российская. Т. III. С. 145.

¹⁷⁰ *Пашин С.С.* Галицкое боярство XII-XIII вв. С. 17.

¹⁷¹ ПСРЛ. Т. II. Стб. 660.

¹⁷² На то, что это было вече, указывает термин «сдумавше», которым пользуется летописец. Кстати, Татищев сообщает, как галицкие «вельможи» устроили «обсчей совет». С этого совета к Владимиру была направлена депутация со словами: «Княже, прислали нас все вельможи и народ земли Галицкой» (*Татищев В.Н.* История Российская. Т. III. С. 146). Присутствие «народа земли Галицкой» на «обсчем совете» говорит о вечевом его характере. Неслучайно Андрияшев замечал: «Вече потребовало от своего князя, чтобы он разошелся с попадъей». См.: *Андрияшев А.М.* Очерк истории Волынской земли... С. 141.

¹⁷³ Ряд исследователей приписывает изгнание Владимира исключительно боярам, с чем нельзя согласиться. См., напр.: *Маеродин В.В.* Народные восстания... С. 106; *Рапов О.М.* Княжеские владения на Руси в X — первой половине XIII в. М., 1977. С. 78; *Рыбаков Б.А.* Киевская Русь... С. 515; *Пашин С.С.* Галицкое боярство XII-XIII вв. С. 17.

¹⁷⁴ ПСРЛ. Т. II. Стб. 661.

¹⁷⁵ По словам В.Н. Татищева, Роман чувствовал себя неуверенно в Галиче потому, что «в галиченех есче много Владимиру приятелей». См.: *Татищев В.Н. История Российская*. Т. III. С. 146.

¹⁷⁶ ПСРЛ. Т. II. Стб. 661.

¹⁷⁷ Андрияшев полагал, что уехавшие с Романом галичане — это бояре (*Андрияшев А.М. Очерк истории Волынской земли...* С. 144). Однако источник не дает оснований для столь однозначного вывода. Татищев сообщает, что Роман бежал из Галича с «галичаны многими». См.: *Татищев В.Н. История Российская*. Т. III. С. 146; Т. IV. С. 310.

¹⁷⁸ Довольно своеобразно, но неубедительно толкует летописный текст Пашуто, по которому венгерский король, захватив Галич, «дал “весь наряд” в управление тем боярам, которые отпустили заложников в Венгрию» (*Пашуто В.Т. Очерки истории СССР XII–XIII вв.* С. 59).

¹⁷⁹ *Фроянов И.Я., Дворниченко А.Ю. Города-государства Древней Руси*. С. 105–106.

¹⁸⁰ ПСРЛ. Т. II. Стб. 663.

¹⁸¹ См.: *Мавродин В.В. Народные восстания...* С. 107; *Пашуто В.Т. Очерки истории СССР XII–XIII вв.* С. 59; *Пашин С.С. Галицкое боярство XII–XIII вв.* С. 18.

¹⁸² По Татищеву, часть бояр даров королевских «деля предающе отечество» (*Татищев В.Н. История Российская*. Т. III. С. 148; Т. IV. С. 312).

¹⁸³ ПСРЛ. Т. II. Стб. 664–665.

¹⁸⁴ Там же. С. 312.

¹⁸⁵ Там же.

¹⁸⁶ См.: *Карамзин Н.М. История Государства Российского*. Т. II–III. С. 397; *Соловьев С.М. Сочинения*. Кн. I. С. 550; *Мавродин В.В. Народные восстания...* С. 107; *Пашуто В.Т. Очерки истории СССР XII–XIII вв.* С. 59; *Рыбаков Б.А. Киевская Русь...* С. 315; *Пашин С.С. Галицкое боярство XII–XIII вв.* С. 18.

¹⁸⁷ ПСРЛ. Т. II. Стб. 664.

¹⁸⁸ Там же. Стб. 665.

¹⁸⁹ Пашин поспешил, когда заявил, что летописец «нигде не смешивает “галицких мужей” с “галичанами”». См.: *Пашин С.С. Галицкое боярство XII–XIII вв.* С. 18.

¹⁹⁰ *Татищев В.Н. История Российская*. Т. III. С. 148.

¹⁹¹ ПСРЛ. Т. II. Стб. 665.

¹⁹² Там же. Стб. 666–667. Летописец рисует сцену встречи Владимира: «Галичкий же мужи сretoша его с радостью великою». Эта сцена, весьма обычная и для других городов Руси, не оставляет сомнений в том, что «галичкий мужи» есть мужская часть свободного населения Галича.

¹⁹³ Там же. Стб. 667.

¹⁹⁴ Там же. Стб. 663.

¹⁹⁵ Там же. Стб. 696.

Глава четырнадцатая

РОСТОВО-СУЗДАЛЬСКАЯ ЗЕМЛЯ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XII – НАЧАЛЕ XIII ВЕКОВ

§ 1 Становление и борьба за политическую самостоятельность городов Северо-Восточной Руси

Основные сведения по истории Северо-Восточной Руси второй половины XII – начала XIII вв. современный исследователь черпает из Лаврентьевской летописи, сохранившей в своем составе значительные фрагменты владимирского летописания и отдельные записи ростовского происхождения. В целом эти сведения позволяют воссоздать достаточно рельефную картину исторической жизни, протекавшей в «Залесском крае». Но пользоваться ими следует с большой осторожностью и осмотрительностью, поскольку в них скрыта определенная политическая установка¹. Приселков обнаружил здесь, по крайней мере, две целенаправленные тенденции. В первой заключалась мысль, согласно которой «политический центр» Руси, «руководящая роль, принадлежавшая от времен вещего Олега Киеву и Киевскому Князю», перешли при Андрее Боголюбском «во Владимир на Клязьме, в руки владимирского князя»². Вторая проводила идею первенства города Владимира в Ростово-Суздальской земле «как столицы единого княжества»³. Эти наблюдения Приселкова были приняты последующими историками⁴. Однако имели место и некоторые дополнения. Так, Ю.А. Лимонов полагает, что направленность владимирского свода, помимо отмеченных Приселковым идейных устремлений, состояла «в требовании местных феодалов политической самостоятельности Владимира», в их намерении обзавестись «собственным» князем⁵.

Все это повлекло за собой предвзятость со стороны владимирского книжника, причем не только в освещении, но и отборе фактов. По мнению Приселкова, «в Ростове при князе Юрии велся местный

Летописец, следивший за историей всего Ростово-Суздальского края. Этим Летописцем в полной мере мог располагать владимирский сводчик 1177 г., но он, как владимирец, воспользовался им лишь в незначительной части, не желая увековечивать память о Ростове, как бывшей столице всего края»⁶. Аналогичным образом рассуждает Н.Н. Воронин, по словам которого еще «в суздальском летописании Юрия Долгорукого Ростов все более заслонялся Суздалем. Эта тенденция теперь развивается, но уже в пользу Владимира»⁷.

Такое состояние летописных источников создает серьезные трудности в деле познания отражаемой ими исторической действительности. Оно чревато и опасностью невольного усвоения летописной схемы, что, к сожалению, произошло в исторической науке. Приселков, говоря о конструкции летописца, призванной доказать перемещение общерусского центра из Киева во Владимир, отмечал: «Любопытная участь выпала на долю этой политической конструкции владимирского сводчика 1177 г. в последующие времена. Ее, конечно, безоговорочно усваивает владимирское и ростовское летописание XII и XIII вв.; она, после гибели Киева и переезда митрополита из Киева на север, ложится в основу общерусского летописания митрополичьей кафедры XV в.; она, конечно, перешла и в общерусское великокняжеское летописание Москвы XV и XVI вв. Судивлением видим, что схема эта была принята как основа ученого построения хода русской истории в трудах не только дворянских историков XVIII и первой половины XIX вв., слепо следовавших за изложением поздних московских летописных сводов, но и в трудах буржуазных историков второй половины XIX и начала XX вв.»⁸.

На первых порах борьба в Ростово-Суздальской земле во второй половине XII — начале XIII в. в значительной мере сдерживалась необходимостью объединения усилий местного населения для ликвидации господства над собой киевских властителей. Подчиненность жителей Ростовской области южным князьям выражалась прежде всего в данничестве и обязанности оказывать военную помощь «Русской земле». Процесс освобождения от внешней зависимости шел тут, как, впрочем, и в других землях, постепенно, растянувшись на многие десятилетия. За скудостью источников этот процесс остается для нас, по существу, скрытым. Но в конце XI — начале XII вв. просматриваются некоторые его итоги: происходит смена в системе власти посадников князьями⁹. То был важный сдвиг в отношениях Ростова с «Русской землей», поскольку на примере соседних волостей можно с уверенностью говорить, что правление там лиц княжеского достоинства есть

свидетельство определенного продвижения вперед на пути к свободе¹⁰. Когда же настало полное освобождение Ростова?

В.А. Кучкин считает, что «со смертью Владимира Мономаха прекратилась зависимость Ростовской земли от Южной Руси. Юрий Долгорукий стал суверенным князем. Он – первый самостоятельный князь Ростово-Суздальской волости»¹¹. Однако у нас нет точных данных, подтверждающих падение зависимости Ростова после смерти Мономаха. В то же время известно, что в 1135 г. Юрий «вда Суждаль и Ростов и прочюю волость» старшему брату своему Великому Князю киевскому Ярополку в обмен на Переяславль Русский¹². Эта княжеская сделка, скорее всего, говорит о продолжающейся несвободе Ростовской земли по отношению к Южной Руси. Поэтому ближе к истине был Насонов, полагавший, что окончательно уплата «Суждали залесской дани» прекратилась, хотя и при Юрии Долгоруком, но не раньше конца 40–50-х гг.¹³ Неслучайно именно тогда обозначились перемены в южной политике Ростовской волости: из оборонительной она становится наступательной. Ростовцы и суздальцы помогают Юрию овладеть Киевом. Вместе со своим князем они управляют Киевской землей¹⁴. Костомаров увидел в этом зарождение отличительных свойств «великорусской народности», характеризующихся сплочением сил в собственной земле, стремлением к «расширению своих жительство и к подчинению себе других земель»¹⁵. Рассуждая по поводу борьбы Юрия за Киев с Изяславом Мстиславичем, он писал: «То был первый зачаток стремления подчинить русские земли первенству восточно-русской земли. Юрий хотел утвердиться в Киеве, потому что, по-видимому, тяготился пребыванием в восточной стране; но если мы вникнем в смысл событий того времени, то увидим, что уже тогда вместе с этим соединялось стремление русских жителей суздальской земли властвовать в Киеве. Это видно из того, что Юрий, овладев Киевом, держался в нем с помощью пришедших с ним суздальцев»¹⁶. Последний довод (кстати, единственный у Костомарова) выглядит неубедительно даже с точки зрения логики самого автора, поскольку он, обращаясь к черниговскому князю Всеволоду, захватившему Киев «посредством оружия», замечает, что завоеватель держался в городе «при помощи своих черниговцев»¹⁷. Какая, спрашивается, здесь разница между Юрием со своими суздальцами и Всеволодом со своими черниговцами? Ее нет, да и быть не может. Поэтому южную политику Юрия Долгорукого и активное в ней участие «жителей суздальской земли» надо объяснять не психическим складом «великорусской народности», во многом надуманным, а

реальными интересами населения Суздальщины. Эти интересы, как отмечал А.Е. Пресняков, лежали в сфере оживленных торговых и культурных связей Ростово-Суздальской земли с Черниговом, Галицкой Русью, Смоленском и Новгородом¹⁸. По верному наблюдению исследователя, «еще при Юрии Долгоруком определился особый круг интересов Суздальской политики... Пресловутая борьба за Киев далеко не наполняет всей жизненной деятельности Юрия»¹⁹. Кроме упомянутых Пресняковым побуждений, следует учесть и стремление общин Северо-Восточной Руси к независимости от Киева. Вокняжение Юрия в Киеве с помощью ростовцев и суздальцев являлось одним из средств достижения желанной свободы. В борьбе Юрия за Киев проглядывают, таким образом, волостные интересы Суздальщины, а не только межкняжеские счеты и соперничество. На фоне этих интересов складывается и политическая судьба сына Юрия князя Андрея.

§ 2 Великий Князь Юрий Владимирович Долгорукий и политическая роль Суздальской земли в Древней Руси. Княжение Великого Князя Андрея Боголюбского

Обосновавшись последний раз в Киеве, Юрий Долгорукий раздал «волости детям своим: Андрея посади Вышгороде, а Бориса Турове, а Глеба Переяславли, а Василкови вда Поросье»²⁰. Ростов и Суздаль он предназначил по смерти своей младшим детям, Михалке и Всеволоду, заручившись крестоцелованием ростовцев и суздальцев. По-видимому, Юрий надеялся передать Киев Андрею, для чего и держал его поблизости от себя, в Вышгороде. Но сын нарушил планы отца, «без отне воле» уйдя из Вышгорода в Суздаль²¹. Юрий был разгневан²², но ничего не мог поделать.

Над причиной отъезда Андрея размышляли уже средневековые писатели. Одни из них считали, что к нему причастны бояре Кучковичи, «лестью поднявшие» князя²³. Другие стали изобретать вокруг поступка князя всякого рода домыслы. Так, в Никоновской летописи содержится пространное рассуждение о том, что Андрей «смущашеся о нестроении братии своея, и братаничев, и сродник и всего племени своего, яко всегда в мятежи и в волнении вси бяху, и многи крови лиашеся, вси желающе и хотяще великого княжения Киевского, и несть никому ни с кем мира, и от сего все княжения опустеша, и по Дунаю, и по Мети и по Астри чюжии облодаша и населиша, а от поля половци выплениша и пусто сотвориша, и скорбяще много о сем, и болезноваше душою и сердцем. И мышляше себе в тайне сердца сво-

его, никакоже поведая сего отцу своему Великому Князю Киевскому Юрью Долгорукому, и восхоте ити на великое княжение в Суздаль и Ростов, яко тамо, рече, покойнее есть... И сие поиде ис Киева тайно, не поведая отцу своему»²⁴.

Версию о тайном уходе Андрея повторил Татищев, обставив его следующими разъяснениями: «Андрей Юрьевич, видя, что всюду мир по его желанию учинен и ему дела никоего не было, а Белая Русь без князя стояла в великом непорядке, просил неоднократно отца своего Юрия, чтоб его туда отпустил. Но Юрий, ведая, что во время войны ему без Андрея ни на кого столько надеяться невозможно, ему отказал. Он же, потерпя неколико и оскорбся делами и веселениями отцовыми, за что все на отца его негодовали, убрався, тайно уехал в Белую Русь...»²⁵.

Согласно Карамзину, князь Андрей, покидая Вышгород, не уведомил об этом родителя. Знаменитый историк с присущей ему художественной выразительностью изобразил целую гамму душевных переживаний Андрея, тяготившегося пребыванием в Южной Руси: «Театр алчного властолюбия, злодейств, междоусобного кровопролития, Россия южная, в течение двух веков опустошаемая огнем и мечем, иноплемениками и своими, казалась ему обителю скорби и предметом гнева Небесного. Недовольный, может быть, правлением Георгия, и с горестью видя народную к нему ненависть, Андрей, по совету шурьев своих Кучковичей, удалился в землю Суздальскую, менее образованную, но гораздо спокойнейшую других. Там он родился и был воспитан; там народ еще не изъявлял мятежного духа, не судил и не менял Государей, но повиновался им усердно и сражался за них мужественно»²⁶.

Искал объяснения поступку Андрея и Соловьев. Разгадку он нашел в любви и привязанности князя к родным местам: Андрей, родившийся на севере, «провел там большую половину жизни, и ту именно половину, впечатления которой ложатся крепко на душу человека и никогда его не покидают... Уже только в 1149 г., лет 30 с лишним от рождения, пришел Андрей на юг, в Русь, с полками отца своего; он привык к северу, к тому порядку вещей, который там господствовал: не мудрено, что не понравился ему юг, что чужд, непонятен и враждебен показался ему порядок вещей, здесь существовавший»²⁷. Соловьев принимал во внимание соответствующие догадки, имеющиеся в Никоновской летописи, а также соображения Татищева.

Ссылается в этой части на Никоновский свод и Ключевский. Вместе с тем он, подобно Соловьеву, придает важное значение привычкам и характеру Андрея. «Это был, — говорит Ключевский, — настоящий северный князь, истый суздалец-залешанин по своим привычкам и понятиям, по своему политическому воспитанию. На севере прожил он большую половину своей жизни, совсем не видевши юга»²⁸.

По Костомарову, на север Андрея увела прежде всего жажда власти. Боголюбский «был слишком властолюбив, чтобы поладить с тогдашним складом условий в Южной Руси, где судьба князя постоянно зависела и от покушений других князей, и от своенравия дружин и городов»²⁹. К тому же соседство половцев не давало «никакого ручательства на установление порядка в южнорусском крае, потому что половцы представляли собой удобное средство князьям, замышлявшим добывать себе силою города. Андрей решился самовольно бежать навсегда в суздальскую землю»³⁰.

Пресняков высказал предположение о необходимости присутствия Андрея на севере, что, собственно, и подняло князя в дорогу. Но в чем состояла эта необходимость, он не пояснил.

Дореволюционные историки часто, как видим, склонны были объяснять отъезд Андрея из Вышгорода в Ростово-Суздальскую землю субъективными преимущественно мотивами, т.е. его личным настроением. Советские исследователи старались оценить этот важный по своим последствиям для Суздальщины эпизод с объективной стороны.

Н.Н. Воронин подчеркивал, что Андрей нарушил «ряд» с Юрием и ушел на север отнюдь не по личному решению, а по совету Кучковичей — представителей местного боярства, с которым Долгорукий вступил в борьбу. Сами же Кучковичи, «оказавшиеся при дворе Андрея, действовали, несомненно, не по личной инициативе, но выражали взгляды кругов ростов-суздальской знати, стремившейся изолировать Ростовский край от общерусских интересов, усилить его самостоятельность, а вместе с тем сохранить и свою независимость от княжеской власти избранием князя «на своей воле». Андрей, большую часть жизни проведший в Суздальщине и не очень любивший покидать ее для походов Юрия на юг, казался подходящим для этой цели». Следовательно, уход Андрея был организован суздальским боярством.

Иного взгляда придерживался И.У. Будовниц, который не мог допустить, чтобы Андрей бежал ночью тайком от отца, властного и крутого человека. Сам Юрий отправил сына в далекий Суздальский край, где «посадил его князем».

Приглашение местного боярства — вот что, по догадке Рыбакова, побудило Андрея нарушить отцовское распоряжение и вернуться в Суздальскую землю³¹.

Довольно уверенно, хотя и непонятно, по каким источникам, Ю.А. Лимонов изображает сцену «весьма драматического объяснения между отцом и сыном», предшествовавшего отъезду последнего, в котором «упрямец никаких доводов не слушал»³². Что же заставило Андрея проявить такое непокорство? Ответ у Лимонова следующий: «Ожесточенная кровавая междоусобица на юге России, бесконечные попытки Юрия Долгорукого занять и удержать Киев силой на основе “старейшинства”, в то же время установление прочных контактов с ростовским боярством — все это привело Андрея Юрьевича к такому решению, прецедентов которому мы не найдем в наших летописях и которое вряд ли могло прийти на ум кому-либо из взрослых сыновей одного из сильнейших и могущественнейших государей Европы. Он покидает отца — Великого Князя в момент его триумфа и уходит на северо-восток, в “Суздальскую землю”, отказываясь от своей доли в “Русской земле”, в Киеве»³³. Лимонов чересчур преувеличивает значение принятого Андреем решения, полагая, будто «такое решение, ознаменовавшее появление в Восточной Европе нового талантливого политика, было одним из первых в длинном списке подобных деяний Андрея Боголюбского, столь неожиданных на первый взгляд и кажущихся подчас фантастическими, тем не менее совершенно точно рассчитанных и зиждившихся на реальных предпосылках и трезвой оценке событий. На Руси наступила эра большой политики, главным действующим лицом которой почти на протяжении двадцати лет становится Андрей. Именно ему русская история обязана новой политической стратегией, новыми политическими понятиями и даже новыми методами проведения политики»³⁴. Относясь с полным пониманием к восторгу автора перед личностью Андрея Боголюбского, заметим все же, что для нас предпочтительнее безпристрастные и взвешенные оценки, осторожное обращение с такими понятиями, как «эра», «большая политика», «фантастические деяния» и т.п.

Наиболее глубокое осмысление исторических реалий, вызвавших возвращение князя Андрея на Суздальщину, принадлежит, на наш взгляд, Насонову — вдумчивому и тонкому интерпретатору древнерусских источников. Говоря об освобождении Ростово-Суздальской земли от дани в «Русскую землю» при Юрии Долгоруком, историк отмечал, что «это освобождение не было прочным. К концу своей жизни Юрий переехал на юг, в Киев, разместив своих сыновей на юге и Андрея в Вышгороде, сохранив за собою обладание Ростово-Суздальской землей. Таким образом, господство «Русской земли» над Северо-востоком должно было по сути дела возобновиться, что, конечно, не отвечало интересам ростово-суздальского боярства. В свете этих отношений понятны последующие события: переезд Андрея на Северо-восток «без отне воле», т.е. против желания отца; интриги в этом событии Кучковичей («его же лестью подъяша Кучковичи»), принадлежавших не к южным, а к числу северо-восточных, «суздальских» бояр...»³⁵.

Действительно, переезд Андрея в Ростово-Суздальскую волость нельзя правильно понять, абстрагируясь от проблемы взаимоотношений Северо-Восточной Руси с «Русской землей», а точнее — с Киевом. Именно в их контексте приобретает ясность поведение князя. Трудно, впрочем, согласиться с отдельными конкретными наблюдениями Насонова. Едва ли вокняжение Юрия Долгорукого в Киеве повлекло за собой возобновление господства «Русской земли» над Северо-Востоком. Напротив, оно нанесло ему сокрушающий удар и потому соответствовало видам суздальцев, которые, как мы знаем, не только помогли своему властителю занять стол в Киеве, но вместе с ним взяли бразды управления Киевской волостью в собственные руки, разойдясь по ее городам и селам. Восстановление киевского господства при данных обстоятельствах было совершенно невозможно. Но в будущем это могло бы произойти, осуществись политические планы Юрия, предусматривающие передачу Киева Андрею, а Ростова и Суздаля — Михалке и Всеволоду. Сам строй межкняжеских отношений, требующий подчинения и послушания младших старшим, таил в этом случае реальную опасность утраты Ростово-Суздальской землей независимости, добытой в упорной и длительной борьбе с Югом. Вот почему городские общины Ростова и Суздаля были кровно заинтересованы в том, чтобы князем у них стал Андрей, а не младшие его братья. Есть еще один, обычно не учитываемый исследователями момент, проливающий свет на историю ухода Андрея от отца на родину. Ростов и

Суздаль как города старейшие заботились о неделимости и единстве своей волости. Сохранить волостную целостность в условиях усиления пригородов, стремящихся к политической самостоятельности, наличие одного князя сулило больше шансов, чем правление двух князей³⁶. Это все заставило старейшие города остановить свой выбор на Андрее, чье нерасположение к Южной Руси и привязанность к родным местам, где прошли его детство, юность и молодые годы, не являлись секретом. Андрея позвали, и он откликнулся. Его пригласили, разумеется, для избрания со временем на княжение в Ростово-Суздальской земле, что разгадали уже летописцы эпохи Московского государства. «Восхоте ити на великое княжение в Суждаль и Ростов», — читаем в Никоновской летописи³⁷.

Древние летописатели сообщают о том, что Андрей отправился из Вышгорода в Суздаль³⁸. Согласно же некоторым поздним летописным источникам, он «приде из Киева в град Владимир»³⁹. Татищев, как бы примиряя две версии, писал: «Пришедше же в Белую Русь, избегая у отца на себя подозрения большего гнева, не стал жить в Суздале, яко престольном отца его граде, но построил себе дом во Владимире на Клязьме...»⁴⁰. Кучкин категорически заявляет, что Андрей ушел из Вышгорода «именно во Владимир».

Мы все-таки отдаем предпочтение ранним летописным известиям, называющим Суздаль местом прибытия князя. Почему? Во всяком случае, по двум основаниям. Во-первых, поздние летописцы, отправляя Андрея из Киева и тем самым совершая ошибку⁴¹, подрывают доверие к себе. Во-вторых, Андрей, если лелеял мысль о княжении в Ростово-Суздальской земле, должен был, естественно, ехать в один из старших городов — Ростов или Суздаль, а не в пригород Владимир, с какой бы приязнью он к нему ни относился. Это, конечно, не исключает того, что князь потом мог поехать во Владимир и ждать там благоприятного момента.

В летописи недвусмысленно сказано, что Андрей совершил жертвоприношения и закончил строительство Спаса в Переяславле Залеском после смерти Юрия Долгорукого: «И по смерти отца своего велику память створи, церкви украси и монастыря постави и церковь сконча, юже заложил прежде отец его Святаго Спаса камени в Переяславле новем»⁴². Рассказ летописца о благих делах Андрея, содеянных в память об усопшем родителе, позволяет заключить насчет известной преемственности его политики, по крайней мере, на первых порах по

вокняжении в Ростово-Суздальской земле⁴³. Возможно, новый князь сам всячески выпячивал ее, надеясь тем сгладить неблагоприятное впечатление от дерзкого нарушения воли Юрия, предназначавшего Ростов и Суздаль младшим своим сыновьям Михалке и Всеволоду, на чем, заметим попутно, «целовали крест» ему ростовцы и суздальцы⁴⁴. Однако они, прослышав о смерти Долгорукого, «здумающе вси, пояша Аньдрея, сына его старейшаго, и посадиша и в Ростове на отни столе и Суждали, занеже бе любим всеми за премногую его добродетель, юже имяше преже к Богу и ко всем сущим под ним»⁴⁵. Ипатьевская летопись, наряду с ростовцами, суздальцами, вводит в круг действующих лиц еще и владимирцев⁴⁶. Но это добавление есть следствие обработки позднейшего владимирского сводчика, записи которого использовали на юге при составлении протографа Ипатьевской летописи⁴⁷. Присмотримся внимательнее к летописному повествованию. Сперва уясним, кто скрывался за терминами «ростовцы» и «суздальцы». Нередко за ними исследователи видят местных бояр, феодальную знать, торгово-промышленную верхушку местного общества⁴⁸. Нельзя, однако, согласиться с подобной трактовкой. Ростовцы и суздальцы — это, по нашему убеждению, массы жителей Ростова и Суздаля, состоящие из знатных и простых людей. Именно так ориентирует нас летописец, прибегая к выражению «вси Ростовци и Суждальци». К тому же подводит и слово «здумающе», означающее вечевое собрание⁴⁹. А на вече сходились все свободное людство, независимо от социального положения⁵⁰. Летописец, стало быть, повествует о вечевом сходе населения двух старейших городов Ростово-Суздальской волости, избравшем на княжение Андрея Боголюбского⁵¹. Не исключено, что на этом сходе присутствовали представители пригородов, в частности города Владимира, чем, возможно, и объясняется добавление владимирцев к ростовцам и суздальцам, читаемое в Ипатьевской летописи. Но руководящая роль тогда принадлежала Ростову и Суздалю, которым пригороды повиновались.

§ 3 Социально-политическая борьба городов Северо-Восточной Руси

«Премногая добродетель», снискавшая Андрею всеобщую любовь, — вот что определило, по летописцу, его избрание. Храбрость и мужество, набожность и щедрость были, бесспорно, присущи князю Андрею. Но не только они повлияли на решение ростовцев и суздаль-

цев. Сработали и более прозаические причины, вращавшиеся в сфере повседневной политики городских общин Ростова и Суздаля, озабоченных сохранением единства волости и своего господства в ней. Это настроение главных городов тонко почувствовал В.И. Сергеевич. Правда, соглашение Юрия Долгорукого с ростовцами и суздальцами о княжении в Ростово-Суздальской земле Михалки и Всеволода он воспринимал как состоявшееся деление волости на две части, причем это деление, по его словам, «было принято ввиду существования двух одинаково сильных городов, Ростова и Суздаля, между которыми и должно было произойти размежевание прежде неразделенной волости». Далее Сергеевич отмечает, что даже такое деление «не очень соответствовало вкусам “старейших” волости. Оно было принято ими, пока был жив Юрий, и немедленно нарушено, как только он умер... Таким образом, волею старших городов было восстановлено единство Ростовской волости. Андрей был избран единым князем для всей волости и, по старине, посажен “на отни столе” в Ростове. В этом восстановлении “отеческого стола” в Ростове нельзя не усматривать в происшедшем перевороте преобладающей роли жителей старшего города, Ростова»⁵². Правильно уловив общий смысл политики правящих городов Северо-Восточной Руси, Сергеевич допустил ряд неверных суждений в конкретном плане. Пока был жив Юрий, Суздальщина оставалась неразделенной. И только после смерти Великого Князя, с приходом к власти Михалки и Всеволода она могла потерять прежнее единство, чему и воспрепятствовали ростовцы и суздальцы, собравшиеся на вече в 1157 г., где вместо Михалки и Всеволода избрали на княжение Андрея Юрьевича. Следовательно, нет никаких причин говорить о делении Ростовской волости на две части, а значит — и о восстановлении ее единства. Излишни также рассуждения относительно «восстановления отеческого стола в Ростове», «перевороте», осуществленном якобы в условиях «преобладающей роли жителей старшего города, Ростова». Нам думается, что ростовцы и суздальцы, посадив «на отен стол» Андрея, предотвратили политическое дробление волости, сохранив неизменным прежний порядок, обеспечивающий им командное положение среди пригородов.

Смысл произошедшего в июне 1157 г. на вечевом собрании старших городов заключался отнюдь не в демонстрации «громдного сдвига» в социальных и политических отношениях, не в «официальном акте создания» нового образования, а в консервации существующего уже политического строя, выгодного для ростовцев и суздальцев

как верховных правящих общин Северо-Восточной Руси. Разумеется, это давалось не просто, а через борьбу городов, которая, к великой жалости, по недостатку источников плохо различима. Однако ряд косвенных данных свидетельствует, что межобщинное соперничество в Ростово-Суздальской земле достигло к середине XII в. значительной остроты. В круговороте этого соперничества мелькают Ростов, Суздаль и Владимир.

Первоначально главою «области» являлся Ростов. Недаром он в народной памяти остался как «Великий» и «многонародный». Перед нами «впечатление глубокой древности, когда в исходе первого тысячелетия нашей эры Ростов был старейшим центром русской государственности на северо-востоке»⁵³. Главенствующую роль в регионе Ростов удерживал за собой до конца XI в.⁵⁴, после чего происходит усиление Суздаля, который уже в княжение Юрия Долгорукого выступает на равных с Ростовом, претендуя на руководство в волости. Возникает довольно своеобразная политическая система, которую условно можно считать дуумвиратом городов⁵⁵. Затем на арену политической борьбы вышел Владимир, а за ним к исходу XII в. — Переяславль. Значительность межгородской борьбы для исторических судеб Северо-Восточной Руси в домонгольский период вполне оценили некоторые крупнейшие дореволюционные историки⁵⁶. Межгородская борьба на Северо-Востоке, как и в остальной Руси, представляла собой одно из мощных течений исторического бытия той поры.

Вплоть до смерти Андрея Боголюбского она не обнаруживает себя в форме прямых столкновений. Ее мы можем наблюдать во множестве иных проявлений. К их числу относится такое явление, как перенос княжеских резиденций. Известно, что первоначальным местопребыванием князей на Северо-Востоке был Ростов. По сообщению Повести временных лет, именно в Ростове сидели сыновья Владимира Крестителя Ярослав и Борис⁵⁷. Княжил какое-то время в Ростове и Мстислав — отпрыск Владимира Мономаха⁵⁸. Сын Мономаха Юрий, заняв ростовское княжение, поселился уже не в Ростове, а Суздале⁵⁹. Князь же Андрей Боголюбский, посаженный на «отне столе» в Ростове и Суздале, уходит со временем на жительство во Владимир⁶⁰. Эта княжеская «миграция» еще в прошлом веке привлекала внимание отечественных историков. Разные суждения высказывались ими на сей счет. Соловьев связывал перемещение князей из Ростова в Суздаль, а из Суздаля во Владимир с их стремлением к югу с целью соединения с Днепровской Русью, а также поисками центра, вокруг которого мог-

ли бы сосредоточиться «русские области»⁶¹. Он писал: «Стремление князей к югу усматривается в перенесении стола княжеского из Ростова в Суздаль; первый князь, который должен был остаться надолго в Ростовской области, Юрий Владимирович Долгорукий, живет уже не в Ростове, а в Суздале, в городе южнейшем. Каково же положение этого города и как вообще должно было совершаться это движение на юг? И здесь, как и везде в нашей древней истории, водный путь имеет важное значение. Самая ближайшая от Которосли и от Ростовского озера река к югу есть Нерль, которая сама есть приток Клязьмы; таким образом, если следовать речным путем, то после Ростова южнее будет Суздаль на Нерли, потом южнее Суздаля является Владимир, уже на самой Клязьме; так и северные князья переносили свои столы — из Ростова в Суздаль, из Суздаля во Владимир. Здесь, в последнем городе, стол великокняжеский утвердился надолго, потому что северные князья, достигнув этого пункта, презрели Южную Русь и все внимание обратили на восток, начали стремиться по указанию природы вниз по рекам: Клязьмою — к Оке и Окою — к Волге»⁶². Помимо этих, если можно так выразиться, геополитических соображений, Соловьев выдвигал обоснования и социального характера. Тягу Андрея к пригородам, в частности к Владимиру, он мотивировал тем, что пригороды, в отличие от старейших городов Ростова и Суздаля, были княжеским творением и потому составляли «особый мир», где князь чувствовал себя «неограниченным властелином», «полновластным хозяином». Жители пригородов, населенных князьями, были послушны своим властителям не в пример «старым вечникам» — ростовцам и суздальцам. Княжеская власть здесь прививалась «гораздо свободнее»⁶³.

По мнению Ключевского, в Ростовской области всеми делами управляли две аристократии, служилая и промышленная. «Обе эти аристократии встречаем в Ростовской земле уже при Андреевом отце Юрии; но Андрей не поладил с обоими этими руководящими классами суздальского общества. По заведенному порядку он должен был сидеть и править в старшем городе своей волости при содействии и по соглашению с его вечем. В Ростовской земле было два таких старших вечевых города, Ростов и Суздаль. Андрей не любил ни того, ни другого и стал жить в знакомом ему смолоду маленьком пригороде Владимире на Клязьме, где не были в обычае вечевые сходки...»⁶⁴.

Переезд Боголюбского во Владимир Д. Корсаков обусловил нежеланием князя «оставаться в городах, где были сильны прежние тра-

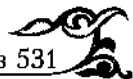
диции. В Ростове сконцентрировалась главная сила земских бояр, а в Суздале, местопребывании Юрия Долгорукого, могли получить достаточную крепость княжеские и дружинные порядки. И земские бояре, и княжеско-дружинные порядки были одинаково не по сердцу Андрею»⁶⁵. Но вскоре оказалось, что и во Владимире боярская партия «достаточно сильна». Тогда Андрей поселился в городе Боголюбове, где окружил себя «молодыми людьми», или «малыми отроками», создавая из них преданное ему «служилое сословие»⁶⁶.

Мысль о бегстве ростовских князей от всемогущих бояр из старых городов в новые развивал и Сергеевич. «Очевидно, — говорил он, — в старых городах было что-то такое, что не нравилось князьям, даже избранныкам старых городов. Не имея сил переделать эти неприятные им порядки, князья уходят в новые города, где, по всей вероятности, неприятные им элементы были слабее. В старом Ростове было немало сильных людей, бояр, которые, естественно, стремились заправлять всеми делами волости. От них-то, надо думать, ушел Юрий в Суздаль. Но, по всей вероятности, бояре успели развестись и в Суздале, и вот сын Юрия, Андрей, уходит во Владимир к «мезиниим» людям владимирцам. Князья не в силах еще менять существующие порядки, они могут только бежать от того, что им не нравится».

Теория бегства ростово-суздальских князей от своенравных и властолюбивых бояр или других «аристократий» далеко не исчерпывает сути проблемы, если вообще не заводит исследователя на ложный путь. Поверхностность и субъективность ее для нас очевидны. Поэтому мы отдаем должное проницательности Насонова, старавшегося установить глубинные причины (экономические, социальные и политические), вызвавшие переезды князей из одних городов в другие. Любопытны суждения историка о том, почему Андрей Боголюбский обосновался во Владимире. «В начале XII столетия, с оживлением торговой деятельности пригорода Владимира и с ростом его населения, все стремления его направляются к политической независимости от опеки Ростова»⁶⁷. Именно с развитием материальных средств Владимира появилась мысль у жителей города «о своем собственном, избранном князе, о политической равноправности со старым Ростовом». Таким образом, «пребывание Андрея во Владимире было обусловлено желанием населения, стремлением владимирцев к политической независимости от старшего города»⁶⁸. Несмотря на односторонность объяснений Насонова, сильно преувеличившего роль фактора «торговой деятельности» в развитии Владимира⁶⁹, они, тем

не менее, означали серьезное продвижение к истине. Однако вскоре ученые снова возвращаются к представлениям и схемам старой историографии. У Воронина Юрий Долгорукий «отмежевывается» от враждебных «боярских кругов», уйдя из Ростова в Суздаль, а Андрей Боголюбский «решительно обособляется от них», переехав из Суздаля во Владимир⁷⁰. Воронин «оживляет» и мнение историков, которые в построенных и заселенных князьями городах усматривали опору княжеской власти, боровшейся с самовластьем вечевое боярства. Он полагает, что «в населении новых городов складывалось прочно привязанное к князю и зависимое от него ядро. В последующей истории Владимирского княжения мы видим, что эти города на всем протяжении XII–XIII вв. неизменно являются твердой опорой княжеской власти»⁷¹. Центром притяжения боярской знати был Ростов, да и в Суздале «боярство давало чувствовать свое сопротивление»⁷². Вот почему Воронину кажется симптоматичной «постройка укрепленной княжеской усадьбы Юрия вне Суздаля, в Кидекше, на устье реки Каменки, сигнализирующая о тенденции князя и его двора обособиться от города и, в то же время, держать его в руках... Далее, не менее характерно, что незадолго перед смертью Юрия, по его приказу, отстраивают новый княжеский двор во Владимире. Все эти факты говорят о растущих противоречиях между боярской знатью и княжеской властью, стремящейся отмежеваться от боярских кругов и найти новую точку опоры»⁷³. И она была найдена. Ею стали «горожане Владимира и других городов – предшественники позднейшей буржуазии», являвшиеся «естественными сторонниками сильной княжеской власти»⁷⁴. Воронин наблюдает «во Владимирском княжестве» союз княжеской власти с горожанами. Мысль о борьбе с боярством ростово-суздальских князей в союзе с торгово-ремесленным, бюргерским населением городов, обусловившей перемещение княжеских резиденций из старых городов в новые, широко бытует в советской исторической литературе. Но от этого она не стала убедительнее.

Истинная подоплека княжеских переездов нам открывается в несколько ином освещении: как производное процессов возникновения и развития городов-государств на Руси XI–XII вв., на языке летописцев – земель и волостей. Центром таких государственных образований был главный город, под началом которого находились пригороды с тянущими к ним поселками. Рост населения, консолидация местных общин порождают у пригородов стремление к независимо-

сти, в конечном счете — к выделению в самостоятельную волость со своим князем⁷⁵. На этой почве возникает борьба между правящим городом и пригородами. Нередко она приобретает смысл соперничества, влекущего за собой перераспределение власти между главным городом и пригородами, в результате чего тот или иной пригород либо уравнивается с главным городом, либо подчиняет его, т.е. сам превращается в главный город. Передел власти был тесно связан с проблемой княжения. Отсюда упорные попытки пригородов устроить свой княжеский стол с отдельным, собственным князем или хотя бы переманить князя из старшего города к себе, на худой случай, открыть в своем городе, пусть даже не постоянную, а временную княжескую резиденцию. В рамках этих вариаций и проходит политическая эволюция Северо-Восточной Руси на протяжении XII века.

В исторической литературе обычно утверждается, что Юрий Долгорукий сделал Суздаль столицей Ростовской волости. Летописи, казалось бы, позволяют говорить так, свидетельствуя многократно о пребывании Юрия в Суздале⁷⁶. Поздние летописцы называют его князем суздальским⁷⁷, а Суздаль — великим княжением. Но вместе с тем существуют и другие показания древних летописателей. «Се стрьи мои Гюргии из Ростова обидить мои Новгород», — говорил Изяслав Мстиславич черниговским Давыдовичам, Владимиру и Изяславу. Князья условились, «ако ледове стануть, поити на Гюргя к Ростову»⁷⁸. Надо, впрочем, сказать, что такого рода известия, связывающие Юрия с Ростовом, редко встречаются в летописях. Но это не может подорвать к ним доверие, ибо, как показывает анализ летописного материала, в суздальском летописании времен Юрия Долгорукого «Ростов все более заслонялся Суздалем»⁷⁹. Создавалась иллюзия главенства Суздаля над Ростовом. На самом же деле Ростов в княжение Юрия не утратил значение центра Северо-Восточной Руси. Он потерял лишь исключительность права на это значение. В итоге сложился политический паритет Ростова и Суздаля. Князь пребывал и в одном и другом городе, если не посменно, то периодически⁸⁰. Княжеский стол для Ростова и Суздаля стал общим достоянием, а ростовская и суздальская общины, поделив верховную власть, превратились в соправительствующие, что нашло отражение в летописном сообщении о посажении ростовцами и суздальцами Андрея Юрьевича на княжеский стол в Ростове и Суздале⁸¹.

§ 4 Усиление политической роли Владимира при Великом Князе Андрее Боголюбском. Значение строительства Владимирского Успенского собора

Политическое равновесие между Ростовом и Суздалем установилось, конечно же, как следствие борьбы городских общин, в которой старый Ростов вынужден был уступить, позволив Суздалью сравняться с собой. В середине XII в. на арену политической борьбы городов выходит Владимир. Ему противостоят Ростов и Суздаль. Успехи Владимира поначалу не столь очевидны, как это кажется многим историкам, дореволюционным и советским. Этот город, по их мнению, выдвигается на первое место сразу после вокняжения Андрея Боголюбского. «Андрей принял стол ростовский и суздальский, но утвердил свое пребывание в прежней волости — Владимире», — говорил С.М. Соловьев⁸². Еще определеннее высказывался Костомаров: «Ростовцы и суздальцы со всею землею... единодушно избрали Андрея князем всей своей земли. Но Андрей не поехал ни в Суздаль, ни в Ростов, а основал свою столицу во Владимире»⁸³. Согласно Д. Корсакову, «Андрей Боголюбский», выбранный в князья всей землей Ростовско-Суздальской и посаженный на «отне столе» в Ростове, избирает, однако, своим местопребыванием не старейший город земли, Ростов, и не Суздаль, резиденцию отца своего Юрия, а младший город — Владимир»⁸⁴. Этот взгляд представлен и в новейшей литературе. Рыбаков, например, рассказав об избрании Андрея на княжеский стол ростовскими и суздальскими боярами, пишет: «Однако новый князь сразу решительно поставил себя не рядом с боярством, а над ним. Своей столицей он сделал сравнительно новый город Владимир».

Историки, рассуждающие подобным образом, упрощают исследовательскую задачу⁸⁵. В действительности же все было гораздо сложнее. Неслучайно большой знаток летописания изучаемой поры Приселков подчеркивал, что посредством сообщений «Владимирского летописца» совершенно невозможно выяснить, «когда и как была перенесена столица княжества во Владимир». Зато мы знаем отнюдь не единичные летописные известия о пребывании Андрея в Ростове и Суздале. В 1159 г., памятном закладкой церкви Пресвятой Богородицы во Владимире, князь находится в Ростове, куда Изяслав Давыдович засылает сватов, прося у Андрея «дщери за своего сыновца, за Святослава», а также военную помощь. Боголюбский отрядил «сына своего Изяслава со всем полком». Из похода Изяслав Андреевич «воротился к отцю своему Ростову». В 1164 г. Андрей Боголюбский ходил

против волжских болгар. В древних летописях не говорится, откуда выступил воитель. «Сказание о чудесах Владимирской иконы Божией Матери» проливает свет на сей счет, называя Ростов. Факт сбора ратных людей в Ростове, выступление войска из него свидетельствуют прежде всего о высоком политическом статусе города, первенствующей его роли в жизни Ростово-Суздальской земли.

Летописцы передают ряд эпизодов, связанных с нахождением Андрея в Суздале. В 1171 г. лишен был новгородского посадничества боярин Жирослав. Изгнанный из Новгорода, он «иде Суждалю к Ондреви». Годом раньше «припрашивал» Владимир Андреевич дорогобужский у Великого Князя киевского Мстислава Изяславича дополнительную волость сверх той, что уже получил. Изяслав, разумеется, ничего не дал, а Владимир, разгневавшись, «иде Дорогобужю». Летописец сопровождает свой рассказ ремаркой: «В то же вереме бе Андреи Гюргевичь в Суждали княжа и ть бе не имея любви к Мьстиславу». Известный поход на Киев, завершившийся взятием и разорением поднепровской столицы, начинается из Суздаля по воле присутствующего здесь Андрея. Туда же со славою победителя возвращается Андреев сын Мстислав. Летописный текст не оставляет сомнений, что Андрей ожидает его в Суздале: «Мстислав же Андреевич посади стрья своего Глеба Киеве... поиде в Суждаль к отцю Андрееви». Лаврентьевская летопись и Летописец Переяславля Суздальского возвращают Мстислава во Владимир. Это можно понимать двояко: либо как исправление Суздаля на Владимир, осуществленное владимирским книжником с целью возвеличения родного города, либо как указание на то, что Мстислав правил во Владимире, а князь Андрей сидел по-старому на главном ростово-суздальском столе. Последнее предположение нам кажется более правдоподобным. Дело в том, что Лаврентьевский свод и Летописец Переяславля Суздальского, как и другие летописи, отправляют Мстислава походом на Киев из Суздаля, где находится Андрей⁸⁶. Сохраняя эту деталь, Владимирский летописец вряд ли совершил столь неуклюжую подтасовку, поменяв Суздаль на Владимир. Видимо, он отметил конечное место, куда вернулся Мстислав из завоеванного Киева. Привлекает внимание одна подробность: Мстислав «възвратися Володимерю с дружиною своею»⁸⁷. Если учесть, что из Суздаля он отправился с «Ростовци и Володимерци и Суждалци», то приезд во Владимир с дружиной, т.е. с людьми из ближайшего окружения, едва ли можно истолковать иначе, как возвращение в свой город, к себе на княжение. О правлении Мстислава во Владимире

говорит как будто и факт его погребения после кончины в храме Пресвятой Богородицы⁸⁸.

По Ипатьевской летописи, Андрей Боголюбский еще в 1173 г. находится в Суздале, о чем узнаем из записи о смене князей в Новгороде: «В ту же зиму выиде Рюрик из Новагорода, потомъ же Новгородци послашася ко Андрею князю в Суждаль, и вда им дѣтя свое Юрья, и прияша и с честию»⁸⁹. Южный летописец называет Андрея «князь Суждальский»⁹⁰. И в этом летописатель последователен до конца: приступая к повествованию о трагической смерти князя, он пишет: «Убьен бысть великий князь Аньдреи Суждальский»⁹¹. Последующие летописцы именовали Боголюбского «князем Ростовским и Суздальским»⁹², а иногда — просто «Суздальским»⁹³.

Приведенные материалы предостерегают от скоропалительных выводов о немедленном по избрании на стол переезде Андрея Юрьевича из «старейших» городов Ростова и Суздаля в «молодший» Владимир, о переносе в пригород на Клязьме столицы Ростово-Суздальской земли. Но это вовсе не означает, что между Андреем и владимирской общиной не было тесных отношений. Напротив, он испытывал к городу поначалу особую привязанность. Ведь в молодые годы князя, когда правил Ростовской землей Юрий Долгорукий, Владимир являлся его «волостью»⁹⁴. Вероятно, еще тогда княжич проникся симпатией к городку на Клязьме. Верность своему чувству Андрей хранил, будучи уже «на отни столе». Нет никаких сомнений в том, что Великий Князь часто бывал во Владимире, подолгу жил в нем⁹⁵. Безспорно также и то, что он старался возвысить этот город, превратить его в главный центр Суздальщины, о чем читаем в Никоновском своде под 1159 г.: «Того же лета создан бысть град Владимир велик зело князем Андреем Боголюбским Ростовским и Сузадалским, Юрьевым сыном Долгорукого, и хотяше града сего стол быти великого княжения. Ростовцем же и Суздацем не хотяше сего, глаголюще: “яко Ростов есть старой и болшей град и Суждаль; град же Владимиръ пригород нашъ естъ”»⁹⁶. Желание Андрея, как видим, разбилося о сопротивление ростовцев и суздальцев, боровшихся против усиления своего пригорода. Если верить Московскому своду 1479 г., где-то на рубеже 60–70-х гг. XII в. «наста княженьє Володимирьское князем Андреем Юрьевичем»⁹⁷. Однако конкретных сведений, свидетельствующих об учреждении великокняжеского стола во Владимире, нет ни в названном своде, ни в более древних Ипатьевской и Лаврентьевской летописях. Перефразируя цитированные выше слова Приселкова, можно сказать, что имеющие-

еся в научном распоряжении летописные записи оставляют нас в неведении не только относительно того, «когда и как была перенесена столица княжества во Владимир», но и в том, состоялось ли вообще это перенесение. Увязывать столичный статус города лишь с фактом проживания в нем князя явно недостаточно, поскольку Андрея мы застаем и в Ростове, и в Суздале, и во Владимире. Сама же смена местожительства не может быть правильно понята без учета традиций, типичных для древних обществ. Советские историки обратили внимание на экстерриториальность князей по отношению к столичным центрам. Верное, на наш взгляд, объяснение этому явлению предлагает Петров: «Можно считать, что изолированное положение резиденций древнерусских князей по отношению к основным кварталам их столиц было обусловлено традицией, которая восходила к отмеченным Д. Фрэзером особенностям первобытной идеологии, утверждавшей необходимость некоторой изоляции вождя-правителя»⁹⁸. Разумеется, на Руси XI–XII вв. архаические порядки, изолирующие властителя, выступают не в первозданном, а пережиточном виде, измененные и преобразованные временем. Тем не менее, они достаточно выразительны. Юрий Долгорукий, как известно, не стал жить в Ростове, а поселился в Суздале. Но вскоре он неподалеку от Суздаля сооружает Кидекшу, строит здесь каменную церковь. Воронин усматривает в этом желание Юрия уйти из Суздаля, обособиться от него⁹⁹. Андрей Боголюбский сделал своим местопребыванием, кроме Ростова и Суздаля, город Владимир, но одновременно построил Боголюбово, где «постави две церкви камены и ворота камены и палаты»¹⁰⁰. Боголюбов-город возводился как резиденция князя. Здесь он жил, принимал послов и торговых людей из русских и чужих земель. Мы искажем подлинную суть указанных княжеских перемещений, если будем толковать их в сугубо политическом ключе, сводя проблему к переносу столиц. Перезезды верховного правителя по волости из города в город не были фатальными для старейших городских общин, расстававшихся с ним на какое-то время. Отъезд князя не означал потерю князя вообще. Сохранявшиеся же в общественном сознании пережитки древних представлений об экстерриториальности правителя позволяли спокойно взирать на отсутствие князя в том или ином городе. И уж, конечно, такое отсутствие не означало утрату главной общиной принадлежавших ей политических преимуществ и прав¹⁰¹. Вспомним поведение ростовцев и суздальцев после смерти Андрея Боголюбского, уверенно заявлявших о своем старейшинстве в Ростово-Суздальской земле,

что, собственно, не оспаривал и Владимирский летописец, признавая жителей Владимира людьми «новыми», «мезиними»¹⁰².

Нельзя, однако, полностью отбрасывать влияние соперничества городов на переезды князей. Несомненно, что межгородская борьба способствовала в определенной мере этим переездам. Вот почему в княжеских перемещениях можно видеть одну из форм выражения противоборства городских общин Суздальщины¹⁰³. Другой аналогичной формой являлось храмовое строительство.

Исторический опыт древних народов показывает, что гражданские общины имели собственных богов, и потому каждая община была самостоятельной, а порой и замкнутой религиозной ассоциацией. Именно этим объясняется та специфическая роль, которую усвоили соборные церкви, воздвигнутые в волостных центрах — средоточиях различных древнерусских земель, или городов-государств¹⁰⁴. Эти храмы приобрели огромное значение, будучи оплотом благоденствия и мира, символом суверенитета городских общин¹⁰⁵.

В старейшем граде Ростове по распоряжению Владимира Мономаха была построена церковь Пресвятой Богородицы. Исследователи относят это ко времени Леонтия — первого ростовского епископа¹⁰⁶. Есть любопытное свидетельство о том, что церковь «сздана от древ дубовых»¹⁰⁷. При поверхностном взгляде оно может показаться мало-значительным. На самом же деле в нем заключена важная для исследователя информация. Известно, что дуб у многих древних народов, в том числе и у племен, населявших Верхнее Поволжье, почитался как священное дерево¹⁰⁸. Дубовый храм, сооруженный в Ростове, приобретал, следовательно, в сознании местных жителей особую святость. Так переплетались языческие и христианские верования. В глазах ростовцев церковь Пресвятой Богородицы «беше чюдна, такоже чюдна, ни потом не будет»¹⁰⁹. Невольно напрашивается историческая параллель. Соратник Ярослава Мудрого митрополит Иларион с восторгом писал о Софии киевской: «Церковь дивна и славна всем окружным странам, яко же ина не обрящется во всем полунощи землею от востока до запада». Эти слова Илариона надо понимать в смысле не только внешнего великолепия киевской Софии, но и ее исключительности как местной святыни, ее приоритета над остальными церквами. Точно так же мыслили и христиане Ростова, которым церковь Пресвятой Богородицы казалась неповторимой и по святости не сравнимой с иными церквами всего мира. Этот взгляд возвышал гражданскую

общину Ростова над остальными общинами «Ростовской области», обосновывал ее господство в волости.

Суздаль, затеяв соперничество с Ростовом, должен был позаботиться о создании собственной святыни, не уступавшей в могуществе ростовскому храму. И в Суздале возводится своя соборная церковь Пресвятой Богородицы. Примечательно, что она строится «в ту же меру», как и храм Пресвятой Богородицы в Ростове¹¹⁰. Элементы подражания выявляются и в оформлении церкви¹¹¹. Ясно, что суздальская община стремилась сравняться с ростовской общиной в религиозной сфере и тем самым идеологически обосновать свои притязания на власть, сосредоточенную доселе в руках ростовцев.

Начало борьбы Владимира за самостоятельность было ознаменовано строительством храма Пресвятой Богородицы. По сообщению Лаврентьевской летописи, в 1158 г. «заложил Андреи князь в Володимери церковь камену Святую Богородицю... и да ей много именья и свободы купленыя и з даньми, и села лепшая, и десятины в стадах своих, и торг десятый»¹¹². В 1160 г. она уже стояла построенной: «Того же лета создана бысть церкви Святая Богородица в Володимери благоверным и боголюбивым князем Андреем, и украси ю дивно многоразличными иконами и драгим камнем безъчисла, и сосуды церковными и верх ее позлати... и украси ю паче инех церквии»¹¹³. Здесь мы видим уже знакомую нам по Ростову и Суздалю претензию на исключительность своей, Владимирской Святой Богородицы. Затем следует текст, имеющий важное познавательное значение: «Того лета погоре Ростов и церкви все и сборная дивная и великая церкви Святое Богородице сгоре, и яко же не было, ни будеть»¹¹⁴. В летописном рассказе, если взять его в целом, проглядывает идейная антитеза: церковь Святой Богородицы во Владимире создана, а в Ростове сгорела. По логике летописца, смотревшего на все происходящее с точки зрения промысла Божьего, это поднимало престиж владимирского храма в ущерб ростовскому. Вместе с тем летописатель совместил в своем рассказе несовместимое: прославление ростовского и владимирского храмов Святой Богородицы. Насонов, обративший внимание на данную несообразность, писал: «Эти два стоящих рядом противоречивых показания можно объяснить только тем, что взяты известия из разных источников: одно — из владимирского, из записей, сделанных при Успенском владимирском соборе, а другое — из ростовского, из записей ростовского соборного клира»¹¹⁵. Если это так, то надо признать наличие активной борьбы между идеологами Ростова и Владимира,

за которой, вне всякого сомнения, скрывалось противоборство ростовской и владимирской общин.

Соперничество городов нашло отражение не только в провозглашении исключительности друг перед другом церковей Ростова и Владимира, но и в создании культа местных святынь. Для Владимира и его соборной церкви величайшее значение приобрела икона Божьей Матери, написанная по преданию с Самой Девы Марии евангелистом Лукою «на доске из того стола, за которым трапезовал Иисус Христос со своею Пречистою Матерью и праведным Иосифом», доставленная на Русь «в едином корабле с Пирогощею из Царяграда»¹¹⁶. Она была установлена в церкви женского монастыря в Вышгороде, откуда князем Андреем Боголюбским перенесена на северо-восток. Накануне с иконою творились чудеса, свидетельствующие о ее желании уйти из Вышгорода. Сперва «видеша ю среди церкви особь стоящу. И поставиша ю на ином месте. Второе видевше ю ко олтареву лицом обратившуся. И ркоша, яко во олтареву хочет стояти, и поставиша ю за трапезою. Третье видеша ю кроме трапезы о себе стоящу и иных чудес множество»¹¹⁷. Андрей собирался взять икону в Ростов. Но по пути в старейший город неподалеку от Владимира кони вдруг стали, как вкопанные, и уже никоим образом не удалось их сдвинуть с места. Предание, занесенное в Новгородскую летопись, рассказывает: «Ту же коня много били, а конь с того места с иконою не идет»¹¹⁸. Князь вынужден был остановиться. Слуги раскинули шатер. А поутру Андрею во сне явилась Богородица с хартией в руке и велела поставить икону во Владимире, а не в Ростове. И он исполнил ее наказ¹¹⁹. Ключевский с присущей ему проницательностью говорил: «Появившись в Суздальской земле, когда здесь начиналась вражда между двумя слоями населения, из которых один тянул к Ростову, а другой к Владимиру, чудотворная икона получила для последнего не церковное только, но и политическое значение. В числе чудес ее рассказывается одно, которому старое владимирское предание дало вид политической демонстрации против Ростова: это — известное чудо о том, как остановились лошади, когда кн. Андрей повез икону в Ростов, и не хотели идти далее, потому что икона желала остаться во Владимире, наперед оправдывая тем нововведение Андрея, перенесшего свой княжеский стол из Ростова во Владимир»¹²⁰.

С этой иконою связано множество чудес, десять из которых вошли в отдельное Сказание, составленное в первые годы «княжения Андрея по смерти его отца»¹²¹. В честь ее было установлено торжественно об-

ставленное празднество¹²². Все это служило средством укрепления политических позиций владимирской общины, добивавшейся равноправия с Ростовом и Суздалем. Чем ответил Ростов на затеи Владимира?

В 1160 г., как мы знаем, сгорела в Ростове церковь Пресвятой Богородицы, что явилось тяжким испытанием для местной городской общины, почувствовавшей себя лишенной покровительства высших сил. Надо было срочно восстанавливать святыню. И Андрей приказал «сздати церковь камену во имя Пречистыя Богородица на месте погоревшей церкви». Но ростовцы решили, что эта церковь мала и потому «начаша людие молитися князю, дабы повелел боле церковь заложити. Едва же умолен быв, повеле воли их быти»¹²³. Ростовцам, как видно, совсем не безразлично было, большой или малый храм заменит сгоревшую церковь. Вокруг этого кипели страсти, и князь уступил «воле» горожан («людия»)¹²⁴. О том, насколько напряженной была обстановка в городе, говорит тот факт, что план постройки пришлось менять уже в процессе начатого строительства¹²⁵. Сейчас нам трудно сказать, почему «людие» с такой настойчивостью приступали к Андрею. Мы можем тут лишь догадываться. Вероятно, небольшая величина храма умаляла значение местной святыни, принижая тем самым ростовскую общину. Возможно и другое: ростовцы не хотели, чтобы их храм Святой Богородицы оказался меньше по размерам владимирской церкви Святой Богородицы. Они добились своего, и ростовский собор, как показали археологические раскопки, был выстроен гораздо большим, чем храм во Владимире¹²⁶. Понятно теперь и поведение князя Андрея, который, заложив малую церковь, с явной неохотой соглашается расширить ее.

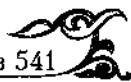
Осмысливая остроту вопроса о восстановлении церкви Святой Богородицы в Ростове, мы в конечном счете опять-таки упираемся в межгородское соперничество, преломившееся на этот раз в храмовом строительстве.

«Делатели» ростовского собора, копая рвы, «обретоша гроб, бе покровен двема дьскама, и людем недоумевающимся. И отвръзоша гроб и видеша лице великаго Леонтия, святящеся, яко свет, и ризы его яко вчера облачены»¹²⁷. Так состоялось открытие мощей Леонтия — первого ростовского епископа¹²⁸. По завершении строительства мощи святого перенесли в собор. Начались, разумеется, всякие чудеса. Написано было и Житие Леонтия.

По мнению Ключевского, «первоначально, вскоре по окончании каменного собора в Ростове, след. в промежуток 1170–1174 гг., была со-

ставлена записка о жизни Леонтия и судьбе его тела, слившаяся потом с позднейшими прибавлениями»¹²⁹. Затем епископом Иоанном «или по его внушению в 1194–1204 гг. записаны были предания о жизни Леонтия, к ним присоединены выбранные из летописи известия о мощах его, дополнены дальнейшими известиями о празднике и чудесах 1194 г., и весь рассказ закончен приуроченным к празднику кратким поучением с хвалебно-молитвенным обращением к святому. Со внесением чудес и похвального слова сказание получило вид цельного, законченного жития, удобного для чтения в церкви»¹³⁰.

Воронин внес некоторые уточнения в датировку, предложенную Ключевским. Он убедительно показал, что первая часть Жития св. Леонтия касается событий 1161–1162 гг., и нет должных оснований «принимать дату ее составления между 1170 и 1174 гг.»¹³¹. По Воронину, эта часть Жития появилась не в 1170–1174 гг., т.е. спустя 8–12 лет после описываемых событий, а «непосредственно вслед за ними»¹³². Она «протокольно точна», чем очень напоминает «Сказание о чудесах Владимирской иконы Божьей Матери», составленной во Владимире до 1165 г.¹³³ Воронин делает весьма важный для нас вывод: первая часть Жития св. Леонтия принадлежит к тому времени, когда развернулась интенсивная литературная работа во Владимире¹³⁴. Но, установив временную близость церковно-литературных опытов в Ростове и Владимире, автор дал им неверное, на наш взгляд, истолкование. Он писал: «В борьбе Андрея Боголюбского за церковную самостоятельность Владимирской земли и ее приоритет на Руси в ряду других литературных произведений была составлена в 1161–1162 гг. при участии самого князя Андрея начальная краткая редакция “Жития” Леонтия. Она содержала рассказ об открытии его мощей и постановке гробницы в новом белокаменном соборе и оценку князем политического значения новой святыни для “державы” Андрея»¹³⁵. Воронин считал, будто «объявление нового святого и его “нетленных” останков повышало престиж Владимирской Руси, она была не “оуждена” по сравнению с Киевской, где уже славилась чудесами гробница Феодосия Печерского и Бориса и Глеба»¹³⁶. Получалось так, что культ Леонтия возник вследствие «церковно-политической борьбы Андрея Боголюбского 60-х годов»¹³⁷. Попутно заметим, что и другие исследователи демонстрируют подобный подход. Так, у Д.С. Лихачева «Андрей Боголюбский переносит икону Владимирской Божией Матери, организует ее культ во Владимире, обставляет ее почитание новыми литературными произведениями, усиленно добивается канонизации первых «сво-

их» владимирских Святых — Леонтия и Исая»¹³⁸. Культ Леонтия, по нашему убеждению, нельзя рассматривать в русле владимирской политики князя Андрея¹³⁹. Антивладимирская направленность религиозных мер, принятых в Ростове, подтверждается наглядно тем, что во Владимирской летописи нет упоминаний ни относительно постройки церкви Пресвятой Богородицы в Ростове, ни насчет открытия мощей епископа Леонтия¹⁴⁰. Это умолчание никак не вяжется с мыслью о почитании Леонтия «в общеполитических и общерусских интересах Владимирской земли»¹⁴¹. Красноречиво признание Воронина, пытавшегося соединить «появление святого» с чаяниями владимирцев. Первую, или «протокольную» часть Жития, считал он, легко представить внесенной «без малейшей редакционной обработки на страницы владимирской летописи. Но в ней вся история постройки Ростовского собора и открытия мощей Леонтия отсутствует»¹⁴². Подобную странность можно объяснить только тем, что сведения о строительстве ростовского храма и обретении мощей Леонтия замалчивались и отторгались владимирским летописателем, поскольку они укрепляли престиж Ростова, расходясь, следовательно, с интересами владимирской общины, тяготившейся зависимостью от старейшего города и прилагавшей всяческие усилия, чтобы покончить с ней.

Из соображений конкуренции церкви Святой Богородицы в Ростове с Богородичным храмом во Владимире, ростовские книжники отнесли начало христианства в своем городе ко временам Владимира Крестителя. В Ростовскую землю был тогда направлен епископ Федор, который «постави церковь в Ростове въ имя Владычеца наша Богородица и приснодевья Мария, и устрои ю велми чюдно. И много поучив я вере христианьстеи, но не можаше их уверити до конца, понеже издавна злomu их неверьству укоренившуся, изгнан бысть от них»¹⁴³. Святителя Федора сменил епископ Иларион, направленный в Ростов патриархом Фотием. Но и он, не стерпев «пребыти в Ростове, бежа бо»¹⁴⁴. Ключевский, обратив внимание на несообразность упоминания в памятнике Фотия в связи с событиями конца X в., замечал: «Та подробность сказания, что патр. Фотий является современником св. Владимира, падает сама собою, обличая свою связь с позднейшими историческими источниками, впадающими в ту же ошибку»¹⁴⁵. Наблюдение верное. Однако названная Ключевским подробность, будучи наслоением поздней поры, не означает, что рассказ о раннем появлении христианства в Ростове есть также фантазия книжников, живших много позже второй половины XII в. Легенда о древности

христианства в Ростове возникла в 60-е гг. XII столетия на почве противоречий между ростовской и владимирской общинами, оспаривавшими друг у друга церковное первенство¹⁴⁶. Вполне вероятно, что она явилась полемически заостренным откликом на содержащееся в Сказании о чудесах Владимирской иконы утверждение о «новопроросвенности» людей Ростовской земли, т.е. недавнем их крещении¹⁴⁷.

Ростовская легенда, служившая обоснованием старейшинства Ростова перед Владимиром, не оставила в долгу владимирских идеологов. И они, проигнорировав в своем летописании сочиненный ростовцами миф¹⁴⁸, заявили о древности родного города: «Постави бо преже градо-сь великий Володимир»¹⁴⁹.

§ 5 Проблемы церковного устройства Суздальской земли. Попытка основания Владимирской митрополии Великим Князем Андреем Боголюбским

Епископ Леонтий, если следовать Житию, прибыл в Ростов из «Костянтина града» по распоряжению патриарха Фотия, как и предшественники его по кафедре Федор и Иларион. Выходило так, будто ростовская епископия была искони подведомственная непосредственно константинопольскому патриарху, имея основание считаться автокефальной¹⁵⁰. Для чего это понадобилось автору Жития? Согласно Приселкову, житийный рассказ о приезде в Ростов епископов-греков Федора, Илариона и Леонтия из Царьграда делал ростовскую кафедру «очень древнею по устройению и с первого же времени подчиненную не митрополиту Киевскому, а Константинопольскому патриарху»¹⁵¹. Исследователи в очередной раз создают искусственную, чуждую исторической реальности конструкцию, объединяя цели Ростова и Владимира, противопоставив их киевской митрополии, чем смазываются, а то и вовсе забываются острейшие противоречия между «старейшими» городами, в частности Ростовом, и «младшим» Владимиром. А ведь эти противоречия проходят красной нитью через всю историю Суздальщины второй половины XII – начала XIII вв. При анализе литературных памятников, созданных писателями Северо-Восточной Руси указанной поры, необходимо учитывать межобщинную борьбу с ее идейными коллизиями, порожденными политическим соперничеством городов. Иначе мы совершим крупную методическую ошибку, уводящую в сторону от исторической действительности.

На фоне борьбы Ростова, этого, по выражению Ключевского, «деда Залесской земли», с «мезинным» Владимиром необходимо рассма-

тривать и попытки Андрея Боголюбского по учреждению митрополичьей кафедры в городе на Клязьме. В 1164 г. Андрей посылает константинопольскому патриарху Луке Хрисовергу грамоту с просьбой об открытии митрополии во Владимире¹⁵². Андреева грамота лежала без движения в патриаршей канцелярии с 1164 по 1168 г.¹⁵³ Лука ответил князю Андрею отказом.

Еще московские летописцы старались отгадать, чем обуславливалось желание Боголюбского учредить владимирскую митрополию. Никоновская летопись устами Андрея говорит: «Хощу бо сей град (*Владимир*. — И.Ф.) обновити митропольею, да будет сей град великое княжение и глава всем»¹⁵⁴. По летописцу, стало быть, митрополия нужна была князю, чтобы возвысить Владимир, сделать его главою над всеми остальными городами Руси.

Татищев объяснил стремление Андрея завести митрополита во Владимире тем, что князь «любяше место то и хотяше ту жити»¹⁵⁵. Это объяснение, базирующееся на сугубо личных побуждениях Боголюбского, надо оценивать как шаг назад, по сравнению с приведенной летописной версией. Тем не менее, оно варьировалось в исторической литературе XIX в. Ключевский, например, проникновенно говорил об Андрее, что он «отечески нежно любил свой город Владимир, хотел сделать из него другой Киев, даже с особым, вторым русским митрополитом»¹⁵⁶.

Более прагматически истолковал замысел Андрея Боголюбского насчет открытия владимирской митрополии Соловьев: князь, поселившись во Владимире, хотел учредить в нем митрополичий стол, чтобы дать Северной Руси «независимость от Южной и в церковном отношении, зная, какое преимущество будет сохранять Киев, если в нем будет по-прежнему жить верховный пастырь русской церкви»¹⁵⁷. Костомаров взглянул на хлопоты Андрея со стороны взаимоотношений городов Ростово-Суздальской земли. Своим нововведением Боголюбский намерен был «решительно возвысить Владимир, зависевший от ростовской епархии», поставить его над Ростовом и Суздалем. Вместе с тем, осуществившись планы князя, Владимир «получил бы еще первенствующее духовное значение в ряду русских городов иных земель»¹⁵⁸.

Последний тезис Костомарова довел до крайности Пл. Соколов, заявив, что «Андрей думал создать на севере России во Владимире новую великокняжескую столицу, а вместе с тем и новую митрополию»¹⁵⁹. Перед нами своеобразное возрождение идей средневековой летописной историографии на новой, так сказать, научной основе.

В советской историографии нетрудно отыскать аналогичные примеры. Приведем один из них. «Андрей, — пишет Д.С. Лихачев, — думал создать во Владимире новую столицу Руси, на смену Киеву, а вместе с тем и новую митрополию»¹⁶⁰.

Обозревая в целом высказывания историков по данному вопросу, видим немало совершенно ненужных нагромождений, досужих построений. И все это от недостатка внимания к источнику, а именно к грамоте патриарха Луки Хрисоверга, адресованной Андрею Боголюбскому. В ней с полной определенностью сказано, какую цель преследовал князь, обращаясь к царьградскому патриарху с просьбой об учреждении митрополии во Владимире. Вот соответствующий текст грамоты: «Сказываетъ же нам писание твое, иже град Володимерь из основания воздвигл еси велик со многом человек, в ней же церкви многи создал еси; *не хочещи же его быти под правдами епископы ростовския и суздальския* (курсив наш. — И.Ф.), но обновити е митрополию и поставити от нас в не митрополита, тамо сущаго у благородия твоего Феодора»¹⁶¹. В отказе Патриарха еще раз обозначена суть ходатайства Андрея: «отъяти таковый град от правды епископы ростовския и суздальския и быти ему митрополею, не мощно то есть»¹⁶². Патриарх Лука пишет Андрею: «Да ведомо буди благородию твоему: понеже бо, якоже слышим, оже не иная страны есть ни области таковый град: не ново бо есть зашел к любви и к твоему княжению ныне бысть приложен, но тое же самое земли и области есть, в ней же суть прадеди твои были, и ты сам обладаеши ею ныне, в ней же едина епископыа была издавна и един епископ во всей земли той, ставим же по временем священным митрополитом всеа Руси, иже есть от нас святые и великия церкви ставим и посылаем тамо»¹⁶³. Учреждение митрополичьей кафедры во Владимире, как явствует из послания Луки Хрисоверга, могло осуществиться только через ломку сложившейся церковной структуры в ростово-суздальской епископии и вообще в русской митрополии¹⁶⁴. Патриарх не пошел на такую радикальную перестройку и, похоже, поступил правильно, поскольку за просьбой Андрея стояли не реальные потребности церковной жизни, а политическая игра, подогреваемая владимирской городской общиной. Логично предположить, что открытию митрополии во Владимире решительно воспротивились и старейшие города. Татищев не зря сообщает о том, что Андрей «восхоте митрополию особ учинити, но ростовцы и суздальцы не хотяху и не даяше ему то учинити».

В грамоте Луки есть одно интересное место, намекающее на нечто большее, чем непосредственно там сказано: «Аще ли твое благородие годующе хощеть жити в созданнем тобою граде, а хотети начнеть и епископ в нем с тобою быти, да будет сий боголюбивый епископ твой с тобою. В том бо ему несть пакости, занеже есть таковый град под областию его»¹⁶⁵. В полной мере смысл этих слов патриарха раскрывается при обращении к известию Татищева, взятого, вероятно, историком из не дошедших до нас источников: «Воста ересь леонтинская. Епископ Нестер суздальский бе еще в животе, но запрети его митрополит по оклеветанию. Тогда некто Леонтий купи у митрополита за деньги епископию суздальскую и пришед к Володимерю. Андрей же, Великий Князь, не хотяше Нестору и митрополиту досады учинити, даде Леонтию место в Володимери. Потом же митрополит и Нестора, разревив, отпусти в Ростов. И быша в Суздалстей земли два епископа»¹⁶⁶. Отсюда можно заключить, что Андрей, думая о владимирской митрополии, начал дело с организации епископии во Владимире, чтобы облегчить достижение главной цели — установления здесь митрополичьего стола.

Признаки дробления ростово-суздальской епископии обнаружил и Лимонов, подметив, что епископ Феодор назван владимирским летописцем «владыкой» еще в начале 60-х гг. XII в. во время спора с Леоном. Это послужило ему основанием заключить, что «Феодор стал «владыкой» (т.е. епископом) после того, как после дискуссии с незадачливым спорщиком сел на его место в Ростове. В свою очередь, возникает вопрос, где мог тогда находиться до этого Феодор? Ведь он должен был иметь свою епископию. Иного ответа, кроме того, что Феодор управлял епархией с центром в Суздале, мы не находим»¹⁶⁷. По предположению Лимонова, епископскую кафедру в Суздале он занял после первого изгнания Леона. Но официально Феодор тогда не был рукоположен¹⁶⁸, что свидетельствует о местной инициативе его выдвижения во «владыки». Догадку исследователя можно было бы принять, если бы не одна тонкость: епископский стол, подобно княжескому, являлся тогда двуединым, ростовским и суздальским. С этой точки зрения понятно, почему в 1159 г. Леона «выгнаша» именно «Ростовци и Суждальци»¹⁶⁹. Не случайно Лука Хрисоверг именует северо-восточную епископию Ростовской и Суздальской¹⁷⁰. Напомним, наконец, что Феодор был изгнан из Владимира: «Чюдо створи Бог и Святая Богородица новое в Володимери городе. Изгна бо Бог и Святая Богородица Володимерьская злаго и пронырливаго и гордаго леств-

ца, лжого владыку Феодорца из Володимеря от Святыя Богородица церкви Златоверхыя и от всея земля Ростовьскыя»¹⁷¹.

Проделанные наблюдения позволяют предположить о реальных действиях Андрея и владимирской городской общины по созданию во Владимире самостоятельной епископии наряду с епископской кафедрой в Ростове и Суздале, что, разумеется, не могло укрыться от константинопольского патриарха. Лука Хрисоверг, отказав князю в учреждении владимирской митрополии, оставил неделимой и ростово-суздальскую епископию, но дозволил епископу жить во Владимире, если владыка того пожелает. Патриарх не нашел в этом ничего предосудительного, поскольку «таковой град» находился под епископской «областью», т.е. в составе и подчинении ростово-суздальской епархии. Тактичный грек, не входя в прямое обсуждение вопроса об отдельной владимирской епископии, дал понять о своем отрицательном отношении к делению существующей в Ростово-Суздальской земле епископской кафедры. Планы владимирцев оказались несбыточными. Но сделать Владимир местопребыванием главы единой епархии им удалось. Пример тому — владыка Феодор, изгнанный «из Володимеря» и «от всея земля Ростовьскыя».

Итак, рассмотрев ряд сведений, относящихся, казалось бы, лишь к религиозно-церковной области, мы увидели в них отражение напряженной межгородской борьбы, начавшейся по вокняжении Андрея Боголюбского «на отне столе». Эта межобщинная по своей сути борьба переплеталась с внутрикняжескими коллизиями, приведшими к удалению из Ростово-Суздальской волости соперников Андрея, о чем южный летописец извещает под 1162 г.: «Выгна Андреи епископа Лео́на ис Суждаля и братью свою погна, Мьстислава и Василка и два Ростиславича, сыновца своя, мужи отца своего переднии. Се же створи, хотя самовластен быти всеи Суждальской земли»¹⁷². Изгнанники отправились в Грецию: «Идоста Гюргеви́ча Царю́городу Мьстислав и Василко с матерью и Всеволода молодого пояша со собою третьего брата»¹⁷³. Никоновская летопись сопровождает рассказ об изгнании младших родичей Андрея некоторыми подробностями: «Прелщен бысть от домашних своих злых, ненавидяху бо князя Андрея свои его суще домашнии, и лстиво и лукавно глаголоша к нему, и тако совраждоваша и съсориша его з братью, со князем Мьстиславом Юрьевичем, и со князем Василком Юрьевичем и со князем Михалком Юрьевичем, и с предними мужи отца его. И тако изгна братию свою, хотя един быти властель во всей Ростовьской и Суждальской земле, сие же

и прежних мужей отца своего овех изгна, овех же ем в темницах затвори; и бысть брань люта в Ростовской и в Суздальской земли»¹⁷⁴.

§ 6 Характер княжеской и духовной властей в Северо-Восточной Руси при Великом Князе Андрее

Многим историкам приведенные летописные известия послужили основанием для вывода о серьезных изменениях в характере княжеской власти, произошедших в Северо-Восточной Руси при Андрее Боголюбском. Привлекал внимание прежде всего термин «самовластец», вызывавший ассоциации с властью московских правителей. Создавался образ князя-самодержца, отвергшего старину и управлявшего людьми по-другому. Уже в исторической литературе XVI в. об Андрее говорилось, будто он «обаже побеждашеся властолюбием, единоподержатель быти желаше всему отеческому наследию»¹⁷⁵. Карамзин за властностью князя узрел «разум превосходный», открывший ему «причину государственных бедствий». Ради спокойствия государства он «отменил несчастную Систему Уделов, княжил единовластно, и не давал городов ни братьям, ни сыновьям»¹⁷⁶.

В «Истории» Соловьева Андрей Боголюбский предстал первым князем, которому летописец приписывал «стремление к единовластию». Князь Андрей действует у историка как «властелин неограниченный» и «хозяин полновластный»¹⁷⁷.

Преследование «единовластительских принципов» заставило Андрея, по Д. Корсакову, изгнать из Ростово-Суздальской земли «не только своих братьев, но и «передних мужей» своего отца»¹⁷⁸. Единовластие Боголюбского было направлено против своеволия земских бояр и княжеско-дружинных порядков¹⁷⁹. Близок к Корсакову знаменитый Ключевский, у которого Андрей, «желая властвовать без раздела, погнал из Ростовской земли вслед за своими братьями и племянниками и «передних мужей» отца своего, т.е. больших отцовых бояр»¹⁸⁰. Ключевский не был уверен, следовал ли Боголюбский достаточно обдуманному началу «ответственного самодержавия» или только «инстинктам самодурства». И все же, по словам историка, «в лице Андрея великоросс впервые выступал на историческую сцену, и это выступление нельзя признать удачным».

Никаких созидательных идей не находил в политике «самовластца» Суздальской земли Костомаров. «Кроме желания лично властвовать над князьями, у Андрея едва ли был какой-нибудь идеал нового порядка для русских земель», — писал он¹⁸¹. Костомаров рисует облик

деспота: «Властолюбивый князь, изгнавши братьев и тех бояр, которые недостаточно ему повиновались, правил в своей земле самовластно, забывши, что он был избран народом, отягощал народ поборами через своих посадников и тиунов и по произволу казнил смертью всякого, кого хотел».

Мысль о самовластном обращении Андрея с народом разделял Покровский. От этого самовластия тяжело доставалось всей народной массе. Управление Боголюбского было одной из первых систематических попыток эксплуатировать эту массу по-новому: не путем лихих наездов со стороны, а путем медленного, но верного истощения земли «вирами и продажами»¹⁸². Самовластие Андрея отливалось, таким образом, в форму правления, характеризующую неограниченной личной властью князя.

Именно с точки зрения изменения существа княжеской власти, приобретения ею самодержавных свойств, оценивали «самовластие» Андрея Боголюбского советские историки. Данный подход наиболее типичен для них¹⁸³. Другие редки. Но они есть. Лимонов, например, отмечает, что с уходом младших Юрьевичей, «Андрей стал единовластным правителем в Ростовской земле», причем лишь по воле «местных бояр, прогнавших его братьев»¹⁸⁴.

Следует сразу же отказаться от идеи о необычности обстановки в Ростово-Суздальской земле, сложившейся по удалении братьев и племянников Андрея, ибо такого рода случаи древние книжники описывают неоднократно. Один из них связан со Святополком Окаянным, который «нача помышляти, яко избью братью свою и прииму власть Русьскую един»¹⁸⁵. Стать единственным правителем в «Русской земле», или «Русской волости», — вот о чем помышлял Окаянный. Разница между Святополком и Андреем лишь в том, что первый достигает единовластия посредством братоубийства, а второй — с помощью изгнания своих родственников.

Андрей Боголюбский как «самовластец» совсем не оригинален. Таковым, по свидетельству летописи, был и прапрадед князя — Ярослав Мудрый. После смерти брата своего Мстислава он «перей власть его всю, и бысть самовластец Русьстей земли»¹⁸⁶. Кого надо разумеать под «самовластцем», поясняет Ипатьевская летопись, где в качестве синонима термину «самовластец» употребляется слово «единовластен»: «По сем же прия власть его Ярослав, и бысть единовластец Руской земли»¹⁸⁷. Это дает нам ключ к пониманию «самовластия» Андрея как единовластия, т.е. правления, осуществляемого одним князем¹⁸⁸.

Установление единовластия не меняло сути княжеской власти. Сфера деятельности князя, его права и обязанности, характер отношений с городами оставались прежними. Лучшим подтверждением тому служит активность городских общин в устранении соперников Андрея, притязавших на власть в Ростово-Суздальской земле.

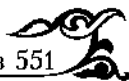
В историографии высылка из Суздальщины младших князей нередко приписывается одному Андрею, движимому властолюбием. Это — ошибочная точка зрения. В свое время Костомаров замечал, что изгнание «менших» братьев Андрея «не только не было событием противным земле, но даже в летописях оно приписывается как бы земской воле»¹⁸⁹. Действительно, владимирский летописец, хотя и задним числом, но все же свидетельствует о том, что ростовцы и суздальцы, «преступившие хрестное целованье, посадиша Андрея, а меньшая выгнаша». По Лимонову, здесь речь идет об удалении младших Юрьевичей с собора 1157 г., избравшего Андрея на княжение. Довод у автора тот, что «из пределов Ростово-Суздальской земли они выехали только через пять лет, в 1162 г.»¹⁹⁰. Однако Юрьевичи в 1162 г. не просто выехали из Ростово-Суздальской земли, а были изгнаны за ее пределы. «Братью свою погна», — говорит летописец¹⁹¹.

Андрей Боголюбский, избранный князем на вече ростовцами и суздальцами, сел на «отне столе» в ущерб правам меньших братьев, которые должны были княжить в Ростове и Суздале согласно завещанию родителя. Почему так случилось, догадаться нетрудно: общины правящих городов тревожила возможность раздела Ростовской волости между наследниками Долгорукого, весьма реальная в условиях сепаратизма, проявляемого пригородами, особенно Владимиром. Отсюда следует, что Андрей Боголюбский стал «самовластцем» по решению прежде всего старейших городов Ростова и Суздаля¹⁹². Положение «самовластца», разумеется, соответствовало характеру Андрея — человека крутого и властолюбивого. Изгнание младших Юрьевичей и установление единовластия Боголюбского едва ли отвечало интересам владимирской общины. Не потому ли рассказ об этом отсутствует в Лаврентьевской летописи, отразившей владимирское летописание, и дошел до нас в повествовании южного летописца, сохраненном Ипатьевской летописью.

Политический конфликт 1162 г. назревал несколько лет. Избрание Андрея на княжеский стол в Ростове и Суздале в обход «молодшей братии» не могло, конечно, понравиться обделенным родичам и тем, кто стоял близко к ним. Вокруг недовольных князей и вдовы Юрия

Долгорукого княгини-гречанки, мачехи Андрея, сплотились враждебные старейшим городам и их избраннику силы, к которым, вероятно, примкнул и епископ Леон¹⁹³, возбудив негодование ростовцев и суздальцев, согнавших владыку с епископии в 1159 г. Летописец, впрочем, называет иную причину опалы Леона: «зане умножил баше церковь, грябяи попы»¹⁹⁴. Разобраться в этих словах летописца не так-то просто. Согласно Соловьеву, Леон «разорял священников умножением церквей»¹⁹⁵. По Голубинскому, он «умножил количество приходов с тем, чтобы иметь возможность как можно более ставить священников, с которых брал весьма высокую плату за поставление»¹⁹⁶. В понимании Пл. Соколова, епископ обложил попов тяжкими поборами на постройку новых церквей¹⁹⁷. Воронин, возражая Соколову, отмечал, что Леон «не принимал никакого участия в церковном строительстве во Владимирской земле». Поэтому «выражение “умножил церковь” (или “церкви”) говорит о другом»: Леон произвел «учет каждого придела, которых некоторые церкви имели несколько, чем явно “умножил” количество облагаемых епископской податью объектов, ударив не только по низшему духовенству, но и по его пастве, поборы с которой возрастали»¹⁹⁸. Для Лимонова тут нет никакой загадки: «Грабеж церквей, монастырей, подчиненных местному духовенству, а также мирян, находившихся под юрисдикцией владыки, был делом обычным. Никого не удивляли подобные «деяния» иноземного иерея. Неприкрытый грабеж и лихоимство были обыкновенной практикой греков, занимавших высшие посты русской церкви»¹⁹⁹. Что касается непосредственно Леона, то он обратил внимание летописца размахом грабежа и открытым притеснением местного духовенства²⁰⁰. Более убедительной нам представляется позиция Кривошеева, изучающего известия о «грабежах» Леона с точки зрения противоречий между церковью и общиной. Правильно указывая на то, что древнерусские люди воспринимали имущество церкви и сам христианский храм как достояние всей общины, а посягательства на церковь как покушение на общину, он пишет: «Все, что давалось церкви, по мнению общины, должно было служить в пользу ее благополучия, а не личного обогащения клира. Напротив, церковные деятели видели в имуществе храма если не личную собственность, то собственность только церкви. Отсюда — резко отрицательная реакция общины. Характерны в этом плане обвинения епископов Леона и Феодора»²⁰¹.

Перенос акцентов с личного стяжания Леона на внутриобщинные коллизии является, на наш взгляд, плодотворным. Не следует

только ограничиваться имущественными отношениями городской общины и церкви. Политический аспект деятельности Леона также должен быть осознан. Судя по всему, грек Леон, прибывший в 1158 г. «на епископию Ростову»²⁰², сразу же вошел в круг сторонников Юрьевой вдовы гречанки Елены, родственницы ромейского Императора Мануила, вмешавшись, таким образом, в политическую борьбу, вызванную нарушением «ряда» Долгорукого с ростовцами и суздальцами, в результате которого княжеский стол занял Андрей Боголюбский, а не младшие Юрьевичи, как предусматривалось договором²⁰³. Общины Ростова и Суздаля встали на защиту своих имущественных и политических прав. И Леон был изгнан.

Его изгнание — дело рук ростовцев и суздальцев, т.е. жителей Ростова и Суздаля, среди которых встречались как знатные, так и простые люди. Нет никаких оснований отождествлять ростовцев и суздальцев с феодальной верхушкой²⁰⁴. За этими названиями скрывались массы горожан, а не отдельная прослойка населения Ростово-Суздальской волости.

Вернувшись на епископский стол, Леон снова ввязался в политическую борьбу на стороне родичей Андрея, усиливших к этому времени позиции. Складывалась более опасная для Ростова и Суздаля с их князем Андреем Боголюбским ситуация, чем в 1159 г. Надо было ожидать решительных мер. И они последовали: мачеха Андрея, его младшие братья и племянники, епископ Леон выдворены из Ростово-Суздальской земли²⁰⁵. Их судьбу разделили и «переднии мужи» Юрия Долгорукого, т.е. часть бояр — сподвижников покойного князя, радеющих соперникам Боголюбского. Некоторые из них, если верить Никоновской летописи, были схвачены и «затворены в темницах».

Не следует поддаваться поверхностным впечатлениям и характеризовать произошедшее как столкновения внутри лишь правящей верхушки. Перед нами политический конфликт общеволостного масштаба, всколыхнувший местное общество сверху донизу. «И бысть брань люта в Ростовской и в Суздальской земли», — повествует Никоновская летопись²⁰⁶. Значительность и сложность событий 1162 г. представляются нам несомненными. В них переплелись противоречия среди княжеско-боярской знати, между общинами главных городов и пригородов, строящейся церковью и христианизируемым обществом²⁰⁷. Кульминацией этих противоречий явилось изгнание «меньших» Юрьевичей и епископа Леона. Вполне вероятно, что оно состоялось по вечевому приговору ростовцев и суздальцев²⁰⁸. И вряд

ли в нем были заинтересованы владимирцы, поскольку «самовластие» Андрея укрепляло в тот момент политическое господство Ростова и Суздаля над Владимиром²⁰⁹. Приняв данное соображение, мы должны признать, что политика Боголюбского по отношению к Владимиру была не всегда последовательной, порою двойственной. Эта сторона деятельности князя затушевана Владимирским летописцем, у которого тот выступает как неумолимый устроитель города на Клязьме, заботящийся о его процветании. Умолчал он и о политических играх Леона, изобразив первое изгнание епископа как наказание за грабежи попов, а второе — за чрезмерное усердие и неуступчивость в вопросах, связанных с говеньем. Опущен им также эпизод с изгнанием младших братьев Андрея, всплывший лишь позднее в описаниях событий после убийства в Боголюбове. Своей недоговоренностью летописец сбивал с толку ученых, побуждая их рисовать сцены, едва ли имевшие место в действительности. Так, Соколов, объединив рассказы Ипатьевской и Лаврентьевской летописей об изгнании Боголюбским младших своих братьев и епископа Леона, пишет о том, что на Рождество Христово Леон, посетив Андрея, «увидел мясной стол лишь тогда, когда с другими гостями пришел в княжескую столовую и принужден был сделать свое заявление князю публично. Только при такой обстановке и становится понятным гнев князя на своих братьев и Ростиславичей, который летописец ставит в связь с гневом на епископа: если они, явившись по приглашению к княжескому столу, публично и демонстративно отказались от княжеской хлеба-соли, то Андрей имел право считать себя получившим тяжкое оскорбление со стороны дружинников»²¹⁰. Сведя причину опалы на князей и епископа к публичному, на княжеском пиру, отказу ими от мясной пищи в Господский праздник, Соколов слишком упростил картину, исключив из нее главное: борьбу за власть, движущей силой которой являлось межгородское соперничество. Конечно, позиция Леона в вопросе о постах объясняет нам его падение, но не полностью, а частично. «Учение» Леона о постах — одна из причин очередного низложения епископа, причем, на наш взгляд, не основная, а, скорее, сопутствующая²¹¹. Главная вина Леона перед князем и людьми (ростовцами и суздальцами) заключалась в его политической ориентации на младших Юрьевичей. Именно поэтому южный летописец изгнание владыки поставил в тесную связь с изгнанием политических соперников Андрея Боголюбского. Но поскольку своими поучениями Леон вызвал волнения в обществе, то об этом следует сказать особо.

В Лаврентьевской летописи под 1164 г. читаем: «Вста ересь Леонтианская. Скажем вmale, Леон епископ не по правде поставися Суждалю, Нестеру епископу Суждальскому живущю, перехватив Нестеров стол, поча Суждали учити не ести мяс в Господския праздницы, в среды и в пяткы, ни на Рожьство Господне, ни на Крещенье. И бысть тяжа про то велико пред благоверным князем Андреем и предо всеми людми, и упре его владыка Феодор. Он же иде на исправленье Царюгороду»²¹². Ипатьевская летопись подает поражение Леона более натурально: Андрей «противу вину погна и своєї земли»²¹³.

Итак, Леон запрещал есть мясо в постные дни (среду и пятницу), даже тогда, когда они приходились на «господские праздники»: Рождество и Крещенье. Кому претил этот запрет? Напомним, что Рождество и Крещенье падали на языческие празднования Нового года, начинавшиеся в ночь на 25 декабря и кончавшиеся 6 января. Все это время люди от мала до велика предавались пирам, требовавшим употребление ритуальной мясной пищи. Поэтому запрет на «мясоедение» в обозначенные языческие праздники воспринимался как покушение на традиции, завещанные предками. Если учесть живучесть и распространенность языческих нравов на Руси XII в.²¹⁴, то можно представить, какое общественное возмущение вызвал епископ Леон своими поучениями. Задеты за живое были не только «княжеские круги», но и рядовое людство. Вот почему «тяжа велика» Леона с владыкой Феодором проходила в присутствии князя Андрея и «всех людей»²¹⁵. Феодор переспорил Леона, который снова оказался в положении изгнанника. Возможно, это было третье по счету его изгнание. Так, во всяком случае, позволяет предположить южный летописец, рассказывающий о высылке из Ростово-Суздальской земли Леона вместе с младшими Юрьевичами, о последующем возвращении опального епископа и о новом его изгнании из-за неуступчивости в вопросах «мясоедения» в постные дни — «среду и пяток»²¹⁶. Но какой бы вариант толкования летописных текстов мы ни взяли, участие Леона в политической борьбе на стороне соперников Андрея, отвергнутых ростовцами и суздальцами, едва ли подлежит сомнению. Достаточно выразительна здесь одна подробность, сохраненная Ипатьевской летописью. Андрей Боголюбский, прогнав из Суздаля Леона со своими родственниками «и передними мужами» покойного отца, возвращает вскоре епископа, «но в Ростов, а в Суждали не да ему седети». Видимо, ростовская община играла в политической жизни волости той поры ведущую роль. Под ее надзор Боголюбский отправляет прощенного епископа, чтобы сковать

его политическую активность, вредящую ростовцам и суздальцам, а также избранному ими князю. Показательна и редакторская работа Владимирского летописца, постаравшегося заглушить в деятельности Леона политические мотивы, а то и вовсе умолчать об изгнании владыки в компании с братьями и племянниками Андрея да строптивыми боярами. Такая летописная цензура лишней раз свидетельствует о большом накале идейной и политической борьбы, захватившей городские общины Северо-Восточной Руси во второй половине XII в. Епископ Леон, как мы убедились, принимал в ней деятельное участие. Не уходил от нее и владыка Феодор.

В летописях Феодор изображен мрачными красками. Лаврентьевская летопись под 1169 г. повествует: «Чюдо створи Бог и Святая Богородица новое в Володимери городе. Изгна бо Бог и Святая Богородица Володимерская злаго и пронырливаго и гордаго лестьца, лжаго владыку Феодорца из Володимеря от Святыя Богородицы церкви Златоверхыя и от всея земли Ростовскыя, не восхоте бо благословенья и удалися от него, тако и съ нечестивыи не всхоте послушати христолюбивого князя Андрея, веляща ему ити ставиться к митрополиту г Києву и не всхоте, паче же Богу не хотящю его и Святеи Богородице изверже его из земли Ростовскы... Князю же о немь добро мыслящю и добра ему хотящю, съ же не токмо не всхоте поставленья от митрополита, но и церкви все в Володимере повеле затворити и ключе церковные взя, и не бысть ни звоненья ни пенья по всему граду и сборней церкви, в неиже чудотворная Мати Божия и ина всяка святыни ея, к неиже вси хрестьяне съ страхом пририщють, утеху и Заступницу имуще и целенья от нея приемлюще душам и телом своим, и ту дерзну церковь затворити... Много бо пострадаша человеци от него в держаньи его, и сел избебывши и оружья и конь, друзии же и работы добыша, заточенья же и грабленья не токмо простьцем, но мнихом, угуменом и ереем безъмилостив сыи мучитель, другим человеком головы порезывая и бороды, иным же очи выжигая и язык урезая, а иныя распиная по стене и муча немилостивне, хотя исхитити от всех именье, именья бо бе не сыт акы ад. Посла же его Андреи митрополиту в Киев, митрополит же Костянтин повеле ему язык урезати, яко злодею и еретику, и руку правую утяти и очи ему вынати, зане хулу измолви на Святую Богородицю, потребляють бо ся грешници от зємья и безаконьници, яко и не быти им... Такоже и се без покаянья пребысть и до последнего издыханья уподобивъся злым еретиком и не кланяющимся, и погуби душу свою и тело, и погыбе память его с шюмом»²¹⁷.

Данный текст, по словам Воронина, «столь полон злости и желчи, что и теперь способен волновать своей горячей напряженностью. Невольно кажется, что его автор только что вычеркивал неугодные записи и затем, удовлетворенный, внес свой отравленный ядом ненависти рассказ. Самое место этого памфлета в Лаврентьевской летописи под 1169 г. указывает на его вставку»²¹⁸. Воронин справедливо полагает, что страстность и ярость приведенного рассказа, «его неприкрытая тенденциозность и злобный гиперболизм подрывают наше доверие к его сведениям и требуют осторожности в их использовании»²¹⁹. Однако, поскольку у исследователей нет иного материала, характеризующего деятельность Феодора, поневоле приходится довольствоваться этим источником, извлекая из него посредством внутреннего анализа крупницы исторически достоверной информации.

Летописное повествование о Феодоре напоминало Приселкову изложение «следственного дела политического преступника»²²⁰. На чем же построены политические обвинения, обращенные против «пронырливого» владыки? У кого действия Феодора вызывали озлобление? Описание преступлений Феодора позволяет отчасти дать ответ на поставленные вопросы.

Из списка пострадавших нужно исключить смердов («простьцов»), фигурирующих у Воронина по недоразумению, так как термин «простьцы» в летописном рассказе о злодеяниях Феодора обозначает мирян вообще, а не отдельную категорию сельского населения²²¹. Летописец хотел сказать, что от учителя в святительском сане пострадали не только миряне, но и духовенство — монахи, игумены, священники. Разумеется, то была не мелочь людская, а богатые и политически влиятельные представители местного общества. И, конечно же, нельзя доверяться летописцам, которые в поведении Феодора не замечали ничего, кроме алчности. Вполне правомерно предположение Воронина, что за действиями Феодора скрывалась «борьба единомышленника Андрея с княжескими противниками, которая осталась по понятным причинам за пределами летописания “боголюбивого” князя, где лишь в “Повести об убийстве” самого Андрея отразился как единичный случай конфликт князя с Кучковичами; здесь же она всплыла во всей своей жестокой конкретности, придавив своей тяжестью память верного Андреева соратника — Феодора»²²². Воронин, таким образом, высвечивает в деятельности епископа Феодора политическую направленность, связанную с борьбой за власть. И в этом бесспорная заслуга автора. Жаль только, что он ограничивает свой исторический экс-

курс противостоянием князя Андрея и его противников, обедняя тем самым палитру борения социальных сил Ростово-Суздальской земли. Восполнить упущенное Ворониным можно с помощью Бугославского, который писал: «Церковная борьба, кончившаяся осуждением епископа Феодора, возникла в тесной связи с соперничеством Владимира и Ростова, с борьбой между братьями и племянниками Андрея Боголюбского»²²³. Наиболее ценной для нас является мысль Бугославского об отражении в деяниях Феодора противоречий старейшего города Ростова и пригорода Владимира. В рассказе о Феодоре находим ей подтверждение.

При чтении этого рассказа обнаруживаем ожесточенное столкновение святителя с владимирской городской общиной. Мотив его довольно резко звучит с первых слов повествования, где говорится об изгнании Феодора как новом чуде Богородицы во Владимире. И хотя летописец утверждает, будто епископ был не только отставлен «от Святыя Богородицы церкви Златоверхыя», но «извержен» также «из земли Ростовския», мы не должны слепо следовать за ним, превращая изгнание владыки в дело всей ростовской волости. Раздор у Феодора произошел прежде всего с жителями Владимира. Епископ нанес страшное оскорбление владимирцам, «измолвив хулу на Святую Богородицу»²²⁴. Но он пошел еще дальше и затворил все церкви во Владимире, включая и храм Святой Богородицы. Никоновская летопись добавляет: «Таже и по иным градом и влаstem церкви затвори, и не бысть пеня нигде же»²²⁵. Это известие следует, вероятно, понимать таким образом, что владыка закрыл церкви, помимо Владимира, еще в городах и сельских поселениях, входящих во владимирскую волость. Важно иметь в виду, что епископ Феодор решился на интердикт, «наложенный им именно на владимирские церкви и даже на Успенский собор с его Владимирской иконой»²²⁶. Значит, он проявил враждебность по отношению к владимирцам, а не ко всем «людem Ростовския земля». Отсюда и нескрываемый гнев владимирского летописца на «зверояднoгo Феодорца». Оно и понятно, ибо епископ ударил в самое сердце владимирской общины. Ведь по верованиям тех времен невозможность посещения святилищ было равносильно прекращению общения с богами. Вспомним, что, согласно летописцу, к чудотворной иконе Пресвятой Богородицы Владимирской христиане «съ страхом пририщють, утеху и Заступницу имуще и целенья от нея приемлюще душам и телом своим». В результате закрытия храмов, особенно местной святыни — церкви Пресвятой Богородицы,

владимирцы оказались беззащитными перед внешним миром, т.е. в положении, как тогда казалось людям, чрезвычайно опасном, чреватым гибелью града Владимира и «живущих в немъ». Кому это было выгодно? Конечно, ростовцам и суздальцам. Так сквозь густой туман летописного повествования о Феодоре проглядывают истинные причины недовольства владимирцев владыкой, который, по-видимому, не оправдал их надежд, связанных с учреждением отдельной епископии во Владимире или переносе сюда из Ростова и Суздаля епископской кафедры.

«Каковы же причины столь быстрого падения Феодора?» — спрашивает Лимонов. Он полагает, что «их можно искать и во внутренней, и во внешней политике владыки и поддерживающего его князя. Опозиция внутри страны, противодействие Ромеи — все это, конечно, сыграло свою роль. Но главной причиной, тем не менее, стала другая. О ней непосредственно повествует сама летопись. Причина падения епископа заключалась в попытке захватить имущество храма Святой Богородицы во Владимире. Клир церкви обладал огромными богатствами. Феодор решил их захватить. Это и стало причиной его гибели»²²⁷. Летопись, на наш взгляд, не дает оснований для выводов, формулируемых Лимоновым. Она ничего не говорит о попытке епископа «захватить имущество храма Святой Богородицы», рассказывая лишь о «граблении» им личного «имения» у мирян и представителей духовенства. Молчит летопись и о присвоении Феодором имущества иных церквей. К сожалению, Лимонов на ложной посылке строит причинно-следственную связь исторических событий: «Феодор решил захватить и владение кафедрального храма Владимира. Клир яростно стал сопротивляться, тогда владыка “закрыв” храм, запретил в нем богослужение»²²⁸. Тут перед нами назидательный (и отнюдь не для подражания) случай, когда один вымысел тянет за собой другой.

Феодор пал прежде всего оттого, что политика его была недостаточно провладимирской, сдерживающей религиозный сепаратизм владимирской общины. По некоторым намекам, заключенным в Никоновской летописи, он ведет себя во Владимире как недруг. Оказывается, он «чюдотворный образ Пречистыя Богородици заключи», т.е. наложил арест на владимирскую святыню, чем вызвал «скорбь» и «плач» у местных жителей²²⁹. Сидит Феодор на епископском столе в Ростове, а не во Владимире²³⁰. Поставленный «на епископство в Ростов и на прилежаща сей епископии грады»²³¹, владыка, по всей видимости, оберегал единство и неделимость Ростовской епископии,

обращаясь с Владимиром как с одним из «прилежащих» к ней городам. Владимирцам то было явно не по нраву.

В поступках Феодора видна языческая подкладка. Епископ, как мы знаем, многим «человеком головы порезывая и бороды». Воронин толкует это летописное свидетельство так, будто «сый мучитель» часть людей «обезглавил или резал им бороды»²³². Не думаем, что летописец говорит об отсечении голов. Речь у него идет о «порезании» волос на голове. Именно так поняли своего предшественника поздние летописцы. Составитель Никоновской летописи сообщает: «И сице многих овех заточи, овех же измучи, взимая имение их, овем же власы главы, и брады и очи свещами сожигая...»²³³. В Московском летописном своде 1479 г. имеется сходная запись: «Безмилостив бысть мучитель, многим бо человеком власы главныя порезая, так же и брады»²³⁴. Подобная экзекучия становится понятной в контексте языческих представлений и верований.

Язычники приписывали голове такую степень святости, что даже прикосновение к ней наносило ее обладателю тяжкое оскорбление. Вот почему стрижка волос для древнего человека являлась процедурой довольно сложной. Насильственное же обрезание волос воспринималось как в высшей степени враждебный акт, ибо в них видели обиталище божественных сил. Выщипывание усов бороды также лишало силы ее владельца²³⁵.

Отзвуки этих верований слышны на Руси X–XII вв. Приведем несколько соответствующих примеров. Один из них связан со свидетельством ромейского автора — Льва Диакона. Описывая наружность Святослава, он говорит, что князь, хотя и был безбородый, но «с густыми, чрезмерно длинными волосами над верхней губой. Голова у него была совершенно голая, но с одной стороны ее свисал клок волос — признак знатности рода»²³⁶. Чрезмерно длинные княжеские усы намекают на то, что их, по отмеченным выше соображениям, редко «усекали». Красноречив и клок волос, свисающий с головы Святослава. В нем есть не только признак знатности рода, если верить Льву Диакону, но и нечто другое, раскрывающее свою суть при сравнении с воззрениями древних. «Когда тораджи, — пишет Фрэзер, — стригут волосы ребенка..., на темени оставляют несколько локонов, служащих убежищем для одной из душ ребенка. В противном случае душа лишилась бы крова и ребенок заболел бы. Очень боятся отпугнуть душу ребенка каробатаки: при стрижке они всегда оставляют невыстриженный пучок волос, в котором душа может скрыться от ножниц.

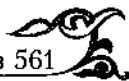
Обычно локон этот не стрижется на протяжении всей жизни или по крайней мере до достижения зрелости». Клок волос у Святослава выполнял какую-то родственную функцию в сфере сверхчувственного.

Усы и бороды «мужей» Древней Руси защищались законом. Древнейшая Правда особо выделяет оскорбление, выражавшееся в их повреждении²³⁷. Оно приравнивалось к наиболее тяжким «обидам», нанесенным личности²³⁸. Серьезным наказанием за «пострижение» головы и бороды грозил Церковный устав Ярослава²³⁹. Пространной Правдой порча бороды также рассматривалась как тяжелое оскорбление и наказывалось высшей «продажей»²⁴⁰.

В летописях запечатлены эпизоды, с нашей точки зрения, весьма характерные. Один из них связан с событиями на Белоозере, датированными летописцем под 1071 г. Накануне казни волхвов, поднявших «мятеж» в Ростовской области, Ян Вышатич «повеле бити я и поторгати браде ею»²⁴¹. Боярин отдал дань языческим воззрениям, согласно которым повреждение бороды колдуна или знахаря, каковыми являлись волхвы²⁴², лишало их сверхъестественных способностей²⁴³. А вот случай из жизни самого Андрея Боголюбского. В 1174 г. он направил «Михна мечьника» в Киев с требованиями, унижительными для сидевших в Русской земле Ростиславичей. Выслушав речи Михна, князь Мстислав Ростиславич, который, по выражению летописца, «от уности навикл бяше не уполошиться никого же, но токмо Бога единого блюстися», повелел «андреева посла емьше постричи голову перед собою и бороду». Когда же тот, воротившись домой, предстал пред Боголюбским, «образ лица» у князя «попуснел». И он «възострися на рать и бысть готов»²⁴⁴. Чтобы понять реакцию Андрея, необходимо вспомнить посольский обычай, принятый на Руси изучаемого времени. При этом надо подчеркнуть, что в жизни сохранялись «такие формы дипломатических переговоров русских князей, которые были выработаны на Руси еще до введения письменности. Важнейшее в этих формах состояло в том, что все переговоры велись устно, через устные передачи послов. Русские князья исключительно редко пересылались между собой грамотами. Их вполне заменяли «речи», точно передававшиеся послами и более или менее точно заносившиеся в летопись»²⁴⁵. В условиях широкого распространения грамотности в древнерусском обществе такого рода практика может показаться искусственной и странной. Но если взглянуть на нее с точки зрения языческих традиций, цепко державшихся в общественном сознании Древней Руси²⁴⁶, всякие недоумения отпадут. Согласно одному из принципов архаиче-

ского мышления, вещи, пришедшие хотя бы раз в соприкосновение друг с другом, продолжают взаимодействие и на расстоянии, т.е. после прекращения прямого контакта²⁴⁷. Тем более это относится к людям, находящимся в неразрывной симпатической связи. Тесное органическое единство пронизывало отношения князя и окружавшей его дружины, обуславливая их сопричастность и общность судеб²⁴⁸. Поэтому князь, поручая «речь» послу, всегда прибегал к форме прямого обращения к тому, к кому он отряжал посла²⁴⁹. Д.С. Лихачев прав, когда пишет о том, что «посол, передавая «речи» князя, во всех случаях являлся его заместителем, фактотумом. Посол говорил от лица пославшего, как будто бы сам являлся в момент передачи «речей» этим пославшим. Поэтому-то и оскорбление, нанесенное послу, было равнозначно оскорблению того лица, которое его послало»²⁵⁰. Жаль только, что автор не уловил зависимость этих особенностей «посольского обычая» на Руси от языческих нравов, уходящих корнями в глубь восточнославянской истории.

Надеемся, что произведенный нами экскурс достаточно отчетливо показал языческий характер «подрезывания голов и бород» епископом Феодором. Зная убеждение язычников относительно последствий стрижки головы и бороды, можно догадаться, кого подвергал данной процедуре «немилостивый» владыка. То были люди из числа врагов Феодора. Очень может быть, что они являлись и политическими противниками Андрея Боголюбского. Ведь конфликт Андрея и Феодора в летописи сильно преувеличен. Вдумчивое исследование отношений князя и епископа позволяет говорить об их союзе и сотрудничестве²⁵¹. Воронин называет Феодора даже любимцем Андрея. Он также утверждает, что, в сущности, и самого изгнания Феодора не было. Однако вслед за летописцем историк пишет о том, будто Андрей «применил силу и отправил Феодора в Киев»²⁵². Полагаем, Воронин и тут мог бы проявить большую осторожность, не доверяясь тенденциозно настроенному летописцу. Во всяком случае, нельзя сбрасывать со счета роль «людья» в деле Феодора. Намеки на нее, правда, довольно неопределенные, сохранила Никоновская летопись, где читаем, как «оскорбишася и опечалишася вси людие, и приидоша все к Великому Князю Андрею Юрьевичю Боголюбскому о бедах и о напастех своих плачуще; он же посла к Феодору епископу, глаголя сие: «людие вси скорбят и плачють, удобно ти есть престати от гнева еси, и не суть в них пеня, а чюдотворный образ Пречистыа Богородици заключил еси». Он же не точию князя поруганми и укоризнами обложи,

но и на Пречистую Богородицу хулу изглагола»²⁵³. К Андрею, как видим, пришло множество людей и, конечно же, не для того, чтобы поплакать и поскорбеть на княжеском дворе. То была, подобно другим аналогичным происшествиям, которые известны нам по летописям, демонстрация силы, понуждающей князя исполнить волю пришедших. Кто они, явившиеся к Боголюбскому владимирцы, возмущенные действиями Феодора? Под давлением владимирской общины князь отправил Феодора в Киев.

Иной ход мысли у Воронина. Не владимирцы, считает он, страдали от Феодора. Враги епископа «были там же, где и враги Андрея, — в Ростове»²⁵⁴. На чем основано убеждение историка? На двух, собственно, замечаниях Владимирского летописца: Феодор озлобил людей «кротких Ростовская земля» и потому был изгнан «от всея земля Ростовская». Начнем с последнего. Воронин допускает здесь неточность передачи летописного текста, который гласил: «Изгна Бог и Святая Богородица Володимерская... владыку Феодорца из Володимеря от Святыя Богородица церкви Златоверхыя и от всея земля Ростовская»²⁵⁵. Упоминание Ростовской земли — явный признак тенденциозности летописца, приравнявшего изгнание Феодора из Владимира к изгнанию «от всея земля Ростовская». Получалось так, что Владимир будто бы являлся центром ростовской епископии, т.е. желаемое выдавалось за действительное. Что касается людей «Ростовская земля», озлобленных на Феодора, то они выведены для прикрытия владимирцев, придания им роли выразителей воли жителей Ростовской волости. В летописном рассказе Феодор представлен как недруг города Владимира и владимирцев, затворивший златоверхий богородичный храм и другие местные церкви, возведший хулу на Святую Богородицу. Нелепо думать, будто владимирская община платила ему за это дружбой, а ростовская — враждой. Все было наоборот: благодаря стараниям владимирцев совершилось падение епископа. А как вел себя князь Андрей, когда неистовствовал Феодор? Он, если признать заслуживающими доверия свидетельства Никоновской летописи, бездействовал. Даже после прихода к нему многочисленного «людья» с жалобой на владыку князь медлил, не предпринимая никаких решительных мер, и только увещевал разгневавшего владимирцев святителя. И лишь потом, вероятно, под давлением последних, Андрей «повеле его изымати, и посла его в Киев к пресвященному Константину митрополиту Киевскому и всея Руси»²⁵⁶. Едва ли кто из

участников этих событий сомневался в том, что Феодор отправлен в Киев на верную гибель.

В лице Феодора Боголюбский потерял энергичного и незаурядного сподвижника. В Никоновской летописи имеется яркая характеристика, данная владыке то ли его современниками, то ли поздними летописцами. Но в любом случае она примечательна и вполне соответствует летописному портрету епископа, нарисованному владимирским книжником — очевидцем содеянного Федором. Вот эта характеристика: «Бе же сей (Феодор) дръзновенен зело и безстуден, не срамяяше бо сей ни князия, ни боарина, и бе телом крепок зело, и язык имеа чист, и речь велеречиву, и мудрование кознено, и вси его боахуся и трепетаху, никто же бо можаше противу его стоати; неции же глаголаху о нем, яко от демона есть сей, инии же волхва его глаголаху... и бе страшен и грозен всем... рыкаше бо глас его аки лвов, и величеством бе аки дуб и крепок и силен, яко от неприязни, и язычная чистота и быстрость преудивлена, и дръзновение и безстудие таково, якоже же никого обинуватися, но без сомнения наскакаше на всех, и мучаше отнюдь без милости».

Низвержение епископа Феодора нельзя рассматривать в отрыве от судьбы Андрея Боголюбского. Оно, несомненно, ослабило позиции князя, предопределив или, лучше сказать, подготовив его трагический конец. Недовольство владимирцев Феодором в определенной мере относилось и к Андрею, политика которого не оправдала надежд владимирской общины, рассчитывавшей выйти из подчинения Ростову и Суздалью. Андрей Юрьевич, по-видимому, стоял за сохранение неделимости Ростовской волости, в которой старейшему городу Ростову принадлежала главенствующая роль. В нашем распоряжении есть некоторые косвенные сведения, подтверждающие это предположение. Известно, что при Боголюбовском дворце Андрей построил посвященную Леонтию Ростовскому церковь. В верхней комнате лестничной башни дворца он велел написать фреску, изображавшую самого князя, коленопреклоненного перед Богоматерью, и стоявшего позади нее св. Леонтия²⁵⁷. Андрей, таким образом, не скрывал своего поклонения ростовскому святому и чудотворцу, а значит, — благорасположения к нему, что вряд ли было по сердцу владимирцам. То же засвидетельствовало и «Житие Леонтия»: «Егда създаша церковь камену в Ростове на месте погоревшия церкви повелением господина благочестивого царя и князя вашего Андрея в лето 6678, сам князь, приехав в Ростов из Володимеря, поклонися блаженному и святому телу

преподобного отца нашего Леонтия, глаголя: “Хвалю и славлю тя, Господи Боже мой, и Пречистую Матерь Твою, яко сподобил мя еси сицево съкровище в области моего царствия явити ми. Уже ничим же охужен есмь благодати Божия и дара милости твоего, владыко, о сем святем мужи”. И целова святое тело и вси мужи его. И по сем поставиша и в раце на стене, идеже и донныне лежит, и устрои свечи великы у гроба его. И по сем убиен бысть великий князь Андреи, сын Великого Князя Георгия, внук Манамаха Володимера»²⁵⁸. Столь трепетное благоговение перед св. Леонтием, склонность видеть в нем «сокровище» всей «области царствия своего» могли породить у владимирцев лишь негодование. Исполнена многозначительности заключительная фраза извлеченного из «Жития» отрывка: «И по сем убиен бысть великий князь Андреи». Не намек ли это на причину (или одну из причин) убийства Андрея? Как бы там ни было, но ясно то, что между князем и владимирской общиной возникло отчуждение. Андрей уединился в Боголюбове. «И мнози негодоваху том, яко оставя град и часто в селе Боголюбове и в монастыри том пребываше. Такоже и к святому Спасу на Купалище по вся дни проходилше, ловы бо всегда творяше в той стране на Купалищи приходя прохладяашеся, и много время ту безгодно пребываше, и о сем бояром его многа скръбь бысть; он же не повеле им издити с собою, но особно повеле им утеху творити, идеже им годно, сам же с малом отрок своих приходяше ту».

§ 7 Отношения с владимирской общиной Князя Андрея Боголюбского после походов на Новгород и Киевщину. Убиение Великого Князя и смута во Владимирской земле по его смерти

Престиж Андрея как правителя пошатнули крупные военные провалы. В 1170 г. его воинство было наголову разбито у стен Новгорода. Одних «суждалыц» новгородцы «исекоша, а другыя измаша, а прок их зле отбегоша»²⁵⁹. Одержать победу им помогла Богоматерь. А было это так: «Владыка Иоан, посадник Якун вынесоша икону изъ съвятаго Спаса с Ильины улицы Святую Богородицю на острог на десятине. И съездешася по 3 дни, в 4-и же день... попустиша стрелы, аки дождь умножен, на острог; и обратися икона лицом на град, и паде на них тма на поле, и ослепоша вси»²⁶⁰. Объятых тьмою врагов новгородцы брали, как младенцев. О том, что Богородица защитила новгородцев, говорило и другое предание: «Слышахом же преже трех лет (до осады 1170 г. — И.Ф.) бывшее знамение в Новегороде всем людем видящим. В трех бо церквах Новгородьских плакала на трех иконах Святая

Богородица, провидевши бо Мати Божия пагубу хотящую быти над Новымъгородом и над его волостью, моляшетъ Сына Своего со слезами, дабы их отинудь не искоренил, яко преже Содомы и Гоморы, но яко Ниневгитяны помилуетъ, яко и бысть, очивесто бо Бог и Мати Божия избави я милостью Своею, зане хръстяне суть»²⁶¹. День победы 25 февраля 1170 г. навсегда остался в памяти новгородцев, а легенда о чуде Богородицы получила церковное значение. Со временем в Новгороде была построена церковь Знамения, куда новгородцы перенесли чудотворную икону, дотоле стоявшую в храме Спаса²⁶². Впоследствии она под именем Знаменской стала одной из самых почитаемых на Руси икон Божьей Матери²⁶³. В честь ее 27 ноября новгородцы установили особый праздник, известный под именем «Знамения Пресвятыя Богородицы», и сложили молебную службу, в которой о победе над врагами пелось: «Мнящися непокоривии от основания разорити град твой, Пречистая, неразумевше помощь твою, Владичице; но силою твоею низложены быша, на бежание устремляхуся, и якоже узами железными слепотою связаны бывше, и мраком, якоже древле Египет, объяти неразумевше, дондеже конечно побеждени быша»²⁶⁴.

Казалось бы, позорный финал сражения у волховской столицы не воодушевлял Владимирского летописца на подобное повествование. Тем не менее, ему пришлось признать поражение «своих»: «Новгородци же затворишася в городе с князем Романом, и бяхуться крепко с города и многы избиша от наших, и не успевше ничтоже городу их, възвратишася опять, и одва дома своя яша пеши опять, а друзии людие помроша голода, не бысть бо николиже толь тяжка пути людем сим»²⁶⁵. При этом Летописец добавляет: «не глаголем же прави суть Новгородци, яко издавна суть свобожени Новгородци прадеды князь наших, но аще бы тако было, то велели ли им преднии князи крест преступати или внуки или правнуки соромляти»; Бог за грехи навел на новгородцев ратных «и наказал по достоянью рукою благовернаго князя Андрея»²⁶⁶. В целом вывод у него следующий: новгородцы потерпели за грехи, но милостью Божьей врага победили, а суздальцы, т.е. воины Андрея, призванные Богом для вразумления грешников, были разбиты. Но за что же им такая напасть? «Се бысть, — говорил летописец, — за наши грехы»²⁶⁷.

Безуспешно и безславно закончился поход на Киевщину, организованный Андреем в 1174 г. Владимирский летописец оставил о нем короткую запись, подытожив ее лаконичной фразой: «И не успе ничтоже възвратишася вспять»²⁶⁸. Зато южный летописатель, довольный

исходом дела, не поспешил на краски. Войско Боголюбского насчитывало 50 тысяч, куда вошли ростовцы, суздальцы, владимирцы, переяславцы, белозерцы, муромцы, новгородцы и рязанцы. Казалось, победа обеспечена. Но Бог был не на стороне Андрея, поскольку князь «слова похвална испусти, яже Богови студна и мерьска»²⁶⁹. Всемиловитый Бог вместе со Святыми Борисом и Глебом помогал его противникам. Со срамом «възвратишася вся сила Андрея князя Суздальского, совокупил бо бяшеть все земле и множеству вои не бяше числа, пришли бо бяху высокомысляще, а смиреннии отидоша в домы своя»²⁷⁰. Владимирцы и другие жители Ростово-Суздальской волости получили новый повод для недовольства своим князем. Рыбаков не без основания полагает, что неудачный поход 1174 г. ускорил трагическую развязку правления Андрея Боголюбского²⁷¹.

Тому же способствовал и произвол княжеской администрации, которая при попустительстве Андрея, жившего уединенно в Боголюбове, творила, что хотела.

Итак, по целому ряду обстоятельств можно судить о напряженных отношениях князя Андрея с владимирской общиной в последние годы его нахождения на княжеском столе. Не этим ли объясняется краткость и скудость известий Владимирского летописного свода 1177 г., освещающих период пребывания Боголюбского у власти? По наблюдениям Воронина, «на собственно летописный рассказ о жизни Владимирской земли в княжение Андрея приходится немногим более четверти печатного листа!»²⁷² Владимирский сводчик, похоже, не очень благоволил старшему Юрьевичу, посаженному на княжеский стол ненавистными ростовцами и суздальцами, почему насыщенное межгородской борьбой, богатое политическими, военными, церковными событиями время его княжения и уложил в предельно сжатое повествование.

Обозревая отношения Андрея Боголюбского с владимирцами, убеждаемся в том, что они развивались неровно. На первых порах между князем и владимирской общиной существовало полное согласие, скрепляемое взаимной привязанностью. Политика Андрея была, можно сказать, провладимирской. Но впоследствии под влиянием, вероятно, Ростова она претерпела изменения, утратив былую владимирскую направленность. В результате Владимир, несмотря на все свои старания, не порвал зависимость от старейших городов волости — Ростова и Суздаля. Любовь к Андрею у владимирцев перешла в охлаждение, а затем — и в неприязнь. Сложилась благоприятная для

заговора обстановка. Ночью 29 июня 1175 г. князь Андрей был убит в своем боголюбовском дворце²⁷³. Обстоятельства трагедии изложены в так называемой «Повести об убиении Андрея Боголюбского», представленной в Ипатьевской и Лаврентьевской летописях. Ипатьевская летопись содержит текст «Повести» в пространной редакции, а Лаврентьевская — в краткой. «Близость обеих редакций сказания об “убиении”... очевидна. Почти все, что имеется в Лаврентьевской, находим и в Ипатьевской», — пишет Насонов²⁷⁴. Однако не стоит закрывать глаза и на расхождения текстов. Наибольшие из этих расхождений видны, как показывает Рыбаков, в рассказах о самих событиях. В Лаврентьевской летописи они описаны значительно короче, чем в Ипатьевской, а некоторые события вообще опущены владимирцем. «Во владимирском варианте отсутствуют пространные описания церквей, построенных князем Андреем, и их убранства»²⁷⁵. Не является ли все это еще одним указателем на сдержанную оценку Владимирского летописца деятельности убиенного князя? Если учесть, что «Повесть», включенная в Ипатьевскую летопись, представляет собой апологию княжеской власти, персонифицированной в личности Андрея Боголюбского²⁷⁶, то утвердительный ответ здесь не покажется надуманным.

Вопрос о соотношении двух редакций «Повести об убиении Андрея Боголюбского» остается до сих пор неразрешенным: одни исследователи считают краткую редакцию первичной, а пространную — вторичной, другие наоборот, третьи предполагают существование общего для обеих редакций протографа²⁷⁷. В качестве автора пространного (ипатьевского) варианта «Повести» ученые называют то Кузьмищу Киянина²⁷⁸, то духовника князя Андрея и главу капитула владимирского Успенского собора Микулу²⁷⁹. Но при всех отмеченных разногласиях исследователи не оспаривают достоверность сведений обеих редакций. Обратимся и мы к ним.

Владимирский летописец сообщает о заговорщиках следующее: «Начальник же убицам Петр, Кучков зять, Аньбал Ясин ключник, Яким Кучкович, а всех неверных убиц числом 20»²⁸⁰. Большинство злодеев, как видим, осталось «за кадром». Правда, в Лаврентьевской летописи по Радзивилловскому списку среди убийц фигурирует и некий Ефрем Моизичь²⁸¹, а согласно Тверской летописи, убийство совершилось «по научению» жены Андрея²⁸². О ее участии в заговоре извещает и Татищев: «Княгиня же была в Боголюбове с князем и того вечера уехала во Владимир, дабы ей то злодеяние от людей утаить»²⁸³.

Через день после убийства Андрея, она, «забрав все имение, уехала в Москву со убийцы, показуя причину, якобы боялась во Владимире смятения народного»²⁸⁴. Есть некоторые основания предполагать, что княгиня присутствовала при убийстве своего мужа. На миниатюре Радзивилловской летописи, изображающей сцену гибели Боголюбского, нарисована женщина. Исследователи видят в ней жену Андрея Боголюбского²⁸⁵.

Персональный состав заговорщиков имеет для историка бесспорный интерес. Но еще большее значение представляет для него и социальный статус, поскольку, определяя его, он получает возможность установить характер заговора. Еще в средневековой историографии высказывались разные суждения насчет социальной принадлежности убийц Андрея. «Убиша Володимири князя Андрея свои милостники», — читаем в Новгородский Первой летописи²⁸⁶. В Тверском своде приведена иная версия: «Убиен бысть благоверный Великий Князь Андрей Юриевич Боголюбский от своих бояр, от Кучковичев»²⁸⁷. С тех пор мнения множились. Земские бояре²⁸⁸, вельможи²⁸⁹, ростовцы и суздальцы²⁹⁰, боярин Яким Кучкович и «восточные рабы»²⁹¹, представители «новой дружины»²⁹², «разбогатевшие дружинники», сомкнувшиеся с «недовольным боярством»²⁹³, бояре Кучковичи и примкнувшая к ним «часть младших княжеских слуг — милостников»²⁹⁴, бояре и служилые люди²⁹⁵, бояре Кучковичи²⁹⁶, «группа бояр, руководимых Кучковичами»²⁹⁷, дворовые люди²⁹⁸, милостники²⁹⁹, и, наконец, младшие дружинники князя, или отроки³⁰⁰, — вот имеющийся в исторической литературе калейдоскоп мнений относительно княжеских убийц. Причина пестроты суждений заключена в летописных источниках, которыми пользуются исследователи. Мы знаем, что всех «окаянных убийц» было двадцать. Но только пять из них нам известны: Яким Кучкович, Петр (кучков зять) ключник Анбал, Ефрем Моизич и жена Андрея — то ли Улита Кучковна³⁰¹, то ли «болгарка», то ли «ясыня»³⁰², — сказать трудно. Перечень исполнителей кровавой драмы позволяет сделать вывод о сборном составе заговорщиков, образовавших социально неоднородную группу. Познакомимся с ними поближе.

Наиболее значительной фигурой из названных в летописи заговорщиков был, вероятно, Яким Кучкович. Владимирский хронист счел излишним давать какие-либо пояснения насчет Якима, полагая, очевидно, что он хорошо известен местному обществу³⁰³. Другое дело — жители Русской земли, которым имя его едва ли о чем говорило.

Поэтому южный летописец не мог ограничиться простым упоминанием о нем и должен был сказать своему читателю, что Яким — «слуга възлюблены» князя³⁰⁴. Некоторые историки, доказывая неболярское положение Якима Кучковича, придают этому свидетельству Ипатьевской летописи решающее значение³⁰⁵. Но нельзя все же забывать, что перед нами Кучкович, т.е. отрасль легендарного Кучки. Независимо от того, являлся ли Кучка могущественным «земским боярином»³⁰⁶ или же одним из вятичских князьков, племенных лидеров, мы не можем отрицать его принадлежности к знати. А коль так, то и Якима Кучковича нет оснований низводить до уровня младшего слуги — милостника или отрока. Если вспомнить также, что Андрей Боголюбский был женат на Улите из семьи Кучковичей, то наше предположение о высоком социальном ранге Якима Кучковича укрепитсЯ еще больше. Признав это, получаем возможность видеть в Петре, зяте Кучкове, представителя социальной верхушки³⁰⁷. Гораздо сложнее разобраться с Ефремом Моизичем. Отчество Моизич навело Арцыбашева, а за ним и Соловьева на мысль о еврейском происхождении Ефрема³⁰⁸. Соловьев числил его среди «восточных рабов», входивших в ближайшее окружение Андрея Боголюбского³⁰⁹. Воронин, не прибегая к каким-либо доводам, объявил Ефрема Моизича суздальским боярином³¹⁰. Упоминание летописцем имени Ефрема с отчеством есть, пожалуй, признак знатности³¹¹, что, впрочем, не исключает догадки Арцыбашева и Соловьева. Напротив, некоторые косвенные данные, о которых скажем ниже, согласуются с этой догадкой, делая ее вполне правдоподобной.

Что касается Анбала, то с ним проще, чем с Ефремом Моизичем. Летописец не скрывает национальность Анбала, относя его к «ясинам»³¹². Он — ключник, находящийся на службе у князя Андрея, который «надо всеми волю ему дал бяшеть»³¹³. О рабстве ключника узнаем от Соловьева³¹⁴. По мнению же Лимонова, Анбал — «это очень богатый, влиятельный человек. Тем не менее его социальное положение — слуга князя. Он мог быть как лично свободным, так и зависимым человеком»³¹⁵. Пашуто и Новосельцев указывают на принадлежность Анбала к «служилой, новой знати»³¹⁶, из чего явствует, что «ясин» был лично свободный. Как видим, спектр суждений о социальном положении Анбала широк: от рабства до знатности. Предположение Пашуто и Новосельцева кажется нам более оправданным, чем остальные. Анбал, вероятно, — знатный «ясин», поступивший в услужение Андрею Боголюбскому. Он пришел к князю сам³¹⁷ и вскоре стал всесильным управителем

княжеского дома. Исследователи еще не оценили по достоинству одну интересную летописную деталь, характеризующую Анбала. В Ипатьевской летописи Кузьмище Киянин, обращаясь к нему, говорит: «Помнишь ли, жидовине, в которых порьтех пришел бяшеть, ты ныне в оксамите стоиши, а князь наг лежить»³¹⁸. Кузьмище ясно дает понять, что перед ним приверженец иудейской религии. Данное обстоятельство Киянин подчеркивает и тем, что называет Анбала еретиком. И в этом нет ничего необычного. О распространении иудаизма в стране ясов Алании, откуда был родом Анбал, свидетельствует дагестанская хроника Дербенд-наме³¹⁹. Да и летопись устами Кузьмищи Киянина сообщает о том, что к Андрею приезжало много иноверцев, которых князь приглашал в «церковь и на полати, да видать истиньное хрестьянство и крестяться и болгаре и жидове и вся погань»³²⁰.

Однако не все приезжающие к Боголюбскому «нехристи» принимали крещение. Пример тому — Анбал, не захотевший принять Христа, что отнюдь не помешало ему занять высокое положение в княжеском доме³²¹. Тут сказалась не столько религиозная неразборчивость или недостаточная преданность христианству, сколько терпимость к инаковерующим, свойственная славянскому язычеству³²² и формирующемуся русскому Православию. На Руси же XII в. языческие нравы и обычаи определяли во многом поступки людей как простых, так и знатных, включая, разумеется, и князей³²³, оказывали влияние на христианское сознание древнерусского общества. И все же свободное общение Андрея с иноверцами, его терпимость к ним, доходящая до того, что некоторые из чужаков становились при князе особо доверенными лицами, наделенными властью, превышающей власть своих, задевали церковных иерархов, возбуждали в местной общине мысли о греховности княжеских деяний. Этим только и можно объяснить непочтительное обращение с телом убитого князя, брошенного в огороде, в чем мать родила. И лишь сердобольный Кузьмище Киянин, посторонний в Боголюбове человек, перенес мертвого в «божницу» и положил в «притворе», прикрыв «корзном». И лежал так несчастный князь «2 дни и ночи, и на третий день приде Арьсении игумен святую Кузмы и Демьяна и рече и долго нам зревшим на старейшие игумены и долго ли сему князю лежати, отомькните ми божницу да отпою над ним»³²⁴. В этом рассказе, по наблюдению Воронина, «выступает скрытая за сценой группа лиц, глухо названная «старейшими игуменами», препятствовавших отпеванию тела князя»³²⁵. Точнее было бы сказать, что «старейшие игумены» бездействовали, не желая отпевать своего

князя. Они учитывали и общее настроение жителей Боголюбова, о котором можем судить по следующему летописному фрагменту: «И почаша прошати Кузмище, где есть убит господин, и рекоша лежит ти выволочен в огород, но не мози имати его, тако ти молвять вси хочемы и выверечи псом, оже ся кто прииметь по нь, тот нашъ есть ворожьбит есть, а и того убьемь...»³²⁶. Во Владимире также не спешили. Наконец, «в 6 день в пятницу рекоша Володимерце игумену Феодулови и Луце демествянику Святое Богородице, нарядита носилце, ать поедомъ возьмемъ князя а господина своего Андрея»³²⁷. Можно согласиться с Лимоновым в том, что крупное владимирское духовенство «не было дружелюбно настроено по отношению к Андрею»³²⁸. Скажем более определенно: владимирское высшее духовенство было недовольно Андреем и потому, в сущности, отвернулось от него. Вызывает возражение другое предположение Лимонова, по которому боярство Ростова и Суздаля явилось основной и решающей силой в устранении Андрея Боголюбского³²⁹. Если строго следовать летописям (а иного материала у нас нет), придется признать отсутствие сведений об участии ростовцев и суздальцев в событиях, связанных с убийством князя. А вот «боголюбци» и «володимерци», как явствует из летописных записей, имели непосредственное отношение к ним. Мы только что видели, с каким явным одобрением отнеслись боголюбовцы к поруганию тела убитого князя, продемонстрировав враждебность к нему. Из горожан, надо полагать, был составлен «полк» для защиты совершивших убийство, в случае выступления против них «дружины из Володимеря»³³⁰. Но опасения оказались напрасны. Дадим, впрочем, слово летописи: «И послаша (*заговорщики*. — И.Ф.) к Володимерю, ти что помышляете на нас, а хочем ся с вами коньчати, не нас бо одиных дума, но и о вас суть же в тои же думе. И рекоша Володимерьци: “Да кто с вами в думе, то буди вам, а нам не надобе”. И разиидошася»³³¹. Стало быть, «оканьни» гадали, как поведут себя владимирцы, узнав о насильственной смерти князя. Но они надеялись договориться с ними, для чего имелись реальные основания: среди владимирцев были их сообщники³³². Внешне владимирцы заняли нейтральную позицию, как бы отстраняясь от содеянного в Боголюбове, но, в то же время, признали участие своих сограждан в заговоре: «Кто с вами в думе, тот пусть при вас и останется, а нам не надобен»³³³. Это заявление — дипломатично сформулированная реабилитация владимирцев, замешанных так или иначе в убийстве князя Андрея. Вместе с тем то было решение, которое, по сути, легализовало случившееся в Боголюбове,

причем, как нам кажется, решение вечевое. На вечевой сход указывает свидетельство летописца о том, что владимирцы, сделав упомянутое заявление, «разиидошася». Но коль «разиидошася», значит, сначала «соидошася». Сойтись же и принять такое решение владимирцы могли только на вече, из чего заключаем о равнодушии владимирской вечевой общины к судьбе Андрея, раздосадованной и недовольной его политикой³³⁴. Костомаров нисколько не преувеличивал, когда утверждал: «Несомненно, что ненависть к Андрею не была уделом одной незначительной партии, но была разделяема народом»³³⁵. Весьма примечательно известие Татищева: «Тогда многие (во Владимире. — И.Ф.) начали плакать по Великом Князе, но большая часть радовались»³³⁶.

Итак, драматическая развязка правления Андрея Боголюбского есть, в конечном счете, результат острых противоречий, возникших между владимирской общиной и княжеской властью. Конечно, различные социальные группы владимирского общества и отдельные лица имели собственные причины для недовольства князем. Но было и общее, что касалось всех: военные неудачи, уронившие престиж местной святыни — чудотворной иконы Богородицы, произвол и незаконные княжеской администрации, жестокие преследования политических противников, выдвижение на влиятельные должности иноверцев. Однако главная, пожалуй, вина Андрея, с точки зрения владимирцев, состояла в том, что он не принес им вожеленную свободу от власти старейших городов — Ростова и Суздаля. Вот почему трагический финал Андреева княжения должен рассматриваться как в значительной мере следствие межгородской борьбы, нараставшей с середины XII в. Андрей — сын своего времени³³⁷. Будучи, правда, яркой индивидуальностью, он, однако, не лучшим образом зарекомендовал себя в качестве правителя и политика, почему общество и откачнулось от него. Ему не на кого было даже опереться: зная о готовящемся заговоре, он покорно ждал последней, страшной минуты. С потрясающей художественной силой ощущение князем своей обреченности передано в летописной сцене появления убийц у княжеской спальни: «Возьмьше оружие, яко зверье дивии, пришедшим им к ложници, идеже блаженный князь Андреи лежить. И рече один, стоя удвери: “Господине, господине”. И князь рече: “Кто есть?” И он же рече: “Прокопья”. И рече князь: “О, паробъче, не Прокопья”...»³³⁸.

Необходимо еще раз подчеркнуть, что основной пружиной, которая привела в действие заговорщиков, являлась владимирская община³³⁹. Участие Ростова и Суздаля в подготовке и осуществлении заго-

вора по летописным источникам не прослеживается. Активная роль владимирцев в этом кровавом деле наложила своеобразный отпечаток на рассказ местного летописца об убийении Андрея. По сравнению с повествованием южного летописателя, данный рассказ подозрительно краток. В нем опущены подробности, невыгодные для владимирцев и боголюбовцев. Владимирский книжник, например, утаил от своих читателей факт грабежей во Владимире, ни словом не обмолвился о собрании горожан, лояльно воспринявших известие о смерти князя, и т.п. Он постарался пригладить многое из того, что произошло в Боголюбове после убийства. Вот образчик усердной редакторской работы нашего автора. Мертвого Андрея нашли «под сеньми лежаща, взявше и на ковре клирошане Боголюбскыи, внесоша и в божницу, певше над ним, вложиша и в гроб камен»³⁴⁰. Картина, исполненная благопристойности, тогда как в действительности все было куда безобразнее. Прежде, чем истерзанного князя отпели и положили «в гроб камен», его «выволокли»³⁴¹ в огород и бросили там на поругание; божница, куда хотел перенести убитого Кузьмище Киянин, оказалась запертой, и ему пришлось требовать, чтобы ее открыли; положенный в притворе божницы, Андрей лежал там два дня.

Смерть Андрея Боголюбского стала сигналом к массовым акциям: «Горожане же Боголюбцы розграбиша дом княжь, и делатели, иже бяху пришли к делу, золото и серебро, порты и паволоки, имение, ему же не бе числа. И много зла створися въ волости его, посадников и тувунов дома пограбиша, а самех и детские его и мечники избиша, а дома их пограбиша, не ведуще глаголемого, идеже закон, ту и обид много. Грабители же и исъ сел приходяче грябяху. Тако же и Володимери, оли же поча ходити Мукулиця со Святою Богородицею в ризах по городу, тожь почаша не грабити»³⁴². В Новгородской Первой летописи об этом сказано обобщенно, но выразительно: «И велик мятежь бысть в земли тои и велика беда, и мно́жество паде голов, яко и числа нету»³⁴³.

Дореволюционные историки по-разному смотрели на означенные события. Татищев вершителями грабежей и расправ считал лишь тех, кто составил заговор против Андрея. Именно «сии беззаконицы разошлись по селам и грабили все дома княжие, також всех верно бывших князю, яко правителей по городам (посадников), судей (тиунов), мечников и пр., многих из них побили и дома разграбили»³⁴⁴. Иной взгляд у Карамзина. Жители Боголюбова, взявшие сторону убийц, «расхитили дворец, серебро, богатые одежды, ткани»³⁴⁵. Но затем пришел в движение и народ: «неустройство, смятение

господствовали в областях Суздальских. Народ, как бы обрадованный убиением Государя, везде грабил дома Посадников и Тиунов, Остроков и Мечников Княжеских; умертвил множество чиновников, предавался всякого рода неистовству...»³⁴⁶. По Соловьеву, убийцы начали «расхищение казны княжеской; вслед за ними явились на княжий двор жители Боголюбова и остальные дворяне, пограбили, что осталось от заговорщиков, потом бросились на церковных и палатных строителей, призванных Андреем в Боголюбово, пограбили их; грабежи и убийства происходили по всей волости; пограбили и побили посадников княжеских, тиунов, детских, мечников, надежда добычи подняла сельских жителей: они приходили в города и помогали грабить. Грабежи начались и во Владимире...»³⁴⁷. Причина народных волнений и грабежей — безначалие, наступившие со смертью Андрея³⁴⁸. Соловьеву созвучен Ключевский: по смерти князя в волости настала «полная анархия», отмеченная грабежами и убийствами посадников, тиунов и прочих княжеских чиновников³⁴⁹. Источник этому, по словам Ключевского, «надобно искать в дурном окружении, какое создал себе князь Андрей своим произволом, неразборчивостью к людям, пренебрежением к обычаям и преданиям»³⁵⁰. Озлобленностью людей правлением Андрея объяснял грабежи и насилия Костомаров. Князя народ ненавидел. И потому бросился не на убийц, а на его добро и тех, кто вместе с ним произвольно властвовал в волости³⁵¹. Костомаров сумел сделать одно очень важно наблюдение. Вот оно: «Весь дом Андрея был разграблен. Так поступали, сообразно тогдашним обычаям и понятиям. Имущество казненного общею волею все отдавалось на «поток и разграбление»»³⁵². Попытка взглянуть на грабежи со стороны обычаев и нравов Руси XII в. — научная заслуга Костомарова.

При чтении «Повести об убиении Андрея Боголюбского» в редакции Владимирского летописца возникает впечатление стихийности грабежей и других мятежных действий, вызванных смертью князя. Логика у летописателя такая: Андрея убили, снесли в часовню, отпели и... начались грабежи, замешанные на крови княжеских посадников, тиунов, мечников и детских³⁵³. Невольно возникает ощущение буйства неуправляемой толпы. С помощью столь простой подачи фактов местный летописец хотел, вероятно, обелить владимирскую общину, сделав ее непричастной не только к убийству Боголюбского, но и к тому, что случилось потом. Южный летописец, не направляемый владимирскими интересами, излагает события в несколько иной последовательности. В его рассказе грабежи начинают не «горожане

боголюбьскими», как старался внушить «списатель» из Владимира, а сами владимирцы, сошедшиеся на вече, чтобы выслушать послов, прибывших из Боголюбова с вестью о смерти Андрея и с целью заручиться расположением старшей общины. Определив свое отношение к убийству Боголюбского, в общем благожелательное для заговорщиков, владимирцы с вече пошли грабить да так, что было «срашно зрети»³⁵⁴. Можно полагать, что грабеж княжеского имения начался с ведома веча и, скорее всего, по его приговору, как это бывало в других землях и городах³⁵⁵. Значит, грабежи возникли во Владимире организовано, а не стихийно, в массовом порядке, т.е. с участием большого числа горожан³⁵⁶. По примеру владимирцев к грабежам приступили боголюбовцы, а затем — волостные жители³⁵⁷. Эта последовательность событий более реалистична, чем та, которую предлагает владимирский хронист. В ней угадывается известная упорядоченность и общественный характер грабежей, их отличие от заурядного разбоя или незаконного присвоения чужого имущества³⁵⁸.

Итак, грабеж Андреева имущества и элементарное присвоение княжеского добра, близкое воровству, — вещи разные. Грабежи невозможно правильно понять, абстрагируясь от обычаев доклассового общества, от своеобразного отношения древних людей к собственности и богатству; в них скрыт определенный социальный смысл, относящийся к практике перераспределения материальных ценностей в традиционных обществах³⁵⁹. Грабеж имения Андрея Боголюбского — один из эпизодов посмертных грабежей княжеских богатств в Древней Руси.

Грабежи домов княжеских посадников, тиунов, мечников и детских имели непосредственную связь с грабежами княжеского имения, поскольку источники благосостояния князя и его мужей, крупных и мелких чиновников, были во многом общими. Кроме того, князь со своими людьми в глазах современников — тесная корпорация, единое и нерасчленимое сообщество. Вот почему действия, предпринятые в отношении князя, автоматически, можно сказать, распространялись на его окружение, будь то дружина или двор. Но это еще не все. Посадники и прочие представители администрации Андрея подверглись также суровому наказанию за творимые ими обиды, произвол и насилия. Напомним, что у древних народов существовала «регулируемая система» грабежа, соответствовавшая закону о вознаграждении за причиненный вред³⁶⁰. Н.И. Зибер увидел в ней большое сходство с древнерусским «потокм и разграблением». По словам ученого,

«меньшие проступки, промахи и правонарушения вызывают меньшее наказание и более слабые разграбления»³⁶¹. Беззакония княжеской администрации приобрели тягчайший характер, так как затронули широкие слои населения. Отсюда такое крайнее озлобление народа, вылившееся в избиение зарвавшихся чиновников. Не исключено, конечно, что убийства были обусловлены сопротивлением, которое они могли оказывать «грабителям». Если это так, то перед нами вырождение обычая, который в пору своего расцвета делал противодействие грабегам столь слабым, что «нередко считалось унижением, даже оскорблением не подвергнуться разграблению»³⁶².

Участие в грабежах сельских жителей — верный знак, указывающий на живучесть и действенность норм обычного права, санкционирующих разграбление в качестве кары за преступления, совершенные против отдельных лиц или общины в целом³⁶³. Однако наказание — не единственный и не самый главный социальный эффект грабежей. Фундаментальным результатом их «было непрерывное распускание движимой собственности в таком размере, что она до известной степени становилась общественною собственностью»³⁶⁴. Таков изначальный смысл грабежей. На Руси же XII в. они предстают в трансформированном виде, приспособленном к изменившимся социальным условиям, показателем которых явилось утверждение индивидуальных богатств, расколовших общество на имущих и неимущих. Высокий престиж индивидуального богатства в древнерусском обществе рассматриваемого времени не вызывает сомнений. Даниил Заточник, современник Андрея Боголюбского, свидетельствовал: «Богат мужь везде знаем есть и на чюжей стране друзи держить; а убог во своей ненавидим ходить. Богат возгалаголеть — вси молчат и вознесут слово его до облак; а убогии возглаголеть — все нань кликнуть. Их же ризы светлы, тех речь честна»³⁶⁵. Самое страшное для Заточника — это нищета: «Лепше смерть, ниже продолжен живот в нищети». Но и богатство ему претит. Он не хочет быть ни бедным, ни богатым: «Аще ли буду богат — гордость восприиму, аще ли буду убог — помышляю на татбу и на разбой, а жены на блядню»³⁶⁶. В образной форме Даниил Заточник раскрывает общественное значение индивидуального, в частности княжеского, богатства соответственно убеждениям века: «Да не будет, княже мои, господине, рука твоа согбена на подание убогим: ни чашею бо моря расчерпати, ни нашим иманием твоего дому истощити. Яко же бо невод не удержит воды, точию едины рыбы, тако и ты, княже, не въздержи злата, ни сребра, но раздавай людям»³⁶⁷. Щедрость,

к проявлению которой призывает князя Даниил, — отнюдь не благотворительность в нашем понимании слова, а древний институт, родственный потлачу индейцев Северной Америки³⁶⁸. В варварских обществах, находившихся на стадии перехода от первобытнообщинного строя к раннефеодальному³⁶⁹, важнейшим признаком собственности являлось отчуждение. «Вся собственность, за исключением самого необходимого для жизни, должна постоянно перемещаться из рук в руки. Богатство выполняло специфическую социальную функцию. Заключается она в том, отчуждение имущества способствует приобретению и повышению общественного престижа и уважения, и подчас передача собственности могла дать больше влияния, нежели ее сохранение или накопление»³⁷⁰. Именно с точки зрения перемещения собственности необходимо рассматривать грабежи во Владимире, Боголюбове и по волости, стимулированные смертью Андрея. То было своего рода имущественное поравнение, перераспределение индивидуальных богатств на коллективной основе³⁷¹. В конкретных исторических условиях Северо-Восточной Руси второй половины XII в. этот способ приобщения рядового людства к собственности принимал форму социального протеста и возмущения («мятежа»), через которую и осуществлялась реализация древних по происхождению, хотя и видоизмененных во времени, традиций доклассового общества. Надо воздержаться от крайностей архаизации или модернизации грабежей, всколыхнувших Ростовскую волость. Они утратили былую первозданность, но не наполнились еще классовым содержанием. В них следует видеть социальные противоречия и борьбу, присущие обществам с незавершенным процессом классовообразования, где столкновения происходят между различными сословиями, категориями и группами неразложившейся пока общины. Эти противоречия, поглотив местное общество, отодвинули на некоторый срок межгородское соперничество. Но вскоре оно разгорелось с новой силой.

§ 8 Вечевое собрание Суздальской волости в 1175 году. Борьба владимирской общины за независимость от Ростова и Суздаля

Узнав о смерти князя, «Ростовци и Сужьдалци и Переяславци и вся дружина от мала до велика съехашася к Володимерю». Собравшиеся во Владимире повели будто бы такую речь: «Се уже тако створило князь наш убыен, а детеи у него нету, сынок его в Новегороде, а братья его в Руси, по кого хотим послати в своих князех, нам суть князи Муромские и Рязаньские близь в суседях, боимся льсти их, еда поиду

изънезапа ратью на нас, князю не сущю у нас, пошлем к Глебу рекуще, князя нашего Бог поял, а хочем Ростиславичю, Мстислава и Ярополка»³⁷². Глеб, обрадованный возлагаемой на него честью, послал за Ростиславичами в Чернигов, где они жили³⁷³. Кроме Ростиславичей, в Чернигове находились и оба Юрьевича — Михалко и Всеволод. Князья порешили идти в Ростово-Суздальскую землю вместе: «И здумавше сами рекоша: либо лихо, либо добро всем нам, поидем вси четыре, Гюргевича два, а Ростиславича два. И пойдоста преди два Михалкъ Гургович и Ярополкъ Ростиславичъ, утвердившеся межи собою, давше старейшинство Михалку, и целовавъше крест у епископа Черниговскаго из руку»³⁷⁴. Такова завязка конфликта, в котором опять «разодрались» Ростов и Владимир.

Летописный рассказ о владимирском совещании требует осторожности от исследователя. Его нельзя бездумно принимать на веру. Внимательный анализ обнаруживает в нем ряд недомолвок и несуразностей. Так, участники собрания во Владимире, опасаясь рязанских князей, в то же время направляют депутацию к рязанскому князю Глебу, послушав рязанских же мужей Дедильца и Бориса. Оповещение рязанского правителя о наступившем безкняжии в Ростово-Суздальской волости никак не вяжется с боязнью внезапного нападения рязанских князей³⁷⁵. Далее, решение пригласить на княжение Мстислава и Ярополка летописец сопровождает ремаркой, не вполне относящейся к случаю: «А хръстнаго целованья забывше, целовавше к Юргю князю на меньших детех, на Михалце и на брате его, и преступивше хресное целованье, посадиша Андрея, а меньшая выгнаша»³⁷⁶. Между тем ему было хорошо известно, что договор с Юрием нарушили ростовцы и суздальцы, взявшие на княжение Андрея Боголюбского в обход младших Юрьевичей. Владимирцы и переяславцы в этом были неповинны. Значит, и упрекать их не за что. Наконец, плохо стыкуется известие о сборе ростовцев, суздальцев и переяславцев во Владимире с той поначалу приниженной ролью владимирцев, которая со всей определенностью обозначена в летописи, где хозяевами положения выступают ростовцы. Возможно, прав Татищев в том, что «города Ростов, Суздаль, Переяславль и другие, получа известие о убийстве князя, съехались в Суздаль, где, о убийстве князя великого объявя, разсуждали...»³⁷⁷.

До сих пор мы не касались вопроса о самом съезде. Еще в дореволюционной историографии сложилось мнение о вечевом его характере. Карамзин писал: «Скоро по кончине Великого Князя съехались ростовцы, суздальцы, переяславцы и все люди воинские в город

Владимир на вече, следуя примеру новгородцев, киевлян и других российских знаменитых граждан, которые, по словам летописца, издревле обвыкли решать дела государственные в собраниях народных, и давали законы жителям городов уездных»³⁷⁸. Угадывали вече во владимирском сходе Д. Корсаков и В. Сергеевич³⁷⁹. В советской исторической науке эти взгляды большинством ученых были отвергнуты.

Разобрав летописный материал, мы убедились в том, что съезд 1175 г. являлся вечевым собранием, где встретились представители всей земли-волости³⁸⁰. Решение, принятое на этом собрании, выражало общеволостную волю. «Вас бо вся земля наша хоцеть, а иных не хотять» — так говорили Ростиславичам послы, прибывшие к ним по поручению веча³⁸¹.

Фраза «а иных не хотять»³⁸², произнесенная посланцами, дает основание предполагать, что вечники обсуждали кандидатуры различных претендентов на княжеский стол, но сошлись на Ростиславичах. Среди возможных кандидатов фигурировали, наверное, и Юрьевичи — Михалко с младшим братом Всеволодом. За них по старой памяти ратовали владимирцы³⁸³, к которым теперь присоединились переяславцы, чей город тянул к Владимиру³⁸⁴. Мстислава и Ярополка хотели ростовцы и суздальцы. Они и повели за собой вече, вынудив своих соперников замолчать. Те поневоле умолкли, но не сдались, отчего согласие, достигнутое на вече, было хрупким, и это с полной очевидностью показали ближайшие события.

Уместен вопрос, почему ростовцы и суздальцы позвали княжить двух Ростиславичей. Ведь раньше, когда скончался Юрий Долгорукий, они взяли на княжение лишь одного Андрея Боголюбского, а другим его братьям отказали, «крестяного целования забывше». Причина предпочтения, отданного ростовцами и суздальцами единокняжию («самовластию») Андрея, нам ясна: оно служило средством сохранения единства волости в интересах Ростова и Суздаля³⁸⁵. Что же побудило теперь общины старейших городов пригласить двух правителей? Для составителей поздних летописей, воспитанных на принципах московского самодержавия, это было загадкой. И они, исходя из своих привычных понятий, подновляли повествования древних летописцев. Так, во Владимирском летописце, составленном в XVI в.³⁸⁶, ростовцы, суздальцы и переяславцы отправляют к рязанскому князю послов со словами: «Даи нам Мьстислава Ростиславича или Ярополка»³⁸⁷. Эта альтернативная просьба повторяется в «Истории» монархически настроенного Татищева³⁸⁸. Однако тот же Татищев помо-

гает распутать хитросплетения летописных известий, сообщая о том, как «суздальцы усиленно помогали, что князю жить в Суздали, где все князи белорусские и до Андрея жили, а ростовцы по старшинству требовали в Ростов»³⁸⁹. Споры ростовской и суздальской общин из-за того, где быть княжескому столу — в Ростове или Суздали — завершились компромиссом, т.е. приглашением сразу двух князей. Каждый из старших городов, таким образом, обзаводился собственным князем: «ростовцы водиша Мстислава ко кресту, иж ему княжити в Ростове..., а Ярополк целова крест суздальцем жити в Суздали»³⁹⁰.

Итак, соперничество Ростова и Суздаля по поводу княжеского стола — вот что обусловило призвание обоих Ростиславичей, а не желание местного боярства перенять «систему княжеского дуумвирата», изобретенную якобы киевскими боярами, как думает Рыбаков³⁹¹, или требование рязанского князя Глеба, стоявшего «за спиной мятежной боярской знати», как полагает Воронин³⁹². Наличие противоречий между Ростовом и Суздалем влечет к заключению, что прежний политический союз Ростова и Суздаля, выступавших дружно перед лицом стремящихся выйти из подчинения пригородов, если не распался, то пошатнулся. Внутренние процессы консолидации городских общин, заметно продвинувшиеся за прошедшее со времен Юрия Долгорукого десятилетия, порождали тягу городов к обособлению и устройству собственной государственности, что вело к дроблению города-государства на ряд более мелких городов-государств. Это — общая линия развития городской жизни на Руси XII в.³⁹³

Перемена отношений Ростова с Суздалем повлияла на расстановку сил в Ростово-Суздальской земле в благоприятную для Владимира сторону, поскольку ослабила противников владимирской общины. Владимир мог отныне смело вступить в открытую борьбу за независимость.

Юрьевичи, конечно, знали о складывающейся обстановке в волости покойного брата и потому вместе с Ростиславичами поехали туда, надеясь на удачу. Когда Михалка и Ярополк «приехаста на Москву», ростовцы, прослышав о том, «негодоваша» и «рекоша Ярополку: «Ты поеди семо». А Михалку рекоша: «Пожди мало на Москве». Ярополк же поеха отаи брата к дружине Переяславлю. Михалко же, видев брата ехавша, и еха Володимерю»³⁹⁴, где старшего Юрьевича радушно приняли, и он «затворися в городе». Ростовцы, как явствует из летописных известий, играют роль распорядителей, уверовавших в свое могущество. Кстати, «по повеленью ростовець» полторы тысячи владимир-

цев выехали навстречу Ростиславичам, что опять-таки свидетельствует о хозяйничанье Ростова в волости. Вместе с тем в привлеченных известиях вырисовывается весьма определенно и та сила, которая противостоит ростовцам и на которую рассчитывают в своих планах Юрьевичи, — это владимирская община. Как и следовало ожидать, владимирцы открыли ворота Михалке. На них с яростью устремились ростовцы, подступив к Владимиру «со всею силою Ростовская земля». Поведение ростовцев в период осады города недвусмысленно говорит о том, что перед нами не столько межкняжеская, сколько межгородская борьба: «И много зла створиша, муромце и Рязанце приведоша и пожгоша около города»³⁹⁵. Да и сам Владимирский летописец, завершая рассказ о «стоянии» врагов у стен родного города, откровенно признается: «Не противу же Ростиславичема бяхуться Володимерци, но не хотяше покоритися Ростовцем... зане молвяхуть, пожжем и паки ли а посадника в немь посадим, то суть наши холопи каменьници»³⁹⁶.

Семь недель отбивались владимирцы. Но вот в городе оскудели запасы и начался голод. Осажденные, не стерпев «глада», сказали Михалке: «Мирися, а любо, княже, промыслиа о собе». Он же отвечав рече: «Прави ести, ци хотите мене деля погынуги». Поеха в Русь, и проводиша его Володимерци с плачем».³⁹⁷

Отъезд Михалки не следует расценивать как военную или политическую неудачу владимирцев³⁹⁸. Напротив, им удалось извлечь из создавшегося положения максимальную выгоду, «утвердивъшася с Ростиславичема крестным целованием, яко не створити има в городе никакого зла, выдоша с кресты противу Мстиславу и Ярополку из города, и вшедшим в город утешиста Володимерце, и розделивше волость Ростовскую седоста княжить, а Ярополка князя посадиша Володимерци с радостью в городе Володимери на столе, в Святеи Богородице весь поряд положше»³⁹⁹. Старшего Ростиславича, князя Мстислава, ростовцы «посадиша у собе на столе дедни и отни с радостью великою».

Владимирская община добилаь наконец долгожданной независимости. Великим ее успехом явилось учреждение отдельного княжеского стола во Владимире, отчего Ростовская волость распалась на два самостоятельных, хотя и тесно связанных политически, города-государства⁴⁰⁰. Владимирцы, т.е. все свободные люди города и прилегающих к нему сел, распоряжаются княжеским столом, что отражено термином «посадиша», привычном в употреблении, когда речь захо-

дила о вечевом избрании князя⁴⁰¹. Иными словами, Ярополк вокняжился во Владимире не сам, а с согласия городской общины и по договоренности с ней. Княжение Ростиславича было обставлено определенными условиями, скрепленными присягой («крестоцелованием») и «порядом», «рядом» — письменным соглашением, которое принималось, несомненно, на вече⁴⁰². И нет никаких причин рассуждать о «насилованном подписании» владимирцами ряда с «победившими старшими городами», о появлении во Владимире «неудобных местному вечу Ростиславичей», как это делает Лимонов⁴⁰³. Автор, на наш взгляд, обнаруживает не только досадное непонимание сути разбираемых им исторических событий, но и недопустимую небрежность в изложении конкретных фактов. Владимирцы заключили «ряд» не со старшими городами, а с Ярополком Ростиславичем, причем не насильственно, а добровольно. В целом «поряд» был выгодным для владимирцев и потому положен на хранение в храме Пресвятой Богородицы. Видно, владимирская община очень дорожила этим «порядом», коль отдала его под покров местной святыне, совершившей накануне очередное чудо, «избавя град свой» от супостата. Не следует столь прямолинейно говорить о «неудобных местному вечу» Ростиславичах, ибо, по свидетельству Владимирского летописца, «не противу» Ростиславичей «бились» владимирцы, «но не хотяще покоритися Ростовцем и Суздальцем и Муромцем»⁴⁰⁴. И уже совершенно поверхностной представляется идея Лимонова о победе над Владимиром старших городов. «Мизинный» город так и не был взят, несмотря на семинедельную осаду. Владимирцы вынужденно пожертвовали лишь Михалкой, но, в конечном счете, больше приобрели, чем потеряли. Если быть точным, надо признать, что военную победу не одержала ни одна, ни другая сторона. В сфере же политической выиграл Владимир, разбив надежды старейших городов на гегемонию в волости. Владимирцы открыли у себя свой собственный княжеский стол, впервые сами избрали князя, заключили с ним «поряд» (договор). Это было большое завоевание владимирской городской общины, не желавшей мириться с зависимостью от Ростова и Суздаля. А что получили в итоге конфликта старейшие города? Вот они как раз и проиграли. Свершилось то, чему на протяжении последних двух десятилетий отчаянно противились ростовцы и суздальцы: распад единства Ростово-Суздальской земли с выделением в самостоятельную волость недавнего пригорода. Былое могущество старших городов уходило в прошлое. В наихудшем положении оказался Суздаль, который так

и не добыл себе князя. После этой крупной неудачи политическая активность суздальской общины угасает, и Суздаль превращается в предмет притязаний то Ростова, то Владимира⁴⁰⁵. Закончился первый этап открытой вооруженной борьбы городов Северо-Восточной Руси, вспыхнувший после смерти Андрея Боголюбского.

Тема межгородской борьбы в Ростово-Суздальской земле последней четверти XII – начала XIII столетий постоянно звучала в дореволюционной исторической науке⁴⁰⁶. Немало интересных и ценных наблюдений накоплено в ней. Но не все они одинаково убедительны. Соловьев, рассуждая о борьбе между старыми и новыми городами, начавшейся по «убиении» Андрея, говорил, что она «должна была решить вопрос: где утвердится стол княжеский – в старом ли Ростове или новом Владимире, от чего зависел ход истории на севере»⁴⁰⁷. Если исходить из живой исторической действительности, а не из схемы, то цели межгородской борьбы на первом ее этапе прямых военных столкновений приобретут иной смысл. Ростов в союзе с Суздаlem старался оставить неприкосновенным порядок взаимоотношений городов, при котором Ростов и Суздаль главенствовали в волости, а Владимир рвался на свободу из их цепких объятий, используя княжеский стол в качестве средства разрешения своей задачи. Следовательно, борьба между старыми и новыми городами вращалась вокруг вопроса: быть или не быть Владимиру самостоятельным и независимым.

Вызывают сомнения и некоторые построения Ключевского. По мнению историка, антагонизм между низом и верхом общества Суздальщины был скрытой пружиной усобицы братьев и племянников Андрея: «Низшие классы местного общества, только что начавшие складываться путем слияния русских колонистов с финскими туземцами, вызванные к действию княжеской распрей, восстали против высших, против давнишних и привычных руководителей этого общества, и доставили торжество над ними князьям, за которых стояли. Значит, это была не простая княжеская усобица, а социальная борьба»⁴⁰⁸. Нам кажется искусственным расчленение ростово-суздальского общества на высшие и низшие классы, противопоставление этих классов друг другу. Городские общины Ростово-Суздальской земли, как и Древней Руси в целом, не подверглись еще социальному разложению, хотя имущественная дифференциация, наличие богатых и бедных среди горожан стали обычным явлением. И все же перед внешним миром каждая община, как правило, выступала сплоченным коллективом⁴⁰⁹. Поэтому межобщинную, межгородскую борьбу едва

ли стоит относить к социальной. Это — борьба политическая⁴¹⁰. Иное дело — внутриобщинные столкновения: они полностью укладываются в разряд социальной борьбы.

Различие в княжеских усобицах, проводимое Ключевским между севером и югом Руси, не находит опоры в летописях. За внешней каймой летописных рассказов, за поведением древнерусской знати вообще и князей в частности скрываются глубинные течения народной жизни. В Южной Руси, как и в Руси Северной, межкняжеская борьба являлась отражением межобщинных и внутриобщинных, межволостных и внутриволостных столкновений.

Если Ключевский наделял городские низы большой активностью, говоря даже о торжестве «общественного низа над верхами местного общества»⁴¹¹, то Пресняков аналогичным образом поступил со знатью. «Не столько “вечевые” города тут действуют, — писал он, — сколько их социальные верхи: бояре и вся дружина»⁴¹². Ключевский и Пресняков оказали существенное влияние на советских историков, которые до сих пор так или иначе питаются их идеями. И лишь в последнее время общинная проблематика начинает входить в исследования, посвященные истории Северо-Восточной Руси XII — начала XIII вв.⁴¹³ На этом закончим историографическое отступление и вернемся к изучаемым событиям.

§ 9 Княжение во Владимире Великого Князя Михаила Юрьевича. Изменение политической жизни Ростово-Суздальской земли

Ярополк недолго правил во Владимире, обманув ожидания владимирцев: княжил, оглядываясь на Ростов⁴¹⁴, и не так, как требовал «поряд». Послушаем, впрочем, самого летописца: «Седящема Ростиславичема в княженьи земля Ростовьская, роздаяла бяста по городам посадничьство Русьским дедычким, они же многу тяготу людем сим створиша продажами и вирами, а сама князя молода бяста, слушая бояр, а бояре учахуть на многое именье. И святое Богородици Володимерьское золото и серебро взяста первый день, ключи полатнии церковныя отъяста, и города ея и дани, что бяшетъ дал церкви тои блаженны князь Андреи. И почаша Володимерци молвити: “Мы есмы волная князя прияли к собе и крест целовали на всемя, а си яко не свою волость творита, яко не творящися седети у нас, грабита не токмо волость всю, но и церкви, а промышляите, братья”. И послашася к Ростовцем и к Суздальцем, являюще им свою обиду, они же словом

сущу по ним, а делом далече сущу, а боляре князю тою держажутся крепко»⁴¹⁵. Неправедные поборы и насилия, чинимые Ростиславичами, накалили страсти во Владимире до крайности. Чашу терпения переполнили посягательства на богатства соборной церкви Святой Богородицы, составлявшие коллективную собственность владимирцев⁴¹⁶. Это был произвол уже не в отношении отдельных лиц, а всей городской общины. Лаврентьевская, Ипатьевская и другие летописи делают причастными к расхищению церковного имущества двоих Ростиславичей. Тверская летопись обвиняет в этом одного Ярополка, что, пожалуй, справедливо: «А Ярополк грады, и волости и дани церковныя Святей Богородицы отъят, также и злато церковное поима, и ключи полатныя отъяста, идеже бе кузнь, и что бяше дал церкви той блаженный князь великий Андрей»⁴¹⁷. Как бы там ни было, но главная вина лежала, конечно же, на Ярополке. Младший Ростиславич дерзнул и на такое святотатство, которое превратило его в лютого врага владимирцев: он вынес из храма чудотворную икону Марии и отдал ее зятю — Глебу Рязанскому, создав тем самым угрозу благополучию и даже существованию владимирской общины. Подобным образом мог действовать лишь завоеватель⁴¹⁸. И владимирцы не без основания говорили о том, что князь ведет себя так, будто не в своей волости княжит. Выступление против Ярополка назрело. Сначала владимирцы явили свою обиду ростовцам и суздальцам, но те остались глухи к ней⁴¹⁹. Тогда они стали «промышлять» не только словом, но и делом, подыскивая нового князя. Вспомнили о «сынке» Андрея Боголюбского Юрии⁴²⁰. Но наиболее подходящим сочли Михалку с братом Всеволодом. Владимирцы, «укрепившися послашася Чернигову по Михалка и по брата его Всеволода, рекуще ты еси старее в братъи своеи, поиди Володимерю, аще что замыслять на нас Ростовци и Суждалци про тя, то како ны с ними Бог дастъ и Святая Богородица»⁴²¹. «Летописец Переяславля Суздальского» к владимирцам присоединяет переяславцев: «Володимерци же с Переяславци укрепившися, послашася в Чернигов по Михалка»⁴²². В Тверской летописи также находим любопытное разночтение: «Володимерци же утвердившися межи себя, послаша к Чернигову по Михалка»⁴²³. Все эти речения «володимерци укрепившися», «володимерци с переяславци укрепившися», «воломиреци утвердившися» указывают, по нашему мнению, на вече, где принималось решение о приглашении во Владимир Юрьевичей. Призвание Михалки и Всеволода есть проявление самостоятельности владимирской вечевой общины в распоряжении

княжеским столом. Однако нельзя сказать, что владимирцами двигали точный расчет и уверенность в победе. Были не малые сомнения относительно того, примут ли вообще приглашение Михалко и Всеволод. Поэтому их приезд люди восприняли как «новое чудо Святое Богородицы»⁴²⁴. А затем свершилось еще большее чудо: немощный Михалко, которого слуги несли «на насилех», разбил соперников, и те разбежались, кто куда: «Мьстислав же бежа Новугороду, а Ярополк Рязаню»⁴²⁵. Победителям же устроили триумфальную встречу: «Выидоша же с кресты противу Михалку и брату его Всеволоду игумени и попове и вси людье, и въеха в город к Святеи Богородице»⁴²⁶. Перепуганные суздальцы приехали к Михалке с изъявлением покорности. Князь посетил Суздаль, а за ним — Ростов, «и створи людем весь наряд, утвердився крестным целованье с ними и честь возма у них и дары многы у Ростовець. И посади брата своего Всеволода в Переяслави, а сам възвратися Володимерю»⁴²⁷. Первым делом Михалко вернул «городы Святое Богородице, яже бе отъял Ярополк». Вызволил он из Рязани и образ Божией Матери, взятый из владимирского собора⁴²⁸. Местная община вновь обрела святыню — заступницу перед внешним миром, полным опасностей. Исход борьбы превзошел самые смелые ожидания. Владимирцы ликovali: «И бысть радость велика в Володимери граде, видяще у собе Великого Князя всея Ростовскыя земли». Оставалось только дивиться «великому и преславному» чуду «Матери Божья»⁴²⁹. Радоваться и удивляться было чему: упал колосс — старейший Ростов и пристяжной Суздаль. Восстановлено прежнее единство волости, но уже не под главенством Ростова, а Владимира, где теперь сидел князь «всея Ростовскыя земли». Владимир и Ростов как бы поменялись местами и, следовательно, ролями. Отныне ростовцам пришлось бороться за свою самостоятельность, т.е. делать то, что делали владимирцы на протяжении двух десятилетий. Задача же владимирцев заключалась в удержании власти над ростовцами и суздальцами. Град Владимир воссиял величеством: «Отселе Владимирци прославлени быша богом по всеи земли за их правду, богу им помогающую»⁴³⁰.

Едва ли вокняжение Михалки во Владимире надо понимать так, что пригород на Клязме, презрительно третируемый ростовцами и суздальцами как скопище холопов, «сделался опять стольным городом князя всей Ростовской земли»⁴³¹. Думаем, что Владимир не «сделался опять стольным городом», а впервые стал им, добившись, можно сказать, небывалого успеха. Выиграл и Переяславль, чьи жители с владимирцами

мирцами «имяхуть едино сердце»⁴³². Владимирцы и переяславцы всюду действовали заодно⁴³³. Победа Владимира подняла политический статус Переяславля. В этом незначительном до сих пор пригороде был учрежден княжеский стол, который занял Всеволод Юрьевич⁴³⁴. Значение Переяславля возросло.

События 1175–1177 гг. представлялись Тихомирову «большим социальным кризисом, охватившим всю Владимиро-Суздальскую землю. Главными противниками Михалка и Всеволода, младших братьев Андрея Боголюбского, выступают бояре»⁴³⁵. Историк не учел многозначность упоминаемых им событий, задержавшись лишь на одной из их граней. Вероятно, он избежал бы этой односторонности, если бы по-другому взглянул на расстановку сил в Ростово-Суздальской волости. Юрьевичам вредили не мнимые бояре, но ростовцы и суздальцы, среди которых видим и бояр, и рядовых людей. В том же социальном составе проходят перед нами владимирцы и переяславцы, поддерживающие Михалку и Всеволода. Здесь мы наблюдаем вооруженное соперничество городских общин за преобладание и власть, т.е. военно-политическую борьбу, переплетавшуюся с борьбой социальной, порожденной насилиями и чрезмерными поборами княжеской администрации. И все-таки основной смысл происходившего состоял в военно-политическом противостоянии старших городов и младших пригородов.

Поражение Ростова и Суздаля, бегство из волости Ростиславичей и вокняжение во Владимире Михалки необходимо рассматривать как второй этап вооруженной борьбы между городскими общинами Северо-Восточной Руси. Основным политическим итогом его было превращение Владимира в стольный город с подчинением ему старейших городов. Произошел настоящий переворот в политической жизни Ростово-Суздальской земли. И тем не менее, он не дал прочных результатов. Ростов уступил, но только на время, ожидая удобного случая, чтобы снова взяться за оружие для отстаивания своего земского главенства⁴³⁶. Случай очень скоро представился.

§ 10 Вокняжение Великого Князя Всеволода Юрьевича Большое Гнездо и мятеж во Владимире в 1177 году. Отношения Князя и городской общины

В 1177 г. скончался «благочестивый и христоролюбивый князь Михалко». Владимирцы послали за Всеволодом в Переяславль, чтобы посадить его у себя на княжеском столе. Местный летописец повествует

об этом с явным провладимирским идейным пристрастием. «Володимерци, — говорит он, — помянувшие Бога и крестное целование к Великому Князю Гюргю, вышедши перед Золотыя ворота, целоваша крест ко Всеволоду князю, брату Михалкову, и на детех его, посадиша и на отни и на дедни столе в Володимери»⁴³⁷. Летописатель допустил тут две сознательные неточности, выдающие его симпатии к городу Владимиру. «На меньших детех» целовали крест Юрию прежде всего ростовцы и суздальцы. Они же и нарушили крестоцелование, взяв на княжение Андрея, а младших Юрьевичей выгнали⁴³⁸. Что побудило Владимирского летописца подкрасить прошлое? Желание объявить Владимир правопреемником Ростова и Суздаля, придать избранию Всеволода общеволостное значение, истолковать это избрание как торжество божией правды, в конечном счете — возвеличить родной город. С той же целью княжеский стол во Владимире им превращен в «отен и деден», тогда как ни отец, ни дед Всеволода на нем не сидели. Посредством таких сомнительных приемов владимирский летописатель пытался исторически обосновать право Владимира на господствующее положение в волости как искони стольного города. Но здесь он перешел границы разумного.

Смерть Михалки воскресила надежды ростовцев. Они привели «Мстислава Ростиславича из Новагорода, рекше ему: “Поиде, княже, к нам. Михалка Бог поял на Волзе на Городци, а мы хотим тебе, а иного не хотим”... Он же приеха Ростову». Собрав большую рать, Мстислав «поеха к Володимерю». Навстречу ему выступил и Всеволод. Когда Юрьевич миновал Суздаль, ему и «всему полку», шедшему с ним, открылось видение, исполненное божественного предзнаменования: явилась «Мать Божья Владимирская» и город Владимир, парящий в воздухе. «Вси же зряще таковаго чюда, глаголаху, княже, прав еси, поеди противу ему». Но Всеволод, по-видимому, не очень верил в победу и потому послал к Мстиславу сказать: «Брате, оже ты привели старейшая дружина, а поеди Ростову, а оттоле мир възмеве, тебе Ростовци привели и бояре, а мене был с братом Бог привел и Володимерци, а Суздаль буди нам обще, да кого всхотять, то им буди князь»⁴³⁹. В этой речи много примечательного. В целом, она отличается уступчивостью, свидетельствующей о неуверенности Всеволода и владимирцев в исходе предстоящей битвы. Ростовцев Владимирский князь почтительно именует «старейшей дружиной», признавая, таким образом, ее преимущества в сфере старшинства. Всеволод Юрьевич отказывается от политического наследства покойного брата. Он не претендует

на Ростов, хотя какие-то обязательства ростовцев по отношению к нему, судя по намекам летописца, имели место⁴⁴⁰. Всеволод, в сущности, предложил вернуться к тому, что было при Ростиславичах, когда в Ростове и Владимире появились отдельные княжеские столы. Из слов его также явствует, что бывшее единство Суздаля и Ростова распалось. Некоторая отчужденность суздальцев от политики ростовской общины проявилась уже во время войны Михалки с Ростиславичами. Они тогда говорили ему: «Мы, княже, на полку томъ со Мстиславом не были, но были с ним боляре, а на нас лиха сердца не держи, но поеди к нам»⁴⁴¹. Теперь же суздальцы вовсе, кажется, отстранились от политических и военных акций Ростова. Их не видно среди ростовцев, позвавших к себе Мстислава Ростиславича, когда умер Михалка⁴⁴². Суздаль не принял участие и в вооруженном столкновении Всеволода с Мстиславом. Во всяком случае, в рассказах местного летописца о военных приготовлениях ростовцев и о сражении их с владимирцами и переяславцами нет никаких сведений, относящихся к суздальцам⁴⁴³. Нейтралитетом Суздаля нужно, по всей видимости, объяснять предложение Всеволода дать возможность жителям его самим выбирать князя: «да кого всхотять, то им буди князь».

«Мирные инициативы» владимирского князя были отвергнуты: «Мстислав же не послуша речи Всеволода, стрья своего... но слушашеть Добрыны Долгаго, Матея Шибутовича и иных злых человек»⁴⁴⁴. Ростовцы, руководимые своими боярами, стремились к реставрации старого порядка, при котором Ростов один главенствовал в Северо-Восточной Руси. Но возобновление политических отношений почти столетней давности было вещью совершенно несбыточной. «Высокоумные» же ростовцы, одурманенные воспоминаниями о прошлом величии Ростова, в ответ на мирные предложения Всеволода сказали так, обращаясь к Мстиславу: «Аще ты мир даси ему, но мы ему не даемы». И жестоко поплатились за свою самонадеянность, потерпев полное поражение в битве на Юрьевском поле «у Липець». Князь Всеволод, «победив полк, възвратися Володимерю с честью великою, а Володимерци и дружина поведоша колоднику и скот погнаша и кони». Мстислав Ростиславич бежал в Новгород, но там ему указали «путь чист». При этом новгородцы говорили князю: «Ударил еси пятою Новъгород и шел еси был на стрья своего на Михалка поваблен Ростовци, да оже Михалка Бог поял, а с братом его с Всеволодом Бог росудил тя, чему к нам идеши»⁴⁴⁵. Из Новгорода Мстислав поехал в Рязань и «подмолвил» тамошнего князя Глеба, зятя своего, напасть

на Всеволода. Глеб «приеха на Московь и пожже город весь и села». То было осенью 1177 г. А зимой уже «иде князь Всеволод на Глеба к Рязаню с Ростовци и с Суздальци и со всею дружиною». Важно подчеркнуть наличие в войске владимирского князя ростовцев и суздальцев. Победа на Юрьевском поле дала власть Всеволоду над Ростовом и Суздалем, укрепили положение владимирской общины как правящей в волости.

Дойдя до Коломны, Всеволод узнал, что Глеб «шел к Володимерю инем путем и воюеть около Володимеря» вместе с половцами «погаными». Много зла натворили ратные: ограбили церкви и запалили огнем, села боярские разорили и сожгли, женщин и детей пленили. Всеволод от Коломны «приде опять в землю свою и обрете Глеба, стояща на Колахши на реце с Половци и с полономь». Тут и состоялась битва, из которой победителем вышел Всеволод. Воины владимирского князя, преследуя бегущих в панике врагов, «овы секуще, овы вяжуще, и ту самого Глеба яша руками, и сына его Романа и шюрина его Мстислава Ростиславича и дружину его всю изымаша, и думци его извяза все: и Бориса Жидиславича, и Ольстина и Дедилця и инех множество. А поганые Половци избиша оружием». Всеволод Юрьевич вернулся во Владимир, славя Бога за дарованную победу.

Мы намеренно задержались несколько на изложении военных событий, чтобы лучше понять суть произошедших во Владимире волнений после победного возвращения сюда князя Всеволода. Летописец именует эти волнения «мятежом великим»⁴⁴⁶.

Вникнем в летописные материалы. Согласно Лаврентьевской летописи, на третий день по въезде Всеволода в город начался великий мятеж. «Всташа бояре и купци, рекуще: “Княже, мы тебе добра хотим и за тя головы свое складываем, а ты держишь ворогы свое просты. А се ворози твои и наши Суздальце и Ростовци, любо казни, любо слепи, али даи нам”. Князю Всеволоду благоверну и богобоязнову, не хотяше того створити, повеле всадити их в поруб людей деля, абы утишился мятеж». Затем он потребовал от рязанцев выдачи Ярополка Ростиславича, и те «приведоша его в Володимерь», где горемычного князя, как и других пленников, «всадиша в поруб». Но люди не успокоились: «По мале же днии всташа опять людье вси и бояре и придоша на княжь двор многое множество с оружием рекуще, чего их додержати, хотим слепити и. Князю же Всеволоду печалну бывшу, не могшу удержати людии множества их ради клича»⁴⁴⁷.

Итак, если верить Лаврентьевской летописи, первыми «всташа» владимирские бояре и купцы. Тихомиров следующим образом прокомментировал данное известие: «Владимирские бояре и купцы встают против Всеволода в 1177 г. Они требуют выдать им пленных рязанских князей, поддерживающих Ростиславичей»⁴⁴⁸. Термин «восстание» чересчур сгущает краски. Правильнее было бы говорить о выступлении бояр и купцов с требованием расправы над пленными, предъявленным своему князю в легальной, можно сказать, форме. Почему именно бояре и купцы опередили других владимирцев? Возможно, они больше всех пострадали от прихода рязанской рати (вспомним сообщение летописца о том, как враги грабили «товар», сжигали боярские села под Владимиром)⁴⁴⁹. Их возмущало мягкое обращение Всеволода с пленными: «держишь ворогы свое просты». Среди этих врагов, подлежащих, по мнению бояр и купцов, казни или ослеплению, неожиданно оказались ростовцы и суздальцы. Всеволод, чтобы успокоить страсти, велел всех недругов «всадити в поруб». Под давлением, вероятно, владимирцев князь направил рязанцам ультиматум о выдаче Ярополка Ростиславича. Но и это не умиротворило людей. Масса вооруженного народа явилась «на княжь двор» и настояла на своем. Так подает события Лаврентьевская летопись. Необходимо заметить, что в ее рассказе не все безупречно. Начнем с того, что он оборван и не имеет конца, повествующего об ослеплении Мстислава и Ярополка и о чудесном их исцелении⁴⁵⁰. Рассказчиком, помимо этого, допущена ошибка (или обмолвка), оборачивающаяся в повествовании нелепостью: вместо Мстислава Ростиславича, плененного в битве на Колакше, он приводит во Владимир брата его Ярополка, а потом за тем же Ярополком посылает в Рязань. Не к месту упомянуты летописцем ростовцы и суздальцы как «ворози» владимирцев, ибо по смыслу происходящего речь должна была идти о рязанских князьях Глебе и Романе, старшем Ростиславиче и о княжеских «злых думцах». На эту несуразность обратил внимание еще Соловьев. «Странно, — писал историк, — что владимирцы не говорят ничего о Глебе рязанском и Мстиславе Ростиславиче, а толкует только о ростовцах и суздальцах, которые уже давно были взяты в плен и давно, следовательно, нужно было рассуждать о их наказании»⁴⁵¹. Соловьев полагал, что у Татищева «речь владимирцев представлена полнее и связнее»⁴⁵². Надо отметить, что Татищев в первой редакции своей «Истории Российской» обращение бояр и купцов к Всеволоду передает в соответствии с Лаврентьевской летописью⁴⁵³. Та же речь, на которую ссылался Соловьев,

приведена во второй редакции Татищевской «Истории»: «Мы за твою честь и здравие головы свои складываем и ничего не жалеем. Ты же наших злодеев, резанских князей и их вельмож, плененных нашими руками, держишь на свободе не яко пленников, но яко гостей, и они, ходя ругаются с нами. А с другую сторону злодеи наши ростовцы и суздальцы, междо нами кроются, смотря токмо удобнаго времени, како бы нам какое зло учинить. Того ради просим, чтобы оных резанских пленников на страх другим казнить смертию или ослепить. Ежели же сам того учинить не хочешь, то дай нам»⁴⁵⁴. Можно ли довериться Татищеву? Не является ли вложенная знаменитым историком в уста бояр и купцов речь выдуманной, наподобие других «татищевских известий», о которых ведутся жаркие споры в исторической науке? Углубление в источники убеждает нас в необходимости серьезно отнестись к сообщению Татищева.

В Тверской летописи бояре и купцы вообще не упоминают ростовцев и суздальцев: «Княже, мы за тя головы складаем, а ныне держишь ворогы наше про что? либо казны их, либо слепи, или дай нам»⁴⁵⁵. Положим, здесь сказалось влияние ростовских записей, использованных составителем Тверского свода⁴⁵⁶. Однако знакомство с соответствующим текстом «Летописца Переяславля Суздальского» также склоняет к мысли, что чтение Лаврентьевской летописи не может считаться бесспорным. «Княже, — говорят в Летописце бояре и купцы, — мы тебе добра хотим, за тя головы своя съкладываем, ныне дръжиши ворогы своя просты, а се ворози твои у бока Суждалци и Ростовци, либо слепи или даи нам»⁴⁵⁷. Переяславский летописец, как видим, отделяет суздальцев и ростовцев от врагов, плененных в битве на Колакше, хотя тоже числит их среди недругов владимирского князя, находящихся «у бока», т.е. рядом или по соседству. Более определенно на этот счет сказано в Московском летописном своде 1479 г.: «Мы, княже, за тя главы своя съкладываем, а ты ныне держишь врагы свое и наши просты, а лиходеи наши Ростовци и Суздальци близь нас»⁴⁵⁸. Но самый пространный и ясный пересказ событий содержит Никоновская летопись, где говорится о мятеже «во граде Владимире от болших и до менших людей Володимерцов», пришедших к Всеволоду со словами: «Господине княже! Мы за тебя главы своя съкладываем и кровь свою проливаем, тебе брегуще и добра тебе хотяще; а ты враги своя и наши держиши просто, князя Глеба Рязанского, и сына его Романа и шурина его князя Мстислава Ростиславичя; а се любовники и друзи их, а твои и наши врази, Суздалци и Ростовци, и в граде

Владимире и за градом всюду их многое множество, и егда возставше крамолу сотворять, и будет воследняя лествь горши первая, да убо слепи их или всади их в поруб»⁴⁵⁹.

Таким образом, Соловьев мог бы уверенно сказать, что «речь владимирцев представлена полнее и связнее» не только у Татищева, но и в некоторых летописных сводах XV–XVI вв., составленных с привлечением более ранних, но не дошедших, к сожалению, до нас летописных произведений. И эти полноту и связность не следует расценивать как плод досужих домыслов и сочинительства поздних летописцев. А вот относительно Лаврентьевского варианта подобное говорить рискованно, поскольку он отличается тенденциозностью, внутренней противоречивостью и незавершенностью.

Тенденциозность Владимирского летописца ярко проявилась по отношению к ростовцам и суздальцам. Вопреки логике собственного рассказа, летописатель, движимый враждой и неприязнью к старейшим городам, совсем некстати называет ростовцев и суздальцев вместо приведенных во Владимир пленных рязанских князей, Мстислава Ростиславича и прочих «ворогов» Всеволода. Всячески выгораживает он своего князя, «благочестного и богобоязненного». Всеволод спасает пленников от жестокой расправы, укрывая их в «поруб» и, не сумев предотвратить ослепление Ростиславичей, впадает в печаль. Эти идиллические мотивы диссонируют с реальностью. Из других летописей мы узнаем о том, что Всеволод по возвращении из похода во Владимир учинил суд на врагами: «овых же казни преда, а иныя же, казнив, помилова и отпусти в своа си»⁴⁶⁰. Фальшивой была и проводимая Владимирским летописцем мысль о невинности Всеволода в экзекуции над Ростиславичами. Ипатьевская летопись не связывает ослепление Мстислава и Ярополка с «мятежными» действиями владимирцев, но напрямую не говорит и о Всеволоде, выражаясь несколько глухо: «Мстислав и Ярополк в порубе бяста, и потом изведше я и слепивше пустиша»⁴⁶¹. И все же по содержанию предшествующих непосредственно этому известию записей можно думать, что за наказанием Ростиславичей стоит Всеволод. Откровеннее высказывается Новгородский летописец: «Ослеплен бысть Мстислав князь с братомъ Ярополкомъ от стрья своего Всеволода»⁴⁶². Мы не хотим отвести вину от владимирцев за совершенную над Ростиславичами жестокость. Вместе с тем нам кажутся несостоятельными идущие от Владимирского летописца и воспринятые историками попытки доказать непричастность к ней Всеволода⁴⁶³. Скорее всего, это было

общим делом князя и владимирской общины, стремившихся убрать претендентов на княжения в старейших городах Ростово-Суздальской земли и закрепить таким способом только что установившееся господство Владимира над Ростовом и Суздалем⁴⁶⁴. Выступления владимирцев, требующих расправы с рязанскими князьями, стали удобной ширмой, позволившей Владимирскому летописцу скрыть от потомков факты, бросающие тень на христианскую добродетель своего «господина». Но невозможно было утаить или замолчать другое: мученическую смерть Глеба, уморенного Всеволодом в темнице. Всеволод не внял Глебовой жене, тщетно умолявшей «благоверного и богобоязненного» князя освободить своего мужа. После двухлетнего заточения с трудом удалось выволить из поруба Романа Глебовича, которого Всеволод, «укрепивше крестным целованием и смиривше зело, отпустиша в Рязань»⁴⁶⁵.

Сказанного, полагаем, достаточно, чтобы убедиться в необходимости критического отношения к рассказу Владимирского летописца о «мятеже» во Владимире. Совершенно очевидно, что для воспроизведения этого «мятежа» нельзя ограничиваться только Лаврентьевской летописью. Как ни странно, поздние летописи содержат, на наш взгляд, более ясную и правдивую информацию. Какая же картина создается из совокупности данных?

Начало «мятежу», по Владимирскому летописцу, положили бояре и купцы. Эта «авангардная» роль боярства и купечества, казалось бы, находит объяснение⁴⁶⁶. Но мы все-таки считаем, что движение было шире, охватив «от болших до менших людей Володимерцов», как извещает Никоновская летопись⁴⁶⁷. Да и в Лаврентьевской летописи есть на этот счет достаточно прозрачные намеки. Владимирский летописец говорит, что во Владимире «бысть мятежь велик»⁴⁶⁸. Выражение «мятеж велик» едва ли равнозначно выступлению бояр и купцов. За ним, скорее всего, стояло более мощное возмущение горожан в целом⁴⁶⁹. У местного летописца проскальзывает еще одна характерная деталь: Всеволод велел «всадити в поруб» плененных на Колакше врагов «людии деля»⁴⁷⁰. Термин «люди» расширяет состав «мятежников», выводя его за рамки двух сословий.

Вряд ли движение «людей» возникло стихийно и неорганизовано⁴⁷¹. Оно проходило на фоне «молвы»⁴⁷², т.е. вечевых собраний, где решалась участь Глеба, Романа и Мстислава⁴⁷³. Вооруженные владимирцы («люди»), как знатные, так и простые, требовали либо ослепить их, либо «всадить в поруб»⁴⁷⁴. Владимирская община, только что

завоевавшая главенство в Ростово-Суздальской земле, опасалась соединения враждебных князей, гуляющих на свободе⁴⁷⁵, с ростовцами и суздальцами, которые, будучи участниками организованного Всеволодом похода против рязанского князя, оказались во Владимире, причем в большом количестве⁴⁷⁶. Тревоги владимирцев были понятны Всеволоду, а настояния горожан совпадали с его интересами, и он заключил в темницу трех князей, а потом добавил к ним четвертого — Ярополка Ростиславича. Внешне же действия Юрьевича выглядели как вынужденная уступка с целью успокоения возбужденной толпы. На этой иллюзии и построил свою версию Владимирский летописец, создав идеализированный образ милосердного князя.

Заключение князей в темницу вскоре показалось владимирцам недостаточной мерой предосторожности. И тогда люди, снова, по-видимому, собравшись на вече, решили поступить более радикально. «Хотим слепити их», — заявили они Всеволоду. А затем «шедше разметаша поруб, и емше князя Мстислава Ростиславича и брата его князя Ярополка Ростиславича ослепиша, и отпустиша их»⁴⁷⁷. Гнев владимирцев, стало быть, обрушился на Ростиславичей, не затронув в этот раз Глеба и Романа. Ожесточенность владимирской общины, направленная в первую очередь против Мстислава и Ярополка, объясняет во многом суть произошедших волнений, теснейшим образом связанных с задачей укрепления недавно достигнутого господства Владимира над Ростовом и Суздалем. Перед нами продолжение конфликта между владимирцами и Ростиславичами, за которым маячили ростовцы и суздальцы, готовые в любой момент «сотворить крамолу». Чтобы предотвратить ее, владимирцы и пошли на расправу с Мстиславом и Ярополком.

Приняв такую трактовку, мы должны отказаться от привычного в историографии представления о том, будто владимирцы восстали против Всеволода или, наоборот, Всеволод действовал наперекор им. Истинная роль Всеволода затуманена летописцем, радеющим о репутации своего патрона. Манера его подачи материала хорошо прослеживается по записи, непосредственно соседствующей с рассказом о владимирских волнениях и повествующей о походе владимирского князя на Торжок: «Новгородци целовавше ко Всеволоду Юргевичю крест и не управиша. Он же иде к Торжьку в волость их и не хотяше взяти города, беша бо обещалися дань дати ему Новоторжьци и не управиша. Дружина же Всеволожа начаша князю жаловатися: “Мы не целовать их приехали. Они, княже, Богови лжють и тебе”. И се рекше

удариша в коне и взяша город, мужи повязаша, а жены и дети на щит, и товар взяша, а город пожгоша весь...»⁴⁷⁸. Итак, Торжок безжалостно сожжен и разорен, население обращено в «полон». Но повинен в этом не Всеволод, а непослушная дружина. Легко поддастся искушению последовать за летописцем, что демонстрируют даже, казалось бы, умудренные летописеведы, в частности Лимонов, который пишет: «Ровно через год после инцидента с рязанскими князьями владимирцы вновь «поставили на место» своего князя, указав, что он должен их слушаться. В походе на Торжок Всеволод проявил «слабость» и, не желая войны, предложил горожанам откупиться. Торжок был богатейшим городом на Руси, там располагались таможенные заставы, через него проходили пути из Новгорода и в Новгород. Но владимирцы не желали получать выкупа, они требовали разгрома города. Князь был вынужден уступить. Владимирцы настояли на своем. Город был отдан на поток и разграбление»⁴⁷⁹. Лимонов прошел мимо важного признания летописца, сделанного им в конце назидательно-благочестивого отступления: «Князь же Всеволод взя город Торжек месяца декабря в 8 день на память Святаго Потапья»⁴⁸⁰. Это признание никак не согласуется со «слабостью» Всеволода, о которой рассуждает Лимонов. Оно свидетельствует об активности князя при взятии города, исправляя предшествующую запись, где инициатором штурма Торжка изображена дружина, будто бы потянувшая за собой упирающегося Всеволода. Заслоняя «Юргевича» дружиной, княжеский летописец всю ответственность за беспощадное разорение Торжка, сравнимое по свирепой жестокости с половецкими опустошениями, перекладывал на воинов князя, дабы не развеять ореол благочестия, создаваемый вокруг его имени владимирскими идеологами, в том числе и прежде всего самим летописцем.

Те же заботы владели им и при описании «мятежа» во Владимире, завершившегося столь драматически для князей Глеба, Романа, Мстислава и Ярополка. Местный летописец так повернул события, что в расправе, осуществленной над пленными князьями, виноватыми стали владимирцы, тогда как Всеволод показал чуть ли не образец братолюбия. Благонамеренно, но фальшиво — так можно сказать об этом приеме Всеволодова летописателя.

Владимирский «мятеж» — заключительный аккорд борьбы владимирцев и князя Всеволода за утверждение верховной власти Владимира на северо-востоке Руси. С этим «мятежом» пресеклась военно-политическая деятельность Ростиславичей в Ростово-Суздальской

земле. Владимирская община убрала их со своего пути. Мстислав Ростиславич Безокий приехал в Новгород и сел там на столе зимой 1177/78 гг., а весной 1178 г. скончался⁴⁸¹. Младший брат его Ярополк скитался между Новгородской и Русской землей, не представляя теперь никакой угрозы владимирской общине и ее князю⁴⁸². Сторонник Ростиславичей Рязанский князь Глеб умер в темнице, а Роман Глебович вернулся в Рязань, уstraшенный Всеволодом. Ростовцам и суздальцам не на кого и не на что было надеяться. Оставалось одно: подчиниться Владимиру. Так пригород Владимир отстоял завоеванное в правление Михалки положение главного города земли, средоточия княжеской власти. Ростов же и Суздаль, хотя и продолжали называться старейшими, фактически оказались в разряде пригородов. Всеволод, подобно Михалке, получил титул «князя всея Ростовския земля»⁴⁸³. В некрологе он именуется как «миродръжець всея Суждальския земля».

§ 11 Влияние политической борьбы в Ростовской земле на устройство епархиальной жизни

Возвышение Владимира сказалось и на судьбе ростовской епископии. Владимирская община начинает подавать свой влиятельный голос при назначении святителей. В 1185 г. митрополит Никифор поставил епископом в Ростово-Суздальскую Русь Николу Гречина, но Всеволод «не хотящу его». Никифору дали понять, что на епископскую кафедру здесь примут того, кого «Бог позовет и Святая Богородица, князь въсхочеть и людье». Митрополит отступил и «постави Луку епископом Ростову и Володимерю и Суждалю и всей земли Ростовьской»⁴⁸⁴. Нетрудно сообразить, что «людье» — это владимирцы, а «Святая Богородицы» — церковь Богородицы во Владимире. Городская владимирская община, утверждая свое право на избрание епископа⁴⁸⁵, освящает это право волей высших сил, воплощенных в храме Пресвятой Богородицы.

Взросшая роль Владимира в жизни епископии и, следовательно, всей волости отразилась, словно в капле воды, в незначительном на первый взгляд факте погребения епископа Луки. «Преставися, — читаем в Лаврентьевской летописи, — благоверный и блаженный епископ Лука Ростовский и Володимерьские... Спрятавше тело его князь великий Всеволод Гюргевич с игумены с черньци, с клирошаны, с попы положиша у Святое Богородици в граде Володимери»⁴⁸⁶. Захоронение Луки во владимирской церкви Богородицы выделяло ее среди других

соборных храмов Северо-Восточной Руси, с одной стороны, и поднимало религиозно-политический престиж Владимира, — с другой, создавая почву для притязаний местной общины на властвование в земле. Погребение епископа Луки свидетельствует еще и о том, что город Владимир стал постоянным местопребыванием владыки⁴⁸⁷. Приведем другое летописное указание на сей счет. Епископ «земли Ростовской и Суздальской и Володимерьской» Иоанн, сменивший в 1190 г. покойного Луку, пришел в Ростов «на свой стол месяца февраля в 25 день, на память Святаго отца Тарасья, тогда сущю великому князю Ростове в полюдьи, а в Суздаль вшел месяца марта в 10 день, на память Святаго мученика Кондрата, а в Володимерь вшел тогож месяца в 16 день»⁴⁸⁸. Как видим, конечным пунктом «вхождения» Иоанна в епископию является Владимир, где находилась владычная резиденция⁴⁸⁹.

Несмотря на усилия Владимира, отношения владимирской общины с населением старейших городов строились не по старой схеме, когда главный город в сознании своего первородства господствовал над пригородами, требуя от них безусловного повиновения. Владимирцы не могли сказать о Ростове или Суздале так, как говорили о Владимире ростовцы и суздальцы: «Володимерь град есть пригород наш, и живут в нем наши холопи, каменосечци, и древоделци и орачи». Поэтому политическую систему связей, установившуюся между бывшим пригородом и старейшими городами в княжение Всеволода следует характеризовать как федерацию волостных общин во главе с владимирской общиной. Военная и политическая значимость Ростова и Суздаля, входящих в общинную федерацию, их неоспоримое старейшинство понуждали Великого Князя уделять им особое и постоянное внимание. Вот почему нередко мы застаем Всеволода в Суздале: «отпусти в Суздаль ко Всеволоду, уеви своему», «посла князь Рюрик Глеба князя шюрина своего с женою, Чюрыну с женою, инии многи бояре с женами ко Юрьевичю, к великому Всеволоду в Суздаль по Верхуславу за Ростислава»; «отпусти ко Всеволоду в Суздаль с великою честью и дары многими одарив»; «и посла ко Всеволоду, ко уеви своему, в Суздаль»; «и послашася ко Всеволоду в Суздаль»; «Ростислав же ехе ко отцю своему в Суздаль»⁴⁹⁰. Значительно реже встречаем Всеволода в Ростове. Если в Суздале, как показывают приведенные летописные выдержки, он подолгу жил⁴⁹¹, то в Ростове преимущественно бывал «орудья деля». Например, в 1190 г. князь приехал сюда, чтобы собрать «полюдь», или подати, которые платили ростовцы⁴⁹².

Такое отношение к Ростову надо, по-видимому, объяснять политикой ростовской общины, не оставлявшей надежды вернуть утраченные позиции и стать вновь главою волости. Соперничество Ростова с Владимиром постепенно обостряется. Однако оно не доходит до вооруженного столкновения, проявляясь лишь в идейно-религиозной борьбе, связанной с прославлением культа св. Леонтия Ростовского.

В 90-е гг. XII в. стараниями епископа Иоанна был канонизован сеятель христианства в Северо-Восточной Руси Леонтий. Житие Леонтия рассказывает об этом следующее: «Иоанн епископ праздновати устави Святого отца нашего Леонтия месяца мая в 23 день в лето 6698 и по сем в лето 6702 приспе праздник святого, на вечерни празновавшие людие отоидоша»⁴⁹³. Воронин выразил сомнение по поводу житийных дат. Говоря о том, что в 90-х гг. к древнейшей части «Жития» примкнул текст об установлении Иоанном празднования Леонтию, о «первом чуде» у гроба святого и «Похвальное слово» в его честь, исследователь замечал: «Время этих мероприятий Иоанна в пространной редакции “Жития” определяется так: сначала, в 1190 г., Иоанн установил празднование Леонтию 23 мая, а якобы четыре года спустя, в 1194 г., произошло первое и единственное “чудо”. Вызывает сомнение, что это “чудо” было организовано церковниками после установления празднования: вероятнее думать, что оно и имело смысл лишь как повод для местного церковного прославления Леонтия»⁴⁹⁴. Для убедительности Воронин ссылается на Тверскую летопись, где под 1194 г. помещено сообщение о ростовском владыке Иоанне, который «сътвори Леонтию, епископу Ростовскому, чюдотворцу память; и оттоле начаша празновати ему»⁴⁹⁵. Полагаем, что решение вопроса не может быть столь простым и однозначным. И уж, конечно, надо отказаться от искажений и домыслов, допущенных Ворониным при толковании житийного текста. Что здесь имеется в виду?

Воронин называет чудо 1194 г., послужившее поводом к учреждению праздника в честь Леонтия, первым и единственным. Но в самом «Житии» подобных определений нет. Напротив, в древнейшей части «Жития», повествующей об открытии мощей Леонтия, неоднократно говорится о чуде. Начнем с того, что нетленное тело Леонтия и неистлевшие «ризы» его подаются автором житийной записи как «превеликое чудо»⁴⁹⁶. У каменной раки с телом святого, установленной в Богородичном храме града Ростова, совершались «преславная чюдеса»⁴⁹⁷. Таким образом, к 1190 г. накопился достаточный арсенал чудес, чтобы Иоанну иметь повод для канонизации Леонтия. Поэтому

чудо 1194 г. заключало в себе особый смысл, о чем речь впереди. Совершенно напрасно Воронин запутывает текст «Жития», создавая искусственные сложности в его прочтении. Ему кажется странным, что люди ушли из церкви, увидев чудо до того, как оно случилось⁴⁹⁸. При этом историк понимает чудо исцеления. Но люди, отстоявшие заутреню, были свидетелями чуда страшного наказания клирика, который «въсхоте угасити свеща» у гроба Леонтия. Напуганные именно этим чудом они «отидоша» из храма⁴⁹⁹. Чудо же исцеления состоялось позже, и тогда «вси людие» возликовали, славя Бога и Богородицу⁵⁰⁰. Воронин не понял и то место «Жития», где епископ Иоанн «расслабленного» клирика «повеле ту пустити». Ученый в недоумении вопрошает: «Куда?»⁵⁰¹. В том-то и дело, что никуда. «Ту пустити» означает бросить тут, оставить тут⁵⁰². Значит, недвижимого и онемевшего клирика Иоанн оставил в церкви до обедни («литургии»), во время которой и произошло исцеление. Житийный рассказ составлен так, что не оставляет места для сомнений насчет неотлучного (вплоть до обедни) нахождения в храме «расслабленного» церковнослужителя: «Епископ же Иоанн повеле сего пустити, и яко бысть год литургии, начаша пети все по ряду, оному же грехы своя от рожения вся по ряду исповедавшу»⁵⁰³.

Основываясь на анализе содержания «Жития св. Леонтия» и конкретной исторической обстановки, сложившейся в Ростово-Суздальской земле в период княжения Всеволода Юрьевича, мы пришли к несколько иным, чем у Воронина, наблюдениям и выводам относительно канонизации ростовского владыки.

Ростов, недовольный положением, которое возникло в Суздальщине после победного завершения владимирской общиной войны городов, готовился к новой схватке, чтобы отвоевать бывшее первенство в волости. Выдвигаемая задача нуждалась в идеологическом обосновании, а оно по характеру той эпохи могло быть реализовано только в форме религиозной, каковой и явилась канонизация Леонтия, осуществленная епископом Иоанном в 1190 г. Ростов стал обладателем первого и единственного пока в Северо-Восточной Руси святого, официально признанного церковью, что повышало престиж ростовской общины, вдохновляя ее на борьбу за возвращение прежней власти, отнятой младшим городом Владимиром. Мероприятие Иоанна не могло быть поддержано владимирцами. Отсюда непричастность Всеволода к организации почитания Леонтия⁵⁰⁴. Но едва ли в этом вопросе Владимирский Князь занимал нейтральную, а тем более благожела-

тельную позицию. Она была скорее отрицательной. Между Всеволодом и епископом начались трения. Возможно, высказывались сомнения относительно самого празднования. Понадобилось чудо, чтобы посрамить скептиков и оппонентов. И оно свершилось в 1194 г., когда «приспе праздник святого»⁵⁰⁵. По горячим следам этого чуда епископом Иоанном было составлено его описание и «Похвальное слово» Леонтию, расширившие первоначальный текст «Жития ростовского владыки»⁵⁰⁶. Иоанну принадлежит, по всей видимости, и «Поучение на память Святаго отца нашего Леонтия, епископа ростовскаго чудотворца»⁵⁰⁷. Наконец, тот же Иоанн сочинил канон с целью прославления св. Леонтия. Этот канон сохранился в составе «Службы» Леонтию с обозначением автора: «канон св. Леонтию ростовскому – творение Иоанна епископа тоя же Богоспасаея епископии»⁵⁰⁸. Обследование ряда списков «Службы» убедило Воронина в том, что «Иоанном был составлен не один, а два канона. Первый – более обширен, второй – более краток»⁵⁰⁹. Уже одно количество произведений, созданных епископом Иоанном в чрезвычайно сжатый срок (1194 г. и ближайшее к нему время), говорит о напряженности момента, переживаемого местным обществом. Весьма красноречиво и содержание их.

Чудо, произошедшее у гроба Леонтия, возвысило Ростов как богоизбранный город, как вместилище божественной благодати: «Вси же людие прославиша милосерднаго Бога и Пречисту Его Матерь, даровавшаго такую благодать граду Ростову»⁵¹⁰. Ростов как бы вознесся над остальными городами Суздальщины, приобретя особую святость. Но празднование в честь святого не замыкалось Ростовом. Оно распространялось на всю Ростово-Суздальскую землю. Иоанн призывает паству: «Братие, не ленитесь почитити праздника сего». Эти слова обращены не столько к ростовцам, сколько к жителям других городов, «прилежащих» ростовской епископии. Так побуждает думать и логика перехода от описания чуда к «Похвальному слову». Сообщив о том, что в Ростове «вси людие» прославили Бога и Богородицу за ниспосланную им благодать, Иоанн продолжает: «Тем же и мы братье, мужи и жены, юни и стари, истинное рождение винограда Христова, не ленимся съврѣшати заповедии господних, яже рече святыми апостолами»⁵¹¹. Думается, мы не ошибемся, если скажем, что аудитория, к которой в данном случае обращался епископ находилась не только в Ростове, но и за его пределами.

Подвиг крещения язычников, совершенный Леонтием, уподобляется автором «Жития» деяниям апостолов и других великих ревните-

лей христианства: «Хвалит бо Римская земля Петра и Павла, Греческая земля Костянтина царя, Киевская земля Володимера князя, Ростовская земля вся тебе, великий святителю Леонтие, ублажает, сътворшаго дело равно апостолом»⁵¹².

В «Похвальном слове» есть мотив, заслуживающий пристального внимания. Иоанн, завершая свою проповедь, взывает к Леонтию: «Помоли же ся Христу Богу нашему, емуже предстоиши, за правоверныя и христолюбивыя князи наши и за вся люди твоя, и нам испроси милость от Бога и отпущение грехов»⁵¹³. Ростовский епископ, стало быть, просит Леонтия о заступничестве перед Христом за «правоверныя и христолюбивыя князи наши» вообще, а не за Всеволода лично, как это делал Владимирский летописец, призывая отошедшего в мир иной Андрея: «Богу молися помиловати князя нашего и господина Всеволода, своего же приснаго брата, да подасть ему победу на противныя, и многа лета с княгынею и с благородными детми, и мирну державу ему и царство его ныня и присно и безконечныя веки, аминь»⁵¹⁴. Не является ли безымянное упоминание князей Иоанном выражением скрытого нежелания епископа молиться персонально о Всеволоде? При утвердительном ответе получаем дополнительное свидетельство о достаточно непростых отношениях Всеволода с Иоанном. Причиной тому были, вероятно, проростовские настроения владыки.

Этими настроениями отмечено и епископское «Поучение». С огромным пиететом говорится в нем о ростовском храме Пресвятой Богородицы как «великом» и «всесвященном». Высоких похвал удостоен Леонтий: «великий си чюдоносны учитель»; «святыи преславны учитель»⁵¹⁵. Поет славу святому и II канон: «пастырь и учитель граду Ростову», «Ростовстей земли светило великое»⁵¹⁶. Другая характерная черта II канона — восхваление Ростова: «светел воистинну и пречестен и выше многих град превъзнесея Ростовский град, имея в себе пречистую церковь Владычици Богородици, в ней же положен бысть бисер безъценный», т.е. мощи Леонтия. Епископу Леонтию и городу Ростову канон придает громкую вселенскую известность: «Твоими целенами хвалится царьский град, богомудре святителю, множае красится Ростов, пречестное тело твое дръжа, яко богатство истинно». По этому поводу Воронин замечал: «В воображении ростовского епископа Ростов соперничает с самим Царьградом»⁵¹⁷.

Есть еще, по выражению Воронина, политическая контроверза, заложенная во II каноне. Вот содержащий ее текст: «Князь убо паче обретению твоему радуется, нежели порфире своей, священник

же божественный любовью съзывает верных множества, святителя Леонтия, и просвещения божественного исполняются». И еще: «Князь Православный усердно тя сретаеть въкупе со христолюбивыми людьми, пастырь же лучыший простираеть руце к тебе и прикасається пречистем теле твоём и с веселием вопиеть благодарно...». Воронин, указав на «особое восхваление епископа» в данных текстах, на противоположение его князю, спрашивает: «Не сказываются ли здесь в завуалированной форме внутренние противоречия между главой церкви и крепнущей княжеской властью?»⁵¹⁸. Нам кажется, что противоречие, угаданное историком, развивалось по другой линии: между выдвижением Владимира князем Всеволодом, действовавшим преимущественно в интересах владимирской общины, и сторонником Ростова епископом Иоанном, радевшим о ростовской общине. Показательна судьба владыки Иоанна. В 1214 г. «Володимирци с князем своим Гюрьем изгнаша Иоанна из епископства, зане не право творяше»⁵¹⁹. Изгнание произошло в момент обострения вражды владимирцев и владимирского князя Юрия с ростовцами и ростовским князем Константином. Владимирский летописец, разделявший недовольство Юрия политической позицией епископа Иоанна, старательно опускал известия, касающиеся его деятельности⁵²⁰, что опять-таки подтверждает мысль о более широком значении расхождений епископа и князя, чем то, о котором писал Воронин.

Таким образом, культ св. Леонтия, распространявшийся во многом благодаря епископу Иоанну, являлся средством усиления религиозно-политического влияния ростовской общины в Ростово-Суздальской земле конца XII — начала XIII вв. Ростов вступал в активную борьбу за восстановление своего господствующего положения в волости. После смерти Всеволода Юрьевича она переходит в открытые военные столкновения, вылившиеся в войну городов Северо-Восточной Руси. Прежде чем приступить к изложению событий, связанных с межгородскими войнами, коснемся вопроса о социальных коллизиях времен правления Всеволода Большое Гнездо.

§ 12 Социально-политические проблемы Владимирской земли и война городов Северо-Восточной Руси по смерти Великого Князя Всеволода Юрьевича

В летописных источниках эта область общественной жизни отразилась очень слабо. В нашем распоряжении нет прямых данных, свидетельствующих о социальных столкновениях в рассматриваемое

время. Мы располагаем лишь косвенными сведениями, которые приходится расшифровывать с помощью догадок и предположений. К их числу относятся известия летописи 1185 г. о пожаре во Владимире: «Бысть пожар велик в Володимери граде... погоре бо мало не весь город и церкви... И сборная церкви Святая Богородица Златоверхая, юже бе украсил благоверный Князь Андрей, и та загореся сверху, и что бяше в ней узорочии, паникадила сребренная и ссуд златых и сребренных и порт золотом шитых и женчюгом и чюдных икон золотом кованых и каменьем драгим и женчюгом великим, имже несть числа. Богу попушьсю грех ради наших и ум от человек отемъшу и вымыкаша из церкви на двор и до всего, а ис терема куны и книги и паволокы уксн церковные, иже вешаху на праздник и до ссуд, имже несть числа, все огонь взя без утеча»⁵²¹. Далее летописец замечает: «И се пристраннее и страшнее, яко на хрьстьянске род страх и колебание и беда упространися»⁵²². Великий пожар во Владимире был страшен не столько тем, что выгорел почти весь город, сколько тем, что в его пламени сгорели приходские церкви и соборный храм Успения Богородицы, являвшийся главной святыней владимирской общины, которая оказалась беззащитной перед лицом враждебных сил. Отсюда «страх и колебание» в людях, не без основания истолкованные Ворониным как один из моментов истории городских волнений во Владимире⁵²³. Можно предположить, что в ходе этих волнений пришли в столкновение различные социальные группировки местного общества. Владимирский летописец сохранил в рассказе о пожаре 1185 г. характерную запись: «И много зла сътворися грех ради наших»⁵²⁴. Фраза «много зла сътворися» — своего рода летописное клише, употреблявшееся древнерусскими книжниками в повествованиях о народных волнениях, сопровождавшихся насильственными действиями и нарушением внутреннего мира. Другой пример тому заключен в сообщении об июньском 1193 г. пожаре во Владимире, где огонь с «польночи зажеся и горе мало не до вечера, церкви изгореша 14, а города половина погоре, и князь двор Богомъ и Святое Богородици изотяша, деда его и отца его молитвою святою избавлен бысть от пожара, и много зла учинися грех ради наших»⁵²⁵. В связи с пожаром летописец разразился поучением, из которого видно, что «учиненное» зло было результатом социальной несправедливости, порожденной богатством и бедностью⁵²⁶. Отзвуки социальной борьбы слышны в летописном известии о ростовском пожаре 1211 г.: «Загореся град Ростов, и погоре мало не весь, и церкви изгоре 15, и много зла створися». Летописец

воспринимает эту беду как «попущение божие» и наказание «за умножение грех наших и неправды»⁵²⁷. О конкретных проявлениях «неправды» говорится в некрологе, посвященном князю Всеволоду Юрьевичу, который суд судил «истинен и нелицемерен, не обинуяся лица сильных своих бояр, обидящих меньших и роботящих сироты и насилие творящим»⁵²⁸. Притеснения боярством простых людей («меньших»), порабощение бедняков («сирот») — вот та почва, на которой возникали социальные возмущения и потрясения⁵²⁹.

Смерть Всеволода развязала войну городов Северо-Восточной Руси. Ростов в этой войне предпринял последнюю попытку завоевать утраченное первенство и господство в волости. Однако начнем все по порядку, отступив к рубежу конца XII — начала XIII столетия.

Мы видели идеологическую подготовку ростовской общины к новому витку борьбы за земское старейшинство, выразившуюся в стараниях возвысить культ св. Леонтия. Вскоре приготовления перешли и в политическую плоскость. Под 1207 г. летописец сообщает, что князь Всеволод отправил «сына своего Святослава Новгороду на княжение, а Костянтина остави у собе и да ему Ростов и инех 5 городов к Ростову»⁵³⁰. И.Д. Беляев был склонен усматривать в этом предупредительную меру против восстания, замышляемого ростовцами, нерасположенными к Всеволоду, правившему Ростовом из Владимира⁵³¹. Точку зрения Беляева принял Насонов⁵³². По словам Д. Корсакова, «Константин родился в Ростове и был любим ростовцами. Тихий, но энергичский Константин пришелся им по нраву. В назначении к себе князем Константина, старшего сына Всеволода, они видели, кроме личного расположения к Константину, признание их земского старейшинства».⁵³³ Для разумения причин так называемого «назначения» Константина на княжение в Ростов существенное значение имеют некоторые обстоятельства, оставшиеся вне поля зрения историков. Дело в том, что замена Константина на новгородском столе его младшим братом Святославом была со стороны Всеволода вынужденной, поскольку старший Всеволодович не мог далее княжить в Новгороде, где он вместе с посадником Дмитрием Мирошкиничем натворил много зла и навлек тем на себя раздражение и недовольство местного населения⁵³⁴. Поэтому рассуждать о том, будто перевод Константина из Новгорода в Ростов отвечал всецело желанию Всеволода, что Великий Князь отозвал своего сына из Новгорода, вряд ли правомерно⁵³⁵. Во всяком случае, недостаточность подобных рассуждений очевидна. Кстати, Всеволод имел обыкновение держать «взрослых сыновей на кня-

жениях вне Суздальщины (в Новгороде, Рязани, Переяславле южном)⁵³⁶. Сажая Константина в Ростов, он принимал непривычное для себя решение и ставил старшего сына в исключительное положение среди остальных своих сыновей⁵³⁷. Последнее означало, что и Ростов получал особый политический ранг по отношению к другим городам земли, кроме, разумеется, Владимира. Это полностью соответствовало планам ростовской общины, которая, возможно, и добилась от владимирского князя столь важной уступки, как возобновление княжения в старейшем граде. Наличие у ростовцев собственного князя ослабляло их политическую зависимость от преуспевающего Владимира, а его возрастное старшинство сулило Ростову в будущем восстановление прежнего значения главного города в волости. Последующие события хорошо согласуются с данной исторической версией.

Почувяв приближение смерти, Всеволод Большое Гнездо послал в Ростов «по сына своего Костянтина, дая ему по своем животе Володимерь, а Ростов Юрью дая. Он же не еха к отцу своему в Володимер, хотя взяти Володимерь к Ростову; он же посла по него вторицею зова и к собе; и тако паки не иде к отцу своему, но хотяше Володимеря к Ростову»⁵³⁸. Это известие, взятое из Московского летописного свода 1479 г., имеется также в Воскресенской летописи⁵³⁹. В Никоновской летописи оно подается в форме речи Константина, заострившей вопрос о соперничестве Ростова и Владимира⁵⁴⁰. Константин через гонца якобы говорил отцу: «Отче чюдный и любезный! Не возбрани на меня худого, яко хощу просити у тебя, аще даси ми тако, понеже многу возлюбил мя еси, и старейшаго мя сына имаша, и старейшину мя хочещи устроити, то даждь ми старый и начальный град Ростов и к нему Володимерь; аще ли не хочеть твоя честность тако сотворити, то даждь ми Володимерь и к нему Ростов». Всеволод Юрьевич снова и снова посылал за сыном, но тот не ехал, а упрямо твердил: «Да ми даси и Володимерь к Ростову»⁵⁴¹. Пресняков, не замечая последних слов Константина, говорит, будто текст Никоновской летописи «осторожно ставит альтернативу: либо Владимир к Ростову, либо Ростов к Владимиру»⁵⁴². Однако именно эти слова подчеркивают главный смысл требования Константина: дать Владимир к Ростову. Составителю Никоновского свода он ясен, ибо Ростов есть «старый и начальный град». И здесь наш сводчик не одинок. В Тверской летописи сказано, что Константин к отцу «не поиха, хотя Володимера к Ростову, яко то есть старий город». Татищев вел свое повествование в том же летописном ключе: Константин просил дать ему Ростов, «яко старейший град и

престол во всей Белой Руси»⁵⁴³. Некоторую двойственность внес в обсуждение вопроса Соловьев. «В 1212 г., — писал историк, — Всеволод стал изнемогать и хотел при жизни урядить сыновей, которых у него было шестеро — Константин, Юрий, Ярослав, Святослав, Владимир, Иван. Он послал за старшим, Константином, княжившим в Ростове, желая дать ему после себя Владимир, а в Ростов послать второго сына, Юрия. Но Константин не соглашался на такое распоряжение, ему непременно хотелось получить и Ростов, и Владимир: старшинство обоих городов, как видно, было еще спорное тогда, и Константин боялся уступить тот или другой младшему брату; как видно, он опасался еще старинных притязаний ростовцев, которыми мог воспользоваться Юрий»⁵⁴⁴. Более убедительной нам представляется точка зрения В.И. Сергеевича, утверждавшего, что Константин, желая взять Владимир к Ростову, хотел «восстановить первенствующее значение Ростова и подчинить ему Владимир»⁵⁴⁵. Неслучайно она была воспринята новейшими исследователями.

Едва ли стоит сомневаться в том, что Константин действовал не в одиночку, а в согласии с ростовцами. Еще Беляев увидел в нем проводника их интересов. «Ростовцы, — отмечал он, — не могли действовать против Всеволода и Константина в своих замыслах относительно первенства Ростова над Владимиром; приняли другой способ действия, они увлекли в свой замысел самого Константина»⁵⁴⁶. Весьма характерными показались Д. Корсакову мотивы ответа Константина Всеволоду. Они, по словам ученого, «совершенно тождественны с мотивами земского главенства, которые заявляли ростовцы во время междугородной распри, следовавшей за убиением Андрея Боголюбского»⁵⁴⁷. Точно и емко определил причину разногласия сына с отцом Насонов, у которого Константин ведет себя в соответствии с «требованиями ростовского веча», испрашивая Владимир в качестве «приложения» к Ростову⁵⁴⁸.

Таким образом, опираясь на показания летописей и суждения историков, можно с большим вероятием сказать, что за князем Константином, требующим Владимир в придачу к Ростову, стояла ростовская община, стремившаяся к возобновлению верховенства над своим бывшим пригородом. Следовало ожидать, что и владимирцы и Всеволод решительно тому воспротивятся. Действительно, Великий Князь «созва всех бояр своих с городов и с волостей, епископа Иоана, и игумены, и попы, и купце, и дворяны и вси люди, и да сыну своему Юрью Володимерь по собе и води всех к кресту, и целоваша вси людие на Юрьи;

приказа же ему и братию свою. Костянтин же слышав то и воздвиже брѣви собе с гневом на братию свою, паче на Георгия»⁵⁴⁹. Никоновская летопись к этому рассказу Московского свода 1479 г. добавляет, что Константин разгневался также «на всех думцев, иже здумаша сия тако сотворити»⁵⁴⁰. Она же сообщает и о волнениях, имевших место после созванного Всеволодом собрания: «И много волнение и смущение бысть о сем, и многи людие сюду и сюду отъезжаху мятущеся»⁵⁵¹.

Само собрание 1211 г. мы относим к вечевым⁵⁵². Правда, то было не рядовое вече, а общеволостное, напоминающее вечевой сход 1175 г., на котором обсуждался вопрос о замещении княжеского стола в Ростово-Суздальской земле, опустевшего со смертью Андрея Боголюбского. На вече 1211 г. принималось решение, касающееся не только Владимира и Ростова, но и других городов, на что намекает «Летописец Переяславля Суздальского», где читаем: «Тогда же в животе своем раздала волости детям своим большому Костянтину Ростов, а потом Гюргю Володимерь, а Ярославу Переяславль, Володимиру Гюргев, а меньшею Святослава и Иоанна вда Гюргю на руце река: ты им буди во отца место...»⁵⁵³. Выделение в отдельные княжения Переяславля и Юрьева отвечало настроению их населения, заинтересованного в создании собственной государственности по типу других северо-восточных республик, или городов-государств⁵⁵⁴. Это выделение — внешнее выражение процесса сегментации крупных государственных образований на более мелкие, являющиеся сколками первых. Вот почему «ряд» Всеволода нашел поддержку значительной массы волостного люда, съехавшегося на вече во Владимир и отвергнувшего притязания ростовской общины. Ростов оказался в изоляции. Впрочем, Сергеевич думает иначе: Всеволод «призывает к соглашению людей всех городов и волостей, владимирцев, ростовцев, суздальцев и пр. Присоединение к такому соглашению ростовцев совершенно понятно. С осуществлением этого соглашения они все выигрывают, так как получают особого от Владимира князя»⁵⁵⁵. Но ростовцы в лице Константина уже имели «особого от Владимира князя». Им хотелось, чтобы Ростовский князь распространил свою власть на Владимир, подчинив его Ростову, как это было в прежние времена. Общеволостное вече, созванное Всеволодом во Владимире, распорядилось по-другому. Участие в нем ростовцев маловероятно, поскольку Константин отказался (не без ведома ростовской общины) приехать к отцу. Он даже не был на похоронах родителя, что явствует из летописной записи о приезде к Константину младшего Всеволодовича Святослава, который пове-

дал старшему брату «вся бывшая в граде Володимири: зане не бе тогда егда отец умре»⁵⁵⁶.

Ряд Всеволода Юрьевича, санкционированный общеземским вечаем, резко изменил политическую обстановку в Суздальщине. Притязания Ростова разбились о противодействие городских общин Северо-Восточной Руси, принявших сторону Великого Князя владимирского, волей которого был нарушен коренной, по словам Соловьева, обычай: отнято старшинство у старшего сына и возложено на младшего, ставшего братьям «во отца место»⁵⁵⁷. Все это не могло не сказаться на политике Константина и ростовцев. Свою политическую задачу они теперь видят в том, чтобы вернуть переданное Юрию старшинство. Однако реальности исторической жизни складывались так, что взять старшинство у владимирского князя и удержать его, сидя на ростовском столе, было невозможно. Поэтому Константин начинает борьбу с Юрием и за старшинство, и за Владимир. Такой поворот в политике Константина не противоречил интересам ростовской общины. В случае ее успеха на владимирском княжении оказался бы ставленник Ростова, или правитель, имевший прочные связи с «людьем» ростовским⁵⁵⁸. Пребывание же его во Владимире не являлось чем-то совершенно необычным для Ростова. Вспомним об Андрее Боголюбском, который, получив «отень стол» согласно вечевому решению ростовцев и суздальцев, подолгу жил во Владимире и в конце концов поселился в нем, но при этом сохранял тесную связь с Ростовом⁵⁵⁹. Конечно, тут не было полного тождества. За истекшее время тяга городов к обособлению на северо-востоке, как и в целом по Руси, заметно возросла, что в итоге и развело Ростов с Владимиром, замкнув их в границах собственных волостей. Но это случилось уже после Константина, выдержавшего напряженную борьбу с младшими братьями, Юрием и Ярославом.

Константин не смирился с повелением отца, наделившего старейшинством Юрия. Он по-прежнему считал себя старшим среди Всеволодовичей и назывался Великим Князем. «По смерти Великого Князя Всеволода, — повествует Татищев, — старейший его сын Константин принял древний престол в Ростове, а Юрий во Владимире, и оба стали употреблять честь великаго князя, из чего в них недолго повеление отцово и материно о братолюбии сохранилось...»⁵⁶⁰. Упорство Константина возымело действие: к нему как «большему брату» обращаются за покровительством обделенные и недовольные своим положением родичи. Первым «разгневался» на Юрия и бежал в Ростов князь

Святослав⁵⁶¹. С ним Константин и задумал идти «на Гюргя». Узнав о том, Юрий направил к Константину посла со следующей речью: «Брат Константине, оже хочешь Володимиря, иди сяди в нем, а мне даи Ростов». Константин не принял это предложение, так как «хоте в Ростове посадити сына своего Василька, а сам хоте сести в Володимири». Юрию же он сказал: «Ты сяди в Суздали». Тогда Юрий и Ярослав, «совокупив» владимирцев, суздальцев и переяславцев, пошли к Ростову на Константина. Массовое участие горожан в походе свидетельствует о том, что борьба развернулась не только между князьями, но и между городскими общинами. О том же говорит и поведение ратников у стен Ростова: «Стояче же у города много пакости сътвориша, села пожгоша, скот поимаша, жито пасоша»⁵⁶². Это — война против ростовской общины, питающей силы Константина.

Следом за Святославом бежал Владимир «в Ростов к Костянтину, Юрьи же с братьею, с Ярославом и Иоаном, иде к ним на снем, и бывшим им у Юрьева и смиришася». Затем «Володимер от брата от Костянтина иде на волок и оттоле посла и Костянтин на Москву, он же пришед затворися в ней»⁵⁶³. Приход Владимира в Москву дает понять, что там созрели силы, способные консолидироваться в отдельную волость-княжение.

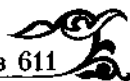
В 1214 г. Константин, по известиям «Летописца Переяславля Суздальского», «отъял» у Юрия Соль Великую и Кострому, а у Ярослава — «Нерохоть». Младшие Всеволодовичи, «скопивше пълкы, поидоша опять на Константина к Ростову». И на этот раз «повеле Гюрги и Ярослав людем своим жещи села около Ростова»⁵⁶⁴. Перед нами новое свидетельство межобщинной сути конфликта. «Летописец» сообщает, что Владимир, сидевший в Москве, выступил из города и напал на Дмитров, входящий в волость Ярослава. Дмитровцы «пожгоша сами все предградие и затворишася». Не совладав с дмитровцами, Владимир «бежа от града с полком своим, убоявся брата своего Ярослава»⁵⁶⁵. Важно иметь в виду, что Владимир ходил на Дмитров «съ Москвичи»⁵⁶⁶. Не менее существенно и то, что Владимир с ополчением москвичей непосредственно воюет не с Ярославом и его воинами, а с жителями города, тянущего к Переяславлю. А это опять-таки говорит о межобщинном характере вооруженных столкновений.

Стояние у Ростова полков Юрия и Ярослава разрешилось заключением мира, скрепленного крестоцелованием. Со стороны Константина и ростовцев мирное соглашение являлось, вероятно, уступкой, о чем судим по участию Константиновой «помочи» в походе Юрия

против Владимира, которого совсем недавно сам Константин «посла» на княжение в Москву. Такая перемена Константина к Владимиру могла быть лишь вынужденной, продиктованной неблагоприятным для ростовского князя исходом военного соперничества.

Война городов, вспыхнувшая после смерти Всеволода Юрьевича, показала неспособность ростовской общины вернуть князю Константину политическое старейшинство. Для этого у нее явно не хватало сил⁵⁶⁷. Ростову пришлось оставить помыслы о восстановлении своего господствующего положения в Северо-Восточной Руси, взять курс на обособление и создание государственности, ограниченной пределами собственной волости. Поворот в политике Ростова был ознаменован учреждением отдельной епископии. Первым ее главой стал Пахомий — игумен «Святого Петра» и духовник князя Константина⁵⁶⁸. Во Владимире свершилось то же: «Князь Гюрги, сын Всеволожь, извед Симона игумена блаженаго от Рожества Святыя Богородица, и посла в Киев к митрополиту, и постави епископом Суждалю и Володи-мерю»⁵⁶⁹. Открытие особой ростовской епископии сопровождалось строительством Успенского собора: «Заложы Костянтин церковь Святыя Богородица в граде»⁵⁷⁰. Начиналась новая глава истории ростовской общины, прерванная, к несчастью, татаро-монгольским нашествием.

Примечания к главе 14

- ¹ *Приселков М.Д.* История русского летописания XI–XV вв. Л., 1940. С. 64.
- ² Там же. С. 72.
- ³ Там же. С. 73.
- ⁴ См.: *Лимонов Ю.А.* Летописание Владимиро-Суздальской Руси. Л., 1967. С. 79. *Воронин Н.Н.* К характеристике владимирского летописания 1158–1177 гг. // Летописи и хроники. М., 1976. С. 27.
- ⁵ *Лимонов Ю.А.* Летописание... С. 84.
- ⁶ *Приселков М.Д.* История... С. 74. А.Н. Насонов, сомневаясь в ведении летописных записей при Юрии Долгоруком, относит появление ростовского летописания ко второй половине XII в. (*Насонов А.Н.* История русского летописания XI — начала XVIII в. М., 1969. С. 113–123). Однако сомнения исследователя едва ли оправданы. См.: *Лимонов Ю.А.* Летописание... С. 34–61.
- ⁷ *Воронин Н.Н.* К характеристике... С. 44.
- ⁸ *Приселков М.Д.* История... С. 72–73.
- ⁹ *Фроянов И.Я.* *Дворниченко А.Ю.* Города-государства... С. 224–225.
- ¹⁰ См.: *Фроянов И.Я.* Мятёжный Новгород: Очерки истории государственности, социальной и политической борьбы конца IX — начала XIII столетия. СПб., 1992.
- ¹¹ *Кучкин В.А.* Формирование государственной территории... С. 75.
- ¹² ПСРЛ. М., 1962. Т. I. Стб. 302; М., 1962. Т. II. Стб. 295.
- ¹³ *Насонов А.Н.* 1) «Русская земля» и образование территории Древнерусского государства. М., 1951. С. 185, 187; 2) История... С. 113. См. также: *Воронин Н.Н.* Зодчество Северо-Восточной Руси XII–XV вв. М., 1961. Т. I. XII столетие. С. 56.
- ¹⁴ См. с. 250 настоящей книги.
- ¹⁵ *Костомаров Н.И.* Русская история в жизнеописаниях ее главнейших деятелей. М., 1990. Кн. I. С. 72.
- ¹⁶ Там же.
- ¹⁷ Там же. С. 73.
- ¹⁸ *Пресняков А.Е.* Образование Великорусского государства: Очерки по истории XIII–XV столетий. Пг., 1918. С. 36.
- ¹⁹ Там же.
- ²⁰ ПСРЛ. Т. I. Стб. 345; Т. II. Стб. 478–479.
- ²¹ ПСРЛ. Т. II. Стб. 482.
- ²² ПСРЛ. М., 1965. Т. XV. Стб. 223.
- ²³ См.: *Карамзин Н.М.* История Государства Российского. М., 1991. Т. II–II. С. 338, прим. 383.
- ²⁴ ПСРЛ. СПб., 1862. Т. IX. С. 204.
- ²⁵ *Татищев В.Н.* История Российская. Т. III. М.; Л., 1964. С. 55.
- ²⁶ *Карамзин Н.М.* История Государства Российского. Т. II–III. С. 171.
- ²⁷ *Соловьев С.М.* Сочинения: в 18. М., 1988. Кн. I. С. 518.
- ²⁸ Там же. С. 319.
- ²⁹ *Костомаров Н.И.* Русская история... С. 74.
- ³⁰ Там же.
- ³¹ *Рыбаков Б.А.* 1) Первые века... С. 225; 2) Киевская Русь... С. 550.

³² Лимонов Ю.А. Владимиро-Суздальская Русь: Очерки социально-политической истории. Л., 1987. С. 39. Автор отсылает читателя при этом к Лаврентьевской и Тверской летописям. Но в первой говорится лишь о том, что Андрей «иде от отца своего Суждалю» (ПСРЛ. Т. I. Стб. 346), а по второй о негодовании Юрия по поводу отъезда Андрея сообщается после известия о самом отъезде, т.е. вдогонку ушедшему сыну. См.: ПСРЛ. Т. XV. Стб. 223.

³³ Лимонов Ю.А. Владимиро-Суздальская Русь... С. 39.

³⁴ Там же.

³⁵ Насонов А.Н. «Русская земля»... С. 187.

³⁶ Достоин внимания то обстоятельство, что Сергеевич в намечаемом княжении Михалки и Всеволода увидел случай «первого разделения Ростовской волости на две части». См.: Сергеевич В.И. Русские юридические древности. СПб., 1902. Т. I. Территория и население. С. 20.

³⁷ ПСРЛ. Т. IX. С. 204.

³⁸ ПСРЛ. Т. II. Стб. 482. См. также: ПСРЛ. Т. I. Стб. 346; ЛПС. С. 72; ПСРЛ. Т. XV. Стб. 223.

³⁹ Карамзин Н.М. История Государства Российского. Т. II–III. С. 338. Прим. 383. См. также: НПЛ. М.; Л., 1950. С. 467.

⁴⁰ Татищев В.Н. История Российская. Т. III. С. 55. В Первой редакции «Истории» Татищева находим изложение, близкое к Лаврентьевской, Ипатьевской летописям и Летописцу Переяславля Суздальского. См.: Татищев В.Н. История Российская. М., 1964. Т. IV. С. 248.

⁴¹ См.: Насонов А.Н. История... С. 141.

⁴² ПСРЛ. Т. I. Стб. 348. См. также: ПСРЛ. Т. II. Стб. 491; ЛПС. М., 1851. С. 73.

⁴³ Насонов усматривал в данном рассказе попытку связать деятельность Андрея с деятельностью Юрия. См.: Насонов А.Н. История... С. 121.

⁴⁴ ПСРЛ. Т. I. Стб. 372; Т. II. Стб. 595; ЛПС. С. 85.

⁴⁵ ПСРЛ. Т. I. Стб. 348; ЛПС. С. 73.

⁴⁶ ПСРЛ. Т. II. Стб. 490. В.А. Кучкин присовокупляет к ним переяславцев. (См.: Кучкин В.А. Формирование государственной территории... С. 88.)

⁴⁷ См.: Приселков М.Д. История... С. 95–96; Лимонов Ю.А. 1) Летописание... С. 90–91; 2) Владимиро-Суздальская земля... С. 217.

⁴⁸ См.: Насонов А.Н. 1) Князь и город... С. 22; 2) История... С. 130, 131, 132; Воронин Н.Н. 1) Владимиро-Суздальская земля... С. 217; 2) Зодчество... С. 114; Юшков С.В. Очерки по истории феодализма в Киевской Руси. М.; Л., 1939. С. 208; Черепнин Л.В. К вопросу о характере и форме Древнерусского государства X — начала XIII в. // Исторические записки. М., 1972. № 89. С. 390; Лимонов Ю.А. Владимиро-Суздальская земля... С. 43–44.

⁴⁹ Фроянов И.Я. Киевская Русь: Очерки социально-политической истории. Л., 1980. С. 159, 178.

⁵⁰ Там же. С. 150–184.

⁵¹ Ошибаются, на наш взгляд, те исследователи, которые рассматривают этот сход как «феодальный съезд» (Юшков С.В. Очерки... С. 218) как «городской совет», где верховодили бояре и «городской патрициат» (Пашуто В.Т. Черты политического строя древней Руси // Новосельцев А.П., Пашуто В.Т., Черепнин Л.В., Шушарин В.П., Щапов Я.Н. Древнерусское государство и его международное зна-

чение. М., 1965. С. 44; *Черепнин Л.В.* К вопросу о характере... С. 390), или как «сбор представителей феодальных корпораций» (*Лимонов Ю.А.* Владимиро-Суздальская Русь... С. 43, 44).

⁵² *Сергеевич В.И.* Русские юридические древности... Т. I. С. 20.

⁵³ Там же.

⁵⁴ *Насонов А.Н.* «Русская земля»... С. 181.

⁵⁵ В.И. Сергеевич, комментируя летописный текст, касающийся Ростова и Суздаля, обронил ценное для нас замечание: «Выходит, что Ростов и Суздаль составляют как бы один старший город...». См.: *Сергеевич В.И.* Русские юридические древности... Т. I. С. 19. Едва ли прав Кучкин, когда он говорит о том, что «к середине XII в. старшим городом становится Суздаль» и «происходит явная смена центров области» (*Кучкин В.А.* Формирование государственной территории... С. 73). Ростов и Суздаль выступают в одинаковой роли руководящих центров волости, воплощая собою альянс двух правящих городов.

⁵⁶ См.: *Сергеевич В.И.* Русские юридические древности... Т. I. С. 18–22; *Пресняков А.Е.* Образование Великорусского государства. С. 31.

⁵⁷ ПВЛ. М.; Л., 1950. Ч. I. С. 83.

⁵⁸ НПЛ. С. 470; *Рапов О.М.* Княжеские владения на Руси в X — первой половине XIII в. М., 1977. С. 140; *Кучкин В.А.* Формирование государственной территории... С. 66–67. Кучкин приводит убедительные доводы, что кроме Мстислава в Ростове княжил брат его Вячеслав. См.: Там же. С. 67–69.

⁵⁹ *Сергеевич В.И.* Русские юридические древности... Т. I. С. 18; *Воронин Н.Н.* Владимиро-Суздальская земля... С. 216, 219.

⁶⁰ *Корсаков Д.* Меря и Ростовское княжество: Очерки из истории Ростово-Суздальской земли. Казань, 1872. С. 111; *Воронин Н.Н.* Владимиро-Суздальская земля... С. 219.

⁶¹ *Соловьев С.М.* Сочинения. Кн. I. С. 70.

⁶² Там же.

⁶³ Там же. С. 516, 517.

⁶⁴ *Ключевский В.О.* Сочинения. Т. I. С. 323.

⁶⁵ *Корсаков Д.* Меря и Ростовское княжество. С. 113.

⁶⁶ Там же. С. 115. От бояр ушел из Ростова в Суздаль и Юрий Долгорукий. См.: Там же. С. 79.

⁶⁷ *Насонов А.Н.* Князь и город... С. 27.

⁶⁸ Там же. С. 17.

⁶⁹ Здесь Насонов перенес концепцию торгового происхождения городов Киевской Руси Ключевского на соответствующие процессы в Ростово-Суздальской земле.

⁷⁰ *Воронин Н.Н.* Владимиро-Суздальская земля... С. 216, 219.

⁷¹ *Воронин Н.Н.* Зодчество Северо-Восточной Руси... С. 57.

⁷² Там же. С. 58.

⁷³ Там же. С. 59.

⁷⁴ Там же. С. 115.

⁷⁵ См.: *Фроянов И.Я., Дворниченко А.Ю.* Города-государства Древней Руси.

⁷⁶ ПСРЛ Т. II. Стб. 310, 313, 329, 343, 344, 373, 460, 468, 470. См. также: ПСРЛ. Т. IX. С. 162, 166, 176.

⁷⁷ ПСРЛ. Т. IX. С. 172, 173, 174, 178, 179, 182, 183, 194, 196, 198, 200, 201, 202; ПСРЛ. Т. XXV. С. 78.

⁷⁸ Там же. Стб. 368.

⁷⁹ *Воронин Н.Н.* К характеристике владимирского летописания. С. 45.

⁸⁰ «Юрий жил уже не в Ростове, а в Суздале, в городе относительно новом, подчиненном», — писал Соловьев (*Соловьев С.М.* Сочинения. Кн. 1. С. 518). Многие историки думают точно так же. Мы полагаем, что в данном случае ими допущена поспешность.

⁸¹ ПСРЛ. Т. I. Стб. 348. Ипатьевская летопись (ПСРЛ. Т. II. Стб. 430) искусственно присоединяет к Ростову и Суздалю еще Владимир, что является не более чем уловкой провладимирски настроенного книжника. Более поздние летописцы титулуют Андрея Великим Князем Ростовским и Суздальским. См. ПСРЛ. Т. IX. С. 211, 216, 217, 222, 226.

⁸² *Соловьев С.М.* Сочинения. Кн. 1. С. 519. Необходимо заметить, что подобные представления возникли еще в средневековой историографии. В Тверской летописи, например, говорится: «Ростовци и Суздальци посадиша на великое княжение в Володимере в Залесском Великого Князя Андрея Юриевича, внука Манамахова». См.: ПСРЛ. Т. XV. Стб. 226.

⁸³ *Костомаров Н.И.* Русская история... С. 76.

⁸⁴ *Корсаков Д.* Меря и Ростовское княжество. С. 111.

⁸⁵ В порядке признания собственной ошибки скажем, что и мы не были свободны от данного недостатка. См.: *Фроянов И.Я., Дворниченко А.Ю.* Города-государства Древней Руси. С. 236.

⁸⁶ ПСРЛ. Т. I. Стб. 354; ЛПС. С. 76.

⁸⁷ ПСРЛ. Т. I. Стб. 355; ЛПС. С. 76.

⁸⁸ ПСРЛ. Т. I. Стб. 365; ЛПС. С. 81.

⁸⁹ ПСРЛ. Т. II. Стб. 566.

⁹⁰ Там же. Стб. 572.

⁹¹ Там же. Стб. 580.

⁹² См.: ПСРЛ. Т. IX. С. 211, 216, 217, 220, 222, 223, 230.

⁹³ См.: ПСРЛ. Т. XXV. С. 78.

⁹⁴ ПСРЛ. Т. I. Стб. 335.

⁹⁵ «Житие Леонтия Ростовского» рассказывает о приезде Андрея в Ростов из Владимира для поклонения мощам святого. Житие св. Леонтия, епископа Ростовского. М., 1893. С. 9. По Татищеву, Андрей «не хотя народ озлоблять, жил в Суздале, а во Владимир часто ездил на охоту и пребывал по неколкоку дней». См.: *Татищев В.Н.* История Российская. Т. III. С. 76.

⁹⁶ ПСРЛ. Т. IX. С. 220. В другом месте летописи говорится, что слова Андрея Боголюбского «да будет сей град великое княжение и глава всем» встретили одобрение князей и бояр (ПСРЛ. Т. IX. С. 222). Это — провладимирская сказка, верить которой нет оснований.

⁹⁷ ПСРЛ. Т. XXV. С. 81.

⁹⁸ *Петров А.В.* К вопросу о внутривластической борьбе в Великом Новгороде XII — начала XIII вв. // Генезис и развитие феодализма в России. Проблемы социальной и классовой борьбы. Л., 1985. С. 80.

⁹⁹ *Воронин Н.Н.* 1) Владимиро-Суздальская земля... С. 216; 2) Зодчество Северо-Восточной Руси... С. 59.

¹⁰⁰ Тихомиров М.Н. Малоизвестные летописные памятники // Исторический архив. М., 1951. Т. VII. С. 211.

¹⁰¹ Во избежание недоразумений подчеркнем, что речь в данном случае идет о единой волости с единственным верховным правителем, каковым являлся сначала Юрий Долгорукий, а потом — Андрей Боголюбский.

¹⁰² ПСРЛ. Т. I. Стб. 378.

¹⁰³ См.: *Кривошеев Ю.В.* Князь, бояре и городская община Северо-Восточной Руси в XII — начале XIII вв. // Генезис и развитие феодализма в России. Проблемы истории города / под ред. И.Я. Фроянова. Л., 1988. С. 116.

¹⁰⁴ См.: *Фроянов И.Я.* Киевская Русь: Очерки социально-политической истории. Л., 1980. С. 242; *Фроянов И.Я., Дворниченко А.Ю.* Города-государства Древней Руси.

¹⁰⁵ *Фроянов И.Я.* Начало христианства на Руси // *Курбатов Г.Л., Фролов Э.Д., Фроянов И.Я.* Христианство: Античность. Византия. Древняя Русь. Л., 1988. С. 293–294.

¹⁰⁶ *Насонов А.Н.* «Русская земля»... С. 181; *Воронин Н.Н.* Зодчество Северо-Восточной Руси... С. 38.

¹⁰⁷ Житие св. Леонтия, епископа Ростовского. С. 7.

¹⁰⁸ См. С. 112 настоящей книги.

¹⁰⁹ Житие св. Леонтия, епископа Ростовского. С. 7.

¹¹⁰ См.: Патерик Киево-Печерского монастыря. СПб., 1911. С. 9.

¹¹¹ *Воронин Н.Н.* Зодчество Северо-Восточной Руси... С. 37.

¹¹² ПСРЛ. Т. I. Стб. 348.

¹¹³ Там же. Стб. 351.

¹¹⁴ Там же.

¹¹⁵ *Насонов А.Н.* История... С. 122.

¹¹⁶ ПСРЛ. Т. I. Стб. 346; Т. II. Стб. 482; Земная жизнь Пресвятой Богородицы.

¹¹⁷ Сказание о чудесах Владимирской иконы Божией Матери. С. 30.

¹¹⁸ НПЛ. С. 467.

¹¹⁹ См.: *Доброхотова В.* Древний Боголюбов город. М., 1852. С. 6–7.

¹²⁰ Сказание о чудесах Владимирской иконы Божией Матери. С. 7–8.

¹²¹ Там же. С. 14, 15–16.

¹²² См.: *Остроумов М.А.* Происхождение праздника Покрова // Приходское чтение. 1911. № 19; *Костомаров Н.И.* Русская история... С. 78.

¹²³ Житие св. Леонтия, епископа Ростовского. С. 7.

¹²⁴ *Воронин* считает, будто Андрея «умоляла» ростовская знать (*Воронин Н.Н.* «Житие Леонтия Ростовского»... С. 28). С этим нельзя согласиться. Заставили Андрея изменить размер постройки «людие», т.е. ростовская община, куда входили и знатные, и простые. В другой своей работе Н.Н. Воронин применительно к данному случаю пишет о горожанах в целом. См.: *Воронин Н.Н.* Зодчество Северо-Восточной Руси... С. 187.

¹²⁵ См.: *Воронин Н.Н.* Зодчество Северо-Восточной Руси... С. 187.

¹²⁶ *Воронин Н.Н.* «Житие Леонтия Ростовского»... С. 38.

¹²⁷ Житие св. Леонтия, епископа Ростовского. С. 8.

¹²⁸ Шапов Я.Н. Государство и церковь Древней Руси X–XIII в. М., 1989. С. 46.

¹²⁹ Ключевский В.О. Древнерусские жития как исторический источник. М., 1988. С. 10.

¹³⁰ Там же. С. 11.

¹³¹ Воронин Н.Н. «Житие Леонтия Ростовского»... С. 27.

¹³² Там же. С. 28.

¹³³ Там же. С. 27.

¹³⁴ Там же. С. 28.

¹³⁵ Там же. С. 45.

¹³⁶ Там же. С. 28.

¹³⁷ Там же. С. 41.

¹³⁸ Лихачев Д.С. Русские летописи... С. 269–270. В плане борьбы с Киевом князя Андрея и утверждения «церковного приоритета Северо-Восточной Руси» рассматривает Кривошеев «создание культа Владимирской иконы Богоматери, установление праздника Покрова, открытие мощей Леонтия». См.: Кривошеев Ю.В. Церковь в социальных противоречиях середины XII — начала XIII в. (на Северо-Востоке Руси) // Актуальные проблемы дореволюционной отечественной истории. Ижевск, 1993. С. 50.

¹³⁹ Воронин ставит проблему, как говорится, с ног на голову, доказывая, будто почитание Леонтия было использовано Андреем в борьбе с Ростовом. См.: Воронин Н.Н. Андрей Боголюбский и Лука Хризоверг. С. 36.

¹⁴⁰ Насонов А.Н. История... С. 122; Воронин Н.Н. «Житие Леонтия Ростовского»... С. 29, 33.

¹⁴¹ Воронин Н.Н. «Житие Леонтия Ростовского»... С. 35.

¹⁴² Там же. С. 29.

¹⁴³ Житие св. Леонтия, епископа Ростовского. С. 2–3.

¹⁴⁴ Там же. С. 3.

¹⁴⁵ Ключевский В.О. Древнерусские жития святых... С. 17.

¹⁴⁶ Воронин Н.Н. «Житие Леонтия Ростовского»... С. 34.

¹⁴⁷ Воронин резонно предполагает, что эта часть Сказания возникла раньше появления Жития Леонтия (Воронин Н.Н. «Житие Леонтия Ростовского»... С. 34). Но в легенде о древности христианства в Ростове он видит разноречие и несогласованность «с другими владимирскими произведениями этой поры» (Там же). Если считать, как это было в действительности, Житие Леонтия произведением ростовским, а не владимирским, то станет ясно, что тут мы имеем не «разноречие» и «несогласованность», но столкновение церковно-политических идей двух соперничающих общин Ростова и Владимира.

¹⁴⁸ См.: Воронин Н.Н. «Житие Леонтия Ростовского»... С. 30.

¹⁴⁹ ПСРЛ. Т. I. Стб. 378.

¹⁵⁰ Воронин Н.Н. «Житие Леонтия Ростовского»... С. 30.

¹⁵¹ Приселков М.Д. Очерки по церковно-политической истории Киевской Руси X–XII вв. СПб., 1913. С. 136–137.

¹⁵² Соколов П.л. Русский архиерей из Византии и право его назначения до начала XV в. Киев, 1913. С. 134, 136. См. также: Воронин Н.Н. Андрей Боголюбский и Лука Хризоверг. С. 33.

¹⁵³ Соколов П.л. Русский архиерей... С. 134.

¹⁵⁴ ПСРЛ. Т. IX. С. 222.

¹⁵⁵ Татищев В.Н. История Российская Т. III. С. 75; Т. IV. С. 260.

¹⁵⁶ Ключевский В.О. Сочинения. Т. I. С. 325.

¹⁵⁷ Соловьев С.М. Сочинения. Кн. 1. С. 519.

¹⁵⁸ Костомаров Н.И. Русская история... С. 78.

¹⁵⁹ Соколов П.л. Русский архиерей. С. 100.

¹⁶⁰ Лихачев Д.С. Русские летописи... С. 270.

¹⁶¹ Памятники древнерусского канонического права. СПб., 1880. Ч. I. Стб. 64–65.

¹⁶² Там же. Стб. 65.

¹⁶³ Памятники древнерусского канонического права. Стб. 65.

¹⁶⁴ Нельзя поэтому согласиться с Кривошеевым, который объясняет отказ патриарха «только политическими мотивами». См.: Кривошеев Ю.В. Церковь в социальных противоречиях... С. 51.

¹⁶⁵ Памятники древнерусского канонического права. Стб. 68.

¹⁶⁶ Татищев В.Н. История Российская. Т. IV. С. 281. См. также: Т. III. С. 76–77.

¹⁶⁷ Лимонов Ю.А. Владимиро-Суздальская Русь... С. 53.

¹⁶⁸ Там же. С. 53, 63.

¹⁶⁹ ПСРЛ. Т. I. Стб. 349; ЛПС. С. 73.

¹⁷⁰ Памятники древнерусского канонического права. Стб. 65. Весьма показательно, что летописец не различает Ростов и Суздаль в качестве центров епископии. Леон, согласно его записи, «приде на епископыю Ростову», но ниже мы узнаем, что он «не по правде поставися Суждалю». См.: ПСРЛ. Т. I. Стб. 348, 352; ЛПС. С. 73, 75. В Никоновской летописи Леон поставлен «Ростову и Суздалью на епископство», а Нестор назван епископом ростовским и суздальским. См.: ПСРЛ. Т. IX. С. 221.

¹⁷¹ ПСРЛ. Т. I. Стб. 355; ЛПС. С. 76.

¹⁷² ПСРЛ. Т. II. Стб. 520. См. также: ПСРЛ: Т. XXV. С. 11.

¹⁷³ ПСРЛ. Т. II. Стб. 521.

¹⁷⁴ ПСРЛ. Т. IX. С. 221.

¹⁷⁵ Карамзин Н.М. История Государства Российского. Т. II–III. С. 345. Прим. 405.

¹⁷⁶ Там же. С. 181.

¹⁷⁷ Соловьев С.М. Сочинения. Кн. 1. С. 517.

¹⁷⁸ Корсаков Д. Меря и Ростовское княжество. С. 113–114.

¹⁷⁹ Там же. С. 113.

¹⁸⁰ Ключевский В.О. Сочинения. Т. I. С. 324.

¹⁸¹ Костомаров Н.И. Русская история... С. 89.

¹⁸² Покровский М.Н. Избранные произведения: в 4 кн. М., 1966. Кн. 1. С. 173.

¹⁸³ См.: Насонов А.Н. «Русская земля»... С. 187; Очерки истории СССР... С. 328; Пашуто В.Т. Очерки истории СССР... С. 42; Воронин Н.Н. Зодчество Северо-Во-

сточной Руси... С. 114; Рыбаков Б.А. 1) Первые века русской истории. С. 228; 2) Киевская Русь... С. 552.

¹⁸⁴ Лимонов Ю.А. Летописание Владимиро-Суздальской Руси. С. 82.

¹⁸⁵ ПСРЛ. Т. I. Стб. 139.

¹⁸⁶ Там же. Стб. 150.

¹⁸⁷ ПСРЛ. Т. II. Стб. 138.

¹⁸⁸ В Никоновской летописи так и сказано: «Изгна (Андрей – И.Ф.) братию свою, хотя един быти властель во всей Ростовьской и Суздальской земле». См.: ПСРЛ. Т. IX. С. 221.

¹⁸⁹ Костомаров Н.И. Русская история... С. 79.

¹⁹⁰ Лимонов Ю.А. Владимиро-Суздальская Русь... С. 44.

¹⁹¹ ПСРЛ. Т. II. Стб. 520.

¹⁹² Мнение Лимонова, что это произошло по воле «местных бояр», не является, на наш взгляд, обязательным. См.: Лимонов Ю.А. Летописание Владимиро-Суздальской Руси. С. 82.

¹⁹³ См.: Воронин Н.Н. Андрей Боголюбский и Лука Хризовберг... С. 36–37; Лимонов Ю.А. Владимиро-Суздальская Русь... С. 52.

¹⁹⁴ ПСРЛ. Т. I. Стб. 349.

¹⁹⁵ Соловьев С.М. Сочинения. М., 1988. Кн. 1. С. 57.

¹⁹⁶ Голубинский Е. История русской церкви. М., 1880. Т. I. Перв. пол. тома. С. 385.

¹⁹⁷ Соколов Пл. Русский архиерей... С. 96.

¹⁹⁸ Воронин Н.Н. Андрей Боголюбский и Лука Хризовберг... С. 34–35. См. также: Хорошев А.С. Политическая история русской канонизации (XI–XVI вв.). М., 1986. С. 62.

¹⁹⁹ Лимонов Ю.А. Владимиро-Суздальская Русь... С. 51.

²⁰⁰ Там же.

²⁰¹ Кривошеев Ю.А. 1) Социальная борьба и проблема генезиса феодальных отношений... С. 58; 2) Социальная борьба в Северо-Восточной Руси... С. 8–9; 3) Церковь в социальных противоречиях... С. 47–48.

²⁰² ПСРЛ. Т. I. Стб. 348.

²⁰³ Причастность Леона к политической борьбе отмечает Ю.А. Лимонов. При этом он смешивает события 1159 г. с тем, что произошло в 1162 г. См.: Лимонов Ю.А. Владимиро-Суздальская Русь... С. 51–52.

²⁰⁴ Ср.: Лимонов Ю.А. Владимиро-Суздальская Русь... С. 51.

²⁰⁵ См.: Воронин Н.Н. «Житие Леонтия Ростовского»... С. 28.

²⁰⁶ Там же.

²⁰⁷ Попытка расчленить данные противоречия и выстроить их в эволюционный ряд как смену форм социальной борьбы на северо-востоке Руси XII – начала XIII вв., быть может, и оправдана, но весьма условна. См.: Кривошеев Ю.В. 1) Социальная борьба в Северо-Восточной Руси... С. 15; 2) Социальная борьба и проблема генезиса феодальных отношений... С. 63.

²⁰⁸ См.: Воронин Н.Н. Андрей Боголюбский и Лука Хризовберг. С. 37; Лимонов Ю.А. Владимиро-Суздальская Русь... С. 51.

²⁰⁹ Свое расположение к Михалке и Всеволоду Юрьевичам владимирцы со всей определенностью продемонстрировали позднее, о чем разговор впереди.

²¹⁰ Соколов П.Л. Русский архиерей... С. 104.

²¹¹ Необходимо, впрочем, отметить, что Ипатьевская летопись изображает изгнания Леона вместе с младшими сыновьями Юрия Долгорукого и по итогам спора о постах, как два отдельных случая. См.: ПСРЛ. Т. II. Стб. 520.

²¹² ПСРЛ. Т. I. Стб. 352. См. также: ЛПС. С. 75.

²¹³ ПСРЛ. Т. II. Стб. 520.

²¹⁴ См.: Фроянов И.Я. Начало христианства на Руси. С. 288–329.

²¹⁵ ПСРЛ. Т. I. Стб. 352; ЛПС. С. 75.

²¹⁶ ПСРЛ. Т. II. Стб. 520.

²¹⁷ ПСРЛ. Т. I. Стб. 355–356; Т. II. Стб. 551–553; ЛПС. С. 76–78.

²¹⁸ Воронин Н.Н. Андрей Боголюбский и Лука Хризовберг. С. 43.

²¹⁹ Там же. С. 45.

²²⁰ Приселков М.Д. История русского летописания... С. 72.

²²¹ Именно так толкует И.И. Срезневский этот термин. См.: Срезневский И.И. Материалы для словаря древнерусского языка. СПб., 1895. Т. II. Стб. 1586–1587.

²²² Воронин Н.Н. Андрей Боголюбский и Лука Хризовберг. С. 47.

²²³ Цит. по раб.: Воронин Н.Н. Андрей Боголюбский и Лука Хризовберг. С. 45. См. также: Кривошеев Ю.В. Церковь в социальных противоречиях... С. 51–52.

²²⁴ ПСРЛ. Т. I. Стб. 356; ЛПС. С. 77; ПСРЛ. Т. II. Стб. 553; Т. IX. С. 240.

²²⁵ ПСРЛ. Т. IX. С. 239–240.

²²⁶ Воронин Н.Н. Андрей Боголюбский и Лука Хризовберг. С. 45. В.Н. Татищев сообщает, что Феодор велел запретить церкви и во Владимире и в Ростове (Татищев В.Н. История Российская. Т. III. С. 91; Т. IV. С. 276). Однако закрытие храмов в Ростове древние летописи не подтверждают.

²²⁷ Лимонов Ю.А. Владимиро-Суздальская Русь... С. 61. См. также: Кривошеев Ю.В. 1) Социальная борьба в Северо-Восточной Руси... С. 9; 2) Социальная борьба и проблема генезиса феодальных отношений... С. 58. В одной из последних своих работ Кривошеев видит причину падения Феодора в его строптивом характере, приведшем епископа к разрыву с Андреем. «Лишившись поддержки князя и земли, Феодор оказался жертвой киевского митрополита Константина». См.: Кривошеев Ю.В. Церковь в социальных противоречиях... С. 53.

²²⁸ Лимонов Ю.А. Владимиро-Суздальская Русь... С. 61.

²²⁹ ПСРЛ. Т. IX. С. 240.

²³⁰ Там же.

²³¹ Там же.

²³² Воронин Н.Н. Андрей Боголюбский и Лука Хризовберг. С. 43.

²³³ ПСРЛ. Т. IX. С. 240.

²³⁴ ПСРЛ. Т. XXV. С. 80.

²³⁵ См.: Фрэзер Дж. Дж. Золотая ветвь. М., 1980. С. 263–265.

²³⁶ Лев Диакон. История. М., 1988. С. 82.

²³⁷ Правда Русская. М.; Л., 1940. Т. I. Тексты. С. 70; Российское законодательство X–XX веков: в 9 т. М., 1964. Т. I. С. 53.

²³⁸ Тихомиров М.Н. Пособие для изучения Русской Правды. М., 1953. С. 77.

- ²³⁹ Древнерусские княжеские уставы XI–XV вв. М., 1976. С. 88.
- ²⁴⁰ Правда Русская. Т. I. С. 112; Российское законодательство... С. 107.
- ²⁴¹ ПВЛ. Ч. I. С. 118.
- ²⁴² См. главу 2.
- ²⁴³ Фрэзер Дж. Дж. Золотая ветвь. С. 264.
- ²⁴⁴ ПСРЛ. Т. II. Стб. 572–573.
- ²⁴⁵ Лихачев Д.С. Исследования по древнерусской литературе. Л., 1986. С. 140.
- ²⁴⁶ См.: Фроянов И.Я. Начало христианства на Руси. С. 288–329.
- ²⁴⁷ Фрэзер Дж. Дж. Золотая ветвь. С. 20.
- ²⁴⁸ См.: Фроянов И.Я. Киевская Русь: Очерки социально политической истории. С. 64–98.
- ²⁴⁹ Лихачев Д.С. Исследования... С. 142.
- ²⁵⁰ Там же. С. 143. Лихачев не раз подчеркивает, что «посол не являлся только механическим передатчиком “речей”, но представлял личность самого князя». Ученый находит выразительное подтверждение этому личному представительству посла в том, что иногда посольство посылалось от группы князей-союзников, причем по отдельному послу от каждого князя, несмотря на то, что всем им вместе поручалась одна и та же «речь» (Там же).
- ²⁵¹ Там же. С. 45–47; Лимонов Ю.А. Владимиро-Суздальская Русь... С. 58–67; Кривошеев Ю.В. Церковь в социальных противоречиях... С. 53.
- ²⁵² Воронин Н.Н. Андрей Боголюбский и Лука Хризовберг. С. 45.
- ²⁵³ ПСРЛ. Т. IX. С. 240.
- ²⁵⁴ Воронин Н.Н. Андрей Боголюбский и Лука Хризовберг. С. 49.
- ²⁵⁵ ПСРЛ. Т. I. Стб. 355.
- ²⁵⁶ ПСРЛ. Т. IX. С. 239–240. Воронин, следуя схеме Владимирского летописца, сводит конфликт к двум лицам — Андрею и Феодору. Епископ Феодор, не желая подчиниться княжескому решению, предписавшему владыке идти в Киев на поставление к митрополиту, затворил в знак протеста владимирские церкви. «Здесь, как говорится, нашла коса на камень» (Воронин Н.Н. Андрей Боголюбский и Лука Хризовберг. С. 45). Однако закрытие церквей, в особенности Успенского собора с его чудотворной иконой св. Богородицы, било не столько по Андрею, сколько по владимирской общине. Поэтому объяснение поведению Феодора необходимо искать преимущественно в трениях между ним и населением Владимира.
- ²⁵⁷ См.: Доброхотов В. Древний Боголюб — город и монастырь. М., 1852. С. 43. Воронин Н.Н. «Житие Леонтия Ростовского»... С. 30–31.
- ²⁵⁸ Житие св. Леонтия, епископа Ростовского. С. 9.
- ²⁵⁹ НПЛ. С. 33, 221.
- ²⁶⁰ ПСРЛ. Пг., 1915. Т. IV. Ч. 1. Вып. 1. С. 163; Там же. Т. IX. С. 240.
- ²⁶¹ ПСРЛ. Т. I. Стб. 361–362; Там же. Т. VII. С. 86–87; Т. XXV. С. 82.
- ²⁶² Костомаров Н.И. Севернорусские народоправства во времена удельно-вещевого уклада: в 2 т. СПб., 1863. Т. I. С. 72.
- ²⁶³ Костомаров Н.И. Русская история... С. 84; Земная жизнь Пресвятой Богородицы... С. 374–377.

- ²⁶⁴ *Беляев И.Д.* История Новгорода Великого от древнейших времен до падения. М., 1864. С. 265.
- ²⁶⁵ ПСРЛ. Т. I. Стб. 361.
- ²⁶⁶ Там же. Стб. 362.
- ²⁶⁷ Там же. Стб. 361.
- ²⁶⁸ Там же. Стб. 365.
- ²⁶⁹ ПСРЛ. Т. II. Стб. 573, 574.
- ²⁷⁰ Там же. Стб. 577, 578.
- ²⁷¹ *Рыбаков Б.А.* 1) Первые века... С. 29; 2) Киевская Русь... С. 552.
- ²⁷² *Воронин Н.Н.* К характеристике владимирского летописания... С. 43.
- ²⁷³ См.: *Брежнев Н.Г.* Хронология русского летописания. М., 1963. С. 245.
- ²⁷⁴ *Насонов А.Н.* История русского летописания... С. 150.
- ²⁷⁵ *Рыбаков Б.А.* Русские летописцы и автор «Слова о полку Игореве». М., 1972. С. 80.
- ²⁷⁶ Там же. С. 87.
- ²⁷⁷ См.: *Воронин Н.Н.* «Повесть об убийстве Андрея Боголюбского» и ее автор // История СССР. 1963. № 3. С. 80–83, 91; *Рыбаков Б.А.* Русские летописцы... С. 79–104; *Насонов А.Н.* История русского летописания... С. 144–158.
- ²⁷⁸ См., напр.: *Рыбаков Б.А.* Русские летописцы... С. 79–104.
- ²⁷⁹ *Воронин Н.Н.* «Повесть об убийстве Андрея Боголюбского»... С. 97.
- ²⁸⁰ ПСРЛ. Т. I. Стб. 369.
- ²⁸¹ ПСРЛ. Л., 1989. Т. XXXVIII. С. 138. См. также: ПСРЛ. Т. VII. С. 89; ПСРЛ. Т. IX. С. 249; ПСРЛ. Т. XXV. С. 83.
- ²⁸² ПСРЛ. Т. XV. Стб. 250.
- ²⁸³ *Татищев В.Н.* История Российская. Т. III. С. 105; Т. IV. С. 285.
- ²⁸⁴ Там же. Т. III. С. 106; Т. IV. С. 286.
- ²⁸⁵ См.: *Воронин Н.Н.* «Повесть об убийстве Андрея Боголюбского»... С. 85; *Лимонов Ю.А.* Владимиро-Суздальская Русь... С. 94–95.
- ²⁸⁶ НПЛ. С. 34, 223.
- ²⁸⁷ ПСРЛ. Т. XV. Стб. 250.
- ²⁸⁸ *Беляев И.Д.* Сказания о начале Москвы // Русский Вестник. 1868. Т. 74; *Корсаков Д.* Меря и Ростовское княжество... С. 116.
- ²⁸⁹ *Полевой Н.* История русского народа. М., 1830. Т. II. С. 72.
- ²⁹⁰ *Пассек В.* Княжеская и докняжеская Русь // ЧОИДР. М., 1870. Кн. 3. С. 5.
- ²⁹¹ *Соловьев С.М.* 1) История отношений между русскими князьями Рюрикова дома. М., 1847. С. 232–233; 2) Сочинения. Кн. I. С. 528.
- ²⁹² *Белов Е.* Об историческом значении русского боярства до конца XVII в. // ЖМНП. 1886. Январь. С. 70.
- ²⁹³ *Пашуто В.Т.* 1) Героическая борьба русского народа за независимость (XIII в.). М., 1956. С. 48; 2) Очерки истории СССР... С. 29.
- ²⁹⁴ *Черепнин Л.В.* О характере и форме древнерусского государства // Исторические записки. М., 1972. Т. 89. С. 390–391.
- ²⁹⁵ *Погодин М.* Князь Андрей Боголюбский // ЖМНП. 1849. Ч. XIV. С. 29; *Запорожский М.Д.* О влиянии борьбы между народами и сословиями на образование строя русского государства в домонгольский период. М., 1874. С. 251.

²⁹⁶ *Мавердин В.В.* Народные восстания в древней Руси XI–XIII вв. М., 1961. С. 84. Эта точка зрения восходит, как мы знаем, к летописной традиции. См.: НПЛ. С. 467–468; ПСРЛ. Т. XV. С. 250.

²⁹⁷ *Рыбаков Б.А.* 1) Первые века... С. 229; 2) Киевская Русь... С. 552.

²⁹⁸ *Сергеевич В.И.* Русские юридические древности... С. 461; *Ключевский В.О.* Сочинения. Т. I. С. 324.

²⁹⁹ *Тихомиров М.Н.* Крестьянские и городские восстания на Руси XI–XIII вв. М., 1955. С. 230; *Лимонов Ю.А.* 1) Летописание... С. 81; 2) Владимиро-Суздальская Русь... С. 84–85. Эта идея высказывалась, как нами отмечалось, новгородским летописцем. (НПЛ. С. 34, 223).

³⁰⁰ *Кривошеев Ю.В.* Социальная борьба в Северо-Восточной Руси в XI – начале XIII в.: дис. канд. ист. наук. Л., 1988. С. 91.

³⁰¹ *Воронин Н.Н.* «Повесть об убийстве Андрея Боголюбского»... С. 85.

³⁰² *Лимонов Ю.А.* Владимиро-Суздальская Русь... С. 95.

³⁰³ ПСРЛ. Т. I. Стб. 369.

³⁰⁴ ПСРЛ. Т. II. Стб. 585.

³⁰⁵ *Лимонов Ю.А.* Владимиро-Суздальская Русь... С. 85; *Кривошеев Ю.В.* Социальная борьба в Северо-Восточной Руси в XI – начале XIII в.: дис. канд. ист. наук. С. 88, 91.

³⁰⁶ *Беляев И.Д.* Сказания о начале Москвы. С. 15–17.

³⁰⁷ Карамзин называл Петра вельможей (*Карамзин Н.М.* История Государства Российского. М., 1991. Т. II–III. С. 369). Пашуто и Новосельцев полагают, что Петр был женат на дочери Анбала. При этом они называют его боярином Петром Кучковичем. На чем основана столь оригинальная трактовка летописного текста, авторы, к сожалению, не разъясняют. См.: *Пашуто В.Т.* Внешняя политика Древней Руси. М., 1968. С. 343.

³⁰⁸ *Арцыбашев Н.С.* Повествование о России. М., 1838. Т. I. Кн. II. Отд. II. С. 204. Прим. 1255; *Соловьев С.М.* 1) История отношений... С. 232; 2) Сочинения. Кн. I. С. 528. См. также: *Костомаров Н.И.* Русская история... С. 89.

³⁰⁹ *Соловьев С.М.* 1) История отношений... С. 232; 2) Сочинения. Кн. I. С. 528. По Н.М. Карамзину, он – «чиновник» (*Карамзин Н.М.* История Государства Российского. Т. II–III. С. 369).

³¹⁰ *Воронин Н.Н.* Владимиро-Суздальская земля... С. 222.

³¹¹ К представителям «иноземной служилой знати» относят Ефрема историки В.Т. Пашуто и А.П. Новосельцев (*Пашуто В.Т.* Внешняя политика... С. 216).

³¹² ПСРЛ. Т. I. Стб. 369; Там же. Т. II. Стб. 586. Однако современные исследователи истории евреев на Украине говорят о еврейской принадлежности как Ефрема, так и Анбала: «При дворе Великого Князя Андрея Боголюбского в конце XII в. жили два еврея – Ефрем Моизич и Анбал Ясин с Кавказа» (*Хонигсман Я.С., Найман А.Я.* Евреи Украины. Краткий очерк. Киев, 1992. Ч. I. С. 12).

³¹³ ПСРЛ. Т. II. Стб. 590.

³¹⁴ *Соловьев С.М.* 1) История отношений... С. 232; 2) Сочинения. Кн. I. С. 528.

³¹⁵ *Лимонов Ю.А.* Владимиро-Суздальская Русь... С. 85.

³¹⁶ *Пашуто В.Т.* Внешняя политика... С. 216.

³¹⁷ ПСРЛ. Т. II. Стб. 590.

³¹⁸ Там же. Стб. 590–591.

³¹⁹ Гадло А.В. Страна Ихран (Ирхан) дагестанской хроники Дербенд-наме // Вопросы археологии и этнографии Северной Осетии / отв. ред. В.А. Кузнецов. Орджоникидзе. 1984. С. 121.

³²⁰ ПСРЛ. Т. II. Стб. 591.

³²¹ Соловьев считал Анбала новокрещеным иноземцем (Соловьев С.М. 1) История отношений... С. 231–232; 2) Сочинения. Кн. 1. С. 528). Если бы это было так, то вряд ли Кузьмище Киянин назвал бы его «жидовином» и «еретиком».

³²² См.: Фроянов И.Я. Начало христианства на Руси. С. 200–201.

³²³ См.: Рыбаков Б.А. Язычество Древней Руси. М., 1987. С. 557–752; Фроянов И.Я. Начало христианства на Руси. С. 306–316.

³²⁴ ПСРЛ. Т. II. Стб. 591.

³²⁵ Ворожик Н.Н. «Повесть об убийстве Андрея Боголюбского»... С. 87.

³²⁶ ПСРЛ. Т. II. Стб. 590.

³²⁷ Там же. Стб. 593.

³²⁸ Лимонов Ю.А. Владимиро-Суздальская Русь... С. 88.

³²⁹ Там же. С. 86–87.

³³⁰ В этой догадке мы исходим (помимо поведения боголюбовцев после гибели князя) из того, что убийцы, захватив оружие «княже милостное, почаша совокупляти дружину к себе», т.е. раздавали оружие тем, кто готов был защищать их. Безоружными, скорее всего, были рядовые горожане.

³³¹ ПСРЛ. Т. II. Стб. 589–590.

³³² См.: Соловьев С.М. 1) История... С. 233; 2) Сочинения. Кн. 1. С. 529.

³³³ Соловьев С.М. Сочинения. Кн. 1. С. 529.

³³⁴ В.Н. Татищев относил владимирцев, с которыми встретились посланцы из Боголюбова, к вельможам, а Карамзин — к боярам (Татищев В.Н. История Российская. Т. III. С. 105; Карамзин Н.М. История Государства Российского. Т. II–III. С. 369). Это — интерпретация, осуществленная в духе политических воззрений самих историков.

³³⁵ Костомаров Н.И. Русская история... С. 92.

³³⁶ Татищев В.Н. История Российская. Т. III. С. 106.

³³⁷ Андрей Боголюбский не был антиподом другим древнерусским князьям, выступавшим в качестве носителей высшей исполнительной власти волостных общин, или земель. Считать его «подлинным самовластием» по типу королей Запада можно лишь по прихоти воображения. См.: Ворожик Н.Н. Зодчество Северо-Восточной Руси... С. 126.

³³⁸ ПСРЛ. Т. II. Стб. 586.

³³⁹ См.: Покровский М.Н. Избр. произв. Кн. 1. С. 172; Тихомиров М.Н. Крестьянские и городские восстания... С. 232.

³⁴⁰ ПСРЛ. Т. I. Стб. 369.

³⁴¹ Волочение тела Андрея — факт характерный. Так поступали в старину тогда, когда хотели развенчать недруга и надругаться над ним.

³⁴² ПСРЛ. Т. II. Стб. 592.

³⁴³ НПЛ. С. 34, 223.

³⁴⁴ Татищев В.Н. История Российская. Т. III. С. 106.

³⁴⁵ Карамзин Н.М. История Государства Российского. Т. II–III. С. 369.

³⁴⁶ Там же. С. 370.

- ³⁴⁷ Соловьев С.М. Сочинения. Т. I. С. 530.
- ³⁴⁸ Там же.
- ³⁴⁹ Ключевский В.О. Сочинения. Т. I. С. 325.
- ³⁵⁰ Там же.
- ³⁵¹ Костомаров Н.И. Русская история... С. 92.
- ³⁵² Там же. С. 90.
- ³⁵³ ПСРЛ. Т. I. Стб. 369–370.
- ³⁵⁴ ПСРЛ. Т. II. Стб. 589–590.
- ³⁵⁵ Например, в Киеве, Новгороде.
- ³⁵⁶ Лимонов отождествляет владимирцев, участвовавших в грабежах княжеского имения, с феодалами, жившими во Владимире (Лимонов Ю.А. Владимир-Суздальская Русь... С. 101). Это — одна из крайностей автора, относящаяся к разряду его концептуальных издержек.
- ³⁵⁷ ПСРЛ. Т. II. Стб. 592.
- ³⁵⁸ Ср.: Мавродин В.В. Очерки истории феодальной Руси. С. 176–177.
- ³⁵⁹ См. предшествующие главы.
- ³⁶⁰ Зибер Н.И. Очерки первобытной экономической культуры. М., 1937. С. 196.
- ³⁶¹ Там же. С. 196.
- ³⁶² Там же.
- ³⁶³ Следует также иметь в виду, что город и село в Древней Руси находились в органическом единстве, и сельские люди активно участвовали в городской жизни. См.: Фроянов И.Я. Киевская Русь: Очерки социально-политической истории. С. 236–241; Фроянов И.Я., Дворниченко Ю.А. Города-государства Древней Руси.
- ³⁶⁴ Зибер Н.И. Очерки... С. 196.
- ³⁶⁵ Слово Даниила Заточника по редакциям XII и XIII вв. и их переделкам. Л., 1932.
- ³⁶⁶ Там же.
- ³⁶⁷ Там же. С. 15–16.
- ³⁶⁸ См.: Фроянов И.Я. 1) Киевская Русь: Очерки социально-политической истории. С. 137–145; 2) Престижные пиры и дарения в Киевской Руси // Советская этнография. 1976. № 6.
- ³⁶⁹ См.: Неусыхин А.И. Дофеодальный период как переходная стадия развития от родо-племенного строя к ранне-феодальному (на материале истории Западной Европы раннего средневековья) // Проблемы истории докапиталистических обществ. М., 1968. Кн. 1.
- ³⁷⁰ Гуревич А.Я. Проблемы генезиса феодализма в Западной Европе. М., 1970. С. 65. См. также: Гуревич А.Я. Категории средневековой культуры. М., 1972. С. 195–217.
- ³⁷¹ См. предшествующие главы.
- ³⁷² ПСРЛ. Т. I. Стб. 371–372; ПСРЛ. Т. II. Стб. 595; ЛПС. С. 84–85.
- ³⁷³ См.: Соловьев С.М. Сочинения. Т. I. С. 531.
- ³⁷⁴ ПСРЛ. Т. I. Стб. 372–373; ПСРЛ. Т. II. Стб. 596; ЛПС. С. 85.
- ³⁷⁵ См.: Насонов А.Н. История... С. 159.

³⁷⁶ ПСРЛ. Т. I. Стб. 372; ПСРЛ. Т. II. Стб. 595; ЛПС. С. 85.

³⁷⁷ *Татищев В.Н.* История Российская. Т. II. С. 106. В первой редакции «Истории» Татищева местом встречи выступает Владимир (*Татищев В.Н.* История Российская. Т. IV. С. 286). Вряд ли появление Суздаля во второй редакции было лишь результатом произвольного обращения историка с источниками или плодом сочинительства. Вполне вероятно, что известие о Суздале он почерпнул в летописном памятнике, ныне нам неизвестном. Попутно заметим, что некоторые поздние летописи вообще не упоминают имя города, где состоялся съезд. См.: ПСРЛ. М., 1978. Т. XXXIV. С. 79; ПСРЛ. М., 1982. Т. XXXVI. С. 28, 68.

³⁷⁸ *Карамзин Н.М.* История Государства Российского. Т. II–III. С. 374.

³⁷⁹ *Корсаков Д.* Меря и Ростовское княжество... С. 116; *Сергеевич В.И.* Русские юридические древности. СПб., 1900. Т. III. С. 23–24.

³⁸⁰ См.: *Фроянов И.Я.* Киевская Русь: Очерки социально-политической истории. С. 178–180.

³⁸¹ ПСРЛ. Т. VII. С. 90; ПСРЛ. Т. XXV. С. 85.

³⁸² Она имеется в Лаврентьевской и Ипатьевской летописях. См.: ПСРЛ. Т. I. Стб. 372; Т. II. Стб. 596.

³⁸³ См. о событиях вокняжения Андрея.

³⁸⁴ О приязни переяславцев к Юрьевичам судим по записи в «Летописце Переяславля Суздальского»: «Ярополк же поеха отаи брата Михалка к Переяславлю. А переяславцем не хотающим его, но хотеша Михалка с братом его Всеволодом». ЛПС. С. 85.

³⁸⁵ См. С. 548 настоящей книги.

³⁸⁶ *Тихомиров М.Н.* Краткие заметки о летописных произведениях в рукописных собраниях Москвы. М., 1962. С. 13–20; *Дурьев Я.С.* Общерусские летописи XIV–XV вв. Л., 1976. С. 27.

³⁸⁷ ПСРЛ. Т. XXX. С. 72.

³⁸⁸ *Татищев В.Н.* История Российская. Т. III. С. 107; Т. IV. С. 286.

³⁸⁹ *Татищев В.Н.* История Российская. Т. III. С. 107.

³⁹⁰ *Татищев В.Н.* История Российская. Т. IV. С. 287. См. также: Т. III. С. 108.

³⁹¹ «Система дуумвирата» является проблематичной для Киева. (См.: *Фроянов И.Я., Дворниченко А.Ю.* Города-государства Древней Руси. С. 81). Тем не менее, она признается и другими исследователями. См., напр.: *Толочко А.П.* Князь в Древней Руси: власть, собственность, идеология. Киев, 1992. С. 46–54.

³⁹² *Воронин Н.Н.* Зодчество... С. 345.

³⁹³ См.: *Фроянов И.Я., Дворниченко А.Ю.* Города-государства Древней Руси.

³⁹⁴ ПСРЛ. Т. I. Стб. 373; Т. II. Стб. 596; ЛПС. С. 85.

³⁹⁵ ПСРЛ. Т. I. Стб. 373; Т. II. Стб. 597; ЛПС. С. 85.

³⁹⁶ ПСРЛ. Т. I. Стб. 374; Т. II. Стб. 598; ЛПС. С. 86.

³⁹⁷ ПСРЛ. Т. I. Стб. 373; Т. II. Стб. 597; ЛПС. С. 85.

³⁹⁸ Ср.: *Лимонов Ю.А.* Владимиро-Суздальская Русь... С. 102.

³⁹⁹ ПСРЛ. Т. I. Стб. 373–374; Т. II. Стб. 597–598; ЛПС. С. 85–86.

⁴⁰⁰ В.И. Сергеевич полагал, что «Ярополк был только посадником ростовцев во Владимире». Он также отрицал разделение Ростовской волости (*Сергеевич В.И.* Русские юридические древности. Т. I. С. 24, 25). Не посадника, а князя

получили владимирцы. Не случайно потом они скажут: «Мы есмы волная князя прияли к собе и крест целовали на всемъ» (ПСРЛ. Т. I. Стб. 375; Т. II. Стб. 599; ЛПС. С. 86). Вокняжение Ярополка означало выделение Владимира в отдельную волость. О том, что Владимир «получил своего князя, а не посадника из Ростова» писал Соловьев. См.: *Соловьев С.М. Сочинения*. Т. I. С. 533.

⁴⁰¹ См.: *Фроянов И.Я. Киевская Русь: Очерки социально-политической истории*. С. 133–135.

⁴⁰² См.: *Сергеевич В.И. Русские юридические древности*. Т. II. С. 23–24.

⁴⁰³ *Лимонов Ю.А. Владимиро-Суздальская Русь...* С. 102–103.

⁴⁰⁴ ПСРЛ. Т. I. Стб. 374; ПСРЛ. Т. II. Стб. 598; ЛПС. С. 86.

⁴⁰⁵ Насонов пришел к заключению, что «Суздаль, как город, играл в борьбе пассивную роль, хотя он и являлся основным центром местного княжого боярства, что суздальское боярство, присоединившись к Ростову, не вело за собой свой город, не было руководителем местной вечевой жизни; наконец, что главным противником Владимира являлся старый Ростов, где жила идея единства волости» (*Насонов А.Н. Князь и город...* С. 21). Эта характеристика верна, но отчасти. Она справедлива по отношению к Суздалю после рассмотренных нами событий. Что касается предшествующего времени, то политическая активность Суздаля, отвоевавшего у Ростова право также называться старшим городом, не подлежит сомнению. Политическую роль Суздаля необходимо изучать не в статике, а в динамике. В противном случае мы получим упрощенную и, следовательно, искаженную историческую картину.

⁴⁰⁶ См.: *Соловьев С.М. Сочинения*. Кн. 1. С. 531–533; *Пассек В. Княжеская и докняжеская Русь*. С. 7–13, 106–108; *Костомаров Н.И. Начало единодержавия в Древней Руси*. С. 43; *Корсаков Д. Меря и Ростовское княжество...* С. 116–118; *Затыркевич М.Д. О влиянии борьбы...* С. 251–256; *Ключевский В.О. Сочинения*. Т. I. С. 326–332; *Сергеевич В.И. Русские юридические древности*. Т. I. С. 22–30.

⁴⁰⁷ *Соловьев С.М. Сочинения*. Кн. 1. С. 532. По М.Д. Затыркевичу, это была борьба за право быть «стольным городом» (*Затыркевич М.Д. О влиянии борьбы...* С. 252).

⁴⁰⁸ *Ключевский В.О. Сочинения*. Т. I. С. 329.

⁴⁰⁹ См.: *Фроянов И.Я., Дворниченко А.Ю. Города-государства Древней Руси: Алексеев Ю.Г. «Черные люди» Новгорода и Пскова. К вопросу о социальной эволюции древнерусской городской общины // Исторические записки. 1979. С. 103; Дворниченко А.Ю. Городская община Верхнего Поднепровья и Подвинья в XI–XV вв. Автореф. канд. дис. Л., 1983; Кривошеев Ю.В. Князь, бояре и городская община Северо-Восточной Руси в XII – начале XIII вв.; Петров А.В. Социально-политическая борьба в Новгороде XII–XIII вв.: автореф. дис. канд. ист. наук. Л., 1990.*

⁴¹⁰ Ср.: *Тихомиров М.Н. Крестьянские и городские восстания...* С. 234–235.

⁴¹¹ *Ключевский В.О. Сочинения*. Т. I. С. 330.

⁴¹² *Пресняков А.Е. Княжое право в Древней Руси*. С. 252.

⁴¹³ См.: *Фроянов И.Я., Дворниченко А.Ю. 1) Возникновение и развитие города-государства в Северо-Восточной Руси XI – начала XIII вв. // Историко-археологическое изучение Древней Руси. Л., 1988; 2) Города-государства Древней Руси;*

Кривошеев Ю.В. Князь, бояре и городская община Северо-Восточной Руси в XII — начале XIII вв.

⁴¹⁴ Есть основания полагать, что с помощью Ярополка ростовцы надеялись держать Владимир в сфере своего влияния. См.: *Сергеевич В.И.* Русские юридические древности. Т. I. С. 24.

⁴¹⁵ ПСРЛ. Т. I. Стб. 374–375; ПСРЛ. Т. II. Стб. 598–599.

⁴¹⁶ См.: *Кривошеев Ю.В.* 1) Социальная борьба в Северо-Восточной Руси... С. 9; 2) Социальная борьба и проблема генезиса феодальных отношений... С. 58.

⁴¹⁷ ПСРЛ. Т. XV. Стб. 257.

⁴¹⁸ См.: *Соловьев С.М.* Сочинения. Кн. 1. С. 533.

⁴¹⁹ Обращение к ростовцам и суздальцам показывает, что Владимир, несмотря на свое выделение в отдельное княжение, не порывал отношений с Ростовом и Суздалем, признавая за ними авторитет старейших городов.

⁴²⁰ Неслучайно Юрия Андреевича мы видим среди владимирцев, встречавших Михалку «у Кучкова, рекше у Москвы». См.: ПСРЛ. Т. II. Стб. 600.

⁴²¹ ПСРЛ. Т. I. Стб. 375.

⁴²² ЛПС. С. 86.

⁴²³ ПСРЛ. Т. XV. Стб. 257.

⁴²⁴ ПСРЛ. Т. I. Стб. 375; ЛПС. С. 86; ПСРЛ. Т. XV. С. 357.

⁴²⁵ ПСРЛ. Т. I. Стб. 377; ЛПС. С. 87; ПСРЛ. Т. XV. Стб. 258.

⁴²⁶ ПСРЛ. Т. I. Стб. 377.

⁴²⁷ Там же. Стб. 378–379; ЛПС. С. 88; ПСРЛ. Т. XV. Стб. 259.

⁴²⁸ ПСРЛ. Т. I. Стб. 379; ЛПС. С. 88; ПСРЛ. Т. XV. Стб. 259.

⁴²⁹ ПСРЛ. Т. I. Стб. 377.

⁴³⁰ ПСРЛ. Т. XV. С. 86. «Се бо Володимерци прославлени Богомъ по всеи земли за их правду Богови им помагающую». См.: ПСРЛ. Т. I. Стб. 378.

⁴³¹ *Соловьев С.М.* Сочинения. Кн. 1. С. 535.

⁴³² ЛПС. С. 86.

⁴³³ *Тихомиров М.Н.* Древнерусские города. С. 415.

⁴³⁴ ПСРЛ. Т. I. Стб. 379; ЛПС. С. 88; ПСРЛ. Т. XV. Стб. 259.

⁴³⁵ *Тихомиров М.Н.* Крестьянские и городские восстания... С. 234.

⁴³⁶ См.: *Корсаков Д.* Меря и Ростовское княжество... С. 119.

⁴³⁷ ПСРЛ. Т. I. Стб. 379–380; ЛПС. С. 88.

⁴³⁸ См. С. 548 настоящей книги.

⁴³⁹ ПСРЛ. Т. I. Стб. 379–381.

⁴⁴⁰ Говоря о том, что «величавые» ростовцы отвергли предложение Всеволода, летописец замечает: «и хръснаго целованья забыв» (ПСРЛ. Т. I. Стб. 381). Что это — воспоминания о давнем нарушении крестного целования Юрию Долгорукому или обвинение в несоблюдении клятвы, данной ростовцам Михалке во время пребывания его в Ростове, клятвы, касающейся, помимо прочего, и князя Всеволода. Последнее предположение исключать нельзя.

⁴⁴¹ ПСРЛ. Т. I. Стб. 378–379; ЛПС. С. 88.

⁴⁴² См.: ПСРЛ. Т. I. Стб. 380; ЛПС. С. 88; ПСРЛ. Т. XV. Стб. 259–260; Т. XXV. С. 87; Т. XXX. С. 73; НПЛ. С. 35, 224. По Никоновской летописи, князя Мстислава позвали ростовцы и суздальцы (ПСРЛ. Т. X. С. 1). Но это противоречит тексту

той же Никоновской летописи в части, где передается речь Всеволода, обращенная к Мстиславу: «Тебе привели Ростовцы к себе княжити, княжи убо у них в Ростове» (Там же. С. 2).

⁴⁴³ О суздальцах в этой связи говорит новгородский летописец, согласно которому Мстислав «пойде с ростовьци и с суждальци к Володимерю» (НПЛ. С. 53, 224). Однако к известиям Новгородской Первой летописи о событиях в Ростово-Суздальской земле 1175–1177 гг. следует относиться осторожно, поскольку они не всегда доброкачественны (См.: *Фроянов И.Я.* Киевская Русь: Очерки социально-политической истории. С. 93–94). Заметим, кстати, что в более поздних новгородских сводах, в частности, в Новгородской IV летописи, ростовцы фигурируют одни: «Ростовцы приведоша Мьстислава Ростиславича из Новагорода, он же прииде Ростову и съвокупи вои, слушая Ростовець, пойде на Всеволода к Володимерю». См.: ПСРЛ. Т. IV. Ч. 1. Вып. 1. С. 167.

⁴⁴⁴ ПСРЛ. Т. I. Стб. 381; ЛПС. С. 89.

⁴⁴⁵ ПСРЛ. Т. I. Стб. 381–382. «Летописец Переяславля Суздальского» сообщает, что Мстислав сперва «бежа» к Ростову, а из Ростова в Новгород (ЛПС. С. 89). Никоновская летопись добавляет подробности: «бежа к Ростову, и тамо мало пребыв, и из Ростова бежа к Новугороду» (ПСРЛ. Т. X. С. 3). О бегстве Мстислава в Новгород через Ростов говорят и другие летописи (См.: ПСРЛ. Т. IV. Ч. 1. Вып. 1. С. 168; Т. XXV. С. 87; Т. XXX. С. 73). Похоже, ростовцы отказали в дальнейшей поддержке Мстиславу, напуганные поражением на Юрьевском поле.

⁴⁴⁶ ПСРЛ. Т. I. Стб. 385; Т. XXV. С. 88.

⁴⁴⁷ ПСРЛ. Т. I. Стб. 385–386.

⁴⁴⁸ *Тихомиров М.Н.* Крестьянские и городские восстания... С. 235.

⁴⁴⁹ См.: *Татищев В.Н.* История Российская Т. III. С. 218; Т. IV. С. 292; *Насонов А.Н.* История... С. 166.

⁴⁵⁰ См.: ПСРЛ. Т. II. Стб. 606; Т. IV. Ч. 1 Вып. 1. С. 169; Т. VII. С. 95; Т. X. С. 5; Т. XXV. С. 89; Т. XXX. С. 73.

⁴⁵¹ *Соловьев С.М.* Сочинения. Кн. 1. С. 701. Прим. 342.

⁴⁵² Там же.

⁴⁵³ *Татищев В.Н.* История Российская. Т. IV. С. 292.

⁴⁵⁴ *Татищев В.Н.* История Российская. Т. III. С. 118.

⁴⁵⁵ ПСРЛ. Т. XV. Стб. 263. См. также: ПСРЛ. Т. XXVIII. С. 39, 136; Т. XXX. С. 73.

⁴⁵⁶ *Лихачев Д.С.* Русские летописи... С. 460.

⁴⁵⁷ ЛПС. С. 91.

⁴⁵⁸ ПСРЛ. Т. XXV. С. 88. См. также: ПСРЛ. Т. VII. С. 94.

⁴⁵⁹ ПСРЛ. Т. X. С. 5.

⁴⁶⁰ ПСРЛ. Т. IV. Ч. 1. Вып. 1. С. 169.

⁴⁶¹ ПСРЛ. Т. II. Стб. 606.

⁴⁶² НПЛ. С. 35, 224.

⁴⁶³ См.: *Татищев В.Н.* История Российская. Т. III. С. 118–119; *Соловьев С.М.* Сочинения. Кн. 1. С. 538; *Тихомиров М.Н.* Крестьянские и городские восстания... С. 235–236; *Лимонов Ю.А.* Владимиро-Суздальская Русь... С. 103.

⁴⁶⁴ Сообщение летописцев о чудесном прозрении Ростиславичей в церкви Бориса и Глеба на Смядыни под Смоленском породило поздние догадки об имитации ослепления, проделанной по повелению Всеволода (см.: *Татищев В.Н. История Российская*. Т. III. С. 119, 250. Прим. 552). Если инсценировка и была, то не обязательно благодаря заботам Всеволода. Не исключены здесь и другие доброхотствующие Мстиславу и Ярополку лица. Характер имеющихся в нашем распоряжении сведений позволяет предположить и одно, и другое.

⁴⁶⁵ См.: ПСРЛ. Т. II. Стб. 606; Т. X. С. 5.

⁴⁶⁶ См. С. 592 настоящей книги.

⁴⁶⁷ ПСРЛ. Т. X. С. 5. О том же читаем в Московском своде 1479 г.: «На третии же день бысть мятежь велик в граде Володимири, вьста бо весь град, и приидоша на князь двор вопиюще». См.: ПСРЛ. Т. XXV. С. 88. См. также: *Ворожик Н.Н.* К характеристике владимирского летописания... С. 30–31. Прим. 16.

⁴⁶⁸ ПСРЛ. Т. I. Стб. 385.

⁴⁶⁹ «Воста бо весь град», — читаем в Воскресенской летописи. См.: ПСРЛ. Т. VII. С. 94.

⁴⁷⁰ ПСРЛ. Т. I. Стб. 385.

⁴⁷¹ Ср.: *Лимонов Ю.А.* Владимиро-Суздальская Русь... С. 103.

⁴⁷² ПСРЛ. Т. X. С. 5.

⁴⁷³ Причастность веча к этому допускает и Ю.А. Лимонов. См.: *Лимонов Ю.А.* Владимиро-Суздальская Русь... С. 103.

⁴⁷⁴ В «Истории» В.Н. Татищева требование владимирцев усилено: «казнить смертью или ослепить». См.: *Татищев В.Н. История Российская*. Т. III. С. 118.

⁴⁷⁵ См.: *Татищев В.Н. История Российская*. Т. III. С. 118.

⁴⁷⁶ ПСРЛ. Т. X. С. 5.

⁴⁷⁷ Там же.

⁴⁷⁸ ПСРЛ. Т. I. Стб. 386.

⁴⁷⁹ *Лимонов Ю.А.* Владимиро-Суздальская Русь... С. 103.

⁴⁸⁰ ПСРЛ. Т. I. Стб. 386.

⁴⁸¹ НПЛ. С. 35, 225; *Рапов О.М.* Княжеские владения на Руси X — первой половине XIII в. М., 1977. С. 165.

⁴⁸² *Рапов О.М.* Княжеские владения С. 166.

⁴⁸³ ЛПС. С. 87.

⁴⁸⁴ ПСРЛ. Т. I. Стб. 391; ЛПС. С. 94.

⁴⁸⁵ См.: ПСРЛ. Т. II. Стб. 629; *Фроянов И.Я.* Киевская Русь: Очерки социально-политической истории. С. 135.

⁴⁸⁶ ПСРЛ. Т. I. Стб. 407; См. также: ЛПС. С. 101.

⁴⁸⁷ Заслуживает в этой связи следующее известие Московского свода 1479 г.: «Князь велики Всеволод посла в Киев ко князю Святославу Всеволодичю и к митрополиту Никифору Луку смиренного, прося собе в епископы Володимерю». См.: ПСРЛ. Т. XXV. С. 91.

⁴⁸⁸ ПСРЛ. Т. I. Стб. 408; ЛПС. С. 101.

⁴⁸⁹ Даже если предположить, что последовательность приезда нового епископа в названные города обусловлена степенью старшинства каждого из них,

то и в этом случае проживание владыки во Владимире едва ли подлежит сомнению. Приселков полагал, что епископ проживал там, где находился князь. (Приселков М.Д. История... С. 82).

⁴⁹⁰ ПСРЛ. Т. II. Стб. 633, 658, 667, 678-679, 679.

⁴⁹¹ Поэтому, наверное, он получил прозвище «Суздальский». См.: ПСРЛ. Т. II. Стб. 625, 666, 667, 683, 694, 702.

⁴⁹² ПСРЛ. Т. I. Стб. 408.

⁴⁹³ Житие св. Леонтия... С. 11.

⁴⁹⁴ Воронин Н.Н. «Житие Леонтия Ростовского»... С. 35.

⁴⁹⁵ ПСРЛ. Т. XV. Стб. 281-282.

⁴⁹⁶ Житие св. Леонтия... С. 8.

⁴⁹⁷ Там же.

⁴⁹⁸ Воронин Н.Н. «Житие Леонтия Ростовского»... С. 35.

⁴⁹⁹ Житие св. Леонтия... С. 12.

⁵⁰⁰ Там же. С. 13.

⁵⁰¹ Воронин Н.Н. «Житие Леонтия Ростовского»... С. 35.

⁵⁰² См.: Срезневский Н.И. Материалы для словаря древнерусского языка. Т. II. Стб. 1727.

⁵⁰³ Житие св. Леонтия... С. 12.

⁵⁰⁴ Воронин Н.Н. «Житие Леонтия Ростовского»... С. 35, 46.

⁵⁰⁵ Этот факт, по нашему мнению, не случаен. В нем заключена важная мысль: чудо, произошедшее в праздник святого, а не в какой-нибудь другой день, призвано свидетельствовать о божественном значении празднования и, следовательно, его необходимости.

⁵⁰⁶ Воронин Н.Н. «Житие Леонтия Ростовского»... С. 35-36.

⁵⁰⁷ Там же. С. 40-41.

⁵⁰⁸ Ключевский В.О. Жития святых... С. II. Прим. I.

⁵⁰⁹ Воронин Н.Н. «Житие Леонтия Ростовского»... С. 36.

⁵¹⁰ Житие св. Леонтия... С. 13.

⁵¹¹ Там же.

⁵¹² Там же.

⁵¹³ Там же. С. 13-14.

⁵¹⁴ ПСРЛ. Т. I. Стб. 371.

⁵¹⁵ Житие св. Леонтия... С. 14, 15.

⁵¹⁶ Цит. по: Воронин Н.Н. «Житие Леонтия Ростовского»... С. 37.

⁵¹⁷ Там же.

⁵¹⁸ Воронин Н.Н. «Житие Леонтия Ростовского»... С. 37-38.

⁵¹⁹ ЛПС. С. 112.

⁵²⁰ Приселков М.Д. История... С. 83-84.

⁵²¹ ПСРЛ. Т. I. Стб. 392.

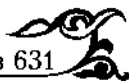
⁵²² Там же. Стб. 393.

⁵²³ Воронин Н.Н. «Житие Леонтия Ростовского»... С. 41.

⁵²⁴ ПСРЛ. Т. XXX. С. 75.

⁵²⁵ ПСРЛ. Т. I. Стб. 409.

⁵²⁶ Там же. Стб. 409-410.

⁵²⁷ Там же. Стб. 435–436.

⁵²⁸ Там же. Стб. 437.

⁵²⁹ Об этом, в сущности, говорится в нравоучениях летописца, приуроченных к пожару во Владимире в мае 1227 г.: «Се же наводит на ны Бог, веля нам имети покаянье и встягнутися от грех, от блуда и зависти, и грабленья, и насилья и от прочих злых дел неприязни» (ПСРЛ. Т. 1. Стб. 449). Социальные противоречия, сдерживаемые в обычное время, прорывались с шумом в дни стихийных бедствий, каковыми являлись пожары, часто возникавшие в древнерусских городах. К ним относились и голодные годы, обострявшие социальную рознь. Так, в 1214 г. «бысть глад велик по всей земли Суздальской, и многа зла сътворися» (ЛПС. С. 112). Об аналогичных последствиях голодных лет см.: Пашуто В.Т. Голодные годы в Древней Руси // Ежегодник по аграрной истории Восточной Европы 1962 г. Минск, 1964. См. также: главы 3 и 11 настоящей книги.

⁵³⁰ ПСРЛ. Т. I. Стб. 434.

⁵³¹ *Беляев И.Д.* Великий Князь Константин Всеволодович Мудрый // ЧОИДР. М., 1849. Кн. 3. С. 67.

⁵³² *Насонов А.Н.* Князь и город... С. 24.

⁵³³ *Корсаков Д.* Меря и Ростовское княжество... С. 154.

⁵³⁴ См.: *Фроянов И.Я.* 1) Об отношениях Новгорода с князем Всеволодом и народных волнениях 1209 г. // Генезис и развитие феодализма в России. Проблемы истории города / Под ред. И.Я. Фроянова. Л., 1988. С. 58–59; 2) Мятёжный Новгород: Очерки истории государственности, социальной и политической борьбы конца IX — начала XIII столетий. Л., 1992. С. 251.

⁵³⁵ Ср.: *Карамзин Н.М.* История Государства Российского. Т. II–III. С. 428; *Пресняков А.Г.* Образование Великорусского государства... С. 43.

⁵³⁶ *Пресняков А.Е.* Образование Великорусского государства... С. 43.

⁵³⁷ Там же. Примечателен в этой связи перечень сыновей Всеволода, читаемый на страницах Никоновской летописи в заключительной части княжеского некролога: «Сего сынове: Костянтин Ростовский, Борис, Юрьи, Ярослав, Володимер, Святослав, Иван» (ПСРЛ. Т. X. С. 65). В этом перечне только Константин привязан к городу и назван Ростовским, что, конечно же, не случайно.

⁵³⁸ ПСРЛ. Т. XXV. С. 108.

⁵³⁹ ПСРЛ. Т. VII. С. 117.

⁵⁴⁰ *Пресняков А.Е.* Образование Великорусского государства... С. 43.

⁵⁴¹ ПСРЛ. Т. X. С. 63.

⁵⁴² *Пресняков А.Е.* Образование Великорусского государства... С. 43.

⁵⁴³ *Татищев В.Н.* История Российская Т. III. С. 186; Т. IV. С. 342.

⁵⁴⁴ *Соловьев С.М.* Сочинения. Кн. 1. С. 585.

⁵⁴⁵ *Сергеевич В.И.* Русские юридические древности. Т. II. С. 78.

⁵⁴⁶ *Беляев И.Д.* Великий Князь Константин... С. 68.

⁵⁴⁷ *Корсаков Д.* Меря и Ростовское княжество... С. 155.

⁵⁴⁸ *Насонов А.Н.* Князь и город... С. 25.

⁵⁴⁹ ПСРЛ. Т. XXV. С. 108; См. также: ПСРЛ. Т. VII. С. 117.

⁵⁵⁰ ПСРЛ. Т. X. С. 64.

⁵⁵¹ Там же.

⁵⁵² *Фроянов И.Я., Дворниченко А.Ю.* 1) Возникновение и развитие города-государства в Северо-Восточной Руси XI – начала XIII в. // Историко-археологическое изучение Древней Руси. Итоги и основные проблемы. Л., 1988. С. 174–175; 2) Города-государства Древней Руси. С. 248.

⁵⁵³ ЛПС. С. 110. См. также: ПСРЛ. Т. XXX. С. 83.

⁵⁵⁴ Показательна в этом отношении сцена приезда Ярослава в Переяславль. «Братия переяславци, — обратился к горожанам Ярослав, — се отец мой иде к Богови, а вас удал мне, а мене вдал вам на руце, да рците ми, братия, аще хотите мя имети себе, яко же иместе отца моего, и головы своя за мя ложити». Люди отвечали: «Велми, господине, тако буди, ты нашъ господин, ты Всеволод» (ЛПС. С. 110).

⁵⁵⁵ *Сергеевич В.И.* Русские юридические древности. Т. II. С. 78.

⁵⁵⁶ ЛПС. С. 110. Только предаваясь фантазии можно вообразить, что ростовцы отправились во Владимир без своего князя. Более того, отказ Константина приехать туда был, по нашему мнению, в значительной степени обусловлен позицией ростовской общины. Данное предположение согласуется с последующими событиями.

⁵⁵⁷ *Соловьев С.М.* Сочинения. Кн. I. С. 585.

⁵⁵⁸ См.: *Лимонов Ю.А.* Владимиро-Суздальская Русь... С. 106.

⁵⁵⁹ См. С. 561 настоящей книги.

⁵⁶⁰ *Татищев В.Н.* История Российская Т. III. С. 187.

⁵⁶¹ ЛПС. С. 110; ПСРЛ. Т. X. С. 65; Т. XXV. С. 109.

⁵⁶² ЛПС. С. 111.

⁵⁶³ ПСРЛ. Т. X. С. 65–66; Т. XXV. С. 109.

⁵⁶⁴ ЛПС. С. 111.

⁵⁶⁵ Там же. С. 112.

⁵⁶⁶ Там же. С. 111.

⁵⁶⁷ Старейшинство Константин получил с помощью новгородцев, предводительствуемых Мстиславом Удатным. Они же добыли Константину и Владимир, посадив его там на княжение. См.: ПСРЛ. Т. I. Стб. 492–501; НПЛ. С. 56, 257.

⁵⁶⁸ ПСРЛ. Т. I. Стб. 438; Т. XV. Стб. 314; ЛПС. С. 112.

⁵⁶⁹ ПСРЛ. Т. I. Стб. 438.

⁵⁷⁰ ЛПС. С. 112.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Наше исследование общественных отношений и борьбы за власть в Древней Руси завершается. Какие выводы вытекают из него? В чем основные итоги проделанной работы? Конечно, люди Древней Руси не жили тихо и безмятежно, не зная общественных бурь и потрясений. Народные волнения на Руси — не редкость. Особенность их в том, что они охватывали свободное население, относительно единое и не разделенное еще на феодальные классы, хотя и неоднородное в имущественном и социальном отношениях. Богатство и знатность, с одной стороны, бедность и понижение общественного статуса рядовых общинников, горожан и селян, с другой, — порождали противоречия, выливавшиеся в сопротивление народа произвольным поборам и повинностям, изобретаемым правителями в целях личного обогащения, в противодействие кабале и ростовщичеству, разъедавшим, как ржавчина, древнерусское общество. Эти противоречия вызывали чувство протеста у низов, недовольных своим положением.

Народные выступления в Древней Руси часто не поддаются однозначной трактовке, поскольку сложны по характеру, что объясняется сложностью переходной эпохи, переживаемой Русью вплоть до Батыева нашествия. Да и во времени вырисовывается достаточно полная и насыщенная красками картина. Выяснилось, в частности, что эта борьба имеет свою предысторию, уходящую в первобытность. Аналогом общественной борьбы следует, по всей видимости, считать столкновения первобытных людей, происходившие при смене хозяйственных укладов, сопровождавшейся ломкой старых общественных институтов, нарушением привычных связей, переменами в религиозной сфере, что приводило к внутренним раздорам и конфликтам.

Подобием борьбы за власть была борьба межплеменная, сопровождавшая процесс формирования первичных племенных объединений и так называемых супер-союзов, включающих племена, входящие уже в союзную организацию. Конкретным ее выражением являлось сопер-

ничество за лидерство в межплеменном союзе, в результате чего одно из племен приобретало власть над остальными племенами. Именно так создавался в Восточной Европе всеславянский межплеменной союз под гегемонией Киева.

Разложение родоплеменного строя, явственно обозначившееся на переломе X–XI вв., резко усилило напряженность в восточно-славянском обществе. С падением рода оказались подорванными устои родовой защиты, внутренний мир и безопасность были нарушены. Исчезновение одних традиционных институтов (совет старейшин¹), ослабление и преобразование других (племенное вече) сказались отрицательно на управлении обществом. В общественной жизни множились насилия, произвол, преступления. Разбои, т.е. покушения на личность, стали заурадным явлением. В этих условиях возрастает роль княжеской власти, взявшей на себя в значительной степени попечение о внутреннем мире и безопасности, что поставило князя в исключительное положение по отношению к обществу, возвысив его над людской массой². Разумеется, такое преимущество князя могло сохраняться, покуда не окрепла волостная община, появившаяся на месте распавшегося племенного союза. По мере ее роста все активнее становились притязания формирующегося земства в лице народного собрания-веча на верховную власть. Завязалась борьба между князем и вечем за обладание этой властью. Отсутствие соответствующих показаний источников XI в. не позволяет проследить за фактическим развитием соперничества княжеского и земского начал. Исследователь получает возможность судить о нем только по конечным результатам, невольно фиксируемым летописцами, повествующими о наиболее ярких и драматических моментах политического бытия Древней Руси. Сюда относятся описания событий 1068 г. в Киеве, когда вече совершило, пользуясь современным языком, государственный переворот, низложив князя Изяслава и вместо него избрав Всеслава Полоцкого. В 1113 г. киевская вечевая община еще раз утверждает свое завоеванное в упорной борьбе право на избрание князя, превращая это право в инструмент, посредством которого осуществлялись, как правило, передвижки на княжении в поднепровской столице. И тут Киев, пожалуй, шел впереди других волостных центров.

¹ См.: *Магродин В.В., Фроянов И.Я.* «Старцы градские» на Руси X в. // *Культура средневековой Руси*. Л., 1974. С. 32–33.

² См.: *Фроянов И.Я.* К истории зарождения Русского государства // *Из истории Византии и византиновения*. Л., 1991. С. 81–82.

К середине XII в. состязание князя и веча заканчивается победой земщины повсеместно. Отсюда, впрочем, не следует, будто распри князя с земством прекратились. Они продолжались, но при очевидном превосходстве городской общины, хотя порою успех сопутствовал и князю.

Политические конфликты князя и веча — лишь одна из граней внутриобщинной борьбы. Социальные противоречия также приводили к «мятежам» и «голкам». Нередко волнения городского и сельского люда происходили на религиозной и бытовой почве. Необходимо отметить, что довольно часто в одних и тех же событиях присутствуют элементы социальной и политической борьбы, религиозных выступлений и бытовых коллизий, составляющие запутанное переплетение, разобраться в котором бывает нелегко. Иными словами, эти элементы не являются перед историком в чистом виде, а представляют собой некую слитность, нерасчлененность, что выдает незрелость борьбы общественных сил в Древней Руси.

Сложный характер внутриобщинной борьбы усугубляли межобщинные распри, — волостные и межволостные. К первым надо отнести стычки старших городов с пригородами, стремившимися к независимости и созданию собственной волости, или города-государства, а ко вторым — вражду соседних волостей друг с другом. Все это, соединяясь, дало сплав, полученный в горниле общинной жизни градов и весей Русской земли.

СПИСОК ПРИНЯТЫХ СОКРАЩЕНИЙ

ЖМНП – Журнал Министерства народного просвещения

ЛПС – летописец Переяславля Суздальского

НПЛ – Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов

ПВЛ – Повесть временных лет

ПЛДР – Памятники литературы Древней Руси

ПРП – Памятники русского права

ПСРЛ – Полное собрание русских летописей

Свод – Свод древнейших письменных известий о славянах

СлРЯ XI–XIV вв. – Словарь древнерусского языка XI–XIV вв.

ЧОИДР – Чтения в Обществе истории и древностей российских

ПРИЛОЖЕНИЯ

ХРОНОЛОГИЯ

- 2-я пол.
I века — Святой апостол Андрей Первозванный прошел всю Русь от Корсуни до Валаамских островов. Проходя по Днепру, он остановился на Киевских горах, благословил это место, водрузил на них Крест и предсказал принятие веры будущим жителям Руси.
- VI век — Правление в Киеве братьев Кия, Щека, Хорива и сестры их Лыбеди
- 838 — Первое достоверно известное русское посольство в Константинополь (Царьград). Русь устанавливает мирные взаимоотношения с Ромейской Империей.
- 839 — Посольство кагана русов в Ингельгейм ко двору императора Людовика I Благочестивого.
- 840 — Русы разграбили Амастриду, богатый торговый город в Пафлагонии (Малой Азии).
- 859 — Первое летописное упоминание Новгорода.
- 860 — Поход русов на Царьград, пригороды и окрестности которого были подвергнуты разорению.
- 862–879 — Правление Князя Рюрика в Новгороде. 862 считается датой возникновения единого Русского государства.
- 862 — Первое упоминание в летописях Муром, Полоцка, Смоленска, Ростова, Белозерска, Изборска и Киева.
- 864–869 — Войны русов с булгарами, полочанами, печенегам и кривичами.
- 865 — Установление в Киеве власти варягов Аскольда и Дира, посланными Князем Рюриком из Новгорода.
- 866 — Аскольдово Крещение Руси, строительство в Киеве церкви в честь святителя Николая Чудотворца. Поход Аскольда и Дира на Царьград.
- 879–912 — Правление в Новгороде, а затем в Киеве Князя Олега.

- 882 — Объединение Новгорода и Киева под властью Князя Олега. Перенос столицы из Новгорода в Киев.
- 883–885 — Подчинение Князем Олегом кривичей, древлян, северян и радимичей. Формирование территории Русского государства со столицей в Киеве.
- 907 — Русско-ромейская война — победоносный поход древнерусского Князя Олега на Константинополь. После победы Олег заключил в Константинополе мир на очень выгодных условиях: приходящие в город русские фактически находились на содержании греческих властей и не платили пошлин.
- 911 — Заключение нового договора Руси с Ромейской Империей, который восстанавливал дружественные отношения государств, определял порядок выкупа пленных, наказания за уголовные преступления, совершенные греческими и русскими купцами на территории Империи ромеев, правила ведения судебного процесса и наследования, создавал благоприятные условия торговли для русских и греков, изменял береговое право (вместо захвата выброшенного на берег судна и его имущества владельцы берега обязывались оказывать помощь в их спасении).
- 912–946 — Правление в Киеве Князя Игоря.
- 913 — Восстание в земле древлян, не желавших платить дань Киевскому Князю. Восстание было подавлено в 914 войском Князя Игоря.
- 913–914 — Походы русов на хазар по Каспийскому побережью Закавказья. Войско Князя Игоря дошло до территории современного Баку.
- 915 — Первое появление на территории Древнерусского государства печенегов, с которыми был заключен мирный договор, оказавшийся впоследствии непрочным.
- 920 — Поход Князя Игоря на печенегов.

- p>941 – 1-й поход Князя Игоря на Царьград. Поход был неудачным, флот Игоря был рассеян у входа в Босфор ромейской эскадрой, применившей греческий огонь, после чего боевые действия продолжались еще 3 месяца на Черноморском побережье Малой Азии. 15 сентября 941 русский флот был окончательно разгромлен у берегов Фракии при попытке прорваться на Русь.
- 943 – 2-й поход на Царьград. Князь Игорь собрал новое войско с участием печенегов и повел в поход на Дунай к северным границам Ромейской Империи. Военных столкновений в этот раз не было, греки заключили мирный договор с Игорем, выплатив дань.
- 944 – Русско-греческий договор, регулировавший условия пребывания и торговли русских купцов в Империи ромеев, определявший точные суммы денежных штрафов за различные проступки и устанавливавший суммы выкупа за пленников. Было сформулировано положение о военной взаимопомощи между русским Великим Князем и Ромейскими Императорами.
- 945 – Князь Игорь убит древлянами при попытке вторично собрать с них дань.
- 946–957 – Княжение Ольги как регента при малолетнем Князе Святославе. Ольга установила систему «погостов» – центров торговли и обмена, в которых более упорядоченно происходил сбор податей; затем по погостам стали строить храмы. Княгиня Ольга положила начало каменному градостроительству на Руси (первые каменные здания Киева – городской дворец и загородный терем Ольги), со вниманием относилась к благоустройству подвластных Киеву земель – новгородских, псковских, – расположенных вдоль р. Десны, и др.
- 946 – Княгиня Ольга возглавила войско полянской общины против их данников древлян, убивших Князя Игоря. Сначала дважды были перебиты прибывшие в Киев древлянские послы, а затем Ольга вышла с войском в поход. Киевская дружина победила древлян в бою,

Княгиня Ольга прошла по Древлянской земле, установила дани и налоги, после чего вернулась в Киев.

- 955 — Поездка Ольги в Царьград и ее крещение с именем Елена. Крестным отцом русской княгини стал Ромейский Император Константин Багрянородный.
- ок. 960–972 — Правление Князя Святослава Игоревича, убежденного язычника, который, несмотря на уговоры матери принять христианство, «и не думал прислушаться к этому; но если кто собирался креститься, то не запрещал, а только насмеялся над тем» (ПВЛ).
- 964–966 — Походы Князя Святослава на Волжскую Булгарию, хазар, ясов, касогов и вятичей.
- 965 — Разгром войска Хазарского каганата в низовьях Волги.
- 967–971 — Великий Князь Святослав по просьбе Ромейской Империи совершил набег на Болгарское царство, но скоро вернулся в Киев, осажденный печенегами. В 969 Князь Святослав снова напал на Болгарию и подчинил себе восточную часть Болгарского царства, ослабленного внутренним расколом, а затем в 970 напал на владения Ромейской Империи во Фракии. В 970–971 Ромейский Император Иоанн I Цимисхий вел войну против русов и подчиненных им болгар, вынудив Святослава в результате отступить из Болгарии.
- 969 — Смерть Княгини Ольги.
- 972 — Гибель Великого Князя Святослава Игоревича на Днепровских порогах в бою с печенегами при возвращении из Болгарии.
- 972–980 — Правление в Киеве Великого Князя Ярополка Святославича. По некоторым данным, Князь Ярополк испытывал симпатии к христианству, при нем в Киеве существовала церковь.

- p>977–980 – Междоусобные войны за владение Киевом между сыновьями Великого Князя Святослава Игоревича – Ярополком, Олегом и Владимиром.
- 980 (по др. данным – 978) – 1015 – Правление на Руси святого равноапостольного Великого Князя Владимира. Новый Киевский Князь принял меры к реформированию языческого культа и воздвиг в Киеве капище с идолами шести главных богов славянского пантеона. Во время языческих гонений в Киеве погибли одни из первых христианских мучеников на Руси – варяги Феодор и Иоанн.
- 981 (по др. версии – 979) – Владимир воевал с польским князем Мешко I за приграничную Червенскую Русь. Завоевание Червена и Перемышля.
- 981–982 – Великий Князь Владимир совершил поход на вятичей, который закончился обложением данью.
- 983 – Владимир Святославич покорил балто-литовское племя ятвягов и установил контроль над Судовией, что открывало путь к Балтике.
- 984 – Киевский Князь Владимир совершил поход на радимичей, чьи владения располагались между Киевом и новгородскими землями. Покорение радимичей объединило северные и южные регионы Руси.
- 985 – Князь Владимир воевал с «булгарами» (Волжской Булгарией). Одержав победу, Владимир заключил с булгарами мир на выгодных для Руси условиях. В том же году он обложил данью Хазарию.
- 988 – Князь Владимир Святославич покорил земли Таманского полуострова и посадил своего сына Мстислава (Храброго) на княжение в Тмутаракани.
- 988 – Крещение киевлян в водах Днепра. Этому важнейшему в истории Руси событию предшествовало несколько событий духовного и политического порядка. Накануне Князь Владимир принимал разных миссионеров (иудеев, латинян и православных греков) и держал

совет со своими боярами, какую веру в единого Бога принять русским. Вскоре после этого русские войска заняли крупную греческую колонию Корсунь (Херсонес), возможно за невыполнение политических обязательств Ромейских императоров Василия II и Константина VIII перед Князем Владимиром. Князь готов был отдать Корсунь за Анну, сестру императоров, как вено за невесту. Однако греческие царицы по канонам Ромейской Империи не имели права выходить за язычника. В Корсунь Владимир внезапно ослеп, что окончательно привело к осознанию истинности Православия и принятию им крещения. Царица Анна стала его женой. Таким образом, Князь принес веру на Русь и крестил киевлян не только как дальновидный политик, стремящийся к культурному единству и династическим связям с сильными христианскими державами, но, в первую очередь, как горячо верующий христианин.

- 989 — Крещение новгородцев.
- 990-е — В Киеве по повелению Великого Князя Владимира возводится Десятинная церковь (церковь Успения Богородицы) — первая каменная церковь Древней Руси, воздвигнутая на месте кончины первомучеников Феодора и его сына Иоанна.
- 991 — Поход в днестровские земли против белых хорватов.
- 992 — Успешная война с Польшей за Червенскую Русь.
- 994–997 — Владимир повторил поход против волжско-камских булгар и двинулся на Северный Кавказ.
- 1010 — Основание Ярославля.
- 1015 — Кончина святого равноапостольного Великого Князя Владимира от внезапной болезни.
- 1015–1019 — Княжение в Киеве Святополка Окаянного. Войны за Великокняжеский престол.

- 1015 — По приказу Великого Князя Святополка убиты три его сводных брата, князья: Ростовский Борис, Муромский Глеб и Древлянский Святослав. Благоверные Князья Борис и Глеб (в крещении Роман и Давид) стали первыми русскими святыми, почитание которых началось сразу после их кончины.
- 1016 — Князь Ярослав выступил с новгородским и варяжским войском против своего брата Святополка. Под Любечем на Днепре войска Киевского Князя были разбиты и сброшены в реку, Ярослав Владимирович захватил Киев.
- 1016 — Разгром Хазарского каганата Ромейской Империей с помощью князя Мстислава Владимировича.
- 1016 (по др. данным — 1036) — Создание «Древнейшей правды» («Правды Ярослава»), новгородского правового кодекса, вошедшего впоследствии в Русскую Правду.
- 1018 — Святополк Владимирович и его тесть, Польский князь Болеслав I Храбрый, двинулись в поход на Киев во главе польского войска при поддержке печенегов. Польское войско под командой Болеслава разбило новгородцев на Буге, Князь Ярослав снова бежал в Новгород.
- 1019 — Битва на р. Альте — окончательное поражение Великого Князя Святополка Окаянного в борьбе с Князем Ярославом Владимировичем. Святополк Владимирович бежал к печенегам, дальнейшая судьба его неизвестна.
- 1019–1054 — Правление святого благоверного Великого Князя Ярослава Мудрого. В годы своего правления Ярослав Мудрый создает Русскую Правду — первый общерусский правовой кодекс.
- 1019 — Женитьба Ярослава Владимировича на дочери шведского короля Олафа Шётконунга — Ингегерде (Ирине). В качестве дара от мужа Ингегерда получила Альдейгаборг (Ладога) с прилегающими землями.

- 1022 — Победа князя Мстислава Храброго над касогами (черкесами).
- 1023–1025 — Война Мстислава Храброго и Великого Князя Ярослава за великое княжение. Победа Мстислава Храброго в битве под Лиственном (1024).
- 1023 — Брат Ярослава — Тмутараканский Князь Мстислав — напал со своими союзниками — хазарами и касогами — и захватил Чернигов и все Левобережье Днепра.
- 1024 — Мстислав победил войска Ярослава под руководством варяга Якуна (Гакона) под Лиственном (возле Чернигова). Мстислав перенес свою столицу в Чернигов и предложил бежавшему в Новгород Ярославу разделить с ним земли по Днепру и прекратить войны. В том же году произошло первое на Руси восстание волхвов, вызванное голодом.
- 1026 — Великий Князь Ярослав, собрав большое войско, вернулся в Киев и заключил мир у Городца с братом Мстиславом. Братья разделили земли по Днепру: левобережье сохранялось за Мстиславом, а правобережье — за Ярославом. Ярослав, будучи Великим Князем Киевским, до 1036 предпочитал находиться в Новгороде.
- 1026 — Покорение Ярославом Мудрым прибалтийских племен ливов и чуди.
- 1030 — Основание Юрьева в Чудской земле.
- 1030 — Начало строительства Спасо-Преображенского собора в Чернигове.
- 1036 — Смерть Черниговского князя Мстислава Храброго. Объединение Руси под властью Великого Князя Киевского Ярослава Владимировича.
- 1036 — Князь Ярослав одержал победу над печенегам и этим освободил Русь от их набегов.

- ul style="list-style-type: none; padding-left: 0;">
- 1037 — В память о победе над печенегамы Великий Князь заложил знаменитый собор Святой Софии в Киеве. Для росписи храма были вызваны художники из Константинополя.
- 1037–1050 — Создание святителем Иларионом «Слова о Законе и Благодати» — замечательного памятника древнерусской литературы.
- 1038 — Победа Ярослава Мудрого на ятвягами.
- 1040 — Война русов с литовцами.
- 1041 — Поход русов на финское племя ямь.
- 1042 — Князь Ярослав Мудрый оказал большую помощь в борьбе за польский королевский трон внуку Болеслава Храброго — Казимиру I. Казимир взял в жены сестру Ярослава — Марию, ставшую польской королевой Добронегой. Сын Ярослава Изяслав женился на сестре Казимира — Гертруде. Этими браками был закреплён союз с Польшей.
- 1043 — Ярослав Мудрый. За убийство одного знатного русского в Царьграде послал сына своего Владимира совместно с Харальдом Суровым и воеводой Вышатой в поход на Императора Константина Мономаха (последний поход русских на Империю ромеев). Поход был неудачным, и в 1046 был подписан мирный договор с греками.
- 1045 — Начало строительства Софийского собора в Новгороде.
- 1048 — В Киев прибыли послы Генриха I Французского просить руки дочери Ярослава, Анны.
- 1051 — Впервые на митрополичью кафедру в Киеве поставляется русский по происхождению архиерей без ведома Константинопольского патриарха. Митрополитом Киевским стал святитель Иларион.
- 1051 — Основание мужского Киево-Печерского монастыря.

- 1054 — Кончина святого благоверного Князя Ярослава Владимировича Мудрого в Вышгороде.
- 1054–1078 — Правление Великого Князя Изяслава Ярославича (фактический триумvirат Князей — Киевского Изяслава, Черниговского Святослава и Переяславского Всеволода). Русь оказалась поделена между детьми Ярослава Мудрого, в каждом из княжеств была учреждена своя митрополия. Создание «Правды Ярославичей» — второй части Русской Правды.
- 1055 — Торки совершили набег на Переяславль и были разбиты. В этом набеге Русь впервые столкнулась с половцами, и с ними был подписан мирный договор о границах, установивший нейтральную полосу между Древней Русью и Половецкой землей.
- 1056–1057 — Создание «Остромирова Евангелия» — древнейшей датированной рукописной русской книги.
- 1057 — Русь оказала Ромейской Империи военную помощь в Армении против турок-сельджуков.
- 1058 — Великий Князь Изяслав завоевал земли балтского племени голядь в бассейне р. Протвы.
- 1060 — Поход Изяслава Ярославича на торков.
- 1061 — Первый набег половцев на Русь. Кочевники разорили Переяславское княжество.
- 1064 — Солнечное затмение.
- 1066 — Появление кометы.
- 1067 — На берегу р. Черехи Полоцкий князь Всеслав Бряславич разбил войско Новгородского князя Мстислава Изяславича и занял Новгород. В том же году против него выступили совместно правившие трое Ярославичей — Изяслав, Святослав и Всеволод. В битве на Немиге Всеслав потерпел поражение, а затем был захвачен в плен.

- p>1068 — Новый набег половцев на Русь. Битва на р. Альте близ Переяславля между русскими дружинами князей Изяслава Ярославича, Святослава Ярославича и Всеволода Ярославича и половецкими войсками во главе с Шаруканом Старым. Русские князья потерпели поражение. В том же году в результате восстания киевлян Изяслав Ярославич был свергнут с Великокняжеского Престола и бежал в Польшу к своему племяннику, князю Болеславу II.
- 1068–1069 — Великое Княжение Всеслава Бряславича в Киеве.
- 1069 — Возвращение Изяслава Ярославича в Киев при поддержке польских войск. Впереди себя в Киев князь послал сына Мстислава, и тот учинил расправу над зачинщиками восстания.
- 1071 — Восстания волхвов в Новгороде и на Белоозере.
- 1072 — Составлена «Правда Ярославичей» — вторая часть Русской Правды.
- 1073 (или несколько раньше) — Распался «триумвират» Ярославичей; младшие братья — Святослав и Всеволод — вступили в заговор против Изяслава. Святослав Черниговский захватил Киев, и Изяслав вновь бежал в Польшу, а затем в Германию.
- 1073 и 1076 — Создание двух «Изборников Святослава». В состав первого «Изборника» вошли преимущественно извлечения из Отцов Церкви (Нила Синайского, Анастасия Синаита, Иоанна Лествичника, Иоанна Златоуста и др.), а также статья ромейского писателя Георгия Херобоска «О образех». Второй «Изборник», кроме отрывков из сочинений ромейских Отцов Церкви, содержит в себе переведенные с греческого отрывки из житийной литературы, библейских книг, сборников изречений, «Поучения» диакона Агапита.
- 1076 — Кончина Великого Князя Святослава Ярославича. Ставший его единоличным преемником Всеволод

Ярославич примирился со старшим братом Изяславом и вернул ему киевское княжение, а сам удалился в Чернигов.

- 1077 — Начало новой междоусобной войны. Против дядей — Изяслава и Всеволода — восстали их племянники: сын Святослава, князь Тмутараканский Олег Святославич, претендовавший на черниговский стол, и князь-изгой Борис Вячеславич.
- 1078 — В битве на Нежатиной Ниве под Черниговом коалиция Ярославичей одержала победу: князь Олег бежал, а князь Борис был убит. Ближе к концу сражения погиб Великий Князь Изяслав Ярославич.
- 1078–1093 — Правление Великого Князя Всеволода Ярославича — первого правителя Киева, использовавшего титул «Князь Всея Руси». Его правление было омрачено набегами половцев и постоянными междоусобными войнами между племянниками и двоюродными внуками Всеволода. Всеволод Ярославич был одним из самых образованных людей своего времени, владел пятью языками.
- 1079 — Князь Олег Святославич с братом Романом вновь двинул из Тмутаракани на Киев, но Всеволод подкупил половцев, которые убили Романа, а Олега отправили на о. Родос, где тот пробыл еще пятнадцать лет. Тмутаракань перешла под контроль Киева.
- 1087 — По инициативе Великого Князя Киевского на Руси был установлен праздник перенесения мощей св. Николая Мирликийского в Бари («Никола вешний»), неизвестный греческой церкви.
- 1092 — Засуха в русских землях, вызвавшая голод и смертельные болезни.
- 1093 — Кончина Великого Князя Всеволода Ярославича в Вышгороде под Киевом.
- 1093–1113 — Правление Великого Князя Святополка Изяславича.

- p>1093–1095 – Война Руси с половцами. Половцы дважды разбили войско Киевского Князя и сожгли Торческ, а жителей увели в плен.
- 1095–1096 – Междоусобная борьба князей Святополка Изяславича и Владимира Мономаха с князем Олегом Святославичем и его братьями за Ростово-Суздальское, Черниговское и Смоленское княжества.
- 1096 – Новые набеги половцев на Русь. Кочевники разорили киевские монастыри – Печерский, Стефанов и Германов.
- 1097 – Любечский съезд князей. Князья договорились о примирении и о закреплении вотчин за князьями на основе вотчинного права. Таким образом, произошло дробление государства на удельные княжества. Муромское княжество выделилось из Черниговского. Договоренности были закреплены целованием креста. Вскоре после съезда Давыд Игоревич при поддержке Киевского Князя Святополка захватил в плен и ослепил Теревольского князя Василька Ростиславича. Святополк обманом заманил последнего в Киев. Двоюродные братья Святополка – Владимир Мономах, Давид и Олег Святославичи, – возмущенные этим поступком, собрались на съезд в Городце и под угрозой войны потребовали от Святополка изгнания Давыда.
- 1099 – Святополк Изяславич идет войной на князя Давида Всеволодовича и занимает Владимир Волынский, однако в битве при Рожни проигрывает войску его братьев и бежит в Киев.
- 1100 – Витичевский съезд князей (съезд в Уветичах). Князья «сотворили мир меж собою», что позволило им объединить силы и совершить в последующие годы несколько крупномасштабных походов на половцев. Давид Игоревич лишился княжения во Владимиро-Волынском.

- 1103 — Первый успешный совместный поход русских князей на половцев. Походу предшествовал Долобский съезд князей. Русские захватили богатую добычу: скот, овец, коней, верблюдов и вежи с имуществом и челядью — и вернулись из похода с пленными и «славою великою». В том же году в Новгороде была заложена церковь Благовещения на Городище.
- 1106 — Победа русского войска над половцами на Дунае.
- 1107 — Битва с половцами на р. Суле. Половецкий хан Боняк разбит русскими войсками. В то же время волжские булгары разграбили окрестности Суздаля.
- 1108 — Основание Владимира на Клязьме как крепости для защиты Суздальского княжества от набегов черниговских князей.
- 1109 — Боярин Владимира Мономаха Дмитр Иворович с полком взял у Дона (Донца) 1000 половецких вож (шатров).
- 1111 — Владимир Мономах опять убедил Святополка и Давыда Святославича устроить большой поход против половцев. В битве при Сальнице русские князья разбили половцев и взяли много пленных, после чего возвратились из Степи на Русь.
- 1113 — После болезни скончался Великий Князь Киевский Святополк Изяславич. В Киеве вспыхнуло восстание зависимых (кабальных) людей, и киевляне призвали на великое княжение Владимира Мономаха. Новый Князь установил мир законодательным путем, улучшив положение киевлян. Так возник «Устав Владимира Мономаха», или «Устав о резах», вошедший в состав пространной редакции Русской Правды. К тому же году относится создание первой редакции «Повести временных лет».
- 1113–1125 — Правление святого благоверного Великого Князя Владимира Всеволодовича Мономаха. При нем стабильность в государстве держалась на авторитете само-

го Мономаха, наличии общего врага — половцев — и концентрации всей полноты власти в руках Великого Князя. До нас дошли три литературных произведения Владимира Мономаха: «Поучение», автобиографический рассказ о «путях и ловах» и письмо к двоюродному брату Олегу Святославичу.

- ul style="list-style-type: none; padding-left: 0;">
- 1113 — Начало строительства в Новгороде Николо-Дворищенского собора.
- 1116–1118 — Создание второй редакции «Повести временных лет».
- 1117 — Мономах отзывает своего старшего сына Мстислава из Новгорода в Белгород. В следующем году Великий Князь вызвал новгородских бояр в Киев и привел их к присяге.
- 1118 — Владимир Мономах в союзе с Ростиславичами изгнал Ярослава из Владимира-Волынского, Волынским князем стал Роман Владимирович, а после его смерти в 1119 — Андрей Владимирович Добрый. Ярослав пытался вернуть владения с помощью венгерских и польских войск, а также перешедших на его сторону Ростиславичей, но безуспешно.
- 1119 — Великий Князь Владимир Всеволодович силой оружия завладел Минским княжеством.
- 1125 — Смерть Великого Князя Владимира Мономаха.
- 1125–1132 — Правление Великого Князя Мстислава Владимировича Великого.
- 1125–1157 — Княжение Юрия Владимировича Долгорукого в Ростово-Суздальском княжестве.
- 1126 — Первые выборы посадника в Новгороде.
- 1127 — Мстислав совершил первый поход на Полоцкое княжество: были взяты и разграблены Стрежев, Лагожск, Изяславль, а в Полоцке князь Давыд Всеславич заменен братом Рогволодом, который умер в 1128.

- 1127–1159 — Княжение в Смоленске Ростислава Мстиславича. Расцвет Смоленского княжества.
- 1128 — Голод в Новгородской, Псковской, Суздальской, Смоленской и Полоцкой землях.
- 1129 — Новый поход Мстислава Великого на Полоцкое княжество. Полоцкая земля стала уделом сына Мстислава — князя Изяслава.
- 1129 — Выделение Рязанского княжества из состава Муромско-Рязанского княжества.
- 1132 — Великий Князь Мстислав умер, передав трон своему брату Ярополку. Этот год считается датой распада Древнерусского государства.
- 1132–1139 — Правление Великого Князя Ярополка Владимировича. Упадок власти Великого Князя Киевского.
- 1135–1136 — Волнения в Новгороде, следствием которых стало изгнание святого благоверного князя Всеволода Мстиславича. Приглашение в Новгород Святослава Ольговича. Эти события упрочили принцип приглашения вечем князя в Новгород.
- 1137 — Отделение Пскова от Новгорода, образование Псковского княжества. Псковичи пригласили на княжение князя Всеволода, изгнанного из Новгорода.
- 1139 — Великое княжение Вячеслава Владимировича, продолжавшееся 8 дней. Киевский престол был захвачен Всеволодом Ольговичем.
- 1139–1146 — Правление на Киевском престоле Великого Князя Всеволода Ольговича.
- 1144 — Образование единого Галицкого княжества под властью князя Владимира Володаревича.
- 1146 — Начало ожесточенной борьбы княжеских группировок за Киевский престол (Мономаховичей, Ольговичей, Давидовичей).

- 1146–1154 — Правление Великого Князя Изяслава Мстиславича (с перерывами).
- 1147 — Киевляне совершили ритуальное убийство святого благоверного Князя Игоря Ольговича, отрекшегося от престола и принявшего монашеский постриг. Первое сохранившееся упоминание о Москве. Именно в ней брат Великого Князя Игоря Ольговича Святослав заключил союз с Князем Юрием Долгоруким и его сыном, благоверным князем Андреем Боголюбским против Князя Изяслава Мстиславича для наказания киевлян за убийство Князя Игоря.
- 1148–1153 — Княжение в Новгороде Ярослава Изяславича, сына Великого Князя Изяслава Мстиславича.
- 1149 — Юрий Долгорукий разбил Изяслава и выгнал его из Киева; теперь Изяслав решил возвести на престол Вячеслава и править от его имени, но, когда он пригласил Вячеслава на престол, тот предпочел объединиться с младшим братом Юрием, и они совместно одержали победу над племянником. Юрий хотел уступить Киевское княжение Вячеславу, но бояре отговорили его.
- 1150 — Изяслав, выступив с Волыни, изгнал Юрия Долгорукого из Киева. Вячеслав поспешно въехал в Киев и расположился на дворе Ярославовом. Но киевляне объявили, что хотят повиноваться только Изяславу. В том же году Юрий Долгорукий соединился с черниговцами и галичанами; теперь Изяслав сам предложил Вячеславу Киевский престол. В следующем году Изяслав одержал окончательную победу над Юрием Долгоруким и призвал Вячеслава на трон в Киев, после чего оба князя правили совместно до смерти Изяслава в 1154.
- Нач. 1150-х — Князь Юрий Долгорукий основал Переяславль-Залесский и Юрьев на поле (Юрьев-Польской). В том же году основана Кострома.
- 1153–1187 — Княжение в Галиче Ярослава Владимировича Осмомысла.

- 1154 – Основание Дмитрова Князем Юрием Владимировичем и с. Боголюбова его сыном, Князем Андреем Юрьевичем, на месте видения ему во сне Богородицы.
- 1154–1155 – Правление в Киеве Великого Князя Ростислава Мстиславича.
- 1155 – Смерть Князя Вячеслава Владимировича. Изяслав Давыдович с войсками Глеба Юрьевича, сына Юрия Долгорукого, и половцами разбил Ростислава и сам занял престол, однако скоро он был вынужден уступить его Юрию Долгорукому, приведшему сильное войско.
- 1155–1157 – Правление Великого Князя Юрия Владимировича Долгорукого. В течение всего его правления на Руси продолжалась междоусобная борьба.
- 1156 – Первые выборы епископа в Новгороде, когда владыкой избрали святого блаженного Аркадия, игумена Успенского монастыря.
- 1157 – Против Юрия сложилась коалиция из князей Мстислава Изяславича Волынского, Ростислава Мстиславича Смоленского и Изяслава Давыдовича Черниговского.
- 1157 – Смерть Юрия Долгорукого. Предположительно он был отравлен боярами. Великий Князь Юрий Владимирович был крайне непопулярен среди киевлян; сразу же после смерти хозяина его двор был разграблен народом.
- 1157–1174 – Правление во Владимире, Суздале и Ростове святого благоверного Князя Андрея Юрьевича Боголюбского (с 1169 – Великого Князя). Князь приглашал для строительства владимирских храмов западноевропейских зодчих. По его инициативе были учреждены в Русской Церкви праздники Нерукотворного образа Христа Спасителя (16 августа) и Покрова Пресвятой Богородицы (1 октября).
- 1157–1159 – Правление Великого Князя Изяслава Давыдовича в Киеве.

- 1158 — Начало строительства Успенского собора во Владимире-на-Клязьме.
- 1159 — Изяслав Давыдович изгнан из Киева Мстиславом Изяславичем Волынским и галицким войском. Киевским Князем стал Ростислав Мстиславич. В том же году Андрей Боголюбский захватил новгородский пригород Волок Ламский, основанный новгородскими купцами.
- 1159–1167 — Правление в Киеве Великого Князя Ростислава Мстиславича.
- 1160 — Восстание новгородцев против князя Святослава Ростиславича. Новгородцы пригласили на княжение племянника князя Андрея Владимировича, Мстислава Ростиславича. Тогда же князь Андрей предпринял неудачную попытку учредить на подвластных землях независимую от киевской митрополию.
- 1161 — По повелению Великого Князя Владимирского Андрея Боголюбского начата постройка белокаменного Успенского собора в Ростове.
- 1164 — Поход князя Андрея Боголюбского на волжских болгар. Был взят болгарский город Бряхимов и сожжено три других города. Тогда же шведы пришли завоевывать Ладогу, но были разбиты новгородцами в устье Волхова: из 30 их кораблей спаслось только 12.
- 1167–1169 — Княжение Мстислава Изяславича в Киеве.
- 1169 — Взятие Киева войсками Великого Князя Андрея Юрьевича Боголюбского. Стольный град был взят «копьем», т. е. приступом. В Киеве вокняжился младший брат Андрея Глеб, сам Андрей Юрьевич остался во Владимире, куда была перенесена столица Руси.
- 1170 — Поход Андрея Боголюбского на Новгород. Спасение Новгорода от иконы Богоматери «Знамение». Владимир-Суздальское войско было разбито, однако голод

в Новгородской земле принудил новгородцев заключить мир с Князем Андреем.

- 1172 — Второй поход русских князей на волжских булгар под руководством князя Мстислава Андреевича, сына Андрея Боголюбского. Князя со своими дружинами вошли в Булгарскую землю и начали грабежи, однако предпочли не вступать в бой с превосходящим по силам булгарским войском.
- 1173 — Неудачная осада Князем Андреем Юрьевичем Вышгорода.
- 1174 — Убийство боярами святого благоверного Великого Князя Андрея Боголюбского.
- 1174–1176 — Правление во Владимире Великого Князя Михаила Юрьевича. Междоусобицы и восстания горожан во Владимиро-Суздальском княжестве.
- 1176–1212 — Великое княжение Всеволода Большое Гнездо. Время расцвета Владимиро-Суздальского княжества.
- 1178 — Великий Князь Всеволод ходил войной в Новгородскую волость, сжег Торжок и Волок Ламский и с большой добычей вернулся во Владимир.
- 1180 — Начало междоусобиц и распада Смоленского княжества. Междоусобица Черниговского и Рязанского князей.
- 1180 и 1187 — Походы Великого Князя Всеволода Юрьевича на Рязань. Великий Князь дважды разорял Рязанскую землю.
- 1181 — Основание Вятки.
- 1183–1184 — Большой поход Владимиро-Суздальских князей под предводительством Всеволода Большое Гнездо на волжских булгар.

- ul style="list-style-type: none; padding-left: 0;">
- 1184 — Князья Южной Руси успешно ходили на половцев. Русские дружины разбили половецкое войско и взяли в плен хана Кобяка.
- 1185 — Неудачный поход Новгород-Северского князя Игоря Святославича на половцев, ставший основой для великой русской поэмы «Слово о полку Игореве».
- 1186 — Неурожай в новгородских землях.
- 1188 — Морской поход новгородцев совместно с карелами и эстами на побережье Швеции. Нападавшие взяли Ситгуну и вывезли из него богатую добычу.
- 1191 — Морской поход новгородцев совместно с карелами в Финляндию против шведов. Во время этого похода был занят Або.
- 1191 (по др. данным — 1194–1197) — Возведение Дмитриевского собора во Владимире по приказу Великого Князя Всеволода.
- 1193 — Избрание Новгородским архиепископом Мартирия, что стало началом выборности Новгородских владык.
- 1195 — Первый известный торговый договор Новгорода с городами Германии о взаимной свободной торговле и плавании Балтийским морем.
- 1196 — Восстановление Великим Князем Всеволодом Большое Гнездо новгородского права вольности о князьях. В том же году Великий Князь возглавил коалицию князей, безуспешно попытавшихся вынудить черниговских Ольговичей отказаться от претензий на Киев.
- 1198 — В Новгороде рядом с Городищем строится Спас-Нередицкая церковь. В том же году новгородцы покоряют удмуртов.
- 1199 — Объединение Князем Романом Мстиславичем Великим Галицкого и Волынского княжеств в единое Галицко-Волынское.

- 1202–1224 — Захват Орденом меченосцев русских владений в Прибалтике. Борьба Ордена с Новгородом, Псковом и Полоцком за Ливонию.
- 1207 — Князь Всеволод Юрьевич узнал, что Рязанские князья пошли на тайный сговор с Черниговскими, велел схватить их и в оковах отвезти во Владимир. Сам же с войском двинулся к Пронску, взял его и направился к Рязани. Рязанцы принесли повинную и выдали своих остальных князей. В Рязань был назначен сын Всеволода Ярослав, против которого рязанцы в 1208 составили заговор, узнав о котором Всеволод сжег и разграбил Рязань.
- 1207 — Безуспешная оборона крепости Кукейнос в среднем течении Западной Двины Князем Вячеславом Борисовичем («Вячко»), внуком Смоленского князя Давида Ростиславича. Крепость была взята меченосцами.
- 1209 — Первое упоминание в летописи о Твери.
- 1210–1218 — Княжение в Новгороде Мстислава Мстиславича Удатного.
- 1212 — Кончина Великого Князя Всеволода Большое Гнездо.
- 1212–1216 — 1-е правление во Владимире Великого Князя Юрия Всеволодовича. Уже на следующий год началась усобица между Юрием и его старшим братом Константином. На съезде в Юрьеве Константин и Юрий примирились, но в 1213 Константин опять задумал идти на Юрия, который, однако, сам подошел к Ростову и сжег здесь множество селений. Кровавопролитная битва на р. Ишне окончилась безрезультатно, и вскоре братья заключили мир.
- 1214 — Успешный поход на орден меченосцев Новгородского князя Мстислава Мстиславича.
- 1215 — Создание Владимирской епархии, независимой от Ростовской. Епископом Суздальским и Владимирским был поставлен игумен Симон.

- p>1216 – Липицкая битва — одна из самых крупных междоусобных битв в русской истории. Князя Мстислав Удатный и Константин Всеволодович разгромили великокняжеское войско Юрия Всеволодовича, тем самым решив исход борьбы двух сыновей Всеволода Большое Гнездо за княжение во Владимире.
- 1216–1218 – Великое княжение Константина Всеволодовича Ростовского во Владимире. Константин владел несколькими языками, любил книги «паче всякого имения» и собирал, «не щадя состояния» (в его библиотеке только греческих рукописей насчитывалось больше тысячи), ценил искусство, держал при себе «ученых мужей», занимавшихся переводами иноязычных текстов.
- 1217 – В ответ на набег волжских булгар Юрий послал большое войско под предводительством брата своего, Святослава, «воевать болгарскую землю»; оно дошло до Ошеля на Волге и сожгло его.
- 1218, 1229 – Смерть Великого Князя Константина Всеволодовича.
- 1218–1238 – 2-е правление Великого Князя Юрия Всеволодовича.
- 1219–1227 – Княжение Мстислава Удатного в Галиче.
- 1221 – Новгородцы во главе с Князем Всеволодом Юрьевичем совершают поход на замок Венден, один из центров ордена меченосцев. Тогда же русское войско безуспешно осаждает Ригу. В том же году Великий Князь Юрий Всеволодович основал Нижний Новгород — русский форпост против Волжской Булгарии. В новом городе Великий Князь построил деревянную церковь во имя Архистратига Михаила, а в 1225 заложил каменную Спасскую церковь.
- 1223 – Сокрушительное поражение в битве с татаро-монголами на р. Калке русско-половецкого войска под руководством князей Мстислава Киевского, Мстислава

Удатного и Мстислава Черниговского. Уцелела лишь десятая часть русских дружин, погиб Князь Мстислав Киевский. Это было первое столкновение русских с татаро-монголами.

- 1223 — Новгородцы во главе с князем Ярославом Всеволодовичем совершают поход на Ревель.
- 1224 — После длительной осады войсками ордена меченосцев взят Юрьев (Дерпт), при обороне города погиб князь Вячко.
- 1225 — Битва под Усвятом между войсками князя Новгородского Ярослава Всеволодовича и литовскими князьями, закончившаяся поражением литовцев.
- 1226, 1228, 1229 — Походы войска Великого Князя Владимирского на мордву.
- 1227 — Сожжение четырех волхвов в Новгороде.
- 1230 — Голод в Новгородской земле.
- 1232 — Усмирение мордвы войском князя Всеволода Юрьевича и князей Рязанских и Муромских.
- 1233 — Попытка рыцарей-меченосцев взять крепость Изборск.
- 1234 — В сражении на Омовже под Юрьевом войска ордена меченосцев потерпели поражение от Новгородского князя Ярослава Всеволодовича. Продвижение ордена на восток было приостановлено.
- 1236 — Вокняжение святого благоверного князя Александра Ярославича Невского в Новгороде.
- 1237–1238 — Нашествие татаро-монголов на Русь.
- 1237 — Татаро-монголы после шестидневной осады сожгли Рязань.
- 1237 — Князь Даниил Романович Галицкий под Дорогичином одержал победу над войском Тевтонского ордена. По-

сле этого поражения произошло объединение остатков ордена меченосцев и Тевтонского ордена. В том же году тевтонские рыцари вторглись в земли Пскова и Новгорода, захватив Псков, Изборск и Лугу.

- 1238 — Победа татаро-монголов в ожесточенной битве с объединенным русским войском у Коломны. Монголы, оставив осажденной Коломну, двинулись на Москву, взяли ее, а затем осадили Владимир. Город после непродолжительного сопротивления пал, погибла вся семья Великого Князя Юрия Всеволодовича. Монголы взяли также Тверь и осадили Торжок, однако дальше, в Северо-Восточную Русь, не пошли.
- 1238 — Поражение войска князей Северо-Восточной Руси в битве с татаро-монголами на р. Сити. Гибель святого благоверного Великого Князя Юрия Всеволодовича. Монголы подошли неожиданно, и русское войско не успело изготавиться к битве, было окружено и почти полностью погибло или попало в плен. В битве вместе с Великим Князем Юрием погиб Всеволод Константинович Ярославский, Василько Константинович Ростовский попал в плен и был впоследствии убит, Святославу Всеволодовичу и Владимиру Константиновичу Угличскому удалось спастись.

ПРЕДМЕТНЫЙ УКАЗАТЕЛЬ

А

Агора — рыночная площадь в древнегреческих городах, бывшая обычно также и центром общественной и политической жизни. На **А.** обычно проходили народные собрания, находились правительственные здания и храмы. Особенно знаменита **А.**, располагавшаяся к северо-западу от Акрополя в Афинах.

Аквитаны — кельтское племя, проживавшее в кон. I тыс. до Р.Х. в Галлии на территории будущей Аквитании (регион во Франции), от которой и происходит его название, между Пиренеями и р. Гаронной. **А.** были побеждены Юлием Цезарем и вошли в состав Римского государства.

Антануси — племя малагасийцев, живущее на крайнем юго-востоке о. Мадагаскар. Их имя буквально означает «люди острова».

Архангелогородский летописец (Устюжская летопись) — летопись, составленная в первой четверти XVI в. на Севере Руси и позднее дополненная (в списке Мацеевича текст доходит до 1620). Имеет характер общерусской летописи, но содержит и ряд местных известий. Начальная часть **А. л.** имеет ряд оригинальных известий, которые, по мнению многих ученых, являются отражением древней летописной традиции, не отразившейся в Повести временных лет (см. **Повесть временных лет**) и Новгородской Первой летописи (см. **Новгородская Первая летопись**).

Б

Балты — группа индоевропейских народов, говорящих на балтских языках. Балтские народы не имеют общего самоназвания, термин «балты» имеет научное «кабинетное» происхождение. До наших дней сохранилось два балтских народа: латыши и литовцы. Жившие к западу от них пруссы были покорены немецкими крестоносцами в XIII–XIV вв. и частью истреблены, а частью онемечены. В I тыс. до Р.Х. – I-й пол. I тыс. по Р.Х. **Б.** занимали значительные территории на севере Восточно-Европейской равнины: современную Белоруссию и

Верхнее Поднепровье вплоть до бассейна Оки. Здесь они встретились с продвигавшимися с юга славянами и были частью ассимилированы ими, частью вытеснены.

Банту — языковая семья в центральной и южной части Африки.

Барщинник — крепостной крестьянин, который отрабатывал барщину (работал на господском поле).

Берендеи — одна из кочевых орд в южно-русских степях домонгольского времени. В нач. XII в. были разбиты половцами (см. **Половцы**) и стали вассалами Киевских Князей, получив земли в Поросье. За это должны были защищать Киевщину от набегов других степняков и принимать участие в походах Киевских Князей. К XIII в. **Б.** исчезают со страниц летописей.

Берладники — *бродники* из древнерусских и других соседних земель, которые селились между Карпатами и Днестром, в низовьях Дуная, в районе Берлад (см. **Географический указатель, Берлад**) в XII – нач. XIII вв. Вели образ жизни, в чем-то подобный позднейшим казакам.

Биричь (бириче) — в древнерусские времена должностное лицо, объявлявшее указы и распоряжения князя. Мог исполнять роль судебного пристава.

Богатырь — главный герой былин (см. **Былины**), воин, защищающий Русскую землю от врагов или мифических чудовищ. Больше всего былин о трех главных **Б.**: Илье Муромце, Добрыне Никитиче и Алеше Поповиче.

Богомильство — еретическое движение на Балканах. Возникло в нач. X в. на территории Македонии под влиянием павликианства. Название происходит от имени Попа Богомила — предполагаемого основателя ереси. Богомилы осуждали богатство, не признавали государственную власть и эксплуатацию; отвергали Церковь, церковную иерархию, храмы, таинства и обряды, совершаемые священниками, заменяя их более простыми молитвами и совместными ритуальными трапезами; не признавали Ветхий Завет, поклонение кресту, святым, мощам. В основе религиозно-философского учения богомилов лежало представление о двойственности мира, постоянной борьбе в нем

доброе и злое начал. Земной мир и тело человека богомилы считали творениями дьявола, а небесный мир и душу человека — Бога. Во главе богомилских общин стояли «дедцы» (епископы). **Б.** распространилось в Ромейской Империи, Болгарии, Сербии, Боснии. **Б.** оказало огромное влияние на возникновение западноевропейских ересей (патарены, катары, альбигойцы). В Восточной Римской Империи **Б.** было подавлено Императорами Алексеем и Мануилом Комнинами, в Сербии — Великим Князем Стефаном Неманей. Идеи **Б.** были известны и на Руси. С ними перекликаются слова, вложенные летописцем в уста волхвам (см. **Волхвы**) — лидерам восстания 1071 в Верхнем Поволжье.

Болгары — народ на северо-востоке Балканского п-ова. Сложился из смешения проникших в VI–VII вв. в регион славян и пришедшей в кон. VII в. в низовья Дуная орды кочевников-болгар (в науке их принято называть протоболгарами), по имени которых народ **б.** и получил свое имя. Постепенно, по мере оседания протоболгар на землю и их смешения со славянами, формируется так называемое Первое Болгарское царство, вступившее в соперничество с Романской Империей (см. **Ромейская Империя**) и разгромленное ею в нач. XI в. Лишь в кон. XII в. болгарам удалось восстановить свою независимость (Второе Болгарское царство). В XIV в. Болгария была завоевана турками-османами.

Большуха — жена главы большой семьи. В «Изборнике Святослава» упоминается как домоправительница больших «гобиньных домов».

Бортник — княжеский (см. **Князь**) слуга (вероятно, несвободный), занимавшийся бортничеством (сбором меда диких пчел из дупел).

Братчина («братъщина») — совместный пир, устраиваемый, как правило, в честь какого-то события или праздника крестьянской или городской общиной.

Бродники (бордники, продники, бронники) — этнически смешанное население побережья Азовского моря и Нижнего Дона. В XII–XIII вв. **Б.** были южными соседями владов, населявших территорию будущего Молдавского княжества. **Б.** проживали в северо-западной части Буджака, южной части современных румынских

жудецев Вранча и Галац, а также, возможно, на побережье между Днестром и Днепром. Возможно, они были славянского происхождения. В состав **Б.** могли входить остатки разрозненных племен хазар, болгар, а позже огузов. **Б.** не оставили о себе ни материальных, ни письменных следов, что затрудняет их этническую идентификацию. Ромейский историк Никита Хониат называл их «ветвью Русских» (1190), с уважением отмечая их безстрашие в бою. **Б.** часто упоминаются в русских летописях. Их неоднократно приглашали в свое ополчение русские князья, они принимали участие в русско-половецких и русско-татарских битвах.

Булла — круглая металлическая печать, которая в Средние века обычно скрепляла какие-то акты. **Б.** именовался и сам акт, скрепленный ей.

Былины — эпические песни, сложенные народом в Древней Руси и отразившие историческую действительность главным образом домонгольской эпохи и впоследствии переработанные во времена монголо-татарского ига. Сохранились преимущественно на севере бывшей Новгородской земли, где были записаны фольклористами во 2-й пол. XIX — 1-й пол. XX вв. Повествуют, главным образом, о героях-богатырях, защищающих Русь (см. **Богатыри**).

В

Валинана — согласно арабскому автору середины X в. ал-Масуди, это славянский народ, некогда главенствовавший над остальными славянами. Правителю **В.** Маджаку, согласно ал-Масуди, повиновались другие славянские цари. Затем возглавляемое **В.** объединение славян распалось. По мнению большинства ученых, **В.** ал-Масуди — это летописные волыняне, славянский этнополитический союз, проживавший на Волыни. По всей видимости, в VIII–IX вв. волыняне возглавляли крупное славянское этнополитическое объединение на Правобережной Украине, археологическим выражением которого была луки-райковецкая археологическая культура, при распаде которой образовались этнополитические союзы волынян, древлян, полян, дреговичей.

Варяги — в древнерусских летописях так называли жителей побережья Балтийского моря, именовавшегося на Руси Варяжским. По

одной версии, **В.** — это преимущественно балтийские славяне, по другой — скандинавы. Играли важную роль в истории Руси IX – нач. XI вв. Династия Рюриковичей имеет, согласно летописи, варяжское происхождение, и Рюрик с братьями были призваны на княжение словенами и их союзниками. В дальнейшем русские князья не раз нанимали варяжские отряды для участия в военных походах на Ромейскую Империю или друг против друга.

Веверица — самая мелкая металлическая платежная единица Древней Руси.

Вервианы — так Император Константин Багрянородный называет древлян (см. **Древляне**), упоминая их в числе прочих пактиотов — данников (см. **Пактиоты**) росов (см. **Росы**).

Весь — финское племя (см. **Финны**), проживавшее, согласно летописям, в районе о. Белый, а по данным топонимики — от Белозерья до Приладожья. Арабские авторы знают **В.** как народ вису, проживавший к северу от Волжской Булгарии. **В.** было рано подчинено Руси. Вероятно, его потомками являются вепсы и карелы-людики.

Вехть — по-древнерусски «полотенце».

Вече — городское народное собрание, бывшее высшим органом власти Древней Руси. Решало вопросы призвания и изгнания князей, выборов должностных лиц древнерусских городов-государств, объявления войны и заключения мира и т.д. Компетенция **В.** была ничем не ограничена. Собиралось **В.** как на регулярной основе, так и в случае каких-то чрезвычайных событий. Участие в **В.** было не обязанностью, а правом всех свободных общинников города и его округи. Если вече проходило в главном городе, то в нем могли принимать участие и делегаты из пригородов.

Видок — в древнерусском судебном праве свидетель преступления, который должен был давать показания на суде. Упоминается в Русской Правде.

Вира — та часть платы за убийство свободного человека или за нанесение ему увечий (отсечение ноги, руки, носа, выбитие глаза), которая, согласно Русской Правде (см. **Русская Правда**), шла князю. Нормальный размер **В.** был равен 40 гривнам, но он удваивается за

убийство высших членов княжеской дружины, княжеских мужей и тиунов (кроме сельского). При этом члены младшей дружины (отроки) никак не выделены из общей массы населения (см. **Младшая дружина**). За увечье платили полувирь.

Вирник — в Древней Руси княжеский муж (см. **Князь**), занятый сбором судебных пошлин и штрафов, во время которого он кормился находясь на довольствии населения, обязанного князю этими платежами.

Владимирская икона Божией Матери — одна из самых почитаемых на Руси икон Богородицы, которую написал евангелист Лука на доске стола, за которым принимал трапезу Спаситель с Девой Марией и Иосифом. На Русь попала из РOMEИ в нач. XII в., будучи подаренной князю Юрию Долгорукому патриархом Константинопольским Лукой Хрисовергом. Первоначально икона пребывала в женском Богородичном монастыре Вышгорода. В 1155 князь Андрей Боголюбский перевез ее во Владимир, от которого она и получила свое нынешнее имя. Икона была помещена в Успенском соборе. В 1395 была перенесена из Владимира в Москву, дабы защитить город от нашествия Тамерлана, и хранилась впоследствии в Успенском соборе Московского Кремля. С 1930 пребывает в Государственной Третьяковской галерее. С 1999 находится в храме-музее Святителя Николая в Толмачах при Третьяковской галерее.

Владимирская летопись — памятник летописания Северо-Восточной Руси, составленный ок. 1177 во Владимире. Охватывает период в истории Северо-Восточной Руси с 1120 до времени своего составления. Является составной частью Лаврентьевской летописи. Основная идея **В. л.** — перенос политического центра Древней Руси из Киева во Владимир.

Водь — финское племя (см. **Финны**), жившее южнее Финского залива на р. Луге. С IX в. **В.** в составе Древней Руси, позднее входило в состав Водской пятины северо-западной части Новгородской земли. Процесс славянизации **В.** завершился в XIX в.

Вождь — выборный или наследственный глава племени или межплеменного объединения (см. **Восточнославянские межплеменные объединения**).

Вои — народное ополчение в Древней Руси, которое собиралось из свободных горожан и селян в случае серьезного военного конфликта, при недостаточности сил одной дружины (см. **Дружина**).

Волось (Велес) — славянский бог богатства и достатка, покровитель охоты, скотоводства, торговли, поэзии (в «Слове о полку Игореве» поэт Боян назван «велесовым внуком») и в то же время повелитель загробного мира. Наряду с Перуном являлся главным божеством в языческой Руси. При заключении договоров с Греческим Царством Русь клялась Перуном и Волосом.

Волость — так в домонгольской Руси именовалась территориально-политическая структура, построенная на основе иерархии общин и состоящая из общины главного города, общин подчиненных ему «младших» городов (пригородов) и сельских общин, типологически сходная с античным полисом — «город-государство», как называет ее на языке современной науки И.Я. Фроянов.

Волощане — свободные жители волости (см. **Волость**).

Волхвы — языческие жрецы у финноугорских племен. После распространения на Руси Христианства не раз стояли во главе социальных и политических народных движений, например, в 1024 и 1071 в северо-восточных волостях Руси и в 1071 в Новгороде.

Воскресенская летопись — общерусский летописный свод, составленный в Москве в сер. XVI в. под покровительством Великих Князей Московских. **В. л.** известна в тринадцати списках (название получила по списку, принадлежавшему Воскресенскому монастырю в Новом Иерусалиме). Ученые различают четыре редакции **В. л.**

Восточнославянские межплеменные объединения (этнополитические союзы) — летописные поляне (см. **Поляне**), древляне (см. **Древляне**), кривичи (см. **Кривичи**) и т.д. Учитывая огромные территории, занимаемые ими, они не могли быть племенами, а представляли собой крупные межплеменные объединения, состоявшие из ряда небольших племен, названия которых в летописи не сохранились. Существовали также и объединения более высокого порядка (суперсоюзы, сверхсоюзы), когда союз образовывали несколько племенных союзов. Например, такой суперсоюз, существовавший в IX в. на Севере Руси (словене, кривичи, чудь, меря и т.д.), призвал на кня-

жение Рюрика. Входя в IX–X вв. в состав Руси, восточнославянские этнополитические союзы первоначально сохраняли собственных князей и внутреннюю автономию. **В. м. о.** стремились к безусловной независимости, что нередко приводило к острым конфликтам с княжеской властью Киева. В дальнейшем **В. м. о.** исчезают со страниц летописей в качестве политических образований, за исключением вятичей (см. **Вятичи**).

Вотчина (отчина) — наследственное владение, находящееся в полной собственности владельца.

Вятичи — один из восточнославянских этнополитических союзов (см. **Восточнославянские межплеменные объединения**), проживавший по берегам р. Оки. В IX–X вв. **В.** платили дань хазарам (см. **Хазары**), после разгрома последних Великим Князем Святославом были подчинены Киеву, с властью которого упорно боролись в дальнейшем. Дольше всего (вплоть до XII в.) сохраняли свою самобытность, самоуправление и политическую субъектность (еще благоверный Великий Князь Киевский Владимир Мономах упоминает вятических князей).

Г

Германцы — группа индоевропейских народов, говорящих на германских языках. В I-й пол. – сер. I тыс. по Р.Х. германские племена разгромили Римскую империю и создали на ее руинах свои королевства. Одно из них — Франкское, — созданное германским народом франков на территории бывшей римской провинции Галлии, со временем завоевало и коренные земли Г., из которых при его распаде сформировалось Германское королевство (см. **Географический указатель, Германия**).

Геты — древний фракийский народ, живший в сер. I тыс. до Р.Х. между Балканами и Дунаем, что зафиксировано Геродотом. В нач. н.э. Г. были покорены Римом и вошли в состав Римской державы.

Гобино — так в Древней Руси именовали богатство, изобилие земных плодов, урожай.

Голка — так в Древней Руси называли мятежи и народные волнения.

Головник — термин древнерусского уголовного права, означавший, согласно Русской Правде, убийцу.

Граждане — так в Древней Руси называли жителей городов. Вопрос о том, зачислялись ли в эту категорию жители прилегающей к городу сельской округи, открыт.

Грамота — так на Руси до XVII в. именовали деловой документ (чаще всего акт) или письмо (официальное или частное). Термин Г. был заимствован из делопроизводства Ромейской Империи, где слово *grammata* обозначало послания, указы и другие письменные документы.

Греки — так в Древней Руси именовали тех, кого сегодня в науке чаще неверно называют византийцами. Население Ромейской Империи не знало ни того, ни другого этнонима, именуясь только ромеями (римлянами).

Гривна — весовая и денежная единица Древней Руси. Первоначально Г. соответствовала определенному количеству серебра (Г. серебра), будучи, таким образом, денежно-весовой единицей. Поскольку это количество серебра могло слагаться из определенного числа одинаковых монет, возник счет их на штуки. Г., состоящая из определенного количества монет, называлась Г. кун и представляла собой денежно-счетную единицу. Первоначально вес Г. серебра и Г. кун был одинаковым. Затем вследствие изменений веса импортированных монет, а также эволюции самой Г. как единицы веса, Г. серебра стала равняться нескольким Г. кун. В XII в. одна Г. серебра (ок. 204 г.) по ценности соответствовала уже четырем Г. кун (1 гривна кун — ок. 51 г.).

Гридь (гридьба) — в Древней Руси так именовали отдельного члена младшей дружины или всю младшую дружину (см. **Младшая дружина**). От слова Г. происходит и гридница — часть княжеского двора, на которой размещалась младшая дружина.

Гробница Бориса и Глеба — место захоронения свв. князей Бориса и Глеба. После убийства тело Бориса было тайно привезено в

Вышгород и захоронено там у церкви св. Василия, а тело Глеба было похоронено на месте убийства около Смоленска. В 1019, когда благоверный Князь Ярослав Мудрый разгромил Святополка Окаянного, по приказу которого были убиты князья Борис и Глеб Владимировичи, он приказал разыскать тело Глеба и похоронить его в Вышгороде рядом с братом. В 1115 в Вышгороде была построена специальная церковь в честь Бориса и Глеба, куда были перенесены их мощи. Церковь эта была разрушена при нашествии монголов в 1240, а мощи утрачены.

Д

Дагестанская хроника Дербенд-наме — история Дербента в V–XI вв. (буквально «книга о Дербенте»). Содержит также ряд важных сведений по истории Дагестана и Северо-Восточного Азербайджана. Имя автора Д.-н. неизвестно.

Дажбог, Даждь-Бог или Дажьбог — солнечное божество славяно-русской мифологии, сын Сварога. В «Слове о полку Игореве» русские два раза называются «внуками Дажбога».

Дань — так в Древней Руси именовались платежи (единовременные или регулярные), которые побежденные платили победителям. Данническая зависимость считалась позорной, и от нее всеми силами старались избавиться. Киевские Князья облагали Д. покоренные ими в IX–X вв. восточнославянские этнополитические союзы (см. **Восточнославянские межплеменные объединения**). Д. Руси, а позднее Новгороду платил ряд балтских и финно-угорских племен севера Восточной Европы. В X в. после удачных походов на Константинополь русские князья облагали Д. Ромейское Царство.

Демос — так именовались в Древней Греции свободные граждане, имеющие гражданские права, но не принадлежащие к аристократии. От слова Д. происходит понятие «демократия» («власть народа»).

Детинец — укрепленная часть древнерусского города.

Домовина — так в Древней Руси именовался гроб.

Древляне — один из восточнославянских этнополитических союзов (см. **Восточнославянские межплеменные объединения**),

живший на южных берегах р. Припять. Имя их означает «лесные жители» (см. **Географический указатель, Древлянская земля**).

Дреговичи — один из восточнославянских этнополитических союзов (см. **Восточнославянские межплеменные объединения**), живший на северных берегах р. Припять. Имя их означает «болотные жители». Летописи содержат мало данных о них и прямо ничего не говорят об их подчинении Киеву. Вероятно, оно произошло в кон. IX – нач. X вв., так как его фиксирует в сер. X в. Император Константин Багрянородный (см. **Друговиты**). Стали основой населения древнерусской Туровской земли.

Друговиты — так Константин Багрянородный называет дреговичей (см. **дреговичи**), упоминая их в числе прочих пактиотов-данников (см. **Пактиоты**) росов (см. **Росы**).

Дружина — группа подчиненных князю людей, составлявшая постоянное войско в домонгольской Руси. Дружинники были основой аппарата княжеского административного управления, участвовали в управлении княжеским хозяйством и выполняли иные поручения князя. На содержание Д. шли доходы, получаемые князем с волости, и военная добыча. Д. делилась на старшую (см. **Старшая дружина**) и младшую (см. **Младшая дружина**). В качестве постоянного войска Д. была ядром вооруженных сил той или иной земли и становилась во главе воев — народного ополчения (см. **Вои**), которое князь собирал только в случае необходимости ведения масштабных военных действий.

Друидизм — религия кельтов-язычников, состоявшая в обожествлении звезд, которые соотносились с определенными богами кельтского пантеона, каждому из которых было посвящено какое-то дерево. Название происходит от имени кельтских жрецов-друидов.

Дулебы — один из восточнославянских этнополитических союзов (см. **Восточнославянские межплеменные объединения**), живший на Волыни и предшествовавший волынянам (см. **Валинана**). В Повести временных лет (см. **Повесть временных лет**) сохранилось предание о том, что Д. были завоеваны аvaraми (см. **Обры**) и те издевались над ними, запрягая дулебских женщин в свои телеги. По всей вероятности, аваро-дулебская война имела место примерно в сер. VI вв., после нее дулебский союз распался (часть Д. при этом ушла

на запад, в современные Польшу и Чехию), а первенство на Волыни перешло к волынянам.

Е

Емь — финское племя, проживавшее в кон. I — нач. II тыс. по Р.Х. на землях нынешней Центральной Финляндии. В 1040 **Е.** была покорена святым благоверным князем Новгородским *Владимиром Ярославичем* и вошла в число данников Руси. В XI — нач. XIII вв. платила дань Новгороду, в сер. XIII в. была покорена шведами, после чего совершала набеги на новгородские земли. В дальнейшем исчезает со страниц летописей.

Епископ — у православных — наследник апостольского служения, которому при рукоположении передается благодать Святого Духа от первых апостолов, учеников Христа. Высший духовный сан священнослужителя Церкви. Со II в. в епископы стали поставлять только монашествующих.

Ж

Житие Авраамия Смоленского — написано монахом Ефремом, учеником св. *Авраамия*, около сер. XIII в., после монгольского нашествия. О Ефреме нам не известно практически ничего. Судя по **Ж.**, он был весьма образованным человеком и хорошо знал агиографическую литературу. **Ж.** — единственный источник по биографии *Авраамия Смоленского*.

Жито — нескатое и немолотое зерно пшеницы, ржи, ячменя и т.д. («хлеб в зерне»).

З

Забожничье — так летопись называет один из видов княжеской дани в Новгородской земле. Возможно, **З.** представляло собой налог с урожая, взимавшийся натурой и шедший на содержание княжеских людей (новгородцы просили князя не брать **З.** в неурожайный год). Есть версия, что это некий особый налог, который платили язычники, не желавшие креститься, за право сохранять свою веру.

Закон судный людем — памятник славянского права, сохранившийся только в древнерусских списках, известный в трех редакциях: первая (краткая) известна в списках XIII в.; вторая (средняя) — в единственном списке 2-й пол. XIV в.; третья (пространная) — в списках XV в. Краткая редакция **З. с. л.**, вероятно, была составлена в кон. IX — нач. X вв., скорее всего, в Великой Моравии (возможно, в период деятельности там Кирилла и Мефодия) либо в Болгарии, а пространная — в XI–XIII вв., возможно, на Руси. **З. с. л.** рассматривает вопросы судопроизводства, содержит нормы уголовного и др. права. Многие статьи **З. с. л.** направлены против язычества, что свидетельствует об относительно недавнем принятии христианства тем обществом, которое его породило. **З. с. л.** пространной редакции содержит ряд статей, направленных на укрепление крупной собственности (наказания за использование сельскохозяйственного инвентаря без разрешения господина, за потраву крестьянским скотом господских нив и виноградников и т.д.).

Закуп — согласно Русской Правде, человек, взявший ссуду («купу») и обязанный отрабатывать ее и проценты по ней работой на кредитора. Попытка **З.** убежать наказывалась его превращением в холопа (см. **Холоп**). Благоверный Великий Князь Владимир Мономах облегчил положение **З.** (см. **Устав о закупах**), ограничив процент по ссуде и разрешив **З.** зарабатывать деньги для возвращения ссуды на стороне (ранее это приравнивалось к бегству).

Заложные покойники — в славянской мифологии люди, умершие насильственной смертью, самоубийцы, умершие от пьянства, утопленники, умершие некрещеными дети, колдуны и ведьмы. Считалось, что душа **З. п.** не нашла упокоения и он был способен навредить живым (например, вызвать засуху). **З. п.** хоронили отдельно (на перекрестках дорог, на границах полей, в лесу, в болотах, в оврагах, за пределами церковной ограды).

Змей — образ древнерусских былин, в которых он предстает не только как олицетворение зла, но и как хранитель старого родового начала. Так, он часто выступает как волшебный, фантастический прародитель и даже отец, например, Олега Вещего или Волха Всеславьевича (Вольги Святославича).

Знамение — явление природы, которое по религиозным представлениям является предзнаменованием чего-либо. Например, солнечное или лунное затмение, комета и т.д. Древнерусские летописцы часто предваряли описанием **З.** рассказы о каких-то событиях и связывали их со **З.**

И

Иберы — народ, живший в доримское время на территории современной Испании, по имени которых она именовалась Иберией. После завоевания Испании Римом вошли в состав Римского государства.

Идол — скульптурное изображение божества или духа из дерева, камня или металла, служащее объектом религиозного поклонения.

Изборник Святослава — вторая по древности после «Остромирова Евангелия» богато украшенная древнерусская рукописная книга. Два **И.** были изготовлены для Князя Киевского Святослава Ярославича в 1073 и 1076. Первый **И.** был составлен дьяком Иоанном, оригиналом для него послужил сборник, переведенный в кон. IX — нач. X вв. с греческого языка на болгарский для болгарского царя Симеона. В его состав входили преимущественно извлечения из отцов церкви, а также статья греческого писателя Георгия Херобоска «О образех», посвященная вопросам литературной стилистики. Второй **И.**, составленный неизвестным лицом, содержит отрывки из сочинений греческих Отцов Церкви, переведенные с греческого языка отрывки из житийной литературы, фрагменты из библейских книг, сборников изречений и т.д., в том числе и несколько статей славянского происхождения.

Изгой — так назывался в Древней Руси человек, выпавший из своей социальной среды: князь, оставшийся без стола; холоп, купившийся из рабства; неграмотный поповский сын; купец, попавший в долги.

Интердикт — одна из форм церковного наказания в католицизме: временный запрет папой или (иногда) католическим епископом совершать богослужения и религиозные обряды (без отлучения от

церкви) в пределах той или иной территории или определенным лицам.

Иоакимовская летопись — одна из летописей, бывших в распоряжении В.Н. Татищева и неизвестных современной науке. В.Н. Татищев полагал, что она была написана святителем Иоакимом — первым новгородским епископом, прибывшим на Русь со святым равноапостольным Князем Владимиром из Корсуни. И. л. содержит множество оригинальных сведений из ранней истории Руси IX–X вв., не имеющих параллелей в известных нам источниках.

Ипатьевский список — древнейший список Ипатьевской летописи, датируемый кон. 1420-х. Назван так потому, что в XVII в. хранился в Ипатьевском монастыре под Костромой. Содержит в своем составе Повесть временных лет, Киевский свод 1200, Галицко-Волынскую летопись. Ныне хранится в Библиотеке Академии наук. Другим важнейшим списком Ипатьевской летописи является Хлебниковский, принадлежавший некогда коломенскому купцу П.К. Хлебникову. Хлебниковский список был составлен в 50–60-е XVI в. Ныне хранится в Российской национальной библиотеке.

Иранцы — группа индоевропейских народов, потомков Иафета, сына патриарха Ноя. В I тыс. до Р.Х. иранцы широко расселились, заняв территории современного Ирана, Афганистана, Таджикистана и соседних регионов, а также значительную часть степного пояса Евразии (киммерийцы, скифы, сарматы, аланы и т.д.), откуда в I-й пол. — сер. I тыс. по Р.Х. были вытеснены тюрками.

Ирландцы — кельтский народ, проживающий в Ирландии (см. **Географический указатель, Ирландия**). Потомки Иафета, сына патриарха Ноя.

Иста — так в Древней Руси именовалась основная (без учета процентов) сумма займа.

Историческая этнография — отрасль этнографической науки, которая изучает материальную и духовную культуру народов мира в ее в динамике или, по меньшей мере, описывает два или более временных срезов.

Иудеи (жиды козарьстии) — потомки Сима, сына Ноя, а также праотцев Авраама, его сына Исаака и его внука Иакова, сохранявшие знание о Едином Боге и исповедовавшие Священное Писание – Книги Ветхого Завета. После Распятия Господа нашего Иисуса Христа часть иудеев стала исповедовать наряду с Ветхим Заветом и Талмуд, созданный их учителями – раввинами. Современный талмудический иудаизм отвергает миссию Христа, не признает Его за Сына Божиего. Духовными наследниками правоверных иудеев, принявших в сердце Господа Иисуса Христа, Искупителя за грехи рода человеческого, являются христиане, также считающиеся духовными чадами патриарха Авраама. Особенностью талмудического иудаизма является то, что он представляет собой национальную религию евреев и, в отличие от христианства или ислама, не стремится к широкому распространению, поэтому примеры обращения других народов в иудаизм единичны. Одним из немногих исключений являлся Хазарский каганат, принявший в кон. VIII – нач. IX вв. иудаизм в качестве государственной религии (см. **Хазары**).

К

Капустник — человек (скорее всего, несвободный) в княжеском (см. **Князь**) или боярском хозяйстве, отвечавший за выращивание капусты.

Каробатаки — народ в Индонезии.

Кельты — группа индоевропейских народов, говорящих на кельтских языках. Потомки Иафета, сына патриарха Ноя. В сер. I тыс. до Р.Х. кельты начали широко расселяться по Европе: они заняли территорию современных Франции, Великобритании, Ирландии, часть Испании и Германии, Чехии, Южной Польши, Подунавья, проникли даже в Малую Азию. **К.** оказали огромное влияние на прагерманцев и праславян. В дальнейшем большая часть **К.** была покорена Римом и романизирована, а с севера на них стали наступать германцы, впоследствии завоевавшие и Англию. К настоящему времени кельтское население сохранилось лишь в Ирландии, восточных районах Британии и во французской Бретани.

Кимейцы итальяйские — греческие выходцы из Кима в Эолии, основавшие в Италии в нач. I тыс. до Р.Х. свою колонию — город Кима

(или Кумы). Первоначально Кима была построена на о. Пифекус при выходе в Неаполитанский залив, а впоследствии перенесена на материк к северу от Мизенского мыса. Позднее жители италийской Кимы основали свои собственные колонии в Италии, самой знаменитой из которых является Неаполь. В 421 до Р.Х. Кима была завоевана самнитами.

Клиентела — форма социальной зависимости в Древнем Риме, истоки которой восходят к эпохе разложения родового строя. Обедневшие сородичи, безправные жители завоеванных местностей, пришлые жители формирующихся полисов индивидуально или коллективно, ища покровительства патронов из богатой знати, становились их клиентами. Также клиентами становились вольноотпущенники. Клиенты получали родовое имя патронов и земельный надел, обязуясь нести в их пользу разные повинности, прежде всего военную. Узы **К.** считались священными и нерушимыми.

Кмети — так в Древней Руси назывались воины, витязи, дружинники.

Княжение — княжеское правление (см. **Князь**).

Князь — высшее должностное лицо древнерусской волости (см. **Волость**). Первоначально **К.** у славян — это выборные (затем наследственные) главы племен и межплеменных этнополитических объединений (см. **Восточнославянские межплеменные объединения**). По мере утверждения в Восточной Европе власти Киева, Рюриковичи повсеместно заменили местных князей. В дальнейшем **К.** на Руси мог быть только Рюрикович (единственное известное исключение — короткое вокняжение в Галиче Володислава Кормильчича). Все оперативное управление волостью было сосредоточено в руках **К.** Он был военачальником и судьей. Тем не менее в домонгольский период **К.** был еще очень далек от статуса монарха, будучи как бы высшим чиновником городской вечевой общины. Правил он по договору с вечем, которое могло изгнать его и призвать другого **К.** В древнерусских текстах встречается титул «Каган», который соответствовал княжескому. Этот титул встречался у тюркских народов, соседствующих с Русью, возможно, от них и был заимствован русским политическим лексиконом.

Кожемяка — ремесленник, обрабатывающий кожу.

Колбязи — упоминаемая в Русской Правде социальная или этническая группа, проживавшая в Новгороде и Новгородской земле. По всей вероятности, **К.** были выходцами откуда-то с побережья Балтийского моря, возможно, как полагал В.Н. Татищев, из Колобжега, и пришли на Русь вместе с варягами (см. **Варяги**). **К.** известны по греческим источникам, где обычно упоминаются в связке с варягами как наемники, служащие Ромейским Императорам. В Ромею они, скорее всего, попадали через Русь.

Комиссионный список Новгородской Первой летописи — один из списков Новгородской Первой летописи (см. **Новгородская Первая летопись**). Написан одним писцом и доведен до 1439. Бумага датируется 1441. Позднее другой писец дополнил **К. с.** известиями за 1440–1446 и несколькими нелетописными статьями. Третьим писцом созданы списки князей, посадников, епископов, митрополитов и т.д. После текста летописи в **К. с.** следуют княжеские и церковные уставы.

Конунг — правитель скандинавов эпохи раннего Средневековья. **К.** обычно стоял во главе какого-то поселения или области. В эпоху викингов **К.** возглавляли походы викингов. Постепенно в каждой из скандинавских стран происходит возвышение одного из родов **К.**, который становился выше прочих и постепенно превращался в королевский род.

Кормления — вид пожалования князей (см. **Князь**) своим приближенным или должностным лицам, по которому они со своим аппаратом содержались за счет населения той области, которая была отдана им в **К.** При этом обычно они исполняли в этой области какие-то административные обязанности.

Котора — так в Древней Руси именовалась междоусобица.

Крест Владимира — новгородская святыня, вывезенная Всеславом при набеge на город в 1067. Впоследствии его вернули в Новгород.

Крестовое братство — древний обычай, обозначающий вступление в братские отношения людей, не связанных между собой родственной кровью. Вступающие в **К. б.** обычно менялись нательными крестами.

Кривичи — один из восточнославянских этнополитических союзов (см. **Восточнославянские межплеменные объединения**), живший в верховьях Западной Двины, Днепра и Волги. Учитывая огромную территорию, занимаемую **К.**, они разделились на смоленских, псковских и полоцких. Последние носили имя полочан (по имени р. Полоты, на берегах которой они жили; см. **Полочане**). Столицей **К.**, согласно Повести временных лет (см. **Повесть временных лет**), был Смоленск. Какая-то часть **К.** участвовала в призывании варягов. Смоленские **К.** были подчинены Князем Олегом в 882 в ходе его похода из Новгорода в Киев, а полоцкие — только Владимиром Святославичем. Из псковских **К.**, вероятно, происходила святая равноапостольная Великая Княгиня Ольга.

Кротонцы — жители древнегреческого города Кротон (ныне Кротоне в Италии), который был ок. 710 до Р.Х. основан греческими колонистами в Италии к югу от устья р. Эсар, на мысе, с обеих сторон которого были защищенные гавани. Город славился добычей серебра, его жители основывали собственные колонии.

Ктитор — состоятельный человек, на средства которого содержался или был построен, отремонтирован или украшен иконами, фресками и предметами декоративно-прикладного искусства Православный храм или монастырь.

Ктиторские монастыри — монастыри, которые состояли на полном довольствии своего хозяина — ктитора (см. **Ктитор**). Подобно домовым церквям, широко распространенным в Древней Руси, они являлись семейными и родовыми святынями и потому часто ассоциировались с личностью владельца.

Куна — древнерусская денежная единица. Первоначально, по всей видимости, шкурка куницы, выполнявшая роль платежной единицы; впоследствии так стали называть арабские дирхемы и западноевропейские денарии, а также, вероятно, просто слитки серебра соответствующего веса. Составляла 1/25 гривны в X–XI вв., 1/50 гривны кун до нач. XV в. (см. **Гривна**).

Купец пошлый — так в Древней Руси назывался полноправный купец, входящий в какое-либо купеческое объединение. Чтобы стать полноправным членом новгородского объединения купцов «Иванское сто», которое вело международную торговлю воском и медом,

необходимо было внести 50 гривен серебра (см. **Гривна**) в само товарищество и 21,5 гривны пожертвовать церкви.

Курятник — человек (скорее всего, несвободный) в княжеском (см. **Князь**) или боярском хозяйстве, отвечавший за разведение кур.

Кутья — ритуальное славянское поминальное блюдо. Каша, сваренная из целых зерен пшеницы, ячменя и т.д., политая медом, иногда с добавлением изюма, орехов и т.д. Готовится на поминках по умершему, а также в годовые поминальные праздники (Задушки, Задушницы, «Деды»). Кутью носят в церковь и на кладбище, ее едят сами и раздают соседям и нищим на помин души.

Л

Лаврентьевская летопись — памятник летописания Северо-Восточной Руси, известный в одном Лаврентьевском списке, который был изготовлен в 1377 под руководством писца Лаврентия, бывшего, по всей видимости, монахом нижегородского Печерского монастыря, для Суздальско-Нижегородского князя Дмитрия Константиновича по благословению Суздальского епископа Дионисия, о чем сам Лаврентий сообщает в конце летописи. Включает в себя Повесть временных лет (см. **Повесть временных лет**), летописание Северо-Восточной Руси XII–XIII вв., тверскую летопись кон. XIII – нач. XIV вв. Изложение в Л. л. доведено до 1305. Хранилась Л. л. в Печерском монастыре в Нижнем Новгороде, в XVII в. как-то попала в Рождественский монастырь во Владимире (об этом свидетельствует запись на первом листе рукописи), а в XVIII в. — в собрание Новгородского Софийского собора, оттуда, в числе прочих рукописей, — к А.И. Мусину-Пушкину, который в нач. XIX в. преподнес ее в дар Александру I, а тот передал в Публичную библиотеку. Ныне Л. л. хранится в Российской национальной библиотеке.

Ладья (лодья) — славянское и древнерусское морское и речное судно. На Л. русские воины совершали походы, а купцы — торговые плавания. Первоначально Л. строились из выдолбленных крупных стволов дуба или липы с наращиванием их досками для увеличения высоты борта, затем стали строить «дошчатые ладьи», корпус которых полностью делался из досок. Длина Л. могла составлять до 20 м, ширина — до 5 м, грузоподъемность — до 200 т. Л. имела весла

и парус. Была важной частью похоронного ритуала: покойника могли нести в **Л.** на кладбище. Гробы у славян нередко делались в форме лодок-долбленок. Знатных людей нередко хоронили в **Л.** (так описаны похороны руса у Ибн Фадлана).

Летописец Переяславля-Суздальского — древнерусская летопись, известная в одном списке XV в. **Л. П.-С.** описывает события, происходившие, в основном, в Северо-Восточной Руси в 1138–1214. Протограф его (см. **Протограф**) составлен примерно в 1216–1219 в Переяславле-Суздальском на основе владимирского летописного свода нач. XIII в., близкого Радзивилловской летописи, который был переработан с привлечением местных переяславских и некоторых других известий.

Либертины фиска — в западноевропейских странах раннего Средневековья так назывались королевские вольноотпущенники, которые обрабатывали участки, предоставленные им во владение. Такие вольноотпущенники могли быть использованы на государственной службе, некоторые занимали дворцовые должности. Со временем большинство **Л. ф.** эволюционировало в крепостных. Положение **Л. ф.** напоминало положение древнерусских смердов (см. **Смерды**).

Лигуры — собирательное наименование древних племен, населявших в сер. I тыс. до Р.Х. Северо-Западную Италию и Юго-Восточную Галлию. По всей вероятности, **Л.** не были индоевропейцами. Ранее они занимали обширные территории в Италии и Галлии, но были вытеснены оттуда италиками и кельтами. Во II в. до Р.Х. **Л.** были завоеваны Римом.

Липицкая битва — произошла в 1216 на р. Липице (ныне Липня). Войска Всеволодовичей — Великого Князя Владимирского Юрия и князя Переяславского Ярослава — сражались против войск их брата, князя Ростовского Константина Всеволодовича, которого поддерживали Новгород и Смоленск. Битва завершилась разгромом Юрия и Ярослава.

Литва — первоначально, видимо, балтское этнополитическое объединение, ставшее в XII–XIII вв. ядром формирования Великого княжества Литовского (см. **Географический указатель, Литва**).

Лихва полетная — так в Древней Руси именовалась годовая пеня за невыплаченную дань (см. **Дань**).

Ловчее — так в летописи поименован сбор, который в 1289 князь Волынский Мстислав Данилович наложил на жителей Берестья за их измену, приказав брать с близлежащих сел продукты земледелия, овец, кур, мед и т.д. Для горожан натуральная подать была заменена денежной.

Любечский съезд — первый съезд древнерусских князей, состоявшийся в 1097 в Любече, дабы миром разрешить споры между князьями. Князья, принимавшие участие в съезде, договорились о закреплении за каждым из них определенных владений, на которые не должны были покушаться другие князья: за Великим Князем Святополком Изяславичем — Киев, Туров и Пинск; за благоверным князем Владимиром Мономахом — Переяславская земля, Северо-Восточная Русь и Смоленск; за князьями Олегом и Давыдом Святославичами — Чернигов, Новгород-Северский, Рязань, Муром и Тмутарокань; за князем Давыдом Игоревичем — Владимир-Волынский и Луцк; за князем Васильком Ростиславичем и его братом — Тербовль, Червен и Перемышль.

Люди (людьє) — так в Древней Руси именовались полноправные свободные общинники.

М

Матримония — брак, супружество по-латыни.

Мегаряне — жители древнегреческого города Мегары, расположенного близ Саронического залива.

Межплеменные конфликты — конфликты между племенами или состоявшими из них крупными этнополитическими союзами (см. **Восточнославянские межплеменные объединения**). Победитель в конфликте обычно облагал побежденного данью (см. **Дань**). Согласно Повести временных лет, такой конфликт, к примеру, имел место между древлянами (см. **Древляне**) и полянами (см. **Поляне**), причем древляне вышли из него победителями, «обидев» полян. В ходе **М. к.** одно из племен могло подчинить себе другие и создать

союз или, если в конфликт вступали союзы племен, объединение более высокого порядка.

Мерилы торговые — эталоны единиц измерения, введенные в Новгороде в 1136 в соответствии с Уставом Всеволода Мстиславича «О церковных судах, и о людях, и о мерах торговли» (см. **Устав о церковных судах Всеволода Мстиславича**). **М.** т. включали в себя «локоть иванский» (для измерения длины сукна), «гривенку рублевую» (для взвешивания драгоценных металлов), весы («скалвы вощаные», «медовый пуд»). Всем купцам предписывалось соблюдать все эталоны длины и веса, а также ежегодно сверять с ними свои гири и мерилы. Сами же эталоны хранились в церкви Иоанна Предтечи на Опоках.

Меря — финское племя (см. **Финны**), проживавшее в районе впадения р. Шексны в Волгу, близ о. Неро. Уже в IX в. **М.** вошло в состав Руси и было быстро ассимилировано продвинувшимися в регион славянами.

Мечник — так в Древней Руси именовался княжеский чиновник (см. **Князь**), главной обязанностью которого было присутствовать на суде при испытании железом, за что он получал 5 кун (см. **Куна**). **М.** князь мог поручать и другие дела.

Мзда — так в Древней Руси именовалась плата, вознаграждение за что-либо.

Милостник — категория княжеских слуг в древнерусских землях в XII–XIII вв. Название происходит от слова «милость», обозначавшего условное земельное держание. **М.** были предшественниками позднейших дворян. С появлением **М.** ряд ученых связывает возникновение служилого землевладения на Руси.

Младшая дружина — рядовые дружинники: гриди (см. **Гридь**), отроки (см. **Отрок**), детские. Члены **М. д.** составляли основу постоянного княжеского войска и состояли на низших должностях в княжеской администрации. Отличались от пеших ополченцев-воев (см. **Вои**) наличием коней и лучшим вооружением.

Мовница — по-древнерусски «баня».

Мокошь (Макошь) — женское божество в восточнославянской мифологии, покровительница женского начала, плодородия, брака,

родов, домашнего очага. Единственная богиня древнерусского пантеона, чей идол стоял в Киеве на вершине холма рядом со статуями Перуна и прочих божеств.

Моноксилы — так Император Константин Багрянородный называл славянские лады (см. **Ладья**), выдолбленные из цельного ствола дерева.

Мордва — финский народ (см. **Финны**), проживающий в современной Мордовской Республике и сопредельных регионах. **М.** делится на две группы: мокша и эрзя. Название **М.** имеет иранское происхождение. Периодически **М.** платила дань Руси или вела войны с русскими князьями.

Московский летописный свод — летопись последней четверти XV в., лежащая в основе всего официального летописания кон. XV – XVI вв. Существование **М. л. с.** сначала было установлено А.А. Шахматовым на основе текстологического анализа ряда летописей, а затем он был обнаружен ученым в Эрмитажном списке XVIII в. В кон. XV в. **М. л. с.** был отредактирован и дополнен.

Мощи Бориса и Глеба — см. **Гробница Бориса и Глеба**.

Мужи — так в Древней Руси именовались главы семей, имевшие все гражданские права, принимавшие решения не только за себя, но и за своих детей, физически уже взрослых, но не достигших еще гражданского равноправия. Иногда **М.** называли все население того или иного города или волости (см. **Волость**), и тогда этот термин примерно соответствовал термину «люди» (см. **Люди**). Были княжеские **М.** — приближенные князя, выполнявшие его поручения и занимавшие посты в княжеской администрации.

Н

Навыи — это, согласно Б.А. Рыбакову, мертвецы или, точнее, невидимые души мертвецов. Причем души не предков, так как предки — это свои, родные мертвецы, неизменно дружественные, деды, покровительствующие своим внукам и правнукам. **Н.** — это чужие, иноплеменные мертвецы, души врагов и недоброжелателей, души людей, которых за что-то покарала сила природы (души утопленни-

ков, съеденных волками, «с дерева падших», убитых молнией и т.д.). В болгарском фольклоре **Н.** — это птицеобразные души умерших, летающие по ночам в бурю и дождь «на злых ветрах». Крик этих птиц означает смерть; «нави» нападают на беременных женщин и на детей и сосут их кровь. В Повести временных лет сохранилась легенда, связывающая с **Н.** распространение в Полоцке эпидемии.

Начальный летописный свод — выделенный А.А. Шахматовым на основе сопоставления Повести временных лет (см. **Повесть временных лет**) и Новгородской Первой летописи (см. **Новгородская Первая летопись**) гипотетический летописный свод, составленный ок. 1093 и условно приписываемый игумену Киево-Печерского монастыря Иоанну, который предшествовал двум указанным летописям. **Н. л. с.** лучше сохранился в составе Новгородской Первой летописи. В составе Повести временных лет его текст был существенно расширен и дополнен.

Невегласи — так в Древней Руси именовали не просвещенных или недостаточно просвещенных Христианством людей.

Неревляне — жители Неревского конца в Новгороде (см. **Географический указатель, Неревский конец в Новгороде**).

Никоновская летопись — русский летописный свод, составленный, вероятно, в 20–30-е XVI в. в книгописной мастерской митрополита Даниила. **Н. л.** названа так потому, что один из ее списков принадлежал патриарху Никону. Основная часть **Н. л.** представляет собой компиляцию, созданную на основе использования разнообразных источников, в том числе и таких, какие не сохранились до нашего времени. В **Н. л.** есть ряд оригинальных известий, не имеющих параллелей в других летописях, известных нам ныне. Степень их достоверности является предметом дискуссии. Составители **Н. л.** подвергли свои источники значительной редакционной обработке, которая соответствовала их задачам по созданию концепции истории Руси, в соответствии с которой ведущая роль в образовании Русского государства принадлежала Московским Князьям, действовавшим в союзе с Церковью.

Новгородская Первая летопись — один из трех древнейших русских летописных сводов, имеющих для изучения истории Древней Руси особое значение. Для изучения же истории Новгорода с

XI до сер. XV вв. **Н. П. л.** и вовсе является основным источником. В **Н. П. л.** входят, по мнению большинства ученых, летописный свод, составленный в кон. XI в., предшествующий отразившейся в Лаврентьевской и Ипатьевской летописях Повести временных лет (см. **Начальный летописный свод**); собственно новгородские летописные своды; Русская Правда (см. **Русская Правда**); жития Александра Невского, Михаила Черниговского, Михаила Тверского и других русских святых, «Повесть о взятии Царьграда фрягами», «Повесть о битве на Калке», «Повесть о нашествии Батыя», «Сказание об убийстве в Орде князя Михаила Черниговского», «Повесть о Куликовской битве» и т.д. — множество ценнейших произведений древнерусской литературы. **Н. П. л.** известна в двух изводах: старшем (представлен одним списком) и младшем, представленном рядом списков, из которых наибольшее значение имеют Академический и Комиссионный (см. **Комиссионный список Новгородской Первой летописи**).

Новгородская Четвертая летопись — новгородский летописный свод XV в. **Н. Ч. л.** представлена двумя изводами (старшим и младшим), каждый из которых известен в нескольких списках. Общий текст старшего и младшего изводов **Н. Ч. л.** завершается 1428. Общий текст списков младшего извода завершается 1447. **Н. Ч. л.** является по времени создания второй новгородской летописью, название получила в соответствии с последовательностью издания новгородских летописей 1848.

Номофеты — законодательная комиссия в Древних Афинах. Особенно знаменита комиссия **Н.**, работавшая в 403 до Р.Х. над пересмотром старого законодательства.

О

Обилье — по-древнерусски «урожай».

Оброчники — крепостные крестьяне, платящие господину денежный или натуральный оброк.

Обры — так Повесть временных лет (см. **Повесть временных лет**) именует аваров. Согласно летописному преданию, они разгромили славянский этнополитический союз дулебов и издевались над дулебскими женщинами (см. **Дулебы**). Авары были кочевниками,

скорее всего, тюркского (по мнению некоторых ученых, угорского) происхождения, которые в сер. VI в., пройдя через степи Северного Причерноморья, пришли в Паннонию, на территорию современной Венгрии, где и обосновались. В 626 вместе со славянами неудачно осаждали Константинополь. Авары подчинили ряд славянских этнополитических союзов (см. **Восточнославянские межплеменные объединения**). В кон. VIII – нач. IX вв. были разгромлены франками. Исчезли с карты Европы за свои беззакония, по поводу чего древнерусский летописец приводит расхожую в его время поговорку: «погибли как обры».

Огнищане — княжеские слуги (см. **Князь**), управлявшие княжеским хозяйством. Согласно Русской Правде (см. **Русская Правда**), вира (см. **Вира**) за убийство **О.** была определена в 80 гривен (см. **Гривна**) — вдвое выше, чем за убийство простого человека. В дальнейшем упоминаются в новгородских летописях, но там их статус не вполне ясен. Акты XVII–XVIII вв., относящиеся к Северной Руси, упоминают о небольших союзах «огнищах», а писцовые книги — о подобных же союзах «печищах»; во главе тех и других стояли старейшины — **О.** и **печищане**.

Одерень — одно из наименований холопа (см. **Холоп**).

Один (Вотан) — верховный бог в германо-скандинавской мифологии, отец и предводитель асов. Мудрец и шаман, знаток рун и сказов (саг), царь-жрец, князь (конунг) - волхв (vielus), но в то же время бог войны и Победы, покровитель военной аристократии, хозяин Вальхаллы и повелитель валькирий. Жители Скандинавии верили, что он часто объезжает на своем коне землю или, невидимый для людей, принимает участие в их сражениях, помогая достойнейшим одержать победу.

Оксамит — по-древнерусски шелковая ткань с ворсом из серебряных или золотых нитей.

Окуп — в Древней Руси штраф за совершенное преступление.

Омешик — заостренный наконечник сохи.

Ониполовцы — жители поселения Холм на правом берегу р. Волхов близ Новгорода, которое не раз упоминается в летописи в XII–

XIII вв. Жители Холма именовались **О.**, т. е. жителями «оного пола» (другой половины города).

Остракизм — так называлось в Древних Афинах изгнание из города отдельных лиц по постановлению народного собрания. **О.** был введен Клисфеном в кон. VI в. до Р.Х. как мера против восстановления тирании, позднее **О.** стал использоваться в политической борьбе. Вопрос о применении **О.** ежегодно ставился перед народным собранием. В случае положительного решения в назначенный для проведения **О.** день всякий обладавший правом голоса в народном собрании писал на черепке имя того, кто, по его мнению, опасен для народа. Тот, против кого подавалось не менее 6 тыс. голосов, должен был в течение десяти дней покинуть Афины на срок десять лет. Подобное афинскому **О.** изгнание существовало и в ряде других древнегреческих городов.

Откуп — вид дани (см. **Дань**), выплачиваемой, чтобы избежать нападений, по терминологии летописей «мира деля».

Отрок — один из младших дружинников (см. **Младшая дружина**). За убийство княжеского **О.** полагался по Русской Правде штраф в 40 гривен серебра (см. **Гривна**). **О.** могли выполнять функции княжеских послов, сборщиков дани и т.д. Были также боярские **О.**, состоявшие на службе у бояр.

П

Пактиоты — так Император Константин Багрянородный называет восточнославянские этнополитические союзы (см. **Восточнославянские межплеменные объединения**), подвластные Киеву и платящие ему дань (см. **Дань**). Возможно, в данном случае термин **П.** является переводом древнерусского понятия рядовичи и указывает на то, что между Киевом и подвластными ему славянами (см. **Славиния**) отношения строились на основе некоего договора (ряда), который четко определял их отношения и нарушение которого одной из сторон (например, попытка Киева в одностороннем порядке увеличить размер дани или стремление славиний освободиться от нее вообще) влекло за собой конфликты (см. **Ряд**).

Палимпсест — рукопись на пергаменте (или папирусе) поверх смытого или соскобленного текста (греческое).

Патерик Киево-Печерского монастыря — сборник рассказов об основании Киево-Печерского монастыря и житий его первых насельников. В основу **П.** легли два послания XIII в. Первое из них было написано бывшим печерским иноком, позднее святителем *Симоном*, епископом Владимирским и Суздальским, к своему ученику, печерскому иноку Поликарпу, с целью научить монаха христианскому смирению и кротости описаниями поучительных и чудесных житий прославивших Печерскую обитель подвижников. Второе создано преподобным Поликарпом и адресовано печерскому архимандриту, преподобному Акиндину, и состоит из рассказов об иноках монастыря. Позднее к этим посланиям были присоединены другие сказания — о начале Киево-Печерского монастыря, об украшении обители, о первых подвижниках и другие статьи, среди которых ответ преподобного Феодосия на вопрос Князя Киевского Изяслава Ярославича о латинянах, сказания о Крещении славян и Руси, о раннем этапе существования Русской Церкви и т.д. В дальнейшем **П.** не раз редактировался и сохранился в ряде списков, древнейшие из которых относятся к XV в., а позднейшие — к XVII в.

Первобытнообщинная система (строй) — первая известная науке форма социальной организации человеческого общества, основанная на коллективном производстве и распределении материальных благ. Обычно во времена существования **П. с.** господствует родовой строй: человеческие коллективы формируются по кровнородственному принципу. После перехода к территориально-общинным отношениям первобытное равенство постепенно нарушается и начинается активная имущественная и социальная стратификация людей.

Перун — верховное божество языческих славян и Руси, бог грома и молнии. Священным деревом **П.** был дуб. При заключении договоров с Греческой державой Русь клялась Перуном и Волосом (см. **Волос**) или даже только Перуном. В 980 Великий Князь Владимир Святославич создал в Киеве пантеон, где главным идолом был **П.** с серебряной бородой и золотыми усами. Дядя Князя Владимира Добрыня поставил идол **П.** в Новгороде. В 988 при Крещении Руси эти идолы были низвергнуты.

Печенежин — представитель народа печенегов — тюркоязычных степняков, кочевавших в IX–XI вв. в южно-русских степях и вытесненных торками и половцами.

Пискаревский летописец — летопись нач. XVII в. Содержит сведения от начала Руси до 1615. Хранится в собрании Д.В. Пискарева в Российской государственной библиотеке, откуда и происходит название. **П. л.** начал составляться, вероятно, в царствование Василия Шуйского и был закончен вскоре после 1615 в Нижнем Новгороде. По своему составу **П. л.** является компиляцией, основанной на различных источниках: летописях, повестях, официальных документах, личных воспоминаниях автора, рассказах его старших современников, слухах, легендах.

Повесть временных лет — летописный свод, созданный в нач. XII в. Печерском монастыре в Киеве. Является основным источником наших сведений по истории Древней Руси. Известна во множестве списков, наибольшее значение из которых имеют Лаврентьевский (см. **Лаврентьевская летопись**), Ипатьевский и Хлебниковский (см. **Ипатьевский список**), а также Радзивилловский. Была написана монахом Киево-Печерского монастыря, преподобным Нестором в 1113, доведена до 1112 и в дальнейшем дважды редактировалась. Придя к власти в Киеве, благоверный Князь Владимир Мономах передал летопись преподобного Нестора в основанный его отцом Выдубицкий монастырь, игумен которого Сильвестр отредактировал **П. в. л.** в 1116, доведя ее до февраля 1111 (с этой редакцией можно ознакомиться по Лаврентьевской и близким к ней летописям). Затем **П. в. л.** была еще раз отредактирована в 1118 летописцем, близким к благоверному Князю Мстиславу Владимировичу, который оставил рассказ о своей поездке в Ладогу и довел изложение до 1117 (с этой редакцией можно ознакомиться по Ипатьевской летописи).

Повесть о перенесении ветхих гробниц Бориса и Глеба — написанное в кон. XII в. повествование о перенесении князем Смоленским Давыдом Ростиславичем из Вышгорода на Смядынь «ветхих гробниц» свв. великомучеников Бориса и Глеба, где они были установлены в Борисоглебской церкви тамошнего монастыря. Честные гробы святых братьев стали местом паломничества, от них больные и немощные получали чудесное исцеление.

Повесть о Святохне — входит в состав бывшей в распоряжении В.Н. Татищева и неизвестной нам ныне Полоцкой летописи. Историк пересказал **П. о С.** в своей «Истории Российской», где под 1217 сообщается, что некогда в Полоцке правил князь Борис Давыдович, который женился во второй раз на княгине Святохне, дочери поморского князя Казимира. Со Святохной в Полоцк прибыло большое число поморян, которые вошли в конфликт с местными жителями. Святохна хотела сделать наследником Бориса своего сына Владимира (Войцеха), а не его детей от первого брака (Василька и Вячку), и добилась того, чтобы они отправились на княжение в Двинскую область, оклеветала перед Борисом своих противников, и они были убиты ее людьми. Закончилось все восстанием полочан, которые перебили поморян, арестовали Святохну и вернули в Полоцк князя Василька.

Повесть об убиении Андрея Боголюбского — написанное в кон. XII в. повествование об убийстве святого благоверного Великого Князя Владимирского Андрея Юрьевича Боголюбского в 1174. Автор **П.**, видимо, был очевидцем событий, так как описывает множество подробностей. **П.** известна в двух редакциях: краткой, входящей в состав Лаврентьевской летописи (см. **Лаврентьевская летопись**), и пространной, входящей в состав Ипатьевской летописи (см. **Ипатьевский список**).

Повоз — одна из форм взимания дани (см. **Дань**) в Древней Руси. Отличался от полюдья (см. **Полюдье**) тем, что **П.** местные жители должны были сами свозить на княжеские погосты (см. **Погосты**). По словам Повести временных лет, радимичи (см. **Радимичи**), разбитые благоверным Великим Князем Владимиром Святославичем, платя дань Руси, «повоз везут и до сего дне».

Повозники, подвозники — те, кто платил дань-повоз (см. **Повоз**).

Погосты («повосты») — созданные святой равноапостольной Великой Княгиней Ольгой опорные пункты княжеской власти в землях подвластных восточнославянских этнополитических союзов (см. **Восточнославянские межплеменные объединения**), призванные укрепить контроль над ними и обеспечить замену их собственных органов управления киевской администрацией. **П.** были и центрами

сбора дани, которую окрестное население должно было свозить на них (см. **Повоз**).

Погреб — яма с бревенчатыми стенами и крытым верхом, служащая для хранения припасов.

Подвоиский — княжеский чиновник (см. **Князь**), выполнявший обязанности судебного пристава или глашатая.

Половцы — тюркоязычный народ, продвинувшийся в первой половине XI в. из Заволжья в южно-русские степи и вытеснивший оттуда печенегов, торков и т.д. С сер. XI в. и вплоть до монгольского нашествия **П.** были соседями южно-русских земель и основной угрозой для них. Не раз совершали набеги на южно-русские города, в 1068 разбили Ярославичей на р. Альте. В нач. XII в. русские князья во главе с благоверным Великим Князем Владимиром Мономахом организовали ряд успешных походов против **П.**, после которых половецкая опасность для Руси уменьшилась. В первой половине XIII в. **П.** были разгромлены монголами и большей частью оказались подчинены им, войдя в состав Золотой Орды, часть **П.** откочевала в Венгрию.

Полочане — ветвь кривичей (см. **Кривичи**), проживавшая на берегах р. Полоты и ставшая основой населения Полоцкой земли.

Полюдье — первоначально форма взимания дани (см. **Дань**) при которой Князь Киевский с полянским войском объезжал все подвластные Киеву славянские этнополитические союзы (см. **Восточнославянские межплеменные объединения**), собирая с них дань. После восстания древлян (см. **Древляне**) **П.** было отменено, и вместо него создана система погостов, куда жители подвластных Киеву областей должны были сами свозить дань (см. **Повоз**; **Погосты**). В дальнейшем **П.** стали именоваться подношения князю (см. **Князь**) со стороны населения той волости (см. **Волость**), в которой он княжил, за выполнение им общественно полезных функций. Эти подношения уже не являлись данью, которую платили побежденные.

Поляне — восточнославянский этнополитический союз (см. **Восточнославянские межплеменные объединения**), проживавший в Среднем Поднепровье. Название их означает «жители поля». Столицей **П.** был Киев, основанный, согласно летописному преданию, князем Кием. После того как Рюриковичи обосновались в Киеве, **П.**

стали основой их войска, при помощи которого они покоряли других славян. Соответственно и собранная с них дань (см. **Дань**) шла не только Князю Киевскому (см. **Князь**) и его дружине (см. **Дружина**), но и всей полянской общине, ставшей на начальном этапе государственного строительства ядром Древней Руси.

Поморяне — западнославянский этнополитический союз, подобный восточнославянским (см. **Восточнославянские межплеменные объединения**), проживавший на территории Польского Поморья. Столицей **П.** был Гданьск. **П.** были опытными мореходами и вели активную торговлю на Балтике, у них было много больших городов (Волин, Щецин и т.д.). **П.** долго сохраняли независимость и свою языческую религию. В 20-е XII в. польский король Болеслав III Кривоустый присоединил **П.** к Польше и крестил **П.**

Поруб — особо крепкая темница без дверей, построенная вокруг заключенного. Имела только небольшое окно для передачи ему пищи. Князя (см. **Князь**) не раз сажали в **П.** своих политических противников. Так, благоверный Великий Князь Ярослав Владимирович Мудрый заточил в **П.** своего брата, князя Псковского Судислава, где тот просидел много лет, а в 1067 в **П.** оказался князь Полоцкий Всеслав Брючиславич, сведенный с Киевского княжения.

Поручник — поручитель при взятии кредита, согласно Русской Правде (см. **Русская Правда**).

Посадник — первоначально наместник Князя Киевского (см. **Князь**) в том или ином подвластном Киеву городе. В дальнейшем этот термин стал обозначать высших должностных лиц Новгорода и Пскова, избираемых вечем. В других столичных городах должности **П.** не было: главный город волости и его князь сажали **П.** в подчиненных им пригородах в качестве своих наместников.

Постельник (постельничий) — приближенный князя (см. **Князь**), ведавший его постелью. Впервые в источниках **П.** упоминается в 1495, но существовала эта должность гораздо раньше под названием «покладник».

Потлач — форма перераспределения личных богатств, возникающая на стадии перехода от первобытнообщинных отношений (см. **Первобытнообщинная система**) к раннеклассовому обществу.

Впервые описан в XIX в. у индейцев Северной Америки, а затем и у ряда других народов мира. **П.** обычно устраивался в дни каких-то традиционных праздников, что придавало ему обрядовую окраску. После длившихся несколько дней пиров и веселья устроители **П.** (старейшины, вожди и т.д.) раздавали рядовым соплеменникам свое имущество.

Поток — разграбление имущества некоего лица, осуществляемое по предварительному решению веча (см. **Вече**). **П.** применялся в отношении тех, кто был виновен перед городской общиной (представители княжеской администрации, бояре и т.д.). Это наказание имело важное общественное значение.

Похвала Князю Ростиславу Мстиславичу — хвалебное повествование о святом благоверном Великом Князе Киевском (Смоленском) Ростиславе Мстиславиче, написанное по случаю смерти Князя (1167) вскоре после нее. Имя автора **П.** неизвестно. Сохранилась **П.** в Составе Нифонтовского сборника, созданного в 30–40-е XVI в. в Иосифо-Волоколамском монастыре. Основная тема **П.** — создание Князем Ростиславом самостоятельной Смоленской епископии.

Правда Ярославичей — см. **Русская Правда**.

Пресвитер (презвутер) — древнейшее каноническое название второй степени христианского таинства священства. Ныне **П.** в России обычно называют священниками или иереями.

Проложное житие — житие, входящее в состав Пролога. Пролог — славяно-русский церковно-учительный календарный сборник (также его именуют Синаксарь или Синаксарий), представляющий собой свод сокращенных житий греческих, южнославянских и древнерусских святых, а также поучительных слов чтимых Отцов Церкви. Жития в Прологе расположены по дням года. Прототипом Пролога стали греческие Минологии и Синаксари; древнейший славяно-русский список Пролога относится к XII в., но сам перевод, вероятно, был выполнен ранее в Болгарии, Сербии или на Руси и впоследствии дополнялся житиями местных святых (указанные славянские страны признавали святых друг друга).

Пророчество Варлаама Хутынского — часть жития преподобного Варлаама Хутынского (ум. в 1192), основателя и игумена Спасо-

Преображенского Хутынского монастыря в Новгороде, повествующая о том, как святой предсказал, что выпадет снег и убьет червей, подтачивающих корни хлебов, и в Новгородской земле будет хороший урожай. Все предсказанное сбылось.

Прославление князя — церемония вокняжения, интронизации князя (см. **Князь**), предполагавшая определенную процедуру (ритуал), существенным элементом которой являлся «ряд» (договор) между князем и городской вечевой общиной (см. **Ряд**), а также духовный акт (например, целование креста), закрепляющий этот «ряд».

Протограф — оригинал, с которого списано какое-то другое произведение (или произведения).

Прощенники — в Древней Руси холопы, отпущенные на волю с условием работать в дальнейшем на церковных землях.

Пруси — жители Прусской улицы в Новгороде (см. **Географический указатель, Прусская улица в Новгороде**).

Пльсковичи — псковичи, жители города Пскова.

Р

Рабовладельческая формация — одна из пяти общественно-экономических формаций по терминологии марксистской (материалистической) исторической теории. Общественный строй, при котором основную массу производителей материальных благ составляют рабы — лица, отделенные от средств производства и полностью зависимые от своего хозяина. Обычно хронологические границы **Р. ф.** определяются от момента возникновения первых цивилизаций в Египте и Шумере и до начала ее смены феодальными отношениями в передовых странах в сер. I тыс. по Р.Х.

Радимичи — один из восточнославянских этнополитических союзов (см. **Восточнославянские межплеменные объединения**), проживавший в бассейнах р. Сож и р. Десны. Согласно Повести временных лет (см. **Повесть временных лет**), до 80-х IX в. **Р.** платили дань хазарам (см. **Хазары**), после чего были переподчинены Князем Олегом. Окончательно завоеваны Киевом при святом равноапо-

стольном Великом Князе Владимире Святославиче, войска которого разгромили **Р.** на р. Пищане.

Ратай (оратай) — по-древнерусски «пахарь».

Реза — в Древней Руси процент от денег, данных взаймы.

Родовые старейшины — в родовом обществе главы родовой общины, выбираемые из числа старших по возрасту и наиболее авторитетных ее членов.

Росоманы (росомоны) — упоминаемый у готского историка Иордана (VI в.) народ, с которым готы враждовали еще в период своего нахождения в Северном Причерноморье (IV в.). Судя по именам, приводимым Иорданом (Сар и Амми), **Р.** принадлежали к иранским народам (см. **Иранцы**), и само их имя наиболее логично интерпретируется как иранское «светлые мужи».

Росы — так звучало по-гречески имя киевских русов. Так их, в частности, называет Император Константин Багрянородный.

Рота — в Древней Руси клятва или присяга.

Рукописание Всеволода Мстиславовича — единственный дошедший до нас устав купеческой корпорации в Новгороде. **Р.** составлено от имени святого благоверного князя Новгородского Всеволода Мстиславича, однако описывает порядки, сложившиеся в Новгороде не ранее 2-й четверти XIII в. **Р.** известно в двух изводах, первый из которых (Троицкий) представлен одним списком 3-й четверти XVI в. и более полно отражает древний оригинал, а второй (Археографический) представлен рядом списков XV–XIX вв. **Р.** регулирует хозяйственные отношения князя, епископа, духовенства церкви Иоанна на Опоках и купцов.

Русалии — древнеславянские празднества в честь русалок (вил) — духов дождя, растительности и плодородия, изображавшихся в виде крылатых девушек — «сиринов». **Р.** праздновались 4 раза в году. Два зимних дня (25 декабря и 6 января) были связаны с новогодней заклинательной магией; летние («русальная неделя» с 4 июня и «купа-ла» 24 июня) — с молениями о дожде.

Русин — у этого слова в домонгольский период было два значения: «широкое» и «узкое». В широком смысле **Р.** — это житель Древней

Руси. Данный этноним сохранили прикарпатские русины. В «узком» смысле **Р.** — это житель Южной Руси, изначально именовавшейся «Русской землей» (см. **Географический указатель, Русская земля**).

Русская Правда — древнерусский свод законов, регулировавший многие стороны общественной жизни, источник уголовного и судебного права. Состоит из трех частей: Краткой Правды (древнейшей), Пространной (вторая половина XII в.) и Сокращенной (основана на Пространной Правде и некоторых не дошедших до нас законодательных актах). Краткая Правда делится на Правду Ярослава (ок. 1016), Правду Ярославичей (вторая половина XI в.) и последующие дополнения. **Р. П.** предшествовал «закон русский», упоминаемый в договорах Князя Олега и Князя Игоря с Греческим Царством. **Р. П.** действовала вплоть до составления Судебника 1497.

Русь, народ — мн. ч. от «русин» (см. **Русин**). У этого слова в домонгольский период было два значения: «широкое» и «узкое». В широком смысле **Р.** — это жители всей Древней Руси. В «узком» — жители Южной Руси, в первую очередь именовавшейся «Русской землей» (см. **Географический указатель, Русская земля**). Например, в рассказе о походе Князя Олега на Царьград летописец противопоставляет **Р.** (киевлян) и словен (новгородцев).

Рушане — жители древнерусского города Руса (см. **Географический указатель, Руса**).

Ряд — так в Древней Руси именовался договор, который обычно заключался между князем, вступающим на престол в том или ином городе, и местной вечевой общиной или между людьми, например, при поступлении на службу; **Р.** оговаривал права и обязанности сторон.

Рязанцы (рязаньци) — жители древнерусского города Рязань — центра Рязанской земли, расположенного при впадении р. Серебрянки в Оку. Впервые Рязань упоминается в летописи под 1096. С 1161 город становится центром самостоятельной земли. В 1237 Рязань была разорена монголами и больше не возродилась.

С

Сага об Инглингах — один из важнейших источников по истории ранней Швеции. Написана на древнеисландском языке Снорри

Стурлусоном в 1220–1230-е в качестве первой части его «Круга земного». Принадлежит к числу так называемых «королевских саг». Повествует о древних правителях Швеции из династии Инглингов. Мифологические и эпические мотивы переплетаются в С. с реальными историческими фактами.

Сани — повозка без колес, имеющая полозья. На Руси обычно использовалась зимой. С. были важным атрибутом погребального обряда языческих славян: покойника было принято везти на кладбище на С., причем нередко это делалось даже летом.

Северии — так Император Константин Багрянородный называет северян (см. **Северяне**), упоминая их в числе прочих пактиотов-данников (см. **Пактиоты**) росов (см. **Росы**).

Северяне — один из восточнославянских этнополитических союзов (см. **Восточнославянские межплеменные объединения**), проживавший на Правобережье Днепра в низовьях Десны. Столицей С. был Чернигов. До 80-х IX в., согласно Повести временных лет (см. **Повесть временных лет**), С. платили дань хазарам (см. **Хазары**), переподчинены Князем Олегом. Стали основой населения Чернигово-Северской земли.

Симаргл (Семаргл) — древнерусское языческое божество с неясными функциями, входившее в пантеон Князя Владимира. По мнению большинства ученых, это полубожественный персонаж, возможно, вестник между небесным и земным мирами, как и его предполагаемый иранский прообраз Симург. По Б.А. Рыбакову, С. — покровитель семян и корней, охранитель растительности. В неоязычестве нередко фигурирует как бог огня, сопоставляется там с индуистским Агни. О том, что переписчики рукописей не понимали, что это за божество, свидетельствуют существующие в рукописях случаи разделения имени С. на два — «Сима» и «Регла».

Сисахтия Солона — списание долгов в Древних Афинах, проведенное архонтом Солоном в 594 до Р.Х.

Сказание о благоверном князе Довмонте и храбрости его — произведение псковской литературы 2-й пол. XIV в., прославляющее князя Псковского Довмонта, жившего во 2-й пол. XIII в. Имя автора С. неизвестно, оно написано в жанре воинской повести и помещено под 1265 в Псковской Первой летописи.

Сказание о Борисе и Глебе — произведение древнерусской литературы, созданное в сер. XI в. и повествующее о мученической кончине святых князей Бориса и Глеба Владимировичей. Известно по Успенскому сборнику кон. XII в. Имя автора **С.** неизвестно.

Сказание о холопьем войне — произведение древнерусской литературы, сохранившееся в нескольких редакциях, известных как по пересказам иностранных авторов (Герберштейна, Стрыйковского и т.д.), так и в записях отечественных писателей, например, иеродиакона Мологского Афанасьевского монастыря Тимофея Каменевич-Рвовского. **С.** повествует о восстании новгородских холопов, которые воспользовались длительным отсутствием своих господ в Новгороде и завладели их женами. Произошло это восстание еще до Крещения Руси. По мнению И.Я. Фроянова, **С.** является отражением межплеменных конфликтов в Новгородской земле догосударственного времени (см. **Межплеменные конфликты**).

Сказание о чудесах Владимирской иконы Божией Матери — произведение литературы Северо-Восточной Руси, созданное в 60-е XII в. Повествует о чудесах, которые совершались по молитвам верующих от Владимирской иконы Божией Матери (см. **Владимирская икона Божией Матери**). Имя автора **С.** неизвестно.

Скоморохи (скомраси) — странствующие актеры средневековой Руси, одновременно певцы, танцоры, дрессировщики животных, музыканты и исполнители словесно-музыкальных и драматических произведений, которые обычно сами и сочиняли. По мнению ряда ученых, **С.** ведут свое происхождение от языческого жречества.

Скура — по-древнерусски «невыделанная шкура» или «мех».

Скот — так в Древней Руси именовали деньги. Соответственно казна называлась «скотницей».

Славиния — так ромейцы называли славянский этнополитический союз (см. **Восточнославянские межплеменные объединения**).

Славяне — группа индоевропейских народов, говорящих на славянских языках. **С.** делятся на восточных, западных и южных. Название **С.** означает «ясно говорящие», в отличие от «немцев» (немых) — тех, чья речь непонятна.

Словене — один из восточнославянских этнополитических союзов (см. **Восточнославянские межплеменные объединения**), проживавший на берегах р. Волхов и о. Ильмень. В IX в. С. возглавили крупное этнополитическое объединение на севере Восточной Европы, в которое вошли также часть кривичей (см. **Кривичи**), ряд балтских и финно-угорских племен. Именно это объединение призвало на княжение Рюрика. В дальнейшем С. стали основой населения Новгородской земли.

Словенин — представитель этнополитического союза словен (см. **Словене**). В источниках X–XI вв. С. противопоставляли русинам — жителям Южной Руси (см. **Русь**).

Слово о полку Игореве — великое произведение русской литературы, посвященное походу князя Новгород-Северского Игоря Святославича на половцев (князь Игорь был разбит и попал в плен, затем бежал и вернулся на родину). Автор С. п. И. неизвестен. По мнению большинства ученых, оно написано по горячим следам событий в кон. XII в.

Смерды — представители древнерусского зависимого населения. Вопрос о социальном статусе С. является одним из самых трудных и однозначно не решен в науке по сей день. По мнению И.Я. Фроянова, было две категории смердов: «внешние» и «внутренние». «Внешние» С. — это неславянские племена, покоренные и обложенные данью, «внутренние» С. — это пленники, поселенные на государственных или княжеских землях с обязанностью работать на них. Их положение напоминало положение западноевропейских либертинов фиска (см. **Либертины фиска**).

Смолняне (смоляне) — жители древнерусского города Смоленск.

Снем — так в Древней Руси именовался княжеский съезд (см. **Любечский съезд**).

Соловей-разбойник — в восточнославянской мифологии лесное чудовище, нападающее на путников и обладающее смертоносным свистом. Победен Ильей Муромцем, который отвез его на показ князю в Киев, а затем казнил на Куликовом поле. По одной из версий, прототипом С.-р. был князь, который проживал на острове на территории нынешнего с. Зазимье Броварского р-на Киевской области (в 10–15 км от Киева) и, по всей видимости, брал дань с путе-

шествующих в Киев, что не понравилось Киевскому Князю. Были и другие версии происхождения этого литературного типа. В XVII в. образ **С.-р.** широко использовался в русском декоративно-прикладном искусстве. Известны изразцы с его изображением верхом на коне, лубок, где на коне с копьём наперевес сидит типичный польский шляхтич. Все это говорит о воплощении в **С.-р.** образа врага Руси конкретного исторического периода.

Становища — см. **Погосты**.

Старейшины — см. **Родовые старейшины**.

Старшая дружина — верхушка дружины (см. **Дружина**). **С. д.** состояла из числа особо приближенных к князю (см. **Князь**) дружинников и представляла собой военно-политический совет князя. Члены **С. д.** выполняли обязанности командиров на поле боя и занимали высшие должности в княжеской администрации, как правило, имели собственные дружины.

Степенная книга — памятник русской исторической литературы XVI в. Была составлена по инициативе митрополита Макария духовником Царя Иоанна Васильевича Грозного, протопопом Андреем (будущий митрополит Московский Афанасий) в 1560–1563. В **С.к.** была предпринята попытка систематического изложения русской истории не по годам, как это было принято раньше, а по правлениям Великих Князей, изображаемых, как последовательный подъем и развитие страны. **С. к.** разделена на 17 граней, или степеней, по числу правителей Руси от святого равноапостольного Владимира Святославича до Царя Иоанна Васильевича Грозного включительно.

Стольник — приближенный князя (см. **Князь**), служивший ему за столом. **С.** должен был подавать князю блюда и наливать напитки в чаши (отсюда другое название **С.** — чашники). **С.** встречаются в источниках с нач. XIII в.

Стрибог — в древнерусском язычестве божество с не вполне ясными функциями, возможно, бог ветров. Согласно «Повести временных лет», идол Стрибога был установлен в Киеве в 980 Великим Князем Владимиром в числе прочих главных богов. В «Слове о полку Игореве» ветры названы Стрибожыми внуками, которые стрелами веют с моря, что, видимо, указывает на атмосферные функции **С.**

Стрый — по-древнерусски «дядя по отцу».

Суздальско-ростовский свод — памятник летописания Северо-Восточной Руси, составленный в 1239 в Ростове и представляющий собой великокняжеский летописный свод, охватывающий историю всей Северо-Восточной Руси.

Сфрагистика — вспомогательная историческая дисциплина, изучающая печати.

Сынович — по-древнерусски «племянник, сын брата».

Сябры — одна из социальных категорий древнерусского населения, характеристика которой вызывает у ученых затруднения. По мнению И.Я. Фроянова, С. были в Киевской Руси чем-то вроде римских клиентов (см. **Клиентела**). Позднее так именовались в XIV–XVI вв. в Новгороде и Пскове совладельцы пахотных земель и промысловых угодий.

Т

Тверские своды — памятники летописания Северо-Восточной Руси, составленные в Твери. Летописание началось в Твери с 1285 и было связано с постройкой соборной церкви Спаса. Первый **Т. с.** был составлен в 1327, затем в 1375 был составлен по указанию святого благоверного Великого Князя Тверского Михаила Александровича новый свод, обосновывающий идею главенства Твери в Северо-Восточной Руси. Летописные своды в Твери составлялись в нач. XV в., в 1425. В 1455 по приказу Великого Князя Тверского Бориса Александровича был составлен еще один **Т. с.**, а последний — в 1486, уже после завоевания Твери Москвой.

Терем — жилое здание древнерусской знати из дерева или камня.

Тетеревник — человек (скорее всего, несвободный) в княжеском (см. **Князь**) или боярском хозяйстве, отвечавший за поставку тетеревов к княжескому столу.

Тиверцы — один из восточнославянских этнополитических союзов (см. **Восточнославянские межплеменные объединения**), проживавший в междуречье Днестра и Прута. Из-за набегов кочевников основная масса **Т.** постепенно отошла на север, в Галицкую землю, а те, которые остались на месте, влились в состав берладников (см. **Берладники**).

Тиун — управляющий в княжеском или боярском хозяйстве. Мог быть как из свободных, так и из зависимых людей.

Тораджи — группа родственных народов в Индонезии.

Торжище — так в Древней Руси именовался рынок. Т. обычно было также и общественным центром.

Торопчане (торопьяны) — жители древнерусского города Торопец (см. **Географический указатель, Торопец**).

Требнице — славянское языческое святилище.

Третний рост — 50 процентов от суммы долга, пеня, набегающая за год неуплаты долга.

Тризна (трызна) — поминки по умершим у языческих славян, сопровождавшиеся пиром.

Троицкая летопись — несохранившийся летописный свод нач. XV в., близкий Лаврентьевской летописи (см. **Лаврентьевская летопись**) и доведенный до 1408. Т. л. названа так по имени Троице-Сергиева монастыря, в котором хранилась. Ряд выписок из Т. л. сделал Н.М. Карамзин, по ним мы и можем судить о ее содержании. Позднее она сгорела в московском пожаре 1812. М.Д. Приселков выполнил гипотетическую реконструкцию текста Т. л.

Троян — малопонятный персонаж из «Слова о полку Игореве». Большинство видит в нем образ славянского языческого пантеона. Другие исследователи считают, что это — опоэтизированный славянским эпосом, обожествленный в Риме император Марк Ульпий Траян, в правление которого древние славяне попали под влияние Римской империи. Иногда связывают это значение также со славянскими версиями античных легенд о Троянской войне. Полагают, что «седьмой век» при этом — либо завершение определенной эпохи (семь — конечное число), либо седьмое тысячелетие от Сотворения мира, с седьмым столетием которого (время князя Всеслава Полоцкого) были связаны эсхатологические ожидания. Так или иначе автор «Слова...» подчеркивал этим образом героическое прошлое древних славян, включая их историю в контекст мировой истории.

Тысяча (тысяща) — военная организация Древней Руси, возглавляемая тысяцким, основанная на десятичной системе и обеспечи-

вавшая мобилизацию народного ополчения, собираемого в случае серьезных военных конфликтов (см. **Вои**).

У

Угро-финны — группа народов, говорящих на финно-угорских языках, живущих чересполосно в Западной Сибири, Центральной, Северной и Восточной Европе. Делятся на угров (венгры, манси, ханты) и финнов (см. **Финны**).

Уличи (угличы) — один из восточнославянских этнополитических союзов (см. **Восточнославянские межплеменные объединения**), проживавший в нижнем течении Днепра и Южного Буга у Черного моря. Из-за набегов кочевников основная масса **У.** постепенно отошла на север, в Галицкую землю, а те, которые остались на месте, влились в состав берладников (см. **Берладники**).

Урок — четко фиксированный размер дани (см. **Дань**), установленный святой Великой Княгиней Ольгой для подвластных Киеву восточнославянских этнополитических союзов (см. **Восточнославянские межплеменные объединения**).

Устав Владимира Всеволодовича — часть Русской Правды (см. **Русская Правда**), введенная в нее благоверным Великим Князем Владимиром Всеволодовичем Мономахом после смуты в Киеве в 1113. В соответствии с **У. В. В.** долговой процент был ограничен до 20 % годовых, что ограничило произвол ростовщиков и улучшило положение простых людей. Облегчено было положение закупов (см. **Закуп**) и других категорий зависимого населения.

Устав Князя Ростислава Мстиславича об учреждении Смоленской епископии — смоленский законодательный памятник XII в., посвященный учреждению в Смоленске епископии (см. **Епископ**) и оговаривающий вопросы ее материального обеспечения и передачи церковной власти ряда публичных прав. Сохранился в списке первой половины XVI в.

Устав о закупах — часть Устава благоверного Великого Князя Владимира Мономаха (см. **Устав Владимира Всеволодовича**), посвященная облегчению положения закупов (см. **Закуп**). Был ограничен

процент долга, и закупам было разрешено зарабатывать деньги для его возвращения на стороне. Отныне это не считалось бегством.

Устав о холопах — часть Устава благоверного Великого Князя Владимира Мономаха (см. **Устав Владимира Всеволодовича**), посвященная холопам (см. **Холоп**). У. четко определил источники холопства: самопродажа в холопство; превращение в холопа человека, женившегося на рабыне без ряда (договора), оговаривающего его свободу, поступление на службу к господину на должность тиуна без ряда (договора), оговаривающего свободу (см. **Ряд**). Холопом делался сбежавший от господина закуп. Но в случае, если он уходил, чтобы заработать деньги и отдать долг, это правило не действовало. Во всех остальных случаях похолопление свободных людей запрещалось.

Устав о церковных судах Всеволода Мстиславича — новгородский законодательный памятник кон. XIII в., представляющий собой компиляцию ряда более ранних источников, в том числе и уставной грамоты святого благоверного князя Новгородского Всеволода Мстиславича. У. определял соотношение основных государственных органов Новгородской республики: князя, епископа и выборной вечевой администрации.

Уставы — памятники княжеского законодательства, посвященные вопросам государственного управления, социальных отношений, судопроизводства, торговли и т.д.

Устюжский летописный свод — см. **Архангелогородский летописец**.

Ушкуйник — новгородские речные пираты, появившиеся в 20-е XIV в. и совершавшие на речных судах (ушкуях) набеги на древнерусские города, расположенные по Волге, на Золотую Орду, на финно-угорские народы Севера и т.д. Возникновение У. было обусловлено социальной стратификацией новгородского общества и ростом социальных противоречий. Люди, недовольные своим положением, пополняли ряды У.

Ф

Феодал — в Средние века крупный землевладелец Западной Европы (владелец феода — наследственного земельного владения). Вла-

дения **Ф.** обрабатывали люди, находившиеся в феодальной зависимости. Различие между феодальной зависимостью и рабством (см. **Рабовладельческая формация**) в том, что феодально-зависимые крестьяне, в отличие от рабов, не отделены от средств производства.

Финны — группа народов, говорящих на финских языках, часть финно-угров (см. **Угро-финны**), а также название конкретного народа. К **Ф.** относятся следующие народности: финны, карелы, эстонцы, саамы, мордва, мари, коми и т.д.

Формация — термин марксистской (материалистической) теории истории. По К. Марксу, общественно-экономических **Ф.** пять, каждая из которых характеризует исторический тип общества, в основе которого лежит определенный способ производства материальных благ. Последователи этого марксистского подхода к истории выделяют первобытнообщинную (см. **Первобытнообщинная система**), рабовладельческую (см. **Рабовладельческая формация**), феодальную (см. **Феодал**), капиталистическую и социалистическую формацию, последняя, по их мнению, со временем должна прийти на смену капиталистической.

Фракийцы — группа индоевропейских народов, населявших в древности северо-восток Балканского полуострова и северо-запад Малой Азии и впоследствии смешавшихся с другими народами.

Фратрия — в рамках первобытнообщинного строя (см. **Первобытнообщинная система**) у ряда народов племени делились на **Ф.**, отношения между которыми носили характер ритуальной вражды и соперничества. В то же время браки обычно заключались именно между представителями разных **Ф.**, и регулирование брачных отношений было основной их функцией. Обычно **Ф.** было две, хотя известны и племена, состоявшие из трех **Ф.**

Х

Хазары — тюркоязычный народ, создавший в VII–X вв. свое государство на Северном Кавказе, в Прикаспии и бассейне Нижней Волги. Хазарская верхушка приняла иудаизм (см. **Иудеи**), но основная масса населения Хазарии исповедовала язычество, христианство и ислам. **Х.** вели войны с арабами и конкурировали с Римской Империей за власть в Крыму и Северном Причерноморье. Согласно По-

вести временных лет (см. **Повесть временных лет**), **Х.** платил дань (см. **Дань**) и ряд славянских этнополитических союзов (см. **Восточнославянские межплеменные объединения**): северяне (см. **Северяне**), поляне (см. **Поляне**), радимичи (см. **Радимичи**) и вятичи (см. **Вятичи**). Большая часть из них была переподчинена Киеву Князем Олегом, а вятичи — Князем Святославом. Святослав же разгромил Хазарию и ликвидировал ее как государство. После этого **Х.** сливаются с другими народами и с XI в. исчезают со страниц источников.

Холоп — так в Древней Руси именовался раб мужского пола. Женщина-рабыня называлась «роба». Отличие **Х.** от челядина (см. **Челядь**) состояло в том, что челядинами были рабы-военнопленные, а **Х.** были рабами местного происхождения, попавшими в рабство большей частью за долги, за поступление на службу или женитьбу на рабыне без заключения ряда (договора), оговаривающего свободу (см. **Ряд**). Положение **Х.** было тяжелым. После смуты в Киеве в 1113 благоверный Великий Князь Владимир Мономах четко прописал источники холопства и ограничил возможности похолопления свободных людей (см. **Устав о холопах**).

Хорс — в древнерусской языческой мифологии бог солнца, занимал одно из первых мест в пантеоне Великого Князя Владимира (наряду с Перуном), упоминается во многих древнерусских текстах: Повести временных лет (980), в одной из редакций «Беседы трех святителей», в «Слове о полку Игореве» (здесь это слово с эпитетом «Великий» было расшифровано П.И. Прейсом как «Хорс», солнце, только в 1840).

Ц

Целование креста — процедура, которая в Древней Руси скрепляла заключение договоров, например, между народом и князем или между двумя князьями. Считалось, что после **Ц. к.** договор уже нельзя было нарушить, хотя на практике договоры, скрепленные **Ц. к.**, часто нарушались.

Ч

Чадь — одно из обозначений народа, людей (см. **Люди**) в Древней Руси. Обычно термин **Ч.** обозначал простых людей, но мог служить и

для обозначения знати. Тогда к нему прилагалось какое-то определение, например, «нарочитая чадь».

Чам-Пас — имя одного из мордовских (см. **Мордва**) божеств (Чипас Шибавас в передаче П.И. Мельникова).

Чаргова чадь — перебитые в 1173 в Галиче боярами какие-то приближенные любовницы князя Галицкого Ярослава Осмомысла Настасьи или самого князя. Вероятно, незнатного происхождения. По И.Я. Фроянову, не славянского, а степного.

Чашник — см. **Стольник**.

Челядь — так именовались в Древней Руси рабы-военнопленные.

Четъи-Миней Димитрия Ростовского — составленный святителем Димитрием Ростовским свод житий русских святых, расположенных по порядку месяцев и дней каждого месяца.

Ш

Шайтан — так в исламе именуется существо, являющееся врагом верующих в Аллаха, желающее отвлечь их разными способами от веры и пакосящее им.

Щ

Щитник — ремесленник, изготавливающий щиты.

Я

Ябедник — представитель княжеской (см. **Князь**) администрации, участвующий в судопроизводстве. Вероятно, обвинитель на суде. Выполнял также обязанности судебного пристава. Из новгородских берестяных грамот известно, что **Я.** занимался арестом имущества и вызовом в суд. Кроме того, **Я.** мог исполнять и иные поручения князя.

Ярослави грамоты — какой-то несохранившийся договор между новгородцами и Князем Ярославом Мудрым, регулирующий отношения между князем и городской вечевой общиной. Впоследствии

новгородцы не раз апеллировали к ним при выяснении отношений с князьями.

Ясы — так в Древней Руси именовали аланов (см. **Географический указатель, Алания**).

А

Алания (Страна ясов) — область на Северо-Западном Кавказе. Впервые аланы упоминаются в источниках начала н. э., постепенно занимают лидирующее положение среди восточной части сарматов, в середине — 2-й пол. I тыс. по Р.Х. складывается раннегосударственное образование аланов со столицей в городе Маас, точное местонахождение которого пока не установлено. Аланы играли важную роль в международных отношениях Юго-Восточной Европы. В 1238–1239 А. была завоевана монголами, но впоследствии аланы не раз поднимали восстания против золотоордынского господства. 569

Альта, река — правый приток р. Трубеж (левого притока Днепра). В 1015 на ее берегах был убит по приказу Святополка Окаянного святой Князь Борис, а в 1019 сам Святополк был разгромлен на А. благоверным Князем Ярославом Мудрым. В 1068 на А. русские войска были разбиты половцами, что послужило причиной восстания в Киеве (см. Киев). 135–137, 139, 140, 143, 145

Аркадиев монастырь (Аркаж манастирь) в Новгороде — один из монастырей средневекового Новгорода (см. Новгород), расположенный в трех километрах от города. Назван по имени игумена Аркадия, основавшего его в 1153 и ставшего впоследствии епископом Новгородским. В 1764 А.м. был закрыт. В 1961 советские археологи исследовали единственную сохранившуюся постройку монастыря — церковь Благовещения и остатки фундаментов других зданий и стен. 373, 376, 377

Афины — город в Греции. Назван в честь богини Афины, покровительницы города. А. были центром одного из ведущих полисов Античной Греции, крупнейшим в Древней Греции центром культуры и искусства. Ныне столица Греции. 151, 202

Б

Бабин торжок в Киеве — городская площадь, находившаяся в XI–XIII вв. между Десятинной (см. Десятинная церковь в Киеве) и Феодоровской (см. Феодоровский монастырь в Киеве) церквя-

ми. Согласно «Повести временных лет», эта площадь была украшена квадригой, которую Владимир Святославич привез как трофей из Херсонеса после похода на город в 988. Восточнее Десятинной церкви археологами раскопаны фундаменты княжеского дворца. Перед этим дворцом и находился **Б.т.**, бывший местом не только для торгового, но и для проведения общественных мероприятий (см. **Киев**). 244

Белая Русь — название, распространившееся в XIV–XVI вв. на территорию древнерусской Полоцкой земли (см. **Полоцк**), примерно соответствующую территории современной Беларуси. В 1382 в «Хронике Польши» Яна из Чарнкова Полоцк назван «крепостью Белой Руси» («*Castro Albae Russiae Polozk dicto*»). В источниках Великого Княжества Литовского (см. **Литва**) данное название впервые зафиксировано под 1585 в Инвентаре францисканского монастыря в Ошмянах. Постепенно закрепляется за всеми землями современной Беларуси. Есть несколько версий происхождения данного названия, из которых наиболее убедительно предположение о его вхождении, наряду с Черной и Червонной (Красной) Русью, в тройку «цветовых» названий, связанных с обозначением определенным цветом разных стран света (белый цвет — запад, черный — север и т.д.). 520, 524, 606

Белгород (Белград, Белаград, Белагород, ныне Белгород-Днестровский в Одесской обл., Украина) — древнерусский город у впадения Днестра (см. **Днестр**) в Черное море. Согласно летописному преданию, основан святым равноапостольным Великим Князем Владимиром Святославичем в 991. Вскоре на город напали печенеги. Жителям хитростью удалось отстоять **Б.**: они наполнили колодец продуктами и показали его печенегам, сказав, что достают их из земли, а потому не боятся осады (летописное предание «о белгородском киселе»). 101, 144, 147, 184, 273

Белоозеро (ныне Белозерск в Вологодской обл.) — древнерусский город на берегу о. Белого, у впадения в него р. Шексны (в XIV в. был перенесен на место современного расположения). Впервые упоминается в «Повести временных лет» под 862 в повествовании о призвании варягов, согласно которому **Б.** получил брат Князя Рюрика Синеус. С 1238 — центр самостоятельного княжества, в 1370-х Белоозеро вошло в состав Великого Княжества Московского, с 1389 — центр удела, с 1486 — центр Белозерского уезда. 91, 101, 105, 109–112, 115, 116, 339, 559

Берестово (ныне в черте Киева) — княжеское село под Киевом (см. **Киев**). В **Б.** находилась загородная резиденция древнерусских князей начиная со святого равноапостольного Великого Князя Владимира Святославича, который здесь и умер. В дальнейшем в **Б.** проживали киевские правители: благоверный Великий Князь Ярослав Мудрый, Великий Князь Святослав Ярославич, Великий Князь Всеволод Ярославич, благоверный Великий Князь Владимир Мономах и др. В 1072 в **Б.** была построена Церковь Спаса (см. **Спас на Берестове**), ставшая местом упокоения Великого Князя Юрия Владимировича Долгорукого. В **Б.** также находился княжеский дворец (не сохранился до наших дней). 181–187, 189–191

Берестье (ныне Брест — центр Брестской обл., Беларусь) — древнерусский город у впадения р. Муховец в Западный Буг. Возник, согласно материалам раскопок последних лет, в кон. X в. Впервые упоминается в летописи под 1019 в рассказе о борьбе Святополка Окаянного и Князя Ярослава Владимировича Мудрого, в ходе которой город был захвачен поляками. Возвращен в состав Руси Великим Князем Ярославом Мудрым. Со 2-й пол. XII в. **Б.** входило в состав Волынской земли (см. **Волынь**), на обладание городом претендовала и Польша (см. **Польша**). Ныне в раскопанной части древнего **Б.** создан уникальный археологический музей. 338

Берлад (ныне Бырлад в Румынии) — город в низовьях Дуная, по имени которого так именовалась и вся окружающая местность, населенная так называемыми берладниками — выходцами из древнерусских и других соседних земель, ведшими жизнь вольных земледельцев и воинов, в чем-то подобных позднейшим казакам. 490

Бор — местность где-то в современной Эстонии или на древнерусско-чудском пограничье. Согласно летописному известию, благоверный Князь Мстислав Владимирович в 1113 разбил «на Бору» чудь. 397

Борисоглебская церковь на Смядини в Смоленске — одна из церквей средневекового Смоленска (см. **Смоленск**), построенная в 1145 в честь святых Бориса и Глеба на том месте, где по преданию был убит по приказу Святополка Окаянного его брат, князь Ростовский Борис Владимирович. Вокруг церкви образовался Борисоглебский монастырь, который впервые упоминается в летописи под 1138. В годы польского владычества монастырь был разрушен. 427

Борисоглебская церковь в Новгороде — одна из церквей средневекового Новгорода (см. **Новгород**), построенная в честь святых Бориса и Глеба. Располагалась в детинце (см. **Детинец в Новгороде**). Сначала была деревянной (упоминается под 1146), затем в 1167 Сотко Сытинич построил новую каменную церковь, посвященную свв. Борису и Глебу. В 1173 **Б.ц.** освящена святителем Иоанном (Ильей), архиепископом Новгородским. В дальнейшем не раз гибла в пожарах и отстраивалась вновь. В 1652 здание церкви рухнуло, и больше она не восстанавливалась. 266, 368, 370–376

Боричев увоз в Киеве — дорога с Подола (см. **Подол в Киеве**) в нагорную часть Киева (см. **Гора в Киеве**). Название представляет собой притяжательное прилагательное от имени «Боричь». Впервые упоминается в «Повести временных лет» в рассказе об основании Киева: Кий, по словам летописца, сидел на горе, где во времена летописца располагался **Б.у.** Последний раз упоминается в «Слове о полку Игореве» как дорога, по которой князь Игорь идет к церкви Богородицы Пирогощей. По мнению большинства исследователей, **Б.у.** тождественен современному Андреевскому спуску. 18, 41, 244

Брутовъщина, река — некая река под Ростовом (см. **Ростов**), один раз упомянутая в «Повести временных лет» в контексте рассказа о крещении Ростова святителем Леонтием в 70-е XI в. 56

Брачиславль двор в Киеве — торговое подворье полочан в Киеве. Упоминается в «Повести временных лет» в контексте рассказа о киевском восстании 1068. Из скандинавской «Саги об Эймунде» следует, что Полоцкий князь Брячислав после заключения мира между ним и Великим Князем Ярославом Мудрым три года провел в Киеве (см. **Киев**). Одни исследователи относят возможность этого события к 1019–1021, другие — к 1024–1026. Возможно, именно с его пребыванием здесь связано появление в городе **Б.д.**, который в дальнейшем стал использоваться полоцкими купцами, торговавшими с Киевом (см. также **Глебов двор**). 138

В

Варварин монастырь в Новгороде — один из монастырей средневекового Новгорода (см. **Новгород**), построенный в честь святой

Варвары. Располагался на древней Черницыной улице. Впервые упомянут в летописи под 1138. 314, 377

Венгрия — государство в Центральной Европе на Среднем Дунае. Образовалось в IX–XI вв. в результате прихода на эту землю и христианизации кочевников-венгров, пришедших в IX в. из Приуралья и прокочевавших через южно-русские степи. Столица в раннем Средневековье — Буда. Правящая в раннем Средневековье династия — Арпады (до 1301). **В.** не раз вмешивалась в политическую борьбу в Юго-Западной Руси (см. **Юго-Западная Русь**). В XVI в. **В.** была завоевана Османской империей. 163, 475, 503

Венден (Кесь, ныне Цесис в Латвии) — крепость и город Ливонского ордена. Впервые упоминается в источниках в 1208. Был основан крестоносцами как один из опорных пунктов для завоевания Прибалтики. Назван по имени местного племени вендов. Входил в Ганзейский союз. В XVIII в. венденский замок был разрушен. 380

Верх (Върх, Бежецкий Верх) — древнерусская историческая местность в Новгородской земле (см. **Новгородская земля**) вокруг селения Бежицы (впервые упоминается в летописи в 1137) — центра Бежецкой пятины. В 1272 Бежицы были разорены, и центр края переместился в крепость Городецк (ныне Бежецк в Тверской обл.). В кон. XIV в. **В.** вошел в состав Великого Княжества Владимирского и Московского. 359

Византия (Ромейская Империя, Греческая земля, Гречьска земля) — устоявшееся в науке название государства, возникшего в 395 в результате разделения Римской империи на Западную и Восточную части. Это название не соответствует исторической действительности. Жители этого государства никогда так не называли ни себя, ни свое государство, также и в деловых документах или других письменных источниках соседних стран такое название не применялось к Восточной Римской империи. Такое имя, по древнему греческому городу, предшествовавшему Константинополю, появилось в лексиконе торговцев и рыцарей-крестоносцев из средневековых западноевропейских стран, обнаруживая тенденцию варварского сознания человека средневековой Европы оправдать свое стремление узурпировать наследие Древнего Рима посредством унижения достоинства его прямой наследницы. В отличие от Западной Римской империи

Восточная Римская империя устояла под ударами варваров и сохранила многие античные традиции, культуру, а также стала первой и единственной христианской монархией на закате Древнего мира. Была одним из важнейших государств раннесредневекового мира, его политических и культурных центров. Оказала значительное влияние на Древнюю Русь. Была основным источником проникновения Христианства на древнерусские земли. В 1453 Восточная Римская империя пала под ударами турок-османов. Первые немецкие, французские и английские историки (XVI–XVII вв.) некритично отнеслись к выдумке своих предков либо сознательно ввели термин **В.** в историческую науку. 25, 58, 148, 448, 451, 546, 557

Витебский удел — часть Полоцкой земли с центром в Витебске (ныне центр Витебской обл., Беларусь). После смерти в 1101 Полоцкого князя Всеслава Брючиславича единство Полоцкой земли начало рушиться и ее крупнейшие города обзавелись собственными князьями. В Витебске сел его сын князь Святослав. В XIII в. Витебск попал в сферу влияния литовских князей. После того как в 1320 бездетным умер последний Витебский князь Ярослав Василькович, Витебское княжество было включено в состав Великого княжества Литовского (см. **Литва**). 453

Владимир (Владимерь, Володимер) — см. **Владимир-на-Клязьме**; см. **Владимир-Волинский**.

Владимир-Волинский (в древнерусское время — просто **Владимир**, ныне в Волынской обл., Украина) — древнерусский город, расположенный на берегу р. Лути, центр Волынской земли (см. **Во-лынъ**). Согласно В.Н. Татищеву, был основан святым равноапостольным Великим Князем Владимиром Святославичем во время его походов на Волынъ и Карпатскую Хорватию. В «Повести временных лет» впервые упомянут под 988 в рассказе о том, как Князь Владимир Святославич сажает своих сыновей по ключевым городам. С XII в. центр Волынской земли, обособившейся от власти Киева. В 1240 взят монголами. 55, 159, 475, 476, 479–485, 504, 506, 507

Владимир-на-Клязьме (в древнерусское время — просто **Владимир**, ныне центр Владимирской обл.) — древнерусский город в Северо-Восточной Руси (см. **Северо-Восточная Русь**) на р. Клязьме. Основан, согласно «Повести временных лет», в 1108 благоверным

Князем Владимиром Мономахом, а согласно ряду поздних летописей — святым равноапостольным Великим Князем Владимиром Святославичем. Город быстро вырос и стал одним из крупнейших в Северо-Восточной Руси. В 1157 благоверный Князь Андрей Боголюбский перенес сюда столицу региона, после чего начался расцвет города. В 1238 взят монголами. С 1299 стал резиденцией русских митрополитов. Постепенно единство Северо-Восточной Руси распалось, и после монгольского нашествия **В.** стал ее номинальной столицей, за обладание которой соперничали московские, тверские и нижегородские князья, так как князь, получивший в Орде ярлык на **В.**, становился старшим над всеми князьями Северо-Восточной Руси. Со времени Дмитрия Донского **В.** стал находиться в составе Московского княжества, утратив свой статус столицы, хотя номинально сохранял значение великокняжеского города (см. **Московское государство**). 23, 137, 325, 332, 333, 348, 350, 361, 384, 397, 516, 517, 524, 527–530, 532–546, 549, 552, 554, 556–558, 561, 562, 565–567, 570–574, 576–599, 602–610

Владими́ро-Сузда́льская земля — так именуется Северо-Восточная Русь (см. **Северо-Восточная Русь**) во 2-й пол. XII — 1-й пол. XIII вв. — в период, когда главную роль в регионе играли соперничающие города Владимир (см. **Владимир-на-Клязьме**) и Суздаль (см. **Суздаль**). 324, 336, 361, 395, 586

Волга, река — крупнейшая река в Европе (длина 3530 км, площадь бассейна 1360 тыс. км²), берет начало на Валдайской возвышенности и впадает в Каспийское море. В верховьях **В.** проживала часть восточнославянского этнополитического союза кривичей. По **В.** проходил торговый путь, связывавший Русь с Волжской Булгарией, Прикаспийским регионом и странами Востока. На ее берегах находятся важные древнерусские города: Ржев, Тверь (см. **Тверь**), Ярославль (см. **Ярославль**), Кострома (см. **Кострома**), Нижний Новгород и т.д. 20, 50, 56, 87–89, 101, 111, 163, 419, 420, 528, 587

Волок Ламский (Ламьский Волок, ныне Волоколамск в Московской обл.) — древнерусский город на берегу р. Ламы. Впервые упоминается в летописи под 1135. Название происходит от способа перемещения судов из одной реки в другую, именуемого волоком, при котором под корабли подкладывали бревна и волокли их по земле (в данном случае из Ламы в Волошню — приток Рузы). За обладание **В.Л.** соперничали Новгород и Владимирские, а позднее Московские

Князья. С 1332 в составе Великого Княжества Владимирского и Московского. 121, 325, 332, 359

Волхов (Волхово), река — вытекает из о. Ильмень, впадает в о. Ладожское. На его берегах проживал восточнославянский этнополитический союз словен. По **В.** проходил в IX–X вв. знаменитый торговый путь «из варяг в греки», а позднее — путь, связывающий Новгород с Балтийским регионом. На берегах **В.** расположены такие важные древнерусские центры, как Городище (см. **Городище**), Новгород (см. **Новгород**), Ладога (см. **Ладога**). 20, 21, 23, 24, 52, 53, 70, 116, 278, 298, 308, 348, 372, 381, 382, 412

Волинь (Волинская земля) — регион по обоим берегам Западного Буга и в верховьях Припяти. В XII в. в ее состав вошли земли по р. Горыни, среднему течению Буга и средним левым притокам Немана. На **В.** существовали в VI–X вв. мощные славянские этнополитические союзы: дулебы, бужане, воляняне. В кон. X в. **В.** была подчинена Киевом, а в XII в. освободилась от его власти, став самостоятельной политической единицей. Столица — Владимир-Волинский (см. **Владимир-Волинский**). В 1199 объединилась с Галицкой землей (см. **Галицкая земля**). В сер. XIV в. **В.** вошла в состав Великого княжества Литовского (см. **Литва**). 475, 477, 478, 480, 484, 499, 504

Вручий (ныне Овруч в Житомирской обл., Украина) — древнерусский город на р. Норин (приток Припяти). Впервые упомянут в «Повести временных лет» как центр Древлянской земли (см. **Древлянская земля**), в котором правил сын Великого Князя Святослава Игоревича князь Олег под 977. В XII–XIII вв. один из городов в Киевской земле (см. **Киевская земля**), который Киевские князья обычно выделяли в качестве удела в Русской земле «в узком смысле» (см. **Русская земля**) кому-то из своих младших родственников. Был знаменит производством шифера. В 1362 вошел в состав Великого княжества Литовского (см. **Литва**). 501, 503

Всеволож (Всеволожь) — древнерусский город в Волинской земле (см. **Волинь**) на берегах Западного Буга. Впервые упоминается в летописи под 1097. Не играл особо важной роли в жизни Волини, в Галицко-Волинской летописи упоминается лишь один раз. Наиболее вероятно, что этому летописному городу соответствует древнерусское городище близ Старгорода в Львовской обл., Украина.

Вышгород (Вышегород, Вусеград, «град Вользин», Ольгин град, ныне в Киевской обл., Украина) – древнерусский город на Днестре. Впервые упомянут у Императора Константина Багрянородного. Согласно «Повести временных лет», в сер. X в. **В.** был владением Великой Княгини Ольги. Позднее – город в Киевской земле (см. **Киевская земля**). С 1078 управлялся собственными князьями. После монгольского нашествия пришел в упадок. 48, 164, 183, 218–224, 226–228, 286, 427, 449, 450, 519–521, 523, 524, 538

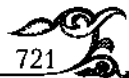
Г

Галицко-Волынская Русь (см. Юго-Западная Русь).

Галич (в Ивано-Франковской обл., Украина) – древнерусский город в Юго-Западной Руси (см. **Юго-Западная Русь**) на р. Днестре, центр Галицкой земли (см. **Галицкая земля**). Впервые упомянут в летописи под 1140, согласно археологическим данным, возник в сер. X в. Летописец связывал его основание с «Галичиной могилой» – курганом в окрестностях Г., бывшим, вероятно, захоронением князя – основателя города, по имени которого он и был назван. Со 2-й пол. XII в. **Г.** выдвигается на первое место в регионе, оттесняя другие города (Перемышль, Теревовль и др.) на второй план. В 1240 взят монголами. 159, 161, 314, 361, 474–476, 485–489, 491, 493–495, 497–507, 519

Галицкая земля (Галичина, Галичиния, Галица) – регион на юго-западе Руси, в верховьях Днестра и Прикарпатье, часть Юго-Западной Руси (см. **Юго-Западная Русь**). Сформировался на основе земли карпатских хорватов. С кон. X в. Г.з. под властью Киева, от которой освободилась в кон. XI в. Была одной из основных древнерусских земель. Первоначально главную роль в регионе играли Теревовль (см. **Теребовль**) и Перемышль (см. **Перемышль**), а с сер. XII в. его центром становится Галич (см. **Галич**). В 1199 объединилась с Волынской землей (см. **Волынь**). В кон. XIV в. вошла в состав Польши (см. **Польша**). 474–477, 488–492, 498–502, 504

Георгиев (Юрьев) монастырь в Новгороде – один из монастырей средневекового Новгорода. Находится в 5 км от Новгорода на берегу р. Волхов у о. Ильмень. По преданию основан в 1030 благоверным Великим Князем Ярославом Мудрым, в крещении носившим имя в честь великомученика Георгия (Юрия), которому был посвящен глав-

ный собор монастыря. В летописи впервые упоминается под 1119. В XII–XIII вв. стал главным монастырем Новгорода. Ныне действующий монастырь Русской Православной Церкви. 324, 348, 373

Георгиевский собор в Юрьеве монастыре — собор, заложенный в Юрьевом монастыре (см. **Георгиев монастырь в Новгороде**) в 1119 по повелению святого благоверного Князя Мстислава Великого. Строился по проекту зодчего Петра — первого русского архитектора, чье имя нам известно. Освящен в 1130 епископом Новгородским Иоанном. Стал усыпальницей ряда древнерусских князей и новгородских посадников. В ходе предпринятой в 1830-е реставрации собора большая часть древнерусских фресок была утрачена.

Германия — страна в Центральной Европе, населенная в древности разными племенами, называемыми римлянами германцами. Корни названия Г. как объединения разных народов Восточной части распавшейся Франкской империи видят в политическом образовании, которое было провозглашено в Риме в 962 во время коронации восточнофранкского короля Оттона I как императора Священной Римской империи германской нации. Это образование быстро распалось на множество королевств, княжеств и отдельных городов и до 1870 не являлась единым государством. 122

Глебов двор в Киеве — торговое подворье полочан в Киеве. Первоначально «двор Брячиславль» по имени князя Полоцкого Брячислава (см. **Брячиславль двор в Киеве**). В 1147 назван в летописи «Глебовым двором» по имени его внука, князя Минского Глеба Всеславича (см. **Киев**). 241

Гора в Киеве — район, где находился княжеский двор. Туда Великий Князь Изяслав Ярославич в 1069 перенес киевский торг, дабы поставить под свой контроль вечевые собрания, которые могли там проходить (см. **Киев**). 137, 138, 148–151, 227–229

Городец (Городец-Остерский, ныне Остер в Черниговской обл., Украина) — древнерусский город в Переяславской земле (см. **Переяславская волость**) у впадения р. Остер в Десну. Основан в 1098 благоверным Князем Владимиром Мономахом. Был важной крепостью, защищавшей Переяславскую землю от набегов кочевников. С 1356 под властью Великого княжества Литовского (см. **Литва**). 217

Городецкий удел — часть Полоцкой земли (см. **Полоцк**) с центром в Городце (ныне поселок в Брестской обл., Беларусь). Обособился при распаде Полоцкой земли после смерти князя Всеслава Брючиславича в 1101. Со 2-й пол. XIII в. под властью Литвы (см. **Литва**). 453

Городище — ремесленно-торговый и административный центр IX–X вв. у истоков Волхова. Возникает в сер. IX в., предшественник Новгорода (см. **Новгород**). Как этот населенный пункт назывался в IX–X вв., точно неизвестно. С XIX в. в историографии закрепился термин «Рюриково городище», так как именно там, скорее всего, располагалась резиденция Князя Рюрика, а затем и Князя Олега Вещего до его похода на юг. После возникновения Новгорода в сер. X в. это поселение не выдержало конкуренции с ним и пришло в упадок. В летописи впервые упоминается в 1103 под названием «Городище», что указывает на то, что ранее оно было заброшено и его название забыто. С 30-х XII в. Г. становится резиденцией Новгородских князей. 330, 361, 362, 368, 369, 395

Д

Дания — государство в Северной Европе, расположенное на Ютландском п-ове и прилегающих о-вах. Датское государство сложилось в IX–X вв. Столица в раннем Средневековье — Роскилле (до 1443). Правящие в раннем средневековье династии: Кнютлинги (ок. 917–1042), Инглинги (1042–1047); династия Эстридсена (1047–1412). В сер. X в. Д. приняла Христианство по западному обряду. Внучка благоверного Великого Князя Ярослава Мудрого Ингигерд (дочь его дочери Елизаветы и норвежского короля Харальда III Сигурдарсона) вышла замуж за датского конунга Олава Свейнссона и стала королевой Д. 122

Двинская земля — историческая область в бассейне р. Северной Двины (см. **Северная Двина**). Ныне часть Архангельской обл. В кон. I – нач. II тыс. по Р.Х. была заселена финно-угорскими народами («чудь заволочская» древнерусских источников). Вероятно, здесь находилась Биармия скандинавских саг. В XII–XIII вв. Д.з. продвинулись новгородцы, подчинившие местное население и обложившие его данью. Регион стал новгородской волостью Заволочье (см. **Заволочье**). По мере усиления Москвы она вступила в борьбу за власть над Подвиньем и постепенно подчинила его южную часть. После под-

чинения Новгорода Москве в 1478 вся Д.з. входит в состав Великого Княжества Владимирского и Московского. 367

Десна, река — левый приток Днепра (см. **Днепр**). На ее берегах проживали восточнославянские этнополитические союзы радимичей и северян. На Д. расположены важные древнерусские города Новгород-Северский и Чернигов (см. **Чернигов**). Впадает в Днепр близ Киева (см. **Киев**). 450

Десятинная церковь в Киеве — церковь Успения Пресвятой Богородицы. Возведена святым равноапостольным Великим Князем Владимиром на месте гибели варягов-мучеников Федора и Иоанна. Согласно Повести временных лет, была построена в 989–996 греческими мастерами. Строилась в качестве кафедрального собора, располагалась рядом с княжеским теремом. Д.ц. освящалась дважды: по завершении строительства и в 1039 при благоверном Великом Князе Ярославе Мудром. Князь Владимир выделил на ее содержание десятую часть своих доходов, откуда и происходит название церкви. В Д.ц. были похоронены некоторые древнерусские князья, включая самого Князя Владимира Святого. В 1240 она была разрушена при штурме Киева татаро-монголами (см. **Киев**). 151, 223, 245

Детинец в Новгороде (град Новгорода) — цитадель Новгорода (см. **Новгород**) на левом берегу р. Волхов (см. **Волхов**) на Софийской стороне (см. **Софийская сторона в Новгороде**). Впервые упоминается в летописи в 1044. В X – нач. XI вв. на месте будущего Д. были жилые усадьбы Людина конца (см. **Людин конец в Новгороде**). Первый деревянный Д. был построен святым благоверным Князем Владимиром, сыном Князя Ярослава Мудрого в 1045–1052. Несколько раз горел и перестраивался. После 1136 Д. перестал быть княжеской резиденцией, которая была перемещена на Городище (см. **Городище**) и стала местом пребывания новгородской вечевой администрации. В Д. находилась и резиденция архиепископа — Владычный двор. В 30–е XV в. деревянные стены Д. были полностью заменены на каменные. После присоединения Новгорода к Москве Д. был существенно перестроен. 371, 373

Дмитров (ныне в Московской обл.) — древнерусский город в Северо-Восточной Руси (см. **Северо-Восточная Русь**) на берегу р. Яхромы. Основан в 1154 Князем Юрием Долгоруким. После монгольско-

го нашествия стал центром самостоятельного княжества, которое в 1364 вошло в состав Великого Княжества Владимирского и Московского. 609

Днепр, река — крупнейшая река Киевской Руси. Берет начало на Валдайской возвышенности и впадает в Черное море. На ее берегах проживали восточнославянские этнополитические союзы кривичей, радимичей, северян, древлян, полян. По Д. проходила значительная часть важнейшего торгового пути «из варяг в греки». На Д. расположен ряд важных древнерусских городов: Смоленск (см. **Смоленск**), Любеч (см. **Любеч**), Вышгород (см. **Вышгород**), Киев (см. **Киев**). 50, 57, 142, 217, 247, 248, 253, 419, 420

Днестр, река — берет начало в Карпатах и впадает в Черное море. На берегах Д. жили восточнославянские этнополитические союзы хорватов и тиверцев. С XI в. в его верховьях располагалась Галицкая земля (см. **Галицкая земля**). На берегах Д. расположены такие важные древнерусские города, как Галич (см. **Галич**) и Белгород (см. **Белгород**). 490, 498

Дон, река — берет начало на Среднерусской возвышенности и впадает в Азовское море. По Д. русские купцы вели торговлю со странами Прикаспийского региона и Востока. В X в. в ходе своих военных экспедиций на Каспий русы шли по Д., а затем по Волге. На Д. находилась хазарская крепость Саркел, ставшая после разгрома Хазарии Великим Князем Святославом Игоревичем древнерусской Белой Вежей. 163

Дорогобуж (ныне село в Ровенской обл., Украина) — древнерусский город в Волынской земле (см. **Волынь**). Впервые упоминается в летописи под 1084. До этого назван в «Правде Ярославичей». Имел собственный княжеский стол. Со 2-й пол. XII в. Д. находился под властью пересопницких, а затем галицко-волинских князей. Со 2-й пол. XIV в. Д. в составе Великого княжества Литовского (см. **Литва**), где стал владением князей Острожских. 476, 477

Древлянская земля (Деревская земля, Деревы) — территория проживания восточнославянского этнополитического союза древлян, расположена в бассейне р. Припяти. Древляне были основным и наиболее упорным врагом Киева (см. **Киев**) в его борьбе за объединение восточнославянского мира в кон. IX – 1-й пол. X в. С ними воевали Князья Киевские Олег и Игорь. При попытке повторно собрать дань

с древлян Князь Игорь, согласно «Повести временных лет», был ими убит в 945. Вдова Игоря Великая Княгиня Ольга подавила восстание древлян и сожгла их столицу Искоростень (см. **Искоростень**), после чего столица Д.з. переместилась во Вручий (см. **Вручий**). 34, 35, 38, 43, 46–51

Друцк (ныне деревня в Витебской обл., Беларусь) — древнерусский город в Полоцкой земле (см. **Полоцк**) на берегах р. Друти. В 1078 упомянут в «Поучении» благоверного Великого Князя Владимира Мономаха, первое летописное упоминание о Д. относится к 1092. С 1101 центр самостоятельного удела (см. **Друцкий удел**). К XV в. пришел в упадок. 450, 455, 457, 458

Друцкий удел — часть Полоцкой земли (см. **Полоцк**) с центром в Друцке (см. **Друцк**). Обособился при распаде Полоцкой земли после смерти Всеслава Брючиславича в 1101. В сер. XIV в. вошел в состав Великого княжества Литовского (см. **Литва**). 453

Дубна (ныне в Московской обл.) — древнерусский город в Северо-Восточной Руси (см. **Северо-Восточная Русь**) на р. Волге (см. **Волга**). Впервые упоминается в летописи под 1134, основан Великим Князем Юрием Долгоруким. Разрушен монголами в 1238 и как город уже не возродился, став селом. 278

Дудutki — по всей вероятности, древнерусский населенный пункт или какая-то местность. Упоминается в «Слове о полку Игореве» в контексте повествования о князе Полоцком Всеславе Брючиславиче, который, по словам автора поэмы, «...сочи влькомъ до Немиги съ Дудутокъ». Д. точно не идентифицированы. Среди ученых есть несколько версий локализации этого населенного пункта: с. Будутино, принадлежавшее Великой Княгине Ольге; селение Дудичи близ Минска на р. Птичи, местность ок. Новгорода (см. **Новгород**) и т.д. Высказывалось также предположение об ошибке соответствующего места дошедшего до нас текста поэмы. 144

Е

Евразия — самый большой континент на Земле (площадь — 53 893 тыс. км², около 36 % всей площади суши). Население на 2010 составляло более 4,8 млрд, ок. 3/4 населения Земли. В Е. возникли древнейшие цивилизации планеты (шумерская, индийская и китайская) и три

мировые религии: Христианство, буддизм и ислам, а также (после рассеяния по миру евреев) иудаизм. 114

Египет — государство на северо-востоке Африки. Родина одной из первых цивилизаций на Земле. В I в. до Р.Х. **Е.** вошел в состав Римской империи (см. Рим), а затем Восточной Римской империи (см. **Ромейская Империя**). В VII в. был завоеван арабами и вошел в состав Арабского халифата. С арабского завоевания в **Е.** распространился ислам. С 972 **Е.** — независимое государство под властью династии Фатимидов, а с 1171 — Айюбидов (до 1250). 564

Епископская улица (Бискупская улица, Пискупля улица) в Новгороде — одна из древнейших улиц средневекового Новгорода (см. **Новгород**). Расположена на Софийской стороне (см. **Софийская сторона в Новгороде**) на территории Новгородского кремля (см. **Детинец в Новгороде**). Ее мостили на средства новгородского епископа, откуда и происходит название этой улицы. Проходила от Воскресенской к Пречистенской башне. В конце этой улицы стоял построенный при святом равноапостольном Великом Князе Владимире Святославиче деревянный Софийский собор, на месте которого в 1167 знатный новгородец Сотко Сытинич построил Борисоглебский собор (см. **Борисоглебская церковь в Новгороде**). 372

Ж

Ждана-гора (Жданая гора) — находится в Ярославской обл. на берегу р. Кубрь. В 1135 около нее состоялась битва между Ростово-Суздальским князем Юрием Долгоруким и Новгородским князем Всеволодом Мстиславичем, в ходе которой новгородцы были разгромлены. 278, 282

Жидовские ворота в Киеве — находились в северо-западной части «города Ярослава» и связывали его с Копыревым концом (см. **Копырев конец**), в юго-западной части которого располагалась еврейская община Киева (см. **Киев**). 177

З

Заволочье — так в XI–XIV вв. именовалась подвластная Новгороду (см. **Новгородская земля**) область, расположенная в бассейне Север-

ной Двины и Онеги (см. **Двинская земля**), за «волоками», которые связывали о. Онежское с о. Белым и р. Шексной. В 1070-х изгнанный новгородцами князь Глеб Святославич бежал в **З.** и был там убит. 367

Залесский край — древнерусское название междуречья Оки и Волги. То же, что и Северо-Восточная Русь (см. **Северо-Восточная Русь**). 516, 542

Звенигород (ныне **Звенигородка** в Черкасской обл., **Украина**) — древнерусский город в Киевской земле (см. **Киевская земля**) на р. Гнилой Тикич. Впервые упоминается в летописи под 1097 в связи с тем, что здесь был ослеплен Тербовльский князь (см. **Тербовль**) Василько Ростиславич. В дальнейшем не играл важной роли. 478–480, 486

Знамения церковь в Новгороде — одна из церквей средневекового Новгорода (см. **Новгород**). Построена в 1356. Стала собором Знаменского монастыря. В эту церковь новгородцы перенесли чудотворную икону Божьей Матери, до того времени находившуюся в церкви Спаса Преображения, которая, по преданию, помогла им победить войско Северо-Восточной Руси (см. **Северо-Восточная Русь**) в 1170. Эта икона, получившая название «Знамение», стала одной из самых почитаемых на Руси икон Богородицы. 564

И

Изяславльский удел — часть Полоцкой земли (см. **Полоцк**) с центром в Изяславле (ныне Заславль в Минской обл., Беларусь). Обособился при распаде Полоцкой земли после смерти князя Всеслава Брячиславича в 1101. С сер. XIV в. в составе Великого княжества Литовского (см. Литва). 453

Ирландия — остров в Западной Европе между Атлантическим океаном и Ирландским морем, второй по величине из двух крупнейших Британских островов (площадь — 84 тыс. км²), и название государства, находящегося на этом острове и занимающего большую его часть. Ирландцы относятся к кельтской группе народов. Ирландские миссионеры эпохи раннего Средневековья сыграли важную роль в распространении Христианства в Европе. 53, 95, 431

Искоростень (Изъкоръстень, ныне Коростень в Житомирской обл., Украина) — древнерусский город, столица восточнославянского этнополитического союза древлян (см. **Деревская земля**). В 945 был, согласно летописи, сожжен Великой Княгиней Ольгой с помощью военной хитрости: Княгиня заявила древлянам, что готова заключить с ними мир, удовлетвовавшись малой данью: по три голубя и воробья от двора. Обрадованные жители согласились, а Княгиня приказала привязать к лапкам птиц горящий трут и отпустить их. Птицы полетели под свои крыши, и город запылал. После этого разгрома **И.** утратил свое значение, и древлянская столица переместилась во Вручий (см. **Вручий**). 34, 47, 48, 50

Ишна, река — впадает в о. Неро. На ее берегах находится Ростов (см. **Ростов**) — один из древнейших городов северо-востока Руси. На **И.** в 1213 произошла битва между войсками князей братьев Константина и Юрия Всеволодовичей. 56

Иоанновский монастырь в Переяславле — упоминаемый в Ипатьевской летописи один из переяславских монастырей (см. **Переяславль**), куда в 1146 в «поруб» был посажен святой благоверный Князь-мученик Игорь Ольгович. По мнению некоторых исследователей, такого монастыря не существовало. 235

К

Кама, река — левый и самый крупный приток Волги (см. **Волга**). Начало берет на Верхнекамской возвышенности. На берегах **К.** в ее нижнем течении располагалась северная часть Волжской Булгарии. По **К.** проходил важный торговый путь, связывающий Поволжье с севером Европы и Уральским регионом. 20, 21

Каменка, река — приток р. Нерли (см. **Нерль**). На ее берегах стоит Суздаль — один из старейших городов северо-востока Руси (см. **Суздаль**). У впадения Каменки в Нерль находится древнерусский город Кидекша (см. **Кидекша**). 530

Катана — город на восточном берегу Сицилии близ вулкана Этна. Был основан греческими колонистами ок. 730 до Р.Х. 202

Кесь — древнерусское именование города Цесис (Венден) (см. **Венден**).

Кидекша (ныне село во Владимирской обл.) — древнерусский город у впадения р. Каменки в Нерль. Великий Князь Юрий Долгорукий построил в **К.** в 1152 церковь Бориса и Глеба, в измененном виде сохранившуюся до наших дней. Здесь была воздвигнута крепость и располагалась одна из княжеских резиденций. 530

Киев (Кыев, ныне столица Украины) — древнерусский город на берегах Среднего Днепра (см. **Днепр**). Согласно летописи, был основан Князем Кием, по имени которого и получил свое название. В 882 в **К.** обосновался пришедший с севера Князь Олег, и он стал центром формирующейся Русской державы. До монгольского нашествия был центром Киевской земли. С кон. IX в. — ее столица, оставался таковой даже тогда, когда Русь после смерти святого благоверного Князя Мстислава Великого (1132) на отдельные вотчины была поделена потомками Великого Князя Ярослава Владимировича; сохранял статус хранителя великокняжеского престола до разгрома его монголами. Резиденция русских митрополитов (до 1299). В 1169 **К.** был разгромлен войсками святого благоверного Великого Князя Владимирского Андрея Боголюбского, и его роль стала снижаться. В 1240 взят и разорен татаро-монголами, после чего его значение окончательно упало. 15–17, 19, 27, 30–34, 36, 38, 41–46, 48–60, 70, 73, 75, 76, 78, 82, 90, 92, 110, 123, 135–137, 141–144, 146–149, 151, 152, 158, 159, 161, 164, 166–177, 179, 181, 182, 184–188, 192, 201, 206, 216–232, 234–237, 239, 240, 242, 245–249, 251, 252, 254, 255, 266–268, 270–275, 277, 280, 285, 287–289, 294, 301, 303–305, 306, 308, 309, 311–316, 325, 339, 355, 361, 371, 398, 420–423, 429, 433, 434, 442, 446–452, 474–476, 478, 481, 483, 484, 489, 490, 503, 504, 506, 516, 517–520, 522–524, 533, 543, 544, 554, 559–562, 610, 634, 635

Киевская земля (Киевская волость, Киевщина) — древнерусский регион на Правобережье Среднего Днепра (см. **Днепр**) и в Поросье (см. **Поросье**) с центром в Киеве (см. **Киев**). **К.з.** выделилась после смерти Мстислава Великого (1132). В Киеве не было собственной княжеской династии, представители разных княжеских ветвей имели право на Великое Киевское Княжение и **К.з.** по лествичному праву либо добивались этого силой. В сер. XIV в. **К.з.** вошла в состав Великого княжества Литовского (см. **Литва**). 57, 58, 79, 82, 136, 138,

147, 169, 178, 182, 187, 194, 196, 206, 216, 218, 231, 242, 248, 251, 253, 267, 273, 484, 518, 523, 563, 564, 601

Киевская Русь — условное название, принятое некоторыми историческими школами (в частности, активно использовалось официальной советской исторической наукой), под которым подразумевалось государство восточных славян с центром в Киеве (см. **Киев**) на период IX–XII вв., со времени объединения восточнославянских «племен» в одну древнерусскую народность под властью святого равноапостольного Великого Князя Владимира через период правления благоверного Великого Князя Ярослава Мудрого и его сыновей до княжения еще двух мудрых и талантливых правителей — благоверного Великого Князя Владимира Мудрого и его сына, святого благоверного Князя Мстислава Великого. Считается, что после смерти последнего **К.Р.** стала распадаться (в XII–XIII вв.) на отдельные города-государства или независимые удельные княжества. Верхним рубежом существования **К.Р.** традиционно считают монгольское нашествие 1237–1240. Это не совсем верно по сути: удельные княжества существовали со времени Великого Князя Святослава Игоревича, раздавшего своим сыновьям города (волости) в самостоятельное владение. Единое владение всей Русью осуществлялось или в самом начале русской государственности, когда земля Русская «собиралась» (при святых благоверных Великих Князях Владимире Святославиче и Ярославе Владимировиче), или под влиянием сильной и мудрой личности, каковым был благоверный Князь Владимир Мономах (впрочем, даже эти Князья не всегда и не по всей Древней Руси обладали всей полнотой власти). В силу разрастания династии Рюриковичей, а также из-за формирования под влиянием христианского мировоззрения особой политической этики (формально все князья относились друг к другу как братья и по крови, и по духу) невозможно было удержать политически всю Русь под властью одного правителя. Именно поэтому еще при благоверном Князе Владимире Мономахе было принято передавать Великое Киевское Княжение по системе лествичного права, которое впоследствии с трудом соблюдалось по разным причинам: психологические особенности каждого из претендентов (или считающего себя претендентом) на наследование Великого стола; социальное давление на власть князя (интересы городской общины Киева, интересы общин других городов, которыми владели князья, а также интересы личной дружины князя); политические условия об-

щей ситуации взаимоотношения сил внутри Руси и за ее пределами и др. Тем не менее статус Великого Княжения сохранялся за Киевом вплоть до его разрушения (1240–е). По форме название **К.Р.** (в таком словосочетании) еще менее оправданно: такого названия нет ни в одном древнерусском историческом памятнике письменности, ни в западных и восточных источниках. 540

Кловский (Стефанич) монастырь в Киеве — один из монастырей средневекового Киева (см. **Киев**). Был основан в местечке Клов под Киевом в 1078 преподобным Стефаном — третьим игуменом Киево-Печерского монастыря (см. **Печерский монастырь в Киеве**). Стефан был изгнан печерскими монахами и при помощи ряда киевских бояр основал новый монастырь, введя в нем чин и устав Печерского монастыря. В монастыре Стефан заложил каменную церковь во имя Влахернской иконы Положения Ризы Божией Матери, строившуюся до 1108. В 1112 в ней был погребен князь Волынский Давыд Игоревич. В 1096 **К.м.** разорили половцы, но он после этого был восстановлен. 185

Клязьма, река — левый приток р. Оки. По **К.** проходил важный торговый путь (Клязьма–Сходня–Москва). На **К.** расположен Владимир — один из крупнейших городов Северо-Восточной Руси (см. **Владимир-на-Клязьме**). 516, 524, 528, 534, 543, 552, 585

Колокша (Колахша), река — левый приток р. Клязьмы (см. **Клязьма**). На ее берегах произошло несколько битв древнерусских князей: в 1096 между благоверным князем Мстиславом Великим и князем Черниговским Олегом Святославичем, в 1176 между благоверным Великим Князем Владимирским Всеволодом Юрьевичем и жителями Ростова, в 1177 между Князем Всеволодом Юрьевичем и князем Рязанским Глебом, а в 1216 между князьями-братьями Юрием и Константином Всеволодовичами. 589–591, 593

Коломна (ныне в Московской обл.) — древнерусский город в Муромо-Рязанской земле (см. **Муромская земля**) у впадения р. Москвы в р. Оку. Впервые упоминается в летописи под 1177. В XII–XIII вв. стал центром самостоятельного удела. С 1301 в составе Московского княжества, в рамках которого **К.** также была центром удела, который Московские Князья отдавали своим младшим сыновьям. 323, 589

Колывань — древнерусское название Ревеля (ныне Таллинн, столица Эстонии), бывшего в XIII в. одним из центров немецкой экспансии в Прибалтику. 380

Копырев конец в Киеве — район в Киеве (см. **Киев**), упоминаемый в летописях. «Концы» — традиционное название городских районов, имевших статус самоуправляющихся общин, в древнерусских городах преимущественно Северной Руси. Другие концы Киева в летописях не упоминаются, и вопрос о том, насколько развита была в нем кончанская организация, является открытым. 218, 246

Кострома (ныне центр Костромской обл.) — древнерусский город Северо-Восточной Руси (см. **Северо-Восточная Русь**) на р. Волге (см. **Волга**). Впервые упоминается в летописи под 1213. В 1246 **К.** стала центром самостоятельного княжества, которое в 1362 вошло в состав Московского княжества. 609

Которосль, река — правый приток Волги (см. **Волга**). У устья **К.** располагалось городище Медвежий угол (см. **Медвежий угол**), на месте которого благоверный князь Ростовский Ярослав Мудрый основал Ярославль (см. **Ярославль**). 97, 528

Кучелмин — древнерусский город в Галицкой земле (см. Галицкая земля) на р. Днестре (см. **Днестр**). Впервые упомянут в летописи под 1157 как крепость на границе Галицкой земли со степью. По мнению большинства ученых, тождествен открытому археологами городищу Галица у с. Непоротова Сокирянского р-на Черновицкой обл., Украина. 489–491

Л

Ладога (ныне с. Старая Ладога в Ленинградской обл.) — древнерусский город в Новгородской земле (см. **Новгородская земля**) у впадения р. Волхов (см. **Волхов**) в о. Ладожское. По археологическим данным **Л.** возникла в сер. VIII в., в летописи впервые упомянута под 862 в повести «о призвании варягов» — в городе обосновался старейший из трех варяжских братьев, Князь Рюрик. Позднее, вероятно, он переехал оттуда на Городище (см. **Городище**). **Л.** поэтому нередко называют «первой столицей Руси». В дальнейшем **Л.** утратила свое значение, став пригородом Новгорода (см. **Новгород**) и уже не играла заметной политической роли. 19, 23, 24, 275–277, 283, 287, 314, 330, 359

Ладожское Поозерье — местность вокруг Ладожского озера. В Л.П. расположен древнерусский город Ладога (см. **Ладога**). 23

Липица (ныне **Липня**), река — приток р. Ирмес. В 1177 на берегах Л. произошла битва между Великим Князем Владимирским Всеволодом Большое Гнездо и его племянником, князем Ростовским Мстиславом Ростиславичем Безоким, которая завершилась победой Всеволода, объединившего Северо-Восточную Русь (см. **Северо-Восточная Русь**). В 1216 у Л. произошла еще одна междоусобная битва: благоверный Великий Князь Владимирский Юрий (княжил во Владимире) и благоверный Князь Ярослав (княжил в Переяславле, см. **Переяславль-Залесский**) Всеволодовичи сражались против своего брата, благоверного князя Ростовского Константина Всеволодовича, которого поддерживали Новгород (см. **Новгород**) и Смоленск (см. **Смоленск**). Битва завершилась поражением князей Юрия и Ярослава. 360

Литва — государство на северо-западе Европы, на побережье Балтийского моря. Впервые Л. упоминается в источниках, относящихся к XI в. Вероятно, изначально Л. — некое балтское племя. Постепенно на литовских землях формируется раннегосударственное образование, которое начинает экспансию на юг — на территорию древнерусской Полоцкой земли (см. **Полоцк**), попавшей постепенно под контроль Л. в кон. XII — 1-й пол. XIII вв. Первый достоверно известный правитель Л. — Миндовг (Миндаугас, ок. 1195–1263). В XIV–XV вв. под власть Л. постепенно попадают такие древнерусские регионы, как Волынь (см. **Волынь**); Турово-Пинская (см. **Туровская область**), Киевская (см. **Киевская земля**), Переяславская (см. **Переяславская волость**), Черниговская (см. **Черниговская земля**) и Смоленская (см. **Смоленск**) земли. Так сформировалось Великое княжество Литовское (столица — Вильно, ныне Вильнюс). Постепенно оно начало сближаться с Польшей (см. **Польша**), итогом чего стала Люблинская уния 1569, согласно которой Польша и Литва объединились в новое государство — Речь Посполитую. 401, 429, 455

Логожьск (ныне **Логойск** в Минской обл., Беларусь) — древнерусский город в Полоцкой земле (см. **Полоцк**) на р. Гайне. Впервые упоминается в летописи в 1078. С 1101 — центр самостоятельного удела (см. **Логойский удел**). 450

Логойский удел — часть Полоцкой земли (см. **Полоцк**) с центром в Логойске (см. **Логожьск**). Обособился при распаде Полоцкой земли после смерти князя Полоцкого Всеслава Брючиславича в 1101. Со 2-й пол. XIII в. под властью Великого княжества Литовского (см. **Литва**). 453

Локры Эпизефирские — город в Калабрии в Южной Италии. Основан греческими колонистами ок. 680 до Р.Х. 202

Луга, река — берет начало в Тесовских болотах, впадает в Финский залив. Согласно летописи, по ее берегам святая равноапостольная Великая Княгиня Ольга создавала погосты — киевские опорные пункты в Новгородской земле (см. **Новгородская земля**). 49

Лукамль (ныне с. **Лукомль** в **Витебской обл.**, **Беларусь**) — древнерусский город в Полоцкой земле (см. **Полоцк**) у о. Лукомское. Впервые упоминается в летописи под 1078. После смерти князя Полоцкого Всеслава Брючиславича Л. стал центром самостоятельного удела. В XIV в. вошел в состав Великого княжества Литовского (см. **Литва**). 158, 450

Луки (**Луки-на-Ловати**, ныне **Великие Луки** в **Псковской обл.**) — древнерусский город в Псковской земле (см. **Псков**) на р. Ловать. Впервые Л. упоминаются в летописи под 1166. Важная крепость на границе Псковской и Новгородской земель, с одной стороны, и Литвы (см. **Литва**), а затем Речи Посполитой — с другой. В 1478 Великий Князь и Государь всея Руси Иоанн Великий присоединил Л. к Московскому государству. 315, 316

Луческ (**Лучьск**, ныне **Луцк** — центр **Волынской обл.**, **Украина**) — древнерусский город в Волынской земле (см. **Волынь**) на р. Стырь. Впервые упоминается в летописи под 1085. После 1150 стал центром самостоятельного удела. В 1259 Л. отразил нападение монгольского военачальника Куремсы. В 1320 взят войсками Гедимина и вошел в состав Великого княжества Литовского (см. **Литва**). 478, 482

Любеч (**Любяч**, ныне п.г.т. в **Черниговской обл.**, **Украина**) — древнерусский город в Киевской земле (см. **Киевская земля**) на р. Днепре (см. **Днепр**). В летописи впервые фигурирует под 882 как город, взятый Князем Олегом на пути из Новгорода (см. **Новгород**) в Киев (см. **Киев**). Из Л. были родом Малуша — ключница святой Великой Княгини Ольги и мать святого Великого Князя Владими-

ра Святославича, а также ее брат Добрыня, ставший при Князе Владимире воеводой. В 1015 у Л. благоверный Князь Ярослав Мудрый разгромил Святополка Окаянного. Из Л. происходил преподобный Антоний — основатель Киево-Печерского монастыря (см. **Печерский монастырь в Киеве**). В 1097 здесь состоялся первый съезд русских князей. После монгольского нашествия Л. пришел в упадок. 163, 171, 187, 449, 450

Людин конец в Новгороде — один из пяти новгородских концов (см. **Новгород**). Наряду с Неревским и Славенским концами, является одним из трех древнейших концов Новгорода. Позднее, в XII–XIII вв., к ним прибавились Плотницкий и Загородский концы. Располагался на Софийской стороне (см. **Софийская сторона в Новгороде**). Концы в Новгороде были не просто городскими районами, но и самоуправляющимися малыми общинами, составлявшими вместе единую большую городскую общину. Между кончанскими общинами нередко возникали острые противоречия, например, по вопросу о том, представители какого конца будут занимать высшие городские должности. 54, 330, 362–365, 368–370, 374, 375

М

Медвежий угол — по летописи, древнерусское поселение у впадения р. Которосль (см. **Которосль**) в Волгу (см. **Волга**), бывшее местным языческим культовым центром. В период своего княжения в Ростове (988 – до 1015) благоверный Князь Ярослав Мудрый разрушил его и основал на этом месте Ярославль (см. **Ярославль**). Вероятно, М.у. тождественен открытому археологами Тимиревскому городищу, которое предшествовало Ярославлю. 56, 97

Мета, река — вытекает из о. Мстино, впадает в о. Ильмень. 49, 359

Метелена — столица о. Лесбос во времена античной Греции. 202

Микулин (ныне с. Микулино в Московской обл.) — древнерусский город в Северо-Восточной Руси (см. **Северо-Восточная Русь**) на р. Шоше. Впервые упоминается в летописи под 1363. Входил в состав Тверского княжества (см. **Тверь**), с 1339 — центр удела. В XV в. город вырос, микулинские удельные князья даже чеканили собственную

монету. После присоединения Тверского княжества к Московскому государству в 1485 **М.** утратил свое значение. 486

Милиниск — упоминаемый у Императора Константина Багрянородного древнерусский город, отождествляемый большинством исследователей со Смоленском или его предшественником — городищем у с. Гнездово (см. **Смоленск**). 449

Минск (Меньск, Менеск, ныне столица Беларуси) — древнерусский город в Полоцкой земле (см. **Полоцк**) на р. Свислочь. Впервые упоминается в летописи под 1067. С 1101 центр Минского удела (см. **Минский удел**). 159, 450, 451, 454, 456, 458

Минский удел — часть Полоцкой земли (см. **Полоцк**) с центром в Минске (см. **Минск**). Обособился при распаде Полоцкой земли после смерти князя Полоцкого Всеслава Брячиславича в 1101. С 1229 — объект борьбы Полоцких и Киевских князей. Во 2-й пол. XIII в. попал под влияние Литвы и был включен в ее состав в 1326 (см. **Литва**). 453

Молога, река — левый приток Волги (см. **Волга**). Изначально берега **М.** были заселены финским племенем весь, затем в IX–X вв. сюда продвинулись славяне. На **М.** располагались затопленные в нач. 1940-х водами Рыбинского водохранилища упоминаемые в летописях поселения, храмы и монастыри, в том числе Молога. Впервые упоминается в летописи под 1149, входила в состав Ярославского княжества (см. **Ярославль**), с 1321 — центр удела, а также с. Борисоглеб — бывший Холопий Городок (в XIV–XVI вв. крупный торговый город, место первой на Руси ярмарки). Некоторые топонимы, в том числе два последних, фигурируют в «Сказании о Холопье войне» (см. **Каменевич-Рвовский**). В верхнем и среднем течении **М.** находилась историческая область — Бежецкий Верх (см. **Верх**). 20, 21, 50

Москва (град Москов, ныне столица Российской Федерации) — древнерусский город в Северо-Восточной Руси (см. **Северо-Восточная Русь**) на р. Москве. Впервые упоминается в летописи под 1147. В 1238 **М.** была взята монголами. С нач. XIII в. стала центром удела, а с 1263 — столицей самостоятельного княжества, первым правителем которого стал святой благоверный Князь Даниил — младший сын святого благоверного Князя Александра Невского. При его сыновьях, Князьях Юрии и Иване, Московское княжество стало сильнейшим в Северо-Восточной Руси (см. **Северо-Восточная Русь**) и выступи-

ло в качестве центра, вокруг которого стали объединяться остальные русские княжества. В Средние века получила распространение теория о происхождении названия Москвы от имени библейского сына Иафета Мосоха (Мешеха). Польские историки, в частности М. Стрыйковский, ссылаясь на более древние источники (еврейские, армянские, ромейские и др.) указывали на Мосоха и библейского Роса как на предка всех славянских народов. В XVII в. эта теория была воспринята русскими хроникерами, в частности Каменевичем-Рвовским. Татищев отвергал ее из-за отсылки этой теории к книгам пророка Иезекииля и к Апокалипсису, в которых князь Мешех, так же как и князья Рош и Фувал, упоминаются как военачальники народа Гога — «бича Божиего» народов земли, которому после Второго Пришествия Христа уготовано наказание за его беззакония, в том числе за противление сынам Израилевым. Отождествление Руси с народом — противником Божиим Татищев считал неприемлемым. 99, 354, 517, 567, 579, 609, 610

Московское государство — условное название, устоявшееся в исторической науке, определяющее период в истории России, датируемый XIV–XVI вв., по имени города Москвы (см. **Москва**), которая в это время становилась фактической столицей единого Российского государства. Подчеркивают, что это произошло после того, как в 1-й пол. XIV в. вотчина Московских Князей, почти постоянно удерживающих ханский великокняжеский ярлык, стала наиболее сильным по политическим, хозяйственным и социальным характеристикам княжеством среди других северо-восточных княжеств Руси (см. **Северо-Восточная Русь**). Оно стало консолидирующим центром, вокруг которого постепенно объединялись (добровольно или с применением военной и политической силы) другие русские территории. К сер. XV в. вся Северо-Восточная Русь, кроме Твери, оказалась под властью Москвы и началось присоединение других регионов: в 1478 был завоёван Новгород, в 1485 — Тверь, в 1510 — Псков, в 1514 — Смоленск, в 1521 — Рязань, после чего княжество, официально в документах с 1389 именуемое Великое Княжество Владимирское и Московское, превратилось в Российское государство. 21, 138, 313, 407, 524

Мста (Мьста), река — берет начало из о. Мстино, впадает в о. Ильмень. **М.** была частью важного водного пути из Волги (см. **Волга**) в о. Ильмень и Новгород (см. **Новгород**). Согласно летописному преданию, по ее берегам святая Великая Княгиня Ольга создавала

погосты — киевские опорные пункты в Новгородской земле (см. **Новгородская земля**). Во времена наибольшего развития древнерусского Новгорода **М.** служила границей между Деревской (левый берег), Бежецкой (правый берег, верховья) и Обонежской (правый берег, низовья) пятинами Новгородской земли. 49

Мстиславль (ныне в Могилевской обл., Беларусь) — древнерусский город в Смоленской земле (см. **Смоленск**) на р. Вихрь. Основан в 1135 святым благоверным Князем Смоленским Ростиславом Мстиславичем и назван им в честь своего отца, благоверного Князя Мстислава Великого. Впервые упоминается в летописи под 1156. Был центром удела. В 1359 захвачен литовским князем Ольгердом и включен в состав Великого княжества Литовского (см. **Литва**). 327, 435

Муром (ныне во Владимирской обл.) — древнерусский город на р. Оке, центр Муромской земли (см. **Муромская земля**). Первым Муромским князем считается святой Глеб — сын святого Великого Князя Владимира Святославича. В XIII в. здесь княжил святой Князь Петр, супруг святой Княгини Февронии. С 1127, наряду с Рязанью, главный город Муромо-Рязанской земли, первым князем в которой стал Ярослав Святославич. В 1238 взят монголами, после чего значение **М.** стало снижаться. 55–57, 97, 423

Муромская земля — древнерусский регион, расположенный в бассейнах р. Мотры, Пры, Велетьмы и в низовьях р. Теши с центром в Муроме (см. **Муром**). Северная часть Муромо-Рязанской земли. До 1127 **М.з.** была в зависимости от Киева (см. **Киев**), а затем Чернигова (см. **Чернигов**). С 1127 также и центр самостоятельной земли, включавшей и Рязань. В 1150-е центр земли переместился в Рязань, а затем, в 1161, Муромская и Рязанская земли обособились друг от друга, хотя в историографии их историю принято рассматривать вместе. В 1392 **М.з.** была присоединена к Великому Княжеству Владимирскому и Московскому княжеству. 56

Н

Немига, река — правый приток Свислочи. В 1067 на берегах **Н.** братья-князья Ярославичи разгромили войска князя Полоцкого (см. **Полоцк**) Всеслава Брячиславича. 144

Немогард — упоминаемый у Императора Константина Багрянородного древнерусский город, отождествляемый большинством исследователей с Новгородом (см. **Новгород**). 449

Неревский конец (Неревьскеи коньць) в Новгороде — один из пяти новгородских концов (см. **Новгород**). Наряду с Людиным и Славенским концами, является одним из трех древнейших концов Новгорода. Располагался на Софийской стороне (см. **Софийская сторона в Новгороде**). О новгородских концах см.: **Людин конец в Новгороде**. 330, 333, 362–365, 370, 375, 421

Нерль, река — левый проток р. Клязьмы (см. **Клязьма**). При впадении **Н.** в Клязьму располагалась резиденция святого благоверного Великого Князя Владимирского Андрея Боголюбского — Боголюбово (княжеский дворец с храмовым комплексом), рядом с которым он построил храм Покрова Богородицы на Нерли — шедевр древнерусского зодчества (построен в 1158 или в 1165). 528

Нерохоть — древнерусский город в Северо-Восточной Руси (см. **Северо-Восточная Русь**), впервые упоминаемый в летописи под 1214. По мнению большинства ученых, тождественен открытому археологами городищу на левом берегу р. Солоницы в черте современного Нерехта в Костромской обл. 609

Нижнее Поволховье — территория, расположенная по нижнему течению р. Волхов (см. **Волхов**). В нижнем Поволховье расположена Ладога — один из старейших городов Северной Руси, ее первая вероятная столица (см. **Ладога**). 23

Николы церковь на Липне в Новгороде — одна из церквей средневекового Новгорода (см. **Новгород**). Была построена в 1290–х архиепископом Новгородским Климентом в 8 км к югу от Новгорода на о. Липно в дельте Мсты (см. **Мста**). Главный престол освящен во имя святителя Николая Чудотворца, придел — во имя святителя Климента. Церковь была построена на том месте, где по преданию в 1113 была обретена икона святого Николая Чудотворца, от которой исцелился святой благоверный князь Новгородский Мстислав Владимирович (Великий). В память этого события там был основан монастырь и построена первоначально деревянная церковь. В 1764 монастырь был упразднен, и **Н.ц.** пришла в запустение, а затем по-

страдала в годы Великой Отечественной войны. В 1954–1956 была проведена капитальная реставрация церкви. 361, 397

Ноатун – в скандинавской мифологии чертог в Асгарде, принадлежащий богу моря Ньерду. Буквально «корабельный двор». 121

Никольский собор на Ярославовом дворище – был заложен в 1113 на территории Ярославова дворища благоверным князем Новгородским Мстиславом Владимировичем Великим, а освящен был в 1136, когда его ктитора княжил уже на киевском престоле. До того, как собор стал главным вечевым храмом, он, по мнению Т.Ю. Царевской, минимум по 1136 находился под юрисдикцией приходящих в Новгород русских князей, так как рядом находилась княжеская резиденция. Видимо, вначале первые сходки перед собором возникали стихийно. Позже небольшая площадь стала постоянным местом сбора представителей новгородских концов на общегородское вече, в котором позже стали принимать участие также представители Торговой стороны, находившейся на другом берегу Волхова. Кроме обычных собраний, начиная с 1228 перед ним собирались направленные против их политики простонародные «кормольные» вече. Являясь святым местом, вечевой собор обеспечивал неприкосновенность тем, кто спасался в нем от гнева официального вечевого схода (1269) или же от расправы крамольной толпы простонародья (1338). Был закрыт в 1930-х, возвращен верующим в 1945. В 1953 на средства прихожан была отремонтирована соборная колокольня. Вторично закрыт в 1962, после чего в соборе была размещена атеистическая экспозиция, в куполе – городской планетарий. После проведенной в 1990-х повторной реставрации Н.с. остался в ведении музея. 361, 397

Новгород (Новегород, Новуград, ныне Великий Новгород – центр Новгородской обл.) – древнерусский город на берегах р. Волхов (см. **Волхов**) у о. Ильмень. Впервые упоминается в летописи под 859. Вероятно, когда речь в летописях идет о **Н.** IX–X вв., имеется в виду его предшественник – **Городище** (см. **Городище**). Судя по последним археологическим данным, возник в сер. X в., есть основания связывать его возникновение с деятельностью святой равноапостольной Великой Княгини Ольги – он был, по всей видимости, создан в качестве опорного пункта власти Киева на Севере Руси. В кон. X – нач. XII вв. Киевские князья обычно сажали в **Н.** своих старших сыновей. Считается, что после смерти благоверного Великого Князя Мстислава и изгнания новгородцами его сына, святого Всеволода Мстиславича

(1136), **Н.** вышел из политического влияния Киева, местная община получила возможность самостоятельно приглашать в город угодных ей князей. Собственной династии в городе не было. **Н.** владел огромными территориями на Севере Руси (см. **Новгородская земля**). 19–24, 26, 53–55, 60, 70, 71, 75–78, 80–82, 89, 90, 92, 96, 104, 116–123, 142, 144, 184, 236, 250, 255, 265, 266, 268–289, 294–317, 323–337, 339–342, 344, 348–363, 365–373, 378–384, 392, 393, 395–401, 404–408, 410, 411, 414, 421, 422, 428, 429, 433, 435, 446, 447, 450, 460, 519, 531, 533, 534, 563, 576, 588, 595, 596, 604, 605

Новгородская земля — древнерусский регион XI–XV вв. с центром в Новгороде (см. **Новгород**). Вместе с Псковской землей (см. **Псков**) составляла Северную, или Северо-Западную, Русь. В период наибольшего расцвета **Н.з.** простиралась от Чудского о. и Финского залива до Уральских гор, от Торжка (см. **Новый Торг**) до Белого и Баренцева морей. Делилась на пятины: Водскую (между Волховом и Лугой), Обонежскую (между Волховом и Мстой), Бежецкую (между Мстой и Мологой), Деревскую (по берегам Мсты), Шелонскую (от Ловати до Луги). Точное время возникновения деления **Н.з.** на пятины неизвестно. Достоверно оно фиксируется лишь после присоединения Новгорода к Москве, но, по мнению большинства ученых, возникло еще в период новгородской независимости. Земли более поздней новгородской колонизации не входили в состав пятин. На северо-востоке, за Обонежской и Бежецкой пятнами, в бассейне Северной Двины, располагалась волость Заволочье (см. **Двинская земля; Заволочье**). Пермская земля располагалась в бассейне р. Вычегды. За Заволочьем и Пермью, на р. Печоре, находились волости Печора и Югра, расположенная с восточной стороны северной части Уральского хребта. На побережье Белого моря находилась волость Тре, или Терский берег. В 1478 Новгородская земля вошла в состав Московского государства. 24, 26, 75, 76, 79, 82, 118, 119, 121, 122, 270, 271, 276–278, 280, 284, 287, 288, 343, 358, 359, 361, 384, 394, 395, 399, 402, 406, 408, 409, 433, 434, 596

Новогрудская область — так в летописях именуется регион, расположенный по берегам р. Неман, с центром в Новогрудке (впервые упоминается в летописи под 1252, ныне в Гродненской обл., Беларусь), бывший частью Полоцкой земли (см. **Полоцк**). По одной из версий **Н.** был столицей государства Миндовга (см. **Литва**). 454

Новый Торг (**Търожък**, **Торжек**, ныне **Торжок** в **Тверской обл.**) — древнерусский город в Новгородской земле (см. **Новгородская земля**) на р. Тверце. Впервые упоминается в летописи под 1139. **Н.т.** находился на пересечении важных сухопутных и речных путей, соответственно, был важным торговым центром, откуда и происходит его название. Находится на третьем месте (после Великого Новгорода и Старой Руссы) по количеству обнаруженных берестяных грамот (к настоящему моменту 19). В 1238 был взят монголами. В 1478, как и вся Новгородская земля, присоединен к Москве. 316, 325, 326, 332, 351, 355, 358–360, 368, 369, 381–384, 594, 595

О

Опоки в Новгороде — местность на Ярославовом дворище (см. **Ярославль двор в Новгороде**), где была в 1127 святым благоверным Князем Всеволодом Мстиславичем заложена в честь Иоанна Предтечи церковь Иоанна на Опоках (см. **Церковь Иоанна Предтечи на Опоках**). 265, 266, 460

Остров — упоминаемое в летописях поселение под Вышгородом (см. **Вышгород**). 220, 221

П

Перемиль — древнерусский город в Волынской земле (см. **Волынь**). Впервые упоминается в летописи под 1097. Его местонахождение точно неизвестно. По мнению большинства исследователей, тождественен открытому археологами городищу близ с. Перемыля Гороховского р-на Волынской обл., Украина. 483

Перемышль (ныне **Пшемысль** в **Польше**) — древнерусский город в Галицкой земле на р. Сан (см. **Галицкая земля**). Впервые упоминается в летописи под 981. Был расположен на важном торговом пути, соединявшем Киев (см. **Киев**) с Прагой и Регенсбургом. Был центром западной части Галицкой земли, со временем оттеснен Галичем на второй план. 159, 161, 399, 475–477, 479–485, 488, 500

Пересечен — древнерусский город где-то в нижнем течении Днепра (см. **Днепр**). По мнению ряда исследователей, тождественен открытому археологами городищу на о-ве Цапля в восточной части со-

временного Днепропетровска, у впадения в Днепр р. Самары. Был столицей восточнославянского этнополитического союза уличей, в последний раз упоминаемых «Повестью временных лет» в 970-х. Видимо, они под натиском печенегов отошли к северу в Галицкую землю (см. **Галицкая земля**). Городище на о. Цапля существовало до XIII в. 33

Переяславль (Переяславль-Киевский, Переяславль-Русский, ныне Переяслав-Хмельницкий в Киевской обл., Украина) – древнерусский город на р. Трубеж (левый приток Днепра), центр Переяславской земли (см. **Переяславская волость**). Впервые упомянут в договорах Князя Олега с Греческим Царством. В 993, по свидетельству летописи, здесь произошла битва между русскими войсками и печенегами, в ходе которой отличился безымянный кожемяка. Тем самым Русь как бы «переняла славу» у печенегов. По мнению ряда историков, до того как в Киеве был построен Софийский собор, русская митрополия размещалась в П. После смерти святого благоверного Великого Князя Ярослава Мудрого в городе появился свой княжеский стол – первым Переяславским князем стал его сын Всеволод Ярославич. В 1239 был взят монголами, после чего утратил былое значение. 172, 173, 176, 184, 187, 188, 223, 234, 235, 275, 277, 282, 424, 433, 434, 518, 519, 605

Переяславль-Залесский (ныне Переславль-Залесский в Ярославской обл.) – древнерусский город в Северо-Восточной Руси (см. **Северо-Восточная Русь**) на р. Трубеж у о. Плещеево. Назван в честь южно-русского Переяслава (см. **Переяславль**). Основан в 1152 Великим Князем Юрием Владимировичем Долгоруким. Был центром удела, а затем самостоятельного княжества. В 1220 здесь родился святой благоверный Александр Невский и был крещен в соборе Преображения Господня, основанном Князем Юрием. В 1302 вошел в состав Московского княжества. 380, 395, 401, 524, 527, 577, 579, 585, 586, 607

Переяславская волость – древнерусский регион с центром в Переяславле (см. **Переяславль**), расположенный на Левобережье Среднего Днепра (см. **Днепр**) в бассейнах Трубежа, Пслы и Сулы. Обособился в 1054. П.в. находилась на переднем крае борьбы Руси с печенегами, а позднее – с половцами. Различие между терминами «земля» и «волость», употребляемыми летописцами, до конца неясно

и является предметом дискуссии. В 1321 **П.в.** попала под власть Великого княжества Литовского (см. **Литва**). 216, 217, 424, 425

Печерский монастырь в Киеве — один из самых выдающихся монастырей Древней Руси, центральный монастырь средневекового Киева (см. **Киев**), расположенный на Печерской горе. Основан при святом благоверном Великом Князе Ярославе Мудром в 1051 преподобным Антонием Печерским. Важную роль в становлении монастыря сыграл один из первых учеников преподобного Антония — преподобный Феодосий. Князь Святослав Ярославич подарил монастырю плато над пещерами, где впоследствии был построен ряд храмов. Преподобный Нестор, иночествовавший в этом монастыре, стал автором «Повести временных лет». **П.м.** не раз страдал от половецких набегов, а в 1240 был razорен монголами. В 1592–1568 был ставропигией Константинопольского патриарха, с 1668 перешел под юрисдикцию Московского Патриархата и получил статус Лавры. Ныне действующий монастырь Украинской Православной Церкви Московского Патриархата находится в нижней Лавре, а в верхней Лавре — Национальный Киево-Печерский историко-культурный заповедник. В Ближних и Дальних пещерах Лавры покоятся нетленные мощи святых угодников Божьих. 141, 161, 163, 185

Побужье — местность, расположенная по берегам р. Буг. В верховьях Буга расположена западная часть Волынской земли (см. **Волынь**). 475

Поволжье — местность, расположенная по берегам р. Волги (см. **Волга**). В домонгольскую эпоху Верхняя Волга протекала по землям Северо-Восточной Руси (см. **Северо-Восточная Русь**), на Средней Волге была расположена Волжская Булгария, а в низовьях располагался до кон. X в. Хазарский каганат. После его разгрома Великим Князем Святославом Игоревичем Нижнее **П.** вошло в зону кочевий печенегов, а затем половцев. В сер. XIII в. Нижнее и Среднее **П.** вошли в состав Золотой Орды, столица которой, Сарай, располагалась близ современного Волгограда. 23, 113, 114

Погорынье — местность, расположенная по берегам р. Горынь (правый приток Припяти), восточная часть Волынской земли (см. **Волынь**). 484

Подвинье — местность, расположенная по берегам Северной Двины (см. **Двинская земля**). 367, 419

Поднестровье — местность, расположенная по берегам р. Днестр (см. **Днестр**). В верховьях Днестра располагалась юго-восточная часть Галицкой земли (см. **Галицкая земля**), в среднем и нижнем течении жили древнерусские бродники, и **П.** было то в ареале влияния Галича, то под властью кочевников. 475

Подол в Киеве — ремесленный и торговый район Киева (см. **Киев**). Согласно выводам новых исследований, там проживал не только торгово-ремесленный люд, как традиционно считалось, но и представители киевской верхушки. С Верхним городом **П.** связывал Боричев увоз (см. **Боричев увоз в Киеве**), ныне Андреевский спуск. 137, 149, 228, 244, 245

Полоть (ныне Полота), река — правый приток Западной Двины, вытекает из о. Колпино. На этой реке располагался восточнославянский этнополитический союз полочан. На ее берегах стоит Полоцк — центр Полоцкой земли (см. **Полоцк**).

Полоцк (Полотьск, Полотск, ныне в Витебской обл., Беларусь) — древнерусский город в устье р. Полоты, центр Полоцкой земли. Впервые упоминается в летописи под 862 как город, в котором Князь Рюрик посадил наместником одного из своих мужей. До кон. Х в. был независим от Киева. В городе правили собственные князья, последний из которых, Рогволод, был убит Великим Князем Владимиром, завоевавшим в 980 **П.** и женившимся на дочери князя Рогволода Рогнеде. В 988 в **П.** стал княжить сын Князя Владимира и Рогнеды князь Изяслав, а после его смерти — князь Полоцкий Брячислав Изяславич (1003–1044). Полоцкая земля, таким образом, раньше всего обособилась от Киева. Достигла расцвета в правление князя Всеслава Брячиславича (1044–1101), после его смерти распалась на уделы. В XII–XIV вв. Полоцкая земля вошла в состав Литвы (см. **Литва**). 55, 147, 419, 421, 446–463

Полоцкая земля (нач. IX — нач. XV вв.) — земля в составе Руси и Великого княжества Литовского, русское княжество, возникшее на базе племенного объединения кривичей в бассейнах рек Западная Двина, Березина, Неман, на важном для Руси торговом водном пути («из варяг в греки»), что способствовало раннему развитию самостоя-

тельной экономики и культуры. В 862/867 Князь Киевский Аскольд совершил нападение на Полоцк. Попала в зависимость от Руси при Великом Князе Олеге, сохраняя собственных князей, подчиненных ему. В правление Киевского Князя Святослава Игоревича, предположительно с 945, в Полоцке княжил Рогволод, старавшийся сохранить самостоятельность. В 978 он потерпел поражение и был убит Великим Князем Киевским Владимиром Святославичем, который взял его дочь в жены, а Полоцкую землю включил в состав Руси. В 986 святой равноапостольный Владимир передал Полоцкую землю Изяславу, который стал родоначальником всех полоцких князей. При его сыне, князе Брячиславе Изяславиче, началась долгая борьба Полоцка с Киевом, приведшая после 1021 к обособлению полоцкого княжества, которое достигло расцвета при внуке Изяслава Всеславе, после смерти которого она раздробилась на уделы — Полоцкий, Минский, Друцкий, Изяславльский, Виленский (?) и Витебский. Несмотря на усобицы, П.з. продолжала сохранять единство, так как старшинство сохранялось за князем Полоцким. Единство в какой-то степени сохранялось и после вхождения ее уделов в состав Великого княжества Литовского (1307), хотя и были созданы отдельные воеводства. 110, 141, 419, 420, 436, 446 456, 461 463

Полоцкий удел — часть Полоцкой земли с центром в Полоцке (см. **Полоцк**). Обособился при распаде Полоцкой земли после смерти князя Всеслава Брячиславича в 1101. С 1248 на полоцком столе сидели литовские князья, а в 1392 П.у. был включен в состав Великого княжества Литовского (см. **Литва**). 453

Польша (Ляхы, Лядская земля) — государство в Восточной Европе. Граничило с древнерусскими Полоцкой (см. **Полоцк**), Волынской (см. **Волынь**) и Галицкой (см. **Галицкая земля**) землями. Образовалось в IX–X вв. на основе западнославянских этнополитических союзов. Столица в раннем средневековье — Гнезно (до нач. XIV в.). Первый достоверно известный по источникам Польский князь — Мешко I (960–992). Правящая в раннем Средневековье династия — Пясты (до 1370). В 966 Польша принимает Христианство по западному обряду. Польские князья не раз участвовали в междоусобицах древнерусских князей: Болеслав I Храбрый помогал Святополку Окаянному в его борьбе с благоверным Великим Князем Ярославом Мудрым, в 1068 Болеслав II Смелый помог Великому Князю Изяславу

Ярославичу вернуться на Киевский престол и т.д. 135, 141, 143, 146, 163, 475, 478, 483, 484, 493–495, 503, 504

Помоложье — местность, расположенная по берегам р. Мологи (о древнерусских городах Помоложья см.: **Молога**). 20

Поромонов двор в Новгороде — упоминается в летописи под 1015 как место, где новгородцы перебили нанятых благоверным Князем Ярославом Мудрым варягов, беззачинствовавших в городе. Вероятно, принадлежал некоему Поромону. 71

Поросье — местность, расположенная по берегам р. Рось (правый приток Днепра). В VI–VII вв. входила в ареал проживания славянско-го этнополитического союза антов, а позднее — летописных полян. Южная часть **П.** входила в ареал проживания кочевников. В XI–XIII вв. Киевские Князья нередко поселяли в **П.** союзных кочевников (торки, берендеи, черные клобуки), становившихся федератами Руси и защищавших ее от набегов других степняков. 519

Почай, река — былинный гидроним. Обычно сопоставляется с Почайной — ныне не существующей рекой в Киеве (см. **Киев**), представлявшей собой приток Днепра (см. **Днепр**) или его протоку (рукав). Согласно былинам, на **П.р.** Добрыня Никитич победил змея. 32

Приазовье — местность, расположенная по берегам Азовского моря. В VIII–X вв. его южное побережье входило в состав Хазарии, а позднее было под влиянием Тмутаракани (см. **Тмутаракань**), а северное — в ареал кочевий венгров, печенегов, а затем половцев. С сер. XIII в. все приазовские земли — в составе Золотой Орды. 26

Приднепровье (Поднепровье) — местность, расположенная по берегам р. Днепр (см. **Днепр**). Верхнее и Среднее **П.** было занято восточными славянами и входило в состав Древней Руси, а Нижнее — в ареал венгерских, печенежских, а затем половецких кочевий. С сер. XIII в. **П.** — в составе Золотой Орды. 26, 217, 250, 251, 267

Придонье (Подонье) — местность, расположенная по берегам р. Дон (см. **Дон**). В IX–X вв. Нижнее **П.** входило в состав Хазарии, а в Верхнем проживали аланы — носители салтово-маяцкой культуры. Позднее практически все **П.** входило в ареал проживания кочевников, с сер. XIII в. — в составе Золотой Орды. Только Верхнее **П.** относилось к Древней Руси: там была расположена Рязанская земля (см. **Муромская земля**). 26

Приильменье — местность, расположенная по берегам о. Ильмень. Вокруг о. Ильмень проживал восточнославянский этнополитический союз словен; позднее оно было ядром Новгородской земли (см. **Новгородская земля**). В **П.** находятся такие важные древнерусские города, как Новгород (см. **Новгород**) и Старая Русса (см. **Руса**). 24

Прикамье — местность, расположенная по берегам р. Кама (см. **Кама**). Южное **П.** входило в состав Волжской Болгарии, а с сер. XIII в. — Золотой Орды, а северное было зоной проживания финно-угорских племен. 23

Пронск (Проньск, ныне в Рязанской обл.) — древнерусский город в Муромо-Рязанской земле (см. **Муромская земля**) на р. Проня (приток р. Оки). Впервые упоминается в летописи под 1131. Был центром удела, а затем и княжества. В 1237 взят монголами. Во 2-й пол. XV в. **П.** вновь вошел в состав Рязанского княжества и вместе с ним в 1521 оказался в составе Московского государства. 323, 335

Прусская улица в Новгороде — одна из древнейших улиц средневекового Новгорода (см. **Новгород**), неоднократно упоминавшаяся в летописях. Расположена на Софийской стороне (см. **Софийская сторона в Новгороде**). Начинаясь у ворот Покровской башни Новгородского Детинца (см. **Детинец в Новгороде**). Название, возможно, связано с выходцами из земли балтского племени пруссов, проживавшими в этом р-не Новгорода. Со временем превратилась в аристократическую улицу, где селились преимущественно бояре. 357, 363, 365, 370

Прут, река — левый приток Дуная, берет начало в Карпатах. На берегах **П.** проживал восточнославянский этнополитический союз тиверцев. В X в. они под натиском кочевников ушли на север, где влились в состав населения формирующейся Галицкой земли. Позднее Попрутье было то в сфере влияния Галицкой земли (см. **Галицкая земля**), то под властью кочевников. Здесь же проживали бродники-берладники (см. **Берлад**). 490

Псков (ныне центр Псковской обл.) — древнерусский город на р. Великой (впадает в о. Псковское) при ее слиянии с р. Псковой. Центр Псковской земли. Впервые упоминается в летописи под 903. По одному из летописных свидетельств **П.** — родина святой равноапостольной Великой Княгини Ольги. Первоначально входил в состав Новгородской земли (см. **Новгородская земля**), с XIII в. стал

фактически независимым, а в 1348 Новгород официально признал независимость **П.** Как и Новгород, **П.** не имел собственной княжеской династии, и городская община приглашала князей по своему усмотрению. Город находился на переднем крае борьбы Руси с орденом угрозой. В 1510 **П.** присоединен к Московскому государству. 51, 275–277, 282, 283, 286–288, 355, 359, 428, 429, 448

Путятин двор в Киеве — двор тысяцкого Путяты Вышатича, захваченный в смуту 1113 и разграблен мятежными киевлянами (см. **Киев**). 164, 174–178

Р

Ракома (Рокома, ныне д. Старое Ракомо в Новгородской обл.) — древнерусское село на северо-западном побережье о. Ильмень. Согласно летописному сообщению под 1015, там располагалась резиденция благоверного Князя Ярослава Мудрого в период его новгородского княжения. 71–73

Рим — столица современной Италии. Один из древнейших городов Европы. По легенде основан Ромулом в 753 и назван в честь своего основателя. В дальнейшем Римское государство быстро росло и завоевало сначала всю Италию, а затем и все страны Средиземноморья. Римская империя оказала огромное влияние на последующее развитие Европы. В 395 была разделена на две части: Западную и Восточную. Западная пала под ударами варваров. Восточная, став законной преемницей Императорской власти, просуществовала еще много веков как единственная в мире Православная монархия. В Средние века **Р.** — резиденция римских пап и центр государства, которым они управляли. С 1870 столица Италии. 163

Романия (Ромея) — так Восточная Римская империя называлась своими жителями (см. **Византия**). 449

Ростов (ныне в Ярославской обл.) — древнерусский город на берегу о. Неро, один из центров Северо-Восточной Руси в IX–XIII вв. (см. **Северо-Восточная Русь**) и ее первая столица. Впервые упоминается в летописи под 862 как город, в котором Рюрик посадил своего мужа. Возник как форпост восточнославянской колонизации в землях финского племени меря. С кон. X в. **Р.** — столица Северо-Восточной Руси.

В 1125 князь Ростовский Юрий Владимирович Долгорукий перенес столицу региона в Суздаль (см. **Суздаль**). С 1207 **Р.** — столица самостоятельной Ростовской земли (см. **Ростовская земля**). В 1237 взят монголами. 55, 56, 97, 116, 118, 309, 312, 422, 449, 455, 516–520, 523–543, 545, 546, 549, 551–553, 556, 557, 561, 562, 565, 571, 576–579, 581–583, 585–589, 593, 594, 596–602, 604–610

Ростово-Суздальская земля — так называют Северо-Восточную Русь (см. **Северо-Восточная Русь**) в XI – сер. XII вв. по имени двух городов, которые в этот период были ее важнейшими центрами (см. **Ростов**; см. **Суздаль**). 123, 507, 516–519, 521, 523–527, 532–535, 543, 546–549, 551, 553, 556, 565, 577, 579, 582, 583, 586, 593–596, 599–600, 602

Ростовская земля (Ростовьстия область) — древнерусский регион, расположенный в южной части Верхнего Поволжья, с центром в Ростове (см. **Ростов**). Часть Северо-Восточной Руси (см. **Северо-Восточная Русь**). **Р.з.** обособилась в 1207, в 1474 присоединена к Московскому княжеству. «Ростовской землей» называют также всю Северо-Восточную Русь периода 2-й пол. IX – XI вв., так как в этот период Ростов был ее столицей. После обособления Ростова значение этого названия сузилось. 23, 55, 101–104, 106, 108, 110, 113, 115, 119, 339, 517, 518, 521, 526, 528, 531, 537, 541, 542, 546–549, 551, 554, 556, 559, 561, 562, 576, 580, 585, 596, 597, 601

Ростовское озеро (Неро) — находится на юго-западе Ярославской области. В древности его берега населяло финское племя меря. В IX в. сюда продвинулись славяне, основавшие у **Р.о.** Ростов (см. **Ростов**). 528

Руса (ныне Старая Русса в Новгородской обл.) — древнерусский город в Новгородской земле (см. **Новгородская земля**) у впадения р. Порусье в р. Полисть. Впервые упоминается в летописи под 1176. Фигурирует в новгородской берестяной грамоте № 526, датируемой сер. XI в. **Р.** была крупнейшим центром солеварения в Новгородской земле, но важной политической роли город не играл, будучи пригородом Новгорода (см. **Новгород**). В 1478 вместе со всей Новгородской землей вошел в состав Московского княжества. Второй после Новгорода по числу найденных берестяных грамот город (к настоящему времени их найдено 40). 330, 353

Русская земля — термин, имевший в домонгольское время два значения: «широкое» и «узкое». В «широком смысле» **Р.з.** именовалась вся совокупность древнерусских земель, управляемых Рюриковичами, в «узком» — район в Среднем Поднепровье (см. **Среднее Поднепровье**) вокруг Киева (см. **Киев**), Чернигова (см. **Чернигов**) и Переяславля (см. **Переяславль**). Очевидно, «узкое» значение термина является первичным, и оно распространилось на весь восточнославянский мир после его объединения под властью первых Великих Князей Киевских и повсеместного утверждения во всех древнерусских землях власти Князей династии Рюриковичей. 26, 33, 37, 52, 53, 143, 148, 151, 158–160, 163, 171, 183, 187, 188, 201, 204–206, 216, 267, 275, 300–302, 309, 316, 428, 463, 475, 517, 518, 522, 523, 548, 559, 567, 596

Русь — так сами жители Древней Руси именовали свою страну. Это слово имеет ряд этимологий, из которых ныне наибольшей популярностью среди ученых пользуются иранская, славянская и скандинавская. Первоначально **Р.** назывался небольшой район в Среднем Поднепровье (см. **Среднее Поднепровье**), в XI–XIII вв. это название распространилось на весь восточнославянский мир (см. **Русская земля**). Наименование жителей Древней Руси, производное от **Р.**, — «русины». Данный этноним сохранился до Нового времени в Прикарпатье, где живут русины — потомки жителей Юго-Западной Руси (см. **Юго-Западная Русь**). Ромейские хроники называли **Р.**, часто нападавшую на Ромейскую Империю, именем «Рос», возможно отождествляя этот народ с народом, который в Библии возглавлял князь Рош (Иез. 38–39, см. **Москва**). В XVII в. имело широкое хождение летописное Сказание о Словене и Русе, где также говорилось о древнем происхождении князя **Р.** Версия, основанная на этих источниках, предполагает происхождение названия государства Руси и России от имени этого князя. 11, 30, 36, 52, 55, 57–59, 79–82, 87, 89–92, 94, 96–99, 101, 112, 139, 143–145, 162, 163, 166, 170, 171, 177, 182–184, 187, 192, 194, 198–201, 216, 218, 224, 225, 234–236, 238, 247, 250–253, 265, 267, 281, 282, 287, 288, 294–296, 301, 307, 310, 326, 327, 331, 340, 341, 352–355, 378, 403, 405, 406, 411, 413, 424, 426–431, 440, 443, 445, 446, 448, 453–456, 459, 487, 488, 491, 492, 497, 499, 503, 506, 516, 519, 520, 522, 527, 530, 535, 538, 540, 543, 544, 553, 558–560, 564, 569, 573–576, 579, 580, 582, 583, 595, 608, 633–635

Ручай — небольшая речка в Киеве (см. **Киев**), упоминаемая в летописях, впадает в Днепр. Точная локализация **Р.** неясна. Возможно, это р. Почайна, на что исследователей наводит рассказ о свержении

святым равноапостольным Великим Князем Владимиром языческих идолов в Киеве: идол Перуна, по словам летописца, транспортировали в Днепр «по Ручаю». 57, 244

Рша — упоминаемый в летописи населенный пункт или река под Смоленском (см. **Смоленск**), где в 1067 Князья Ярославичи захватили в плен князя Полоцкого Всеслава, после чего заточили его в поруб в Киеве (см. **Киев**). 141, 142

С

Салница, река — на ее берегах, согласно летописному повествованию, русские князья во главе с благоверным князем Переяславским Владимиром Мономахом в 1111 разгромили половцев. Точно не идентифицирована. Возможно, летописная С. — это р. Сал, левый приток Дона (см. **Дон**). 163

Сарога, река — былинный гидроним. Не имеет реальной географической привязки. Согласно былинам, на ее берегах жил герой эпоса Чурило Пленкович. 15

Северная Двина, река — образуется при слиянии Малой Северной Двины и Вычегды, впадает в Белое море. О древнерусском периоде в истории Подвинья см: **Двинская земля; Заволочье**. 367

Северный Кавказ — регион на юге Восточной Европы (см. **Восточная Европа**) к северу от Кавказского хребта между Черным и Каспийским морями. Ныне там проживают около 20 народов. В домонгольское время основными государствами региона были Алания (см. **Алания**), Сарир и Дербент (два последних — в современном Дагестане). В XI в. некоторые области на северо-западе С.К. были под влиянием древнерусской Тмутаракани (см. **Тмутаракань**). В летописи сохранилась легенда о победе правившего в Тмутаракани князя Мстислава Владимировича над касожским (черкесским) правителем Редедей. После монгольского нашествия С.К. вошел в состав Золотой Орды, хотя горские племена долго вели борьбу с монголами. 163

Северо-Восточная Русь — древнерусский регион в междуречье Оки и Волги (см. **Волга**) и на прилегающих территориях. В догосударственное время был местом расселения восточнославянского

этнополитического союза вятичей, восточной части кривичей и юго-восточной части словен. Первой ее столицей был Ростов (см. **Ростов**); соответственно для периода 2-й пол. IX – XI вв. **С.-В. Р.** именуют Ростовской землей (см. **Ростовская земля**). Затем важную роль в регионе стал играть и Суздаль (см. **Суздаль**), поэтому для периода XI – 1-й пол. XII вв. **С.-В. Р.** называют Ростово-Суздальской землей (см. **Ростово-Суздальская земля**). После того как в 1157 святой благоверный Князь Андрей Юрьевич Боголюбский перенес столицу региона во Владимир, его принято именовать Владимиро-Суздальской землей (см. **Владими́ро-Сузда́льская земля**), а с сер. XIII в. – просто Владимирской землей (см. **Владими́р-на-Кля́зьме**), так как князь, получавший в Орде ярлык на Великое Княжение Владимирское, автоматически становился в **С.-В. Р.** главным. В XIV–XV вв. **С.-В. Р.** была объединена под началом Московского княжества, ставшего со столицей в Москве (см. **Москва**) новым политическим ядром Российского государства. 112, 247, 276, 516, 519, 523, 525–527, 531, 542, 547, 554, 576, 582, 583, 586, 588, 597–599, 602, 604, 610

Сибирь – регион на северо-западе Евразии (см. **Евразия**) между Уралом и водораздельными хребтами близ Тихого океана, Северным Ледовитым океаном и южными границами современной России. Впервые за Урал продвинулись новгородцы в XII в., позже свое влияние на этот регион распространяло Московское княжество. В XVI–XVII вв. русские землепроходцы прошли всю **С.** до Тихого океана и присоединили ее к России. 113

Симеоновский (Семеоновский) монастырь в Киеве – один из монастырей средневекового Киева (см. **Киев**), располагался в Копыревом конце (см. **Копырев конец в Киеве**). Основан Великим Князем Святославом Ярославичем (Черниговским) в нач. 1070-х в честь святого Симеона Столпника. Был родовым монастырем Черниговских князей. Там был погребен убитый киевлянами в 1147 святой благоверный страстотерпец Великий Князь Игорь Ольгович, позднее его мощи были перенесены в Чернигов (см. **Чернигов**). 246

Смоленск (Смолинськ, ныне центр Смоленской обл.) – древнерусский город в верховьях Днепра (см. **Днепр**), центр Смоленской земли. Впервые упоминается еще в недатированной части «Повести временных лет» как столица кривичей. В датированной части впервые фигурирует под 882 как город, который взял Князь Олег по пу-

ти из Новгорода (см. **Новгород**) в Киев (см. **Киев**). Археологически прослеживается с X–XI вв. **С.** предшествовало городище Гнездово. Вероятно, оно и подразумевается под **С.** в древнейших летописных сообщениях о нем. Через **С.** проходили путь «из варяг в греки» и путь из Днепра в Западную Двину. После 1132 Смоленская земля обособилась. Была одной из основных политических единиц домонгольской Руси. В XIII в. **С.** постепенно утрачивает свое значение. В 1395 он был захвачен литовскими войсками (см. **Литва**), а в 1514 взят московскими войсками и включен в состав Московского государства. 142, 251, 303, 325–327, 329, 355, 361, 368, 371, 419–429, 432–437, 439–442, 444–446, 448, 450, 505, 519

Смядынь (Смядин), река — приток Днепра (см. **Днепр**). У ее впадения в Днепр, по преданию, был в 1015 убит святой благоверный Князь Глеб Владимирович. В 1138 на этом месте был основан Борисоглебский монастырь, в котором в 1145 была построена церковь в честь святых страстотерпцев князей Бориса и Глеба (см. **Борисоглебская церковь на Смядыни в Смоленске**). 303, 427

Собор Рождества Богородицы в Суздале — одна из церквей средневекового Суздаля (см. **Суздаль**). Возведена в 1222–1225 по приказу благоверного Великого Князя Владимирского Юрия Всеволодовича на месте обветшавшего храма, построенного при благоверном Князе Владимире Мономахе. До наших дней сохранилась нижняя часть церкви XIII в., ограниченная аркатурным поясом, выше которого стены выложены в XVI в., причем уже не из белого камня, как древняя церковь, а из кирпича. Ныне храм находится в совместном владении Русской Православной Церкви и Владимиро-Суздальского музея-заповедника. 537

Собор Святой Софии в Киеве — главный храм средневекового Киева (см. **Киев**). Заложен благоверным Великим Князем Ярославом Мудрым в 1037 в честь победы над печенегам. В 1240 был разрушен при штурме Киева монголами. В 1385–1390 восстановлен из руин митрополитом Киприаном. В дальнейшем еще обновлялся и перестраивался. В храме сохранились уникальные надписи — граффити — и фрески домонгольской поры. В этом соборе, вероятно, святитель Иларион произнес свое «Слово о Законе и Благодати». 144, 150, 151, 166, 167, 169, 177, 185, 223, 238–240, 242, 536

Собор Святой Софии в Новгороде — главный храм средневекового Новгорода (см. **Новгород**). Построен в 1045–1050 по приказу святого благоверного Великого Князя Ярослава Мудрого. Освящен в нач. 1050-х епископом Лукой. В 1151 стены храма были сплошь обмазаны цемянкой. Сохранил практически первозданный вид. В Новгороде существовала поговорка «где Святая София, там и Новгород». В соборе сохранились фрагменты древнерусских фресок и ряд надписей — граффити. 266, 268, 309, 351, 358, 361–363, 402, 404, 421, 447

Собор Святой Софии в Полоцке — главный храм средневекового Полоцка (см. **Полоцк**). Построен в 1030–1060-е. Разрушен взрывом в 1710 и восстановлен в сер. XVIII в. От старого здания собора сохранились руины: остатки нижних стен, столпов и апсид высотой ок. 11 м. 459

Соль Великая (ныне п.г.т. Некрасовское в Ярославской обл.) — древнерусское село в Северо-Восточной Руси (см. **Северо-Восточная Русь**) на правом берегу Волги (см. **Волга**) при впадении в нее р. Солоницы. Впервые упоминается в летописи под 1214. Было центром производства соли. 609

Сорочинские горы — былинный топоним, не имеющий реальной географической привязки. Согласно былинам, находятся где-то за пределами Руси. В С.г. Добрыня Никитич побеждает змея и освобождает пленных, которых тот держал в пещерах; там же погибает Василий Буслаев. Сорочинские г. — вероятно, искаженное «сарацинские». Являются отражением мифологической традиции о горах в «ином», «чужом» и враждебном мире. 16

Софийская сторона в Новгороде — одна из половин средневекового Новгорода (см. **Новгород**). Вторая половина — это Торговая сторона (см. **Торговая сторона в Новгороде**). Границей между сторонами служила р. Волхов (см. **Волхов**). С.с. была расположена по левому берегу Волхова. На ней располагались Неревский, Загородский и Людин (см. **Людин конец в Новгороде**) концы. Вероятно, изначально стороны Новгорода представляли собой две словенские фратрии, между которыми происходило ритуальное соперничество, трансформировавшееся затем в политическую борьбу за право представителям той или иной стороны занимать высшие городские должности. До кон. XII в. не концы, а стороны были главными участниками борьбы

за политическое влияние в городе. В дальнейшем роль социально-политических единиц переходит к концам. 54, 55, 298, 313

Спарта — древнегреческий город-государство, одно из ключевых в античной Греции и наиболее сильное в военном отношении. 202

Спас на Берестове — храм в княжеском с. Берестово под Киевом (см. **Берестово**). Построен, видимо, при благоверном Великом Князе Владимире Мономахе, стал усыпальницей его рода, в частности, здесь был похоронен его сын, Великий Князь Юрий Долгорукий. Храм был разрушен в 1240 при взятии Киева татаро-монголами, восстановлен митрополитом Петром Могилкой в 1640–1643. Таким образом, до наших дней он сохранился в перестроенном виде. От здания XII в. почти на полную высоту уцелел нартекс с крещальней и лестничной башней, который был включен в постройку XVII в. В 1914 при археологических раскопках были открыты основания разрушенной части храма, что дало возможность полностью реконструировать его план. 185, 248, 249, 253

Спас на Купалище (ныне погост Спас-Купалище в Судогодском районе Владимирской области) — место, около которого чудесным образом остановились лошади, везущие икону Богородицы (будущую Владимирскую, а потом и всероссийскую святыню), после чего святому благоверному Великому Князю Владимирскому Андрею было видение Пресвятой Богородицы, которая повелела основать монастырь. Князь Андрей заложил обитель в 1157. В последние годы жизни Князь часто любил уединяться в этих местах. Ныне у источника Спас-Купалища расположено подворье Владимирского Свято-Богородице-любского монастыря. 563

Спас-Преображения церковь в Новгороде — согласно Иоакимовской летописи, бывшей в распоряжении В.Н. Татищева, это древнейшая церковь Новгорода (см. **Новгород**), построенная его христианской общиной еще в языческие времена. Находилась на Разважей улице (см. **Разважа улица в Новгороде**). В ходе борьбы язычников-новгородцев против Крещения Новгорода эта церковь была ими разрушена в 989. В 1374 в Новгороде на Ильиной-улице была построена новая церковь Спаса Преображения. 563, 564

Спасский Собор в Переяславле-Залесском — древнейший храм в Переяславле-Залесском (см. **Переяславль-Залесский**). Заложен

Великим Князем Юрием Владимировичем Дологруким в 1152, а достроен, вероятно, уже при его сыне, благоверном Великом Князе Владимирском Андрее Боголюбском. Сохранил практически первоначанный вид. Был дворцовым княжеским храмом. Здесь были крещены благоверный Князь Ярослав Всеволодович, его сын, святой благоверный Князь Александр Невский и князь Юрий – сын Дмитрия Донского. В XIII–XIV вв. в соборе погребали Переяславских князей и членов их семей. 524

Спасский собор в Чернигове – главный храм Чернигова (см. **Чернигов**). Заложен в нач. 1030-х князем Тмутараканским Мстиславом Владимировичем, достроен к середине века (стройка затянулась, так как после смерти князя Мстислава в 1036 унаследовавший его владения благоверный Князь Ярослав Мудрый снял мастеров со стройки и перебросил их на строительство собора Святой Софии в Новгороде). Древнейший сохранившийся древнерусский храм. Сохранился почти целиком, но частично перестроен после пожара 1756. Был усыпальницей Черниговских и Новгород-Северских князей. Сюда были перенесены из Киева мощи святого благоверного Великого Князя Игоря Ольговича, а также похоронен князь Новгород-Северский Игорь Святославич – герой «Слова о полку Игореве». 246

Среднее Поднепровье – регион по обоим берегам Среднего Днепра (см. **Днепр**) вокруг Киева (см. **Киев**), Чернигова (см. **Чернигов**) и Переяславля (см. **Переяславль**). Историческое ядро Древней Руси. Именно этот регион стал первоначально именоваться Русью (см. **Русская земля**; **Русь**). 26, 217, 267

Стрежевский удел – часть Полоцкой земли с центром в Стрежеве (точное местоположение неизвестно. По мнению одних ученых, он располагался около впадения р. Свечанка в оз. Стрежев, где ныне находится с. Стрижево Бешенковичского р-на Витебской обл., Беларусь; по мнению других, на месте современного Стрешина Жлобинского р-на Гомельской обл., Беларусь). Обособился в 1159, когда князь Полоцкий Рогволод Борисович, захватив Изяславль (см. **Изяславльский удел**), выгнал правившего в этом городе князя Всеволода Глебовича, отдав ему взамен Стрежев, в котором он, вероятно, княжил до своей смерти. После этого о судьбе удела источники ничего не сообщают. 453

Суздаль (**Суждаль**, ныне во Владимирской обл.) — один из главных городов Северо-Восточной Руси (см. **Северо-Восточная Русь**) XI–XIII вв. на р. Каменке (см. Каменка). В летописи впервые упоминается под 1024 в рассказе «о восстании волхвов» в Верхнем Поволжье. До этого упоминается под 990 в Новгородском кодексе. В 1125–1157 С. — столица Северо-Восточной Руси. С сер. XIII в. обособился и стал центром собственной земли. В 1392 вошел в состав Московского княжества. 87–92, 94, 96, 97, 118, 122, 237, 251, 278, 303, 304, 306, 311, 312, 317, 324, 517–520, 523–535, 537, 539, 543, 545, 546, 549, 551–553, 557, 562, 565, 570, 571, 576–579, 581, 582, 585–589, 593, 594, 596, 597, 609, 610

Супоя, река — приток Днепра (см. Днепр). На ее берегах в 1136 князь Черниговский Всеволод Ольгович разбил Великого Князя Киевского Ярополка Владимировича и заставил его заключить выгодный для себя мир. 301

Т

Танаис — античное название Дона (см. Дон). По представлениям древнегреческих и древнеримских географов река служила границей между Европой и Азией. Через Римейскую Империю это название проникло и в древнерусскую литературу. Упоминается, в частности, в «Сказании о холопьем войне», где неточно отождествляется с Волгой (см. Волга). 20

Тверь (**Тьхверь**, ныне центр Тверской обл.) — древнерусский город в Северо-Восточной Руси (см. **Северо-Восточная Русь**) на Волге (см. Волга) в районе впадения в нее р. Тверцы. Впервые упоминается в Рукописании 1135 князя Всеволода Мстиславича. В первой трети XIII в. Т. входила в состав Переяславской земли (см. **Переяславль-Залесский**), в 1238 была взята монголами, обособилась в 1247. В XIV в. активно соперничала с Московским княжеством за лидерство в Северо-Восточной Руси, пока не была разгромлена в 1375 Дмитрием Донским. В 1485 вошла в состав Московского государства. 356, 357, 381

Телиуда — упоминаемый у Императора Константина Багрянородного древнерусский город, отождествляемый большинством исследователей с Любечем (см. Любеч).

Теребовль (**Теребоваль**, ныне Теребовля в Тернопольской обл., Украина) — город в Галицкой земле (см. Галицкая земля).

Впервые упоминается в летописи под 1097. С кон. XI в. — центр Тербовльской земли, затем был оттеснен на второй план Галичем. В сер. XIV в. **Т.** вошел в состав Польши (см. **Польша**). 475–477, 479, 480, 482–484, 488

Тмутаракань (Тьмотаракань, Тьмуторокань) — древнерусский город на Таманском п-ове. Был основан еще древнегреческими колонистами в VI в. до Р.Х. и назван ими Гермонасса. В VIII–X вв. входил в состав Хазарии и звался Самкерц, после похода Князя Святослава Игоревича вошел в состав Древней Руси и стал именоваться Тмутараканью. Относился к Черниговской земле (см. **Чернигов**), что, вероятно, было связано с тем, что правивший в **Т.** князь Мстислав Владимирович в битве одолел благоверного Великого Князя Ярослава Мудрого и стал Черниговским князем в 1024. В кон. XI в. **Т.** перешла под контроль Ромейской Империи. 36, 55, 96, 144

Тоймокары (Таймокары, Тоймокары) — так новгородцы называли городки проживавшего на р. Тойме (см. **Тойма**) финского племени тоймичей, родственников современным коми и удмуртам (на языке коми «кар» — город, а по-удмуртски — «городище»). Тоймичи подвергались набегам новгородских ушкуйников и были обложены новгородцами данью: по Уставной новгородской грамоте 1137 Тойма платила десятину епископу Новгородскому. 366–368

Тойма, река — правый приток Камы. По ее берегам жило финское племя тоймичей (см. **Тоймокары**). 367

Торговая сторона в Новгороде — одна из двух частей средневекового Новгорода. Была расположена по правому берегу Волхова (см. **Волхов**). О новгородских сторонах см.: **Софийская сторона в Новгороде**. 54, 313, 364, 365, 368, 370, 374, 375

Торжок — см. **Новый Торг**.

Торопец (ныне в Тверской обл.) — древнерусский город в Смоленской земле (см. **Смоленск**) на р. Торопе (правый приток Западной Двины). Через **Т.** проходил путь «из варяг в греки». Впервые упоминается в летописи под 1074. Обособился в сер. XII в. В сер. XIV в. был захвачен князем Ольгердом и вошел в Великое княжество Литовское (см. **Литва**). 327, 348–350, 380, 423, 435, 446

Треполь (ныне с. Триполье в Киевской обл., Украина) — древнерусский город в Киевской земле (см. **Киевская земля**) у впадения р. Стугны в Днепр (см. **Днепр**). Впервые упоминается в летописи под 1093. Был важной крепостью, защищавшей Киевщину от набегов степняков. 433, 434

Троицкий собор в Пскове — главный храм средневекового Пскова (см. **Псков**). По преданию первый деревянный Т.с. был заложен святой равноапостольной Великой Княгиней Ольгой. В 1138 вместо старого деревянного был построен новый каменный храм. Предположительно его возводили смоленские строители. В 1356 после обрушения сводов храм был перестроен. Перед Т.с. располагалась вечевая площадь — центр общественной жизни Пскова. В этом храме хранился меч святого благоверного Князя Довмонта, который вручали в качестве благословения всем князьям, призываемым на престол городской вечевой общиной. Т.с. был местом погребения Псковских князей и архиереев, в нем хранились важные документы Псковской республики. 428

Турийск (ныне п.г.т. в Волынской обл., Украина) — древнерусский город в Волынской земле (см. **Воłyнь**) на р. Турья (приток Припяти). Впервые упоминается в летописи под 1097. Не играл важной роли в политической жизни Волыни.

Туров (ныне в Гомельской обл., Беларусь) — древнерусский город, центр Туровской земли (см. **Туровская область**) на р. Припять (приток Днепра). В летописи впервые упоминается в 980. Согласно летописному свидетельству, был основан князем Туром. В XI в. здесь было создано Туровское Евангелие — самая древняя книга в Беларуси. Родина древнерусского философа святителя Кирилла Туровского (1130–1182). Центр удела, затем и самостоятельной земли. 55, 163, 218, 219, 519

Турова божница в Киеве — вероятно, одна из киевских церквей (см. **Киев**), упоминаемая в летописи. Возможно, либо ее строителем и владельцем был некий Тур, либо она получила свое название от Турова урочища. 227–230, 232, 233

Туровская область — древнерусский регион с центром в Турове (см. **Туров**) на Правобережье Днепра (см. **Днепр**). Была подчинена Киеву во времена святого Великого Князя Владимира Святославича.

Обособилась после 1132. В 1320–1330-е **Т.о.** вошла в состав Великого княжества Литовского (см. **Литва**). 55

У

Углич (Углеч, ныне в Ярославской обл.) — древнерусский город в Северо-Восточной Руси (см. **Северо-Восточная Русь**) на р. Волге (см. **Волга**). Согласно местным преданиям, отраженным в поздних летописях, был основан Яном Плесковитичем, родственником святой равноапостольной Великой Княгини Ольги. Впервые упоминается в летописи под 1148. В 1218 **У.** обособился и стал центром собственной земли, а в нач. XIV в. вошел в состав Московского княжества, но остался центром удела до кон. XVI в. 33

Угорское — местность (гора) в Киеве (см. **Киев**), упоминаемая в летописи как место погребения убитого варягом Олегом князя Аскольда. Ипатьевская летопись в статье под 1151 называет одни из ворот Киева «Угорскими», видимо, они вели к **У.** Это название может объясняться как «взгорье» (местность близ горы), а может быть как-то связано с проходившими в Паннонию мимо Киева венграми, о чем повествует «Повесть временных лет». 226, 227, 229

Уппсала — один из древнейших городов Швеции (см. **Швеция**). Возник еще в эпоху викингов. С 1146 — место пребывания архиепископа шведской церкви, религиозный центр страны. В 1477 в **У.** был открыт первый в Скандинавии университет. 121

Успенский собор в Смоленске — один из храмов средневекового Смоленска (см. **Смоленск**), с 1137 ставший его кафедральным собором. Заложен в 1101 по распоряжению благоверного Князя Владимира Мономаха. В 1611 смоляне, два года защищавшие свой город от польских войск, отступили в **У.с.** и взорвали его вместе с собой и наступающими врагами. В 1677–1740 на этом месте был воздвигнут новый собор, существующий поныне. 424, 425

Успенский собор Печерского монастыря в Киеве — соборный храм Киево-Печерского монастыря (см. **Печерский монастырь в Киеве**). Заложен в 1073 преподобным Феодосием Печерским при поддержке Великого Князя Святослава Ярославича. Строился греческими мастерами. **У.с.** сильно пострадал от землетрясения 1230, а

в 1240 был разграблен взявшими Киев монголами. В дальнейшем не раз разрушался и восстанавливался вновь. Последний раз был разрушен немцами во время Великой Отечественной войны. Восстановлен только в 90–е XX в. 223, 244

Ушица (ныне п.г.т. Старая Ушица в Хмельницкой обл., Украина) – древнерусское поселение в Галицкой земле (см. **Галицкая земля**) у впадения р. Ушицы в Днестр (см. **Днестр**). Впервые упоминается в летописи под 1144. С кон. XIV в. У. в составе Польши, была ее пограничным пунктом. 486, 489–492

Ф

Феодоровский монастырь в Киеве – один из монастырей средневекового Киева (см. **Киев**), посвященный святому Феодору Тирону. Был расположен у «города Владимира» рядом с Бабиным торжком (см. **Бабин торжок в Киеве**). Основан в 1128 святым благоверным Князем Мстиславом Великим. Был родовым монастырем Князей Мстиславичей. В нем был похоронен и сам Князь Мстислав, и многие его потомки. После монгольского нашествия пришел в упадок и прекратил свое существование. 240

Х

Хоревца – согласно «Повести временных лет», гора, на которой сидел Хорив – брат Князя Кия, основателя Киева (см. **Киев**). Больше в летописи не упоминается и точно не идентифицирована. 19

Хревкова улица – одна из древнейших улиц средневекового Новгорода (см. **Новгород**). Расположена на Софийской стороне (см. **Софийская сторона в Новгороде**). Впервые упоминается в летописи под 1194. 330

Хутынский Спасо-Преображенский монастырь – один из монастырей средневекового Новгорода (см. **Новгород**). Расположен на правом берегу Волхова (см. **Волхов**) у северной окраины д. Хутынь, в 7 км от Новгорода. Основан преподобным Варлаамом в нач. 1190-х. Тогда же был построен храм во имя Преображения Господня (Спас на Хутыни), освященный 6 августа 1192 архиепископом Григорием. Этот храм не сохранился до наших дней. **Х.м.** пострадал во время

Великой Отечественной войны. Был восстановлен и является ныне действующим женским монастырем Русской Православной Церкви. 399, 400, 401

Ц

Церковь Ивана Предтечи на Опоках (на Петрятине двориче) — одна из церквей средневекового Новгорода (см. **Новгород**). Была заложена в 1127 святым благоверным Князем Всеволодом Мстиславичем на Опоках (см. **Опоки**) в честь Иоанна Предтечи. В 1130 церковь специальной уставной грамотой была передана купцам, входившим в знаменитое объединение «Ивановское сто», которое вело торговлю воском и медом. При церкви **И.П.** существовал суд, возглавлявшийся тысяцким и состоявший из трех старост от бояр и двух от купцов. Он рассматривал торговые дела и связанные с ними конфликты. В этой церкви хранились эталоны мер: «локоть иванский» (для измерения длины сукна), «гривенка рублевая» (для взвешивания драгоценных металлов), весы («скалвы вощаные», «медовый пуд»). В 1453 по приказу архиепископа Евфимия II церковь была разрушена и отстроена вновь с использованием фундамента и нижних частей стен старой церкви. Церковь **И.П.** пострадала в годы Великой Отечественной войны, в 50-е была реставрирована. 265, 266, 270

Церковь Архистратига Михаила в Киеве — одна из церквей средневекового Киева (см. **Киев**). Была построена новгородцами, поэтому летопись именует ее «новгородской божницей». В ней молились приезжавшие в Киев новгородцы. 164, 246

Ч

Червен (ныне с. Чермно в Польше) — древнерусский город в Волинской земле (см. **Волынъ**) на р. Хучве (приток Западного Буга). Впервые упоминается в летописи под 981 как центр «Червенских градов», которые святой Великий Князь Владимир Святославич отвоевал у поляков (см. **Польша**). Был центром Червенской земли. Со временем оказался оттеснен на второй план Владимиром-Волинским (см. **Владимир-Волинский**) и утратил былое значение. В послемонгольское время пришел в упадок. Последний раз упоминается под 1289. 483, 494

Череха, река — правый приток р. Великой, вытекает из о. Черешно. На ее берегах в 1060–х новгородское войско было разбито, вероятно, полоцкой ратью Князя Всеслава Брючиславича. 118

Чернигов (Чърниговъ, ныне центр Черниговской обл., Украина) — древнерусский город на р. Десне (левый приток Днепра), центр Черниговской земли (см. **Черниговская земля**). Впервые упоминается у Императора Константина Багрянородного как Чернигога. В «Повести временных лет» в первый раз фигурирует в договорах Князя Олега с Греческим Царством. Впервые обособился от Киева в 1024, окончательно — в 1054. В 1239 **Ч.** был взят татаро-монголами. 96, 135, 141–143, 172, 187, 188, 216, 217, 219, 235, 238, 239, 246, 300, 301, 304, 323, 411, 422, 450, 478, 519, 577, 584

Черниговская земля (Черниговская волость) — древнерусский регион на Левобережье Днепра (см. **Днепр**) в бассейнах Десны и Сейма с центром в Чернигове (см. **Чернигов**). Впервые обособилась от Киева в 1024, когда князь Тмутараканский Мстислав одержал в сражении верх над благоверным Великим Князем Ярославом Мудрым и занял Чернигов. После его смерти в 1036 **Ч.з.** вновь оказалась под властью Киева. Окончательно обособилась после смерти Князя Ярослава Мудрого в 1053, перейдя к его сыну, Князю Святославу, потомки которого и были в дальнейшем черниговскими князьями. В кон. XI – XII вв. **Ч.з.** распадается на ряд уделов. В XIV в. входит в состав Великого княжества Литовского (см. **Литва**). 216, 247

Чехия — государство в Восточной Европе (см. **Восточная Европа**). Сложилось в IX–X вв. Правящая в раннем Средневековье династия — Пшемисловичи (с IX в. по 1310). Столица — Прага. В 894 приняла Христианство по западному обряду. С 1086 чешские князья становятся вассалами германских императоров, а **Ч.** входит в состав Священной Римской империи (см. **Германия**). 163, 475, 503

Чудская (Чюдская) земля — примерно соответствует территории современной Эстонии. Славяне традиционно именовали «чудью» все финно-угорские народы, но преимущественно это обозначение закрепилось за предками современных эстонцев. **Ч.з.** была обложена данью благоверным Великим Князем Ярославом Мудрым, основавшим в ней свой опорный пункт — Юрьев (ныне Тарту в Эстонии), в дальнейшем в **Ч.з.** совершали походы новгородцы и облагали чудь

данью (см. **Новгород**). В 1-й пол. XIII в. **Ч.з.** была завоевана немецкими крестоносцами. 380

Ш

Швеция – государство в Северной Европе на Скандинавском п-ове. Сложилось в IX–XI вв. Столицы в раннем Средневековье: Уппсалла (до IX в.), а затем Сигтуна. Правящие в раннем Средневековье династии: Инглинги (IX в. – 1060), Стенкили (1060–1120–е), род Сверкеров и Эриков (1153–1249), Фолькунги (1249–1363). В XI в. **Ш.** принимает Христианство по западному обряду. Соперничала с Новгородом (см. **Новгород**) за власть в Финляндии и Карелии. В 1240 шведская армия, наступавшая на новгородские владения, была разбита святым благоверным Князем Александром Невским в устье р. Невы. 121

Шексна, река – левый приток Волги (см. **Волга**), берет начало из оз. Белое. До XIV в. у ее истоков находился древнерусский город Белоозеро, впоследствии перенесенный (см. **Белоозеро**). В устье Шексны в XI–XIII вв. располагалось крупное древнерусское поселение Усть-Шексна (ныне в черте Рыбинска). На берегах **Ш.** в с. Горлицы находится Троицкий Воскресенский монастырь, основанный в 1544 Княгиней Ефросиньей Андреевной Старицкой. 89, 111

Шеполь – древнерусский город в Волынской земле (см. **Волынь**). Впервые упоминается в летописи под 1097. Не играл важной роли. 483

Щ

Щековица (ныне Щекавица) – гора в Киеве (см. **Киев**) над Подолом (см. **Подол в Киеве**). Согласно «Повести временных лет», на **Щ.** сидел Щек – брат Князя Кия, основателя Киева. 18

Ю

Юго-Западная Русь – древнерусский регион в р-не Прикарпатъя в верховьях Днестра, Прута и Южного Буга. Включает в свой состав Волынь (см. **Волынь**) и Галицкую землю (см. **Галицкая земля**), поэтому также именуется Галицко-Волынской землей. В догосударственные времена здесь проживали восточнославянские этнополитические

союзы дулебов, волынян, бужан, хорватов, уличей и т.д. В Ю.-З. Р. в IX–X вв. складываются собственные политические объединения и крупные населенные пункты – протогорода Стольск, Снесенск, Во-лынь, Галич, Червен и т.д. В кон. X в. регион был покорен святым Великим Князем Владимиром Святославичем. Со временем на первое место в Ю.-З. Р. выдвигаются Владимир (см. **Владимир-Волинский**) и Галич (см. **Галич**), которые становятся центрами двух крупнейших земель региона. В 1199 Галичина и Волынь объединяются в единое Галицко-Волинское княжество (1199–1392). Ю.-З. Р. всегда была предметом посягательств граничащих с ней государств – Венгрии (см. **Венгрия**) и Польши (см. **Польша**). В сер. XIII в. Ю.-З. Р. попала в зависимость от Золотой Орды, в XIV в. вошла в состав Великого княжества Литовского (см. **Литва**) и Польши. 474, 475, 499, 503, 504

Южная Русь – древнерусский регион в Среднем Поднепровье (см. **Среднее Поднепровье**) и на прилегающих территориях в бассейнах Десны и Припяти. Включает в себя Киевскую (см. **Киевская земля**), Черниговскую (см. **Черниговская земля**), Переяславскую (см. **Переяславская волость**), Турово-Пинскую (см. **Туровская область**) земли. 96, 158, 187, 216, 218, 295, 296, 326, 360, 450, 518, 520, 521, 524, 528, 543, 583

Южный Урал – южная часть Уральских гор. Заселен финно-угорскими и тюркскими племенами, в XVI в. вошел в состав Российского государства. 163

Юрьев (Гюргев, Юрьев-Польской, ныне центр Юрьев-Польского р-на во Владимирской обл.) – город, заложенный у р. Колокша во Владимирском ополье в 1152 Великим Князем Юрием Долгоруким как форпост Владимиро-Суздальского княжества. По его приказу была сооружена почти круглая крепость, которая была обнесена сохранившимися до наших дней земляными валами высотой до 7 м, с деревянными стенами. С 1212 года Юрьев-Польский – центр княжества, первым удельным правителем которого стал святой благоверный Князь Святослав Всеволодович. Он основал в 1234 в центре крепости княжеский Михайло-Архангельский монастырь и возвел на месте более древнего храма Георгиевский собор, сохранившийся

до наших дней. В 1216 рядом с городом состоялась Липицкая битва. В 1238, 1382, 1408 подвергался разорению монголо-татарами. В 1340 был присоединен Москвой. Сожжен в 1612 во время польско-литовской интервенции. С сер. XVII в. вступил в период торгово-промышленного подъема. Развитию города способствовало его положение на Большой Стромьинской дороге, соединявшей Суздальские земли с Москвой. 607, 609

Юрьевское поле — местность у Юрьева-Польского (основан в 1152 Великим Князем Юрием Долгоруким, ныне во Владимирской обл.) в Северо-Восточной Руси (см. **Северо-Восточная Русь**) на берегах р. Липицы (см. **Липица**). Здесь в 1177 благоверный Великий Князь Владимирский Всеволод Большое Гнездо разгромил Князя Ростовского Мстислава Ростиславича. 588, 589

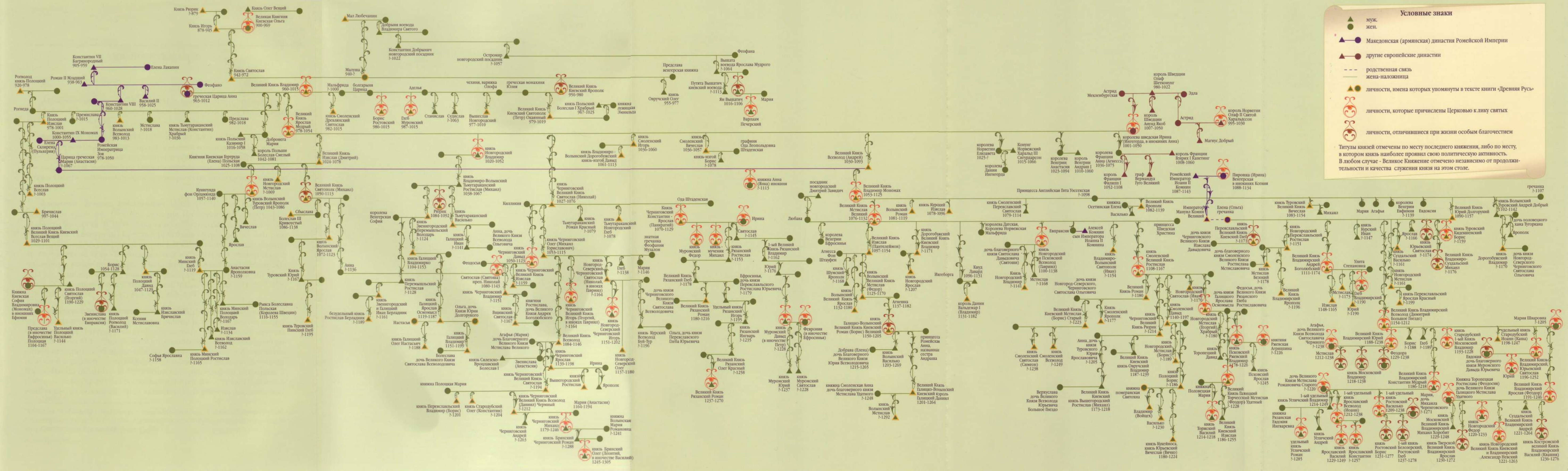
Я

Ярославль (ныне центр Ярославской обл.) — древнерусский город в Северо-Восточной Руси (см. **Северо-Восточная Русь**) при впадении р. Которосль (см. **Которосль**) в Волгу (см. **Волга**). Был основан благоверным Князем Ростовским Ярославом Мудрым (988 – до 1015) на месте местного языческого центра Медвежий угол (см. **Медвежий угол**). Город быстро вырос и стал крупнейшим в Верхнем Поволжье. Был важным торговым центром. С нач. XIII в. **Я.** становится центром собственной земли. В 1463 Ярославское княжество присоединяется к Московскому княжеству. 92, 104, 106, 108, 110, 112, 115, 119

Ярославль двор в Киеве — исторический район в Киеве, находившийся в Средние века на площади около собора Святой Софии и торговища у Туровой божницы. На **Я.д.** сходились киевляне на вечерние собрания. 222, 227 229, 244, 245, 252, 355, 357

Ярославль двор (Ярославово дворище) в Новгороде — район в Новгороде (см. **Новгород**) на Торговой стороне (см. **Торговая сторона в Новгороде**) у Николо-Дворищенского собора (заложен в 1113). На **Я.д.** располагалась, по всей видимости, резиденция благоверного Великого Князя Ярослава Мудрого, откуда и происходит его назва-

ние. Впервые Я.д. упоминается в Ипатьевской летописи под 1149. Был важным общественным центром средневекового Новгорода, одним из мест проведения вечевых собраний. В 1227 здесь были сожжены новгородские волхвы. 309, 333, 357, 361, 368–370, 384, 392–394, 396–399, 401, 412

- Условные знаки**
- ▲ муж.
 - жен.
 - ▲ (фиолетовый) — Македонская (армянская) династия Римской Империи
 - ▲ (красный) — другие европейские династии
 - родственная связь
 - жена-наложница
 - ▲ (желтый) — личности, имена которых упомянуты в тексте книги «Древняя Русь»
 - (красный с крестом) — личности, которые причислены Церковью к лику святых
 - (красный с крестом) — личности, отличившиеся при жизни особым благочестием
- Титулы князей отмечены по месту последнего княжения, либо по месту, в котором князь наиболее проявил свою политическую активность. В обоих случаях - Великое Княжение отмечено независимо от преемственности и качества служения князя на этом столе.

ИМЕННОЙ УКАЗАТЕЛЬ

А

Авраамий Смоленский (1172–1224) — преподобный, иконописец, архимандрит смоленского монастыря Положения ризы Богоматери во Влахерне*. 437–445

Александр Македонский (356–323 до Р.Х.) — Царь, сын царя Македонского царства Филиппа II, великий эллинский полководец, завоеватель, покоривший огромную территорию древнего цивилизованного мира, начиная от Пелопоннеса и кончая западными районами Индии, любимый герой древнерусских книжников и художников. 20

Алексеев Леонид Васильевич (1921–2008) — и российский историк и археолог. Основоположник исследований топографии древнего Витебска. В 1954 обнаружил в Ленинградском архиве фотопластинки (негативы) Креста Ефросинии Полоцкой, по которым была произведена его реконструкция. В 1955 защитил кандидатскую диссертацию на тему «Полоцкая земля в IX–XIII вв.». Автор многочисленных работ по истории Полоцкой и Смоленской земель XI–XIII вв. Занимался изучением историографии и персоналий белорусской археологии, искусствоведения и краеведения. 141, 327, 422, 423, 428, 433, 434, 436, 447, 449, 451, 455, 457, 460

Алексеев Юрий Георгиевич (р. 1926) — один из крупных современных российских историков, доктор исторических наук, профессор Санкт-Петербургского университета, заслуженный деятель науки, ученик И.И. Смирнова. Автор многочисленных работ по военной истории России, а также по вопросам развития феодализма на Руси и аграрной истории России. Специалист по эпохе Великого Князя Ивана Великого. В 1966 выпустил монографию «Аграрная и социальная история Северо-Восточной Руси XV–XVI вв. Переяславский уезд», на основе которой защитил кандидатскую диссертацию.

* О лицах, чьи имена набраны курсивом подробнее см.: Указатель имен святых, благоверных князей и благочестивых правителей Руси, наиболее послуживших Отечеству и Русской Церкви. С. 974.

В 1980 вышла одна из самых известных его монографий — «Псковская судная грамота и ее время. Развитие феодальных отношений на Руси XIV–XV вв.»; в этом же году А. защитил основные положения книги в качестве докторской диссертации. 265

Алексей (Олекса) Сбыславич — новгородский боярин, убитый «без вины» во время посадничества Дмитрия Мирошкинича по приказанию Владимирского Князя Всеволода Юрьевича братом посадника Борисом и всеволодовым боярином Лазарем на Ярославовом дворе ок. 1207. Именно с убийством А.С. современники связали мироточение иконы Пресвятой Богородицы в церкви «у святого Якова в Неревьском конце» в Новгороде. 333, 334

Алексий (Ольксий) — святой, преподобный, человек Божий. 399

Анбал (Аньбал) Ясин (выходец с Северного Кавказа) — один из представителей кавказского еврейства на Руси, ключник святого благоверного Великого Князя Андрея Юрьевича Боголюбского. Вместе с шурином Князя Петром Кучковым и другим приближенным, иудеем Ефремом Моизичем, входил в заговор против Князя Андрея; один из его убийц. Перед убийством в 1174 А. вынес меч Борисов из спальни Князя. Кузмище, один из слуг, оставшихся верными Князю, умолял А. дать ему чем прикрыть труп, напоминая тому, что он (А.) при вступлении на службу к Князю был одет в лохмотья и только благодаря щедрости последнего теперь ходит в бархате. А. в конце концов исполнил просьбу. Возможно, был казнен вместе с Кучковичами Великим Князем Владимирским Всеволодом в кон. 70-х XII в. 566–569

Андраш (Андрей) II (ок. 1177–1235) — король Венгрии (1204–1235). Возглавлял Пятый крестовый поход, посланный папой Гюнием III для защиты Иерусалимского королевства. В 1189, будучи еще королевичем, был посажен своим отцом, венгерским королем Белой III, на Галицкое княжество. К королю тогда обратился за помощью князь Владимир Ярославич, изгнанный галичанами, но король воспользовался ситуацией, чтобы посадить на галицкий престол сына, так как Галиция как пограничная территория была предметом политического интереса также и Польши. Король рассчитывал сделать Галицию сферой своего влияния, так как она находилась

на пограничной территории между тремя государствами: Польшей, Русью и Венгрией. 504

Андреев Василий Федорович — современный российский историк, профессор, доктор исторических наук, общественный деятель. Специалист по древней истории Новгородского края. Автор более 80 научных публикаций. Наиболее значимая монография «Очерки истории средневекового Новгорода» издана также и в Японии в качестве учебного пособия для студентов японских университетов. Автор научно-популярной книги «Северный страж Руси». 72, 81, 299, 309

Андрей — владычный стольник, приближенный святителя Арсения, архиепископа Новгородского. Пострадал во время народных волнений в Новгороде в 1228. 404, 413

Андрей — королевич венгерский, см. **Андраш II**.

Андрей Юрьевич Боголюбский (Ондрей Боголюбивый) (ок. 1111–1174) — святой благоверный Великий Князь Владимирский (1157–1174). 221, 223, 312, 314–217, 331, 358, 516, 519–535, 537–556, 559–579, 582–584, 586, 587, 601, 603, 606–608

Андрияшев Александр Михайлович (1863–?) — историк, цензор Санкт-Петербургского цензурного комитета (с 1900), член Главного управления по делам печати. На историко-филологическом факультете Киевского университета Св. Владимира в кон. XIX в. велась серьезная научная работа по изучению истории Древней Руси, приведшая к изданию серии монографий, посвященных областной проблематике. Одним из этих изданий стало исследование А. «Очерки истории Волынской земли до конца XIV столетия» (Киев, 1887). А. совместно с А.Н. Харузиным редактировал и издавал «Временник Эстляндской губернии» (1894–1895). В 1914 в Москве издал «Материалы по исторической географии Новгородской земли», составленные на основании писцовых книг Шелонской пятины 1498–1576, изданных Археографической комиссией. «Материалы» состоят из трех частей: введения, в котором изложены сделанные при составлении работы выводы и наблюдения историко-географического характера; систематизированного и распределенного по погостам списка селений и других географических пунктов; атласа карт погостов (издан отдельным томом). 476, 477, 479, 483, 484

Аничков Евгений Васильевич (1866–1937) – историк литературы, критик, фольклорист, прозаик. Родом из дворян Новгородской губернии. Преподавал на Высших женских (Бестужевских) курсах, принимал активное участие в деятельности Общества Нестора-летописца. В 1901 вместе с М.М. Ковалевским А. принял деятельное участие в основании Русской Высшей школы общественных наук в Париже. В Оксфордском университете читал лекции по славянскому фольклору и сравнительной мифологии. В 1904 защитил диссертацию «Весенняя обрядовая песня на Западе и у славян» (работа удостоена Уваровской премии Академии наук). В 1914 вышел его главный труд – «Язычество и Древняя Русь». Основные работы А. посвящены славянскому фольклору и отражению мифологических элементов в литературных произведениях. Его исследования ценны богатым фольклорным материалом и записями обрядов славянских и романо-германских народов, а также теоретической постановкой вопросов о возникновении обрядовой поэзии и о синкретическом изучении фольклора. 87

Анна Глинская (? – ок. 1553) – супруга князя Василия Львовича Глинского, бабка и, возможно, воспитательница Царя Иоанна Васильевича Грозного. В русских источниках осталось очень мало биографических сведений о ней, к тому же противоречивых. Из иностранных источников нам известно, что она принадлежала к знатному сербскому роду Якшичей. В летописи под 1547 ее имя упоминается в связи с народными волнениями: ее обвиняли в волхвовании, благодаря которому якобы погорела Москва, толпа требовала ее выдачи для расправы. Перед смертью приняла постриг с именем Анисья. 99

Антоний, святитель (мирское имя Добрыня Ядрейкович, ?–1232), – архиепископ Новгородский и Псковский в 1210–1218, 1226–1228 и 1229. 359, 392, 399–404

Антоний, преподобный (983–1073) – отец русского монашества, основатель и первый игумен Киево-Печерского монастыря. 141

Апраксия (Евпраксия, Опракса, Апраксеевна и т.п.) – былинная жена Князя Владимира Красна Солнышка, просватанная у ее отца, литовского короля, богатырями Добрыней Никитичем и Дунаем Ивановичем. В былинах у нее два образа. Первый – образ злой жены,

неверной, подверженной страсти к некоторым лицам из окружения Князя (Тугарин Змеевич, Алеша Попович, Чурила Пленкович, предводитель калик Касьян Афанасьевич). Другой образ — радушная хозяйка, под стать своему супругу, Владимиру Красное Солнышко. 27, 31

Аристов Николай Яковлевич (1834–1882) — русский историк, публицист. Сын сельского священника Тамбовской губернии, А. получил высшее образование в Казанской духовной академии. Ученик историка А.П. Шапова. Кандидатское сочинение А. было написано на предложенную Шаповым тему: «Взгляд древних русских летописцев на события мира». В 1866 защитил диссертацию «Промышленность Древней Руси» (СПб., 1866) на степень магистра русской истории. Степень доктора получил за диссертацию «Московские смуты в правление царевны Софии» (Варшава, 1871). Автор ряда крупных исследований, в том числе «Хрестоматии по русской истории для изучения древнерусской жизни, письменности и литературы до XVI в.» (Варшава, 1870). Подобно Шапову, А. интересовался больше всего историей народных масс, их идеалами и движениями. Преподавал в Варшавском и Харьковском университетах. В 1870–1880 его рецензии и статьи по русской истории публиковались в «Библиотеке для чтения», «Отечественных записках», «Древней и новой России», «Историческом вестнике», в газете «Новое время». 188, 250

Аркадий (Аркад), святитель (?–1164) — епископ Новгородский в 1156–1164. 268, 281, 314

Арсений (XII в.) — игумен древнего Козьмодемьянского монастыря, на месте которого ныне в западной части Владимира находится Никитская церковь. В «Повести об убиении Андрея Боголюбского» говорится о его благочестивом и безстрашном поступке, когда он, пренебрегая опасностью (в городе была смута), первым явился в княжеские палаты и совершил отпевание погибшего Князя. 569

Арсений (Арсений Чернец, XIII в.) — епископ Новгородский, (нареченный) избранный из простых монахов Хутынского монастыря в 1223, в день смерти епископа Митрофания; об А. летописец говорит как о муже добром и боящемся Бога. В 1225 А. был изгнан по возвращении архиепископа *Антония* из Перемышля; в 1228 снова призван, когда онемевший Антоний удалился в монастырь. Сде-

лавшийся в это время голод был приписан грехам А., что вызвало ярость народа, и А. едва спасся; потом был игуменом Хутынского монастыря, а в 1270 Князем Ярославом переведен в монастырь Св. Георгия. 399–404, 413

Арцыбашев Николай Сергеевич (1773–1841) — русский историк. Некоторое время служил военным. По выходе в отставку занимался изучением Древней Руси. Главный труд А. «Повествование о России» был издан не полностью московским Обществом истории и древностей под наблюдением Погодина (Москва, 1838–43, в 3 т.); в нем автор изложил историю России с древнейших времен до 1698. Ему также принадлежит ряд исследований по русской истории, изданных как отдельно, так и в исторических сборниках и периодических изданиях: «О первобытной России и ее жителях» (СПб., 1809), «О степени доверия к истории, сочиненной кн. Курбским» («Вестник Европы», 1811), «О свойствах Царя Ивана Васильевича» (там же), «Замечания на Историю государства Российского Карамзина» («Московский Вестник», 1828, 1829) и др. А. принадлежал к скептической школе русской историографии. Избегал философских и других отвлеченных оценок событий истории и ее героев. Старался излагать факты в возможно точной передаче текста источников. Критиковал историка Карамзина за его любовь к сомнительным источникам и стремление к художественному домыслу в историческом сочинении. Из-за подобных взглядов А. часто вступал в конфликт с представителями официального направления в исторической науке, однако его труды высоко ценились такими археографами, как Строев и канцлер Румянцев, и такими историками, как Соловьев и Бестужев-Рюмин. 364, 367, 379, 383, 392, 400, 568

Аскольд (в крещении Николай, IX в.) — варяг, дружинник Рюрика, первый христианский правитель Киева. Вместе с другим дружинником Диром А. ушел от Рюрика вниз по Днепру на войну с Царьградом и степными кочевниками и остался княжить в Киеве. При заключении мирного договора с греками привел к крещению всю свою дружину. В 882 был казнен еще одним варяжским воином из окружения Рюрика Олегом, приведшим из Новгорода под Киев большую дружину. В Киев вместе с Олегом пришел сын Рюрика, Великий Князь Игорь, воспринявший власть после гибели Олега. С момента объединения двух великих городов — Новгорода и Киева — представителями одной княжеской династии начинают

отсчитывать официальную историю Древнерусского государства. 447, 448

Асмольд (Асмуд, X в.) — варяжский воин, воевода. Вместе с другим воеводой *Свенельдом* и своим малолетним воспитанником Великим Князем Святославом Игоревичем ходил по воле Великой Княгини Ольги в 946 на древлянский город Искоростень, чтобы наказать за гибель в их земле Великого Князя Игоря. А. принадлежит в летописи фраза: «Князь уже начал; потянем, дружина, за князем!» Эти слова были произнесены перед битвой, после того как малолетний Святослав бросил копьё между ушами своего коня. 47

Афанасьев Александр Николаевич (1826–1871) — русский публицист, фольклорист, исследователь славянских преданий, верований и обычаев. Занимая высокую чиновничью должность в Министерстве иностранных дел, собирал старинные рукописи и книги фольклорного содержания. Автор трехтомного труда «Поэтические воззрения славян на природу» (Москва, 1865–1869). Несмотря на ценность наследия А., его методология и научные выкладки потеряли свою значимость уже к кон. XIX в. В своих научных взглядах он находился под влиянием немецких натурмифологов Гримма, Шварца и Мюллера, которые часто сводили все многообразие мифологических представлений древних народов к строгой безжизненной схеме. В трудах А. поэтизировалась искусственно сконструированная мифология древних славян. Исходя из своей общей теории происхождения народной поэзии из мифа, А. часто видел остатки религии поклонения солнцу и в тех славянских народных праздниках, которые имели сугубо христианское происхождение. Эта теория, как показали позднейшие исследования, оказалась ошибочна, но она имела многих сторонников как в Западной Европе, так и в России. Сказки и легенды из сборников А. часто использовали в качестве своих сюжетов русские писатели и поэты. 109

Б

Бела III — венгерский король (в крещении Алексей). Правнук по материнской линии Великого Князя Владимира Мономаха, внук Великого Князя Мстислава Владимировича. На время его правления пришелся расцвет средневековой Венгрии: успешные войны, укреп-

пление границ и фактической власти. В 1190 в Эстергоме началось возведение первого в Центральной Европе готического собора. 504

Беликова Татьяна Викторовна (р. 1960) – российский историк. В 1990 Б. была присуждена степень кандидата исторических наук за диссертацию «Княжеская власть и боярство Юго-Западной Руси в XI – начале XIII вв.» (Л., 1990). Автор нескольких десятков научных статей и статей энциклопедического характера, методических разработок и учебных пособий. Разрабатывает круг вопросов, связанных с проблемами истории Древней Руси, а также с проблемами региональной торгово-промышленной политики правительства Российской Империи. Наиболее значимыми научными выступлениями в печати являются статьи «Княжеская власть в Галиче времен Ярослава Осмомысла», «Русско-польский договор 1199 г. и его роль в истории взаимоотношений Польши и Юго-Западной Руси» и др. 494

Беляев Иван Дмитриевич (1810–1873) – русский историк и мыслитель, исследователь русского права и народного хозяйства, профессор Московского университета (1852–73), член нескольких научных обществ. Сын священника. Много публиковался в известных изданиях своего времени («Москвитянин», «Русская беседа», «День», «Журнал Министерства народного просвещения», «Зритель», «Москва», «Русский архив» и др.). Участвовал в «Московском сборнике» И. С. Аксакова (1852). Один из видных представителей московского кружка славянофилов. Главная работа (докторская диссертация) Б. «Крестьяне на Руси» была опубликована в «Русской беседе» накануне Крестьянской реформы 1861 под влиянием идей этого кружка. В этом фундаментальном труде Б. впервые в русской историографии систематизировал знания по истории крестьянства со времен Древней Руси до XVIII в. Б. также принадлежат труды по истории русского права, хозяйства, военного дела, летописания. Б. собрал богатую коллекцию древнерусских актов и рукописных книг, которые он ввел в научный оборот (опубликовал ряд разрядных, писцовых, расходных книг, многочисленные документы из монастырских и др. архивов). Следующим важным трудом, над которым Б. работал много лет, вплоть до своей смерти, и не успел закончить, были «Рассказы из русской истории» (1861–1872), где он хотел представить всю русскую историю в ее целостности, преимущественно с бытовой и правовой стороны, и объяснить историю образования Московского государ-

ства. С этой целью он наметил план изучения и обработки областных земель, которые потом вошли в состав московских владений. Но «Рассказы...» лишь со второй книги изображают историю Руси по областям; в первой идет речь о всей Русской земле до XIII в. Некоторые работы Б. были посвящены русским святым и выдающимся князьям. Умер как праведник в кругу близких, приготовившись по церковным канонам. 295, 315, 317, 334, 349, 350, 352, 356, 357, 369, 379, 381, 383, 400, 407, 446, 459, 604, 606

Бермята Васильевич — былинный боярин Владимира Красное Солнышко, по одной былине участвовавший в походе Киевского Князя против *Чурилы Пленковича*, а по другой — оказался убийцей Чурилы за то, что тот соблазнил его жену. 27

Бернадский Виктор Николаевич (1890–1959) — советский историк. Докторская диссертация «Новгород и Новгородская земля в XV в.» (1954). Занимался проблемами средневекового Новгорода, одна из первых работ — обобщающий «Очерк по истории Новгорода» (1936). Основывался на исследовании актов, летописей, Памятных книг и других источников XIV–XV вв. Вслед за Б.Д. Грековым разрабатывал понятие «житых людей» в средневековой Руси. Считал, что причинами социально-политических противоречий Новгорода была борьба городских концов Новгорода. Специальная монография Б. была посвящена Степану Твердиславичу, бывшему в 1230-х новгородским посадником. 392

Бестужев-Рюмин Константин Николаевич (1829–1897) — русский историк, один из основателей отечественной школы источниковедения, профессор Петербургского университета, действительный член Императорской Академии наук (1890), член нескольких российских научных обществ, основатель Санкт-Петербургских высших женских курсов (1878, названных позже его именем), редактор нескольких периодических изданий. Б.-Р. родился в старинной дворянской семье. Испытал влияние Т.Н. Грановского, К.Д. Кавелина, С.М. Соловьева. В историософских воззрениях прошел путь от критика славянофильства до апологета славянофильской исторической школы. Читал русскую историю будущему Императору Александру III и др. членам императорской фамилии (1864–1879). Стал профессором еще до защиты диссертации («О составе русских летописей до конца XIV в.»). В ней он доказал, что

«Повесть временных лет» является летописным сводом древнейшего материала, составленным в XII в. Б.-Р. провел текстологический анализ по определению составных частей летописи и показал, что источники древнейших сводов включали ранее созданные отдельные сказания, погодные записи, списки и т.п. Он также обнаружил существование не вошедших в этот свод материалов, которые дошли в составе более поздних сводов XV–XVII вв. Б.-Р. занимался вопросами историографии, русской истории, в частности, истории удельных княжеств, уделял особое внимание развитию земских учреждений (общинному самоуправлению) в Московском государстве, одним из первых отвел самостоятельное место истории Великого Княжества Литовского. 103

Болеслав (XII в.) — новгородский староста, возможно, входил в «Иванское сто». Участвовал в нач. 30-х XII в. в обсуждении Устава благоверного князя Новгородского Всеволода Мстиславича «О церковных судах и о людях и о мерилах торговых» (см. **Васята**). 266

Болеслав I (Храбрый, ок. 967–1025) — польский князь (992–1025), король Польши (1025), сын Мешко I, князя Польши, и чешской княжны Дубравки, представитель династии Пястов. Продолжал политику отца по объединению Польских земель. Проводил также захватническую политику соседних славянских земель, в основном Чехии. Вел успешные для Польши войны с германским императором Генрихом II. В 1018 был приглашен своим зятем, князем Святополком Окаянным, для борьбы с его соперником и братом, благоверным Князем Ярославом Мудрым. Пользуясь слабостью обоих попытался самостоятельно утвердиться в Киеве, но киевляне стали избивать поляков за беззакония, творимые ими в городе. Б. I вынужден был уйти с Руси, хотя и сохранил за собой Червенские города, которые Великий Князь Ярослав отвоевал у его сына короля Мешко II только в 1031 и присоединил к Волынской земле. Летописцы хотя и признавали за Б. I большой ум, но высказывались о нем негативно, епископ Титмар Мерзебургский говорил о «лисьей изворотливости» польского князя. 75, 263

Болеслав II (Смелый или Щедрый, ок. 1042–1081) — князь Польский (1058–1076), король Польши (1076–1079), сын Князя Польши Казимира I Восстановителя и Добронегии (Марии), предположительно сестры благоверного Великого Князя Киевского Ярослава

Владимировича. Б.П в 1069 по просьбе Великого Князя Киевского Изяслава Ярославича совершил поход на Киев и жестоко расправился с его противниками. В 1077 по просьбе папы Римского Болеслав совершил второй поход на Киев. Город был взят, Изяслав вернул Киевский престол. Однако, как только поляки возвратились домой, Изяслав пришел на помощь своему брату Всеволоду против племянников и погиб в битве (1078). Был женат на дочери Изяслава Ярославича Выпеславе. Б.П свергнул младший брат при поддержке знати. Умер в Венгрии в изгнании. 147, 151

Болеслав III (Кривоустый, 1085–1138) — Князь Польши (с 1102). К власти пришел, опираясь на влиятельную польскую аристократию, высшее духовенство и мелкое рыцарство, а также на союз с Великими Киевскими Князьями и Венгрией. Будучи женатым на дочери Святополка Изяславича, Великого Князя Киевского, Б.П неоднократно вмешивался в усобицы русских князей и воевал с Владимиром Всеволодовичем Мономахом, но успеха не имел.

Болеслав IV (Кудрявый, 1120/21–1173) — князь-принцес Польши (1146–1173). Был женат на новгородской княжне Вершеславе, но, потеряв от нее сына, женился на другой. Имел конфликт с Фридрихом Барбароссой, в результате которого Силезия вошла в состав Германии. 495

Борис (XII в.) — Новгородский посадник. Один из посадников, назначенных Киевскими Великими Князьями (как, например, Добрыня, крестивший Новгород при равноапостольном Великом Князе Владимире Святославиче, и Остромир, посадничавший в сер. XI в.) на новгородское управление. В 1126 Б. сменил посадник из новгородской знати Мирослав Гюрятинич, избранный на вече. 271, 273

Борис (XII в.) — рязанский муж (?), посовествовавший на владимирском вече призвать на княжение князя Рязанского Глеба (см. Дедицец, Борис Жидиславич). 577

Борис (Мстислав ?) Давыдович (?–1184/1189) — князь Полоцкий (ок. 1180–1186), возможно, сын Смоленского князя Давыда Ростиславича. О Б.Д. известно только из одного источника — обработанного Татищевым рассказа из Полоцкой летописи о Святохне, помещенного летописцем под 1217. По этому рассказу Б.Д. же-

нился вторым браком на католичке *Святохне*, которая родила ему сына Владимира. Из-за интриг приближенной к Святохне поморянской знати, Б.Д. удалил из Полоцка своих двух сыновей от первого брака — Вячка и Василька. 461, 462

Борис Владимирович (в крещении Роман, ?–1015) — святой страстотерпец, благоверный князь Ростовский. 55, 97, 220, 374, 527, 565

Борис Жидиславич (XII в.) — воевода из богатого рода суздальских бояр, сын воеводы Великого Князя Юрия Владимировича, отец Михаила Борисовича, воеводы Великого Князя Владимирского Всеволода Юрьевича. Участвовал в военных кампаниях Великого Князя Владимирского Андрея: воевода в соборном ополчении против Великого Князя Киевского Мстислава Изяславича (1169); участвовал в походе на Новгород против князя Романа Мстиславича (1173); главный воевода в походе князя Мстислава Андреевича против камских булгар (1172–73); подручник другого сына Владимирского Князя Юрия Андреевича в походе против Ростиславичей (1174). После убийства Великого Князя перешел на сторону Ростиславичей, племянников Андрея Боголюбского, выступавших за интересы Ростова и Суздаля. Возможно, вместе с другим боярином, *Дедильцем*, выступал с посольской миссией от Рязанского князя Глеба Ростиславича, участвовал с ним в 1177 в битве при р. Колокше против Князя Всеволода Юрьевича, попав в плен к последнему (см. Олстин). 589

Борис Жирславич (XII в.) — новгородский боярин, участник делегации к Великому Князю Владимирскому Всеволоду Юрьевичу Большое Гнездо в 1195, которую возглавлял посадник Мирошка и которую новгородцы уполномочили пригласить на княжение в Новгород сына Великого Князя. 329, 331

Борис Мирошкинич (XII–XIII вв.) — знатный новгородец, сын посадника Мирошки, умершего в 1203, брат посадника Дмитрия, приступившего к своим обязанностям в 1204. Накануне волнений 1209 в Новгороде вместе с пришедшим в город боярином Великого Князя Владимирского Всеволода Юрьевича Лазарем совершил убийство одного из представителей соперничающей группировки новгородцев — Алексея Сбыславича. 324, 333, 334, 397

Борис Негочевич (XIII в.) — новгородский тысяцкий (1228–1230). Был изгнан из Новгорода из-за начавшихся голода и мора, двор его

новгородцы разграбили. Б.Н. убежал в Чернигов, откуда вернулся на родину только в 1232. 410–412

Борис Юрьевич (?–1159) — святой благоверный князь Туровский и Пинский, князь Белгородский (1149–1151), Туровский (1154–1157), Кидекшенский (1157–1159). 519

Брячислав Изяславич (ок. 997–1044) — князь Полоцкий (1003–1044), сын князя Полоцкого Изяслава Владимировича, внук Великого Князя Владимира Святого, отец князя Полоцкого *Всеслава Брячиславича*, известного в фольклоре под именем «Вещий». В детстве наследовал Полоцкое княжество, а после смерти деда, в 1015, по «Житию Святого Владимира», и Луцк. В 1020 совершил внезапное нападение на Новгород и на обратном пути, нагруженный награбленной добычей, был настигнут Ярославом на р. Судоме, разбит его войсками и бежал. Конфликт между ним и Великим Киевским Князем Ярославом продолжался до смерти Б.И. По версии Т.Н. Джаксон, которая исходила из скандинавской «Саги об Эймунде», Б. выступает под именем «Бурицлейфа», он какое-то время исполнял роль Киевского наместника, когда Великий Князь Ярослав (Ярицлейф) правил «страной Гардарикой» из Новгорода. В русской летописи зафиксирован топоним «*Брячиславов двор*», находившийся в Киеве. Расширил территорию Полоцкого княжества, присоединил земли между Западной Двиной и Десной, где основал Брячиславль (Браслав). В киевском Софийском соборе имеется также граффити — возможно, княжеский знак Брячислава, — из чего делают вывод, что собор строился при нем. Умер в Полоцке. 140, 141, 421, 447, 459

Буганов Виктор Иванович (1928–1996) — российский историк, археограф, доктор исторических наук (1969), профессор (1976), член-корреспондент Российской АН (1994), академик Нью-Йоркской академии наук, академик Международной Славянской Академии наук, образования, искусств и культуры. Ученик М.Н. Тихомирова. Крупный специалист в области русского источниковедения и историографии. Несколько лет исполнял обязанности заместителя ответственного редактора и ответственного редактора серии «Разрядные книги» (вышло 13 т.), «Полного собрания русских летописей». Работал над проблемами социально-политической истории России XI–XVIII вв. Автор нескольких монографий о

русских исторических персонах (в том числе выпущенных в серии ЖЗЛ) и учебных пособий. 139, 342, 486, 491

Бугославский Сергей Алексеевич (1888–1946) – российский историк, фольклорист, музыковед, доктор филологических наук, знаток древнерусской литературы. Ученик академика В.Н. Перетца. Докторскую диссертацию защитил (1940) на тему «Древнерусские литературные произведения о Борисе и Глебе» (Киев, 1916, т. I и II). Занимался проблемами древнерусской агиографии Киевского периода в связи с русским летописанием. Автор работ «К вопросу о характере и объеме литературной деятельности Нестора» (1915), «Память и похвала Князю Владимиру» (1925) и др. 556

Будовниц Исаак Уриелевич (1897–1963) – историк. Печатался в периодических изданиях, редактор Исторических Записок (1938–1958). Основные научные интересы Б. связаны с историей общественной мысли Древней Руси. Автор книг «Русская публицистика XVI в.», «Общественно-политическая мысль Древней Руси (XI–XIV вв.)» и ряда статей. Автор «Словаря русской, украинской и белорусской письменности и литературы до XVIII в.» (М., 1962). Посмертно вышла книга Б. «Монастыри на Руси и борьба с ними крестьян в XIV–XVI вв.» (М., 1966). 166, 522

Буслаев Федор Иванович (1818–1897) – выдающийся русский лингвист, исследователь литературы и искусства, академик Императорской Академии наук (1860). В качестве домашнего учителя в семье графа С.Г. Строганова жил в Германии и Италии, изучал археологию и историю европейского искусства, труды по языковедению и истории В. Гумбольдта и Я. Гримма. Постоянно сотрудничал в «Москвитянине» и др. журналах, сам издавал «Летописи русской литературы и древности». Входил в кружок московских славянофилов. Лекторскую деятельность в Московском университете начал в 1847. Магистерскую диссертацию писал на тему «О влиянии христианства на русский язык. Опыт истории языка по Остромирову Евангелию» (1848). Одновременно с историей языка Буслаев занимался изучением русской народной поэзии и древнерусского искусства. В 1859–1861 Б. по приглашению графа С.Т. Строганова прочитал Наследнику престола Николаю Александровичу курс «Истории русской словесности, в том ее значении, как она служит выражением духовных интересов народа». В 1861 защитил докторскую диссертацию на тему «Исторические очерки русской народной сло-

весности и искусства» (1861, тт. 1–2). В 1866 вышла монография Б. «Общие понятия о русской иконописи». В 1881 он оставил кафедру в Московском университете и весь отдался своим исследованиям, результатом которых явилось в 1884 издание «Толкового Апокалипсиса» по рукописям XVI–XIX вв. Одной из значительных работ Б. являются «Исторические очерки». В оценках русских письменных источников следовал теории мифа, хотя часто и сам критиковал представителей мифологической школы (см. **Афанасьев**). Пытаясь вслед за Я. Гриммом обнаружить в языке и памятниках словесного и изобразительного искусства отражение народного духа, Б. преимущественно интересовался сюжетами и текстами, не соответствующими общему церковно-назидательному характеру средневековой культуры. Этот подход, позволявший исследователю более дифференцированно взглянуть на славянскую письменность, приводил к переоценке нехристианских элементов в ней. 437, 440

В

Вальдемар I Великий (1131–1182) — король Дании (1157), король Ютландии и герцог Шлезвига (1147–1157). Сын Кнуда Лаварда Святого и киевской княжны Ингеборг Мстиславны, правнук Киевского Великого Князя Владимира Мономаха, в честь которого был назван. Одним из первых королей начал политику экспансии, при нем границы Датского королевства значительно расширились. Вел войны с одним из племен полабских славян — руянами, разрушил в 1168 их столицу Аркону и священный центр на о. Рюгене. С помощью католического священства осуществлял христианизацию покоренных им народов. Советник короля В. и его сына, короля Дании Кнуда VI, архиепископ Лундский Абсалон основал крепость, положившую начало Копенгагену. В. был женат на русской княжне Софье Володаревне. Популярный герой скандинавского фольклора. 122

Варлаам Хутынский (?–1193?) — преподобный, основатель Спасо-Преображенского монастыря под Новгородом. 403, 404

Василий Полочанин — боярин, в числе других выступавший на вече в Киеве в 1146 против благоверного Великого Князя Игоря Олеговича. Предположительно мог быть посадником при Волынском князе Святополке (Михаиле) Мстиславиче во Владимире-Волынском. 228

Василько Борисович (? – после 1230) – сын Полоцкого князя *Бориса Давыдовича*. В.Б. известен по изложению Татищевым летописной «*Повести о Святыхне*», где говорится только о его изгнании из Полоцка. Однако есть версия (основанная на Хронике Ливонии Генриха Латвийского), по которой В.Б. отождествляется с Виссесальдом (видимо, княжеское имя Всеволод), который, как и его брат Вячеслав (см. **Вячко**), княжил до 1209 в Полоцкой колонии в Ливонии, в Герсике (ныне Крейцбург), и был вассалом князя Полоцкого Владимира (см. **Войцех**). По этой версии В. сблизился с язычниками-литовцами (в отличие от брата, который с ними боролся) настолько, что даже женился на дочери одного знатного литовца и покровительствовал их разбойничьим набегам по Двине в ущерб не только немецким, но и русским землям. После захвата Герсики кукейноскими (немецкими) рыцарями, руководимыми епископом Риги Альбрехтом фон Буксгевденом, В. на некоторое время попал в вассальную зависимость от Рижского епископа, но в 1215 он вместе с литовцами нанес поражение орденской армии и при своей жизни с помощью литовцев продолжал сдерживать приступы немецкой экспансии. 468

Василько Константинович (1209–1238) – святой (Собор Ростово-Ярославских святых) мученик, благоверный князь, первый удельный князь Ростовский. 609

Василько Ростиславич (ок. 1062–1124) – князь Теребовльский, из рода Перемышльских и Галицких князей, сын Тмутараканского князя Ростислава Владимировича. По смерти отца (1066) был изгнан из Тмутаракани вместе со старшими братьями Рюриком и Володарем князем-изгоем Олегом Святославичем, вернувшимся из греческого изгнания. Помогал братьям в войне против Волынского князя Ярополка Изяславича за наследство Ростиславичей – Владимир и Волынскую волость, делал успешные походы в «ляхскую» землю и вынашивал планы завоевать всю землю поляков, а также предпринять большой поход «за Русьскую землю» против половцев. Позже хотел переселить в свою землю подунайских болгар. По решению Любечского съезда князей (1097) за В.Р. утвердили Теребовль. Был оклеветан перед Великим Князем Киевским Святополком Изяславичем, захвачен в плен Давыдом Игоревичем и ослеплен в Звенигороде. Князь Володарь заступился за брата и пошел войной против Киевского и Владимирского Князей. Это, а также вмешательство бла-

говерного Князя Владимира Мономаха и Святославичей вынудило Давида Игоревича освободить ослепленного В.Р. Братья продолжили войну, и владимирцы выдали им виновников ослепления. В 1099 Святополк заключил мир с Ростиславичами, целовал им крест. После он начал войну с Давыдом и прогнал его из Владимира. Однако война Ростиславичей с Киевским Князем продолжалась. В 1100 на Витичевском съезде В.Р. из-за недееспособности было предложено отправляться к брату (Володарю) в Перемышль. Последовал новый конфликт, и только авторитет Великого Князя Владимира Мономаха помог предотвратить развязку новой войны; В.Р. остался в своей волости. В 1121 В.Р. выкупил Володаря из польского плена, отдав всю свою казну. 479, 481–484, 492

Василько Святославич (?–1144) — князь Полоцкий (1132–1144), сын Святослава Всеславича, князя Витебского, родоначальник ветви Васильковичей, Полоцких князей. В летописях Василько указывается без отчества. Происходил из витебской линии Изяславичей Полоцких. В 1129 благоверный Великий Князь Киевский Мстислав Владимирович Великий совершил поход в Полоцкое княжество, захватив в плен всех Полоцких князей и членов их семей, лишил их уделов и выслал их в Греческую землю. В числе сосланных оказался и В.С. В 1131–1132 он вернулся, возможно, получил удел, княжил либо в Витебске, либо в Изяславле. Но уже в 1132 полочане выгнали княжившего у них сына Мстислава Великого Святополка Мстиславича, а вместо него пригласили В.С. О его правлении практически ничего не известно. Для того чтобы удержаться на княжении, он поддерживал сыновей Мстислава. Когда благоверный князь Всеволод Мстиславич, изгнанный из Новгорода, шел мимо Полоцка, В. провожал его с честью и целовал ему крест (1138). В.С. выдал свою дочь замуж за Святослава Всеволодовича, сына Великого Князя Всеволода Ольговича (1143). 451, 462, 463

Василько Юрьевич (?–после 1161) — князь Суздальский (1149–1151), Поросский (1155–1161), сын Великого Князя *Юрия Владимировича* Долгорукого. Будучи на великом княжении, Юрий Владимирович назначил В.Ю. наместником в Суздале (1149). Во время борьбы Юрия Владимировича с Великим Князем Изяславом Мстиславичем (1152) был поставлен отцом в Новгород-Северский на помощь местному князю *Святославу Ольговичу*, но по заключении мира между Изяславом и Святославом ушел к отцу, который в 1154 послал В.Ю.

княжить в Поросье, населенное торками и берендеями, с которыми он отражал от Руси половцев. Сохранил этот удел и после смерти отца (1157). Вместе с князем Овруцким Рюриком Ростиславичем ходил помогать Великому Князю Киевскому Ростиславу Мстиславичу отразить нападение изгнанного из Киева Князя Изяслава Давыдовича и его союзников (1160). Князь-изгой был убит, в итоге, торками, подчиненными В.Ю. Вместе с другими родственниками был отправлен благоверным Князем Андреем Юрьевичем в Константинополь к Императору Мануилу, от которого получил четыре города на Дунае. 247, 248

Васята — староста «Иванского ста», торгового объединения, возникшего в Новгороде при церкви Иоанна Предтечи на Опоках, построенной Новгородским князем Всеволодом Мстиславичем в память о рождении сына. Участвовал в нач. 30-х XII в. в обсуждении Устава князя Всеволода «О церковных судах и о людях и о мерилах торговых», который был адресован новгородским купцам. Эта грамота вводила эталон и обычаи торговли, принятые в Киеве, где со времен Владимира Святого торговля велась с учетом церковных нужд (положение о десятой доли дохода, влияние митрополита в хозяйственной жизни русов). 266

Велецкая Наталья Николаевна — славист, специалист в области языческих обрядов. Основным трудом исследователя, вызвавшим реакцию в научном обществе в СССР и за рубежом из-за непривычности центральной темы книги, является «Языческая символика славянских архаических ритуалов» (Москва, 1978). Автор очень многое из языческого ритуала сводила к архаическому обычаю умерщвления стариков, считая, что этот обычай имел широкое хождение у славян. Этот факт, а также преувеличение значения языческих ритуалов в практике христианской народной обрядности вызвало ряд серьезных нареканий ученых. 93, 99–101, 107, 108

Висбур (до V в.) — дроттин (конунг) свеев, сын конунга Ванланде, из рода Инглингов, по легенде Снорри Стурлусона, потомок Одина, отец конунга Домальди. По скандинавскому преданию, был сожжен в собственном доме своими младшими сыновьями Гислем и Эндуром за то, что оставил их мать ради другой женитьбы и не выплатил ей вено. Его смерть, так же как и смерть его отца, связана, по легенде, с колдовством вёльвы (колдуны) Хульд. 121

Владимир (Войцех, XIII в.) — сын князя Полоцкого Бориса Давыдовича и Святохны, внук князя Смоленского Давыда Ростиславича. Он упоминается только у В.Н. Татищева, который приводит статью 1217 неизвестной науке Полоцкой летописи (см. **Борис Давыдович, Святохна**). 462

Владимир Андреевич (1130?–1170) — князь Дорогобужский (1150–1152, 1157–1170), князь Брестский (1153–1157), князь Пересопницкий (1152–1153), князь Пересопницкий и Погоринский (1157–1170). Сын князя Переяславского Андрея Владимировича Доброго и половецкой княжны, внучки Тугоркана, внук Великого Князя Владимира Мономаха. Отец В.А., храбрый и сильный князь Переяславский, владел вторым по значению княжеством на Руси, но был младшим среди Мономаховичей, умер рано. Поэтому В.А. не досталось своего удела, он превратился в князя-изгоя. Возможно, с 1146 по 1148 владел Владимир-Волынским, переданным им Великим Князем Вячеславом Владимировичем. После того как Вячеслав Владимировича по поручению старшего брата Князя Изяслава Мстиславича выгнал князь Ростислав, В.А. встал на сторону Князя Юрия Долгорукого. Далее, вероятно, В.А. жил в Галицком княжестве у Владимира Володаревича. В 1150 В.А. получил Дорогобуж, отнятый галицким князем у Владимира Мстиславича. В этом же году он вместе с Андреем Юрьевичем и Владимиром Володаревичем Галицким отражал войско Изяслава Мстиславича, который шел на Галич. Изяслав не решился на битву и ушел к Киеву. Князья стояли у Минска, когда пришла весть, что Изяслав занял Киев, Галицкий князь, рассердясь на Юрия, уехал в свое княжество, а Андрей с В.А. — к Юрию в Городец-Остерецкий. Затем В.А. вернулся в Дорогобуж и перешел на сторону Изяслава. В дальнейшем В.А. почти всегда становился на сторону Киевского Князя. Так, в 1151 он предупредил Мстислава Изяславича, который шел на помощь к отцу в Киев и проходил недалеко от Дорогобужа, о приближении войска Владимира Володаревича. Галицкий князь все равно разбил Мстислава, но услуга не была забыта: потеряв Дорогобуж и позже Пересопницу, в 1153 В.А. получил от Изяслава Брест. В этом же году участвовал в походе Изяслава Мстиславича вместе со многими другими князьями и венграми против Владимира Галицкого. Союзники нанесли поражение Владимиру Володаревичу под Перемышлем и едва не взяли город. Однако Галицкий князь был прекрасным дипломатом, сумел поми-

риться с венграми, и Киевскому Князю тоже пришлось заключить мир. Осенью 1153 Изяслав послал сына Мстислава и В.А. вместе с берендеями в степь против «мачешича» — Владимира Мстиславича; князья дошли до Олешья и, не встретив противника, вернулись. В этом же году В.А. участвует в последнем военном мероприятии Изяслава — походе против сына Владимира Володаревича Ярослава, ставшего Галицким князем после смерти отца. В битве под Теребовлем не оказалось победителя, Киевский Князь велел перебить пленных и ушел в Киев. Через год Изяслав Мстиславич умер. В 1157 В.А. снова стал союзником Юрия Долгорукого и участвовал в походе Юрия на Волынь против Мстислава Изяславича, захватившего Владимир у дяди Владимира Мстиславича — «мачешича». Юрий начал эту войну для того, чтобы исполнить клятву, данную им много лет назад своему тогдашнему соратнику, отцу В.А., что он посадит В.А. княжить на Волыни. Однако Юрий не сумел взять Владимир и в утешение отдал племяннику Дорогобуж, Пересопницу и погоринские города. В 1158 В.А. вмешался в усобицу в Галицком княжестве, выступив против галицкого князя-изгоя Ивана Берладника. Этого князя настолько боялись, что союз и заступничество за него стоили Изяславу Давыдовичу киевского стола. В.А. встал на сторону Мстислава Изяславича и Ярослава Галицкого, Киев вновь перешел к Мономаховичам. В 1159 В.А. по приказу Ростислава Мстиславича Киевского помогал Святославу Черниговскому против общего врага Мономаховичей и Черниговских князей, бывшего Киевского Князя Изяслава Давыдовича. Князья отразили нападение Изяслава на Чернигов, Изяслав бежал в степь. В.А. участвовал и в дальнейшей борьбе Ростислава с Изяславом Давыдовичем до самой смерти последнего в 1160. Во время ссоры Ростислава с племянником Мстиславом Изяславичем Волынским твердо стоял на стороне Киевского Князя, несмотря на то что Мстислав подступил с войском к Дорогобужу. Это, возможно, сохранило Ростиславу Киев. В 1166 по приказу Ростислава охранял у Канева торговый путь по Днепру от половцев. В 1168 Владимир вступил в союз с князьями Смоленскими Ростиславичами и князем Луцким Ярославом Изяславичем. Руководил союзом князь Владимир Мстиславич. Князья хотели от нового Киевского Князя Мстислава Изяславича приращения своих княжеств. Владимир надеялся получить Брест. Мстислав Изяславич осадил союзников в Вышгороде и заставил их подписать мир на своих условиях. В.А., по всей видимости, получил что-то от Киевского Князя, ушел в Дорогобуж, отстал от со-

юза и не дал убежища разбитому Владимиру Мстиславичу. Вскоре он вновь пришел к Мстиславу Изяславичу просить волостей, но ничего не получил и ушел с обидой. В 1168 князь Владимир участвовал в разгроме Киева, организованном Князем Андреем Юрьевичем Боголюбским. Перед самой смертью Владимиру пришлось защищать Дорогобуж от Мстислава Изяславича, изгнанного из Киева. Несмотря на болезнь, В.А. остался победителем. Умер князь В.А. в 1170, погребен в Вышгороде, в Андреевском монастыре. 237, 239, 314, 533

Владимир Володаревич (Владимирко, 1104–1152) — князь Звенигородский (1124–1128), Перемышльский (1129–1140), Галицкий (1141), первый князь единого Галицкого княжества, основатель первой Галицкой династии, сын князя Перемышльского Володаря Ростиславича. Боролся за независимость своего княжества от Великих Князей Киевских Всеволода Ольговича (1139–1146) и Изяслава Мстиславича (с перерывами 1146–1154), в борьбе против последнего поддерживал Юрия Долгорукого, на дочери которого, Ольге, женил своего сына Ярослава (1149). В ходе этой борьбы ему удалось объединить и усилить Галицкую землю. После утверждения Изяслава в Киеве (1151) отношения между Великим Князем и В.В. вновь обострились, последовало сражение при р. Сане (1152), в котором В.В. потерпел поражение и «с целованием креста» обещал хранить мир с Великим Князем. Однако вскоре, нарушив обещание, собрал новое войско и пошел войной на Князя Изяслава. Посол Изяслава напомнил В.В. о его клятве на чудотворном кресте. «Крест был невелик», — отозвался В.В. «Но сила его велика, — ответил посол, — если преступишь клятву, то жив не будешь». В ту же ночь В.В. скончался. По его завещанию, княжество перешло сыну В.В. Ярославу Осмомыслу, ставшему впоследствии одним из сильнейших русских князей. 220, 223, 485–489

Владимир Всеволодович (?–ок. 1141) — князь Новгородский, сын святого благоверного князя Новгородского и Псковского Всеволода Мстиславича и княжны Черниговской (дочери князя Святослава Давыдовича, преп. Николая Святоши). После изгнания его отца новгородцами остался у них княжить, но пробыл в Новгороде только 4 дня. Также был изгнан, когда в город вошел князь Черниговский Святослав Ольгович. Был женат на Рыксе Польской, имел одну дочь. 285, 286

Владимир Всеволодович (в крещении Димитрий, 1193–1228) — святой (память 4 февраля, 23 июня, в Соборе Владимирских святых), благоверный, первый князь Московский, Переяславский, Стародубский. 606, 609

Владимир Всеволодович Мономах (в крещении Василий, 1052–1125) — святой (память в Неделю 2-ю по Пятидесятнице, в Соборе всех святых, в земле Российской просиявших), благоверный князь Смоленский (1067), князь Черниговский (1078), Великий Князь Киевский (1113–1125). 158, 161, 163, 165–174, 176, 177, 179–192, 194, 194, 196, 197, 201, 203–206, 216, 231, 234, 244, 267, 270, 272–274, 277, 279, 312, 419, 421, 422, 424–426, 431, 450, 454, 478, 484, 485, 518, 527, 536

Владимир Давидович (?–1151) — князь Черниговский (1139–1151), сын князя Черниговского Давыда Святославича. Всю жизнь действовал совместно с братом Изяславом. По смерти Великого Князя Киевского Ярополка Владимировича поддержал претензии на Киев двоюродного брата Всеволода Ольговича (1139), в благодарность за что получил от того Чернигов. По смерти Великого Князя Киевского Всеволода Ольговича (1146) В.Д. с братом, хотя сначала целовали крест брату Всеволоду Игорю, позже приняли сторону его соперника, князя Переяславского Изяслава Мстиславича, вместе с которым изгнали Святослава Ольговича из Новгород-Северского княжества. Однако уже в 1147 Святослав получил помощь от своего союзника, Князя Суздальского Юрия Долгорукого, и вернул себе Новгород-Северский. Между ним и Давыдовичами был заключен мир, они договорились заманить Изяслава Мстиславича на восточный берег Днепра. Вскоре этот замысел открылся. В 1148 на Черниговщину вторгся Изяслав Мстиславич, сжег села вокруг Чернигова, но до битвы дело не дошло. Когда лед на Днепре стал вскрываться, Изяслав отступил к Киеву; Давыдовичи выслали к нему послов с предложениями мира, и примирение состоялось. Во время захвата Киева Юрием Долгоруким при поддержке Святослава Ольговича в 1149 брат В.Д. Изяслав встал на сторону Изяслава Мстиславича, а В.Д. занял нейтральную позицию, хотя Юрий приглашал обоих братьев присоединиться к нему. В наказание Юрий Долгорукий отнял у В.Д. Курск и передал Святославу Ольговичу. В 1151 во время похода Изяслава Мстиславича и Изяслава Давыдовича против Юрия В.Д. вместе со Святославом Ольговичем встал на сторону Юрия, однако

Юрий проиграл, а В.Д. во время сражения на р. Руте был убит. Черниговским князем стал его брат Изяслав, в Киеве вновь утвердился Изяслав Мстиславич. 531

Владимир Мстиславич — князь Дорогобужский (1150–1154, 1170–1171), Владимиро-Волынский (1154–1157), Слуцкий (1162), Трипольский (1162–1168), Великий Князь Киевский (1171). Сын Мстислава Владимировича и дочери новгородского посадника Любавы Дмитриевны. В 1140-х помогал брату Изяславу получить киевский престол. Заняв после смерти брата Святополка владимиро-волынский престол, женился на дочери венгерского короля Белы Слепого. Помогал братьям в борьбе с Князем Юрием Долгоруким, привлекая помощь своих венгерских родственников. Ходил с князем Галицким Владимиром осаждать князя Мстислава Изяславича в Луцке. За это князь Мстислав, внезапно напав в 1157, изгнал со своего княжения В.М., захватил его семью в плен и все имущество. В.М. безуспешно искал помощи в Венгрии и у Великого Князя Изяслава Давыдовича. Помогал Великому Князю осаждать в Турове князя Юрия Ярославича. Когда Мстислав Изяславич занял Киев, изгнав Князя Изяслава, В.М. бежал вместе с ним в степь. Оказался в Слуцке, откуда его в 1162 изгнал князь Ростислав Мстиславич, послав против него сына Рюрика. В.М. отдал Триполь с четырьмя городами. Хотя после смерти в 1168 князя Ростислава Владимир оказался единственным старшим в роде Мономаховичей, но поддерживал племянника, Князя Мстислава. Однако В.М. хотел прибавить за это еще областей (Торческ с Поросьем), из-за чего вступил в конфликт с Князем Мстиславом, призывая в союзники то других князей, то берендеев. Потеряв доверие за несоблюдение клятв, В.М. скитался по Руси, после чего Великий Князь Андрей Боголюбский отправил его в Рязань. В 1169 войска Князя Андрея Боголюбского взяли Киев, и В.М. смог вернуться в Волынскую область, но поселился в городе Полонном, принадлежавшем Киевской Десятинной церкви. После смерти князя Дорогобужского Владимира Андреевича он хитростью и коварством занял Дорогобуж, изгнав княгиню-вдову. После смерти Великих Князей Мстислава Изяславича (1170) и Глеба Юрьевича (1171) принял предложение своих племянников, князей Ростиславичей, занять Киевский престол, в нарушении клятвы князю Ярославу Изяславичу, которому обещал не искать великого княжения. Великий Князь Андрей потребовал от В.М. оставить Киев ради

князя Смоленского Романа Ростиславича. Смерть В.М. помогла избежать нового конфликта. «Много перенес он бед, — писал летописец, — бегая от Мстислава то в Галич, то в Венгрию, то в Рязань, то к половцам, но все по своей вине, потому что нестойк был в крестном целовании». 237, 239 241, 243, 244

Владимир (Володимир) Святославич (в крещении Василий, ок. 960–1015) — святой равноапостольный Великий Князь Киевский, Креститель Руси. 14–17, 27–33, 36, 52, 53, 55, 57, 59, 60, 70, 73, 75, 110, 339, 447–450, 527

Владимир Святославич (в крещении Борис, ?–1201) — князь Новгородский (1180–1181), Переяславский (1181–1201). Сын князя Черниговского и Киевского Святослава Всеволодовича и княгини Полоцкой Марии. В 1175 отец посылал В.С. с войском на помощь князьям Михаилу и Всеволоду Юрьевичам (они жили у князя Черниговского Святослава Всеволодовича) в их борьбе за Владимиро-Суздальское княжество против их племянников, князей Мстислава и Ярополка Ростиславичей. В 1177 с братом Олегом руководил черниговским войском в битве на Колокше на стороне Князя Всеволода Юрьевича против князя Рязанского Глеба Ростиславича. Для укрепления союза между Святославом Всеволодовичем и Всеволодом Юрьевичем в 1180 В.С. женился на дочери князя Михаила Юрьевича. Тогда же он стал Новгородским князем; умер князь Новгородский Мстислав Ростиславич Храбрый, и новгородцы, помимо Великого Князя Владимирского, обратились за князем для себя к князю Святославу. Борьба за влияние в Рязанском княжестве разрушила союз князя Черниговского и Великого Князя Владимирского. В.С. с отцом, возглавляя новгородские полки, разорили все города по Волге и в 40 км от Переяславля, на р. Влене встретились с полками Всеволода Юрьевича. Князь Всеволод укрепился на выгодных позициях и не начинал битву, простояв две недели в бездействии, В.С. со Святославом ушли в Новгород. Позже В.С. водил новгородские войска на помощь черниговцам под Друцк против князя Смоленского Давыда Ростиславича, но в отсутствие основных новгородских сил Князь Всеволод Юрьевич захватил Торжок, что сыграло решающую роль в выборе новгородцами князя: В.С. был изгнан и уехал на юг к отцу, новгородским князем стал внук благоверного Мстислава Великого, Князь Ярослав Владимирович. В 1182 князья замирились. В.С. получил Переяславль Южный. В 1184 В.С. участвовал в походе на

волжских болгар, организованном Князем Всеволодом Юрьевичем. После разгрома северских князей половцами в 1185 В.С. вместе с братом Олегом удачно организовали оборону Посемья от войск хана Гзака. В 1191 В.С. участвовал в походе на половцев под руководством Игоря Святославича. 326

Владимир Ярославич (1151–1198) — князь Галицкий (1187–1188, 1189–1199). Единственный законный сын князя Галицкого Ярослава Владимировича Осмомысла и Княгини Ольги, дочери Великого Князя Киевского Юрия Долгорукого. Вместе с матерью уехал в Польшу (1173) из-за размолвки отца с княгиней. Дважды покидал Галич из-за конфликта с отцом. Искал поддержки в Польше, жил на Волыни, в Луцке, Чернигове. Просил убежища у Романа Мстиславича Волынского (1184), Ингваря Ярославича Дорогобужского, у князей Турова, Смоленска, даже у Князя Суздальского Всеволода Большое Гнездо. Многие ему отказывали, не желая ссориться с сильным Галицким князем. Наконец ему дал приют Игорь Святославич Новгород-Северский, женатый на сестре В.Я., а два года спустя примирил с отцом. Ярослав завещал сыну Перемышль, но галицкие бояре, изгнав Олега «Настасыча» (внебрачного сына Ярослава), пригласили княжить В.Я. Однако он не был благочестивого нрава и не советовался с боярами. Они изгнали его из Галича. Бежал в Венгрию к Беле III (1188), который взял Галич, но посадил там своего сына Андрея (см. **Андраш II**), а В.Я. заключил в темницу, откуда тот бежал, спустившись с вершины башни на связанных друг с другом полотнищах изрезанного им шатра. Император Фридрих Барбаросса принял его с великой честью и обязал польского короля Казимира посадить В.Я. на Галицкий стол. Владимир обязался уплачивать Фридриху за его помощь по 2000 гривен серебра в год. Галичане тоже помогли выгнать венгров и с радостью приняли В.Я. (1189), который княжил уже до смерти. В.Я. попросил поддержки Великого Князя Всеволода за свою ему покорность. Всеволод Юрьевич послал привести к кресту всех юго-западных князей и польского короля в том, что они не будут «искать Галича». По смерти В.Я. галицкий престол был занят князем Романом Мстиславичем, создавшим объединенное Галицко-Волынское княжество. После смерти В.Я. династия Галицких Ростиславичей угасла. Украинский историк Л.Е. Махновец выдвинул гипотезу, что В.Я. написал «Слово о полку Игореве», и для ее обо-

снования детально рассмотрел весь жизненный путь князя. 493–495, 500–503, 506, 507

Внезд Водовик (?–1231) — боярин Славенского конца, новгородский посадник (1230). Его приходу к власти предшествовал голод (за это народ возлагал вину на власти, в том числе на владыку *Арсения*, которого изгнали) и конфликт новгородцев с князем Новгородским Ярославом Всеволодовичем (они ждали от него отмены забожничья). Новгородцы призвали князя Черниговского Михаила Всеволодовича, который посадил на княжение малолетнего сына Ростислава и сменил посадника Иванка Дмитровича на В.В. Оппозицию В.В. составила группировка бояр во главе с сыном бывшего посадника *Степаном Твердиславичем*. В союзе с братом Семеном Борисовичем В.В. вначале одержал верх над противниками. По его приказу на вече убили Волоса Блудкинича и Иванка Тимошинича, разжигавших смуту в Новгороде против посадника. После примирения князей Ярослава и Михаила Всеволодовичей и возвращения Ярослава в Новгород В.В. ушел вместе с княжичем Ростиславом Михайловичем в Торжок. В конце года новгородцы вновь выбрали посадником Степана Твердиславича, убили брата В.В., разграбили дворы посадника и его родственников и сторонников. В.В. бежал из Торжка вместе с княжичем и тысяцким Борисом к князю Черниговскому. Умер в Чернигове, приняв монашеский постриг. 314, 410–412

Воин (XIII в.) — полоцкий посадник во время княжения *Бориса Давыдовича*. Княгиня Полоцкая *Святохна* организовала убийство бояр, преданных сыновьям Бориса Давыдовича от первого брака (см. **Василько Борисович** и **Вячеслав Борисович**). Среди них погиб и В. 462

Володарь Ростиславич (?–1124) — князь Звенигородский (1085–1092), князь Перемышльский (1092), сын князя Тмутараканского Ростислава Владимировича, правнук Ярослава Мудрого, дед Ярослава Осмомысла. По смерти отца (1067) вместе с братьями Рюриком и Васильком был изгнан из Тмутаракани. Проживал во Владимире-Волынском при дворе двоюродного дяди Ярополка Изяславича. Вместе с братьями бежал от него и овладел землями в Прикарпатье. В 1086 Ярополк в союзе с Всеволодом Ярославичем Киевским выступил против Ростиславичей, но был убит. После ослепления Василька князем Волынским Давыдом Игоревичем В.Р. сжег его город

Всеволож (1098), подступил к самому Владимиру, заставил Давида выдать для казни некоторых из его советников, замешанных в деле Василька. К 1099 относится новая попытка Киевских Князей (Святополка Изяславича) установить контроль над юго-западными русскими землями. Эта угроза сблизила прежних врагов: Ростиславичи соединились с Давидом Игоревичем, который привел на помощь хана половецкого Боняка. В.Р. с братом одержали победу на Рожном поле, а затем, во время вторжения венгров, В.Р. отстоял Перемышль (венгры были разбиты его союзниками: Давыдом Игоревичем и полвцами в битве на Вагре). В 1117 В.Р. и Василько воевали в союзе с Владимиром Мономахом и Давыдом Ольговичем против Ярослава Святополчича. Союзники осадили Владимир-Волынский и заставили князя сдаться. В 1119 В.Р. участвовал совместно с венграми в походе на Империю ромеев и возвратился с богатой добычей. В 1122 В.Р. ходил войной на поляков, разорил многие области, взял много добычи, но из-за предательства своего воеводы Петрона оказался в польском плену и был выкуплен братом за большую сумму (2000 гривен серебра). В 1123 В.Р. с братом, венграми, поляками и чехами выступили на стороне Ярослава Святополчича и осадили во Владимире-Волынском Андрея Владимировича. После гибели Ярослава союзники сняли осаду. В.Р. похоронен в Перемышле в соборе Св. Иоанна. Одна из дочерей В.Р. была женой греческого Царевича Леона, сына Императора Алексея Комнина. 159, 481, 482, 484

Володислав — боярин Людина конца Новгорода, родственник или приближенный посадника новгородского *Дмитрия*. 324

Вольга (Ольга) Святославович (Волх Всеславьевич) — былиный русский богатырь, волшебник-оборотень, чудесный охотник и устроитель охоты, воплощавший охотничий уклад, господствовавший некогда в хозяйстве славян. Исследователи предполагали, что существует некая мифологическая связь В.С. с такими сакрализованными правителями Руси, как Олег Вещий, Всеслав Полоцкий и другими, обладавшими особой чудодейственной силой. Текстологического подтверждения эти предположения не нашли, но так или иначе этот легендарный герой является собирательным образом воина-профессионала, возглавлявшего дружину и, по мнению древнего славянина, обязанного обладать сверхъестественными способностями, которые должны быть оберегами общины. В былинах ему противопоставляется герой-пахарь Микула Селянинович. 11–14

Воронин Николай Николаевич (1904–1976) — отечественный археолог, историк искусства и культуры Древней Руси, доктор исторических наук, профессор; лауреат Сталинской (1952, за редакторскую работу в двухтомнике «История культуры Древней Руси») и Ленинской (1965, за двухтомник «Зодчество Северо-Восточной Руси XII–XV вв.») премий, почетный гражданин Владимира (1974). Вел раскопки в Боголюбове, Владимире, Переславле-Залеском, Ростове, Суздале, Гродно, Ярославле и других местах. В кон. 30-х XX в. занимался поиском дворцовых комплексов раннего русского Средневековья. В Боголюбове им был открыт и исследован дворцовый комплекс благоверного Князя Владимирского Андрея Боголюбского. К дворцу примыкал собор, а к нему был пристроен киворий, остатки которого были расчищены и изучены. Автор большого числа монографий, научных статей и научно-популярных книг. В 1934 опубликовал «Очерки по истории русского зодчества XVI–XVII вв.», в 1945 — «Памятники Владимиро-Суздальского зодчества XI–XIII вв.» Свою главную книгу о владимирской архитектуре защитил как докторскую диссертацию (1944). Возглавлял коллектив крупных ученых: историков, археологов, искусствоведов и филологов, трудившихся над коллективной монографией «История культуры Древней Руси». Результатом этой плодотворной коллективной работы стали две известные авторские монографии: «Люди и нравы Древней Руси» Б.А. Романова (Л., 1947) и «Ремесло Древней Руси» Б.А. Рыбакова (М., 1948). Занимался вопросами летописания на Руси, изучал житийную литературу. Автор большого очерка об Андрее Боголюбском, который по идеологическим причинам напечатать удалось только через 60 лет. Исследовал славянские дохристианские культы в связи с Христианством. Своей научной, профессиональной и общественной деятельностью В. старался предотвратить катастрофическое разрушение памятников Древней Руси. Долгие годы, работая в Институте истории материальной культуры (возглавлял сектор славяно-русской археологии), пытался защитить памятники древнерусского зодчества от варварского отношения к ним советского местного и высшего руководства. Итогом этой деятельности было создание Общества охраны памятников истории и культуры (впоследствии ВООПИиК). Благодаря В. удалось сохранить уникальные сооружения древних мастеров и провести их научную реставрацию. Восстановленные в своем первоначальном облике, памятники древнего зодчества стали объектами музейного показа и массового

туризма. В. стал главным консультантом в организации проекта «Золотое кольцо», в котором его родной Владимир занял центральное место. 111–114, 117, 149, 424–427, 433, 434, 521, 530, 535, 540, 541, 550, 555, 556, 558, 560, 561, 565, 568, 569, 598–603

Всеволод Владимирович (983/984 — до 1013) — первый князь Владимиро-Волинский (1010–1013?), сын святого равноапостольного Великого Князя Владимира Святославича и полоцкой княжны Рогнеды Рогволодовны. После смерти брата, князя Вышеслава, получил в удел от отца Волинь, с центром во Владимире, который появляется на страницах летописи под 989. В 1008 или 1013, когда Волинь вошла во владения князя Туровского Святополка Владимировича, Всеволода уже не было в живых. Версия о тождественности В.В. Виссавальду, сватавшегося к Сигрид Гордой в саге об Олафе Трюггвасоне, имеет недостатки хронологического характера, не подтверждена другими источниками и не поддерживается современными историками. 55

Всеволод Мстиславич (в крещении Гавриил, ок. 1095/1100–1138) — святой благоверный князь Новгородский. 265, 266, 269, 272–288, 295, 297, 300–303, 305, 306, 359, 428

Всеволод Мстиславич (?–1249) — князь Псковский (1214), Новгородский (1219–1221), Смоленский (ок.1238–1249), сын Великого Князя Киевского Мстислава Романовича Старого. В 1214 был посажен своим двоюродным дядей, князем Новгородским Мстиславом Удатным в Пскове и участвовал вместе с ним в походе на чудь. В 1216 был послан отцом в помощь князю Мстиславу в Липицкой битве, а также участвовал в походе новгородцев на Ригу. В 1219 отец отправил В.М. княжить в Новгород на место старшего сына Святослава. В том же году В.М. ходил с 16-тысячным войском, в том числе новгородцами, против немцев и ливов к Вендену и вернулся с победой. Однако В.М. не удержался на новгородском княжении, оказавшись в центре политической борьбы новгородцев с участием посадника Твердислава Михалковича, которого он хотел предать смерти. Архиепископу Митрофану по просьбе князя удалось замирить враждующих и сохранить в безопасности самого князя, а Твердислав сам удалился с посадничества. Однако в 1221 новгородцы все же изгнали В.М., «и онъ абие иде къ отцу своему в Русь». В 1223 В.М. участвовал в битве на Калке. По смерти старшего брата Святослава стал кня-

зем в Смоленске (1238). Во время монгольского нашествия на Русь в марте 1238 основная часть монгольских сил проходила через район Долгомостья в 30 км восточнее Смоленска. Из Жития Меркурия Смоленского известно, что смоляне одержали здесь победу над частью монгольского войска. Участие в этом событии В.М. (или его предшественника Святослава) не выяснено. В 1239 Великий Князь Владимирский Ярослав Всеволодович изгнал литовцев, которые, воспользовавшись гибелью войска северо-русских княжеств в битве на Сити, напали на Смоленскую землю. На смоленский стол был посажен В.М. 368 370, 374, 375, 378

Всеволод Ольгович (ок. 1084–1146) – князь Северский (1115–1127), Черниговский (1127–1139), Великий Князь Киевский (1139–1146). В.О. был старшим сыном князя Олега Святославича и гречанки Феофании Музалон. В 1111 В.О. вместе с другими князьями принимал участие в походе на половцев. В 1127 В.О. выгнал из Чернигова своего дядю Ярослава, убедил своего тестя, Великого Князя Киевского Мстислава Великого не вмешиваться в конфликт и отдал ему Курск и Посемье. Однако позже, когда на киевский стол сел Ярополк Владимирович, В.О., воспользовавшись вспыхнувшей междоусобицей (1134) между сыновьями Владимира Мономаха и их племянниками, сыновьями Мстислава, Изяславом и Святополком, заключил союз с последними и выступил против Великого Князя с требованием вернуть Курск и Посемье, разбил его войска и получил требуемое (1135). В 1138 В.О. вновь выступил против Ярополка, так как Мономашичи заставили новгородцев изгнать своего князя Святослава Ольговича, брата В.О., и принять на княжение сына Юрия Долгорукого. Однако Ярополк собрал против Чернигова столь внушительную коалицию, объединив Мономашичей и Мстиславичей, а также войска Галицких и Полоцких князей и венгерского короля, что В.О. подчинился Великому Князю. Однако после его смерти (1139) В.О. сверг его брата Вячеслава и сел на киевский стол. В.О. был искусным политиком и без труда сохранял трон, лавируя между Мстиславичами и Мономашичами, успешно играя на раздорах потомков Мономаха, опираясь на своих двоюродных братьев (сыновей Давыда Святославича), которым он передал Чернигов, и союз с половцами. Он ссорил сильных противников, а мелким князьям раздавал в управление города на окраинах Руси. В 1139 В.О. вновь сделал брата, Святослава Ольговича, Новгород-

ским князем, однако в 1141 тот предпочел уехать из Новгорода, где Юрий Долгорукий возвел на престол своего сына Ростислава. Это привело к войне (1142) между В.О. и Юрием, причем на стороне последнего выступили родные братья В.О., а на стороне Киевского Князя — племянники Юрия, Изяслав Мстиславич Волынский и Ростислав Мстиславич Смоленский. В.О. умиротворил братьев, раздав им несколько черниговских и волыньских городов, а в Новгороде возвел Святополка Мстиславича. В 1143 Изяслав Мстиславич стал князем Переяславля-Южного, отдав Волынь сыну В.О. Святославу, которого отец женил на дочери Василька Полоцкого. В 1144 В.О. из-за сына совершил поход против Галицкого князя Владимира (Владимирко) Володаревича с полками Чернигова, Переяславля, Смоленска, Турова и Волыни; на его стороне выступил польский князь Владислав II, а на стороне Владимирко — венгерский король Геза II. Владимирко потерпел поражение и был вынужден заплатить большую контрибуцию (1400 гривен). В 1145 войска Ольговичей во главе с Киевским Князем совершили победоносный поход в Польшу против Болеслава IV, свергнувшего Владислава II, зятя В.О. В результате Болеслав был вынужден выделить удел Владиславу, а польский город Визна отошел к Киеву. В 1146 возобновилась война с Галичем; В.О. безуспешно осаждал Звенигород, вернулся в Киев, где и умер. Он был похоронен в вышгородской церкви св. страстотерпцев Бориса и Глеба. Своим преемником он еще в 1145 назначил брата Игоря Ольговича. Однако Изяслав Мстиславич после смерти В.О. вступил в Киев и занял престол. В следующем году Игорь Ольгович был убит киевлянами. 217–221, 223, 226–228, 230, 232, 234, 235, 237, 242, 248, 301, 303–306, 485, 486, 518

Всеволод Юрьевич (Большое Гнездо, в крещении Димитрий, 1154–1212) — святой (память 28 апреля и в Соборе Владимирских святых), благоверный, Великий Князь Киевский (1173), Великий Князь Владимирский (1176–1212). 323–326, 328–336, 342, 349–352, 355, 356, 358, 384, 507, 523, 525, 526, 546, 577, 578, 584–590, 592–597, 599, 601, 602, 604–608, 610

Всеволод Юрьевич (в крещении Димитрий, 1212–1238) — мученик, благоверный (память 4/17 февраля и в Соборе Владимирских святых) князь Новгородский (1221, 1223). 379, 380 383, 409

Всеволод Ярославич (в крещении Андрей, 1030–1093) — князь Переяславский и Ростовский (1054–1076), Черниговский (1077–1078), Великий Князь Киевский (1076–1077, 1078–1093), первый правитель Киева, использовавший титул «Князь всея Руси». Сын Ярослава Мудрого и благоверной Княгини Ирины (Ингегерды), дочери шведского короля Олава Шётконунга. Любимый сын отца; при его жизни не имел удела и жил в Киеве при родителях. Входил в так называемый «триумvirат Ярославичей» (вместе со старшими братьями Изяславом Киевским и Святославом Черниговским), принимал равное с ними участие в управлении государством (новая редакция Русской правды, походы на кочевников, борьба со Всеславом Полоцким). Переяславская епархия, как и Черниговская, была повышена в этот период до митрополии. В нач. 1070-х триумvirат распался: В.Я. вступил в сговор со Святославом против старшего брата Изяслава, и тот вынужден был бежать в Европу. Святослав занял киевский стол (1073), а В.Я. в ходе передела между ними владений несколько расширил свой удел. Однако в декабре 1076 Святослав внезапно скончался. Всеволод стал его наследником, но уже через полгода отдал престол вернувшемуся в Киев Изяславу, а сам получил владение покойного Святослава — Чернигов, откуда был изгнан через год Олегом Святославичем (это была месть племянника за то, что В.Я. ранее изгнал его с Волыни). В.Я. бежал в Киев; в том же году с братом Изяславом они дали битву Олегу на Нежатиной ниве, где Великий Князь пал, а побежденный Олег бежал в Тмутаракань. В.Я. вновь занял киевский стол (теперь уже до конца жизни). В 1079 Олег с братом Романом вновь двинулся из Тмутаракани на Киев, но В.Я. подкупил половцев, которые убили Романа, а Олега отправили в Ромейскую Империю на о. Родос, где тот пробыл еще 15 лет; Тмутаракань перешла под контроль Киева. В делах управления В.Я. помогал его сын Владимир Мономах. Правление В.Я. было омрачено набегами половцев и постоянными междоусобными войнами между племянниками и двоюродными внуками В.Я., вызванными несовершенством ярославовых законов наследования. Особую активность в его правление проявляли Ростиславичи — внуки старшего сына Ярослава Мудрого, Владимира, умершего еще при жизни отца, из-за чего его потомки не получили никаких уделов (см. **Изгой**) и постоянно пытались насильственно захватить то один, то другой город. Из-за этих регулярно происходивших неурядиц принято говорить о В.Я. как о слабом правителе. Внешняя политика при В.Я. ознамено-

вана интенсивными контактами со Священной Римской империей, за императора которой Генриха IV В.Я. выдал замуж свою дочь, Евпраксию-Адельхайду (брак был неудачным и закончился скандальным разрывом, когда Е.-А. жаловалась на мужа римскому папе, обвиняя Генриха в издевательствах над ней, оргиях и участии в сатанинских ритуалах; впоследствии приняла монашество). В.Я. был одним из образованнейших людей своего времени, знал пять языков. Был очень набожным и благочестивым. По его инициативе (видимо, вследствие контактов с Римом) на Руси был установлен праздник Перенесения мощей свт. Николая Мирликийского в Бари («Никола вешний»), неизвестный Греческой Церкви. В 1070, очевидно, в связи с рождением у В.Я. сына Ростислава (Михаила), был заложен Михайловский собор в Киевском Выдубицком во имя Архангела Михаила мужском монастыре (освящен в 1088), семейном монастыре В.Я. и его потомков, под Киевом, рядом с загородным княжеским дворцом В.Я. В 1086 в Киеве для дочери Анны (Янки) В.Я. построил монастырь во имя ап. Андрея («Янчин»), в котором был заложен собор. Сам В.Я. похоронен в киевском соборе Святой Софии. 135, 142, 143, 146–148, 160, 161, 171, 184, 187, 422, 450, 476–481

Всеслав Брячиславич (Всеслав Вещий, Всеслав Чародей, между 1010 и 1035–1101) — князь Полоцкий (1044–1101), единственный представитель полоцкой ветви Рюриковичей на Киевском великокняжеском престоле (1068–1069). Сын князя Полоцкого Брячислава Изяславича, правнук равноапостольного Великого Князя Владимира Святославича и Рогнеды, герой «Слова о полку Игореве» и восточнославянского фольклора, где он предстает как богатырь и колдун (волколак), чародей. В первые 20 лет правления В.Б. Полоцкое княжество было достаточно тесно интегрировано в общерусское политическое и церковное пространство с центром в Киеве: В.Б. участвовал в успешном общерусском походе на кочевников-торков (1060), дал своим старшим сыновьям имена Давид, Глеб, Роман и Борис, что говорит об активном участии Полоцкого князя в становлении династически-родового и церковного почитания святых Бориса и Глеба (в Крещении Романа и Давида), которое было инициировано Ярославом и Киевским митрополитом Иоанном I скорее всего во 2-й пол. 40-х XI в. Резкие перемены в отношениях В.Б. и Ярославичей приходятся на 1065, когда Полоцкий князь предпринял попытку (безуспешную) нападения на Псков, в 1066 за-

хватил Новгород, сжег и ограбил Софийский собор, увел большой полон. После поражения от Ярославичей на р. Немиге (под Минском) 3 марта 1067 В.Б. вступил в мирные переговоры, Ярославичи целовали крест, обещая неприкосновенность В.Б., но через несколько месяцев нарушили клятву и заключили его в плен в Киеве. Такое открытое нарушение крестоцелования говорит об ожесточенности конфликта и серьезности угрозы, исходившей от В.Б., но оно же вызвало усиление симпатий среди киевлян по отношению к В.Б. В 1068 после поражения Ярославичей от половцев и отказа Изяслава выдать оружие киевлянам для продолжения сопротивления кочевникам в столице Руси произошло восстание, в результате которого киевляне освободили В.Б. из заключения и провозгласили его Киевским Князем. Изяслав бежал в Польшу к племяннику своей жены, князю Болеславу II (1058–1079). Весной 1069 Изяслав с польской подмогой двинулся на Русь, В.Б. бежал в Полоцк, однако был изгнан оттуда Изяславом, который посадил туда своих сыновей, сначала Мстислава, а затем, после его скорой смерти, Святополка (Михаила) Изяславича. В.Б. в ответ организовал новое нападение на Новгород, однако 23 октября 1069 он потерпел поражение от Новгородского князя Глеба, сына Святослава Ярославича, был захвачен в плен, но отпущен. В Полоцке, очевидно, продолжали предпочитать «своего» князя, и в 1071 В.Б. сумел вернуть себе стольный город, несмотря на новое поражение, на этот раз от сына Изяслава, благоверного князя Ярополка (Гавриила) Изяславича. Кризис «триумвирата» и назревавший конфликт между Изяславом и младшими Ярославичами заставили Киевского Князя искать сближения и даже брачного союза с В.Б. Неизвестно, успел ли состояться последний до нового изгнания братьями Изяслава в марте 1073, но в киевское княжение Святослава никаких военных действий против В.Б. не было. Они возобновились после смерти Святослава (1076). Летом 1077 Всеволод Ярославич с сыном совершили поход на Полоцк. Зимой 1077/78 благоверный Князь Владимир (Василий) Всеволодович Мономах в сопровождении Святополка Изяславича снова разорил окрестности стольного города В.Б. Как и после 1069, предполагалось вытеснить В.Б. из Полоцка, а город должен был перейти либо к Изяславу, либо ко Всеволоду. Ответ В.Б. не заставил себя ждать: в 1078 он напал на Смоленск, принадлежавший Всеволоду Ярославичу (Чернигов, принадлежавший В.Я., уже был перед этим захвачен безземельными князьями Олегом Святославичем и Борисом Вячес-

лавичем) Последовавший в кон. 1078 поход Владимира Мономаха на владения В.Б. (были разорены Лукомльская, Логожская и Друцкая волости, т.е. весь юго-восток Полоцкого княжества) получил продолжение в 1081, когда Мономах ходил войной на юг Полоцкой земли — в Минскую волость. После этого сведений о военных действиях против В.Б. нет. Однако брак сына В.Б. Глеба Всеславича, будущего князя Минского, с дочерью Волынского князя Ярополка Изяславича Анастасией, который следует датировать если не ок. 1085, то во всяком случае временем киевского княжения Всеволода Ярославича (до апреля 1093), свидетельствует о сохранении определенной напряженности между Киевом и Полоцком, коль скоро один из самых активных сыновей В.Б. ищет союза с потомками покойного Изяслава Ярославича. Никто из полоцких князей, ни сам В.Б., ни его сыновья и внуки, ни разу не участвовали в общерусских мероприятиях (княжеских съездах, в том числе в общерусском княжеском съезде в Любече в 1097) в правление Киевских Князей Святополка Изяславича (1093–1113) и Владимира Мономаха (1113–1125), что привело в 1129 к высылке почти всего полоцкого княжеского дома в изгнание в Ромейскую Империю благоверным Киевским Князем Мстиславом (Феодором) Владимировичем. Уже при жизни В.Б. народная молва говорила о том, что он рожден «от волхования», владеет магическим амулетом и обладает особыми способностями. В «Слове о полку Игореве» образ князя-волхва был еще более гиперболизирован (он ночью оборачивается волком, за одну ночь может из Киева попасть в Тмутаракань и т.п.). В позднейших былинах, особенно о «Волхе Всеславьевиче», этот образ окончательно теряет всякую реальную связь со своим историческим прототипом, превращаясь в одного из сказочных защитников Киева от некоего «индейского царя», хотя волшебные способности Волха Всеславьевича, который умеет «обвертываться» то «ясным соколом», то «серым волком», то «гнедым туром-золотые рога», живо напоминают В.Б. из «Слова о полку Игореве». 118, 135, 141–144, 146–148, 158, 168, 169, 239, 421, 447, 450–453, 634

Всеслав Изяславич (978–1003) — князь Полоцкий (1001–1003), сын (вероятно, старший) Изяслава Владимировича Полоцкого, внук Владимира Святого. Сведений о его жизни и деятельности в летописи нет. Преемником его еще при жизни деда стал брат Брячислав. В честь В.И., видимо, получил в 1030-е имя племянник, знаменитый

Полоцкий князь Всеслав Брючиславич. В.Н. Татищев характеризовал его как князя кроткого, милостивого, предпочитавшего мирской суете изучение Священного Писания. 459

Вышеслав Владимирович (ок. 977 – ок. 1010) – князь Новгородский (ок. 988 – ок. 1010), старший сын Великого Князя Владимира Святого и первой жены Владимира, варяжки Оловы (или Олавы, по другим сведениям «чехини»). На Новгородском престоле его заменил Ростовский Князь Ярослав (Мудрый). Старшие братья Ярослава, которые могли заменить Вышеслава в Новгороде, по разным причинам были лишены этой возможности: Изяслав умер в 1001, а Святополк после 1013 был переведен в Вышгород под надзор отца. Существует скандинавская версия гибели Вышеслава в 995. Некоторые исследователи видят В.В. под именем конунга из Гардарики-Руси Виссавальда, который в одной из саг сватался к вдове конунга Швеции Эрика (ум. 993) Сигрид Гордой. Она отвергла сватовство и сожгла его самого со свитой в бане после пира в честь встречи. Считают, что вместе с В.В. погиб и дядя Великого Князя Владимира Святого Добрыня, так как именно с 90-х X в. его имя исчезает из источников. Сторонники версии говорят о реальных политических условиях, которые могли вынудить В.В. пойти на этот династический брак, а Сигрид отказала, так как ее окружению был более выгоден союз с Данией (датский конунг Свен Вилобородый стал ее мужем) против Руси, которая все более укреплялась за счет военных успехов Великого Князя Владимира. Эта версия имеет серьезных оппонентов. Например, Е. Рыдзевская связывала легенду про Сигрид с влиянием легенд о мести Ольги и критически оценивала ее историчность. 55

Вячеслав (Вячислав) Владимирович (ок. 1083–1154) – князь Смоленский (1113–1127), Туровский (1127–1132, 1134–1142, 1143–1146), князь Переяславля-Южного (1132–1134, 1142–1143), Великий Князь Киевский (1139, 1150, 1151–1154). В.В. был шестым сыном Владимира Мономаха, отличался неуверенностью в себе, осторожностью и даже трусостью; обладал законными правами на трон, но не умел их отстаивать с мечом в руках. Среди своих братьев и даже племянников В.В. считался неудачником, неспособным к правлению, и всегда вынужден был уступать им первенство. По занятии Владимиром Мономахом Киевского стола княжил в Смоленске. За время великокняжения отца помогал ему в борьбе с Глебом Всеславичем Минским, участвовал в его неудачном походе под Доро-

стол (во время смуты при захвате Константинопольского престола Алексеем Комнином). В 1127 старший брат Мстислав посадил в Смоленске своего сына Ростислава, а В.В. перевел в Туров. В 1132 Ярополк, не сумев передать Переяславль Мстиславичам, отдал его В.В., а Туров вместе с Минском, единственным городом из Полоцкого княжества, оставшимся под контролем Мономаховичей, — Изяславу Мстиславичу. Но в Переяславле В.В., по всей вероятности, тяготило соседство с половцами, и в 1134 он самовольно вернулся в Туров, выгнав оттуда племянника, который с этого момента начал борьбу с дядьями, в том числе с помощью Ольговичей. В феврале 1139, после смерти старшего брата, князя Ярополка, к В.В. перешло старшинство в роде Мономаховичей, однако уже в марте он был свергнут с Киевского стола Черниговским князем Всеволодом Ольговичем, который оттеснил от власти род Мономаха. В 1142 Всеволод снова отдал В.В. Переяславское княжество, видимо, считая этого князя неопасным, в отличие от Юрия Долгорукого. Но в январе 1143 В.В. опять вернулся в Туров. В 1146, после смерти Всеволода, В.В. опять попытался активно вмешаться в политику, в частности, возвел на престол во Владимире-Волынском своего племянника Владимира Андреевича. Однако новый Князь Изяслав Мстиславич тут же забрал себе и Волынь, и Туров, отдав В.В. незначительный городок Пересопницу на Волыни. В 1149 Юрий Долгорукий разбил Изяслава и выгнал его из Киева. Тогда Изяслав решил возвести на престол В.В. и править от его имени, но, когда он пригласил В.В. на престол, угрожая в противном случае пожечь Туровскую волость, тот предпочел объединиться с младшим братом Юрием. Совместно они одержали победу над племянником. Юрий даже хотел уступить Киев В.В., но бояре отговорили его тем, что В.В. все равно его не удержат. Тогда Юрий сам стал Великим Князем, а В.В. посадил в маленьком, но стратегически важном Вышгороде под самым Киевом. В.В. все-таки не был удовлетворен и, когда в 1150 Изяслав, выступив с Волыни, изгнал Юрия, поспешно въехал в Киев, но киевляне отказались признать его власть, а Изяслав, напомнив о своем прежнем предложении, которое В.В. не принял, уговорил дядю выехать из Киева. В том же 1150 Юрий Долгорукий соединился с черниговцами и галичанами; и Изяслав сам предложил В.В. Киев. В.В. сначала отказался, но Изяслав сумел его убедить, присягнул ему на верность и сдержал свое обещание. В.В. отпустил свою дружину с Изяславом воевать против Юрия и Владимирка Галицкого, и, когда была

одержана окончательная победа, Изяслав отдал В.В. Киевский трон (апрель 1151). В.В. предложил Изяславу править совместно, и этот дуумвират благополучно просуществовал до смерти Изяслава (13 ноября 1154). После этого престол попытался занять Изяслав Давыдович Черниговский, но В.В. не впустил его и призвал в Киев другого своего племянника — Ростислава Мстиславича Смоленского, который тоже признал его старшим соправителем. Однако вскоре В.В. скоропостижно скончался (декабрь 1154), и Ростислав не смог удержать великокняжеский стол. Погребен В.В. в Софийском соборе Киева. 218–223, 252

Вячеслав Борисович (Вячко, 1175/1180–1224) — князь Кукенойса (ок. 1203–1208), князь Юрьевский (1223–1224), сын князя Полоцкого Бориса Давыдовича (см. **Вячко**, **Святохна**, **Борис Давыдович**, **Василько Борисович**).

Вячеслав Прокшинич (?–1243) — новгородский тысяцкий (1228). Принимал участие в походе Князя Ярослава Всеволодовича под Псков. Пострадал во время смуты 1228, были разграблены дворы его и брата Богуслава. Возможно, при его участии было завершено строительство и расписана церковь Сорока Мучеников (1227). Мог участвовать в новгородском посольстве к Князю Юрию Всеволодовичу (1224). Возможно, умер в Хутынском монастыре, приняв схиму с именем Варалаам. 404, 413

Вячеслав Ярославич (1036–1057) — князь Смоленский (1054–1057), сын благоверного Великого Князя Ярослава Мудрого и благоверной Великой Княгини Ирины (Ингегерды). Родился, вероятно, в Киеве, где жил до совершеннолетия. Еще при жизни отца молодой В.Я. был женат на Оде, дочери графа Леопольда Штаденского. В 1054 после смерти Ярослава получил от своего старшего брата Изяслава Смоленское княжество. Через три года, однако, В.Я. умер, оставив малолетнего сына Бориса (?–1078), ставшего потом князем Черниговским, Тмутараканским, но потерявшего княжество, как изгой, и погибшего в битве на Нежатиной ниве, сражаясь на стороне князя Черниговского *Олега Святославича*. Со смертью Бориса потомство Вячеслава Ярославича сошло с исторической сцены. 421, 422

Вячко (1175/1180–1224) — князь Кукенойса (ок. 1203–1208), князь Юрьевский (1223–1224). Сведения для однозначного утверж-

дения о происхождении В. скупы. По наиболее распространенной версии он происходил из Полоцкой ветви Рюриковичей. Его отождествляют с сыном князя Полоцкого *Бориса Давыдовича* от первого брака. По Хронике Ливонии Генриха Латвийского В., как князь латгальского княжества Куkenойс, вассал князя Полоцкого (см. **Владимир-Войцех**), оказывал сопротивление Ливонскому ордену до 1205, когда ему пришлось передать часть земель епископу Рижскому Альбрехту фон Буксгевдену в обмен на обещание защиты от Литвы. В 1207 В. был захвачен и доставлен в цепи в Ригу, однако епископ позже освободил его. В отсутствие помощи Полоцкого князя В. решил сжечь Куkenойс и ушел в русские земли, а территория его княжества была полностью захвачена орденом (1208). В условиях войны русских и эстов против меченосцев В., как храбрый полководец, был поставлен Новгородским князем Ярославом Всеволодовичем на княжение в Юрьев (1223), который на тот момент оставался последним центром сопротивления крестоносцам между Чудским озером и морем. В. отразил несколько нападений крестоносцев. Погиб при обороне Юрьева от армии епископа Альбрехта (войско из Новгорода из-за конфликта между новгородским боярством и Великим Князем Владимирским Юрием Всеволодовичем не успело прийти на помощь). От В. вела свое происхождение русская ветвь рода Тизенгаузенов, представители которой служили России и монархии на протяжении всей истории, включая советский период (см. также **Святохна и Василько Борисович**). 381, 462

Г

Гаврила Неревинич (XII в.) — брат *Завида Неревинича*, посадника новгородского. В 1186 был убит вместе с *Ивачем Свеневицем* и сброшен в Волхов, после того как его брат бежал к князю Смоленскому *Давиду Ростиславичу*. 326, 327

Герберштейн Сигизмунд (Сигмунд, фон, 1486–1566) — барон, австрийский дипломат и писатель, автор «Записок о Московии» (*Rerum Moscoviticarum commentarii*). Находился на службе у австрийских Габсбургов с 1506, с 1516 началась его дипломатическая карьера, в течение которой он принял участие в 69 миссиях — в Венгрию, Польшу, Османскую Турцию и др. Дважды был главой австрийских посольств: в 1517 в Москву г. от Максимилиана и в 1526 от эрц-

герцога Фердинанда I (с 1531 король, с 1556 Император). Во время пребывания в Москве Г. собирал материалы для своих «Записок...». Сам замысел не был оригинален: в Западной Европе во 2-й пол. XV — 1-й пол. XVI вв. резко возрос интерес к Московскому государству, о чем свидетельствуют труды предшественников Г.: Новокомского епископа Павла Иовия (Паоло Джовио), Олая Гота, Матвея Меховского, Иоганна Фабри и др. Однако только его «Записки...» стали классическим пособием по России для просвещенного западноевропейского общества. Они основаны не только на собственных наблюдениях Г., но и на сведениях, полученных из русских письменных источников, а также от множества россиян, среди которых были как высокопоставленные особы, так и простолюдины. Информация о жизни Московского государства в «Записках...» энциклопедична: она включает не только данные по политической истории (начиная с летописных рассказов о первых Киевских Князях), но и подробные и достоверные сведения по географии, о хозяйственной жизни, военном деле, занятиях русского народа, его быте, нравах, обрядах, придворном обиходе, пирах и охотах и пр. Весьма обширны сведения о Русской Церкви, богослужении, верованиях, которые Г. собирал целенаправленно, особенно во время 2-го посольства, так как интерес к Православию в католической Европе весьма оживился в связи с началом Реформации. От Фердинанда I Г. получил прямое задание быть особенно внимательным к религии «москвитов». Помимо деталей, рассыпанных по всему тексту «Записок...», они содержат особый раздел, посвященный Церкви. В нем находим подробные данные о церковной истории Руси, особенно о священнослужителях, их быте, внешнем виде, взаимоотношениях со светской властью, церковном суде, таинствах и обрядах (крещении, исповеди, причастии, бракосочетании), церковных праздниках, почитании святых, постах, монастырях. 19

Германарих (Эрманарих, ?/265–375) — король готов из рода Амалов. Хотя точные данные о размерах его владений отсутствуют, в римских источниках и древнегерманском эпосе Г. предстает как один из великих варварских вождей эпохи Великого переселения народов. Варварская империя Г. пала под натиском гуннов в 370-е, и примерно с этого момента в связи с миграциями начался процесс разделение готских племен на вестготов и остготов. 63

Гильфердинг Александр Федорович (1831–1872) — выдающийся российский научный и общественный деятель, историк-славист, лингвист, этнограф, автор знаменитых «Онежских былин». В своих поездках по Северу Руси продолжил, предпринятые *П.В. Рыбниковым* поиски сказителей и значительно дополнил его фольклорные собрания. 60

Глеб Владимирович (в крещении Давид, 987–1015) — святой, благоверный князь Муромский (ок. 1013–1015). 55, 56, 565

Глеб Всеславич (1050-е –1119) — князь Минский (1101–1119), сын князя Полоцкого Всеслава Брючиславича, родоначальник минской ветви полоцкого княжеского рода, дядя прп. Евфросинии Полоцкой. После смерти отца (1101) стал самостоятельным князем. Владения Г.В., очевидно, охватывали район позднейшего Минского повета и включали малозаселенные лесные массивы Свислочно-Березинского междуречья, а также район древнего Свислоча, выходя на юге к границам Киевского и Туровского княжеств. В 1104 Г.В. вел военные действия против Киевского Князя Святополка Изяславича, Переяславского князя Владимира Всеволодовича Мономаха и др. князей, войска которых осаждали Минск. Г.В. отстоял свою столицу, затем, по-видимому, был заключен мирный договор. После смерти Святополка (1113) Князь Киевский Владимир Мономах дважды выступал против Г.В.: причиной первого похода (1116) стал захват Г.В. чужих земель; после продолжительной осады Мономахом Минска Г.В. начал переговоры о мире, обещав слушаться Князя Владимира. Мир был заключен, Минск возвращен Г.В. Однако в 1119 последовал второй поход, Г.В. был пленен Мономахом и перевезен в Киев, где вскоре скончался. Причины этих событий летописи не раскрывают, однако можно предположить, что они были связаны с междоусобными распрями. Время правления Г.В. характеризуется активным строительством в княжестве, в том числе была воздвигнута мощная крепость (на правом берегу р. Свислочи) с небольшой каменной четырехстолпной церковью. Деятельность Г.В. способствовала дальнейшей христианизации северных дреговичей; к периоду его правления (по данным археологии) относится разрушение крупного языческого капища на территории древнего городища — предшественника Минска, находившегося в 16 км к западу от него на р. Менке. Г.В. оказывал покровительство Киево-Печерскому монастырю

(им была пожертвована крупная сумма денег; на его средства была возведена обширная каменная трапезная) и был там похоронен. 454

Глеб Ростиславич (?–1177) — Великий Князь Рязанский, сын князя Пронского, Рязанского и Муромского Ростислава Ярославича. Родоначальник рязанской ветви Рюриковичей. В 1145, после смерти старшего брата отца, Муромского князя Святослава Ярославича, был послан отцом княжить в Рязань, а сам Ростислав Ярославич стал княжить в Муроме. В 1146 Суздальские княжичи Ростислав и Андрей Юрьевичи осадили Рязань. В результате Глебу вместе с отцом Ростиславом Ярославичем пришлось бежать к половцам. Но уже в 1148 Ростиславу удалось вернуть Рязань, в 1151 — и Муром. Тогда Г.Р. вновь стал наместником отца в Рязани. После смерти Ростислава (1153) в Рязани утвердился Владимир Святославич. Лишь после его смерти Г.Р. удалось вернуть Рязань, смирившись, однако, с обособлением Муромского княжества под властью потомков Владимира. В 1169 Г.Р. принял в свои владения изгнанного из Киева Мстиславом Изяславичем старшего из Мономашичей, Владимира Мстиславича Дорогобужского, с разрешения Андрея Боголюбского — главного противника Мстислава. В 1174 в борьбе за власть во Владимиро-Суздальском княжестве после смерти Андрея Боголюбского поддержал племянников Андрея Боголюбского, братьев своей жены Мстислава и Ярополка Ростиславичей, против их дядей Михаила и Всеволода Юрьевичей, забрал много владимирских драгоценностей, в том числе вышгородскую икону Богоматери и меч св. Бориса (1175), однако вскоре под угрозой осады Рязани вернул их Владимирскому Князю Михалку Юрьевичу (1176). В 1177, после смерти Михалка, отстаивая интересы своего шурина Мстислава, пошел на Всеволода Большое Гнездо, севшего на Великий стол во Владимире, сжег Москву, ограбил Боголюбово, но был разгромлен на р. Колокше и вместе с сыновьями взят в плен, а затем отвезен во Владимир и посажен в тюрьму. Зять Г.Р., Мстислав Храбрый, требовал его освобождения и составил союз с этой целью. Г.Р. предложили свободу с условием отказаться от Рязани и уйти в Южную Русь, но он отказался и вскоре умер в заключении. 324, 457, 577, 579, 584, 588–591, 593–596

Глеб Святославич (?–1078) — князь Тмутараканский (1064, 1066–1068), князь Новгородский (1069–1078), старший сын Великого Князя Киевского Святослава Ярославича. Начал княжить в Тмутаракани в 1064, но в том же году был изгнан оттуда двоюродным

братом Ростиславом Владимировичем. Вернулся в Тмутаракань с помощью отца, однако вскоре Ростислав вновь изгнал Г.С., который сумел утвердиться на княжении лишь после смерти Ростислава в 1067. В 1068 некоторое время был Новгородским князем, однако после вокняжения Всеслава Брючиславича в Киеве вернулся в Тмутаракань. После бегства Всеслава в Полоцк в 1069 вернулся в Новгород и отразил внезапный набег Всеслава Брючиславича, разбив его дружину у самых стен города. Правил в Новгороде до 1073 до вокняжения в Киеве своего отца Святослава Ярославича, который передал Г.С. Переяславское княжество. После смерти отца и прихода к власти Всеволода Ярославича в 1077 был вновь переведен в Новгород. В следующем году при появлении в Новгороде волхвов, призывавших народ к восстанию против властей и Православной Церкви, по словам летописи, убил главного из них, после чего был изгнан новгородцами. Не получив помощи от других князей, Г.С. бежал за Волк, где был убит чуждью 30 мая 1078. Похоронен в Чернигове за церковью Спаса близ могилы своего отца Святослава. 92, 116–123

Глеб Юрьевич (?–1171) — князь Курский (1147), Каневский (1149), Переяславский (1155–1169), Великий Князь Киевский (1169, 1170–1171). 223, 519, 533

Глеб Юрьевич (?–1195) — князь Дубровицкий (1182–1190), Туровский (1190–1195). Сын князя Туровского Юрия Ярославича и княжны городенской Анны Всеволодовны. Получил Дубровицкую волость в 1182. В 1184 участвовал в общерусском походе на половцев, был среди победителей в битве на р. Орели. В 1190 стал править Турово-Пинским княжеством. Был похоронен в Михайловском соборе киевского Михайловского Златоверхого монастыря. 597

Головко Александр Борисович (р. 1952) — украинский историк, общественный и политический деятель Украины, научный сотрудник Института истории Украины АНУ, главный консультант аппарата Верховной Рады Украины. Кандидатская диссертация — «Политические отношения Руси и Польши X — первой половины XIII вв.» (1984). Докторская диссертация — «Волынь и Галичина в государственно-политическом развитии Центрально-Западной Европы (IX — первая половина XIII вв.)» (2006). Автор (соавтор) нескольких десятков монографий и научных статей по истории средневековой Украины, в том числе книг: «Древняя Русь и Польша в политических взаимоотноше-

ниях X – первой половины XIII вв.» (1988); «Введение христианства на Руси» (1988, соавт.); «Запорожцы» (1993, соавт.). Сфера научных интересов – место юго-западных древнерусских княжеств в политической жизни средневековой Западной Европы; история украинского казачества. В своем освещении древнерусской истории не всегда учитывает всю полноту источников, поэтому его выводы, особенно по проблемным малоизученным вопросам, отличаются скоропалительностью и тенденциозной заданностью. 495

Голубовский Петр Васильевич (1857–1907) – русский историк, доктор русской истории, профессор Киевского университета. Принадлежал к школе В.Б. Антоновича. Магистерская диссертация – «Печенеги, торки и половцы до нашествия татар. История южно-русских степей IX – XIV вв.» (Киев, 1884). Автор «Истории Северской земли до половины XIV столетия» (1881) и «Истории Смоленской земли до начала XV столетия» (Киев, 1895, докторская диссертация), написанных на основе тщательного анализа летописных текстов с привлечением других источников. Ряд очерков Г. посвящен кочевым народам южных степей, историко-библиографической тематике, агиографии. Ему принадлежит статья в уникальном энциклопедическом сборнике «Живописная Россия» («Древнейший храм рус. Св. София Киевская», 1901). Труды Г. содержат большой фактический материал. 419, 421–424, 427, 437, 441, 445, 446

Готье Юрий Владимирович (1873–1943) – русский, советский историк, археолог, академик АН СССР (1939). Из семьи выходцев из Франции. Ученик П.Г. Виноградова и В.О. Ключевского. До революции Г. вел большую педагогическую и научную работу. Читал курсы русской истории, археологии, архивоведения и русской историографии на кафедре русской истории Московского университета, Московских высших женских курсах и др. Как археограф, начинал библиотекарем книгохранилища Румянцевского музея (впоследствии Всесоюзная библиотека им. В.И. Ленина), а покинул его, подвергшись аресту и ссылке, в должности заместителя директора (1930). Под его руководством библиотека превратилась в научный институт. Работал в зарубежных архивах, открыл и ввел в научный оборот извлеченные оттуда документы по истории Руси и России. Г. вел раскопки в среднерусских и южно-русских городах. В 1913 защитил докторскую диссертацию «История областного управления в России от Петра I до Екатерины II» (1913–14, т. 1–2), которая стала

событием научного мира. В советские годы участвовал в написании первого учебника для вузов «История СССР» (1939). Работы Г. посвящены русской истории с древнейших времен до XIX в., особенно он уделял внимание вопросам социально-экономических отношений, истории землевладения, архивоведения, историографии и археологии Восточной Европы. Выступал за синтез данных истории и археологии для изучения древнего периода русской истории. Им впервые дана обобщающая научная обработка обширного, но разрозненного археологического материала о древнейшей русской истории от палеолита и неолита до возникновения Древнерусского государства. В трудах Г. собран ценный фактический материал, некоторые исследования Г. сохраняют научное значение и сегодня. Г. был защитником норманской теории происхождения Русского государства. 90, 92

Греков Борис Дмитриевич (1882–1953) — советский историк и общественный деятель, член-корреспондент (с 12.02.1934), академик АН СССР (1935), член Болгарской и Польской АН (1947), почетный член АН БССР, доктор философии Пражского университета, директор Института истории в Ленинграде (1936) и в Москве (1938), директор Института истории материальной культуры (1943–1947), директор Института славяноведения (1947–1953). Первые исследовательские работы Г. посвящены социально-экономической истории Новгорода. В 1914 защитил магистерскую диссертацию по теме «Новгородский дом Святой Софии (Опыт организации и внутренних отношений крупной церковной вотчины)». После ареста по «Академическому делу» (1930) пошел на многие уступки в направлении научных взглядов и в методологии изучения истории. В 30-е Г. начал изучать историю Древней Руси, став известным оппонентом украинского историка М.С. Грушевского, который считал единственной наследницей Древней Руси современную Украину. В монографии «Киевская Русь» (1939), за которую получил Сталинскую премию, Г. доказывал, что восточные славяне перешли от общинного строя к феодальным отношениям, минуя рабовладельческую формацию, и что основой хозяйственной деятельности Древней Руси было высокоразвитое пахотное земледелие, а не охота и звериные промыслы; также разделил историческое наследие Древней Руси между Россией, Украиной и Белоруссией. Среди других известных работ Г. — труды «Золотая Орда» (в соавторстве с А.Ю. Якубов-

ским, 1937; переиздание «Золотая Орда и ее падение», 1950); «Культура Киевской Руси» (1944); «Российские крестьяне с древнейших времен до XVII в.» (1946). Внес большой вклад в разработку историографии, развитие источниковедения, при его участии выпущено свыше 30 крупных изданий документов. Г. удалось создать советскую историческую школу, которая определяла направление развития советской медиевистики 2-й пол. XX в. 148, 166, 167, 171, 191, 197, 200, 248, 250, 278–281, 283, 285, 286, 409, 449

Грушевский Михаил Сергеевич (1866–1934) — историк, общественный и политический деятель Украины. Один из лидеров украинского национального движения, председатель Украинской Центральной Рады (1917–18), археограф, профессор Львовского (1894–1914) и Киевского университетов (1924–1930), академик ВУАН (1924), действительный член АН СССР (1929), публицист, литератор. Главный труд Г. — «История Украины-Руси» (на украинском языке, неоконч., 1896–1936, т. 1–10, в 13 кн.). В своих произведениях Г. разработал теорию происхождения и развития государственности Древней Руси и ее народа: Г. полагал, что предками украинцев были древние племена антов, первой самостоятельной украинской державой была Древняя Русь, а ее преемницей Г. считал не Владимиро-Суздальскую (как большинство российских историков), а Галицко-Волынскую землю. Когда Галицко-Волинская Русь потеряла независимость и перешла под власть Речи Посполитой и Московского государства, украинцы, заключал Г., или становились просто пассивным объектом управления, или же находились в оппозиции к власти. По Г., единственным содержанием их истории теперь остались культурные и экономические процессы. Антирусские и антипольские выступления украинцев ученый описывал сочувственно, хотя и был далек от идеализации вождей этих выступлений. В наиболее сжатом виде свою концепцию Г. изложил в опубликованной в 1904 и ставшей широко известной статье «Обычная схема “русской” истории и дело рационального изложения истории Восточного славянства». С воодушевлением воспринятая в кругах украинских националистов статья встретила, за редкими исключениями (А.А. Шахматов, А.Е. Пресняков), неприятие и осуждение в российской историографии. 149, 165, 178, 179, 181, 219, 224–226, 239, 248, 475, 496, 499

Гюргий Прокопич (XII в.) — киевский боярин, подвергнутый Великим Князем Киевским Изяславом Мстиславичем и киевлянами в 1146 наказанию вместе с другими знатными людьми (дружинниками Ольговичей и боярами), видимо, за поддержку Князей Всеволода и Игоря Ольговичей (см. Данила Великий и Ивор Гюргевич). 222, 236, 275

Д

Давыд Всеславич (?1047/1057 – после 1129) — один из сыновей Всеслава Брячиславича, третий (Рапов) или старший (В. Данилович, Н. Баумгартен, Л. Алексеев), князь Полоцкий (1101–1127, 1128–1129). Предположительно унаследовал отцовский стол в 1101. В противоположность отцу и братьям, отстаивавшим политическую обособленность Полоцкой земли, Давыд сближается с Киевскими Ярославичами и участвует в их походах: удачном — на половцев (1103) и неудачном — на своего же брата, Глеба Всеславича (1104). В 1106 Давыд вместе с братьями ходил на Зимеголу (Семигалию) и потерпел поражение (Всеславичи потеряли 9 тыс. воинов). В 1127 Великий Князь Мстислав I Владимирович двинул на Полоцких князей большие силы; полочане сами выгнали от себя Давыда, и по требованию Мстислава приняли на княжение брата Давыда Рогволода Всеславича. Однако тот через год умер, и Давыд, с согласия Ярославичей, вернулся в Полоцк. В 1129 Мстислав призвал Полоцких князей идти в поход против половцев, однако Д.В. отказался. После победы над половцами Мстислав послал за Давыдом, его сыном и племянниками и отправил их в ссылку в Константинополь. Император дал им жалованье, и они верно служили ему, воюя с арабами. Княжество Полоцкое вошло в состав владений Мстислава. После этого сведений о Д.В. в летописях нет. 454, 456

Давыд Игоревич (1059–1112) — сын Игоря Ярославича, князя Владимиро-Волынского, внук Великого Киевского Князя Ярослава Мудрого, князь-изгой, активный участник княжеских междоусобиц. Около 1080 вместе с другими изгоями, Ростиславичами, Д.И. бежал из Руси в Тмутаракань и овладел ею, но вскоре князья-изгой были изгнаны оттуда возвратившимся из Греции Олегом Святославичем, князем Черниговским. Собрав дружину, Д.И. засел у устья Днепра, препятствуя торговле с Ромейской Империей. Великий Князь Все-

волод вынужден был дать ему Дорогобуж (1084). Это оскорбило князя Ярополка Изяславича, помогавшегося тех же земель, он поднял мятеж против Великого Князя, но был изгнан за пределы Руси, а его владение — Владимиро-Волынская земля — было передано в 1085 Д.И. Ярополк в следующем году вернулся из Польши и договорился с Великим Князем о возврате ему его вотчины. Д.И., видимо, снова стал Дорогобужским князем. После смерти Ярополка (1086) Д.И. опять получил Владимиро-Волынскую землю. В 1097 Любечский съезд закрепил ее за ним. В сговоре со Святополком Изяславичем Киевским пытался отнять Галицкий удел у Володаря и Василька Ростиславичей, в 1097 ослепил Василька. Князья (см. **Владимир Мономах**) потребовали, чтобы Святополк наказал Д.И. Великий Князь медлил; Д.И. освободил Василька только тогда, когда был к тому вынужден братом его, Володарем. В 1098 Ростиславичи осадили Д.И. во Владимире и добились выдачи его советников, научивших его погубить Василька. В 1099 сам Святополк двинулся на Волынь; Д.И. ушел в Польшу просить помощи у короля Владислава. Получив дары от Д.И., а потом и от Святополка, король посоветовал первому возвратиться во Владимир, ручаясь за безопасность со стороны Великого Князя. Между тем последний осадил его во Владимире, и Д.И. должен был уступить Великому Князю всю Владимирскую землю. Тогда он примирился с Ростиславичами и привел половецкого хана Боняка, разбившего пришедших к Святополку венгров и доставившего Д.И. Владимир. В 1100 князья съехались в Уветичах и лишили Д.И. Владимирской области, дав ему Бужск, Дубно, Черторижск и 400 гривен серебра. Вскоре потом Святополк дал ему Дорогобуж на Волыни. Совершив в 1111 вместе с другими князьями поход за Дон на половцев, Д.И. умер в 1112. Тело Д.И. было погребено в Киеве, в богородичной церкви. 159, 476–483, 492

Давыд Ростиславич (ок. 1140–1197) — сын Ростислава Мстиславича, князь Новгородский (1154), князь Новоторжский (1158–1161), князь Витебский (1164–1167), князь Вышгородский (1167–1180), князь Смоленский (1180–1197). С вокняжением отца в Киеве оставлен им в 1154 в Новгороде Великом, но через год новгородцы изгнали его оттуда. Весной 1158 Ростиславу удалось посадить в Новгородской земле сразу двух сыновей: Святослава — в Новгород, а Д.Р. — в Торжок. В том же году Д.Р. ходил с братьями Романом и Рюриком на помощь Полоцкому князю Рогволоду Борисовичу против его родственников. В 1160 вынужден был оставить пределы Новго-

родской земли. В 1164 ему удалось закрепиться в Витебске, где он княжил около двух лет. В 1167, вернув полоцкий стол согнанному с него полочанами князю Всеславу Васильковичу, защищал с другими князьями днепровский торговый путь в Каневе от половцев. При вокняжении Мстислава в Киеве находился там же и получил Вышгород Киевский. В 1168 участвовал в Киевском княжеском съезде, решившем сообща идти на половцев. Во время борьбы Мстислава Изяславича с Андреем Боголюбским Д.Р. с братьями пристал к последнему и участвовал во взятии Киева в 1169. В 1170, отсидевшись один в Вышгороде, когда Мстислав осаждал город, вместе с братьями сжег Михайлов, последнее убежище племянника Мстислава — Василька Ярополчича. После смерти Великого Князя Киевского Глеба Юрьевича вместе с братом Мстиславом посадил на Киевский стол Дорогобужского князя Владимира Мстиславича, а в следующем году — своего брата Рюрика. В кон. 1172 Андрей Боголюбский обвиняет Ростиславичей в отравлении Глеба Юрьевича и велит покинуть пределы Русской земли (1173). В ответ Ростиславичи (в том числе и Д.Р.) 24 марта 1173 захватили Киев, пленив Всеволода Юрьевича (Большое Гнездо). Не удалась и попытка Андрея изгнать их силой. В 1174 Д.Р. участвовал в войне Ростиславичей со Святославом Всеволодовичем; они уступили ему Киев, но удержали за собой киевские города. В 1175 Д.Р. вместе с Олегом Святославичем, князем Северским, воевал Черниговскую область и в следующем году потерпел поражение от половцев у Ростовца. Святослав Всеволодович Черниговский требовал, чтобы Д.Р., как виновный в поражении, был лишен удела в Киевском княжестве. В 1179 участвовал в отражении набега Кончака на Русь. В 1180 Святослав пытался захватить Д.Р. в плен, но тому удалось спастись. Отправившись за помощью к брату Роману, Д.Р. по дороге узнал о его смерти и, вступив в Смоленск, занял смоленский стол. Все его семнадцатилетнее княжение здесь прошло, с одной стороны, в непрерывной борьбе со смоленским вечем, причем дело не раз доходило до серьезных восстаний, губительных по своим результатам для смолян, а с другой — в частых войнах с соседними князьями и с половцами. Так, в 1181 Давыд ходил к Друцку против Ольговичей, в 1184 — на половцев. В 1185, после поражения в степях Игоря Святославича Новгород-Северского, привел свои войска на помощь южным князьям против вторгнувшихся под Переяславль и в Посемье половцев и расположился в Треполе на правом берегу Днепра (на пути с левого берега реки через витичевский брод к Ки-

еву). Отсутствие дальнейшего движения смоленских войск обычно трактуется исследователями как «измена Давыда». Когда Святослав и Рюрик форсировали Днепр южнее, на зарубинском броду, заходя в тыл осаждавшему Переяславль Кончаку, и тот спешно отступил, Д.Р. вернулся в Смоленск. В 1186 Д.Р. ходил на Полоцк, в 1190 боролся со Святославом Черниговским, в 1195 потерпел поражение от Ольговичей, сильно разоривших Смоленскую землю, и в 1196 был разбит под Витебском. Вначале Д.Р. был сторонником Всеволода Большое Гнездо, по первому его требованию высылал свои войска, потом же заметил, что он был лишь орудием в руках Всеволода, что особенно обнаружилось при заключении последним в 1196 мира с Ольговичами, и стал было готовиться к самостоятельному походу, но среди приготовлений скончался, приняв по обычаю того времени монашество. 309, 311, 312, 326, 327, 359, 423, 427, 433–436

Давыд Святославич (ок. 1050–1123) — благоверный (нет дня памяти) князь Переяславский (1073–1076), Муромский (1076–1093), Смоленский (1093–1095 и 1096–1097), Новгородский (1094–1095), Черниговский (1097–1123). Отец преподобного Николы Святоши Печерского. 173, 174, 176, 422, 423

Давыдка Софийский — слуга собора Святой Софии в Новгороде, участвовал в смуте 1228, когда возмутился весь город, были разграблены дворы тысяцкого Вячеслава, его брата Богуслава, Андрея-стольника, был изгнан владыка Арсений, а князь Ярослав тайно ушел из города. 404, 413

Даниил (Данила Великий, XII в.) — знатный киевлянин, возможно, из дружины благоверного Великого Князя Мстислава Владимировича, посадник новгородский (1129–1130). Был послан Великим Князем на посадничество, однако уже через год был лишен этой степени. В корпусе актов печатей сохранилась булла, которую относят ко времени посадничества Д., так как вместе с благопожелательной надписью на ней есть изображение небесного покровителя Д. — пророка Даниила. 236, 271

Даниил Заточник (XII или XIII в.) — уроженец Переяславля, писатель, биографические данные о нем отсутствуют. Предполагают, что ему принадлежат два близких по тексту произведения, именуемых «редакциями», или же одно из них. Первая редакция — «Слово Даниила Заточника», вторая — «Моление Даниила Заточника». Д.З.

упоминается в Симеоновской летописи (1387), где рассказывается о некоем попе, пришедшем из Орды «с мешком зелия» и сосланном Юрием Долгоруким на о. Лаче (Архангельская область), «идеже бе Данило Заточник». Само слово «Заточник», возможно, было прозвищем и могло означать заключенного, сосланного человека (в таком случае, можно предположить и его «заточение» на Лаче-озере, тем более что это озеро также упоминается в тексте «Моления...») или человека «заложившегося» — согласившегося на подневольную работу. Скупость сведений о Д.З. и их легендарный характер приводили к разнообразным гипотезам о его жизни, социальном положении, времени написания произведений и т.д. Д.З. считали боярским холопом (Н.К. Гудзий), сыном княжеской рабыни (Ф.И. Буслаев), членом младшей княжеской дружины (Е.И. Модестов), думцем князя (П.П. Миндалев), дворянином (И.У. Будовниц), ремесленником (М.Н. Тихомиров). 199, 431, 575, 576

Даниил Романович (1201/1204–1264) — князь Волынский (1205–1206, 1215–1231), Галицкий (1205–1206, 1211–1212, 1229–1231, 1233–1235, 1238–1254), Великий Князь Киевский (1240), 1-й король Руси (1254–1264), выдающийся политический деятель, дипломат и полководец, сын Великого Князя Волынского и Галицкого Романа Мстиславича. После смерти отца (1205) вынужден был вместе с матерью и другими детьми покинуть Галич, позже (1211) был возведен на княжение в Галиче, но вскоре (1212) изгнан. В 1215 стал княжить на Волыни и к 1227 завершил объединение волынских земель. В 1223 участвовал в сражении на р. Калке против монголо-татар. В 1239 Д.Р. овладел Галичем, передав Волынь брату Васильку Романовичу, а затем занял Киев. После вторжения монголо-татарских завоевателей в Юго-Западную Русь (1240) и установления зависимости от татар Д.Р. предпринимал энергичные меры для предотвращения новых вторжений, а также против усилившейся агрессии венгерских и польских феодалов. В 1245–1246 был вынужден поехать в Орду, в Сарай, признать зависимость от Золотой Орды, чтобы сохранить государство. Рассчитывая на западных союзников в противостоянии с Ордой, согласился принять от папы римского в 1253 королевский титул. Предполагалось, что в ответ Д.Р. будет способствовать католизации русских земель, однако этого не произошло. Д.Р. удалось отстоять от отрядов татарского темника Куремсы Бакоту (в Подолии, 1253) и освободить занятые ими города на Волыни. Таким образом, Д.Р. стал первым русским правителем, которому удалось нанести

поражение монголо-татарам, выбив их со своей земли. Однако, поскольку Д.Р. добился успехов в борьбе с Ордой своими силами, он не считал себя обязанным выполнять договоренность с папой о латинизации русских земель. После 1255 Д.Р. прекратил отношения с папой, однако сохранил королевский титул для себя и право на этот титул для своих преемников, которые именовали себя «*Rex Russiae*» и «*duces totius terrae Russiae, Galicie et Ladimirie*» («король Руси» или «князь всей земли Русской, Галицкой и Владимирской»). Последние годы своей жизни он посвятил войнам с Литвой и упорной борьбе с ятвягами, населявшими пограничные с Русью и Польшей области и постоянно тревожившими набегами и грабежами мирное население окраинных земель. Д.Р. содействовал развитию городов, привлекая туда ремесленников и купцов. При нем были построены Холм (в этот город Д.Р. перенес из Галича столицу своего княжества, здесь, в храме Пресвятой Богородицы, он и был погребен), Львов, Угровеск, Данилов, обновлен Дрохичин. Д.Р. построил много церквей. Время княжения Д.Р. было периодом наибольшего экономического и культурного подъема и политического усиления Галицко-Волынской Руси. Исключительно способный правитель, Д.Р. объединил на какое-то время западнорусские земли, однако при правлении его преемников возобновились тенденции к феодальной раздробленности. 499

Данилевич Василий Ефимович (1872–1936) — русско-украинский историк и археолог, профессор Киевского, Харьковского университетов. Ученик В.Б. Антоновича. Член Императорского Московского археологического общества. Выступал на нескольких съездах общества по истории Руси-России. Публикация записей этих лекций представляла собой одно из первых в России учебных пособий по археологии. После октябрьского переворота выступал на Украине с публичными лекциями в марксистском и украинофильском духе. Участвовал в открытии Липинского археологического комплекса IX–XIII вв. Вел раскопки в Харьковской и Курской областях. Работал над диссертацией много лет, но не защитил ее. Автор книги «Русские древности» (1908; 1914), где впервые древняя история рассматривается на археологическом материале. Монография «Очерки истории Полоцкой земли до конца XIV столетия» (при участии В.Б. Антоновича, В.С. Иконникова, П.В. Голубовского, М.В. Довнар-Запольского) стала первым исследованием истории Полоцкой земли. Д. указал на изолированное положение Полоцкой земли в древнерусскую эпоху, отчего летописи практически не упо-

минали о ней до половины XIV в. Исследование Д. представляет собой подробную и убедительную (по тому времени) реконструкцию политической истории региона (причем особое внимание уделено полоцко-литовским отношениям), объясняющую процесс, приведший, в итоге, к подчинению Полоцка Литве. М.К. Любавский продолжил исследования Д. по истории Литовско-Русского государства. 446, 452, 455, 457

Данилова Л. В. — современный российский историк, медиевист. Придерживается историографического направления, сложившегося в 1920–1930-х в отечественной науке и наиболее отчетливо выраженного в работах С.В. Юшкова (противостоявшего концепции Б.Д. Грекова), согласно которому в древнерусской эпохе выделяются дофеодальный (IX–X или IX – 1-я пол. XI вв.) и феодальный периоды. В своей монографии «Сельская община в средневековой Руси» (1994) Д. утверждает, что общинное начало являлось определяющим в общественном строе Древней Руси, и одновременно считает возможным классифицировать древнерусское общество как азиатское по способу производства. Автор ряда научных статей по различным аспектам истории Древней Руси (в первую очередь, феномена общины), а также по проблемам историографии Древней Руси: «Проблемы теории и истории общины» (в соавт. с В.П. Даниловым); «О внутренней структуре сельской общины Северо-Восточной Руси»; «Русское средневековье в современной историографии США» и др. 283, 403, 405

Дашкевич Николай Павлович (1852–1908) — историк и историк литературы. Сын священника. Ординарный академик Императорской Академии наук (1907), профессор всеобщей истории литературы Киевского университета (1873). Следовал методическому направлению культурно-исторической школы Пыпина. Автор работ по истории Юго-Западной Руси, истории русской былинной, украинской и западной средневековой литературы. Напечатал ряд очерков, посвященных писателям, в том числе в «Библиотеке великих писателей» С.А. Венгерова. 474, 496

Дворниченко Андрей Юрьевич (р. 1957) — российский историк, доктор исторических наук (1993), профессор (1995), декан исторического факультета СПбГУ (2001) и заведующий кафедрой истории России с древнейших времен до XX в. (2003). В научных

публикациях и монографиях автор затрагивает проблемы истории Древней Руси, Великого княжества Литовского, украинской истории, казачества, а также историографии и исторической географии Древней Руси. Ученик профессоров В.В. Мавродина и И.Я. Фроянова. Выпустил книгу «Города-государства Древней Руси» (1988, в соавт. с И.Я. Фрояновым), которая стала итогом многолетней работы ученых. В труде исследованы земли Древнерусского государства, показано становление особой политической единицы — городов-государств. Авторы опровергают мнение об экономической несостоятельности русских земель. Автор монографии «Русские земли Великого княжества Литовского (до начала XVI в.). Очерки истории общины, сословий и государственности» (1993), которая легла в основу докторской диссертации ученого. Основным смыслом исследования стало показание перехода «от города-государства к сословно-аристократической монархии». Д. является автором нескольких учебных пособий по истории России. 435

Дедилец — посол Рязанского князя Глеба Ростиславича, после смерти Великого Князя Владимирского Андрея Юрьевича принимавший участие вместе с боярином Борисом во владимирском вече 1174, на котором они убеждали ростовцев, суздальцев и переяславцев призвать на княжение Ростиславичей (см. **Олстин** и **Борис Жидиславич**). 577, 589

Дир (IX в.) — варяг, дружинник первого Князя Новгородского Рюрика. Вместе с дружинником *Аскольдом* оказался в Киеве и был одним из первых пришлых его правителей. Арабский историк и географ аль-Масуди называет его первым славянским царем, при котором Русь вела широкую торговлю, в том числе с Востоком. Как и Аскольд, был убит варяжским боярином Олегом. 447, 448

Дмитр Мирошкинич (?–1207) — новгородский посадник, сын посадника Мирошки Нездинича, из бояр новгородского Людина конца. Сменил на посадничестве (в 1205) Михалка Степановича, который стал посадником после смерти его отца. В 1207 вместе с остальными новгородцами участвовал в походе Великого Князя Владимирского Всеволода Юрьевича против Рязанских князей. При осаде Пронска Д.М. был тяжело ранен. Из-за жалоб новгородцев на своеволие посадника Всеволод Юрьевич, отпустив после окончания похода остальных новгородцев домой, оставил Д.М. при себе и от-

правил его во Владимир. Новгородцы, узнав об этом, разграбили имущество Д.М. Тело умершего от ран посадника они хотели сбросить в Волхов, но были удержаны от этого поступка архиепископом Митрофаном. Д.М. был похоронен в Георгиевском соборе Юрьева монастыря. 323, 324, 332–343, 348, 351, 354, 604

Дмитр Якунич (Дмитрий Якунович, XIII в.) — посадник новгородский (1211–1213), из рода Мирошкиничей, боярин Прусской улицы. В 1210 был направлен благоверным князем Новгородским Мстиславом Мстиславичем в Луки (пограничная новгородская крепость) «с новгородцы ... города ставити» для укрепления новгородских рубежей. По возвращении принял посадничество, которое ему уступил Твердислав Михалкович, вернувший себе степень, видимо, после смерти Д.Я. 352–355, 408

Добрынко (Добрынько) — киевский боярин в дружине Изяслава Мстиславича, возможно, отец Рагуйла Добрынича. Добрынко был послом (вместе с Радилом) от Изяслава Мстиславича в Киев с вестью об измене Черниговских князей и с призывом напасть на них, чтобы разрушить союз, заключенный против Изяслава Мстиславича между князьями Владимиром и Изяславом Давыдовичами, Святославом Всеволодовичем, Святославом Олеговичем и Юрием Владимировичем. 237, 238

Добрыня (XIII в.) — ключник князя Полоцкого *Бориса Давыдовича*. Вторая жена князя *Святохна* организовала убийство преданных Борисовичам, в числе которых оказался и Д. 462

Добрыня Долгий (?–1177) — боярин Мстислава Ростиславича. Участвовал в заговоре и убийстве Князя Андрея Боголюбского. Подстрекал своего князя к войне с Великим Князем Всеволодом Юрьевичем после смерти Михалка Юрьевича (1177). На этой войне Добрыня и пал. Ростовский воевода Воислав Добрынич, возможно, был его сыном. 588

Добрыня Никитич — сын последнего родового князя древлян Мала, дядя Великого Князя Руси Владимира Святославича по материнской линии, отправленный дядькой-воспитателем при нем в Новгород Великий. Когда Владимир стал Великим Князем Руси, Добрыня остался в Новгороде его наместником. Вместе с Путятой организовал массовое Крещение новгородцев (990). В 985 ходил вместе

с Владимиром на волжских булгар. Стал наиболее вероятным прототипом самого популярного после Ильи Муромца героя русского эпоса. Былинный Добрыня Никитич воплощал качества, которые народ в совокупности обозначал словом «вежество»: ум, образованность, прекрасное воспитание, знание норм этикета, умение играть на гуслях. Былинный Добрыня — самый близкий к Князю и его семье богатырь, исполняющий их личные поручения и отличающийся не только храбростью, но и дипломатическими способностями. 16–18, 27, 52–54

Довмонт (в крещении Тимофей, Домант, ?–1299) — святой (память 20 мая, в 3-ю Неделю по Пятидесятнице, в Соборе Псковских святых), благоверный князь Нальшинайский (Нальшанский, ?–1265), Псковский (1266–1299). 428, 429

Довнар-Запольский Митрофан Викторович (1867–1934), русский и белорусский историк, этнограф, фольклорист, экономист, основоположник белорусской национальной историографии. Доктор исторических наук (1905), профессор русской истории в Киевском университете (1902), Белорусского университета (1925–1926). Происходил из мелкопоместного шляхетского рода герба Побог. Занимался исследованиями истоков и становления белорусской государственности, национальной и культурной самобытности белорусского народа. Выдвигал теорию о древней белорусской государственности, представленной Полоцким и Туровским княжествами (так называемая кривичско-дреговичско-радимичская концепция формирования белорусской нации), а позднее Великим княжеством Литовским. Некоторые из его концепций положили начало теориям единого потока (о безклассовом развитии белорусского народа) и «золотого века», по которым XVI в. якобы был периодом благосостояния крестьян и расцвета белорусской государственности. Д. опубликовал документы по истории Литовско-Русского государства («Акты Литовско-Русского государства», 1899, вып. 1; «Документы Московского архива Министерства юстиции», 1897, т. 1, и др.), издал ряд работ по истории декабристов («Тайное общество декабристов», 1906; «Мемуары декабристов», 1906; «Идеалы декабристов», 1906, и др.), написанных на основании нового фактического материала. Значительное внимание Д. уделял исследованию хозяйственной истории Русского государства XVI–XVII вв.: «Торговля и промышленность Москвы XVI–XVII вв.» (1910) и др. По инициативе и

при участии Д. было начато издание многотомной «Русской истории в очерках и статьях» (1909–12, т. 1–3). Д. опубликовал курсы лекций, прочитанных им в Коммерческом институте: «История русского народного хозяйства» (1911, т. 1); «Обзор новейшей русской истории» (1912). В советское время написал еще несколько работ по истории народного хозяйства Белоруссии, в которых попытался проследить основные изменения в экономике и социальных отношениях в феодальную и капиталистическую эпоху и в первые годы советской власти. Опубликовал более 30 работ по этнографии и фольклору белорусов. Труды Д. сохраняют свою ценность благодаря большому количеству фактов, впервые введенных им в научный оборот. В советские годы подвергался репрессиям, фундаментальный труд «История Белоруссии», написанный в 1925, был осужден как идейно вредный. 198, 447, 452, 453, 459

Домажир Торлинич (Домажир Търлиниц, нач. XIII в.) — возможно, рушанин (житель Русы). Сражался на стороне Литвы, против которой в 1224 выступили новгородцы (см. **Федор Михалкович**); был убит. 380

Домальди (до V в.) — конунг свеев, сын конунга *Висбуфа*. По скандинавским преданиям, мачеха Д., когда он был юн, велела наколдовать ему несчастье. В годы его правления в стране свеев начался сильный голод. После многочисленных жертвоприношений (в том числе человеческих) в Уппсале, вожди народа решили принести в жертву самого конунга как виновника неурожая, он был убит, и кровью его обагрили языческий алтарь. Сын Д. — Домар — правил долго, хроника подчеркивает, что при нем были хорошие урожай и мир. 121

Драконт (Дракон, VII в. до Р.Х.) — афинянин, один из древнейших законодателей Греции. В 621 до Р.Х. составил для Афинской республики первые писанные законы. Д. внес в афинское право различие между убийством умышленным и ненамеренным; определил условия, при которых ненамеренное убийство признавалось ненаказуемым и допускало примирение родственников убитого с убийцей. Законодательство Д. было направлено к охране имущественных интересов господствующего меньшинства, к которому принадлежал сам Д. Кража полевых плодов наказывалась смертью наравне со святотатством, кощунством или предумышленным убийством. Вообще,

смертная казнь занимала преобладающее место в ряду наказаний, определяемых законами Д., благодаря чему суровость их вошла в поговорку еще в древности («драконовские меры»). Законы об убийстве, отмеченные именем Д., сохраняли силу, с некоторыми, вероятно, изменениями, долгое время и после Солона, а после олигархического переворота 411 до Р.Х. «драконовские» положения уголовного права были снова начертаны на каменных скрижалях и выставлены на городской площади ко всеобщему руководству. 202

Душилец (XIII в.) — липенский староста, один из пострадавших в Новгородской смуте 1228. Восставшие новгородцы намеревались ограбить его двор, а самого Д. повесить, однако ему удалось бежать к Князю Ярославу, схватили только его жену. 404, 413

Дьяконов Михаил Александрович (1855–1919) — историк русского права, заслуженный ординарный профессор Дерптского и Санкт-Петербургского университетов (1907–1912), ординарный академик Императорской Академии наук (1912). Магистерская диссертация «Власть московских государей» (СПб., 1889) является одним из основных трудов в отечественной историко-юридической литературе по истории политических идей и теории верховной власти в Древней Руси. Докторская диссертация «Очерки из истории сельского населения в Московском государстве (XVI–XVII вв.)» (СПб., 1898), а также приложенные к ней «Акты, относящиеся к истории тяглого населения в Московском государстве» (Юрьев, 1895, 1897), содержат ценный архивный материал. Вслед за В.О. Ключевским Д. в вопросе о происхождении тяглого населения искал причину его прикрепления не в указной деятельности государей, а в общих условиях социально-экономического быта населения. Еще один большой труд «Очерки общественного и государственного строя Древней Руси до конца XVII в.» (Юрьев, 1907) представлял собой обработку общего курса истории русского права, читавшегося в высших учебных заведениях дореволюционной России. В советские годы работал в Библиотеке Академии наук библиотекарем (1918–1919). 198, 199

Е

Елена (брачное имя Ольга, в иночестве Евфросиния, ?–1182) — Великая Княгиня, супруга Великого Князя Киевского Юрия Владимировича Долгорукого, дочь Исаака Комнина, младшего брата Им-

ператора Ромейского Иоанна Комнина, и кузина Мануила I Комнина. Известна как вторая жена Великого Князя. Мать князей Василька, Мстислава, Святослава, Михаила и Всеволода Юрьевичей. Часть сыновей отправились с ней к своему деду, Императору Мануилу, и получили некоторые наделы (1162). Видимо, после смерти благоверного Великого Князя Владимирского Андрея Боголюбского она вернулась. Тело ее погребено во Владимирском Успенском соборе. 551

Ефрем Моизич (Моисеевич) – крещеный еврей, суздальский боярин, доверенное лицо Князя Андрея Боголюбского, участник заговора против Князя, закончившегося его убийством (в ночь на 29 июня 1174). 566–568

Ж

Жирный – полоцкий тиун, которого князь Василько, сын князя Полоцкого Бориса Давыдовича, в своем послании просил открыть жителям Полоцка обман Святохны, что и было исполнено на вече. 463

Жирослав Иванович (XII в.) – посадник новгородский (1169–1171, 1171–1172, 1175). Иногда отождествляется с воеводой Жирославом Нажировичем, которого в 1159 Великий Князь Киевский Ростислав Мстиславич посылал с 600-ми торков к князю Полоцкому Рогволоду Борисовичу в помощь против Ростислава Глебовича. Новгородцы заменили *Якуна Мирославича* на Ж. после изгнания князя Романа Мстиславича (1169). В Новгороде посадничал вместе с князем Рюриком Ростиславичем; последний пошел на разрыв с Великим Князем Владимирским Андреем Юрьевичем Боголюбским и выгнал Ж., который ушел в Суздаль к Андрею Юрьевичу. Вступив в конфликт с новгородцами, Рюрик Ростиславич оставил княжение, и они стали просить себе князя у Андрея Боголюбского, пославшего в Новгород Ж., который правил несколько месяцев единовластно, до поставления князем Новгородским *Юрия Андреевича*. В 1172 архиепископ *Илья* ездил во Владимир к Великому Князю примирять с ним новгородцев, тогда Ж., которым были недовольны, был снят с должности. Каждый раз Ж. на посадничестве заменял Иванко Захарьинич, после смерти которого (1175) Ж. снова ненадолго заступил на посадничество; в конце года его изгнали ради Завида Неревинича. 317, 533

3

Завид Неревинич (?–1190) — боярин Неревского конца, посадник новгородский (1175–1176, 1177–1180, 1184–1186). Его отец Неревин был убит в 1167 вместе с посадником Захарией в столкновении, после которого посадником стал Якун Мирославич, затем Иванко Захариинич, потом Жирослав, выгнав которого новгородцы выбрали посадником З.Н.. Избранный на вече посадником З.Н. был сторонником ориентации на Смоленск. Приглашенный по его инициативе Смоленский князь Мстислав Давыдович самостоятельной политики вести не пытался и во всем слушался посадника. Всеволод вновь прибег к «хлебному эмбарго». Новгородцы (с продовольственной помощью из Смоленска) держались четыре года. 1186-й, оказавшийся для Западной Руси неурожайным годом, сломил их сопротивление. В нач. 1187 З.Н. бежал в Смоленск, а в октябре за ним последовал и князь. Новгородцы послали за Ярославом Владимировичем. 326–329

Засурцев Петр Иванович (1912–1974) — советский археолог, специалист по истории Древней Руси. Из крестьянской семьи. Участник Великой Отечественной войны, попал в плен, бежал, имел боевые награды. Работал в Институте археологии АН СССР в должности младшего научного сотрудника (1946–1974). Защитил кандидатскую диссертацию на тему «Усадьбы и постройки древнего Новгорода» (1962). Автор двух монографий и около 20 статей, заметок и научно-популярных работ. В 1937–1939 и 1952–1966 принимал участие в раскопках Новгорода и был одним из основных научных сотрудников Новгородской экспедиции. С его именем в новгородской археологии связаны разработки проблем истории древнерусского жилища и усадьбы. В числе других ученых за труды экспедиции ему была присуждена Государственная премия СССР (1970). С 1947 по 1951 принимал участие в работах различных экспедиций на территории Курской, Вологодской и Брянской областей, а также в Москве. Будучи верующим человеком, кости из погребений аккуратно перезахоранивал, что было необычно для советской археологической практики. 398

Затыркевич Михаил Дмитриевич (1831–1893) — русский, украинский юрист, статский советник, профессор Нежинского лицея князя Безбородко. Происходил из мелкопоместного шляхетского

рода. В 1866 З. выдержал магистерский экзамен, но затем еще в течение восьми лет работал над своей диссертацией «О влиянии борьбы между народами и сословиями на образование строя Русского государства в домонгольский период» (Москва, 1874). В этом труде ученый представил массу исторического материала, собранного из различных источников. Выработал теорию образования политического строя всех государств, древних и новых, как конечного результата борьбы между сословиями и национальностями. Пытался проследить ту же борьбу и в древнем периоде нашей истории: сначала борьбу туземного населения с пришлым, а потом борьбу различных общественных элементов, преимущественно общинно-городского населения, с княжеским и дружинным элементами. Труд З., по новизне метода и по оригинальности проводимых в нем (хотя и не без некоторой натяжки) мыслей, вызвал в ученом мире оживленную критику. 248

Захарий (? – ок. 1167) – боярин Неревского конца, посадник новгородский (1161 – ок. 1167), отец посадника Иванки Захарьиновича, дед посадника Юрия Иванковича. Был избран на место Нежаты, когда по обоюдному соглашению князя Смоленского Ростислава Мстиславича и Великого Князя, благоверного Андрея Юрьевича, сын последнего, Мстислав, уступил Новгородский княжеский стол сыну первого, Святославу. З. и Святослав Ростиславич пришли на помощь ладожанам и одержали победу над шведами, которые, покорив в 1157 Финляндию, напали на Ладогу (1164). В 1165 встречал владыку Иоанна (см. **Илья**), прибывшего из Киева после поставления в архиепископы. В 1167, после изгнания Святослава, З., заподозренный в сношениях с ним, был убит новгородцами на вече вместе с Неревиним и биричем Нездой. 315, 316

Зелевк (VII в. до Р.Х.) – законодатель в Локрах Эпизефирских (Южная Италия). Первый дал писанные законы, отличавшиеся значительной строгостью. Они были направлены к установлению нравственного порядка в частной жизни, равно как и в общественных отношениях. Он старался установить равномерность в распределении имущества. Вместо произвольных судебных приговоров он установил определенные наказания. З. оказался вынужденным судить своего собственного сына, обвиненного в прелюбодеянии, наказанием за что было выкалывание обоих глаз. Жители, несогласные с приговором, желали отменить наказание, но З., твердо решивший соблю-

сти букву закона, который он сам же провозгласил, лишил одного глаза сына и одного себя. 202

Зибер Николай Иванович (1844–1888) — российский экономист, один из первых популяризаторов и защитников экономического учения Карла Маркса в России. Сын швейцарского подданного и украинки. За диссертацию «Теория ценности и капитала Д. Рикардо в связи с позднейшими разъяснениями» (Киев, 1871) получил степень магистра политической экономии и был командирован за границу. Этот труд в момент издания был самым полным не только на русском языке, но и в иностранной литературе изложением различных теорий и определений ценности и капитала. На тех же научных позициях написал «Очерки первобытной экономической культуры» (1883), где на основе обширного литературного материала по описанию быта различных народов и племен сделал попытки обобщения первобытных форм общественной жизни. Главное его внимание обращено на явления экономические, но рядом с ними освещаются формы брачных и семейных отношений и т.п. стороны жизни общества. Основная мысль сочинения заключается в том, что общинные формы хозяйства на их различных стадиях представляют универсальные формы экономической деятельности на ранних ступенях развития. В 1873 Университет святого Владимира избрал З. доцентом по кафедре политической экономии и статистики, но в 1875 он вышел в отставку и поселился в Швейцарии, но постоянно участвовал своими статьями в русских журналах, а также в газете «Русские Ведомости». 574

Зимин Александр Александрович (1920–1980) — советский историк, исследователь русского Средневековья. По материнской линии происходил из рода графов Каменских. Доктор исторических наук (1959), профессор Московского государственного историко-архивного института (1970–1973), старший научный сотрудник Института истории АН СССР (1951). Автор многочисленных фундаментальных работ по проблемам социально-политической истории страны. Специалист по истории общественной мысли России, вопросам историографии и источниковедения. Один из авторов и редакторов многотомных трудов: «История Москвы» (1952); «Очерки истории СССР. Период феодализма. Конец XV — начало XVII вв.» (1955); «Всемирная история» (1958); «История СССР. С древнейших времен до наших дней» (1966). Редактор и составитель многих сбор-

ников исторических документов, а также «Собрания сочинений» В.О. Ключевского. В конце жизни работал над мемуарами и историко-генеалогическим исследованием «Сумерки и надежды», посвященным роду графов Каменских и их потомству. 3. — автор оригинальной концепции о времени создания «Слова о полку Игореве» и его авторе, согласно которой это произведение было написано в 80-х XVIII в. российским духовным писателем, архимандритом Иоилем (Быковским) и является выдающейся имитацией памятника древнерусской литературы. Книга, созданная на основе этой концепции, не была издана при жизни автора из-за несогласия с ней многих видных ученых. 79, 149, 181, 182, 188, 190, 200, 339

И

Иван Войтишич — киевский воевода. По преданию, в 1116 во-
дил на Дунай рать Мономаха и занял многие города. Этот поход был
предпринят в наказание за то, что по приказу Алексея Комнина был
убит в Доростоле Царевич Леон, зять Мономаха. В 1127 Мстислав I
Владимирович послал сильную рать на Кривских (Полоцких) кня-
зей, изгнал из Полоцка Давыда Всеславича и посадил там брата сво-
его Рогволода. В этом походе был и И.В. с торками. В 1139 ездил в
Новгород послом Князя Всеволода Ольговича, занявшего киевский
стол и думавшего об утверждении за своим родом и Новгорода, где
постоянно боролись партии Мономашичей и Ольговичей. В 1146
Киев занял другой Ольгович, Игорь. Видя, как неохотно принима-
ют его киевляне, Ольгович старался привлечь к себе более знатных
и влиятельных киевлян, таких, как воевода И.В., тысяцкий Улеб и
др. Последние делали вид, что верны ему, а между тем постоянно
сносились с Изяславом Мстиславичем и звали его в Киев. Когда Из-
яслав подошел к Киеву, против него вышел с Игорем и И.В., но в
решительную минуту оставил его и перешел к Изяславу. Этим огра-
ничиваются летописные известия об И.В. 228

Иван Всеволодович (1198–1247) — младший сын Всеволода
Большое Гнездо, князь Стародубский (1238–1247). После смерти
отца И.В. остался без удела, держался брата Юрия Всеволодовича.
В 1213 ходил с Юрием на Константина Всеволодовича к Ростову
и бился на р. Идше (ныне Векса). В Липицкой битве 1216 вместе с
Юрием потерпел поражение от Мстислава Мстиславича Удатного и
Константина. В 1227, по приказу брата Юрия, ходил с другим бра-

том — Святославом Всеволодичем — на Москву и вернулся с победой. Во время татаро-монгольского нашествия И.В. вывез жену и детей из Юрьева в Городец, за Волгу, а сам собирался отправиться на Сить, но не успел к сражению. В 1238 после гибели Юрия владимирский стол занял старший из оставшихся Всеволодовичей, Ярослав, а младшим братьям он дал Суздаль (Святославу) и Стародуб (И.В.). Будучи Стародубским князем, И.В. несколько раз ездил в Орду подтверждать свои права на вотчину, а более ничем другим летописцам известен не был. Поскольку он умер раньше Святослава, то по лествичному праву его потомки потеряли претензии на Великий стол. 606

Иван Ростиславич (Берладник, ?–1161) — князь Звенигородский (1129–1144), князь Галицкий (1145), внук Володаря или Василько Ростиславича. До 1144 княжил в Звенигороде. Затем галичане, воспользовавшись отъездом их князя Владимира (Владимирко), решили свергнуть его и пригласили княжить И.Р. И.Р. согласился и приехал в Галич, Владимир осадил город. Во время одной из вылазок И.Р. был отрезан от города и бежал из княжества. Сначала нашел прибежище в Берладе (отсюда и возникло его прозвище), молдавском городе, который в XII в. служил убежищем и для князей, и для простых людей. Здесь набрал себе дружину, затем пришел в Киев, к Великому Князю Всеволоду Ольговичу, непримиримому врагу Галицкого князя (1145). Всеволод принял его, а в следующем году он оказался в рядах войск брата Всеволода Святослава. С этих пор и началась скитальческая жизнь И.Р., служившего со своей дружиной то у одного князя, то у другого и боровшегося с врагами то для получения себе удела, то в интересах князя, которому служил. Более 15 лет провел он в бесплодных поисках своего удела, служа постоянно какому-либо Великому Князю и представляя собой первый в нашей истории пример служилого князя. После нападения на Святослава Изяслава Мстиславича И.Р. перешел на службу к Ростиславу, князю Смоленскому. В 1149 И.Р., будучи на службе у Суздальского князя Юрия Долгорукого, бился на отдаленном Севере с данниками Великого Новгорода. В 1156 Юрий, уступая просьбам своего зятя Ярослава, сына Владимира, соглашается выдать И.Р. Ярославу и отправляет его скованного в Киев, но за И.Р. вступились митрополит и высшее духовенство, и, отговоренный ими от исполнения своего намерения, Юрий отправляет И.Р. обратно в Суздаль. По пути на него нападают люди Изяслава Давыдовича Черниговского, отбива-

ют от юрьевских слуг и перевозят в Чернигов (1157). В лице И.Р. Изяслав, вероятно, хотел иметь оплот против честолюбивых стремлений Ярослава Галицкого и более всех других князей покровительствовал И.Р. Он не выдал его и тогда, когда явились к нему за И.Р. послы многих русских и польских князей и даже послы венгерского короля. А так как держать его далее у себя он считал опасным, то помог бежать в Степь к половцам (1158). С дружиной из половцев И.Р. сначала занимался грабежом галицких судов на Дунае, а затем пошел походом на самого Ярослава. Но на пути, во время осады Ушицы, большая часть половцев покинула И.Р., и он с остальными прибыл в Киев, к Изяславу Давыдовичу, занимавшему тогда Великокняжеский стол (1159). Изяслав принял его и даже обратился к Ярославу с требованием удела для И.Р., но, вызванный Галицким князем на борьбу, потерял в ней и свой собственный удел, и во время бегства был убит (1161). Лишившись единственного покровителя, И.Р. уехал в Грецию и нашел свою смерть в Фессалониках, отравленный, по преданию, ядом. 486–492

Иван Ручечник — смоленский посадник, посланный вместе с послом от новгородцев Якуном в 1159 Ростиславом Мстиславичем в Киев договориться с киевлянами о том, на каких условиях они приглашают его в Киевские Князья. 314

Иванко Дмитрович (?–1238) — посадник Новгородский (1219–1228). Вероятно, из бояр Прусской улицы, сын посадника Дмитра Якуновича, внук посадника Якуна Андреевича. Сменил на посадничестве Твердислава Михалковича. В 1221 с владыкой Новгородским Митрофаном возглавил посольство к Великому Князю Владимирскому Юрию Всеволодовичу, чтобы он дал Новгороду в князья своего сына Всеволода. В 1224 Князь Юрий Всеволодович подступил с полками к Новгороду, чтобы восстановить на княжении князя Всеволода, предъявил требования выдать видных новгородцев. В ответ новгородцы выразили желание умереть за Святую Софию (Новгородский собор), за своего посадника И.Д., но братии своей не выдать. Конфликт закончился компромиссом и большим выкупом новгородцев. В 1226 И.Д. участвовал в избрании архимандрита Юрьева монастыря. В 1228 ушел в Псков вместе с Князем Ярославом Всеволодовичем договариваться о походе на Ригу, против ордена меченосцев, но псковичи замирились с орденом. Был отстранен от посадничества ради Внесда Водовика и отправлен посадником в

Торжок, но, не принятый горожанами, стал служить Князю Ярославу. В 1238 участвовал вместе с другими воеводами в отсутствие князя и его дружины в героической двухнедельной обороне Торжка от татаро-монгол. Погиб вместе с другими защитниками. 375, 378

Иванко Павлович (Павловиц, ?–1135) — боярин Людина конца, посадник новгородский (1134–1135), сын ладожского посадника Павла, который построил каменную стену (1116). Он был поставлен новгородцами в 1134, был одним из предводителей похода на Суздаль в кон. 1134. С именем И.П. связывают мероприятия по совершенствованию новгородских путей сообщения. И.П. погиб в битве на Жданной горе (1135) во время нового похода на суздальцев. 278

Иванко Тимошкинич (?–1230) — новгородский боярин, выдачи которого, наряду с другими новгородцами, требовал Великий Князь Владимирский Юрий Всеволодович в 1224 во время одного из конфликтов суздальских князей с новгородской общиной. В 1230 И.Т., поддерживая старого посадника Степана Твердиславича, выступал против посадника Внесда Водовика, за что был побит посадничьими слугами. На другой день И.Т. собрал вече на Ярославовом дворе, после которого новгородцы разграбили посадничий двор. Внесд Водовик в ответ поднял город и устроил расправу со сторонниками Степана, в ходе которой И.Т. был убит и скинут в Волхов. 381, 382, 412

Иванко Чудинович — дружинник Черниговского князя Олега Святославича (из «Устава Володимерова»), сын Чудина, киевского боярина и княжого мужа Изяслава Ярославича (см. коммент. с. 492), двоюродный брат переяславского тысяцкого Станислава Доброго Тудковича. И.Ч. принимал участие в совещании на Берестове в 1113. 182, 183, 186, 187

Иванко, новгородец — боярин (?), участник делегации к Великому Князю Всеволоду Большое Гнездо (см. **Мирошка, Борис Жирславич, Никифор**). 329, 331

Ивач Свеневиц — сподвижник Завида Неревинича, посадника новгородского. Казнен в Новгороде в 1186. 326, 327, 329

Ивор Пургевич — внук новгородского посадника Мирослава, киевский боярин, арестованный во время вокняжения в Киеве Изяслава Мстиславича среди прочих бояр — сторонников изгнанных

из Киева Ольговичей. Дядя И.Г., сын Мирослава Якун, был сторонником князя Черниговского Святослава Ольговича и вместе с ним бежал из Новгорода в 1141. Поэтому — когда Игорь Ольгович стал княжить в Киеве, род Мирослава также поселился там. С. 236

Игнатий II (? — ок. 1210) — святитель, четвертый епископ Смоленский, чудотворец. 443

Игорь (?1036–1060) — сын Ярослава Мудрого, князь Волынский (1054–1057), Смоленский (1057–1060). В 1054, после смерти своего отца, он получил от старшего брата, Великого Князя Изяслава в частный удел Владимир-Волынский, а в 1057, по смерти Вячеслава Ярославича Смоленского, с общего согласия князей ему был дан Смоленск как настоящий, обычный удел, в котором он и скончался. Князем Владимира-Волынского после И. стал Ростислав Владимирович. Однако после смерти И. Ростислав не был переведен в Смоленск, что в будущем привело к междоусобной войне. Как и его брат Вячеслав, И. скончался в раннем возрасте. На момент смерти ему было около 24 лет. Он, так же как и Вячеслав, оставил малолетних сыновей Давыда и Всеволода, которые по решению старших Ярославичей не наследовали своему отцу и, таким образом, стали князьями-изгоями. И. погребен «в теремце» черниговского Преображенского собора, т. е. в башне, которая называется Красным теремом. 417, 422

Игорь Ольгович (в крещении Георгий, в монашестве Гавриил, в схиме Игнатий, ?–1147) — святой (память 23 мая / 5 июня и 19 сентября), преподобный, страстотерпец, благоверный князь Черниговский, Курский, Новгород-Северский, Великий Князь Киевский (1146). 217, 218, 220–222, 224, 226–247, 442

Игорь — варяжский конунг, сын Рюрика, Князь Новгородский (до 912), Великий Князь Киевский (912–945). После смерти отца остался на попечении Князя Олега. После смерти Олега (912) стал Великим Князем. Древляне, получив о том известие, отложились от Киева. В 914 И. повоевал древлян и возложил на них дань больше Олеговой. В 915, проходя походом на Константинополь, на Руси впервые появились печенеги. И. заключил с ними мир, оказавшийся непрочным. В 920 И. воевал с печенегами. В 941 И. нанес удар по причерноморским владениям Ромейской Империи, но русский флот

подвергся воздействию «греческого жидкого огня» и понес большие потери. В 944 И. с огромным войском совершил новый морской и сухопутный поход против Ромейской Империи. Его войско не дошло до пределов Империи, так как испугавшиеся греки запросили мира. Был подписан Русско-греческий договор (945), выгодный Древнерусскому государству. Греки вновь начали платить дань Руси. В 945 И. обложил древлян новой данью, а потом решил вернуться и взять с них еще. Был убит древлянами и погребен в Древлянской земле у Искоростеня. «Повесть временных лет» отмечает жадность и алчность Князя Игоря, а автор сер. XI в. Иларион — его мужество и храбрость. Историки, изучающие деяния И. по древнерусским летописям, отмечают нестыковки и натяжки в его биографии, что дает повод к различным реконструкциям его правления. Так, в начале (913/914) и конце (943/944) правления И. русы совершили крупные морские походы в Каспийском регионе, о которых древнерусские летописи умалчивают. Есть свидетельства, что, вопреки летописному сказанию, И. был жив в 949 (Ян Стржедовский). 33–37, 39, 42, 44, 45, 47–49, 58, 265, 448, 449

Изяслав Андреевич (1148–1165) — князь, сын благоверного Великого Князя Владимирского Андрея Юрьевича Боголюбского. Своего удела не имел, отец держал его при себе. В 1159 он отправил И.А. на помощь изгнанному из Киева и осажденному войском князя Черниговского *Святослава Ольговича* во Вщиже Князю *Изяславу Давыдовичу*. Святослав Ольгович на время отступил, пока И.А. не ушел назад в Ростовскую землю. В 1160 И.А. во главе ростовских, суздальских, рязанских, пронских и муромских полков победил за Доном половцев. В 1164 участвовал в удачном походе Великого Князя Андрея Боголюбского на камских болгар. И.А. умер неженатым и погребен во Владимирском Успенском соборе. 532

Изяслав Владимирович (1077–1096) — сын Владимира Мономаха и английской королевны Гиды Гарольдовны, князь Курский (до 1085), князь Муромский (1095–1096). В 1095 Святополк Изяславич и Владимир Мономах вывели из Смоленска Давыда Святославича и посадили там И.В. Давыду дали Новгород, но он не усидел там, вернулся и выгнал И.В. из Смоленска. И.В. направился из Смоленска прямо к Курску, а потом к Мурому, где схватил посадника Олега Святославича и утвердился с согласия горожан. В 1096 Олег пошел на И.В. и предложил ему добром вернуть Муром. И.В. не согласился.

Во время битвы И.В. был убит, а войско разбежалось. Тело И.В. привезли в Новгород к его брату Мстиславу и погребли в Софийском соборе. 422, 423

Изяслав Владимирович (ок. 978/981–1001) — сын равноапостольного Великого Князя Киевского Владимира Святославича и полоцкой княжны Рогнеды, князь Полоцкий (989–1001), родоначальник династии Полоцких князей. Сведений о нем очень мало. В 987 после неудачного покушения матери (в Предславине) на его отца отправлен вместе с ней на проживание в землю отца Рогнеды, где Великий Князь построил им Изяславль. В 988 вместе с другими братьями принял Святое Крещение, а в 989 получил в удел Полоцк. Согласно сообщению летописца, характер И.В. имел «тихий, и кроткий, и смиренный, и милостливый». Никоновская летопись показывает его как умного, образованного человека. 55, 451, 459

Изяслав Давыдович (?–1159) — сын князя Черниговского Давыда Святославича, князь Черниговский (1152–1154, 1155–1157), Великий Князь Киевский (1155, 1157–1158, 1161). Первый из Великих Князей Киевских, который носил этот титул без прежнего, всерусского значения. При Великом Князе Всеволоде Ольговиче И.Д. в 1139 был послан с князьями Галицкими воевать в Туровскую и Владимиро-Волынскую область. В 1142 И.Д. получил от Великого Князя Брест. Ходил по его приказу в Польшу (1143). В 1144 И.Д. был отправлен из Переяслава с половцами на князей Галицких, после чего взял Микулин и Ущицу. Вместе со своим братом Владимиром опустошал Новгород-Северские земли князя Святослава Ольговича, активно участвовал в междоусобной борьбе, которая последовала за смертью Киевского Князя Всеволода Ольговича (двоюродного брата И.Д.) в 1146. Они поддерживали то Юрия Долгорукого, то Изяслава Мстиславича. 16 января у Карачева И.Д. был разбит Князем Святославом Ольговичем и получил себе с братом Новгород-Северскую область. Однако вслед за тем уличен в заговоре на жизнь Великого Князя Киевского. В 1148 И.Д. помирился с Великим Князем и заключил с ним союз против Юрия Владимировича, князя Суздальского, участвовал в сражении против Юрия под Переяславом в 1149 и вновь союзником Юрия вступил с ним в Киев в 1150. В 1151 И.Д. с братом Владимиром участвовал в битве на р. Малый Рутец, при этом И.Д. выступил на стороне Изяслава Мстиславича, а Владимир, который в этой битве погиб, — на стороне князя Юрия Долгорукого. Битва завер-

шилась победой Изяслава Мстиславича, а И.Д. получил Черниговский стол. В 1152 Юрий Долгорукий безуспешно попытался взять в осаду Чернигов. В 1154 Князь Изяслав Мстиславич умер. Киевляне позвали на княжение Смоленского князя Ростислава Мстиславича, но И.Д. с войсками Глеба Юрьевича, сына Юрия Долгорукого, и половцами разбил дружину Ростислава на р. Белоусе, а сам занял Киевский престол. Однако вскоре И.Д. был вынужден уступить Киев Юрию Долгорукому, который привел войска с севера, и И.Д. вернулся в Чернигов. После смерти Великого Князя Юрия Долгорукого (предположительно отравленного киевскими боярами) в 1157 И.Д. Черниговский во второй раз стал Великим Князем Киевским. Он предпринял попытку оставить за собой Черниговское княжество, но после недолгого конфликта дал согласие Святославу Ольговичу уступить Чернигов, хотя и удержал за собой какую-то часть черниговских земель. В 1158 он отказался выдать Ярослав Осмомыслу на верную смерть соперника, Ивана Берладника, давно изгнанного из своего удела. В ответ Ярослав зимой 1158–1159 создал против И.Д. союз с Владимиром Андреевичем Пересопницким и Мстиславом Изяславичем Волынским. Ольговичи отказали в поддержке И.Д.; он попросил помощи у половцев. Однако в кон. 1158 в сражении под Киевом ему изменили берендеи, и И.Д. бежал в землю вятичей. В 1159 союзники снова возвели в Киеве Ростислава Смоленского. И.Д. не желал сдаваться. В том же 1159 он совершил походы по Десне, но был разбит волынско-галицким отрядом, опустошившим землю вятичей. Племянника И.Д. Святослава Владимировича заставили отказаться от союза с И.Д. и признать старшинство двоюродного дяди Святослава Ольговича. Последовала княжеская междоусобица: к Князю И.Д., начавшему с половцами разорять Смоленскую землю, примкнули князья Северский, Курский и Вщижский, он осадил Переяславль, затем ворвался в Киев. Ростислав отступил и заперся в Белгороде, который И.Д. не смог взять. Тем временем на помощь Ростиславу пришли союзники – Рюрик Ростиславич, Мстислав Изяславич Волынский, Владимир Андреевич и Василько Юрьич Торческий. И.Д. бежал, но при отступлении торки догнали и разбили его дружину, а сам он получил смертельное ранение. Тело его, погребенное поначалу в киевском Симеоновском монастыре, после перенесено в Чернигов, где и положено в церкви св. мучеников Бориса и Глеба. Многие историки характеризуют И.Д. как благородного человека: вместе со своей женой он занимался выкупом у половцев рус-

ских пленных, чем и заслужил большую популярность среди людей.
249, 312, 532, 533

Изяслав Мстиславич (в крещении Пантелеимон, ок. 1097–1154) — сын Мстислава Владимировича Великого, внук Владимира Мономаха, Великий Князь Киевский (1146–1149, 1150, кон. 1150–1154), князь Волынский. Все правление И.М. прошло в непрерывной войне за Великое княжение. Один из первых русских князей, которого летопись (Киевский свод в составе Ипатьевской летописи) называет «царем». В 1127 был посажен дядей Ярополком Переяславским в Курске. В числе других князей он был послан отцом на Полоцкую землю и после изгнания Полоцких князей посажен в Полоцке (1129). По смерти Мстислава в 1132, когда киевский стол занял Ярополк, он дал Переяславль Всеволоду Мстиславичу Новгородскому, изгнанному затем Юрием Владимировичем Долгоруким. Тогда И.М. был вызван из Полоцка и посажен в Переяславле вопреки воле своих младших братьев — Юрия Долгорукого и Андрея. Обиженные братья ополчились на Ярополка, а полочане прогнали от себя его племянника Святополка. Тогда Ярополк, видя, что Полоцкое княжество, оставленное храбрым И.М., умевшим везде приобрести народную любовь, отходит от Мономахова рода, уладился с братьями: перевел И.М. против его воли опять в Минск, единственную волость, оставшуюся у Мономаховичей от Полоцкого княжества, и в утешение дал ему еще Туров и Пинск, а брата Вячеслава Владимировича из Турова перевел в Переяславль. Однако вскоре Вячеслав бросил Переяславль и вернулся в Туров, выгнав оттуда И.М. Дважды насильно лишенный своего удела, И.М. решил далее дело силой. Он ушел к брату Всеволоду в Новгород, и оттуда они вторглись во владения своего дяди Юрия Долгорукого (1134). В сражении у Ждани-горы оба войска понесли большие потери, но Юрий устоял, новгородцам пришлось вернуться. Тогда Мстиславичи вместе с Ольговичами и половцами совершили разорительный набег на Переяславскую волость и дошли до самого Киева. Ярополк должен был уступить, перевел Андрея Владимировича в Переяславль, а И.М. дал Владимир-Волынский. В 1138 умер Ярополк, и Киев был захвачен Всеволодом Ольговичем. Отношения Всеволода Ольговича с И.М. установились не сразу, однако в конце концов они заключили мир, Всеволод отдал И.М. Переяславль, а на Волыни сел Святослав Всеволодович. Перед смертью Всеволод завещал Киев брату Игорю и заставил И.М. целовать ему

крест, но лишь только Всеволод скончался, как И.М. по приглашению киевлян двинулся к Киеву и овладел им. Игорь попал в плен. Дядя И.М. Вячеслав заявил было свои права на Великое княжение, но поплатился за это изгнанием из Турова. Между тем на защиту Игоря встал брат его Святослав Ольгович, князь Новгород-Северский. Не располагая достаточными силами, Святослав обратился к Юрию Суздальскому и стал звать его в Киев. Юрий охотно принял приглашение, и между И.М., с одной стороны, и Юрием со Святославом — с другой, началась война (1146). Давыдовичи Черниговские сначала были в союзе с И.М., но потом тайно изменили ему и соединились с Юрием (1147). Давыдовичи даже попытались вероломно захватить И.М. в плен, однако он вовремя узнал об их обмане. Известие об измене Давыдовичей вызвало в Киеве взрыв возмущения, которое обрушилось на пленного Северского князя: Игорь Ольгович был убит разъяренной толпой (1147). Святослав Ольгович после этого сделался непримиримым врагом Киевского Князя. И.М., бывший князь Волынский, ориентировался на союз с католическими королевствами — Польшей и Венгрией. Он собрал в Киеве Собор русских епископов (1147) для избрания митрополита без сношения с Константинопольским патриархом, что было каноническим нарушением. Указал на Климента Смоленска как на достойного занять митрополичий престол. Ряд русских епископов воспротивились воле Князя, в частности, Новгородский епископ Нифонт, что вызвало церковную смуту и раскол, продолжавшийся до изгнания Князя из Киева. В 1148 И.М. перешел в наступление, осадил Чернигов и заставил Давыдовичей опять перейти на его сторону. Вслед за этим он прошел на север через Смоленск, где соединился с братом Ростиславом, и Новгород, где возвел на престол своего сына Ярослава, сместив брата Святополка. Отсюда зимой 1148–1149 И.М. вторгся в суздальские земли и опустошил их вплоть до Углича и Ярославля. Однако контрнаступление Юрия и Святослава в 1149 было успешным: И.М. изменил союзный князь Святослав, сын Всеволода Ольговича, его не поддержали киевляне (не желавшие сражаться с сыном Мономаха), и 23 августа в битве у Переяславля И.М., Ростислав и Давыдовичи были разбиты. И.М. бежал в Киев, но киевляне заявили, что у них нет средств защищать его, и И.М. должен был бежать далее на Волынь. Получив помощь от поляков и венгров, И.М. послал звать на Киевский стол дядю Вячеслава, угрожая в случае отказа пожечь его волость. Но нападение пруссов на Польшу и угроза со стороны

сильного Галицкого князя Владимира Володаревича (Владимирко) заставили союзников И.М. удалиться, и он принужден был вступить в переговоры с дядьями. При посредстве Владимира Володаревича был заключен мир, однако ненадолго: Юрий не отдал И.М. тех имений, которые обещал (Великий Новгород и Владимирскую землю). В 1150 И.М. захватил Киев. Юрий Долгорукий бежал за Днепр, а Вячеслав попытался захватить Киевский престол, но И.М. заставил дядю выехать в Вышгород. Между тем Юрий соединился с Ольговичами и Давыдовичами, а с запада на Киев двинулся Владимирко Галицкий. При таких неблагоприятных обстоятельствах И.М. задумал прикрыться правами Вячеслава на Киевский стол и послал звать дядю в Киев. Обиженный Вячеслав сначала отказался, но потом согласился разделить власть с племянником. Однако И.М. не удалось удержаться в Киеве, и он снова бежал на Волынь. Зимой 1151 И.М., получив вспомогательный отряд от венгерского короля Гезы II, снова выступил на Киев. Владимирко погнался за ним, но И.М. искусным маневром обманул его. Овладев Киевом, И.М. призвал Вячеслава. Владимирко рассердился на нерасторопность союзников и прекратил военные действия. С этого момента и до смерти И.М. дядя и племянник формально правили совместно (1151–1154), хотя все вопросы решались И.М. Юрий Долгорукий и после этого не хотел отказаться от своих прав на Киев: весной 1151 он переправился через Днепр, но при этом дважды потерпел поражение: под Киевом и на р. Руте. Во второй битве, особенно упорной, И.М. был ранен, а после боя едва не убит своим воином, не узнавшим Князя в лицо. Зато И.М. одержал полную победу: Юрий сохранил на юге только Курск, в Переяславле И.М. посадил княжить своего сына Мстислава. В 1152 И.М. в союзе с венграми разгромил галичан и заставил их просить мира, но борьба с Юрием возобновилась в том же году. Юрий осаждал в Чернигове союзника И.М. — Изяслава Давыдовича, но взять город не смог. И.М. с союзниками осадил Новгород-Северский и заставил Святослава Ольговича заключить мир. В том же году Мстислав Изяславич победил половцев на р. Самаре, а Владимирко Галицкий умер. Юрий Долгорукий остался без союзников и оказался безсилен против Киевского Князя. В 1153 И.М. нанес поражение молодому Галицкому князю Ярославу Владимировичу в сражении у Тербовля, но сам понес большие потери и, боясь не справиться с большим числом пленных в случае их бунта, велел их перебить. Кончина И.М. (1154) вызвала большое горе среди киевлян, а также сре-

ди тюркских союзников Киева — берендеев и торков. 217, 222, 223, 225, 232, 234–243, 251, 277, 278, 308, 309, 312, 436, 451

Изяслав Ярославич (в крещении Димитрий, 1024–1078) — князь Новгородский (1052–1054), Великий Князь Киевский (1054–1068, 1069–1073, 1077–78). После смерти в 1052 старшего брата Новгородского князя Владимира стал Новгородским князем и, по тогдашним династическим правилам, стал наследником киевского стола (хотя Владимир и оставил сына). 20 февраля 1054, после кончины отца, стал Великим Князем Киевским, а в Новгороде оставил князем своего сына Мстислава. Большая часть княжения И.Я. характеризуется равным участием в государственном управлении Великого Князя и его младших братьев — Черниговского князя Святослава и Переяславского Всеволода. Братья вместе предприняли пересмотр Русской Правды (приняв так называемую Правду Ярославичей), совместно принимали решения о замещении вакантных княжеских столов, а также учредили отдельные митрополии в своих княжествах. Историки называют эту систему триумvirатом Ярославичей. За эти годы было проведено несколько военных операций: отражен набег торков на Переяславль (1055), оказана военная помощь Ромейской Империи в Армении против турок-сельджуков (1057), завоеваны земли балтского племени голядь в бассейне р. Протвы (1058), состоялся поход на торков (1060) и против Всеслава Чародея, князя Полоцкого (1067). В 1068 И.Я. вместе с братьями потерпел поражение на р. Альте и был свергнут начавшимся в Киеве народным восстанием, поставившим на княжение Всеслава Полоцкого, ранее заключенного И.Я. в киевскую тюрьму. И.Я. бежал в Польшу, к своему племяннику, князю Болеславу II, и, воспользовавшись помощью польских войск, в 1069 вернулся, а впереди себя в Киев послал сына Мстислава, где тот учинил расправу над зачинщиками восстания. В 1071 Всеслав выгнал из Полоцка Святополка Изяславича и, хотя был разбит Ярополком Изяславичем у Голотического, удержал за собой Полоцк. Уже к 1073 (а всего вероятнее, и несколько раньше) «триумvirат» Ярославичей распался: младшие братья Святослав и Всеволод вступили в заговор против И.Я. В 1073 Святослав Черниговский захватил Киев, и И.Я. вновь бежал в Польшу, но на сей раз безуспешно, так как поляки заключили союз со Святославом и Всеволодом. И.Я. направился в Германию к императору Генриху IV и попросил у него помощи в борьбе против братьев, передав ему гигантские богатства; однако

император, силы которого были отвлечены внутренней борьбой в Германии, также не поддержал его. И.Я. отправил в 1075 своего сына, Волынского князя Ярополка, в Рим, где тот посетил папу Григория VII, будущего противника Генриха IV. Папа ограничился общими увещаниями в адрес русских князей. Конец скитаниям И.Я. положила внезапная кончина Святослава Ярославича 27 декабря 1076; ставший его единоличным преемником Всеволод примирился со старшим братом и вернул ему Киевское княжение, а сам удалился в Чернигов (1077). Однако уже в следующем году началась новая междоусобная война. Против дядей — И.Я. и Всеволода — восстали их племянники, сын Святослава, князь Тмутараканский Олег Святославич, претендовавший на Черниговский стол, и князь-изгой Борис Вячеславич. В битве на Нежатиной Ниве под Черниговом 3 октября 1078 коалиция Ярославичей одержала победу, Олег бежал, а Борис был убит, однако ближе к концу сражения И.Я. также погиб (неприятельский всадник ударил его копьем в плечо). Похоронен И.Я. в соборе Святой Софии в Киеве. 135, 137, 138, 140–143, 145–152, 171, 183, 184, 239, 422, 450, 476, 634

Иларион (X в.) — епископ Ростовский (991–992), второй епископ этой земли. Был избран из цареградского клира и вскоре возвратился в Царьград «не терпяще неверия и многая досаждения от» народа, не хотевшего расставаться с язычеством. Однако он все же более преуспел, чем его предместник, епископ Феодор. Он успел украсить церковь, вероятно, уже построенную к этому времени в Ростове, и у него даже была небольшая паства. И. упоминается в Житии преподобного Авраамия Ростовского, где он советуется с благоверным Великим Князем Владимиром и сыном его, благоверным князем Ростовским Борисом, после чего по греческому обычаю поставляет преподобного в архимандриты основанного им монастыря. 541, 542

Иларион (Русин, XI в.) — святитель, пятый митрополит Киевский (?–1067) и первый русского происхождения. 185, 536

Иловайский Дмитрий Иванович (1832–1920) — русский историк. Из семьи мещанина, управляющего имением графини Пален. Преподавал в гимназии в Раненбурге, потом в Москве. Защитил магистерскую диссертацию по теме «История Рязанского княжества» (1858), за которую был удостоен Уваровской премии Академии наук. Состоял адъюнктом по кафедре всеобщей истории в Мо-

сковском университете. С 1862, выйдя в отставку, занялся научной и публицистической деятельностью, а также созданием гимназических учебников. По учебникам истории И. училось несколько поколений российских гимназистов, до революции они выдержали рекордное количество переизданий. Заслуги И. были отмечены не только научным миром, но и Государем Императором. К 25-летию ученой деятельности И. был произведен в действительные статские советники (чин, равный генеральскому и дававший потомственное дворянство), что было особой монаршей милостью, поскольку историк И. практически не находился на государственной службе. После сложнейших и глубоких исследований, относящихся к вопросу о происхождении Руси, выступил решительным противником норманской теории (считал летописный эпизод с Рюриком легендарным, настаивал на южном происхождении Руси, доказывал значимую роль славян в союзе гуннов и в Великом переселении народов). После выхода Манифеста 17 октября 1905 и революционных событий 1905–1907 И. перешел от умеренно-консервативных взглядов к радикально-консервативным, вступил в ряд монархических организаций, таких, как Русское собрание, Союз Русских Людей, Союз русского народа, издавал газету правоконсервативного направления «Кремль» (1897–1916). На 50-летний юбилей научной деятельности (1908) приветственные телеграммы И. получил не только от известных ученых, коллективов научных обществ и музеев, но и от многих руководителей монархических организаций. После октябрьского переворота И. несколько раз арестовывался ЧК. 446

Илья (в схиме Иоанн, ?–1186) — святитель, архиепископ Новгородский (1165–1186). 371

Илья Муромец (по прозванию Чоботок, XII в.) — святой (память 1 января), преподобный, инок Киево-Печерской Лавры. 27

Иоаким (Аким) Корсунянин (X–XI вв.) — святитель (память в Соборе Новгородских святых — в Неделю 3-ю по Пятидесятнице и в Соборе святителей Новгородских), первый епископ Новгородский (980–1030). 53

Иоанн (XI в.) — игумен Киево-Печерский. Стал игуменом после смерти преподобного Никона, приблизительно в 1089–1097. Возглавлял в 1089 освящение монастырской церкви Богородицы. И. по-

стригал в монахи преподобного Прохора. Великий Князь Киевский Святополк Изяславич из-за обличений сослал игумена И. в Туров, но по внушению Князя Владимира Всеволодовича Мономаха через некоторое время возвратил И. в монастырь (вероятно, в 1097, во время междоусобной борьбы, вспыхнувшей после ослепления Василька Тербовольского). После И. в 1108 печерским игуменом летопись называет уже Феоктиста. 163

Иоанн II (? – после 1213) – святитель, епископ Ростовский, Суздальский и Владимирский (1190–1213). 540, 597–602

Иоанн Васильевич (Иван Грозный, 1530–1584) – Первый русский Царь, Великий Князь Московский и всея Руси (с 1533), Первый Царь всея Руси (с 1547) (кроме 1575–1576, когда «Великим Князем всея Руси» номинально был Симеон Бекбулатович). Сын Великого Князя Московского Василия Иоанновича и Елены Глинской. По отцовской линии происходил из династии благоверного Великого Князя Московского Ивана Даниловича Калиты. Бабка, Софья Палолог, – из рода Ромейских Императоров. При И.В. были завоеваны и присоединены Казанское (1552) и Астраханское (1556) ханства. В 1558–1583 велась Ливонская война за выход к Балтийскому морю. В 1572 в результате упорной многолетней борьбы был положен конец нашествиям Крымского ханства, началось присоединение Сибири (1581). Прирост территории страны составил почти 100 %, с 2,8 млн км² до 5,4 млн км². Таким образом, к завершению царствования И.В. площадь Русского государства стала больше площади всей остальной Европы. С 1549 вместе с Избранной радой (А.Ф. Адашев, митрополит Макарий, А.М. Курбский, протопоп Сильвестр) И.В. осуществил ряд реформ, направленных на централизацию государства: Земскую реформу, Губную реформу, провел преобразования в армии. В 1550 был принят новый судебник, который ужесточил правила перехода крестьян (размер пожилого был увеличен). В 1549 был созван первый Земский собор. В 1555–1556 И.В. отменил кормления и принял Уложение о службе. Он был одним из самых образованных людей своего времени, хорошим оратором, обладал феноменальной памятью, богословской эрудицией. Автор многочисленных посланий (в том числе к Курбскому, Елизавете I, Стефану Баторию, Юхану III, Василию Грязному, Яну Ходкевичу, Яну Роките, князю Полубенскому, в Кирилло-Белозерский монастырь), стихир на Сретение Владимирской иконы Божией Матери, канона Архангелу Михаилу (под

псевдонимом Парфений Уродивый). Перед смертью по традиции принял постриг с именем Иона. 99

Иоанн Всеволодович (прозвище по некоторым родословным — Каша, 1198–1247) — удельный князь Стародубский (1238–1247), младший из сыновей Великого Князя Владимирского Всеволода Юрьевича. После смерти отца принимал участие в борьбе своих старших братьев Константина и Юрия за Великокняжеский стол, держа сторону второго (1212–1213). В 1226 вместе со старшим братом Святославом возглавлял удачный поход владимирских войск на мордву. После нашествия хана Батые Великий Князь Ярослав Всеволодович дал в удел И.В. только что разоренный татарами Стародуб. В 1246 И.В. ездил с Ярославом Всеволодовичем в Орду. 607

Иордан (ок. 485 — ок. 556) — нотариус одного из готских вождей, внук и сын нотариусов, христианский историк. Родился в Нижней Мезии (Средний Дунай). Как и его дед и отец, исполнял должность секретаря у остготского (аланского) военачальника, состоявшего на службе у Восточно-Римской империи. В 538 перебрался в Южную Италию, скорее всего, в Равенну, видимо, тогда же произошло его «обращение», вероятно, из арианства, которое исповедовали большинство готов, И. перешел в католическую веру и присоединился к группе мирян, ведущих монашеский образ жизни. После того как Император Юстиниан в 540 отвоевал у остготов Равенну, И. приступил к работе, в которой значительно переработал замысел не дошедшей до нас 12-томной истории готов Кассиодора и написал главный свой труд «*De origine actibusque Getarum*» («О происхождении и деянии гетов», иногда *Getica*), в котором он сильно принизил по сравнению с кассиодоровским изложением историческое значение остготского племени и его вождей и прославлял Юстиниана. В «Гетике» И. изложил историю готов со времени их легендарного переселения из Скандинавии до падения королевства остготов и прекращения королевского рода Амалов. И. отразил настроения той части остготской знати, которая после смерти Теодориха желала соглашения с Ромейской Империей. Еще большее значение фигуре романского Императора придается в конспекте по всеобщей истории И. «*De summa temporum vel origine actibusque gentis Romanorum*» («О сумме времен, или о происхождении и деяниях римлян», иногда *Romana*). 63

К

Казакова Наталия Александровна (1915–1984) — русский историк. Ученица С.Н. Валка. В монографии «Русско-ливонские и русско-ганзейские отношения. Конец XIV – начало XVI вв.» (1975) на основе совокупности русских и иностранных источников исследуется одно из основных направлений внешней политики России в период, когда происходило объединение русских земель и было создано единое Русское государство, — прибалтийская политика России. Показаны борьба русского народа с экспансией Ливонского ордена; сношения Новгорода, Пскова, а затем Русского государства с их основным торговым контрагентом на Западе — Ганзейским союзом; усиление международных позиций России в результате создания единого государства. Прибалтийская политика России рассматривается в контексте международных отношений в Восточной Европе и на Балтике. К. написала и ряд других научных трудов, среди них: «Антифеодальные еретические движения на Руси XIV – начала XVI вв.» (в соавт. с Я.С. Лурье, 1955), «Полоцкая земля и прибалтийские племена в X – начале XIII вв.» (1971). 446

Каменевич-Рвовский Тимофей (кон. XVII в.) — иеродьякон Моложского Афанасьевского монастыря. Автор работы «О древностях российского государства» (1699), представляющей собой обширную компиляцию из летописей и других источников; ряда других сочинений, среди которых: «История греко-славянская» (1684). «История о начале славяно-российского народа» (1699), «Повесть о семи мудрецах» (1692), «Божий град» (увещательное послание к К. Истомину, написанное отчасти силлабическими стихами, отчасти прозой по поводу слуха, что Истомин желает оставить монашеское звание и жениться). Исторические компиляции К.-Р., благодаря их фактическому содержанию, представляют значительную ценность, в особенности потому, что часть документов, из которых К.-Р. черпал сведения, сгорели впоследствии во время пожаров; что же касается выводов, соображений и умозаключений К.-Р., то они в большинстве слабы, хотя сам он был очень высокого мнения именно об этой стороне своих работ, полагая, что он осветил и даже разрешил многие запутанные вопросы. В.Н. Татищев и Н.М. Карамзин упоминают о нем и пользуются цитатами из его работ. 20

Каргер Михаил Константинович (1903–1976) — историк архитектуры, археолог, доктор исторических наук, профессор, зав. кафедрой истории искусств исторического факультета Ленинградского университета (1925–1973), профессор Ленинградской академии художеств (1938–1950), руководитель группы славяно-русской археологии АН СССР (с 1957), с 1929 сотрудник, потом заведующий Ленинградским отделением Государственной академии истории материальной культуры (Институт археологии АН СССР). Участник Великой Отечественной войны. Лауреат Сталинской премии (1952) за участие в двухтомном труде «История культуры Древней Руси». Награжден орденом Ленина. Автор около 120 печатных работ. Основной круг научных интересов — памятники древнерусского зодчества крупных средневековых центров: Киева, Новгорода, Ладоги, Переяславля-Русского, Галича, Владимира-Волынского, Новогрудка, Турова, Полоцка, Витебска, Изяславля и др. 184, 373, 397

Кий (между V и IX вв.) — Князь полян, основатель Киева. Пришел на Киевские горы с братьями Щеком и Хоривом и сестрой Лыбедью. В Начальной летописи говорится, что К. ходил в Царьград и удостаивался там почестей, подобающих княжескому чину. В Новгородской летописи приход К. и братьев датируется 854. Летописец подчеркивает, что от полян взяли свое начало «кияне», и в таком значении это имя использовали древнерусские летописи. Умер К. по преданию в Киеве. 18

Климент (Клемент Смолятич, ? — после 1164) — митрополит Киевский и всея Руси (1147–1155), второй после Илариона первоиерарх русского происхождения, церковный писатель, первый русский богослов. Летопись говорит о нем: «...книжник и философ, каких в Русской земле еще не бывало». Вел аскетический образ жизни. В 1147 вступивший годом ранее на Киевский престол Князь Изяслав Мстиславич, пользуясь отъездом в Константинополь митрополита Киевского Михаила, созвал Архиерейский Собор Русской Православной Церкви, на котором шестью голосами против трех новым митрополитом был избран К. Он был выведен на митрополию из затвора, так как принял высшую степень монашества — великую схиму. Посвящение прошло в Софийском кафедральном соборе с использованием мощей «главы» св. Климента Римского. До кон. 1147 цареградский патриарший престол из-за различных политических интриг пустовал, поэтому К. не получил санкции патриарха. Стояв-

шие на стороне традиционной церковной практики Новгородский, Смоленский и Полоцкий епископы отказались признать каноничность посвящения К., к ним присоединились некоторые князья, что вызвало смуту в церковном управлении и церковно-политической жизни. По обстоятельствам политической жизни того времени особенно против него выступал князь Ростово-Суздальской земли Юрий Долгорукий. Святитель Новгородский *Нифонт* не только не участвовал в хиротонии К., но и наотрез отказался сослужить с ним и даже помянуть его имя во время богослужений, за что был вызван митрополитом в Киев и некоторое время находился под стражей в Киево-Печерском монастыре. Он был освобожден после того, как в 1149 Князь Юрий Долгорукий захватил Киев и изгнал Великого Князя Изяслава Мстиславича. К. поддерживали только в тех землях, на которые распространялась сфера влияния Великого Князя Изяслава Мстиславича. Судьба К. зависела также от результатов борьбы за Киевский стол. Он был вынужден покинуть столицу вместе с Изяславом в 1149, вернулся туда в 1151, потом оставался в Киеве до смерти Изяслава (1154) и при преемнике его Ростиславе. При вокняжении в Киеве в 1155 Князя Юрия Долгорукого из Константинополя был прислан новый митрополит, а К. был изгнан во Владимир-Волынский вместе с детьми покойного Князя Изяслава. К кон. 1150-х в Русской Церкви было два предстоятеля, каждый из которых не признавал другого, имел своих сторонников и претендовал на титул митрополита всея Руси. В последний раз К. служил в Софийском соборе примерно в течение трех месяцев, после того как в 1158 Киев оказался в руках Изяслава сына, Князя Мстислава. Попытки К. привлечь на свою сторону колеблющихся (например, его послание к Смоленскому князю Ростиславу) остались безрезультатными. После смерти митрополита Феодора (1164) Киевский Князь Ростислав Мстиславич обратился в Константинополь с ходатайством утвердить К. в качестве митрополита, однако успеха это ходатайство не имело. Автору поучений и нескольких посланий, К. принадлежат также ответы на вопросы Кирика Новгородца, сохранившиеся в изложении последнего. Считается одним из лучших представителей русской богословской школы, так как обладал широкой эрудицией, знанием языков, владел приемами риторики. 241, 246, 429, 430, 432

Ключевский Василий Осипович (1841–1911) – видный русский историк, ординарный профессор Московского университета (1882);

ординарный академик Императорской Санкт-Петербургской Академии наук (1900); председатель Императорского Общества истории и древностей российских при Московском университете, тайный советник. Сын сельского священника Осипа Васильевича Ключевского (1815–1850). Окончив историко-филологический факультет Московского университета (1865), по представлению С.М. Соловьева был оставлен при кафедре русской истории для подготовки к профессорскому званию. Среди университетских профессоров на К. особое влияние оказали С.В. Ешевский (всеобщая история), С.М. Соловьев (русская история), Ф.И. Буслаев (история древнерусской словесности). Кандидатская диссертация — «Сказания иностранцев о Московском государстве»; магистерская диссертация — «Древнерусские жития святых как исторический источник» (1871), докторская диссертация — «Боярская дума Древней Руси» (1882). После смерти С.М. Соловьева (1879) стал читать курс русской истории в Московском университете. Параллельно основному месту работы читал лекции в Московской духовной академии и на Московских женских курсах, организованных его другом В.И. Герье. В период 1887–1889 был деканом историко-филологического факультета и проректором университета. В 1893–1895 по поручению Императора Александра III читал курс русской истории Великому Князю Георгию Александровичу. Среди его учеников также был А.С. Хаханов. В 1899 вышло «Краткое пособие по русской истории», а с 1904 издавался полный курс. Всего вышло 4 тома — до времени правления Екатерины II. В 1905 К. получил официальное поручение участвовать в работе Комиссии по пересмотру законов о печати и в совещаниях по проекту учреждения Государственной думы и ее полномочий. Был избран членом Государственного Совета от Академии наук и университетов (1906), почти сразу отказался от звания, поскольку не находил участие в совете «достаточно независимым для свободного... обсуждения возникающих вопросов государственной жизни». К. являлся почетным членом Витебской ученой архивной комиссии. Похоронен на Донском кладбище в Москве. 25, 188, 189, 199, 437, 438, 521, 528, 538–543, 547, 573, 582, 583

Колчин Борис Александрович (1914–1984) — советский археолог, историк, доктор исторических наук, профессор, создатель и зав. лабораторией естественно-научных методов Института археологии АН СССР (1949–1984). Лауреат Государственной (1970) и Ле-

нинской (1984, посмертно) премий, участник Великой Отечественной войны. Ученик А.В. Арциховского. Основной круг научных интересов — археологическая металлография и дендрохронология (преимущественно по материалам Новгородской археологической экспедиции). Один из постоянных руководителей (зам. начальника) Новгородской археологической экспедиции (1947–1983), в том числе в раскопе на Ярославовом дворище. Внедрял естественно-научные методы при обработке и анализе археологического материала (металлография, спектральный анализ, дендрохронология). Автор девяти монографий и около 140 научных работ. Кандидатская диссертация — «Черная металлургия и металлообработка в Древней Руси» (1961), докторская — «Дендрохронология Новгорода». 398

Конашков Федор Андреевич (1860–1941) — известный карельский сказитель. Благодаря ему советские этнографы зафиксировали наиболее яркие и разнообразные былины и сказания Руси. Исследователи отмечали прекрасную сохранность текстов, переданных К. 60

Константин II (?–1177) — митрополит Киевский (1167–?). Первый глава Русской Церкви, получивший титул митрополита всея Руси. По происхождению был грек, поставлен на киевскую митрополию Константинопольским патриархом *Лукой Хрисовергом*. Был сторонником необходимости сохранения поста в среды и пятницы по господским праздникам, из-за чего вступил в конфликт с Печерским монастырем в Киеве, наложив на Рождество 1168, приходившееся на среду, епитимью на печерского архимандрита Поликарпа и отправив его в заточение. Эта мера вызвала такое раздражение против К., что разграбление Киева войсками Андрея Боголюбского в марте 1169 рассматривалось как божественное возмездие за «неправду митрополичью». При К. Андрей Боголюбский, основавший Владимирское княжество, предпринял первую в истории Русской Церкви попытку разделить митрополию. Он обратился к патриарху с просьбой возвести в митрополиты Владимирские своего кандидата Феодора. Однако патриарх посвятил Феодора лишь в епископы, проявив в данном случае историческую прозорливость, так как ход русской истории показал, как важно было сохранение единства Церкви в условиях феодальной раздробленности и непрерывных княжеских усобиц. Епископ Феодор, не пожелавший поставления от К., т.е. не вошедший к нему как к митрополиту в подчиненное положение, был наказан К.: по его приказанию Феодору урезали

язык, отрубили правую руку, ослепили и сослали на Песий остров в вечную ссылку. Можно предполагать, что жесткий курс К. угрожал церковно-политическим интересам Константинополя, и потому он был отозван патриархом. Преемником К. стал Никифор II. Умер К. в Греции. 561

Константин VII Багрянородный (905–959) – Ромейский Император (913–959) из Македонской династии, единственный сын Льва VI Философа и Зои Карбонопсины, дед царевны Анны, супруги равноапостольного Великого Князя Киевского Владимира Святославича. В своей политике К. выражал интересы столичного чиновничества, выступая против центробежных тенденций провинциальной знати. Активизировал военные действия против арабов. К. также известен как один из образованнейших людей эпохи, заботившийся об издании компилятивных сборников ученых трудов, автор сочинений «О фемах», «О церемониях», «Об управлении империей», являющихся важнейшими источниками для изучения истории Восточной Римской империи, Руси и других стран. Описал, в частности, визит святой Великой Княгини Ольги в Константинополь (957). Оставил краткое описание экономического и политического устройства Руси. 421, 449, 450

Константин Всеволодович (1186–1218) – святой, благоверный князь Новгородский (1205–1207), Ростовский (1207–1216), Великий Князь Владимирский (1216–1218). 323, 333, 335, 336, 351, 360, 361, 602, 604–610

Константин Добрынич (Коснятин, ? – после 1033) – посадник новгородский (1016–1030), сын посадника Добрыни, дяди благоверного Великого Князя Владимира Крестителя. Князь Новгородский, благоверный Ярослав Мудрый посадил его перед своим уходом в Новгород (1016). Воспрепятствовал побегу Князя Ярослава Владимировича в Скандинавию после поражения от Болеслава I и помог ему организовать новый поход на Киев. В 1030 попал в опалу, сидел в заточении в Муроме и был убит по приказанию Великого Князя. 75

Константин Микульчич (Коснятин, ?–1147) – боярин Неревского конца, посадник новгородский (1136–37, 1146–47), сын посадника Микулы. Был избран после смерти Мирослава Гюргятиича. Возможно, брат посадника Петрилы Микульчича (см. **Иванко**

Павлович). Оба они были близки князю Всеволоду Мстиславичу и, возможно, вызывали недовольство некоторых новгородцев. В 1137 новгородцы и псковичи тайно согласились выгнать от себя князя Святослава Ольговича и взять бывшего уже у них ранее благоверного князя Всеволода Мстиславича. К.М. с группой бояр ушел к Всеволоду Мстиславичу в Вышгород. Когда Всеволод Мстиславич пришел в Псков, некоторые новгородцы опять восстали, не желая уже иметь у себя Мстиславича, и начали грабить дома его приверженцев, в том числе и дом К.М. Его самого позже схватили и передали на суд Великому Князю Всеволоду Ольговичу (1140), но после смерти последнего он опять недолго был посадником. 286, 304

Константин Святославич (Ярослав, 1070-е – 1129) — святой, благоверный князь Черниговский, Муромский. 56, 97

Константин Серославич (Коснятин, Кснятин, XII в.) — один из видных галицких бояр. В 1157 был послан князем Галицким *Ярославом Осмомыслом* в Киев к его союзнику Великому Князю *Юрию Долгорукому*, чтобы склонить того к выдаче князя *Ивана Ростиславича Берладника*, претендента на Галицкий стол. Посольство закончилось неудачей благодаря заступничеству Киевского митрополита за *Ивана Ростиславича*. В 1170 К.С. водил галицкий полк с Великим Князем Киевским *Мстиславом Изяславичем* под Вышгород на князя *Давыда Ростиславича*. Возможно, был подкуплен князем *Давыдом*, подделал отзывную грамоту от имени своего князя и увел войско домой. Во время распри князя *Ярослава* с боярами и женой Ольгой К.С. ушел с ней в Польшу и вернулся лишь тогда, когда любовница князя, *Настасья* (виновница распри), была сожжена боярами. 494, 495

Кончак (?–1203) — половецкий хан (донских и приднепровских половцев, 1170–1203), сын хана Атрака (Отрока) и грузинской княжны, внук хана Шарукана. Совершил ряд набегов на Переяславль, разной степени успешности, а также несколько попыток похода на Киев (1174, 1179; 1183, 1184, 1185); неоднократно участвовал в русских междоусобицах на стороне одного из русских князей (1172 — первое упоминание в летописи об участии К. в междоусобных распрях на стороне князя Глеба Юрьевича; 1180 — неудачное выступление К. в союзе с Игорем Святославичем против Мономаховичей за Киевский престол). Донские половцы не только грабили и разоряли русские земли, но мешали связям Руси с Ромейской Империей и Востоком.

Под властью К. в это время находилась обширная территория – Поволжье, Посулье, Поморье; в его руках были морские порты – Сурож, Корсунь, Тмутаракань. В 1184 к походу на половцев готовится Киевский Князь Святослав Всеволодович, а в 1185 предпринимает свой поход князь Новгород-Северский Игорь Святославич (эта битва на р. Каяле описана в «Слове о полку Игореве»). После поражения Игоря, его плена и бегства К. женит оставшегося в плену сына Игоря Владимира на своей дочери Свободе Кончаковне (1187, крещена в Православие под именем Настасья). С 1187 летопись уже не упоминает о враждебных действиях К. После его смерти власть перешла к его сыну Юрию Кончаковичу, который стал свидетелем нашествия татаро-монголов, разгромивших объединение донских половцев. Вместе с русскими князьями он погиб в битве на Калке (1223). 433

Корсаков Дмитрий Александрович (1843–1919) – русский историк, доктор русской истории (1880). Действительный статский советник (с 1883), профессор (с 1881), заслуженный профессор кафедры русской истории (с 1897) и декан историко-филологического факультета Казанского университета (1900–1905), почетный член Общества археологии, истории и этнографии при Казанском университете (с 1903), член-корреспондент Петербургской Академии наук (с 1905). Редактор университетских «Записок». В магистерской диссертации «Меря и Ростовское княжество» (1872) тщательно разработал предмет, но научная критика не признала доказанным один из главных его научных выводов о самостоятельности ростовского веча. Считается, что она проявилась лишь однажды, после смерти благоверного Князя Андрея Боголюбского, по вопросу о главенстве земли во Владимирском княжестве. Докторская диссертация – «Воцарение Анны Иоанновны» (1880). Автор других работ по истории Древней Руси и Новой России, в том числе ряда статей в «Историческом вестнике». Редактировал вместе с профессором Л.З. Слонимским издание полного собрания сочинений К.Д. Кавелина. 528, 532, 547, 578, 604, 606

Коснятин – новгородское произношение имени *Константин*.

Коснячко – киевский воевода, обвиненный киевлянами в 1068 в том, что именно из-за него русские были разбиты половцами. Киевляне требовали у Изяслава оружие, чтобы продолжить битву, но,

получив отказ, устроили мятеж, закончившийся освобождением Всеслава и провозглашением его Великим Князем. Изяслав бежал из Киева за подмогой. В ходе мятежа народ пошел и на двор К., но не застал его там. Кроме этого эпизода, В.Н. Татищев пишет, что в 1146 Святослав Ольгович послал К. для заключения союза с Давыдовичами против Изяслава Мстиславича. Так как между двумя датами разница более чем в 70 лет, логично предположить, что речь идет о двух разных К. 138–140, 183

Костомаров Николай Иванович (1817–1885) — российский историк, писатель, член-корреспондент Петербургской АН (1876). Первая магистерская диссертация К. «О причинах и характере унии в Западной России» (1842) не была допущена к защите церковными властями. В 1844 защитил второй вариант магистерской диссертации — «Об историческом значении русской народной поэзии». С 1846 работал в Киевском университете. В 1859 стал профессором Петербургского университета. Первый лекционный курс — «История Южной, Западной, Северной и Восточной Руси в удельный период» — имел большой успех. В то же время в нем проявились спорные положения, вызвавшие дискуссию. В частности, К. доказывал, что Новгород Великий в удельный период является наследником «украинских демократических традиций», в то время как другие земли (и в частности, Северо-Восток) — великорусских государственных. В 1860 опубликовал свое фундаментальное исследование «Очерк домашней жизни и нравов великорусского народа в XVI и XVII столетиях». С 1862 прекратил чтение лекций в университете и занялся научной деятельностью. В 1863 были напечатаны «Севернорусские народоправства», представлявшие собой обработку одного из читанных К. в Петербургском университете курсов; в 1866 в «Вестнике Европы» появилось «Смутное время московского государства», затем «Последние годы Речи Посполитой». В нач. 1870-х К. начал работу «Об историческом значении русского песенного народного творчества». Вызванный ослаблением зрения перерыв архивных занятий в 1872 дал К. повод к составлению «Русской истории в жизнеописаниях главнейших ее деятелей». Главный упор в своих исторических трудах К. делал на исследование быта, народной психологии и духа народа, подчеркивал неразрывную связь украинского и русского народов, однако настаивал на самобытности украинской культуры, выступал в ее защиту. Был одним из первых

исследователей украинских летописей и публицистических работ XVII в. Участвовал в работе Археографической комиссии; под его редакцией (1861–1884) вышло 12 томов «Актов» по истории Малороссии и Белоруссии. Изучал народную поэзию, сам писал и публиковал стихи. Труды К. и его исторические воззрения, его понимание истории как истории народа оказали колоссальное влияние на российскую и украинскую историческую науку. Похоронен К. в Санкт-Петербурге на Литераторских мостках Волковского кладбища. 217, 224, 226, 233, 248, 296, 349, 356–358, 360, 392, 400, 455, 495, 496, 521, 532, 543, 547, 549, 571, 573

Котляр Николай Федорович (р. 1932) — украинский историк, специалист по истории феодальной Руси и русской нумизматике. Главный научный сотрудник Института истории Украины Национальной академии наук Украины, член редколлегии журнала «Древняя Русь. Вопросы медиевистики», доктор исторических наук, член-корреспондент Национальной академии наук Украины (с 1995), лауреат Государственной премии Украины (2001). Докторская диссертация — «История денежного рынка Украины IX–XVIII вв.» (1972). Первоначальная область научных интересов — история денежного обращения, рынка, счетных систем. В сер. 60-х обратился к древнерусской проблематике. Выпустил ряд работ по истории Галицко-Волынской и Древней Руси. 480, 485, 487, 490

Кривошеев Юрий Владимирович (р. 1955) — доктор исторических наук, профессор Исторического факультета Санкт-Петербургского университета, зав. кафедрой исторического регионоведения Исторического факультета СПбГУ (с 2002), член Ученого совета СПбГУ, член Ученого совета Исторического факультета СПбГУ, председатель редколлегии серии «Русская библиотека» издательства «Наука» (Санкт-Петербург). Ученик И.Я. Фроянова. Кандидатская диссертация — «Социальная борьба в Северо-Восточной Руси в XI – начале XIII вв.» (1988). Докторская диссертация — «Русь и монголы. Исследование по истории Северо-Восточной Руси XII–XIV вв.» (2000). Сфера научных интересов — история Древней и Средневековой России, историография истории России, историческая география России, история Санкт-Петербурга. 550

Куза Андрей Васильевич (1939–1989) — советский археолог, научный сотрудник Института археологии АН СССР (1962–1989), кан-

дидат исторических наук (1970), специалист по древнерусской археологии. Представитель молдавского дворянского рода, чей основоположник Александр Куза в 1862 после свержения с господарского престола нашел убежище в России. Постоянный участник Новгородской археологической экспедиции со студенческих лет. Участвовал в раскопках в Ярославской области, Любече, на Киевщине, в Белоруссии, Ираке. Автор фундаментальной концепции археологических признаков древнерусского города, а также ряда оригинальных гипотез относительно домонгольской истории Руси. Возглавлял экспедицию московских археологов по изучению уникального памятника роменской культуры — Большого Горнальского городища на р. Псел (1971–1973). Результаты этих раскопок были частично опубликованы, что позволило уточнить хронологию соответствующей эпохи в истории курского Посеймья, ее культурно-исторический облик. Был одним из создателей и руководителей Новгород-Северской экспедиции, в которой было изучено древнерусское городище Замок. Автор монографии «Малые города Древней Руси» (1989) и изданного посмертно каталога древнерусских городищ X–XIII вв. 367

Кузьмин Аполлон Григорьевич (1928–2004) — историк, публицист, общественный деятель. Доктор исторических наук, профессор исторических факультетов МГУ и МГПИ им. В.И. Ленина, зам. главного редактора журнала «Вопросы истории». Участвовал в составе рабочей группы Института истории АН СССР по публикации Полного собрания русских летописей (1960-е). Ученик М.Н. Тихомирова. Кандидатская диссертация — «Рязанское летописание» (1963), докторская — «Начальные этапы древнерусского летописания» (1971). Автор 350 научных статей и монографий, в том числе таких крупных работ, как «Рязанское летописание» (1965), «Русские летописи как источник по истории Древней Руси» (1969), «Начальные этапы древнерусского летописания» (1977), «Падение Перуна» (1988), «Славяне и Русь: Проблемы и идеи: Трехвековой спор в хрестоматийном изложении» (1998), «Начало Руси» (2001), «Источниковедение Древней Руси» (2001), «Крещение Руси» (2003), «История России с древнейших времен до 1618 года» (2004, в 2 т.). Является автором ряда концепций, связанных с изучением этногенеза славян, древнерусского летописания, «варяжской», «норманской», «русской» и «хазарской» проблем, происхождения Древнерусского го-

сударства (в которой был последовательным «антинорманистом»), Крещения Руси, проблемы «Земли» и «Власти». 45, 55, 74

Кузьмище Княгиня – верный слуга благоверного Великого Князя Владимирского Андрея Боголюбского, ставший свидетелем его убийства (1174). После трагедии он отнес тело Князя в церковь и убедил клирошан отпеть и предать своего господина погребению. Как считают некоторые историки, именно К.К. является автором наиболее полного и яркого варианта рассказа об убийстве Князя (помещен в Ипатьевской летописи). 566, 569, 570, 572

Кучкин Владимир Андреевич (р. 1933) – доктор исторических наук (1979), ведущий научный сотрудник Института истории РАН (с 1957), возглавляет Центр по истории Древней Руси Института российской истории РАН (2011). Автор многочисленных исследований по истории средневековой Руси, исторической географии, генеалогии, древнерусской литературы, наиболее значительные из них – «Повести о Михаиле Тверском: Историко-текстологическое исследование» (1974), «Формирование государственной территории Северо-Восточной Руси в X–XIV вв.» (1984), «Договорные грамоты московских князей XIV вв: внешнеполитические договоры» (2003). 96, 518, 524

Кучковичи Петр и Аким – вдохновители и организаторы заговора против благоверного Великого Князя Андрея Боголюбского (1174), в результате которого Князь был убит. Осуществление задуманного началось на именинах Петра Кучки (в полночь 29 июня, в День святых апостолов Петра и Павла), где собрались все заговорщики. 520, 521, 523, 555, 566–568

Л

Лазарь II (?–1226) – восьмой епископ Смоленский (1219–1220). Будучи еще священником, выступил на защиту преподобного *Авраамия*, который по клевете людской был изгнан из города и запрещен в священнослужении епископом Смоленским *Игнатием*. Возведенный в архиерейский сан, Л., видя многие обиды властителей церквям, притеснение вдов и сирот, оставил кафедру. 445

Лазарь Саковский – боярин, киевский тысяцкий. Был одним из тех, к кому Изяслав послал своих послов Добрынку и Радилу со-

общить о предательстве Черниговских князей. Вместе с бывшим тысяцким Улебом и с другими боярами Л. выступал на вече в Киеве в 1146 против благоверного Великого Князя Игоря Олеговича. Однако в следующем 1147 пытался предотвратить убийство Великого Князя-схимника Игоря. 238, 241

Лазарь — знатный житель Владимира-Волынського, приближенный князя Давыда, причастный к ослеплению Василька. Напав на город, князя Василько и Володарь требовали выдать Туряка, Лазаря и Василя как зачинщиков, организовавших ослепление. Собравшись на вече, горожане подвигли князя Давыда исполнить требуемое. Туряк бежал в Киев, а Л. и Василь — в Турийск, но горожане настаивали на выполнении условий осаждавших их город князей, и Давыд выдал Л. и Василя. Их повесили на заре и расстреляли воины ослепленного ранее по их наущению князя Василька. 333, 334, 481, 482

Лев Диакон (до 950 – ок. 1000) — ромейский писатель, историк, принадлежал к придворным кругам. Его хорошая осведомленность в вопросах придворной жизни и политики того времени делает Л.Д. ценным источником по истории Ромейской Империи, Болгарии и Руси (балканские войны Князя Святослава). После обучения в Константинополе Л.Д. выбрал путь религиозного служения, некоторое время находился при патриархе и к 975–980 стал придворным дьяконом. Он сопровождал Императора Василия II в его походах, в 986 чуть не погиб в бою с болгарами. Написал «Историю» в 10 книгах, описывающую события 959–976, но содержащую ряд экскурсов в прошлое и фактов из времен до 989–992, когда, скорее всего, она и была составлена. В отличие от более ранних историков и ряда современников, Л.Д. не был простым хронистом и компилятором, а старался дать событиям свою оценку и определить их причины и следствия, чему способствовал выбранный им жанр исторического повествования. Противопоставлял славные дни Никифора Фоки и Иоанна Цимисхия неудачному началу правления Василия II. Поэтому, вероятно, при его царствовании рукопись так и не вышла в свет, а ее продолжение после 976 сам автор считал преждевременным, ожидая скорого падения Василия в результате мятежей, но этого так и не случилось. Судьба Л.Д. после 996 (год, когда он выступил с известной речью, прославляющей Императора, текст которой дошел до нас) теряется. Существуют три основных версии: он скончался; он

был отправлен Василием II с дипломатической миссией в Италию; он стал митрополитом Карийским. 35, 558

Левицкий Тадеуш (Lewicki Tadeusz, 1906–1992) – польский историк-востоковед, профессор Ягеллонского университета в Кракове. Ученик видного российского и азербайджанского государственного деятеля, ученого-востоковеда Садых-бека Агабекова. Ему принадлежат публикация и разработка арабских источников по истории ибадитов (абадитов), славянских народов; издание кладов арабских монет VIII–IX вв. на территории Польши; исследования о сложении государства в Северной Польше, экономической жизни и торговых связях славян со странами Востока. 99, 109

Леон (Леонтий, ?–1171) – епископ Ростовский и Суздальский (1157–1159). Был поставлен на кафедру из игуменов суздальского Владычнего монастыря. В первый год его епископства в Ростове был сильный голод, а вскоре большой пожар, от которого сгорела соборная церковь. Летописцы говорят, что Л. был сребролюбив и «грабил попов». С 1158 Л. начал проповедовать новое учение о воздержании от мяса в Господские праздники (на Рождество Христово и Богоявление) в среду и пятницу. Учение не согласовалось с 53 правилом святых Апостол, шло вразрез с мнением по этому поводу патриарха Константинопольского Луки Хрисоверга и очень соблазняло простой народ. Л. отстаивал свои мысли пред Великим Князем Андреем Боголюбским и пред всеми людьми, но был изгнан и отправился сперва к князю Черниговскому Святославу, потом в Киев, где его заблуждения обличил владыка Феодор. Недовольный судом митрополита, Л. отправился в Грецию, где перед Императором Мануилом, в присутствии болгарского епископа Адриана и русских послов вздумал оправдывать свое дело, но был обличен Адрианом и за дерзкие речи против царя едва не погиб в реке. По возвращении из Царьграда был изгнан вторично в 1162. Скончался, по слову летописца, «але изверже душу свою». 545, 550–554

Леонтий (Леон, ? – не позже 1077) – святитель (память 23 мая – обретение мощей в 1164, к чему приурочено празднование Собора Ростово-Ярославских святых), первый епископ Ростовский и Суздальский (ок. 1051 – ок. 1077). 55, 56, 97, 116, 536, 539–542, 563, 598–602, 604

Лешков Василий Николаевич (1810–1881) — русский юрист, один из основателей учения славянофилов, профессор полицейского (общественного) права в Московском университете, редактор «Юридической Газеты» (1866–1867) и «Юридического Вестника» (1871–1880). Один из создателей и председатель (1865–1880) Московского юридического общества, гласный Московского губернского земства. Автор нескольких трудов по истории общественно-го права на Руси, в том числе книги «Русский народ и государство. История русского общественного права до XVIII в.» (1858). Был сторонником общинного самоуправления и самодеятельности, видя в них основные черты русского народа, лишь заглушенные правительственной регламентацией Петровского периода. 198

Ликург (конец IX или начало X в. до Р.Х.) — законодатель в Спарте, из царского рода. По источникам, Л. провозгласил законы (письменную их фиксацию он запрещал), заимствованные с Крита, потом связал спартанцев клятвой и умертвил себя у оракула в Дельфах, чтобы его законы не стали изменять. Сведения об этой исторической личности противоречивы, поэтому под законодательством Л. историки подразумевают общий процесс изменения общественной и частной жизни древних спартанцев на протяжении веков. По нему общество поделилось на свободных граждан (спартиатов), лично свободных (перизков) и рабов (илотов), обслуживавших земельные наделы спартиатов, общественная жизнь которых превратилась в военную организацию: обязательное участие в дружествах (подразделения войска), обеды за общим столом, суровая дисциплина в воспитании юношей и девушек. Были введены меры против роскоши. Политическое устройство учреждение герусии (совета старейшин) и апеллы (народного собрания) сильно органичивало власть родовой знати. 202

Лимонов Юрий Александрович (р. 1933) — российский историк, доктор исторических наук, профессор Ленинградского (Санкт-Петербургского) государственного педагогического института им. А.И. Герцена (1988–1997), Петербургского государственного университета (с 1990), сотрудник Санкт-Петербургского филиала Института истории РАН (1961–1993), член редколлегии альманаха «История Петербурга». Труды в области истории России, источниковедения, историографии, в том числе «Летописание Владимиро-Суздальской Руси» (1967), «Россия XV–XVII вв. глазами иностран-

цев» (1986); «Владими́ро-Суздальская Русь. Очерки социально-политической истории» (1987); «Россия XVIII в. глазами иностранцев» (1989); «Россия первой половины XIX в. глазами иностранцев» (1991). 253, 516, 522, 545, 548–550, 557, 568, 570, 581, 595

Линниченко Иван Андреевич (1857–1926) — историк, член-корреспондент Санкт-Петербургской Императорской Академии наук по историко-филологическому отделению с 1913, член-корреспондент Краковской академии наук. В 1884 защитил магистерскую диссертацию на тему: «Взаимные отношения Руси и Польши», в 1894 — докторскую диссертацию «Черты из истории сословий Юго-Западной Руси». Работал в Новороссийском университете (1884–1919), публиковал многочисленные исторические, историографические и краеведческие очерки, а также ряд работ по истории литературы. Рассматривал историю Украины как составную часть русской истории, однако избегал активно вмешиваться в полемику «сознательных украинцев» и «общерусов» вплоть до Февральской революции и последовавшего за ней всплеска украинского национализма. В 1917 полемизировал в публицистике с *М.С. Грушевским*. В советские годы Л. был объявлен «великодержавным шовинистом» и его работы не переиздавались. После увольнения из Новороссийского университета до самой смерти преподавал в Таврическом университете. 165

Лихачёв Дмитрий Сергеевич (1906–1999) — литературовед, историк древнерусской литературы и культуры, академик. Его труды заняли значительное место в отечественной медиевистике, переведены на многие языки и получили мировую известность. Окончил Петроградский университет, защитив два диплома — по романо-германской и славяно-русской филологии (1928). За участие в научном студенческом кружке был арестован (1928) и сидел в Соловецком лагере. В 1931–1932 находился на строительстве Беломорско-Балтийского канала и был освобожден как «ударник Белбалтлага с правом проживания по всей территории СССР». В 1934–1938 Л. работал в Ленинградском отделении Издательства АН СССР. Обратил на себя внимание при редактировании книги А.А. Шахматова «Обозрение русских летописных сводов» и был приглашен на работу в Отдел древнерусской литературы Пушкинского Дома, где прошел путь от младшего научного сотрудника до действительного члена Академии наук (1970). В 1941 защитил кандидатскую диссертацию «Новгород-

ские летописные своды XII в.». В осажденном фашистами Ленинграде в соавторстве с археологом М.А. Тихановой написал брошюру «Оборона древнерусских городов», которая появилась в блокадном 1942. В 1947 защитил докторскую диссертацию «Очерки по истории литературных форм летописания XI–XVI вв.». Л. создал 500 научных и около 600 публицистических трудов. Исследуя древнерусскую литературу и культуру X–XVII вв. («Национальное самосознание Древней Руси. Очерки из области русской литературы XI–XVII вв.», 1945; «Слово о полку Игореве», 1950; «Человек в литературе Древней Руси», 1958; «Культура Руси времени Андрея Рублева и Елифания Премудрого», 1962; «Поэтика древнерусской литературы», 1967, 1979, и др.), Л. одной из важнейших задач считал анализ эстетической ценности памятников словесного искусства Древней Руси, изучал особенности литературных стилей различных эпох, специфику изображения мира и человека. Занимался вопросами текстологии («Текстология», 1962) и истории древнерусского летописания («Русские летописи и их культурно-историческое значение», 1947 и др.), обосновывал необходимость комплексного изучения текстов: не только различных редакций памятников, но и личности их создателей, переписчиков, влияний историко-культурного и литературного контекста. Был председателем редколлегии серии АН СССР «Литературные памятники» (1971–1993), одним из редакторов и автором вступительных статей монументальной серии «Библиотека литературы Древней Руси», входил в редколлегии ряда научных и литературно-критических периодических изданий. Принимал непосредственное участие в сохранении и реставрации различных культурных объектов Санкт-Петербурга и пригородов. Являлся членом многих иностранных академий, дважды удостоивался Государственной премии (1952, 1969). Был награжден множеством орденов и медалей, в том числе орденом Святого Апостола Андрея Первозванного за выдающийся вклад в развитие отечественной культуры (кавалер №1, 1997). Иностранный член академий наук Болгарии, Венгрии, Академии наук и искусств Сербии. Член-корреспондент Австрийской, Американской, Британской (1976), Итальянской, Геттингенской академий. 40, 72, 91, 92, 149, 279, 480, 540, 544, 560

Лука (?–1189) — святитель (память 8 октября и 23 мая в Соборе Ростово-Ярославских святых), епископ Ростовский и Владимирский. 596, 597

Лука Хрисоверг – патриарх Константинопольский (1156–1169), в юрисдикции которого находилась Русская Церковь. Играл значительную роль в истории русско-греческих церковных взаимоотношений. С его именем связаны документ, осуждающий ересь Леон(т)а Ростовского (ок. 1162), утверждение решения благоверного Великого Князя Владимирского Андрея Боголюбского об установлении праздника Спаса 1 августа (ок. 1163), патриаршее посольство к благоверному Великому Князю Киевскому Ростиславу Мстиславичу (1164) и ходатайство перед Князем Андреем о возвращении епископской Ростовской кафедры Нестору (ок. 1168). Тексты большинства этих актов утрачены, но сохранились упоминания о них в летописях и ссылки на них. 543–546

Лука – демественник Успенского собора во Владимире (см. **Феодул**). 569

Лурье Яков Соломонович (1921–1996) – советский, российский историк, литературовед. Сын историка античности С.Я. Лурье. В 1942 защитил кандидатскую диссертацию по истории русско-английских отношений в эпоху Ивана Грозного. В 1957–1982 работал в Институте русской литературы РАН (Пушкинском Доме), в секторе древнерусской литературы. В 1962 защитил докторскую диссертацию «Идеологическая борьба в русской публицистике конца XV – начала XVI вв.». Областью его научных интересов были русское летописание, публицистика, история сюжетного повествования в древнерусской литературе; в 1980–1990-е – творчество Л.Н. Толстого, М.А. Булгакова, И. Ильфа и Е. Петрова. Среди известных работ Л. – «Антифеодальные еретические движения на Руси XIV – начала XVI вв.» (в соавт. с Н.А. Казаковой), «Общерусские летописи XIV–XV вв.» (1976), «Русские современники Возрождения. Книгописец Ефросин. Дьяк Федор Курицын» (1988) и др. 88

Лыбедь – в летописном предании и восточнославянской мифологии сестра трех братьев – родоначальников племени полян: Кия, Щека и Хорива. В отличие от своих братьев, Л. часто предстает отрицательным персонажем, однако именно ей посвящено большинство топонимов в Киеве, связанных с четырьмя легендарными основателями города. Летописный рассказ про основателей Киева называет Л. не сестрой, а дочерью князя. 18

М

Маврикий (псевдо-Маврикий) — условное имя ромейского военного историка и писателя VI – нач. VII в., автора 12-томного сочинения о военном искусстве «Стратегикон». О личности П.-М. сведений не сохранилось, и долгое время это сочинение приписывалось Ромейскому Императору Маврикию (582–602). В последующем было установлено, что оно принадлежит неизвестному автору, жившему в период правления Маврикия или несколько позже, так как им описаны и некоторые походы самого Маврикия. «Стратегикон» явился одной из первых теоретических работ по стратегии, содержащей обзор военной истории Ромейской Империи и рекомендации греческим полководцам по военному искусству. Особое внимание обращается на способы ведения войны со славянами, являвшимися в VI – нач. VII вв. сильным и опасным противником Ромейской Империи. Значительный интерес представляют содержащиеся в труде П.-М. сведения о военной организации, тактике, быте, нравах и обычаях древних славян. 32

Мавродин Владимир Васильевич (1908–1987) — советский историк, профессор исторического факультета ЛГУ. Окончил историческое отделение историко-лингвистического факультета ЛГУ (1930). В 1933 защитил кандидатскую диссертацию «К вопросу о крупном барщинном хозяйстве в XVII в.», но как раз в это время перестали присуждаться ученые степени, и М. стал кандидатом исторических наук только в 1938. На историческом факультете ЛГУ работал с момента его основания до конца жизни. С 1940 доктор исторических наук (к защите была представлена опубликованная монография «Очерки истории Левобережной Украины»). Основные научные труды М. относятся к ранней истории Древней Руси, к становлению русских как нации и к истории России в феодальную эпоху: «Образование Древнерусского государства» (1945); «Древняя Русь (Происхождение русского народа и образование Киевского государства)» (1946); «Народные восстания в Древней Руси XI–XIII вв.» (1961); «Советская историография Древнерусского государства» (1967); «Образование Древнерусского государства и формирование древнерусской народности» (1971) и др. Был ярким противником норманнской теории возникновения Древнерусского государства. Проводил исследования исторических источников, относящихся к Ледовому побоищу, к Куликовской битве, к борьбе за невские берега, прово-

дившейся Иваном Грозным и Петром I, к подавлению восстания под предводительством Е. Пугачева и т.д. Изучал историю Российского флота и историю русского огнестрельного оружия. 73, 117, 135, 140, 149, 166, 171, 191, 236, 250, 251, 279, 283, 298, 333, 342, 486, 487, 490, 491, 499

Маджак — царь славянского племени Валинана, которое одни историки (украинские) отождествляют с Волянью, другие — с антами или аланами. Само имя Маджак многие ученые считают искаженным словом «бож» (вождь). По сообщениям арабского историка, Масуди, власть М. признавали в X в. много славянских племен. 24

Мал (Нискин, Нискиня, ?–946) — древлянский князь, возглавивший сопротивление великокняжеской власти, когда был убит Князь Игорь (945). Старейшинами своего рода был неудачно посватан к вдове Игоря, благоверной Великой Княгине Ольге. Войска Княгини Ольги в 946, разоряя Древлянскую землю, подошли к Искоростеню, где укрылся М. Город был взят, о судьбе самого М. в «Повести временных лет» ничего не сказано, однако историки полагают, что его убили. Есть устойчивая версия, что он был взят в почетный плен и дожил свои дни в Любече. С именем М. связывают название древлянского города Малин. Некоторые историки полагают, что детьми М. могли быть Малуша, ключница княгини Ольги (мать Князя Владимира Святого), и Добрыня Никитич (его воевода). 34, 36–38, 45, 48

Мануил I Комнин (1118–1180) — Император Ромейский (1143–1180). Сын Иоанна II и венгерской княжны Пирошки. В правление М. I Восточная Римская Империя оказалась вместе с другими странами Средиземноморья на перепутье истории. М. I стал последним представителем Комниновского возрождения, он продолжал политику отца и деда в восстановлении военной и финансовой мощи страны, пытался вернуть славу империи, какой она была при Императоре Юстиниане. М. I своими активными действиями оказывал влияние на политику Западной Европы, Восточного Средиземноморья, Балкан и Азии. Греки прозвали М. I «Великим» и относились к нему с большой преданностью. В латинском мире М. I назывался «благословенным Императором Константинополя» за помощь крестоносцам. Несмотря на серию крупных военных удач и положительную стабильность внутренней политики в начале правления М. I, Ромейская Империя к его концу стала клониться к упадку в военном

и экономическом отношении, а после его смерти испытала кризис. М.І стремился привлечь русских князей на свою сторону, например, в конфликтах с Венгрией, сам оказывал им свою поддержку. Князь Ростово-Суздальский Юрий Долгорукий был союзником Мануила (*symmachos*), а князь Галицкий Владимир Володаревич считался вассалом базилевса (*hypospondos*), его сын Ярослав, поддерживая вначале венгров, принимал у себя в 1164—1165 опального двоюродного брата М.І Андроника Комнина. Позже князь Галицкий Ярослав помог Ромейскому царству своим участием в войне с половцами и отчасти с венграми. С Князем Киевским Ростиславом был заключен договор о выставлении для нужд империи воинского отряда. М.І был очень популярен на Руси, память о нем сохранилась в летописях и сказаниях. По одному сообщению, известно, например, что 1 апреля 1164 Великий Князь Владимирский Андрей Боголюбский победил болгар, и в этот же день М.І совершил победоносный поход на сарацин. Узнав о таком совпадении, правители решили установить церковное празднование этой даты — Всемиловитому Спасу. В Великом Новгороде базилевс стал героем сказания «О чудном видении Спасова образа Мануилу, царю греческому». Согласно ему, икона новгородского Софийского собора Спас на престоле была написана самим М.І и явила ему чудо: он был наказан ранами от иконы за то, что он сам строго наказал священника. М.І был мужественным, физически крепким, организовывал и принимал участие в рыцарских турнирах, был простым в обращении и обладал веселым нравом и острым умом, имел литературное образование, авторитетно принимал участие в философских диспутах и в догматических спорах. К концу жизни Император охладил к политике и увлекся астрологией. Перед смертью принял схиму. 551

Мануил Ягольчевич (Яглечевич) — делегат от новгородцев к князю Ярославу Всеволодовичу. 358

Мартышин Орест Владимирович (р. 1937) — доктор юридических наук, профессор кафедры теории государства и права Московской государственной юридической академии им. О.Е. Кутафина. Автор более 100 научных работ, в том числе девяти книг, среди которых «Политические взгляды М.К. Ганди», «Политические взгляды Дж. Неру», «Вольный Новгород». Под его редакцией были изданы учебники «История политических и правовых учений», «Теория государства и права». 274, 354

Масуди (аль-Масуди) Абу-ль-Хасан Али ибн аль-Хусейн аль-Масуди (ок. 896–956) — арабский историк, географ и путешественник, посетил многие страны Старого Света: всю Переднюю и Среднюю Азию, Кавказ и Восточную Европу, Северную и Восточную Африку. Не ограничиваясь личными наблюдениями, собрал громадный опросный материал и широко использовал труды более ранних авторов. Его называли «Арабский Геродот», так как он был первым арабским историком, объединившим исторические и географические наблюдения в крупномасштабную общую работу. Наиболее известен исторической работой в 30 т. под названием «Золотые копи и россыпи самоцветов» (в устаревшем варианте перевода — «Золотые луга»). Незадолго до смерти закончил второе дошедшее до нас сочинение «Книга указания и наблюдения», где исправил и уточнил информацию, изложенную ранее. Оба произведения содержат как важные исторические подробности, так и изложения фантастических легенд и преданий. М. упоминает в своих работах Древнюю Русь и Хазарию, его работы являются важным источником по истории этих стран. 24, 25

Матвей Душильчевич (Матей Душильцевич, XII–XIII вв.) — боярин, чей брат был главным поджигателем новгородского мятежа 1218; сам Матвей стал одной из причин вспыхнувшей смуты: он был схвачен и отдан в руки князю, однако близкие М. пустили слух, что князю его выдал сам посадник. Часть новгородцев восстала против посадника. М. выпустили, но мятеж уже разгорелся. Была сеча, в которой погиб и брат М. Когда через несколько дней все успокоилось, князь Святослав попытался отнять посадничество у Твердислава, но новгородцы не согласились, и князь уступил. 362, 363, 366, 370

Матей Шибутович — один из доверенных людей князя Мстислава, ростовский боярин, воспрепятствовавший после смерти Владимирского Князя Михалки примирению князя Мстислава с Князем Всеволодом на правах общего владения Суздалем. Состоялась Первая Липицкая битва (27 июня 1177), Мстислав был разбит и бежал через Ростов в Новгород, а оттуда, не принятый новгородцами, в Рязань, М. был убит, Всеволод принял всю полноту власти. 607

Мельников-Печерский Павел Иванович (псевд. Андрей Печерский, 1818–1883) — выдающийся беллетрист-этнограф. Интересовался историей, был допущен к архивам, изучал старообрядческие

предания и легенды, интересовался бытом старообрядцев. В.И. Даль называл М.-П. «первостепенным знатоком русского быта». В произведениях М.-П. нарисованы яркие и красочные типы купцов, чиновников и т.п. Лучшим его произведением считается романная дилогия «В лесах» и «На горах». Она повествует о старообрядческом Заволжье сер. XIX в., обычаях местного населения, скитах и тайных сектах, заготовке леса, старообрядческих обычаях и верованиях, специфике быта, хлебной торговле, монастырских нравах, поверьях, легендах. В центре романов жизнь нескольких купеческих семей в переломный исторический момент, когда торговое сословие обрело в русском обществе реальную силу. Последние главы романа диктовал жене, уже будучи тяжело больным. 104, 106

Микита Петрович (Петрилович) — новгородский тысяцкий, которого избрали в 1230 одновременно с новым посадником Степаном Твердиславичем после восстания новгородцев против посадника Внесда Водовика и тысяцкого Бориса Негочевича, которые бежали в Чернигов. 411

Микифор Кыянин — см. **Никифор Киевлянин**. 183

Микифор Щитник (Никифор Тудорович?) — представитель верхушки новгородского посада, приставленный к возвращенному на кафедру владыке Антонию (вместе с Якуном Моисеевичем). Как полагают ученые, слово «щитник» может указывать на принадлежность к ремесленным кругам новгородского общества. Судя по всему, на Якуна Моисеевича и М.Щ. возлагалась обязанность изыскания средств для снабжения нуждающихся продовольствием. 381, 401, 403, 404

Микула Чудин (Чюдин) — боярин, вышгородский тысяцкий (1072), дружинник князя Черниговского Святослава Ярославича, боярин Великого Князя Киевского Изяслава Ярославича, брат слуги Великого Князя Туки, возможно, отец киевского боярина Иванки Чудиновича, боярина князя Черниговского Олега Святославича. Упоминается в списке Краткой редакции как участник составления Правды Ярославичей. 183

Микула — священник, глава капитулы Владимирского Успенского собора, духовник Князя Андрея Боголюбского. Когда во Владимире начались грабежи, М. смог остановить их, обходя город с иконой

Пресвятой Богородицы. Возглавлял торжественную встречу владимирским духовенством тела убитого Князя Андрея. 566

Миронег (кон. XII в.) — первый выбранный новгородским вечем тысяцкий. 281

Мирослав Порятинич (Яков, ?–1136) — новгородский боярин, псковский (1132) и новгородский посадник (1135–1136). На псковское посадничество был выбран новгородским вечем (при участии псковичей). Единственный из известных псковских посадников, присланных из Новгорода. Возможно, ему принадлежала булла с изображением св. Иакова. 275, 276

Мирослав Нездинич (Мирошка Незнанич, ?–1204) — новгородский посадник (1189–1204), сын бирича Несды, убитого с посадником Захарием Яковлевичем на вече (1167), отец посадника Дмитра Мирошкинича. Его брат Внесд восстановил церковь Образа Нерукотворного на Добрыне-улице (1191). Возглавлял посольство с *Борисом Жирославичем* и боярами Фомой и Иваном к Великому Князю Владимирскому Всеволоду Юрьевичу (1195) с просьбой вывести из Новгорода князя Ярослава Владимировича; в результате был задержан Великим Князем в темнице во Владимире до 1198. В 1199 погребал владыку Мартирия, с которым был вызван к Великому Князю. При участии М.Н. на совете у Великого Князя Всеволода было принято решение поставить Святослава Всеволодовича на княжение в Новгород, архиепископом был избран Митрофан (1199). В 1201 при отражении набега Литвы на Ловати, в числе 15-ти новгородцев погиб сын М.Н. Лука. Принял схиму перед смертью, передав посадничество Михалке Степановичу. Погребен в Георгиевском соборе Юрьева монастыря. В период смуты в 1207 его двор был сожжен. Имя М.Н. фигурирует на Договорной грамоте Новгорода с Готским берегом и немецкими городами (1191–92). 266, 328, 329, 331–333, 336

Мирослав — посадник новгородский. Из знатного боярского рода Мирошкиничей, родоначальником которого считают того Мирослава, которого в 1132 новгородцы послали посадником в Псков. Возможно, что устав благоверного князя Всеволода, упоминающий о бириче Мирошке, говорит о том же лице. М. в Уставе церкви Ивана Предтечи на Опоках назван уже как посадник. В 1135 М. отпра-

вился мирить киевлян с черниговцами, но его попытка окончилась неудачей. М. умер в том же году. 216, 301

Мирослав — основатель богатого боярского рода в Киеве. Его внук Ивор Гюргевич был арестован в числе прочих сторонников Ольговичей при вокняжении в Киеве Изяслава Мстиславича. Известно о М. мало. В летописи сказано, что в 1134 была принесена доска от Гроба Господня, за которой послал М. М. может быть отождествлен с Мирославом, названным в Пространной Русской Правде, как участник совещания на Берестове перед вступлением Владимира Мономаха в Киев. В Ипатьевской летописи под 1146 упоминаются Мирослав Андреевич и Мирослав Хилич-внук, однако они жили почти одновременно с Ивором Гюргевичем и поэтому не могут быть приняты за его деда. 183

Мироска (? – нач. XIII в.) — новгородский посадник, похороненный в Юрьеве монастыре. Детями М. были знаменитые в новгородской истории Мирошкиничи, Дмитр и Борис. Дмитр сделался посадником вскоре после смерти отца. Борис так властно распоряжался в Новгороде, что велел одного новгородца убить на Ярославле дворе. В 1209 произошло новгородское восстание, на котором было постановлено отстранить Мирошкиничей от власти. Гробницы Мирошкиничей были открыты под полами большого собора в Юрьеве монастыре, где находилась их родовая усыпальница.

Мироска Нездинич — см. **Мирослав Нездинич**.

Митрофан (?–1223) — архиепископ новгородский (1201–1211, 1220–1223). Был избран на новгородскую кафедру вопреки новгородскому обычаю, без веча, волей Великого Князя Владимирского Всеволода Юрьевича, хиротонисан Киевским митрополитом Никифором II (1201). В 1211 в Новгород прибыл Князь Мстислав Удатной, который отправил М. в Торопец как ставленника Владимирского Князя. М. вернулся по уходе князя Мстислава из Новгорода (1218) и жил в Благовещенском монастыре; новгородским владыкой стал Антоний. Когда последний ушел в Торжок, новгородцы снова провозгласили М. владыкой. Потом оба владыки были посланы в Киев на суд митрополита для восстановления единоначалия архиерейской кафедры. Митрополит Матфей прислал в Новгород М. (1220). 348–350, 368, 374, 378, 399, 400

Михаил I (?–992/998) — святитель (память 15 июня в день преставления и 30 сентября — на перенесение мощей), первый митрополит Киевский. 220

Михаил Всеволодович (1179–1246) — святой мученик, благоверный князь Переяславский (1206), Новгородский (1224, 1229), Черниговский (1223–1246), Галицкий (1235–1239), Великий Князь Киевский (1238–1239, 1241–1243). 381, 383, 384, 400, 405–410

Михаил Константинович Муромский (XII в.) — святой мученик (память 21 мая и в Соборе Владимирских святых), благоверный князь. 97

Михаил — помощник Владимира Мстиславича, защищавшего Князя-схимника Игоря Ольговича. В ходе избиения, как сообщает летописец, с М. сорвали крест с цепями, в котором была гривна злата. 241

Михалка Степанович (?–1205) — боярин Прусского конца, новгородский посадник (1176–77, 1180–84, 1186–89, 1204), первое посадничество принял от Завида Неревинича. Построил деревянную церковь Михаила Архангела на Прусской улице. Последний раз — после смерти *Мирошки Нездича*. Лишился власти при сыне Великого Князя Всеволода Юрьевича Князе Константине. Перед смертью принял схиму с именем Митрофан и погребен в Аркадиевом Успенском монастыре. В 1219 сыновья М.С. обновили церковь Михаила Архангела, пристроив придел Трех отроков. 326, 328, 329, 332, 333

Михалко Юрьевич (Михаил ?–1176) — благоверный князь Торчешский (сер. 60-х 1173), Великий Князь Владимирский (1175–1176). 519, 523, 525, 526, 546, 577–581, 583–588, 596

Монгайт Александр Львович (1915–1974) — советский археолог и историк Рязани, академик, доктор исторических наук. Автор свыше 100 научных работ и публикаций по славяно-русской археологии, а также по общеоархеологическим проблемам и методам археологических исследований. Учебники М. по археологии Западной Европы с 1970-х и до настоящего времени используются ведущими вузами России как пособия по основам археологии. В течение ряда лет проводил археологические раскопки в Рязани. Изучал вопросы древнерусской архитектуры. 98, 99, 109

Мстислав Андреевич (?–1173) — сын благоверного Великого Князя Владимирского Андрея Боголюбского, талантливый полководец. В 1169 руководил организованным Князем Андреем походом против Великого Князя Киевского Мстислава Изяславича. Поход был успешен, Киев был взят и сожжен, Князь Андрей с М.А. посадили там брата Андрея, Глеба Юрьевича. В 1170 Князь Андрей послал сына на Новгород против сына Мстислава Изяславича, князя Романа, но войска М.А. не смогли взять город, потеряли много людей и отступили (битва новгородцев с суздальцами). Однако Князь Андрей вскоре добился покорности новгородцев, установив торговую блокаду и оставив Новгород без хлеба. В 1172 М.А. начальствовал над войсками отца в походе вместе с муромскими и рязанскими союзниками на волжских болгар. Не дождавшись воеводы Бориса Жидиславича, М.А. пошел на болгар с малыми силами и едва не потерпел катастрофу. Поход не принес результатов. М.А. был похоронен в Богородичной церкви во Владимире. 533, 534

Мстислав Владимирович Великий (в крещении Феодор, 1076–1132) — святой, благоверный князь Новгородский (1088–1093, 1095–1117), Ростовский (1093–1095), Белгородский (1117–1125), Великий Князь Киевский (1125–1132). 241, 270, 272–275, 277, 281, 312, 424, 426, 451, 454, 456

Мстислав Владимирович Храбрый (в крещении Константин, ?–1036) — князь Тмутараканский (988–1036) и Черниговский (1023–1036), сын Великого Князя Киевского Владимира Святославича и полоцкой княжны Рогнеды. В 1016 боролся с хазарами, в 1022 покорил касогов и наложил на них дань. В честь этой победы и в честь Богородицы, которую князь молил о помощи перед битвой, М.В. заложил каменный храм в своей столице, следы которого были выявлены при раскопках. В 1023 М.В. закрепился в Черниговской земле. В 1024 брат М.В., Киевский Князь Ярослав, попытался изгнать его из Черниговской земли, однако потерпел поражение. В 1026 М.В. заключил мир с Ярославом, по которому к его владениям отошли русские земли, расположенные по левому берегу Днепра с центром в Чернигове. В 1031 М.В. вместе с Ярославом совершил поход на Польшу, откуда привел много пленных. М.В. погиб на охоте и был похоронен в недостроенном Спасском соборе. После смерти М.В. его земельные владения вновь вошли в состав Древнерусского государства. 36, 55, 548

Мстислав Давыдович (в крещении Борис, ?–1189) — князь Новгородский (1184–87), сын князя Смоленского Давыда Ростиславича. На Новгородский престол был посажен отцом, после того как новгородцы обратились к Давыду Ростиславичу, изгнав своего князя Ярослава Владимировича. М.Д. водил новгородцев к Полоцку, который сильно заботил Смоленского князя, но был заключен мир (1184). Когда новгородцы примирились с Великим Князем Всеволодом Юрьевичем и снова приняли его двоюродного племянника, М.Д. уехал в Смоленскую землю, откуда был отослан отцом в «Русскую землю» — на княжение в Вышгород. 326–329

Мстислав Данилович (? – после 1292) — князь Луцкий (1264 – после 1292), Волынский (1288 – после 1292), сын Даниила Галицкого. В 1273 М.Д. вместе со старшим братом Львом Галицким возглавлял поход в помощь Болеславу Стыдливому, в то время как Владимир Василькович Волынский противостоял ятвягам. По возвращении из польского похода князья послали войска во главе с воеводами в поход на ятвягов, который был успешным. В галицко-волыньско-ордынском походе на Литву зимой 1274–1275 М.Д. действовал в Полесье, в походе 1277–1278 часть луцких и галицких сил потерпела частное поражение под Волковыском. Русским князьям пришлось удовольствоваться возвратом пленных и покинуть литовские владения. В 1280 по инициативе Льва Даниловича был проведен совместный с ордынцами Ногай поход под Сандомир. Волыньские князья участвовали в походе подневольно (согласно русской летописи), их войска вели себя пассивно, галицкое войско при попытке развить наступление на Краков было разбито под Гослицами. В 1285 М.Д. участвовал в галицко-ордынском походе в Венгрию с Ногаем и Тула-Бугой, в 1286 — с Тула-Бугой под Сандомир, в 1287 — с Тула-Бугой и Алгумом также в Польшу. В 1288 унаследовал Владимир-Волыньский и Берестье по смерти Владимира Васильковича. Лев был недоволен завещанием своего двоюродного брата, и его сын Юрий даже на некоторое время занял Берестье. В 1289 М.Д. получил от литовских князей Будикида и Будивида Волковыск, в том же году помог Конраду Мазовецкому захватить Сандомир. М.Д. умер без наследников, Волыньским князем по его смерти стал Юрий Львович. 338

Мстислав Изяславич (в крещении Феодор, ок. 1125/1126 – 1170) — князь Волыньский и Великий Князь Киевский, сын Изяслава Мстиславича. В 1146 помог отцу отнять Киев у Северского князя

Игоря Ольговича. Тогда же Изяслав посадил его в Переяславле-Южном. Участвовал почти во всех войнах своего отца с Юрием Долгоруким. В 1153 дважды победил половцев — на берегах р. Орели и Псёла. После смерти отца (1154) М.И. вместе с дядей Ростиславом, занявшим киевский престол, и Святославом Всеволодовичем, племянником Северского князя, выступил против Изяслава Давыдовича Черниговского, также претендовавшего на Киев. Но на помощь к Изяславу пришли Глеб Юрьевич и половцы, и Ростислав отрекся от Киева за себя и от Переяславля за племянника, что вызвало негодование М.И. и отвод им войск. Половцы нанесли удар по войскам союзников и взяли много пленных, в том числе Святослава Всеволодовича (позже вызволенного из плена Изяславом Давыдовичем). После этого М.И. некоторое время княжил в Луцке на Волыни. В 1155, осажденный Юрием в Луцке, удалился в Польшу, но в следующем году появился с новыми войсками в Волынской земле, выгнал оттуда своего дядю Владимира, вступил в коалицию с дядей Ростиславом Смоленским и Изяславом Черниговским против Юрия. В это время (1157) Юрий скончался; Киевский стол занял Изяслав Давыдович Черниговский, и М.И. вернулся на Волынь. Но уже в кон. 1158 у М.И. и Ростислава произошел разрыв с Изяславом, и они вступили в союз с Ярославом Галицким (Изяслав поддержал претензии на Галицкий престол двоюродного брата Ярослава, Ивана Берладника). К союзу присоединился двоюродный брат Изяслава Святослав Ольгович, который после перехода Изяслава в Киев занял Чернигов. Несколько лет Изяслав с помощью половцев и Северского князя Святослава Всеволодовича боролся за Киев и Чернигов, но безуспешно. М.И. с галицкой помощью дважды изгонял из Киева Изяслава, однако оба раза уступал престол старшему в роду Мстиславичей, своему дяде Ростиславу. За это М.И. получил от него надел в Киевской земле с городами Белгород, Треполь и Торческ, обязавшись за это защищать Юг Руси от набегов половцев. Хотя титул Волынских князей уже фактически закрепился за его родом, М.И. стремился занять Киевский престол. По лествичному праву, М.И. имел меньше прав на престол, чем Изяслав Давыдович, Андрей Боголюбский и Ростислав, но зато был любим киевлянами. В первый раз киевляне призвали его на Великое княжение в 1167, после смерти Ростислава Мстиславича. М.И. пришлось согласиться с присутствием в Киевской земле владений могущественного клана Ростиславичей: Рюрик Ростиславич удержал Овруч (Вручий), а Мстислав Ростиславич — Вышгород, ко-

торые в 1169 выступили против него при поддержке владимирских войск. Владимир Мстиславич, дядя М.И., организовал заговор, привлёк на свою сторону черных клобуков, но был разбит М.И. под Вышгородом. Весной 1168 М.И. предпринял большой поход против половцев, нанес им тяжелое поражение на берегу р. Орели, освободил многих русских пленных. Эта победа прославила М.И. и привела к тому, что новгородцы в том же году изгнали князя Святослава Ростиславича и попросили у М.И. на княжение его сына Романа Мстиславича. Однако такое резкое усиление обеспокоило Северских и Суздальских князей. В 1169 Андрей Боголюбский собрал против М.И. грандиозное войско во главе со своим сыном Мстиславом, в которое вошло большинство русских князей. Несмотря на то что поход не поддержали Черниговский князь Святослав Всеволодович и Галицкий князь Ярослав Владимирович, М.И. не смог удержать Киев (март 1169) и удалился на Волынь, оставив семью в руках неприятелей. Киевским Князем стал не сам Андрей Боголюбский, а его младший брат Глеб Переяславский. С года смерти Андрея Боголюбского (1174) Князья Владимира-на-Клязьме начали именоваться Великими. Киевляне не желали примириться с новым порядком. Зная об их настроениях, М.И. в марте 1170 с луцкими, галицкими, туровскими и городенскими полками вошел в Киевскую землю, занял Поросье и вступил в Киев, жители которого без боя открыли ворота любимому Князю. Глеб Юрьевич бежал к половцам и привел от них войско. Тем временем союзники, начиная с галичан, покинули М.И., и в апреле 1170 он был снова вынужден оставить Киев и уехать на Волынь. В августе того же года М.И. умер от болезни во Владимире-Волынском. 224, 316, 533

Мстислав Изяславич — князь Новгородский (1054–1067), Полоцкий (1069), сын Изяслава Ярославича. В 1054, после кончины Ярослава Мудрого, его отец, Новгородский князь Изяслав, стал Великим Князем Киевским, а в Новгороде оставил князем М.И. Полоцкий князь Всеслав Брючиславич в 1067 на берегу р. Черехи разбил войско князя М.И. и занял Новгород. М.И. бежал в Киев к отцу. В 1069 Изяслав, вернувшись из Польши, послал М.И. впереди себя в Киев, где М.И. учинил расправу над зачинщиками восстания, причем виновников изгнания отца перебил либо ослепил. 147, 148, 451

Мстислав Мстиславич (Удатный, в крещении Феодор, ?–1228) — благоверный князь Трипольский (1193–1203), Торопецкий (1206–

1213), Новгородский (1210–1215, 1216–1218), Великий Князь Галицкий (1215–1216, 1219–1226), Торческий (1203–1207, 1226–1228). 348–256, 358, 360, 361

Мстислав Романович (Старый, в крещении Борис, ?–1223) — князь Псковский (с 1179), Белгородский (1206), Смоленский (1197–1214), Великий Князь Киевский (1214–1223). Сын Романа Ростиславича и дочери Святослава Ольговича; происходил из смоленской ветви Мономаховичей. В 1177 со своими дядей Рюриком Ростиславичем и старшим братом Ярополком потерпел поражение от половцев в битве у Ростовца. В 1178 отец послал его на помощь Витебскому князю Всеславу Васильковичу против Мстислава Ростиславича Храброго. Роман, будучи старшим в роду Смоленских князей, таким образом блокировал инициативу М.Р. и новгородцев развязать войну. Около 1178 сел на княжение в Псков. В 1183 и 1184 М.Р. участвовал в походах против половцев (второй поход — против Кончака). В 1195, когда Ольговичи организовали поход на Витебск и по пути стали разорять Смоленские земли, М.Р. был послан своим дядей Давыдом во главе смоленского войска против черниговцев. Удар смолян имел успех (погиб сын Олега Святославича Стародубского Давыд), но в тыл полку М.Р. ударили союзные черниговцам половецкие, и битва была проиграна, М.Р. попал в плен. Узнав о его пленении, Всеволод Юрьевич Большое Гнездо потребовал у Ярослава Всеволодовича Черниговского его освобождения, тот без выкупа отпустил М.Р. к Великому Князю Рюрику Ростиславичу. В 1197 по смерти Давыда Ростиславича М.Р. унаследовал Смоленск. В 1214 его двоюродный брат Мстислав Мстиславич, княживший в Новгороде, посадил М.Р. в Киеве, а сам на протяжении последующих лет утвердился в Галиче. Оба Мстислава организовали совещание русских князей в Киеве перед первым походом на монголо-татар. В основной части битвы на Калке не участвовал, оставаясь на правом берегу реки в укрепленном лагере. Через три дня был взят в плен и убит: татары, связав его и его соратников, положили их под дощатый помост, на котором сели обедать. М.Р. и его соратники были раздавлены. 436

Мстислав Ростиславич (Храбрый, в крещении Георгий, ?–1180) — святой (память 27 июня, а также в дни русских и новгородских святых: во 2-ю и 3-ю неделю по Пятидесятнице), благоверный князь Белгородский (1162–?), Смоленский (1175), Новгородский (1179–1180). 436, 559

Мстислав Ростиславич Безокий (?–1178) — князь Новгородский (1160, 1175–1176, 1177–1178), Городец-Остерский (1169–1171), Ростовский (1175–1176), старший сын Ростислава Юрьевича и старший внук Юрия Долгорукого. В 1160 Владимирский Князь Андрей Боголюбский отправил племянника на княжение в Новгород Великий, где тот просидел почти год, затем ушел в Ростовско-Суздальскую землю. В 1161 Андрей Боголюбский выгнал его и других Ростиславичей из пределов Руси. Они оказались в Ромейской Империи, где М.Р. управлял Аскаланской областью в Палестине. Около 1169 вернулся и сел в Треполье. В том же году Смоленские Ростиславичи выгнали М.Р. из Треполья, и он ушел к другому дяде, Михалко Юрьевичу, севшему тогда же в Переяславле-Южном. Дядя, однако, не принял его, и М.Р. ушел в Черниговскую землю. После убийства Андрея Боголюбского ростовское боярство пригласило М.Р. к себе на княжение. Кроме Ростова, он получил Переяславль-Залесский и другие города. Его дяди — Михалко и Всеволод Юрьевичи — выгнали М.Р. из Северо-Восточной Руси (1175), и тогда он ушел княжить в Новгород Великий. После смерти Михалко (1176) М.Р. организовал поход ростовцев против Всеволода Большое Гнездо и попытался занять Владимир, но потерпел поражение и бежал в Новгород, однако новгородцы не приняли его, и он отправился в Рязань. В 1177 рязанское войско было разгромлено, М.Р. и его брат Ярополк взяты в плен и ослеплены. Зимой 1177/78 новгородцы пригласили М.Р. к себе на княжение, где он и умер. 315, 324, 325, 577–580, 587–596

Мстислав Юрьевич (? – после 1161) — князь Пересопницкий (1150), Новгородский (1156–1157), сын Юрия Долгорукого. После первого захвата Киева Юрием Долгоруким был назначен его наместником в Пересопнице — удельном центре на Волыни, принадлежавшей противнику Юрия Изяславу Мстиславичу. После окончательного утверждения Юрия в Киеве (1155) М.Ю. стал представителем своего отца в Новгороде Великом. После смерти отца (1157) М.Ю. вместе с большинством братьев уехал на север, а в 1161 был выслан Андреем в Константинополь, где и умер. 268, 309–312, 315

Муравьева Людмила Леонидовна (р. 1928) — российский историк, источниковед, ведущий научный сотрудник Института российской истории РАН (с 1976). Автор ряда работ по истории русского летописания, в том числе: «Летописание Северо-Восточной Руси

конца XIII – начала XV вв.» (1983); «Московское летописание второй половины XIV – начала XV вв.» (1991) и др. 90

Н

Насонов Арсений Николаевич (1898–1965) — русский советский историк, археограф, источниковед, историко-географ, доктор исторических наук. Автор ряда трудов по исторической географии и истории монголо-татарского ига на Руси, в том числе: «Монголы и Русь: История татарской политики на Руси» (1940); «Русская земля и образование территории Древнерусского государства: Историко-географическое исследование» (1951); «История русского летописания XI – начала XVIII вв.: Очерки и исследования» (1969) и др. Н. были исследованы и опубликованы Псковские летописи, изданы Новгородская Первая летопись, Никаноровская летопись и др. Огромная работа была проделана Н. по обследованию рукописей, содержащих летописные тексты (выявил более 1000 таких рукописей). В работе «Русская земля и образование территории Древнерусского государства» (1951) впервые был прослежен процесс роста государственной территории средневековой Руси и показаны социальные сдвиги, которые обусловили этот процесс. 70, 71, 75, 76, 367, 419, 420, 450, 491, 492, 523, 529, 537, 566, 604, 606

Неревин — новгородский воевода, убит за поддержку Святослава Ростиславича. 314

Несда — бирич новгородский, убит за поддержку Святослава Ростиславича. 316

Нестор (1149–1157) — епископ Ростовский и Суздальский. Был изгнан ростовцами, недовольными его строгостью по поводу постов в среду и пятницу на Господские праздники (отменял пост только на Рождество Христово и Богоявление). В 1160 митрополит Киевский Феодор рассмотрел дело Н. и совершенно оправдал его, но Князь Андрей Боголюбский не хотел принять изгнанного епископа, и Н. должен был искать себе защиты у Константинопольского патриарха. Патриарх также нашел его невинным и неоднократно просил Князя Андрея Боголюбского принять этого епископа как совершенно правого, но с 1158 на Ростовской кафедре был епископ Леон. 545, 553

Никитский Александр Иванович (1842–1886) — русский историк. Окончил Киевский университет (1866). Профессор кафедры русской истории (с 1873), а затем декан историко-филологического факультета и даже некоторое время ректор Варшавского университета. Обладал большим авторитетом в русской научной и общественной среде Варшавы. Ученик новгородского краеведа и историка И.К. Куприянова. Научная деятельность Н. была посвящена, главным образом, истории Великого Новгорода и Пскова (XI–XV вв.). Показал Новгородскую землю как экономическое и политическое целое в ее связи с остальной Русью. Большое место в исследованиях Н. занимала социально-экономическая тематика. В 1873 написал магистерскую диссертацию «Очерк внутренней истории Пскова», потом защитил и докторскую — «Очерк внутренней истории церкви в Великом Новгороде» (1879). Обе диссертации, а также еще один большой труд историка — «История экономического быта Великого Новгорода», — являлись, по отзывам ученых того времени (Н.И. Костомарова, К.Н. Бестужева-Рюмина и др.), ценным вкладом в историческую науку и единственным полным и точным исследованием по затронутым темам. 296, 408, 409

Никифор (кон. XII в.) — новгородский боярин, сотский. Участник делегации к Великому Князю Владимирскому Всеволоду Юрьевичу (1195), которую возглавлял посадник Мирошка и которую новгородцы уполномочивали пригласить на княжение к себе сына Великого Князя. Вместе с другими был на время задержан Великим Князем во Владимире. 329

Никифор I (?–1121) — митрополит Киевский. Никифор I был возведен на Киевскую кафедру и занимал ее до самой смерти. Был ревностным архиереем, заботился о благе паствы, его церковная деятельность была интенсивной и многогранной. Способствовал общерусскому распространению почитания Феодосия Печерского, внеся его имя в синодик (1108); кроме того, Н.И. принимал участие в перенесении мощей святых Бориса и Глеба (1115). Доподлинно известно о рукоположении Н.И. следующих епископов: Лазаря (1105) и Сильвестра (1118) Переяславских, Амфилохия Владимиро-Волынского (1105), Мины Полоцкого (1105), Феоктиста Черниговского (1113), Даниила Юрьевского (1114), Никиты Белгородского (1114), Кирилла Туровского (1114) (не путать со свт. Кириллом II). Сохранилось несколько его произведений нравоучительного характера:

«Послание к Великому Князю Владимиру Мономаху о посте и воздержании чувств», «Поучение о посте к народу», «Послание о латинянах» к тому же Мономаху и «Послание о латинянах к Великому Князю Ярославу Святополчичу». В сочинениях, адресованных Мономаху, Н.П. предстает не только духовным наставником Князя, но и достойным по уровню его образованности и духовных запросов собеседником. 164, 179, 188, 205

Никифор II (до 1182 – после 1201) – митрополит Киевский. Сведений о жизни и деятельности митрополита Никифора II сохранилось мало. По происхождению грек, Н.П. прибыл в Россию в 1182. Первые сведения о его деятельности датируются 1183, когда Н.П. поставил игуменом Киево-Печерского монастыря священника Василия. Незадолго до этого Н.П. посвятил Николу Гречина (грека?) епископом Ростовским на место скончавшегося Леона, из-за чего испортились его отношения с могущественным Великим Князем Владимирским Всеволодом Большое Гнездо, который требовал от митрополита утвердить избранника от «людей земли нашея». В конце концов по ходатайству Киевского Князя Святослава Н.П. поставил Всеволодова кандидата, игумена монастыря Спаса на Берестове Луку, новым Ростовским епископом (1183). Лишившийся Ростовской кафедры грек Николай в том же году получил Полоцкую епархию, где как раз скончался епископ Дионисий. Этот опыт помог Н.П. разобраться в ситуации в его митрополии и установить взаимопонимание с наиболее влиятельными князьями. В 1189 Н.П. сумел привлечь русских князей к отпору венгерскому вмешательству в галицкие дела. Кроме того, именно Н.П., вероятно, был тем русским архипастырем, который, по свидетельству Никиты Хониата, в 1202 побуждал русских князей к походу против разорявших Ромейскую Империю половцев. Н.П. умело мирил между собой князей, и в ходе одного такого посредничества между Всеволодом и князем Черниговским в 1190-е ему удалось при поддержке Киевского Князя учредить новую, двенадцатую по счету, епархию в Рязани. В 1194 Н.П. руководил церемонией возведения на Киевский стол Рюрика Ростиславича, происходившей в Софийском соборе. В 1195 мудрым наставлением и советом предотвратил военное столкновение Киевского Князя Рюрика с Великим Князем Всеволодом Юрьевичем. По ходатайству Всеволода в 1190 Н.П. рукоположил Ростово-Суздальского епископа Иоанна, а в 1197 – Переяславского епископа Павла; еще ранее, в 1189, он

хиротонисал Белгородского епископа Андриана. Н.П посвящал также Новгородских архиепископов: Гавриила (1187), святителя Мартирия (1193) и Митрофана (1201). В сообщении об этой последней церемонии митрополит не назван по имени, но так как Киевской летописью в 1198, а Новгородской – в 1199 Н.П засвидетельствован на Киевской кафедре, то можно предполагать, что и в 1201 он продолжал ее возглавлять. Сохранилась большая свинцовая печать, на которой Н.П, как и его предшественники, именует себя архипастырем всея Руси. 596

Никифор Киевлянин – киевский боярин, один из составителей Правды Ярославичей. 183

Никола Гречин – несостоявшийся митрополит Ростово-Суздальский, епископ Полоцкий. Он был поставлен на кафедру по преставлении епископа Ростовского Леона (Леонтия), однако Владимирский Князь Всеволод Юрьевич не принял его и послал к Великому Князю Киевскому Святославу Всеволодичу и митрополиту Никифору, прося поставить Ростовским епископом Луку, игумена Спасского монастыря на Берестове. Никифор выполнил просьбу, а Н.Г. послал в Полоцк (1183). 596

Никон (мирское имя Никита Минин (Минов), 1605–1681) – митрополит Новгородский, патриарх Московский и всея Руси. Был священником, но смерть детей (1635) привела его к окончательному решению принять монашество. В 1646, избранный игуменом, отправился в Москву, где по тогдашнему обычаю новопоставленных игуменов явился с поклоном к молодому Царю Алексею Михайловичу, произведя на того хорошее впечатление. Царь велел Н. остаться в Москве, а патриарху Иосифу – посвятить его в архимандриты Новоспасского монастыря. В Москве Н. входил в неформальный кружок духовных и светских лиц, которые ставили перед собою и своими сподвижниками задачу оживления религиозно-церковной жизни в Московском государстве, улучшения нравственности как населения, так и духовенства, насаждения просвещения. В 1649 Н. стал митрополитом Новгородским и Великолуцким, а в 1652 был торжественно возведен на престол патриархов Московских и Всероссийских. Многие годы собиравший греческие и ромейские тексты и серьезно участвовавший в обсуждениях «Кружка ревнителей благочестия», Н. считал важным привести русские Православные обряды и кни-

ги в соответствие с греческими. Укорененность как в народе, так и среди значительной части священства мнения о «превосходстве» русского благочестия над греческим, а московского — над киевским, которая появилась в Северо-Восточной Руси после падения Константинополя, ополячивания Литвы и покорения Литвою Киева, а также резкость самих реформаторов привели к расколу Русской Церкви. Постепенно, в том числе под влиянием недовольных Н. бояр, отношения между Царем и Н. охладели, и в 1658, не оставляя кафедры, Н. удалился в построенный им (1656) Новоиерусалимский монастырь. В 1666 на Большом Московском Соборе Н. был лишен не только патриаршего достоинства, но и епископского сана, и сослан в Ферапонтов Белозерский монастырь. После смерти Царя Алексея Михайловича престол перешел к его сыну Феодору Алексеевичу, который сочувствовал Н. В 1681 Н., уже тяжело больному, было разрешено вернуться в Воскресенский Новоиерусалимский монастырь, на пути к которому он скончался. Одним из направлений деятельности патриарха Никона было основание в России монастырей: Иверского на Валдае (1653); монастыря на Кий-острове, ныне известного как Онежский Крестный монастырь (1656) и Новоиерусалимского, задуманного как подмосковная резиденция патриархов. 372

Никон (?–1088) — преподобный, игумен Киево-Печерского монастыря (1078–1088). 87

Нифонт (?–1156) — преподобный Печерский (память 8 апреля, в Соборе преподобных отцов Киево-Печерских Ближних Пещер и в Соборе всех преподобных отцов Киево-Печерских), епископ Новгородский (1130–1147). 120, 309, 312

Ньерд — легендарный обожествленный конунг из скандинавской мифологии, в правление которого царил мир и был хороший урожай. 121

О

Олав Лесоруб (VII в.) — конунг Вермаланда (средняя часть Швеции), сын Ингьяльда, конунга свеев, из рода Инглингов (см. **Висбур**). После того как конунг из другой династии Ивар Широкие Объятия (один из вероятных предков по материнской линии русского Князя Рюрика) напал на его отца Ингьяльда и сжег того в его палатах,

О.Л., изгоняемый шведами, был вынужден уйти из Уппсалы, после чего род Инглингов никогда не владел ею. На новом месте, расчищенном им и его дружиной от лесов, О.Л. правил до тех пор, пока в этой стране не наступил голод. Из-за неурожая и из-за того, что О.Л. пренебрегал жертвоприношениями, шведы решили принести Одину самого конунга и сожгли того в его доме. Снорри Стурлусон подчеркивает, что к тому времени уже многие люди видели, что голод наступил из-за того, что на эти земли прибыло много народу и конунг тут ни при чем. 121, 122

Олег (Вещий Олег, ?–912) — варяг, Князь Новгородский (с 879), Киевский (с 882). Согласно «Повести временных лет», О. был родичем (соплеменником) Рюрика, возможно (по Иоакимовской летописи), его шурином. После смерти Рюрика в 879 О. стал княжить в Новгороде, поскольку Игорь Рюрикович был еще малым ребенком. В 882 О. предпринял удачные походы на Смоленск и Любеч. После этого он по Днепру спустился к Киеву, где князьями были соплеменники Рюрика, варяги Аскольд и Дир, убил их и обосновался со своей дружиной в Киеве. Тем самым он объединил северный и южный ареалы обитания восточных славян. По этой причине именно О., а не Рюрика иногда считают основателем Древнерусского государства. Следующие 25 лет О. был занят расширением своей державы. Он подчинил Киеву древлян, северян, радимичей, уличей, тиверцев. Совершил удачный поход на Константинополь (907), который выплатил ему дань и обещал и впредь платить дань Руси. Был заключен договор о беспошлинной торговле Руси в Ромейской Империи. После этого похода летопись начинает именовать О. «вещим», т. е. «знающим будущее», «провидящим будущее». В 911 О. отправил в Константинополь посольство, которое подтвердило «многолетний» мир и заключило новый договор. По сравнению с «договором» 907 из него исчезает упоминание о беспошлинной торговле. О. именуется в договоре «Великим Князем русским». По преданию, волхвы предсказали Князю, что он умрет от своего любимого коня. О. приказал увести коня и вспомнил о предсказании только через четыре года, когда конь уже давно умер. О. посмеялся над волхвами и захотел посмотреть на кости коня, встал ногой на череп и сказал: «Его ли мне бояться?» Однако в черепе коня жила ядовитая змея, которая смертельно ужалила Князя (912). 33, 34, 48, 58, 419, 421, 448, 449, 516

Олег Святославич (?–1180) — князь Курский (1161–1164). Сын Новгород-Северского (впоследствии Черниговского) князя Святослава Ольговича и Марии (?), дочери новгородского посадника, внук Новгород-Северского князя Олега Святославича, брат Игоря и Всеволода Святославичей. Одной из его супруг была Елена, дочь Великого Князя Киевского Юрия Долгорукого, другой Агафья, дочь благоверного Великого Князя Киевского Ростислава Мстиславича. В 1164 после смерти отца попытался занять Черниговский стол, но его опередил двоюродный брат Святослав Всеволодович. По договору с ним О.С. получил Новгород-Северский. Погребен в церкви Архангела Михаила (в Новгороде-Северском?).

Олег Святославич (в крещении Константин, ум. 1204) — князь Лопасненский (1176), Вирский (1185), Стародубский (с 1190). Сын Святослава Всеволодовича Черниговского и Киевского и Марии, дочери Василька Полоцкого. В 1176, проводив до Москвы жен Михаила и Всеволода Юрьевичей, задержался в Лопасне и предпринял попытку захватить рязанский Сверилеск, но потерпел поражение от войска, посланного Глебом Ростиславичем Рязанским во главе с его племянником, сыном Юрия Ростиславича. В 1177 О.С. вместе с братом Владимиром руководил черниговским войском в походе на помощь Всеволоду Большое Гнездо против Глеба Рязанского, который был захвачен в плен и умер в заточении. В 1180 вместе с Всеволодом Святославичем Курским командовал войском, оставленным отцом для обороны Чернигова во время похода союзных сил под Друцк против Давыда Ростиславича Смоленского. В 1183 участвовал в походе киевских, переяславских и северских войск против половцев Кончака. После уклонения Ярослава Всеволодовича Черниговского от участия в походе О.С. вместе с братом Всеволодом продолжили поход во главе киевского полка под общим руководством Игоря Святославича Новгород-Северского, который после конфликта с Владимиром Глебовичем Переяславским отправил О.С. в Киев вместе с полком, а сам продолжил поход. После разгрома Северских князей половцами в 1185 О.С. вместе с братом Владимиром был послан отцом для организации обороны Посемья от войск Гзака. В 1196 возглавлял поход против Смоленского княжества, во время которого погиб сын О.С. Давыд; смоляне, руководимые Мстиславом Романовичем, были разбиты полочанами, союзниками черниговцев. В том же году О.С. вместе с братом Глебом руководил черниговским гар-

низом на случай нападения Рюрика Ростиславича Киевского, в то время как основные силы Ольговичей встали к засекам, преграждавшим путь смолянам и суздальцам в глубь Черниговского княжества. 436

Олег Святославич (в крещении Михаил, ок. 1053–1115) — князь Волынский (1073–1076), Тмутараканский (с 1083), Черниговский (1094, 1097), Новгород-Северский (1097–1115), сын князя Черниговского Святослава Ярославича, внук Ярослава Мудрого. Князь-изгой, многие годы добивавшийся возвращения себе отцовской вотчины. Его отец стал Великим Князем Киевским после изгнания старшего Ярославича Изяслава. О.С. получил от отца Владимир-Волынский. Однако после смерти отца (1076) его дядя — Изяслав и Всеволод — отняли у него княжение. О.С. убегает в Тмутаракань и оттуда начинает борьбу за свою отчину — Чернигов. В битве на Нежатиной Ниве потерпел поражение, бежал в Греческое царство. Вернувшись в 1083, выбил из Тмутаракани Давида Игоревича и Ростиславичей (см. **Василько, Володарь и Рюрик**). После смерти Великого Князя Киевского Всеволода Ярославича О.С. продолжает борьбу за Чернигов с новым Киевским Князем. Подолгу не бывавший на Руси, ущемленный в своем праве на наследство, постоянно опиравшийся на половцев как на основную свою силу, О.С. не поддерживал Великого Князя Киевского Святополка и Перяславского князя Владимира Мономаха в борьбе с половецкими ханами. Только после Любечского съезда (1097), когда за ним и братьями закрепляется Черниговская вотчина, О.С. становится на сторону Владимира Всеволодовича Мономаха, участвует на съездах в Уветичах (1101), в Золотче (1102), в половецких походах (1107, 1113) и других общих предприятиях. Был крестным отцом сына Мономаха Мстислава. 159, 170, 172–174, 176, 182, 183, 187, 246, 298, 422, 423

Олег Святославич (ум. 977) — сын Великого Князя Киевского Святослава Игоревича, князь древлян (970). Вскоре после смерти отца в 972 между Святославичами началась усобица, в ходе которой старший сын, Ярополк Святославич Киевский, разбил полки О.С. под Овручем; сам О.С. погиб при попытке укрыться в городе (упал с моста в ров и был раздавлен телами). Согласно летописи, Ярополк сокрушался, узнав о смерти брата, которой не желал. О.С. в 975 убил Люта, сына воеводы Свенельда, охотившегося в его лесу, и Свенельд, командовавший войсками Ярополка, якобы решил отомстить

за смерть сына. Некоторые текстологи считают, что этот рассказ вставлен в летопись позже создания основного текста и представляет собой чисто легендарное объяснение причин усобицы. В 1044 Ярослав Мудрый распорядился выкопать останки О.С. и его брата Ярополка, освятить их кости, видимо, во время молебна, святой водой и похоронить в Десятинной церкви. 50

Олег Ярославич (Настасьич, ?–1188) — князь Галицкий (1187–1188), побочный сын князя Галицкого Ярослава Владимировича Осмомысла и его любовницы Анастасии. Умирая, Ярослав Осмомысл завещал Галицкое княжение, в обход своего законного старшего сына Владимира, побочному младшему, любимому сыну О.Я., Владимиру же отдал Перемышль. Но едва Осмомысл умер, Владимир Ярославич с боярами нарушил клятву, данную умирающему князю, выгнал О.Я. из Галича и сам стал княжить на Галицком столе. О.Я. бежал в Овруч к принявшему его Рюрику Ростиславичу. Русская летопись более об О.Я. не упоминает. Однако в польских источниках есть сведения, что О.Я., не получив помощи от Рюрика, пошел к польскому королю Казимиру и вместе с ним отправился против Владимира. В состоявшемся сражении тот был разбит и бежал в Венгрию (в русских источниках сообщается, что Владимир бежал вследствие мятежа галицких бояр, недовольных своим князем, не любившим заниматься государственным делами). О.Я. стал княжить в Галиче, но вскоре был отравлен, после чего бояре призвали на княжение Романа Мстиславича. 495, 500, 501

Олекса Сбыславич (Олькса Събыславиц) — см. **Алексей Сбыславич**.

Олстин (кон. XII в.) — боярин, участвовавший в 1177 в сече на р. Колокше князей Ростиславичей и Князя Всеволода Юрьевича, сына Великого Князя Юрия Долгорукого. Выступал на стороне Рязанского князя Глеба Ростиславича и был взят Всеволодом Юрьевичем в плен вместе с боярами Дедильцем и *Борисом Жидиславичем*. Летопись назвала их «думцами» Рязанского князя. 589

Ольга (в крещении Елена, ?–969) — святая (память 24 июля), равноапостольная Великая Княгиня. 32, 34, 36–51, 398

Ольга Святославич — см. **Вольга Святославич**.

Ольга Юрьевна (1134–1182) — Княгиня Галицкая, супруга князя Галицкого Ярослава Осмомысла, дочь Великого Князя Киевского Юрия Владимировича Долгорукого, сестра благоверного Великого Князя Владимирского Андрея Боголюбского. Ярослав не захотел жить с О.Ю. и взял себе любовницу Анастасию. В 1173 О.Ю. вместе со взрослым сыном Владимиром и группой бояр покинула Галич, направилась в Польшу, где провела восемь месяцев, а потом поселилась в Волини. Галицкие бояре восстали против «Настаськи» и, спалив ее двор и ее саму, отправили послов к О.Ю. с просьбой вернуться. О.Ю. вернулась, Ярослав поклялся боярам, что отныне в семье будут мир и согласие. Спустя несколько лет О.Ю. постриглась в монахини под именем Евфросиньи и в 1182 скончалась во Владимире-на-Клязьме, уделе Андрея Боголюбского. Сын Ярослава и О.Ю., Владимир, тоже не ужился с отцом, скитался по родственникам. Оставшийся от «Настаськи» сын Олег был выпущен из темницы после возвращения О.Ю. Когда О.Ю. окончательно покинула мужа, Ярослав взял его к себе и воспитал. В 1187, перед смертью, Ярослав завещал свой престол именно Олегу «Настасьичу», незаконному сыну. Владимиру достался лишь Перемышль. Вскоре, однако, Олег был убит, и власть в Галиче перешла к Владимиру Ярославичу. 493–495

П

Пассек Василий Васильевич (младший, 1816–1864) — писатель, брат писателя и этнографа-историка Вадима Васильевича П. и литератора и генерала, героя Кавказской войны Диомида Васильевича П. Написал несколько исторических работ. В единственной напечатанной при его жизни работе «Исторические изыскания г-на Соловьева в сравнении с историческими данными» (1852) полемизирует с Соловьевым, с которым был лично знаком, но со многими мнениями которого не соглашался. Среди других его работ: «Общий очерк периода уделов» (опубл. в 1868); «Новгород сам в себе» (опубл. в 1869); «Княжеская и докняжеская Русь» (опубл. в 1870). 295, 296, 298

Пахомий (?–1216) — епископ Ростовский, святитель. 610

Пашкова Анна Михайловна (1866–1948) — известная карельская сказительница начала XX в. Знаток традиционного фольклора: былин, сказок, песен, причитаний, старинного свадебного обряда, пословиц и загадок. Кроме сказительского дара, П. обладала и лите-

ратурным, в 30–40-х создала ряд авторских талантливых произведений: стихотворных сказов и песен на советские темы (о колхозной жизни, о папанинцах и др.). В 1938 была принята в Союз писателей СССР. 16, 29

Пашуто Владимир Терентьевич (1918–1983) – советский историк, член-корреспондент АН СССР (с 1976). В 1977 основал серию научных комментированных изданий древнейших рукописных текстов, содержащих сведения о территориях и народах, населявших в прошлом Восточную Европу («Древнейшие источники по истории народов СССР», с 1993 – «Древнейшие источники по истории народов Восточной Европы»). Основные труды П. посвящены истории России, Украины, Прибалтики эпохи феодализма, источниковедению и историографии, среди них: «Очерки по истории Галицко-Волынской Руси» (1950); «Образование Литовского государства» (1959); «Древнерусское государство и его международное значение» (в соавт., 1965); «Внешняя политика Древней Руси» (1968); «Пути развития феодализма. (Закавказье. Средняя Азия, Русь, Прибалтика)» (в соавт., 1972); «Александр Невский» (серия ЖЗЛ, 1974, 1995); «Древнерусское наследие и исторические судьбы восточного славянства» (в соавт., 1982). 73, 74, 99, 137, 142, 143, 147, 149, 226, 248, 279, 283, 404, 433, 459, 495, 496, 498, 500, 568

Перенег – один из составителей Правды Ярославичей. 183

Петр Кучка – один из организаторов заговора против Князя Андрея Боголюбского, закончившегося убийством Князя. Именно на именины П. 29 июня 1174 собрались заговорщики, готовившиеся в эту ночь убить Князя. 566–568

Петрило Микульчич (Петр Микульциц, ?–1135) – боярин Неревского конца, посадник новгородский (1131–1132), сын посадника Микулы, брат посадника Костянтина. Погиб в битве с суздальцами на Ждановой горе. Ему принадлежала вислая печать с изображением апостола Петра. П. и его жена Варвара пожертвовали уникальный крест в ризницу Софийского собора (см. цветную вкладку). 278

Петров Алексей Владимирович (р. 1962) – российский историк, доктор исторических наук, профессор кафедры истории России с древнейших времен до XX в. Санкт-Петербургского государственного университета (с 2007). Как исследователь и преподава-

тель, П. специализируется в области истории и культуры русского Средневековья, истории Русской Церкви. Им опубликовано свыше 80 научных, научно-популярных и учебно-методических работ. В монографии «От язычества к Святой Руси. Новгородские усобицы (к изучению древнерусского вечевого уклада)» (2003) история «усобиц» и вечевого уклада Новгорода Великого XI – 1-й пол. XV вв. осмысливается в общем русле движения средневековой Руси от язычества к Христианству. Оригинальная концепция автора базируется на новом освещении узловых вопросов данной истории во всем многообразии уникальных черт изучаемых явлений и сложности их религиозно-культурного контекста с учетом новейших достижений историографии и источниковедения. 299, 300, 313, 353, 393, 400, 402, 535

Петухов Евгений Вячеславович (1863–1948) – филолог, преподаватель русского языка и русской словесности. Член-корреспондент Петербургской академии наук (1916), знаток древнерусской словесности. Принимал участие в издании академического словаря русского языка (с 1887), преподавал в Санкт-Петербургском университете, в Юрьевском (ныне Тартусском) университете, в Воронежском государственном университете, затем в Таврическом. Среди его работ: «Древние поучения на воскресные дни Великого поста» (1886); «К вопросу о Кириллах – авторах в древней русской литературе» (1887); «Серапион Владимирский проповедник XIII в.» (1888, магистерская диссертация); «Иван Петрович Панин и его “Вопль невинности, отвергаемой законами”» (1889); «Несколько новых данных из научной и литературной деятельности А.Х. Востокова» (1890); «Из истории русской литературы XVII в. Сочинение о царствии небесном и о воспитании чад» (1893); «Болгарские литературные деятели древнейшей эпохи на русской почве» (1893); «К истории древнерусского пролога» (1893); «Очерки из литературной истории Синодика» (1895) и др. 94

Пештич Сергей Леонидович (1914–1972) – доктор наук, историограф, профессор Ленинградского государственного университета (с 1966). Кандидатскую работу «“История Российская” В.Н. Татищева как исторический источник» (1944) ученый защитил после того, как вернулся с фронта; докторская была посвящена близкой теме: «Русская историография XVIII в.» (1963). Предметами научного исследования П. были русская историография и источниковедение, в частности, круг известий по истории Древней Руси, сохра-

нившихся в труде В.Н. Татищева. Его интересовала история развития исторических знаний в XVII и особенно в XVIII в. Для ученого историография была важной частью истории общественной мысли, самосознания России, а также способом понять отношение историка к источнику. 167

Питтак (651 до Р.Х. – 559 до Р.Х.) – законодатель и правитель в Митилене, древнегреческий мудрец. Вместе с Алкеем и его братьями освободил родной город от тирана Меланхра, но вскоре явились другие претенденты на престол, и Алкей был изгнан. Вследствие удачного начальствования П. над митиленянами во время войны с афинянами, когда он, набросив сеть на предводителя противников олимпийского победителя Фринона, убил его, жители назначили его эсимнетом (др.-гр. «выборный правитель»). Получив в свои руки власть, П. подавил беспорядки и для предупреждения их на будущее время пересмотрел законы, особенно уголовные. По свидетельству Диогена Лаэртского, правление П. продолжалось с 579 по 569 до Р.Х., а после, наведя порядок в государстве, он сложил с себя полномочия и жил еще десять лет. Как мудрец и законодатель, П. почитался у греков наравне с Солоном и Ликургом, входя в число Семи мудрецов. 202

Пленка Сороженин – отец *Чурилы*. 28

Покровский Михаил Николаевич (1868–1932) – лидер советских историков в 1920-е, глава марксистской исторической школы в СССР. Академик Белорусской АН (с 1928), академик АН СССР (с 1929). Из дворян. Окончил гимназию с золотой медалью, историко-филологический факультет Московского университета (1891). Получил серьезную научную подготовку у профессоров-историков В.О. Ключевского и П.Г. Виноградова. Занимался научной деятельностью: в 1910–1915 в 5 т. вышли «Русская история с древнейших времен»; в 1915–1918 – «Очерк истории русской культуры». Выпустил несколько капитальных работ по истории, в том числе «Русская история с древнейших времен до Смутного времени» (М., 1896–1899). В 1910–1913 в первом издании в московском издательстве «Мир» вышло главное произведение историка – 1-5-й тома «Русской истории с древнейших времен» (при участии В.К. Агафонова, Н.М. Никольского, В.Н. Сторожева), – ставшее первым систематическим марксистским исследованием истории России от первобыт-

ных времен до конца XIX в. В 1915–1918 там же выходит очередной труд Покровского — «Очерк истории русской культуры» (1 изд., М., ч. 1–2). В этих произведениях П. развивает важную для понимания его исторической концепции теорию «торгового капитализма» как особой формации в русской истории. С мая 1918 до конца жизни — зам. наркома просвещения РСФСР. Один из инициаторов создания и руководитель Социалистической академии (1918), Государственного ученого совета (1919), Института красной профессуры (1921) и т.д. В советское время организатор марксистской исторической науки, создатель так называемой «школы Покровского», отличавшейся крайней идеологической нетерпимостью к академической науке. Проводил жесткую и прямолинейную линию по отстранению старой профессуры от преподавания, был инициатором чисток в Академии наук и так называемого «Академического дела», когда органами ОГПУ была арестована большая группа ученых-историков. С антинационалистических и антимонархических позиций критиковал официальные теории, характеризовавшие образование русского централизованного государства вокруг Московского княжества как результат «собирания земель русских», делал акцент на классовой борьбе в истории России, на ее внутренних и внешних конфликтах. Свои работы П. характеризовал как «схему для людей, знающих историю Костомарова, Соловьева, Ключевского», подчеркивал, что она является лишь «марксистским обобщением», а не заменителем знания. В основу своего учения положил теорию об общественно-экономических формациях, рассматривая историю России как их последовательную смену. Выдвинул лозунг: «История ничего иного, кроме политики, опрокинутой в прошлое, не представляет». Его идеи и трактовки считались официальными и не подлежали критике. В 1920 выпустил популярную «Русскую историю в самом сжатом очерке», представлявшую собой изложение русской истории с точки зрения классовой борьбы. Книга получила высокую оценку В.И. Ленина. П. умер от рака. После смерти П. против него и его школы были выдвинуты научные и политические обвинения, начало которым было положено в 1936 прямыми указаниями И.В. Сталина. Негативная оценка Сталиным «школы П.» связана с антинационалистическим духом книг П. и его жесткими высказываниями по отношению к Иоанну Грозному и Петру I, чьим последователем чувствовал себя Сталин. Из библиотек изымались труды П., был издан двухтомник «Против исторической концепции М.Н. Покровского»

(1939–1940). В 1962 политические обвинения против Покровского были сняты. 137, 138, 148, 152, 165, 175, 176, 190, 202, 281, 282, 334, 341, 354, 355, 408, 409, 548

Полибий (?201 до Р.Х. – ?120 до Р.Х.) — греческий историк, государственный деятель и военачальник, автор «Всеобщей истории» («Истории») в 40 т., охватывающих события в Риме, Греции, Македонии, Малой Азии и в других регионах с 220 по 146 до Р.Х. Из книг «Истории» полностью сохранились только первые пять, остальные дошли в более или менее подробных изложениях. Прочие труды П. не сохранились. Исходя из учения стоиков о предвидении, П. пришел к метафизике истории: история, по П., представляет собой борьбу народов и отдельных личностей против власти судьбы. В 169 до Р.Х. П. был избран на пост союзного гиппарха. В это время П. пытался наладить отношения с союзниками Рима, произносил речи в Народном собрании, предпринял дипломатическую поездку в римский военный лагерь в Македонии с предложением военной помощи и т.д. По прибытии в 167 до Р.Х. в Италию в числе тысячи ахейских интернированных П. оставили в Риме по просьбе Эмилия Павла, сделавшего его наставником своих сыновей. С того времени П. вошел в «кружок Сципиона». Имеется свидетельство о пребывании историка во главе исследовательской экспедиции в Египте, Александрии, Гадесе, Керне и Атлантическом океане. В 151 до Р.Х. П. удалось использовать свое влияние на Сципиона, чтобы добиться освобождения оставшихся в живых ахейцев. К моменту завершения Третьей Пунической войны П. вернулся из экспедиции и стал свидетелем падения Карфагена. В рассказе о полном разрушении города основное внимание он уделит Сципиону Эмилиану. Примерно со 145 до Р.Х. П. принял участие в сенатской комиссии из десяти человек для политической реорганизации Греции. Деятельность П. была положительно оценена некоторыми слоями греческого общества, в отдельных городах ему воздавали высшие почести как при жизни, так и посмертно. 431

Пресняков Александр Евгеньевич (1870–1929) — российский историк, член-корреспондент АН СССР (1920). Окончил гимназию в Тифлисе (1889), историко-филологический факультет Санкт-Петербургского университета (1893; автор сочинения «Царственная книга, ее состав и происхождение»). Ученик С.Ф. Платонова, был оставлен при кафедре русской истории университета для

подготовки к профессорскому званию. Тема магистерской диссертации — «Княжое право в Древней Руси» (1909), тема докторской диссертации — «Образование Великорусского государства. Очерки по истории XIII–XV столетий» (1918). Преподавал в частных гимназиях Таганцевой и Стоюниной, в Екатерининском сиротском институте, на Педагогических курсах при петербургских женских гимназиях, на Высших женских курсах, в Санкт-Петербургском университете. С 1907 — приват-доцент, с 1918 — профессор по кафедре русской истории Санкт-Петербургского (затем — Петроградского, Ленинградского) университета, профессор Института красной профессуры (с 1927), Педагогического института им. А.И. Герцена. Основные темы научных интересов П. в предреволюционный период — история политических отношений на Руси до XVI в., источниковедческие вопросы летописания XVI в., история общественной мысли XIX в. Отвергал теорию «родового княжеского владения» в Древней Руси, полагая, что в основе княжеской собственности лежит «семейное, отчинное право». Разрабатывал историю «княжого права», считал, что одним из важнейших направлений деятельности древнерусских князей было создание рядом с обычно-правовыми союзами членов племени особого «союза княжой защиты», в который входили и княжеская дружина, и население княжеских сел. Полагал, что «княжая защита» была «общеисторическим явлением у всех европейских народов». Исследовал процесс централизации в тесной связи со всем комплексом международных отношений Северо-Восточной Руси; процесс объединения русских земель с позиции внутренней истории не только Московского государства, но и удельных княжеств — Тверского, Рязанского и Нижегородского. Был противником резкого противопоставления истории Киевской и Владимиро-Суздальской Руси. Доказывал, что семейно-вотчинные разделы волостей-княжений во Владимиро-Суздальской Руси всегда были лишь продолжением семейно-вотчинных разделов Древней Руси. После 1918 продолжал исследования в области истории средневековой Руси, в частности, занимался теоретическими вопросами феодализма в России. Но при этом уделял значительное внимание истории XIX в., являясь автором исторических портретов Российских Императоров и обстоятельного исследования по истории движения декабристов, основанного на источниках. В работах по историографии П. одним из первых сформулировал концепцию «петербургской исторической школы» как «школы восстановления права

источника и факта вне зависимости от историографической традиции» в противовес московской (по своему характеру историко-социологической). Был одним из организаторов (в 1921) и директором (с 1922) Исторического научно-исследовательского института при Петроградском университете (институт фактически существовал до 1925). Затем был директором Ленинградского отделения Института истории РАНИОН (1927–1928). Член-корреспондент РАН (с 1920). Скончался незадолго до так называемого «Академического дела», во время которого были арестованы многие его коллеги, в том числе и учитель С.Ф. Платонов. Наиболее известные ученики П. — Б.А. Романов, С.Н. Чернов. 204, 519, 521, 583, 605

Приселков Михаил Дмитриевич (1881–1941) — русский и советский историк. Родился в семье протоиерея Пантелеимоновской церкви Санкт-Петербурга Дмитрия Приселкова. В 1899 закончил 3-ю Санкт-Петербургскую гимназию (1899) и историко-филологический факультет Петербургского Императорского университета (1903). Научным руководителем П.М. был историк и филолог Алексей Александрович Шахматов, что и предопределило интерес П.М. к летописанию и исторической филологии. В 1903 после окончания учебы был оставлен на факультете «для подготовки к профессорскому званию на кафедре русской истории». В 1914 защитил магистерскую диссертацию по теме «Очерки по церковно-политической истории Киевской Руси X–XII вв.», в 1917 был избран доцентом, а на следующий год стал профессором уже Петроградского университета. В 1920 стал деканом факультета общественных наук. В 1917–1918 от университета был делегатом Поместного Собора Православной Церкви. В 1922 был арестован по «делу Вениамина (Казанского)», но на суде был оправдан. В 1927 был исключен из состава профессоров факультета языков и материальной культуры. Через два года, в связи с 25-летием трудовой деятельности, получив академическую пенсию, покинул университет и перешел на работу в историко-этнографический отдел Русского музея. Однако в 1929, как и многие другие историки, был арестован по «делу Тарле — Платонова». П.М. обвиняли в создании «нелегальных кружков, в которых готовились кадры антисоветских научных работников и будущих членов "Всенародного союза борьбы за возрождение свободной России"». Тройка постоянного представительства ОГПУ в Ленинградском военном округе приговорила П.М. к десяти годам исправительно-

трудовых лагерей (1930). П.М. был отправлен в Соловецкий лагерь особого назначения, где работал счетоводом. Постановлением тройки ПП ОГПУ в ЛВО от 15 декабря 1931 заключение в лагерь было заменено ссылкой в Новосибирск на 5 лет. Затем постановлением Коллегии ОГПУ от 21 августа 1932 на основании Постановления Президиума ЦИК СССР от 14 августа 1932 эта мера была заменена лишением права проживания в 12 пунктах (крупных промышленных городах) на оставшийся срок. Приселков выбрал для проживания Галич-Мерьский. Там он работал бухгалтером. В 1932 историк В.Н. Бенешевич обратился к В.Д. Бонч-Бруевичу, бывшему управляющему делами СНК СССР, редактору газеты «Коммунист» и директору Государственного литературного музея, с ходатайством о разрешении вернуться в Ленинград. 17 декабря 1935 Постановлением Президиума ЦИК СССР П.М. был освобожден от высылки и вернулся в Ленинград. В 1934–1935 в ЛГУ и МГУ вновь открылись исторические факультеты. В их работе были задействованы не только новые советские кадры, но и кадры досоветского времени. Так, в университет вместе с Е.В. Тарле, О.А. Добиащ-Рождественской, С.Н. Валком и С.Я. Лурье вернулся и П.М., начал читать курсы по истории летописания, преподавал палеографию. В 1939 защитил докторскую диссертацию по теме «История русского летописания XI–XV вв.». Однако вскоре возобновились гонения на профессоров и ученых, был арестован близкий друг П.М. В.Н. Бенешевич. П.М. стал вести себя осторожнее, при чтении своих лекций ссылался на Краткий курс истории ВКП(б). В 1939 он был назначен заведующим кафедрой истории СССР и деканом исторического факультета ЛГУ, однако вскоре покинул этот пост из-за болезни, передав обязанности В.В. Мавродину. В 1940 у него была обнаружена злокачественная опухоль. 18 января 1941 началось заседание ЦИК СССР о снятии судимости и полной реабилитации П.М., но вердикт вынесен не был: 19 января П.М. скончался. Он был реабилитирован в 1953 посмертно.

147, 165, 167, 516, 517, 532, 534, 542, 555

Пропп Владимир Яковлевич (Герман Вольдемар) (1895–1970) — выдающийся российский и советский филолог-фольклорист, профессор Ленинградского университета (с 1938). Самая известная работа ученого — «Морфология сказки» (1928). Выделение П. повторяющихся постоянных элементов — функций действующего лица

(всего 31) — положило начало структурно-типологическому изучению нарратива. Работа П. оказала значительное влияние на развитие структуралистских исследований мифологических, фольклорных, литературных текстов, современные структуралисты считают П. одним из своих предшественников. В работе «Исторические корни волшебной сказки» (Ленинград, 1946) П. развивает гипотезу о том, что волшебная сказка непосредственно связана с обрядом инициации, причем не с системой обрядов конкретно-исторической ситуации, а с универсальной структурой. На основании фундаментального историко-сравнительного исследования былин («Русский героический эпос», 1955) П. обосновал теорию, согласно которой былинный эпос возник задолго до начала образования Древнерусского государства и создавался при разложении родового строя. В работе «Русские аграрные праздники» (1963) П. на основании огромного фольклорного материала доказывает земледельческий характер многих славянских праздников и верований. Теоретико-методологическим базисом для этой работы во многом послужила работа Дж. Фрэзера «Золотая ветвь». 11, 114

Прохор (?–1103) — преподобный, инок Киево-Печерский. 161, 162

Путята — тысяцкий Киевского Великого Князя Владимира Святославича (Святого). Согласно Иоакимовской летописи, участвовал в крещении новгородцев епископом Иоакимом и Добрыней, дядей Князя Владимира, откуда, как полагают, происходит поговорка: «Путята крестил мечом, а Добрыня огнем». 54

Путята Вышатич — киевский воевода, тысяцкий Святополка, сын Вышаты, воеводы Великого Князя Ярослава Владимировича, брат Яна Вышатича. В 1099 по приказу князя Святополка Изяславича П. и Святослав Давыдович разбили рать князя Давыда Игоревича. В 1100 на съезде в Уветичах П. объявил Давыду Игоревичу волю Святополка. В 1104 П. командовал войсками Святополка в войне против Глеба Минского. Эта война завершилась безрезультатно для обеих сторон. В 1106 ходил на половцев с братом Яном и побил их около Заречска, отняв у них «полон». По смерти Киевского Князя Святополка Изяславича в 1113 в Киеве вспыхнуло народное восстание, киевляне разгромили двор П. 173–179, 186, 252

Р

Рагуил — посадник в Ладоге, выбранный в 1132 новгородцами совместно с ладожанами и псковичами (одновременно с этим было принято совместное решение о судьбе князя *Всеволода Мстиславича* и о том, что посадником в Пскове станет Мирослав). Личность Р. трудно определить. В летописях это имя вторично встречается только в 1201, когда Р. Прокопииниц упомянут в числе погибших в сражении с Литвой. Поскольку хронологический разрыв грамоты и летописного сообщения значителен, прямое сопоставление их данных вряд ли возможно. Молчание источников можно связать либо с тем, что Р., ставший посадником, не был знатным новгородцем и не участвовал активно в политической жизни Новгорода (следовательно, 1134 был единственно значимым в его политической карьере), либо с тем, что он вообще не был новгородцем, а ладожанином, потому и сведений о нем в новгородской летописи не осталось. 275

Рагуило — тысяцкий, не позволявший, как и митрополит Климент и другой тысяцкий, Лазарь, убивать благоверного Князя Игоря Ольговича, а затем заботившийся о погребении тела. 241

Радила — киевлянин, посол (вместе с киевлянином Добрынькой) Изяслава Мстиславича, сообщивший киевлянам о раскрытой Изяславом измене Давыдовичей и Святослава Всеволодовича. 237, 238

Рапов Олег Михайлович (1939–2002) — советский и российский историк. Действительный член Российской академии естественных наук (1996). Сын писателя Михаила Александровича Рапова, отец публициста и редактора Златы Раповой. Доктор исторических наук (1990); с 1992 — профессор кафедры истории России до XIX в. исторического факультета. Член Русского исторического общества и Всероссийской ассоциации медиевистов и историков раннего Нового времени, член-корреспондент Международной славянской академии. Область научных исследований — политическая и социально-экономическая история Руси IX–XIII вв. Тема докторской диссертации — «Русская церковь в IX – первой трети XII вв. Принятие христианства». Автор более 70 научных публикаций, среди которых: «Княжеские владения на Руси в X – первой половине XIII вв.» (1977); учебное пособие «Материалы по истории СССР. Для семинарских и практических занятий. Вып. 1. Древнейшие государства на террито-

рии СССР» (соавт, 1985); «Введение христианства на Руси» (соавт., 1987); «Русская церковь в IX – первой трети XII вв.: Принятие христианства» (1988). Во многих работах последовательно опровергал норманистические теории происхождения варягов и Рюрика. 104, 117–119, 325, 423

Раппопорт Павел Александрович (1913–1988) – советский археолог и историк архитектуры, доктор исторических наук, работавший в Ленинградском отделении Института археологии АН СССР. Ученик и многие годы коллега Н.Н. Воронина, занимался вместе с ним раскопками в Смоленске, способствовал восстановлению картины эволюции смоленско-черниговского зодчества домонгольской эпохи. Важнейшее значение придавал строительным артелям, которые, по его представлениям, переходили из княжества в княжество, переноса с собой строительные навыки. Составил каталог известных по археологическим данным архитектурных памятников Древней Руси (1982). Автор более 200 книг и статей, среди них: «Очерки по истории русского военного зодчества X–XIII вв.» (1956); «Очерки по истории военного зодчества Северо-Восточной и Северо-Западной Руси X–XV вв.» (1961); «Древнерусское жилище» (1975); «Зодчество Смоленска XII–XIII вв.» (1979) (в соавт. с Н.Н. Ворониным). В конце жизни подготовил фундаментальное исследование эволюции древнерусского зодчества вплоть до Петровской эпохи. 424–426

Ратибор — киевский тысяцкий из «Устава Володимерова». Был переяславским посадником; ближним боярином Всеволода Ярославовича. Когда последний сделался Великим Князем Киевским (1078), Р. был некоторое время в Киеве тысяцким. После неудачного похода Романа Святославича против Всеволода Ярославича и заточения брата Романова, Олега, Всеволод Ярославич послал (1079) Р. посадником в Тмутаракань, чтобы держать этот город (постоянное убежище недовольных князей-изгоев) в своих руках, но через год Р. был изгнан оттуда. После смерти Всеволода Р. переехал к его сыну, Владимиру Мономаху, в Переяславль и сделался его влиятельным советником. Два половецких хана, Итлар и Китан, явились (1095) в Переяславль «продать» Владимиру Мономаху мир. Р. уговорил Мономаха нарушить данное им слово и истребить ханов с их дружиной. Р. принимал деятельное участие в Витичевском съезде князей (1100) и был в числе мужей, передавших Давыду Игоревичу решения съезда. Когда Владимир Мономах занял Великокняжеский стол

(1113), Р. снова сделался тысяцким в Киеве и принимал участие в изменении положения о росте, предпринятом Мономахом вследствие жалоб на ростовщиков. 183, 186

Ратша (Ратъя, Ратьша) — тиун Киевский в правление Великого Князя *Всеволода Ольговича*. Во время волнений в Киеве (1146) после смерти Великого Князя был обвинен киевлянами в разграблении города несправедливыми поборами. Двор его подвергся разграблению. 227, 228, 230–234

Редедя (Ридада, ум. 1022) — Касожский князь, убитый Мстиславом Владимировичем Храбрым в единоборстве, победитель которого по договоренности князей Р. и Мстислава считался победителем всей битвы. Р., обладая огромной физической силой, сначала был близок к победе, однако Мстислав, в итоге, победил. Мстислав объяснил исход битвы заступничеством Богородицы, которой он молился во время боя. Поверженного врага Мстислав заколол кинжалом, его жену и детей взял в плен, а касогов обложил данью. Сыновей Р. Мстислав окрестил именами Юрий и Роман. За Романа он отдал замуж дочь свою, Татьяну Мстиславну, а Юрий погиб в знаменитой битве при Листвене в 1024 бездетным. От Р. выводили свое происхождение некоторые старинные русские роды, условно называемые Редегинями: Белеутовы (с ветвями Белеутовы-Алехновы, Белеутовы-Клушины, Белеутовы-Рябчиковы), Добрыньские, Викентьевы, Гусевы, Зайцевы, Бирдюкины-Зайцовы, Поджогины, Симские (Хабаровы, Образцовы), Телегины, Сорокоуновы-Глебовы, Бобровы, Буруновы, Кокошкины, Лопухины, Лупандины, Лаптевы, Моревы, Ушаковы и др. Однако никакими источниками, кроме родословных сказаний, это происхождение не подтверждается. 36, 37

Рогволод (?–?975/978) — Полоцкий князь, основатель династии Полоцких князей. Дочь Р. Рогнеда была обручена с Великим Князем Киевским Ярополком Святославичем, но сводный брат Ярополка, Новгородский князь Владимир Святославич, потребовал ее руки. Р., надеясь на защиту Ярополка, отказал Владимиру. Тогда тот убил Р. вместе с двумя сыновьями, а Рогнеду взял в жены силой. Существует две версии происхождения Р. По одной, он представитель местной династии, по другой — варяг. Имя «Рогволод» было дано сыну и внуку Всеслава Полоцкого (2-я пол. XI в.). Полоцкие князья, чуждавшиеся потомства Владимира, сами себя считали Р. внуками по женской ли-

нии. И отчину свою вели не от пожалования Владимира Изяславу, а по линии наследования от Р. Потомками Р. были не только Полоцкие князья, но и Ярославичи, так как Ярослав Мудрый несколько раз назван летописцем «сыном Рогнеды». 447

Рогволод (Василий) Борисович (Рогволодович, ум. после 1171) — князь Полоцкий (1144–1151, 1159–1162), князь Друцкий (1127–1129, 1140–1144, 1158–1159, 1162 – после 1171), сын Полоцкого князя Рогволода (Бориса) Всеславича. Происходил из дружской линии Полоцких князей. До 1129 он владел каким-то уделом в Полоцкой земле. Поскольку позже он правил в Друцком княжестве, то, по устоявшейся точке зрения, этим уделом был именно Друцк. Вероятно, Р.Б. получил его в 1127, когда его отец стал князем в Полоцке. Однако в 1129 Великий Князь Киевский Мстислав Владимирович Великий совершил поход в Полоцкое княжество, захватив в плен всех Полоцких князей и членов их семей, лишил их уделов и выслал в Ромейскую Империю. В числе сосланных оказался и Р.Б. С разрешения Великого Князя Ярополка Владимировича в 1140 Р.Б. вместе с братом Иваном вернулся из ссылки. Возможно, что Р.Б. снова получил Друцкое княжество. В 1143, по сообщению Никоновской летописи, Р.Б. женился на дочери одного из сыновей Мстислава Великого, Изяслава Мстиславича, тогда князя Переяславского. Возможно, что именно благодаря этому браку Р.Б. в 1144 после смерти Василько Святославича сумел сесть в Полоцке. Однако вскоре в Полоцкой земле начались междоусобицы между представителями различных линий Полоцких князей. В 1151 жители Полоцка подняли восстание против Р.Б., пленили его и выдали минскому князю Ростиславу Глебовичу, заключившему Р.Б. в темницу. Сам Ростислав сел в Полоцке, а в родовом уделе Р.Б. (Друцке) посадил своего сына Глеба. Позже, по требованию Суздальского князя Юрия Долгорукого, Р.Б. был отпущен из темницы и нашел приют в Чернигове у князя Святослава Ольговича, союзника Юрия Долгорукого. В 1158 Р.Б. с помощью армии, которую ему дал Святослав Ольгович, выгнал из Друцка Глеба Ростиславича, вернув себе удел, а в следующем году по призыву полочан выгнал из Полоцка Ростислава Глебовича. После этого Р.Б. предпринял попытку объединить Полоцкую землю под своей властью. В том же 1159 он захватил Изяславль, выгнав сидевшего там Всеволода Глебовича, брата Ростислава, посадив там Брючислава Васильковича из Витебской линии. Всеволоду же Р.Б. дал Стрежев. После этого Р.Б. отправился

в поход на Минск (удел Ростислава Глебовича), однако после десятидневной осады города заключил мир с Ростиславом. В 1160 Ростислав Глебович захватил Изяславль, пленив там Брячислава Васильковича и его брата Володшу. В ответ Р.Б. предпринял новый поход на Минск. После шестинедельной осады Ростислав был вынужден освободить Брячислава и Володшу и заключить новый мир. Однако более серьезным соперником для Р.Б. оказался брат Ростислава, Володарь Глебович, укрепившийся в 1159 в Городце. В 1162 Р. осадил Городец, однако, по сообщению Волынской летописи, Володарь ночью с помощью литовцев предпринял вылазку из города и разбил армию Р.Б., который бежал в Слуцк, а оттуда в Друцк. В Полоцк он решил не возвращаться, на его место полочане призвали Всеслава Васильковича. Вероятно, до самой смерти он княжил в Друцке. После 1162 в летописях о Р.Б. известий нет, однако в 1171 он был еще жив, так как в надписи на валуне (Рогволодов камень), найденном вблизи Друцка, датированной 1171, говорится: «В лето 6679 месяца Мая в 7 день поставленный крест сей. Господи, помоги рабу своему Василию в крещении, именем Рогволоду, сыну Борисову». Умер Р.Б. до 1180, когда князем в Друцке упоминается его сын Глеб. 314, 453, 456–459

Рожков Николай Александрович (1868–1927) – русский историк и политический деятель, автор ряда трудов по русской истории, экономике сельского хозяйства России, экономической и социальной истории. Родился в дворянской семье, отец – учитель. В 1890 окончил историко-филологический факультет Московского университета, участвовал в студенческом движении. Учился на одном курсе с историком М.Н. Покровским. В 1899 защитил диссертацию на тему «Сельское хозяйство Московской Руси в XVI в.» Научным оппонентом на защите был его научный руководитель, историк В.О. Ключевский. В том же году диссертация вышла отдельной книгой и получила большую Уваровскую премию. В ней на большом материале впервые в отечественной историографии анализировался аграрный кризис, поразивший сельское хозяйство Московского государства во 2-й пол. XVI в. Работа над диссертацией во многом предопределила дальнейшую специализацию Р. как историка (экономическая, в особенности аграрная, история), а также его политические воззрения. Впоследствии Р. писал, что в процессе подготовки диссертации стал «фактическим марксистом», поскольку

ку убедился, что «экономика дает ключ к пониманию политики». В начале XX в. Р. — уже автор ряда научных работ и учебников и известный историк. В 1905 стал членом РСДРП, и в течение последующих 15 лет неоднократно выступал как принципиальный оппонент Ленина по различным теоретическим вопросам, в частности, критиковал его аграрную программу (1906), разгон Учредительного собрания (1918), продовольственную политику советской власти (1918), политику «военного коммунизма» (1919) и пр. Был арестован в 1921, затем в 1922. Было принято решение о высылке Р. за границу, однако после его заявления о выходе из партии меньшевиков и согласия сотрудничать с советской властью высылка за границу была заменена ссылкой в Псков с сохранением над Р. строгого надзора. В 1924 вернулся в Москву, отошел от политики, занимался только научной и преподавательской деятельностью. Читал лекции в Академии коммунистического воспитания, в Институте красной профессуры, в МГУ и других вузах. В 1926 Р. был назначен директором Государственного исторического музея. В последние годы жизни ученый работал над своим наиболее крупным трудом — «Русская история в сравнительно-историческом освещении (основы социальной динамики)» (1918–1926, т. 1–12), который завершил незадолго до своей смерти. Ряд историков в своих трудах ссылались на Р. как на признанного авторитета в области аграрной истории России и в области экономики сельского хозяйства. Например, американский историк Д. Блюм использовал выводы Р. относительно кризиса русского сельского хозяйства в кон. XVI в. и ряд других его выводов; М.Н. Покровский ссылался на проведенный Р. анализ взаимосвязи хлебных цен и урожаев зерна. Как указывает д-р ист. наук О.В. Волобуев, труд Р. «Сельское хозяйство Московской Руси в XVI в.» считается значительным вкладом в изучение экономической истории России. В статье канд. экон. наук Д.Я. Майдачевского говорится, что Р. стал «подлинным лидером отечественной экономической историографии», Р. также назван «ревностным и успешным работником в области экономической истории». Действительно, в отличие от работ других историков кон. XIX — нач. XX вв. (С. Соловьева, В. Ключевского, С. Платонова и т.д.), в трудах Р. большое внимание уделялось не только общей истории, но и экономической и демографической истории России, содержалось много уникальных данных в исследуемой области, а также его собственных оценок. 278, 283, 297, 298, 353

Роман Владимирович (1081–1119) – князь Волынский. Сын благоверного Великого Князя Киевского Владимира Мономаха и принцессы Уэссекской Гиты. Из летописей известно о нем только то, что он был послан отцом на княжение во Владимир-Волынский, откуда был изгнан сын Великого Князя Святополка Изяславича Ярослав. После смерти Р.В. наместником отца на Волыни стал князь Андрей Владимирович Добрый. 484

Роман Глебович (ум. 1216) – Великий Рязанский Князь (1180–1207). В начале 1178 вместе с отцом, Глебом Ростиславичем, потерпел поражение в битве на р. Колокше, попал в плен к Князю Всеволоду Большое Гнездо. Отец Р.Г., не выдержав заключения, умер в тюрьме в том же году, а сам Р.Г., пробыв в тюрьме два года, поклялся Всеволоду в верности и был отпущен на княжение в Рязань. Вернувшись домой, Р.Г. стал отнимать волости своих братьев, Пронских князей. Те обратились за помощью к Всеволоду, который быстро подошел с войском к Рязани, разбив сторожевой отряд Р.Г. Сам Рязанский князь бежал к половцам, оставив в Рязани своих младших братьев, Игоря и Святослава. Через некоторое время Р.Г. вынужден был заключить мир с Всеволодом, и Всеволод в 1180 разделил Рязанскую землю между Глебовичами по старшинству, после чего Р.Г. вновь сел на Великокняжеский стол в Рязани. Святослав Киевский предпринял поход против Всеволода, который за несколько лет до этого пришел к власти с его помощью, в поддержку своего зятя (Р.Г. был женат на его дочери), проник в глубь Суздальской земли, но ушел без боя и тем самым не смог изменить положения дел. В 1183 Р.Г. ходил с Всеволодом на волжско-камских булгар; в 1186 в союзе с братьями Игорем и Владимиром взял Пронск, но вскоре был выгнан оттуда Великим Князем; в 1196 вместе с Всеволодом ходил против Ольговичей к Чернигову, а в 1205 и в 1207 – против половцев. В том же году племянники Р.Г., Глеб и Олег Владимировичи, донесли Всеволоду о якобы имевшемся союзе Рязанских князей с Черниговскими, направленном против Великого Князя. На основании этого доноса Всеволод вызвал к себе Р.Г. и Святослава и после суда заключил их в темницу. Лаврентьевская летопись сообщает, что они были отпущены в 1212, и в том же году Р.Г. умер. Однако существует общепринятое мнение историков (Татищев, Войтович и др.), что Р.Г. умер в 1216 в плену. 589–591, 593–596

Роман Мстиславич (Великий, в крещении Борис, ок. 1150–1205) — благоверный князь Новгородский (1168–1170), Волынский (1170–1187, 1188–1199), Галицкий (1188, 1199–1205), 1-й князь Галицко-Волынский (с 1199), Великий Князь Киевский (1201, 1204). 316, 317, 474, 502, 503, 507, 564

Роман Ростиславич (?–1180) — сын Ростислава Мстиславича, князь Смоленский, князь Новгородский, Великий Князь Киевский (1172–1174, 1175–1177). В 1151 помогал Изяславу Мстиславичу отстаивать Киев от Юрия Долгорукого, много содействовал поражению последнего при р. Руте и защищал от него Чернигов. В следующем году помогал Изяславу против Святослава Ольговича. Когда после смерти Изяслава Мстиславича отец Р.Р. в 1154 ненадолго занял киевский престол, Р.Р. княжил в Новгороде. В 1158 участвовал в походе Рогволода Борисовича против других Полоцких князей, в 1159 — в походе Святослава Ольговича против Святослава Владимировича, в 1169 — во взятии Киева войсками Андрея Боголюбского и затем в походе последнего на Новгород. После смерти в Киеве Глеба Юрьевича и Владимира Мстиславича Андрей в 1172 посадил Р.Р. на Великое Княжение Киевское, но через два года, разгневанный отказом Р.Р. выдать киевских бояр, заподозренных в убийстве Князя Глеба Юрьевича, заставил его удалиться из Киева в Смоленск. Р.Р., в отличие от своих младших братьев, подчинялся воле Андрея. После неудачного похода Андрея в Киевскую землю и осады Вышгорода (1173) Киевским Князем стал Ярослав, младший брат свергнутого в 1169 Мстислава Изяславича. После гибели Андрея Боголюбского (1174) Р.Р. сел в Киеве уже в качестве самостоятельного Князя. В периоды Киевского княжения Р.Р. оставлял в Смоленске своего старшего сына Ярополка. В 1177 русские войска, возглавляемые братьями Р.Р. Рюриком и Давыдом, были разгромлены половцами. Виновиком поражения считался Давыд, и Черниговский князь Святослав Всеволодович потребовал от Киевского Князя суда над Давыдом и лишения его доли в Русской земле, т.е. удела в Киевском княжестве. Р.Р. уклонился от этих действий и вынужден был оставить Киев в пользу Святослава в том же году. Один год пробыл в Новгороде, затем ушел на княжение в Смоленск, где и умер. Летопись воздает должное его человеколюбию и заботе о своих подданных. Р.Р. умер, раздав все имущество, а смоляне в знак уважения сами организовали его похороны. Погребен в построенной им церкви св. Иоанна. 314, 325, 436

Романов Борис Александрович (1889–1957) — российский историк. Окончил историко-филологический факультет Санкт-Петербургского университета (1912). Тема докторской диссертации — «Очерки дипломатической истории Русско-японской войны» (1941). Принадлежал к «петербургской школе» историков, своим учителем считал А.Е. Преснякова. В университете специализировался на истории Древней Руси. В 1918–1929 был сотрудником Центрархива: старший архивист, зав. экономической секцией. Под его началом были собраны фонды министерств финансов, торговли и промышленности, банков и акционерных обществ. Это определило его интерес к истории экономической политики России на Дальнем Востоке, что привело к написанию ряда статей, а затем изданию капитального труда «Россия в Маньчжурии». Пришел к выводу, что движущей силой российской экспансии на Дальнем Востоке было Министерство финансов во главе с С.Ю. Витте. Сочетал выбор актуальной темы с тщательным источниковедческим анализом, что было необычно для времени, когда в моде были идеологизированные схемы, часто плохо подкрепленные фактами. Такой подход встретил непонимание со стороны как «официозной» школы Покровского, так и традиционных представителей «петербургской школы» (последние считали, что историк не должен заниматься актуальными для текущего времени темами). В 1930 был арестован по «Академическому делу», приговорен к 5 годам лишения свободы. Более года провел в предварительном заключении, затем отбывал срок на строительстве Беломорско-Балтийского канала (1931–1933). По «зачету рабочих дней» срок был сокращен на полтора года. При аресте у Р. были изъяты все собранные за годы работы научные материалы, которые потом не были ему возвращены. После освобождения из лагеря сотрудничал с академическими научными учреждениями на договорной основе, занимался технической работой: составлял библиографические указатели, писал карточки для древнерусского словаря. Готовил внутренние рецензии на исторические монографии, составил хрестоматию «Революция 1905 г. и западноевропейская пресса», подготовил учебное пособие по Русской Правде. В 1941–1944 работал в Институте истории материальной культуры АН СССР. В 1944–1950 — профессор исторического факультета Ленинградского государственного университета. С 1944 — научный сотрудник Ленинградского отделения Института истории АН СССР (ЛОИИ). Во время Великой Отечественной вой-

ны находился в эвакуации в Ташкенте. После войны выпустил три крупные работы — две капитальные монографии (первая: «Люди и нравы Древней Руси» — основана на скрупулезном анализе того небольшого числа письменных источников, которые дошли до нашего времени от XI — нач. XIII вв.; вторая — «Очерки дипломатической истории Русско-японской войны»), а также комментарии к Русской Правде. В 1949 книга «Люди и нравы Древней Руси» была подвергнута резкой критике за «мизантропический», мрачный характер, чрезмерное внимание к сексуальным, интимным моментам. Был обвинен в том, что «объективно оказался на ложных позициях», стоящих «в прямом противоречии» с задачей воспитывать «чувство национальной гордости нашей великой Родиной, чувство советского патриотизма». В результате была отменена рекомендация экспертной комиссии о присуждении его книге «Очерки дипломатической истории Русско-японской войны» Сталинской премии (в этом труде также были обнаружены «объективистские ошибки»). Р. был уволен из Ленинградского университета. Его отказались допускать к материалам Архива внешней политики России. В настоящее время книга «Люди и нравы Древней Руси» считается классической. В нач. 1950-х Р. занимался изданием Судебника 1550. В 1953 ЛОИИ АН СССР, в котором работал Романов, был ликвидирован, но историк остался работать в Отделе древних рукописей и актов. Через два года институт был восстановлен. В последние годы жизни работал над новым, существенно расширенным изданием «Очерков дипломатической истории Русско-японской войны». Учениками Р. были Б.В. Ананьич, Р.Ш. Ганелин, Н.Е. Носов, В.М. Панеях, А.А. Фурсенко. 91, 92, 194, 197–200

Ростислав Глебович (?–1165) — князь Минский (1146–1151, 1159–1165), князь Полоцкий (1151–1159), сын князя Минского Глеба Всеславича и княжны Анастасии Ярополковны. В 1129 Р.Г. вместе с другими Полоцкими князьями был выслан Мстиславом Великим в Константинополь, но в 1146 вернулся и получил Минское княжение. В 1151 полочане изгнали своего князя Рогволода Борисовича, женатого на дочери Изяслава Мстиславича Волынского, а на его место призвали Р.Г. — союзника Святослава Ольговича Северского и Юрия Долгорукого. В 1151 полочане выслали к Р.Г. князя Рогволода Борисовича. Р.Г. посадил двоюродного брата в темницу, после чего сам занял Полоцкий стол. Но, когда в 1158 Рогволод захватил Друцк, в

Полоцке начался мятеж, так как часть жителей хотела вернуть старого князя. Тогда Р.Г. пошел с войском к брату в Минск, по дороге опустошая полоцкие земли. Рогволод вернулся княжить в Полоцк, затем пошел войной на Р.Г., но у Минска князья помирились. В том же году Р.Г. с братьями захватил Изяславль, и Рогволод возобновил войну. К 1160 летописи относят очередной вооруженный конфликт между Р.Г. и Рогволодом. В 1162 Полоцким князем стал Всеслав Василькович. В 1165 в Минске вновь сидел Володарь, из чего историки делают вывод, что Р.Г. к этому времени уже умер. 457, 458, 460, 461

Ростислав Иванович Берладник (?–1189) — безудельный князь из первой Галицкой династии, сын Ивана Берладника. Р.И. покровительствовал Смоленский князь Давыд Ростиславич. Во время его пребывания у Давыда к нему пришли послы из Галича с предложением принять свое родовое княжество, в котором после смерти Ярослава Осмомысла (1187) шла ожесточенная борьба за власть. Р.И. охотно принял предложение и явился под Галич. Но далеко не все галичане хотели видеть Р.И. своим князем. Дружинники стали уговаривать его вернуться назад, но Р.И. вступил в неравный бой против венгров, окончившийся полным истреблением дружины и его пленением, после чего венгры приложили к ранам Р.И. некое ядовитое вещество, и он скончался. 504–506

Ростислав Мстиславич (ок. 1108–1167) — святой благоверный князь, первый Смоленский князь (1127–1160), Новгородский (1154), Великий Князь Киевский (1154, 1159–1167). 223, 251, 252, 308, 309, 311, 314–316, 359, 424–426, 428, 429, 432, 433, 436, 490

Ростислав Рюрикович (в крещении Михаил, 1172 – после 1218) — князь Белгородский (1180-е 1195), Торческий (1195–1205), Великий Князь Киевский (1205), князь Вышгородский (1205 – после 1218), Галицкий (1210). Сын Великого Князя Киевского Рюрика Ростиславича и Княгини Анны, дочери князя Туровского Юрия Ярославича, шурина князя Галицкого Романа Мстиславича. Был женат (1188) на дочери благоверного Великого Князя Владимирского Всеволода Юрьевича Верхуслане. На месте рождения в Лучине (ныне Люцин, Белоруссия) Р.Р. отец его поставил церковь в честь Архангела Михаила. В 1189 князь Галицкий Роман, изгнанный из Галича венграми, просил своего тестя, князя Овручского Рюрика Ростиславича, отпустить с ним Р.Р. для завоевания Галича. Поход князя Романа

был неудачен, и ему пришлось отпустить Р.Р. домой. С 1190 помогал отцу и Великому Князю Киевскому Святославу в борьбе с половцами. Князья оставили Р.Р. в Торческе на Поросье стеречь границы Руси от степняков. Половцы вскоре предприняли поход на Русь, но Р.Р. только с помощью черных клобуков и князя Ростислава Владимировича хитростью и храбростью одолел степняков, взяв много добычи. Черные клобуки снова просили помощи у русских князей от половцев, но Князь Рюрик на это не пошел и даже посылал Р.Р. в 1193 к ханам лукоморских половцев с приглашением для заключения полного мира в Канев. Р.Р. привез ханов, но из-за разногласий в их среде переговоры с ними ничем не закончились. Тогда Р.Р. тайно от отца со своей дружиной, пригласив на помощь только двоюродного брата, князя Трипольского Мстислава Мстиславича, напал на половцев и взял столь большую добычу, что очень прославился на Руси. Он был приглашен своим тестем, Князем Всеволодом Юрьевичем, почти на год в гости в Суздаль. После смерти Князя Святослава Всеволодовича в 1194 киевский стол перешел к Рюрику Ростиславичу, а Р.Р. получил в 1195 Торческ от своего тестя, который получил этот и другие города Поросья от Князя Рюрика в обход князя Романа Мстиславича, которому они были обещаны. Князь Роман, объединившись с князьями Ольговичами, начал вести со своим тестем долгую борьбу, в которой Р.Р. поддерживал отца и в 1196 опустошил около Каменца часть принадлежавшей тогда князю Роману Волынской области. Когда в 1197 скончался князь Галицкий Владимир, галичане обратились к Князю Рюрику с просьбой дать им на княжение Р.Р., но князь Роман, услышав об этом, соединился с поляками и венграми и пошел походом на Галич. Это заставило галичан, не получивших от Князя Рюрика ответа, принять к себе на княжение Романа. После совместного похода Князей Рюрика и Романа на половцев в 1203 между ними снова начался конфликт. Князь Галицкий захватил тестя в плен вместе с женой и сыновьями, Рюрика, его жену и дочь (жену, с которой он разошелся) велел постричь в монахи, а сыновей Р.Р. и Владимира Рюриковича забрал с собою в Галич и отпустил их только по требованию Великого Князя Всеволода. Р.Р. стал княжить в Киеве до смерти князя Романа. Узнав о смерти Романа, Рюрик снял схиму и вновь объявил себя Князем Киевским вместо сына, которого послал с дружиной на владения Романа Галицкого. В этом походе Р.Р., изгнав князя Ярослава Владимировича, занял Вышгород. Оттуда в 1206 Р.Р. с отцом и Черниговскими князьями ходил на Галич

против малолетних детей Романа. Однако в Галиче сумел посадить своих родичей – северских князей – князь Черниговский Всеволод Святославич Чермный. Позже он изгнал и Князя Рюрика из Киева, после чего между ними настала такая же упорная война (в ней Р.Р. был активным помощником отца), как прежде с князем Романом. В 1210 Рюрику удалось, по соглашению с венгерским королем, добыть для Р.Р. Галич. Однако Р.Р. скоро вернулся в Вышгород, изгнанный галичанами. 597

Ростислав Юрьевич (ум. 1150) – князь Новгородский (1138–1139, 1141–1142), князь Переяславский (1149–1150), старший сын Князя Юрия Долгорукого, брат Князя Андрея Боголюбского. Впервые упоминается в летописи в 1138, когда был призван на княжение новгородцами, желавшими иметь дружественные отношения с Юрием Долгоруким, князем Суздальским. Через год оставил княжение, рассердившись на новгородцев за то, что они не захотели оказать помощь Юрию Долгорукому в его борьбе с Всеволодом Ольговичем, Великим Князем Киевским. В 1141 новгородцы обратились к Юрию Долгорукому, призывая его на княжение, но последний лично ехать отказался и вторично послал в Новгород Р.Ю. Это княжение продолжалось менее года, ибо в 1142 новгородцы, узнав, что Великий Князь Всеволод Ольгович посылает к ним княжить Святополка Мстиславича, сначала заключили Р.Ю. в епископском доме, а затем, по приезде Святополка, отправили Р.Ю. к отцу. В 1147 Р.Ю. совместно с братом Андреем был послан отцом, находившимся в это время в союзе с князем Святославом Ольговичем Черниговским, в помощь последнему в борьбе его с Изяславом Мстиславичем, Великим Князем Киевским. Они разбили дружину союзника Изяслава – князя Ростислава Ярославича Рязанского и заставили последнего бежать к половцам. В 1148 князь Р.Ю. был вновь послан отцом в Южную Русь в помощь Святославу Ольговичу, с тем чтобы завоевать себе удел, так как в Суздальской земле отец не мог дать ему такового. Но, придя на Юг и убедившись в том, что дела Черниговского князя идут плохо и что он хочет заключить с Великим Князем Изяславом мир, Р.Ю. счел за лучшее обратиться к последнему с ходатайством об уделе, заявив, что отец его обидел и не хотел дать ему волости. Изяслав дал Р.Ю. шесть городов на Волыни: Бужск, Межибожы, Котельницу, Городец-Остерский и еще два, неизвестных по имени. В Городец-Остерском был в том же году съезд князей, на котором было решено идти зимой

1149 походом на Князя Юрия Долгорукого, чтобы наказать его за притеснения, чинимые им новгородцам. В съезде участвовал и Р.Ю., но в поход против отца Великий Князь его не взял. По возвращении Изяслава из этого похода в 1149 бояре донесли ему, что якобы Р.Ю. подговаривает против Великого Князя киевлян и берендеев и хочет захватить семью и имущество последнего. Изяслав поверил доносу, несмотря на отрицание Р.Ю. своей вины, заковал его дружину и отправил его к отцу, посадив на барку с четырьмя отроками и отняв у него имение. Явившись к отцу в Суздаль, Р.Ю. заявил ему, что вся Киевская земля и черные клобуки недовольны Изяславом и желают иметь своим Князем Юрия. Последний, возмущенный позорным изгнанием сына, предпринял поход на Изяслава, разбил его под Переяславлем и изгнал из Киева. В Переяславле Юрий посадил князем Р.Ю., где он и княжил до самой смерти. После этого Р.Ю. участвовал в новом походе своего отца против Изяслава Мстиславича (1150), причем усиленно противодействовал заключению мира с последним. Мир, однако, был заключен по настоянию Князя Андрея Боголюбского, а Изяслав отказался от Великокняжеского стола в пользу брата своего, Вячеслава. Когда в скором времени Изяслав вновь нарушил мир и захватил Киев, сын его, Мстислав, захотел отнять у Р.Ю. Переяславль, однако Р.Ю., пригласив на помощь брата Андрея и кочующих торков, разбил и полонил союзников Мстислава — турпеев, что заставило Мстислава отказаться от мысли взять Переяславль. Р.Ю. скончался в 1150, на Страстной неделе, рано утром в Великую пятницу, и погребен братьями Андреем, Глебом и Мстиславом в церкви св. Михаила в Переяславле, близ дядей своих, Андрея и Святослава Владимировичей. 303–307

Рус — по некоторым источникам, современник царя Александра Македонского, родоначальник русского народа. Р. фигурирует в двух (предположительно связанных по устным сказаниям) книжных традициях: арабо-персидской и славянской. В первой он выступает как соперник Словена (Славянина), во второй они изображены братьями. В западнославянском варианте («Великая Польская хроника») братьями Р. — Князя и родоначальника племени русов, названного по его имени, — являются Чех и Лех (родоначальник поляков). Русское «Сказание о Словене и Русе» — позднелетописная повесть XVII в. об эпических предках русского народа и заселении окрестностей Новгорода славянами (так, говорится, что у братьев Р.

и Словена была сестра Илмера, по имени которой якобы называется оз. Ильмень), а также о дальнейшей истории Руси до Рюрика. Р. признается эпическим основателем Русы. До наших дней сохранилось более 100 списков «Сказания...» (с вариантами названий), датированных в основном 2-й пол. XVII в., в том числе в Летописном своде патриарха Никона 1652–1658, «Хронографе» 1679, Новгородской Третьей летописи, Мазуринском летописце Исидора Сназина, новгородских Забелинской и Погодинской летописях. 20, 21

Рыбаков Борис Александрович (1908–2001) — выдающийся советский историк, археолог, один из крупнейших специалистов по истории домонгольской Руси, профессор МГУ (с 1943), академик АН СССР (с 1958), РАН (с 1991), академик Чехословацкой (1960) и Польской (1970) АН, почетный доктор Ягеллонского университета в Кракове (1964), член Исполнительного комитета Международного союза доисторических и протоисторических наук (с 1958) и член Международного комитета славистов (с 1963). Родился в русской старообрядческой семье. Отец ученого окончил историко-филологический факультет Московского государственного университета, был автором трудов по истории раскола, а также основателем и директором Старообрядческого учительского института, созданного в 1911 на средства С.П. Рябушинского. Р. окончил историко-этнологический факультет МГУ (1930). В 1931 поступил на службу в Отдел раннего феодализма Исторического музея. В ходе многолетней работы над колоссальными собраниями ГИМ подготовил фундаментальный труд «Ремесло Древней Руси», защищенный в 1942 в качестве докторской диссертации в эвакуации в Ашхабаде, в 1948 опубликованный отдельным изданием, а в 1949 удостоенный Сталинской премии. В монографии «Древняя Русь. Сказания. Былины. Летописи» он провел параллели между былинными сюжетами и русскими летописями. Он выдвинул гипотезу о том, что отдельные годовые записи в Древнерусском государстве начинают делаться не в XI в., а уже во 2-й пол. IX–X столетии. Ученый детально исследовал древнерусское летописание, предложил версии авторства отдельных летописных фрагментов, подверг тщательному анализу оригинальные известия историка XVIII в. В.Н. Татищева и пришел к выводу, что они опираются на заслуживающие доверия древнерусские источники и что В.Н. Татищев не занимался фальсификацией истории. Р. была выдвинута гипотеза, согласно которой автором «Слова о полку

Игоре» был киевский боярин Петр Бориславич. Согласно другой гипотезе Р., выдающийся мыслитель и публицист кон. XII – нач. XIII вв. Даниил Заточник являлся великокняжеским летописцем при дворах Всеволода Большое Гнездо и его сына Константина. Р. привел аргументы в пользу происхождения славян от скифов-пахарей, живших в Причерноморье еще во времена «отца истории» Геродота (V в. до Р.Х.). В книге «Киевская Русь и русские княжества в XII–XIII вв.» он отнес начало истории славян к XV в. до Р.Х. Р. был крупным археологом, проводил масштабные раскопки в Москве, Великом Новгороде, Звенигороде, Чернигове, Переяславле-Русском, Белгороде Киевском, Тмутаракани, Путивле, Александрове и мн. др. Им были целиком раскопаны древнерусские замки Любеч и Витичев, что дало возможность реконструировать облик небольшого древнерусского города. На этих раскопках учились «раскопчному ремеслу» сотни будущих историков и археологов. 19, 45, 75, 77–79, 94, 137, 140, 141, 144, 145, 163, 166, 167, 172, 180, 181, 191, 240, 242, 279, 392, 393, 395, 396, 402, 406, 426, 444, 447, 450, 460, 522, 532, 565, 566, 579

Рыбников Павел Николаевич (1832–1885) – русский этнограф, собиратель, первооткрыватель эпических сказов Олонецкого края. Своими трудами он предвосхитил деятельность А.Ф. Гильфердинга, показав, что богатейшие залежи народной поэзии могут находиться не только в далекой Сибири, но и в непосредственной близости от Петербурга. Благодаря Р. русская этнография обогатилась былинами таких известных сказителей, как Рябинин, Василий Щеголенок и др. 12

Рюрик (ум. 879) – согласно летописи, первый Русский Князь, родоначальник Княжеской, ставшей впоследствии царской династии Рюриковичей. Существует много версий относительно происхождения Р.: в XVIII – I-й пол. XIX вв. преобладало мнение о скандинавском или финском происхождении, иногда Р. отождествляют с конунгом Рёриком (Hrogeek) из ютландского Хедебю (Дания). По другой версии, Р. – представитель королевского рода ободритов, а его имя – это славянское родовое прозвище, связанное с соколом, который на славянских языках назывался также рарогом. Позднее предлагалась гипотеза о поморянском происхождении Р. Некоторые ученые пытались доказать легендарность его фигуры. Есть летописные известия, позволяющие предположить, что по матери

Рюрик был внуком Новгородского князя Гостомысла. Согласно «Повести временных лет», в 862 варяг Р. с братьями по приглашению племен чудь, ильменские словене, кривичи и весь был призван княжить в Новгород. Это событие, с которого традиционно отсчитывается начало государственности восточных славян, в историографии получило название «Призвание варягов». Летописец назвал причиной приглашения междоусобицу, охватившую жившие на новгородских землях славянские и финно-угорские племена. Рюрик пришел со всем своим родом, называемым «русь». Летопись сообщает, что после смерти братьев Р. Синеуса и Трувора власть сосредоточилась в руках Р. Некоторые считают, что информация о братьях не соответствует истине. Так, по мнению историка Б.А. Рыбакова, имя «Синеус» представляет собой искаженное «свой род» (швед. sine hus), а «Трувор» — «верная дружина» (швед. thru varing). Власть Р. простиралась на Новгород, а также на западно-двинских кривичей (Полоцк) на западе, финноугорские племена меря (Ростов) и мурома (Муром) на востоке. В поздней Никоновской летописи (1-я пол. XVII в.) сообщается о смуте в Новгороде, жители которого были недовольны правлением Р. Событие отнесено к 864, т.е. когда, согласно Ипатьевской летописи, Р. основал Новгород. Чтобы подавить смуту, Р. убил некоего Вадима Храброго. По мнению И.Я. Фроянова, Вадим Храбрый был словенский князь, свергнув которого Р. — варяжский конунг, призванный новгородцами с целью оказания им военной помощи, — захватил власть. В 879, согласно летописи, Р. умирает, оставив малолетнего сына Игоря под опекой своего военачальника и, возможно, родственника Олега. 277, 446

Рюрик (Василий) Ростиславич — благоверный князь Новгородский (1170–1171), Овручский (1173–1194), Великий Князь Киевский (1173, 1181, 1194–1201, 1203–1204, 1205–1206, 1207–1210), Черниговский (1210–1214). 314, 317, 501, 507, 534, 597

Рюрик Ростиславич — князь Перемышльский (1084–1092), сын Ростислава Владимировича, старший из правнуков Ярослава Мудрого, князь-изгой. После гибели отца в Тмутаракани вместе с братьями жил во Владимире-Волынском у своего двоюродного дяди Ярополка Изяславича. В 1084, воспользовавшись его отъездом в Киев к Великому Князю Всеволоду Ярославичу, братья бежали в червенские города и, собрав войско, пришли на Волынь и заняли Владимир. За Ярополка вступился Всеволод, пославший своего сына Владимира

с войском. После того как перекрывший в Олешье в низовьях Днепра торговый путь «из варяг в греки» другой князь-изгой, Давыд Игоревич, добился от Всеволода выделения ему в удел Дорогобужа-на-Волыни, между Всеволодом и Ярополком возник конфликт. Ярополк бежал в Польшу, Владимир Всеволодович захватил Луцк и посадил на княжение во Владимире-Волынском Давыда Игоревича (1085); Р.Р. Всеволод Ярославич отдал Перемышль. После возвращения Ярополка Всеволод Ярославич заключил с ним мир и вернул ему Владимир-Волынский (1087). В том же году Ярополк предпринял поход против Ростиславичей, направившись под Звенигород в княжество Р.Р., но был убит во время похода. Не имея прав на крупнейшие русские столы, Р.Р. смог завладеть юго-западными русскими землями, отстоять их и передать младшим братьям Васильку и Володарю. Впоследствии сын Володаря Владимир объединил Перемышльское и Тереховское княжества в единое Галицкое княжество и основал первую Галицкую династию. 479, 481

С

Савич Александр Антонович (1890–1957) — советский историк, доктор исторических наук (с 1935), профессор (с 1926). С. стоял у истоков научной школы пермских историков-ураловедов, внес значительный вклад в исследование вопросов русской колонизации края, народных движений, хозяйственного освоения Прикамья. Опубликованный С. в Перми курс лекций по истории региона (1925) — «Прошлое Урала» — был первым обобщающим историческим исследованием о крае, охватывающим громадный период от времени заселения Урала человеком и до конца XIX в. В его «Очерках истории крестьянских волнений на Урале в XVIII–XX вв.» (М., 1931) и ряде статей был обобщен значительный, в том числе архивный материал по данной теме. С. были опубликованы также интересные статьи о пугачевском движении на Урале и в Прикамье, о деятельности Чермошского тайного «Общества вольности» в пермском имении Лазаревых в 1836, истории монастырской колонизации и монастырского хозяйства на Урале в XVI–XVII вв. и ряд др. Научная деятельность С. имела важные последствия для развития традиций и опыта пермского исторического краеведения. В 1932 С., в то время профессор Пермского пединститута, был обвинен в том, что не обеспечивает «преподавание своего предмета на основе марксистско-ленинской

методологии» и проводит «антимарксистские установки в своих научных трудах». С. был «отчислен» от занимаемой должности, позднее переведен в Ярославский пединститут. В последующие годы работал в вузах Минска и Москвы, в Государственном историческом музее, Институте истории АН СССР. Последнее место работы – Московский государственный заочный педагогический институт. С. принадлежит более 120 книг и статей, посвященных социально-экономическому развитию России в XV–XVII вв., в частности «Соловецкая вотчина XV–XVII вв.» (1927), работы по истории классовой борьбы, общественной мысли и образования в России, на Украине и в Белоруссии в XVI–XIX вв., истории международных отношений России в XVI–XVII вв. 487

Свенельд (Свенелд, Свеньльд, Свентелд) — варяг, дружинник Игоря. Олег Древлянский убил его сына Люта, что было формальным поводом для начала усобицы между князьями Олегом и Ярополком Святославичами. 33–35, 37, 45, 47

Свердлов Михаил Борисович (р. 1939) — российский историк, доктор исторических наук, профессор Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена, главный научный сотрудник Санкт-Петербургского института истории Российской академии наук. Автор более 100 работ по истории Древней Руси, источниковедению, историографии, по проблемам становления феодализма в славянских странах в VI–XIII вв. Кандидатская диссертация — «Латинские источники по истории Руси IX–XIII вв.» (1969). Докторская диссертация — «Генезис и структура феодального общества Древней Руси» (1983). В 1988 выпустил монографию «От Закона Русского к Русской Правде». В 2008 Российская академия наук присудила М.Б. Свердлову премию им. В.О. Ключевского. 72, 79, 200

Святополк — галицкий боярин, обратившийся с призывом к законной жене Ярослава Осмомысла княгине Ольге Юрьевне и ее сыну Владимиру Ярославичу вернуться в оставленный ими Галич, сообщив им о том, что любовницу отца «Настаську» галичане сожгли, ее незаконного сына Олега заточили, а от Ярослава получили обещание, закрепленное крестоцелованием, что отныне он будет жить с княгиней в мире и правде (1173). Получив эти известия, жена и сын Ярослава вернулись в Галич, однако примирение длилось недолго, и уже в 1174 они вновь покинули Ярослава. 493–495

Святополк Владимирович (Окаянный, в крещении Петр, ок. 979–1019) — князь Туровский (с 988), Князь Киевский (1015–1016, 1018–1019). По рассказу «Повести временных лет», рожден гречанкой, вдовой Киевского Князя Ярополка Святославича, взятой в наложницы его братом, благоверным Князем Владимиром. Летопись говорит, что гречанка тогда уже была беременна, таким образом, отцом С.В. был Ярополк. Тем не менее Владимир считал его своим законным сыном (одним из старших) и дал ему удел в Турове. Туровские земли граничили с Польшей, и потому именно С.В. избрал Владимир в качестве кандидата на бракосочетание с польской принцессой, дочерью польского князя Болеслава Храброго. Незадолго до смерти Владимира С.В. был взят под стражу вместе с женой и находился в Киеве. Причиной ареста С.В. был, по-видимому, план Владимира завещать престол своему любимому сыну Борису. После кончины Владимира (1015) С.В. вышел на свободу и без особых затруднений вступил на престол; его поддержал и народ, и бояре, составлявшие его окружение в Вышгороде под Киевом. В течение того же года были убиты три сводных брата С.В. — Борис, Муромский князь Глеб и Древлянский князь Святослав. «Повесть временных лет» обвиняет С.В. в организации убийства Бориса и Глеба, которые при Ярославе были прославлены как святые мученики и являлись родными сыновьями убийцы его отца. Согласно летописи, С.В. послал вышгородских мужей убить Бориса, узнав же, что брат еще жив, велел варягам добить его. Глеба он, согласно летописи, призвал именем отца в Киев и послал людей убить его по дороге. Святослав погиб, пытаясь бежать от убийц в Венгрию. Началась борьба за власть между С.В. и Ярославом. В 1016 Ярослав выступил с новгородским и варяжским войском против брата. Войска встретились под Любечем на Днепре, ни одна сторона долго не решалась первой перейти реку и дать бой. Наконец, Ярослав атаковал, воспользовавшись моментом, когда С.В. пировал с дружиной. Войска Киевского Князя были разбиты и сброшены в реку, Ярослав захватил Киев. Разбитый Князь удалился в Польшу, где призвал на помощь тестя, князя Болеслава I Храброго. В 1018 при поддержке польских и печенежских войск С.В. и Болеслав двинулись в поход на Киев. Дружины встретились на Буге, где польская армия под командой Болеслава разбила новгородцев, Ярослав снова бежал в Новгород. С.В. снова занял Киев. Не желая содержать войска Болеслава, поставленные в русских городах на прокорм, он разорвал союз и изгнал поляков. Вместе с Болесла-

вом ушли и многие киевские бояре. Меньше чем через год лишившийся военной силы С.В. вынужден был снова бежать из Киева от вернувшегося с варягами Ярослава. Киевский Князь призвал на помощь других союзников, печенегов, надеясь с их помощью вернуть власть. В решающей битве на р. Альте (недалеко от того места, где погиб Борис) С.В. потерпел поражение. Согласно Новгородской Первой летописи, после битвы на Альте С.В. бежал к печенегам, и дальнейшая его судьба не указана. По рассказу «Повести временных лет», братоубийца был наказан параличом и безумием и умер во время бегства. В летописном и житийном рассказах о Борисе и Глебе, созданных начиная с третьей четверти XI в., С.В. предстает одним из наиболее отрицательных персонажей средневековой русской истории; Святополк «Окаянный» — такой постоянный эпитет этого князя в летописи и житиях. 36, 55, 73, 75, 76, 81, 548

Святополк Мстиславич (в крещении Иван, ?–1154) — князь Полоцкий (1132), Псковский (1138–1140), Берестейский (1140), Новгородский (1132, 1138, 1142–1148), Луцкий (1150–1151, 1151–1152) и Волынский (1149, 1151–1154), сын Князя Мстислава Владимировича. Согласно В.Н. Татищеву, отец, умирая (1132), завещал ему Новгород Великий, но туда С.М. в первые годы после смерти Мстислава попасть не довелось. В 1132 его брат Изяслав, получив от дяди, Великого Князя Киевского Ярополка Владимировича, приглашение занять Переяславский стол, который младшие Мономашичи не хотели уступать сыновьям своего покойного брата Мстислава, уехал туда из Полоцка, где оставил С.М., но полочане вскоре выгнали его, недовольные отъездом Изяслава. В 1135 участвовал в походе своих братьев, Всеволода и Изяслава, которые в союзе с Ольговичами пошли на своих дядьев, желая вернуть себе Переяславское княжество, занятое Юрием Долгоруким. В 1137 С.М. сопровождал своего брата Всеволода сначала в Новгород, куда последнего звали его сторонники, а затем, когда новгородцы изгнали Всеволода, в Псков. В 1138 Всеволод умер, и псковичи посадили у себя С.М. Он княжил там до 1140, когда Великий Князь Всеволод Ольгович дал ему с братом, Владимиром Мачешичем, Берестье, не желая отпускать их к новгородцам, которые, не приняв его сына Святослава, хотели получить в князья одного из младших Мстиславичей. Однако в 1141–1142 Великий Князь отпустил С.М. в Новгород благодаря ходатайству жены Всеволода, родной сестры С.М. Агафьи. В 1148 его брат Изяслав,

ставший (1146) Великим Князем, вывел С.М. из Новгорода и посадил там своего сына Ярослава, а брату отдал Владимир-Волынский. В 1149 С.М. участвовал вместе с братом в войне с Юрием Долгоруким. Во Владимире-Волынском С.М. сидел недолго и уступил его брату Изяславу, изгнанному из Киева Юрием Долгоруким. В 1150 С.М. владел Луцком. Когда Изяслав с помощью венгров снова двинулся на Юрия, С.М. сопровождал брата, чтобы охранять его от Галицкого князя Владимирка Володаревича, следовавшего за войском Изяслава. В том же году помогал брату в борьбе с Юрием и вновь получил Владимир-Волынский, где и сидел до самой смерти. В 1152 Великий Князь Изяслав Мстиславич предпринял поход против Владимирка. С.М. пришел к брату в Пересопницу со своим полком, но Изяслав отправил его назад во Владимир. В том же году С.М. ходил с Изяславом в Новгород против сына Юрия, Василька, но этот поход закончился миром. В 1153 участвовал в походе Изяслава против Галицкого князя Ярослава Владимировича Осмомысла. Это был его последний поход; он скончался, идя па помощь Изяславу. С.М., по-видимому, не отличался особенными способностями и не обладал личной инициативой. Ни разу не предпринял ничего самостоятельно и только оказывал помощь другим, главным образом своему брату Изяславу. 287, 303, 305–310, 451

Святополк-Михаил (1050–1113) — благоверный князь Полоцкий (1069–1071), Новгородский (1078–1088), Туровский (1088–1093), Великий Князь Киевский (1093–1113). 158, 159, 161, 162, 164–166, 170–173, 175, 178–181, 183, 188–191, 205, 248, 252, 371, 422, 479, 481, 483

Святослав Владимирович (?–1167) — князь Вщижский (1157–1167), сын Владимира Давыдовича Черниговского. В 1156 принял выступление с целью увеличить свои владения, захватил несколько городов на Десне, но был разбит своим троюродным братом Святославом Всеволодовичем. В 1157 с началом борьбы своего дяди Изяслава Давыдовича за Киевское княжение оборонял Чернигов от Святослава Ольговича и Святослава Всеволодовича. Столица княжества все-таки была отдана Святославу Ольговичу, но основная часть земель княжества сохранилась за Изяславом и С.В. В 1159, когда Изяслав лишился Киевского престола в пользу Ростислава Мстиславича Смоленского, союзники подступали ко Вщижу, но город был спасен войском Андрея Боголюбского. Однако после его ухода С.В. пришлось признать старшинство Святослава Ольговича, Изяслав в

1161 погиб в бою за Киев. По смерти Святослава Ольговича на Черниговском княжении (1164) С.В., являясь старшим в роду потомков Святослава Ярославича, не предпринял попыток вмешаться в борьбу за Чернигов между Святославом Всеволодовичем и сыном Святослава Ольговича Олегом. По смерти С.В. в 1167 Вщиж отошел во владение потомков Всеволода Ольговича. 532

Святослав Владимирович (ок. 982–1015) — князь Древлянский (ок. 990–1015), сын Владимира Святославича. В 1015, узнав о гибели Бориса и Глеба, С.В. покинул свою столицу и попытался бежать в Карпаты. Погоня догнала князя на берегу Опира, близ нынешнего города Сколе. В битве погибли сыновья С.В. и он сам. В отличие от двух других братьев, убитых Святополком — Бориса и Глеба, — С.В. не был причислен к лику святых. Гибель С.В. и борьба за власть между сыновьями Владимира Святославича лишила карпатских хорватов последнего союзника, и долины Боржавы и Латорицы были аннексированы венграми. 55

Святослав Всеволодович (1196–1252) — благоверный князь Новгородский (1200–1205, 1207–1210), Юрьев-Польской (1213–1228, 1248–1252), Переяславский (1228–1238), Суздальский (1238–1246), Великий Князь Владимирский (1246–1248). 324, 335, 340, 341, 351, 352, 380, 604, 606, 607, 609

Святослав Всеволодович — внук Олега Святославича, князь Черниговский. Когда в 1177 русские потерпели поражение от половцев, то С.В., возлагая вину за это на Давыда Ростиславича и апеллируя к существовавшему договору между Черниговскими, Киевскими и Смоленскими князьями, потребовал от Романа Киевского, брата Давыда, лишить Давыда волости. Когда Роман отказался исполнить это требование, С.В. обратился к другим союзникам и объявил войну самому Роману. Столкновение это кончилось уступкой Киева С.В. 238, 434, 507

Святослав Игоревич (942–972) — князь Новгородский, Великий Князь Киевский (с 945). Прославился как полководец. Формально стал Великим Князем в трехлетнем возрасте после гибели в 945 отца, Великого Князя Игоря, но самостоятельно правил примерно с 960. При С.И. Русским государством в значительной мере управляла его мать — Княгиня Ольга — сначала из-за малолетства С.И., затем из-

за постоянного пребывания его в военных походах. В 955–957 Ольга приняла Христианство и пыталась обратить сына. Но С.И. до конца остался язычником, объясняя, что христианин не будет пользоваться авторитетом у дружины. Совершал походы с 964. Разгромил (965) Хазарский каганат, основав на месте Саркела русское поселение Белая Вежа, а Тмутаракань подчинив Киеву. Выйдя к Азовскому морю, С.И. основал в районе Кубани крепость Тмутаракань, ставшую впоследствии столицей русского Тмутараканского княжества. Победил племена аланов, ясов и касогов, союзников каганата, тревоживших набегами юго-восточные рубежи Руси. В 966 С.И. победил вятичей и обложил их данью. В 967 между Ромейской Империей и Болгарским царством разгорелся конфликт, и Ромейский Император Никифор Фока отправляет к С.И. посольство, чтобы склонить русов к набегу на Болгарию. В 968 С.И. вторгся в Болгарию и после войны с болгарами обосновался в устье Дуная, в Переяславце, куда к нему была выслана «дань с греков». Затем С.И. вынужден был вернуться в Киев, чтобы защитить город от набега печенегов. В это время скончалась княгиня Ольга, и С.И. посадил сына Ярополка на Киевское княжение, Олега — на Древлянское, Владимира — на Новгородское. Затем С.И. снова пошел на Болгарию. В ходе второго похода была захвачена столица Болгарского царства, Преслав Великий, после чего болгарский царь заключил вынужденный союз со С.И. Болгары попросили помощи у Ромейской Империи, началась подготовка царского династического брака для закрепления союза между Ромейской Империей и Болгарией, однако в результате переворота 969 Никифор Фока был убит, а на константинопольском троне оказался Иоанн Цимисхий. Пока Ромейская Империя медлила оказать прямую вооруженную помощь болгарам, они заключили союз со С.И. и в дальнейшем сражались против Ромейской Империи на стороне русов. Весной 970 С.И. в союзе с болгарами, печенегами и венграми напал на владения Ромейской Империи во Фракии. Полководец Варда Склир избегал сражения в открытом поле, сохраняя силы в крепостях. Войско С.И. дошло до Аркадиополя (в 120 км от Константинополя), где и произошло генеральное сражение. По сообщениям греческих источников, были окружены и перебиты все печенеги, а затем были разгромлены основные силы С.И. По словам русского летописца, С.И. вплотную подошел к Царьграду, но отступил, взяв лишь большую дань, включая и на погибших воинов. В апреле 971 Император Иоанн I Цимисхий лично выступил про-

тив С.И. во главе сухопутной армии, отправив на Дунай флот из 300 кораблей, чтобы отрезать путь отступления русам. 13 апреля 971 была захвачена болгарская столица Преслав Великий, где в плен попал болгарский царь Борис II. Части русских воинов во главе с воеводой Сфенкелом удалось прорваться на север в Доростол, где находился С.И. с основными силами. 23 апреля 971 Цимисхий подошел к Доростолу. В сражении русы были отброшены в крепость, началась трехмесячная осада. 21 июля произошло еще одно генеральное сражение, в котором С.И., по словам ромейских хронографов, получил ранение. Сражение окончилось безрезультатно для обеих сторон, однако после него С.И. вступил в мирные переговоры. Условия русов Иоанн Цимисхий безоговорочно принял. С.И. с войском должен был покинуть Болгарию, греки обеспечивали его воинов запасом хлеба на два месяца. С.И. также вступал в военный союз с Ромейской Империей, восстанавливались торговые отношения. На этих условиях С.И. ушел из Болгарии, сильно ослабленной войнами на ее территории. При возвращении из этого похода С.И. был убит печенегами на днепровских порогах. 33, 36, 37, 47, 48, 50, 558, 559

Святослав Мстиславич (в крещении Симеон) — князь Новгородский (1218–1219), князь Полоцкий (1222–1232), князь Смоленский (1232 – ок. 1238), сын Мстислава Романовича Старого, двоюродный племянник благоверного князя Мстислава Удатного. В 1218 С.М. сел на Новгородском столе, но через полгода был вынужден оставить Великий Новгород. В 1222, когда смоляне взяли Полоцк, С.М. сел там. В 1230, по смерти Мстислава Давыдовича, Смоленский стол должен был перейти к С.М., но смоляне не захотели иметь его своим князем. Тогда С.М. в 1232 с помощью полочан взял Смоленск приступом и сел на княжение. Погиб С.М., судя по всему, во время татаро-монгольского нашествия. 361–363, 365, 368, 369, 494

Святослав Ольгович (в крещении Николай(?), в иночестве – Гавриил, ?–1164) — князь Новгородский (1136–1138, 1139–1141), Курский (1138–1139), Белгородский (1141), Новгород-Северский (1141–1157), Черниговский (1154–1155, 1157–1164). Сын Новгород-Северского князя Олега Святославича, внук Великого Киевского Князя Святослава Ярославича. В 1136 новгородцы выгнали от себя Всеволода Мстиславича и позвали С.О. У низложенного князя в городе оставались сторонники, отчего Новгород, по словам летопис-

ца, разрывался надвое. На С.О. было совершено покушение, но он остался жив. Всеволод сел в Пскове, С.О. пытался выгнать его оттуда, но безуспешно. Между тем Мономаховичи и союзники устроили Новгороду экономическую блокаду за то, что новгородцы держали у себя Ольговича. Тогда новгородцы выгнали С.О. и призвали Ростислава Юрьевича из Суздаля. С.О. направился в Киев, но по пути его захватили в плен смоляне и держали в заключении в монастыре, ожидая, чем кончится распря Ярополка Владимировича Киевского с братом С.О., Всеволодом Ольговичем. Когда те помирились, С.О. удалось добраться до Киева (1138). В 1139 Всеволод Ольгович сел в Киеве, С.О. дал Курск, а на словах обещал Переяславль, где княжил Андрей Владимирович. Тем же летом С.О. ходил на Переяславль, встретился по дороге с дружиною Андреевой и был разбит. В том же году отец Ростислава Юрьевича, князь Юрий Владимирович, прибыв в Смоленск, звал новгородцев в поход на Киев, но безуспешно, и Ростиславу пришлось бежать в Смоленск к отцу. Князем в Новгороде стал опять С.О., но ненадолго, в 1141 Всеволод отозвал брата в Киев, а новгородцев просил принять князем своего сына. С.О., не дождавшись племянника, сбежал в Стародуб. Оттуда Всеволод вызвал его в Киев. С.О. стал опять князем в Курске и в Черниговском уделе — Новгороде-Северском. После Всеволод дал ему в княжение Белгород. В связи со встречей С.О. с его союзником Юрием Долгоруким в 1147 в летописи впервые упоминается Москва. В 1157–1161 С.О. в союзе с Ростиславом Мстиславичем Смоленским, Мстиславом Изяславичем Волынским, Ярославом Владимировичем Галицким Осмомыслом и черными клобуками боролся против Изяслава Давыдовича Киевского, Анрея Юрьевича Боголюбского, Великого Князя Владимирского, и половцев, в результате чего Изяслав погиб, Ростислав занял Киевский престол, а С.О. смог удержать Чернигов. В 1164 по смерти С.О. ему наследовал племянник Святослав Всеволодович, а сын Олег уехал в Новгород-Северский. 227–229, 231–233, 237, 246, 282, 287, 300–307

Святослав Ростиславич (?–1170) — князь Новгородский (1158–1160, 1162–1168), князь Торопецкий, сын Великого Князя Киевского Ростислава Мстиславича. Принимал активное участие в борьбе Ростислава с Глебом Юрьевичем и половцами, которых Глеб приводил брать Переяславль-Южный. С.Р. тогда пробрался через вражеский стан в осажденный город и возглавил защиту Переяславля. Спас

жизнь отцу, когда Ростислав, оставленный союзниками, был разбит под Черниговом и бежал: во время бегства у Ростислава пал конь и враги вот-вот должны были схватить его; С.Р. отдал отцу своего коня и отвлек неприятеля на себя. Ростислав, уходя из Новгорода на борьбу с Юрием Долгоруким за Киевский стол, оставил вместо себя сына Давыда. Увидев, что Ростислав проиграл борьбу и ушел в Смоленск, новгородцы прогнали Давыда (1155) и посадили у себя Мстислава Юрьевича. В 1157 в Новгороде вспыхнула борьба между сторонниками и противниками Ростиславичей; Мстислава изгнали. Тогда Ростислав посадил на Новгородский стол С.Р., а в Торжке — Давыда. Вскоре благоверный Князь Андрей Юрьевич Боголюбский послал сказать новгородцам, что хочет любой ценой княжить в их городе. Тогда новгородцы схватили С.Р. с семьей и дружиной, после чего, разграбив его имение, отправили С.Р. под стражей в Ладогу. Ему удалось бежать оттуда в Полоцк, а затем Рогволод Борисович проводил его к родным в Смоленск. Скоро Андрей урядился с Ростиславом; князья уговорились, чтоб Новгород опять перешел к С.Р. Во время осады шведами Ладоги (1164) С.Р. с новгородцами помог ладожанам и разгромил шведов. Перед смертью Ростислав взял с новгородцев клятву жить со С.Р. в мире и не искать другого князя, однако сразу же после смерти Ростислава и вокняжения в Киеве Мстислава Изяславича новгородцы начали интриговать против С.Р., и тот ушел в Великие Луки. Новгородцы пошли на него, и С.Р. перешел в Торопец, оттуда — на Волгу, получил помощь от Андрея Боголюбского и сжег Торжок. Боголюбский собрал против Новгорода крупные силы, занял все его владения, перекрыл все пути оттуда на юг и восток и безуспешно пытался заставить новгородцев принять С.Р. Те приложили все силы, чтобы снестись с Великим Князем Мстиславом. В 1168 в Новгород, наконец, прибыл сын Мстислава Роман. С.Р. еще некоторое время боролся с новгородцами, но больше на том столе не сидел. 311, 314–317, 359, 372

Святослав Ярославич (в крещении Николай, 1027–1076) — князь Черниговский (1054–1073), Великий Князь Киевский (с 1073), третий сын Великого Князя Ярослава Мудрого и Ингегерды Шведской. В 1054 С.Я. получил от отца Чернигов. Среди братьев С.Я. выделялся способностями и энергией, входил в так называемый «триумvirат Ярославичей» (1054–1073) и правил Русью вместе со старшим братом Изяславом и младшим Всеволодом. В 1067 С.Я. вместе с братья-

ми предпринял поход против беспокойного Всеслава Полоцкого, который был разбит и посажен в тюрьму в Киеве. В союзе с Изяславом и Всеволодом С.Я. вел борьбу с торками, силу которых им удалось сломить (1060), и половцами, борьба с которыми была неудачна. В 1067 братья собрали большую рать и двинули ее против Полоцкого князя Всеслава Брячиславича, разорившего накануне новгородские волости и ограбившего Новгород Великий. Огромное войско осадило и затем взяло Минск. На р. Немиге произошла жестокая битва, Полоцкий князь потерпел поражение и бежал. Через несколько месяцев братья, пригласив Всеслава якобы для подписания мира, вероломно схватили его и заключили в киевскую тюрьму. В 1068 половцы напали на Переяславское княжество; братья вышли против них, но были разбиты на р. Альте и бежали. С.Я. быстро оправился и нанес вторгнувшимся в Черниговскую область половцам сильное поражение у Сновска, что значительно подняло его авторитет на Руси. Изяслав же не сумел справиться с половецким нашествием и был изгнан из Киева, однако вскоре вернулся туда с польскими войсками и по ходатайству его братьев С.Я. и Всеволода был вновь принят киевлянами. В то же время С.Я. успел посадить в Новгороде одного из своих сыновей, Глеба. С.Я. вместе с братьями составил Русскую Правду, разработал правила наследования Великого княжения и столов в уделах. В 1072 в Вышгороде состоялось торжественное перенесение мощей свв. Бориса и Глеба из обветшавшей деревянной церкви в новую, каменную, построенную специально для этого Изяславом. В 1073 С.Я., вступив в заговор со Всеволодом, сверг Изяслава, который бежал в Европу. Когда С.Я. умер (1076), Киевский престол занял Всеволод, но вскоре уступил его Изяславу, а сам вернулся в Чернигов. С.Я. покровительствовал святым Антонию и Феодосию, заложил в Киево-Печерском монастыре Успенскую церковь и подарил монахам этого монастыря 100 гривен золота. Построил в Чернигове монастыри Елецкий и Ильинский. Летописец отмечает его любовь к книгам, памятником которой остался так называемый «Святославов Изборник» (1073) с изображением С.Я. и его семьи. Второй Изборник был переписан для него в 1076. Сыновья С.Я., Давыд и Олег, стали родоначальниками двух ветвей Черниговских князей — Давыдовичей и Ольговичей. Из Ольговичей был святой Михаил Черниговский, от которого происходят многие княжеские роды России; ныне существующий род князей Горчаковых — потомки С.Я. по прямой мужской линии. Сын от второго брака Ярослав стал пред-

ком династии Муромских и Рязанских князей (впоследствии Великих Князей Рязанских), пресекшейся в начале XVI в. 101, 102, 104, 135, 141, 142, 146–148, 183, 184, 187, 246, 422, 450

Святохна (XIII в.) — жена князя Полоцкого *Бориса Давыдовича*, дочь некоего поморского князя Казимира. Упоминается под 1217 в «Повести о Святохне» Полоцкой летописи, пересказанной В.Н. Татищевым в «Истории Российской». Внешне приняв Православие, С. продолжала держать при себе священника «латинской веры» и вела политические интриги в пользу своих земляков. Этими действиями вызвала недовольство полочан, была предана суду и всенародно сожжена. 461–463

Семен Борисович (?–1230) — боярин Славенского конца, посадник новгородский (1219, у Фроянова 1216). В 1215 входил в состав посольства в Торжок к Князю Ярославу Всеволодовичу с просьбой прекратить торговую блокаду. Ярослав арестовал С.Б. В 1224 освящены созданные им приделы Павла Исповедника, Симеона Богоприимца, святых Константина и Елены в церкви св. Павла (Павлов монастырь). В 1230 поддержал посадника Внезда Водовика, против которого Степан Твердиславич подбил выступить горожан. Восставшие убили С.Б., жену арестовали, двор разграбили, имущество раздали по сотням. Погребен в соборе Юрьевского монастыря. В 1238 его вдова организовала Павлов монастырь в Славенском конце. 354, 368, 410, 414

Семен Емин — новгородский тысяцкий (1219). Возглавил поход новгородцев на р. Двину (в Таймокары), но дружина была задержана Суздальскими князьями (1219). По возвращении С.Е. инициировал обвинение против посадника Твердислава Михалковича и тысяцкого Якуна Намнежича в сговоре с Суздальскими князьями, после чего они были лишены степеней в пользу Семена Борисовича и С.Е. В конце 1219 С.Е. отстранили от должности. 366, 367

Семеон (? — ок. 1198) — епископ Смоленский (с 1190?). В 1197 принимал участие в погребении Смоленского князя Давида Ростиславича в церкви Бориса и Глеба. 436

Серпион (+ 1275) — епископ Владимирский и Суздальский, святитель. Память 12 июля и в Соборе Владимирских святых. 98, 112, 113

Сербина Ксения Николаевна (1903–1990) — историк, источниковед, археограф и краевед, старший научный сотрудник Ленинградского отделения Института истории Академии наук СССР (1951–1982). Тема докторской диссертации — «Очерки из социально-экономической истории русского города. (Тихвинский посад в XVI–XVIII вв.)». Занималась историей крестьянской промышленности в России, среди опубликованных ею работ: «Материалы по истории крестьянской промышленности: Сборник документов. (1935. Т. I; Л., 1950. Т. II, сост. в соавт.); «Крестьянская железоделательная промышленность. XVI – первая половина XIX вв. Северо-Запад России» (1971). 89

Сергеевич Василий Иванович (1832–1910) — российский юрист, профессор Московского (с 1871) и Санкт-Петербургского (с 1872) университетов, глава государственной юридической школы в России. В 1867 защитил магистерскую диссертацию «Вече и князь. Русское государственное устройство и управление во времена князей Рюриковичей», а в 1871 докторскую — «Задача и методы государственных наук». В своих работах С. рассматривал также вопросы о древнерусском землевладении, крепостном праве, различных категориях сельского населения, написал ряд работ по отдельным вопросам истории права в России, как-то: Земские соборы, екатерининская комиссия, договоры с греками, образование государственной территории и пр. Эти работы сохранили свою научную ценность до сегодняшнего времени. В 1883 С. издал «Лекции и исследования по истории русского права», собрав здесь все свои научные труды. Капитальный труд С. «Русские юридические древности» (1890, т. 1; 1893, т. 2, вып. 1; 1896, т. 2, вып. 2) представляет собой начало новой переработки истории русского права до конца XVII в. В тексте приводятся и комментируются характерные места из источников почти по всем вопросам, или предлагаются новые оригинальные выводы, или приводятся новые соображения в пользу прежде высказанных взглядов. Даже отделы, ранее исследованные С., написаны вновь и по новому плану. 171, 198, 226, 237, 242, 433, 526, 529, 578, 606, 607

Симеон — полоцкий тысяцкий при князе Борисе Давыдовиче. Святохна организовала его убийство (как и посадника Воина и ключника Добрыни). 462

Симон — святой, первый епископ Владимирский и Суздальский. 610

Славен (Словен) — скифский князь из «Сказания о Словене, Русе и городе Словенске», легендарный предок русского народа, основатель Новгорода (Словенска). По «Сказанию» С. — современник Александра Македонского. 20, 21

Смирнов Иван Иванович (1909–1965) — советский историк, доктор исторических наук, профессор ЛГУ. В 1950 за свои исследования получил Сталинскую премию второй степени за 1949. Автор книг: «Восстание Болотникова. 1606–1607» (1951); «Очерки политической истории Русского государства 30–50-х гг. XVI в.» (1958); «Очерки социально-экономических отношений Руси XII–XIII вв.» (1963). Один из основателей школы по изучению истории крестьянства и аграрной истории. Среди учеников этой школы такие историки, как заслуженные деятели науки РСФСР А.Г. Маньков и Ю.Г. Алексеев 166–168, 171, 174, 175, 188, 190, 195–197, 199, 280

Смирнов Михаил Павлович (?–1877) — русский историк, профессор русской истории в Новороссийском университете. Степень магистра получил за сочинение «Судьбы Червонной, или Галицкой, Руси», которое в свое время представляло один из первых трудов по русской областной истории вообще и галицкой в особенности. В 1861 С. прочел на акте Рижельевского лицея речь «Спор между Литвой и Польшей о правах на Воынь и Подолию» (опубликовано в приложении к отчету Лицея). В 1868 получил степень доктора за исследование «Ягайло Яков Владислав и первое соединение Литвы с Польшей». 474

Соколов Платон Петрович (1863–1923) — российский и украинский правовед, доктор церковного законовещения, профессор ярославского Демидовского юридического лицея (с 1898), Киевского университета (с 1901), декан юридического факультета Киевского университета (1914–1918). Одновременно с 1907 преподавал церковное право на Высших женских курсах. Был членом Киевского юридического общества. Исследовал историю имущественных правоотношений в Православной Церкви, судебно-административную деятельность церкви и т.д. Автор трудов «Проект царя Феодора Олексеевича о подчиненных епископов» (1906), «Русский архиерей

из Византии и право его назначения до начала XV в.» (1913). 543, 550, 552

Соловьев Сергей Михайлович (1820–1879) – русский историк, профессор Московского университета (1848), ректор Московского университета (1871–1877), ординарный академик Санкт-Петербургской Императорской Академии наук по Отделению русского языка и словесности (1872), тайный советник. Сын священника, С. отличался глубоким религиозным чувством, сказавшимся позже в том значении, какое он придавал религии в исторической жизни народов вообще и Православию в применении к России, в частности. В 1845 защитил магистерскую диссертацию «Об отношениях Новгорода к Великим Князьям», которая сразу показала С. как крупную научную силу с оригинальным умом и самостоятельными воззрениями на ход русской исторической жизни. Вторая работа С. – «История отношений между русскими князьями Рюрикова дома» (Москва, 1847) – доставила ему степень доктора русской истории. Огромная начитанность, глубина и разносторонность знаний, широта мысли, спокойный ум и цельность миросозерцания составляли отличительные черты С. как ученого; они же обуславливали и характер его университетского преподавания. Фундаментальный труд С. «История России» (доведена до 1774) стал эпохой в развитии русской историографии и создал историческую школу. Своеобразным продолжением «Истории России» можно считать книги С. «История падения Польши» (1863) и «Император Александр Первый. Политика, Дипломатия» (1877). Написал также «Учебную книгу русской истории» (1859) применительно к гимназическому курсу и «Общедоступные чтения о русской истории» (1874), адаптированные к уровню народной аудитории, но выходящие из тех же начал, что и главный труд С. Сыновьями С. были Владимир (выдающийся русский философ, поэт, публицист, сыгравший значительную роль в развитии русской философии и поэзии кон. XIX – нач. XX вв.) и Всеволод (автор исторических романов и хроник). 46, 49, 72, 75, 117, 138, 139, 165, 166, 170, 181, 219, 226, 239, 248, 272, 273, 278, 283, 294, 295, 300–303, 311, 312, 328, 329, 333, 349, 356, 365, 369, 378, 383, 407, 476–479, 484, 495, 496, 520, 521, 527, 528, 532, 543, 547, 550, 568, 573, 582, 590, 592, 606, 608

Солон (между 640 и 635 – ок. 559 до Р.Х.) – законодатель, афинский политический деятель и социальный реформатор, поэт, один

из «семи мудрецов» Древней Греции. Будучи избранным в 594–593 гг. до Р.Х. архонтом и айсимнетом, С. провел ряд реформ, прежде всего, отменил жестокие Законы Драконта, за исключением тех, которые касались убийств. Важнейшая из реформ состояла в том, что С. ликвидировал долговое рабство и приказал снять все долговые камни, которые устанавливались ранее на земле должника. Разделил всех граждан на 4 разряда. Граждане первых трех разрядов могли занимать высшие должности, беднейшие граждане имели право участвовать только в Народном собрании и в судах. Высшей законодательной властью в Афинах стало Народное собрание. Законы С. должны были действовать в течение 100 лет. Они были написаны на специальных досках, выставленных для всеобщего обозрения на городской площади. Реформы С. заложили основы афинской рабовладельческой демократии. 202–204

Сотко Сыггинич (XII в.), — новгородец, прославившийся тем, что на собственные средства построил на территории Кремля храм святых князей Бориса и Глеба (1167). Этот храм был построен на месте сгоревшего в 1045 первого новгородского храма (во имя Святой Софии, Премудрости Божией, кон. X в.). Храм, построенный С., был по новгородским меркам огромным и, согласно летописному известию под 1218, являлся вечевым храмом всего Людина конца. Существует версия, что С. является прототипом былинного героя, купца Садко. 370, 372, 373

Спиридон (?–1249) — архиепископ Новгородский и Псковский (1230). 410, 412

Спицын Александр Андреевич (1858–1931) — русский советский археолог, профессор, член-корреспондент АН СССР (1927). С 1892 сотрудник Российской Императорской Археологической комиссии, в 1919 преобразованной в Российскую Академию истории материальной культуры (РАИМК). Автор около 300 научных работ и публикаций. Крупнейший специалист по средневековым русским надписям. Занимался изучением, систематизацией, каталогизацией древностей России (бронзовый век, скифо-сарматские, волжско-камские, славянские). Одним из первых в России применил многие передовые методы изучения древностей, в частности сравнительно-типологический и картографический методы. Датировал многие важнейшие археологические памятники. В кандидатской диссертации

ции отстаивал собственную точку зрения, согласно которой подверг сомнению достоверность основного источника по ранней истории славянской Вятки — «Повести о стране Вятской» (Хлыновский летописец) — и, как следствие, заселение Вятского края из Новгородчины (как считалось тогда). Эта теория противоречила традиционным взглядам авторитетных историков (Н.М. Карамзина и Н.И. Костомарова), и кандидатскую диссертацию С. защитить не удалось, в результате чего он был вынужден выбрать другую тему работы. Кандидатской диссертацией С. (1882) стала работа «Каталог древностей Вятского края», в которой он впервые систематизировал все известные сведения по археологии Вятского края. Проявил себя горячим сторонником развития славяно-русской археологии. По заданию Московского археологического общества провел ряд экспедиций по исследованию древних памятников Вятской губернии, результатом которых стала книга «Археологические разыскания о древних обитателях Вятского края» (1893). Был избран почетным членом Новгородского общества любителей древности. С. одним из первых начал рассматривать историю как комплексную науку, неотъемлемой частью которой считал археологию. Так, монография «Расселение древнерусских племен по археологическим данным» (1899) представляет собой успешный опыт сопоставления летописных и архео-логических данных. 420

Ставр Гордятич (Савр Городятиничъ, 1-я пол. XII в.) — боярин Людина конца Новгорода, новгородский сотник (сотский). Был вызван вместе с другими боярами Великим Князем Киевским Владимиром Мономахом и заточен в темницу в Киеве (1118). Предполагается, что Князь разгневан был за то, что С.Г. устроил расправу над боярами Неревского конца (грабеж усадеб Даньслава и Ноздрьчи), которые обвиняли людинцев в порче княжих лошадей (падеж скота в Новгороде в 1115). Возможно, С.Г. стал прототипом для известной былины о Владимире Красно Солнышко, Ставре Годиновиче и Василисе Микуличне. В летописи указывается, что С.Г. сопровождал юного Владимира на его первый княжеский стол в Смоленске. Спустя 30 лет Владимир счел нужным сообщить в своей автобиографии, что С.Г. вместе с Великим Князем Изяславом направился в Берестье, где поляки сожгли крепость. 272, 273

Станислав — переяславский тысяцкий, упоминаемый в «Уставе Володимирове», т.е. в «Уставе о резах» Великого Князя Киевского

Владимира Мономаха. Принимал участие в обсуждении порядка и норм торговой жизни русской столицы. 183, 186

Степан Твердиславич (?–1243) – боярин с Прусской улицы, новгородский посадник (1230–1243). Сын посадника Твердислава Михалковича, внук посадника Михалки Степановича, отец посадника Михалки Степановича. Входил в состав новгородского посольства в Торжок к Князю Ярославу Всеволодовичу с просьбой прекратить торговую блокаду Новгорода (1215). Князь заключил С.Т. вместе с другими под арест. Организовал выступление против посадника *Внезда Водовика* и бояр Славенского конца (1230). 411–413

Стрыйковский Мацей (Матвей, 1547 – между 1586 и 1593) – польский капеллан, историк, поэт, писатель и дипломат. Собирал материал по истории Литовского княжества, исследовал районы Западной Руси. Является автором компилятивных, творчески переработанных сборников по истории Польши и Великого княжества Литовского, поэтически перерабатывал хроники Длугоша, Быховца, Меховского и др. Считается, что С. пользовался неизвестными науке текстами кратких летописцев Южной Руси. В его хронологии сохранилась одна из редакций «Сказания о холопьем войне». 19

Судило Иванович (?–1156) – боярин Людина конца, посадник новгородский (1141–1144, 1147–1156). Сын посадника Иванка Павловича. Поддерживал Великого Князя Киевского Всеволода Ольговича, за что подвергался преследованиям. Когда на Новгородский стол снова сел Святослав Ольгович, С.И. с группой бояр бежал от преследований Князя и посадника Якуна Мирославича в Суздаль (1139), откуда через год по решению веча вместе с приглашением на Княжеский стол Суздальского Князя (Юрий Долгорукий отправил своего сына Ростислава) С.И. был вызван на посадничество. В 1144 при князе Новгородском Святополке Мстиславиче С.И. сменил Нежата Твердятич, потом Костянтин Микульчич, после смерти которого (1147) С.И. снова становится посадником. Перед смертью был изгнан из посадников, на его должность снова заступил Якун Мирославич. 307, 308, 310, 311

Т

Тамара (1166–1209/1213) – святая равноапостольная Царица Грузинская (1184–1212). 201

Татищев Василий Никитич (1686–1750) — известный российский историк, географ, экономист и государственный деятель; автор первого капитального труда по истории России. Был из захудалого рода, утратившего титул, от младшей ветви князей Смоленских (от Рюриковичей). В молодости служил стольником при дворе Царя Ивана Алексеевича, в драгунском полку Петра I, участвовал в военных действиях, в том числе под Полтавой, получил ранения. Затем служил в берг-комиссии, по поручению Петра I начал составлять описательную географию России. Был чиновником по горному делу, в ходе создания плавильных заводов на территории Сибири положил начало нынешним городам Екатеринбург и Пермь. Был членом, а затем главным судьей Монетной конторы. Занимался устройством башкир (1737–1739), затем участвовал в калмыцкой комиссии (1741–1745). Везде пытался предлагать улучшения существующей системы, разрабатывал множество различных мер и проектов, что в конечном итоге приводило к конфликту с теми или иными заинтересованными лицами и часто к обвинениям Т. в злоупотреблениях, расследованию и суду (1731–1734, 1739–1740, 1745), отстранению от должности и прочим прещениям, вплоть до лишения чинов (1740, приговор в исполнение приведен не был). Остаток жизни (1745–1750) Т. провел в своей подмосковной деревне Болдино, посвятив это время окончанию своей «Истории», которую он начал в 1719 сначала как труд по географии России, заказанный Петром I по представлению начальника берг-комиссии Брюса. Однако, осознав связь географии с историей, Т. счел необходимым собрать и рассмотреть сначала все исторические сведения о России. Так как иностранные руководства оказались полными ошибок, Т. обратился к первоисточникам, стал изучать летописи и другие материалы. Сначала он имел в виду дать историческое сочинение, но затем, найдя, что на летописи, еще не изданные, ссылаться неудобно, решил писать в чисто летописном порядке. В 1732 Т. привозил свою «Историю» в Петербург, но не встретил к ней сочувствия. В 1739 передал свой труд в Академию наук на хранение (так называемая Первая редакция «Истории»), продолжая работать над ним и впоследствии, сглаживая язык и прибавляя новые источники. Не имея специальной подготовки, Т. не мог дать безукоризненный научный труд, но в его исторических работах ценны жизненное отношение к вопросам науки и соединенная с этим широта кругозора. Т. постоянно связывал настоящее с прошлым: объяснял смысл московского законодательства обычая-

ми судейской практики и воспоминаниями о нравах XVII в., на основании личного знакомства с иностранцами разбирался в древней русской этнографии, из лексиконов живых языков объяснял древние названия. Вследствие этой-то связи настоящего с прошлым Т. нисколько не отвлекался занятиями по службе от своей основной задачи, напротив, эти занятия расширяли и углубляли его историческое понимание. Исторические труды Т. не всеми принимались однозначно. Ряд историков более позднего времени (например, Н.М. Карамзин) осуждали его за недостаточно критическое отношение к историческим источникам. Однако, по мнению С.М. Соловьева, заслуга Т. перед исторической наукой состоит в том, что он первым начал исторические исследования в России на научной основе. Кроме того, ценность труда Т. в том, что его «История» сохранила известия не дошедших до нашего времени источников. Добросовестность Т., раньше подвергавшаяся сомнениям из-за его так называемой Иоакимовской летописи, в настоящее время стоит выше всяких сомнений. Он никаких известий или источников не выдумывал, но иногда неудачно исправлял собственные имена, переводил их на свой язык, подставлял свои толкования или составлял известия, подобные летописным, из данных, которые ему казались достоверными. Приводя летописные предания в свод, часто без указания на источники, Т. дал, в сущности, не столько историю, сколько новый летописный свод, при этом безсистемный и порой достаточной неуклюжий. Первые две части I тома «Истории» были изданы впервые в 1768–1769 в Москве Г.Ф. Миллером под заглавием «История Российская с самых древнейших времен неусыпными трудами через 30 лет собранная и описанная покойным тайным советником и астраханским губернатором В. Н. Т.». II том издан в 1773, III том — в 1774, IV том — в 1784, а V том был найден М.П. Погодиным лишь в 1843 и издан Обществом истории и древностей российских в 1848. Первая редакция «Истории Российской...», написанная «древним наречием», была впервые издана только в 1964. В своей «Истории» Т. привел в порядок материал до времени смерти Василия III; им же был заготовлен, но не проредактирован окончательно материал до 1558; ряд рукописных материалов имелся у него и для позднейших эпох, но не дальше 1613. Кроме этой фундаментальной работы Т. составил первый в России энциклопедический словарь («Российский исторический, географический и политический лексикон», доведен только до слова «Ключник», впервые опубл. в

1793), охватывающий широкий спектр понятий: географические названия, военное дело и флот, административно-управленческая система, религиозные вопросы и церковь, наука и образование, народы России, законодательство и суд, классы и сословия, торговля и средства производства, промышленность, строительное дело и архитектура, деньги и денежное обращение. Т. открыл для науки такие исторические источники, как Русская Правда, «Судебник 1550 г.», «Книга Большого Чертежа» и др. Умер Т. как праведник. Накануне смерти он поехал в церковь и велел туда явиться мастеровым с лопатами. После литургии Т. пошел со священником на кладбище и велел мастеровым рыть себе могилу возле предков. Уезжая, он просил священника на другой день приехать причастить его. Дома он нашел курьера, который привез указ, прощавший его, и орден Александра Невского. Т. вернул орден, сказав, что умирает. На другой день Т. причастился, простился со всеми и умер. 42, 57, 72, 81, 117, 138, 139, 161, 166–170, 173, 177, 179, 219, 221, 226, 229, 233, 239, 242, 247, 248, 254, 277, 312, 349, 356, 382, 383, 394, 407, 422, 423, 433, 454, 456, 461, 483, 484, 492–496, 501, 505, 506, 520, 524, 543–545, 566, 571, 572, 577, 578, 590–592, 605, 608

Твердислав Михалкович (?–1221) — боярин с Прусской улицы, новгородский посадник (1207–1211, ок. 1214–1215, 1216–1219, 1219–1220), сын посадника Михалки Степановича, отец посадника Степана Твердиславича, дед посадника Михалки Степановича. Инициатор восстания (1207) против посадника Дмитра Мирошкинича и его семьи и был выбран на его место. Водил новгородцев в успешные походы на Литву (1208), за данью к Медвежьей Голове (1217). В 1211 Т.М. добровольно уступил посадничество «старейшему себя» Дмитру Якуновичу, вернувшемуся в Новгород с Низовой Руси. Т.М. не раз подвергался обвинениям противников в стремлениях поддерживать в Новгороде силу княжеской власти. Например, призывал новгородцев поддержать князя Мстислава Романовича в походе против Киевского Князя Всеволода Чермного (1214). В 1218 молва приписала Т.М. выдачу князю Новгородскому Святославу Мстиславичу некоего Матвея Душильцевича, почему-то бежавшего из Новгорода. Это возбудило волнение в Новгороде. Торговая сторона и Неревский конец восстали на жителей Софийской стороны, из которых в особенности Людин конец и Прусы поддерживали его. Внезапно князь заявил, что он отнимает посадничество у Т.М. Протест против этого самовластного вмешательства князя объединил всех бывших

противников, и Т.М. остался посадником по настоянию веча. В 1219 Т.М. снова лишился своей должности: его обвинили в том, что он посоветовал Суздальским князьям Юрию и Ярославу не пропускать через свои владения новгородца Семьюна Емина, собравшегося в поход на Тоймакары. В 1220 Т.М. вернулся на посадничество, но князь Новгородский Всеволод Мстиславич инициировал выступление жителей Торговой стороны против него. Софийская сторона поддержала посадника, а архиепископ Митрофан устроил примирение между ним и князем, после чего Т.М., ссылаясь на болезнь, сам удалился в Аркажский (Аркадиев) монастырь, где принял постриг. Поставил церковь Симеона Столпника на воротах Аркажского монастыря (1205), вместе с братом Федором заложил церковь Архангела Михаила с приделом Трех Отроков (1219–1224). 324, 352–355, 362–370, 373–378

Твердислав Станилович — боярин Неревского конца Новгорода. Вместе с посадником Дмитрием и др. осужден новгородцами будто бы за измену на смерть в 1207. 324, 336

Титмар Мерзебургский (975–1018) — немецкий церковный и политический деятель, хронист. Происходил из знатного рода графов фон Вальбек, сын графа Зигфрида фон Вальбека, родственник императоров Саксонской династии. В 1000 стал каноником в Магдебурге. Епископ Мерзебургский (1009). В задачи Мерзебургского епископства входили миссия среди полабских славян и усиление влияния Германии на славянские народы. Автор Хроники (так называемый Дрезденский манускрипт, на лат. яз.), охватывающей период с правления Генриха I (919–936) до 1018, наиболее ценной для времени правления Отто III (983–1002) и Генриха II (1002–1024). Хроника Т.М. — важный исторический источник, особенно по истории германо-славянских отношений, — содержит сведения и по истории Руси (прежде всего о междоусобице сыновей Владимира Святославича; некоторые уникальные сведения, возможно, почерпнуты Т.М. у очевидцев событий). Т.М. — сторонник сильной королевской власти, апологет завоевательной политики в отношении славянских народов. 58

Тихомиров Михаил Николаевич (1893–1965) — советский историк, доктор исторических наук (1939, диссертация посвящена происхождению текстов Русской Правды), академик Академии наук

СССР (1953). В 1956–1965 – председатель Археографической комиссии АН СССР. Действительный член Польской академии наук (1959). Почетный член Американского исторического общества (1964). Лауреат премии им. М.В. Ломоносова (1956). Область научных интересов – история России и народов СССР с древнейших времен до XIX в., история славянских стран и Восточной Римской империи, историческая география, общеславянские проблемы, источниковедение, палеография, дипломатика, экономические, политические и культурные связи народов СССР. Создатель научной школы. Внес значительный вклад в изучение социально-экономической, политической и культурной истории древнерусского города, народных движений в России XI–XVII вв., истории государственных учреждений феодальной России, Земских соборов XVI–XVII вв., приказного делопроизводства. Его труд «Россия в XVI столетии» (1962) – фундаментальное историко-географическое исследование, характеризующее социально-экономическое и государственно-политическое развитие каждого региона страны в этот период. Специалист в области палеографии и вспомогательных исторических дисциплин. В работе, посвященной Русской Правде, осветил и по-новому решил важнейшие проблемы, связанные с историей создания памятника. Опубликовал такие важные источники по отечественной истории, как «Соборное уложение 1649 г.» (1961), «Мерило праведное» (1961) и др. Инициатор возрождения публикации серии «Полное собрание русских летописей»; инициатор издания и главный редактор «Археографического ежегодника». Возглавил работу советских археографов по розыску и описанию неизвестных рукописей. Стал инициатором создания сводного каталога уникальных рукописей, хранящихся в СССР. Входил в состав редакционных коллегий журналов «Вопросы истории» (1945–1949, 1953–1957), многотомной «Истории СССР» (1956–1960), издания «Всемирной истории» (с 1953). 72, 76–78, 81, 89–91, 93, 102, 110, 117, 135, 137, 139, 140, 148, 166, 171, 175, 181, 182, 186, 188, 190, 196, 225, 228, 232, 235, 236, 239, 255, 265–267, 269, 272, 273, 275, 276, 279, 283, 337–340, 342–344, 367, 395, 400, 403, 405, 408, 425, 430, 438, 442, 456, 459–461, 487, 488, 491, 586, 590

Токарев Сергей Александрович (1899–1985) – ученый-этнограф, историк этнографической науки, исследователь религиозных воззрений, доктор исторических наук, профессор МГУ, заслуженный деятель науки Якутской АССР (1956) и заслуженный деятель науки РСФСР (1971). Дважды кавалер ордена Трудового Красного Зна-

мени (1945 и 1979), кавалер ордена Дружбы народов (1975). Получил Государственную премию СССР (1987, посмертно). Получил степень кандидата исторических наук без защиты диссертации (1935). Тема докторской диссертации — «Общественный строй якутов в XVII–XVIII вв.» (1940). Работал в Институте этнографии АН СССР (ныне Институт этнологии и антропологии) (1943), заведовал кафедрой этнографии на историческом факультете МГУ (1956–1973). Начав с этнографии тюркоязычных народов (алтайцев, хакасов, якутов), Т. впоследствии заинтересовался социальной организацией и культурной историей австралийских аборигенов, индейскими народами, этнографией народов зарубежной Европы, этногенезом, материальной и духовной культурой народов СССР. Такое многообразие научных интересов обуславливалось общепризнанным энциклопедизмом ученого. Еще одной сферой научных интересов Т. стала история русской и зарубежной этнографии. Итогом его многолетней работы стал ряд монографий, до сих пор не потерявших своего значения. Под его редакцией вышли работы многочисленных зарубежных авторов, в том числе Дж. Дж. Фрезера, Те Ранге Хироа (Питера Бака), А. Элькина, Ю. Липса, Т. Хейердала, П. Уорсли. Входил в редколлегия многотомных изданий «Сказки и мифы народов Востока», «Исследования по фольклору и мифологии Востока», 20-томного «Страны и народы», двухтомника «Мифы народов мира». 52, 95, 96

Толочко Петр Петрович (р. 1938) — археолог, историк, профессор, академик НАН Украины (1990), член Академии Европы и Международного союза славянской археологии, член-корреспондент Центрального Немецкого института археологии, председатель Украинского общества охраны памятников истории и культуры, лауреат Государственной премии Украины в области науки и техники, общественный деятель, политик, депутат. Тема кандидатской диссертации — «Историческая топография Древнего Киева», тема докторской диссертации — «Киев и Киевская земля в период феодальной раздробленности Руси XII–XIII вв.». В 1960–1961 — научный сотрудник Музея украинского искусства. С 1961 — в Институте археологии АН УССР: младший научный сотрудник (1961–1966); ученый секретарь (1966–1970); старший научный сотрудник (1970–1972); зав. отделом археологии Киева (1972–1987). С 1987 — директор Института археологии НАН Украины. Рассматривает сведения о племенном союзе полян как в основном легендарные. Не согласен с торговыми теориями происхождения древнерусской государствен-

ности и с трактовкой голодомора как геноцида против украинского народа. Считает, что не стоит смешивать Древнюю Русь и русичей с современными восточными славянами — русскими, украинцами и белорусами. Вместе с другими украинскими учеными, политиками, политологами написал письмо президенту Ющенко, в котором говорилось об обеспокоенности государственной политикой, направленной на искажение истории Украины. Письмо произвело эффект в международном сообществе (его, например, перепечатала французская «Фигаро»), однако ответа на него не последовало. В своей книге «Древнерусская народность: воображаемая или реальная» Т. на основании комплексного изучения источников и историографии приходит к мнению о существовании в X–XIII вв. единой древнерусской этнокультурной и социальной общности, вполне отвечающей понятию народности. 138, 146, 149, 166, 175, 191, 219, 224, 226, 227, 230, 232, 240, 241, 248, 249, 253, 487

Третьяков Петр Николаевич (1909–1976) — советский археолог, член-корреспондент АН СССР (1958), доктор исторических наук, профессор. Главный редактор журнала «Вопросы истории» (1950–1953), директор Института славяноведения АН СССР (1951–1959). Автор более 140 печатных работ по славянской и восточно-европейской археологии и истории, проблеме образования древнерусской народности, в том числе «Финно-угры, балты и славяне на Днепре и Волге» (1966), «У истоков древнерусской народности» (1970). Важнейшие открытия Т. — раскопанное целиком городище Березняки, древние поселения в бассейне р. Десны. Итогом раскопок городища Березняки было создание убедительной картины поселка патриархальной общины, ведущей неразделенное земледельческо-скотоводческое хозяйство и занимающейся железоделательным промыслом. Материалы городища Березняки заняли центральное место в большой обобщающей работе Т. «К истории племен Верхнего Поволжья в I тысячелетии н.э.» (1945, защищена в качестве докторской диссертации). Будучи директором Института славяноведения, Т. организовал работу по написанию коллективных трудов «История Болгарии», «История Польши», «История Чехословакии», в составлении первых томов которых он участвовал как автор и как редактор. Работал в Институте истории материальной культуры, в 1959 переименованном в Институт археологии АН СССР. Под его редакцией вышел в свет 1-й том «Очерков по истории СССР», работа над которым была начата еще до войны. Вместе с А.Л. Монгайтом он выпустил

перевод книги Л. Нидерле «Славянские Древности». В соавторстве с П.П. Ефименко опубликовал работу «Древнерусские поселения на Дону» и материалы из раскопок абашевских курганов в Чувашской АССР. Им были опубликованы научно-популярные книги «Восточнославянские племена» (издания 1948 и 1953) и «Древнейшие памятники чувашского Поволжья». В 1952 как один из авторов коллективного труда «История культуры Древней Руси» был удостоен звания лауреата Государственной премии. На основе археологических изысканий в Поднепровье в бассейнах рек Роси и Тясмина, а также на берегах рек Горыни и Случи, начатых им еще в 1948, Т. пришел к выводу, что понимание исторического процесса, протекавшего в Среднем Поднепровье в I тысячелетии по Р.Х., в частности решение вопросов восточнославянского этногенеза, должно базироваться на изучении практически не исследованных древностей Верхнего Поднепровья, городища которого он обнаружил и зафиксировал для науки в 1950-х. В итоге этих исследований была создана культурно-хронологическая шкала смоленских древностей I тыс. до Р.Х. и I тыс. по Р.Х., изучено изменение культуры местного населения. При этом городища Смоленщины были определены как древности восточных балтов — коренного населения этих мест, что получило в среде советских археологов общее признание. По итогам раскопок им была написана работа «Древние городища Смоленщины». В 1961 Т. производил раскопки в восточных районах Верхнего Поднепровья, по результатам которых пришел к выводу, что накануне Христовой эры восточнославянские группировки занимали широкие пространства в Среднем Приднепровье, оставив древности зарубинецкого типа. В начале нашей эры в результате начавшегося переселения народов их главные центры переместились в южные и восточные области Верхнего Поднепровья, занятые ранее восточнобалтийским населением. В середине и третьей четверти I тыс. по Р.Х. в этом районе проходила ассимиляция балтов славянами, имевшими более высокий уровень культуры и общественного строя. Одновременно днепровские славяне начали расширять свою территорию в южном направлении в области Среднего Поднепровья, обезлюдевшие в послечерняховское время. В кон. I тыс. по Р.Х. они объединились здесь в обширный союз — Русскую Землю. Области Поднепровья и Волыни в то время принадлежали славянским группировкам другого происхождения (культура Корчак). Т. пришел к выводу, что древняя история славянских племен не может получить объективного освещения

без изучения их соседей, прежде всего балтийских, финно-угорских и сармато-аланских племен. Т. считал, что все они в той или иной мере были компонентами древнерусской народности. Все эти представления были изложены Т. в ряде статей и в книгах «Финно-угры, балты и славяне на Днепре и Волге» (1966), «У истоков древнерусской народности» (1970). 113

Троцкий Исаак Моисеевич (1903–1942(37)) — историк, декабриствед, профессор, ученый секретарь Историко-архивного института АН СССР. Преподавал на историческом факультете Ленинградского университета. Был арестован и приговорен к 10 годам тюремного заключения (1936), отбывал наказание в Соловецкой тюрьме, но затем Особой тройкой УНКВД был приговорен к высшей мере наказания и расстрелян (1937). Работы Т. посвящены сыскной и провокаторской деятельности политической полиции 1-й пол. XIX в., особое внимание уделяется руководителям Третьего отделения собственной Его Императорского Величества Канцелярии (Бенкендорфу, Дубельту, фон Фоку) и провокаторам, внедрившимся в декабристские организации: Шервуду, Бошняку. Изданные в 1930 и 1931, книги Т. были изъяты из библиотек после ареста автора в 1936 и с тех пор оставались недоступными массовому читателю. 271, 280

Тудор — тиун Вышегородский в правление Великого Князя *Всеволода Ольговича*. Во время волнений в Киеве (1146) после смерти Великого Князя был обвинен киевлянами в разграблении киевского пригорода несправедливыми поборами. Двор его подвергся разграблению. 227, 230, 231, 233, 234

У

Улеб — боярин, тысяцкий при Великом Князе Киевском Всеволоде Ольговиче. Великий Князь Киевский Игорь Олегович, вступив на престол, предлагал У. сохранить его должность. Еще раньше вступивший в сношения с Изяславом Мстиславичем, У. притворно обещал Игорю свое содействие, предупредив Изяслава, что во время сражения перейдет на его сторону. Так все и произошло: Игорь проиграл сражение и попал в плен. Изяслав сделался Киевским Великим Князем, а У. оставался в Киеве тысяцким. Под конец жизни У. сложил с себя этот сан, вероятно, после того, как киевляне отказались идти с Изяславом против Юрия. 228

Улита Кучковна — супруга (1148) благоверного Князя Владимирского Андрея Боголюбского, дочь боярина Стефана Ивановича Кучки, владельца Москвы, убитого Великим Князем Юрием Долгоруким. На миниатюрах изображена в числе заговорщиков, держащей отрубленную левую руку супруга, в некоторых литературных памятниках упоминается, что ее вместе с другими Кучковичами (Петром и Якимом) казнил Великий Князь Владимирский Всеволод Юрьевич. Современными исследователями ее участие в убийстве Князя Андрея оспаривается. 567, 568

Ф

Федор (Феодор, ?–1077) — епископ Новгородский (1069–1077), был хиротонисан митрополитом Ефремом из иноков Киево-Печерской обители (1069). Первый год его святительства ознаменовался нападением на Новгород Всеслава Брючиславича, который, однако, был разбит. О последующих годах его святительства сохранилось мало известий. В годы его святительства язычники в лице волхвов, существовавшие на Финском Севере, начали выступать против Христианства, появившись сначала в Киеве и Ростове, а затем и в Новгороде (1071). Здесь один из них стал выдавать себя за бога, хулить веру Христианскую, говорить, что все знает. Епископ Ф., выйдя на площадь с крестом в руках, позвал толпу за собой. Князь Глеб Святославич с дружиной стали около епископа, а чернь пошла к волхву. князь поймал волхва на слове, спросив, знает ли тот, что с ним произойдет не сегодня-завтра, и тут же зарубил вохва, чем предотвратил неминуемую смерть епископа от ярости черни. Ф. скончался от укуса бешеной собаки, погребен в Новгородском Софийском соборе. 117–121

Федор (Феодор, ? — ок. 1023) — святитель, чудотворец, епископ Ростовский и Суздальский. 97, 541, 542

Федор Константинович (XII в.) — святой благоверный князь, муромский чудотворец, сын святого благоверного князя Муромского Константина Святославича. 97

Федор Лазутинич (Феодор Лазутич, нач. XIII в.) — боярин новгородский. Летопись причисляет его к «суздальщинцам», видимо, за поддержку князя Переяславского Ярослава Всеволодовича (пред-

ставителя Суздальской земли). В 1215 князь прибыл в Новгород и начал вершить суд над именитыми новгородцами. Ф.Л. выступил в неблагодарной роли: он оклеветал пред князем тысяцкого Якуна Намнежича. «По грехом нашим, — говорит Новгородская летопись, — обиди Федор Лазутиниц и Ивор Новотържъчъ Якуна тысяцкого Намнежича». Князь созвал вече, после чего двор Якуна подвергся разграблению. 356, 357

Феодор (?–1170) — епископ Ростовский (1169?). Происходил, возможно, из рода киевских бояр. Был поставлен на кафедру Великим Князем Владимирским Андреем Боголюбским из монахов Киево-Печерского монастыря. Своими способностями был известен не только на Руси, но и в Ромейском Царстве. Никоновский летописец так характеризовал Ф.: «Бе же сей дерзновенен зело безстуден. Не срамляше бо ся сей ни князя, ни боярина. И бе телом крепок зело и язык имея чист и речь велеречиву и мудрование кознено и вси его бояхуса и трепетаху. Никто же бо можаше противу его стояти». Видимо, в середине 1160-х Ф. сблизился с Князем Андреем, который, построив во Владимире великолепный белокаменный Успенский собор, собирался переносить епископскую кафедру из Ростова во Владимир. Великий Князь хотел создать отдельную митрополию, равноправную Киевской, о чем в письмах просил константинопольского патриарха. Князь Андрей хотел поставить Ф. вместо епископа Ростовского Леонтия, который был изгнан с кафедры за то, что настаивал на запрете мясоядения в Господские праздники, выпадавшие на среду и пятницу. Не получив благословения от митрополита Киевского, Ф. отправился в Константинополь к патриарху и Императору просить о поставлении в митрополиты. Однако патриарх Лука Хрисоверг отклонил это прошение, написав в своем ответе Князю Андрею Боголюбскому: «Того же убо Феодора отжени от себе». Ф. вернулся во Владимир, но Князь Андрей, который «прежде его вельми любил», все же отправил его к митрополиту Киевскому в 1169, который, обвинив епископа в «тяжкой ереси», отдал Ф. на суд Великого Князя Киевского Глеба Юрьевича, брата Князя Андрея. По обвинениям в ереси и волховании Ф. был приговорен к смерти, казнен, а письменное наследие его — церковному отлучению: «И прокляли его собором, а книги, писанные им, на торгу пред народом сожгли». 544–546, 550, 553–558, 560–562

Феодор Михалкович (нач. XIII в.) — боярин Прусской улицы Новгорода, сын посадника Михалки Степановича, брат посадника *Твердислава Михалковича*. Возглавлял неудачный поход новгородцев против Литвы (1224). 377

Феодосий Печерский (ок. 1036–1074) — святой преподобный, игумен Киево-Печерской обители, духовный писатель. 540

Феодул — известен в летописи как «игумен Богородицы Владимирской», который вместе со своими клириками перенес тело убиенного Князя Андрея из Боголюбова во Владимир и здесь похоронил в соборном храме. Историки высказывают предположение, что Ф. жил при Владимирском соборе, где и стояла чудотворная Владимирская икона Богородицы, в качестве наместника Ростовского епископа и заведовал духовенством и имениями собора, потому-то, может быть, и сказано в летописи, что Ф. отправлялся за телом Боголюбского не с черноризцами, а только с клирошанами, и владимирцы обращались к этому игумену как к главному духовному лицу в их городе. 570

Флетчер Джильс (1548–1611) — английский поэт и дипломат, доктор гражданского права, член Английского парламента (1584), автор описания Московского государства в XVI столетии. Брат лондонского епископа, дядя поэта Джона Флетчера. Как дипломат, ездил в Шотландию, Германию, Нидерланды. В 1588 был послан в Москву для поддержания перед русским правительством ходатайства Англо-Московской компании о монополии на торговлю с севернорусскими портами и для улаживания дела одного из агентов этой компании, Мерша, наделавшего в России у казны и частных лиц от имени компании личных долгов. Посольство Ф. не было удачно. На первой аудиенции у Царя Ф. вступил в пререкания о царском титуле, не пожелав прочесть его целиком. Подарки, присланные с Ф. от королевы Елизаветы I Царю и Годунову, были найдены неудовлетворительными. Ф. приняли сухо, не пригласили его к царскому столу и для ведения с ним переговоров назначили дьяка А. Щелкалова, причастного к операциям Мерша и имевшего личные счета с компанией. В даровании компании монополии Ф. было отказано; у компании было отнято право беспошлинной торговли в пределах России; по делу Мерша часть предъявленных долговых претензий была начтена на компанию. В 1591 Ф. издал сочинение о России («Of the

Russe Common Wealth»), а затем сочинение о татарах. Управление, общественный быт и народные нравы России изображены в сочинении Ф. мрачными красками, в нем встречаются отдельные ошибки и неточности, неизбежные под пером иностранца, мельком посетившего Россию, однако оно содержит немало важных и нередко уникальных сведений, характеризующих сословный и административный строй Московского государства, почему часто и используется историками как один из главных источников по истории России XVI в. 19

Фома (XII–XIII вв.) – новгородский боярин, участник делегации к Великому Князю Владимирскому Всеволоду Юрьевичу Большое Гнездо в 1195, которую возглавлял посадник Мирошка и которую новгородцы уполномочивали пригласить на княжение к себе сына Великого Князя. 329, 331

Фома Добрынич – посадник Новоторжский. Когда в 1215 новгородцы призвали к себе Ярослава Всеволодовича, князя Переяславля – Суздальского, то он в том же году схватил одного новгородского боярина (Якуна Зуболомича) и новоторжского посадника (Ф.Д.), заковал их и заточил в Тверь, в свой город, близкий к новгородским владениям. 356

Фотий (Фотей, патриарх Цареградский) I Великий (ок. 820 – ок. 891) – святитель, патриарх Константинопольский. 265, 266, 541, 542

Фролов Эдуард Давидович (р. 1933) – советский и российский историк, доктор исторических наук (1972), профессор, видный специалист по истории античности. Кандидатская диссертация – «Жизнь Ксенофонта и его общественно-политические воззрения (преимущественно по “Малым сочинениям”)» (1958). Область специальных научных занятий – история античного мира, в особенности история Древней Греции и античного Причерноморья. Интересуется проблемами социально-политического развития и духовной жизни античного общества, включая становление классического города-государства (полиса), роль и значение древней тирании, кризис гражданской общины в позднеклассический период, истоки эллинизма и в этом контексте политические теории и доктрины, а также рождение античной социальной утопии. Параллельно занятиям собственно античной историей всегда интересовался историей науки об античности, как отечественной, так и западноевропей-

ской, равно как и философией истории. Автор более 180 работ и научных монографий, важнейшие из которых: «Социально-политическая борьба в Афинах в конце V в. до н.э.» (1964); «Греческие тираны (IV в. до н.э.)» (1972); «Сицилийская держава Дионисия» (1979); «Рождение греческого полиса» (1988); «Факел Прометея (очерки античной общественной мысли)» (1991); «Русская наука об античности (историографические очерки)» (1999). 202

Фрэзер Джеймс Джордж (1854–1941) – английский антрополог, культуролог, фольклорист и историк религии, представитель классической английской социальной антропологии, внесший огромный вклад в изучение тотемизма, магии и трансформации религиозных верований на протяжении истории человечества. Родители Ф. состояли в Свободной церкви Шотландии – консервативной секте, которая в 1840-х порвала с официальной шотландской Церковью. Ф. вырос в атмосфере глубокой набожности, которую, как он позже писал, совсем не считал гнетущей, однако в студенческие годы Ф. потерял веру. Ф. развивал сравнительный метод в этнографии; а является одним из родоначальников сравнительного религиоведения. Его работы затрагивали широкий спектр антропологических исследований. Наиболее известная работа Ф., принесящая ему мировую славу, – 12-томная «Золотая ветвь» («The Golden Bough»), где собран и систематизирован огромный фактический материал по первобытной магии, мифологии, тотемизму, анимизму, табу, религиозным верованиям, фольклору и обычаям разных народов. В этой книге проводятся параллели между древними культами и ранним Христианством. Ф. вывел три стадии духовного развития человечества: магия, религия и наука. Был первым, кто предположил наличие связи между мифами и ритуалами. 95, 535, 558

Х

Хамид Абу ал-Гарнати (ок. 1080 – ок. 1169) – араб, учитель фикха (мусульманских догматики и права). Ученый, путешественник, посетивший огромное количество стран от Северной Африки (Египет) до Среднего Поволжья (Волжская Булгария), от Гибралтарских столбов до Передней Азии (Багдад). Подолгу останавливался во многих странах, в том числе на Руси (1150–1153) и в Венгрии. В течение 20 лет жил в торговом городе Саксин (по-видимому, хазарский Итиль),

на берегу Волги, откуда совершал путешествия. Автор двух значительных трактатов в жанре космографии с элементами фантастического, что сделало его труды очень популярными и позволило им сохраниться во многих списках до наших дней. Один из немногих арабских путешественников, оставивших такие этнографические сведения о русских землях, каких не найти даже в отечественных источниках. Описал некоторые особенности магических воззрений славян и их соседей. 98, 99, 109

Харонд (?VI в. до Р.Х.) — один из древнегреческих законодателей, уроженец сицилийского города Катаны. Его деятельность пришлась на период урбанизации греческих полисов и кризис аристократического режима в связи со стремлением все большего числа граждан к политической активности. Одновременно с ним в других полисах появились Залевк (Локры в Южной Италии), Фейдон (Коринф), Филолай (Фивы), Драконт и Солон (Афины), Питтак (Митилена). Законы Х. были написаны для Катаны и приняты в других халкидских колониях Италии. Возможно, именно Х. ввел обязательное обучение детей граждан за счет общины, предусмотрел законы о призрении сирот, браке и семье, установил карательные меры против лжесвидетелей, принудил всех граждан в очередном порядке нести судебские обязанности. По преданию, Х. оградил свои законы строгими постановлениями от легкомысленных нововведений: всякий, кто вносил закон, заведомо не приемлемый для общества, должен был подвергнуться в Народном собрании смертной казни. Законодательство Х. пользовалось большим уважением, и не только в западных греческих государствах, где оно было принято, но и на востоке. 202

Хорив — согласно «Повести временных лет», имя одного из братьев, наряду с Кием и Щеком, основателей Киева. 18

Хорошев Александр Степанович (1941–2007) — историк и археолог, доктор исторических наук, профессор Московского университета. Автор более 100 научных работ, в числе которых три книги. Тема кандидатской диссертации — «Церковь в социально-политической структуре Новгорода (X–XV вв.)» (1972, научн. рук. — академик В.Л. Янин). С 1972 работал на кафедре археологии, где прошел путь от младшего научного сотрудника до профессора. Тема докторской диссертации — «Политическая история русской канонизации

(XI–XVI вв.)» (1987). В 1986–2001 исполнял обязанности заместителя зав. кафедрой археологии. Научные интересы Х. были связаны, в основном, с археологией и историей средневекового Новгорода. Значительное внимание он уделял проблемам истории Русской Православной Церкви. Х. был одним из ведущих полевых исследователей Новгорода и талантливым организатором археологических работ. Участвуя с 1962 в летних работах Новгородской археологической экспедиции, Х. уже в 1966 исполнял обязанности заместителя начальника Ильинского раскопа, в 1984 стал заместителем руководителя НАЭ. В 1967–1985 осуществлял работы на многих крупных объектах: Буяном (1967), Славенском (1968), Готском (1968–1970), Тихвинском (1969), Михайловском (1970), Рогатицком (1971), Людогощинском (1972), Козмодемьянском (1974) и Троицком (1973–1984) раскопах. Исследователь занимался изучением структуры различных микрорегионов города: размерами и внутренней планировкой дворов (усадеб), топографией улиц, типологией домостроительства и отдельными типами построек. С 1994 Х. являлся одним из координаторов программ исследования новгородских древностей, осуществляемых в рамках научных проектов российскими археологами совместно со специалистами Англии, Ирландии, Дании, Германии, Швеции, поддержанных грантами Европейского сообщества (ИНТАС). Он не создал крупных трудов по археологии Новгорода, но в области организации и проведения раскопок НАЭ обязана ему очень многим. 246, 247, 349, 394, 400, 402

Хот Григоревич — новгородский наместник (1215) князя Торжского Ярослава Всеволодовича. При активной поддержке новгородцев был удален со своей должности пришедшим княжить в Новгород князем Мстиславом Мстиславичем Удатным. 358

Хрущов Иван Петрович (1841–1904) — историк литературы. Учился в Московском и Петербургском университетах на историко-филологическом факультетах. В 1868 в Германии и Швейцарии изучал методы преподавания русской литературы и исследования памятников средневековой немецкой литературы. В Штутгарте читал курс истории русской словесности королеве Вюртембергской, Великой Княжне Вере Константиновне и герцогу Лейхтенбергскому. Тема магистерской диссертации — «Исследование о жизни и сочинениях Иосифа Санина» (1868). С 1870 по 1878 занимал кафедру русской словесности в Киеве, где был первым секретарем Историче-

ского общества Нестора Летописца и инспектором Института благородных девиц. С 1879 состоял членом ученого комитета и учебного комитета по ведомству Императрицы Марии, председателем комиссии по устройству народных чтений в Санкт-Петербурге. С 1896 по 1899 был попечителем Харьковского учебного округа. Много статей по этнографии и публицистических напечатано им в «Журнале Министерства народного просвещения», «Древней и новой России», «Народном чтении», «Голосе», «Киевлянине», «Записках Географического общества» и пр. Кроме того, вышли отдельно: «Беседы по русской литературе» (1871), «О древнерусских исторических повестях и сказаниях» (1878), «Великая старица инокиня Марфа (Ксения Романова)» (1877 и 1882), «О жизни и трудах Д.В. Поленова» (1879) и др. В «Беседах по русской литературе» высказал предположение, что «Слово о полку Игореве» отразило тот пласт древнерусского поэтического творчества, который не дошел до нас ни в каких других памятниках, — княжеские песни. «Слово...», по мнению Х., отразило реалии княжеской поэзии упоминанием о Бояне — княжеском певце, а также своим языком — «вольным языком княжеских светских песен». Уже в этой работе Х. высказывает свой взгляд на соотношение «Слова...» и двух летописных повестей о походе Игоря. «Слово...», по его мнению, появилось после обеих летописных статей и не ранее, чем через три года по возвращении Игоря из плена. Подробный анализ обеих летописных статей и отношения к ним «Слова...» дан в работе Х. «О древнерусских исторических повестях и сказаниях. XI–XII столетие». Здесь исследователь вновь подчеркивает, что «Слово...», несмотря на поэтическую форму, — не народно-эпическое произведение, язык его не чужд языку литературных памятников. «Слово...» происходит из княжеской среды, поэтому основная мысль его — прославить поход на неверных и изречь строгий суд усобице. Следуя своей датировке, Х. высказывает мысль об авторе «Слова...», который, по его мнению, не принимал участия в походе 1185. Обе эти работы Х. отличаются очень доступным изложением, они адресованы прежде всего широкому кругу читателей, именно поэтому первая публикация «Бесед...» состоялась в популярном журнале «Семейные вечера». Уже в этих работах Х. выступает не только как исследователь, но и как популяризатор «Слова...». Свой замысел довести его текст до широкого читателя Х. осуществляет в 1890. 46

Ч

Черепнин Лев Владимирович (1905–1977) — советский историк, специалист в области российской истории эпохи феодализма, источниковедения, историографии, вспомогательных исторических дисциплин, академик АН СССР (1972), лауреат Государственной премии Молдавской ССР (1972), премии им. М.В. Ломоносова (МГУ, 1957), заслуженный деятель науки РСФСР (1970), лауреат Государственной премии СССР (1981, посмертно). Был потомственным историком (после отца и деда), учился в Рязанском педагогическом институте (1921–1922), слушал лекции на факультете общественных наук Московского университета, куда его не принимали в качестве полноправного студента из-за непролетарского происхождения. Учился у С.В. Бахрушина, А.И. Яковлева, Д.М. Петрушевского. В 1925 экстерном сдал экзамены за университетский курс и учился в аспирантуре Института истории РАНИОН (1926–1929). Во время учебы в аспирантуре вместе с С.Б. Веселовским участвовал в обработке вотчинного архива Троице-Сергиевой Лавры. С 1929 работал помощником заведующего отделом рукописей Государственной библиотеки им. В.И. Ленина. В ноябре 1930 арестован по делу так называемого «Всенародного союза борьбы за возрождение свободной России», по которому привлекли участников домашнего семинара С.В. Бахрушина. Во внесудебном порядке Ч. сослали на 3 года на двинские камнеразработки. С 1933 был вынужден скитаться по знакомым и родственникам. Только в 1936 смог поступить на работу в Институт истории на условиях временного договора, преподавал в школе. В 1942 Ч. был зачислен в штат Московского государственного историко-архивного института (до 1949), где защитил кандидатскую диссертацию «Древнерусская церковная феодальная вотчина XIV–XVI вв.», а в 1947 — докторскую, опубликованную в двух томах под названием «Русские феодальные архивы XIV–XV вв.» (М.; Л., 1948; М., 1951). С этого времени до конца жизни занимался исследовательской, преподавательской, научно-организационной работой, но только в 1956, во время хрущевской «оттепели», был реабилитирован. В 1944–1960 преподавал по совместительству в Московском государственном университете, читал общие и специальные курсы по отечественной истории, источниковедению, историографии, руководил дипломниками и аспирантами. В 1946–1952 читал курс лекций по истории СССР в Московском государственном институте международных отношений. Преподавал в Академии обществен-

ных наук при ЦК КПСС. С 1946 — старший научный сотрудник, с 1951 — зав. сектором истории СССР. С 1969 — зав. отделом докапиталистических формаций на территории СССР Института истории АН СССР. Профессионально занимался изучением генезиса феодализма у восточных славян, образования и характера Древнерусского государства, периода феодальной раздробленности, социально-экономических и политических условий образования и развития Русского централизованного государства, становления сословно-представительной монархии и ее перерастания в абсолютную, крестьянских войн XVII–XVIII вв., культуры и общественной мысли России. Один из первых советских ученых, начавших разработку теоретических и методологических вопросов источниковедения. Анализируя процесс централизации Российского государства, находил его экономические и социальные основания в аграрной сфере. Считал, что общий подъем сельского производства в результате значительной внутренней колонизации способствовал изменению, уплотнению сети расселения и типов поселений в сельской местности. В свою очередь, это вело к эволюции отношений собственности в светском и церковном секторах и к укреплению на этой основе социальной базы политического объединения. Внес значительный вклад в изучение Земских соборов как сословно-представительных учреждений, в своей монографии, вышедшей в 1978, ввел в оборот новые источники, анализировал деятельность соборов во взаимосвязи с социальным и политическим контекстом, дал наиболее полную сводку по истории Земских соборов и близких к ним представительных собраний. Как специалист по истории Земских соборов, Ч. избирался вице-президентом Международной комиссии по истории представительных и парламентских учреждений. По его инициативе или при его участии вышли в свет ранее неопубликованные труды отечественных историков или переизданы уже выходившие в свет, но ставшие библиографической редкостью работы. Среди них: «Избранные труды» Б.Д. Грекова в 5 т. (вышло только 4); «Избранные произведения» М.Н. Покровского в 4 кн.; «Научные труды» С.В. Бахрушина в 4 т.; монографии К.В. Базилевича, И.У. Будовница и др. Являлся редактором переиздания «Истории России» С.М. Соловьева в 15 кн. (1959–1966). Ч. был автором более 400 научных работ (в том числе 30 крупных публикаций источников). Его работы по проблемам источниковедения («Новгородские берестяные грамоты как исторический источник», М., 1969), социально-экономической и

общественно-политической истории России («Образование Русского централизованного государства в XIV–XVII вв.», М., 1978), вспомогательным историческим дисциплинам («Русская палеография», М., 1956), публикации исторических источников («Духовные и договорные грамоты Великих и удельных князей XIV–XVI вв.», М.–Л., 1950) позволили создать собственную школу и внести значительный вклад в отечественную историографию. Исследования Ч. по основным проблемам феодализма в России сделали его имя известным за рубежом. Он часто приглашался для чтения лекций в европейские университеты и научные центры. 72, 73, 77, 81, 111, 139, 161, 162, 166, 168, 181, 184, 190, 226, 229, 231, 232, 239, 242, 284–286, 339–343

Чурила Пленкович — легендарный богатырь-красавец, чужак, пришедший на Русь в поисках легкой наживы и удовольствия. После того как Князь Владимир заступился за обижаемых им мужиков, Ч.П. поневоле идет под начало Киевского Князя. Ч.П. в былинах представляет образ враждебного восточнославянскому племени, которое мешает процессу объединения славян в межплеменной союз. Этот персонаж появляется на сломе родоплеменных отношений у славян, а наказавший Ч.П. — Князь Владимир показан в былине как первый властитель, стоявший во главе этого крупного племенного объединения при зарождении ранней государственности восточных славян. При этом прежние родовые обычаи претерпевали коренные изменения, которые не обошлись без социальных конфликтов, что и показано в конфликте между мужиками и Ч.П. и в последующих действиях против Ч.П. Князя Владимира. Есть предположение, что образ Ч.П. может быть связан с образом Кия, так как Ч.П. живет не в Киеве, а в Киевце — городке на Дунае, основанном, по летописному преданию, Князем Кием. 14–16, 27–33

III

Шахматов Алексей Александрович (1864–1920) — известный русский филолог и историк, основоположник исторического изучения русского языка, древнерусского летописания и литературы. В 1887 Ш. защитил диссертацию на тему «О долготе и ударении в общеславянском языке», после окончания университета остался при нем и к 1890 стал приват-доцентом. В 1890 Алексей Александрович начал читать курс истории русского языка в Московском университете. Однако вскоре резко бросил преподавательскую деятельность и

уехал в деревню, решив заняться современным крестьянским управлением. Летом 1891 Ш. официально вступил в должность начальника земской управы и в течение двух лет активно участвовал в хозяйственной жизни вверенного ему уезда, организовывал медицинскую помощь во время эпидемии холеры (весна 1892) и т.п. В 1892 вернулся к научной деятельности. В 1894 выдвинул свою работу «Исследования в области русской фонетики» на соискание степени магистра, однако ему была присуждена высшая степень доктора русского языка и словесности. Первые научные разработки — в области диалектологии. В середине 80-х совершил две экспедиции — в Архангельскую и Олонецкую губернии. После смерти академика Я.К. Грота в 1893 взял на себя составление первого нормативного словаря русского языка. С 1894 адъюнкт Петербургской АН, с 1898 — член Правления Академии наук, самый молодой за всю историю ее существования (34 года), с 1899 — действительный член АН. С 1910 — профессор Петербургского университета. С 1906 — член Государственного Совета от академической курии. Участвовал в подготовке реформы русской орфографии, осуществленной в 1917–1918. После смерти ученого в 1925–1927 был издан его во многом нетрадиционный труд — «Синтаксис русского языка», оказавший значительное влияние на развитие синтаксической теории в России. В нем Ш. впервые сделал попытку выявить систему в огромном разнообразии синтаксических конструкций русского языка. Работы Ш., посвященные древнерусскому летописанию, являются основополагающими для исследователей данной области. Ученый заложил основы текстологии как науки. Особенно большой вклад исследователь внес в разработку текстологии древнерусского летописания, в частности «Повести временных лет». Сличение различных редакций данного памятника позволило Ш. прийти к выводу о том, что дошедший до нас текст по происхождению многослоен и имеет несколько стадий формирования. Под руководством Ш. Отделение русского языка и словесности Императорской Академии наук стало центром отечественной филологии. По инициативе Ш. Академия наук издала монографии, словари, материалы и исследования по кашубскому, полабскому, лужицкому, польскому, сербскому, словенскому языкам. Ш. выводил восточнославянские языки от «общедревнерусского» языка, дезинтеграция которого, по его мнению, началась уже в VII в., но была задержана интеграционными процессами, связанными с государственным единством в рамках Древне-

русского государства. Ш. умер от истощения в Петрограде в августе 1920. Похоронен на Волковском кладбище. 76, 87, 148, 425

Штыхов Георгий Васильевич (р. 1927) — белорусский историк-медиевист, археолог, доктор исторических наук (1983), профессор (1987), лауреат Государственной премии Белоруссии (1990). Главный научный сотрудник Отдела археологии средневекового периода Института истории НАН Беларуси (2000). Научные интересы — археология и история Белоруссии VI–XIII вв., история и археология Полоцкой земли, этногенез белорусов. Автор более 490 работ. Ученик В.Р. Тарасенко. Большое влияние на формирование исторического мировоззрения Ш. оказали В.М. Игнатовский, А.Г. Митрофанов, Л.В. Алексеев. Докторская диссертация — «Города Полоцкой земли IX–XIII вв.» (1983). 447, 451

Щ

Щапов Ярослав Николаевич (1928–2011) — российский историк, член-корреспондент РАН (1987). Сфера научных интересов — история Древней Руси, Русской Церкви, греческих и межславянских связей; археография и источниковедение; история восточнославянской рукописной книги; с 1990-х — история русской усадебной культуры, предпринимательства и меценатства. Автор около 400 научных работ, в том числе десяти монографий. Публикатор источников. Член редколлегии «Православной энциклопедии», «Византийского временника», «Православного Палестинского сборника», «Подольского альманаха». В 1970–1987 — председатель исторической секции Московского отделения ВООПИК. В 1988–2001 — председатель Научного совета РАН «Роль религий в истории». В 1990–1996 — председатель Российского общества историков-архивистов. В 1991–2004 — председатель Комиссии историков России и Польши. В 2003–2006 — председатель Императорского Православного Палестинского общества. В 1998–2008 был директором Муниципального музея истории усадьбы Щапово (Подольский район Московской обл.). За организацию совместной работы светских и церковных ученых-энциклопедистов Святейший Патриарх Московский и всея Руси Алексей II наградил Щ. орденом преподобного Сергия Радонежского II степени и благословил старинной иконой Владимирской Божией Матери. В 2005 Паломнический центр Московского Патриархата издал Юбилейный сборник, посвященный члену-кор-

респонденту РАН Я.Н. Шапову, — «От Древней Руси к новой России», куда вошли статьи 40 авторов — друзей и коллег Щ. В 1988 Щ. был награжден орденом Дружбы народов, в 1994 ему присуждена академическая премия им. Б.Д. Грекова, а в 1998 70-летний ученый стал кавалером ордена Почета. 424, 426, 428, 445

Щек — князь полянского племени, брат *Кия*. Имя Щ. возводят к общемифологическому сюжету, в котором один из персонажей именуется Змеем, как прочитывается имя Щ. по-славянски. В армянской «Истории Тарона» VII в. Щ. выступает под именем Мелтея, что по-армянски также значит «Змей». 18

Ю

Юрий Андреевич (Гюрги Андреевиць, Гюргев внук, Георгий, между 1160 и 1165 — ок. 1194) — князь Новгородский (1172–1175), супруг-соправитель Царицы Тамары, сын Великого Князя Владимирского Андрея Юрьевича Боголюбского. Возможно, участвовал в походе на Киев, организованном отцом (1169). Возглавлял войска новгородцев и ростовцев в походе на Киев (1173), воеводой при нем был *Борис Жидиславич*. Ю.А. прервал осаду Вышгорода, длившуюся девять недель, поскольку не хотел пролития крови, и новгородское войско после осады Вышгорода благополучно вернулось домой. Во время войны Князей Михаила и Всеволода Юрьевичей против их племянников Мстислава и Ярополка Ростиславичей Ю.А. находился в войске владимирцев. Дальнейшая судьба Ю.А. известна лишь из грузинских и армянских источников (причем грузинские источники даже не упоминают имени княжича). Был единственным из сыновей Андрея Боголюбского, пережившим отца. Не имея своего княжества, был вынужден по вокняжению во Владимире Князя Всеволода Юрьевича бежать к половцам, был приглашен в Грузию (1184), где стал мужем Царицы Тамары (после 1188), был изгнан, безуспешно боролся за грузинский престол. Возможно, Ю.А. в пору своего царствования в Грузии командовал грузинскими войсками, взявшими Двин. Судьба после изгнания неизвестна. По гипотезе С.Т. Еремяна, он был погребен в церкви Лурдж-монастери (Иоанно-Богословской) в Тбилиси (см. также Жирослав). 317, 534, 584

Юрий (Гюрги) Владимирович Долгорукий (в крещении Георгий, 1090-е — 1157) — князь Ростовский и Суздальский (1096–1149),

князь Переяславский (1135), Великий Князь Киевский (1149–1151, 1155–1157), сын Великого Князя Владимира Всеволодовича Мономаха и дочери последнего правившего англосаксонского короля Гарольда II Гиты Уэссекской. Был женат на Половецкой княжне (1108) и на дочери (или сестре) Ромейского Императора Мануила I Комнина (ум. в 1182). Родоначальник Владимиро-Суздальских Великих Князей, от которых вели свое начало и Великие Князья Владимирские и Московские, давшие Руси Царей. По этой причине, а также потому, что на месте старого поселения построил город с укреплениями и каменными (кирпичными) строениями, читится как основатель града Москвы. С 1113 до конца жизни Ю.В. управлял Ростово-Суздальским княжеством. После смерти отца перенес свою столицу из Ростова в Суздаль. Начиная с 1132 пытался захватить Киевский престол, включая Переяславль. Когда в 1132 перешедший по смерти Мстислава Великого в Киев Ярополк Владимирович отдал Переяславское княжество Всеволоду Мстиславичу, Ю.В. выгнал последнего. В Переяславле сел Изяслав Мстиславич, но Ярополк вывел его оттуда в Минск и Туров, а Переяславль передал Вячеславу Владимировичу. Однако тот вскоре ушел в Туров. Вторично изгнанный Изяслав уехал в Новгород, откуда с братом Всеволодом организовал поход в Ростово-Суздальское княжество. В битве при Ждане-горе обе стороны понесли значительные потери, но не добились решающего успеха. В 1135 Переяславль был отдан Ярополком Ю.В. в обмен на центральную часть его княжества с Ростовом и Суздалем. Однако выступление коалиции Мстиславичей и Ольговичей против Ярополка привело к тому, что Ю.В. вернулся в Ростов, в Переяславль был переведен Андрей Владимирович Добрый, а на Волыни сел Изяслав Мстиславич. К этому времени относится договоренность Ю.В. с Андреем, по которой первый обязался после смерти Андрея обеспечить его сыну Владимиру Волынское княжение. Однако обстоятельства сложились иначе, и Волынь впоследствии закрепилась за потомками главного врага Ю.В., Изяслава Мстиславича. После смерти Ярополка и изгнания Вячеслава из Киева Всеволодом Ольговичем (1139) Ю.В. пытался поднять новгородцев в поход на Юг, но неудачно. После смерти Всеволода Ольговича (1146) в нарушение удельно-лествичной системы Киевский стол занял Изяслав Мстиславич, и Ю.В. начал ожесточенную борьбу за Киев. Изяслав опирался на симпатии киевской знати и пользовался инертностью (впрочем, как и сам Долгорукий) старшего брата Ю.В. — Вячеслава, который

был старшим в роду и должен был наследовать Киев. Убийство киевлянами Игоря Ольговича сделало его брата Святослава Новгород-Северского непримиримым противником Изяслава. Северские земли были опустошены и захвачены, причем на стороне Изяслава сражались двоюродные братья Святослава, Черниговские Давыдовичи. Ю.В. в этой тяжелой ситуации поддержал Святослава и таким образом обрел на Юге верного союзника. Вскоре сыновья Ю.В., Ростислав и Андрей, разбили князя Рязанского Ростислава (1146), Ю.В. опустошил земли Новгорода Великого, а Святослав — восточные районы Смоленского княжества; затем Ю.В. вернул Святославу Северщину, за что Святослав передал Ивану Юрьевичу Курск (1147). В 1148 Великий Князь Изяслав Мстиславич повоевал земли Ростова, но в 1149 Ю.В. овладел Киевом. Под его контролем в качестве волостей оказались также княжества Переяславское и Туровское. Туров он отдал Святославу Ольговичу, Переяславль — сыну Ростиславу, Вышгород — Андрею, Белгород — Борису, Канев в Поросье — Глебу, Суздаль — Васильку. Старшему брату Вячеславу Ю.В. дал Вышгород, тем не менее традиционный порядок наследования был нарушен, чем воспользовался Изяслав. С помощью венгерских и польских союзников он в 1150–1151 возвратил Киев и сделал Вячеслава соправителем (фактически продолжая управлять от его имени). Попытка Ю.В. отвоевать Киев закончилась поражением на р. Руте в 1151. В 1152 Изяслав разбил союзников Ю.В. и заставил их выйти из войны, после чего Ю.В. до смерти Изяслава (1154) не заключал мира, но и не предпринимал походов на Юг. В 1153 Ю.В. захватил Рязань и возвел там на княжение сына Андрея, но вскоре Рязанский князь Ростислав с половцами изгнал Андрея. Тем временем войну на Юге возобновил Глеб Юрьевич, сын Долгорукого, а после смерти Вячеслава (декабрь 1154) Ю.В. сам снова отправился в поход на Юг. По дороге он помирился с Ростиславом Смоленским (январь 1155) и вместе со старым союзником Святославом Ольговичем занял Киев (март 1155). Новый Князь Изяслав Давыдович оставил город без борьбы и вернулся в Чернигов. В Вышгороде стал править Андрей Юрьевич, в Турове — Борис Юрьевич, в Переяславле — Глеб Юрьевич, в Поросье — Василько Юрьевич. Чтобы окончательно ослабить соперников, Ю.В. вместе с Ярославом Осмомыслом напал на Волынских князей Мстислава и Ярослава — сыновей Изяслава Мстиславича. Осада Луцка была неудачна, и война на западе Руси продолжалась в течение всего правления Ю.В. в Киеве (1155–1157). В 1157 против Ю.В.

сложилась коалиция из Мстислава Изяславича Волынского, Ростислава Мстиславича Смоленского и Изяслава Давыдовича Черниговского, однако в том же году Ю.В. умер (возможно, он был отравлен киевскими боярами). Киев снова занял представитель линии Черниговских Давыдовичей Изяслав, но сыновья Ю.В., Глеб и Василько, удержались соответственно на туровском престоле и в Поросье. Тело Ю.В. киевляне не разрешили похоронить рядом с телом его отца Мономаха, и Ю.В. был погребен в Берестовской обители Спаса. Сегодня прах Ю.В. находится в подвальном помещении Института археологии Национальной академии наук Украины, упакованный в картонную коробку. Ю.В. был основателем нескольких городов, построил ряд крепостей, в том числе Дубну, Константин (впоследствии Кснятин, с. Скнятино, затоплено Угличским водохранилищем в 1939), Переславль-Залесский, Юрьев-Польской, Дмитров, Кострому и др. Он воздвиг ряд храмов, в том числе Спасо-Преображенский собор в Переславле-Залесском, церковь Бориса и Глеба в Кидекше, Георгиевский собор в Юрьеве-Польском, церковь Георгия на дворе Долгорукого во Владимире, церковь Спаса в Суздале. 221–223, 237, 247–251, 253, 254, 275, 303, 306, 309–312, 314, 317, 324, 516–532, 534, 535, 549, 551, 577–579, 587

Юрий Всеволодович (1188–1238) — святой, благоверный Великий Князь Владимирский (1212–1216, 1218–1238). 137, 360, 366, 368, 378–384, 602, 605–610

Юрий (Гюрги) Иванович (нач. XIII в.) — боярин Неревского конца Новгорода, посадник новгородский (1215–16). Сын посадника Иванки Захарынича, внук посадника Захарии Яковлевича. Вместе с тысяцким Якуном Намнежичем возглавлял посольство во Владимир для приглашения князя (1215). По его инициативе новгородцы пригласили князя Ярослава Всеволодича. Князь инициировал суд новгородцев над Якуном (1215), которого Ю.И. пытался защитить. Возглавлял посольство в Торжок к князю с просьбой снять торговую блокаду Новгорода, был арестован князем. Вместе с князем Мстиславом Мстиславичем Удатным в Киев (1217). 353–355

Юшков Серафим Владимирович (1888–1952) — историк государства и права, доктор юридических наук, профессор, член-корреспондент АН УССР, академик АН Казахской ССР, директор Института истории, археологии и этнографии АН Казахской ССР,

Заслуженный деятель науки РСФСР. Сын священника, ставшего впоследствии епископом (1924). Ученик профессора В.Н. Бенешевича. Ученая степень доктора юридических наук была присуждена без защиты диссертации (*honoris causa*) (1935). После 1917 вел преподавательскую работу в Саратовском, Ленинградском и Московском университетах, с 1938 также на научной работе. Ю. — один из основателей научной дисциплины «История государства и права» в Советской России. Ему принадлежат фундаментальные исследования Русской Правды. Основные труды Ю. по истории государства и права: «Феодальные отношения и Киевская Русь» (1924); «Очерки по истории феодализма в Киевской Руси» (1939); учебник «История государства и права СССР» (1950). Похоронен в Малоярославце рядом со своим отцом, епископом Серафимом. 81, 82, 181, 198, 199, 226, 265, 408, 409

Я

Яким Кучкович (2-я пол. XII в.) — слуга Князя Владимирского Андрея Юрьевича Боголюбского, сын боярина Стефана Ивановича Кучки, легендарного владельца Москвы, убитого Великим Князем Юрием Долгоруким, брат казенного слуги Князя Андрея. Один из главных организаторов и исполнителей убийства благоверного Князя *Андрея Боголюбского*. Возможно, был казнен вместе с зятем *Петром Кучковичем* Великим Князем Владимирским Всеволодом Юрьевичем. 567, 568

Якун — предводитель отряда варягов, которого пригласил на Русь Великий Князь *Ярослав Владимирович*. Я. принимал участие в битве Князя *Ярослава* с его братом, князем Тмутороканским *Мстиславом*, в 1024 при Листвене (под Черниговом). Князь Ярослав проиграл битву и бежал в Новгород, Я. ушел вместе с ним. Иногда Я. отождествляют с норвежским ярлом Хаконом Эйрикссоном из скандинавских саг, так как летописец называет Я. равным Князю *Ярославу*, а семья Эйрикссонов принадлежала к королевскому роду. По сообщению летописца, Я. был слеп и носил, возможно, на больных глазах шитую золотом повязку («луду»), которую он потерял в битве. Я. вернулся на родину и изгнал оттуда на Русь своего племянника Шимона (Симона), с именем которого Киево-Печерский патерик связывает возведение Успенского собора в Киеве, в котором он был первым погребен. От него позднее выводили свое происхождение

многие московские дворянские роды — Вельяминовы, Воронцовы, Аксаковы. 88, 96

Якун Зуболомич (Намнежич, нач. XIII в.) — новгородский тысяцкий (1215–1219). Вместе с посадником *Юрием Ивановичем* был отправлен новгородцами в Переяславль для приглашения князя Ярослава (Федора) Всеволодовича на Новгородский стол (1214). По приходе Ярослава Я.З. был оклеветан перед ним недругами и отправлен в оковах в Тверь, а дом его был разграблен (1215). Во время борьбы между группировками новгородских бояр Я.З. и посадник Твердислав Михалкович были обвинены в сговоре с князьями Суздальскими, задержавшими поход новгородцев на Двину, Я.З. был на время лишен должности (1219). 356, 357, 366–368

Якун Мирославич (?–1176?) — новгородский посадник (1137–1141, 1157–1160, 1167–1170), представитель видного боярского рода, сын первого выборного посадника Мирослава Гюрятинича и внук Гюряты Роговича. На посадничестве сменил Константина Микулича во время правления князя Новгородского Святослава Ольговича. В 1141 Великий Князь Киевский Всеволод Ольгович позвал брата к себе, и Святослав Ольгович ушел из Новгорода тайно. С ним вместе убежали и Я.М., и его брат Прокопий Мирославич. Оба были пойманы новгородцами, избиты до полусмерти и сброшены нагими в Волхов. Новгородцы взяли с них штраф в 1 тыс. гривен и посадили под арест закованными. Потом Я.М. попал к Суздальскому Князю Юрию Долгорукому и жил у него из милости. Вторично был избран в посадники вместо лишнего этой должности Судилы Ивановича, вероятно, с возвращением в Новгород князя Мстислава Юрьевича. Перед последним изгнанием князя Я.М. в третий раз занял посадническую степень. Был инициатором приглашения на новгородский стол князя Святослава Ростиславича, которого, однако, вскоре также изгнали. Некоторое время в ожидании «от Мстислава сына» Я.М. посадничал без князя, сосредоточив в своих руках административную и военную власть. В 1170, при нападении суздальской рати, вместе с прибывшим князем Романом Мстиславичем руководил обороной Новгорода. Позже разбил князя Мстислава Андреевича (сына Князя Андрея Боголюбского), посланного отцом смирить Новгород. В том же году был заменен посадником Жирославом. Князь Новгородский Мстислав Ростиславич Безокий женился на его дочери (1176), но не-

известно дожил ли Я.М. до этого события. 302, 304, 307, 310, 311, 314, 316, 563

Якун Моисеевич (1-я пол. XIII в.) — представитель новгородцев при архиепископе Новгородском *Антонии*. Вместе с Микифором Щитником был приставлен к нему для изыскания средств в помощь нуждающимся в период голода. 401, 403, 404

Ян Вышатич (Иоанн, ок. 1016–1106) — киевский тысяцкий, сын Вышаты, воеводы Великого Князя Ярослава Владимировича. После боярина *Микулы Чудина* был приближенным Князя Черниговского Святослава Ярославича. Собирал для него в Ростовской земле дань, подавлял в Белоозере восстание, вызванное неурожаем и голодом (1070). Двое волхвов, возглавлявших восстание, обманывали население, утверждая, что женщины в голодный год скрывают в себе жито, мед, рыбу и т.п.; они разрезали кожу на спинах женщин и делали вид, что вынимают оттуда то жито, то рыбу и т.д. Я.В. беседовал с волхвами, потом вышел на них с оружием, и те после схватки бежали в лес. Позже они были выданы и казнены. Место Я.В. при Черниговском князе заступил сын Микулы Иванко Чудинович. Я.В. ходил на половцев с Великим Князем Владимиром Мономахом (1095), с братом Путятой (1106). Был дружен с преподобным Феодосием, который очень чтит за добродетели Я.В. и его жену. В 1089, как киевский тысяцкий, принимал участие в торжествах, посвященных освящению церкви Успения в Печерском монастыре. В 1093 поддержал на совете Владимира Мономаха, предлагавшего заключить мир с половцами, но их не послушали. В битве на р. Стугне киевляне были разбиты. У В.Н. Татищева есть сообщение, что в 1119 Владимир Мономах посылал Я.В. в помощь своему зятю Леону против Алексея Комнина. 101–105, 108, 111, 115

Янин Валентин Лаврентьевич (р. 1929) — историк и археолог, действительный член Российской академии наук, доктор исторических наук, профессор, член Комиссии по особо ценным объектам культуры при Президенте РФ, председатель музейного совета при Российском фонде культуры, член консультативного совета при Министерстве культуры РФ, член Государственной комиссии по реституции культурных ценностей, председатель специализированного совета по археологии и этнографии, член специализированного совета Института археологии РАН, научный руководитель

Новгородского филиала Института истории РАН, почетный гражданин Великого Новгорода, заслуженный профессор Московского университета и Новгородского университета им. Ярослава Мудрого. Лауреат Государственной премии СССР (1970), Ленинской премии (1984), премии им. М.В. Ломоносова (МГУ, 1966), Демидовской премии (Неправительственный научный Демидовский фонд, РФ, 1993), Государственной премии РФ (1996). Удостоен Большой золотой медали им. М.В. Ломоносова (РАН, 1999), золотой медали им. С.М. Соловьева (высшая награда РАН в области истории, 1999), премии «Триумф» (фонд Б.А. Березовского, 2002). Член редколлегии научных журналов: «Российская археология», «Вестник Московского университета», «Вопросы истории», «Древняя Русь. Вопросы медиевистики». По его инициативе в 1969 новгородскими властями было принято постановление «Об охране культурного слоя», которое вслед за Новгородом приняли еще 114 исторически значимых городов. Область научных интересов Я. — история (медиевистика), археология и источниковедение средневекового Новгорода, исследование берестяных грамот, а также нумизматики, сфрагистики и эпиграфики Древней Руси. Исследовал реконструкции денежно-весовой системы домонгольской Руси. Выявил процессы формирования этой древнейшей системы, ее эволюции, проследил зависимость от уровня политических взаимоотношений русских княжеств и земель. Реконструировал вес денежных единиц — гривны, куны, ногаты, проследил их изменение и связь с денежно-весовыми системами арабского Востока, Средней Азии и Западной Европы. Вскрыл важные особенности вечевого строя Новгорода, установил, что важнейшие реформы государственной системы — результат острой политической борьбы различных группировок боярства. На основе анализа этих источников Я. воссоздана история денежно-весовых систем Руси, политических институтов и принципов формирования государственного устройства Новгорода, вотчинной системы Новгородской земли; разработана топография средневекового Новгорода. Он первым использовал берестяные грамоты в качестве исторического источника. Участник открытий, многие из которых стали событиями века, как, например, «Новгородская псалтырь», найденная в 2000 в Великом Новгороде (на сегодняшний день это самый древний памятник древнерусской письменности). Впервые в отечественной историографии им разработаны методические приемы комплексного источниковедения, опирающегося на анализ

разнородных источников: письменных, археологических, нумизматических и сфрагистических материалов, памятников искусства. Автор более 700 научных работ, в том числе 23 научно-популярных книг, среди которых: «Денежно-весовые системы русского Средневековья. Домонгольский период» (1956, тема кандидатской диссертации); «Новгородские посадники» (1962, тема докторской диссертации); «Я послал тебе бересту» (1965; 1975; 1998); «Актные печати Древней Руси X–XV вв.» (1970, т. 1-2; 1998, т. 3; в соавт. с П.Г. Гайдуковым); «Очерки комплексного источниковедения» (1977); «Усадьба новгородского художника XII в.» (1981, совместно с Б.А. Колчиным и А.С. Хорошевым); «Новгородская феодальная вотчина (Историко-генеалогическое исследование)» (1981); «Новгородские акты XII–XV вв. Хронологический комментарий» (1991); «Некрополь Новгородского Софийского собора» (1988); «Новгород и Литва. Пограничные ситуации XIII–XV вв.» (1998); «У истоков новгородской государственности» (2001); «Очерки истории средневекового Новгорода» (2008); «Денежно-весовые системы домонгольской Руси и очерки истории денежной системы средневекового Новгорода» (2009). 77, 78, 271, 277, 280, 281, 286, 288, 298, 299, 302, 304–307, 310, 311, 313, 314, 326, 328, 329, 333–336, 353–355, 357, 363–365, 368–373, 379, 382, 397, 398, 402, 411, 422

Ярополк Владимирович (1082–1139) – сын Владимира Мономаха, князь Переяславский (1114–1132), Великий Князь Киевский (1132–1139). При нем Русь как единое государство распалась. В 1103 21-летний князь принял участие в походе против половцев. Князь Владимир Мономах, ставший в 1113 Великим Князем Киевским, в 1114 по смерти сына Святослава сделал Я.В. Переяславским князем. Как Переяславский князь, Я.В. участвовал в многочисленных походах против половцев; в 1116 вместе с войсками отца он выступил против Минского князя Глеба. Летописи говорят, что все население Друцка было выведено им в южные переяславские земли. Я.В. поддерживал хорошие отношения с престарелым отцом, который часто доверял ему командовать войсками в войнах с половцами, и со старшим братом Мстиславом. В 1116 Я.В. вместе с князем Всеволодом Давыдовичем отнял у половцев три города. В это время Я.В. успел уже захватить все течение р. Сейма, посадил по всем городам своих посадников, а в Курске – племянника Изяслава Мстиславича. По смерти Мономаха (1125) Я.В. опять пришлось вести борьбу с по-

ловцами, он разбил их у р. Удая (в нынешней Полтавской губернии). Стал Великим Князем Киевским в 1132 после смерти старшего брата Мстислава. Смелый воин и способный полководец, Я.В. был слабым политиком, не сумевшим остановить распад государства на отдельные княжества. По выражению летописца, был добр, милостив нравом и богобоязлив, что помешало ему завладеть инициативой в объективно начавшейся в 1130-х борьбе двух сил (младших Владимировичей, с одной стороны, Ольговичей и Мстиславичей — с другой). В соответствии с соглашением с Мстиславом Великим, Я.В. по своему переходу из Переяславля в Киев перевел Всеволода Мстиславича в Переяславль. Младшие Владимировичи Юрий и Андрей увидели в этом шаге намерение Я.В. сделать Мстиславичей своими наследниками, и Юрий выгнал Всеволода из Переяславля. Я.В. попытался погасить конфликт и перевел в Переяславль из Полоцка другого сына Мстислава — Изяслава. Этот шаг оказался ошибочным: в Полоцке начался мятеж, к власти вернулись изгнанные потомки Всеслава-«чародея», и княжество обособилось от Киева. Поскольку и кандидатура Изяслава не устроила Юрия, Переяславским князем, в итоге, стал еще один сын Мономаха, Вячеслав Владимирович. Изяслав Мстиславич переместился в Туров. Однако Вячеславу не нравился Переяславль, стоявший на пути всех половецких набегов по левому берегу Днепра. В 1134 он вернулся в Туров, отняв его у Изяслава. Последний был недоволен. Я.В. вновь попытался произвести передел столов: он предложил Юрию Переяславль, но с условием, что тот отдаст Изяславу Ростов. Однако Юрий удержал за собой большую часть Ростовского княжества. Оскорбленный Изяслав ушел в Новгород к брату Всеволоду и заключил союз с Черниговскими князьями, которые с радостью ввязались в усобицу, которая давала им возможность усилиться за счет раздоров в клане Мономашичей. Началась война. В конце 1134 Я.В. удалось договориться с Изяславом, отдав ему Волынское княжество; князя Волынского Андрея Владимировича Доброго он посадил править Переяславлем. Однако война с черниговцами и их союзниками-половцами не прекращалась, они вторгались за Днепр и опустошали Киевскую область. Нерешительность Великого Князя и его натянутые отношения со всеми родственниками усугубляли ситуацию. В следующем году Я.В. был разбит на р. Супой войсками Всеволода Ольговича и согласился уступить ему Курск и Посемье, которыми за восемь лет до этого Всеволод расплатился с Мстиславом Великим за невмешательство того в спор за Чер-

ниговское княжение между Всеволодом и его дядей Ярославом Святославичем. Ослаблением авторитета Киевского Князя воспользовались новгородцы: в 1136 они выгнали племянника Я.В., Всеволода Мстиславича, отложились от Киева и провозгласили «вольность во князях». Последний раз потомки Мономаха объединились в 1138, когда Всеволод Ольгович вновь начал войну с Я.В. В этот раз под руководство Киевского Князя собрались войска Киева, Переяславля, Ростова, Полоцка, Смоленска, полки из Галича и 30-тысячное венгерское войско, которое прислал ему король Венгрии Бела II Слепец. Осада Чернигова заставила Всеволода заключить мир (1139). Незадолго до смерти Я.В. в свою очередь оказал Беле II помощь против его внутренних врагов. Умирая, Я.В. передал трон брату Вячеславу. К моменту смерти Я.В., вне его контроля уже находились Полоцк, Новгород и Чернигов. Номинальную лояльность Киеву сохраняло Ростово-Суздальское княжество. Зимой 1135 черниговцы с половцами опять подступили к самому Киеву. Я.В. собрал множество войска из всех земель, но не вышел против врагов, не начал кровопролития; он побоялся суда Божия, смирился, по словам летописца, перед Ольговичами, принял хулу и укор от братии своей, от всех, исполняя заповедь: «Любите враги ваша». Я.В. заключил с Всеволодом Ольговичем мир и отдал ему города Посемья вместе с Курском (которые занял еще в 1127). Такое же миролюбие Я.В. проявил в 1138, когда Всеволод начал новую усобицу, но запросил мира, узнав, что с Я.В. идут полки всех его братьев и племянников. Я.В., по выражению летописца, будучи добр, милостив нравом, богобоязнен, подобно отцу своему, поразмыслил со всеми хорошенько и не захотел кровопролития, но заключил мир у Моравска, на правом берегу Десны. Возвратившись после этого в Киев, Я.В. вскоре скончался. Его похоронили в голубце у церкви св. Андрея, но в 1145 вдовствующая супруга его Елена перенесла Ярополково тело в самую церковь и положила рядом с телом Янки, сестры Мономаховой. 216–219, 277, 286, 301, 303, 518

Ярополк Изяславич (в крещении Петр, ок. 1047–1086) – святой (память 5 декабря), благоверный князь Волынский и Туровский. 476–481

Ярополк Романович (? – после 1177) – князь Смоленский (1172–1174, 1175, 1175–1177), князь Трипольский (1177), старший сын Романа Ростиславича Смоленского и Киевского и Новгород-Северской

княжны Марии Святославны. Я.Р. княжил в Смоленске в периоды киевского княжения своего отца. В первый раз, когда Князь Андрей Юрьевич Боголюбский был недоволен вокняжением в Киеве Владимира Мстиславича по смерти своего брата Глеба, он дал киевское княжение Роману Ростиславичу. После организованного Андреем безрезультатного похода на Киевщину Великим Князем Киевским стал Ярослав Изяславич, а Роман вернулся в Смоленск. После ухода из Киева Ярослава Изяславича, уже после смерти Андрея, Роман снова занял киевское княжение, оставив в Смоленске Я.Р. Смоляне призвали на княжение младшего Ростиславича — Мстислава, но тот предпочел не вступать в конфликт с братом и вернул престол Я.Р. В 1177, когда после поражения от половцев Святослав Всеволодович Черниговский стал требовать лишить Давыда Ростиславича удела как виновника поражения, Роман не пошел на это и был вынужден уступить Киевский престол Святославу и вернуться в Смоленск. В Ипатьевской летописи под 1177 говорится, что Я.Р. держал Треполь, откуда его выгнал князь Мстислав Владимирович. О других его земельных владениях нет сведений. 436

Ярополк Ростиславич (? – после 1196) — Великий Князь Владимирский (1174–1175), князь Торжский (1177–1178), сын князя Переяславского Ростислава Юрьевича, племянник Великого Князя Владимирского Андрея Боголюбского. Вместе с другими родственниками был отправлен Князем Андреем Боголюбским к Ромейскому Императору (1162). Участвовал вместе с дядей, будущим Великим Князем Владимирским Всеволодом Юрьевичем в походе на Киев против Ростиславичей Смоленских. Давыд Ростиславич взял их в плен (1173). Были отпущены в обмен на Галицкого княжича Владимира, перед этим захваченного князем Торческим Михаилом Юрьевичем. После смерти Великого Князя Андрея был призван на княжение в Суздальскую землю вместе с его братом Мстиславом и их дядьями, Князьями Михаилом и Всеволодом Юрьевичами (1174). В сложной политической ситуации борьбы за независимость Суздаля, Ростова, Владимира, а также Переяславля-Залесского князья также оказались в состоянии вражды, во время которой Я.Р. держал сторону ростовцев, активно борясь за Владимирский стол. После того как занял его, вызвал неприязнь горожан своими административными действиями, разорявшими экономику города, допустил разграбление Владимирского Успенского собора князем Рязанским Глебом

Ростиславичем, который вывез в числе прочих святынь чтимую икону Божией Матери. После поражения в битве с дядьями бежал в Рязань (1175). После смерти Великого Князя Михаила Юрьевича на Владимирский престол сел Всеволод Юрьевич (1176), одержавший победу над князем Рязанским Глебом Ростиславичем, выступившим против него вместе с братьями Я.Р. и Мстиславом Ростиславичем (1177). Потерпевшие поражение князья попали в плен, и владимирцы по собственному произволу ослепили Я.Р. и Мстислава. Великий Князь отпустил изувеченных племянников в Новгород; на пути Я.Р. чудом прозрел после усердной молитвы в церкви святых Бориса и Глеба на Смядыне и в Смоленске. Я.Р. получил в управление Торжок, а Мстислав стал князем Новгородским (1177–1178). После его смерти Я.Р. стал князем Новгородским (1178), но был изгнан новгородцами ввиду приближения войска Великого Князя Всеволода и захвата им Торжка. Я.Р. отправился в Волок Ламский к двоюродному брату князю Ярославу Мстиславичу Красному. Принимал участие в походе князя Черниговского Святослава Всеволодовича (сына Великого Князя Киевского Всеволода Ольговича) против Великого Князя Всеволода (1180). Я.Р. был ранен в битве и снова взят в плен Великим Князем. Дальнейшие сведения о Я.Р. отсутствуют, кроме того, что в 1196 он, по требованию Всеволода, был изгнан из Чернигова князем Черниговским Ярославом Всеволодовичем. 324, 325, 359, 493, 577–581, 583–585, 590, 592, 589, 594–596

Ярополк Святославич (?–978) — Великий Князь Киевский (972–978). Сын Князя Киевского Святослава Игоревича. Впервые упоминается в летописи под 968, когда Я.С. вместе с бабушкой, святой равноапостольной Великой Княгиней Ольгой, и братьями был осажден печенегам в Киеве. В 970 получил от отца, навсегда уехавшего в Болгарию, Киев. В его правление вышли из подчинения Киеву вятичи и радимичи. В 977 был убит братом Я.С., князем Овручским Олегом Святославичем, сын старого воеводы и влиятельного боярина (сподвижника Князя Игоря), наставника Я.С. Свенельда. По требованию Свенельда Я.С. вышел на войну против брата. После битвы при Овруче в результате несчастного случая погиб князь Олег Святославич. Я.С. горько оплакал брата, ибо не желал его смерти. Узнав о действиях Я.С., князь Новгородский Владимир Святославич, решив, что брат хочет править Русью единолично, бежал из Новгорода, в который Я.С. прислал своих посадников. Позже

он заключил союз с другими князьями (в частности, с князем Полоцким Рогволодом). В 978 одержал победу над печенегами, а затем привлек к себе на службу печенежского князя Илдея. В том же году заключил новый договор с Ромейской Империей. Вел дипломатические переговоры с германским Императором Оттоном II: русские послы посетили Императора на съезде князей в Кведлинбурге в 973. К Я.С. приходили послы римского папы. Я.С. начал чеканку первых русских монет, напоминающих арабские дирхемы. В 978 Владимир, собрав войско из варягов, вернулся в Новгород, и выгнал посадников Я.С., отправив ему послание: «Владимир идет на тебя, готовься с ним биться». Я.С., не имея большой дружины, затворился в Киеве. Но и у Владимира не хватало сил, чтобы взять город штурмом. Через предательство воеводы Я.С. Блуда Владимир вошел в Киев, а Я.С. бежал в Родню. Блуд убедил его вернуться для замирения с братом в Киев, где Я.С. погиб в результате коварного нападения двух варяжских воинов. Князь Владимир взял себе в жены жену Я.С., гречанку, которая уже была беременна и родила потом Святополка, получившего позже прозвище Окаянного. В.Н. Татищев, цитируя Иоакимовскую летопись, свидетельствует о христианском настрое Князя: «...был муж кроткий и милостивый ко всем, любящий христиан, и хотя сам не крестился народа ради, но никому не запрещал... Ярополк нелюбим у людей, потому что христианам дал волю великую». В 1044 Великий Князь Киевский Ярослав Мудрый поднял из погребения останки Я.С., освятил их на молебне и поместил в новопостроенном Софийском соборе. 36

Ярослав Владимирович (? – после 1207) — князь Новгородский (1182–1184, 1187–1196, 1197–1199), сын Великого Князя Киевского Владимира Мстиславича, Всеволодов свояк. Когда в 1181 новгородцы участвовали в походе Ольговичей под Друцк против Давыда Смоленского, Всеволод Большое Гнездо захватил Торжок, что повлияло на выбор новгородцами нового князя: сын Святослава Киевского Владимир был изгнан, и Я.В. приехал в Новгород в качестве представителя Всеволода в 1182. В 1184 новгородцы изгнали его за то, что он не оказал своевременной помощи Пскову против литовцев. Новгородским Князем на три года стал сын Давыда Ростиславича Смоленского Мстислав. Прекращение смоленского влияния в Новгороде произошло почти одновременно с конфликтом между Давыдом и смоленским боярством. В 1187 Я.В. снова был призван

в Новгород, где княжил девять лет. Вместе с новгородцами ходил на помощь Полоцким князьям против эстов, взял Дерпт и вернулся со множеством пленных и трофеев (1191). В 1192 его дружина и псковичи взяли Оденпе (в Эстонии). В 1196, во время конфликта между Всеволодом и Смоленскими Ростиславичами, с одной стороны, и Черниговскими Ольговичами — с другой, новгородцами был приглашен на княжение сын Черниговского князя Ярополк Ярославич, а Я.В. стал князем в Торжке, но уже в 1197 был снова призван новгородцами. Однако в 1199 новгородцы обратились к Всеволоду с просьбой прислать им на княжение сына. Святослав Всеволодович приехал в Новгород, а Всеволод способствовал выделению Я.В. своим союзником Рюриком Киевским Вышгорода, но в 1199 тот вновь выгнал его, и Я.В. был отозван Всеволодом Суздальским во Владимир. В 1205 Ростислав Рюрикович завладел Вышгородом, после чего летописные известия о Я.В. прекращаются. Один из сыновей Я.В., Святослав Каневский, был участником битвы на Калке, в которой и был убит (1223). 326–332, 344

Ярослав Владимирович (Мудрый, в крещении Георгий, ок. 978–1054) — святой, благоверный князь Ростовский (987–1010), Новгородский (1010–1034), Великий Князь Киевский (1016–1018, 1019–1054). 55, 56, 70–82, 87–93, 96, 97, 101, 144, 160, 170–172, 184, 185, 218, 338, 407, 421, 422, 527, 536, 548

Ярослав Владимирович Осмомысл (?–1187) — князь Галицкий, сын Владимира Володаревича. Мать (предположительно) — София Венгерская, дочь короля Кальмана Книжника (1070–1116). Прозвище «Осмомысл» означает «думающий за восьмерых» или «владеющий восемью языками». В 1153 Я.В. воевал с Изяславом Мстиславичем, Великим Князем Киевским, из-за городов, захваченных на Волыни его отцом, которые Я.В. не хотел возвращать. Бой у Терембля был кровопролитным, в его финале многих галичан взяли в плен. Изяслав отступил в обмен на признание Я.В. своего старшинства. В 1158 у Я.В. произошла ссора с Изяславом Давыдовичем, сидевшим в Киеве, из-за изгнанного Галицкого князя, Ивана Ростиславича Берладника, двоюродного брата Я.В., которого Изяслав поддерживал в его стремлении вернуть Галицкий престол. В союзе с другими князьями, при поддержке короля Венгерского и князей польских, Я.В. требовал от Изяслава выдачи Берладника, но напрасно. Изяслав, подстрекаемый Берладником, которого приглашали княжить недо-

вольные Я.В. галичане, вместе с половцами, торками и берендеями пошел на Я.В. Союзник Я.В. Мстислав Изяславич Волынский был осажден этим войском в Белгороде. Вскоре, вследствие измены берендеев, Изяслав должен был бежать от Белгорода. Я.В. и Мстислав отдали Киевский стол Ростиславу Мстиславичу (1159). Иван Берладник умер в изгнании на чужбине, и Я.В. до самой смерти без соперников владел Галицкой землей. Имел большое влияние в спорах князей за Великокняжеский Киевский стол. В 1170 помогал изгнанному из Киева Мстиславу Изяславичу вернуть Великое Княжение. Дружины Я.В. успешно участвовали в походах против половцев. Я.В. был в близких и родственных отношениях с Ромейскими Императорами. В Галиче нашел убежище ромейский принц Андроник (1164), гонимый Императором Мануилом. Вскоре Андроник помирился с Императором Мануилом, и Я.В. заключил с последним союз против венгров (1167). Большое уважение у современников приобрел Я.В. и своими заботами о благосостоянии Галицкой Руси. При нем торговля, промышленность и земледелие процветали; Галицкая земля поддерживала торговые сношения с Болгарией и Ромейской державой; владея Малым Галичем, Я.В. держал в своих руках ключ к дунайской торговле. Несмотря на все могущество, Я.В. пришлось испытывать противодействие со стороны галицких бояр, которые, по примеру соседней польской и венгерской знати, сплотились в могущественную и богатую аристократию. Распря между Я.В. и боярами особенно обнаружилась во время разрыва Я.В. со своей женой Ольгой (дочерью Юрия Долгорукого) и их сыном Владимиром, которым он предпочел свою любовницу Анастасию и незаконного сына Олега. В 1172 Ольга с сыном Владимиром покинули Галич. Партия недовольных бояр устроила в Галиче мятеж, схватила и сожгла заживо Анастасию, а князя заставила дать клятву, что он будет жить в согласии с супругой. Однако согласие продлилось недолго, и в следующем году Ольга с сыном должны были бежать из Галича во Владимир. Умирая, Я.В. оставил главный стол незаконному сыну Олегу, а старшему и законному, Владимиру, — Перемышль. Вскоре, однако, Олег (иронически прозванный «Настасьичем») был убит, и власть перешла к Владимиру. 314, 475, 489, 491–502

Ярослав Всеволодович (1140–1198) — князь Черниговский (1179–1198). Сын Великого Князя Киевского Всеволода Ольговича и дочери Великого Князя Киевского Мстислава Владимировича Великого Агафьи. В 1162 участвовал в походе южных князей против Владимира Мстиславича, у которого был отнят город Слуцк; в

1166 удачно воевал с половцами и взял их вежи. Наследовал Черниговский престол с окончательным утверждением в Киеве старшего брата Святослава и смертью двоюродного брата и претендента на черниговский престол князя Новгород-Северского Олега Святославича. Центральным событием княжения Ярослава в Чернигове стала междоусобица общерусского масштаба 1195–1196. По смерти Великого Князя Киевского Святослава Всеволодовича (1194) Я.В. принял участие в распри между Великим Князем Киевским Рюриком Ростиславичем и князем Волынским Романом и в последовавшей затем войне Черниговских князей (при поддержке Полоцка) со Смоленскими за Великокняжеское княжение. Выступая на стороне Волынского князя Смоленские князья одержали победу, но в распри вмешался Великий Князь Владимирский Всеволод Юрьевич, он и Великий Князь Рюрик потребовали от Ольговичей отказаться от отчинных прав на Киев и ограничить свои территориальные притязания днепровским левобережьем. Я.В. и другие Черниговские князья под угрозой похода Князя Всеволода в их земли подписали крестоцеловальную грамоту Князю Рюрику и обязались не вступать в его владения. Все же черниговцы постарались себя обезопасить, устроив засеки на северо-восточных границах княжества на предполагаемом пути вторжения смоленских и владимирских войск и укрепив военный гарнизон Чернигова. В ходе этих событий Я.В. посылал в 1197 новгородцам по их просьбе в князья своего сына Ярополка, который удержался на новгородском столе лишь полгода. В 1167 участвовал в съезде русских князей, договорившихся о походе против половцев. Союзные князья все лето стояли у Канева, охраняя торговые караваны от половецких набегов. Участник походов на половцев под руководством Великого Князя Мстислава Изяславича в 1168 и 1188. Посылал войска в помощь Северским князьям в 1185. По его смерти черниговский престол занял Игорь Святославич Новгород-Северский. 436

Ярослав Всеволодович (в крещении Феодор, 1191–1246) – святой благоверный князь Переяславский (1201–1206), Переяславль-Залесский (1212–1238), Новгородский (1215, 1221–1223, 1224–1228, 1230–1236), Торжский (1215–1216), Великий Князь Киевский (1236–1238, 1243–1246), Великий Князь Владимирский (1238–1246). 356–360, 366, 380, 381, 384, 395–398, 400–402, 404–406, 412, 606–609

Ярослав Изяславич (в крещении Иоанн, ок. 1132 – ок. 1180) – князь Туровский (1146), Новгородский (1148–1154), Луцкий (1157–

1178), Великий Князь Киевский (1174–1175), родоначальник Луцких князей, сын Великого Князя Изяслава Мстиславича. Сначала был посажен отцом в Турове (1146), потом в Новгороде, откуда был изгнан жителями в 1154. Затем правил в Луцке. После смерти старшего брата (1170) и Глеба Юрьевича Киевского (1171) Я.И. стал основным претендентом на Киевское княжение. Не получив старшинства от Ольговичей, лидер которых Святослав Всеволодович сам являлся претендентом на Великое княжение, Я.И. был признан в качестве претендента Смоленскими Ростиславичами, которые контролировали всю Киевскую землю и в то время вступили в конфликт с Великим Князем Андреем Боголюбским. Я.И. овладел Киевом при помощи Ростиславичей в 1172. Однако, не получив от Я.И. южно-русских волостей, которых желал, Святослав Всеволодович Черниговский изгнал Я.И., захватил в плен его жену, сына и всю дружину; сам Я.И. бежал в Луцк. Святослав, подвергшись в то время нападению Олега Северского, поспешил примириться с Я.И. и возвратил ему Киев. Вернувшись туда, Я.И., в отмщение за то, что киевляне не защитили его жену и сына, стал грабить Киев, не щадя духовенства и монастырей. Вскоре после смерти Андрея Боголюбского (1174) Я.И., видя стремление Ростиславичей выгнать его из Киева и не надеясь удержаться в нем вследствие нелюбви к нему киевлян, добровольно уступил Киев Роману Ростиславичу, а сам удалился в Луцк (1175). Под 1180 Ипатьевская летопись упоминает уже сыновей Я.И., Всеволода и Ингваря, в связи с чем историки обычно датируют смерть Я.И. 1180-м. 308, 309

Ярослав Мстиславич Красный (в крещении Гавриил, ?–1199) — князь Переяславль-Залесский (1176–1187), Новгородский (1176), Волоколамский (1177–1178), Переяславский (1187–1199), сын князя Новгородского Мстислава Юрьевича и племянник Великого Князя Всеволода Юрьевича. В 1176 после утверждения на Владимирском Великокняжеском столе Всеволода Большое Гнездо новгородцы изгнали Мстислава Ростиславича, обратились к Всеволоду за князем, и тот дал им Я.М. Однако после неудачного выступления Ростиславичей с помощью Глеба Рязанского против Всеволода за Владимирский престол (1177) Мстислав через Смоленск вернулся в Новгород, а уехал в Волок Ламский. Вскоре город был razорен Всеволодом (1178), однако вслед за этим в Новгороде княжили Смоленские Ростиславичи: сначала Роман (1179), затем Мстислав (1180). По смерти в Переяславле-Южном бездетным другого своего племянника, Владимира Глебовича (1187), Всеволод послал на Переяславское

княжение Я.М., которое тот и занимал до своей смерти в 1199. Вскоре после его смерти в Переяславль был направлен сын Всеволода Ярослав. 324, 325

Ярослав Святополчич (Ярославец, ок. 1072–1123) — князь Волынский (1100–1118), сын Князя Киевского Святополка Изяславича от наложницы. После решения Витичевского съезда князей о лишении Давыда Игоревича Волынского удела за ослепление Василька Ростиславича Теребовльского в 1100 стал наместником своего отца, Великого Князя Киевского, на Волыни. В 1102 Святополк достиг соглашения с Владимиром Всеволодовичем Переяславским о переходе Я.С. в Новгород, а старшего сына Владимира, Мстислава, на Волынь, но новгородцы прислали Киевскому Князю свой отказ принять Я.С. на княжение. По смерти Святополка и вокняжении в Киеве Владимира Мономаха (1113) Я.С. четыре года продолжал править Волынью, но стал покушаться на галицкие владения Ростиславичей и на земли вдоль р. Горыни, принадлежавшие Владимиру Мономаху. На великокняжеский суд Я.С. не явился. В 1117 Мономах, призвав Давыда Святославича и братьев Ростиславичей, осадил Владимир. Город за два месяца был взят измором, но Я.С. вымолил у Мономаха прощение и вернулся в свой удел. Однако на следующий год он отослал в Киев жену, Мономахову внучку, дочь Мстислава Владимировича, и вновь стал готовиться к борьбе против Великого Князя. Владимир Мономах подошел ко Владимиру, и никто из горожан не стал защищать своего князя. Я.С. бежал в Польшу. Волынским князем стал Роман Владимирович, а после его смерти (1119) — Андрей Владимирович Добрый. Я.С. пытался вернуть владения с помощью венгерских и польских войск, а также перешедших на его сторону Ростиславичей, но безуспешно. В 1123 Я.С. погиб под стенами Владимира-Волынского. 171, 483–485

УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН СВЯТЫХ, БЛАГОВЕРНЫХ КНЯЗЕЙ И БЛАГОЧЕСТИВЫХ ПРАВИТЕЛЕЙ РУСИ, НАИБОЛЕЕ ПОСЛУЖИВШИХ ОТЕЧЕСТВУ И РУССКОЙ ЦЕРКВИ *

А

Авраамий Смоленский (1172–1224) — преподобный (память 21 августа / 3 сентября и в Соборе Смоленских святых), иконописец, архимандрит Смоленского монастыря Положения ризы Богоматери во Влахерне, основанного его современником, смоленским епископом Игнатием. Сын знатных родителей из княжеского окружения, единственный наследник (13-й ребенок в семье), он рано оставил мир ради иночества. Прославился особым подвижничеством и даром проповедника. Главной темой его бесед с народом и иноками было покаяние, особенно необходимое в годы лихолетья и бед, постигающих народ. Претерпел клевету и изгнание, но после того как по его молитве в Смоленске прекратились засухи и болезни, А. снова стали почитать как праведника. Кроме иноческих подвигов, А. окружал себя писцами и сам занимался списыванием и собиранием книг, пользовался большой библиотекой князя Смоленского Романа Ростиславича, который завел в городе училище, где учились по славянским, греческим и латинским книгам. Был автором икон «Страшный Суд Второго пришествия» и «Испытание воздушных мытарств» (не сохранились). По одним сведениям, в конце XIX в. мощи А. находились под спудом во Введенской церкви Авраамиева монастыря, но, возможно, в 1611 их скрыли от поляков, захвативших город. Житие А. было написано его учеником, преподобным Ефремом, вероятно, в первые годы монголо-татарского нашествия. В это же время началось местное почитание святого, чуть позже была составлена служба, совместная с его учеником, преподобным Ефремом. Общерусское празднование А. установлено Собором 1549.

Алексий (Ольксий, человек Божий (кон. IV – нач. V в.) — преподобный (память 17/30 марта), сын знатных римлян. Подчинившись воле родителей, женился, но в первую же брачную ночь вышел из дома и вел до последних своих дней нищенскую жизнь странника. В последние годы вернулся в свой дом и, не признанный родными, жил из милости, терпя насмешки слуг и простых людей. Перед смертью

* Номера страниц к именам см. в основном Именном указателе.

открылся родителям и описал свою жизнь. Один из самых любимых святых на Руси.

Андрей Юрьевич Боголюбский (Ондрей Боголюбивый, ок. 1111–1174) – святой (память 4/17 июля, в Соборе Владимирских святых и в Соборе Волынских святых), благоверный, князь Вышгородский (1149, 1155), Дорогобужский (1150–1151), Рязанский (1153), Великий Князь Владимирский (1157–1174). «Самовластец земли Суздальской». Сын Великого Князя *Юрия Владимировича* Долгорукого и Половецкой княжны, дочери половецкого хана Аепы Асеневича. После смерти отца (1157) стал Князем Владимирским, Ростовским и Суздальским. Умный, деятельный и способный в политическом и военном управлении князь. Отношения с другими русскими князьями строил на идее объединения русских земель и окраин вокруг одного центра; впервые было намечено, что этим центром мог стать не только Киев. Политику новой централизации власти Князь пытался проводить, помогая отцу, например, во время борьбы за Киевский стол против племянника *Юрия Владимировича* Волынского князя *Изяслава Мстиславича* (1149–1154), когда А.Ю. выказал не только исключительную личную храбрость (в сражении под Луцком, 1149), но и миролюбие, выступая примирителем *Юрия* с *Изяславом*. Еще при жизни отца А.Ю. дважды (1151 и 1155) выбирал свой Владимирский удел вместо выделенных ему отцом владений на Юге Руси, его отъезд из Вышгорода «без отне воле» (1155) сопровождался рядом весьма значимых действий: он увез во Владимир, помимо вышгородского клира, меч святого *Бориса* и хранившийся в Вышгородском женском монастыре Богородичный образ, который под именем Владимирской иконы Божией Матери стал одной из наиболее почитаемых святынь Владимиро-Суздальской Руси, а затем Москвы и всего Российского государства. Видимо, это снискало А.Ю. популярность среди ростово-суздальского боярства, он был принят им после смерти *Юрия Владимировича*, вопреки завещанию, по которому этот удел делился между младшими сыновьями от второго брака *Михалком* и *Всеволодом*. В начале своего правления А.Ю. предпринял ряд мер, направленных на внутреннюю консолидацию княжества: младшим Юрьевичам (*Мстиславу*, *Васильку*, *Всеволоду*), матери последнего, второй жене *Юрия Долгорукого*, а также племянникам, сыновьям *Ростислава*, пришлось отправиться к Ромейскому Императору Мануилу I Комнину. Князь изгнал также и «мужей передних» своего отца, чем, как счита-

ют, хотел положить конец практике вечевых сходов, ограничивающих власть единоличного правителя. Только благоверный князь *Борис Юрьевич* (умер бездетным в 1159) получил в удел Кидекшу, бывшую резиденцию *Юрия Владимировича*. В 1159 *Изяслав Давыдович* был изгнан из Киева *Мстиславом Изяславичем* Волынским и галицким войском; Киевским Князем стал благоверный *Ростислав Мстиславич*, чей сын *Святослав* княжил в Новгороде. В том же году Великий Князь А.Ю. захватил новгородский пригород Волок Ламский, основанный новгородскими купцами, и праздновал здесь свадьбу своей дочери *Ростиславы* с князем *Вщижским Святославом Владимировичем*, племянником *Изяслава Давыдовича*. *Изяслав Андреевич* вместе с муромской помощью был послан на помощь *Святославу* под *Вщиж* против *Святослава Ольговича* и *Святослава Всеволодовича*. В 1160 новгородцы пригласили на княжение племянника А.Ю., благоверного *Мстислава Ростиславича*, но ненадолго: в следующем году *Изяслав Давыдович* погиб при попытке овладеть Киевом, и в Новгород на несколько лет вернулся *Святослав Ростиславич*. В то время как А.Ю. предпринимал попытки основать Владимирскую митрополию, цареградский патриарх *Лука Хрисоверг* благословил учредить только отдельную епископию. Во внутренней политике стремился ослабить влияние родовой аристократии подчиненных ему городов, пытался создать новый социальный слой — служилую знать, лично подчиненную Князю. С конца 60-х А.Ю. предпринимал попытки распространить власть за пределы своего княжества. После смерти старшего двоюродного брата А.Ю. *Ростислава Мстиславича* (1167) было нарушено регулировавшееся договором политическое равновесие между Великим Князем Владимирским и князьями южных областей Руси во главе с Киевским Князем. князь Волынский *Мстислав Изяславич* захватил Киев с помощью галицких и польских полков, чем спровоцировал выступление организованной общерусской коалиции 11 князей во главе с сыном А.Ю. *Мстиславом Андреевичем* на стольный град, который пал и был разграблен (1169). Многие сокровища киевских обитателей были тогда перевезены во Владимир, этим подчеркивалось лишение сакрального статуса древней русской столицы. На престол был посажен младший брат А.Ю. — *Глеб Юрьевич*. По понятиям династического старшинства это означало, что Владимир становился старше Киева. Владимирский летописец объяснял участь, постигшую Киев также и карой за несправедливый суд Киевского митрополита — грека *Константина II*, который запретил в служении Киево-Печерского

игумена Поликарпа, занявшего сторону А.Ю. в споре о постах. Следующим шагом А.Ю. выступил на Новгород (рать с *Мстиславом Андреевичем* во главе). Конфликт был вызван столкновением интересов двух областей на пограничной территории в Подвинье и закончился поражением владими́ро-суздальского войска (1170). Спасение Новгорода чудесным заступлением Пресвятой Богородицы зафиксировано в древнерусской литературе и иконографии в сюжете «Битва новгородцев с суздальцами» и связано с чудом от Ее иконы «Знамение», ставшей после этого события очень любимой на Руси. Новгородцы все же вынуждены были зимой 1171/72 признать верховную власть А.Ю., перекрывшего жизненно важный для города подвоз хлеба с юга, и принять к себе князем его сына *Юрия* (1172). В 1172 погиб в Киеве *Глеб*. А.Ю. на Киевский стол посадил *Романа Ростиславича*, так как к этому времени «старейшинство» Владимирского Князя признали и Ростиславичи, но ненадолго. В 1174 А.Ю. пришлось посылать новый карательный поход на Киев (на этот раз неуспешный) в связи с известием о том, что Ростиславичи укрывают убийцу *Глеба*. *Мстислав Ростиславич*, который обесчестил посла А.Ю. бритьем головы и бороды, пытался заставить Владимирского Князя общаться с ним на равных. Великий Князь как державный правитель поддерживал связь с Западной Европой (есть свидетельства сношений Князя с германским императором Фридрихом Барбароссой) и Ромейской Империей. По соглашению с императором Мануилом I Комниным А.Ю. выступил в 1164 вместе с сыном *Изяславом*, братом Ярославом и Муромским князем Юрием Владимировичем против Волжской Булгарии и захватил Бряхимов. На ее территории впоследствии был основан Городец-Радилев. Владимиро-Суздальская земля приобрела при А.Ю. заметные территориальные приращения на востоке за счет сферы влияния в Волжской Булгарии, а также на севере, в Заволочье (Подвинье). Вместе с тем в 70-х в типичной для А.Ю. политике военного и политического давления очевидны признаки кризиса, прежде всего в социальной сфере. Поход против волжских булгар в 1172 не нашел поддержки знати и союзных Муромо-Рязанских князей, не было согласия и с южными князьями. Подчеркнуто автократическое правление А.Ю., сопровождавшееся чрезвычайными мерами военного и, очевидно, фискального свойства, привело к расстройству отношений между Князем и знатью, причем не только старым ростово-суздальским боярством, но и новым, владимирским, в этом видят целенаправленно создававшийся А.Ю. в противовес родовому боярству

класс служилой знати. В походах против Киева и Новгорода он преследовал не только цель возвышения Владимира, но и ослабления политического влияния боярской верхушки этих городов. Это поставило его в оппозицию ко всей старой политической элите Руси. При А.Ю. было развернуто широкое каменное строительство в старых и новых городах, особенно во Владимире. Площадь города была увеличена более чем втрое внутри крепостных стен, украсившихся пятью воротами, в том числе Серебряными (не сохран.) и Золотыми с надвратной церковью в честь Положения ризы Богоматери; были воздвигнуты Успенский собор, который мыслился как кафедральный храм будущей Владимирской митрополии, церковь и монастырь Вознесения близ Золотых ворот. На месте, по преданию указанном Князю Божией Матерью, была построена княжеская загородная резиденция с храмом Рождества Богоматери — Боголюбово. Согласно «Сказанию о чудесах Владимирской иконы Божией Матери», на этом месте остановилась повозка с Владимирским образом, так что кони не могли сдвинуть ее. Близ Боголюбова была сооружена церковь Покрова Пресвятой Богородицы на Нерли (возможно, с монастырем), которую по сей день славят как чудо русского зодчества. В Ростове был построен кафедральный Успенский собор (взамен сгоревшего деревянного) и др. А.Ю. приглашал для строительства владимирских храмов западноевропейских зодчих. Тенденция к большей культурной самостоятельности прослеживается во введении им на Руси новых праздников, не принятых в Греческой державе. В память заступничества Богородицы через Ее Владимирскую икону за владимирское войско в походе против волжских булгар по инициативе Князя были учреждены в Русской Церкви праздники Всемилощивому Спасу (16 августа) и Покрова Пресвятой Богородицы (1 октября по Юлианскому календарю). Был создан ряд произведений (авторство некоторых приписывается А.Ю.), главной темой которых является покровительство Богоматери Владимиро-Суздальскому княжеству. Возможно, при содействии А.Ю. была составлена первоначальная редакция жития новопрославленного святого Ростово-Суздальской земли святителя Леонтия, мощи которого (вместе с мощами его преемника, святителя Исаии) были обретыены при закладке Успенского собора в Ростове и вскоре торжественно перенесены в новоотстроенный собор при непосредственном участии Князя. Деятельность его носила и миссионерский характер: летопись свидетельствует, что он старался приглашать на службы в построенные им величе-

ственные храмы иноверцев, чтобы их сердце расположить к Православию. От рук иноверцев Князь и погиб. В заговоре, организованном представителями боярского рода Кучковичей, приближенного к Князю, участвовали еврей Ефрем Моизич и Анбал Ясин (осетин или кабардинец). В повести «О убьении Андрееве» подробно записаны очевидцем обстоятельства гибели Князя. Точность этого рассказа подтвердило обследование останков святого в 1934. С этой повести начинается прославление Князя, он предстает как храмоздатель, второй Царь Соломон (перекличка с похвалой *Ярославу Владимировичу* Мудрому в ПВЛ), щедрый жертвователь в пользу Церкви, нищелюбец, ревностный распространитель Христианства. Высоко оценивается личное благочестие А.Ю., любившего молиться в церкви по ночам. Его кончина сравнивается с гибелью святых братьев *Бориса и Глеба*. О существовании почитания свидетельствуют слова Лаврентьевской летописи о Ростовском Князе, святом *Васильке Константиновиче*, которого «причте Бог смерти Андрееве кровью мученичскою». Особо чтит А.Ю. Царь Иоанн Васильевич Грозный. В ходе подготовки к Казанскому походу он неоднократно посещал Владимир и сделал распоряжение о ежегодном поминовении погребенных в Успенском соборе Князей и иерархов; торжественные панихиды по А.Ю. царским повелением было установлено служить два раза в год, в дни памяти. В царствование Иоанна Грозного оформилась отразившаяся в Степенной книге концепция русской истории, согласно которой А.Ю. стоял у корней российского самодержавия, являясь основателем Великого Княжества Владимирского — предшественника Московского Царства. В святцах память А.Ю. прослеживается с XVII в. Его имя внесено в «Описание о российских святых» (XVII–XVIII вв.). Серебряная рака сооружена в 1645 трудами патриарха Иосифа. Мощи святого были обретены в 1702 и положены в ней в Успенском соборе с северной стороны. При обретении святые мощи были переоблачены, остатки древней одежды положены в ризнице собора, тогда же святому было установлено местное празднование в День памяти святителя Андрея Критского. В начале XVIII в. было составлено житие А.Ю., хранившееся во владимирском Успенском соборе. В 1768 при освящении собора после ремонта северный придел, который до того был посвящен Благовещению Пресвятой Богородицы, переосветили в честь А.Ю.; над ракой святого была устроена сень, а сама рака, так же как и стена возле нее, украшена посвященными А.Ю. стихами Императрицы Екатерины II. В советское время

мощи А.Ю. трижды подвергались вскрытию (1919, 1934, 1941): первый раз для глумления над верой благочестивых людей, а потом для исследования. В 1987 мощи были возвращены на прежнее место в Успенском соборе. В 1982 имя А.Ю. было внесено в Собор Владимирских святых. В День памяти святого в 1764 был убит Император Иоанн Антонович, а в 1918 в Екатеринбурге большевиками была казнена Царская Семья и ее верные служители.

Антоний (983–1073) — преподобный (память 10/23 июля, 2/15 сентября, в Соборе Афонских преподобных, в Соборах преподобных отцов Киево-Печерских, в Ближних пещерах почивающих, всех преподобных отцов Киево-Печерских и всех святых, в Малой России просиявших), отец русского монашества, основатель и первый игумен Киево-Печерского монастыря. Обладал даром чудотворения: исцелял больных, давая им есть зелень, которой питался сам; предсказал поражение русских войск в битве с половцами на реке Альте в 1066. Великий Князь Киевский Изяслав преследовал Антония по разным причинам. Его неудовольствие вызывало то, что приближенные бояре отказывались от мирской жизни и принимали постриг в монастыре преподобного. Возможно, А. оказывал духовную поддержку Полоцкому князю Всеславу Брячиславичу, за что подвергся преследованию от Великого Князя Изяслава, вернувшего себе Киевский престол в 1069. А. взял к себе Черниговский князь Святослав Ярославич. Перед окончательным возвращением в Киево-Печерский монастырь А. основал под Черниговом Болдинский монастырь.

Антоний (мирское имя Добрыня Ядрейкович, ?–1232) — святитель (память 8/21 октября, в Соборах святителей Новгородских и Новгородских святых), архиепископ Новгородский и Псковский (1210–1218, 1226–1228, 1229). Сын знатного новгородца, ученик основателя и первого игумена Спасо-Преображенского монастыря под Новгородом, преподобного Варлаама Хутынского. До пострига дважды паломничал в Царьград, где приобрел ряд реликвий. В их числе он вывез в 1204 из захваченного крестоносцами Константинополя «меру Гроба Господня» — плиту, на которой лежало тело Господа нашего Иисуса Христа после распятия. По ней был перестроен престол Софийского собора в Новгороде. Свои впечатления от путешествия изложил в «Книге Паломник», включив в нее описание святынь столицы Восточной Римской империи до ее варварского разорения крестоносцами.

Аркадий (Аркад, ?–1164) — святитель (память 18 сентября/1 октября, в Соборах святителей Новгородских и Новгородских святых), епископ Новгородский (1156–1164). В 1153 недалеко от Новгорода основал Успенский (впоследствии — Аркажский или Аркадиев) монастырь и был его первым игуменом. За подвижничество и открытость был почитаем и любим народом еще при жизни. После кончины святителя Нифонта (1156) на вече по жребию при поддержке Новгородского князя Мстислава Георгиевича и духовенства был избран на Новгородскую кафедру. Заступил он на кафедру в тяжелые годы: новгородцы переживали неурожай, голод, повальные болезни скота и людей. Был у него дар миротворца. В 1158 святитель отговорил Смоленского князя Ростислава Мстиславича идти в поход против Полоцкого князя Рогволода Борисовича.

Б

Борис Владимирович (в крещении Роман, ?–1015) — святой (память 2/15 мая, 24 июля / 26 августа, в Соборах Владимирских, Ростово-Ярославских, Рязанских, Тульских святых) страстотерпец, благоверный князь, один из первых князей Ростовских (1010–1015), сын Великого Князя *Владимира Святославича* и болгарской царевны. Старший родной брат святого страстотерпца князя Муромского *Глеба Владимировича*. Некоторые источники их матерью называют Анну, греческую царевну, полагают, что Б.В. крестили в честь ее отца — Ромейского Императора Романа II. Князь Б.В. получил в удел Ростов (по другим данным — Владимир-Волынский) и, управляя своим княжеством, проявил мудрость и кротость, заботясь прежде всего о насаждении Православной веры и утверждении благочестивого образа жизни среди подданных. Он прославился как храбрый и искусный воин, поэтому отец поставил его во главе своего войска в походе против печенегов. В конце жизни Великий Князь держал сына при себе в Киеве, чтобы подготовить его, как полагают, к наследованию Киевского престола. Этим святой Князь Владимир, видимо, хотел сломать мажоритарную систему наследования, самостоятельно выбрав себе преемника. В пользу преимущества Б.В. перед другими сыновьями святого *Владимира* говорят косвенные данные, по которым он и *Глеб Владимирович* — царского происхождения. Однако это намерение Киевского Князя натолкнулось в 1013–1014 на противодействие его старших сыновей — Туровского князя *Святополка* и Новгородского

князя *Ярослава*, что дает основание относить обнародование планов Владимира относительно Б.В. примерно к 1012/13. Перед смертью отца он был послан в поход против печенегов, которые якобы появились на границах Руси. Не найдя печенегов, Б.В. на обратном пути остановился на р. Альте. В это время Великий Князь умер, а *Святополк* объявил себя Великим Князем Киевским. Дружина уговаривала Б.В. бороться за отцовский престол, но благочестивый князь, не желая междоусобной войны, распустил войско. *Святополк* не поверил искренности брата и подослал к нему убийц. Предупрежденный о вероломстве, святой князь, ставя превыше всего любовь и правду, не стал скрываться и, подражая мученикам первых веков Христианства, спокойно встретил смерть. Убийцы настигли его во время утренней воскресной молитвы на берегу реки. После Б.В. и *Глеба Владимировича* был убит еще один брат — Древлянский князь *Святослав*. В результате четырехлетней борьбы *Святополк* был разбит *Ярославом Владимировичем* на Альте и бежал из Киева (1019), после чего мощи братьев положили в Вышгороде при церкви святого Василия. Князья-братья стали первыми по канонизации русскими святыми, которым была составлена и первая русская служба. Сведения о князьях-страстотерпцах, а также о становлении их почитания, помимо летописей (ПВЛ, Новгородской Первой летописи младшего извода), сохранились в посвященных святым ранних житийных произведениях (Сказаниях), ценных не только агиографическим, но и важным историческим материалом, а также в ранних богослужебных памятниках. Одно из них написано преподобным Нестором Печерским. В Вышгороде с началом чудотворений от мощей святых страстотерпцев уже при *Ярославе Мудром* стали вестись записи, которые отразились в Сказаниях. Некоторое время могила святых братьев находилась в забвении, но после первого знамения (некоему «варягу», нечаянно наступившему на могилу, опалило ноги исшедшим из-под земли пламенем) и чудесного сохранения икон и богослужебной утвари в пожаре сгоревшей дотла церкви святого Василия при активном участии благоверного Великого Князя *Ярослава Владимировича* и митрополита Иоанна I была выстроена новая церковь, в которую торжественно перенесли мощи братьев. При этом раки были вскрыты и засвидетельствованы нетленность мощей и исходившее от них благоухание; раки установили в новой церкви. От святых мощей начали происходить чудесные исцеления, которые дали основания Великому Князю выстроить в Вышгороде новую большую пятиглавую деревянную

церковь во имя святых, в которую были перенесены их мощи. Она была освящена 24 июля, в тот день, к которому приурочивалось убийство Б., был установлен и ежегодный праздник святым. После кончины благоверного *Ярослава Мудрого* мощи были перенесены в одноглавую церковь, построенную Великим Князем *Изяславом Ярославичем* ввиду ветхости храма *Ярослава*. Это перенесение 2 мая 1072 было много торжественнее предыдущего: в нем участвовали князья (*Изяслав, Святослав, Всеволод Ярославичи* с сыновьями), митрополит Георгий, ряд архиереев (Неофит Черниговский, Петр Переяславский, Никита Белгородский, Михаил Юрьевский), а также настоятели киевских монастырей, среди которых был и преподобный Феодосий Печерский. Торжества имели не только церковное, но и политическое значение. Это был первый княжеский съезд, на который собрались потомки *Ярослава Мудрого* ради общего дела, с ним, вероятно, связан и первый свод русских законов — Русская Правда Ярославичей. В 1112 было завершено строительство нового каменного храма на средства князя Черниговского *Олега Святославича*, в который после смерти Святополка были снова торжественно перенесены мощи страстотерпцев (1115). В княжеском именослове имена новых святых начали появляться уже в семействах Ярославичей (*Глеб, Давид, Роман Святославичи, Давид Игоревич, Борис Вячеславич*), а также в семье князя Полоцкого *Всеслава Брячиславича* (*Глеб, Давид, Борис, Роман*). Но, скорее всего, названные наречения состоялись еще до внесения имен Бориса-Романа и Глеба-Давида в святцы, хотя и были следствием почитания князей-мучеников в рамках княжеского рода. Поэтому праздник 24 июля при *Ярославе* надо рассматривать как местную канонизацию внутри Киевской епархии, в которую входил Вышгород, а торжества 1072 и 1115, когда была написана и служба, стали общерусским прославлением святых князей. Строительство храмов в честь Бориса и Глеба было обширно на протяжении почти всех этапов русской церковной истории. В течение домонгольского периода центром почитания святых князей-страстотерпцев являлась посвященная им церковь в Вышгороде, куда совершались паломничества, где хранились и другие борисоглебские реликвии, в частности меч Б.В., в 1155 увезенный во Владимир святым Князем *Андреем Юрьевичем*. Храм в Вышгороде был разрушен в 1240 во время Батыева нашествия на Киев, тогда же были утрачены мощи князей. В 1-й пол. XVII в., несмотря на то что в Вышгороде никто не жил, на месте древнего храма был выстроен деревянный, который в XIX в. заменила небольшая

каменная церковь, сохранившаяся до настоящего времени. Уже к началу 70-х XI в. на местах гибели обоих князей были построены деревянные церкви, которые со временем были заменены каменными: в 1117 Великий Князь *Владимир Мономах* заложил каменную церковь на Альте, а в 1145 его внук князь Смоленский *Ростислав Мстиславич* — на Смядыни; почти сразу при них возникли монастыри (до 1073, не позднее 1138 соответственно). Монастырь на Альте был сожжен половцами в 1154. Особым центром почитания Б.В. и *Глеба* являлся монастырь на Смядыни, связанный, очевидно, больше с памятью *Глеба Владимировича*; здесь исцелились в 1177 князья *Мстислав* и *Ярополк Ростиславичи*, ослепленные в ходе их конфликта с дядей, Великим Князем Владимирским *Всеволодом Юрьевичем*. В 1191 сюда из Вышгорода были торжественно перенесены пустые старые раки от мощей Бориса и Глеба. Монастырь на Смядыни существовал до нач. XVIII в. В XII в. был воздвигнут существующий поныне Борисоглебский собор в Чернигове (до 1123); аналогичные каменные постройки появились в Рязани (вероятно, в 20–30-х), Ростово-Суздальской земле (Борисоглебская церковь в Кидекше, 1152), Полоцке (сер. XII в.), Новгороде (Борисоглебская церковь в Детинце, 1167), Городне (Коложская церковь в Гродно, 80–90-е гг.), Новгороде (совр. Новогрудок) и др., при многих из них позднее сложились монастыри. Кроме того, в домонгольский период в честь Бориса и Глеба были созданы Новоторжский (существовал в Турове, в XII в.), Нагорный (в Переславле-Залесском и позднее был домовым митрополичьим, закрыт в 1764) монастыри. Посвящение храмов и монастырей Борису и Глебу не прекращалось и в последующее время.

Борис Юрьевич (?–1159) — святой (память 10/23 июня, в Соборе Владимирских святых), благоверный князь Туровский и Пинский, князь Белгородский (1149–1151), Туровский (1154–1157), Кидекшенский (1157–1159), сын Великого Князя Киевского Юрия Владимировича. После утверждения Князя Юрия Долгорукого на Киевском Великокняжеском столе (1149) был назначен его наместником в Белгороде, потом в Турове (1154). После смерти отца (1157) покинул Юг и был единственным из родственников Великого Князя Владимирского Андрея Юрьевича, получившим удел на Севере. Умер в Суздале, погребен в резиденции своего отца — Кидекше, в церкви святых мучеников Бориса и Глеба на Нерли.

В

Варлаам Хутынский (Алекса Михалевич, ?–1193?) — преподобный (память 6/19 ноября, в 1-ю пятницу Петрова поста и в Соборе Новгородских святых), основатель Спасо-Преображенского монастыря под Новгородом. Из рода новгородских бояр. Житийные сведения о его происхождении и основных этапах деятельности крайне скудны, прославился чудесами, которые совершал, почитался не только в Новгороде в свое время, но и вообще русским народом на протяжении истории. Великий Князь Василий Иоаннович, отец Царя Иоанна Грозного, настолько почитал святого, что принял в конце жизни схиму с именем преподобного.

Василько Константинович (1209–1238) — святой (Собор Ростово-Ярославских святых), мученик, благоверный, первый удельный князь Ростовский. Сын благоверного Великого Князя Владимирского *Константина Всеволодовича* и Смоленской Княжны Агафии Мстиславовны, двоюродный брат святого благоверного Князя Александра Невского. В Ростове В.К. пребывал с детства, вначале на попечении святителя Ростовского *Пахомия*, известного своей книжностью, а с 1219, незадолго до кончины отца, стал официально удельным князем Ростовским под опекой дяди, Великого Князя Владимирского *Юрия Всеволодовича*. В 1220 он, по приказанию последнего, посылал ростовские полки против волжских булгар, которые в 1219 разорили его Устюг, а потом и сам ходил с дядей против них. После заключения мира с булгарами и отъезда *Юрия Всеволодовича* находился в Городце на Волге (1220), потом в районе Дятловых гор, на которых был тогда возведен Нижний Новгород. В.К., как единственного бывшего тогда здесь князя, так же как и Князя *Юрия Всеволодовича*, считают основателем Нижнего Новгорода. В 1223 был послан дядей на помощь южно-русским князьям против татар, но узнал о поражении русских войск на Калке раньше, чем успел дойти. В 1224 с дядей ходил на Новгород, а в 1226 с ним же и с братом, князем Всеволодом Константиновичем ходил в Чернигов на помощь благоверному князю *Михаилу* Черниговскому против князя Курского Олега. По просьбе дяди помогал отражать набеги мордвы. Участвовал в Суздальском съезде князей в 1229, в котором разрешен был конфликт между Великим Князем и братом его *Ярославом Всеволодовичем* из-за возвращения князя *Михаила* Черниговского в Новгород. В 1230 В.К. принимал участие в походе *Юрия* и *Ярослава Всеволодовичей* на *Михаила Всеволодовича*, князя

Черниговского. В 1237, во время движения татар на Владимир, В.К. вместе с *Юрием Всеволодовичем* ушел за Волгу. В битве с монголо-татарами на реке Сити (1238) Великий Князь погиб, а В.К. был взят в плен и, так как не соглашался сотрудничать с татарами, не ел, не пил, чтоб не оскверниться пищей поганных, был ими убит в Шеренском лесу между Кашином и Калязином. На месте его гибели образовался монастырь. В Воскресенском Соборе Кашина находилась древняя местно чтимая икона Нерукотворенного Образа Спасителя (ныне в ГТГ), по преданию принадлежавшая святому. Его тело было найдено и перевезено в Ростов. По летописным свидетельствам, его тело находилось «на вскрытии» (как нетленное). Церковь, в которой он был погребен, была заложена его отцом, В.К. ее достроил. В 1230, когда Ростовский епископ Кирилл (I) отказался от кафедры, В.К. послал к Владимирскому епископу и Великому Князю просить о назначении Ростовским епископом архимандрита Кирилла (II), который, став митрополитом, освятил собор в честь Успения Божией Матери. В храм были перенесены мощи великих чудотворцев Леонтия и Исая. В соборе правый клир пел по-русски, а левый — по-гречески. Князь покровительствовал Христианскому просвещению, поощрял перепись книг. Своих сыновей он назвал в честь святых страстотерпцев *Бориса* и *Глеба*. Княгиня Мария Михайловна после убийства мужа татарами основала в память супруга в километре от Ростова Спасский на Песках Княгинин женский монастырь, в котором были погребены она и сын Глеб. В.К. был почитаем жителями Ростова при жизни и после мученической кончины. Никоновский летописец описывает, что его любила дружина, он был умен и хитер, «лицом красен, очима светел и грозен взором, и паче меры храбр, сердцем же лёгок, а кто ему служил, хлеб его ел, чашу его пил, той за его любовь» не мог уже служить у иного князя. На иконе «Собор Тверских Святых» он изображен молодым и красивым, с открытой головой, в латах; на нем накинут белый плащ, в правой руке его меч. Часть его мощей сохранилась, предположительно находится в церкви с. Васильково под Ростовом Великим, на месте, где по преданию стоял терем княгини Марии.

Владимир Всеволодович (в крещении Димитрий, 1193–1228) — святой (память 4/17 февраля и в Соборе Владимирских святых), благоверный, первый князь Московский, князь Переяславский, Стародубский. Сын благоверного Великого Князя Владимиро-Суздальского *Всеволода Юрьевича* Большое Гнездо и благоверной Великой Княгини

ни Марии Шварновны (в иночестве Марфы), княжны чешской (по другой версии – осетинской), брат благоверных князей *Константина*, *Георгия*, *Святослава* (Гавриила) и *Ярослава* (Феодора) Всеволодовичей. Согласно устному завещанию Великого Князя Всеволода, по сведениям поздних источников, В.В. должен был стать обладателем Москвы, однако он получил Юрьев-Польской. В 1199 участвовал в проводах своего младшего брата *Святослава*, посаженного отцом на княжение в Новгород. В 1201 присутствовал на торжественном освящении церкви Святой Богородицы во Владимирском Успенском Княгининском монастыре, основанном его матерью. В 1205 участвовал в проводах брата *Константина*, также отправленного отцом на княжение в Новгород. В 1207 участвовал с братьями в большом походе на Чернигов, организованном отцом против Рязанских князей. Во время осады Пронска находился в полку отца. После смерти отца (1212) в междоусобной войне братьев В.В. вначале занимал сторону младших Всеволодовичей – *Юрия* и *Ярослава*. После недолгого перемирия братьев В.В. разорвал союз с *Юрием* и *Ярославом* и ушел к *Константину* в Ростов. В 1213, по соглашению со старшим братом, пошел к Волоку Ламскому, а оттуда в Москву, входившую в состав Великого Княжения *Юрия*. *Юрий Всеволодович* отдал его удел другому брату – *Святославу Всеволодовичу*. В 1213 *Константин Всеволодович* разорил костромские владения *Юрия*, а В.В. «с москвичи и с дружиною своею» выступил к Дмитрову – уделу *Ярослава Всеволодовича*, который воевал в то время против *Константина* около Ростова. Дмитровцы не пустили Московского князя. В новое перемирие В.В. вернул Великому Князю Москву, получив княжение в Переяславле-Русском. В 1215 женился на дочери Черниговского князя Глеба Святославича. В один из набегов половцев на Переяславль был взят в плен. Вернувшись из плена в 1217, В.В. получил от Великого Князя *Константина*, который к тому времени вытеснил *Юрия* из Владимира, во владение маленький городок на Клязьме, Стародуб. В.В. сохранил Стародуб после смерти Великого Князя *Константина* (1218) и возвращения во Владимир *Юрия*. В 1224 по приказу Великого Князя *Юрия* В.В. вместе со своим племянником, благоверным князем Ярославским Всеволодом Константиновичем, был отправлен в поход – возможно, это был поход русских войск, прибывших в Новгород из Суздаля, на ливонские земли, о котором свидетельствуют латиноязычные источники. В.В. перед кончиной был пострижен в схиму (стал одним из первых правителей Северо-Восточной Руси, принявших перед смертью мо-

нашествие), похоронен рядом с родственниками в Успенском соборе во Владимире. Княжеское имя В.В. записано во вседневный синодик собора, а также в некоторые списки синодика нижегородского Печерского в честь Вознесения Господня монастыря. Его вдова и дети погибли в 1238 вместе с Владимирским епископом, священномучеником *Митрофаном*, во владимирском Успенском соборе при взятии города татарами.

Владимир Всеволодович (Мономах, в крещении Василий, 1052–1125) — святой (Собор всех святых, в земле Российской просиявших), благоверный князь Смоленский (1067), князь Черниговский (1078), Великий Князь Киевский (1113–1125). Сын Великого Князя Киевского *Всеволода Ярославича* и греческой Княжны Анны (Марии) Константиновны Мономах, дочери Ромейского Императора Константина IX Мономаха; отец святого благоверного Великого Князя Киевского Мстислава. В 1077 В.В. впервые выступил в борьбе с кочевниками — половцами, — выполняя приказ Великого Князя Киевского *Изяслава*. Среди русских князей снискал себе славу миротворца. Но стремление поддерживать мир между князьями нередко приводило благоверного Князя в самый центр междоусобных войн. В 1078 участвовал в бою на Нежатиной Ниве, где решался междоусобный спор о Киевском княжении, когда его отец стал Киевским Князем. Будучи князем Смоленским, В.В. в этом же году получил от отца в правление Чернигов. Владея им, возвел в своей резиденции замок в Любече с глубокими подземными ходами для хранения сокровищ, запасов продовольствия и воды на случай осады. Но, когда в 1094 князь *Олег Святославич* явился под стены Чернигова во главе половецкого войска, желая получить город, в котором когда-то правил его отец, В.В. уклонился от сражения и ушел из города с небольшой дружиной в Переяславль, где и княжил, спасая народ от безчинств половцев. Позже он передал Переяславль своему брату Ростиславу и княжил в Смоленске. Стремился поддерживать мир с удельными князьями, помогал им в борьбе с врагами, например, князю Черниговскому *Святославу* — с немецким императором Генрихом IV, когда «ходил с дружиною» через Богемию в Силезию. Был одним из инициаторов и активных участников съездов удельных князей в Любече (1097) и в Уветичах (Витичеве) (1100). Отец, Великий Князь Киевский *Всеволод*, завещал В.В. Великое княжение, но он, не желая возобновления междоусобных войн, отказался, несмотря на свое явное полити-

ческое и военное превосходство, и сам провозгласил Великим Князем Киевским своего двоюродного брата *Святополка Изяславича*, сказав: «Его отец был старше моего и раньше моего княжил в Киеве». Вместе с ним участвовал в походах против половцев. Завещание Великого Князя *Всеволода* осуществилось лишь после смерти *Святополка Изяславича*. Во время восстания киевлян в 1113 против ростовщиков постановлением веча было решено призвать В.В. на княжение с просьбой «спасти от неистовой черни». Подавив смуту, В.В. увидел необходимость разобраться в ее причинах. Выступая примирителем социальных противоречий, он урегулировал ряд норм долгового права. Это нашло отражение в Уставе Владимира Мономаха о резах (т. е. процентах) и было включено позднее в Пространную редакцию Русской Правды. Уставом было улучшено положение должников и закупов (наемников), отменено холопство за долги и установлен точный размер взимаемых процентов для заимодавцов (не более 100 %). Устав оградил бедноту от произвола ростовщиков и от порабощения людей за долги. Все правление В.В. проходило в борьбе с половцами. Почти двадцать раз он заключал мир с половцами (среди самых известных — 1077, 1093, 1094, 1095, 1101, 1103, 1107, 1110, 1111). В.В. рассматривал половецкие войны как борьбу Христианства с остатками язычества. Во время похода 1111 В.В. «пристави попы своя, едучи пред полком пети тропари и коньдаки Хреста Честнаго и канун Святой Богородицы». В.В. подталкивал других князей к тому, чтобы вести в отношении захватчиков наступательную, а не оборонительную политику (походы 1101, 1103 и др.), был инициатором ответных нападений на половцев (1095). Применял тактику глубоких рейдов во вражеские земли с целью уничтожения основных сил противника. При организации походов применял сборы народного ополчения. В итоге всех этих мер половцы отступили, надолго прекратив набеги на Русь, а В.В. стал самым авторитетным правителем на Руси. Активно поддерживал борьбу новгородцев и псковитян против племени чудь на северо-западе (недалеко от Чудского озера); на северо-востоке сын В.В., будущий Великий Князь *Юрий Долгорукий*, одержал победу против булгар и мордвы. В 1120 окончательно были изгнаны из Руси печенег. В.В. через своих сыновей управлял 3/4 территории Древнерусского государства. По смерти *Святополка* он получил Туров как киевскую волость. В.В. объединил в своих руках господство над большей частью Руси, за исключением Чернигова, Полоцка и поначалу Волыни. Попытки вооруженного протеста против этого го-

сподства со стороны князя Минского *Глеба Всеславича* (1101–1119) и князя Волынского *Ярослава Святополчича* (1117–1118 и 1123) закончились для них неудачно: оба князя утратили свои владения и трагически погибли. Победы над мятежными князьями еще более укрепили положение В.В., приобретшего Волынскую землю. Черниговские Святославичи, *Давид* и *Олег*, вынуждены были поддерживать тесный союз с В.В., скрепленный уступкой Чернигову в Северной земле Курского Посемья. В 1119 он силой оружия завладел Минским княжеством. В 1118 В.В. вызвал новгородских бояр в Киев и привел их к присяге. Княжение В.В. было временем не только политического и экономического усиления Руси, но и расцвета духовной культуры и литературы. По инициативе В.В. прошло общерусское действо перенесения тремя сильнейшими князьями Руси (самим Великим Князем и Черниговскими Святославичами) мощей святых мучеников князей *Бориса* и *Глеба* из деревянной церкви в каменную в Вышгороде под Киевом в присутствии митрополита *Никифора*, ряда епископов и игуменов киевских монастырей (1115). По повелению В.В. в 1102 раки святых были окованы серебром и золотом. После перенесения и «комары», в которых были установлены раки, были украшены кованными по золоту и серебру изображениями святых князей *Бориса* и *Глеба*, а также драгоценными светильниками, сенью и пр. В Киевское княжение В.В. и, очевидно, не без влияния с его стороны была создана окончательная редакция «Сказания о святых Борисе и Глебе». Несмотря на сложные отношения Руси с Ромейским Царством в это время, духовные контакты двух держав не ослабевали. Так, по продолжному сказанию о «пренесении честнаго прьста Иоанна Крестителя, десныя его руки, в Русь от Царьграда ... при князи Володимере Мономасе», известно, что В.В. заложил церковь Иоанна Предтечи для сохранения этой реликвии. Известно о построении им в 1117 Борисоглебской церкви на р. Лыте (Альте) под Переяславлем Русским — месте, где, по преданию, погиб святой князь Борис (В.В. любил бывать здесь и скончался на этом месте), — и дубового кафедрального собора в честь Успения в Ростове, в меру Успенского собора Киево-Печерского монастыря в память об исцелении В.В. через золотой пояс варяга Шимона (преподобного Симона Печерского), которым отмерялись размеры Печерского храма. По археологическим данным, В.В. после 1115, вероятно, построил еще каменную церковь Спаса на Берестове под Киевом. В.В. даровал Переяславскому епископу Симону холм в Смоленске, находящемся в его юрисдикции,

под кафедральный храм и заложил на нем церковь в честь Успения Пресвятой Богородицы. При В.В. строились церкви, создавались летописные своды, началось составление Печерского патерика, включившего жития *Антония* и *Феодосия* Печерских, святой Великой Княгини *Ольги*, святого Великого Князя *Владимира* Крестителя, святых князей *Бориса* и *Глеба* и других русских князей. В это время игумен Данииил составил описание своего путешествия в Иерусалим. В эпоху В.В. был создан первый официальный летописный свод, первая редакция которого была подготовлена преподобным Нестором Летописцем в Киево-Печерском монастыре (1110–1113). Известны также три произведения самого В.В.: 1) Поучение Владимира Мономаха к детям, свод нравственных и практических заповедей правителя; 2) рассказ о Путях и ловах (автобиография); 3) Письмо к двоюродному брату князю *Олегу Святославичу*. В.В. был широко образованным, знающим несколько языков правителем. Он хорошо знал богословскую литературу своего времени и свободно владел текстами годового богослужебного круга, что свидетельствует о его проникновенном служении и как верного чада Христовой Церкви. В Поучении он выступает и как поборник умной молитвы, которую человек должен совершать во всякое свободное время, и милостивого отношения ко всем людям, особенно к священнослужителям, Божиим и убогим. По свидетельству митрополита *Никифора*, В.В. спал на голой земле, носил ветхую одежду и только «в град входя, власти деля» облачался в княжеские одежды; давал своим приближенным богатые пиры «величества ради княжеского», сам же питался хлебом и водой. В.В. стал очень популярным русским Князем еще при жизни, а в устном предании приобрел мифологические черты. Например, о нем как об усмирителе степняков в эпическом ключе повествовал в 1-й пол. XIII в. галицко-волынский летописец: «Володимер Мономах пил золотым шоломом Дон, приемши землю их всю и загнавши оканьныя агаряны». С именем Великого Князя связано предание (1-й пол. XVI в.) о ромейских царских дарах В.В., на основе которого появилось «Сказание о Князях Владимирских» о греческом происхождении так называемой шапки Мономаха как коронационной инсигнии Русского государства. Погребен в киевском Софийском соборе рядом с отцом (ныне погребения утрачены). В южнославянском Прологе XIII–XIV вв. отцом благоверного Князя *Мстислава Великого* назван «святой Владимир». Память В.В. отмечена в Кайдаловских святцах (кон. XVII в.) и в «Описании о российских святых» (кон. XVII–

XVIII вв.). В старообрядческом Месяцеслове Ионы (Керженского) помещена память с краткой заметкой о житии В.В., где сообщается, что он «в древлеписменных же месяцесловах почитается во святых, памятию марта в 19 день». Канонизация В.В. подтверждена включением его имени в Собор всех святых, в земле Российской просиявших.

Владимир (Володимер) Святославич (в крещении Василий, ок. 960–1015) — святой (память 15/28 июля), равноапостольный, Великий Князь Киевский, Креститель Руси. Сын Великого Князя Киевского Святослава Игоревича и Малуши, ключницы его бабки, святой равноапостольной Великой Княгини Ольги. Воспитывался при ее дворе дядей по матери Добрыней, который был старшим дружинником Князя Святослава. Получил от отца в 970 Новгородское княжение. После гибели в 972 Князя Святослава Киевом управлял Ярополк. В конце 70-х началась усобица братьев. В битве с Князем Киевским Ярополком Святославичем погиб Древлянский князь (Овручский) Олег Святославич (977). В 978 В.С. с помощью дяди Добрыни и варяжского войска выгнал из Новгорода посадника Ярополка, потом напал на Полоцкого князя Рогволода, подчинявшегося Киевскому Князю, убил его и всю его семью и взял в жены его дочь Рогнеду, которая впоследствии родила ему сына Изяслава, а по принятии Христианства, когда В.С. даровал своим бывшим языческим женам свободу, постриглась в монашество. В.С. вокняжился в Киеве, убив Ярополка и взяв его беременную жену-гречанку в наложницы, она родила ему сына *Святополка*. Великий Князь проводил широкую политику укрепления власти внутри государства и на внешних его границах. В 979 В.С. в борьбе с польским князем Мешко I за приграничную Червенскую Русь приобрел Червен и Перемышль. В 981–982 обложил ятвигей данью. В 983 покорил балто-литовское племя ятвягов, установил контроль над Судовойей и открыл путь к Балтике. В.С. объединил северные и южные регионы Руси: в 984 он завоевал земли радимичей, находящиеся между Новгородом и Киевом. В 985 одержал ряд побед над «серебряными», т.е. волжскими, булгарами и обложил данью Хазарию. В 988 В.С. предположительно покорил земли Таманского полуострова и посадил сына Мстислава на княжение в Тмутаракани. В 991 он совершил поход в днестровские земли против белых хорватов. В 994–997 повторил поход против волжско-камских булгар и доходил до пределов Северного Кавказа. Военные неудачи у В.С. были только в отношении степных врагов русских — печенегов, кото-

рые кочевали на землях Дикого Поля, к югу от Киевщины, и в течение столетия совершали регулярные набеги на русские области. Сведения о внешнеполитической деятельности В.С. после Крещения создают впечатление, что на смену чрезвычайной военной активности его языческого периода приходит политика, направленная больше на удержание и стабилизацию достигнутого. За годы своего правления В.С. заключил множество договоров с правителями разных стран, среди которых были Стефан I (король Венгрии), Болеслав I Храбрый (король Польши), Олдржих (Удальрих) (король Чехии), Сильвестр II (папа римский), Василий II (Ромейский Император). Есть предположения, что Великий Князь поддерживал германского короля и правителя Священной Римской империи Оттона I. В.С. помогал Ромейскому Императору Василию II в борьбе против узурпатора Варды Фоки. Из скандинавских саг известно, что В.С., как впоследствии и его сын, благоверный Великий Князь *Ярослав Мудрый*, оказывал свое покровительство представителям норвежской королевской династии, в Новгороде находила убежище Астрид, жена убитого в Норвегии конунга и мать Олафа Трюггвасона, будущего короля Норвегии, да и сам король детство провел на Руси. У В.С. служил его брат Сигурд. Олаф, пребывая в Новгороде, был воспитан в Христианской вере и, вернув себе власть, стал первым просветителем Христовой веры в Норвегии. Главным деянием В.С., оказавшим влияние на духовное, политическое, социальное и экономическое становление и развитие Руси, признается совершенное его волей Крещение русского народа, вначале в Киеве, затем в вотчине Великого Князя — Новгороде, где посадничал его дядя Добрыня, а потом в других городах. До него дело христианского просвещения Руси (постройка храмов, приглашение проповедников и священства, распространение Христианской литературы) осуществляла святая равноапостольная Великая Княгиня Ольга. Вначале В.С. испытывал веру, приглашая к себе иностранных миссионеров и отправляя своих послов в разные страны. Окончательное решение было принято после того, как Ромейский Император не выполнил обязательства за оказанные русскими воинами военные услуги Ромейской державе. Великий Князь захватил Корсунь и потребовал, чтобы ему отдали в жены греческую Царевну. По брачному условию Великий Князь крестился с именем святителя Василия Великого — небесного покровителя Императора Василия II. В 988 прибывшее на Русь с В.С. и Царевной Анной греческое духовенство крестило киевлян в Днепре. Русь

стала одной из митрополий (Киевской) Константинопольского Патриархата, были учреждены первые епархии, строились храмы, основывались первые монастыри. В.С. пытался создать новую внутриполитическую систему управления, опираясь на древнерусский политический обычай: посажение Киевским Князем своих сыновей по волостям соответствовало представлению о государственной территории как коллективном владении княжеского семейства (в силу этого каждый взрослый княжич имел право на удел) и служило своеобразным способом управления территориями из Киева (княжич выступал в качестве посадника, наместника своего сидевшего в Киеве отца) и их Христианизации. В администрировании Великий Князь опирался на совет дружины, посадников и старейшин городов (общин). В летописи есть указания, что В.С. осуществлял первую кодификацию права, но нам известен только Церковный устав В.С., определяющий компетенцию церковных судов. В.С. создал первую государственную финансовую систему Руси: при нем стали печатать золотые и серебряные монеты с портретом самого Князя в уборе греческих Царей. При В.С. было введено повсеместное регулярное книжное учение, так что уже вскоре на Руси появились замечательные мастера слова и знатоки литературы, такие, как один из первых русских писателей, святитель *Иларион*. При В.С. велось каменное строительство, в том числе храмовое, было основано несколько новых городов. В.С. создал уникальную систему фортификации, которая призвана была защищать Киев от печенегов. Одной из важных особенностей в личной деятельности Князя называют его нищелюбие и широкую благотворительность. В конце жизни В.С. планировал, по видимому, изменить систему престолонаследия. Согласно традиции, после смерти В.С. Русь должна была быть поделена между всеми его сыновьями, а Киев должен был достаться генеалогически старейшему. Однако политическое сознание В.С. как главы новой единой Христианской державы, видимо, противилось такому механическому дроблению. Он намеревался посадить после себя в Киеве святого князя Бориса, возможно, потому, что он происходил по материнскому роду из болгарского царского дома. Это привело бы к созданию сеньората — номинального политического главенства одного из братьев, вроде того, какой был учрежден по завещанию благоверного Ярослава Мудрого, но такой порядок вызвал протест старших сыновей Святополка и Ярослава. Святополк Окаянный, женатый на дочери Болеслава, под влиянием духовника, католического епископа

Колобжегского Рэйберна, в 1013 хотел сместить отца на престоле, а Ярослав, видимо, подчиняясь требованиям новгородской знати, отказался платить дань Киеву. Заговор Святополка в пользу ляхского короля был прямым покушением на историческое существование Русского государства и Русской Церкви; он был раскрыт, и Святополк с епископом и женой Болеславной временно оказался в заточении до притворного покаяния. Ярослава наказать В.С. не успел, при сборах в поход он смертельно заболел. Готовясь к новой борьбе за власть и надеясь в ней на помощь поляков, Святополк пытался скрыть смерть отца. Но патриотически настроенные киевские бояре тайно, ночью, вывезли тело почившего Государя из Берестовского дворца, где сторожили его люди Святополка, и привезли в Киев. В Десятинной церкви гроб с мощами святого встретило киевское духовенство во главе с митрополитом Иоанном. Святые мощи были положены в мраморной раке, поставленной в Климентовском приделе Десятинного Успенского храма рядом с такой же мраморной ракой Царицы Анны. Нет точных данных о начале почитания В.С. В первые годы после его смерти возникла агиографическая традиция, уподоблявшая Князя апостолу Павлу; житийные рассказы об обращении В.С. (ослепшего и чудом исцелившегося по молитвам христиан) встречаются и в западноевропейских памятниках этого времени. В своем «Слове о Законе и Благодати», содержащем элементы акафиста и молебна, митрополит *Иларион* (XI в.) именовал Князя «блаженным». Возможно, Владимир первоначально поминался вместе со своими сыновьями, святыми Борисом и Глебом. Вероятно, в правление Ярослава Мудрого были уже предприняты определенные шаги для церковного прославления В.С. Эпитет «святой» впервые применяется к нему в Галицко-Волынской летописи. Почитание могло быть связано также с победой новгородцев в Невской битве (1240), которая произошла в день его смерти 15 июля (по ст.ст.). Этот же день отмечен как день его памяти в прологах и богослужебных книгах XIV в. Вероятно, канонизация могла состояться во 2-й пол. XIII в., так как именно этим периодом времени датируется пролог с вставкой из проложного жития святого. В 1311 архиепископ Давид поставил в Новгороде «на воротех» каменную церковь «святого Володимира». Со 2-й пол. XIV в. почитание Владимира Святославича активно поддерживается Московским Великокняжеским домом. Князья стали принимать крещение во имя В.С. В «Слове о житїи и о преставлении великаго князя Дмитрия Ивановича, царя Рускаго» (кон. XIV – нач. XV вв.) благовер-

ный Князь Димитрий Иоаннович Донской прославляется как «отрасль благополодья и цвет прекрасный» «царя Володимера, нового Костянтина, крестившаго Роускую землю». В 1635 митрополит Киевский Петр Могила обрел мощи В.С. из руин Десятинной церкви, что положило начало почитанию его останков, ныне утраченных. Указ Священного Синода 1888 по случаю 900-летия Крещения Руси определил отнести День памяти святого Князя к наиболее значимым — бденным службам. В это же время в России стали строить Князь-Владимирские храмы, наиболее замечательный из которых — Владимирский собор в Киеве. В 1929 Русская Зарубежная Церковь стала чтить этот день общим русским церковно-национальным праздником. В 1957 Русская Православная Церковь учредила орден Святого равноапостольного Великого Князя Владимира. Имя и дело святого равноапостольного Князя связано со всей последующей историей Русской Церкви. Подвиг его продолжили сыновья, внуки, правнуки, владевшие Русской землей в течение почти шести столетий, — от благоверного Князя Ярослава Мудрого, сделавшего первый шаг к независимому существованию Русской Церкви, до последнего Рюриковича, святого Царя Феодора Иоанновича, при котором Русская Православная Церковь стала пятым самостоятельным Патриархатом (1589) в диптихе Православных Автокефальных Церквей.

Всеволод Мстиславич (в крещении Гавриил, ок. 1095/1100–1138) — святой (память 11/24 февраля, 27 ноября / 10 декабря, 22 апреля / 5 мая и в Соборе Псковских святых), благоверный князь Новгородский (1117–1136), Вышгородский (1137), Псковский (1138). Старший сын Великого Князя Мстислава Владимировича и Великой Княгини Христины, дочери шведского короля, внук Великого Князя Владимира Мономаха. Был женат на дочери благоверного князя *Святослава Давыдовича*, ставшего к этому времени иноком Киево-Печерского монастыря. Посажен отцом княжить в Новгороде (1117–1132), когда самого *Мстислава Великий Князь Владимир Мономах* перевел под Киев — в Белгород. Стремление *Владимира Мономаха* и *Мстислава Владимировича* сделать Новгород, как и Киев, наследственным владением Мстиславичей вело как к усилению попыток контролировать Новгород из Киева, так и к политическим уступкам новгородскому боярству. Посадничество этого периода стало более независимым от княжеской власти. Деятельность князя связана, в основном, с Новгородом, его административная активность была

очень велика, об этом свидетельствуют многочисленные свинцовые печати, найденные в Новгородской и сопредельных областях. На обеих сторонах печати были изображены небесные покровители В.М. и его отца *Мстислава Владимировича* (Архангел Гавриил и св. Феодор), который направлял многие действия Новгородского князя. В.М. ходил в походы на народы (чудь, емь и др.), обложенные Русью данью. В один из таких походов новгородцами был взят Юрьев (1134). Участвовал в общерусской войне против Полоцка (1131). В 1132 после смерти Великого Князя *Мстислава Великого* его брат *Ярополк*, в соответствии с внутрисполитической линией, намеченной *Владимиром Мономахом*, перевел В.М. в Переяславль-Русский, ближе к Киеву, что делало В.М., по династическим понятиям того времени, наследником Киевского стола. Против этого решительно выступили младшие Мономашичи: Суздальский Князь *Юрий Владимирович* и Волынский князь Андрей Владимирович. В.М. вынужден был вернуться в Новгород, где его приняли неохотно и не сразу. В 1134 В.М., несмотря на просьбы о примирении прибывшего в Новгород Киевского митрополита Михаила, с братьями и Черниговскими князьями повел новгородцев в поход против дяди, чтобы посадить брата *Изяслава* в Суздале. Князь *Юрий Владимирович* в битве с Мстиславичами на Ждане-горе (близ Переяславля-Залесского) одержал победу. *Изяслав Мстиславич* получил от *Ярополка* Волынь, и мир В.М. с Киевом был восстановлен (1135). После этого В.М. предпринял попытки посредничать в примирении Киева и Чернигова. Вероятно, именно с ними связаны поездки в Киев новгородского посадника *Мирослава Гюратинича* (1135) и святителя *Нифонта* (1136). После возвращения епископа *Нифонта* в Новгород совместное вече новгородцев, псковичей и ладожан лишило В. М. Новгородского стола и заключило его с семьей под стражу, пока не прибыл призванный новгородцами *Святослав Ольгович* (1136). Причины изгнания В.М. до конца неясны. Новгородская летопись ставит в вину князю, наряду с не совсем понятным «не блюдет смерд», желание сесть в Переяславле в нарушение крестоцелования о пожизненном княжении в Новгороде, что произошло не по его вине, а также переменчивость политики (то союз с Черниговом, то война с ним). Есть предположения, что из-за налоговой политики князя и по ряду других причин мог возникнуть резкий внутренний конфликт В.М. с частью новгородской верхушки, в том числе, возможно, и со святителем *Нифонтом*. Великий Князь *Ярополк Владимирович* дал В.М. в держание Вышгород под Киевом, но вско-

ре к В.М. прибыл новгородский посадник *Константин Микульич*, а затем тайное посольство псковичей и части новгородцев, которые убеждали его вернуться в Новгород. Когда В.М. пришел в Псков, в Новгороде произошло столкновение его сторонников и противников, в котором последние одержали верх. Псков отказался поддерживать решение новгородского веча и стал готовиться к вооруженному сопротивлению (1137). В это время князь преставился. Погребен в основанном им Свято-Троицком кафедральном соборе Пскова, а псковичи приняли на стол брата В.М. *Святополка*. Примирение Пскова и Новгорода было достигнуто только после изгнания с Новгородского стола князя *Святослава Ольговича* (1138). С именем В.М. связаны установления в политической и церковной жизни Новгорода, которые отразились в двух древних законодательных документах — Уставе о церковных судах, людях и мерилах церковных и Уставной грамоте церкви святого Иоанна Предтечи на Опоках (Рукописание князя Всеволода). Последняя регулировала деятельность общины купцов, торговавших воском и медом («Ивановское сто»). Для этой общины он построил церковь Иоанна Предтечи на Петрятине дворище (1134), которую заложил в честь своего сына Иоанна. В.М. заложил в Новгороде Георгиевский собор Юрьева монастыря (1119), но грамоту о материальном обеспечении обители издал его отец, а Новгородский князь упоминается в документе только как даритель серебряного блюда. Известны жалованные грамоты В.М. Юрьеву монастырю на земельные владения (1134). Вместе с данной тогда же дарственной Изяслава Мстиславича, брата В.М., новгородскому Пантелеимонову монастырю эти грамоты составляют корпус древнейших на Руси княжеских актов, связанных с земельными пожалованиями Церкви. В Новгороде В.М. построил еще храм Успения Пресвятой Богородицы на Торгу (заложена в 1135). В первые годы княжения В.М. в Новгороде, скорее всего, при его дворе и по его заказу, был составлен новгородский летописный свод, соединивший раннее новгородское летописание с киевским и легший в основу последующего новгородского владычного летописания. Согласно Житию В.М., составленному во 2-й пол. 50-х XVI в., его племянник, Новгородский Князь *Ярослав Владимирович*, присутствовал в Пскове при перенесении мощей своего дяди из церкви Димитрия Солунского в Троицкий собор (1192), которое сопровождалось чудесным явлением святого князя в видении. Это событие было, вероятно, связано с постройкой нового каменного собора на месте бывшего, деревянного,

из которого мощи на время строительства изымались. Видимо, тогда же и произошла местная канонизация В.М.; князь почитался под своим крестильным именем Гавриил. В общерусский Собор святых В.М. включен Собором 1549. В Слове об обретении мощей В.М. рассказывается, что за день до того, как обрушился свод собора (1363), пономарю во сне явился святой и повелел вынести из храма иконы, сосуды, книги. При разрушении его мощи не пострадали, откололась только небольшая частица от главы, которую в 1583 положили в серебряный ковчег. В летописи зафиксированы и другие чудеса от мощей святого. Большинство чудес повествует об исцелениях от глазной, «студеной» и «огненной» болезней. При Императорах мощи благоверного князя хранились под спудом, с установленной над ними в 1583 ракой. После революции они были вскрыты, а рака уничтожена. Сегодня святые мощи почивают в одной из уцелевших рак XIX в. на прежнем месте в псковском Троицком соборе. Уже через несколько десятилетий после смерти В.М. память о нем начинает приобретать черты героической стилизации, а его правление представляется цветущей эпохой в истории Новгорода. Так, в посмертной Похвале Новгородскому князю, благоверному *Мстиславу Ростиславичу Храброму*, его подвиг по защите Новгорода сравнивается с деяниями В.М. Псковские источники трактуют образ князя в соответствии с чаяниями псковичей о своей независимости. В его древнее Житие включен эпизод о том, что после кончины князя новгородская депутация пыталась вывезти тело для погребения в Новгород, но «не подвижеся рака с места своего». По древнейшей редакции «Повести о Довмонте» (XIV в.), а также по псковскому летописанию (с 1323) во времена военных испытаний псковичи всегда обращались с молитвой к В.М., имя святого находится рядом с благоверным князем *Довмонтом* Псковским. Идеиная близость образов В.М. и *Довмонта* в псковской традиции XIV–XVI вв. подчеркивается и тем обстоятельством, что Житие В.М. анахронично представляет князя вслед за *Довмонтом* «оборонителем и забралом граду Пскову от поганных немец». В 1581, во время осады Пскова войсками короля Стефана Батория, старец псковского Покровского монастыря Дорофей видел около угловой Покровской башни, на месте будущего штурма, Пресвятую Богородицу, Которую умоляли о спасении города равноапостольный Князь *Владимир* и Псковские святые, в их числе и В.М. Его мощи были принесены на место сражения, отслужили молебен, и к концу дня штурм был отбит. Своеобразная «парность» почитания святых

В.М. и *Довмонта* в Пскове подчеркивается и характерной деталью — появлением над захоронением В.М. меча, каковой был и над погребением скончавшегося в 1299 князя *Довмонта* в Троицком соборе. Клинок меча В.М. с латинской надписью «*Honorem meum nemini dabo*» (Чести своей никому не отдам) изготовлен в Европе (XV в.), смонтирован с рукоятью в XVI в. (ныне в ПИАМ). Царь Иоанн Васильевич Грозный, молившийся у раки В.М. в 1569, «удивися меча его величеству». На столпе около раки рядом с мечом находилась древняя икона князя, прославившаяся чудотворениями в XVI в. В XIX в. в Пскове ежегодно в праздник Преполовления совершался крестный ход из Троицкого собора с образом В.М. и Чирской иконой Божией Матери на р. Великую, где освящалась вода. Во главе осеннего крестного хода, учрежденного в 1813 в память избавления Псковской и Санкт-Петербургской губерний от нашествия французских войск, торжественно несли мечи В.М. и *Довмонта*, икону В.М. и ковчег с частицей мощей святого. 27 ноября в Пскове ежегодно совершался крестный ход вокруг города в память о В.М.

Всеволод Юрьевич (Большое Гнездо, в крещении Димитрий, 1154–1212) — святой (память 15/28 апреля и в Соборе Владимирских святых), благоверный, Великий Князь Киевский (1173), Великий Князь Владимирский (1176–1212). Сын Великого Князя Киевского *Юрия Долгорукого* от его второй супруги Елены (предположительно греческой Царевны, дочери Императора Мануила I Комнина), единокровный брат благоверного Великого Князя Владимирского *Андрея Боголюбского*. В честь его рождения Великим Князем *Юрием Владимировичем* был заложен Дмитров. В 1162 вместе с матерью и братом покинул Русь, жил на попечении Ромейского Императора Мануила. В 15-летнем возрасте вернулся на Русь и в 1169 вместе с другими подручными князьями принял участие в походе на Киев, предпринятом братом, Великим Князем Владимирским *Андреем Юрьевичем*. Вместе с братом, Торческим князем *Михаилом*, действуя по повелению своего старшего брата, Великого Князя Киевского *Глеба Юрьевича*, с помощью берендеев и торков одержал победу на р. Буг над половцами (1171). В 1173 *Михаил Юрьевич*, управлявший Киевом по воле *Андрея Боголюбского*, посадил В.Ю. вместе с *Ярополком Ростиславичем* наместниками в Киеве. Они были вскоре пленены захватившими город Смоленскими Ростиславичами и выкуплены из плена *Михаилом*. В момент гибели *Андрея Боголюбского* (1174) В.Ю. вместе с *Михаилом*.

лом Юрьевичем находился в Чернигове у князя *Святослава Всеволодовича* и выступил против сыновей старшего сына *Юрия Долгорукого* — *Мстислава* и *Ярополка*, которые в обход дядей приняли предложение суздальского боярства княжить во Владимире и Ростове. В.Ю. получил в княжение Переяславль-Залесский, а Великим Князем Владимирским стал *Михаил*, после смерти которого (1176) владимирцы присягнули В.Ю., но ростовцы пригласили из Новгорода князя *Мстислава Ростиславича*, который пошел на Владимир. В.Ю. одержал победу на Юрьевском поле, за р. Гзюю, *Мстислав* бежал к мужу своей сестры, Рязанскому князю *Глебу Ростиславичу*, тот выступил в поход, но был разбит В.Ю. на р. Колокше в 1177, попал в плен, так же как и Ростиславичи, которые, в итоге, были ослеплены владимирцами, а потом исцелились у мощей князей-страстотерпцев *Бориса* и *Глеба* в Смядынском монастыре. В конце 70-х Ростиславичи оказались на княжении в Новгороде и области, их поддерживал князь Черниговский *Святослав*. Изганные князья делали набеги на владимиросуздальские земли, а Новгород отказывался платить дань Великому Князю Владимирскому. В карательных походах войска В.Ю. сожгли Волок Ламский, несколько раз разоряли Торжок (взяли в плен оставшегося в живых князя *Ярополка*), депутации новгородских бояр задерживались во Владимире. После этих мер новгородцы покорились, изгнали сына Черниговского князя *Владимира Святославича* и пригласили свояка В.Ю. *Ярослава Владимировича* (1182), после чего В.Ю. старался сохранять свое присутствие в Новгороде через своих представителей (с 1200 — своих сыновей). Тогда же В.Ю. отпустил из плена *Глеба Святославича* и восстановил с его отцом мир. В.Ю. также удалил из своей волости племянника *Юрия Андреевича* и, в итоге, занял лидирующее положение среди всех прочих князей династии Рюриковичей, хотя и был вынужден постоянно защищать свой статус вооруженным путем и дипломатией. Подчинил себе Рязанских князей (походы 1180, 1187 и 1207), принял под свое покровительство Галицкого князя *Владимира Ярославича* (1190), распространил влияние на Поросье (1196–1202), удержал в великокняжеском владении Переяславское княжество. Во главе княжеской коалиции вынуждал Черниговских Ольговичей отказаться от претензий на Киев (1196) и, в итоге, установил контроль над древними южными столицами — Киевом и Черниговом, а также Переяславлем-Русским (где в последние годы правили сыновья В.Ю.), выступая в качестве арбитра в усобицах между Смоленскими, Галицко-Волынскими и Черниговскими

князьями (1202–1210). Таким образом, В.Ю., ставший после смерти Великого Князя Киевского Святослава Всеволодовича «старейшим в Володимире племени» (т. е. единственным здравствующим из внуков Князя *Владимира Мономаха*), имея политическое и экономическое влияние, воспринял авторитетные полномочия власителя Руси. Во внутренней политике В.Ю. продолжал линию, намеченную братом, благоверным Князем *Андреем Боголюбским*, следуя которой старался опираться на новые города, где боярство до него было относительно слабым, и укреплять новый социальный слой — служилое дворянство. В.Ю. продолжал борьбу с Волжской Булгарией и мордвой (походы 1184 и 1186). С сыном *Константином* ходил на половцев (1200). В.Ю. стал первым русским удельным Князем, которого с целью подчеркнуть его политическое значение стали именовать «Великим Князем» (по летописным данным, с кон. 80-х XII в.). Великокняжеский титул впоследствии закрепился за преемниками В.Ю. на Владимирском столе. Под покровительством В.Ю. в Суздальской земле в кон. XII — нач. XIII вв. было составлено несколько летописных сводов, ставших основой последующего летописания Северо-Восточной Руси. Большие фрагменты владимирского летописания были включены в Киевский свод 1200. Некролог В.Ю. в Летописце Переяславля-Суздальского прославляет Князя за то, что он «не токмо единой Суждалской земли заступник бе, но и всем странам земля Роусьская». «Слово о погибели Русской земли» (сер. XIII в.) поставило В.Ю. во главе всей Русской земли. В.Ю. оказывали знаки уважения европейские монархи, в частности, император Священной Римской империи Фридрих I Барбаросса. В.Ю. заботился об укреплении Русской Церкви. После смерти епископа Леонтия он настоял, чтобы на Ростовскую кафедру был поставлен епископ из русских, вопреки воле митрополита *Никифора II*, успевшего уже посвятить на нее своего кандидата Николу Гречина. Только по ходатайству Великого Князя Киевского Святослава, к которому обратился В.Ю., Киевский митрополит согласился поставить на Ростовскую кафедру *Луку*, игумена Спасского монастыря на Берестове (1185). После его смерти Ростовским епископом стал по предложению В.Ю. духовник Князя, свяитель *Иоанн* (1190). В конце 90-х под влиянием В.Ю. была создана независимая от Чернигова Муромская и Рязанская епархия во главе с епископом Арсением. В 1198 по настоянию В.Ю. на Переяславскую кафедру был поставлен епископ Павел. По инициативе Князя в Северо-Восточной Руси было развернуто активное строительство храмов

и крепостных сооружений. Во Владимире с участием немецких мастеров был возведен собор великомученика Димитрия Солунского — домовый храм княжеской семьи, в котором были помещены принесенные из Солуни «доска гробная» с раки великомученика Димитрия и сорочка святого. Деревянные храмы в честь небесного покровителя В.Ю. были возведены в Дмитрове и Москве. Во Владимире при В.Ю. был перестроен и расширен пострадавший от пожара в 1185 Успенский собор (освящен в 1189), появились храм в честь Рождества Пресвятой Богородицы и надвратная церковь во имя Богоотец Иоакима и Анны. В Суздале русские мастера заново отстроили Успенскую церковь. Продолжилось строительство обителей: во Владимире отстроены мужской монастырь в честь Рождества Пресвятой Богородицы и женский Княгинин в честь Ее Успения; в Ярославле — мужской в честь Преображения Господня и др. Над образами и фресками для церквей и монастырей работали артели греческих и русских иконописцев. На протяжении ряда лет были обновлены или сооружены укрепления в Суздале, Владимире, Переяславле-Залесском, Москве, Дмитрове, Городце (Радилове) на Волге и в др. городах Северо-Восточной Руси, а также в родовой «отчине» В.Ю. Городце (Городке) на р. Остёр, на территории Переяславского княжества. В правление В.Ю. Владимирская икона Божией Матери окончательно стала главной святыней Северо-Восточной Руси. В 1208 В.Ю. выделил сыну *Константину* ряд городов Северо-Восточной Руси с центром в Ростове. Незадолго до смерти В.Ю. решил поделить Владимирское княжество между ним и братом *Юрием*, которому отходил Ростов, чему *Константин* воспротивился. Тогда Великий Князь по совету бояр из разных городов и митрополита *Иоанна* передал старшинство *Юрию*. После смерти В.Ю. в Северо-Восточной Руси образовались удельные княжества: Суздальское, Переяславское (с Тверью, Дмитровом), Ростовское (с Белоозером, Устюгом), Ярославское, Угличское, Юрьевское, Стародубское. Скончался В.Ю. после воскресной Божественной Литургии, был погребен во владимирском Успенском соборе, напротив саркофага своего брата, благоверного Великого Князя *Андрея Боголюбского*; отпевание возглавил Ростовский епископ *Иоанн*. В источниках отмечались воинская доблесть и военно-политическое могущество, а также личное смирение и справедливость В.Ю. Летописец писал о его религиозности и нищелюбии, о том, что Князь судил судом истинным и нелицемерным. Имя В.Ю. было внесено во вседневные соборные синодики главнейших городов Северо-Восточ-

ной Руси. В грамоте Царя Иоанна Васильевича Грозного клирикам Успенского собора излагался порядок поминания архиереев, Великих Князей и Княгинь, их детей и внуков, чьи останки почивали во Владимире. О поминании В.Ю. в грамоте написано, что «по Великом Князе Димитрии-Всеволоде Георгиевиче в год пети две панихиды большия с ужинами, на преставление его апреля в 15 день, а другую на память его октября 26 дня» (последняя память — праздник великомученика Димитрия). В XVII в. над захоронением В.Ю. был помещен надгробный лист, составленный в Москве в окружении патриарха Иосифа. Он содержал на основе сведений, близких к тексту Симеоновской летописи 40-х XVI в., краткую биографию и описание богоугодной деятельности Князя, особенно подчеркивалось его покровительство главному городу княжества Владимиру, который «оттоле наречеса Богородичен». Во 2-й пол. XVII–XVIII вв. этот рассказ входил в сборники исторического содержания, в 1670 был включен в список Степенной книги старшего извода Пространной редакции. Под 15 апреля память В.Ю. отмечена также и в Кайдаловских святцах (кон. XVII в.). В XIX в. над ракой В.Ю. горело пять лампад. Мощи Князя были освидетельствованы в 1882, во время реставрационных работ в Успенском соборе.

Всеволод Юрьевич (в крещении Димитрий, 1212–1238) — мученик, благоверный (память 4/17 февраля и в Соборе Владимирских святых) князь Новгородский (1221, 1223). Сын мученика, благоверного Великого Князя Владимирского Юрия Всеволодовича и мученицы, Великой Княгини Агафии Всеволодовны. Назван в честь деда — Князя Владимирского Всеволода Большое Гнездо. Небесным покровителем В.Ю., как и деда, а также дяди благоверного князя Владимира Всеволодовича, был великомученик Димитрий, почитание которого получило широкое распространение на Руси благодаря Князю Всеволоду Большое Гнездо. В 1221 Князь Юрий отпускал В.Ю., еще ребенка, с руководителями-боярами к новгородцам на княжение, по их просьбе. Вскоре прислал ему в помощь брата Святослава, совершившего при поддержке новгородцев и литовцев удачный поход на земли вокруг ливонского замка Кесь. Но бояре, бывшие при юном князе, не ужились с новгородцами, и ему пришлось уйти к отцу во Владимир. Вместо него в Новгород был направлен брат Князя Юрия, князь Переяславский Ярослав, который тоже не задержался долго, на его место снова вернулся В.Ю. В ходе конфлик-

та в 1224 Князя Юрия с частью новгородских бояр В.Ю. вторично покинул Новгород, остановился в Торжке, куда с войсками пришли сам Юрий, его брат, князь Ярослав Всеволодович, а также их союзники – благоверный князь Ростовский Василько Константинович и благоверный князь Черниговский Михаил Всеволодович, который и занял в результате переговоров новгородский стол, а В.Ю. снова вернулся во Владимир. В.Ю. принимал участие в ряде торжественных церковных событий, имевших большое значение для духовной жизни Руси: в 1219 во Владимире князь присутствовал при освящении Суздальским епископом, святителем Симоном соборной церкви мужского монастыря в честь Рождества Пресвятой Богородицы, в 1227 – при поставлении на Владимирскую кафедру священномученика Митрофана, в 1230 участвовал в перенесении мощей мученика Авраамия Болгарского в Успенский собор Владимирского Княгинина в честь Успения Пресвятой Богородицы женского монастыря. В 1232 во главе рати русских князей по приказу отца В.Ю. совершил удачный поход на мордву, беспокоившую окраины Руси. В кон. 1237–нач. 1238 принял активное участие в отражении нашествия на Русь войск хана Батыя. В 1237 с владимирским воеводой Еремеем Глебовичем и всеми людьми послан был к Коломне встретить татар. Вместе с князем Коломенским Романом Ингваревичем В.Ю. заперся в городе. Татары после крепкой сечи ворвались в город, убили Романа и многих дружинников, В.Ю. потерял воеводу, а сам с малой дружиной ушел во Владимир. Князь Юрий поехал собирать войска, а В.Ю. и другого своего сына, Мстислава, оставил организовывать оборону города и встречать татар. Подойдя в начале 1238 к Владимиру, татары перед штурмом подвели к Золотым воротам их брата, князя-мученика Владимира Юрьевича, взятого ими в плен в Москве, предлагая горожанам сдаться в обмен на его жизнь, но братья отказались. Пораженные мученической кончиной брата, князья предложили дружине и воеводе Петру дать бой татаро-монголам за стенами Владимира: «Луче ны есть оумрети пред Золотыми враты за святую Богородицю и за правоверную веру христьяньскую». Однако владимирцы не поддержали князей. После тщательной подготовки татар к осаде города В.Ю. и владыка Митрофан поняли, что города не отстоять и начали приготавливаться к смерти. В.Ю. с женою и многие бояре приняли схиму. Когда монголы захватили укрепления Нового города, В.Ю. и Мстислав перешли в Печерный город, где в стенах Успенского собора вместе с священномучеником Митрофаном укрылась великокня-

жеская семья, а потом из-за невозможности продолжать сопротивление решились отправиться на переговоры с ханом Батыем. Братья думали умиловить Батыя, выйдя в ханскую ставку за городом с малой дружиной, с дарами, но Батый не пощадил их молодости и велел зарезать перед собою. Тела князей похоронили в Георгиевском приделе Успенского собора (останки были освидетельствованы в ходе реставрации Успенского собора в 1882). Подробный рассказ о гибели князей содержится в Ипатьевской летописи. Имя В.Ю. было записано в митрополичий вечный синодик, оно фигурирует в синодиках Успенского собора Московского Кремля, в некоторых списках синодика нижегородского Печерского в честь Вознесения Господня мужского монастыря. В грамоте Царя Иоанна Васильевича Грозного клирикам Успенского собора, где изложен порядок поминания святителей, князей, княгинь и их детей, чьи останки почивают во Владимире, в частности, записано: «Великого князя Георгия Всеволодича по детех по Владимире, по Всеволоде, по Мстиславле в год по всех одна панахида на их память февраля в 7 день», «правити по государеву указу средния понахиды против того, как на Москве по удельных князех». В 1557 в Константинополь вместе с греческими иерархами было отправлено русское духовенство к патриарху Иоасафу II, которому вручили текст царского синодика, содержащий в том числе имя В.Ю. В 1645, в связи с перенесением мощей Великого Князя Юрия Всеволодовича, в окружении патриарха Иосифа были составлены «листы» для помещения над княжескими гробницами во Владимирском Успенском соборе. «Лист над гробом Всеволода и Мстислава Георгиевичев», содержащий сведения о гибели князей, неоднократно копировался во 2-й пол. XVII–XVIII вв. Текст включен в список 1670 Степенной книги, хранившийся в конце XVII столетия в Успенском соборе. О возможном причислении В.Ю. сонму святых во 2-й пол. XVII в. свидетельствует упоминание о нем в «Описании о российских святых». Имя В.Ю. указано в старообрядческом Месяцеслове Ионы (Керженского) под 4 февраля в числе благоверных князей, «убиенных от татарского воинства». Князь упоминается и в кратком Житии Князя Юрия Всеволодовича, помещенном в «Алфавите русских святых» монаха Ионы. Имя В.Ю. было включено в Собор Владимирских святых, празднование которому было установлено в 1982 по благословению Владимирского и Суздальского архиепископа Серапиона (Фадеева).

Г

Глеб Владимирович (в крещении Давид, ок. 987–1015) — святой (память 2/15 мая, 24 июля / 6 августа, 5/18 сентября, в Соборах Владимирских, Ростово-Ярославских, Рязанских, Тульских святых), страстотерпец, благоверный князь Муромский (ок. 1013–1015). Сын святого равноапостольного Великого Князя Киевского *Владимира* и болгарской царевны, родной младший брат святого страстотерпца князя Ростовского *Бориса Владимировича*. Братья были воспитаны в Христианском благочестии и получили хорошее образование. Г.В. подражал *Борису* в любви к чтению Священного Писания, трудов Отцов Церкви, житийной литературы, разделял с братом его стремление посвятить жизнь служению Богу. Отец дал Г.В. в держание Муромскую землю, которая входила в Ростовский удел, так что на время пребывания Ростовского князя в Киеве Г.В. был как бы наместником в Северо-Восточной Руси одновременно отца и брата. После убийства *Бориса* (см. подробности в статье о нем) Г.В. получил от четвертого брата — благоверного князя Новгородского *Ярослава Владимировича (Мудрого)* — известие о смерти отца, о занятии Киева *Святополком*, об убийстве им *Бориса* и о намерении убить и самого Г.В. Как гласит житие, убийцы, посланные *Святополком*, подкравшись к княжескому кораблю, захватили святого и обезоружили всех его слуг, когда князь со слезами молился об отце и брате. По принуждению убийцы, по имени Горясер, князя убил его повар, по имени Торчин, зарезав ножом. Труп князя бросили на берегу, между двумя колодами. Г.В. был убит на пути в Киев, близ устья р. Смядыни, у Смоленска. В 1019, когда *Ярослав* занял Киев, по его приказу тело Г.В. было отыскано, привезено в Вышгород и погребено вместе с телом *Бориса* у церкви святого Василия. О прославлении и почитании святого мученика см. в статье о *Борисе Владимировиче*.

Глеб Юрьевич (?–1171) — князь Курский (1147), Каневский (1149), Переяславский (1155–1169), Великий Князь Киевский (1169, 1170–1171). Сын Великого Князя Юрия Долгорукого и половецкой княжны, дочери хана Аепы Осеневича. В бурных событиях XII в. Г.Ю. проявил себя как воинственный и деятельный князь. Поначалу он выступал как помощник отца, впоследствии поддерживал своего старшего брата, благоверного Князя Андрея Боголюбского. Впервые упоминается в летописи в 1146, в связи со смертью брата Г.Ю., князя Колческого Ивана. Г.Ю. с братом, благоверным князем Туровским

Борисом, отправили тело брата в Суздаль. В 1147 вместе со своим отцом Г.Ю. выступил против Великого Князя Киевского Изяслава Мстиславича, приходившегося Г.Ю. двоюродным братом. В 1147 Князь Юрий Долгорукий послал Г.Ю. на помощь князю Черниговскому Святославу Ольговичу. С ним он ходил к Мезенску и Кромам, а после убийства бывшего Великого Князя Игоря Блаженного в Киев, на Князя Изяслава Мстиславича, занял Курск и Посемье, сдавшиеся ему добровольно, и посадил там наместников. Ему удалось отбить у Князя Изяслава Мстиславича Остерский Городец, откуда он безуспешно пытался взять Переяславль-Южный. В 1148 Князь Изяслав осадил его в Городце, и Г.Ю. ушел к князю Черниговскому Владимиру Давыдовичу. После того, как Юрий Долгорукий первый раз сел на киевское княжение (1149), Г.Ю. стал отцовским наместником в Каневе, отец отдал ему также Пересопницу и Дорогобуж, чтобы он стерег западные границы Русской земли от Изяслава Мстиславича. В 1150, застигнутый Князем Изяславом у Пересопницы, едва избежал плена и ушел к Ушеску. В 1151 получил от Мстиславичей Переяславль, а после изгнания Князя Юрия Долгорукого из Киева был снова переведен в Остерский Городец. В 1152 потерял этот город, который Мстислав Изяславич сровнял с землей. В 1154 Г.Ю. по поручению отца нанял половцев и снова попытался овладеть Переяславом. После смерти Великого Князя Изяслава Мстиславича (1155), когда Киевом завладел Князь Изяслав Давыдович, Г.Ю. вместе с ним сражался против князя Смоленского Ростиславом Мстиславича, призванного киевлянами на княжение. После победы и уступки киевского стола Изяславом Давыдовичем Князю Юрию Долгорукому снова получил Переяславль. В 1157–1161 действовал в союзе со своим тестем, Князем Изяславом Давыдовичем, против Мстиславичей. После смерти Князя Изяслава (1161) по приказу Великого Князя Киевского Ростислава Мстиславича стоял в 1166 с другими князьями в Каневе для прикрытия от половцев торговых людей на Днепре – князья обеспечивали безопасное возвращение торговых караванов из Греческого Царства, так называемых «гречников и залозников». В 1168 участвовал в общерусском походе против половцев и разгроме их на р. Орели, в 1169 – в ополчении, отправленном благоверным Князем Андреем Боголюбским на Киев. По изгнании Князя Мстислава Изяславича из Киева занял по повелению Князя Андрея Киевский престол, оставив Переяславль сыну Владимиру. В 1170, встревоженный вестью о подходе войск князя Мстислава Изяславича с половцами к Киеву, Г.Ю. от-

правил против половцев брата Михаила, а сам дожидался его в Переяславле. Тем временем пришел Мстислав Изяславич и захватил Киев. В этот раз он просидел в Киеве недолго, так как все Ростиславичи ополчились против него, и по его изгнании Г.Ю. вторично сел в Киеве. Когда в 1171 в пределы Киевской земли вновь вторглись половцы «и взяша множество сел за Киевом с людьми и скоты и с коньми», Г.Ю. был тяжело болен. Потому он послал против половцев братьев Михаила и Всеволода с берендеями и торками, которые разгромили степняков и освободили полон. Предположительно Глеб был отравлен киевлянами, как и его отец. Великий Князь Андрей Боголюбский требовал от его преемника, князя Романа Ростиславича, расследования и выдачи подозреваемых в отравлении брата, что так и не было сделано. По свидетельству летописи, Глеб был «братолюбец, свято соблюдал крестное целование, отличался кротостью и благонравием, любил монастыри, почитал иноческий чин, щедро подавал милостыню нищим». Похоронили его рядом с отцом в Киеве, в Спасском монастыре (у Спаса в Берестове).

Д

Давыд Святославич (ок. 1050–1123) — благоверный князь Переяславский (1073–1076), Муромский (1076–1093), Смоленский (1093–1095 и 1096–1097), Новгородский (1094–1095), Черниговский (1097–1123). Сын Великого Князя Киевского *Святослава Ярославича* и Оды, сестры епископа Трирского Буркхарда, внук святого благоверного *Ярослава Мудрого*, племянник святого благоверного Князя Владимира Мономаха. После вокняжения отца в Киеве (1073) сел в Переяславле-Южном. После смерти отца (1076) был вынужден уйти в Муром. В 1093 получил от Великого Князя Киевского *Святополка Изяславича* Смоленск. В 1095 Д.С. был, видимо, изгнан из Смоленска в Новгород Великим Князем *Святополком Изяславичем* и благоверным Князем *Владимиром Всеволодовичем Мономахом*, вероятно, для того, чтобы ослабить брата Д.С. *Олега Святославича*. На Новгородском столе его быстро сменил сын Мономаха, благоверный *Мстислав Великий*. В войне между братом и *Владимиром Мономахом* Д.С. не принимал участия. Летописец отмечает, что после победы над *Олегом* под Стародубом (1096) *Владимир Мономах* и *Святополк* потребовали от него идти «к брату своему Давыдови» и затем вместе с братом ехать в Киев на Княжеский съезд. Олег не послушался и продолжал войну до

своего поражения (1097), причем смоляне не хотели ему оказывать помощь. Д.С. участвовал в съезде в Любече (1097). По условиям договора, заключенного князьями, «Святославля отчина», прежде всего Черниговская земля, признавалась наследственным совместным владением Святославичей — Д.С., *Олега* и *Ярослава*. Очевидно, собственно Чернигов отходил Д.С. как старшему среди братьев (Олег в результате поражений в войне с Мономашичами потерял на него право), Олег получил Новгород-Северский, а Муромская и Рязанская земли достались младшему Ярославу. После ослепления князя *Василька* Тербовольского Великим Князем *Святополком* и *Давыдом Игоревичем* Д.С. с братом *Олегом* и *Владимиром Мономахом*, выступив в защиту, добились, чтобы *Святополк Изяславич* наказал *Давыда Игоревича*. Д.С. с сыном Святославом поддерживал Великого Князя в его войне против Ростиславичей. Д.С. принимал участие в двух княжеских съездах в Уветичах (Витичеве) близ Киева (1100). Эти съезды положили конец кровавой междоусобной войне: по решению князей Владимир-Волынский был отобран у *Давыда Игоревича* как главного виновника войны и заменен Бужском, при этом *Давыд Игоревич* получил компенсацию и от *Святополка*, и от *Владимира Мономаха*, и от братьев Святославичей: последние передали ему 200 гривен — своего рода отступное за отказ от любечских соглашений, скрепленных их крестным целованием. Д.С., видимо, был готов принять участие и в походе против князей Ростиславичей сразу же после Витичевского съезда вместе со Святополком, однако твердая позиция Владимира Мономаха предотвратила новую войну. В 1101 в союзе с Володаром Ростиславичем опустошал польские земли. С братом *Олегом* участвовал в съезде князей на Золотче (близ Киева) и в последовавшем затем заключении мира с половцами (1101), по нарушении его выступил (уже без брата) в большой поход русских князей на половцев, закончившийся грандиозной победой на р. Сутени (1103). Участвовал и в других походах на половцев (1110, 1111). Д.С., несомненно, признавал авторитет Князя *Владимира Всеволодовича Мономаха*. После смерти Великого Князя Киевского *Святополка Изяславича* (1113) он не принял никаких попыток занять Киевский стол, хотя, как сын Князя *Святослава Ярославича* и старший из оставшихся в живых внуков *Ярослава Мудрого*, мог претендовать на это. Судя по косвенным показаниям источников, и Д.С., и *Олег* поддерживали избрание на Киевский стол *Владимира Мономаха*. Продолжал Давыд поддерживать Мономаха и после смерти брата *Олега* (1115). Д.С. входил в коалицию князей под

главенством Владимира Мономаха, направленную против Минского князя *Глеба Всеславича*. Д.С. вместе с сыном Мономаха *Ярополком* взял Друцк (1116). В том же году он посылал своего сына Всеволода вместе с тем же Ярополком на Дон против половцев: князья взяли три половецких города — Сугров, Шарукань, Балин. Д.С. ходил с *Владимиром Мономахом*, Володарем и *Васильком Ростиславичами* на князя Волынского *Ярослава Святополчича*, вознамерившегося развестись с внучкой Мономаха. Союзники вынудили Ярослава отказаться от своего намерения (1117). Это последнее известие о военных действиях Черниговского князя. Скончался он в Чернигове. Древние источники восхваляют миролюбие Д.С.; благодаря его умению вести дипломатические отношения с остальными князьями, Черниговское княжество пребывало в покое все время его правления. Д.С. унаследовал от дяди, Великого Князя *Всеволода Ярославича*, глубокую религиозность и во всех делах советовался с Черниговским епископом Феоктистом, который еще в бытность свою игуменом Киевского Печерского монастыря был духовником жены Черниговского князя. В 1115 Д.С. вместе с братом *Олег* и сыновьями присутствовали во время перенесения мощей *Бориса и Глеба* в новый каменный храм в Вышгороде. После внесения рак с мощами Великий Князь Киевский *Владимир Мономах* пожелал поставить их посередине храма и над ними устроить серебряный терем, но Святославичи предложили разместить святые мощи в нишах-аркасолиях. Спор был решен жребием на алтаре в пользу Черниговских князей. Именно Д.С. в конце жизни построил первый храм в честь *Бориса и Глеба* в Чернигове, который не был связан с местом их смерти или погребения. По преданию («Слово о Князях»), при чтении отходных молитв епископом Феоктистом над тяжело больным князем, на грудь умирающего сел голубь и исчез только с отходом души. По тому же преданию, похоронили князя не в Спасо-Преображенском соборе, где почивали остальные Черниговские князья, а в построенном им храме, следуя звездному знамению на небе. Чудеса продолжались и во время погребения: солнце не зашло до тех пор, пока тело князя не было опущено в новую раку. Однако есть свидетельство (Киево-Печерский патерик в редакции печерского игумена Иннокентия Гизеля), что Д.С. «положен бысть честне в Печерском монастыре в пределе святого первомученика Стефана». Дети его были набожны, основывали монастыри и украшали их церквями, сами принимали постриг, один из сыновей — Святослав — стал иноком Киево-Печерского монастыря и причислен к

лику Русских святых (преподобный Никола Святоша). В некоторых источниках Д.С. также именуется святым, в том числе в житии его сына Святослава. В «Слове о Князях» вместе с сыном уподобляется святым братьям Борису и Глебу за миротворческую деятельность. Д.С. признается местно первым святым Черниговско-Северской земли. Сохранилось изображение князя — на известном портрете семьи Князя *Святослава Ярославича* на миниатюре Изборника Святослава Д.С. изображен в числе четырех старших сыновей Князя, причем следует третьим — после Глеба и Олега, но перед Романом.

Довмонт (Домант, в крещении Тимофей, ?–1299) — святой (память 7/20 мая и в Соборе Псковских святых), благоверный князь Нальшинайский (Нальшанский, ?–1265), Псковский (1266–1299). Был родом из Литвы, ревностно исповедовал язычество. После смерти князя Литовского Миндовга (возможно, Д. и был его убийцей из-за того, что князь Литовский отобрал жену Д.) начались междоусобия между литовскими князьями, Д. был вынужден бежать из Литвы и с 300 литовскими семьями пришел в Псков (1265). Здесь, приняв со всей своей свитой святое Крещение, вскоре был выбран псковичами князем. Через брак с дочерью Великого Князя Димитрия, внучкой благоверного Великого Князя Александра Невского (память 23 ноября и 30 августа), благоверной Княгиней Марией (в иночестве стала Марфой) он породнился с русским Великокняжеским родом. Князь Довмонт, как и святой Александр Невский, был славным защитником Русской земли, укреплявшим ее северо-западные границы. Д. постоянно вел войны с Ливонским орденом и его союзниками — датчанами и Литвой (1266, 1268, 1269, 1299), которые не только покушались на территорию Руси, но своими набегами оскверняли храмы и монастыри псковской земли (разорение Снетогорского и Мирожского монастырей Пскова в 1299). Наиболее ярким эпизодом этой войны было участие псковского войска во главе с Д. в большом походе Великого Князя Димитрия Александровича в Прибалтику. Предполагалось нанести удар по датским владениям в Северной Прибалтике, в частности, по крепости Раковор (Раквере, или Везенбург), выстроенной датчанами в середине XIII в. Крепость взять не удалось, но поход был успешным, а князь Псковский к тому же предпринял самостоятельный поход в глубь владений Ливонского ордена, «на Вируяны», достигнув Балтийского моря (1268). Союз псковичей и князя Д. был не угоден Великому Князю Ярославу Ярославичу, брату благо-

верного Князя Александра Невского, из-за того, что Псков перестал подчиняться Великому Князю. Он два раза безуспешно покушался отнять княжество (1266, 1270) у Д., чтобы поставить своего наместника. Сам Псковский князь после смерти Ярослава Ярославича подерживал его племянников — Владимирских Великих Князей Дмитрия Александровича и Андрея Александровича (70–90-е). Принимал участие в походе Великого Князя Дмитрия на Карельскую землю (1278). Напал на Ладогу в ответ на пленение новгородцами семьи Князя Дмитрия и его дружины, где освободил двух княжон и бояр Великого Князя, а также вернул казну (1282; вероятно, именно в это время был заключен его брак с княжной Марией). Принимал Князя Дмитрия Александровича в Пскове во время жестокого нашествия татарского царевича Дюденя на Русь, вызванного братом Великого Князя Андреем Александровичем (1292). Д. был погребен в Троицком соборе Пскова. Мощи святого покоятся в Псковском кафедральном соборе Живоначальной Троицы. Рядом с мощами благоверного князя в Троицком соборе висел его боевой меч (в настоящее время меч хранится в Псковском историко-художественном и архитектурном музее-заповеднике), который вручался в храме Святой Троицы Псковским князьям при возведении на престол. Д. управлял Псковом более 30 лет, не вступая в конфликт с псковской общиной, — беспрецедентный случай в истории города и очень редкий в истории Руси. Он был справедлив и строго следил за правосудием других, щедро творил милостыню, принимая нищих и странников, благоговейно чтил церковные праздники, покровительствовал храмам и монастырям. Д. известен как основатель Псковского Рождства Пресвятой Богородицы Святогорского монастыря наряду с его первым игуменом, преподобномучеником Иоасафом, убитым в один из набегов на Псков ливонскими рыцарями. Святой князь возвел неприступную стену рядом с Кромом Пскова, из-за которой территорию, огражденную стеной, до сих пор называют Довмонтовым городом. После наиболее крупных и тяжелых битв благоверный князь рядом с Кремлем возводил храмы в честь того святого, в день памяти которого одерживал победу. Ставили там храмы по особым обетам и другие жители Пскова. Это подтверждено археологически: остатки около двух десятков храмов XIII–XIV вв. были обнаружены В.Д. Белецким на маленьком пространстве Довмонтова города. Вскоре после кончины князя началось почитание его как святого заступника пред Богом, молитвенно охраняющего нашу землю от врагов и бедствий.

Являясь в видениях благочестивым псковичам, он обещал поддержку городу в борьбе с врагами: во время осады Пскова стотысячным войском немцев (1480) после обнесения города покровом с гроба князя немцы отступили; также отступили войска Стефана Батория после явления святого князя в видении старцу Дорофею (1581). Тогда же ему была составлена служба и он был причислен к лику святых Русской Православной Церкви. В конце XVII в. зафиксировано почитание святых князей Д. и Всеволода (Гавриила) в Сибири и на Дальнем Востоке, возникшее там, вероятно, благодаря выходцам из Псковской земли. Там была создана «Повесть о чудеси святых благоверных великих князей Всеволода и Довманта, во святом крещении нареченных Гавриила и Тимофея, Псковских чудотворцев». В основу «Повести...» положен рассказ, записанный в 1689 г. в Якутском остроге, о чудесном явлении князей казакам в 1679 г., в котором была открыта судьба Албазинского острога в 1685–1687, во время войны с Китаем. От Д. по традиции вел свою родословную русский и польский дворянский род Домонтовичей.

И

Игнатий II (? – ок. 1219) – святитель (память 22 января / 11 февраля), четвертый епископ Смоленский (1206–1219), чудотворец. В 1205 помог подготовить мирное соглашение между князем Смоленским Мстиславом Романовичем и Великим Князем Владимирским Всеволодом Юрьевичем, для чего предпринял поездку к Великому Князю. Он был другом преподобного Авраамия Смоленского, которого он рукоположил во иерея. Епископ Игнатий был кроткий и благочестивый старец. Спасая Авраамия от гнева толпы, святитель вначале запретил в священнослужении преподобного и приказал удалиться, но по прошествии времени вернул и просил прощения за несправедливый суд. Святитель основал Смоленский Спасский монастырь с храмом в память Положения честной ризы Пресвятой Богородицы во Влахерне, который впоследствии стал называться Спасо-Авраамиевым, в память преподобного Авраамия. Братию монастыря он содержал на свой счет, настоятелем поставил в ней преподобного Авраамия, а сам, оставив епископство, провел в монастыре остаток жизни. При кончине святого Игнатия совершилось чудо: «Велик свет сниде нань с небесе, яко страх нападе на вся». Был погребен в храме Благовещения Пресвятой Богородицы Спасо-Авраамиева монастыря.

Мощи святителя почивают в Смоленском кафедральном Успенском соборе.

Игорь Ольгович (в крещении Георгий, в монашестве Гавриил, в схиме Игнатий, ?–1147) – святой (память 23 мая / 5 июня и 19 сентября), преподобный, страстотерпец, благоверный князь Черниговский, Курский, Новгород-Северский, Великий Князь Киевский (1146). Сын князя Черниговского Олега Святославича и гречанки Феофании Музалон, внук Великого Князя Киевского Святослава Ярославича. Участвовал в походе Великого Князя Владимира Мономаха на Минск (1116), при Великом Князе Мстиславе Владимировиче ходил на Полоцк (1129). Поддерживал Мстиславичей против Великого Князя Ярополка, получил с братьями Курск и часть Переяславской области (1136). Недовольный своим уделом, он вместе с братьями и половцами, объявив Великому Князю войну, вступил в волости по р. Суле, взял Прилуки, хотел осадить Киев, но потерпел неудачу. После вокняжения в Киеве (1138) брата Всеволода Ольговича получил от него Городец, Юрьев и Рогачев (1142). Ходил с Великим Князем на Галицкого князя Владимирка Володаревича (1144). Помогал зятю Великого Князя Всеволода, польскому королю Владиславу, в борьбе с братьями; благодаря этой помощи Владислав получил от братьев четыре города, а русским князьям отдал Визну (1145). В том же году Великий Князь перед собравшимися к нему родичами объявил И.О. своим преемником. Однако после смерти Великого Князя киевляне, преступив крестное целование, стали договариваться с Мстиславичами о княжении. В битве под Киевом между войсками И.О. и Изяслава Мстиславича киевские войска в разгар сражения перешли на сторону Изяслава. И.О. пленили, посадили в поруб, где он тяжело заболел. Ожидая его смерти, ему разрешили принять схиму в Киевском Феодоровском монастыре. После пострига епископом Переяславским Евфимием святой князь предался иноческим подвигам, проводил время в слезах и молитве. Тем временем Черниговские князья Давыдовичи, двоюродные братья И.О., продолжали борьбу за Киев, коварством пытались убить Великого Князя Изяслава Мстиславича. Киевляне, узнав о заговоре, решили на вече отомстить роду Ольговичей и расправиться с Князем-схимником. И.О. не спасло заступничество ни митрополита, ни самого Великого Князя, ни его брата, Князя Владимира. Киевляне убили И.О. на дворе матери последнего, перед тем с поруганием выведя его из монастырского храма, где пре-

подобномученик молился на литургии. Обстоятельства этого убийства, зафиксированные в летописи, дают основания считать, что над Князем был совершен языческий обряд. Мертвое тело Князя также было предано поруганию. Летописец свидетельствует, что, когда все же тело блаженного И.О. было перенесено в церковь святого Михаила, «Бог явил над ним знамение велико, зажглись свечи все над ним в церкви той». По благословению митрополита Климента Смолятича, игумен Феодоровского монастыря Анания совершил на другое утро погребение страстотерпца в храме Симоновского монастыря, на окраине Киева. Черниговский князь Святослав Ольгович перенес прославленные чудесами мощи своего брата в Чернигов и положил в раку в кафедральном Спасском (Преображенском) соборе (1150). Чудотворная икона Божией Матери, пред которой молился мученик пред убиением, стала именоваться Игоревской и находилась в Великой Успенской церкви Киево-Печерской Лавры. Святого Князя И.О. почитают страстотерпцем наравне с князьями Борисом и Глебом.

Иларион (Русин, XI в.) – святитель (память 21 октября / 3 ноября, в Соборах всех Киево-Печерских святых и отцов Ближних пещер), пятый митрополит Киевский (?–1067) и первый русского происхождения. Был пресвитером храма св. Апостолов в загородном княжеском с. Берестове. В 1051 после смерти митрополита Феопемпта Собор русских епископов по воле благоверного Великого Князя Ярослава Владимировича поставил митрополитом Киевским Илариона. Позже святитель был утвержден Константинопольским патриархом. Летопись не отметила года кончины святителя, но на погребении Князя Ярослава Мудрого (1054) его уже не было. Видимо, в этом году И. удалился от управления митрополией. В 1055 при сыне Князя Ярослава, Великом Князе Изяславе, в Киев из Царьграда прибыл новый митрополит Ефрем. И. был блестящим духовным оратором. Отличался благочестием, образованностью и подвижничеством. Неподалеку от места своего служения он ископал себе на берегу Днепра пещерку, куда он удалялся для уединенной молитвы. После поставления его на митрополию в его пещерке поселился преподобный Антоний и положил основание Киево-Печерскому монастырю. Возможно, И. после оставления кафедры вновь удалился в пещеры и в сане священника помогал преподобному Антонию окормлять иноков, заселявших обитель. И. также был первым русским духовным писателем. Известны три его сочинения, по сей день

являющиеся выдающимися произведениями русской духовной литературы: 1. «Слово о Законе и Благодати» (в его состав вошла и «Похвала кагану Владимиру, просветившему Русь Святым Крещением»). 2. «Исповедание веры», написанное в связи с его рукоположением в митрополиты. 3. «Поучение о пользе душевной». И. впервые утверждает мысль об особой миссии русского народа, но избегает пафоса национальной гордыни, слово его исполнено уважения к своему народу, вошедшему в Христианскую семью.

Илья-Иоанн II (в схиме Иоанн, ?–1186) – святитель (память 7/20 сентября, 1/14 декабря и в Соборе Новгородских святых), архиепископ Новгородский (1165–1186). Сын благочестивых родителей, новгородского священника Николая и Христины. Детство его прошло в безмятежной, спокойной обстановке. После кончины родителей получил с братом (будущий святитель Григорий, в иночестве Гавриил) небольшое наследство, на которое в течение жизни строили монастырь в честь Благовещения Пресвятой Богородицы. Святителем Аркадием был рукоположен в пресвитеры церкви св. Власия в Новгороде. Но любовь к безмолвию привела его в один из новгородских монастырей, где он принял иночество с именем Илии. Жизнь в монастыре вел строго подвижническую, пребывая в посте и молитве, и вскоре стал известен всему городу за свою благочестивую жизнь. После смерти святителя Аркадия по призыванию народа он вступил в управление Новгородской кафедрой (возможно, уже в 1162). Во епископа Новгородского был рукоположен митрополитом Киевским Иоанном, и сразу же первый из Новгородских архиереев был возведен в сан архиепископа, который с того времени утвердился за владыками Новгорода (1165). В 1170 на Новгород выступило суздальское войско вместе с объединенной ратью удельных русских князей за то, что новгородцы не приняли Князя Святослава и собирали дань с неподвластной им Двинской области. После трехдневной осады, во время которой во всем городе служили службы, а сам владыка неотступно молился перед Спасителем, ему был глас от иконы, повелевший вынести на городскую стену образ Пресвятой Богородицы из храма Преображения Господня. Так и было сделано, после чего враги пришли в замешательство и бежали, избавив город от разгрома. В честь этого чуда святитель установил на 27 ноября праздник почитания этой святой иконы, с тех пор названной Знамение. Суздальская война нанесла большой ущерб Новгородской области. И. II проявлял

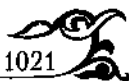
отеческую заботу о разоренных семьях, терпевших голод, щедро подавал помощь несчастным сиротам. Как и другие русские святители, он молитвой и добродетелями смирял и утишал междоусобные брани в многострадальной Руси. В 1172 архипастырь сам поехал во Владимир примирить благоверного Князя Андрея Боголюбского с новгородцами. Святитель не только сопереживал невзгодам своего народа, но более всего заботился о духовном просвещении его. Большое внимание уделял духовным беседам, которые часто проходили в кругу духовенства и мирян. Перед смертью принял схиму (1185). На архиепископском престоле ему наследовал его брат Гавриил (1186–1195), также прославленный в лике святителей. Деятельность святителя в Новгороде была отмечена широким строительством храмов и монастырей, в чем ему помогал его брат. В первый год святительства были построены церкви во имя Святой Троицы и святителя Николая и основаны обители: женская Предтеченская и мужская Благовещенская (в Аркажах; на нее было потрачено все их с братом родительское наследство). В 1179 был построен великолепный храм Благовещения в созданной ими обители (за 70 дней; вероятно, к 10-летнему юбилею победы новгородцев над суздальским войском), средства для достройки которого чудесно послала Сама Царица Небесная по неотступной молитве святых братьев. Были построены каменные храмы: Богоявления над воротами монастыря и затем другой храм Богоявления над кремлевскими воротами (1182), каменный храм на Опоках (1184), во имя пророка Илии, во имя трех отроков Вавилонских, преподобного Феодора Студийского, праведного Лазаря (1180-е). Автор поучений (сохранилось до 30-ти), ценных по сей день своим нравственным, а также историко-этнографическим содержанием. Мощи его открыты в 1439 в Новгородском Софийском соборе святителем Евфимием, архиепископом Новгородским, которому И.П. явился в видении, повелев праздновать свою память, и указал совершать в этот день сугубую панихиду по погребенным в Софийском соборе русским князьям и архиепископам Новгородским. Так началось празднование соборной памяти Новгородских святых. Прославлен на Соборе 1547 при митрополите Московском Макарии как общероссийский святой. В 1629 митрополит Новгородский Киприан установил празднование 1 декабря в честь обретения мощей святителя Иоанна. Мощи святителя открыто почивали в Новгородском соборе до 1919, когда сотрудники VIII отдела Народного комиссариата юстиции по ликвидации святых мощей совершили

вскрытие раки с мощами святителя И.П. Дальнейшая их судьба неизвестна. Его Житие было написано в 70–80-х XV в. Пахомием Логофетом, в котором говорится, как по его молитве совершилось чудо от иконы Богородицы во время осады Новгорода суздальцами в 1170. В Прологе и Четвях-Минях под 7 сентября помещено его житие. Краткое проложное житие святителя с вероятностью датируется 40–50-ми XV в.

Илья Муромец (? – ок. 1188) – святой (память 19 декабря / 1 января, в Соборах всех Киево-Печерских святых, отцов Ближних пещер, Владимирских святых и Рязанских святых), преподобный, инок Киево-Печерского монастыря. Главный герой русского героического эпоса – былин, записанных в XVIII–XX вв., в основном, в Олонецкой и Архангельской губерниях и в Сибири. Достоверных сведений о житии этого святого сохранилось до нашего времени крайне мало. Известно только имя, которое он получил при постриге. Наиболее ранние упоминания о богатыре Илье Русском содержатся в немецких рыцарских поэмах, зафиксированных в XIII в. В них он представлен могучим витязем княжеского рода, однако немецкий Jlias имеет мало общего с образом И.М. русских былин, обнаруживая связь скорее с древнерусскими преданиями о Киевском Князе Владимире, Добрыне или Вольге Всеславиче. И.М. не упоминается в летописях. В 1-й пол. XV в. в летописи получило отражение предание о гибели русских богатырей в битве на Калке, послужившее прообразом для былины. О богатырях Великого Князя Владимира говорится в разделе «О начальстве Рускыа земля» в сборнике Кирилло-Белозерского монастыря 1568. В белорусских народных песнях кон. XV – нач. XVI вв. упоминаются богатыри Великого Князя Киевского, избивавшие «силы великия половецкия» под Киевом. Возможно, Степенная книга стала основой для перечней богатырей, которые встречаются в русских рукописях XVIII–XIX вв., содержащих тексты фольклорного характера, в которые могло быть включено имя И.М. Наиболее ранняя великорусская письменная фиксация предания об И.М. содержится в «Сказании о киевских богатырях, как ходили во Царьград». Очевидно, ко 2-й пол. XVI в. в Юго-Западной Руси сложился и получил широкое распространение цикл сказаний о богатыре, известный по бытованию в более позднее время и в другом регионе (России). Австрийский дворянин, посол императора Священной Римской империи Рудольфа II Эрих Лясота,

выполняя дипломатическое поручение императора к запорожским казакам, проездом посетил Киев в 1594 и отметил широкое хождение преданий об И.М. в Малороссии и глубокое почитание народом своего славного богатыря. В обширном комплексе былин об И.М. современные исследователи выделяют собственно устное народное творчество, т.е. былины, записанные в XVIII–XIX вв. от народных сказителей, и былины из рукописных сборников XVII – нач. XIX вв., которые носят следы редакторской правки и переработки. Наиболее распространенными и древними являются былины об И.М. и Соловье-разбойнике. В подавляющем большинстве былин рассказывается о происхождении И.М. из Мурома (рубеж X и XI вв.). Видимо, об этом происхождении говорило древнейшее предание. Согласно поздним редакциям былин из рукописных сборников, И.М. был родом из самого города, по другим версиям богатырь родился в с. Карачаеве под Муромом. В некоторых текстах говорится, что он был сыном крестьянина Ивана из д. Лаптевой или сельца Каптяева, в других былинах социальный статус И.М. не уточняется. Ряд исследователей ставит под сомнение крестьянское происхождение И.М. По мнению Иловайского, «в конце Киевского периода Илья, по-видимому, считался знатным человеком». Это предположение подтверждается былинами, в которых сообщается о том, что богатырь был грамотен. Рассказы о крестьянском происхождении богатыря появляются в былинах из рукописных сборников и в былинных сюжетах позднего времени, в частности в былине об исцелении И.М. В былине об И.М. и Соловье-разбойнике из сборника Кириши Данилова (наиболее ранняя запись восходит к рубежу XVII и XVIII вв.) такой темы нет. В былине об исцелении И.М. рассказывается, что из-за греха своего деда И.М. до 30 лет не владел ногами (был «сиднем»), днем и ночью молился и клал поклоны. После того как неизвестные странники напоили его водой, он встал на ноги и ощутил в себе необыкновенную силу. В устных былинах конец жизни И.М. либо представлен как окаменение в скале, либо связан с киевскими пещерами. По одной из былин И.М. «воздвигнул живот во славный Киев град / И построил он церковь соборную / Тут Илья и окаменел / И поныне его мощи нетленные». Во всех былинах И. М. выступает защитником Христианской веры и Православной Церкви. По мнению О.Ф. Миллера, характерной чертой богатыря является способность «не подпадения страсти»: он не соблазняется «на красоту ли, на золото ли, на власть ли, на какую бы то ни было личную сласть». И.М. справедлив и миро-

любив: «Илья бьет не охотно, а только в крайних случаях; а где нет этой неприятной для него необходимости, он только показывает безвредно свою богатырскую силу, чтобы заставить уступить себе». Эти качества сделали И.М. любимым героем народного эпоса, поэтому канонизация богатыря, отразившаяся, по мнению О.Ф. Миллера, уже в былинах, была вполне закономерна. Отсутствие в Киево-Печерском патерике жития преподобного косвенно свидетельствует о том, что в иноческих подвигах святой воин успел провести не так много времени. Это дает основание предположить, что постриг Илии Муромца приходился на время игуменства преподобного Поликарпа Киево-Печерского (1164–1182), и под началом этого же великого подвижника и происходило духовное возрастание нового воина Христова. Захоронен он был в приделе собора Софии Киевской, в Великокняжеской усыпальнице, рядом с сыном Древлянского князя Мала Добрыней. О мощах И.М. впервые упоминает Э. Лясота, который записал, что почитаемая гробница богатыря находилась у Софийского собора, затем останки были перенесены в Киево-Печерский монастырь. Подробное описание гробницы И.М. содержится в «Тератургеме» лаврского инокa Афанасия Кальнофойского, где указано, что мощи святого, который преставился 450 лет назад (т.е. в 1188), находятся в Ближних пещерах. Московский священник Иоанн Лукьянов, посетивший Киев в 1701, видел левую руку пробитой копьем, а правую — сложенной двоеперстно. Последнее оспаривалось: например, святитель Филарет (Гумилевский) писал, что у И.М. «три первые персты соединены вместе и протянуты, а два последние, безымянный и мизинец, пригнуты к ладони». Предание об И.М. как о богатыре было подтверждено медико-антропологическим исследованием св. мощей (1988–1990), которое показало, что И.М. был погребен в XI–XII вв., имел высокий для своего времени рост (177 см), исключительно развитую мышечную систему, в юности страдал заболеванием позвоночника, которое привело к перестройке организма. Экспертиза обнаружила несколько переломов ребер и правой ключицы, сквозную рану на левой руке, проникающее ранение груди (вероятно, копьем), которое, по всей видимости, послужило причиной смерти. Исследователи установили время смерти И.М. в возрасте 40–55 лет. И.М. был канонизирован как местночтимый святой в 1684–1690, когда при Киево-Печерском архимандрите Варлааме (Ясинском; впоследствии митрополит Киевский) установилось празднование Преподобным отцам, почивающим в Ближних пещерах, в 1-ю субботу

по отдании праздника Воздвижения Креста Господня; тогда же была составлена служба Собору. Святой прославляется в 5-м тропаре 4-й песни канона как «в руце имущий от оружия язву, в сердце же любовь ко Христу». Память «преподобного Илии Муромца, богатыря» отмечена в «Описании о российских святых», известном в рукописях XVIII–XIX вв. Общецерковное почитание И.М. установлено указами Священного Синода 1762, 1775 и 1784, согласно которым было разрешено печатать службы печерским преподобным и вносить их имена в общецерковные московские месяцесловы. С 1843 совершается празднование Соборов всех Киево-Печерских святых и святых, в Малой России просиявших. С 90-х XX в. началось особое почитание И.М. Его имя было включено в празднуемый местно 21 мая Собор Муромских святых; в его честь стали возводиться храмы и писаться святые образы. Русское воинство считает святого богатыря своим покровителем.

Иоаким (Аким Корсунянин, ?–1030) – святитель (память 28 января / 10 февраля и 21 сентября / 4 октября в Соборах Новгородских святых и святителей Новгородских), первый епископ Новгородский (992–1030). По происхождению грек, И. прибыл на Русь с духовной миссией, которую направил по просьбе святого равноапостольного Великого Князя Киевского Владимира Святославича святитель Николай, патриарх Константинопольский (988). Из Киева он направился в Новгород со вторым митрополитом Киевским Леоном, чтобы просвещать Новгородскую землю (992). Обращение язычников совершал осторожно, без мер принуждения. Хорошо знал славянский язык и много проповедовал, посылал с поучительным словом священников и миссионеров. В присутствии всего народа ниспроверг в Волхов главного идола Перуна, что послужило началом истребления всех оставшихся кумиров и требищ. Вероятно, место бывшего поклонения Перуну И. освятил и основал там обитель. Есть вероятность, что именно И. нарек при крещении шведскую принцессу Ингигерд, обрученную Новгородскому князю Ярославу Владимировичу, греческим именем Ирина (впоследствии приняла постриг с именем Анна), а также венчал княжескую чету. Возможно, он крестил будущего короля Норвегии Магнуса Доброго, который, как и наследники англосаксонского королевства Эдуард и Эдвин, с малых лет проживал в Новгороде под покровительством благоверного Князя Ярослава и Княгини Ирины. Отцу Магнуса, изгнанному из Норвегии королю

Олафу Святому, И. и Князь предлагали стать правителем Волжской Булгарии, с тем чтобы привести ее народ к Крещению, но он предпочел вернуться на родину и принять мученическую кончину в борьбе за свой престол. И. с помощью своего ученика Ефрема основал в Новгороде первую школу, куда благоверный Великий Князь Киевский Ярослав повелел собрать около 300 детей у лучших граждан города и у священно-церковнослужителей. В этой школе под руководством Ефрема стали обучать детей славянской грамоте, истинам святой Христианской веры и греческому языку. И. построил несколько храмов, в том числе деревянный собор во имя Софии, Премудрости Божией «о тринадцати верхах» и каменную церковь в честь праведных Иоакима и Анны, храм и обитель на месте бывшего языческого капища Перынь (995), а также монастырь, называемый Софийским или Десятинным (992). По кончине И. Новгородскую кафедру занял его ученик Ефрем. И. был погребен при построенном им храме Иоакима и Анны, а в 1698 его мощи перенесены в каменный Софийский собор, в алтаре которого на фреске он изображен первым среди Новгородских святителей. С именем И. связывается Иоакимовская летопись, которой пользовался для «Истории» В.Н. Татищев.

Иоанн II (?–после 1213) — святитель (память 17/30 января и в Соборе Владимирских святых), епископ Ростовский, Суздальский и Владимирский (1190–1213). Последний епископ единой Ростовско-Суздальской епархии. Духовник Великого Князя Владимирского Всеволода Юрьевича. В 1189 И. крестил новорожденного княжича Георгия (см. **Юрий Всеволодович**), а в 1192 совершал над ним обряд воинского пострига, состоявший в том, что мальчику по достижении трехлетнего возраста подстригали волосы в кружок, ограждали крестом, окропляли святой водой и с молитвами сажали на коня. Во епископа был хиротонисан митрополитом Никифором в 1190 в Киеве. В 1196 венчал во Владимире Великого Князя Константина Всеволодовича, а в 1212 — Юрия Всеволодовича. В Суздале И. вскоре по прибытии в епархию основал Ризоположенский монастырь, в который потом поступила преподобная Евфросиния, тогда еще Суздальская Княжна Елена (Пребрана) Михайловна. Тогда же установил местный праздник в честь святителя Леонтия Ростовского по случаю открытия его мощей в 1190. Им же были написаны Похвальное слово и Служба новоявленному чудотворцу. При участии святителя И. было заложено и построено несколько монастырей и храмов. В 1192 он

и Великий Князь Всеволод Юрьевич заложили во Владимире мужской монастырь Рождества Богородицы, который до 1571 был первенствующим монастырем Северо-Восточной Руси. В 1196 И. основал на воротах Владимирского Успенского собора каменную церковь во имя Иоакима и Анны. В 1200 принимает участие в построении во Владимире Успенского Княгинина монастыря. В 1206 туда ушла Великая Княгиня Мария Шварновна, первая супруга Великого Князя Всеволода Юрьевича. Вскоре святитель отпевал ее в сослужении со Смоленским епископом, прибывшим во Владимир в качестве посла своего князя. И. пользовался у современников авторитетом как в церковных делах, так и в государственных. Участвовал в «Совете всея земли» в 1207, на котором Великий Князь Всеволод Юрьевич был вынужден поставить вопрос о лишении прав старшинства своего сына Константина, который настаивал на возвращении первенствующего значения в княжестве Ростову. Совет объявил старшим наследником второго брата — Георгия, а Константину определил в отдельное владение Ростов с его областью. В соответствии с делением княжества, епископия распалась на две епархии. В 1212 И. хоронил Великого Князя Всеволода. В 1213 И. оставил епархию и принял схиму в Боголюбовом Богородице-Рождественском монастыре.

К

Константин Всеволодович (1186–1218) — благоверный князь Новгородский (1205–1207), князь Ростовский (1207–1216), Великий Князь Владимирский (1216–1218). Сын благоверного Великого Князя Владимирского Всеволода Юрьевича Большое Гнездо. Родился в Ростове и был связан с этим городом всю жизнь. До 1205 находился при отце. Участвовал в походе на Дон, на половцев (1199). В конце 90-х недолго княжил в Переяславле-Южном. Заменил на княжении в Новгороде брата Святослава (1205–1207), но в Новгороде почти не появлялся, пребывая то во Владимире, то в Ростове. Во главе объединенного войска новгородцев, псковитян, ладожан и новоторжцев помогал отцу в походе на Рязань и в осаде Пронска. В начале 1210-х получил Ростов в удел. Новгородцы пригласили к себе князя Торопецкого Мстислава, вследствие этого К.В. с братьями выступил к Торжку против Новгорода. Добиваясь старшинства Ростова перед Владимиром, а также политической неделимости всей Ростово-Суздальской земли, пошел на конфликт с отцом. Когда перед смертью

Всеволод Юрьевич хотел «благословить» его Великим Княжеством Владимирским, а Ростов передать его брату Юрию, К.В. отказался, отстаивая право старшего сына на все Великое Княжество. По совету с епископом Иоанном, духовенством и мирянами всех чинов и состояний. Великий Князь поставил Юрия своим преемником, завещал ему Владимир и Суздаль, а Константину — Ростов и Ярославль (1212). По смерти благоверного князя Всеволода Юрьевича создалась острая ситуация, когда Юрий был готов уступить Великое Княжение в обмен на Ростов, тогда как К.В. не хотел отдавать родного города, предлагая Юрию Суздаль. Младшие братья становились на сторону то одного, то другого князя, которые то замирялись, то вступали в новую борьбу. В 1215 князь Новгородский Мстислав Удатной, желая сохранить за собой княжество, внушил князю Ярославу отказаться от Новгородского стола, а искать Великокняжеского. В битве в 1216 на берегах Липицы К.В. одержал победу над братьями, князьями Ярославом и Юрием. К.В. вступил во Владимир, примирил Ярослава с Мстиславом, а Юрию дал Городец Радилов на Волге. Перед смертью К.В., боясь за судьбу малолетних детей, призвал брата Юрия из Городца (1217), одарил многими дарами и назначил ему после своей смерти Владимир, а пока отдал Суздаль, заставив поклясться, что будет отцом для племянников, отдав Ростов — Васильку, Ярославль — Всеволоду, а Углич — Владимиру. Скончался Великий Князь во Владимире, погребен в Успенском соборе. Сыновья К.В. Василько и Всеволод погибли в 1238 во время татаро-монгольского нашествия. От их потомков — Ростовских и Ярославских князей — произошли известные русские дворянские роды: Лобановы-Ростовские, Щепины, Курбские и др. По свидетельству летописца, кончина Великого Князя вызвала всеобщую печаль в народе: «...плакали плачем великим, — бояре, как о заступнике земли их, слуги, как о кормителе и господине, убогие и чернецы, как о своем утешении и одеянии наготы их». Под влиянием К.В. была учреждена отдельная Ростовская епископия (1214). При К.В. продолжалось храмовое и гражданское строительство, начатое еще дедом (Великим Князем Юрием Долгоруким) и продолженное дядей и отцом (Князьями Андреем и Всеволодом Юрьевичами), особенно в Ростовской волости, где, в частности, была заложена соборная (кафедральная) церковь в Ярославле. Летописцы называли К.В. «блаженным», украшенным «всеми добрыми нравами», не помрачившим ума своего «пустошною славою прелестного света сего», «вторым Соломоном»; пе-

редавали, что он «весь ум свой впери» в «нестареющую бесконечную жизнь», которую и «улучи своими милостынями и велиим беззлобием», указывали на его правдивость, щедрость, кротость и смирение, на его заботы о создании «прекрасных Божиих церквей», которые он украшал «чудными» иконами и снабжал книгами, хвалили его, что он «чтил паче меры иерейский и мнишеский чин», и пр. К.В. удостоился прозвищ «Мудрый» и «Добрый». Он владел несколькими языками, любил книги «паче всякого имения» и собирал, «не щадя состояния» (в его библиотеке, которая продолжала увеличиваться при сыне его Васильке, только греческих рукописей насчитывалось больше тысячи), ценил искусство, держал при себе «ученых мужей», занимавшихся переводами иноязычных текстов.

Константин (Ярослав) Святославич (в крещении Панкратий, 1070-е–1129) — святой (память 21 мая / 3 июня и в Соборе Владимирских святых), благоверный князь Черниговский, Муромский. Сын Великого Князя Киевского Святослава Ярославича и Оды, вероятно, дочери маркграфа Луитпольда Бабенберга, внук Ярослава Владимировича Мудрого, родоначальник князей Рязанских, Муромских и Пронских. По некоторым сведениям, воспитывался в Германии. Помогал брату, князю Олегу Святославичу, биться против сыновей Владимира Мономаха, Мстислава и Вячеслава, за Ростово-Суздальскую землю (1096). На съезде князей в Любече (1097) вместе с братьями Олегом и Давидом получил Черниговское княжество. Владел Муромским княжеством, в которое входила в то время и Рязань. В 1101 К.С. участвовал в съезде князей в Золотце, на котором был заключен мир с половцами. В 1110 потерпел поражение от мордвы. По смерти брата Давыда сел в Чернигове, а Муром занял его племянник Всеволод Давыдович (1123). В 1127 был изгнан другим племянником, Всеволодом Ольговичем, и удалился в Муром. Заступничество Великого Князя Мстислава Владимировича не помогло ему вернуть Чернигов. Много сделал князь для Христианского просвещения языческого Муромца. Когда он отправлялся на княжение, муромцы не хотели его принимать и убили высланного к ним вперед его сына Михаила. Когда К.С. подошел к городу со своей дружиной, жители смирились и приняли его, но долго не соглашались оставить язычество. Часто призывал к себе старейшин города и убеждал их переменить веру. С проповедью о Христе обращалось к муромцам и духовенство, прибывшее с князем. Однажды муромцы подступили к дому князя с на-

мерением убить его, но князь безстрашно вышел к толпе с Муромской иконой Божией Матери. Неожиданно бунтовщики смирились и согласились принять Святое Крещение, которое и было совершено над ними в р. Оке. Святой князь обращал язычников то угрозами, то ласкою, дарами и облегчением налогов, раздавал чиновникам села. На месте убиения сына Михаила благоверный князь построил храм в честь Благовещения, а позже и другую церковь во имя святых страстотерпцев Бориса и Глеба. В распространении Христовой веры среди муромцев блаженному князю ревностно помогал его сын, князь Феодор. К.С. был погребен в церкви Благовещения рядом с сыновьями, блаженными Михаилом и Феодором. В 1553 во время подготовки к казанской войне Царь Иоанн Васильевич Грозный, молясь над гробом К.С., обещал создать там монастырь, который и был основан по взятии Казани. В 1555 работники, копая рвы для нового каменного храма, обрели нетленные мощи князя и сыновей его. Царь прислал богатую утварь и велел освятить новый храм во имя Благовещения, в котором в одной раке были положены мощи угодников. Канонизирован вместе с сыновьями митрополитом Макарием на Соборе 1547.

Л

Леонтий (Леон, ? – не позже 1077) – святитель (память 23 мая / 5 июня, возглавляет список Собора Ростово-Ярославских святых), первый епископ Ростовский и Суздальский (ок. 1051 – ок. 1077). По некоторым источникам, он был греком, но, согласно проложному житию, текстам службы, составленной в нач. XIII в., Киево-Печерскому патерику, Л. был «третьим гражданином Русского мира». В малом возрасте по распоряжению Великого Князя Киевского был отправлен в учение с целью возведения со временем в духовный сан. Он был послан или добровольно отправился в Константинополь, где, скорее всего, и принял иноческий образ. По возвращении из Константинополя он пришел в Печерскую обитель к преподобному Антонию (ок. 1032). Из обители, как русский образованный монах, он был призван на святительское служение. Так как Ростов после представления князя-мученика Бориса Владимировича долго находился без княжеской власти, а сын благоверного Великого Князя Ярослава Владимировича Всеволод, получивший этот удел, жил в основном в Переславле-Русском, то святитель оставался наедине с языческой общиной Ростова, которую ему предстояло сделать своей паствой. Его

предшественников, святителя Феодора и епископа Илариона, жители изгнали с безчестием, христиан было мало. Л. был также неприязненно встречен старейшинами Ростова, поэтому он поселился при соборном дубовом храме, построенном еще святителем Феодором, и прежде всего занялся просвещением церковного клира. Памятником этой просветительной деятельности святителя Л. служит дошедшее до нас и приписываемое ему в двух рукописях «Поучение и наказание к попом о всем, как подобает дети свои духовные учить и епитимья им давати, по заповедем и по правилом святых отец». Святитель предпринимал попытки просвещать и ростовских насельников — язычников из многолюдного племени меря, но открытая проповедь его встретила сначала глухое сопротивление, а затем и открытый мятеж. Ему пришлось поселиться за городом близ небольшого ручья Брутовщины, где он занялся подвигами в посте и умной молитве и построил деревянную церковь во имя св. Архистратига Михаила. Со временем его смирение и доброе расположение стали привлекать ростовцев, он вернулся в город и многих крестил. Оставшиеся язычники хотели его убить, но мужественность святителя в обращении с ними и чудесное знамение заставили их уверовать и принять Крещение. Погребен он был в дубовом ростовском соборном храме Успения Божией Матери. Тело равноапостольного Л. было обретено нетленным в 1162 при копании рвов под стены новозаложенного благоверным Великим Князем *Андреем Боголюбским* каменного соборного храма на месте сгоревшего (1160) и тогда же положено в присланном тем же Князем каменном гробе в устроенном в честь его небольшом приделе с южной стороны алтаря соборного храма. Тогда же Ростовский епископ *Иоанн* установил празднование святителю. День обретения его мощей 23 мая стал одновременно празднованием Собора Ростово-Ярославских святых. Он же составил и службу святителю, которая дошла до наших дней в списках XIII–XVI вв. В 1609 поляки и литовцы, опустошившие Ростов, похитили золотую раку святителя и драгоценную икону его, и с тех пор мощи святого Л. почивают под спудом, а на месте их покоя находится рака с его надгробною иконою. Серебряная рака была восстановлена в 1800 усердием ростовских граждан. Во время реставрации Ростовского Успенского собора в 1884 открыт был древний придел в честь святителя, в котором на южной стороне обнаружили нишу с древними фресками жития святителя Л., преставления и обретения мощей. Под поздней серебряной ракой рядом со стенным его изображением была открыта заму-

рованная гробница из белого камня, в которой, видимо, и покоятся честные мощи до сего дня.

Лука (?–1189) – святитель (память 8/21 октября и в Соборе Ростово-Ярославских святых), епископ Ростовский и Владимирский (1185–1189). Вероятно, уроженец Южной России. Иночество принял в одном из Киевских монастырей, откуда, неизвестно когда, избран был на игуменство Киевского Спасского монастыря, что на Берестове. В 1185 хиротонисан в епископа Ростовского. При нем начались стенописные работы в каменном Ростовском Успенском соборе. Вероятно, в 1188 переведен во Владимир, оставшись епископом Ростовским. В 1187 убедил благоверного Великого Князя *Всеволода Юрьевича* примириться с князем Рязанским Глебом. В том же году он расписал Владимирский Успенский собор, после чего освятил его (1189). По преставлении святителя тело его было положено в этом соборе. При реставрации собора (1888–1889) была открыта наглухо заложенная в очень давние времена крупным старинным кирпичом гробница епископа Л.; плита, которою она была покрыта, устроенная на два ската из целого белого камня, оказалась совершенно твердою. Летописец так отзывается о святителе: «Бысть же святыи сей муж свят, милостив к убогим и вдовицам, ласков же ко всякому богату и убогу, смирен же и кроток речью и делом, утешая печальные, по истине добрый пастырь». По указу Царя Иоанна Васильевича Грозного в 1552 повелено было во Владимирском Успенском соборе «по Владимирских по пяти владыках пети в год ... панихиду по Луке епископе октября в 8 день».

М

Михаил I (Сирин, ?–992/998) – святитель (память 15/28 июня и 30 сентября / 13 октября), первый митрополит Киевский (ок. 988 – ок. 992). По происхождению сириец, по другим сведениям болгарин или серб. Хотя летописи не упоминают о М. при святом Великом Князе Киевском Владимире или называют первым митрополитом грека *Леона (Леонтия)*, но исконное предание Русской Церкви признавало его первым митрополитом Киевским. Начиная с митрополита Киевского *Евгения (Болховитинова)* делались научные обоснования этого церковного предания, которые принимались такими учеными, как преосвященные *Филарет (Гумилевский)* и *Макарий (Булгаков)*,

историк С.М. Соловьев. Оппонентом митрополита Евгения выступали Н.М. Карамзин и все его последователи в историографии, на основе простой убежденности отрицавшие предание. М. был прислан святителем Николаем II Хрисовергом, патриархом Константинопольским, в царствование греческого Императора Василия Македонского по просьбе равноапостольного Великого Князя Владимира для совершения Крещения Руси. М. возглавлял духовную миссию, в которой были шесть епископов, множество священнослужителей и клириков. Они привезли на Русь иконы, богослужебные книги на славянском языке, церковную утварь и мощи угодников Божиих. Сразу были крещены 12 сыновей Князя Владимира (сам Князь был крещен в Корсуни), бояре и киевский народ, собравшийся для этого на Днепре. М. посетил с проповедью главные после Киева города русские. В Новгороде в сопровождении епископов, княжеского воеводы Добрыни и некоего Анастаса Корсунянина М. сокрушил идолов, многих крестил, построил несколько церквей и поставил к ним пресвитеров (990). В Ростове успех его проповеди был значительнее: он крестил много людей, воздвиг церкви, поставил к ним пресвитеров и диаконов, установил чин церковного богослужения и управления (991). Им была основана первая деревянная церковь в честь Успения Пресвятой Богородицы в Ростове и поставлен епископом святитель Феодор Грек. За годы служения святителя Михаила открылись храмы в Переяславле, Чернигове, Белгороде, Владимире-Волынском и других городах Руси. При нем приняли крещение четыре болгарских князя и один печенежский. Известно, что он отправил монаха Марка проповедовать Христианскую веру к волжским булгарам-мусульманам. По его благословению и при его участии в Киеве велось храмоздательство, в том числе каменное. Самым большим являлся Десятинный в честь Успения Пресвятой Богородицы, на постройку которого М. благословил Великого Князя Владимира и куда перенесли гроб с мощами Великой Княгини Ольги. Со святым митрополитом Киевским связывают возведение Михайловского Киевского Златоверхого монастыря, а с прибывшими с ним из Царьграда монахами — основание не сохранившегося до наших дней Межигорского монастыря. Летописец свидетельствует, что М. отличался кротостью, смирением, неустойчивостью в трудах и был истинным отцом своей паствы. Он был мудрым и строгим иерархом. Он поставлял пресвитеров, избирал опытных наставников и им поручал дело обучения и образования детей в страхе Божиим и целомудрии. Погребен в Десятинной церкви.

Изначально мощи святителя покоились в этой церкви, законченной в 996, а около 1103, при Печерском игумене Феоктисте, они были обреты нетленными и перенесены в Антониеву пещеру. Они пребывали в Ближних пещерах Лавры вплоть до 1730, когда были перенесены в великую соборную Печерскую церковь, где почивали открыто в специальной раке вплоть до 1941, когда соборная церковь была взорвана. Когда М. причтен к лику угодников, точно неизвестно, но его имя значится в списке преподобных Антониевой пещеры и у Афанасия Кальнофойского (1638), а также поставлено в книге Акафистов с канонами, напечатанной в Печерской типографии в 1677, в Правиле преподобных отцов печерских. Церковь сохранила память о заслугах первосвятителя в синодиках Новгородского и Киевского Софийских соборов, где он именуется «Первоначальником» Русской Церкви. Лик святителя М. традиционно пишут на самом распространенном варианте иконы Собора Киево-Печерских святых, известной с первой половины XVIII в. Указами Священного Синода 1762, 1775 и 1784 дозволено печатать службы преподобным: Михаилу, Антонию, Феодосию и прочим чудотворцам Печерским в книгах, издаваемых Лаврскою типографиею, а Указом 1795 повелено было сочинить обстоятельное жизнеописание святителя Михаила для помещения в Четьих-Минеях.

Михаил Всеволодович (1179–1246) — святой (память 20 сентября / 3 октября и 14/27 февраля), мученик, благоверный князь Переяславский (1206), Новгородский (1224, 1229), Черниговский (1223–1246), Галицкий (1235–1239), Великий Князь Киевский (1238–1239, 1241–1243). Сын Черниговского и Великого Князя Киевского Всеволода Святославича Чермного и дочери польского князя Казимира II, шурина благоверного Великого Князя *Юрия Всеволодовича*, брат святой благоверной Княгини Агафьи, отец преподобной Евфросинии Суздальской и благоверной княгини Ростовской Марии, основательницы Княгинина монастыря под Ростовом, дед благоверного князя Брянского Олега. С детства отличался благочестием и кротостью, но обладал очень плохим здоровьем. Юный князь просил молитв у преподобного Никиты Переяславского Столпника, который передал ему деревянный посох, и он от этого исцелился (1186). После изгнания отцом из Переяславля сына Великого Князя Владимирского Всеволода Большое Гнездо Ярослава ненадолго занял Переяславский престол. В 1223 благоверный князь был участником съезда русских

князей в Киеве, решавших вопрос о помощи половцам против надвигавшихся татарских полчищ. Едва не погиб в битве на Калке, после гибели в ней дяди Мстислава Святославича занял Черниговский престол. В 1224 после конфликта новгородцев с Великим Князем Владимирским Юрием Всеволодовичем был приглашен ими на княжение. Своей справедливостью, милосердием и твердостью правления снижал любовь и уважение Древнего Новгорода. Особенно важно для новгородцев было то, что вокняжение М.В. означало примирение с Новгородом святого благоверного Великого Князя Владимирского из-за их родственной связи: М.В. организовал обмен пленными. Вскоре М.В. возвратился в свой родной Чернигов, а новгородцев убеждал, что Чернигов и Новгород должны стать родственными землями, а их жители — братьями, старался укреплять узы дружества этих городов. В 1226 при помощи Юрия провел поход против представителя Северной ветви Ольговичей, князя Курского Олега. Однако по ходатайству митрополита Киевского Кирилла усобица была прекращена. В 1228 участвовал совместно с Пинским князем Ростиславом в осаде Великим Князем Владимиром Рюриковичем Каменца — владения князя Галицкого Даниила Романовича. Конфликт был разрешен: Великие Князья Киевский и Галицкий примирились при посредничестве половецкого хана Котяна и М.В. В 1229 в Новгородской земле отменил в связи с голодом заборничье на пять лет для смердов, ушедших в новые земли, назначил посадником в Новгороде Внесда Водовика, который привез впоследствии оставленного Михаилом сына Ростислава в Чернигов после изгнания их из Новгорода и Торжка (1230). Отказавшись от борьбы за Новгород после похода Владимиро-Суздальских князей в Черниговскую землю (1231). В 1234 М.В. поддержал Изяслава Владимировича в его борьбе с Владимиром Рюриковичем, в ходе которой он помог Изяславу овладеть Киевом, а сам сел в Галиче, который оставил князь Даниил Романович. Владимир Рюрикович изгнал Изяслава Владимировича из Киева, поэтому М.В. сел в Киеве, а в Галиче оставил сына Ростислава (1236). Организовал поход на Литву, в котором принял участие и князь Ростислав, приведший галицкие войска. Незащищенный Галич снова занял Волынский князь Даниил Романович. Этим моментом воспользовался и Новгородский князь Ярослав Всеволодович, чтобы утвердить единовластие Владимирских князей на Юге Руси, однако и ему пришлось покинуть стольный град из-за пришествия татар и гибели старшего брата Юрия Всеволодовича в битве с ними. Он, как последний в роду

Всеволодовичей, ушел во Владимир принимать княжение (1238). Великим Князем Киевским снова стал М.В. После разгрома татаро-монголами Черниговской и Переяславской земель (1239) отказался признать власть татар. Когда монголы подступили к Киеву, Великий Князь срочно отправился в Венгрию, а потом в Польшу, чтобы побудить венгерского короля Белу и германского императора совместными силами организовать отпор общему врагу (1240). Не получив поддержки, благоверный Князь возвратился в разрушенный Киев и некоторое время жил неподалеку от города. Получил в кормление от Даниила Галицкого Луцк, впоследствии вернулся в опустошенный татарами Киев, который пытался возродить к жизни до 1243, когда во время его отъезда в Венгрию на свадьбу сына Ростислава Киев снова перешел во владение Великого Князя Владимирского Ярослава Всеволодовича уже по ханскому ярлыку. М.В. вернулся в Чернигов. Князь не терял надежды на возможное объединение Христианской Европы против азиатских хищников. Отчаянным его шагом было отправление своего сподвижника, игумена Петра Акеровича, на Лионский Собор, чтобы призвать европейских правителей к крестовому походу против языческой Орды (1245). Вместе с рядом других князей был вызван в Орду. Получил благословение духовного отца, епископа Иоанна, быть там истинным исповедником Имени Христова. Вместе со святым Князем отправился в Орду его верный друг и сподвижник, боярин Феодор. В Орде знали о попытках Черниговского Князя организовать выступление против татар совместно с Венгрией и другими европейскими державами. Перед входом в шатер Батыя монгольские жрецы повелели пройти через священный огонь, что якобы должно было очистить его от злых намерений, и поклониться обожествляемым монголами стихиям: солнцу и огню. Благоверный Князь сказал: «Христианин кланяется только Богу, Творцу мира, а не твари». Батый через своего приближенного Эльдегу передал условие: если не будет выполнено требование жрецов, непокорные умрут в мучениях. Но и на это последовал решительный ответ святого Князя: «Я готов поклониться царю, ибо Небо вручило ему судьбу земных царств, но Христианин не служит ни огню, ни глухим идолам». Князя схватили и долго терзали. Наконец один из отступников от Христовой веры, по имени Даман, отсек голову святому мученику. Так же замучили и верного боярина Феодора. Тела святых страстотерпцев были брошены на съедение псам, но Господь чудесно охранял их несколько дней. Князя и боярина тайно похоронили с почестью верные

ему приближенные, а затем их мощи были перенесены в Чернигов. Исповеднический подвиг святых убедил в непоколебимом хранении русскими людьми Православной веры, их готовности умереть с радостью за Христа; татарские ханы не решались испытывать впредь терпение Божие и не требовали от русских в Орде прямого исполнения идольских обрядов. После мученической кончины М.В. Черниговский престол занял его брат Андрей. Позже черниговские уделы закрепились за отдельными родами: Брянский, Новосильский, Карачевский и Тарусский. Фактической столицей Чернигово-Северской земли стал Брянск, так как разгром монголо-татарскими войсками Чернигова более не позволял ему выполнять столичные функции. Брянский князь одновременно носил титул Великого Князя Черниговского. От М.В. ведет свое происхождение ряд русских княжеских фамилий, в том числе Долгоруковы, Волконские, Репнины, Горчаковы, Оболенские, Одоевские, Воротыньские, Болховские. В семействе князей Долгоруковых хранился крест, который, по преданию, был на мученике-князе в момент его гибели в ордынской ставке. По желанию Царя Иоанна Васильевича Грозного, с благословения митрополита Антония мощи святых мучеников были перенесены в Москву, в храм, посвященный их имени (1572), оттуда они были перенесены в Сретенский собор (1770), потом в Архангельский собор Московского Кремля (1774). В 1812 во время нашествия Наполеона серебряная рака была похищена и впоследствии заменена бронзовой. В 60–70-х XIII в. Ростовская Княгиня Марья, дочь М.В., вместе с сыновьями Борисом и Глебом, построила в честь мучеников храм и установила им местное церковное почитание. К общецерковному почитанию их причислили на Соборе 1547. Гибели князя посвящено «Сказание о убиении в Орде князя Михаила Черниговского и его боярина Феодора», известное во многих списках (XIII–XVI вв.). Житие и служба святых Михаила и Феодора Черниговских были составлены в середине XVI в. известным церковным писателем, иноком Зиновием Отенским.

Михаил Константинович (XII в.) — святой мученик (память 8/21 мая и в Соборе Владимирских святых), благоверный князь Муромский. Сын князя Муромского *Константина (Ярослава) Святославича*. Был отправлен своим отцом к язычникам — жителям Мурома — в качестве посланца и был убит ими. Прославили М.К., как и его отца, на Московском Соборе в 1547. С. 92.

Михалко Юрьевич (Михаил ?–1176) — благоверный князь Торческий (сер. 60-х 1173), Великий Князь Владимирский (1175–1176), сын Великого Князя Киевского Юрия Долгорукого. После смерти отца не получил своего удела, жил в Суздале под присмотром брата, Князя Андрея Боголюбского; около 1162 удален им из Суздальской земли. Участвовал в походе Мстислава Изяславича против половцев в 1168. В том же году был отправлен Мстиславом с отрядом союзных берендеев и торков в Новгород на помощь Роману Мстиславичу, но был схвачен Ростиславичами и освобожден только в следующем году, когда получил от Андрея Боголюбского Торческ. В 1170 М.Ю. снова ходил на половцев, защищая Переяславль. В 1171, после смерти Великого Князя Владимира Мстиславича, начал княжить в Киеве, но по распоряжению Андрея Боголюбского уступил стол Смоленскому князю Роману Ростиславичу. Назначенный Князем Андреем по смерти другого брата Глеба (1172) в Киев, М.Ю., опасаясь Смоленских Ростиславичей, послал туда младшего брата своего, Всеволода Большое Гнездо, с племянником Ярополком Ростиславичем, а сам остался в Торческе. Племянника и брата захватили в плен Смоленские Ростиславичи. Киевским Князем был провозглашен Рюрик Ростиславич, вскоре осадивший и М. в Торченске. М.Ю. заключил с ним мир, доставивший ему Переяславль. Через несколько месяцев вступил с войсками Андрея в Киев (1173). По смерти Андрея М.Ю. сел во Владимире, но, вследствие вражды суздальских городов, уехал в Чернигов; вскоре с братом Всеволодом предпринял второй поход в Северо-Восточную Русь, занял Владимирский стол, а брату отдал Ростов (1175). Вернул владимирские сокровища, присвоенные Рязанским князем Глебом, в том числе икону Пресвятой Богородицы. М.Ю. правил всего один год; умер в 1176. Погребен во Владимирском Успенском соборе. Канонизирован в 1982. День памяти — Собор Владимирских святых 23 июня/6 июля.

Мстислав Владимирович (Великий, в крещении Феодор, 1076–1132) — святой (память 15/28 апреля и в Соборе Новгородских святых), благоверный князь Новгородский (1088–1093, 1095–1117), Ростовский (1093–1095), Белгородский (1117–1125), Великий Князь Киевский (1125–1132). Когда ему было всего 12 лет, его дед, Великий Князь Киевский Всеволод (1078–1093), отправил внука княжить в Новгород. Новгородцы полюбили юного князя. В 1095 они изгнали князя Давида, который ушел в Смоленск, и специально ходили в Ро-

стов за князем М.В. После смерти деда М.В. занял свою вотчину — Ростовский стол (1093). Здесь он выполнял миссию сохранять мир, который пытался нарушить его дядя, беспокойный князь Черниговский Олег Святославич. В битве на р. Медведице он разбил брата Олега — князя Ярослава Святославича (1096). Князь Олег убил брата М.В. Изяслава, оставленного здесь, пока М.В. находился на Новгородском княжении, и захватил Ростов и Суздаль, принадлежавшие М.В. Святой не хотел проливать неповинной крови. Он желал примириться с дядей и просил его довольствоваться наследованной Рязанью. Но Олег уже собирался в поход на Новгород. М.В. разбил его в сражении (1096), и Олег, потеряв Суздаль и Ростов, едва укрылся в Муроме. М.В. снова предложил мир и просил лишь вернуть пленных. Олег притворно согласился, и благоверный князь распустил войско. В новое выступление князя Олега М.В. за одни сутки успел собрать войско и с помощью брата дал отпор, занял Муром (князь Олег бежал в Рязань), освободил пленников, а затем примирил Олега с Великим Князем Святополком и своим отцом, благоверным князем Владимиром Мономахом. Новгородцы так любили М.В., что когда Великий Князь Киевский Святополк Изяславич захотел перевести Мстислава из Новгорода, они этого не допустили (1102). После вокняжения на Киевском столе Владимира Мономаха М.В. призван был отцом к себе в помощники и переведен в Белгород (1117). В 1123 противостоял Князю Волынскому Ярославу, который пытался захватить Киевское княжение и привел на Русь польские и венгерские войска. После смерти Великого Князя Владимира Мономаха занял Киевский престол (1125). Дал клятву защитить Черниговского князя Ярослава, но когда его изгнал племянник, то духовенство и все люди умоляли М.В. не проливать Христианскую кровь (1127). Благоверный князь послушался, но до конца жизни каялся, что преступил крестное целование. Продолжал укреплять внешние границы Руси, как это делал его отец. Одержал блистательную победу над давними врагами Руси — половцами, прогнав их за Волгу (1125). Полоцкие князья, которые не поддерживали благоверного князя, были высланы в Грецию. М.В. успешно воевал против чуди и Литвы (1116, 1130, 1131, 1132). Благодарный за милости Божии, бывшие с ним в его деятельности, М.В. строил повсеместно храмы, монастыри и украшал их. Заложил на Городище вблизи Новгорода храм в честь Благовещения Пресвятой Богородицы (1099). Именно для этого храма было написано знаменитое Мстиславово Евангелие, дорогой оклад которого был

сделан в Константинополе. На месте явления чудотворной иконы на острове Липне под Новгородом основал монастырь и церковь во имя святителя Николая (1114). Этот храм был знаком признательности святителю Николаю за исцеление. В тяжелой болезни благоверный князь усердно призывал на помощь святителя, мощи которого незадолго перед тем были перенесены в Бари (1087). Святитель Николай в видении повелел послать в Киев за своей иконой, указав вид и меру, от которой М.В. и получил исцеление. После победы над чудью «заложил Новгород велик» (обновил новгородский детинец) и выстроил более обширные помещения для Новгородского епископа (1116). По его повелению посадник Павел заложил крепость в Ладоге, где был построен каменный храм в честь великомученика Георгия (1116). В 1128 Великий Князь М.В. заложил в киевском монастыре каменную церковь во имя великомученика Феодора Тирона (своего тезоименитого святого) в память о победе, одержанной над Черниговским князем Олегом. (В Феодоровский монастырь впоследствии сослали благоверного Князя-мученика Игоря.) В благодарность об удачном походе на Литву заложил в Киеве храм в честь Пирогощской иконы Божией Матери (1131). Преставился М.В. на Пасхальной седмице и был погребен в построенном им храме святого великомученика Феодора (не сохранились ни постройки монастыря, ни мощи Князя). Древний автор отмечал, что М.В. «был великий правосудец, в воинстве храбр и доблестен, всем соседям его был страшен, к подданным милостив и разсмотрителен. Во время его все русские князи жили в совершенной тишине и не смел один другого обидеть. Сего ради его вси именовали Мстислав Великий. Подати при нем хотя были велики, но всем уравнительны, и для того вси приносили без тягости». Святой Князь почитался еще при земной жизни. Писец Мстиславова Евангелия называл его благоверным и Христолюбивым. Изготовитель оклада Мстиславова Евангелия, Наслав, писал: «Много труда подъял я и печали. Но Бог утешил меня молитвой доброго князя... Дай Бог его молитву всем христианам». М.В. широко почитался еще в древности в славянских станах. Проложное житие святого благоверного Князя было помещено под 15 апреля в сербском Богослужебном Прологе кон. XIII – нач. XIV вв. Этот Пролог был переписан с более раннего болгарского, источником для которого служил русский оригинал. Под 15 апреля известно житие благоверного Князя М.В. в Болгарском синаксаре 1340. (Исследования показали, что источник этого синаксаря был также русский.) В этих Прологах память свято-

го благоверного Князя М.В. поставлена наряду с такими известными русскими памятниками, как память святой равноапостольной Великой Княгини Ольги, святых благоверных князей-страстотерпцев Бориса и Глеба. Прославлен общецерковно в 1981.

Мстислав Мстиславич (Удатный, в крещении Феодор, ?–1228) – благоверный князь Трипольский (1193–1203), Торопецкий (1206–1213), Новгородский (1210–1215, 1216–1218), Великий Князь Галицкий (1215–1216, 1219–1226), Торческий (1203–1207, 1226–1228). Сын благоверного Новгородского князя Мстислава Ростиславича Храброго, отец благоверного отрока-князя Василия Мстиславича и благоверной Великой Княгини Феодосии (супруги благоверного Великого Князя Ярослава Всеволодовича), дед святого благоверного Князя Александра Невского и князя Галицкого Льва. Был одаренным полководцем, неоднократно одерживал победы в сражениях. Был поставлен на южную заставу Торческ на р. Рось, откуда во время победного похода Всеволода Чермного на Киев ему пришлось уйти в Смоленское княжество, где М.М. получил от дяди, Великого Князя Киевского Рюрика Ростиславича, Торопец (1207). В 1210 войной взял Торжок, занятый до этого Великим Князем Владимирским Всеволодом Большое Гнездо. Победив Великого Князя Киевского Всеволода Святославича Чермного, посадил на Киевский престол Мстислава Романовича (1214). В 1216 Князь Владимирский Ярослав Всеволодович захватил Торжок и перекрыл подвоз продовольствия в Новгород, М.М. выступил с новгородцами против сильного войска Владимиро-Суздальских Князей и в Липицкой битве одолел их. Владимирский престол занял союзник М.М., старший Всеволодович, Князь Константин. По приглашению князя Краковского Лешека занял Галицкий престол (1215). На Галицком престоле заключил союз с Волынским князем Даниилом Романовичем, выдав за него свою дочь Анну. Князь Даниил развернул успешные военные действия против Лешека, склонившегося вследствие этого к союзу с венгерским королем Андрашем II против двух русских князей. Пока М.М. участвовал в Липицкой битве, Галич осадили польско-венгерские войска (князь Даниил Романович, руководивший обороной, с трудом вырвался из окружения), и его занял венгерский королевич Коломан. Ушел из Новгорода в 1218, передал престол сыну Великого Князя Киевского Мстислава Святославу. В 1220 вновь занял Галич, пленив королевича Коломана, заключив мир с Андрашем II, обменял королевича на свою

дочь Марию. Однако в конце жизни он передал вначале Перемышль, а потом и Галич бывшему зятю, венгерскому королевичу Андрею, после поражения на Калке не имея сил удерживать галицкие земли (1227). М.М. перешел в Понизье, в Торческ. М.М. заботился о сохранении целостности вверенного ему Богом удела, старался отстаивать его самостоятельность от каких-либо внешних посягательств. Как Новгородский князь, совершал удачные походы на чужь и орден меченосцев (1212, 1214). Принимал участие в походах Южно-Русских князей на половцев (1193, 1203). В 1223 Мстислав стал инициатором и одним из главных руководителей похода русских войск против монголов. В сражении на Калке потерпел тяжелое поражение от монгольского войска, но смерти избежал. В последние годы жизни воевал с поляками и князем Воыньским Даниилом Романовичем в союзе с половецким ханом Котяном, Великим Князем Киевским Владимиром Рюриковичем и князем Белзским Александром Всеволодовичем. Перед смертью планировал организовать совместный с Даниилом Романовичем, объединившим в 1227 воыньские земли, и половцами поход против князя Андрея. Умер на пути из Торческа в Киев, успев принять перед смертью схиму. При жизни ему хотелось упокоиться у мощей своего отца в Святой Софии в Новгороде, но, по польским источникам, он был похоронен в Киеве, в основанной им «церкви Святого Креста» (видимо, Крестовоздвижения; не сохранилась). Как благоверный князь, он упоминается в конце XVI в., наряду с другими благоверными Новгородскими князьями, своими отцом и сыном, в Синодике церкви святого Стефания псковского Спасо-Мирожского монастыря.

Мстислав Ростиславич (Храбрый, в крещении Георгий, ?–1180) – святой (память 14/27 июня и в Соборе Новгородских святых), благоверный князь Белгородский (1162–?), Смоленский (1175), Новгородский (1179–1180). Сын святого благоверного Великого Князя Киевского Ростислава Мстиславича. Около 1162 получил от отца Белгород. В 1167 вместе с братом Романом Ростиславичем сжег пограничный город Новгородской земли Великие Луки, защищая честь брата, князя Святослава Ростиславича, которого до того изгнали новгородцы. Вместе с братьями поддержал благоверного Великого Князя Андрея Боголюбского во время его карательной экспедиции на Киев (1169). Вскоре союзнические отношения прекратились: как и другие Смоленские князья, хотел быть независимым от

Великого Владимирского Князя. В 1171 вместе с братьями помог занять Киевский стол своему дяде, Дорогобужскому князю Владимиру Мстиславичу. В 1173 сместил Всеволода Юрьевича в Киеве, посаженного своим старшим братом, князем Торческим Михаилом Юрьевичем, после того как на Киевском столе был убит Великий Князь Глеб Юрьевич, ради своего брата Рюрика Ростиславича. Чтобы смирить Смоленских князей, Князь Андрей с союзниками совершил в 1173 поход, закончившийся безуспешной осадой Вышгорода, М.Р., оборонявший его, обращался к заступничеству святых братьев Бориса и Глеба, покровителей этого города. Кроме того, к Киеву пошел другой претендент на Киевское княжение — Луцкий князь Ярослав Изяславич — с галицким войском. М.Р. примирился с Князем Андреем Юрьевичем и выпросил Киев для брата Романа. Роман, отправляясь в Киев, оставил в Смоленске своего сына Ярополка. Смоляне не захотели принимать молодого князя и призвали М.Р. (1174). Позднее он возвратил Смоленск брату со словами: «Береги его, я брал только для того, чтобы сохранить тебе» (1176), после чего М.Р., по-видимому, ушел в Торопец. В 1174–1175 вместе с Рязанским князем Глебом поддерживал ставленников старого ростовского и суздальского боярства, внуков Князя Юрия Долгорукого Мстислава и Ярополка Ростиславичей, против Михаила и Всеволода Юрьевичей, поддержанных новыми ремесленными городами и Святославом Всеволодовичем Черниговским. В 1178 новгородцы предлагали М.Р. стать их князем, но он не соглашался княжить там, где прежде него не ужились два старших брата, Рюрик и Роман. Дорожа уделом, полученным от Бога, он, чуждый честолюбия, отвечал новгородцам: «Не пойду от братьев и от своей отчины». В конце концов, он склонился на уговоры дружины и принял княжение (1179). В 1180 Мстислав захотел вернуть святыни, которые князь Полоцкий Всеслав Брючиславич войной забрал у Новгорода в 1066, подошел к Великим Лукам. Однако его старший брат, Смоленский князь Роман, заступился за своего зятя, Полоцкого князя Всеслава Васильевича, выслал сына Мстислава и предотвратил поход новгородцев. Защищал Русь и свой удел от нашествия иноплемеников. В 1168 участвовал в победе Южно-Русских князей над половцами. Как Новгородский князь, совершил удачный поход на чудь, разорил города эстонцев, безпокоивших Псков (1179). М.Р. умер от внезапной болезни. По словам летописи, перед смертью он похудел и у него стал отниматься язык. Чувствуя приближение смерти, велел нести себя в церковь, приобщился Божественных Тайн и в тот же

день скончался. Новгородцы погребли М.Р. в гробнице святого благоверного князя Владимира Ярославича в Софийском соборе в приделе Рождества Богородицы. В нач. XVII в. гробница князя была освидетельствована и зафиксировано, что «мощи его нетленны, а рука ему правая выпреть». М.Р. всегда принимал правую сторону, когда возникали несогласия князей, и вступался за слабого против сильного, невзирая на множество врагов. Он не вступал в распри с другими князьями из стяжательных побуждений и в период междоусобиц стремился к миру, довольствуясь малым. По свидетельству летописи, не только его дружина, но и чужеродцы помнили доблесть его. Память о нем в Новгороде хранилась всегда как о святом князе-заступнике. Отличался он и личным благочестием: в делах милосердия успевал не менее, чем в подвигах воинской доблести. М.Р. был верным сыном Церкви, летописец о нем писал: «Он был роста среднего, лицом красавец, а душа его была еще лучше. Щедро расточал он милостыню, помогал обителям. Был храбр и мужественен; он желал умереть за землю Русскую. Когда приходилось освобождать пленных у язычников, он говорил: «Братья! Если умрем за христиан, очистимся от грехов...» Он не собирал ни золота, ни серебра, но раздавал то дружине своей, то церквам за свою душу».

Н

Никон (Печерский, Никон Великий, ?–1088) — преподобный (память 23 марта / 5 апреля, в Соборах преподобных Ближних пещер и всех Киево-Печерских святых), игумен Киево-Печерского монастыря (1078–1088), духовный писатель-летописец, основатель церкви и монастыря во имя Пресвятой Богородицы в Тмутаракани. Был одним из первых сподвижников преподобного Антония, основателя Киево-Печерского монастыря, но пришел к нему уже иеромонахом (до 1058), получил послушание постригать новоприходящих иноков; его постриженником стал преподобный Феодосий. За то, что им были пострижены лучшие представители боярства (великокняжеский казначей Ефрем, молодой боярин Варлаам Вышатин и др.) без княжеской воли, навлек на себя и на монастырь немилость Великого Князя Киевского Изяслава Ярославича. Ему пришлось уйти по благословению преподобного Антония. Скитаясь, он дошел до Азовского моря и основал близ Тмутаракани (Тамань) церковь и монастырь Пресвятой Богородицы, который преподобный Нестор Летописец по ве-

лично и духовному значению сравнивал с Печерским монастырем (1061). Н. приобрел у местного населения высокое уважение. После убийства греками князя Ростислава Владимировича (1065) Н. выполнял посольскую миссию к князю Святославу Ярославичу в Чернигов, чтобы тот прислал в Тмутаракань своего сына Глеба на княжение. Проводив князя Глеба в Тмутаракань, Н. вернулся по просьбе преподобного Феодосия, ставшего игуменом, в Киево-Печерскую обитель. После смуты и изгнания из Киева Великого Князя Изяслава Ярославича Н. снова удалился в Тмутаракань, где с почетом был принят князем Глебом и пользовался благорасположением его преемника и брата Романа Святославича (1068). По убиении князя Романа Черниговским князем Олегом Святославичем Н. снова возвратился в Киев, где братия выбрала его игуменом вместо преставившегося Феодосия. Н. занимался не только духовным окормлением иноков и посетителей монастыря, но и украшением великой Печерской церкви иконами и мозаикой, которую выполняли прибывшие из Константинополя мастера. При нем начал свою работу первый известный русский иконописец преподобный Алипий. Считается, что Н. создал так называемый «летописный свод 1070-х», которым воспользовался преподобный Нестор Летописец для составления «Повести временных лет». В управлении обители Н. старался сохранить все установления преподобного Феодосия в строгости, за что ему приходилось терпеть немало скорбей от братии. Погребен был в Антониевых (Ближних) пещерах Киево-Печерской Лавры, где и поныне почивают его мощи. Летопись свидетельствует, что много чудес совершалось от его мощей сразу по преставлении, поэтому, по-видимому, почитание его началось еще с древних времен.

Нифонт (?–1156) — преподобный Печерский (память 26 марта / 8 апреля, в Соборе преподобных отцов Киево-Печерских Ближних пещер и в Соборе всех преподобных отцов Киево-Печерских), епископ Новгородский (1130–1156). Во епископа Новгородского был хиротонисан митрополитом Киевским Михаилом из печерских иноков. Летописец его называл «поборником всей земли Русской» за ревность в строгом соблюдении Православных канонов и обычаев, знатоком которых он являлся. Был известен как храмоздатель, не жалея личных средств на церковное благолепие. Выступал примирителем в спорах князей между собой. В 1147 не признал неправильно выбранного митрополита Киевского Климента Смолятича, был вы-

зван в Киев и за упорство заключен в Ближние пещеры. Несмотря на это, продолжал носить титул епископа до конца жизни как личную честь. В Пещерах он закончил земной путь подвигов, и его мощи там почивают и сегодня. Н. известен ответами на вопросы иеродиакона Кирика. Они, по словам святителя Филарета (Гумилевского), показывают и «опытность пастыря, и светлое разумение Христианского духа».

О

Ольга (в крещении Елена, ?–969) — святая (память 11/24 июля), равноапостольная Великая Княгиня (как регент 945–960) после гибели мужа, Князя Игоря Рюриковича. Первая из русских правителей приняла Христианство еще до Крещения Руси. Происхождение ее теперь трудно установить точно. О. родилась в д. Выбуты Псковской земли. По Житию, она была незнатного рода, «от языка варяжска». Однако поздние летописи говорят о ее княжеском происхождении и даже называют ее отцом Вещего Олега, опекуна малолетнего Великого Князя Игоря, сына Рюрика. Согласно «Повести временных лет», Олег и поженил Игоря с Ольгой в 903. По одному из свидетельств, она стала женой Игоря в 10-летнем возрасте. Возможно, что у Великого Князя были и другие жены, однако летописец сообщает, что О. чтит больше иных за ее мудрость. Из договора 944 Князя Игоря с Романской Империей видно, что Ольга занимала в иерархической структуре Русского государства третье по значению место — после Великого Князя и его сына-наследника Святослава. Когда в 945 Великий Князь Игорь погиб от рук древлян, наследник престола Святослав был еще мал, поэтому фактическим правителем Руси стала О. Она посылала дружину Игоря во главе с трехлетним сыном на древлян для того, чтобы смирить их, и повоевала их города, в том числе Искоростень (946). О. с дружиной прошлась не только по Древлянской земле, но и по новгородским и псковским землям (947). Везде она установила «уроки» (фиксированную меру дани), уставы (сроки и периодичность уплаты) и погосты (торговые центры, где сбор дани систематизировался), на которых впоследствии стали строить храмы. Возможно, именно в ее время подвластные Киеву земли оказались поделены на административные единицы, в каждой из которых был поставлен тиун (княжеский управитель). Главным событием жизни О., промыслительно повлиявшим на всю

русскую историю, было крещение Великой Княгини в Царьграде в 955. По летописному свидетельству, ее крестил лично патриарх Феофилакт, а восприемником был сам Император Константин VII Багрянородный. В крещении она получила имя древней царицы — матери равноапостольного Императора Константина I, равноапостольной Елены. О. не удалось склонить Святослава Игоревича принять Христианство, но очевидно, что ее воспитание находившегося постоянно при ней внука Владимира повлияло на выбор им веры для Руси. В 957 Ольга с большим посольством вновь посетила в Константинополе Императора Константина VII, который ее именовал «архонтиссой (правителем) Руси». О. управляла государством до совершеннолетия Великого Князя Святослава, но продолжала оставаться фактическим правителем и далее, так как он часто отсутствовал в военных походах за пределами Руси. Ей пришлось руководить защитой Киева от печенегов (968). По просьбе О. император Священной Римской империи Оттон I прислал на Русь миссионеров для проповеди Христианства во главе с епископом Адальбертом Магдебургским (962). Латинские проповедники были враждебно встречены местным населением: одни были убиты, остальные во главе с епископом бежали за пределы Руси, после чего и О. была отстранена язычниками от управления городом. Пострадали также и киевские христиане, по приказу Святослава был убит племянник О. Глеб и разрушены некоторые построенные ею храмы. Великая Княгиня положила начало каменному градостроительству на Руси (первые каменные здания Киева — городской дворец и загородный терем О.), заботилась о благоустройстве подвластных Киеву новгородских, псковских, расположенных вдоль Десны и др. земель. По преданию, О. основала Псков. Первый деревянный храм Святой Живоначальной Троицы в ее родном городе был построен после небесного знамения, явленного О. В некоторых местах уничтожила языческие святилища и воздвигла на их месте Христианские храмы. В Киеве был создан деревянный Софийский собор. О. запретила совершать по кончине своей языческие тризны, и ее отпевал, в соответствии с Православными канонами, пресвитер Григорий, которого она держала при себе до того тайно. Ее внук, святой Великий Князь Владимир Святославич, перенес (1007) нетленные мощи Ольги вместе с мощами других святых в основанную им каменную церковь Святой Богородицы (Десятинную) в Киеве. По Житию, тело блаженной Княгини, «свещающееся яко солнце», можно было наблюдать через окошко в ка-

менном гробу, и многие по вере своей находили от мощей исцеление. Монах Иаков в XI в. описал перенесение ее мощей и чудеса, которые при этом совершались. Скорее всего, О. тогда же начала почитаться как святая. Общецерковное прославление произошло, видимо, к середине XIII в. В 1547 О. причислена к лику святых как равноапостольная. По словам преподобного Нестора Летописца, она была «предтекущая христианской земли, аки денница пред солнцем и аки заря пред светом». Страстотерпец Император Николай II в 1915 учредил Знак отличия Святой равноапостольной княгини Ольги. Синод Русской Православной Церкви во главе с патриархом Пименом учредил в 1988 Орден святой равноапостольной княгини Ольги.

П

Пахомий (?–1216) – епископ Ростовский, Ярославский и Угличский (1214–1216). С 1196 жил в Киево-Печерском монастыре и там постригся в монашество. В 1201 был поставлен игуменом Высокопетровского монастыря в Москве и исполнял обязанности духовника благоверного князя Ростовского Константина Всеволодовича. По желанию последнего стал Ростовским епископом, что послужило разделению единой прежде епископии: во Владимире оставался свой епископ Симон. Хиротонию над П. совершал митрополит Киевский и всея Руси Матфей. П. освящал построенную в Ростове князем Константином на своем дворе церковь каменную святых страстотерпцев Бориса и Глеба (1215). При нем были заложены новый каменный Успенский собор в Ростове взамен сгоревшего и Спасо-Преображенский монастырь в Ярославле (1216). Князь, уходя на Великое Владимирское Княжение, оставил на попечении владыки малолетнего сына князя Ростовского Василько. Погребен был в Ростовском Успенском соборе. Летописец оставил такую характеристику П.: «Сей блаженный епископ был избранник Божий и истинный пастырь, а не наемник, агнец, а не волк; не собирал он богатства от чужих домов и не хвалился им, но еще обличал грабителей и лихоимцев; усердно пекся о сиротах, был весьма милостив к убогим и вдовицам, смирен, кроток, исполнен книжного ученья, всеми способами утешал печальных». Не канонизирован.

Прохор (?–1103) – преподобный (память 28 января / 10 февраля), инок Киево-Печерский. Родом из Смоленска. Принял постриг в

Киево-Печерской Лавре от игумена Иоанна. Преподобный назывался также Лебедником, ибо питался лебедою и делал из нее хлеб. Преподобный еще прославился чудесною добычею соли, так что, когда в Киеве сделался недостаток в оной, бедные жители приходили в монастырь, и Прохор безвозмездно снабжал их солью. Откупщики соляные жаловались Великому Князю Святополку Изяславичу, что Прохор скупил соль, чем подорвал их торговлю. При обыске нашли у Прохора вместо запасов соли кучу золы. С того времени Великий Князь Киевский Святополк Всеволодович возымел особенное уважение к преподобному и при всяком предприятии своем ходил к нему за благословением. Мощи его почивают в Ближних пещерах Антониевых.

Р

Роман Мстиславич (Великий, в крещении Борис, ок. 1150–1205) — князь Новгородский (1168–1170), Волынский (1170–1187, 1188–1199), Галицкий (1188, 1199–1205), князь Галицко-Волынский (с 1199), Великий Князь Киевский (1201, 1204). Сын Великого Князя Киевского, затем Великого Владимиро-Волынского Князя Мстислава Изяславича и польской княжны Агнессы, дочери Болеслава Кривоустого, отец Великого Князя Галицкого Даниила Романовича. По одной из версий, он был женат на дочери Ромейского Императора Исаака Ангела Анне, матери Даниила Романовича. В 1168 Мстислав Изяславич отправил Р.М., вопреки воле Великого Князя Андрея Юрьевича Боголюбского, княжить в Новгород. В 1169, лишив Мстислава Изяславича Киевского княжения, Князь Андрей послал владими́ро-суздальское союзное войско под началом сына Мстислава Андреевича и воеводы Бориса Жирославича против Р.М. и новгородских бояр. Р.М. был одним из организаторов обороны Новгорода. После смерти отца вынужден был уйти из Новгорода и вокняжился во Владимире-Волынском (1170). При этом его дядя, князь Ярослав Изяславич, продолжая править в Луцке, возглавлял всю землю Волынскую, пытаясь сесть на Киевский престол. Первый раз Р.М. овладел Галичем, когда горожане изгнали своего князя Владимира Ярославича, сына Галицкого князя Ярослава Осмомысла, за его нерадение в управлении княжеством (1188). Владимир Ярославич вернул свой престол при поддержке венгерского короля. Р.М. попытался удержаться с помощью войск Рюрика Ростиславича, но после неуда-

чи вернулся во Владимир-Волынский, сместив посаженного там на время брата, князя Всеволода Мстиславича. После смерти Великого Киевского Князя Святослава Всеволодовича Киевский престол занял Рюрик, а Роман получил от него пять городов на Киевщине: Торческ, Треполь, Корсунь, Богуслав, Канев (1194). После смерти брата Всеволода Мстиславича политическое влияние Р.М. на Волыни возросло, что вызвало беспокойство Великого Князя Владимирского Всеволода Юрьевича. Он вынудил Великого Князя Рюрика Ростиславича уступить эти пять городов во Владимирское владение. Р.М. вступил в тайный союз с претендовавшим на Киев Черниговским князем Ярославом Всеволодовичем. Князь Рюрик Ростиславич узнал об этом и объявил зятю войну. Однако Р.М. в поиске помощи ушел к своим польским родственникам, а после войны примирился с Рюриком Ростиславичем, который предоставил бывшему зятю в держание небольшую волость на Киевщине (1195). В Малой Польше Р.М. оказывал помощь малолетним сыновьям умершего малопольского князя Казимира Справедливого в споре за Краков, на который претендовал их дядя Мешко Старый. Сражение не принесло решающего успеха ни одной из сторон (серьезно были ранены и сам Роман, и его главный противник Мешко Старый), однако помощь Романа все-таки помогла Казимировичам избежать разгрома и отразить притязания дяди. В 1196 Р.М. выступил на стороне Черниговского князя, претендовавшего на Киев, и приказал своим людям разорять земли Князя Рюрика Ростиславича, который в ответ организовал нападение войск князей Владимира Галицкого, Мстислава Романовича и Ростислава Рюриковича на Волынь, одновременно он с Великим Князем Всеволодом Юрьевичем и Смоленским князем Давыдом заняли черниговское княжество и, хотя и не преодолели обороны Чернигова и засек на северо-востоке княжества, добились от Ольговичей клятвы отказаться от претензий на Киев и Смоленск. В 1200 умер Владимир Ярославич Галицкий, не имевший законнорожденных сыновей. Некоторые бояре хотели пригласить на княжение сыновей Игоря Святославича Черниговского, внуков Ярослава Осмомысла по матери. Однако Р.М. подступил к Галичу при поддержке польских войск и заставил принять его на княжение, и таким образом объединил в своей власти две крупные области Руси — Волынь и Галич. Рюрик Ростиславич вступил в союз с Ольговичами и стал готовить поход на Галич (1201). Р.М. опередил его, неожиданно появившись на Киевщине во главе волынских и галицких полков, заставил Рюрика Ростиславича

оставить Киевский престол, на который посадил своего двоюродного брата Ингвара Ярославича. Владимиро-Суздальский летописец утверждает, что в посажении Ингвара принимал участие Великий Князь Всеволод Юрьевич. В 1203 Рюрик Ростиславич в союзе с Ольговичами и половцами взял Киев, союзники подвергли город жесточайшему разграблению. Р.М. вначале заключил мир с Князем Рюриком Ростиславичем и согласился на его возвращение в Киев, удовлетворившись его клятвенным отречением от Ольговичей и от половцев. Но после очередного похода на половцев он заставил Рюрика постричься в монахи вместе с женой Анной и дочерью Предславой (бывшей женой Р.М.). Двух сыновей Рюрика Ростиславича Р.М. заключил в плен в Галиче, но по внушению Всеволода Юрьевича отпустил их; старший, Ростислав Рюрикович, женатый на дочери Всеволода, стал Киевским Князем. Р.М. давал отпор набегам кочевников и других племен, угрожавшим его княжеству. Он предпринимал карательные походы в земли ятвягов (1196), литовцев и др., совершал победоносные походы в половецкую землю, которые привели к временному прекращению половецких вторжений на Русь и в пределы Ромейской Империи (1201–1204). В 1201 принимал у себя бежавшего из Ромейского Царства Императора Алексея Ангела. Могущество Галицкого Князя признавали как Ромейская Империя, так и Польша, Венгрия, а папа римский Иннокентий III предложил Р.М. короноваться из его рук русским королем, при условии перехода в католичество (1204). Р.М. отклонил это предложение, заявив послам, что не нуждается в мече св. Петра, добывая себе города и земли кровью с помощью собственного. Чтобы укрепить свое влияние в Малой Польше и продвинуться в Саксонию, Р.М. в 1205 пошел на защиту князя Лешка против князя Владислава Тонконового, но враги успели помириться. Р.М. стал требовать у Лешка, ставшего наследственным князем Кракова, волостей в награду за услуги, на что Лешко не согласился. Тогда Роман осадил Люблин. Потом, услышав, что Лешко с братом Кондратом идут против него, оставил осаду и двинулся к ним навстречу; перейдя Вислу, он расположился станом под Завихостом, куда прибыли к нему послы от Лешка. Решено было прекратить военные действия до окончания переговоров. Роман, надеясь на это, с малою дружиною отъехал от стана на охоту, но тут в засаде ждал его польский отряд, и Роман после мужественного сопротивления погиб на месте с дружиною. Р.М. был похоронен в Галиче, в церкви Успения Богородицы. В.Н. Татищев сообщал о проекте политическо-

го переустройства всех русских земель, составленном Р.М. По его замыслу, Киевский Князь должен был «землю Русскую отовсюду оборонять, а в братии, князьях русских, добрый порядок содержать, дабы един другого не мог обидеть и на чужие области наезжать и разорять». Р.М. обвиняет младших князей, пытающихся захватить Киев, не имея сил для обороны, и тех князей, которые «приводят поганых половцев». Затем излагался порядок выборов Киевского Князя в случае смерти его предшественника. Выбирать должны были шестеро князей: Владимирский, Черниговский, Галицкий, Смоленский, Полоцкий, Рязанский; «младших же князей к тому избранию не потребно». Сам В.Н. Татищев первым отметил, что проект Р.М. напоминает строй Священной Римской империи. Шесть крупнейших княжеств: Владимирское, Черниговское, Галицкое, Смоленское, Полоцкое и Рязанское — должны были передаваться по наследству старшему сыну и не дробиться на части, «чтобы Русская земля в силе не умалаялась». Во внутренней политике Р.М. старался ограничивать власть представителей старых галичских боярских родов, которых летописец называл мятежными; он опирался на союз с «лепшими людьми» (городскими верхами). При Р.М. продолжало развиваться каменное строительство. Сохранилась каменная Пантелеимоновская церковь, которую основал Великий Князь в Древнем Галиче в честь своего деда, святого Великого Князя Киевского Изяслава Мстиславича. По рассказу В.Н. Татищева, древний автор описал Князя так: «...ростом был хотя не весьма велик, но широк и надмерно силен; лицом красен, очи черные; нос великий с горбом, власы черны и коротки; вельми яр был во гневе; косен языком, когда осердится, не мог долго слова выговорить; много веселился с вельможи, но пиан никогда не был. Много жен любил, но ни едина им владела. Воин был храбрый и хитр на устроение полков, наипаче же показал, когда венгров великое войско с малым своим разбил. Всю жизнь свою в войнах препровождал, многие победы получил, а единою побежден был. Того ради всем окрестным был страшен...» Другая летопись о Князе сообщала: «Он победил все языческие народы мудростью своего ума, следуя заповедям Божиим: устремлялся на поганых, как лев, свиреп был, как рысь, истреблял их, как крокодил, проходил их землю, как орел, храбр был, как тур, следовал деду своему Мономаху, который погубил поганых измаильтян, называемых половцами...» Доблесть Р.М. отметил русский святой праведный Иоанн Кронштадтский в слове к интеллигенции, где он поставил Великого Галицкого Князя в ряд благовер-

ных ратников земли Русской и поборников веры Православной — Александра Невского, Михаила Тверского и Михаила Черниговского.

Ростислав Мстиславич (в крещении Михаил, ок. 1108–1167) — святой (память 14/27 марта, в Соборах Белорусских и Смоленских святых), благоверный князь, первый Смоленский князь (1127–1160), Новгородский (1154), Великий Князь Киевский (1154, 1159–1167), сын святого благоверного Великого Князя Мстислава и Великой Княгини Христины (урожд. принцессы Шведской, дочери короля Швеции Инге Старшего), внук святого благоверного Великого Князя Владимира Всеволодовича Мономаха. Отец святого благоверного князя Новгородского Мстислава Ростиславича Храброго и благоверного Великого Князя Киевского Рюрика Ростиславича. В 1125, по воцелствовании отца на Киевский престол, получил в удел Смоленск. В 1127 участвовал в походе против Полоцких князей. В 1130 воевал с чудью. В 1139 новый Великий Князь Всеволод Ольгович пытался изгнать Р.М. и князя Владимир-Волынского Изяслава Мстиславича из их уделов, но вскоре был вынужден с ними примириться. В 1142 Р.М. военной силой успешно поддержал своего дядю Вячеслава Владимировича против братьев Всеволода Ольговича Игоря и Святослава. В 1144 и 1146 помогал Великому Князю Всеволоду Ольговичу в борьбе с Галицким князем Владимиром Володарьевичем. Р.М. был верным союзником старшего брата Изяслава Мстиславича, который стал в 1146 Великим Князем Киевским, вместе с ним воевал против Суздальского Князя Юрия Владимировича Долгорукого, особенно активно в 1147–1151. По приказанию брата отвоевал у дяди, князя Туровского Вячеслава Владимировича, его удел. Укреплял политическое влияние своего княжества, под влияние которого попало Рязанское княжество (1147, 1155). Вел боевые действия против князей Давыдовичей, поддерживающих Князя Юрия Долгорукого. В 1148 примирил брата Изяслава Мстиславича с Ольговичами и Давыдовичами, хотя противостояние с Суздальским Князем Юрием Владимировичем Долгоруким продолжалось. В 1149 Изяслав и Р.М. были разбиты Юрием и удалились в свои бывшие уделы. В 1151 Изяслав вернулся на Киевский престол. Р.М. вместе с Вячеславом Владимировичем, Святославом Ольговичем и Владимиром Давыдовичем нанес поражение Юрию Долгорукому в битве на р. Рут. В 1152–1154 междоусобица с Князем Юрием продолжалась, и Р.М. принимал в ней активное участие. В 1154 новгородцы изгнали сына Изяслава Мстиславича Ярослава и пригласили Р.М. По смерти Великого Князя Изяслава Мстиславича

Р.М. был приглашен Вячеславом Владимировичем к соправительству в Киеве (1154), но по кончине Великого Князя Вячеслава ему пришлось покинуть Киевский престол, так как на него имели право Черниговский князь Изяслав Давыдович и Суздальский Юрий Владимирович (1155). Суздальский Князь повел свои войска через Смоленскую землю, и Р.М. должен был выступить ему навстречу, но уступил дяде, заключив мирное соглашение, чем вызвал недовольство Мстислава Изяславича, который был готов поддержать его. Позже Р.М. объединился с князем Черниговским Изяславом Давыдовичем и князем Владимир-Волынским Мстиславом Изяславичем, противостоявшими Великому Князю Юрию Владимировичу. В 1156 Смоленскому князю подчинился Святослав Владимирович Вщижский, племянник Изяслава. После смерти Великого Князя Юрия Владимировича и изгнания Изяслава Давыдовича с Киевского Княжения Волынский князь Мстислав и Галицкий Ярослав Осмомысл Изяславичи, а также князь Дорогобужский Владимир Андреевич предложили Р.М. занять Киевский престол. Однако он захотел сесть на отчий престол самостоятельно и послал предварительно в Киев двух земских послов: от смолян Ивана Ручечника, от новгородцев Якуна, чтобы испытать добровольное желание киевлян видеть его своим Князем; после получения вечевого согласия произошло его вокняжение (1159). Мстиславу Волынскому Р.М. выделил из своих владений Белгород, Торческ и Треполь. Изяслав Давыдович попытался вернуть себе Киев, но погиб (1161). На Киевском Княжении Р.М. вел мирную политику, стараясь привести к согласию конфликтующие стороны. Заботился о безопасности Киева и следил за внутренним порядком. В 1159 Р.М. послал войско освободить Олешье в низовьях Днепра, захваченный вольницей так называемых берладников. Ограждал свои княжества от набегов половцев. Он защитил союзников киевлян, черных клобуков, от их набегов, послав карательные войска (1162). В 1163 Р.М. заключил с половецкими ханами союз, женив своего сына Рюрика на дочери половецкого хана Блука. В 1165 он фактически присоединил к Смоленскому княжеству Витебск, куда посадил своего сына Давыда Ростиславича. Витебский князь Роман получил в управление два смоленских города. С 1157 сын Р.М. Святослав княжил в Новгороде. В 1167 некоторые новгородцы стали составлять заговор против него, и Р.М. решился отправиться в Новгород, чтобы примирить своего сына с недовольными. В пути он занемог и потому послал сказать к сыну в Новгород, чтобы тот явился в Великие Луки вместе со знат-

ными новгородцами. Р.М. удалось уговорить послов примириться с сыном и держаться союза со смолянами. На обратном пути, в Смоленске, Ростислав почувствовал себя еще хуже, но, желая во что бы то ни стало умереть в Киеве, продолжал путь. Ростислав умер в с. Зарубе, а его тело было привезено в Киев и похоронено в киевском монастыре св. Феодора. Отличался благочестием и заботой о Церкви. Р.М. учредил Смоленскую епархию, по его просьбе митрополит Никита поставил в Смоленске епископа Мануила (1136). В Киевское Княжение Р.М. попытался поставить русского владыку на митрополичью кафедру. Вместо поставленного в Константинополе митрополита Иоанна он предлагал прежде отвергаемого им ставленника, покойного Изяслава Мстиславича митрополита Климента Смолятича. Признал греческого митрополита, вняв уговорам посла Императора Мануила I, но добился на будущее от патриарха Константинопольского, чтобы русских митрополитов ставили по согласованию с Великим Князем. Р.М. стремился к решению политических проблем мирным путем, был хорошим организатором. Вся суть его княжения заключалась в том, что он «устроил» Смоленское княжество и умирал Русскую землю во время своего Великого Княжения. Во внутренней политике Р.М. старался опираться на общинное управление, которое было очень сильно до него. В 1137 Ростислав провел перепись всех земель и угодий, городов и сел, чтобы определить состояние промыслов и торговли и равномерно, в соответствии с доходами, распределить облагаемую дань. По итогам переписи Князь дал Смоленской епископии «Уставную грамоту» (1150), по которой был учрежден порядок владения Церковью землей и выплаты ей десятины. Р.М. много заботился о собирании и списывании книг и рукописей. В Смоленске и в других городах в его время появились книгохранилища. Почитался в лике святых местно. Прославлен общецерковно в 1984.

Рюрик Ростиславич (в крещении Василий, ?–1214?) – благоверный князь Овручский (1157–?, 1173–1194), Торческий (1160-е), Новгородский (1170–1171), Великий Князь Киевский (1173, 1181, 1194–1201, 1203–1204, 1205–1206, 1207–1210), Черниговский (1210?–1214?). Сын святого благоверного Великого Князя Ростислава Мстиславича, брат святого благоверного князя Мстислава Ростиславича Храброго. Как князь Овручский, вместе со смоленским войском участвовал в походе Великого Князя Изяслава Давыдовича на Туров (1157). Выполнял воинские поручения отца: ходил на помощь князю Полоцкому Рогволоду Борисовичу против князя Минского Ростисла-

ва Глебовича и к князю Черниговскому Святославу Ольговичу против Великого Князя Киевского Изяслава Давыдовича и половцев (1159). Около 1160 Р.Р. держал Поросье. В 1167 участвовал в приглашении на Киевское княжение Мстислава Изяславича и по его зову ходил на половцев, но в следующем году участвовал в походе против него Великого Князя Андрея Боголюбского, который разгромил Киев. На новгородском княжении отнял посадничество у знатного новгородского боярина Жирослава (1171), чем вызвал неудовольствие остального боярства и был вынужден покинуть Новгородскую землю. В 1173 князья Ростиславичи (Давыд, Рюрик и Мстислав Храбрый), обвиненные Великим Князем Андреем в том, что их бояре отравили его брата, Великого Князя Киевского Глеба Юрьевича, захватили Киев, где сел Р.Р. Князь Андрей послал большое войско против Ростиславичей, которые отсиделись в надежных крепостях: Вышгороде и Белгороде. Р.Р. недолго оставался в Киевской земле, владея Белгородом и Овручем, а потом ушел в Новгород. Новгородцы все же упростили Р.Р. удалиться, чтобы не ссориться с Великим Князем Владимирским (1174). Вновь овладел Киевом в 1180 после того, как князь Святослав Всеволодович неудачно попытался захватить его брата Давыда Ростиславича на охоте, а затем спешно отступил за Днепр, в Чернигов. Успешно сражался с Ольговичами (князьями Святославом Всеволодовичем, его братом Ярославом и Игорем Святославичем), которым пришли на помощь союзные половцы, возглавляемые Кончаком и Кобяком. Р.Р. все же восстановил великокняжескую честь Святослава Всеволодовича, уважая его старшинство: он, по словам летописца, «возлюбил мир паче ратных и пожити хотя в братолюбьи» и взял «всю Русскую землю», т.е. остальные города Киевской земли (Белгород, Овруч, Вышгород). Впоследствии Р.Р. действовал вместе с князем Святославом и против половцев (битва на р. Орели, битва на р. Хороле). Для понимания взаимоотношений Р.Р. с другими русскими князьями немаловажное значение имело то, что в 1183 он выдал свою дочь за Глеба — сына Святослава Всеволодовича. Будучи сватами, Р.Р. и Святослав Всеволодович в течение 13 лет (1181–1194) являлись соправителями на Великокняжеском престоле, определяя политику всей Руси. Р.Р. выдал свою дочь Предславу за Волынского князя Романа Мстиславича и пытался ему помочь преодолеть экспансию венгерского влияния в Галицкой земле, но не смог добыть зятю Галицкий престол. Великий Князь Святослав предложил Р.Р. самому овладеть Галичем и обещал военную помощь, отчего тот отказался.

Зато Р.Р. удалось уговорить младшего брата, князя Романа Всеволода Мстиславича миром вернуть старшему брату Владимир-Волынский. После смерти Великого Князя Святослава Р.Р. стал единовластным Киевским Князем, церемонию его восшествия на престол в Софийском соборе возглавлял митрополит Киевский и всея Руси Никифор. Став Великим Князем, старался жить в мире с Князем Владимирским Всеволодом Юрьевичем, которого считал старшим, что позволило на некоторое время избежать усобиц на Юге Руси. В 1195 Великий Князь Всеволод потребовал у Р.Р. обещанные ранее Роману города в Поросье себе, а затем уступил один из них своему зятю, сыну Р.Р., из-за чего князь Роман Мстиславич посчитал себя обманутым Р.Р. В 1196 бывшие союзники Р.Р. Ольговичи вместе с полочанами повели поход в Смоленскую землю князя Романа, в ответ он приказал своим людям разорять земли Р.Р., который усмирил его, организовав нападение войск князя Галицкого Владимира и Мстислава Романовича на волынский Перемиль, а войск Ростислава Рюриковича — на Каменец. После смерти князя Владимира князь Роман занял Галич (1199). Р.Р. хотел пойти походом на Галич, но князь Роман первым напал на Киев во главе галицких и волынских полков и при поддержке черных клобуков и киевлян изгнал Р.Р., посадив двоюродного брата, князя Луцкого Ингваря Ярославича, в чем была и воля Великого Князя Владимирского Всеволода Юрьевича (1201). Черниговские князья и половцы помогли Р.Р. вернуть город, который он отдал половцам в качестве платы за помощь на жестокое разгромление. Р.Р. ушел из сожженного и разграбленного города в Овруч, где его осадил князь Роман, отрезав от союзников и настояв на возвращении на Киевское княжение после клятвенного отречения от сношения с Ольговичами и половцами. Р.Р. целовал крест ему, Великому Князю Всеволоду и детям его (таким образом, он отказался от старшинства в пользу рода Владимирского Князя). После удачного похода русских князей на половцев организатор его, князь Галицкий Роман Мстиславич, обсуждая раздел волостей, обвинил Р.Р. в нарушении договора и, взяв под стражу, отправил в Киев, велел там постричь его в монахи вместе с женой Анной и дочерью Предславой, бывшей женой князя Романа. Двух сыновей Р.Р. Роман вначале увел как пленников в Галич, но по настоянию Великого Князя Всеволода отпустил их, и Ростислав Рюрикович, зять Князя Всеволода, вокняжился в Киеве. После гибели князя Романа (1205) Р.Р. объявил себя Великим Князем Киевским вместо сына (жена Р.Р. отказалась оставлять иноческий об-

раз, наложенный на нее насильно, и постриглась в схиму). Р.Р. присоединился к союзному войску черниговцев, смолян и половцев, возглавляемому князем Черниговским Всеволодом Святославичем. Поход ничем не закончился: галичане при поддержке венгерского короля и Великого Князя Всеволода отстояли город. Но в сложной ситуации без княжеского управления они призвали, в итоге, князя Новгород-Северского Владимира Игоревича, родственника князя Всеволода Чермного, который, воспользовавшись ситуацией, напал на Р.Р. и сам сел в Киеве (1206). Р.Р. удалось вернуть город, но в 1207 Князь Всеволод Чермный, в союзе с другими князьями-родственниками опять занял Киевскую волость, как говорит летописец, наделав много зла Русской земле через своих союзников-половцев. Противостояние продолжалось до 1210, когда Великий Князь Владимирский определил сидеть Князю Всеволоду Чермному в Киеве, а Р.Р. в Чернигове. Скорее всего, Р.Р. умер в Киеве, добровольно согласившись на это решение, желая мира. Р.Р. успешно воевал в кампаниях русских князей против иноплеменников. В частности, в 1183 вместе с Великим Князем Святославом наголову разбил половцев и способствовал установлению спокойствия на границах Южной Руси, чем снискал любовь «крестьян и поганных». В 1203 Р.Р. принял участие в большом походе Южно-Русских князей на половцев, организованном князем Галицким Романом Великим. Считается, что в 1180–1190-е при дворе Р.Р. в Киеве (возможно, игуменом Выдубицкого монастыря Моисеем) составлялся летописный свод, который вошел в состав Ипатьевской летописи. Летописец называет Князя «благоверным и христолюбивым» за его любовь к Церкви и обильную жертву на храмы и монастыри. При Р.Р. был личный строитель Петр Милонег, который и руководил обширным храмоздательством Князя в разных, подчиненных ему городах (Киев, Овруч, Белгород, Чернигов и др.). Из личностных качеств Князя летописцем были названы воздержанность и целомудрие.

С

Святополк Изяславич (в крещении Михаил, 1050–1113) – благоверный князь Полоцкий (1069–1071), Новгородский (1078–1088), Туровский (1088–1093), Великий Князь Киевский (1093–1113). Сын Великого Князя Киевского Изяслава Ярославича и Олисы (по граффити в Софии Киевской, возможно, гречанка) или польской ко-

ролевы Гертруды, дочери Мешко II. Его первой женой была дочь Ромейского Императора Алексея I Комнина, царевна Варвара. В 1069 отец выгнал из Полоцка князя Всеслава Брячиславича, посадил там старшего сына князя Мстислава, а после его смерти – С.И., которому пришлось уйти, так как князь Всеслав снова вернул свой удел (1071). Ушел вместе с отцом в изгнание за пределы Руси (1073–1077). По возвращении предпринял вместе с двоюродным братом, князем Владимиром Мономахом, поход против князя Полоцкого Всеслава и после смерти князя Глеба Святославича (1078) был посажен отцом в Новгороде. В 1088 перешел княжить в Туров. Уже после возвращения своего отца в Киев С.И. получил Новгород и вместе с князем Владимиром Мономахом ходил к Полоцку и сжег его посады (1078). По смерти Великого Князя Всеволода Ярославича его сын, князь Владимир Мономах, пригласил в Киев Святополка из Турова, как самого старшего из всех внуков Ярослава Мудрого (1093). Как сообщает летописец, киевляне вышли навстречу новому Князю и приняли его с радостью. Великого Князя сразу по восшествии одолели половцы, которые нанесли ему поражения у Треполя и на Желани и опустошили страну (1094). С.И. заключил с ними невыгодный мир и взял в жены дочь Тугоркана, хана половецкого. Вместе с князем Владимиром Мономахом ходил на князя Черниговского Олега Святославича, который, в итоге, бежал из Черниговской земли (1096). В новое нашествие степняков на Киев под водительством хана Боняка с участием Тугоркана, тестя С.И., благодаря совместным действиям С.И. и князя Владимира Мономаха и умелой стратегии последнего половцы понесли поражение, были убиты хан Тугоркан, его сын и многие другие ханы. Труп Тугоркана С.И. похоронил в Берестове. Несмотря на это, хан Боняк совершил набег на Киев, пожег всю низину и предгорье, разграбил киевские монастыри. По совету князя Владимира, С.И. созвал в Любече съезд русских князей для установления мира и объединения для отпора половцам (1097). На этом же съезде было принято судьбоносное для дальнейшей истории Руси решение держаться каждому князю своей вотчины, а не искать чужого удела. После съезда князь Волынский Давыд Игоревич по наущению каких-то мужей оговорил перед Великим Князем князя Василька Ростиславича в совместном заговоре с князем Владимиром Мономахом против него и самого С.И. Князь Давыд намекал о косвенной вине князей Ростиславичей в убийстве брата С.И., благоверного князя Ярополка Изяславича, и С.И. разрешил ему наказать князя Василька, кото-

рый был ослеплен. Князь Владимир Мономах, а также Давыд и Олег Святославичи объединились, чтобы заступиться за князя Василька. После съезда в Уветичах и заключения мира князья пошли в поход на С.И., чем вынудили его пойти войной на Владимир-Волынский и изгнать оттуда князя Давыда (1099). С.И. ходил и в Галицкую землю, желая отнять у князей Володаря и Василька Ростиславичей бывший удел своего брата, но потерпел поражение. Конец войне положил Витичевский съезд князей (1100), на котором судили князя Давыда и окончательно закрепили положение Любечского съезда: за князьями Ростиславичами были закреплены перемышльские и теребовльские земли; князю Давыду определили удел, которым позже стал Дорогобуж; во Владимире-Волынском сел сын С.И., князь Ярослав. В 1101 С.И. вынужден был идти походом на своего племянника, князя Ярослава Ярополчича. В 1102 С.И. заключил с Владимиром Мономахом договор, по которому их сыновья должны были поменяться уделами (Владимиром-Волынским и Новгородом). В 1104 организовал поход Южно-Русских князей под командой своего воеводы Путяты против князя Минского Глеба Всеславича. С.И. старался укрепить Русь не только устранением внутренних смут, но и активными внешними действиями за ее пределами. Путем династических браков он установил добрососедские связи с венгерским и польским королями. Совместно с другими русскими князьями преодолевал самую главную проблему внешней политики того времени — постоянные набеги коварных степных кочевников; кроме большого похода на половцев в 1097, были и другие. Съезд русских князей заключил на р. Золотче мир с половецкими князьями (1101). На съезде князей близ о. Долобских по настоянию благоверного князя Владимира было решено снова совершить общерусский поход на половцев (1103). Позже С.И. закреплял эти победы в других союзных походах в глубь половецких степей (1106, 1107, 1110, 1111). Во внутренней политике Великий Князь отличался мягкостью и мало участвовал в общинной жизни своего народа, отчего в его администрации развились некоторые злоупотребления. Приближенные С.И. вели спекуляцию солью, при нем развилось еврейское ростовничество, все это вызывало смуты в киевской общине, которые особенно сильно выразились после его смерти (1113). Святополк умер на Светлой неделе. «Повесть временных лет» описала его кончину: «А скончался благоверный Князь Михаил, которого звали Святополком, привезли его в ладье в Киев, и привели в надлежащий вид тело его, и возложили на сани. И плакали

по нему бояре и дружина его вся; отпев над ним полагающиеся песни, похоронили в церкви святого Михаила, которую он сам построил». С.И. был щедрым жертвователем на нужды храмов и монастырей, выступал и как градо- и храмоздатель. После очередного (совместного с благоверным князем Владимиром Мономахом, 1095) удачного похода против половцев С.И. основал на Днепре город-крепость Новгород-Святополч. Упомянутая церковь Архангела Михаила была заложена им в благодарность Богу и своему небесному покровителю за благодатный исход других своих битв. Купол церкви был позлащен, что было большой редкостью в то время, отчего и монастырь, в котором возвели храм, получил название Михайловского Златоверхого (1108). В.Н. Татищев приводит такую характеристику С.И.: «Сей князь великий был ростом высок, сух, волосы чермноваты и прями, борода долгая, зрение острое. Читатель был книг и вельми памятен, за много бо лета бывшее мог сказать, яко написанное. Болезней же ради мало ел и весьма редко и то по нужде для других упивался. К войне не был охотник, и хотя на кого скоро осердился, но скоро и забывал». С.И. был очень благочестив: отправляясь и возвращаясь из походов, всегда заезжал в Киево-Печерский монастырь поклониться гробу преподобного Феодосия Печерского и принять благословение у игумена.

Святослав Всеволодович (в крещении Гавриил, 1196–1252) — святой (память 16 февраля), благоверный князь Новгородский (1199–1205, 1207–1210), Юрьев-Польской (1213–1228, 1248–1252), Переяславский (1228–1238), Суздальский (1238–1246), Великий Князь Владимирский (1246–1248). Сын Великого Князя Владимиро-Суздальского Всеволода Юрьевича Большое Гнездо и благоверной Великой Княгини Марии Шварновны (в иночестве Марфы), княжны чешской (по другой версии, осетинской), брат благоверных князей Константина, Юрия, Владимира и Ярослава Всеволодовичей. Родоначальник Юрьев-Польских князей. Его супругой была княгиня Евдокия, дочь благоверных князя Муромского Петра (Давыда) Юрьевича и Княгини Февронии (Евдокия с согласия мужа в 1228 приняла монашество). Отец святого (по старинным святцам) благоверного Князя Дмитрия, принявшего схиму от святителя Игнатия Ростовского. Мать, блаженная княгиня Мария, славилась добродетельным житием, кротостью и мудростью, делала обильные вклады в храмы и обители Владимирской земли; страдая тяжким недугом много лет, показыва-

ла пример терпения и благодарения Бога своим сыновьям, которых воспитывала в благочестии, перед смертью завещая им жить в любви к Богу и людям, быть трезвыми, приветливыми и особенно уважать старцев. Жизнь С.В. тоже была полна испытаний и лишений. Уже в три года он по традиции прошел обряд посвящения в княжеский образ и отправлен отцом по просьбе новгородского веча на княжение в Новгород, где был сменен старшим братом, Князем Константином в 1206 и снова возвращен в Новгород в 1208. В 1210 Торжок (новгородское владение) был занят князем Торопецким Мстиславом Удатным, который, возможно, был приглашен туда частью новгородцев, которые заперли С.В. в архиепископском доме и торжественно приняли в Новгороде князя Мстислава. Великий Князь Всеволод послал к Торжку, куда снова ушел князь Мстислав, большую рать во главе с сыновьями, князьями Константином и Ярославом, после чего С.В. был отпущен, присоединился к братьям в Твери и оттуда вместе с ними прибыл во Владимир, где и оставался до самой смерти отца (1212), который незадолго до кончины дал в удел С.В. Юрьев-Польской и Городец (Радилов). В дальнейшем С.В., как младший брат, был послушником Князя Юрия Всеволодовича, выполняя различные его поручения. Так, он участвовал в противостоянии городов Северо-Западной Руси, войска которых возглавлял благоверный Великий Князь Владимирский Юрий Всеволодович, и южно-русских городов, на стороне которых выступали благоверный князь Мстислав Удатный, защищавший новгородцев, и благоверный князь Ростовский Константин Всеволодович. Против него С.В. с Князем Юрием ходили в поход, закончившийся миром (1213). Ходил к Новому Торгу на помощь брату, князю Ярославу, изгнанному из Новгорода, который занял князь Мстислав, и осадил Торжок. Участвовал в судьбоносной для дальнейшей истории Руси Липицкой битве, в которой разделил участь поражения с Князем Юрием, потерявшим вследствие этого Великокняжеский престол, но снова занявшим его после смерти Великого Князя Владимирского Константина (1220). Держал по повелению брата Переяславль-Русский (1228). Участвовал в Ситской битве против татаро-монголов, был свидетелем гибели брата, Великого Князя Юрия, и погребал его во Владимире (1238). От другого старшего брата, севшего на престол разоренного татарами Владимира, Князя Ярослава Всеволодовича, получил Суздаль и Ростов. Сопровождал Великого Князя в Орду, откуда вернулся лишь через год (1245). После смерти Князя Ярослава, происшедшей по пути из Каракорума

(1246), по праву старшего в роду получил ханский ярлык на Великое Княжение, раздав племянникам города, завещанные Князем Ярославом. Наделение семерых наследников уделами означало дробление старой владимирско-переяславской территории на ряд более мелких владений, что не устраивало многих. В итоге попыток иного раздела земель на Владимирском столе С.В. сместил князь Московский Михаил Ярославич Хоробрит, который вскоре погиб в бою с литовцами на р. Протве (1248). Святослав Всеволодич уже до самой смерти не смог вернуть себе Великокняжеский стол, так как после Князя Михаила его занял по завещанию Князя Ярослава Всеволодовича и по воле ханов Князь Андрей Ярославич. На подтверждение владения Юрьевом-Польским С.В. ездил с сыном Дмитрием в Орду и был там хорошо принят (1250). Как подручный старших братьев-князей, активно участвовал во внешних военных походах Руси. В 1220 владимирские, ростовские и переяславские полки под предводительством С.В., а также дружины двух Муромских князей обрушились на болгарский Ошель. Напуганные разгромом Ошеля, болгары в том же году прислали посольство к Великому Князю Юрию, «молящиеся и мира просяще». С.В. ходил во главе владимирского войска по повелению Князя Юрия, чтобы отомстить немецким рыцарям за разорение новгородских земель. 12-тысячное русское войско в союзе с литовцами вторглось на территорию Ливонского ордена и разорило окрестности Вендена (1222). Вместе с братом, князем Стародубским Иваном, был послан Князем Юрием во главе владимирского войска на подавление мордвы, восставшей против построенного на их землях пять лет назад Нижнего Новгорода (1226). В 1248 отомстил литовцам, убившим князя Михаила Ярославича Хоробрита, разбив их у Зубцова. С.В. прославился как боголюбивый и благодетельный князь. Об основном своем уделе — Юрьеве-Польском — он очень заботился, и его взаимно любили. Там он основал мужской княжеч монастырь в честь Архангела Михаила. В 1230 С.В. разрушил старый собор святого великомученика Георгия, поставленный Великим Князем Юрием Долгоруким, основателем Юрьева-Польского, а на его месте воздвиг новую церковь, «чудну зело, вельми украси ю резным камнем от подошвы и до верху святых лики и праздники, а сам бе мастер» (1234). До сегодняшнего дня в соборе сохранился белокаменный крест, который чтился местным причтом и населением как чудотворный и назывался «Святославов». Этот крест князь высек из камня в память о своем чудесном избавлении от потопления на р. Волге (1224). По-

следние дни своей жизни святой князь прожил богоугодно, в посте и молитве, чистоте и покаянии. Тело его было положено в созданном им Георгиевском соборе. Над его мощами случались чудеса исцеления. Они были обретены в 1991 и положены в Свято-Покровском храме Юрьева-Польского, «идеже и до ныне лежат Богом блюдомы и исцеления дар с верою приходящи подают». С. 325, 627.

Серапион (?–1275) — святитель (память 29 июня / 12 июля и в Соборе Владимирских святых), епископ Владимирский Серапион, русский духовный писатель. Известно, что он был игуменом (архимандритом) Киево-Печерского монастыря. Участвовал в Соборе епископов во Владимире (1274), который при Великом Князе Владимирском Василии Ярославиче созвал митрополит Киевский и всея Руси Кирилл для искоренения различных нестроений и злоупотреблений обширной митрополии, ставших причиной духовного упадка Руси. Русские епископы приняли к обязательному общецерковному употреблению славянский список Кормчей, который был прислан деспотом Болгарским Иаковом Святославом. На Соборе митрополит Кирилл поставил С. епископом Владимира, Суздаля и Нижнего Новгорода, так как он был известен как образованный и умелый проповедник. Летопись свидетельствовала, что С. «Бе же зело учителен и силен в Божественном Писании». Именем С. надписаны пять «Слов», четыре из которых находятся в одном из древнейших четьих сборников XIV в. — «Златой чепи». В своих «Словах» С. показывал тяготы монголо-татарского ига, которые русский народ понес за свое духовное обнищание и возврат к языческим обычаям, и выражал надежду на освобождение Руси, связанное с деятельным покаянием ее людей, очищением от языческих страстей и укреплением в Православии. Его считают также автором «Поучения к попам», входящим в состав кормчих книг вместе с постановлениями Собора. Простота не мешает речи С. быть образной, поэтичной и исполненной силы и одушевления. С. был не столько назидательным проповедником, сколько сумел откликнуться на боль народа, укрепить его силы в духовной борьбе. Поэтому память народная о нем сохранялась до XIX в., ему поклонялись как одному из заступников в тяжелые жизненные времена. С. был поистине добрый пастырь и, хотя епископствовал на Владимирской кафедре всего один год, много пользы принес своим чадам. С. скончался в глубокой старости. Погребли его в кафедральном Успенском соборе Владимира, где гробница его пребывает и по

сей день. В надписаниях его «слов» он называется «святым, преподобным и блаженным». В рукописных святцах он также поставлен в числе святых.

Симон (?–1226) — святитель (память 27 апреля / 10 мая и в Соборе преподобных отцов Киево-Печерских Ближних пещер), первый епископ Владимирский и Суздальский (1215–1226), духовный писатель. Был монахом Печерского монастыря в Киеве, потом игуменом Владимирского Рождественского монастыря, откуда и был поставлен епископом. Инициатива организации кафедры принадлежала благоверному Великому Князю Владимирскому *Юрию Всеволодовичу*, который желал, чтобы из разросшейся Ростовской епархии была выделена еще одна, соответствующая территориально границам великокняжеского удела (Суздальская, Владимирская, Юрьевская и Тарусская). С. известен как автор восьми повестей о печерских иноках, адресованных другу, печерскому иноку Поликарпу; Послания к нему же; Повести об основании Печерской обители и др. С. пользовался материалами огромной библиотеки благоверного Великого Князя Константина Всеволодовича, и его сведения крайне ценны и деталями, имеющимися в описании духовной жизни печерских иноков, и фактическим историческим материалом. Накануне смерти С. принял схиму. Был погребен во Владимирском Успенском соборе. День памяти святителя, по косвенным данным, был установлен не позднее XVII в. В 1882–1884, во время реставрации собора, было произведено восстановление надгробной плиты на гробнице святителя. Во время этих работ через отверстие в плите были видны его святые останки. В летописи святой назван «учительным и милостивым».

Спиридон (?–1249) — архиепископ Новгородский и Псковский (1230). Был иноком Юрьева монастыря Новгорода, служил в сане иеродиакона. При жизни тяжело болевшего Новгородского архиепископа Антония, удалившегося от дел, С. по жребию был избран на Новгородскую кафедру. Митрополит Киевский Кирилл II руположил его в иеромонаха, а через полгода совершил над ним хиротонию во епископа Новгородского и Псковского с возведением в сан архиепископа (1230). По прибытии из Киева С. совершил постриг над Княжичем Ростиславом Михайловичем, сыном мученика, благоверного князя Черниговского Михаила Всеволодовича, в знак того, что Новгородское княжение переходило от отца к юному сыну, — один из первых зафиксированных случаев такого обряда, совершенного над

Новгородским князем. Время святительства С. началось тяжелыми бедствиями и испытаниями для новгородцев. Население вымирало от частых бед: землетрясение, неурожаи, голод, пожары. Святитель всеми силами старался помогать бедствующим: и материальной помощью, и молитвой. С. оплакивал кончину юного князя Феодора, старшего сына Новгородского князя Ярослава, погребая его в обители св. Георгия (1234), а потом в той же обители хоронил и благочестивую мать князя Феодора Феодосию, в инокинях Евфросинию (1244). Ревностно содействовал святому благоверному Князю Александру Ярославичу Невскому во время войны со шведами в отражении враждебных соседей. Духовно укреплял и благословлял Князя, когда ему пришлось выступить против неприятеля с дружиной, гораздо меньшей неприятельской, и затем торжественно встречал его в Новгороде с победой (1240). Когда, вследствие крамолы новгородцев, святой Князь Александр Невский покинул Новгород вместе с матерью, супругою и всеми приближенными, шведы опять стали теснить новгородцев. С. пришлось выполнять роль посредника между новгородцами, которые раскаялись в своем поступке, и Великим Князем Владимирским Ярославом, отцом благоверного Князя Александра. С. дважды ездил с посольством к Князю во Владимир с просьбой отпустить в Новгород своего старшего сына. 20 лет Спиридон мирно управлял паствою, не вмешиваясь в дела шумного новгородского веча, стараясь ладить с приходившими в Новгород татарами, и тем самым помогал княжеской власти обеспечивать Новгородскому краю мир, тишину и безопасность. Погребен в Мартириевой паперти Софийского собора.

Т

Тамара (1166–1209 по 1213) – святая (память 1/14 мая), равноапостольная Царица Грузинская (1184–1212). Происходила из династии Багратионов, дочь Царя Георгия III и Царицы Бурдухан, дочери осетинского Царя Худана. Воспитала ее высокообразованная и благочестивая тетка Русудан. Т. была коронована своим отцом в качестве соправительницы, чтобы стабилизировать политическую ситуацию в стране (1178). После смерти Царя Т. была повторно коронована в Гелатском монастыре (1184). Царица немедленно созвала Собор для устранения неурядиц в церковной жизни и установления административного порядка. Отрешены были от кафедр недостойные архи-

ереи, смещены злоупотреблявшие своей властью правители, церкви освобождены от повинностей, участь крестьян облегчена, водворен внутренний мир. Тамара была признана Царицей от Понта до Гургуна (Каспия) и от Спер (линия от Трапезунда к Карсу) до Дербента, Хазаретии и Скифии. Девизом своего правления она провозгласила милость и правду: «Я отец сирых и судья вдов». В ее царствование не было ни одного случая смертной казни и телесного наказания. Избегая осложнений внутри царства, Царица вела ряд войн с соседними государствами. Первый ее супруг, русский князь Георгий (возможно, сын благоверного Князя Андрея Боголюбского) совершил военные экспедиции на север Армении, в Ширван и Эрзерум. По грузинским летописям, ее брак с Георгием был расторгнут вследствие творившихся князем безчинств. Он вначале бежал в Константинополь, а потом попытался вернуть престол с помощью греческих войск и его грузинских сторонников. Когда мятеж был подавлен, Георгий был повторно изгнан, его сторонники наказаны (1191). Т. вступила в новый брак с другом детства, осетинским Царевичем Давидом Сосланом, с помощью которого завоевала Тавриз, Эрзерум, одержала блестящую победу над султаном ардебильским. Шамкорская битва (1195) принесла ей громкую славу, отголоски которой слышатся в русском сказании об иверской царице Динаре. Нанесла поражение султану алеппскому (1203). Т. заботилась и о духовном развитии Грузии. В истории период правления Т. называется «золотым веком Грузии», когда произошло не только духовное становление грузинского народа (и других кавказских), его широкое воцерковление, но и получили свое развитие наука, искусства и социально-экономическая жизнь. Предание, которое приписывает Тамаре постройку всех замечательных храмов и крепостей Грузии, недалеко от истины: множество памятников искусства создано именно в ее правление. Среди них — роскошный дворец Вардзиа, высеченный в скалах неподалеку от Ахалцихе, вмещающий до 360 покоев. При ее дворе была собрана плеяда славных писателей, которые развили и усовершенствовали грузинский язык. Именно в ее царствование была написана поэма Шота Руставели «Витязь в тигровой шкуре». Поэты ее времени восхваляли ум и красоту Царицы. Тамару называли не Царицей, а Царем, «сосудом мудрости», «солнцем улыбающимся», «тростником стройным», «лицом лучезарным», прославляли ее кротость, трудолюбие, послушание, религиозность, чарующую красоту. О ее совершенствах ходили легенды, дошедшие в устной передаче до наших времен. Ее

руки искали Царевичи Ромейской Империи, султан алеппский, шах персидский. Грузинская Церковь причислила ее к лику святых.

Ф

Федор (Феодор, ?–ок. 1023) — святитель (память 8/21 июня, в Соборах Ростово-Ярославских и Владимирских святых), чудотворец, епископ Ростовский и Суздальский. Родом грек, был первым епископом Ростовским. Появился на Руси после ее Крещения равноапостольным Князем Владимиром. Он прибыл из Константинополя в свите духовных лиц, сопровождавших святителя Михаила, митрополита Киевского, и был рукоположен ок. 990. В Ростове, определенном ему для служения, он вначале вместе со святителем Михаилом основал первую Христианскую церковь — деревянный храм в честь Успения Пресвятой Богородицы, простоявший 168 лет, и при ней учредил клир церковный. Противодействие его проповеди было еще очень сильно, язычники изгнали его, и он поселился в Суздале, небольшом тогда поселении Ростовской епархии, где устроил храм в честь Рождества Пресвятой Богородицы (992). В кратком рукописном сказании, сохранявшемся о святителе в ризнице Суздальской соборной церкви, так говорится о его благовестнических трудах: «Прием святитель Феодор паству словесных овец в Суждальской стране, и видя их помраченными, начал, возлагая на Бога упование, сеяти семя Слова Божия, идольския капища разрушая, храмы же святые во славу Божию созидавая и украшая. Зряше бо народи богоугодное житие его и кроткий нрав, и слыша Богодухновенное учение его, по премногу удивляшеся, обращаяхуся в веру Христову и приимаху святое крещение». Святой равноапостольный Великий Князь Владимир дал Ростов в удел своему сыну, святому благоверному князю Борису (1010). Святитель вернулся с ним в город и вместе с князем продолжал евангельскую проповедь. После гибели святого князя Бориса (1015) язычники вторично изгнали святителя Ф. из Ростова. Он вернулся в Суздаль, скончался там и погребен в Суздальском соборном храме Рождества Богородицы. Согласно церковному преданию, обретение мощей его произошло еще до нашествия хана Батыя, т.е. до 1237. Суздальская епархия была впоследствии выделена из состава Ростовской, поэтому память святителя сделалась местной для обеих, но в Суздале, в отличие от Ростова, почитание архипастыря Ф. как святителя и чудотворца не прерывалось никогда. Служба Ф., а также

его житие были написаны иноком Григорием, подвизавшемся в Суздальском Евфимиевом монастыре.

Федор Константинович (XII в.) — святой (память 8/21 мая и в Соборе Владимирских святых), благоверный князь, Муромский чудотворец, сын святого благоверного князя Муромского Константина Святославича. Ревностно помогал своему отцу в распространении Христовой веры среди муромцев. После Любечского съезда князей (1097) благоверный князь Константин получил в удел Муром, в котором сильно было язычество. Святой Константин принял на себя апостольский подвиг и отправился туда со своими сыновьями Михаилом и Федором просвещать грубых муромцев святой верой. Приближаясь к городу, он послал сына Михаила для убеждения жителей принять его и обратиться в христианство, но язычники убили Михаила и выбросили тело его из города, а к святому Константину прислали послов с объявлением, что готовы принять его на княжение, однако без перемены языческой веры. Муром был занят князем Константином, в нем были построены две церкви, язычники крещены в Православную веру по усердным и продолжительным молитвам благоверного князя Константина. О кончине Ф.К. сведений не сохранилось. Все трое погребены в Муромском Благовещенском монастыре, где их мощи, обретенные в 1555, почивают и по сей день. Прославление их началось со времени обновления в 1237 Благовещенского храма. Празднование установлено на Соборе 1547.

Феодосий Печерский (ок. 1036–1074) — святой (память 20 апреля / 3 мая, 14 августа (перенесение мощей), 3 сентября, в Соборах всех преподобных отцов Киево-Печерских, отцов Дальних пещер и Курских святых), преподобный, игумен Киево-Печерской обители, духовный писатель. Учредитель общежительного монастырского устава и родоначальник монашества в Русской земле. Сын княжеского тиуна. Родился в Василеве (ныне Васильков, около Киева) и происходил из родовитой семьи. В юности жил с родителями в Курске, куда, по повелению Князя, переселились его родители: отец служил у курского посадника. Получил хорошее образование, но уже в юности познакомился из книг с жизнью великих подвижников монашества, принял твердое намерение подражать им. Когда он лишился отца, то решился вступить на иноческий путь, но встретил сильное противодействие матери, доходящее до жестокости, она с побоями возвращала его из паломничества. Ф. бежал в Киев и принял по-

стриг у преподобного Антония (ок. 1056–1057). Ф. очень быстро рос духовно, так что по удалении игумена, преподобного Варлаама, Антоний назначил его игуменом, несмотря на молодость. Трудami Ф. была устроена внутренняя жизнь монастыря; для сильно выросшей в численности братии был принят присланный из Царьграда устав Студийского монастыря, который и был положен в основание жизни в Печерской обители, а потом перенимался в качестве образца другими русскими монастырями. Устав определял правила строгого общинного жития, исключавшие индивидуализацию иноческой жизни. Своей деятельностью и образом высокой духовной жизни Ф. привлекал к себе сердца как простых людей, так и знатных — бояр и князей. Особым уважением он пользовался у Великого Князя Изяслава Ярославича, который любил беседовать с преподобным. Ф. выступал примирителем в княжеских спорах, обличал Князя Святослава Ярославича, отнявшего Киевский престол у старшего брата Изяслава Ярославича. Был также и замечательным строителем, он расширил границы монастыря и при содействии чуда заложил первый каменный храм в честь Успения Божией Матери близ второй пещеры преподобного Антония (1073). Уже после смерти Ф. она была освящена, к ней переведен был монастырь; прежний пещерный монастырь сделался теперь усыпальницей для погребения умерших. Ф. тоже был погребен там, где под руководством Антония начал свои подвиги. Но по освящении лаврской церкви игумен Иоанн поручил преподобному Нестору обрести мощи Ф., после чего они, при участии братии монастыря и нескольких русских епископов, прибывших ради этого события в обитель, были торжественно перенесены под своды храма (1091). После Ф. остались несколько посланий, адресованных печерским инокам, служебным лицам, Великому Князю; поучения народу и молитвы. Из личных качеств отмечают крайний аскетизм преподобного и добродетельность. Ф. к себе был строже, чем к другим; помимо общего подвига, он подвергал себя крайне аскетическим испытаниям и упражнениям воли. Основанная преподобным Антонием и устроенная преподобным Ф. Киево-Печерская Лавра сделалась образцом для всех других обителей.

Фотий I Великий (Фотей, патриарх цареградьский, ок. 820 – ок. 896) — святитель (память, 6/19 февраля), патриарх Константинопольский (857–867, 877–886), выдающийся ромейский богослов и общественный деятель. По рождению он принадлежал к высшей знати

и происходил из семьи, верной почитанию святых икон. Его отец был в родстве с патриархом Тарасием, много претерпел от иконоборцев за свой строго Православный образ мыслей и принял мученическую кончину. Ф. получил блестящее образование и приобрел обширные и глубокие познания в богословских, философских и других науках. Современники говорили о нем: «...сведениями почти во всех светских науках он столько отличался, что по праву мог считаться славою своего века и даже мог спорить с древними». У него обучались наукам юный наследник престола Михаил и будущий просветитель славян равноапостольный Кирилл. Карьера будущего святителя началась в царской гвардии и продолжалась в государственной канцелярии. Состоял в родственных отношениях с императорским домом, занимал должность первого государственного секретаря в сенате. Глубокое Христианское благочестие ограждало святого Ф. от прельщения блгами придворной жизни, всей душой он стремился к иночеству. Из-за политических интриг был удален с престола патриарх Игнатий, и епископы, зная благочестие и обширную ученость Ф., указали Императору Михаилу на него, как на человека, достойного занять первосвятительский престол (858). Став патриархом, Ф. проявлял живой интерес к просвещению и начал свою деятельность с обновления епископата, призвав к нему людей, от которых мог ожидать содействия; он намного мягче своего предшественника относился к еретикам и стремился очистить монашество от злоупотреблений. Изменение церковной политики и удаление патриарха Игнатия вызвали в Константинополе смуту, которую преодолевали на созванном по этому случаю Константинопольском Соборе, на который собрались 318 епископов для умиротворения Церкви и уничтожения остатков иконоборства. На нем было утверждено низложение Игнатия и утверждение патриархом Ф. (861). На Соборе присутствовали легаты папы Николая I, который надеялся, утверждая Ф. патриархом, подчинить его своей власти, но, не получив ожидаемого, на Римском Соборе предал Ф. анафеме. С того времени для святителя Ф. началось длившееся до конца его жизни противоборство латинскому влиянию на Православную Церковь Востока. Фотий принимал живое участие в Крещении Болгарии, которая добровольно обратилась ко Христу. Он сам крестил болгарского князя Бориса, после чего уже крестился весь народ (864). Именно Ф. направил в Южную Русь святых Кирилла и Мефодия для проповеди Христа на славянском языке (865). Пользуясь бедственным положением болгар, на которых нападали

германцы, папа предпринял попытки насаждать учение и обычаи латинские вместо Православных, его послы и миссионеры попутно возбуждали недоверие болгар к проповедникам Восточной Церкви. Ф. известил окружным письмом Восточную Церковь об отступлении Римской Церкви от древнего Православия не только в обрядах, но и в вероисповедании. Был созван Собор, осудивший своеволие Запада. В частности, послание затрагивало вопрос о celibате и Filioque. На втором Соборе, состоявшемся в Константинополе при участии Царя Михаила и нового кесаря Василия, папу Николая объявили низложенным и предали анафеме (867). Ф. был смещен вновь возведенным патриархом Игнатием за обличения Василия Македонянина, захватившего власть и убившего Царя Михаила. Под председательством легатов нового папы Адриана II был созван Собор, который был назван Римской Церковью VIII Вселенским (870). На нем святитель Ф. молчанием отвечал на все нападки легатов и лишь на вопрос судей: «Хочшь ли ты покаяться?» — отвечал: «Одумались ли сами судьи?» Под влиянием латинян Ф. и его приверженцы были отлучены от Церкви, все действия их уничтожены, Восточная Церковь поставлена в зависимость от курии. Однако вскоре в Ромейской Империи началось противодействие влиянию Римской Церкви, особенно среди греческого духовенства. Со временем и сам Император Василий стал подпадать под влияние Ф., который был избран в воспитатели наследника престола. После смерти патриарха Игнатия, с которым Ф. успел примириться, святителя снова возвели на патриарший престол (877). На новом Соборе, состоявшем из 383 епископов, в опровержение решения Собора 869 Ф. добился включения в акты Собора восточной формулы об исхождении Святого Духа, также Собор признал независимость и равенство обоих престолов и обеих Церквей (Западной и Восточной) и постановил восстановить в Болгарии восточные церковные обычаи и обряды (880). При преемнике Императора Василия, Льве Мудром, святитель Ф. вновь пострадал по ложному доносу: обвиненный в заговоре против Императора, он был низведен с кафедры (886). Святитель окончил свои дни в Армонийском монастыре. Могила его прославилась чудесами. Восточная Церковь продолжала сохранять духовные заветы Ф. в церковно-государственной политике: несмотря на неоднократную поддержку папских притязаний Ромейскими Императорами, Церковь сохраняла чистоту веры своего народа. Однако из-за многолетнего сближения с папством Ромейской Империи имя Ф. долго не вносили в синодик.

Его почитатель и ученик, патриарх Константинопольский, святой Николай Мистик сильно содействовал очищению его памяти. На Соборе 1156, наряду со святоотеческими, приводились места из сочинений. После его канонизации греки никогда не забывали чтить его память. В Русской Церкви имя Ф. не было включено в святцы до конца XIX в. К 1000-летию преставления Ф. в Славянском благотворительном обществе прошла панихида по нем и прочитан ряд докладов (1891). Имя патриарха Ф. было внесено в синодальный календарь на 1916. В официальных месяцесловах Московской Патриархии стал постоянно присутствовать начиная с 1971. Ф. оставил большое количество трудов разного жанра, которые посвящены обличению заблуждений латинян, опровержению различных ересей, разъяснению Священного Писания, раскрытию различных предметов веры. Среди работ Ф. сохранились три сочинения, являющиеся первыми достоверно датированными греческими текстами, упоминающими о Руси. Среди них две гомилии (беседы), произнесенные Ф. с кафедры собора Святой Софии в Константинополе перед горожанами во время нападения русского флота на Константинополь летом 860: первая — в минуту смертельной опасности при нашествии «северных варваров», вторая — во время всеобщей радости при их отступлении. В Окружном послании патриарха Ф. Восточным Патриаршим престолом, посвященном созыву Собора в Константинополе (867), также упомянута Русь, сообщается о ее добровольном Крещении.

Ю

Юрий Всеволодович (1188–1238) — святой (память 4/17 февраля (перенесение мощей 1239) и 17 марта), благоверный Великий Князь Владимирский (1212–1216, 1218–1238), сын Великого Князя Владимирского Всеволода Юрьевича и благоверной Великой Княгини Марии Шварновны, брат благоверных князей Константина, Святослава, Ярослава, Владимира, отец святых князей Всеволода, Владимира, Мстислава, мученицы княжны Феодоры. Был женат (1211) на благоверной Княжне Агафии Всеволодовне, дочери Князя Киевского Всеволода Святославича Черного. В 1207 и 1208 участвовал в походах на земли Рязанского княжества. Великий Князь *Всеволод* решил посадить Ю.В. в Ростове вместо старшего сына, князя *Константина*, однако из-за непослушания последнего волей Великого Князя, решением совета бояр и духовных лиц во главе со святителем *Иоан-*

нам Великокняжеский престол после смерти *Всеволода Юрьевича* был передан Ю.В., а Константин должен был остаться в Ростове (1212). Но Князь Константин хотел сохранить за собой неделимыми обе части Северо-Восточной Руси: и Ростов и Владимир, — почему и выступил в поход на Ю.В., который с братом, Князем Ярославом, встретил его у Ростова, где было заключено перемирие. Вокняжившись на Владимирском престоле, Ю.В. отпустил в Рязань Рязанских князей с женами, епископа Арсения и людей, захваченных в плен его отцом во время походов в 1207 и 1208 (1212). В 1213 к князю Константину присоединился князь Московский Владимир Всеволодович, противостояние возобновилось, и Ю.В. с князьями Ярославом и Святославом Всеволодовичем снова с ратью ходили к Ростову, и вновь все решилось миром. Ю.В. дал князю Владимиру, Переяславль Русский вместо Москвы. Новое междоусобье началось с того, что князь Новгородский Ярослав был смещен со своего княжения своим тестем, благоверным князем *Мстиславом Мстиславичем Удачным*, которого поддерживал Князь Константин Всеволодович (1216). Ю.В. встал на защиту брата, на их стороне выступили также младшие Всеволодовичи, князья Святослав и Иоанн, а также благоверный князь Муромский *Давид Юрьевич*. Князь Константин Всеволодович с союзниками одержал победу над владимирским войском на р. Липице (близ Юрьева-Польского) и сел на Великое Владимирское Княжение. Ю.В. дали Городец-Радилов на Волге. По новому соглашению с Великим Князем Константином Ю.В. получил еще и Суздаль, а после его смерти должен был занять Великокняжеский стол и блюсти интересы детей Константина (1217). Ю.В. посадил на Новгородский стол своего старшего сына Всеволода (1221, 1224), которого заменял Ярослав Всеволодович (1223). Ю.В. вместе с князем Ярославом и братом жены, благоверным князем Черниговским Михаилом Всеволодовичем, совершил поход в Новгородскую землю и занял Торжок. После краткого княжения Михаила Новгородский стол вновь занял князь Ярослав (1225). В первый приход войска монголов во главе с Субудаем и Джебе на окраины Руси Ю.В. откликнулся на призыв южно-русских князей и послал отряд во главе со своим племянником, благоверным князем Василько Константиновичем, который, дойдя до Чернигова, получил печальную весть о разгроме русских войск на р. Калке (1223). Ю.В. вместе с племянниками Василько и Всеволодом Константиновичами помогал князю Черниговскому Михаилу Всеволодовичу, у которого оспаривал права владения Черниговом князь

Курский Олег Игоревич (1226). Ю.В. добился заключения мира с сохранением Черниговского стола за князем Михаилом. Ю.В. пытался примирить брата, князя Ярослава, который был вынужден уступить Новгородское княжение своему шурину, князю Черниговскому Михаилу, с самим князем Михаилом. Два года он, при посредничестве епископа (будущего священномученика) Митрофана, Великого Князя Киевского Владимира Рюриковича и митрополита Киевского Кирилла I, старался удержать князей от военных действий, и хотя он поддерживал искание князем Ярославом Новгородского стола и ходил с ним в северо-восточные волости Черниговской земли, сам активного участия в военных действиях не принимал (1230). До татаро-монгольского нашествия князь заботился об укреплении восточных рубежей Северо-Восточной Руси. Совершил вместе с братом, князем Юрьевским Святославом, успешный поход на Волжскую Булгарию (1220), после чего был основан Нижний Новгород. Ю.В. организовывал князей-союзников (братьев Святослава и Иоанна, Ярослава, сына Всеволода, племянников Василько и Всеволода, князя Муромского Юрия Давидовича) и сам возглавлял успешные походы на мордву, князья которой выступали в интересах Булгарии (1226, 1228, 1232). С деятельностью Ю.В. связано много событий церковной жизни Руси. При нем состоялось учреждение Суздальско-Владимирской епископской кафедры. В 1214 с Ростовской кафедры был удален епископ Иоанн (ушел в Боголюбов монастырь и принял схиму) и во епископа Ростовского был хиротонисан Пахомий, духовник Князя Константина Всеволодовича. Одновременно по инициативе Ю.В. епископом Суздальским и Владимирским был поставлен игумен Владимирского в честь Рождества Пресвятой Богородицы монастыря, святитель Симон, который сопровождал Ю.В. в Городец, когда Константин Всеволодович стал Великим Князем (1216). В 1230 Ю.В. участвовал в перенесении во Владимир из Волжской Булгарии мощей мученика Авраамия и в поставлении на Ростовскую кафедру Кирилла II, игумена Владимирского Богородице-Рождественского монастыря (князь Ростовский Василий Константинович с братьями испрашивал у Ю.В. разрешение на его поставление). Великий Князь заложил в устье Оки Нижний Новгород, ставший восточным форпостом его владений (1221), в котором он построил каменный Спасо-Преображенский собор (1224), а за его стенами — Богородичные церковь и монастырь (ок. 1227). Под покровительством Ю.В. в Суздале в 20-х XIII в. продолжалось храмовое строительство. На месте

древней Успенской церкви Суздаля был заложен собор в честь Рождества Пресвятой Богородицы (освящен в 1225). В Юрьеве-Польском, который получил от Ю.В. в удел князь Святослав Всеволодович, был построен монастырский собор во имя небесного покровителя Ю.В., великомученика Георгия Победоносца (1234). Во Владимире при Ю.В. уделяли особое внимание церковному благолепию: епископ Митрофан устроил в Успенском соборе «над трапезою» киот, украшенный золотом и серебром, и расписал притвор собора (1237). При Ю.В. продолжалось владимирское летописание, отразившееся частично в Лаврентьевской летописи 1377, а в более полном виде — в Московском летописном своде кон. XV в. Личное благочестие Ю.В. засвидетельствовано во многих источниках. Так, в Похвале Ю.В. говорится, что он «потщася Божья заповеди хранити, и Божии страх присно при себе имея в сердци ... не щадяше имения своего, раздавая требующим, и церкви зижа, и украшая иконами безъценными и книгами ... чтяшет же излиха чернечьский чин и поповский, подая им еже на потребу, тем и Бог прошенья его свершаше». Великий Князь возглавлял сопротивление нашествию Батыя на земли Северо-Восточной Руси (1237). После разорения Рязанской земли Батый двинулся к границам владений Ю.В., который вначале послал войско во главе с сыном, князем Всеволодом Юрьевичем, соединившееся с остатками рязанских сил. После поражения этого войска и захвата монголами Коломны и осады Москвы (здесь в плен к Батыю попал второй сын Ю.В. Владимир) Ю.В. сам возглавил поход, оставив для обороны Владимира сыновей Всеволода и Мстислава. В это время войска Батыя штурмом взяли Владимир (1238), погибла вся Великокняжеская семья: Великая Княгиня Агафия, князь Всеволод, Мстислав, Княжна Феодора, малолетние внучки, святые княгини Мария и Христина. Другая часть монгольской рати во главе с нойоном Бурундаем подошла к Сити, где стал Ю.В. Не дождавшись помощи братьев Ярослава, Святослава и Иоанна, Князь вместе с тремя племянниками Константиновичами принял бой и погиб. Ростовский епископ Кирилл II привез обезглавленное тело Ю.В. в Ростов, где оно было временно захоронено в Успенском соборе в одной могиле с благоверным князем Василько Константиновичем. Позже была обретена и положена в гроб и глава Великого Князя. После вокняжения на Владимирском столе Ярослава Всеволодовича было совершено торжественное перенесение мощей Ю.В. во Владимирский Успенский собор, в каменную гробницу рядом с отцом, бла-

говерным князем Всеволодом Юрьевичем. При перенесении было явлено чудо: «Святая глава его тако совокупно прильпе к честному телеси его, яко ни следа видети отсечения на выи его, но вся составы целы и неразлучны... Еще же и рука его десная выспрь бяше воздея на видети, еюже, яко жив, показуя подвиг своего совершение». Вскрытие мощей Ю.В. в 1919 показало, что «У влк. кн. Георгия, убитого в бою с татарами ... в котором ему была прочь отсечена голова, последняя оказалась приросшей к телу, но так, что можно было заметить, что она раньше была отсечена, так что и шейные позвонки были смещены и срослись неправильно». В царствование Михаила Феодоровича в присутствии патриарха Иосифа и самого Царя в Успенском соборе состоялось обретение нетленных мощей Ю.В., которые были перенесены из каменной гробницы, стоявшей в алтаре Благовещенского придела, в серебряную позолоченную раку в центре собора у южного столпа, изготовленную на средства патриарха (1645). На крышке раки помещалась икона Ю.В., изображающая Князя в рост под образом Святой Троицы, с мечом в ножнах и с мученическим крестом (ныне в ГТГ). У мощей Ю.В. в XVII в., очевидно, были отмечены случаи исцелений, так как Князь впоследствии получил именование «Владимирского и всея России чудотворца». Святые мощи Ю.В. после их вскрытия в 1919 были изъяты, возвращены Церкви в 50-х XX в., в настоящее время почивают в Успенском соборе. Почитание Ю.В. прослеживается уже в летописании XIII–XVI вв. В «Повести о нашествии Батыя» в составе Лаврентьевской летописи 1377 (свод 1305) Владимирские Князья, погибшие на Сити, характеризуются как мученики за Христа: Василько «кровью мученичскою омывся прегрешении своих с братом и отцем Георгием, с Великим Князем». В Русский хронограф (1512) включен рассказ «О убиении великаго князя Юрья», содержащий молитву Ю.В. перед битвой на Сити после получения известия о взятии Владимира (находится и в Никоновской летописи). В середине XVI в. имя Ю.В. было включено в Помянник русских Князей и Княгинь по указанию Царя Иоанна Васильевича Грозного. Степенная книга называла Ю.В. как мученика. В одну из редакций Жития благоверного Князя Александра Невского (кон. XVI в.) включен рассказ о видении некоего инокa во время нашествия на Москву крымского хана Девлет-Гирея, в котором святые Борис, Глеб и Александр Невский, наряду с другими Владимирскими Князьями, чьи останки почивают во владимирских храмах, призывали и Ю.В. прийти на помощь Царю Иоанну Грозному против татар.

В Уставе церковных обрядов Московского Успенского собора (ок. 1643) говорится о праздновании «великомученику князю Георгию Всеволодовичу Владимирскому». Имя Ю.В. включено и в другие агиографические сборники XVII–XVIII вв. Во имя Ю.В. был освящен южный придел Владимирского Успенского собора (1774). В XIX в. в Покровской церкви с. Боженка Тверской губернии (по местным преданиям, именно там произошла битва на Сити) был освящен придел во имя Ю.В. В год 700-летия рождения Ю.В. память его праздновалась очень широко, в нескольких епархиях (также в Нижегородской и Тверской, 1889). В этом же году в дар Нижнему Новгороду, основанному Ю.В., из Владимира была передана великокняжеская шапка, по преданию принадлежавшая Ю.В. Имя Ю.В. включено в Собор Владимирских святых, празднование которым было установлено в 1982 по благословению Владимирского и Суздальского архиеп. Серапиона (Фадеева).

Я

Ярополк Изяславич (в крещении Петр, ок. 1047 – 1086) — святой (память 22 ноября / 5 декабря) благоверный князь Волынский и Туровский, сын Великого Князя Киевского Изяслава Ярославича и сестры польского короля Казимира I Восстановителя Гертруды Польской, внук благоверного Великого Князя Ярослава Мудрого. Был женат на Кунигунде-Ирине, дочери графа Оттона Орламюндского. В 1071 Я.И. победил князя Полоцкого Всеслава у Голотическа, но князь Всеслав удержал за собой Полоцк. В 1073 вместе с отцом и младшим братом был изгнан из Руси. Германский король Генрих IV не помог обоим князьям вернуться на Киевский престол. Аудиенция у папы Григория VII (об этом упоминается в Трирской псалтыри) тоже не принесла существенных результатов, хотя папа и обещал поддержку, если Русь станет «леном св. Петра». После смерти Великого Князя Святослава Ярославича в 1076 Князь Изяслав вернулся на Русь и снова получил Киевское Княжение (см. Всеволод Ярославич), а Я.И. дали в удел Вышгород и Туров. В 1078 он принимал участие в борьбе против князей Черниговских Святославичей, в ней погиб его отец. После этих событий Князем Киевским стал Всеволод Ярославич, оставив Волынь с центром во Владимире-Волынском и Турово-Пинскую землю Я.И. Во время правления ему постоянно приходилось воевать с Ростиславичами, в борьбе с которыми Я.И. и

погиб. В 1084 Ростиславичи выгнали Я.И. из Владимира Волынского, но Князь Всеволод послал на них сына благоверного князя Владимира Мономаха, который вернул Я.И. Владимир. В 1085, недовольный тем, что Князь Всеволод передал Дорогобуж князю Давыду Игоревичу, Я.И. выступил против Киева. Князь Всеволод послал на него князя Владимира Мономаха, и Я.И., оставив в Луцке мать и жену, бежал в Польшу. Луцк сдался князю Владимиру Мономаху, который захватил здесь семью Я.И., его дружину и все имущество, а во Владимире-Волынском посадил Давыда Игоревича. В 1086 Я.И. вернулся из Польши, добившись ее военной или дипломатической поддержки, заключил мир с князем Владимиром Всеволодовичем и снова сел во Владимире. В 1086 Я.И. отправился в поход на Галичину, но был предательски убит неким Нерадцем (как говорили, подосланным князьями Ростиславичами) под Звенигородом. Похоронен в мраморном гробе каменной церкви святого апостола Петра монастыря святого великомученика Димитрия в Киеве. Эта церковь была заложена самим благоверным князем в честь своего святого. Я.И. стал почитаться сразу после смерти за свое благочестие и за свой добрый нрав. По свидетельству современника-летописца, блаженный князь Я.И. был кроток, смирен, братолюбив и нищелюбив; ежегодно давал десятину «церкви Святой Богородицы от всего своего имения: от всех стад своих и от хлеба». Особенно усердно почитал князь святого апостола Петра, имя которого носил. В древней рукописи, принадлежавшей матери святого Я.И., Княгине Гертруде, святой князь изображен молящимся с воздетыми руками перед святым апостолом Петром. Многие церковные памятники, начиная с летописи преподобного Нестора, свидетельствуют, что убиенный благоверный князь почитался в числе святых угодников Божиих. Празднование святому благоверному князю Я.И. совершалось местно в Почаевской лавре. Когда оно началось, точно неизвестно, но первый раз имя князя Я.И. в числе общерусских святых встречается в кон. XVI или нач. XVII в.

Ярослав Владимирович (Мудрый, в крещении Георгий, с 978 по 989–1054) — святой (память 21 февраля / 5 марта), благоверный князь Ростовский (987–1010), Новгородский (1010–1034), Великий Князь Киевский (1016–1018, 1019–1054). Сын святого равноапостольного Великого Князя Владимира Святославича, Крестителя Руси, и Полоцкой княжны Рогнеды Рогволодовны, брат благоверных страстотерпцев, князей Бориса и Глеба, отец благоверного князя Новгородского Владимира Ярославича, дед благоверного Владими-

ра Мономаха, свояк благоверного Олафа Норвежского, отец, дед и дядя многих правителей Европы. В первые годы XI в. княжил в Ростовской земле и, возможно, для защиты Ростова основал Ярославль (1010). После смерти старшего брата, князя Новгородского Вышеслава (ок. 1011), был посажен отцом на княжение в Новгород, где учредил новую княжескую резиденцию, вероятно, на месте прежнего Княжина двора (позже названного Ярославовым Дворищем). До Я.В. Новгородские князья со времен Рюрика жили, как правило, близ Новгорода на Городище. В 1014 Я.В. отказался выплатить Киеву ежегодный урок в две тысячи гривен. Великий Князь Владимир Святославич хотел идти походом на Новгород, но смертельно заболел, успев наказать только другого непокорного сына — *Святополка*. Я.В. после смерти отца пришлось вести борьбу (1015–1019) за Киевский престол со Святополком, которого освободили из темницы киевляне. Я.В. занял Киев, одержав победу над Святополком близ Любеча (1016), но вскоре Святополк пригласил печенегов и польского короля Болеслава Храброго, который разбил войска Я.В. на берегах Буга, захватил в Киеве сестер, жену Анну и мачеху Я.В. и, вместо того чтобы передать город («стол») мужу своей дочери Святополку, сам сделал попытку утвердиться в нем. Киевляне из-за разбоев, учиненных поляками, стали их убивать, вынудив Болеслава удалиться. Я.В., не зная о спешном уходе Болеслава из Киева, приготовился бежать из Новгорода «за море», видимо, для поиска военной помощи у варягов. Но новгородцы во главе с посадником Константином Добрыничем остановили Князя, изрубив его суда, вынудив возглавить их сопротивление Болеславу и Святополку (1018). В новый поход, в котором принимала участие варяжская дружина, Святополка окончательно изгнали (1019), а Я.В. вокняжился на отцовском столе, женившись на дочери шведского короля Олафа Шётконунга Ингигерд. Я.В. пришлось укреплять власть — отражал нападение своего племянника, князя Полоцкого Брячислава Изяславича, напавшего на Новгород (1020). Я.В. назначил ему в удел Усвят и Витебск. Я.В. пришлось договариваться с братом, князем Тмутараканским Мстиславом, который с помощью хазар и касогов захватил Чернигов и все Левобережье Днепра (1024–1026). Мир был заключен на условиях князя Мстислава (раздел земель по Днепру) и действовал вплоть до его смерти (1036). Сам Я.В. в этот период предпочитал княжить не в Киеве, а в Новгороде, хотя в 1034 он посадил на Новгородском столе сына святого благоверного князя Владимира. Переехав со двором в Киев после смерти князя Мстислава, Я.В. стал, по выражению летописца, «самовластцем» Русской земли. В 1030 он воевал в Галиции и взял

Белз. Внешнеполитическая деятельность Великого Князя была очень широка. Я.В. не только защищал Русь и ее окраины от соседних врагов, но и активно участвовал в делах западных стран, укрепляя политический вес своего государства. Хотя Я.В. приходилось почти постоянно вести войну, по словам летописца, воевать он не любил. Во внешней политике Я.В., как и его отец, больше надеялся на дипломатию и взаимовыгодные отношения, чем на оружие. В 1025 Я.В. принимал королевичей Безприма и Отто, изгнанных своим братом Мешко II, ставшим королем Польши после смерти их отца Болеслава Храброго. В 1028 у Великого Князя в Новгороде нашел пристанище князь Олаф со своим малолетним сыном Магнусом. После мученической кончины Олафа Святого в Норвегии, княжич Магнус оставался на попечении Князя и его супруги Ирины до своего совершеннолетия, когда под влиянием Я.В. и на его деньги он выгнал с родины датчан и стал королем Норвегии, а потом и Дании. Позже и брат Олафа Святого, король Норвегии Харальд III Суровый, находил убежище в Новгороде, служил в дружине Я.В. (1031). У Я.В. находил прибежище от Кнуда Великого также и английский принц Эдуард Изгнанник (ок. 1038–1043). Вместе с князем Мстиславом Я.В. подавлял мятеж в Польской земле, где народ убивал духовенство и бояр. Русские князья отвоевали Перемышль и Червен; завоевав польские земли, поделили их, посадив Безприма на польский престол (1031). Позже Я.В. оказал большую помощь в борьбе за польский королевский трон внуку Болеслава Храброго — Казимиру I (1042), который взял в жены сестру Я.В. — Марию, ставшую польской королевой Добронегой. В это же время был заключен брак сына Я.В. Изяслава и Гертруды, сестры короля Казимира. Таким образом был достигнут союз с Польшей, длившийся до 1047. После неудачного похода на Константинополь (1043) на Императора Константина Мономаха был заключен мир с Ромейским Царством (1046), который был скреплен браком любимого сына Я.В., князя Всеволода, с греческой Царевной. Еще один династический брак был заключен с франкским королем Генрихом I, за которого была выдана дочь Я.В. Анна. (1048). Великий Князь укреплял рубежи Руси. Помогал брату, князю Мстиславу, изгонять ясов из Тмутаракани (1029). Сам ходил на чудь, после чего заложил Юрьев (1030). В 1036 он одержал победу над печенегам и этим освободил Русь от их набегов. В 1038 войска Я.В. совершили поход на ятвягов, в 1040 — на Литву, а в 1041 — водный поход на ладьях в Мазовию. В 1042 его сын, князь Новгородский Владимир, победил ямь. Есть известие о походе русских при Я.В. к Уральскому хребту под предводительством князя Улеба в 1032. В 1044 Я.В. организовал новый поход

на Литву. Последние годы жизни Я.В. провел в Вышгороде. Похоронен Я.В. в Софийском соборе в Киеве в саркофаге проконесского мрамора святого Римского папы Климента, который, по преданию, его отец, Великий Князь Владимир Святославич, вывез из завоеванного им Херсонеса и который и ныне стоит в соборе Святой Софии. В ходе проведенного журналистами расследования была выдвинута версия, что останки Князя были вывезены из Киева в 1943 при отступлении немецких войск и в настоящее время, возможно, находятся в распоряжении Украинской Православной Церкви в США (юрисдикция Константинопольского Патриархата). В центральном нефе Софийского собора, внизу, под полустертым портретом Я.В., сохранилось граффити, датированное 1054, которое гласит о смерти «царя нашего». Благоверный Князь Я.В. был свояком общехристианского святого, норвежского конунга Олафа Святого, который, по свидетельству саг, явил в Новгороде два чуда исцеления, в частности, излечил тяжело больного девятилетнего сына Я.В. и Ингигерд, святого благоверного князя Владимира (Вальдемара), ставшего впоследствии князем Новгородским. Князя Олафа почитали в Новгороде, после его гибели была возведена церковь в честь него, прозванная в народе «варяжской». Я.В. основал Юрьев (ныне Тарту), Ярославль, Юрьев-Русский (ныне Белая Церковь), Ярослав (ныне в Польше) и Новгород-Северский. Известно, что для поддержания мира на северных границах Я.В. ежегодно отправлял варягам по 300 гривен серебра. При чем плата эта была слишком малой, скорее символической, но она обеспечивала мир с варягами и защиту северных земель. Украшая Киев многими новыми постройками, он обвел его и новыми каменными стенами («город Ярослава»), устроив в них знаменитые Золотые ворота, а над ними — церковь в честь Благовещения. Западные современники Я.В. считали Киев соперником Константинополя, чрезвычайно большим и крепким городом, в котором насчитывали около 400 церквей и восемь рынков. При Я.В. возникли первые русские монастыри. Я.В. и сам основывал монастыри: Юрьев монастырь (в память своего святого — великомученика Георгия), Юрьев монастырь в Новгороде и монастырь святой Ирины (в честь святой своей супруги), при нем преподобные Антоний и Феодосий положили основание Печерской обители в Киеве. Наконец, он украсил столицу каменным собором Святой Софии — настоящей жемчужиной древнерусского зодчества, сохранившейся в несколько измененном виде до наших дней. Собор одновременно является и значительным историческим памятником — он был построен в память о победе русского оружия над печенегами. Для его росписи Князь вызвал художников

из Константинополя. Великий Князь Я.В. и Княгиня Ирина (Ингерд) принимали участие в торжестве закладки их сыном, князем Новгородским Владимиром каменного Софийского собора вместо сгоревшего деревянного (1045). Я.В. повелел по всей Руси «творити праздник» святого Георгия 26 ноября («Юрьев день»). Я.В. не щадил средств на церковное благолепие, приглашая для этого греческих мастеров. При нем приехали на Русь из Ромейской Империи церковные певцы, научившие русских осьмогласному пению. Летописец Нестор отметил, что при Я.В. Христианская вера стала «плодиться и расширяться, и черноризцы стали множиться и монастыри появляться». В 1051, собрав епископов, он сам назначил митрополитом русского священника Илариона (возможно, духовник Князя), впервые без участия Константинопольского патриарха. Была налажена интенсивная работа по переводу и переписи греческих и иных книг на церковно-славянский и древнерусский языки. Собирая повсюду книгописцев и переводчиков, он умножил количество книг на Руси и постепенно ввел их в повсеместное употребление. Все эти рукописи Я.В. положил для общего пользования в библиотеку, построенную им при Софийском соборе. В 1028 в Новгороде была основана первая большая школа, в которой было собрано около 300 детей священников и старост. Сохранилось предание, что когда в 1011 Я.В. крестил Волгу, языческие жители урочища Медвежий Угол выпустили против него «Святую Медведицу», но Князь, вооруженный секирой, одолел зверя. При нем был составлен первый свод законов — Русская Правда (также именуемый «Устав» или «Суд Ярославль»). При Я.В. появился и первый на Руси Церковный Устав, или Кормчая книга, составленная на основе ромейского Номоканона. В нем впервые были разграничены понятия греха и преступления: всякое преступление есть грех, но не всякий грех — преступление. Описывая характер Я.В., летописец говорит об уме, благоразумии, сострадании к неимущим, храбрости. Нрав Я.В. был строгим, а жизнь скромной, в отличие от его отца, любившего веселые пиры. Современники отмечали, что Я.В. знал богослужение и был начитанным в духовной и светской литературе человеком. Он, по словам летописца, считал книги «реками, способными напоить мудростью». Благоверного Князя отличало усердие в вере. По одному из преданий, он велел вырыть кости князей Ярополка и Олега и, освятив их святой водой, похоронил в Киевской церкви Успения Пресвятой Богородицы, надеясь этим избавить души их от вечной муки и гибели. Я.В. первым издал Закон о престолонаследии, согласно которому наследование шло не от отца к сыну, а от старшего брата к младшему. Адам Бременский в «Деяниях

первосвященников Гамбургской церкви» (1075) Великого Князя Я.В. называет святым. В 2005 имя благоверного Великого Князя Я.В. было внесено по благословению Святейшего Патриарха Московского и всея Руси Алексия II в месяцеслов Русской Православной Церкви.

Ярослав Всеволодович (в крещении Феодор, 1191–1246) – святой (память 30 сентября / 13 октября, в Соборах Новгородских и Владимирских святых), благоверный князь Переяславский (1201–1206), Переяславль-Залесский (1212–1238), Новгородский (1215, 1221–1223, 1224–1228, 1230–1236), Торжский (1215–1216), Великий Князь Киевский (1236–1238, 1243–1246), Великий Князь Владимирский (1238–1246). Сын благоверного Великого Князя Владимирского Всеволода Юрьевича и благоверной Великой Княгини Марии Шварновны, брат благоверных князей Константина, Святослава, Владимира, Юрия. Я.В. достался в удел Переяславль-Южный (1200). После гибели Великого Князя Галицкого Романа и начала боярской смуты в Галиче, Я.В. по приглашению венгерского короля выехал в Галич, но прежде него туда успел представитель Черниговских Ольговичей, князь Владимир Игоревич (1206). В это время князь Всеволод Святославич Чермный занял Киев, изгнав Великого Князя Рюрика Ростиславича, а в Переславле, в отсутствие Я.В., посадил своего сына Михаила. После похода на Рязань стал наместником отца в Рязанском княжестве (1208). В 1209 был отправлен на княжение в Новгород, на который претендовал благоверный князь Мстислав Удатный, к нему новгородцы имели большее расположение. Борьба за Новгородское княжение продолжалась с перерывами до 1216; во время одного из примирений Я.В. женился вторым браком на дочери князя Мстислава. Перед смертью Великий Князь Владимирский Всеволод передал Я.В. Переяславль-Залесский. В конфликте, возникшем после смерти отца между старшими братьями, князьями Константином и Юрием, Я.В. поддержал Юрия (1212–1216). Во время Липицкой битвы, в которой выступал на стороне владимирцев, Я.В. был разбит войсками своего тестя, помогавшего Князю Константину (1216). Сменил своего племянника, князя Всеволода на новгородском столе (1222), водил новгородцев в успешный поход и снова уступил княжение князю Всеволоду. В 1225 Я.В. сменил князя Черниговского Михаила в Новгороде. Позже оставил в Новгороде своих сыновей, а сам принял княжение Переяславлем (1228). Этому решению сопротивлялись новгородцы, которых ему пришлось усмирять, он захватил их волость Волок (1229). После переговоров в Новгороде Я.В. поклялся исполнять все грамоты Ярославовы, но по-прежнему про-

должал оставлять Новгород, где его место занимали сыновья, святые князья Федор и Александр. Чтобы прекратить неутихающую борьбу за Киевский престол Чернигово-Северских и Смоленских князей Я.В. с помощью новгородцев и по настоянию брата, Великого Князя Владимирского Юрия, и Великого Князя Галицкого Даниила занял Киев (1236). Таким образом, на момент завоевания монголами Волжской Булгарии Я.В. и его брат, Великий Князь Юрий Всеволодович, объединили в руках одного княжеского рода власть Южной (Киев) и Северной Руси (Владимир и Новгород). После разгрома Северо-Восточной Руси татаро-монголами и гибели Великого Князя Владимирского Юрия Всеволодовича Я.В. вернулся во Владимиро-Суздальскую землю и, как следующий по старшинству брат, учитывая полное истребление монголами потомства Князя Юрия Всеволодовича, занял Владимирский Великокняжеский стол (1238). Ему пришлось восстанавливать порушенное хозяйство и благолепие края и его столицы; старался отразить нападение литовцев на Смоленскую землю, где посадил князем Всеволода Мстиславича, сына Великого Князя Киевского Мстислава Романовича Старого. Также он перенес с почестями, подобающими мощам святого, останки Князя-мученика Юрия Всеволодовича из Ростова во Владимирский Успенский собор (1239). Не имея сил, Я.В. не сумел предотвратить новый набег татар, разоривших Муром (1239). В 1240 Я.В. отдал Переяславль-Залесский своему сыну, святому благоверному Князю Александру, которого благодарные новгородцы изгнали почти сразу после победы Князя на Неве над шведским ярлом Биргером, покушавшимся поработить Новгород. Когда Ливонский орден захватил Псков и осаждал Новгород, Я.В. не стал по просьбе новгородцев сразу возвращать к ним на княжение Александра, послав вначале другого сына, князя Андрея, тем самым наказывая их. Я.В. первым из русских князей был вызван в Золотую Орду к Батю и получил ярлык на Великое Княжение во Владимире (возможно, на Киевское тоже). По словам летописца, он был признан «старей всем князем в Русском языке» (1243). В Киеве был впервые посажен не князь, а лично подчиненный Я.В. служивый человек — наместник Дмитр Ейкович. Тем самым Я.В. продолжал политику собирания Русской земли с единым центром во Владимире, начатую благоверным Великим Князем Андреем Боголюбским. В Орде, видимо, опасались усиления власти Владимирского Князя. За отпущенного из почетного плена сына Константина Я.В. должен был сам поехать к Батю (1245), который направил Князя в столицу Монгольской империи — Каракорум. Там Я.В. должен был присутствовать на церемонии воцарения сына покойного хана Уге-

дея — великого хана Гуюка, который подтвердил ярлык на Великое Княжение (1246). Я.В. не был отпущен на родину, ему пришлось на приеме у матери великого хана — Туракини принять из ее рук пищу (скорее всего, отравленную), после чего Князь заболел и через семь дней умер. Практически одновременно в Волжской Орде был убит второй из трех самых влиятельных русских князей — святой благоверный князь Черниговский Михаил Всеволодович, отказавшийся пройти обряд языческого поклонения. Тело Я.В. было привезено на Русь и погребено во Владимире в Успенском соборе. Я.В. активно участвовал в походах на внешних врагов Руси. В 1204 вместе с Великим Князем Киевским Рюриком Ростиславичем и князем Галицким Романом Мстиславичем успешно ходил войною против половцев. В 1206 вступил в первый брак с дочерью половецкого хана Юрия Кончаковича. В 1220 участвовал в походе против волжских булгар. В 1223 Я.В. возглавил 20-тысячное новгородско-владимирское войско в походе под Ревель (принадлежащий Дании), после чего Новгородским князем вновь стал Всеволод Юрьевич. Как князь Новгородский совершил ряд удачных военных приобретений. В 1225 отбил нападение литовцев на Торопецкую волость. В 1227 Я.В. ходил на Ем (Ям, в Финляндии), где, по замечанию летописи, «ни один от князь русских не возможе бывати, и всю землю их плени». В этом же году отразил ответное нападение еми и без всякого насилия со своей стороны крестил карел, соседей Еми. Собирался участвовать в масштабном походе владими́ро-суздальского войска на Ригу, но псковичи заключили мир с Орденом, опасаясь попасть в зависимость от Новгорода, из-за чего и новгородцы не поддержали план, и поход расстроился (1228). В 1229 Я.В. участвовал в походе своего брата, благоверного Великого Князя Юрия Всеволодовича, на мордву. В 1232 папа римский Григорий IX призвал рыцарей ордена меченосцев на борьбу с Православием. В 1234 Я.В. вторгся под Юрьев (Дерпт) и одержал победу в сражении на Омовже. Был подписан мирный договор между Новгородом и Орденом, по которому восточная и южная части Дерптского епископства отошли ко Пскову. Я.В. почитался в лике святых местно. Общецерковно прославлен в 1981.

Научно-просветительное издание

Александр Николаевич Боханов

ПРАВДА О ГРИГОРИИ РАСПУТИНЕ

Что мы знаем о Григории Распутине? Доктор исторических наук, автор нескольких десятков книг по истории России проводит расследование, чтобы установить, как и почему возникла распутинская «черная легенда», кто являлся ее инспиратором и ретранслятором, по каким причинам сплетни и слухи подменили действительные факты, став «надежными» документами и «безспорными» свидетельствами. В книге представлены реальные подробности биографии сибирского крестьянина, причины его общественной известности, действительная роль этого человека в истории, разнообразный документальный материал. Книга богато иллюстрирована редкими архивными фотографиями и предназначена для широкого круга читателей.

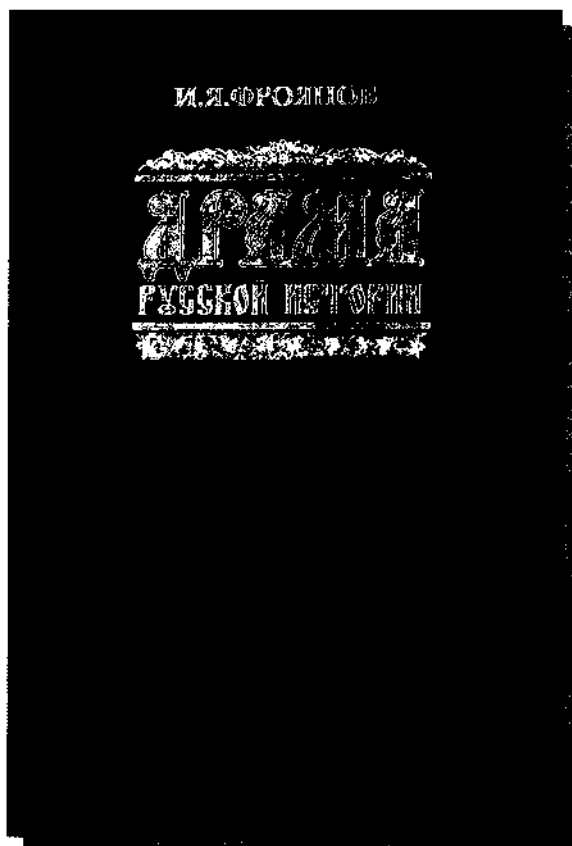
Научно-просветительное издание

Сергей Владимирович Фомин

ПРАВДА О ПЕРВОМ РУССКОМ ЦАРЕ

Эпоха правления первого русского Царя и Великого князя Иоанна Васильевича Грозного сложна и полна противоречий. Добросовестных и ответственных исследований о нем мало. В настоящем исследовании предпринята попытка развеять ложь, клевету и наветы на собирателя Русской земли, чья историческая миссия, к сожалению, пока еще до конца не оценена потомками.

Автор приводит неизвестные данные о раскопках царских могил в Московском Кремле, реконструкциях антрополога, профессора М.М. Герасимова и его учеников. Издание рассчитано на широкий круг читателей, интересующихся истинной русской историей.

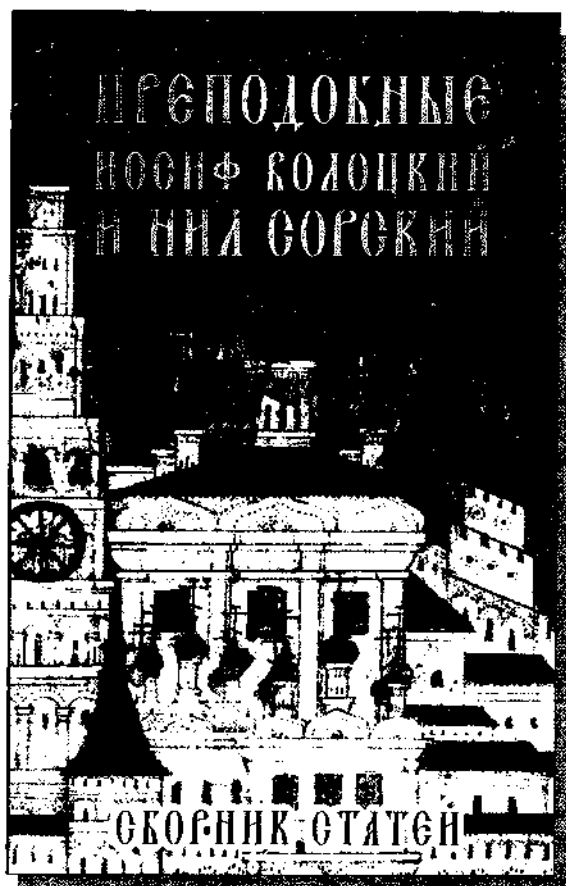

Научно-просветительное издание

Игорь Яковлевич Фроянов

ДРАМА РУССКОЙ ИСТОРИИ: НА ПУТЯХ К ОПРИЧНИНЕ

В центре внимания автора – относительно сложный и длительный период русской истории, приведший в результате к формированию опричнины. Весьма последовательно, опираясь на скрупулезное изучение источников, напоминающее подчас детективное расследование, автор продолжает многолетние изыскания в проблематике русского Средневековья. На сей раз его внимание привлекли события конца XV – середины XVI вв. – время правления трех московских государей: Ивана III, Василия III, Ивана IV Грозного, когда складывался самодержавный строй, в крови и муках рождалась московская держава, сильная союзом Царского престола и Русской Православной Церкви. Книга профессора И.Я. Фроянова, вне всякого сомнения, привлечет внимание как профессиональных историков, так и широких кругов общественности.

Научно-просветительное издание
Сборник статей

ПРЕПОДОБНЫЕ ИОСИФ ВОЛОЦКИЙ И НИЛ СОРСКИЙ

В сборнике повествуется о жизненном подвиге двух великих святых русского Средневековья — преподобных Иосифа Волоцкого и Нила Сорского. Авторы убедительно доказывают, что разделение на партии «нестяжателей» и «иосифлян» было сделано в историографии искусственно, исходя из политической конъюнктуры. На деле же деятельность и писания «заволжских старцев» оказали определяющее влияние на формирование отношений между Церковью и Властью, помогая выстроить их в симфонию. Книга предназначена для широкой аудитории православных читателей.

Научно-просветительное издание

Фроянов Игорь Яковлевич

ДРЕВНЯЯ РУСЬ IX–XIII ВЕКОВ

**Народные движения
Княжеская и вечевая власть**

Редактор: *М.А. Вафакин*

Художественный редактор: *М.Ю. Севбо*

Корректор: *О.А. Туфанова*

Компьютерная верстка: *А.Е. Андрианов*

Дизайнер: *О.В. Петракеева*

АНО «Культурно-просветительный Русский издательский центр»
123022, Москва, ул. Большая Ваганьковская, д. 3, стр. 5
rus-izdat.ru

Сдано в набор 21.05.2011. Подписано в печать 06.04.2012.

Формат 70х100/16. Усл.печ. л. 68.

Печать офсетная. Бумага офсетная. Гарнитура NewBaskervilleC.

Тираж 3000 экз. Заказ № 2402

РУСЬ В ПЕРВОЙ ЧЕТВЕРТИ XIII В.

Географические обозначения:

Белозерский городок
Берестин
Вельянд
Витипеск
Володимирь
Волок Ламский
Воспори

Галич Володимирский
Гоминь
Городно
Городьц
Дебрянск
Дрествин (Дерестр)
Дрытоск
Изборск
Козельск

Галич, Россия
Гомель, Белоруссия
Гродно, Белоруссия
Городец, Россия
Брянск, Россия
Силистра, Болгария
Друцк, Белоруссия
Изборск, Россия
Козельск, Россия

Коломно
Колывань
Корунь
Курьск
Киев
Лучьск
Людерева
Марьин город
Менек (Меньск)

Коломна, Россия
Таллин, Эстония
мыс Херсонес, Укр. (не сущ.)
Курск, Россия
Киев, Украина
Луцк, Украина
Турку, Финляндия
Мальборк, Польша
Минск, Белоруссия

Названия исторических областей

Вельинь	Волынская Земля
Воковский лес	Оковский Лес
Вороножь	земли по р. Воронеж
Грециская земля	Ромейское Царство
Готе	остров Готланд
Дявельтва	окрестн. гор Дьяволтов, Литва
Заволочие	земли по реке Северная Двина
Лядская страна	Польша
Мазовша	Мазовия
Мурманская земля	Норвегия
Нальшаны	Нальшанская земля, Литва
Низовская земля	Владими́ро-Суздальская Русь
Остров	остров Эзель
Поволжье	Поволжье
Подгори	Подгорье
Подеснь	Подесенье
Поле Половецкое,	Половецкая степь
Страна Куманьска	северные страны
Полунощная страны	днепровские пороги
Порогы	земля по р. Сула
Посулское	Русская земля
Руская земля	Швеция
Свейская земля	Крым
Тавриа	Венгрия
Угорская земля	

Условные знаки

-----	Границы русских княжеств и волостей в 1225 г.
-----	Общая граница зависимых от Руси земель в 1225 г.
-----	Границы иностранных государств
-----	Названия русских волостей
-----	Вероятная сфера влияния Руси на северо - востоке в XIII веке
-----	Столицы государств
-----	Города
-----	Русские исторические области:
-----	Народы и племена
-----	Русские топонимы
-----	Торговые пути
-----	Внешние походы русских войск
-----	Крупнейшие сражения
-----	Княжеские съезды

Москва, Россия	Переяслав	Переяслав-Хмельницкий, Украина	Рыльск	Рыльск, Россия
Мценск, Россия	Переяславль	Переяславль-Залесский, Россия	Смоленск	Смоленск, Россия
Изник, Турция	Пертуев	Пинск, Белоруссия	Сурож	Судак, Украина
Новгород Северский, Украина	Пинеск	Псков, Россия	Тернов	Велико-Тырново, Болгария
Новгород	Пльсков (Полочкск)	Полцк, Белоруссия	Трубчевск	Трубчевск, Россия
Новый торг (Торжк)	Прыньск	Пронск, Россия	Тьхверь	Тверь, Россия
Одрень	Резань	Ржев, Россия	Устьюг	Устюг Великий, Россия
Орначь	Ржова		Цесарьград (Царьгород)	Стамбул, Турция
Оуглече поле			Юргев (Юрьев)	Тарту, Эстония

